

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕЗИСЫ 50-Й
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ИМЕНИ ЛЮДМИЛЫ
АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ

15–23 марта 2022 года

Санкт-Петербург

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник содержит тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, прошедшей 15–23 марта 2022 года в Санкт-Петербургском государственном университете в цифровом формате. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по самому широкому кругу актуальных проблем филологии. Характер материалов сборника позволяет адресовать его филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, студентам и аспирантам филологических специальностей, а также использовать в научной, учебной и учебно-методической работе преподавателей высших учебных заведений. Языки тезисов: русский, английский, французский.

Тезисы докладов представлены в авторской редакции.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ

50-й Международной научной филологической конференции
имени Людмилы Алексеевны Вербицкой

Председатель — *Казаков Владимир Павлович*, д. ф. н., проф. кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета

Заместитель председателя — *Манёрова Кристина Валерьевна*, к. ф. н., доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Члены программного комитета:

Багно В. Е.
(Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)
РАН),
Бок Беттина
(Ин-т востоковедения, индоевропеистики
и раннеисторической археологии Йенского
ун-та им. Фр. Шиллера),
Бугаева Л. Д.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Васильева И. Э.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Воейкова М. Д.
(Ин-т лингв. исследований РАН;
С.-Петербург. гос. ун-т)
Григорьева Л. Н.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Жуков А. П.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Иванова Е. Ю.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Каленчук М. Л.
(Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
МГУ им. М. В. Ломоносова)
Казанский Н. Н.
(Ин-т лингвистических исследований РАН),
Ковшова М. Л.
(Ин-т языкознания РАН),
Любимова Н. А.
(С.-Петербург. гос. ун-т),
Лю Лифэнь
(Ин-т западных языков и культуры;
Гуандунский ун-т иностранных языков
и внешней торговли)

Мёд Н. Г.
(С.-Петерб. гос. ун-т)
Павловская И. Ю.
(С.-Петерб. гос. ун-т),
Плунгян В. А.
(Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова
РАН; Ин-т языкознания РАН)
Позднев М. М.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Растворцев Н. Н.,
(АО «Городское агентство по телевидению
и радиовещанию», телеканал
«Санкт-Петербург»),
Риехакайнен Е. И.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Сизиков А. В.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Теркулов В. И.
(Донецкий национальный ун-т)
Хохлова М. В.
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Черниговская Т. В.
(С.-Петербург. гос. ун-т),
Черноглазов Д. А.,
(С.-Петербург. гос. ун-т)
Бондарко Н. А.
(Ин-т лингвистических исследований РАН),
Королькова М. Д.
(Ин-т лингвистических исследований РАН),
Мольков Г. А.
(Ин-т лингвистических исследований РАН).

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады	5
История литературы	9
Литературная культура России XVIII в.	10
Литературный процесс в России первой половины XX в.	17
Литературный процесс в России второй половины XX в.	22
Проблемы истории зарубежных литератур	27
Проблемы модерна и постмодерна в зарубежной литературе	46
Русская литература и культура Серебряного века и русского зарубежья: традиции и инновации.....	53
Русский литературный процесс.....	63
Французские чтения. Учителя и ученики. Памяти Татьяны Соломоновны Таймановой	74
Классическая филология, библеистика, неозллинистика, балканистика	96
Балканистика, неозллинистика и византистика	97
Библия и христианская письменность	115
Классическая филология.....	128
Культурная антропология и теоретические аспекты гуманитарных исследований	138
Теоретические аспекты гуманитарных исследований	139
Стиховедение	150
Ритуал и фольклор в повседневных и художественных практиках.....	154
Междисциплинарные исследования	163
Кино Текст: Кино и мечта.....	164
Сцена Текст. Театр. Границы и условности	199
Общее языкознание	222
Грамматика и лексикон.....	223
История языкознания.....	230
Орфоэпия: научное наследие Людмилы Алексеевны Вербицкой	238
Прикладная и математическая лингвистика.....	241
Проблемы функциональной грамматики.....	251
Психолингвистика	254
Социолингвистика.....	263
Сравнительная поэтика	278
Уралистика	284
Фонетика. Памяти проф. Л. В. Бондарко в честь 90-летия со дня рождения	291

Романо-германская филология	312
Грамматика (романо-германистика).....	313
Дискурс и вариативность английского языка.....	327
История языка (романо-германистика).....	357
Лексикология и фразеология (романо-германистика).....	375
Русский язык	418
Актуальные вопросы изучения грамматики (русский и другие славянские языки).....	419
История русского языка и письменности.....	430
Коллоквиалистика. Изучение русской устной речи.....	434
Когнитивная лингвистика (памяти В. В. Колесова).....	446
Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл).....	467
Русская диалектология.....	489
Стилистика.....	497
Русский язык как иностранный и методика его преподавания	507
Система языка: лингводидактическое описание в аспекте РКИ. Соизучение языка и культуры.....	508
Проблема типов текста и участие языковых средств в их организации: лингвистический и методический аспекты.....	523
Обучение русскому языку как иностранному: теория и практика.....	540
Славистика	558
Андреевские чтения (славянские литературы и литературные взаимосвязи).....	559
Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики.....	567
Славяне в контексте мировой культуры: компаративистика, имагология, переводоведение.....	582
Славянская фразеология. Славянская паремиология и паремиография петровского времени: взаимодействие «своего» и «чужого».....	597
Славянское языкознание.....	611
Теория и практика обучения иностранным языкам. Тестология	617
Обучение иностранным языкам в сфере профессионального общения.	618
Обучение иностранным языкам в полилингвальной среде.....	633
Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностраных языков.....	645
Тестология.....	658
Фёдоровские чтения	673
Актуальные проблемы переводоведения.....	674
Литературный перевод.....	687

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом

Добровольский Дмитрий Олегович,

д. ф. н., профессор

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Для большинства явлений языка можно определить, являются ли они единицами лексикона или частью грамматики. Так, слова — элементы лексикона, а регулярные правила, по которым строится высказывание, принадлежат грамматике. Однако между грамматикой и лексиконом есть промежуточная зона, интерес к исследованию которой резко повысился в последние десятилетия в связи с развитием Грамматики конструкций. В эту зону попадает фразеология, в том числе ее центральная часть — идиоматика. Фразеологизмы — это выражения, состоящие из нескольких слов, и по своей структуре они должны были бы входить в область компетенции грамматики, но поскольку эти выражения порождаются уникальными правилами, их (в соответствии с принципом экономии) целесообразно описывать как единицы словаря.

Хотя фразеологизмы — и в особенности идиомы — нерегулярны, многие грамматические категории реализуются во фразеологии таким же образом, как и в свободных словосочетаниях. Так, именные идиомы склоняются, а глагольные спрягаются. В терминах Грамматики конструкций это объясняется универсальным свойством языка, когда конкретные — в том числе уникальные — конструкции наследуют определенные свойства более общих, абстрактных конструкций.

Дополнительная сложность «грамматики идиом» связана с тем, что одни морфосинтаксические преобразования допускаются вполне регулярно, в то время как другие оказываются существенно ограниченными. Отсутствие единообразия в грамматике идиом уже неоднократно обсуждалось в литературе. Например, разные идиомы по-разному ведут себя в отношении пассивизации (ср.: сломать лед (в отношениях между людьми) → лед (в их отношениях) был сломан, но испустить дух → *дух был испущен), ввода прилагательного в структуру выражения (ср.: сущая капля в огромном море, катить большую бочку на кого-л., но наострить новые лыжи, сыграть в крепко сколоченный ящик) и пр.

Эти, казалось бы, непредсказуемые различия в синтаксическом поведении идиом имеют семантические причины. Компоненты некоторых идиом обладают определенной семантической автономностью, в то время как другие идиомы не позволяют вычленивать из их состава части, наделенные значением. Например, идиома капля в море допускает синтаксические преобразования типа сущая капля в огромном море потому, что ее значение 'нечто количественно очень мало по сравнению с чем-то огромным — целым, мельчайшей частью которого оно является' позволяет интерпретировать компоненты капля и море как семантически относительно самостоятельные элементы: капля ≈ 'нечто количественно очень малое', море ≈ 'нечто огромное'. В специальной литературе этот феномен описывается как «семантическая членимость». В докладе обсуждаются в зависимости между особенностями семантической структуры идиомы и потенциалом ее синтаксического варьирования.

Проблемы лингвистической реконструкции и датировки сюжетов в греческой эпической традиции

Казанский Николай Николаевич,

д. ф. н., академик РАН

Санкт-Петербургский государственный университет

Принадлежность текста эпического повествования к многовековой традиции подразумевает, что поэт (сказитель) владеет накопленными за многие века приемами повествования и знанием, как следует излагать сюжет. Сюжеты во многом традиционны и сохраняют преемственность с предшествующими их изложениями.

Фольклорный текст иногда сохраняет древние детали, сочетая их с более поздними сюжетами или, наоборот — помещая в древний сюжет более поздние детали повествования.

На основании лингвистических данных К. Й. Ройх (Ruijgh 1985) и М. Уэст (West 1988) предложили выделять несколько этапов в становлении греческого эпоса. Эта периодизация подвергалась критике (Haug 2002, Bachvarova 2016), однако представляется резонным выделять следующие основные этапы формирования древнегреческого эпоса, отраженные в языковых особенностях гомеровского текста:

- 1) Праиндоевропейский слой, который А. Кун выделил в 1852 г. на основании сравнения древнеиндийского и греческого текстов и восстановил ряд и.-е. поэтических формульных словосочетаний.
- 2) Протомикенский слой, который Ройх локализовал на Пелопоннесе 1600–1450 гг. до н. э.
- 3) Микенский слой, 1450–1200 гг. до н. э. (Пелопоннес, Беотия, Фессалия), когда эпические формы удается напрямую соотносить с данными, представленными в текстах линейного письма В.
- 4) Эолийский слой был выделен еще античными грамматиками. К. Ройх выделяет эолийский континентальный (Беотия и Фессалия 1200–1000 гг. до н. э.) и эолийский малоазийский (Эолида и Лесбос 1000–800 гг. до н. э.).
- 5) Ионийский слой (800 гг. — Малая Азия) наиболее отчетливо наблюдается в тексте гомеровских поэм, включая речевую характеристику персонажей.

В качестве показательного примера в докладе будет предложена интерпретация двух сцен, описанных в Илиаде. Первая представляет собой сюжет, возникновение которого было бы невозможным после 1450 г. до н. э., когда вышли из употребления соответствующие детали доспеха, а вторая сцена (Ил. 19. 258–265) связана с вполне традиционным произнесением торжественной клятвы, но с неожиданными намеками на возможное клятвопреступление.

Включение этих сцен в повествование представляло собой авторское решение и изменение сюжета. Лингвистическая реконструкция касается только отдельных фрагментов стиха, но местами удается восстановить первоначальный сюжет, основанный на применении специфического боевого приема. При этом особенности вооружения XVI в. до н. э., о которых эпос сохранял представление даже через много веков, на ионийской стадии были перенесены в эпоху Троянской войны (примерно в XIII в. до н. э.).

Разобранные эпизоды, как кажется, удачно показывают, как в описании одной сцены могут проявиться несколько одновременных слоев становления греческой эпической традиции.

Национально-ориентированный подход к обучению русскому языку и русской литературе: из опыта Гранадского университета

Тирадо Рафаэль Гусман,

д. ф. н., профессор
Университет Гранады (Испания)

В докладе раскрываются принципы разработки национально-ориентированных образовательных ресурсов по РКИ и русской культуре для испаноязычных студентов, реализованных в Гранадском университете. Разработка национально-ориентированных мультимедийных ресурсов рассматривается как фактор модернизации методов преподавания русского языка и русской литературы как иностранных. Особенностью данных образовательных ресурсов является то, что в них представлен диалог культур на текстовом материале, отражающем разнообразные русско-испанские контакты. Представляем несколько инновационных образовательных ресурсов по РКИ и русской культуре в электронном формате для испаноязычных студентов, разработанных научно-исследовательской группой Кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета HUM827 «Славистика, кавказология, типология языков и литератур» (руководитель группы д. ф. н., Р. Гусман Тирадо) при финансовой поддержке Фонда «Русский мир» и размещенных на сайте <http://elrusoenespana.com/>

Особое внимание уделяется двум главным проектам: 1) это интерактивный учебный комплекс по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов «Россия и Испания: диалог культур», созданный российско-испанским коллективом (руководитель проекта — д. ф. н., Л. Соколова, участники проекта — д. ф. н. Р. Гусман Тирадо, д. ф. н. С. Кибальник, д. ф. н. И. Моклецова, д. ф. н. Л. Сафронова) при грантовой поддержке фонда «Русский мир». Особенностью данного учебного комплекса является то, что в нем представлены тексты для чтения и развития речи, в которых отражены историко-культурные русско-испанские контакты. Это первый национально-ориентированный учебный комплекс для испаноязычных студентов, ориентированный на поиск и выделение межкультурных соответствий и различий на концептуальном уровне и позволяющий эффективно использовать русский язык как иностранный в реальных условиях межкультурной коммуникации. Разработка и внедрение данной образовательной модели рассматривается нами как фактор модернизации методов преподавания русского языка как иностранного и в целом эффективной популяризации русской культуры в испаноязычной аудитории. «Русская литература в мировом образовательном пространстве. Инновационные методы преподавания русской литературы как иностранной», реализованного также при финансовой поддержке Фонда Российской Федерации «Русский мир» (руководитель проекта д. ф. н., Л. Соколова, участники проекта — д. ф. н., Р. Гусман Тирадо, д. ф. н., Салусто Альварардо Сокастро). В рамках проекта, был создан цифровой образовательный ресурс по русской литературе, который состоит из 13 модулей (теоретических и практических). Оба ресурса находятся в открытом доступе на сайте www.elrusoenespana.com.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературная культура России XVIII в.

Русский бурлеск 60–70 гг. XVIII в. Изменение представлений о социальном мироустройстве

Безрукова Марина Викторовна,

аспирант

Северный (Арктический) федеральный университет

Николаев Николай Ипполитович,

д. ф. н., профессор

Северный (Арктический) федеральный университет

Период 60 — начало 70-х гг. XVIII в. отмечен в русской литературе появлением нового для него, но очень яркого явления — бурлескной поэзии. Следуя за образцами европейской литературы XVII — начала XVIII в., она вместе с тем решала весьма специфические задачи, поставленные логикой развития русского литературного процесса эпохи.

Актуализацию этого явления в исследовательской литературе объясняют чаще всего логикой внутрилитературной полемики эпохи, а также связывают с процессом глубокой демократизации русской литературы, характерным для данного периода. Последнее определило интерес к персонажу из низких сословий.

Однако в русской бурлескной поэзии обнаруживает себя не просто герой из социальных низов, а совершенно новый для национальной литературы тип маргинального героя. Интерес к этому персонажу обусловлен оформлением в русском литературном сознании эпохи представлений о «норме»

в социальном мироустройстве, которая приходит на смену «идеала», базирующегося на сакральных смыслах и ценностях.

Русские бурлескные произведения 60–70 гг. XVIII в. позволяют говорить о воплощенной в них концепции социального двоемирия, допускающей рядом с социальной сферой жизни, построенной на базе сакральных ценностей и смыслов, существование иной сферы, для которой этот нравственный фундамент не имеет принципиального значения. Концепция двоемирия на уровне художественных решений поддерживается стилистическим диссонансом, который и обеспечивала техника бурлескной поэзии.

Свою первую ирои-комическую поэму «Игрок ломбера» В. И. Майков построил на соотношении «идеального общества» сумароковского толка и запретного, порочного мира карточных игроков. В другой своей поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх» он воплотил в сюжете историю выхода из привычной (нормальной) социальной

жизни с ее регламентирующими правилами и порядками своего неумного героя. Откровенно запретный мир, асоциальный по своей природе предложили в скабрезной поэзии И. С. Барков и его единомышленники («русская барковиана»), противопоставившие идеалам социального миропорядка ломоносовского мира сферу жизни существующую совершенно независимо от него.

Несмотря на разность подходов к изображению художественного мира, во всех упомянутых произведениях наблюдается общая установка на формирование новой модели социального мироустройства, где системообразующим фактором оказывается представление о «социальной норме», которой противопоставлен внесистемный маргинальный герой.

Социальный мир, выстроенный на новых принципах, отличается существенно большей подвижностью, вариативностью, допускает альтернативные формы своего существования.

Эволюция грамматических взглядов Ивана Андреевича Гейма (на материале анализа трех изданий учебника «Russische Sprachlehre für Deutsche»)

Власов Сергей Васильевич,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Московкин Леонид Викторович,

д. п. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель настоящего исследования — рассмотреть процесс эволюции грамматических взглядов Ивана Андреевича Гейма (1759–1821), отраженных в трех изданиях его учебника русского языка для немцев «Russische Sprachlehre für Deutsche» (1789, 1794, 1804). Материал исследования — разделы «Имя», «Местоимение» и «Глагол» в этих учебниках.

Актуальность изучения грамматических взглядов И. А. Гейма обусловлена тем, что без анализа его работ целостная картина развития грамматической мысли в России XVIII в. оказывается неполной. Новизна настоящего исследования состоит в следующем: в ходе анализа этих работ было установлено что, будучи одним из последних российских грамматистов XVIII в., Гейм в разных изданиях своего учебника отразил основные тенденции развития грамматической мысли в России, которые восходят к грамматикам В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, Ж.-Б. Ж. Шарпантье и Ф. де Мариньяна.

Три издания русской грамматики для немцев И. А. Гейма обладают внутренним единством, но при этом отличаются друг от друга в деталях. При написании учебника 1789 г. Гейм опирался на грамматику Ломоносова, однако стремится упростить и рационализировать материал, устраняя архаичные и малоупотребительные формы и заменяя многие примеры. В ряде случаев в учебнике отмечается и влияние грамматики Я. Родде, составленной под влиянием грамматических взглядов В. Е. Адодурова. Работая над вторым изданием грамматики (1794), он активнее осуществлял мини-

мизацию грамматического материала. В этом издании в большей степени ощущается влияние грамматических взглядов Я. Родде и П. И. Соколова. Текст третьего издания (1804 г.) уже мало напоминает грамматику Ломоносова, но при этом обнаруживает зависимость от академической грамматики 1802 г.

При работе над разными изданиями учебника, Гейм постоянно изменял текст, следуя авторитетным источникам, в частности, работам академических грамматистов, упрощая и приспособлявая грамматический материал к потребностям обучения немцев русской грамматике.

Неверно думать, что в постломоносовский период (во второй половине XVIII в.) грамматики русского языка, адресованные российским ученикам и иностранцам, строились исключительно на основе грамматики Ломоносова. Среди образованных немцев, преподавателей и авторов учебников русского языка, большим авторитетом пользовались грамматики Адодурова, Шарпантье и Мариньяна, Родде, а в начале XIX в. еще и академическая грамматика 1802 г.

«Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова» — результаты проекта

Волков Сергей Святославович,

к. ф. н., заведующий отделом Институт лингвистических исследований РАН

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Корышев Михаил Витальевич,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Манёрова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Филиппов Константин Анатольевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Филиппов Андрей Константинович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова» представляет собой двуязычный словарь, основой которого послужили тексты Ломоносова на немецком языке.

Первый том охватывает словарные статьи на буквы А — Е (Abendessen — Exzellenz), второй том — статьи на буквы F — N (Fabrique — nützliche), третий том — статьи на буквы O — Z (ob — zwinget).

Получение полного корпуса словарных статей позволило уточнить ряд общих и частных вопросов, касающихся лексикографического описания лексических единиц в немецких текстах Ломоносова. Словарные статьи снабжены подробным коммента-

рием, освещающим научную, общественную и личную жизнь Ломоносова, его ценности, идеи, систему оценок, личный вклад в развитие русской государственности, культуры, науки, образования.

Главным результатом проекта стал текст трехтомного словаря немецких текстов М. В. Ломоносова общим объемом 50,7 а. л., прошедший научное и техническое редактирование и подготовленный для печати.

В настоящее время подготовлен макет первого тома Словаря объемом 18,02 а. л.

Круг читателей, на которых рассчитан «Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова», включает студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов вузов, историков немецкого языка, историков науки; специалистов в области эпохи Просвещения; исследователей билингвизма, исследователей социокультурных контактов между Россией и Европой в исторической перспективе, а также всех читателей, интересующихся личностью М. В. Ломоносова, эпохой Просвещения и ее влиянием на процесс становления научной мысли и языка науки в России XVIII в.

Материалы словаря содержат большое число редких и устаревших слов немецкого языка XVIII в., поэтому смогут найти применение на занятиях по истории немецкого и русского языков в высших учебных заведениях, по комментированному чтению и анализу научных текстов прошлого и т. п.

Благодаря новаторской словарной статье, отличающейся от других исторических словарей организацией заголовочной строки и богатым информационным разделом примеров словоупотреблений, словарь станет надежным помощником тем, кого интересует не столько слово, сколько форма или совокупность грамматических форм, материалы Словаря могут быть весьма востребованы для решения общих и специальных вопросов лексикографии и грамматикографии, теоретической и практической грамматики немецкого языка, исследования истории научного дискурса.

«Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова» — это полный словарь, включающий помимо апеллятивной лексики разнообразные имена собственные XVIII в. Именно поэтому он ценен информационно, потому что в нем собраны сведения о научной, общественной и личной жизни Ломоносова в контексте России и Германии XVIII в. 2018–2020 гг. грант РФФИ № 18-012-00636 «Словарь языка М. В. Ломоносова (немецкий язык)» (руководитель К. А. Филиппов).

Уставы эпохи Екатерины II: особенности выражения императивности

Руднев Дмитрий Владимирович,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Материалом для наблюдений послужили два важнейших документа екатерининской эпохи — «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи» (1775 г.) и в «Устав благочиния» (1782 г.), существенным образом преобразовавшие существовавшую систему местного управления и судопроизводства.

Анализ средств выражения императивности в уставах екатерининского времени позволил выявить ряд изменений по сравнению с уставами петровской эпохи. Прежде всего, можно отметить расширение употребления двусоставной модели императивного предложения за счет сокращения односоставной модели, вместе с тем незави-

симый инфинитив продолжает оставаться одним из основных способов выражения обязывания и в меньшей степени запрета. Широко распространяется настоящее и будущее долженствования, вновь входит в широкое употребление императивная конструкция с частицей «да».

Лексические средства выражения обязывания, разрешения и запрета в значительной степени сохраняли связь с петровской эпохой. К числу таких средств относятся лексемы должен, долженствует, имеет, надлежит, обязан, повинен в сочетании с инфинитивом при выражении обязывания; может, можно, не запрещается, позволяется — при выражении разрешения; запрещается — при выражении запрета. Среди перечисленных лексем можно отметить сокращение употребления лексем надлежит, повинен, позволяется и, наоборот, расширение употребления должен, долженствует, может, обязан. Из употребления уходит лексема вольно, сочетание дается воля в качестве средств выражения разрешения. Появляются и начинают использоваться новые императивные средства: следует, дозволяется, волен, «да не + инфинитив», сочетания типа имеет право, имеет власть, «стареется + инфинитив» и нек. др. Таким образом, можно говорить о разнонаправленных тенденциях в сфере императивной лексики — активизация фонда императивных средств петровской эпохи с одной стороны и активное заимствование новых императивных средств.

Из отчетливых тенденций екатерининского времени можно отметить также расширение употребления и фонда средств выражения разрешения, что соответствовало усилению начал диспозитивного права. Соответствовало этой тенденции и смягчение тональности екатерининских уставов, что проявлялось, например, в очень ограниченном употреблении интенсификаторов выражения обязывания и запрета.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».)

Повесть А. Е. Измайлова «Бедная Маша»: особенности повествования

Тираспольская Анна Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Повесть «Бедная Маша» (1801), равно как и имя ее автора — Александра Ефимовича Измайлова — занимают в истории русского сентиментализма отчасти изолированную позицию. Причиной тому служит «пограничное» положение творчества писателя в системе русской литературы рубежа XVIII–XIX вв., обусловленное тем, что в его произведениях наряду с излишней мелодраматизацией сюжета присутствует немало черт сатирико-бытового плана (ср. также комментарий: «А. Измайлов известен как нравоучительный писатель, испытавший воздействие сентиментализма» [1; с. 590]). Текст «Бедной Маши» в полной мере демонстрирует названные особенности манеры повествования автора. При отсутствии в произведении темы социального неравенства главных героев конфликт полностью переносится в морально-нравственную сферу и редуцируется до семейно-бытовой драмы. Рассказ о роковом браке главной героини с двоеженцем ведется повествователем от 3-его лица, события излагаются строго в хронологическом порядке. Помимо четкого соблюдения хроно-

логии, стиль нарратора отличает неторопливость рассказа, описания и суждения пронизаны особой рассудительностью, что позволяет назвать манеру повествования «степенной». Другая отличительная черта произведения — пристальное внимание к бытовой стороне жизни персонажей: в повести подробно описывается уклад жизни героев — чинно-стабильный, традиционный до старомодности и в чем-то наивный. Тем ярче в этом незыблемом в своих стабильности и размеренности мире вспыхивает из ряда вон выходящее трагическое событие — двоеженство Машиного мужа. Показательно, что в рамках повествуемого мира, накрепко привязанного к быту (который, как представляется, служит героям своеобразным «якорем» в любых жизненных ситуациях), даже о вопиющем поступке Милова семейству Маши сообщают именно «в ряду» календарных, бытовых событий и фактов как то: поздравления с началом поста, поездки в другой город и напоследок — анализа качества местных алкогольных напитков. Более того, «простые» герои (недаром повесть начинается с указания фамилии Машиных дяди и тети — Простаковы!), без остатка погруженные в мир быта, и характеристики людям дают в соответствии с их «гастрономическими» привычками. Так, например, узнав о двоеженстве своего зятя, дядя Простаков, желая указать на его двуличие, восклицает: «Проклятый! У нас он не всякий день пил и наливки, а теперь со своей женою изволит, чай, кушать по постам кофе со сливками» [1; с. 106]. Местами в «степенный» тон повествования неожиданно врывается ирония, очевидно, присущая нарратору. Ярким примером этому служит рассказ о первой попытке самоубийства Милова, в котором пускающий кровь лекарь именуется «привилегированным губителем человеческого рода» [1; с. 108].

Литература

1. Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990.

Камчатские «скаска» В. В. Атласова как литературный памятник начала XVIII в.

Трофимов Артем Евгеньевич,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Географические экспедиции и открытия в России начала XVIII в., с одной стороны, явились продолжением первопроходческой традиции предыдущего столетия, с другой — вышли на качественно новый уровень благодаря европеизации российской науки. Среди достижений русских географических экспедиций — создание первых точных карт Камчатки, Чукотки и Берингова моря, описания Сибири, Дальнего Востока, полярных морей, Средней Азии и др. Для литературоведения особый интерес представляют не только художественные тексты, посвященные географическим открытиям, но и записи первопроходцев об исследуемых землях.

Документальные свидетельства задавали форму восприятия новых, неизведанных территорий, что, в свою очередь, в дальнейшем нашло отражение как в научном, так и в художественном дискурсе. Следует отметить, что записи путешественников предыдущей эпохи представляют интерес для филологии, поскольку являются памятниками древнерусской литературы.

Сюжет путешествий был популярен главным образом в жанре хождения — паломнических записок, выражающих впечатление авторов от посещения святых земель. Классическими образцами древнерусских хождений являются такие памятники книжности, как «Хождение игумена Даниила», «Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград», «Хождение священноинока Варсанофия ко святому граду Иерусалиму» и др. Принципиальные перемены в рамках данного жанра начинают происходить с XV в., когда в ряды авторов встает купеческий класс. В это время религиозная направленность жанра хождения начинает уступать место бытовым деталям и описаниям торгово-экономических отношений. Именно в этих текстах появляется образ чужого края как «иногo» пространства, не входящего в ареал христианской ойкумены средневекового европейца. Яркими примерами переходного стиля, демонстрирующими самосознание древнерусского человека в чужой стране, являются «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хождение купца Федота Котова в Персию» и др. В рамках настоящего доклада будет рассмотрен литературный памятник начала XVIII в. — две «скаски» В. В. Атласова о походе на Камчатку в 1697 г. В докладе будут проанализированы стилистические особенности произведения, его связь с предшествующей традицией и своеобразие на фоне литературы путешествий XVII в., а также способы создания образа Камчатки.

Литературный процесс в России первой половины XX в.

Петербург как культурное пространство и мифологический персонаж эпохи в «Поэме без героя» А. Ахматовой

Аствацатурова Вера Викторовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Известно, что феномен Петербурга в культурном восприятии всегда имел мифологическую составляющую, носившую двойственный характер: на одном полюсе — «цивилизованный, европейский, идеальный» город, на другом — безжалостный город-убийца. Подробное исследование этого двойственного мифа «Петербургского текста» (В. Н. Топоров) в литературе XIX в., может быть продолжено в применении и к литературе XX в. Наиболее ярким примером отражения этого мифа служит «Поэма без героя». Несмотря на минимальность нарратива, в поэме отчетливо присутствует хронотоп. Переходность эпохи обуславливает три временных пласта в поэме: Прошлое (тени из тринадцатого года); Настоящее (современный для героини Ленинград); и Будущее (визит Гостя из Будущего), тесно спаянные между собой. Художественное пространство поэмы — это Петербург — Ленинград. Причем оба названия города фигурируют вместе, рядом друг с другом, и это совместное сосуществование двух топонимов-синонимов отражает временное соединение двух эпох. Город отмечен деталями-маркерами. Он имеет свой «язык», говорит своими улицами, площадями, зданиями, обладающими многочисленными коннотациями, и имеет свою мифологию, получившую развитие и продолжение в ахматовской поэме. Это позволяет рассматривать Петербург — Ленинград в поэме не только как локус, но и как субъект действия, как персонаж.

В поэме развиваются два противостоящих петербургских мифа: космогонический (создание столицы Петром Великим «из тьмы лесов, из топи блат») и эсхатологический (проклятие царицы Авдотьи: «Быть пусту месту сему!»). Это выражается в антиномии «город-грешник» — «город-праведник». «Грешный» город предстает в первой части поэмы. В первой главе появление теней из прошлого на новогоднем маскараде, где все они одеты литературными героями, «подавшими душу дьяволу», обозначено как «петербургская чертовня». В третьей главе, где описывается жизнь, казалось бы, спокойного, благополучного города последнего года перед Первой мировой войной, в подтексте все время звучит траурный мотив, тема будущей смерти.

Поэтому царицыно проклятье в поэме связано с мотивом возмездия за грехи. Все, что происходило в этом городе и с этим городом впоследствии, воспринимается как возмездие за давний грех. При сопоставлении описания в «Эпиллоге» поэмы блокадного Ленинграда с описанием Петербурга тринадцатого года отчетливо видно, что,

при всей трагичности, в «Эпилоге» слышится голос надежды, светлые ноты. Город, искупивший невероятными страданиями свой грех, превращается из «города-грешника» в «город-праведник». Именно этот город, как персонаж, как действующее лицо поэмы, и становится возлюбленным лирической героини.

Ученический Серебряный век на страницах школьной периодики начала XX в.

Балашова Юлия Борисовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Общекультурный и общественно-политический подъем начала XX в. определил конструктивные изменения в такой достаточно консервативной сфере, как образование. В начале века удалось преодолеть устойчивую тенденцию отчуждения учеников от школы. В лучших, прежде всего, частных школах (в Петербурге это гимназия и реальное училище К. И. Мая, Тенишевское училище) культивировалось неформальное обучение, действовали различные кружки, издавались журналы, альманахи, сборники. В результате средняя школа новаторского типа формировала вовлекающую социально-культурную среду, создавала «людей модерна» (В. Набоков, О. Мандельштам и др.). Особая роль принадлежала школьным кружкам, выполняющим социализирующие функции; именно они инициировали выпуск литературной периодики. На рубеже веков школьная журналистика была официально легализована; более того, средне-учебным заведениям предписывалось поощрять такого рода творческую инициативу. Рассматриваются такие школьные издания, как «Майский сборник», журнал «Юная мысль», альманахи «Маяк», «Искорки» и др. Литературные тексты, созданные школярами, в основном представляют собой творческий отклик на учебную программу, выступают фактором ее освоения. В обозначенном ключе написаны ученические произведения, имитирующие фольклор и подражающие классическим образцам русской литературы. Живую модернистскую практику школяры осваивали в большей степени самостоятельно, в том числе и в критическом жанре. Разнообразие модернистской культуры, в контексте которой сложился массовый ее вариант, позволяет говорить о культурной вертикали; ученические издания, не претендуя на статус литературных «аристократов», тем не менее отчетливо стремились подражать последним и в этом смысле занимали свою нишу в системе литературной периодики Серебряного века.

Роман Вамбы «Хвостик» в литературном контексте

Гуськов Николай Александрович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Вамба (псевдоним Луиджи Бертелли, 1860–1920) — один из создателей классической итальянской детской литературы. Творчество его высоко ценится в Италии, но известно в России меньше, чем наследие его современников К. Коллоди и Э. Де Амичиса, и только в наше время постепенно открывается для русской публики.

Его первый роман «Il Ciondolino» («Хвостик», 1895) до сих пор с успехом регулярно издается в Италии. Сюжет строится на превращении трех детей, ленивших уроки, по их желанию в кузнечика, бабочку и муравья. Повествование сосредоточено на приключениях последнего и остановлено в момент его встречи с сестрой в образе гусеницы. Книга дает много сведений из жизни насекомых, почерпнутых, видимо, из трудов А. Э. Брэма и Ж. А. Фабра, научно-популярных статей в итальянских детских журналах.

Одним из образцов могло служить «Приключение сверчка» (1877) Э. Ш. О. Кандеза. Возведение к текстам М. Метерлинка ошибочно: «Жизнь пчел» (1901), «Жизнь термитов» (1926), «Жизнь муравьев» (1930) появились позднее. Традиционно муравьев выводили с симпатией или антипатией в роли социальных и нравственных аллегорий многие авторы (библейский царь Соломон, Вергилий, Овидий, Эзоп и др. баснописцы, Ф. Бэкон, Ж.-Ж. Руссо, итальянские и русские детские писатели). Новаторство «Хвостика» в том, что просветительное, поучительное и развлекательное начало присутствуют нераздельно друг от друга и равноценны по важности. Здесь зарождается тот тип детской книги, который позже Вамба и его сподвижники внедрили в итальянскую литературу — увлекательное произведение, ненавязчиво учащее, посредством игры формирующее юного читателя как личность и как гражданина.

После смерти писателя роман переводили, в 1926 г. изданы русский перевод Н. И. Петровской под редакцией А. Н. Толстого и хвалебная рецензия М. А. Гершензона. Внимание в Европе к этой книге связано с актуализацией социальной и нравственной проблематики, в России же, кроме того, с интересом переводчицы и редактора к новейшей итальянской прозе и с развитием новой школы детской литературы (представленной К. И. Чуковским, С. Я. Маршаком и их соратниками), близкой по установкам позиции Вамбы. Хотя нет прямых данных о знакомстве ряда писателей с романом «Хвостик», сопоставление текстов позволяет предположить, что он, наряду с перечисленными выше текстами, принадлежит к числу важнейших возможных источников известных детских книг о насекомых: прежде всего сюжетно перекликающихся — «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937) Я. Л. Ларри и «Баранкин, будь человеком» (1962) В. В. Медведева, а также отдельных эпизодов произведений, где отсутствует мотив превращения, — «Путешествие муравьишки» (1935) В. В. Бианки и цикл рассказов о муравье Ферде чешского писателя О. Секоры.

Кинолента «Понизовая вольница» как возможный источник цикла Цветаевой «Стенька Разин»

Егорова Ксения Борисовна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

В докладе речь пойдет о взаимосвязи цикла Марины Цветаевой «Стенька Разин» (1917 г.) с кинолентой «Понизовая вольница» (1908 г.). Фигура Стеньки Разина неоднократно появлялась на страницах произведений Цветаевой 1917–1918 гг., в тот же период Б. М. Кустодиев создал полотно «Степан Разин», а футурист В. В. Каменский переиздал роман «Стенька Разин», дополнив свои размышления о бунтаре-атамане одноименной пьесой и поэмой «Сердце народное — Стенька Разин». Среди многочисленных полумифических сюжетов о Стеньке Разине, Цветаева выбрала один — любовь «бешеного атамана» к пер-

сиянке, которую он погубил собственными руками, принеся в жертву Волге-матушке. Цветаева обратилась к известному сюжету, прозвучавшему в песне «Из-за острова на Стрежень...», а в начале XX века получившему новую трактовку благодаря двум кинолентам — «Понизовая вольница» и «Стенька Разин» (1914 г.). Оба фильма демонстрировались в кинотеатрах Москвы и Петербурга-Петрограда, вызвали общественный резонанс, а фигура Разина стала своеобразным символом эпохи. В большинстве произведений XX в. мотивом, побудившим Разина совершить ритуальное жертвоприношение великой русской реке, столкнуть плененную персидскую княжну в волжские воды, становились насмешки ватаги казаков (такую трактовку дает знаменитая песня) или страх неудачи в военных сражениях (эта причина становится главной в немой киноленте 1914 г.). Цветаева предложила иную трактовку сюжета, создала в своем стихотворном цикле картину, не уступающую накалу античной трагедии. Степаном завладела слепая и всепоглощающая страсть; это чувство не считается с мнением толпы, не ищет военных побед или земных выгод. Атаман-бунтарь дошел в своей любви до крайности, низвергнув возлюбленную и принеся ее в жертву Волге. Причина этого поступка для Цветаевой ясна — ревность (персияночка отвергает Разина, вздыхая о Джаль-Эддине) и равнодушие (один из смертных грехов человеческих в пространстве поэтического мира Цветаевой). «Двуострое коварство» нелюбящей — вот определение, которое дала Цветаева персидской княжне в автобиографической прозе «Вольный проезд». В этом произведении, написанном через год после создания стихотворного цикла, Цветаева вновь вернулась к размышлениям над образом Степана Разина: оказавшись среди красноармейцев, Цветаева признала в одном из них своего «бешеного атамана», стихию народного бунта и стихию безграничного чувства. Представляется, что тема ревности Разина как мотив для убийства пленной могла быть почерпнута из нашумевшей киноленты «Понизовая вольница», которая, будучи первым российским игровым фильмом, широко обсуждалась, а афиша этой киноленты появлялась на улицах Москвы.

Русская литература в китайских Ляньхуаньхуа (книжках с картинками)

Лян Вэйци,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из важных средств распространения русской литературы в Китае, особенно в 1950-х годах, является Ляньхуаньхуа. Китайские Ляньхуаньхуа, широко известные как «книжки для детей», часто используются китайскими детьми в качестве познавательного материала для чтения. Этот жанр зародился в Китае еще во времена династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), созрел в конце XIX в., приобрел фиксированное название «Ляньхуаньхуа» в начале 20 века и расцвел в 1950-х и 1960-х гг. В отличие от популярных современных комиксов, Ляньхуаньхуа в основном основаны на традиционной китайской культуре, а сюжеты из иностранных культур часто в определенной степени локализованы как по форме, так и по содержанию. Как правило, используется довольно реалистичный художественный стиль, а изложение ведется в основном в виде рисунков и текста. В большинстве Ляньхуаньхуа текст расположен рядом с картинками, а не совмещен с ними. Каждую из картин можно рассматривать как отдельное

произведение искусства. Сюжетами текстов часто взяты из китайских народных сказок, мировой классики и мифов, художники Ляньхуаньхуа работают по уже написанному сценарию. Большое количество русской и советской литературной классики было адаптировано в Ляньхуаньхуа в Китае и широко читалось. Среди переведенных авторов были классики, такие как Пушкин, Гоголь, Тургенев и Л. Толстой и т. д., были писатели-социалисты-реалисты, такие как Горький, Н. Островский и Фаддеев и т. д., а также были некоторые представители детской литературы. Некоторые произведения были адаптированы не раз. В качестве примера можно привести книги «Как закалялась сталь» и «Потерянное время». Все произведения российских авторов были в той или иной степени сокращены и переработаны в процессе адаптации. Имена главных героев, их образы и социальные контексты произведений в большей или меньшей степени локализованы. Например, главный герой автобиографической трилогии Горького был переименован из Алеши в самого автора «Горький». Или, главного героя «Потерянного времени» Шварца в разных версиях Ляньхуаньхуа называют ПП, Шаша, Цзяцзя. Также меняются перспектива повествования и последовательность сюжета, например, в Ляньхуаньхуа «Война и мир». К сожалению, в конце 1980-х гг. местные Ляньхуаньхуа были оттеснены новыми медиа и постепенно уходили с книжного рынка, существуя только на рынке коллекционных изданий. Они также перестали выполнять функцию по распространению русской литературы, но их огромный потенциал остался.

Читатель детской книги и «правда жизни»: по материалам дискуссии в русской литературной критике 1900–1917 гг.

Сергиенко Инна Анатольевна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Категория читателя-ребенка является одной из определяющих для детской литературы. Представления о том, каков этот ребенок и каким он должен быть в соответствии с социальной нормой, формируют институциональные и структурные особенности бытования детской литературы, ее поэтику, проблематику, границы и рамки. В докладе говорится о том, как менялся взгляд на читателя-ребенка в русской критике 1900–1917-х гг. В этот период активизировались дискуссии о предмете и границах детской литературы, где одной из основных тем стали споры о «правде жизни» и «жгучих вопросах действительности», допустимых к изображению в детских книгах. Критики обсуждали, что именно с их точки зрения подразумевается под «правдивостью» и «правдой», до какой степени может быть «правдива» детская книга и кому из писателей удалось воплотить это в своих произведениях. В фокусе дискуссий оказались социальные и политические проблемы, эротика, физиология, нигилизм, семейное неблагополучие и смерть, историко-биографические факты, критика авторитетов, а также отдельные жанры детской литературы (сказка, приключения). Материалы дискуссии показывают, что представления о субъектности, личности и психологии ребенка у оппонентов из охранительного и (условно говоря) прогрессивного лагеря были схожи, но приводили к разным выводам относительно допустимости и необходимости отражения «правды жизни» в детской книге.

Литературный процесс в России второй половины XX в.

Экфрасис музея в русской литературе XX в.

Бирюкова Марина Валерьевна,

д. культ., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе освещается проблематика музейного экфрасиса — разновидности экфрасиса, трактуемого в контексте филологии как литературное описание произведений искусства. Экфрасис музея или музейной коллекции как самостоятельный поджанр экфрасиса пока не получил достаточного освещения в литературоведении и смежных дисциплинах. Исследование музейного экфрасиса представляется перспективным направлением междисциплинарных исследований на стыке филологии, музееведения, философии и теории культуры, учитывая значительность презентации образа музея, музейной коллекции и музейной экспозиции в отечественной литературе XX в.: от модернистского представления «мертвого» классического музея в «Стереоскопе» Александра Иванова и образов воображаемых музеев безумных коллекционеров в романах Константина Вагинова до лишённого связи с традицией штата советского музея в «Хранителе древностей» Юрия Домбровского, лицемерной атмосферы музея-заповедника, воплощающего у Сергея Довлатова дух культурной институции времен «застоя», и деконструкции музея как текста в постмодернистском «Пушкинском Доме» Андрея Битова. Диалектика музея как хранилища традиционной культуры и музея как объекта разрушительных интенций времен модернизма и постмодернизма раскрывается в русской прозе XX в. в контексте переживания идей времени, смерти и забвения, в представлениях о музее, связанных с проблематикой «подлинного» и «ложного». В текстах постсоветской эпохи, например, у Сергея Носова, музейный дискурс не ограничивается трактовкой реальных и гипотетических музеев, но представляет музей как метафизическую проекцию реальности, или метатекст, символически связанный с культур-философской парадигмой современности. Интертекстуальность экфрасиса музея в русской литературе XX в., без сомнения, расширяет границы толкования данного термина. Музейный экфрасис в поэзии и прозе может анализироваться не только как описание музея и музейной коллекции, но как комплекс литературных приемов, предназначенных для конструирования соответствующего гипертекста. Развитие теории экфрасиса в последние годы свидетельствует об интересе научного сообщества к проблематике, связанной с определением функций и категорий взаимодействия текста и визуальных искусств.

Вопрос о роли личности в истории в романе А. Солженицына «Красное колесо»

Большев Александр Олегович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

А. Солженицын в своем десяти томном романе «Красное колесо», посвященном Русской революции и ее последствиям, ведет спор с толстовской историософией, развернутой в романе «Война и мир», согласно которой ключевую роль в историческом процессе играют «дифференциалы истории», т. е. «однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами», воля же отдельно взятых индивидов, включая правителей, не может оказывать решающего влияния на ход глобальных событий. Идеальным военачальником и государственным деятелем предстает у Толстого созерцательный, неизменно воздерживающийся от решительных шагов Кутузов. Солженицын же считал подлинной движущей силой истории отнюдь не стихийно-бессознательные импульсы народных масс, а целенаправленную и решительную деятельность лидеров, пассионарных личностей.

Принципиальные расхождения Солженицына с Толстым находят особенно яркое выражение в резко противоположных подходах двух писателей-идеологов к фигуре П. Столыпина. Автор «Войны и мира», как известно, относился к Столыпину однозначно негативно, ибо был убежден, что сугубо административная, рассудочная деятельность российского премьер-министра была основана на полном игнорировании «дифференциалов истории». Между тем Солженицын видел в Столыпине поистине великого деятеля, единственного представителя тогдашней политической элиты, который был способен спасти страну от революционного катаклизма. В десяти томном романе «Красное колесо» Солженицын трактует убийство Столыпина в качестве катастрофического события, развернувшего ход национальной истории. Как подчеркивается в «Красном колесе», причиной победы революционных сил стало то обстоятельство, что на их стороне оказалось множество пассионарных индивидов, подобных Ленину и Троцкому, тогда как защитники российской государственности были поражены атрофией воли.

Изображая в «Красном колесе» основные судьбоносные процессы начала XX в., Солженицын зачастую предлагает читателю вообразить на месте инертных российских сановников и военачальников твердых и решительных деятелей, подобных Столыпину, и на этой основе представить, в духе так называемой альтернативной истории, иные, более благополучные варианты развития событий.

Иные библиотекари в прозе М. Елизарова и С. Лукьяненко: к вопросу о феномене книжности

Жукова Александра Андреевна,

к. ф. н., преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Произведения С. Лукьяненко и М. Елизарова относятся к литературе разных типов, однако значительное количество сюжетных совпадений, параллелей на идейно-мотивном

уровне позволяет провести подробный анализ с целью установить степень и характер влияния жанра фэнтези на гиперреалистичное творчество М. Елизарова (в частности, роман «Библиотекарь»). Сходство в области проблематики прослеживается не только в синонимичных сюжетных ситуациях (сумбурная инициация героя в иной образ существования, в мир специфических читателей и библиотек; кража сакральной книги; идейные поединки между читальнями и проч.), но и в системе персонажей. Так, герои Лукьяненко (цикл о «дозорах») в основном одиночки, а большинство дружеских или родственных связей происходят из среды иных, персонажи Елизарова — избранные одиночки, лишённые возможности обзавестись семьей. Это маргинальные личности уже в философском контексте: бездетные, бесплодные, отвергнутые семьей, однако объединенные творчеством писателя Громова — также маргиналом от литературной жизни периода социалистического реализма — в непрекращающейся схватке. В романах наблюдаются и номинативные параллели — Алексей Вязинцев, попав в больницу, представлен ее сотрудникам под именем Антон; Антон Городецкий — главный герой цикла романов Лукьяненко о «дозорах»; Маргарита Тихоновна, мудрая и отважная читательница библиотеки Моховой, состоящей из жестоких женщин, убивающих мужчин, напоминает Анну Тихоновну из романа «Дневной Дозор»: именно Анна Тихоновна возглавляет ведьмовской отдел Дневного дозора Москвы. Характер главного героя романа «Библиотекарь» восходит к постмодернистской традиции. Именно он, Алексей Вязинцев, трус, лицедей и посредственность, преобразуется в хранителя России, который «стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной» от «врагов видимых и невидимых». Антон Городецкий, послуживший прототипом персонажа Елизарова, в одной из частей «дозорной саги» также оказывается в состоянии заключения (в данном случае произведение Елизарова «Библиотекарь» оказывает влияние на сюжетную парадигму фэнтезийного романа), однако особенности массовой культуры, требующие от автора произведения счастливого финала, позволяют избежать трагической участи, уготованной Антону Городецкому, чье спасение оказывается желанным для читателя, но в то же время нарушающим логику пространственно-временного континуума романа.

Роман Михаила Кураева «Зеркало Монтачки» в литературном контексте конца 80–90-х гг. XX в.

Исаева Елизавета Ильинична,

к. ф. н., доцент

Театральный институт им. Бориса Щукина

Изучение творчества М. Кураева еще не соответствует его значимости в литературе конца XX в. Задача данной работы — определить сущностные черты его прозы на материале романа «Зеркало Монтачки» (1993), завершающего цикл ранних произведений: «Капитан Дикштейн» (1987), «Ночной дозор» (1988). Принадлежит по возрасту к поколению «детей войны», Кураев вошел в литературу много позже их, в период перестройки, когда появилась возможность свободного идейного и эстетического высказывания. Этим обуславливается место писателя в литературе вне категории поколения. Главенствующая тема в творчестве Кураева — психологическое преломление трагических поворотов в отечественной истории XX в. Сюжеты он ищет в ее «черных

дырах» (определение автора), что обуславливает сдвиг конкретно-реалистической основы в фантастическое измерение. Подобный «фантастический реализм» усилен тем, что погружение в историю XX в. происходит в художественных категориях классики XIX в. Это гоголевский мотив миражности человеческого существования, сопутствующий традиционной для русской литературы линии «маленького человека». В сюжете «Зеркала Монтачки» спрятано мистическое происшествие — исчезновение отражения персонажей в зеркалах, что означает уподобление их призракам, привидениям или покойникам. Сдвигу в фантастическое способствует хронотоп: место действия — канал Грибоедова, это включает роман в «петербургский текст», с неотделимыми от него мистическими чертами. Время — ноябрь 1961 г., сопряженное с историческими реалиями, обретающими символическое значение: 31 октября тело Сталина было вынесено из Мавзолея. Эпоха ушла в небытие, и вместе с ней словно вынули из жизни тех, кто в ней существовал. Писатель не разделяет персонажей идеологически, хотя его этические оценки очевидны. Мысль Кураева иная — он пишет о судьбе поколений, жизнь которых равно обесмысливается признанием глобальной исторической ошибки. По аналогии с определением «потерянное», их можно обозначить как «зачеркнутое». Проза Кураева по своим задачам совпадала с доминирующими в 80–90-х гг. тенденциями: она обращена к анализу болевых точек отечественной истории, ощущавшихся в те годы как жгуче злободневные. Однако в осмыслении прошлого писатель далек и от традиционного реализма А. Рыбакова, и от постмодернистского подхода к истории В. Пелевина и В. Ерофеева, и от публицистичности раннего В. Пелевина. В своем варианте «фантастического реализма» Кураеву удалось достичь большей обобщенности, но он не стал далее повторять найденное. Роман «Зеркало Монтачки» завершил первый период его творчества.

Образ куста в лирике Александра Кушнера

Пономарева Марина Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен одному из устойчивых образов поэзии Александра Кушнера — образу куста. Материалом доклада служит корпус стихотворных текстов поэта.

Для поэзии Александра Кушнера характерно пристальное внимание к окружающему поэта миру, к его деталям, к повседневному, малому, неприметному, частному. Кушнеровские стихи «фотографически» точны не только при описании ленинградского/петербургского городского пространства, но и при обращении поэта к природным зарисовкам, за каждой из которых угадывается описание конкретного места — вид из окна, берег реки, просека, дорога на дачу. Часто деталью кушнеровского пейзажа оказываются деревья (неоднократно встречаются тополь как примета ленинградского пейзажа и ель как примета пейзажа северного) и кусты (безымянные «кустики», «кустарник», шиповник, сирень, утесник...) На важность для Кушнера этих образов указывают и названия трех его поэтических сборников «Таврический сад» (1984), «Живая изгородь» (1988), «Кустарник» (2002).

Образ куста появляется уже в ранней поэзии Кушнера и последовательно развивается на протяжении всего его творчества.

В лирике 60–70-х гг. куст выступает как деталь пейзажа (см., напр., «На даче, где речка да поле / Да куст у плеча моего...»), нередко четко локализованного — ленинградского (см., напр., «Стихи из Стрельны»).

Настойчиво повторяющийся у Кушнера образ постепенно приобретает многозначность, одновременно оставаясь приметой конкретного пейзажа и получая символическое значение. В целом ряде стихотворений куст играет охранительную функцию (напр., в стихотворении «Кустарник» он определяется поэтом как «страж»), выступает в качестве своеобразного рубежа между жизнью и смертью, между человеком и небытием (см., напр., стихотворение «Фотография»), при этом мертвый — «упавший замертво» — куст обозначает отсутствие этой границы и погружение в смерть (см. стихотворение «Поездка»).

Куст может обозначать и границу между человеческим и божественным, смещение этой границы делает возможным взаимодействие двух миров друг с другом (см. «Эта тень так прекрасна сама по себе под кустом...»). Образ обогащается отсылками к Священному Писанию — Новому Завету (см. «Евангелие от куста жасминового...») и ветхозаветной Неопалимой купине (см. стихотворение «Кустарник»). Через этот образ Кушнером поднимаются темы свободы и творчества, полемически освещается тема поэта-пророка.

Сам образ кустарника, как растения, соразмерного человеку, обнаруживает свою связь с важнейшими принципами поэтики Кушнера — воспевание жизни, ее тайны и ценности через близкое, малое, будничное, непафосное.

Проблемы истории зарубежных литератур

Синтез жанров как определяющий показатель нового этапа в поэзии английского Просвещения (на примере сочинений О. Голдсмита)

Алилова Джульетта Гаджиевна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В поэтическом творчестве синтез жанров представляет собой соединение разнообразных художественных приемов, зачастую считавшихся несовместимыми. В малых поэтических формах и в неоконченной поэме «Каждому по заслугам» (1774) Оливер Голдсмит переосмысливает известный античный принцип «поучать и развлекать», распространенный в просветительской классицистической литературе. Меняя дидактическую тональность стиха на юмористическую, поэт смещает акцент с поучения на развлечение и таким образом превращает назидание в шутку. Сочинения Голдсмита с авторским указанием на жанровую принадлежность к элегии (напр., «Элегия на смерть красы слабого пола госпожи Мэри Блез», 1759) по существу относятся к литературным пародиям на погребальную сентименталистскую элегию. Подобно тому, как пародийным оригиналом у Л. Стерна были произведения, принадлежащие ведущим просветительским классицистам («Заметки о некоторых областях Италии» (1765) Дж. Аддисона, эпистолярное наследие А. Поупа), объектом пародий Голдсмита послужила тематика и художественные особенности сентиментальной элегии с ее меланхолией, обилием «чрезмерных» эпитетов и метафор. Жанровая идентификация рассматриваемых сочинений Голдсмита основана прежде всего на определении жанровой принадлежности «второго плана», т. е. «пародируемого оригинала». Необходимость введения подобного типологического аспекта обоснована недооценкой «второго плана», его природы и жанровых особенностей для всестороннего анализа произведения, совмещающего характеристики жанров, находящихся на разных «полюсах» жанровой системы или за ее пределами. Литературные пародии Голдсмита связаны с пародийным объектом как посредством сходных элементов, к числу которых относятся словарные единицы, рифмы, наконец, авторское указание на жанровую принадлежность, так и посредством несходных элементов — синтаксисом, ритмом, тональностью (изменение последней в элегии влечет за собой нарушение законов жанра). Пародийные элегии Голдсмита представляют собой разновидность «смехового» жанра, который пародирует условно возвышенные темы искусства. Их цель — создание «смехового и критического корректива» (термин М. М. Бахтина) к «возвышенному» элегическому жанру. Замена объективного идеала иронической условностью, серьезности и дидактизма — игрой и шуткой объясняется скептическим мироощущением

Голдсмита. Атмосфера пародийности в его сочинениях возникает благодаря иронической проекции на оригинал («второй план»). Поэт восхваляет свойства, которые, по существу, отрицает. Заметим, что подобная ироническая двуплановость является основополагающим принципом рококо. Синтез жанров в английской поэзии третьей четверти XVIII в. свидетельствует о кардинальных изменениях в поэтическом процессе и переходе к новому этапу в литературе английского Просвещения.

Античная трагедия в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух»

Аствацатуров Андрей Алексеевич

к. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Роман Уильяма Голдинга (1911–1993) «Повелитель мух» (1954) представляет собой довольно любопытную комбинацию двух жанров: традиционной робинзонады и классической трагедии. Автор выстраивает горизонты читательского ожидания в соответствии с логикой робинзонады, создавая как будто бы новую версию романа Р.М. Баллантайна (1825–1894) «Коралловый остров» (1857), воспроизводя топику и сюжетную коллизию этого жанра, но в итоге предьявляет читателю образец «антиробинзонады». Роман начинается упоминанием «Кораллового острова» и завершается его упоминанием. Сама робинзонада становится у Голдинга не формой, не способом развертывания художественного материала. Сохраняя внешний контур робинзонады Голдинг помещает в нее совершенно иной механизм развития действия — форму классической трагедии.

В данном конкретном случае Голдинг ориентируется на знаменитую трагедию Еврипида (480-е — 406 до н.э.) «Вакханки» (407 до н.э.). Он организует пространство действия, персонажную структуру в духе классической трагедии, привлекая в том числе даже хор. Ключевые эпизоды романа обнаруживают свое структурное подобие соответствующим сценам еврипидовой трагедии. Из «Вакханок» Голдинг заимствует также и ряд важных образов (змеи, огонь и др.). Кроме того, Голдинг использует в финале своего романа излюбленный прием Еврипида «Deus ex machina». Выстраивая конфликт, он также ориентируется на трагедийный конфликт «Вакханок». Центральный герой его романа, Ральф — современная версия еврипидова Пенфея. Пенфей, живое воплощение сухого интеллекта, внутренней упорядоченности рассудка, противопоставит богу Дионису, воплощению хаоса, не желая принимать его культ. В результате он гибнет, столкнувшись с вакханками, которые принимают его за зверя — таково наказание бога. Однако существенно в еврипидовой версии мифа то обстоятельство, что эта гибель вызвана не столько противостоянием хаосу, сколько внутренним влечением к хаосу, которое Дионис обнаруживает в Пенфее. Именно эту трагедийную ситуацию воспроизводит в «Повелителе мух» Голдинг. Ральф, принимая сторону чистого интеллекта, воплощением которого становится персонаж Хрюша, всеми силами противодействует хаосу, не замечая своего глубинного влечения к хаосу.

Процесс упорядочивания мира, колонизации дикого, хаотичного пространства имеет обратный результат. Чем больше усилий употребляет Ральф на то, чтобы упорядочить мир, тем больше мир разупорядочивается. Хаос персонифицируется в фигуре

Джека, захватывает все сообщество новоявленных робинзонов и приводит к гибели острова.

Англо-американские трансатлантические связи и параллели в прозе Вальтера Скотта и Вашингтона Ирвинга

Барабанова Юлия Михайловна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский Академический университет

На протяжении всей колониальной истории Америки и в годы после обретения независимости продолжался культурный и литературный обмен между Британией и США. Литературные формы и жанры, пересекая Атлантику, образовывали единое литературное пространство и вступали в своего рода трансатлантический диалог. Интересным представляется случай взаимовлияния Вашингтона Ирвинга и Вальтера Скотта, писателей-современников, представителей разных культур — зарождающейся американской и уходящей в прошлое шотландской. Романы и поэзия Скотта на материале преданий и истории Шотландии, несомненно, повлияли на стремление Ирвинга найти источники формирующейся американской идентичности в истории США, а также в культурно-исторических связях Америки и Британии. Трансатлантический подход к американской истории (в случае Ирвинга, скорее, можно говорить о мифологии — сотворении «американского мифа») в полной мере реализуется в «Книге эскизов». Пересечение Атлантики, противопоставление американского пространства европейскому историческому времени, включение в общий нарратив британской истории, традиций и литературы, а также собственно американское прошлое — все это основные темы ирвинговского трансатлантизма. При этом сборник выстраивается на сопоставлении метрополии и периферии, национальных героев и характеров. Этот подход Ирвинга отражает взаимодействие британской и американской культур XVIII и начала XIX в., их переплетение и взаимодополнение. «Хроники Кэнонгейта» (1827) — единственный сборник короткой прозы Скотта — по словам самого автора, «можно рассматривать как своего рода подражание Вашингтону Ирвингу». Сравнительный анализ двух сборников позволяет выявить ряд сюжетных и тематических параллелей, а также схожих нарративных стратегий. В «Кэнонгейтских хрониках» Скотт использует структурно-жанровую модель Ирвинга (авторское обрамление повествования от лица вымышленного рассказчика, вставные истории, рассказанные другими персонажами) для того, чтобы исследовать аналогичные оппозиции в исторических взаимосвязях Англии и Шотландии. Наблюдается определенный тематический параллелизм двух сборников: столкновение и взаимосвязи культур, противопоставление «дикости» и «цивилизации», разных моральных кодексов (американских индейцев в очерках Ирвинга и шотландских горцев у Скотта). Сходства и различия авторских подходов свидетельствуют о формировании единого трансатлантического пространства англоязычной литературы.

О фольклорных корнях «Модели Пикмана»

Г. Ф. Лавкрафта

Васильев Михаил Федорович,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящий доклад посвящен параллелям между рассказом Г. Ф. Лавкрафта «Модель Пикмана» (Pickman's Model) и британской низшей мифологией. Кроме того, поднятая в рассказе проблематика эстетики ужасного, которую в буквальном смысле иллюстрирует заглавный герой-художник, воплощающий макабрические сюжеты в реалистической манере, оказывается уместнейшим образом совмещена с мифологемой фейри как вдохновителей и покровителей искусства. Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) известен как один из наиболее значительных и оригинальных мифотворцев двадцатого века. Настоящий доклад посвящен параллелям между рассказом Г. Ф. Лавкрафта «Модель Пикмана» (Pickman's Model) и британской низшей мифологией, которые прежде не удостоились должного внимания. В нем последовательно рассматривается ряд сходств между выведенными в рассказе «упырями» (ghouls) и сверхъестественным народом фейри (fairy) в фольклоре Британских островов. Контринтуитивность подобного схождения — лишь кажущаяся, поскольку первоначальный фольклорный образ «малого народца» чрезвычайно далек от рафинированной и приглаженной картины, возобладавшей в детской литературе XIX в. В числе рассматриваемых общих черт — склонность похищать и подменять младенцев, зверообразные черты (териантропия), связь с загробным миром и безвременьем, паразитизм по отношению к человеческому социуму и связь с деятельностью ведьм. Последняя рассматривается в свете устаревших антропологических теорий Маргарет Мюррей, приверженцем которых был писатель: фейри эвгемерически трактовались как примитивные низкорослые финно-угорские или монголоидные племена, длительное время скрытно сосуществовавшие с доминирующим населением Европы. Их языческий культ рогатого божества плодородия якобы распространялся среди некоторых Слов западноевропейского населения, дав толчок представлениям о поклонении дьяволу и шабашах колдунов и ведьм — именно так, согласно теории Мюррей, воспринимала приверженцев культа преследующая их церковь. Кроме того, поднятая в рассказе проблематика эстетики ужасного, которую в буквальном смысле иллюстрирует заглавный герой-художник, воплощающий макабрические сюжеты в реалистической манере, оказывается уместнейшим образом совмещена с мифологемой фейри как вдохновителей и покровителей искусства. При этом романтический типаж «художника не от мира сего» преобразуется в свете эстетики и философии Лавкрафта: Пикман предстает как последовательный научный реалист, достигающий своих поразительных пугающих эффектов через сугубо документальное отображение скрытых от большинства неприглядных событий и созданий. Тем самым выбор фольклорного материала, на первый взгляд случайный, на деле предстает как тесно связанный со сверхзадачей произведения.

Паиш Лоурейру: поэтика Амазонии в истории бразильской литературы

Жуков Андрей Павлович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Феррейра Рафаэль Бэсса,

д. ф. н., профессор

Государственный университета в Пара, Белен (Бразилия)

В докладе рассматривается творчество современного бразильского поэта, профессора и эссеиста Жуау де Жезуша Паиша Лоурейру (род. 23 июня 1939). Предпринимается попытка анализа его поэтики в общем контексте развития бразильской литературы последних десятилетий, это позволяет говорить о том, что в его произведениях создается особая поэтическую реальность Амазонии, в которую вовлечена как стихия становящегося португальского языка, так и культура повседневности, мифы, верования и предания Амазонии. Про этом его поэтика, хотя и вписывается в общую картину развития бразильской литературы, обладает рядом уникальных параметров. В истории бразильской литературы Паиш Лоурейру выделяется тем, что намечает новые пути осмысления природы Амазонии. Он не прибегает к использованию устоявшихся стереотипов, которые давно сложились в литературной традиции и культивируются другими писателями (связаны они в первую очередь с описаниями природы, обычаев и верований жителей этого региона, а также особенностей их языка). Напротив, для Паиша Лоурейру поэзия — это, прежде всего, изменение представления о реальности, благодаря чему он поэтизирует мир Амазонии. Исходя из этого, цель данного исследования — проанализировать поэтику земли Амазонии, в описаниях Паиша Лоурейру в рамках концепций литературной эстетики Амазонки, представленной в его творческом наследии, куда входят, кроме поэтических, также и его публицистические эссе и различные высказывания. Поэзия Паиша Лоурейру связана с контекстом Амазонии, при этом поэзия вступает в диалог с мифами, верованиями и местными преданиями этого региона. Своим стилем автор стремится выразить дифференцированные отношения с португальским языком, используя неологизмы, которые отмечают географическое и культурное положение, стремясь постигнуть язык в процессе его становления, уловить путь обновления Слова, связанного при этом с повседневной жизнью, и использующего многоуровневую структуру смыслов для раскрытия того, что автор называет в целом «мир Амазонии». В исследование также рассматривается концепция «языка реки», которая, как указывает сам автор, раскрывает смысл поэтического произведения через «очарование языка». Также затрагиваются проблемы Амазонии в связи с вопросами модернизации и финансовой эксплуатации северной Бразилии.

Мифологические мотивы в романном творчестве Ричарда Пауэрса (на примере романов «Галатея 2.2» и «Орфей»)

Игнатьева Дарья Сергеевна,

преподаватель

Михайловская военная артиллерийская академия

В настоящей работе рассматриваются мифологические мотивы, использованные современным американским писателем Ричардом Пауэрсом (р. 1957, Powers) в романах «Галатея 2.2.» (1995, «Galatea 2.2») и «Орфей» (2014, «Orfeo»). Названия исследуемых романов наталкивают читателя на мифологические ассоциации и отсылают к известным древнегреческим мифам — мифу о Пигмалионе и Галатее и мифу об Орфее и Эвридике. Обнаружение аналогий в сюжетопостроении указанных мифов и одноименных романов Пауэрса позволяет сделать вывод о том, что автор использует мотивы древних мифов в качестве основы, базиса для своих произведений. На этом базисе Пауэрс развивает сюжетные перипетии, создает разнообразные коллизии и ставит эксперименты по синтезированию художественного и научного дискурсов. Так, все передовые идеи и замыслы, о которых говорится в романах, а также пауэрсовские художественные инновации — все это рассматривается сквозь призму древних мотивов: мотивов творения, любви и человечности, мотивов поиска, смерти и бессмертия. Обращаясь, таким образом, к проблеме традиции и новаторства, Пауэрс пересматривает древний миф с позиций современности и пытается взглянуть на современность с позиций древнего мифа. В процессе переработки старых паттернов автор применяет постмодернистские техники: игру с жанрами, пародирование и самопародирование, прием интертекста. Так, в результате пересмотра мифа о Пигмалионе и Галатее на месте гениального ваятеля в пауэрсовском романе оказывается тандем деятелей науки и искусства — нейроученого Филиппа Лентца и филолога, писателя Ричарда Пауэрса. В роли искусного шедевра выступает не статуя, а нейросеть, суперкомпьютер Элен, которой по сюжету суждено обрести человеческое сознание, полюбить своего создателя, а затем деактивировать собственную систему по причине осознания того, что ее идеалистические представления о мире не совпадают с тем, каков он есть на самом деле. Роман «Орфей» изображает современного композитора, Питера Элса, который проводит химические опыты по кодированию музыкальных образцов в ДНК бактерии с целью обессмертить любимую музыку, а также совершить жест концептуального искусства, искусства для вечности, а не для людей. Сопоставляя события и поступки античных и нынешних героев, Пауэрс ставит вопросы о настоящем и будущем современного человека. Он открывает вопрос о природе человеческого сознания и в связи с этим задается вопросом об ответственности, полагая, что неплохо бы сначала понимать, кто мы есть, прежде чем лепить себе подобный интеллект. Вместе с тем, звучит сожаление по поводу выхолощенности, пустоты и безжизненности современного искусства. Если музыка Орфея созидательна, и память о его лире живет вечно, то творения, созданные лишь ради процесса создания, едва ли надолго останутся в народной памяти.

Формы меморизации и концепция субъекта в прозе В. Г. Зебальда

Калашникова Юлия Александровна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Формы меморизации травматического опыта отражают определенную конфигурацию субъективности. Формы меморизации, реализуемые В. Г. Зебальдом в своем творчестве, относятся к постадорновской концепции субъекта. Адорновский субъект, хоть и подвергнутый пересмотру, все еще остается в категориях гегелевского субъекта. Постадорновский субъект выходит за пределы диалектических схем. Драматическая оппозиция общего и частного нивелируется. В прозе Зебальда границы субъективного и всеобщего размываются и на их месте формируется новая форма субъективности. Эффект размытия границ между субъективным повествованием индивидуального рассказчика и научными выкладками, историческими описаниями, географическими подробностями в случае текстов Зебальда являются средствами выражения данной концепции субъективности. Форма, в которую обличена история в ее традиционных переложениях, категорически не устраивает автора. Создание новых форм меморизации является для него принципиальной философской задачей. Исторический факт, непосредственно имевший место в реальной действительности, так или иначе трансформируется в воображении не-очевидца в результате восприятия рассказанной истории. Балансирование между историческим и художественным повествованием, истиной и вымыслом становится новой формой меморизации, выводящей за пределы прежних концепций субъективности. Меморизация также связывает определенные события с образами мест. Места памяти становятся бесконечными полями скорбей, меланхолии, утраты. Место и образ места выпадают из исторического нарратива, который Зебальд считает ненадежным. В сборнике эссе «Естественная история разрушения», написанном на основе Цюрихских лекций и посвященном бомбардировкам немецких городов, Зебальд указывает, что нормальное функционирование обычного языка в рассказах большинства очевидцев заставляет усомниться в аутентичности изложенного в них опыта. Реальность травматического опыта бледнеет, так как повседневного языка недостаточно для того, чтобы передать реальность переживания. Принципиальная неантропоцентричность дискурса становится единственным способом говорить о травматическом опыте. Формы меморизации прошлого, таким образом, воздвигают памятник существующим понятиям о субъективности.

Рецепция евангельской притчи о Марфе и Марии в британской послевоенной женской прозе

Климовская Алиса Яковлевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен неисследованной проблеме репрезентации в британской послевоенной женской прозе притчи о Марфе и Марии из Нового Завета. Выявлены раз-

личия между каноническим (мужским) и женским подходом к интерпретации образов Марфы и Марии. Сестры, наделенные разными характерами, стали символом различных установок в жизни христиан. В отличие от канонического восприятия, которое считает моделью, достойной подражания, поведение созерцательной Марии, анализируемые авторы фокусируют свое внимание на разработке образа практичной Марфы, для которой суть христианства состоит в реальном служении людям. У одних писательниц (Пим, Уэлдон) обращение к образу Марфы возникает эпизодически, для Байетт маркированная аллюзия на эту библейскую притчу становится сюжетообразующей. Религиозный сюжет трактуется у всех авторов как бытовая сцена. Сочетание божественного и мирского (мотив, задаваемый притчей) находит свое отражение в проблематике (Пим) и стилистике романов (Пим, Уэлдон). Каждая трактует образ нетрадиционно и оригинально, хотя наблюдается определенное сходство персонажей Пим и Байетт. Обе писательницы испытывают симпатию к этой героине-труженице. Под маской Марфы у Пим скрывается добродетельная старая дева, которая ведет практически-полезную для окружающих жизнь, занимается благотворительной работой в приходе и служит образцом истинной христианки. Язык главного женского персонажа романа «Превосходные женщины» имеет ярко выраженный религиозный характер и включает в себя понятия вины, долга, искупления грехов, покаяния. Беспорочная помощь окружающим приносит ей радость и придает смысл внешне ничем непримечательной жизни. Бытовая сторона жизни стимулирует творческие способности женских персонажей, предоставляя потенциал для самореализации. Выводя в образ Марфы женщину-творца, Байетт повествует о процессе создания прекрасного из обыденного. У Байетт образ Марфы выстраивается как символ женской независимости и самодостаточности, в противовес пассивному подчинению мужской воле. Марфа и Мария репрезентируются у Уэлдон как символы двух противоположных типов женского начала (мать-хранительница очага и возлюбленная). Вслед за Дж. Батлер она утверждает, что женщины не рождаются Марфами, а становятся ими и развивают тезис о формировании гендера воспитанием, культурой. В ее романе-притче своей эпохи в становлении и развитии женского начала важную роль играют гендерные стереотипы, которые производятся, закрепляются и тиражируются литературой. Уэлдон в духе радикального феминизма в авторской версии Марфы (женщины-матери) критикует самоуничтожение, жертвенность, идеалы всепрощения, которые грозят утратой индивидуальности и возможности самовыражения.

Визуальная философия Гёте и Варбурга: образная память символа

Кнерцер Мария Павловна,

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Представителей двух разных культурно-исторических эпох — И. В. Гёте (1749–1832) и Аби Варбурга (1866–1929) — поразительным образом связывает визуальное восприятие мировой культуры. Очевидны и другие значимые параллели между ними, например, страсть к коллекционированию, бесконечная любовь к Италии и двойственное отношение к религии. Всплеск интереса, наблюдаемый в последние

годы, к переосмыслению методов иконологического анализа выдающегося историка искусства Варбурга, открывает новые перспективы исследования творческого наследия гения немецкой литературы Гёте. Не предпринимавшийся до сих пор сравнительный анализ концепций двух философов относительно теоретического осмысления феномена визуальности в истории искусства, позволяет подробно рассмотреть символическую многогранность визуального образа. Проблемы визуальной семиотики отражены в ряде научных работ, среди которых следует выделить исследования М. Ямпольского, посвященные генезису мировой визуальной культуры. Методы иконологического анализа произведений искусства комплексно рассмотрены в книге М. Ю. Торопыгиной, а также в отдельных статьях И. А. Доронченкова и Л. Ю. Лиманской. Гётевская концепция символа представлена в книге И. Лагутиной «Символическая реальность Гёте. Поэтика художественной прозы», а важность феномена визуальности в произведениях Гёте отмечали многие зарубежные исследователи творчества писателя, например, Томас Леманн (Thomas Lehmann), Бернхард Бушендорф (Bernhard Buschendorf) и Хайке Брандштедтер (Heike Brandtstädter). Рассматривая историю визуальности в искусстве и в литературе, сопоставляя философско-эстетические идеи и понятия на материале теоретических штудий Варбурга и Гёте, невозможно не упомянуть роман «Избирательное сродство» («Die Wahlverwandschaften») (1809), в котором мастерски зашифрованные автором «образы-символы» отражаясь в «Живых картинах» (Tableaux vivants), в позах и жестах главных персонажей, циркулируют в постоянном «диалоге культур». Прафеноменальная сущность Оттилии раскрывается через античную кинесику, в которой формула пафоса (Pathosformel) предстает как визуальный «метаязык» искусства, порождающий множественность смыслов и значений. Применяя терминологический инструментарий иконологии Варбурга, появляется возможность интерпретировать визуально-репрезентативный текст Гёте и его образно-символическое содержание в контексте культурно-исторической памяти.

Роман К. Каштелу Бранку «Анафема»: конструирование повествовательной модели

Ковалев Константин Викторович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Роман «Анафема» (Anátema, 1850) стал первым значительным прозаическим произведением Камилу Каштелу Бранку (1825–1890). В 1840-е гг. широкое распространение в португальской литературе получает исторический роман. Возможно, эта литературная мода диктует выбор хронологических рамок «Анафемы», действие которой охватывает последнюю четверть XVII в. и первую половину XVIII в., но в своем романе К. Каштелу Бранку отказывается от повествовательной модели, сложившейся под влиянием творчества В. Скотта. В романе «Анафема» обнаруживается прием, характерный и для более поздних романов К. Каштелу Бранку, действие которых отнесено в прошлое: изображение материальной культуры сводится к минимуму, но значительное внимание уделяется реконструкции исторического фона эпохи. В дальнейшем эта тенденция приведет К. Каштелу Бранку к разработке в 1870-е гг. модели историко-психологического романа. Первоначально роман публиковался

в периодической печати, однако при том, что большинство глав имеет почти одинаковый объем, величина глав с 18-й по 20-ю превосходит прочие в 4–6 раз. Каждая глава представляет собой замкнутый в содержательном отношении фрагмент повествования, при этом намеченные в начале сюжетные линии развиваются на протяжении романа независимо друг от друга, сходясь воедино лишь в финальных главах. Возможно, что композиция «Анафемы» свидетельствует о косвенном влиянии на К. Каштелу Бранку идей иенского романтизма. Диалоги в романе выстроены в форме динамического обмена краткими репликами. Этот тип диалога, создающий эффект присутствия читателя при эмоционально насыщенных сценах, впоследствии станет преобладающим в прозе К. Каштелу Бранку. Определенный интерес представляют взаимоотношения между повествователем и адресатом в «Анафеме». В романе присутствует экзегетический нарратор, т. е. повествователь, выступающий в качестве субъекта повествования, что характерно для первого периода творчества К. Каштелу Бранку (1850–1861 гг.). Также следует упомянуть об отчетливо выраженной романтической иронии, которая реализуется в «Анафеме» преимущественно на лексическом уровне. Хотя отдельные примеры использования данной эстетической категории ранее встречались в португальской прозе XIX в., фактически ее первооткрывателем стал К. Каштелу Бранку. В целом созданная в «Анафеме» модель повествования опиралась на традиции французской прозы позднего романтизма, но в португальской литературе данное произведение становится первым романтическим романом нового типа.

Образ героя — визионера в эссе С. Джонсона «Видение Феодора, отшельника с Тенериф, найденное в его келье»

Макарова Людмила Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Уральский государственный педагогический университет

Доклад посвящен эссе Самюэля Джонсона «Видение Феодора, отшельника с Тенериф, найденное в его келье», опубликованного в 1748 г. в трактате Роберта Додсли «Учитель, или Всеобщая система воспитания», а также в «Журнале джентльмена» 1748 (№18). Жанр эссе, получивший распространение в журналах эпохи Просвещения, нередко обретал художественные признаки видения, традиционного и вместе с тем весьма динамичного по структуре и содержанию жанра, развивавшегося в недрах средневековой литературы. Английская литература к началу Нового времени отличалась очень развитой визионерской традицией, что позволило писателям XVIII ст. не только актуализировать жанровую память видения, но и интерпретировать мотивы и образы в соответствии с концепциями своего времени. В творчестве Самюэля Джонсона, виднейшего английского просветителя, немало визионерских «вариаций», одной из которых (самых известных в русских переводах конца XVIII в., сделанных с немецкого) явилось «Видение Феодора, отшельника с Тенериф, найденного в его келье». Предупреждением к эссе стали обращенные к читателям — ученикам рассуждения Учителя, в которых объясняется «разница между привычками, чувствами и страстями», рационально и взвешенно доказывается не-

обходимость обзаведения хорошими привычками и следования правилам воспитания. Образ главного героя Феодора построен на антитезе: с одной стороны, назван именем, означающем «дар Божий», с другой стороны, прожил большую часть жизни в суеде, подобно многим обывателям, пораженным «честолюбием и величием», что герой подчеркивает в приступе к своему рассказу. Однако именно осознание своей низости и привело Феодора к восхождению на вершину скалы на острове Тенерифе, его сердечная чувствительность и негодование против собственных пороков обусловили возможность видения того, что закрыто от взора большинства. Встреча с духом Защитником, покровительствующим «детям праха», символизирует избранность души героя и означает возможность ее перемены. Контуры горы Бытия, так долго манившей воображение Теодора, непредсказуемо изменяются, гора предстает будто перевернутым конусом: внизу — «Пустота и Тьма», окружающие Теодора, а вверху видны возвышающиеся друг над другом уступы, отличающиеся разнообразными ландшафтами. Аллегорией человечества становятся образы восходящих людей, напоминающих в своих взаимоотношениях с Воспитанием и привычками то карликов/лилипутов то великанов, (напоминающих обитателей стран, описанных Лемюэлем Гулливером в романе Дж. Свифта). «Восхождение» становится для Теодора путем «исследования и мудрости»; для читателей Р. Додсли и С. Джонсона судьба героя — это нравственный урок в духе эпохи.

Образ кроткого отца в современной шведской литературе

Моркина Марта Александровна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

В докладе представлен сравнительный анализ образа отца и его роли в формировании личностной и культурной идентичности главных героев в двух романах современных шведских писателей: Юнаса Хассена Кемири (р. 1978, Jonas Hassen Khemiri) «На красном глазу» (2003, «Ett öga gött») и Марджанэ Бахтиари (р. 1980, Marjaneh Bakhtiari) «Можешь ли ты произнести ‘шибболет’?» (2008, «Kan du säga schibbolet?»). Нередко протагонистами произведений постколониальной литературы становятся подростки, находящиеся на сложном этапе поиска и выбора личностной и культурной идентичности. Семья, дающая начало любой идентичности, играет решающую роль в данном процессе. Как пишет Энн МакКлинток (р. 1954, англ. Anne McClintock) в статье «Семейные распри: гендер, национализм и семья» (1993, англ. «Family feuds: Gender, Nationalism and The Family»), отцу традиционно отводится роль главы семьи, а мать и дети подчинены его власти. При этом, как отмечает Луиджи Зойя (р. 1943, итал. Luigi Zoja) в своей работе «Отец: Исторический, психологический и культурный анализ» (2001, англ. «The Father: Historical, Psychological, and Cultural Perspectives»), именно сила и власть, проявляемые отцом, являются мерилем его престижа в глазах ребенка. «Сильный» отец обеспечивает успешное вхождение индивида в общество. Однако в настоящее время, когда разрушительные войны связываются с мужской (отцовской) агрессивностью, на первый план все больше выходит фигура «слабого», «кроткого» или «неуверенного» отца, а функции отца и ма-

тери сближаются. Вместе с очевидными преимуществами обретения менее авторитарного отца, ребенок теряет надежного проводника в мир взрослых, что негативно сказывается на становлении его личностной, этнической, культурной идентичности. В отсутствии сильного авторитета в лице отца, индивид часто ищет поддержки в ком-то другом, кто может проявить необходимую власть и силу, при этом третьи лица могут оказывать разрушительное влияние на подростка. В выбранных для анализа романах представлены разные по характеру и степени интегрированности в шведское общество отцы-мигранты, однако общим для них является отсутствие проявлений авторитарной власти по отношению к своим детям, что дает последним большую свободу выбора и одновременно лишает фундамента и образца поведения в новом обществе.

Пять чувств в познании невидимого мира в представлении Мехтильды Хакеборнской

Ненарокова Мария Равильевна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы РАН

Мистический трактат «Книга особой благодати», написанный или, скорее, надиктованный Мехтильдой Хакеборнской (1241–1298), знакомит читателя с картинами духовного мира, которые, однако, во многом напоминают жизнь современников Мехтильды, принадлежащих к родовитому дворянству Саксонии и Тюрингии. Атмосфера, в которой росла и жила Мехтильда, стала источником образности ее видений. В видениях Мехтильды события, происходящие на границе земного мира и Небесного Царства, напоминают картины придворной жизни, особенностью которой, как уже говорилось выше, являются пышные празднества, поэтому в «Книге особой благодати» обычно задействованы пять чувств, с помощью которых человек познает мир. Понятие о внешнем человеке, теле, и внутреннем человеке, душе, предполагает наличие у души тех же пяти чувств, но они — в отличие от телесных чувств — позволяют душе воспринимать не только материальный мир, но и мир невидимый. При этом Небесное Царство, которое открывается душе в видениях, познается, как и видимый мир, при помощи зрения, слуха, обоняния, вкуса. Наименее востребованным их чувств оказывается осязание, но и оно, пусть и косвенно, задействовано: когда в видениях говорится о тканях, из которых сшиты небесные одеяния, читатель вспоминает ощущения, возникающие при контакте с тем или иным материалом. Видения Мехтильды можно назвать синестетическими: она одновременно видит картины Небесного Царства, слышит речи, к ней обращенные, чувствует запахи и вкус. Согласно богословию Бернарда Клервосского, так проявляется любовь человека к Богу, поскольку внутренний человек, душа, одухотворяет телесные чувства, и они соответствуют разным видам любви. Слух и зрение в иерархии пяти чувств занимают более высокое место: зрение, одухотворяясь, возвышается до богосозерцания, слух помогает человеку отдалиться от земного и, внимая пению ангелов, обратиться к небесному. Обоняние, вкус и осязание, более тесно связанные с телесным, внешним, человеком, направлены скорее на материальный мир: по Бернард, обоняние стано-

вится способом почувствовать любовь к человечеству, вкус — любовь к ближним, осязание — любовь родителей к детям.

Однако в видениях Мехтильды задействованы и чувства, считающиеся телесными. Они позволяют ей более полно воспринять и описать для читателя красоту невидимого мира.

Между Сефарадом и Испанией: художественное пространство в сборнике Салвадора Эсприу «Шкура быка»

Николаева Ольга Станиславовна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Хотя художественное пространство далеко не всегда соответствует модели естественного пространства, оно обязательно сохраняет, в качестве первого плана метафоры, представление о своей физической природе, отмечал Ю. М. Лотман. В творчестве каталонского поэта и писателя XX в. Салвадора Эсприу пространству отводится особое место. В своем первом поэтическом сборнике 1946 г., открывающем цикл из пяти книг, Эсприу знакомит читателя с вымышленной Синерой, прототипом которой стал каталонский городок, где родились отец и мать поэта. Эта книга посвящена малой родине, символом которой стала Синера. Сборник «Шкура быка» (*La pell de brau*), опубликованный в 1960 г., ознаменовал новый этап в творчестве Эсприу. При анализе данного произведения его связывают с Испанией, с обращением к военному конфликту, разгоревшемуся в этой стране, с размышлениями о государственном устройстве, о принципах справедливости и уважения к разным культурам, на которые следовало бы ориентироваться испанскому и любому другому обществу. Поэт снова говорит об отчизне и о родной земле, но на этот раз не о Каталонии и Синере, а об Испании и Пиренейском полуострове, который в этой книге именуется Сефарадом (название полуострова, использовавшееся с давних времен израильскими переселенцами). Израиль, Испания, Сефарад, Венеция, Лавиния, Синера, вымышленные, реальные или оставшиеся в историческом прошлом поселения, регионы и страны, совмещены в едином художественном пространстве, сосуществуют. Территориальные и временные границы смещаются, и образуется, в терминологии Михаила Бахтина, «надвременной мир». Образы недавнего, обжигающего прошлого плавно переходят в библейские сюжеты, относящиеся не только к минувшему, но и к настоящему времени. Пространство, описываемое поэтом в сборнике, многообразно: оно становится одушевленным, превращаясь в быка, овеществляется, превращаясь в барабан, проникает во внутренний мир лирического героя, оказываясь в его сердце. Оно многолико в географическом и в историческом плане. Используя разные названия Пиренейского полуострова, обращаясь к разным моментам его истории, к другим, связанным с ним вымышленным и реальным территориям, поэт подчеркивает свою мысль о ценности, многообразии и равноправии культур этого региона.

Сновидческие техники в романе «Безутешные» Кадзуо Исигуро

Орлова Татьяна Сергеевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Сны на протяжении всей истории человечества оказывали всепроникающее влияние на искусство. В мировой культуре сновидения как форма представляют художественный интерес для творцов разных видов медиа, открывая широкое поле для экспериментов. В частности, писатели с помощью определенных техник стремятся воссоздать в литературном тексте удивительный, пугающий, вдохновляющий и странный мир снов. Доклад раскрывает основные результаты исследования, посвященного роману «Безутешные» (*The Unconsoled*, 1995) британского писателя Кадзуо Исигуро (Ishiguro, 1954). В докладе утверждается наличие в романе сновидческих техник, созвучных положениям психоаналитической теории, в первую очередь, фрейдизма. В соответствии с целями исследования, в докладе предлагается выделение основных техник, которые Исигуро использовал для создания онейропространства в романе «Безутешные». С учетом психоаналитической теории, основное внимание в докладе уделяется положению, что в романе для раскрытия психологических проблем протагониста используются те же механизмы, которые лежат в основе работы бессознательных душевных процессов, в частности, снов. Среди выявленных техник можно обнаружить, например, точное следование логике сна, что также прослеживается из рабочего названия романа — «Piano Dreams». Фабульное описание городского пространства, по которому путешествует пианист Райдер, построено как психологический поиск, который погружает читателя в онейрическую реальность, а также в мир фрагментарных воспоминаний. Подобные и другие художественные решения в романе поддерживаются положениями психоаналитической и онейрической теориями. Проанализированные приемы онейроповествования позволяют Исигуро не только отразить сферу психологического, но и постепенно раскрыть в романном корпусе тему важности для человеческого опыта работы механизма памяти. Так, ряд художественных особенностей романа найдут свое отражение в более поздних работах писателя, например, в «Погребенном великане» (*The Buried Giant*, 2015). Анализ показал, что сновидческие техники в романе соотносятся с работой механизмов сновидений, выявленных психоанализом. Проведенное исследование зафиксировало художественную интенцию Исигуро написать универсальный, международный текст, который был бы понятен представителям разных культур с помощью языка снов, который является особым средством выражения, чья грамматика строится на работе универсальных метафор, а также таких общечеловеческих механизмов, как память, эмоциональный центр, акты бессознательного и т. д. Таким образом, проведенное исследование не только рассмотрело роман «Безутешные» с точки зрения онейропоэтики, но и позволило встроить текст «Безутешных» в корпус романов Исигуро, в которых отражена проблема памяти.

Работа Мэри Шелли над биографиями известных людей для «Кабинетной энциклопедии» Дионисия Ларднера

Павлова Ирина Николаевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Поздний период творчества Мэри Шелли мало изучен в российском литературоведении, и единственным значительным ее произведением по-прежнему считается роман «Франкенштейн». Однако англоязычные исследователи с 1990-х гг. переосмысливают ее творческое наследие, стараясь получить целостную картину. Бесспорный интерес представляют работы Мэри Шелли, не относящиеся к жанру романа. В 1830-е гг. основным заработком писательницы стало написание текстов для периодических изданий. В это время в обществе Англии происходили серьезные перемены. Господствующим общественным классом становилась буржуазия, представители которой старались усвоить нормы поведения аристократии. Начитанность вошла в моду. Распространение грамотности и интерес к наукам привели к бурному росту книжного рынка и вызвали спрос на научно-популярную литературу. Заметным проектом этого времени стала 133-томная «Кабинетная энциклопедия» Дионисия Ларднера, выходящая с 1829 по 1841 гг. Для работы над энциклопедией издатель привлек видных писателей и ученых того времени. Мэри Шелли стала единственным автором-женщиной и принимала участие в работе над биографическими разделами «Жизнеописания литераторов Италии, Испании и Португалии» и «Жизнеописания выдающихся литераторов и ученых Франции». На протяжении долгого времени работа Мэри Шелли над «Кабинетной энциклопедией» рассматривалась только как коммерческая деятельность и противопоставлялась «настоящему» литературному творчеству. На самом деле серьезные исследования и внимательная работа с источниками всегда были для Мэри Шелли неотъемлемой частью писательской работы и ценились ею гораздо выше, чем игра воображения. Роль просветителя и популяризатора науки позволила писательнице продолжить традиции родителей — видных деятелей эпохи Просвещения Уильяма Годвина и Мэри Уоллстонкрафт. Интересно отметить, что биографии писательницы Жермены де Сталь и французской революционерки мадам Ролан оказались созвучны собственному опыту автора, из-за чего подбор сведений и истолкование контекста приобрели отчетливую «личную» окраску. Можно предположить, что работа над жизнеописаниями литераторов оказала влияние на параллельно создававшиеся писательницей биографические комментарии к произведениям П. Б. Шелли.

Э. Т. А. Гофман и А. Тарковский: к постановке проблемы

Полубояринова Лариса Николаевна,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Кулишкина Ольга Николаевна,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Выбрав биографию и творчество Э. Т. А. Гофмана в качестве основы сценария, написанного им в 1974 г. для киностудии «Таллифильм», однако в итоге так и не ре-

лизованного, А. А. Тарковский в известной мере идет на поводу у русского мифа об Э. Т. А. Гофмане как о высшем и наиболее ярком проявлении немецкого романтизма. Тем не менее, налицо была и установка режиссера на оригинальное высказывание о жизни и творчестве романтика, недаром в качестве основы были выбраны не самые известные в отечественном контексте произведения Гофмана: «Кавлер Глюк», «Дон Жуан», «Приключения накануне Нового года» и «Майорат». Предположительно в ходе работы над текстом сценария обнаруживается известная художественная несовместимость двух авторов, заложенная в самих основаниях их несоизмеримых эстетик и поэтик. Гофмановский риторический гротеск эстетически ровно противоположен типичному для Тарковского *hic et nunc*, установке вернуть «созерцаемым вещам их свободное от знаков и значений бытие» (Н. Ф. Болдырев). Тем интереснее оказываются художественные решения Тарковского, основанные на целом ряде продуктивных перекодировок. В ходе успешного акта «претворения чужого в свое» режиссер создает из гофмановского материала аутентичный собственный текст, «художественный продукт», отмеченный авторской печатью уже не Гофмана, но Тарковского. Переработка гофмановских претекстов идет не только по линии перевода литературного текста в кинотекст, но касается также самих принципов поэтики, в частности, наррации (отказ от риторики «тайн и ужасов», от множественности повествовательных инстанций, показательных для Гофмана). Направление и суть работы Тарковского становятся особенно очевидными при сравнении тех (достаточно обширных) эпизодов его сценария, которые восходят к «готической» новелле Гофмана «Майорат» из сборника «Ночные этюды» (1816). Так, режиссер оказывается довольно равнодушным к эффектам готического хронотопа и «парапсихических» состояний, привлекавших немецкого романтика. И, напротив, интересным для режиссера предстает образ и мотив зеркала, не столь показательный для Гофмана. Именно данный, излюбленный мотив Тарковского и «прошивает» в итоге сценарный текст, вовлекая в пространство его рецепции также одноименный знаменитый фильм режиссера.

Интертекстуальность в кукольном фарсе Х. Бенаvente «Игра интересов»

Ранкс Ольга Константиновна,

к. ф. н., старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Творчество Хасинто Бенаvente (1866–1954), лауреата Нобелевской премии по литературе, отличается большим жанровым разнообразием. Тем не менее, в статусе важной фигуры мадридской литературной сцены от закрепился благодаря своему фарсу «Игра интересов» («*Los intereses creados*»), поставленному 9 декабря 1907 году. «Игра интересов», на первый взгляд, довольно простая комедия, кукольность персонажей которой позволяет укрупнить, выделить и высмеять пороки общества и модную формулу «создавать интересы» («*crear intereses*»), показывая, что основным интересом для большинства являются деньги. Все герои «Игры интересов» — знакомые зрителю по итальянской комедии дель арте (о чем открыто говорится в прологе) и испанскому театру XVI–XVII вв. — представлены в виде слегка измененных, но узнаваемых образов с устойчивыми характеристиками. Из комедии

дель арте в кукольном фарсе появляются Полишинель, Панталоне, Доктор, Арлекин, Капитан; кроме того, в образах главных героев — Леандро и Криспина — драматург возвращает на испанскую сцену традиционные для театра Золотого века фигуры «галана» и «грасьосо», а в образе доньи Серены, аристократки и по совместительству городской свахи, прослеживается связь с произведением Ф. де Рохаса «Трагикомедия о Калисто и Мелибее, или Селестина» («Tragicomedia de Calisto y Melibea o Celestina», 1502). В прологе драматург, используя прием остранения, подчеркивает отсутствие у пьесы «благородного родства» с комедиями Лопе де Руэда, Шекспира и Мольера, рассказывает о примитивности спектакля и старости кукол, в нем играющих, тем самым художественный мир комедии постепенно театрализуется. С театрализованностью «Игры интересов» связана и важная роль интертекстуальности в пьесе. Наиболее ярко она проявляется при сопоставлении фарса с трагикомедией Рохаса. Бенавенте не только использует образы заглавных действующих лиц «Селестины», но и имитирует в своей кукольной комедии ее сюжетные ходы, при этом переворачивая их. Например, те, кто в мире трагикомедии населял низы, у Бенавенте становятся верхом, а благородные, но небогатые представители верха оказываются внизу. Кроме того, время действия пьесы и некоторые элементы сюжета отсылают зрителя к богатой театральной традиции Золотого века в целом, и к Лопе де Вега в частности. Таким образом, особенностью образов «Игры интересов» становится их интертекстуальная насыщенность, что позволило Бенавенте не только «возродить славные традиции», но и предвосхитить многие идеи, которые нашли отражение в европейском театре 20–30-х гг.

«Простая американская традиция» в рассказах Э. Хемингуэя и Р. Карвера

Харрасова Эльвира Альфредовна,

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Раймонд Карвер — крупнейший новеллист, мастер короткого рассказа второй половины XX в. Расцвет его творчества приходится на 70–80-е гг. Карвер называл себя писателем «рабочих бедняков». Он прекрасно знал, как живут простые люди: выходец из семьи работающих бедняков, его отец подрабатывал на железной дороге в Арканзасе, на лесопилке, мать — работала официанткой и продавцом. Карвер говорил, что, с одной стороны, его проза показывала, как живут те, кого угнетает система, с которой приходится бороться беднякам. Сколько бы они не работали, они продолжали оставаться бедняками. И за это его хвалили и любили. С другой стороны его критиковали за то, что люди в его рассказах слишком несчастны, что вредит стране, где все должны улыбаться. Его называют «американским Чеховым», приемником Э. Хемингуэя, собратом У. Берроуза. С Чеховым его роднит психологизм героев, с Берроузом — пристрастие к алкоголю и выбор тем для творчества, с Хемингуэем — простота, которая проявляется в выборе приемов, тематике, минимализме. Как и Хемингуэй, Карвер писал правдиво, старался рассказать честную историю о человеке. Он рассказывал другим о проблемах тех, кто остался без голоса, самых бедных слоев населения. Рассказам Карвера присущ минимализм, продолжая традицию писателя-предшественника, за лаконизмом он прячет глубину, стараясь

передать внутренний лиризм. Используя принцип «айсберга» Хемингуэя, Карвер вшивает в повествование боль, отчаяние, разочарование, равнодушие. Читатель для Карвера — это соучастник процесса, додумывая, что спрятано под водой, самостоятельно собирая в голове образ целого «айсберга», он начинает сопереживать героям. Если хемингуэевский телеграфный стиль был результатом работы в газете и усвоенных от наставника-репортера уроков, то минимализм Карвера обусловлен стилем жизни. В ранние годы творчества, когда он перебивался с одной плохой работы на другую, а дома его ждали супруга и двое детей, Карвер просто не мог выделить себе много времени на написание рассказов и стихотворений. «Простота» выбранных нами писателей выражается и в ограничении времени внутри новелл. Писатели намерено выделяют в начале рассказа основную ситуацию и показывают то, что происходит «сейчас». Следуя заветам По, они делали рассказ тем, что дарит «единство впечатления». В текстах Карвера и Хемингуэя у читателя нет места, которое давало бы разрыв времени, читатель — помощник оператора, которому нельзя отлучиться от разворачивающегося действия. Именно потому для чтения не возникает помех: «ни перерывов, ни утомленности внимания».

Роман «Послы» Г. Джеймса как вариант Bildungsroman

Шихова Анна Леонидовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Литературная карьера Генри Джеймса началась с восторженной рецензии 1865 г. на американское переиздание романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Эта рецензия и некоторые другие свидетельства позволяют сделать вывод, что Джеймс был хорошо знаком с творчеством Гёте и даже разделял некоторые его философские и эстетические воззрения. В своей рецензии Джеймс не только обозначает гетевские принципы Bildungsroman, но и как будто проговаривает темы и идеи, которые в будущем станут важны и для него самого: роман, в котором важен не сюжет, а фигура героя, главная цель которого — самосовершенствование (self-culture) и поиск гармонии с собой. В гетевской модели Bildungsroman, к которой Джеймс будет обращаться на протяжении всего творчества, его главным образом интересовало нравственное, духовное и интеллектуальное развитие своих героев. Родерик Хадсон, Изабелла Арчер, Ламберт Стрезер также проходят путь поиска себя и пересмотра собственных ценностей. Инвариантом этой модели стал поздний роман «Послы», который исследовательница Барбара Харди охарактеризовала как «kind of middle-aged Bildungsroman». На первый взгляд, «Послы» не вписываются в модель романа воспитания, которая традиционно предполагает наличие юного героя, полного надежд и ожиданий, готового вступить на свой жизненный путь, в то время как герой Джеймса — разочарованный мужчина средних лет, который с горечью размышляет о нереализованных мечтах молодости и приходит к выводу, что прожил жизнь не так, как хотел. Но по мнению некоторых исследователей, именно в этом произведении Джеймс добился идеального воплощения понятия Bildung в том смысле, в котором понимал его Гёте — как процесс постоянного духовного и эстетического развития личности. Идея Bildungsroman расходитсся с его более поздней разновидностью — романом воспитания (formation novel), характерной для англо-американской

литературы. Данный тип романа, как правило, описывает жизнь героя с юных лет до момента возмужания. При этом процесс взросления происходит путем преодоления различных ситуаций, обретения житейского опыта, зачастую в авантюрно-приключенческой манере, и не связан со специфической задачей личностного роста. В то время как внешне бессобытийный Bildungsroman исследует историю именно внутренней жизни героя. В рамках настоящего доклада будут рассмотрены отличия романа воспитания и Bildungsroman, а также установлена связь романа Г. Джеймса «Послы» с традицией последнего.

Проблемы модерна и постмодерна в зарубежной литературе

Готическая традиция в (пост)модернистском романе К. Маккарти «Кровавый меридиан»

Вихрова Ксения Александровна,

ассистент

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

В докладе предпринимается попытка определить особенности функционирования элементов готической традиции в романе «Кровавый меридиан» (1985) современного американского писателя К. Маккарти (род. 1933) в контексте постмодернистской парадигмы. «Аппалачские» романы Маккарти часто рассматривают сквозь оптику авторского использования готической образности в ее южном преломлении, а самого писателя обычно определяют как постмодерниста. Действительно, место действия «Кровавого меридиана» — отчетливо готические пейзажи юго-западной границы США («terra damnata»), на фоне которых разворачивается физический, психологический и символический катабасис банды головорезов. Язык, использованный Маккарти для описания бесчеловечной жестокости, творящейся на фронтире, одновременно поэтичен и бесстрастен, что также поддерживает готический эффект притяжения и отвращения. Вокруг эстетической константы архаичного стиля письма разворачивается прагматическое исследование концепций легитимного насилия, американского Просвещения и благодетельной Природы. Наследуя традиции американской готики, подрывающей оптимистичное видение прекрасного будущего, Маккарти не только осуществляет деконструкцию героического фронтирного нарратива — одной из центральных национальных идей США, — но и выстраивает коллективную память вокруг травмы колонизации. Готический страх утраты связи между человеком и семьей, государством и Богом преодолевается в результате реконструкции идейных основ национальной идентичности. Это происходит благодаря достаточно определенным и однозначным ответам на вопросы политики памяти, занимающие важное место во всех «южных» романах Маккарти: выйти из цикла «вечного возвращения» травмы утраты и ностальгии по героическому прошлому страны, которого никогда не было, помогает само признание и осознание травматического опыта. Развенчание фронтирного мифа происходит одновременно с поиском телеологических оснований существования как американской нации, так и всего человечества. Один из возможных ответов представлен в главе VII (подглава «Tertium quid»), в которой осуществляется манифестация божественных сил, заключенная в рамки гностической основы романа. В результате анализа делается вывод о необходимости пересмотра традиционного определения романа как постмодернистского из-за его структурной иерархичности и синтетической природы, отчетливого композиционного центрирования и прагматической составляющей.

Гетерономная поэтика Фернанду Пессоа (Португалия) и Виржилиу де Лемуша (Мозамбик). Опыт сопоставления

Мазняк Мария Михайловна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

1. Творчество Фернанду Пессоа (1888–1935) — одна из наиболее ярких страниц истории западноевропейской литературы XX в. Он вошел в историю португальской поэзии как ее реформатор. 2. Отличительной чертой поэтического творчества Фернанду Пессоа явилась его манера писать стихи не только от своего собственного имени, но и от имени других, выдуманных им поэтов — гетеронимов — каждый из которых был наделен подробной биографией, характерной внешностью, особой философией и своеобразными, индивидуальными чертами поэтического письма. 3. Изучение художественного творчества стран бывших европейскими колониями начинает развиваться с конца 80-х гг. XX в., по преимуществу в отношении англоязычных литератур; в 90-е гг. к ним добавляются франкофоне и испаноязычных реалии. Совсем недавно к этому списку стали прибавлять и португалоязычный мир. 4. Литература Мозамбика, поздно заявившая о себе как об уникальном эстетическом феномене, сконцентрировала гетерогенные литературные традиции. 5. Среди постколониальных авторов, не теряющих культурных связей с литературной бывшей метрополией, выделяется мозамбикский поэт и журналист Виржилиу де Лемуш (1929–2013). Особенность его поэтического творчества также заключается в использовании гетеронимов. 6. В докладе делается попытка сравнения гетерономной поэтики двух португалоязычных авторов — Фернанду Пессоа, определившего рубеж XIX–XX вв. и Виржилиу де Лемуша, сформировавшегося на рубеже XX–XXI вв. 7. Показано, что поэтическое вдохновение Виржилиу де Лемуша не является простым плагиатом своего «европейского» предшественника. Поэтическое наследие обоих авторов «многоличностное», однако гетерономная поэтика Виржилиу де Лемуша в высшей степени актуальна, затрагивает период современной автору эпохи перманентной политической нестабильности в Мозамбике, тогда как аналогичная поэтика Фернанду Пессоа представляется более «универсальным» феноменом.

О мизогинии в творчестве Томаса Бернхарда (1931–1989): перипетии исследовательского сюжета

Новикова Светлана Юрьевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается эволюция исследовательских точек зрения на гендерную проблематику в произведениях одного из крупнейших австрийских писателей XX в. Томаса Бернхарда (1931–1989). Основными этапами смены взглядов на проблему представляются: 1. констатация «мизогинной» природы творчества писателя с позиций феминистской критики 1970-х гг. (Р. Эндрес); 2. изучение влияния мизогинных

дискурсов Отто Вейнингера и Артура Шопенгауэра (М. Миттермайер, М. Хубер, К. Хаас); 3. рассмотрение эволюции женских образов и констатация ослабления мизогинных тенденций в позднем творчестве писателя (начиная со второй половины 1970-х гг.) (Х. Геле, М. Таба); 4. попытки поколебать представление о мизогинном характере бернхардовского письма с помощью деконструкции «маскулинности» его персонажей или способа письма (С. Ташкенов, В. Ронге); 5. рассмотрение мизогинии как предмета критического изображения в произведениях писателя в русле идей постструктуралистской феминистской критики 1990-х гг. (М. Таба, В. Ронге, С. Краммер). Делается вывод о том, что представления о «маскараде» гендерных ролей в произведениях Бернхарда, восходящие к работе Дж. Батлер «Лакан, Ривьер и стратегия маскарада» (1990) (так называемая гегемонная маскулинность персонажей рассматривается в такой трактовке всего лишь как маска, иронический конструкт) в целом действительно удачно гармонируют с принципами бернхардовской поэтики, основанной на театральных принципах. Однако учитывая суждения писателя о женщинах, во многом обусловленные общим консервативным контекстом культуры 1950-х гг., необходимо с осторожностью относиться к попыткам усмотреть в его произведениях намеренный отказ от эссенциалистских представлений о мужском и женском начале или приписать ему пафос деконструкции представлений о гендере, характерный для феминистской мысли 1990-х гг. На наш взгляд, диалектика утверждения и одновременно осмеяния «фаллологоцентрической» модели простирается исключительно из самого способа творческого мышления писателя — требования постоянной релятивации любого высказывания.

Мотив смерти в пьесах Эльфриды Елинек

Придорогина Елена Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен поэтике смерти в пьесах австрийской писательницы Эльфриды Елинек (1946 г. р.). В качестве материала исследования выбраны ранние пьесы автора: «Что случилось после того как Нора оставила мужа, или Столпы общества» (1977) «Клара Ш.» (1981), а также «Болезнь, или современные женщины» (1987). Мотив смерти звучит лейтмотивом во многих прозаических и драматических произведениях Елинек. О своем отношении к смерти автор заявила еще в своей Нобелевской лекции 2004 г. «В стороне»: «Дело в том, что существует слишком много мертвых, за которыми я вынуждена присматривать». Действительно, ее персонажами часто становятся мертвецы, вампиры, существа, балансирующие между жизнью и смертью, наполовину живые, обескровленные и питающиеся чужой кровью и т. д. В пьесах Елинек они воплощают собой метафорические образы смерти и транслируют читателю и зрителю идеи, ставшие центральными в творчестве писательницы: разрушение повседневных стереотипов, проблема свободы личности в современном обществе, а также противостояния мужского и женского, человека и природы, общества и личности. В ранних пьесах Елинек одной из ключевых метафор смерти является женственность. Умиранию, потере сил или буквально «обескровливанию», вампиризму и «жизни» за счет смерти другого человека подвержены женские персонажи писательницы. Примечательно также, что граница между жизнью и смертью, миром живых и мертвых пред-

ставляется героям Елинек достаточно зыбкой. «Обескровливание» от тяжелой работы, утрата женственности и объективизация личности стало рутиной для работниц фабрики в пьесе «Что случилось...». Вампиризм позволил героиням Елинек вырваться за пределы стереотипного общественного осознания, обрести свою идентичность и реализовать себя как личность. Смерть разрушила гендерные стереотипы и вернула героиням Елинек голос, предоставив шанс поделиться своими мыслями и быть услышанными. Наконец, только смерть помогла героиням реализовать свои творческие амбиции. Таким образом, метафоры смерти в ранних пьесах Елинек позволяют автору обратиться к проблемам современного общества и вывести проблему женской эмансипации и гендерных стереотипов на уровень характерного для литературы постмодерна противостояния общества и личности.

Интеллектуальная проза Джона Фаулза (повесть «Башня из черного дерева»)

Селитрина Тамара Львовна,

д. ф. н., профессор

Башкирский государственный педагогический университет

Отечественный ученый Н. Пальцев еще в 1980 г. в предисловии к сборнику «Повести Джона Фаулза», изданному на английском языке, заметил, что писатель близок одной из центральных традиций в западной литературе и искусстве XX ст., — традиции «философического, нравственно-максималистского осмысления действительности в ее настоящем и ее перспективах, — традиции, вызвавшей к жизни прозу Томаса Манна и Германа Гессе, Камю и Сартра» [с. 4]. В то время еще не были изданы дневники писателя, но тенденция относить произведения Фаулза к философской жанровой генерализации, на наш взгляд, справедлива. Сам Фаулз 18 ноября 1954 г. записал в своем дневнике: «...существуют два рода писателей: те, кто гениально реализует себя в конкретном жанре — Мольер, Расин, Достоевский, Мэнсфилд; и другие, которые обладают универсальным умом и просто считают, что лучше всего могут выразить себя в слове, — А. Жид, Гете, Д. Г. Лоуренс; интеллектуальные писатели и писатели, принадлежащие одному жанру. Я интеллектуальный писатель, меня интересуют все жанры. Ни в одном не чувствую себя мастером, но со всеми в ладу. И почему бы не представлять на читательский суд все работы, если ты интеллектуальный писатель (которых больше волнуют идеи, нежели слова) по мере того, как они создаются — за годы или другие отрезки времени, быть всецело живым художником, не систематизированным в музее. Пусть систематизацией занимаются невропатологи». Писателя увлекают разные философские системы, в молодости — экзистенциализм. По его словам, в этой новой философии он ощущал «побудительную силу» [с. 398]. В своем интервью, данном российской исследовательнице Н. Рейнгольд в 1992 г. он поведал, что когда он поступил в Оксфорд в далеком 1940 г., экзистенциализм казался ему убедительным: «Сартр, особенно Камю, сошли на нас подобно яркому свету. Война была чем-то вроде полосы темноты, тени, и где-то было это пространство света. Сейчас я не назвал бы себя экзистенциалистом. ... конечно, экзистенциализм был счастливой находкой, жаждой свободы. Я считаю, что во благо или во вред, идея свободы постепенно распространяется в мире. Очень медленно, но именно она питала меня и мое творчество». Однако, он подчеркивал, что «...экзистенциализм — не философия... Это теория относительности среди теорий аб-

солютной истины» [с. 170]. Ему импонировало «сопротивление одного человека коллективным формам социума и вере, не допускающей свободы выбора» [с. 170]. Его повесть «Башня из черного дерева» о несостоявшемся художнике, утратившем силу воображения. Фаулз показывает эстетическую ущербность абстрактного искусства используя фаустовский мотив «договора с чертом». Также как и Леверкюн у Томаса Манна, Дэвид оказывается в плену недолжной жизни и ложной эстетики.

Непонимание как основная тема романа Джонатана Сафрана Фоера «Вот я»: интерпретация в контексте постмодернистской концепции «пустого знака»

Соловьева Диана Юрьевна,

специалист

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Постмодернистская концепция «пустого знака» основана на идее отрыва знака от своего референта. «Пустота» или неопределенность знака предполагает нарушение коммуникации между субъектами. Обмен знаками, которые не привязаны к смыслу, ведет к одному — непониманию.

В романе «Вот я» Дж. С. Фоера проблема непонимания раскрывается на разных уровнях: социально-политическом, национальном, поколенческом, межличностном и личностном. Писатель намеренно использует постмодернистские концепции, акцентируя внимание на том, что нахождение героев в разных «языковых системах» разделяет их. Кульминационным моментом нарушенной коммуникации в романе становится диалог Джейкоба и Мэгги Силлиман. Джейкоб невольно врёт на протяжении всего диалога: его слова не значат ничего. Происходит лишь подобие коммуникации. Недаром внутри этого диалога встраивается воспоминание Джейкоба о разговоре с Бенджи, его сыном, когда тот спрашивает: «А бывают имена без вещей?»

Бесконечное скольжение по поверхности языковых систем является характеристикой «децентрированного субъекта». Герой Фоера — «раздробленный» и вечно обновляющийся человек. Однажды он начинает представлять «пустой знак» для самого себя. Обрести подлинное понимание (по крайней мере, то, на которое человек смеет надеяться) и не быть одиноким «постмодернистскому человеку» все сложнее.

Однако в романе есть и оппозиция ситуации нарушенной коммуникации и одиночества. Важными оказываются два мотива: молчания и «расширения». Настоящее понимание возникает между героями вне языковой сферы. Ведь истинное общение и сближение происходит не путем обмена знаками, а путем обмена смыслами или общим контекстом. Чем глубже и обширней контекст, тем меньше слов требуется героям, чтобы понять друг друга.

Мотив молчания дополняется сквозной метафорой «расширения». В моменты близости слово расширяется до общего чувствования или до готовности верить в чувства другого. Об этом неоднократно упоминаемая в романе притча об Аврааме, об этом же рассказанная Деборой история из детства Джейкоба: он притворялся глухонемым, чтобы получить внимание. Джейкоб отказался от слов, чтобы быть понятым в своей боли. Дебора верит сыну. По мере приближения главных героев к разводу расширенное

пространство сжимается, а слова окончательно теряют свое «контекстуальное расширение» и превращаются в «пустые знаки». Для героев финал кажется определенным. Но для читателя романа, который находится «над текстом», вывод не так однозначен.

В финальной сцене звучит афористичный вывод: «Между двумя существами всегда есть непреодолимое расстояние, запретная зона. Иногда оно принимает форму одиночества. Иногда оно принимает форму любви». В метатекстуальной плоскости это читается не как приговор миру, а как вопрос выбора: мы можем выбрать одиночество или любовь.

Роман Паоло Бачигалупи «Заводная»: постколониальный дискурс и проблема инаковости

Хорошевская Юлия Павловна,

к. ф. н., доцент

Ростовский государственный университет путей сообщения

Паоло Бачигалупи (Paolo Bacigalupi) — американский писатель-фантаст итальянского происхождения (род. 1972). Роман Бачигалупи «Заводная» (*The Windup Girl*, 2009) получил несколько престижных наград в области фантастики: премии «Хьюго» и «Небьюла», премия памяти Джона У. Кэмпбелла и премия «Локус» за лучший первый роман. Опираясь на традиции западной НФ, автор в то же время значительно уходит от этих традиций, изображая футуристический Бангкок, где, несмотря на достижения в области науки, сохраняются расовые противоречия, стереотипы и предрассудки, влияющие на повседневную жизнь людей.

Таиланд в романе населен различными группами самих тайцев, а также десятками иммигрантов и беженцев из Малайзии, Бирмы, Вьетнама и Китая. Представители иных этнических групп воспринимаются тайцами как Другие — нечто чужеродное, что, ни при каких условиях, не может быть понято, принято и ассимилировано как Свое. Вынесенная в заголовок романа «заводная», она же «пружинщица» — Эмико, генетически модифицированный человек, созданный в Японии, и самый настоящий Другой по отношению ко всему остальному человечеству.

Традиционная НФ остраивает условную реальность посредством спекулирования научным и техническим дискурсом, использования характерных образов Других: инопланетяне, роботы, андройды и т. д. Перенесение же действия в т. н. «этно-пейзаж», по мнению некоторых исследователей, переосмысливает и углубляет эту схему, чтобы создать альтернативный образ, который позволяет нам взглянуть с другой стороны на технологические и расовые взаимоотношения с позиции их политических, социальных и культурных аспектов.

В романе можно провести упрощенную дихотомию Запад/Восток, однако это противопоставление гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Рассказывая истории персонажей, находящихся на слишком разных социальных и культурных уровнях, принадлежащих к различным этническим группам, Бачигалупи ломает традиционное обывательское представление об Азии как однородном регионе. Текст затрагивает ряд проблем, актуальных для современности, а помещение действия в ориенталистский сеттинг позволяет избежать упрощения бинарной оппозиции Запад/Восток. Автор значительно отступает от канонической риторики НФ, создавая мир, наполненный сложными этническими отношениями в Юго-Восточной Азии.

Поиск versus этика: экзистенциальный конфликт в романе У. Перси «Кинолюбитель»

Черкасова Александра Владимировна,

ассистент

Запорожский национальный университет

Доклад посвящен анализу особенностей конфликта, представленного в романе «Кинолюбитель» («The Moviegoer», 1961) американского писателя Уокера Перси (1916–1990, Percy).

Основной конфликт в «Кинолюбителе» разворачивается между главным героем романа Бинксом и его теткой Эмили, находящимися в разных модусах существования. Бинкс первоначально пребывает в киркегоровском эстетическом модусе, что выражается в сознательной эстетизации героем всех аспектов своей повседневной жизни с целью максимализации неподлинности существования: Бинкс стремится превратить себя в идеальный экземпляр по типу хайдеггеровской категории *das Man*, и эта имитация доставляет ему эстетическое удовольствие. Центральные источники наслаждения для Бинкса — его романы с секретаршами и просмотр кино, служащего герою более качественным эстетически значимым суррогатом окружающей его неаутентичной реальности, средством ее валидации.

Ввиду недостаточности эстетического восприятия как ценностной системы Бинкс осуществляет переход к модусу поиска. В общем смысле идею поиска можно пояснить как духовное напряжение, нацеленность на поддержание своего существования с помощью самостоятельно избранного смысла. В случае Бинкса конкретным наполнением процесса поиска становится решение вопроса о существовании Бога и о возможных отношениях с ним человека.

Тетка Бинкса Эмили является проводником этических норм, основу которых составляют элитарный гуманизм, стоицизм и фатализм. Однако ее этичность неаутентична, поскольку ценности Эмили не изобретаемы ею в экзистенциальном напряжении, а, подвергнувшись субстанциализации, имеют внеположный субъекту, априорный характер. Для Эмили характерен самообман (*mauvaise foi*), выражающийся в изменении окружающей действительности под свое видение, а также отчаяние, вызванное наблюдением распада системы стоицизма. Кроме того, неаутентичность ценностей Эмили косвенно подтверждается наличием в романе сниженных вариантов этического агента, оперирующих на уровне *das Man* (Нелл Лауэлл, участники радиопрограммы «В это я верю»).

В кульминационном для развития конфликта разговоре Эмили предъявляет племяннику обвинение в отказе от квазиобщих этических ценностей. Подобно киркегоровскому Аврааму, Бинкс, будучи виновен с этической точки зрения, благодаря обращению к поиску, аналогичному прыжку веры через абсурд, оказывается вне этических норм, поэтому его ответом на обвинения Эмили становится молчание. Идея поиска и этические категории располагаются в принципиально разных плоскостях, что обуславливает провал коммуникации между их носителями. Молчание Бинкса, порожденное несоответствием между этическим и абсолютным, образует параллель с завершающим поиск героя «умолчанием», которое является центральным элементом выстроеного в романе авторского экзистенциалистского инварианта.

Русская литература и культура Серебряного века и русского зарубежья: традиции и инновации

Проблема рецепции творчества В. В. Набокова и его романа «Лолита» в Иране

Аштарани Сусан,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность темы данной работы обусловлена тем, что впервые рассматривается процесс рецепции эмигрантского творчества В.В.Набокова в Иране на примере романа «Лолита» и раскрывается отношение читателей к этому роману с точки зрения идеи диалогического понимания и горизонта ожидания Х.Р.Яусса. Объектом рассмотрения стали труды иранских исследователей, статьи и рецензии, посвященные изучению произведений Набокова в Иране. В центре внимания находится рецепция романа Набокова «Лолита», а также проблема адаптации его романа среди иранских читателей. Основная цель работы — исследовать процесс возникновения интереса иранского читателя к творчеству Набокова, раскрыть особенности восприятия романа Набокова «Лолита» в связи с идеологией, религией и обществом и выяснить специфику рецепции этого романа в Иране. Показывается, что Набоков — один из крупнейших писателей-билингвов XX в., романы которого неоднократно переводились разными переводчиками Ирана на персидский язык. Количество переведенных текстов Набокова и переиздание его произведений свидетельствует о том, что, несмотря на сложные языковые проблемы, его произведения не только находятся в центре внимания переводчиков, но и в центре внимания иранских читателей. Роман «Лолита» включается в список самых скандальных произведений в Иране. Этот роман переведен двумя переводчиками. Первый раз в 1960-х З.Мансури свободно перевел роман «Лолита», и его перевод не является точным соответствием оригинальному тексту. В 2014 г. А.Педрамния буквально точно перевела роман и издала его без цензуры в Афганистане. Учитывая, что, с точки зрения Х.Р.Яусса, горизонт ожидания читателей в разных условиях и контекстах постоянно изменяется, на протяжении сорока лет иранские читатели под влиянием социальных, политических и религиозных условий по-разному воспринимают это произведение. Азар Нафиси — иранский общественный деятель и писательница полагает, что роман «Лолита» является произведением о тоталитарной системе. Нами установлено, что в первом чтении этот роман в Иране описывается и воспринимается как «эротический». Но постепенно интерпретация читателей меняется, и они относятся к этому роману по-новому, так как неко-

торые факты, которые нашли отражение в романе «Лолита», похожи на реальность, встречающуюся в обществе исламской культуры. Иранский читатель сталкивается с фактами, которые ему понятны. Такие факты — одна из причин, по которой роман Набокова не только соответствует вкусу иранского читателя, но и полностью соглашается с предыдущим опытом читателя. Для современного читателя этот роман отражает актуальные проблемы общества. Показывается сходство Гумберта с диктаторами тоталитарного режима, а Лолиты с теми людьми, кто не может выбирать и не может принимать решение.

Мысли и творчество В. В. Розанова: взгляд из Китая

Ван Хуэй,

аспирант

Пекинский педагогический университет

В докладе рассматриваются достижения китайских славистов в исследовании мысли и творчества В. В. Розанова (1856–1919). Мы анализируем статьи и книги Чжао Гуйлянь, Чжэн Тиу, Чжан Байчунь, Тянь Цюаньцзинь, Гэн Хайин, У Цюн, Цзи Вэй, Го Сяоши и др., важные для интерпретации творчества писателя в Китае. Имя Розанова появилось в китайской переводной монографии «Литература и революция» Л. Д. Троцкого в 1920-е гг., но заинтересоваться им в Китае начали только в 1990-х гг. В докладе будут рассматриваться исследования творческого и философского наследия В. В. Розанова в трех аспектах: общее представление о Розанове, перевод его работ и работы о нем, причем, в рамках таких сочинений, как «Уединенное» (СПб., 1912; 2-е изд. 1916 г.), «Опавшие листья» (СПб., 1913; Пг., 1915), статьи о критике Достоевского и других типичных для него темах. В центре внимания прежде всего его работы по литературной критике и религиозной философии, которая существеннее всего для мыслителя. Исследователями показано, что конец XIX и начало XX в. были периодом великих идеологических и культурных изменений в России, а также временем, когда появилась большая группа талантливых людей в литературе и философии. Не только важным, но и необычным представителем последних был Розанов. Его взгляды пересекаются с учениями различных философских школ и литературных направлений, но он не принадлежит ни к одной из них. Его статьи стихийны по форме и содержанию, но в его сердце всегда горит путеводный свет; он представитель русского «вечно бабьего» в душе и первопроходец того, что назовут позже русским постмодернизмом; он ставит под сомнение церковь, в то же время его вера в Бога чиста... В этом и кроется интерес изучения Розанова — противоречивой и антиномичной личности в Китае. У Розанова показано столько «русскости», что будет интересным его прочитать с точки зрения любого иностранца. Китайские слависты в основном уделяют внимание биографии как описанию жизни писателя, творчеству Розанова, посвященному литературе, философии пола, а также жанру и стилю его произведений. Можно сказать, что результаты исследований китайских исследователей основываются на достижениях русских ученых. Перевод представляет собой важные результаты исследования для нашего понимания Розанова. И следует признать, что систематическое изучение литературной, эстетической и философской мысли Розанова содействует систематизации его объемных и сложных работ, пониманию его идей. Раскрытие коннотаций его литературной и эстетической мысли и исследование источников не только способствует

углублению «розановедения» в Китае, но и является полезным дополнением к изучению истории мысли, русской культуры и литературы конца XIX — начала XX вв.

Мотив паломничества в творчестве Ивана Сергеевича Шмелева

Дао Сяолэй,

аспирант

Пекинский педагогический университет

Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950) — один из представителей «первой волны» литературы русского зарубежья. Главные произведения Шмелева — «Про одну старуху» (1925), «Богомолье» (1931–1948), «Пути небесные» (1935–1947). Его произведения глубоко укоренены в русской православной культуре, а мотив паломничества играет в его творчестве центральную роль. Что касается концепции паломничества, то исследователь Ди Диас (Dee Dyas, *Pilgrimage in Medieval English Literature 700–1500*, Cambridge: D. S. Brewer, 2005) высказал мысль «Жизнь — это паломничество», включающую понимание форм внутреннего, а также нравственного паломничества и хождения на богомолье. Рассматривая творчество Шмелева, формы внутреннего и нравственного паломничества можно отнести к духовному странствию, целью которого является достижение окончательного искупления и очищения души, хождение на богомолье истолковано как путь в физическом пространстве. Паломничество в физическом пространстве — это когда человек достигает гармонии в духовном мире благодаря тому, что он видит и понимает в физическом пространстве. Физическое космическое паломничество включает в себя два аспекта: надежду на жизнь и освобождение от смерти. Для одних паломничество в физическом пространстве — это двойная практика тела и духа. Те, кто искуплены на этом пути, обретают надежду на жизнь. Однако для других путь паломничества — это путь к смерти, а смерть для них — не смерть, а новая жизнь. В христианском контексте история человечества — это история поиска утраченного дома как рая, а паломничество — символ духовного странствия в поисках сакрального места и пространства. Духовное паломничество — возвращение в родные места как окончательное искупление. В творчестве Шмелева духовное паломничество сводится к следующим двум ситуациям: во-первых, это путь духовного прибежища. Индивидуум, пересекая границы разума, находит себя в религии; во-вторых, индивидуум строго ограничивает себя и совершенствует себя, придерживаясь своей веры, воссоздает внутренний духовный путь в процессе постоянного совершенствования. Между паломничеством в физическом пространстве и паломничеством духовным есть существенная разница: в первом есть обратный путь, и паломники совершают поездки в целях совершения религиозных обрядов, углубляя осознание своей веры и укрепляя веру в нее. Духовное паломничество — это путешествие в один конец, паломничество — это возвращение в родные места, гармония и единство внутреннего мира паломника представляет собой завершение духовного познания. Творчество Шмелева в период его жизни во Франции — это не только описание души писателя, но и, в некоторой степени, утешение души. Мотив паломничества, художественно раскрытый Шмелевым, имеет важное значение для русской литературы.

Миф о поэте в творчестве М. И. Цветаевой в психоментальной перспективе

Карпов Николай Александрович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Применение в изучении литературного текста психологически ориентированных методологий (в частности, психоаналитического и психобиографического метода), наверное, сложно считать магистральной линией развития литературоведения, однако это направление имеет свою устоявшуюся традицию. Предлагаемый нами психоментальный подход к художественной литературе, актуализируя важность реконструкции внутреннего психологического содержания текста, его «бессознательного», направлен на выявление психических реакций автора текста, его эмоционального состояния и основных стратегий его мышления. Подобный подход представляется особенно продуктивным прежде всего в изучении лирики, литературного рода «выражающего мысли, чувства и переживания субъекта» (Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 450). Миф о Поэте («Орфее», «пророке» и т. п.) не только становится центральным, магистральным в творчестве М. И. Цветаевой, но поднимается на невиданную во всей предшествующей и современной поэтической традиции высоту. Ср. в цикле «Поэты» (1923): «Он тот, кто смешивает карты, / Обманывает вес и счет, / Он тот, кто спрашивает с парты, / Кто Канта наголову бьет». «Поэт» в цветаевской картине мира не только стремится без остатка, «до краев» «заполнить» личность, но и порой становится шире, масштабнее личности, возводясь как бы на степень «сверх-Я». Ср. известную формулу, комментирующую гибель Маяковского в статье Цветаевой: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый — поэт встал и человека убил...» (Цветаева М. И. «Искусство при свете совести» (1932)). В цветаевской поэтической мифологии не поэт должен стремиться стать личностью, а, скорее, человеческая личность должна стремиться «дорасти» до идеального поэта, который становится колоссальной фигурой, живущей не только вне социума, но даже вне времени и пространства. При этом, становясь носителем собственной неподсудной этики, поэт оказывается «по ту сторону добра и зла»: «Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть. Чтобы быть хорошим (не вводить в соблазн малых сих), искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя» (Там же). С психологических позиций можно предположить, что настоящее отождествление себя как личности с культурно-психологической ролью «поэта» являлось для Цветаевой неким способом преодоления внутренних конфликтов и повышения собственной самооценки. Однако на деле подобные жизнетворческие и очевидно максималистские установки неизбежно вели субъекта цветаевской поэзии к ощущению разлада с миром и с собой.

Рецепция мифотворческого метода Фридриха Ницше в философской прозе Вяч. Иванова

Кибальниченко Сергей Александрович,

к. ф. н.,

Липецкая газета

Цель исследования — показать, что Вяч. Иванов как писатель-мыслитель в своей философской прозе и прежде всего в книге «Борозды и межи» (1916) создал миф о Достоевском, зеркально повторяющий ницшевский миф о дионисийском художнике Эсхиле, который нашел отражение в таких его философских сочинениях, как «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) и «Рихард Вагнер в Байрейте» (1876). Но главным новшеством Иванова-исследователя стал мифотворческий метод, при помощи которого он пытался доказать преемственность религии Диониса и христианства. Наиболее полно его научный подход воплотился в книге «Дионис и прадионисийство» (1923). В книге «Рождение трагедии...» Ницше обогатил мифотворческий метод, сделав его важнейшим в классической филологии. Подобное новаторство неоднозначно встретили в академической среде, общие настроения выразил гневный памфлет «Филология будущего!» (1872), написанный Ульрихом фон Вилламовицем-Мёллендорфом. Иванов отыскал главное сокровище в наследии Ницше — его метод философствования, основанный на мифотворчестве. Составить представление о нем позволяет миф о Сократе, созданный в работе «Рождение трагедии...». В ее основу легли реальные факты, сохраненные исторической памятью. Ницше упомянул комедию Аристофана «Облака», в которой был высмеян Сократ. В книге приводятся также слова дельфийского оракула, объявившего философа мудрейшим из эллинов. Но исторические факты переплетаются в «Рождении трагедии...» с утверждениями автора, которые нельзя проверить, опираясь на античные источники. Сократ оказался лишь тенью, сквозь которую видно, как вращается «огромное маховое колесо логического сократизма». В «Рождении трагедии...» чувствуется блестящая научная выучка Ницше, не позволившая античной мифологии расплыться в причудливую фантазмагорию, как это произошло в романе Джеймса Джойса «Улисс». Иванов также сочетал в себе два эти полюса (филолог-классик и поэт), что и позволило ему усвоить ницшевский метод. Теоретик символизма воссоздал в своей философской прозе ницшевский миф о Сократе (убийце трагедии) и Эсхиле (дионисийском художнике). Эту схему Иванов перенес на русскую литературу XIX века. Место Сократа занял у него Толстой, а роль Эшила была отведена Достоевскому. Иванов руководствуется исключительно логикой мифа. Потому и в его философской прозе обойдены молчанием художественные произведения Толстого, представшего каким-то отвлеченным моралистом. Логика мифа вынудила Иванова уподобить музу дионисийского художника Достоевского «обезумевшей» менаде. Опираясь на ницшевскую методологию, Иванов создал культурно-исторический миф о преемственности религии Диониса и христианства, который облекся у него в форму научной концепции в книге «Дионис и прадионисийство». Но там, где недоставало исторических фактов, автор пользовался поэтической фантазией.

Феномен неприятия русского модернизма в лекциях, статьях и книгах И. А. Ильина

Овчинкина Ирина Вячеславовна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный гуманитарный университет

В последние годы наметилась тенденция пересмотра оценки литературных текстов Серебряного века, которые, впрочем, и раньше вряд ли оценивались безоговорочно. И. А. Ильин (1883–1954), вынужденно покинувший Россию 26 сент. 1922 г. на теплоходе «Oberburgermeister Hacken», в России и в изгнании оставался жестким критиком творчества русских модернистов. Высказывания И. А. Ильина о модернистской лирике, философии, музыке и живописи, иногда крайне категоричные, имеют под собой свою методологию и свое морально-философско-политическое обоснование. С одной стороны, И. А. Ильин убедительно называл социокультурные факторы, которые казались ему глубоко чуждыми и инородными явлениями русской жизни начала XX в., напр. 1) отрыв от русской культурной традиции, 2) кризис сознания и всех «подпочвенных основ», 3) религиозная смута и отрицательная духовность, 4) формализация культуры, 5) явная и неявная связь с большевизмом и пр. С другой стороны, он указывал на то, что русский модернизм — нехристианская и антихристианская культура, в которой «по-хлыстовски смешиваются блуд и религия» и поддерживается «гниющее ультра-декадентство Шершеневичей».

И. А. Ильин не написал отдельного исследования о творчестве поэтов Серебряного века, но в материалах статей, в лекциях, в книгах («О тьме и просветлении», «Основы искусства» и др.), в частной переписке и в маргиналиях содержится массив сведений, позволяющих выстроить цельную картину его оригинальных, метких и спорных представлений. Особый предмет критических пристрастий И. А. Ильина составляло творчество А. Блока, А. Белого, З. Гиппиус, С. Есенина, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, В. Маяковского и др. Однако при видимой объективности оценки этих авторов И. А. Ильин часто оставался субъективен. Он верно характеризовал «черную мессу», «художественную психостению» внутри происходящего литературного процесса, верно определял «три свойства» современного модернизма, его «духовный» статус и подстерегающие опасности, но он не почувствовал ни трагедии социального дионисийского действия, напр., в творчестве А. Блока, ни личностной трагедии поэтов эпохи начала века, отразивших «шум времени» и катастрофичность состояния человеческой души. Взгляд И. А. Ильина на русский модернизм заведомо дискуссионен и полемичен. Как исследователь он выработал свой понятийный аппарат, свою универсальную методологию и продемонстрировал уникальный рецептивный опыт чтения и реинтерпретации модернистских текстов.

Топология телесности в ранней лирике Маяковского

Темиршина Олеся Равильевна,

д. ф. н., профессор

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова

Объектом исследования стала мотивно-образная парадигма телесности в дореволюционной лирике Маяковского. Телесность в поэзии Маяковского оказывается глу-

бинным онтологическим основанием сферы лирической субъективности в ее отношениях с «внешней реальностью». Для анализа области телесного в таком ракурсе необходимо исходить из общей модели, которая бы включала в себя пространственные категории (внешнее/внутреннее пространство, граница) и лирического субъекта.

Отсюда и методология работы. Принципиально важной для исследования стала концепция топологии субъекта, разработанная А. Ш. Тхостовым. В рамках этой идеи бинарное субъект-объектное членение реальности заменяется триадой «субъект — граница — объект». Под границей понимается широчайшая область телесного, которая, располагаясь между субъектно-личностным и объектным полюсами, в отдельных случаях может сдвигаться в ту или иную сторону.

Сущностной особенностью топологии субъекта в ранней лирике Маяковского является подвижность границы между внешним объектным и внутренним субъектным полями, что приводит к образу динамической и нестабильной телесности, которая ярко представлена в дореволюционной лирике поэта.

Смещение телесной границы между субъектом и внешним пространством в дореволюционной поэзии Маяковского приводит к двум моделям телесности: (1) внешнему миру приписываются свойства человеческого тела; (2) человеческому телу атрибутируются свойства вещного внешнего мира.

(1) Отелеснивание мира в ранней лирике Маяковского раскрывается в трех аспектах: наделение физического пространства свойствами и атрибутами человеческого тела, интерпретация неконкретных/абстрактных понятий через телесный код; реализация метафоры.

(2) Граница между субъектом и объектом может сдвигаться и в противоположную сторону, от внешнего мира к телесности. Если в предыдущем случае мир был похож на тело, то здесь тело становится подобным миру, оно овеществляется и объективируется. По нашим наблюдениям, в ранней лирике Маяковского доминирует первая модель. Это свидетельствует о том, что при нейтрализации границы между субъектом и объектом Маяковский отталкивается от полюса субъекта. Соответственно телесная граница в трихотомии «субъект — тело (граница) — объект» сдвигается вправо, что приводит к радикальному расширению телесных границ субъекта: он становится огромным и стремится поглотить мир, внеположный по отношению к нему. В результате такого поглощения нейтрализуется мучительная разорванность между внешним и внутренними планами: субъектное и объектное сливаются, формируя глобальное мировое тело. Такое схлопывание пространства реанимирует в дореволюционной лирике Маяковского древнейшие мифопоэтические смыслы, связанные с образом космического божественного тела, сопрягающего микро- и макрокосм.

Готический хоррор в структуре символистского романа и медиавизуальность топосов страха

Титаренко Светлана Дмитриевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Символистский роман, основанный на поэтике таинственного и сверхъестественного как неомифологический текст, с точки зрения готической традиции еще мало изучен. Вместе с тем в его структуре можно найти важнейшие элементы поэтики готической

прозы и прежде всего приемы создания суггестивных образов готического хоррора (horror), который является символическим обозначением необъяснимой тайны, страха и ужаса от непостижимого в мире и сознании человека. Большой интерес в этом плане представляют романы В. Я. Брюсова («Огненный ангел»), Ф. К. Сологуба («Мелкий бес», «Капли крови»), А. М. Ремизова («Крестовые сестры»), А. Белого («Петербург») и др. Поэтому наша цель — рассмотреть готическую традицию в структуре символистского романа не как «готический канон» (gothic conventions), но как динамическую и трансформационную систему, показать, что мифологический метатекст здесь нередко определяется функциями готического хоррора как медиатора языков страха, вызывающего появление травмирующей медиавизуальной образности. В структуре символистского романа наблюдается трансформация готических схем сюжетов и мотивов, а также образов страха, которые вызывают «слом», разрушение и патологию сознания героев. Например, показателен уродующий сознание героя травмирующий образ Недотыкомки в романе Сологуба «Мелкий бес», демонические призраки-преследователи Ренаты в «Огненном ангеле» Брюсова, мрачный образ скульптуры Медного Всадника, вызывающего ассоциации с Антихристом, в «Петербурге» Белого. Готический хоррор моделирует образы пространства перехода в мир иной реальности, каким является поместье Триродова и подземелье-лабиринт в «Каплях крови» Сологуба, Бурков двор у Ремизова или Петербург в романе Белого. Таинственный злодей также модифицируется: он балансирует на грани призрака-преследователя (Люцифер, демоны, Недотыкомка, зловещий Медный Всадник) и обладателя тайны, а может быть и реальным лицом. Хоррор становится аудиовизуальным языком коммуникации как интермедальная стратегия и реализуется в символике экфрастических образов, динамике телесности призраков и представителей мира мертвых, шокирующем смеховом репертуаре, звукошумовых приемах, травмирующих цветообразов. Он становится зловещим предзнаменованием и часто используется в сновидениях, грезах и видениях призрачной реальности, может быть пружиной игры со смертью — аналогом готической пляски смерти, например, в действиях Передонова у Сологуба или агонии Ренаты и монахинь в финале «Огненного ангела» Брюсова. При развитии сюжета символистского романа, как в готическом романе, наблюдается последовательное усиление и нагнетание лейтмотивных явлений хоррора, что свидетельствует о функции воплощения архетипа лабиринта в сознании героя.

Восприятие китайской культуры и литературы в поэзии В. Перелешина как отражение идеи «всечеловечества»

Цуй Лу,

к. ф. н., старший преподаватель
Даляньский университет иностранных языков

На основе методов современной компаративистики и имагологии анализируется отражение китайской культуры и литературы в поэзии В. Ф. Перелешина (В. Ф. Салатко-Петрище) (1913–1992) — представителя «первой волны» русской дальневосточной эмиграции в контексте идеи «всечеловечества». Рассмотрены не только стихотворения и переводы китайских литературных памятников, созданные поэтом в период эмиграции в Китае, но и научные статьи о буддизме и такие философские произведения,

как «Атомная бомба», «Звено», написанные им уже в третьей стране — Бразилии. Отмечается, что обращение Перелешина к восточной культуре как возможность реализации идеи «всечеловечества» шло в русле общего для представителей эмиграции стремления осмыслить и осознать новую реальность и самого себя как личность. В этой перспективе творчество Перелешина представляет на практике способность русской культуры к «всечеловечности» и экзистенциальному опыту «растворения» в «чужой» культуре. Утверждается, что разнообразные отсылки к китайской культурной традиции в его поэзии сопрягаются с важными для поэта-переводчика мотивами создания и открытия мира, соединения миров «своего» и «чужого». Изучение и освоение китайского стихосложения представляется ему обновлением не только собственной поэзии, но и русской литературы в целом. Доказано, что поэт-эмигрант в своих переводах нашел наиболее удачный эквивалент древнекитайского стиха «ши», написанного пятистопным или шестистопным ямбом как одним из самых популярных размеров в русской поэзии, что ярко отражает процесс культурного трансфера и транснационального диалога. При рассмотрении эволюции творчества эмигранта видим, что ему удалось преодолеть «наивный ориентализм», основанный на восприятии реалий Китая как экзотических. В его поздних произведениях 1970-х годов, повторяясь, звучит мотив всемирности, всемирной отзывчивости и всечеловечности, который явился художественным фундаментом всей русской литературы XIX в. и показательной линией творческой преемственности. Обращено внимание на буддийские представления эмигранта, не противоречившие его мыслям о ценностях европейской культуры. Делается вывод, что раскрытие восточной темы в соотношении с мотивом всечеловечества приводит русского поэта к размышлениям о новой идентичности человека, стремившегося к достижению слияния двух культур. «Китайский текст» Перелешина пронизывает ярко выраженный образ «русского скитальца», важный для отражения поэтики маргинальности как механизма сопротивления ассимиляции и одновременно для выхода за рамки «национального нарратива».

О малоизвестной публикации С. А. Полякова в газете «Русское слово»

Шапкина Ольга Ивановна,

к. ф. н., старший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. М. А. Горького РАН

Сергей Александрович Поляков (1874–1943) известен широкой публике прежде всего как меценат, издатель и переводчик. Однако помимо этого он также писал стихи и публиковал в периодических изданиях статьи и заметки. На данный момент выявлено лишь несколько его рецензий, опубликованных в журнале «Весы» под псевдонимом С. Ещбоев. В библиографическом указателе «Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет» (М., 2019) представлены сведения еще об одной малоизвестной публикации. В частности, в газете «Русское слово» (1907. 10 окт. (232). С. 3) был напечатан материал «У Федора Сологуба», подписанный — «С. Поляков». В жанровом отношении данный текст можно отнести к интервью-портрету, поскольку в нем дается характеристика известной личности из сферы искусства. Содержание интервью делится на шесть тематических блоков: в первом С. А. Поляков размышляет над тем, почему критики и читатели считают Ф. Сологуба молодым писателем. Во втором

блоке дается характеристика творчества с помощью ярких образов: «Федор Сологуб с его влюбленностью в вечность, презиравшую базар дня, пришелся не ко двору, был дикой уткой среди добродетельных домашних кур». В третьем представлено описание внешности писателя и обсуждение «Мелкого беса» (критика о романе, автор и произведение, образ Передонова). Четвертый блок посвящен задачам нового искусства, пятый — театру (умер ли старый театр? какую будет новая драма?), шестой — эротической литературе. Анализ данного интервью позволяет сделать некие выводы об особенностях стиля С. А. Полякова-журналиста. В частности, среди художественных приемов по-прежнему присутствует ирония, характерная для его рецензий в журнале «Весы». В тексте встречаются также сравнения (например, талант Ф. Сологуба соотносится с медленно растущим дубом). Примечательно, что в тексте интервью даны не только ответы писателя на вопросы, но и его реакция на них: «Федор Кузьмич несколько смущен вопросом и отвечает с некоторой стыдливостью чуткого человека, которому приходится говорить о самом себе и высказывать без особого внутреннего побуждения свои задушевные мысли». Эти комментарии позволяют С. А. Полякову глубже раскрыть личность Ф. Сологуба, более полно воссоздать его образ. Тема театра продиктована первыми опытами Ф. Сологуба в драматургии и его явным интересом к этой сфере. А новое искусство и эротика в литературе у читателей начала XX в. прочно ассоциировались с символистами, к которым относили Ф. Сологуба, поэтому обращение к этим двум темам также вполне закономерно. Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

Русский литературный процесс

Сказание о царе Симеоне Бекбулатовиче в Житии Ефрема Новоторжского

Галашева Татьяна Николаевна,

младший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

«Сказание о царе Симеоне» — название одного из наиболее интересных чудес Ефрема Новоторжского. Оно отсутствует в первоначальной Краткой редакции Жития, вероятнее всего, составленной архимандритом Мисаилом в 1570–1580-е гг., и появляется лишь в позднейшей Пространной редакции (завершение которой следует относить в 1640-м гг.). Героями повествования являются тот самый архимандрит Мисаил и Симеон Бекбулатович, который задумал устроить новую деревянную раку для мощей Ефрема. О правлении Симеона на русском престоле в Сказании не упоминается, говорится лишь о том, что верующий прежде «в вѣру проклятаго Бахмета» после взятия Казани Симеон был крещен по своему желанию и повелению Ивана Грозного, после чего «бѣ прислан во град Торжек казанский царь Симеон». Небрежность работы древодельца заставляет Ефрема явиться в тонком сне наставнику обители и назвать мастера «невежей». Услышав об этом чуде, Симеон Бекубалтович поручает изготовление раки другому мастеру и одаривает монастырь. Сведения об этих дарах сохранились в монастырской описи. Сказание записано со слов «священноинока именем Герасима, иконописца», и является, очевидно, первым дополнением к первоначальному «Мисаилу» Житию Ефрема. Автор первоначального Жития, настоятель обители, предстает героем этого чуда, связанным духовным видением с пребывающим в обители чудотворцем. Сказание представляет собой ключевой элемент в истории развития текста от Краткой редакции к Пространной. Составитель Пространной редакции размещает его после жизнеописания Ефрема перед всеми чудесами, которые хронологически должны были бы ему предшествовать. Стиль Сказания, вероятно, созданного ранее, чем Пространная редакция, мог служить образцом для Пространной редакции в целом. Отбор биографических данных о «царе Симеоне», попавших в Сказание, представляет большой интерес в контексте других биографических сведений об этом загадочном историческом лице. Сказание представляет собой пример «устной истории» о временах Ивана Грозного, записанной в монастыре уже после Смутного времени.

Поэтика жанра «Запечатленного ангела» Н. С. Лескова

Голубинская Юлия Андреевна,

аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Повесть «Запечатленный ангел» (1873 г.) считается вершиной творчества Н. Лескова. В литературоведении нет однозначно устоявшегося определения жанра «Запечатленного ангела». Впервые он вышел в печать с подзаголовком «Рождественский рассказ», сам Лесков в дальнейшем определял его как рассказ. Данной характеристики придерживаются и составители 30-томного собрания сочинений писателя. Вместе с тем большинство исследователей (А. Горелов, Б. Дыханова, Т. Ильянская, О. Евдокимова, В. Хализев и др.) трактуют произведение как повесть. Проблема определения жанра «Запечатленного ангела», как и в целом проблема жанра для творчества Лескова, имевшего тенденцию к созданию собственных форм (неслучайно большинство его произведений сопровождается заголовками), представляется актуальной. Обратившись к словарно-энциклопедическому определению повести, отметим ее характерные черты: «доминирование циклической сюжетной схемы», в которой присутствует испытание героя, временная дистанция между событиями процесса рассказывания и самим рассказом, которая предполагает наличие некоего вывода, авторитетного резюмирующего заключения, а также опора в плане построения фабулы и сюжета на жанры анекдота, предания, сказки, притчи. Перечисленные приметы несомненно наличествуют в «Запечатленном ангеле» Лескова. Согласно Н. Тамарченко, рассказ от повести, также восходящей к анекдоту, притче, отличается главным образом равноправное положение автора и читателя, возможность в конце произведения выбора между анекдотичным истолкованием событий и притчевым, что крайне важно для «Запечатленного ангела» и для интерпретации его финала. Здесь же стоит отметить, что формирование рассказа связано в первую очередь с задачей устной речи. Как писал В. Тюпа, анекдот и притча имеют «коренную установку на устное бытование». Сказовое повествование, «речевая мозаика» (Б. Эйхенбаум) Лескова направлены на устное, свободное общение с читателем, на активизацию его позиции, о чем также писал В. Беньямин. «Запечатленный ангел» — это рассказ, но рассказ особого типа, поскольку для всего творчества Лескова характерен жанровый синкретизм. Кроме того, произведение имеет черты повести, которые удается обнаружить в том случае, когда мы говорим о таком понятии М. Бахтина как «память жанра». В «Запечатленном ангеле» обнаруживаем особенности повествования, восходящие к жанрам древнерусской литературы (в частности, повестей, преданий, сказаний), а также к жанровой специфике житийной иконы. Новаторство Лескова в жанрообразовании и поэтике и одновременно тяготение к архаике являются отличительными чертами творчества писателя.

Литературные путешествия в глубь Земли

Карпов Александр Анатольевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается особая разновидность литературных путешествий — фантастические путешествия в глубь Земли. В русской литературе первой половины XIX в.

они были представлены произведениями Ф. В. Булгарина «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли» (1825) и О. И. Сенковского «Сентиментальное путешествие на гору Этна» (1833). В обоих случаях речь идет о том, что внутри нашей планеты имеются грандиозные пустоты с органической жизнью. Провалившиеся туда повествователи попадают в различные миры, сатирически соотносимые с человеческим обществом. Как устанавливается в докладе, оба произведения были связаны с известным романом датско-норвежского писателя Л. Хольберга «Подземное путешествие Нильса Клима» (1741), написанным на латыни и уже в XVIII в. переведенным на многие европейские языки. Вероятно, они являются также и пародийными откликами на некоторые научные теории, в частности на теорию полой Земли Э. Галлея и аналогичные идеи Д. Симса. Дополнительный интерес «Сентиментальному путешествию» Сенковского придает ироничное изображение Булгарина в образе одного из обитателей «мира вверх ногами».

«Гимна о Пресвятой Богородице» протопопа Аввакума: к истории бытования

Куржлев Максим Валентинович,

младший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

«Гимна о Пресвятой Богородице» — богословско-полюемическое сочинение протопопа Аввакума, по своим жанровым и стилистическим особенностям близкое его «Книге бесед». Сочинение впервые опубликовано П. С. Смирновым [1]. Исследование списков «Гимны» было начато профессором Натальей Сергеевной Демковой (1932–2018) и отражено в одной из последних ее работ [2]. К настоящему моменту выявлен ряд ранее не учтенных списков. В докладе будут представлены некоторые новые материалы по истории бытования текста «Гимны». Предварительный обзор списков показывает, что «Гимна» бытовала преимущественно в «конвое» «Книги бесед». Отдельную группу образуют списки «Гимны» в составе Особого вида первой редакции «Жития» Аввакума (редакции Б), где «Гимна» включена в предисловную часть «Жития». В исследовании Н. С. Демковой и Л. В. Титовой убедительно показано, что Особый вид содержит ряд архетипных чтений и восходит непосредственно к первоначальной редакции «Жития» [3]. При этом ни одна из последующих редакций «Жития» не содержит текста «Гимны» в своей предисловной части (как в особом виде). Н. С. Демковой было выдвинуто предположение, согласно которому «Гимна» читалась в протографе первоначальной редакции «Жития», но уже на раннем этапе работы над текстом была «вынута» Аввакумом из его предисловной части, и отразилась только в Особом виде первой редакции (редакции Б) [4].

Сопоставление списков Особого вида показывает, что они восходят к общему протографу. При этом один из списков (Ярославский музей-заповедник, 121; далее — Яр., 121) находится в сборнике вместе с «Книгой бесед» и ее устойчивым «конвоем». В связи с выводом о преимущественном бытовании «Гимны» в «конвое» «Книги бесед» необходимо рассмотреть вопрос: действительно ли включение «Гимны» в предисловную часть «Жития» отражает один из этапов творческой истории текста, или структура Особого вида отражает влияние рукописной традиции «Книги бесед»?

Литература

1. Русская историческая библиотека. Т. XXXIX. Стб. 685–687.
2. Демкова Н. С., Титова Л. В. Неизданная переделка XVII в. «Жития» протопопа Аввакума (К истории текста первой редакции) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVII–XXI вв. Новосибирск. 2015. С. 264–320.
3. Там же. С. 274–275.
4. Там же. С. 281–282.

К вопросу об «обычае» переименования царских невест в XVII в.

Лобакова Ирина Анатольевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Доклад посвящен проблеме перемены имени и/или отчества избранницы царя в XVII в. Проблема переименования девиц, ставших царскими невестами, впервые была поставлена И. Е. Забелиным (Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв. М., 1872), рассмотревшего историю собственного и «царского» имени Марии Хлоповой, невесты первого русского царя из рода Романовых Михаила Федоровича: она получила имя Анастасия (в честь первой жены Ивана Грозного, тетки отца нового царя). Как полагал ученый, именно с нее начался обычай наречения невесты царя новым именем. Однако первой получила другое имя княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская, жена царя Василия Ивановича Шуйского, которая стала именоваться Марией Петровной. Причину такого решения объяснить сложнее, чем переименования Марии Хлоповой, которая не была знатной, а избранному царю и его окружению было важно подчеркнуть родство с прежней правящей династией (Михаил приходился двоюродным братом последнему царю Федору Ивановичу). Но жена Василия Шуйского была Рюриковной и знатностью не уступала роду мужа. Возможно, имя Мария воспринималось как «царское»: так звали вторую и последнюю жен Ивана Грозного, а также жену первого избранного на Руси царя Бориса Годунова. Судьба этой молодой женщины, которая 2 года спустя после свадьбы была насильственно пострижена в монахини вместе с мужем, отражена в ряде литературных памятников и стала предметом исследования Л. М. Савелова (Страничка из истории Смутного времени: царица Мария Петровна Шуйская // Русский архив. СПб., 1914. Кн. 1, вып. 2.). Отметим, что жены царя Михаила Федоровича (княжна Мария Владимировна Долгорукая и Евдокия Лукьяновна Стрешнева), царя Алексея Михайловича (княжна Мария Ильинична Милославская и Наталья Кирилловна Нарышкина), его сына царя Федора Алексеевича (Агафья Семеновна Грушецкая и Марфа Матвеевна Апраксина) сохранили собственные имена в браке. Лишь в конце XVII в. Прасковья Александровна Салтыкова, жена царя Ивана Алексеевича, получила отчество Федоровна, а ее отец — новое имя; а жена царя Петра Алексеевича Прасковья Илларионовна Лопухина стала именоваться Евдокией Федоровной. Возможно имя Евдокия было дано новой царице потому, что она была родом из Мещевска — родины Евдокии Лукьяновны Стрешневой, супруги первого Романова на престоле, а отчество должно было подчеркнуть, что царицы, жены братьев-соправителей, особо связаны

свойством. Так как рассмотренные факты не позволяют рассматривать переименование царских невест как обычай, необходимо для каждого случая индивидуальное объяснение.

Элегический сюжет в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»

Отрадин Михаил Васильевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Александр Адуев предстает как классический романский герой-идеалист, который не может освободиться от непреодолимых диссонансов. О герое такого типа Д. Лукач написал: «Его душа шире, обширнее тех судеб, которые открывает перед ним жизнь». В докладе пойдет речь о 6 главе второй части романа, которая предшествует эпилогу. Если резко сформулировать посылку, то можно сказать, что Александр в этой главе и Александр в эпилоге — это два разных героя. Родные «Грачи», куда вернулся из Петербурга герой, предстают как элегически окрашенный мир, который сменил идиллическую картину усадебной жизни. По мере того, как Александр входит в зону элегических переживаний, в нем угасает внутренняя потребность отвергать и даже проклинать жизненный опыт, приобретенный в Петербурге. Теперь он обращается к воспоминаниям, размышлениям о пережитом. Элегическая картина мира, возникающая в сознании героя, явно выходит за границы элегии как жанра. Элегический топос в «Обыкновенной истории» включает в себя такие сюжетно-тематические ситуации и мотивы, как возвращение на родину, воспоминания о детстве и юности, готовность простить прошлые обиды, элегическая меланхолия, «переживание, в котором грусть соединяется с эстетическим наслаждением» (В. М. Маркович). Рефлексия элегически настроенного человека — это знак живой, открывающей новые жизненные горизонты души. Герой не определен. Его внутренний потенциал не исчерпан. Во внутреннем мире Александра обнаруживается некое содержание, которое не проявилось в его спорах с дядей, в развитии диалогического конфликта. Пережитое осмыслено героем как горький, но необходимый опыт чувств, опыт души. В этом плане он может быть сопоставлен с героем элегии Баратынского. Воспоминания обретают эстетические черты. И это опыт не вообще человека, а именно того, кто вспоминает. Если бы Александр назвал себя «одиноким странником» в споре с дядей, то это прозвучало бы как еще одна звонкая цитата. Но он назвал себя так в письме к Лизавете Александровне («похвальном слове самому себе»). Теперь он смотрит на себя с заметной долей иронии и признается, что «ролевая» жизнь уже не для него: «не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек». В контексте элегических мотивов это самоопределение не воспринимается только как ироническое. В контексте русской литературы XIX века слово «странник» говорит не только о пространственном, но и о движении, так сказать, по вертикали, в духовном плане. Перерождение героя, продемонстрированное в эпилоге, так неожиданно для читателя потому, что в предшествующей главе он узнал, каков душевный и духовный потенциал Александра. А теперь перед нами романский герой, который по известной формуле М. Бахтина «меньше своей человечности».

Профессор Наталья Сергеевна Демкова (1932–2013) и древнерусская литература. К 90-летию со дня рождения

Рождественская Милена Всеволодовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящается 90-летию юбилею со дня рождения профессора кафедры истории русской литературы СПбГУ доктора филологических наук Наталии Сергеевны Демковой (1932–2018) и будет прочитан на специальном памятном заседании в рамках конференции. Научный интерес к древнерусской и древнеславянской литературе, определивший научную и педагогическую судьбу Н. С. Демковой, возник под влиянием лекций профессора И. П. Еремина, которого она считала своим учителем. Н. С. Демкова с 1958 и до 1964 г. работала в Секторе (ныне Отделе) древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, руководимом Д. С. Лихачевым, научное общение с которым и с В. П. Адриановой-Перетц также оказало влияние на ее научные интересы. Среди них «Слово о полку Игореве», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», русская повесть XVII в., старообрядческая литература и др. В «Слове о полку Игореве» Н. С. Демкову интересовал вопрос о его датировке и поэтика повторов. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» она рассматривала как богословско-философскую притчу, не отвергая предшествующих интерпретаций этого текста, но вскрыв в нем новый символический ряд. Главной же темой Н. С. Демковой в течение всей ее преподавательской и научной жизни была личность и сочинения протопопа Аввакума. Она проследила рукописную традицию его знаменитого «Жития», определив текстологические соотношения между редакциями памятника, показала работу над ними Аввакума как писателя, близкого к работе писателя Нового времени. Кроме того, Н. С. Демковой совместно с коллегами было впервые издано аннотированное и прокомментированное издание автографов «Жития» Аввакума» и «Жития инока Епифания», сохранившихся в Пустозерском сборнике, подаренном Пушкинскому Дому хранителем и собирателем старообрядческих рукописей И. Н. Заволоко. Помимо «Жития», Н. С. Демковой изучены, изданы и исследованы многие другие сочинения протопопа Аввакума. С 1964 г. Н. С. Демкова читала курс лекций и вела семинары по древнерусской литературе в ЛГУ/СПбГУ, активно вовлекая студентов в изучение средневековой русской книжности. Она организовала Семинар по древнерусской литературе для студентов, выпускников многих специалистов-древников, ныне активно работающих в разных городах и странах, ставших кандидатами и докторами филологических наук. Она создала свою научно-преподавательскую школу изучения древнерусской литературы. Н. С. Демкова организовывала археографические экспедиции студентов и аспирантов в старообрядческие деревни Русского Севера, погружая их в историко-культурологическую среду Древней Руси. Она продолжила традицию изучения средневековой русской литературы в Санкт-Петербургском университете, которая не прерывается и сейчас.

О «старообрядческом» сборнике грамматических и риторических сочинений XVII века (БАН, Основн. собр. 33.6.4)

Сапожникова Ольга Сергеевна,

к. ф. н., научный сотрудник
Библиотека Российской Академии наук

В собрании Библиотеки Академии наук хранится рукопись с многочисленными сочинениями по грамматике, риторике и диалектике (БАН, Основн. собр. 33.6.4), до недавнего времени считавшаяся старообрядческой рукописью первой половины XVIII в. Впервые о ней сообщил Е. В. Барсов в «Описании рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке» (1874 г.), исследователь охарактеризовал ее как «Риторика, в 4-ку, четким полууст. XVIII в., на 247 л.». Рукопись Барсов мог видеть как в самом общежительстве, так затем и в Петрозаводском архиерейском доме. А. Е. Викторов датировал эту рукопись, с которой мог ознакомиться еще во время своих археографических поездок на Выг, также XVIII в. (Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб, 1890). Вс. И. Срезневский датировал рукопись при поступлении в БАН серединой XVIII в. (1905), без ссылок на описания Барсова и Викторова. Недавно было определено, что рукопись датируется по водяным знакам серединой XVII в., а ее создателем является старец Боголеп Львов, известный книжник, библиофил, автор Жития Никодима Кожеозерского, собеседник знаменитого троицкого келаря Симона Азарьина, сподвигший последнего на создание Жития Дионисия Зобниновского. Рукопись БАН, Основн. собр. 33.6.4 выполнена торжественным полууставом, украшена заставками и рамками в стиле мастеров Оружейной палаты, но считалась примером оформления рукописей на Выгу в XVIII в. Рукопись включает сочинения по грамматике, лишь частично вошедшие в исследование В. Ягича «Рассуждения старины о церковнославянском языке» (1885). Заслугу в создании исключительной полноты и роскошного оформления сборников с сочинениями по грамматике и риторике исследователи приписывают книжникам выголексинского общежительства, в то время как им следует, по-видимому, поставить в заслугу лишь усвоение тенденций, заложенных в культуре XVII в. и прежде всего — на основании сохранных ими лучших образцов древнерусской книжности. Рукописи Боголепа Львова, известного старообрядцам как авторитетного книжника и активного деятеля раннего периода Раскола, оказали, по-видимому, сильное влияние на развитие выголексинской книжности.

Сказание о белгородском киселе в контексте западноевропейских легенд об осаде городов и крепостей

Семячко Светлана Алексеевна,

д. ф. н., заведующий отделом
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Курс лекций по древнерусской литературе Н. С. Демкова неизменно начинала с Повести временных лет и, будучи последовательной ученицей И. П. Еремина, всегда подробно останавливалась на его теории форм летописного повествования. Самым увле-

кательным, безусловно, был рассказ о летописном сказании, а одним из самых важных примеров — Сказание о белгородском киселе, помещенное в Повести временных лет под 997 г. В докладе будут рассмотрены: 1) специфика летописного сказания как формы летописного повествования; 2) фольклорная основа Сказания о белгородском киселе; 3) трактовка Сказания В. В. Долговым; 4) Сказание о белгородском киселе в контексте западноевропейских легенд об осаде городов и крепостей.

Н. С. Демкова — исследователь «Слова о полку Игореве»

Соколова Лидия Викторовна,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Среди работ Н. С. Демковой по «Слову о полку Игореве» главной является статья «Проблемы изучения „Слова о полку Игореве“», в которой она изложила свои наблюдения над текстом этого древнерусского памятника, сосредоточившись на проблеме датировки «Слова» и проблеме его художественных особенностей, отметив, что именно этот аспект изучения памятника является сейчас наиболее важным, может быть, самым насущным, поскольку весь круг сомнений в подлинности «Слова», вопрос о его значении и месте в истории древнерусской и мировой литературы упирается в проблему художественного своеобразия «Слова», его неповторимости. В частности, Н. С. Демкова коснулась проблем композиционного строения «Слова», обратив внимание на целостность «Слова», на спаянность, слитность кажущихся отдельными фрагментов, на внутреннюю мотивировку их соединения. Большую роль в этом играет выявленная Н. С. Демковой система повторов в «Слове». Интересное наблюдение было сделано исследовательницей по поводу композиционных функций основных героев «Слова», окружающих центральный персонаж — князя Игоря (Всеволода, Святослава Киевского, Ярославны). В «Слове» возникает как бы система зеркал, в которых отражается личность и судьба князя Игоря. Важные наблюдения сделаны Н. С. Демковой также относительно летописных рассказов о походе Игоря. Сопоставление обоих текстов обнаруживает не просто две различные точки зрения на Ольговичей: рассказ Киевской летописи как будто бы последовательно отвечает на все упреки владимиросуздалского рассказа. Таким образом, можно говорить о несомненной политической конфронтации двух летописных текстов, созданных примерно в одно и то же время. Что касается автора «Слова», то его политические симпатии, по мнению Н. С. Демковой, на стороне черниговских Ольговичей, «Слово» было создано в их защиту. Стремясь идеализировать Игоря, автор, по наблюдению исследовательницы, оправдывает даже его бегство из плена, но здесь идеализация достигается не на историко-героической или эпической основе, а на мифологической, за счет использования образной системы и мотивов волшебной сказки: бегство Игоря из плена уподоблено, по наблюдению Н. С. Демковой, выходу героя сказки из царства смерти. Один из самых сложных вопросов изучения художественной формы «Слова» — это проблема его жанра. Н. С. Демкова склоняется к точке зрения И. П. Еремина, полагая, что автор «Слова» создал свое произведение в традициях высоких похвальных слов, что позволяло ему прославить, воспеть Ольговичей, защищающих Русскую землю. При этом автор с поразительной

творческой свободой использовал и различные элементы устной народной поэзии. Убежденность в том, что целью «Слова» является прославление Игоря, помешало Н. С. Демковой признать, что в «Слове» звучит и хула Игорю за необдуманный поход, погубивший его дружину.

Протопоп Аввакум в творческом наследии Н. С. Демковой

Титова Любовь Васильевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт истории СО РАН

Н. С. Демкова всецело преданный науке человек, диапазон ее научных интересов весьма широк, но главными темами на протяжении всей ее жизни были творчество протопопа Аввакума, ранняя старообрядческая литература. Н. С. Демкова ввела в научный оборот ряд текстов, написанных старообрядцами: несколько не издававшихся ранее сочинений протопопа Аввакума, «Исповедание» Игнатия Соловецкого, «Прение верного инока с отступником», «Возвещение» из Москвы в Пустозерск и ответ протопопа Аввакума, «Жалобница» поморских старцев против самосожжений, «Писанейце» керженских старцев в защиту сочинений Аввакума и др. (См.: Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998) и др.

Особый вклад Н. С. Демкова внесла в изучение творчества протопопа Аввакума. И, конечно же, главенствующее место в ее исследованиях занимает Житие Аввакума. Именно ей удалось восстановить запутанную историю создания Жития протопопа Аввакума (Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. (Творческая история произведения). Л., 1974).

Итоговой работой ее изучения творчества протопопа Аввакума стало издание Жития протопопа Аввакума во всемирно известной серии «Литературные памятники», вышедшей в конце 2019 г. к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума.

Особенностью этого издания и его достоинством является одновременная публикация текста «Жития» в трех авторских редакциях. Знакомство читателей с процессом оформления автобиографического повествования предоставляет им возможность проникнуть в творческую лабораторию автора, понять смысл и характер внесения Аввакумом изменений в исходный текст.

Кроме редакций «Жития» в книгу включена «Первая челобитная» Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная после возвращения опального протопопа из сибирской ссылки весной 1664 г. В ней, находим первый опыт автобиографического повествования Аввакума. Об этом свидетельствует и Записка о жестокостях воеводы Пашкова, подклеенная к «Первой челобитной». Важным дополнением к корпусу автобиографических сочинений Аввакума является текст «О трех исповедницах слово плачевное». По мнению издателей, это сочинение было «последним звеном в хронологической цепи основного массива автобиографических сочинений Аввакума». Включение «Слова плачевного» в подборку автобиографических сочинений протопопа Аввакума позволяет читателю глубже проникнуть в душевный мир автора, понять его писательский замысел.

Книга хорошо иллюстрирована, текст сопровождают фотокопии отдельных листов автографов Аввакума и Епифания, гравюры и фотографии с видами мест, в которых бывал Аввакум, иконы с его изображением. Особую ценность изданию придают копии карт, позволяющие читателям наглядно представить путь опального Аввакума в места ссылки и обратно.

Драма Дмитрия Ростовского «Кающийся грешник»

Федотова Марина Анатольевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Существование пьесы «Кающийся грешник», как и ее атрибуция Дмитрию Ростовскому, долгое время ставились под сомнение. В историографии российского театра впервые эта драма Дмитрия Ростовского была упомянута среди других спектаклей, поставленных по его пьесам, членом Российской академии наук Якобом Штелиным. Самым убедительным свидетельством ее существования являются два хорошо известных и не раз цитируемых пересказа пьесы: русского драматурга князя А. А. Шаховского и актера Ивана Носова. Еще одним, к тому же самым ранним, доказательством существования пьесы «Кающийся грешник» является ее использование в драме рязанского школьного театра 1720-х гг. Все это доказывало факт ее существования, но еще не доказывало ее атрибуцию Дмитрию Ростовскому. Обнаруженный нами среди сочинений ростовского митрополита в рукописи ГИМ, собр. А. И. Хлудова, № 25 список драмы «Суд кающегося грешника перед Богом» доказывает ее написание и постановку в Ростовской школе святителя Дмитрия. Пьеса была создана как отдельная декламация и почти полностью соответствует 1–4-му явлениям 2-го действия «Успенской драмы» Дмитрия Ростовского. В 1750-е гг., в период царствования Елизаветы Петровны, драма «Кающийся грешник» была, вероятно, дополнена новыми персонажами и новыми сценами при ее постановке в ярославском театре Ф. Волкова, а также на сцене придворного театра императрицы, тем самым став новой сценической редакцией ранее существующей пьесы.

Жанр драматической фантазии у Нестора В. Кукольника: реальность как выражение мира фантазии и воображения автора

Чеппаруло Саша,

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Творчество Н. В. Кукольника на сегодняшний день мало исследуемая область литературоведения, это обуславливает актуальность данного доклада. Главный тезис данного доклада, следующий: в драматических фантазиях Н. В. Кукольника нет персонажей в традиционном смысле слова. Большинство критических комментариев к драматическим фантазиям Кукольника обращало внимание на то, что, кроме главного героя-художника, в них нет самостоятельных персонажей как таковых: все остальные дей-

ствующие лица своими действиями и характерами призваны лишь показать с разных сторон образ главного героя. В данном докладе будет доказано, что, на самом деле, в драматических фантазиях Н. В. Кукольника главный герой тоже не является персонажем в традиционном смысле слова. Персонаж — это создание писателя, который, обладая какими-то чертами (в которые может войти и смутность характера), самостоятельно действует и движется по пространству, определенному художественным произведением. Цель драматических фантазий Кукольника, как он сам часто повторяет, заключается в том, что читатель должен понять «почему я мыслил именно так, а не иначе» (из примечаний к драматической фантазии «Торквато Тассо», 1834). Приводя, к примеру, самую важную и известную драматическую фантазию «Торквато Тассо», мы можем сказать, что в ней Кукольник не описывает историческую и психологическую личность Тассо, а также не представляет какого-то вымышленного Тассо, который действует по своему определенному характеру, выдуманному автором. Напротив, мы в ней обнаруживаем только образ Тассо Кукольника. Главный сюжет драматической фантазии, это не Тассо, а Тассо Кукольника, то есть мысли, плоды воображения самого Кукольника о нем. Главный сюжет драматических фантазий — это «фантазии» автора о главном герое. Это вводит в художественные произведения высокий уровень субъективности, который отражает романтическое понятие истины.

Интуитивно значит — непосредственно. Это нам позволяет проанализировать очень важную черту драматических фантазий Кукольника: специфику их монологов. В этих монологах говорит не их главный герой-художник, а сам автор. Тассо, Санназар и другие заглавные герои не высказываются о своих чувствах, не размышляют над своими поступками и не комментируют прошедшее. Напротив, в них Кукольник выражает свой образ чувств и размышлений этих великих художников. Все это происходит непосредственно: в своих драматических фантазиях Кукольник не объясняет, почему он мыслил так или иначе, он не описывает причину плодов своего воображения, он просто их прямо выражает через монологи главного героя-художника. Субъективизм и большое количество монологов подчеркивает другую очень важную черту романтического жанра фантазии: лиризм. В этом случае лиризм не характеризует высказывания действующих лиц, а самого автора.

Французские чтения. Учителя и ученики. Памяти Татьяны Соломоновны Таймановой

Ф. М. Достоевский во Франции. По поводу его двухсотлетия

Абансур Жерар, Sc. D.,
профессор INALCO (Paris)

Сто лет назад знаменитый писатель Андре Жид, большой знаток сочинений Достоевского, прочитал о нем в помещении тогдашнего авангардного театра Старой Голубятни шесть лекций, привлечших внимание французской литературной элиты.

Отметим, что переводы сочинений Достоевского появились довольно быстро после его смерти. Первый перевод вышел в 1886 г. В знаменитой книге Русский роман (1886) Мельхиор де Вогюэ посвятил Достоевскому целую главу.

Празднование двухсотлетия писателя происходило в другом контексте. Дело в том, что за сто лет возросло число тех, кто изучал русский язык и, следовательно, интересуется русской литературой и культурой.

Первое значительное мероприятие было проведено в Страсбургском Университете, одном из оплотов русистики во Франции. В октябре 2021 г происходила трехдневная конференция под названием: *Les Spectres de Dostoievski* (Достоевский и его призраки). В ней приняли участие около двадцати ученых из разных французских университетов и еще несколько русских ученых.

Одновременно вышло в свет несколько исследований, о которых теперь пойдет речь. В преддверии этих публикаций прошло несколько встреч с их авторами в помещении издательства Имка Пресс. Публика ознакомилась с пятью самыми существенными работами современных французских специалистов.

Это *Dictionnaire Dostoievski* (Словарь Достоевского) профессора Мишеля Нике — настоящая энциклопедия с изложением каждого произведения русского автора и подробными сведениями о *realia* и понятиях его времени.

Создатель французской школы специалистов по изучению Достоевского покойный профессор Жак Катто (1935–2013) мог бы гордиться своими учениками. Его исследование о творчестве Достоевского *La Création littéraire chez Dostoievski* (1978) воодушевило исследователей нового поколения, таких как Мишель Ельчанинов с его книгой *Dostoievski et le corps* (Представления о теле у Достоевского) или профессор Жан-Луи Бакес, который изучает стилистику русского писателя на стыке философии и риторики: *Dostoievski et la logique* (Использование логических оборотов у Достоевского).

Эта тема также воодушевила независимую исследовательницу Юлию Кристеву, писательницу, филолога и психоаналитика. Она не могла не заинтересоваться вну-

тренним миром юбиляра и предлагает читателям книгу под названием: *Dostoievski face à la mort ou le sexe hanté du langage* (Достоевский перед лицом смерти или чувственная одержимость слова).

Нельзя обойти вниманием титаническую работу Андрея Марковича, с его уже почти законченным проектом нового перевода всех произведений Достоевского. Конечно, во Франции прошли еще и более скромные мероприятия, но самый существенный вклад в празднование двухсотлетия гениального писателя внесли университетские круги.

Трансфикциональность современных сказок о Красной шапочке

Алташина Вероника Дмитриевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

«Красная шапочка», написанная Ш.Перро в 1695 г., остается одной из самых известных и востребованных впоследствии сказок. Однако мало кто знает подлинную историю французского автора, смешивая ее с более поздней версией братьев Гримм. У Ш. Перро добрые охотники (или дровосеки) не спасают девочку и бабушку, а сказка завершается поэтическим моралите, предостерегающим молоденьких девушек от знакомства с коварными обольстителями. Сказка XVII в. адресована не только детской аудитории, и современные ее прочтения используют этот двойной смысл. Безусловно, большинство новых вариантов адресовано детям (во Франции почти каждый год появляются новые «Красные шапочки»), однако некоторые авторы пишут сказки для взрослых. Породив огромное число продолжений, подражаний, переписываний, персонаж девочки в красной шапочке давно стал трансфикциональным. Термин трансфикциональность был предложен в 1996 г. Ришаром Сен-Желе (R. Saint-Gelais), который подробно развил его в монографии *Fictions transfuges. La transfictionnalité et ses enjeux*. (Paris: Éditions du Seuil, 2001). Сен-Желе дает такое определение трансфикциональности: феномен, согласно которому как минимум два текста имеют отношение к одному и тому же художественному тексту, будь то реприза персонажей, продолжение действия или одинаковый фикциональный мир. При этом простого сходства недостаточно, необходима полная идентичность или заявка на идентичность. М.-Л. Райан предлагает 5 критериев, которые позволяют отличать трансфикциональность от сходных литературных явлений (аллюзия, влияние, заимствование, имитация): 1) трансфикциональность основывается на отношении между двумя различными текстами; 2) эти два текста должны изображать различные, но имеющие родственные отношения миры; 3) авторы должны быть разными; 4) предполагается, что читатель знаком с прецедентным текстом; 5) трансфикциональность не стремится деконструировать или демистифицировать мир прецедентного текста, но, напротив, пытается сохранить его иммерсивную силу (М.-Л. Райан «*La transfictionnalité dans les médias*» // *La fiction, suites et variations*. Québec: Nota Bene, 2007). Трансфикциональность позволяет выйти за границы изначального текста и создавать новые возможные миры известных героев, что ярко представлено в современных версиях «Красной шапочки». Во всех сказках присутствуют два главных героя — Красная

шапочка и Волк, как правило девочка одета в красное (анорак, плащ, вся одежда), но в отличие от первоначальной версии именно она оказывается более хитрой, а часто и более жестокой нежели волк и одерживает победу. Современные Красные шапочки остаются в живых, а зачастую и влюбляются в Волка, реализуя смысл моралите сказки Ш. Перро.

Южнокорейское прочтение романа «Опасные связи» Ш. де Лакло: драма и дорама

Алташина Марина Ринатовна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Доклад посвящен экранизациям романа «Опасные связи» (1782) французского писателя Шодерло де Лакло, осуществленным современными южнокорейскими режиссерами. Фильм «Скрываемый скандал» (2003) Чже-ён Ли переносит действие в Корею XVIII в., конец правления династии Чосон, когда строгое конфуцианство сталкивается с проявлением новых убеждений. Несмотря на колоссальную разницу между европейской и азиатской культурой, эта адаптация очень близка по духу роману Лакло. Ханбок — национальная корейская одежда — не уступает по роскошности и пышности французским платьям, бумажные перегородки заменяют будуарные ширмы, а кареты — паланкины. Психологически образы интриганов в корейском воплощении не уступают по своей глубине классическим романным, но к ним прибавляется восточная ментальность, непостижимая для западного зрителя. Такой важный аспект романа, как его эпистолярная форма, был переиначен корейским режиссером в соответствии с национальными особенностями. Секретные письма представляют собой изысканные произведения каллиграфического искусства. Главный герой добавляет в письменные свидетельства эротические рисунки и портреты героев. Дорама «Великий соблазнитель» (2018), созданная режиссерами Кан Ин и Ли Дон-хён, осовременивает сюжет классического первоисточника, воплощая его в декорациях XXI в., в Сеуле 2018 г. Из блестящих французских либертенов героини перевоплощаются в избалованных представителей золотой молодежи. Соблазнитель Вальмон становится главным действующим лицом, в отличие от романа, где правит интригами маркиза де Мертей. Для драмы характерна центральная любовная линия, чаще предсказуемая, а также мелодраматические эффекты, поэтому философская проблематика и сложные характеры романских героев Вальмона и Мертей сведены к минимуму. Сериал состоит из 16 эпизодов, продолжительностью около часа, значительно выходит за повествовательные рамки первоисточника. В центре истории не пара героев, как в романе, а тройка друзей: президент студсовета Чхве Суджи (маркиза де Мертей), старший наследник могущественной корпорации Квон Си Хён (виконт де Вальмон) и казанова Ли Се Чжу. Третий герой, не имеющий романного прототипа, становится авторской придумкой сценаристов, которые будто раздвоили Вальмона на две противоположные личности. Сеть интриг разворачивается, как и в романе Лакло, вокруг мести главной героини отвергнувшему ее жениху и соблазнении невинной жертвы (Ын Тэ Хи). Героиня Ын Тэ Хи сочетает в себе черты сразу двух романских персонажей — мадам де Турвель и Сесиль де Воланж.

Поль Клодель и католическое возрождение рубежа XIX–XX вв.

Банников Константин Валерьевич,

старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(филиал в Нижнем Новгороде)

Поль Клодель (1868–1955), французский поэт, прозаик, драматург, дипломат, чье становление пришлось на период так называемого «католического возрождения» в культуре Франции. Неслучайно как справедливо отмечают Ален и Арлетт Мишель, открывающие католическое возрождение именем Клоделя, «Claudel doit beaucoup à la culture de son temps». К 1910 г. формируется так называемое течение «renouveau catholique littéraire» или «renaissance littéraire catholique». В русскоязычном переводе термины звучат как «католическое возрождение». Литературное католическое возрождение объединяет подобные процессы, происходившие в Англии, Франции, Испании и иногда Соединенных Штатах Америки с середины XIX до середины XX в. Необходимо говорить о том, что литературное католическое возрождение в каждой из стран имеет свои предпосылки и представителей несмотря на то, что идеи писателей в разных странах можно очертить одним кругом — интересом к христианству, католицизму и Богу в первую очередь. Так, Поль Клодель интересуется авторами английского католического возрождения, читает их произведения, вступает в переписку с ними. В предисловии к антологии литературы католического возрождения Луи Шеня Клодель отмечает: «[...] cent trente-six ans après la publication du «Génie du christianisme» [...] voici qu'un livre comme le vôtre est devenu possible. Et l'on peut presque dire qu'il n'y a plus de poésie en France que la poésie chrétienne. C'est un fait considérable». Клодель этим лишь подтверждает расцвет и укорененность католической литературы в тот период. В 1910 году духовный наставник Поля Клоделя, аббат Бодрийяр советует ему не публиковать «Полуденный раздел» и не ставить его на сцене. Екклесиасты упрекают авторов католического возрождения в излишнем чувственности и страстности, замешанной на автобиографизме. С одной стороны Клодель, вдохновленный этим движением, с другой стороны, противоречиво его оценивающий, и в конце концов оставшийся в лагере традиционалистов, создает свои первые поэтические произведения «Un Poète regarde la croix», прозаические от «Ma conversion», «Réflexions et propositions sur le vers français» до художественного комментария к библейской книге «Paul Claudel interroge le Cantique des Cantiques», драму «Tête d'or», «L'Echange», «L'Annonce faite à Marie», завершив «Le Soulier de satin».

Учитель красоты Уайльда и Пруста

Белавина Екатерина Михайловна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Музыка и слух играли важную роль в жизни Уайльда и Пруста, что не раз становилось предметом исследований [Leblanc], [Joubert], [Майкапар]. Косвенное опосредованное влияние на Пруста оказало увлечение Уайльда философией искусства, эстетикой Джона Рёскина. Работа аудиального воображения видна в том впечатлении, которое

оказывал особенный «голос» учителя: к нему оказались восприимчивы и Уайльд, слушавший его лекции, и Пруст, только читавший его книги. Как получилось, что Пруст в 1899 г. отложил работу над романом «Жан Сантей» и, не зная свободно английского языка, несколько лет посвятил переводам из малоизвестного тогда во Франции Джона Рёскина, а после его смерти, в 1900 г., написал несколько статей об этом «учителе красоты» Оскара Уайльда? Связующим звеном оказался Дуглас Эйнсли. Достаточно было нескольких встреч с этим британским поэтом, переводчиком, литературным критиком и дипломатом, чтобы увлечение Уайльдом разделил и Марсель Пруст: «В 1899 году они встречались [...] в кафе Вебер, и главной темой их разговоров было обсуждение достоинств эстетических взглядов Джона Рёскина и Уолтера Пейтера» Дуглас Эйнсли родился в Париже, но уехал учиться в Оксфорд, именно в годы учебы он познакомился и подружился с Оскаром Уайльдом. Так, он стал посредником культурного трансфера идей «учителя красоты». Кроме того, Мэри Нордлингер, английская кузина Рейнальдо Хана, в свою очередь, говорила с Прустом о Рёскине. Эстетическая теория Рёскина, призывая к созерцанию природы и собственной души, подспудно закладывает матрицу искусства модернизма. Рёскину близка идея синтеза искусств: он видит культуру как взаимосвязь живописи, скульптуры, архитектуры, литературы. Главнейшей задачей искусства Рёскин считал изображение обыденного, а не грандиозного. По мысли Рёскина, цель художника — сохранить недолговечную красоту мира: «Прекрасная вещь как данность существует лишь одно мгновение, но как свидетельство она существует вечно» [Ruskin, 1893, p. 105–106]. Уайльд и Пруст каждый по-своему подходят к этой эстетической программе «остановить мгновенье». Оба писателя модерниста стремятся к сохранению эфемерной красоты, подверженной воздействию времени, воссоздавая сложный комплекс чувственных впечатлений и подключая к аудиальным образам зрительные и ольфакторные. Таким образом, синестетичность описаний как характерная черта стиля свойственна им обоим. Но если для Уайльда характерна смена образов разных модальностей, то Пруст не чередует их, но переключение модальности происходит еще быстрее: не только внутри одного описания, но и внутри одного словосочетания. Можно говорить скорее о типологии подходов к синестезии, чем о чем-то о влиянии старшего собрата по перу на младшего.

Ш.-Л. Монтескье — предвестник теории естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо

Васильева Екатерина Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Эпоха Просвещения — знаковый этап в развитии западноевропейской педагогической науки, когда формулируются оригинальные теории воспитания, создаются педагогические трактаты, оформляется как самостоятельный жанр детская литература. Среди теоретиков педагогики особенно выделяется фигура Ж.-Ж. Руссо, с именем которого связывают возникновение теории естественного воспитания, основанной на представлении о губительном влиянии цивилизации и необходимости воспитания ребенка средствами Природы, сообразно с его природными наклонностями и возрастными особенностями. Однако уже на раннем этапе французского Просвещения аналогичные идеи обнаруживаются у Ш.-Л. Монтескье, известного как политический

философ, юрист и социолог, но не входящего в число известных теоретиков педагогики и тем более не склонного разделять идею естественного человека. В его политико-философском трактате «О духе законов» отдельная книга посвящена проблеме воспитания, однако и эта проблема рассматривается через призму политики. Между тем, если обратиться к «второстепенным» трудам Монтескье, мы находим у него целый комплекс педагогических идей, многие из которых анонсируют теорию Руссо. Особый интерес представляет сборник «Мысли», где содержится критика современной системы воспитания и обнаруживаются очертания специфической концепции детства и вытекающие отсюда требования к воспитанию детей. Монтескье понимает детство как состояние слабости, не столько физической, сколько умственной. Следуя за Дж. Локком, он утверждает, что разум ребенка не сформирован изначально и, соответственно, проходит путь совершенствования постепенно, что является естественным препятствием для так называемого раннего развития. По его мысли, до шести-семи лет ребенка не стоит обременять науками, позволив ему наслаждаться преимуществами возраста. Эта свобода не исключает участия взрослых, чья задача состоит в том, чтобы контролировать контакты ребенка с внешним миром, который является источником всех необходимых ему знаний: знакомить его с нужным и полезным и не допускать контактов с потенциально вредными вещами. Приобщать же ребенка к наукам можно только тогда, когда его разум для этого достаточно подготовлен — это обеспечит быстрое и эффективное усвоение материала. Как и впоследствии Руссо, Монтескье призывает не забывать и о физическом воспитании, которое представляет не меньшую важность, чем воспитание умственное. Эта идея подкрепляется размышлением о преимуществах системы воспитания в Древнем Риме, уделявшей принципиальное внимание физическим упражнениям. Монтескье выступает за возвращение родителям их воспитательной роли, требует учитывать специфический детский возраст при обучении, особенности умственного, нравственного и физического развития ребенка, предвосхищая самую резонансную педагогическую теорию Просвещения.

Жорж Нёвё — авангардный инсценировщик творчества Ф. М. Достоевского 1860-х гг.

Гальцова Елена Дмитриевна,

д. ф. н., главный научный сотрудник
Институт мировой литературы РАН

Доклад «Жорж Нёвё — авангардный инсценировщик творчества Ф. М. Достоевского 1860-х гг.» посвящен пьесе французского драматурга Жоржа Нёвё «Рулетка и Подполье», написанной и поставленной в Париже в 1960-х гг. Нёвё писал: «Нигде Достоевский не исповедовался более искренно и более трагически, чем в «Подполье». Эта новелла открывает перед нами двери внутреннего театра. Безымянный персонаж «Подполья», будучи в полном одиночестве, не перестает призывать и оскорблять воображаемого собеседника. Истощенный этой борьбой, он наконец выходит из своего логова и решает пообщаться уже не с призраками, а с живыми людьми. Но подполье преследует его и постепенно снова опутывает своими сетями. И когда он безумно влюбляется в молодую женщину Полину, он идет попытать удачи в казино, чтобы выиграть деньги и уехать с ней, он оказывается заперт в игровом зале, как в ловушке.

Так побеждает подполье. И воображаемым собеседником, с которым он теперь будет разговаривать, окажется Рулетка, то есть случайность, судьба. Я создал вторую часть этой пьесы на основании новеллы «Игрок» (написанной вскоре после «Подполья») и писем самого Достоевского. Таким образом я хотел объединить в персонаже Полины героиню повести и женщину, которая была ее прототипом и которую тоже звали Полиной». Несмотря на то, что Нёвё подчеркивает в своей заметке связь пьесы не только с книгами, но и с историей жизни Достоевского, на самом деле эти ассоциации играют роль лишь культурных отсылок. В намерение драматурга не входит интерпретировать «Записки их подполья» или «Игрока»: он создает самостоятельное произведение, где он искусно использует литературные аллюзии для создания особого персонажа — человека своего времени (второй половины XX в.), безнадежно ищущего себя и свое место или свой путь среди других людей, и терпящего крах, как в суровом контексте жизни в нищенском углу, так и в игровых залах шикарной Германии. Анализируется случай театрального синтеза нескольких произведений Ф. М. Достоевского и элементов его жизни, в пьесе, созданной по принципам авангардного театра: нарушение «целостности» персонажа, гипертрофированная функция слова в сочетании с отрицанием традиционного для французской традиции театра слова, использование приема «театра в театре» для создания разных эффектов нарушения театральной иллюзии (в том числе и «пиранделлизм»). Инсценировка рассматривается в контексте творчества Ж. Нёвё как своеобразного «классика» французского авангарда 1920–1960-х гг., так и в связи с расцветом во Франции «нового театра», условно названного М. Эсслиным «театром абсурда». Интерпретация Ж. Нёвё существенно отличается от современных французских инсценировок («Игрока» и «Записок из подполья») своей специфической «литературностью».

Анри де Кериллис, «Из Парижа в Москву на самолете»: необычный травелог и судьба его автора

Гусева Юлия Викторовна,

сотрудник

Научно-просветительский центр «Праксис»

Доклад продолжает серию выступлений на «Французских чтениях», посвященных рецепции советских реалий 20–30-х гг. французскими авторами, посетившими в то время СССР. Здесь особое место занимает книга «Из Парижа в Москву на самолете» известного французского журналиста Анри де Кериллиса (1889–1958), изданная в Париже в 1934 г. Не только благодаря «способу передвижения», еще редко используемому в то время, но и по своему подходу к советским реалиям и связанным с ним целям и задачам, которые ставил перед собой автор. Книга представляет собой серию репортажей о пребывании в СССР, дополненных политической аналитикой. Оказавшись в стране Советов, журналист интересовался самыми разными аспектами советской действительности, посещал официальные приемы, церкви, колхозные столовые, брал интервью у видных военачальников (маршала А. Егорова), беседовал с руководителями советской дипломатии (М. Литвиновым, Н. Крестинским). При этом Кериллис не скрывал своих правых политических взглядов и демонстрация советских достижений не сделала его сторонником сталинского «социализма», как произошло с рядом западных интеллекту-

алов, посетивших СССР. Однако, в отличие от многих французских правых, Кериллис был убежденным антифашистом и считал необходимым союз Франции с СССР для противостояния набирающей силу нацистской Германии. Убедить в необходимости такого объединения французское общественное мнение — именно в этом видел автор книги свою основную задачу. Будучи участником Первой мировой войны, Кериллис стремился не допустить повторения вооруженного конфликта, и этой цели была подчинена вся его общественная и журналистская деятельность в 30-е гг. В 1936 г. он избирается депутатом Национального собрания, активно выступает за невмешательство Франции в гражданскую войну в Испании. В 1937 г. Уходит из «Эко де Пари», где был политическим обозревателем, и основывает собственную газету «Эпок», которая быстро обретает влияние. В 1938 г. единственный из правых депутатов парламента голосует против Мюнхенских соглашений, в которых видит пролог к грядущей войне. После разгрома Франции эмигрирует в США, где в 1943 г. издает свою наиболее известную книгу «Французы, вот правда», анализ событий 1936–1940 гг., по своей взвешенности и искренности разительно отличающийся от другой подобной литературы, «born on defeat». После освобождения Франции из-за политических и личных разногласий с Ш. де Голлем Кериллис на родину не вернулся и умер в США. Таким образом, книга А. де Кериллиса «Париж-Москва на самолете» представляет собой не только путевой дневник или репортаж, в ней нашла выражение гражданская позиция ее автора — стремление не допустить войны и преградить путь нацистской угрозе, — которую он неуклонно отстаивал на протяжении ряда лет, критических для судеб Европы и мира.

Патафизические учителя Жоржа Перека: инвентарь «патаписьма»

Кириченко Владислав Владимирович,

преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В своих произведениях Жорж Перек часто прибегал к языковой игре, создавал несуществующие и порой невозможные предметы, передавал невыразимые состояния на грани серьезного и иронического, устраивал осознанные ограничения для самостоятельного высказывания. Эти элементы, как и некоторые другие, являются частью поэтического инвентаря патафизиков, их «патаписьма», т.е. некоторых общих закономерностей работы с художественным текстом среди подобных литераторов. В общих чертах под патафизикой вообще понимается духовно-мировоззренческое наследие Альфреда Жарри, проявившееся, например, в сочинении «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика» (1898). Из этого текста можно понять, что патафизика является наукой о воображаемых решениях, она соотносится с метафизикой так, как метафизика с физикой, она претендует на исследование частных и законов, их управляющими, она связана со вселенной, которая дополняет нашу собственную. В творчестве Перека читатель встречается с обширным поэтическим набором, имеющим литературно-патафизическое происхождение. В его текстах возникают антиномии (или «плюс-минус» прием), аномалии (невозможные изобретения), сигизия («контингентная случайность»), клинамен, абсолюты, особый патафизический юмор, время и пространство, а также патафора. Помимо типологических сходств в общих приемах и настроении многие тексты

Перека буквально отсылают к творчеству Русселя и Жарри, при этом Перек устраивает не только референции к своим учителям, но и использует и переосмысляет некоторые их повествовательные стратегии, обогащая свой творческий метод. В итоге особенно важным оказывается то, как писатель наследует уже сложившиеся литературные приемы, как они развиваются и модифицируются в его творчестве. Поэтика автора не только обогащается определенностью стиливого отношения, но и приобретает дополнительные черты, которые имеют отношение к проблематике факта и вымысла, поскольку для Перека интересно подобрать новый подход к волнующим его явлениям: с одной стороны, это попытка разобраться в себе, осмыслить свое прошлое и проговорить травматическое пережитое, с другой — попытаться создать художественное произведение, которое могло бы отражать не только лично-авторское восприятие проблем современности. Именно поэтому, когда Перек обращается к форме автовымысла явно, как в «W, или Воспоминании детства», или скрытно, как в «Исчезновении», в его произведениях начинает актуализироваться «поэтика патафизики». Эта совокупность поэтологических черт, которая может служить разным прагматическим решениям, не является ни прямой причиной, ни основным результатом интереса Перека к патафизике, однако тот свежий взгляд на факт и вымысел, что мы встречаем у автора, связан в том числе и с его обращением к литературному опыту писателей-патафизиков.

Г. Марсель и Н. А. Бердяев: критика объективации

Кобринец Мария Александровна,

преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Отношениям двух крупнейших «философов экзистенции» XX в., Габриэля Марселя и Николая Александровича Бердяева, в отечественной науке посвящены немногочисленные тексты, среди которых особенно ценны работы исследователя, переводчика и автора важнейших работ о Марселе В. П. Визгина. Они позволяют пролить свет на некоторые обстоятельства встреч и общения двух мыслителей, их отзывы и впечатления друг о друге. Марсель, будучи младше Бердяева на 15 лет, знакомится с русским философом на собраниях парижских интеллектуалов и впоследствии не раз даст высокую оценку наследию «одного из главных свидетелей той свободы духа, которой сегодня угрожают со всех сторон». Детали биографического характера позволяют перейти к анализу и сравнению их философских взглядов, в том числе к проблематизации и критике понятия «объективации».

Несмотря на то, что со стороны Бердяева, Марселю было отказано в статусе подлинного «экзистенциального философа», тезис о губительной силе объективирующего взгляда для живой творческой мысли оказывается близким обоим авторам. Для каждого из них особенно ценной являлась возможность познания, состоящая не просто в «отражении объективных реальностей», а в доступе к тайне человеческого существования. Объект, как продукт искажающего взгляда на действительность, для них является опасной иллюзией: ложной «символизацией» для Бердяева и «разрывом с целостным человеческим опытом» для Марселя.

Для Бердяева объективация есть неутешительный результат активности духа, его застывшее «символическое воплощение». Таким образом, объективированным, а значит деградировавшим и «падшим» у Бердяева оказывается само бытие. Согласно

французскому философу, в результате объективации как ложного отношения к бытию, последнее, скорее, останется безразличным к этой процедуре мышления. Бытие «не деградирует», а мы в качестве активных субъектов теряем к нему доступ и в конце концов оказываемся в мире, лишенном «тайны». Пространством, где возможно не-объективирующее размышление, для Марселя становится театр и его собственные пьесы: ведь наука и философский язык (особенно тот, что пропитан духом рационализма) — гораздо более уязвимы и попадают в ловушку «объективации» несравненно чаще языка драматургии.

Учителя и ученики: поэма Шарля Пеги «Ева» и роман Алена-Фурнье «Большой Мольн» — двойная преемственность

Кондратьева Екатерина Александровна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Знакомство двух авторов — поэта, мыслителя, публициста, издателя Шарля Пеги (1873–1914) и писателя, критика Алена-Фурнье (1886–1914) состоялось в 1910 г., но было предвосхищено сближением их творческих, издательских кругов — мира «Нового Французского Обозрения» и «Двухнедельных Тетрадей». К моменту встречи оба уже знают друг друга по литературным и публицистическим произведениям: Пеги, возможно, читал опубликованные в периодике короткие прозаические тексты Алена-Фурнье, а Фурнье не только с интересом и воодушевлением читает «Мистерию о милосердной любви Жанны д'Арк» и «Нашу молодость», но и отмечает значение социальной мысли Пеги и особенно его поэтическое, визионерское мировоззрение, которое позволяет приблизить к читателю запечатлеваемые им евангельские образы и истины. Невзирая на большие различия между ними (возраст, этапы развития творческой биографии), у литераторов немало общих источников вдохновения и общность понимания творчества. Сохранившаяся переписка между Пеги и Фурнье не очень обширна, но редкие письма отмечают дружеское, внимательное отношение в том числе и к творческой жизни двух авторов. Годы их знакомства совпадают и с драматическими личными переживаниями, формирующими их мысль и поэтику произведений. Именно в эти годы Ален-Фурнье создает окончательную редакцию романа «Большой Мольн», который увидел свет в 1913 г. В те же месяцы (июнь–декабрь 1913 г.), когда Пеги с глубоким чувством читает роман своего друга, он пишет собственное поэтическое произведение — длинную поэму «Ева», в которой сходятся библейская, историческая, пророческая темы. Если влияние встреч с Пеги, бесед с ним, его духовности и жизненной философии на Фурнье и его роман не подвергается сомнениям, то столь же возможно и обратное влияние — романа Алена-Фурнье на эпическую поэму его старшего товарища. Прежние исследования, посвященные параллелям между этими произведениями, делали упор на лексические и тематические заимствования Пеги у Фурнье. В настоящем докладе проводятся сближения между структурными особенностями текстов, системой основных персонажей: метафизическая, философская поэма Пеги складывается из отчасти сказочного, отчасти реалистичного повествования Фурнье о троих юношах и двух девушках, обретающих и теряющих друг друга. Происходит это

во многом благодаря числовому коду персонажей обоих текстов. Раздробленное мужское начало в поэме Пеги собирается в едином образе Христа, в то время как единый женский образ Евы разделяется на фигуры двух святых — Женевьевы и Жанны д'Арк. Ощущение разделения и слияния мужского и женского миров заостряет еле уловимую границу между плотским и духовным началами, столь дорогую для обоих авторов, и делает особенно значимыми произведения, которые в судьбе обоих авторов, погибших на войне в 1914 г., оказались финальными.

Философ-эрудит, друг Дидро и издатель собрания его сочинений: роль Ж.-А. Нежона в интеллектуальной культуре эпохи Просвещения

Кротов Артем Александрович,

д. филос. н. профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Друг и последователь Дидро важной задачей своего творчества объявлял дополнение и популяризацию главных положений учения прославленного редактора просветительской «Энциклопедии». Нежон был издателем трудов Монтеня, Руссо, Дидро, он с увлечением рассуждал о творчестве Лафонтена и Расина, акцентируя внимание читателя на моральном содержании произведений классиков французской литературы. Так, Лафонтен, по его мнению, первым во Франции достиг небывалых высот в области философской поэзии. Французский баснописец, подчеркивает Нежон, не нанизывает аргументы, а воздействует на чувства, показывает всю низость и смехотворность порока. Для Нежона Лафонтен — выше Эзопа. Философ-эрудит видел смысл своей деятельности в просвещении современников, в защите истины от нападков со стороны приверженцев фанатизма и суеверия. Атеистический материализм Дидро он считал философской вершиной своей эпохи, рассматривая популярные среди его современников учения Руссо и Кондильяка как заметно уступающие по глубине концепции выходца из Лангра. Отсюда своеобразие его представлений о будущем, которые исключают деистическую идею гражданской религии. Его труды отмечены республиканскими и антиклерикальными мотивами. При этом он выступал против параллелей между учением Дидро и заговором Бабёфа. Усматривая связь между политикой и ростом научного знания, Нежон считал важным условием прогресса систематизаторскую, классификаторскую кабинетную работу. При этом он не дистанцировался от обсуждения конкретных политических вопросов своей эпохи. В частности, в 1790 г. в специальном адресе он призывал Национальное собрание решительно разграничить сферы законодательства и религии. Права человека, на его взгляд, не должны выводиться из религиозных соображений. Свобода мысли, по его мнению, требует отделения морали от вероучения. Нежон выступил редактором отдела древней и новой философии в «Систематической энциклопедии», издававшейся Панкуком. Рассматривая Дидро как своего великого предшественника, Нежон вместе с тем размышлял и о недостатках подхода своего кумира, отмечал его склонность чрезмерно увлекаться в своих оценках, иной раз в ущерб точности, достоверности. Деятельность Нежона в качестве редактора, издателя, комментатора во многом повлияла на формирование представлений его современников о значении и мировоззренческой направленности наследия Дидро.

Рецепция Кристины Пизанской в России

Михайлова Оксана Александровна,

ассистент

Российский государственный гидрометеорологический университет

Notre contribution vise à mettre en lumière la réception de l'œuvre de l'écrivaine médiévale Christine de Pizan (1364–1430) en Russie, le problème qui n'a jamais été étudié auparavant. Redécouverte au début du XXe siècle, cette première femme de lettres française à vivre de sa plume suscite l'intérêt croissant, et ce à l'international. Or, cette personnalité reste assez peu connue du public russophone. L'absence de ses manuscrits dans les bibliothèques russes l'exclue pour longtemps du domaine de recherche scientifique, et les traductions de ses textes en russe ne sont jusqu'à aujourd'hui que très fragmentaires. Néanmoins, nos recherches prouvent que Christine est connue en Russie à partir de l'époque des Lumières; depuis, elle y est traduite, publiée et critiquée, même si ces publications sont en minorité absolu par rapport aux telles figures de son temps comme Guillaume de Machaut ou Eustache Deschamps par exemple. En premier lieu, nous allons nous arrêter sur la diffusion et la disponibilité des textes christiniens en Russie qui en somme restent très insuffisantes. Le pays ne possède aucun manuscrit christinien contemporain à l'auteure, tandis que ses traductions russes vers ce moment restent au nombre de trois: deux échantillons poétiques (1914, 1999) et une seule traduction de sa prose (1991). En deuxième lieu, un aperçu des parutions spécialisées et populaires datant de l'Ancien régime, de la période soviétique, post-soviétique et contemporaine nous permettra de tracer les modalités principales de la réception de l'œuvre et l'image christinienne par le lecteur russophone. Nous allons montrer que «le portrait» russe de Christine subit la même évolution qu'à l'étranger: de la femme-érudit, poétesse lyrique et historiographe la créatrice se transforme en penseur politique et «première féministe». Nous allons résumer qu'à cette étape, la réception de Christine de Pizan peut être qualifiée comme réactive et consiste essentiellement en critique littéraire. Parmi les ouvrages critiques concernant Christine les plus représentatives sont ceux des médiévistes (I. Malinine, E. Elizarova) et des philologues russes (V. Chichmaref, L. Evdokimova). Les publications russes en histoire féministe et genre, quoiqu'assez enthousiasmés par la personnalité de l'écrivaine, sont malheureusement trop souvent imprécises du point de vue factuel. En somme, le sujet encore si peu exploré en Russie nous semble assez prometteur pour qu'on puisse attendre de nouveaux travaux sur l'écrivaine dans le prochain avenir.

Отказ от репрезентации и новая чувственность: экзофикшн Мари Дарьесек и Камий Лоранс

Муравьева Лариса Евгеньевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Современная французская литература маркирована расцветом гибридных жанров. Одним из ведущих становится экзофикшн (фр. «ex» — вовне, снаружи + «fiction» — вымысел) — жанр, предполагающий вымышленное повествование о жизни реального/ исторического персонажа (неологизм введен писателем Филиппом Вассе). В основе романов, относящихся к экзофикшну, лежит апроприация чужого опыта и вживание в чужую историю. Вместо цепи событий, организующей традиционный биографиче-

ский роман, в экзофикциональном нарративе на первый план выходит заполнение лакун личным опытом повествователя, вместо репрезентации — «перцептивная автономия нарратора» (Lecomte Dauthuille 2018). Основными мотивами экзофикциональной прозы становятся как исследование чужой биографии и работа с архивом, так и аффективность, обнажающая связь рассказываемой истории с опытом субъекта. В экзофикшне знание уступает место чувственности, а нарратор оказывается активным участником «мира истории» (storyworld). Во французском литературоведении эта тенденция рассматривается в философской оптике (как симптом «феноменологического поворота» в романе), в жанровом отношении (как экзофикшн или «роман-исследование» (récit d'enquête)), а также через поиск особых нарративных средств, конструирующих данную жанровую модель. Основным фокусом предлагаемого доклада станут два романа современных французских писательниц: «Etre ici est une splendeur» Мари Дарьесек (2016) и «La petite danseuse de quatorze ans» Камий Лоранс (2017). Несмотря на известный конфликт между писательницами (Лоранс обвинила Дарьесек в «психическом плагиате» после выхода романа «Tom est mort» в 2007 г.), в их творчестве обнаруживаются общие тенденции, в частности, почти одновременное обращение к экзофикциональному письму. В центре повествования обоих романов оказывается биография исторической личности — немецкой художницы-экспрессионистки Паулы Модерзон-Беккер в романе Дарьесек и танцовщицы парижской Оперы Мари Женеьев ван Готем, позировавшей для знаменитой скульптуры Дега, в романе Лоранс. Оба текста обнаруживают как схожие тематические зоны — в частности, реконтекстуализацию социальных и гендерных проблем и переосмысление статуса женщины в искусстве, — так и общие нарративные и жанровые конвенции. Это и гибридизация между романом, биографией и эссе, и особый статус нарратора, и авторефлексивные стратегии письма, и смешивание границы между «реальным» и «вымышленным». Однако особую роль играют отказ от репрезентации и поиск новой чувственности, подчеркивающие сингулярное измерение экзофикционального нарратива. В докладе будет предпринят анализ романов К. Лоранс и М. Дарьесек с позиций энактивистского подхода в когнитивной нарратологии и выявлены основные признаки гибридного жанра экзофикшн, работающего с опытом вчувствования в чужую историю.

О преемственности научных школ: от А. С. Лаппо-Данилевского к теории истории во Франции XX в.

Рябова Людмила Константиновна,

к. и. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В российской методологии и философии истории наследие А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) стало классическим, и обращение к нему составляет обязательный элемент современных работ по теории истории. Западные же концепции развивались (и продолжают развиваться), базируясь на теориях классиков европейской мысли. В этой связи будет небезинтересным проследить, в какой мере воззрения А. С. Лаппо-Данилевского помещаются в контекст западной (французской, главным образом) теории истории XX в., и выявить элементы преемственности. Концепция Лаппо-Да-

нилевского, изложенная в работе «Методология истории» (1910), оказалась во многом созвучна идеям возникшей позже «Школы Анналов». Ученый, как потом и французы, делал акцент на психологической и социальной природе исторического источника, на необходимости понимания «Другого», включение в процесс исторического познания «знания индивидуального», указывая на необходимость установления «соответствия между чужой и своей ассоциацией», «толкования чувствований». Этот герменевтический принцип начала XX в. находит свое развитие в трудах знаменитого французского философа П. Рикёра (1914–2005), в частности в работе «Конфликт интерпретаций» (1969). Знакомые сюжеты из «Методологии истории» Лаппо-Данилевского мы можем обнаружить и в других трудах французского ученого, в частности в первом томе двухтомника «Время и рассказ» (1983–1985). Нельзя не сказать и о некоторых аналогиях, которые просматриваются при анализе суждений Лаппо-Данилевского и прочтении работы «Слова и вещи» (1966) французского философа М. Фуко (1926–1984). В частности, речь идет об одном из главных понятий в его системе интерпретации истории — «эпистеме», предполагающей изучение «возможностей» каждой исторической эпохи, ее «проблемного поля», достигнутого уровня «культурного знания», образованного из дискурсов различных научных дисциплин. Этот подход созвучен тезису Лаппо-Данилевского об оценке факта «путем отнесения его к таким культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и политический строй и т. п.», а также близок его «систематическому методу интерпретации исторического источника», который состоит в интерпретации источника «с точки зрения его отношения к данному состоянию культуры». Здесь возникает еще один «общий» сюжет — роль историка в процессе познания. Влиятельный французский философ Р. Арон (1905–1983) во «Введении в философию истории» (1938) отмечал сложность и многозначность, плюрализм интерпретаций, что вызвано разнообразием и бесчисленностью духовных миров, о чем ранее писал Лаппо-Данилевский. Таким образом, даже краткий компаративный обзор воззрений А. С. Лаппо-Данилевского и концепций французских теоретиков XX в. подтверждает преемственность их позиций по ключевым вопросам теории истории.

Метерлинковский символ в восприятии Андрея Белого

Стогний Даниил Александрович,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Андрей Белый, известный русский символист, был современником Мориса Метерлинка, интересовался творчеством бельгийского драматурга и признавал его вклад в развитие символизма и театра. Период пристального внимания Андрея Белого к творчеству «бельгийского Шекспира» — 1891–1902 г. В это время русский автор переводит поэтические тексты Метерлинка, посвящает ему стихотворение, активно знакомится с его драмами. После 1902 г. Андрей Белый переходит к критике драм бельгийского драматурга в своих статьях о теории символизма. Он пишет, что его символы оторваны от реальности. По мнению автора, этот разрыв объясняется тенденциозностью текстов Метерлинка. Белый критикует его попытку детерминировать мир через символы, являющиеся лишь аллегориями. Эта идея выражена в статье «Вишневы сад» (1904), где автор анализирует мистический и реалистический символизм. Белый

называет символизм бельгийского автора мистическим, потому что его символы не отсылают читателя к действительности. Метерлинковский символ — это знак, наполненный мистическим содержанием, он сосредоточен на самом себе, его трудно идентифицировать и соотносить с объектом в реальности. Характеризуя стиль письма бельгийского драматурга, Андрей Белый подчеркивает трудность восприятия и непрозрачность символов, необходимую для обозначения невыразимого содержания. Мы можем выделить следующие характеристики символа, по мнению Белого: 1. Тенденциозность символа. 2. Аллегоризм. 3. Непрозрачность символа. 4. Субъективность символа. В работах «Смысл искусства» (1907) и «Между двух революций» (1934) Белый определяет символ как «неразложимый комплекс abc», где (a) — «формосодержание», «единство, соединяющее мир внешнего и мир внутреннего опыта», (b) — форма («последовательность явлений видимого мира») и (c) — содержание («последовательность переживаемого сознания»). По мнению автора, в символистских драмах Метерлинка понятие художественного единства (a) отсутствует. Существует связь (b) и (c) — это связь между предметом видимости и переживанием от него. Таким образом, чем четче автор углядывает связь между видимым объектом и переживанием, тем большее соответствие достигается между ними. Белый утверждает, что отличительные черты символистских драм Метерлинка — это аллегоризм и иллюзионизм. Поскольку мистический символ оторван от жизни и сосредоточен на самом себе, драмы бельгийского автора не реализуемы на сцене. Метерлинковский символизм основан на индивидуальном переживании, которое актеры и режиссер не должны интерпретировать. Таким образом, Белый признает талант бельгийского драматурга в развитии символизма, и одновременно считает, что его творчество трудно для понимания.

Русская девушка как символическая фигура в декадентском романе Жозефена Пеладана «Любопытная»

Токарев Дмитрий Викторович,

д. ф. н., профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В своем известном эссе «Что такое искусство?» (1897–1898) Лев Толстой упоминает в числе прочих «декадентов» и Жозефена Пеладана (1858–1918), плодовитого писателя и теоретика искусства, а также практикующего оккультиста. Речь в докладе пойдет о романе Пеладана «Любопытная» («Curieuse!»), изданном в 1886 г. В рамках «этопеи» «Латинский декаданс» («La Décadence latine (Éthopée)»). Этот огромный цикл, выходящий с 1884 по 1925 г. и включающий 21 роман, создавался параллельно с циклом текстов, посвященных вопросам эстетики и получивших общее заглавие «La décadence esthétique (1882–1898). Роман «Любопытная» представляет собой довольно сомнительное с художественной точки зрения произведение, нещадно эксплуатирующее топоры, характерные для эпохи fin de siècle. В центре романа художник, философ и оккультист, чья фамилия — Небо (Nebo) — вроде бы восходит к халдейскому языку, но при этом имплицитно отсылает и к русскому слову. Совпадение, которое вряд ли можно назвать случайным, принимая во внимание ту роль, которая отведена в романе русской девушке с аристократическим титулом «принцесса Рязанская» и «типично

русским» именем Поль. Впрочем, не стоит упрекать Пеладана в незнании российских реалий: имя Paule позволяет писателю подчеркнуть андрогинную природу девушки, которая проявляет себя, в частности, в многочисленных сценах травестийного переодевания. Для Пеладана притягательность образа Поль заключается прежде всего не в восточной экзотике, которая ее окружает. Пеладан не пишет роман «из русской жизни», он пишет роман о парижском эстете-декаденте Небо, который сталкивается с российской экзотикой «на своей территории».

«Любопытная» — это роман воспитания, и Небо выполняет в нем роль Вергилия, который водит свою ученицу Поль по кругам парижского ада. Цель этого путешествия — освободить эротическую энергию, которой наполнена Поль, но затем тут же сублимировать ее в энергию духовную. Понятно, что, участвуя в такой инициации, учитель сам подвергается соблазнам, и две последующих романа — «L'initiation sentimentale», явно отсылающий к Флоберу, и «A cœur perdu» — будут тому свидетельством, однако в «Любопытной» роли в паре распределены совершенно однозначно: Небо, наследник классической культуры Запада, принуждает Поль покинуть особняк ее русской тетки с его неизбежным самоваром и окунуться в стихию современной жизни, которая скрывает за своей кажущейся хаотичностью структуру нового символического порядка.

Рецепция легенды во французской культуре XIX века

Тулякова Наталья Александровна,

к. ф. н., доцент

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)

В начале XIX в. в европейской культуре наблюдается всплеск интереса к жанру легенды, фольклорной и религиозной, что приводит к формированию легенды как литературного жанра. Во французской культуре восприятие понятия легенды имеет ряд особенностей. Легенде во Франции XIX в. не придается того прикладного значения, какое она имела в Германии: биографии святых рассматриваются не столько как религиозный инструмент, сколько как эстетический феномен, как памятники культуры, (А. Сарду, Т.-Э. Вильмарке), нуждающиеся в сохранении и передаче потомкам. В качестве фольклорного текста местные легенды не играют столь существенной роли во французской словесности XIX в., как, например, в британской культуре. Однако исследования корпусов средневековых текстов, собирательно называемых легендой, занимают важное место в филологической науке, в частности, в компаративистике (Э.-Л. Бурнуф, Л. Моланд, Г. Парис). Легенде отводится значимая роль в истории литературы: она воспринимается как переходный этап от церковной литературы к литературе на национальном языке. Наконец, легенда проникает в историографию и является важным дополнением официальной истории или ее альтернативной версией, обращаясь к мотивам поступков исторических деятелей (Ф. Гоннард, Ф. Манде). На рецепцию легенды оказало серьезное влияние творчество Виктора Гюго, для которого легенда и в ранний, и в поздний период была значимым явлением (книга «Рейн», поэтический цикл «Легенда веков»). Кроме того, сыграли свою роль распространение во французской культуре натурализма и позитивизма: легенда становится своеобразным ответом на прозу жизни. В целом во французской культуре легенда занимает важное место в эстетической оппозиции поэзия — проза. Она является тем понятием, которое собирательно обозначает разножанровые

произведения фольклора и литературы, не подчиняющиеся законам логики, рассудочности, а наоборот, рассматриваемые как высшее проявление народной фантазии. Это понимание в сочетании с христианской традицией словоупотребления обуславливает особенности формирования легенды как жанра литературы XIX в. Дань легенде отдают многие мастера слова: Ш. Нодье, Ж. Санд, А. Франс, А. Доде, Г. Мопассан, но легенда становится не центральным жанром, а своего рода побочной линией в истории литературы. Используя горизонт читательских ожиданий, вызываемых словом *légende*, авторы апеллируют к освященной традицией истине и обновляют ее.

Поэтика Жака Шессе: уроки Зюскинда или отцов церкви?

Угарова Полина Михайловна,

студент 4 курса Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Белавина Екатерина Михайловна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Один из последних романов швейцарского писателя Жака Шессе «И обонял Господь приятное благоухание» (2004) привлекает внимание обилием и яркостью обонятельных образов, что наталкивает на мысль, что, возможно, это уроки эстетики знаменитого «Парфюмера» П. Зюскинда. Название романа отсылает к другому источнику духовного и эстетического опыта: Священному Писанию. Для того чтобы передать читателю всю полноту запаха, Ж. Шессе использует разные приемы: образы синестетичны, запахи персонифицируются, а фантазии и воспоминания пропитаны обонятельными ощущениями.

Наиболее часто в романе встречается такой тип синестезии, когда смешение образов происходит в рамках одной модальности — кинестетической (запахи обоняемы и осязаемы кожей, их можно попробовать на вкус), традиционно представленной в литературном дискурсе менее часто и полно, чем преобладающая в «Парфюмере» обонятельно-визуальная. В тексте Ж. Шессе обилие телесности встречается только в эротических или близких к эротическим контекстам. Однако в эпизодах, где речь идет о святости, превалирует зрительная модальность: запахи прозрачны и чисты. В эротических же контекстах чаще всего запахи персонифицируются, приобретая человеческие качества: они «нетерпеливы» и «настойчивы», обладают речью и способны подавлять волю героя. Наполнены запахами мечты и воспоминания о прошлом. Само произведение — рефлексия над прошедшим, оно представляется настолько ярким именно за счет обилия обонятельных образов, поскольку кинестетические ощущения создают более вещественные воспоминания. Многие запахи, предстающие в памяти, описаны противоречиво: одновременно сладкие и едкие, притягивающие и пугающие. Амбивалентность разрешается тем, что воспоминания ценны как часть прошедшего, пережитого опыта. Христианский контекст в романе довольно силен: само название, являющееся цитатой из 21 стиха Библии, система героев и образов, неоднократное цитирование святого Павла.

На протяжении всего повествования Манжен, главный герой, ищет запах настоящей святости и тревожится, что находит его в итоге между женских ног. Цитата из 21 стиха включает мотив оправдания, Манжен прощает себя. Обоняние становится

синонимом чистого познания, что подкрепляется цитатами из Священного Писания. Герой чувствует носом, насколько чист или греховен какой-либо человек, однако сам он, как и Жан Батист Гренуй из «Парфюмера», не имеет запаха. И если герой П. Зюскинда скорее старается спрятаться от своего «я», то Манжен, оставаясь для себя загадкой, стремится познать свою душу через окружающую действительность и конкретные чувственные образы. Мотив поиска себя становится объединяющим для всего остального. Жак Шессе, лауреат Гонкуровской премии, находясь в постоянном диалоге и полемике со священными книгами, создает провокативный роман на стыке автобиографизма и вымысла.

К проблеме литературной рецепции: Марина Цветаева

Чепига Валентина Петровна,

к. ф. н., преподаватель
Страсбургский университет

Систематическое изучение творчества Марины Цветаевой началось на Западе (и в первую очередь в США) задолго до России, где литература иммиграции была практически исключена из литературного и культурного анализа. Так, двухтомник прозы Цветаевой вышел в Нью-Йорке в 1953 г.; в СССР издание «Избранных произведений», подготовленное В. Орловым и дочерью Цветаевой Ариадной, вышло в 1961 г. Тиражом 2500 экземпляров. Первое крупное исследование А. Саакянц (А. Саакянц, М. Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910–1922)) появилось в 1986 году. В США двадцатью годами ранее была опубликована книга С. Карлинского «Марина Цветаева: ее жизнь и творчество». Во Франции публиковать переводы Цветаевой и исследовать ее творчество стали в 80-х гг. XX в. Исследования продолжают и сейчас — Александра Свирина в 2009 г. сняла фильм о Марине Цветаевой, несколько лет назад во Франции была создана ассоциация *Etoiles Averses*, которая регулярно проводит литературные встречи, посвященные поэтессе. Исследования творчества М. Цветаевой можно разделить на четыре основных хронологических этапа: 1940–1970-е гг.; 1980-е гг.; конец 1980-х гг. с поворотным моментом в 1992 г., к столетию М. Цветаевой; современный этап после 1992 г. Каждый этап особенный, первый связан с работой на Западе русских эмигрантов, что приводит к публикации текстов М. Цветаевой. 1980-е гг. характеризуются консолидацией исследований творчества М. Цветаевой и публикацией многочисленных переводов большинства ее работ, и именно в этот период закладываются основные направления нынешних исследований. 1992 г. был чрезвычайно важным, так как были проведены два международных коллоквиума. Современный этап позволяет исследователям заполнить пробелы в изучении биографии и историко-культурного контекста, которые не были очевидны до этого периода. Во Франции творчеством Марины Цветаевой занимались такие исследователи, как Вероник Лосски, Татьяна Викторофф, Элен Анри и др. В докладе мы уделим особое внимание французской рецепции творчества поэтессы, рассмотрим некоторые переводы на французский язык, расскажем о том, как сама Марина Цветаева определяла язык и поэзию, а также представим последний сборник научных работ «Марина Цветаева и Европа», вышедший в декабре 2021 г. в издательстве ЕАС в Париже под нашей редакцией.

Роман Шань Са «Играющая в го» с точки зрения концепции экзистенциальной коммуникации

Шуринова Наталья Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Южный федеральный университет

Роман Шань Са построен как последовательное чередование исповедальных голосов противопоставляемых друг другу главных героев, данная структура имитирует игру в го, в которую два игрока играют камнями разных цветов. Связи, выстраиваемые автором между фрагментами текста, показывают точки схождения противоположностей, демонстрируют возможность коммуникации.

Герои выражают через себя противоположные культуры и типы мышления, в их образах прочитывается оппозиция между национализмом и космополитизмом, иерархией и хаосом. Кроме того, роман предполагает возможность прочтения сквозь призму гендерных исследований: в этой оптике пара контрастных персонажей может быть связана с оппозицией женского начала «инь» и мужского начала «ян», «солнечный» и «лунарный» коды; сближение персонажей сопровождается сближением Солнца и Луны на уровне мотивной организации текста.

Игра в го представляет собой ключевой для романа символический образ, буквализирующий идею о необходимости выхода за пределы бинарности для того, чтобы могла состояться продуктивная коммуникация с другим.

Такой диалог в определенной степени созвучен проекту психобиографии Гюстава Флобера «Идиот в семье» Ж.-П. Сартра. Возможность постижимости другого человека философ связывал с воображением и эмпатией, противопоставляемой симпатии, оценочному суждению. Сартр хотел воссоздать Флобера, пользуясь воображением, позволяющим понять «стиль его экзистенциального проекта». Шань Са выстраивает в романе схожую концепцию, в которой ключевое место, однако, занимает не просто воображение, а игра, позволяющая побыть другим, понять тот выбор, который другой делает, находясь в игровом пространстве.

Образ болезни и больного во французских и русских автобиографических комиксах

Яковлева Ксения Валерьевна,

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Алташина В. Д.

Научный руководитель: доктор филол. наук, профессор,

Осмысление болезни является популярной темой во французском комиксе, где присутствует элемент автовымысла — один из самых первых и знаменитых французских автобиографических комиксов «Священная болезнь» Давида Б, изданный в конце 90-х (*l'Ascension du Haut Mal*, David B., 1996–2003), рассказывает об эпилепсии брата автора. Данный комикс является одним из основополагающих произведений, благодаря которым всего за пару десятков лет во французском комиксе сложилась богатая традиция

автовымысла вообще и «комикса о болезни» в частности. Однако следует отметить, что многие авторы, включая самого Давида Б., в первую очередь интересуются возможностью описать с помощью комикса психологические и социальные последствия болезни, а не физическое страдание. Перевод «Священной болезни» и ряда других комиксов на русский язык в начале 2010-х годов повлек за собой вначале бум комикса с элементами автовымысла среди русскоязычных читателей, а затем и разрастающуюся на данный момент волну российского автобиографического комикса, в том числе и такого, где одной из центральных тем становится болезнь. В рамках настоящего доклада, посвященному сопоставительному анализу французского и русского комикса, которому пока уделено мало внимания в научном сообществе, будут рассмотрены комиксы французского автора Элоди Дюран (*La Parenthèse, Élodie Durand, 2010*) и российской комиксистки Юлии Никитиной («Полуночная земля», 2019 и «Дневник Штурмов», 2019), объединенные темой болезни. Несмотря на очень разный личный опыт авторов и окружающую их культурную среду, комиксы объединены не только темой, но и похожим подходом к ней. Оба автора изображают болезнь в качестве существа, которое нападает на персонажей и взаимодействует с ними. Кроме того, парадоксально, оба автора изображают врачей и лекарства в негативном свете, не как источник исцеления, а как противников, которые ограничивают и отделяют персонажей от других людей и мира. Таким образом, во всех произведениях автор-персонаж оказывается в изоляции и постоянном состоянии войны: с одной стороны нападает болезнь, с другой — врачи. При рассмотрении как вербального, так и визуального аспекта данных комиксов напрашивается вывод о том, что авторы стараются донести до читателя что главный ужас любой болезни заключается в том, что этот опыт изолирует от окружающих.

Писать о музыке: страсть к мелодии у Руссо

Sanz Teo,

профессор кафедры французской литературы и компаративистики,
Университет Бургоса, Испания

В докладе рассматриваются теоретические взгляды Ж.-Ж. Руссо на эстетику музыкального искусства. Французский философ и писатель века Просвещения, будучи и музыкантом, оставившим после себя ряд инструментальных пьес, романсов и опер, среди которых наиболее известна опера «Деревенский колдун» (1752), много размышлял об эмоциональном воздействии музыкального произведения на слушателя, связи музыки и языка, о той роли, какая при сочинении музыки отводится мелодии и гармонии.

Руссо в противоположность композитору Ж.-Ф. Рамо развивает собственную теорию о единстве мелодии, которой руководствуется в своих произведениях. Для того, чтобы взволновать слушателей, музыку надо петь, так как без помощи четко артикулируемого языка, она способна превратиться в последовательность лишенных значения красот-арабесков. Этого можно добиться, отдавая пальму первенства мелодии, поскольку именно в ней заложена сущность связного дискурса. В отличие от охватывающей всю совокупность голосов мелодии гармония, приводит нас в замешательство, ибо мы не можем проследить за разными голосами во всей их полноте. В докладе будет прежде всего показано, что сдержанное отношение Руссо к гармоническому письму парадоксальным образом мешает ему полностью порвать с классическим наследием.

Конечно, перед лицом построенной на логике и основанной на гармонии интеллектуальной музыки Рамо Руссо выступает в первую очередь как мелодист. В противовес классикам философ становится рупором тех, кто видит в музыке настоящий язык страстей.

Более того, он полагает, что существуют более приспособленные для выражения музыки языки, нежели французский. Согласно его теории мелодии французская музыка не является естественной, так как исполнена искусственных красот, имеющих мало общего с природой, ее создают композиторы, которые, по его утверждению «более всего заботятся о гармонии (ибо) за отсутствием естественной красоты они вводят в нее красоту условную».

Тем не менее, опираясь только на постулат о природном единстве музыки и языка, Руссо не замечает, что невокальные музыкальные формы могут, как подчеркивал Дидро, также оказывать вызывающее смятение чувств эстетическое воздействие. Несмотря на вышесказанное, Руссо, несомненно, оказал влияние на последующее развитие эстетики в плане эмоционального воздействия искусства.

Charles Péguy, une écriture sans pareille

Sueur Jean-Pierre,

к. ф. н.,

Парламент Франции

Cette communication, qui reprendra des principaux aspects de mon dernier livre “Charles Péguy ou les vertiges de l’écriture”, se présentera comme une réponse à nombre d’idées toutes faites et fausses qui circulent sur l’œuvre de ce grand écrivain, qu’il s’agisse de son style ainsi que de ses idées et convictions. Ce sera, ainsi, une réponse à tous ceux qui disent que Péguy est illisible. Il suffit de se plonger dans les milliers de pages de littérature qu’il nous a léguées pour se persuader du contraire. On y trouvera plusieurs registres, plusieurs styles. On y passera du prosaïque au ton le plus solennel, du lyrisme à la polémique, de la mystique à la politique et inversement. Mais au travers de cette incroyable diversité, on partagera, de ligne en ligne, de vers en vers, d’un livre à l’autre, le même mouvement de l’écriture. Car Péguy ne nous présente jamais l’œuvre comme achevée. Il nous restitue le mouvement de l’écriture. Et c’est ce qui donne à celle-ci son étonnante modernité. C’est en effet une œuvre multiple, qui s’écrit, se fait, se constitue sous nos yeux. Une œuvre ouverte, jamais refermée sur elle-même, jamais achevée. Chacun des livres qui la composent s’ouvre sur un autre, bannissant toute frontière, toute interruption, dans ce qui est un flux, un mouvement. Cette communication sera aussi une réponse à ceux qui professent qu’il y aurait chez Péguy une œuvre en vers et une œuvre en prose. Rien n’est plus faux. On le verra : les vers naissent de la prose et y retournent. Elle sera aussi une réponse à ceux qui affirment qu’il y aurait, d’une part, des textes poétiques et, d’autre part, des textes polémiques. Là encore, une fois encore, rien n’est plus faux. Les mêmes textes regorgent de poésie et de polémique. Elles sont indissociables. Cette communication sera encore une réponse à tous ceux qui ont développé une conception plate, et platement linéaire, des vers de Charles Péguy, et qui n’ont cessé de méconnaître ce qu’il n’a cessé de défendre et de mettre en œuvre, sous le nom de tapisserie. La poésie de Péguy est toujours l’entrecroisement de deux axes — l’horizontal et le vertical — qui composent ensemble une écriture très remarquable en ce que le sens est constamment le fruit de la conjonction de ces deux axes et que dans l’ordre du

vertical, la rime, les cadres syntaxiques, le lexique et les rythmes constituent des ensembles qui se reproduisent tout en se modifiant de vers en vers, et tissent des significations toujours nouvelles avec la lecture linéaire. C'est une véritable conception symphonique de l'écriture qui nous est ainsi offerte.

Anatole France et les questions sociales en Russie

Theuriau Frédéric-Gaël,

директор Centre d'Etudes

Supérieures de la Littérature L'engagement d'Anatole France en faveur du peuple russe s'inscrit dans une histoire culturelle d'ordre politico-idéologique concernant l'internationalisme. Elle commença avec la révolution prolétarienne française de 1848 et le mot d'ordre qui conclut le Manifeste du Parti communiste des allemands Marx et Engels: «Prolétaires de tous pays, unissez-vous!». Cette histoire se poursuit par la constitution des trois Internationales successives (1864, 1889 et 1919) puis par le Congrès de Tours, en 1920, aboutissant à la scission entre ouvriers socialistes et les communistes. Le krach boursier mondial de 1929 et les dix ans de la Grande dépression affaiblirent les principes internationalistes et prolétariens du couple franco-russe. Dans ce cadre (1848–1939), la solidarité entre les peuples était un des enjeux majeurs de l'académicien et président-fondateur du PEN-Club français Anatole France. Il défendait les libertés d'expression et le respect de la vie humaine dans un combat concernant les questions sociales en Russie de 1897 à sa mort en 1924. Le premier axe expose la liberté de parole sous l'angle des grèves estudiantines, des revendications des travailleurs et des persecutions des intellectuels. Le second présente la notion de l'altérité par rapport au paupérisme, aux maladies et aux perspectives sociales modernes. En particulier, Anatole France soutint un film de 1921, tourné par le Docteur Nansen, mettant en évidence un cas d'Holodomor méconnu. Les images montrent une population ukrainienne et russe affamée. Le but était de stimuler l'élan solidaire entre les peuples pour aider la population mourant de faim. Toute sa vie durant, Anatole France mena une lutte sociale dont le dossier se trouve dans Trente ans de vie sociale, quatre volumes dans lesquels son engagement en faveur des défavorisés est patente. À partir de la fin du XIXe siècle, il examina les événements en Russie qui témoignaient d'un bouleversement social et intellectuel. Claude Aveline a réuni l'ensemble des écrits sociaux de l'écrivain français juste après la Seconde Guerre mondiale dans quatre volumes qui couvrent les années 1897 à 1924. Une étude statistique met en évidence la présence récurrente presque chaque année de textes en rapport avec la Russie envisagée soit de manière Générale soit en rapport avec la question sociale entre 1901 et 1922. Quel but poursuivait l'académicien français dans cette réception et représentation de l'autre? On se rend compte que plus de la moitié des préoccupations d'Anatole France sur la Russie concerne d'une part les valeurs de la liberté d'expression et d'autres part le respect de la vie.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ,
БИБЛЕИСТИКА,
НЕОЭЛЛИНИСТИКА,
БАЛКАНИСТИКА

Балканистика, неоэллинистика и византистика

Кто читал византийскую полемическую литературу на Балканах? Особенности переводов сочинений Нила Кавасилы в составе сборника ГИМ Синод. 383

Адашинская Анна Адамовна,

PhD научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

По своей структуре сборник сербского происхождения ГИМ Синод. 383 схож с некоторыми рукописями хиландарского круга переводчиков 50–90 гг. XIV в. (Хил. 474, Хил. 455, Дечани 88). Сборники такого рода, т. н. *miscellanea*, содержали обычно разнообразные по содержанию тексты агиографического, риторического, полемического, богослужебного, духовного или эпистолярного характера. В целом, составы этих манускриптов, хотя и имели определенную традицию копирования, во многом зависели от интересов и предпочтений их заказчиков. По мнению М. Скарпа и Д. Богдановича, особенностью сербской, а точнее хиландарской, традиции сборников второй половины XIV в. является включение в них переводных византийских антилатинских текстов.

Обычно, рукописи этого круга включали наравне с антилатинскими текстами еще и многочисленные сочинения о подвижнической жизни и чисто византийские богословские трактаты, однако, исследуемый мною сборник Синод. 383 представляет собой уникальную компиляцию из сочинений только двух авторов — Григория Паламы и Нила Кавасилы. Так, сразу после произведения Григория Паламы «Против Иоанна Векка» (fol. 1r-8v) здесь помещено «Опровержение латинских глав о нисхождении Святого Духа от Сына» Нила Кавасилы (fol. 9r-208r), которое построено по схеме, схожей с работой Паламы (сначала приводится некое утверждение латинян, а затем оно опровергается со ссылками на Священное Писание и труды греческих отцов церкви). Также, в состав рукописи входят работы Нила Кавасилы «О примате папы» (214v-233v), «О причине разделения между латинской и греческой Церковью» (234r-243v) и ряд опровержений латинских силлогизмов. Важно отметить, что опровержения силлогизмов в славянском тексте не полностью соответствуют известному греческому тексту — это натолкнуло М. Скарпа на мысль о том, что данный славянский перевод был сделан с автографа самого Нила (или его афонской копии), предшествовавшего обработке текстов племянником автора Николаем Кавасилой.

Однако, непосредственный анализ техники перевода и структуры текстов Нила Кавасилы в Синод. 383 никогда не проводился. Поэтому в данной работе я предлагаю рассмотреть характерные техники адаптации греческих терминов к понятиям и реалиям, известным сербским читателям XIV в., а также проанализировать структурные отличия переводов текстов Нила от их греческих оригиналов. По моему предположению, в ра-

боте над переводом принимали участие несколько славянских авторов и, по крайней мере, один носитель греческого языка, о котором свидетельствуют маргиналии на листах fol. 1r и fol. 8v.

Судя по языку переводов и адаптационным механизмам, основной аудиторией текстов были представители славянской церковной элиты, знавшие в некоторой мере греческий, но испытывавшие сложности в чтении византийских полемических и философских сочинений.

Философы и апостолы в «Диалектике»*

Иоанна Дамаскина

Алексеева Алина Сергеевна,

научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

В докладе будут рассмотрены примеры, которые Иоанн Дамаскин приводит в своем логико-философском трактате «Диалектика» (в тезисах цитирование осуществляется по переводу Д. Е. Афиногенова и др.). Основным предметом внимания являются упоминания античных философов и апостолов. Выбор персон в иллюстративном материале в большинстве случаев определен контекстом. Среди философов Дамаскин чаще всего называет Сократа (Платон упомянут лишь однажды и в паре с Сократом, прочие — только при ссылках на тексты), который появляется в контекстах, связанных с телесным, эмоциональным и мыслительным. Также Сократ фигурирует, когда речь идет о единичном или обособленном: «Или в отношении числа: например, о Сократе мы говорим, что сам по себе он есть один, отличаясь от прочих людей». Вероятно, при демонстрации слогоделения имя философа было избрано еще и потому, что первые два слога «Σω-кра» являются открытыми и формально равными (в переводе разделение на слоги ориентировано на русскую традицию: «Например, слово Сократ: между слогом Со- и слогом -крат нет общего, соединяющего их предела»).

Апостолы — преимущественно Петр и Павел — отмечаются в контекстах богословских или нейтральных (связанных с их человеческой природой, но не подчеркивающих телесность и эмоциональность), причем зачастую речь идет о противопоставлении или сравнении двух понятий: «Второе же, т. е. вид, есть, например, человек, ибо это слово обозначает многих, вернее всех отдельных людей, которые различаются друг от друга числом — ибо один — Петр, а другой — Павел, и они не суть одно, но два — видом же, т. е. по природе, они не различаются». При этом, если назван один из апостолов (к примеру, в развитии заданной темы), то речь практически всегда идет о Петре. Отдельно Павел назван лишь однажды, при отсылке к Деян. 21:40: «Например, Гавриил, беседуя с Пресвятой Богородицей, был одним из ангелов, но непосредственно беседовал с ней только он один, отличаясь от единосущных с ним ангелов присутствием в определенном месте и тем, что он беседовал. И Павел, когда он держал речь на лестнице, был одним из числа людей, но своими свойствами и действиями он выделялся из всех других людей». Как видно, выбор именно этого примера обусловлен сопоставлением двух эпизодов: беседы архангела Гавриила и Богородицы, апостола Павла и толпы.

---

* Работа выполняется при поддержке гранта РНФ № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Категория посессивности в современном русском и новогреческом языке: к постановке вопроса

Боброва Ольга Борисовна,

к. ф. н., преподаватель boberdober88@mail.ru

Современная лингвистика определяет категорию посессивности как языковое выражение отношений между объектом обладания и обладателем (посессором). Функции категории посессивности в языке — разграничение «своего» и «чужого», установление границ личной сферы и, в широком смысле, определение норм и правил, регулирующих общественные отношения в среде носителей того или иного языка. Для выражения посессивных отношений любой язык обладает арсеналом специальных средств (лексико-грамматических, словообразовательных, морфологических, синтаксических). Для языков индоевропейской семьи характерно использование притяжательного местоимения и/или притяжательного прилагательного. В докладе рассматриваются атрибутивные конструкции с местоимением «мой/μου» (N + Pronposs) в современном русском и новогреческом языках.

Полученный из современных корпусов текстов путем сплошной выборки материал анализируется и распределяется по категориям с точки зрения содержания (т. е. с точки зрения отношений, определяемых языковыми средствами в каждом конкретном случае). Выделяются: 1) отношения неотчуждаемой собственности (отношения между человеком и частями его тела: моя рука, то χέρι μου; человеком и присущими ему абстрактными сущностями (душа, чувства и т. п.): мое внимание, то λάτρερό μου πνεύμα); человеком и объектами физического мира, составляющими его ближайшую периферию (дом, одежда т. п.): мой дом, то σπίτι μου); человеком и его родственниками и другими людьми в окружении: мой, моя (о муже, жене, ребенке и т. п.), ο πατέρας μου); 2) отношения отчуждаемой принадлежности (отношения к конкретному неодушевленному объекту: мой зонтик, то πορτοφόλι μου; к лицу, связанному с посессором по функции: мои сотрудницы, οι παίκτες μου; к абстрактным сущностям: мое предположение, ο φόβοι μου). Относясь к одной и той же языковой семье, русский и новогреческий не демонстрируют значимых различий в фундаментальном различении отчуждаемого и неотчуждаемого. Тем не менее, как показывает анализ, в рассматриваемых языках имеются и существенные расхождения. Во-первых, русский и новогреческий не совпадают в том, какие конкретные языковые средства используются для выражения посессивных значений. Так, помимо собирательного именованного родственных или близких людей мои русский язык использует местоимение свои, а греческий — полную (ударную) форму притяжательного местоимения (οι δικόι μου). В ряде случаев атрибутивной притяжательной конструкции с местоимением русский язык предпочтет предложную форму родительного падежа у меня. Во-вторых, различается частота и обязательность употребления посессивов: для новогреческого языка характерно обильное использование посессивов и маркирование ими объектов определенных категорий, например, наименований частей тела и имен лиц при обращении.

Иоанн Дамаскин, «Диалектика», глава 5: обновленный перевод

Воробьев Валерий Владимирович,

к. филос. н. научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

«Диалектика», первая часть основополагающего произведения последнего из «отцов церкви» Иоанна Дамаскина (ок. 675 — ок. 750), уже рассматривалась мною с точки зрения источников и терминологии в предыдущих докладах. В настоящем докладе будут затронуты вопросы перевода этой работы на современный русский язык и проанализированы различные попытки перевода «Диалектики» на русский язык в XX–XXI вв. В последних изданиях «Диалектики» на русском языке (2006 и 2018 гг.) используется отредактированный перевод 1913 г., на который ссылаются редакторы, а источником греческого текста служит текст из «Патрологии» Миня [PG. Vol. XCIV, 1864, p. 539–546], где имеется также латинский перевод. Надо отметить, что, как это хорошо известно, греческий текст отличается лаконичностью. Например, греческий текст главы 5, исправление перевода которого является предметом обсуждения в настоящем докладе, имеет объем около 7 тысяч знаков, параллельный латинский текст — около 7,8 тысяч. Перевод на русский язык в издании 2006 г. содержит уже более 9 тысяч знаков, что объясняется необходимостью раскрытия смысловых соотношений греческого текста, часто не выраженных в нем явно. Предлагаемый мною новый перевод с учетом корректной передачи логической терминологии, представленный в докладе, начинается с текста пятой главы (традиционное название — «О звуке» — новый вариант — «О звуковом знаке» или «О термине»), в которой Иоанн Дамаскин впервые в тексте «Диалектики» вводит основные логические термины (в последующем называемые «предикабиями»): «род», «вид», «видовое отличие» («различающий признак»), «собственный признак» и «привходящий признак». Таким образом, я предлагаю использовать в переводе современную логику-философскую терминологию, восходящую к переводам «Категорий» и «Исагоги» А. В. Кубицкого (1939) и с учетом устоявшейся традиции передачи логических терминов в русском языке, используемой современным российским логическим сообществом. Приведем небольшой пример нашего перевода: 1. В тексте главы пятой [PG. Vol. XCIV, 1864, p. 541B] мы читаем (в переводе 2006 г) «Существенный звук (οὐσιώδης φωνή) обозначает или что есть вещь, или какова эта вещь. Например, отвечая на вопрос, что такое человек, мы говорим: животное... Существенный звук (οὐσιώδης φωνή), показывающий каков есть предмет, называется разностию (διαφορά)». 2. В нашем переводе: «Существенный звуковой знак (οὐσιώδης φωνή) обозначает или что есть вещь, или какова эта вещь. Например, отвечая на вопрос, что такое человек, мы говорим: животное... Существенный звуковой знак (οὐσιώδης φωνή), показывающий каков есть предмет, называется различающим признаком или видовым отличием (διαφορά)». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Заимствование греческой и латинской терминологии при формировании логического аппарата на русском языке: на примере «Логики» Макария Пётровича

Гончарко Оксана Юрьевна,

к. филос. н., научный сотрудник
Русская христианская гуманитарная академия

Семиколенных Мария Владимировна,

к. культ., научный сотрудник
Русская христианская гуманитарная академия

Доклад посвящен рецепции античной логики в поствизантийской логической традиции. В докладе представлено подготовленное нами совместно с Л. Г. Тоноян первое критическое издание «Логики» Макария Пётровича (1734–1766), сербского автора XVIII в., снабженное комментариями и глоссарием. Помимо рассмотрения основного содержания и особенностей изложения курса логики в этом сочинении, — первом пособии по логике на русском языке, — в докладе особенное внимание будет уделено тому, каким образом, перенимая греческую и латинскую логическую терминологию, Макарий Пётрович варьирует переводы слов, исторически сформировавших терминологический аппарат логики, приспособлявая их к употреблению в русском языке. В докладе будет показано, что Макарий Пётрович не просто дает кальки греческих и латинских слов из популярных учебников, по которым преподавали логику в Европе того времени, но внимательно подбирает славянские корни, предлагая иногда различные варианты перевода. В частности, будет показано, как Макарий Пётрович 1) вводит новые названия («речения» для $\phi\omega\nu\alpha\iota$ et voces; «логика художная» и «логика привычная» для соответственно $\logica\ artificialis$ κατὰ ἔξοχήν dicitur $\logica$ и $\logica\ habitualiter$; «особа неразделная» для $individuus\ sive\ singularis$; «случайное неразлучное» для $accidens\ inseparabilia$; «образительные» в значении модальные, «перевожение» в значении сведение, etc.); 2) использует греческий род для заимствованных слов («оное перипатетическое аксиома несправедливо», etc.); 3) передает иногда с помощью греческих корней латинские термины и наоборот (например латинское $notiones\ generum$ как «универсальных идеях»); 4) предлагает для одних и тех же греческих и латинских терминов разные вариации на русском (например для латинского $experientia$ и греческого $\epsilon\mu\lambda\epsilon\rho\epsilon\iota\alpha$ — то «искус», то «опыт»; то «объем», то «разширение» в значении «объем понятия», «содержание и разширение идеи универсальной»); 5) передает интервокальную сигму как звук [с] на греческий манер в терминах греческого происхождения («аналисис») и как [з] в терминах латинского происхождения («резолвовать»); 6) иногда транскрибирует греческие и латинские слова, записывая их русскими буквами и предлагая использовать далее в качестве терминов наряду с подобранными к ним славянскими синонимами (силлогизм и умствование, схолии и изъяснения/толкования, конклюдзии и заключения, кондиция и условие, дефиниция и определение, дефиновать и определять, резолвовать и решать, субъект и подлежащее, etc). В докладе будут представлены подробные таблицы с примерами и ссылками, сопоставлены части «Логики» Макария Пётровича с соответствующими им частями книг Пуршо и Баумейстера. Работа выполняется при поддержке гранта РФ №18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Βρικóλακας — «ходячий» покойник в народно-демонологических воззрениях Новой Греции (этнолингвистический аспект)

Климова Ксения Анатольевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В новогреческой народной культуре традиционный образ «ходячего» покойника — вампира, который не нашел успокоения после смерти и встает из могилы, вредит людям, домашнему скоту, пьет кровь и совершает другие вредоносные (или патронажные) действия, представлен несколькими мифологическими персонажами (βρικóλακας, στοιχειό, τσακάλι и пр.), основным из которых является βρικóλακας ‘вурдалак’. Лексема «вурдалак» встречается в разнообразных диалектных вариациях: βρικóλακας, βρικούλακας, βρικóλακας, βρεκόλακας, βροκόλακας, βρακόλακας, βικóλακας, βορκóλακας, βουρκóλακας, βουλκόλακας, βορβóλακας, βουρβóλακας, βουρβούλακας, βορβάλακας, βαρβούλακας, βóλακας, βουρδούλακας, βουρδóλακας, βορδóλακας, βορδούλακας, πρόλακας, βρικουλακάδης, βρικόλακίσσα, βρικούλατσίνα, βουρβουλακίνα, βουλκόλακας, βουρκούλακας, βουλκούλακας, βαρβάλακας, βαρβούλακας, βυρκóλακας, βρουκουλάτς, βρικόлатς, βρικούλάκι, βρικόλακис и пр. Слово известно во всех трех грамматических родах: βρικóλακας, βρικούλακας, βροκόλακας и т. д. — м. р., βρικόλακίσσα, βρικούλακίνα, βреколаκίνα, βρικούλατσίνα, βουρβουλακίνα и т. д. — ж. р., βρικούλάκι, βρικόлаки, βρικούлаάκι и т. д. — ср. р. Термины мужского и женского рода используются для обозначения персонажей мужского и женского пола соответственно, а среднего рода — для обозначения детей, рожденных от вурдалаков, детей, ставших вурдалаками, или в качестве уменьшительно-ласкательной формы. Для обозначения «ходячего» покойника используются и другие локальные лексемы: λάμπασμα (от λάμπω — ‘светить’, так как вурдалаки имеют особые отношения с огнем), φάντακας (ср. φάντασμα — ‘привидение’), сαρκωμένος («с плотью»), катсика́с (от катсіки — ‘коза’, так как считалось, что вурдалаки могут появляться с козлиными ногами, рогами, покрытые шерстью), катаханάς (*катаχωνάς < катаχώνω — ‘погребать’), и др. Представления о вурдалаках занимают одно из центральных мест в греческой народной демонологии. Эти мифологические персонажи имеют большое функциональное поле, превосходящее рамки представлений о персонаже — вампире, выходящем по ночам из могилы и пьющем кровь у людей и животных. В новогреческой народной культуре функция вурдалака «пить кровь» не является доминирующей. Вурдалак предстает в образе «ходячего» покойника, который может иметь как вредоносные, так и патронажные функции. В докладе будут представлены основные характеристики МП (по схеме Виноградовой-Толстой) в балканской перспективе, а также этнолингвистические карты, демонстрирующие географию распространения лексем, использующихся для номинации персонажа.

Сербский язык как L2 тимокских влахов (румын)

Конёр Дарья Владимировна,

к. ф. н., младший научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Влахи, проживающие в долине реки Тимок, являются одним из самых многочисленных этнических и языковых меньшинств Республики Сербия. Их говоры принадлежат к дакорумынскому континууму, и в настоящее время испытывают достаточно сильное влияние сербского языка. Эта интерференция изучена значительно лучше, чем особенности речи влахов на сербском языке, которые ранее не становились объектом лингвистического анализа. Целью данного доклада является составление усредненного портрета представителя влашского национального меньшинства как говорящего на L2. Материалом исследования служат идиолекты четырех двуязычных жителей Восточной Сербии (районы г. Неготин и г. Кладово), с которыми автором доклада были проведены интервью в 2019 году.

Было установлено, что речь старшего поколения тимокских влахов на сербском можно охарактеризовать как региональный стандарт: в ней преобладают черты стандартного языка, но присутствуют и восточносербские регионализмы. Особенности речи влахов на сербском языке делятся на четыре группы: 1) контактоиндуцированные явления, вызванные интерференцией первого языка (ciupag 'нагрудный элемент женского костюма', ср. рум. ciupag < старослав. чипагъ; me gledam 'я смотрю', ср. рум. возвр. гл. a se uita, a se privi 'смотреть'; sa to 'с этим' — копирование рум. падеж. модели); 2) диалектные восточносербские черты (koska šećer 'кубик сахара'; мапека 'маленькая'; šćup 'земля'); 3) языковые черты, в основе которых лежит «неполное усвоение языка» (i posle krpu sam brisala 'и затем я вытирала тряпку' — синтаксическая ошибка, неправильное место клитика; ne dobijaju svakog isto 'не каждый получает то же самое' — ошибка при выборе падежа местоимения svaki, генетив вместо номинатива; imali torbu 'у них была сумка' — отсутствие вспомогательного глагола su); 4) неясные случаи, специфика которых может иметь несколько причин (prije škole 'до школы'; mi staviš u džep 'кладешь ему в карман').

Анализ речи влахов Восточной Сербии (районы Неготина и Кладово) на L1 и на L2 показал, что если в первом случае говорящие чаще заимствуют языковую материю доминирующего идиома (отдельные слова и многословные переключения кодов), то во втором значительно бóльшая роль отводится заимствованию паттернов, свойственных родному языку. На данном этапе сложно судить о том, насколько универсальна эта модель, но исследование других «активных» ситуаций контакта может быть перспективной задачей будущей работы. Ее важной целью является понимание того, каким образом может меняться южнославянский идиом, войдя в репертуар носителя восточнороманского языка в качестве второго языка.

Сколько нужно слов, чтобы описать красоту Елены? (Экфрасис Елены Прекрасной у Константина Манасси и в славянском переводе «Хроники»)

Маковецкий Евгений Анатольевич,

д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Константин Манасси, византийский писатель XII в., в стихотворной всемирной хронике *Σύνοψις Χρονική* создает экфрасис Елены Прекрасной (строки 1155–1170 по изд. О. Лампсидиса). Кажущаяся избыточность эпитетов, используемых автором для описания Елены, заслуживает внимания.

Основными чертами античного образа Елены Прекрасной были красота и неверность (или верность, если принять за истину, что в Трое был лишь призрак Елены). Для описания собственно красоты Елены, кроме основного эпитета «прекрасная», обычно хватало нескольких определений. Например, у Гомера в переводе Гнедича — лилейнораменная и лепокудрая. На фоне такой сдержанности многочисленность эпитетов в Хронике вызывает вопросы.

Так, в 1155–1170 Хроники Константин Манасси использует около эпитетов. Сама по себе эта многословность оправдывается хотя бы поэтическим уровнем описания: «красота, окрасившая белизну пламенеющей страстью»; «прелестных сокровищ святилище» и др. Проблема становится более очевидной в среднеболгарском переводе Хроники (ст. 1142): здесь переводчик обходится только восемью эпитетами, но поэтических достоинств в них, как можно предположить, меньше, чем в оригинале.

Если бы мы всерьез признали уместным это обвинение Константина Манасси в многословности, то у поэта нашлось бы множество оправданий.

Во-первых, «многословность» может объясняться спецификой творческого задания автора. Во-вторых, она может соответствовать уровню развития читателей и характеру их ожиданий. В-третьих, обилие повторяющихся эпитетов может быть характерной чертой соответствующего этапа в истории литературы. Но главное, на наш взгляд, в другом. Можно предположить, что причиной вынужденной «многословности» Константина Манасси при описании красоты Елены была неразрешимость стоящей перед ним задачи: описать «самородную» красоту в такой культуре, где красота самородной быть не может. Источником любой, в том числе и женской, красоты в христианском мире является Бог. Признание этого обстоятельства делает возможным применение лаконичного «гомеровского» решения задачи по описанию женской красоты. Примеры такого поэтического подхода мы находим у Григория Богослова и Константина Философа, которым было достаточно нескольких эпитетов для описания женских образов. Разумеется, красота этих образов не была самородной она, напротив, направляла юных богословов к источнику всего прекрасного.

Несмотря на то, что к XII в. христианская культура уже вполне ассимилировала языческую античность, не видела в ней никакой для себя опасности, тем не менее, византийская культура не превратилась в древнегреческую, а лишь могла свободно располагать инструментами античной культуры, приемами поэтики. Однако от использования этих приемов никак нельзя было ожидать тех же результатов, что в Античности.

Психологическая мотивировка в сборнике чудес святого Артемия

Мантова Юлия Борисовна,

к. ф. н., преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сборник чудес святого Артемия — достаточно известный и неплохо изученный памятник VII в. Однако по большей части он исследовался как уникальный исторический источник для воссоздания повседневной жизни и топографии Константинополя, а также как текст, в котором отразились социально-культурные изменения, произошедшие в драматический период VII в. Что же касается литературных особенностей сборника, то они тоже не оставались незамеченными. Тем не менее, очевидно, что требуются дальнейшие исследования этого памятника в литературоведческом аспекте.

Прежде всего, следует определить, какие художественные особенности отличают этот текст от других подобных, а также какие нарративные приемы для построения историй можно выделить. Особый интерес вызывают те литературные черты, которые обеспечивают особый динамизм и эффект неожиданности в каждой истории, несмотря на то что почти все они построены на одной и той же фабуле. Большой приходит в храм св. Иоанна в Константинополе, где покоятся мощи святого Артемия, который и исцеляет страждущего, причем в большинстве случаев речь идет об одной и той же болезни — паховой грыже. Тем не менее, ни одна из историй не повторяет другой полностью.

Такой эффект достигается благодаря целому ряду причин, но мы сосредоточимся на психологической мотивировке действий персонажей. Этот художественный прием характерен для такой сложной и развитой литературной формы, как новелла. Персонажи, представленные в сборнике, и сам святой Артемий обладают индивидуальными характерами, а не выступают в качестве неизменных функциональных единиц повествования. Кроме того, эти специфические черты могут играть важную роль в композиции и развитии сюжета. Данный доклад будет посвящен тому, как именно психологическая мотивировка проявляется в Чудесах святого Артемия.

Языковая сложность албанских и балканославянских диалектов: к вопросу о построении общего набора признаков

Морозова Мария Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Русаков Александр Юрьевич

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Эшер Анастасия Леонидовна,

к. ф. н., научный сотрудник Universität Zürich

В докладе обсуждается проблема выбора сопоставимых признаков для измерения и последующего сравнения языковой сложности (англ. linguistic complexity) балкан-

ских диалектов, относимых в генетическом плане к разным языкам. Объектом рассмотрения являются албанские и балканославянские диалекты, сложность которых ранее изучалась в (Morozova et al. 2021; 2022) с использованием двух разных списков признаков, составленных независимо для албанского и для славянского материала и включающих 27 и 29 признаков соответственно.

Сложность, о которой пойдет речь, связана с количеством элементов, из которых состоит языковая система. В докладе критически анализируются основные подходы, которые представлены в работах последних десятилетий, посвященных сравнению сложности разных языков (Arkadiev, Gardani 2020). Показано, что многие исследователи применяют «списочный» подход, руководствуясь разными соображениями при составлении выборки параметров для измерения сложности (иногда просто по принципу доступности данных). Ср., напр., некоторые параметры, использованные в (Nichols 2009): в фонологии — количество различий в качестве гласных, тоны; в синтетической морфологии — маркирование множественного числа существительных, количество словоизменяемых категорий, выражаемых глагольной формой; в синтаксисе — количество базовых порядков слов и стратегий кодирования актантов и др. Далее, с учетом рассмотренных типологических подходов и собственного опыта исследования, предпринимается попытка сформулировать общие принципы выбора признаков для сравнительного изучения албанского и балканославянского языкового материала, предлагается набор подобных признаков и обсуждается, насколько удачно полученный список признаков и метод подсчета их значений отражают такое свойство, как сложность конкретных диалектов.

Значительные различия между условными реконструированными общеалбанским и общеславянским состояниями, взятыми в качестве точки отсчета для измерения сложности, соответственно, внутри албанского и балканославянского языковых континуумов, делают такую задачу нетривиальной.

Литература

Arkadiev P., Gardani F. (eds). *The complexities of morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Morozova M., Escher A., Rusakov A. Linguistic complexity of South Slavic dialects: A new perspective on old data // *Linguistics Vanguard*. 2022. In press.

Morozova M., Ovsjannikova M., Rusakov A. Studying the history of Albanian dialectal landscape: do quantitative methods help? Paper presented at the Institute for Habsburg and Balkan Studies, Austrian Academy of Sciences, 9 November 2021.

Nichols J. Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill (eds.). *Language complexity as an evolving variable*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 110–125.

Смоковница (*Ficus carica*) в языках и алиментарной культуре народов Западных Балкан

Новик Александр Александрович,

к. и. н., заведующий отделом Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Домосилецкая Марина Валентиновна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН

В докладе анализируются номинации смоковницы в языках народов Западных Балкан, а также роль растения и его плодов в различных сферах культуры. До XIX в. для людей оставалось загадкой опыление растения (не смог раскрыть сложную головоломку природы и «отец ботаники», а заодно и создатель современной классификации видов живой природы Карл Линней), что привело к сложению фиксируемых и сегодня многочисленных мифологем. Дерево играет значимую роль в духовной культуре. Так, в народных верованиях балканцев до настоящего времени сохраняются устойчивые представления о духах природы, а также фиксируются факты наделения растений магической силой. Последняя проявляется прежде всего в системе бережной обрядности. Например, сербы верили, что при непогоде, в особенности при грозе нужно зажечь веточку смоковницы, освященной на Белую субботу (первая суббота после Троицы), и крестить ею надвигающуюся тучу. Несколько противоречив образ смоковницы в греческом фольклоре. Наряду с почитанием ее как дерева, обладающего продуцирующей силой, зачастую ее считают и «проклятым деревом». Полагают, что в этом дереве живет черт, поэтому нельзя спать под его тенью. У албанцев, хорватов, греков и др. народов фиксируется прежде всего использование плодов смоковницы как пищевого продукта, сырья для производства алкогольных напитков и лекарственного средства. У мусульман региона плоды смоковницы прочно ассоциируются с праздничным столом. Так, вяленый инжир является непременной составляющей застолий, устраиваемых по случаю Рамазан- и Курбан-байрама, а также считается «правильной» и желанной пищей во время ифтара — разговений во время религиозного поста в священный месяц Рамазан/Рамадан. В народном исламе смоковница и ее плоды воспринимаются как дар, ниспосланный Аллахом людям — об этом говорят наши материалы, записанные у турок Охрида, Скопье (Северная Македония), бошняков Мостара (Босния и Герцеговина), турок и албанцев Призрена. Под влиянием ориентальной культуры во время османского владычества на Балканах в кухни местных народов, наряду с множеством других блюд, пришел пекмез/пекмес (алб. *pekmez*, -i, *pekmes*, -i, болг. *петмез*, сербохорв. *pekmez* < тур. *pekmez* < перс. *bekmaz*) — сильно уваренный сироп из всевозможных ягод и плодов. Наиболее распространенными видами сладкого продукта являются пекмез из винограда и смоквы. При этом последний в наши дни в Албании готовят чаще, чем виноградный. Маргинальное использование смоквы: из высушенных плодов плохого качества делают напиток наподобие цикория, его пьют в качестве тонизирующего напитка в случаях врачебных запретов на употребление кофе. Плоды в такой ситуации считаются полезными при целом списке заболеваний дыхательных путей, системы пищеварения, сердца, кровеносной системы и др. Смочка используется в производстве ракии.

Bilingualism and language shift: the case of Urum

Поповиду Милена Тамазовна,

аспирант

Государственный Университет г. Патры (Греция) филологический факультет

The aim of the present study is to describe the relationship between linguistic and social factors in examining the language shift of Urum, an Anatolian Variety of Turkish spoken by Greeks from Georgia who currently reside in Greece. The ancestors of the Urum speakers came to Georgia from cities in Northeastern Anatolia (Kars, Erzurum) in the beginning of the 19th century and since then continued using the varieties of Anatolian Turkish in contact with the languages of the new environment, especially Russian, Georgian, and Armenian. When the Soviet Union collapsed in 1991, significant migrations of Greeks from the former Soviet territories took place, with the main destination being Greece. In this paper, evidence will be presented to show how the significant social transformation of the Urum-speaking community after the migration to Greece (external factors) has led to changes in its ethnic self-perception, since the ethnolinguistic identity of Urum speakers is no longer used as an important distinguishing feature. In addition, this study will investigate different levels of individual's language competence, in an effort to understand additional factors that contribute to language shift. Broadly speaking, we will focus on Urum speakers who did not acquire a certain level of proficiency in the language, and they are unable to use it in socially significant ways, while, in our view, it will be a real challenge to pass that language on to children. Thus, the co-examination of the interaction between language-ethnic identity as well as of the pivotal role of other sociological factors that affect speaker's linguistic behavior and language competence as such, can shed light on the process of language shift and its structural consequences. Therefore, attention has been focused on certain processes of linguistic change that occur during the contact situations between Urum and Greek observed mainly in phonology, morphology, syntax and lexicon and which may stand as indicators of language decay and language loss. In order to collect the linguistic data we used quantitative as well as qualitative research methods with different speakers of the community, from the fluent to the so-called semi-speakers so as to determine the impact of several external factors on speaker's behavior that lead to structural consequences and subsequently affect language maintenance itself.

Нарраторы произведений Д. Хадзиса — лики абстрактного автора

Сатдарова Анна Александровна,

преподаватель

Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации

Нарраторская коммуникация может быть чрезвычайно ярким элементом литературного произведения: нарратора может отличать своеобразная речевая манера, пространственные отступления, черты характера, проглядывающие сквозь повествовательную канву и пр. В произведениях Д. Хадзиса, однако, таких нарраторов чрезвычайно мало. Зачастую читатель представляет на месте субъекта звучащей речи самого писателя, обращающегося к своей публике как будто напрямую, без посредника

в лице нарратора. С точки зрения нарратологии, нарратор, сколь нейтрален бы он ни был, не сливается с абстрактным автором, а является его порождением. [Шмид 2003: 72]

Абстрактный автор, в свою очередь, — атрибут конкретного текста. Каждому произведению соответствует свой абстрактный автор. Но можно говорить об абстрактном авторе всего творчества. В случае с Д. Хадзисом, этот тезис подтверждается еще и тем, какое место занимают в его творчестве сборники рассказов, которые, с одной стороны, представлены как целостные произведения, а с другой, каждый рассказ может восприниматься по отдельности.

В произведениях Д. Хадзиса можно выделить нарраторов двух типов. Нарраторы первого типа представляют собой галерею автопортретов абстрактного автора, воплощают основные присущие ему черты, а именно: принадлежность к писательскому труду, определенность идеологической позиции. Таковы нарраторы абсолютного большинства произведений: «Φωτιά», «Το τέλος της μικρής μας πόλης», «Ανυπεράσπιστοι», «Θητεία (αγωνιστικά κείμενα 1940-1950)», «Σπυδές» (кроме рассказа Το φονικό της Ιζαμπέλλας Μόλναρ), один из нарраторов романа «Το διπλό βιβλίο». Нарраторы второго типа появляются в произведениях зрелого творчества автора: «Σπυδές» (рассказ Το φονικό της Ιζαμπέλλας Μόλναρ), «Το διπλό βιβλίο». Они, в свою очередь, являются носителями черт, противоположных чертам предполагаемого абстрактного автора.

Нарраторы произведений разных лет обнаруживают последовательные изменения, которые соответствуют логике развития творчества Д. Хадзиса, в частности: снижение идеологического пафоса; игра с границами фиктивного мира, попытка их преодоления.

Эти две стороны взаимосвязаны: снижение значения идеологии сокращает дистанцию между нарратором и читателем, что наблюдается не только в нарраторской коммуникации, но и в других элементах поэтики произведений.

Литература

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Ильин И. П. Нарратор // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / Ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М., 1996. С. 79–81.

Образ змея/дракона в полемике платоников и аристотеликов середины XV в.

Семиколенных Мария Владимировна,

к. культ., научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

Змей или дракон и противостояние ему героя-змееборца — традиционный мифологический и литературный сюжет, нередко возникающий и в византийской литературе: агиографии (легенды о св. Георгии или Феодоре Тироне, св. Перпетуе, Марине Антиохийской), эпической поэзии (например, битва Дигениса Акриты с драконом), апокалипсисах («Слово на Пришествие Господне» Псевдо-Ефрема Сирина,

«Откровение» Псевдо-Мефодия) и проч. Появляется этот мотив и в полемическом контексте, когда противник: раскольник, еретик, политический оппонент, — сравнивается с ядовитым или огнедышащим чудовищем. Среди множества эсхатологических образов, к которому прибегает Георгий Трапезундский, характеризуя Платона и платоников в своем трактате *Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis* (1458), есть и этот: Георгий сравнивает платоновское учение со змеем, драконом и многоголовой Лернейской гидрой, которая губит своим ядовитым дыханием отдельных людей и целые народы. Выбор такого сравнения неслучаен: во-первых, Георгий проводит вполне очевидные параллели между триумфом платонизма (который он надеялся предотвратить) и триумфом Антихриста, часто представлявшегося в образе дракона или ассоциировавшегося со змеей, а во-вторых, прозрачна ассоциация и со сладкоречивым змеем-соблазнителем, подтолкнувшим человека к грехопадению. Противники Георгия Трапезундского: Виссарион Никейский, Феодор Газа, Никколо Перроти, Домицио Кальдерини, — последовательно игнорируют наиболее «злободневные» упреки Георгия в адрес Платона и платоников (обвинение в том, что их учение привело к падению Византии под натиском турок и может привести к гибели весь христианский мир), настаивая на обсуждении сугубо академических вопросов (проблем перевода текстов Платона и интерпретации конкретных философских проблем), а также — попыток Георгия вступить в переговоры с турками. Однако к образу дракона, змея или химеры они тоже прибегают, применяя его уже к самому Георгию — борьба с его «змеиным языком» и «все оскверняющим заразнейшим дыханием» превращается в их сочинениях и письмах в своего рода коллективное драконоборчество. Доклад посвящен сравнению со змеем/драконом как риторической фигуре, к которой многократно прибегали участники спора между платониками и аристотеликами середины XV в., и различным интерпретациям этого образа, определявшимся контекстом полемики, жанровой природой сочинений и целями, которые ставил перед собой каждый конкретный автор. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Issues in Balkan phonetics

Соболев Андрей Николаевич,

д. ф. н., главный научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН

The paper gives an overview over the most recent results of search for Balkanisms in the area of phonetics of standard languages and local dialects [Friedman, Joseph — in preparation; Sawicka — in preparation]. The phonetic phenomena of interest for the Balkan areal typology are presented: inventories, phonetic context, and frequency are taken under consideration. Areal splits into the Western Balkan, Central Balkan, and Eastern Balkan parts in phonetics are made evident, against the background of morphosyntax and lexicon. The possibility of a holistic typological generalization is questioned. Different phonetic processes in the native and borrowed lexicon are consistently discriminated. Difficulties like explaining phenomena without evident motivation and the donor — recipient problem for contact-induced phonetic phenomena are addressed. Special attention is paid to the research methodology, with very special interest in linguistic geography, dialectology, and anthropological linguistics.

A selection of phenomena to be included in a future pan-Balkan questionnaire and database is discussed, for example word stress, accommodative pronunciation with combinatory palatalisations, vowel reduction, the centralised vowel(s), vocalic clusters, restrictions on the intervocalic occurrence of voiced occlusives (lenition), the loss of [x], consonant clusters, phonologization of new palatalized / palatal sounds, mixing of affricates, consonant and vowel alternations and assimilations, gemination, sandhi phenomena, sentence intonation, etc. References Friedman, Victor; Joseph, Brian. *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. — in preparation. Sawicka, Irena. *Studies in Balkan Phonetics*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. — in preparation.

Слова для обозначения понятия в византийской логике

Тоноян Лариса Грачиковна,

к. филос. н., научный сотрудник

Русская христианская гуманитарная академия

В докладе будет рассмотрена проблема формирования логической терминологии для понятия в основных логических трактатах византийских авторов. Известно, что у Аристотеля не было законченного учения о понятии. Оно складывалось в Средние века и в эпоху Возрождения в рамках так называемой традиционной логики. Из тех греческих слов, которые употреблял Аристотель и которые можно перевести на русский язык как понятия, основными являются λόγος и ὄρος.

В византийской империи, где философия и логика непрерывно развивалась на греческом языке, наряду с аристотелевской логикой использовались трактаты стоической и неоплатонической школ. Словообразование для такой важной логической формы, которая в дальнейшем стала называться понятием, идет из учения стоиков, употреблявших слова, образованные от греческого глагола λαμβάνω 'брать'. От этого глагола образовано существительное κατάληψις 'схватывание' (в логике стоиков 'понимание'). Цицерон переводил это слово как perceptio, conceptio, comprehensio. В результате средневекового спора об универсалиях наиболее употребимым стало слово conceptus с тем же значением — схватывание, семя, зародыш. В основных европейских языках для обозначения понятия используется калька со слова conceptus (например, нем. Begriff от гл. begreifen — охватывать, рус. понятие (понятье, понятие) от старославянского гл. пояти — взять, схватить; ср. пойму, поймаю). Формой понятия в логике называют его объем. Слово 'объем' имеет то же значение охватывания и тот же корень; оно образовано от древнерусского глагола 'яти', то есть 'брать', который трансформировался в слова объять, обнять, взять (греч. περιφέρεια, лат. circumferentia, нем. Umfang). Не случайно наиболее распространенным способом изображения объема понятия стали круги Эйлера. У понятия также имеется содержание. Слово 'содержание' используется в логике опять же в смысле схватывания сущности, т. е. оно должно соединить, держать в едином целом разнообразные свойства предметов или явлений. Византийские авторы (Филопон, Иоанн Дамаскин, Пселл и др.) излагали логическое учение о категориях в тех же терминах, которые использовали Аристотель и Порфирий. При изложении аристотелевского учения о силлогизмах использовали слово ὄρος для обозначения термина силлогизма на всем протяжении существования византийской логики. В XIII в. в одном из самых распространенных учебников по логике, написанном Никифором Влеммидом на-

ряду со словом ὄρος используется слово ἐπίνοια, соответствующее использованию в латинских трактатах этого периода слов conceptus и notio.

Историческое развитие терминологии в учении о понятии указывает на взаимное влияние византийской и латинской логических традиций. Исследование выполняется при поддержке гранта РНФ №18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Энкелад, Эфиальт, Дафна и другие: от имен собственных к прецедентным

Тресорукова Ирина Витальевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В языке любого народа важную роль для когнитивной основы играют идиомы, устойчивые выражения, поговорки, а также прецедентные высказывания (ПВ) и прецедентные имена (ПИ), входящие в состав прецедентных феноменов (ПФ). В связи с этим представляется интересным рассмотреть функционирование прецедентных имен, ведущих свое происхождение из античности и активно употребляемых в современном языке в качестве компонентов как свободных словосочетаний, так и фразеологизмов, так как такие ономастические компоненты, по утверждению Е. А. Беспаловой, способны в составе фразеологических единиц (ФЕ) «актуализировать в сознании участника коммуникации некий культурно значимый текст или ситуацию» [Беспалова 2021: 29]. Как мы уже писали ранее [Тресорукова 2019], в новогреческом языке сохранилось большое количество такого рода единиц, которые ведут свое происхождение из эпохи античности и составляют особую категорию, так как не являются продуктом устной традиции. Прецедентное имя представляет собой индивидуальное имя, связанное: 1) с хорошо известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или 3) как имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [Гудков 2003: 185]. В ономастических ФЕ, в состав которых входят ПИ, «находят свое отражение этнопсихологические особенности носителя языка, чем и обусловлен отбор имен собственных в процессе образования ФЕ» [Колодочкина 2004: 168]. Основными источниками для таких ФЕ являются как интернациональный культурный фонд (куда включаются такие источники, как античная история, мифология, библейские сюжеты), так и национальный культурный фон. В нашем случае таким источником служит античная история и мифология, давшие богатый материал для возникновения целого ряда прецедентных имен, таких как εὐκέλαδος, ἐφιάλτης, δάφνη, ἠφαιστείο и пр., являющихся мифонимами. В работе будет рассмотрена структура каждого ПИ, найденного в результате сплошной выборки по корпусам греческого языка, и семантическое поле его употребления в новогреческом языке (всего выявлено 30 мифонимов, ставших ПИ в новогреческом языке).

Литература

1. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом-прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. с. 29–46.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Колодочкина Е. В. Ономастические фразеологизмы во французском и русском языках / Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М., 2004. С. 168–174
4. Тресорукова И. В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Rhema. Рема. 2019.

Нормы эпистолярного этикета в письмах Максима Исповедника

Черноглазов Дмитрий Александрович,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Максим Исповедник (580–662) — центральная фигура в византийском богословии VII в. Его письма (их сохранилось более 50) многократно изучались с позиций богословия, церковной истории и просопографии, но еще не становились предметом филологического анализа. Задача настоящего доклада — охарактеризовать письма Максима в контексте византийской эпистографии, определить их соотношение с предшествующей и последующей традицией. Внимание концентрируется на двух аспектах: 1) этикетные мотивы дружеского письма; 2) формулы обращения. 1) В письмах Максима Исповедника выявляются многие мотивы, характерные для позднеантичного и византийского дружеского письма: иллюзия присутствия друга, душевное единство друзей, упрек в молчании как пренебрежении дружеским долгом, похвала полученного письма, символическое истолкование даров, отклонении похвалы и др. Рассматриваются примеры использования этих мотивов в письмах Максима. Демонстрируется, что автор хорошо знал правила эпистолярной «игры», сформировавшиеся в ранневизантийскую эпоху, и следовал жанровым канонам, но в некоторых случаях трактовал этикетные мотивы по-новому или даже вступал в дискуссию с предшествующей традицией. Так, Максим *expressis verbis* оспаривает общепринятое представление о том, что любовь создает «иллюзию» (φαντασία) присутствия друга, и настаивает на том, что это присутствие подлинное, и мы действительно созерцаем друга «очами ума». 2) Письма Максима Исповедника содержат разнообразные формулы обращения, в том числе пространные и обладающие сложной синтаксической структурой, напр.: τίμιε Πάτερ ‘досточтимый отче’; πανάγιε Πάτερ καὶ ποιήν ‘всесвятой отче и пастырь’; ὁ θεοφύλακός μου δεσπότης ‘мой богохранимый владыка’; ἡ ὑμετέρα πατρική ἀγιοσύνη ‘Ваша отеческая святость’ и т. д. Многие из этих формул не характерны ни для предшествующей традиции, ни для средневизантийской эпистографии (IX–XII вв.), но обнаруживаются — помимо посланий Максима — лишь в письмах Феодора Студита (759–826) или в некоторых иных документах VII–VIII вв.

Очевидно, что письма Максима, фактически, единственное дошедшее до нас эпистолярное собрание VII в. — важнейший источник для реконструкции этикетных норм обращения той эпохи. В этом качестве их целесообразно сопоставить с деловыми письмами того же периода, сохранившимися в папирусах. Анализ писем Максима Исповедника показывает, что эпистограф, с одной стороны, был знаком с предшествующей

традицией и следовал жанровым нормам письма своего времени, а с другой стороны, проявлял индивидуальный подход к этикетным формулам и расставлял акценты по-новому. Дальнейшее филологическое исследование писем Максима позволило бы точнее охарактеризовать его не только как мыслителя, но и как эпистолографа и ритора.

Менандр, Келагаст и новгородский диалект

Шувалов Петр Валерьевич,

к. и. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Задача доклада — уточнить хронологию раннего славянства, в частности, дату формирования новгородско-псковского диалекта, на основании славянских антропонимов и этнонимов, упоминаемых в трудах ранневизантийских авторов. В полевой армии ранней Византии активно использовалась письменная фиксация данных. Имя, упоминаемого Агафием Миринейским антского наемника (Дабрагез) на византийской службе на пути от его обладателя до Агафия должно было пройти в 30-х гг. VI в. сначала через (1а) приспособление к праславянскому койнэ и (1б), возможно, к восточногерманскому койнэ, а потом через этап (2а) устной романизации и (2б) латинизации в армейской среде, прежде чем (3) подверглось письменной фиксации (уже на греческом?) опционом федератов для постановки на довольствие. Скорее всего, через сходные же этапы прошло и имя вождя антов Келагаста, упоминаемого при описании событий 559 г. Менандром Протектором. Греческая форма обоих этих имен вместе с этнонимом велегезитов в Чудесах св. Димитрия (вопреки скепсису Тохтасьева) свидетельствует об уже начавшемся на тот момент в «антско-нижнедунайском» праславянском койнэ (ср. ошибочное понимание «антский» Николаевым) процессе монофтонгизации (*ai > ě), но еще не завершившейся 2-й регрессивной палатализации заднеязычных (*k > c; *g > dz). Только в древнем новгородско-псковском диалекте (по Зализняку; кривичском по Николаеву) не произошло 2-й палатализации из-за того, что заднеязычные в такой позиции уже стали меняться в схожем, но особом направлении (Николаев). Это можно объяснить обособлением пра-древне-новгородско-псковского диалекта и датировать его временем не раньше втор. пол. V (завершение 1-й палатализации) и вряд ли позже VII в. Эта датировка соответствует предполагаемой (Казанский, Михайлова, Лопатин, Фурасьев и др.) активной инфильтрации в культуру псковских длинных курганов на будущих псковско-новгородских землях отдельных групп с юго-запада во втор. пол. V–VI в., которые, по предлагаемой в докладе гипотезе, были отголоском усиления остготов под влиянием Византии. Эти группы и положили начало славянизации, расселяясь в лингвистически близкой балто(-славян?)ской среде. Отрыв их от основной массы славянства мог быть следствием кризиса аварского каганата после неудачной осады Константинополя в 626 г. Тот же факт, что 3-я палатализация, в отличие от 2-й, все-таки затронула новгородско-псковский диалект, можно объяснить тем, что к началу ее осуществления возобновляются связи с основным ареалом славянства в конце VII в. по данным археологии (Казанский), что возможно связано активностью возрождавшегося аварского каганата и формированием Болгарии Аспаруха на границах Византии. О процессах же, протекавших в собственно антском диалекте (балтский? балто-славянский?), ничего заключить нельзя.

Библия и христианская письменность

Структура Евангелия от Матфея

Алексеев Анатолий Алексеевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Литературный анализ произведения письменности начинается с описания его структуры. Для Евангелия от Матфея в науке предложено три основных типа описания. Расхождения между ними касаются основного корпуса текста, но не вступления (главы 1–4) и истории Пасхальной недели (главы 26–28). Обзор дан в работе: Luz U. Matthew 1–7. A Commentary. Fortress Press. 2007. P. 2–3. 1) Модель пяти книг, каждая из которых завершается формулой «И когда закончил Иисус слова эти» Мф 7.28; 11.1; 13.52; 19.1; 26.1. Деление на пять книг гармонирует с Пятикнижием Торы и подчеркивает учительный характер Евангелия. 2) Осевая модель, при которой глава 13 рассматривается как центр, а окружающие главы образуют что-то похожее на симметрично организованную периферию. 3) Третья модель выявляет два больших раздела, которые начинаются в 4.17 и 16.21, из них первый описывает деятельность Иисуса в Галилее, второй — его путь в Иерусалим и деятельность там. Все три модели имеют пропедевтический характер, облегчая читателю изучение и усвоение текста Евангелия. Однако анализ структуры литературного произведения имеет совершенно очевидную значимость для постижения замысла автора. С этой точки зрения в докладе обращено внимание на то, что основная часть Евангелия, в которой излагается учение Иисуса из Назарета (главы 5–25), открывается Нагорной проповедью и завершается притчей о овцах и козлищах (тоже произнесенной на горе, см. 24.3). Если Нагорная проповедь отрицает ветхозаветный ритуализм и литургическое благочестие как путь спасения, то притча о овцах и козлищах признает спасительным только свободный от ритуализма нравственный гуманизм. Пространство между двумя этими точками заполнено картиной событий и поучений, заимствованных из Марка, и она выступает в крайне выгодном и убедительном виде от заключения в такую раму. Именно эта организация материала отвечает замыслу новозаветного автора.

Маргиналии в еврейских рукописях кн. Йешуа бен Сирй (Иисуса сына Сирахова)

Вартанов Юрий Павлович,

к. ф. н., преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Со времени открытия в 1896 г. первого фрагмента еврейской рукописи кн. Иисуса сына Сирахова и по мере обнаружения новых фрагментов рукописей вплоть до 1980-х гг. было опубликовано множество научных статей и масштабных изданий и исследований текста еврейского оригинала этой знаменитой книги. Но один аспект исследо-

вания до сих пор оставался неизученным — это маргиналии, которые имеются в нескольких рукописях (MS A, B, D, Masada).

При более подробном рассмотрении этих рукописей выявляется не только само наличие обильных маргиналий, но и их чрезвычайно важное значение как для правильного понимания и трактовки текста, так и для хронологизации фрагментов рукописей и их сопоставительного изучения. Оно предполагает масштабное исследование, включающее вопросы их происхождения, сравнения, грамматического анализа, орфографии и палеографии, еврейской синонимии и способов ее передачи в переводе, и др. Доклад же имеет в основном презентативно-информационную цель.

Общее количество маргиналий в четырех содержащих их рукописях — 392, при этом в MS B — 380, в MS A — 10 и в MS D и MS Masada — по одной.

Примечательно, что текст самой поздней из имеющихся рукописей, MS B (обнаруженной в каирской генизе и датируемой XII в.), который испещрен пометами, зачастую дающими уточняющие или — чаще — альтернативные варианты, почти полностью идентичен наиболее ранней рукописи с Масады (первая пол. I в. до н.э.), текст которой в свою очередь во многом совпадает с греческим переводом. Это совпадение дает основание предполагать, что и рукопись с Масады, и греческий перевод восходят к одному еврейскому прототипу. Не менее интересен тот факт, что при сравнении маргинальных вариантов в MS B с текстом других рукописей они во многих случаях отличаются от основного текста MS B, но как правило совпадают с текстом этих параллельных рукописей.

Текстовый объем помет варьирует от одной буквы до целых одного-двух стихов. В четырех случаях (MS B, V r., VI r., IX r., XIV v.) маргиналии написаны на еврейско-персидском языке и не относятся к ткани текста, а содержат информацию о нем.

Функционально все маргиналии можно подразделить на констатирующие, вариативные, уточняющие, исправляющие, дополняющие, восполняющие, альтернативные, нетекстовые знаки.

Такое разнообразие помет, помимо их впечатляющего множества, ясно указывает на то, сколь важен для иудейского сообщества был текст кн. Иисуса сына Сирахова на протяжении тысячи лет со времени ее составления во II в. до н.э. до XII в. н.э.

В качестве иллюстрации к основным положениям доклада предлагается сопоставительная таблица всех стихов с маргиналиями в рукописях MS A, B, D, Masada и параллельных им стихов в других рукописях, где таковых нет.

Миссионерские переводы богослужебных текстов на языки коренных народов Российской империи до 1917 г.

Джункова Катарина,

аспирант

Философский факультет Карлова Университета в Праге

Христианские миссионеры на территории Российской империи в ходе своей деятельности выступали также и как авторы грамматик, словарей или алфавитов языков коренных народов разных языковых семей. Процесс проповеди христианства был связан с необходимостью перевода богослужения на языки новокрещенных народов. Цель доклада — изложить в контексте миссионерской лингвистики подход российской

православной церкви к переводу богослужения до 1917 г. Рассматриваются тексты теоретиков православной миссионерской деятельности, как, например, Н. И. Ильминский, а также тексты переводов Всенощного бдения и Божественной литургии Иоанна Златоуста XIX в. на якутский, карельский, алтайский, марийский, удмуртский, абхазский, коми и др. языки. Особое внимание уделяется переводам *nomina sacra* или богословских христианских терминов («Премудрость», «Дух Святой», «Святая Троица», «Богородица», «благославить», «спасти»...), для которых во многих языках соответствующие выражения просто отсутствовали. Некоторые из исследуемых переводов богослужения (напр., на язык коми, 1883 г.) были изданы также вместе со словарем основных понятий. Исследуемые материалы будут соотнесены с доступными введениями в миссионерские грамматики данных языков и помещены в контекст миссионерских лингвистических исследований того времени.

Рассматривая деятельность христианских миссионеров, надо обратить внимание также на те случаи, когда на территории Российской империи работали протестантские или католические миссионеры, которые проповедь христианства также совмещали с исследованием языков коренных народов. Это касается, например, чешского иезуита Я. Милана (1662-1737), который, будучи в Таганроге, предпринял попытку описать калмыцкий язык, или попыток немецких миссионеров гернгутской братской общины (*Unitas Fratrum*) в Сарепте распространять христианство среди поволжских калмыков, изучая при этом их язык. Также стоит упомянуть других протестантских миссионеров на калмыцких территориях, как, например, Я. И. Шмидт (1779–1847) или Г. А. Цвик (1796–1885). Таким образом, лингвистическая деятельность православных миссионеров сопоставляется в докладе с подходом и исторической обстановкой других христианских миссионеров на территории Российской империи.

Доклад состоит из вводной исторической части, посвященной миссионерской лингвистике в Российской империи, и из второй части, посвященной конкретному исследованию православных миссионерских переводов богослужений.

Описание стола хлебов предложения в «Письме Аристея»*

Дружинина Екатерина Андреевна

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен разделу «Письма Аристея», где автор подробно описывает дары царя Птолемея II Филадельфа, предназначенные для Иерусалимского храма (Ep. Arist. 57–72): стол хлебов предложения и сосуды.

С точки зрения современных ученых (e. g. Wright, 2019, Heath, 2013, Klawans, 2019), автор «Письма Аристея» никогда не был в Иерусалиме и, по всей видимости, не знал, как выглядят предметы культа, а подробное описание стола, изобилующее большим количеством украшений, говорит лишь о том, что он, следуя эллинистической традиции подробных описаний (т. н. экфрасис), подчеркивает щедрость Птолемея и его тягу к искусству.

---

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 21-011-44092).

Пассаж, где описывается стол, доставляет много трудностей для исследователей «Письма Аристея» (Ер. Arist. 58–72). Он открывается цитатой из греческого перевода книги «Исход» (LXX, Ex. 25:23–25), где речь идет о предполагаемой конструкции стола хлебов предложения в скинии и, в частности, упоминаются не совсем ясные детали стола (κιυάτια στρεπτά и στεφάνη). Далее приводится подробное описание разнообразных украшений стола. Представить, как выглядел стол в воображении автора на основании только текста «Письма Аристея» кажется неисполнимой задачей: текст изобилует редкими словами неясного значения, синтаксические конструкции зачастую не соответствуют правилам древнегреческого языка, наконец, используются не ясные нам искусствоведческие, архитектурные, технические термины. Наибольшую трудность вызывает интерпретация 58-го параграфа, где буквально говорится, что «витой ободок, опоясывающий столешницу, был треугольной формы».

Однако сравнение отрывка из «Письма Аристея», посвященного описанию ободка (Ер. Arist. 58–64) с параллельным текстом «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (Jos. Ant. Jud. XII, 64–69), а также исследование словоупотребления существительных *κιυάτια* и *στεφάνη* в Септуагинте и соответствующих им древнееврейских лексем в Масоретском тексте позволяет прояснить воображаемую конструкцию стола, которую рисует автор. Кроме того, оказываются полезны описания Ковчега завета и жертвенника всесожжения, а также сохранившиеся архитектурные детали греческих храмов, с одной стороны, и археологические находки Ближнего Востока, с другой.

«Войдет же и бедный в грязной одежде»: проблематика богатства и бедности в Соборных посланиях

Каргальцев Алексей Витальевич,

к. и. н., старший преподаватель

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Основное внимание доклада будет уделено примерам социального неравенства, представленным в Соборных посланиях Нового Завета, а также предпринята попытка восстановить контекст этих примеров, в какой мере речь идет о традиционной для Ветхого Завета праведности в бедности, а в какой отражены социальные реалии I в. Будет обращено внимание на время составления посланий, на культурный и социальный срез их аудитории, региональную специфику, а также соответствующее обращение к теме богатства и бедности. Так, например, ветхозаветные цитаты, обращенные к судьям, доводы «не Бог ли избрал бедных мира быть богатыми в вере и наследниками Царства», позволяют в известной степени реконструировать аудиторию текста, наполненную эсхатологическим ожиданиями, соответственно не пережившую еще потрясения Иудейской войны, ориентирующуюся на традиционный иудейский контекст. Осуждением несправедно нажитого богатства формируется представление о «богоугодной» бедности. Не меньшую, если не большую, важность для первых христиан имели иудейские взгляды и практики; многие из этих представлений напоминают языческие, но были и важные отличия. Источник богатства в Пятикнижии — Бог, Он дарует материальное благополучие праведникам за их послушание: богатство — Божий дар праведникам, а бедность — следствие непослушания. Однако, не стоит превозно-

ситься из-за своего богатства, ибо бедный праведник лучше богатого негодея. В иудейской традиции формируется представление о бедняках как о смиренных праведниках, которые особенно угодны Господу; социальное и экономическое понятие бедности выводится на религиозный и духовный уровень. «Бедные» становятся «благочестивыми», а их враги — врагами Бога.

Евангелия детства в сирийской апокрифической компиляции История Девы Марии

Мещерская Елена Никитична,

д. и. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Нами изучается сирийское сочинение Истории благословенной Девы Марии. Это восточносирийский по происхождению памятник, в котором представлено полное жизнеописание Девы Марии и Иисуса Христа. Сочинение базируется на нескольких источниках, объединенных в единое повествование. Тексты оригинальных апокрифических произведений в этой компиляции подверглись целому ряду изменений.

Доклад будет посвящен рассмотрению того, как трансформируются апокрифические рассказы о чудесах, совершенных Иисусом Христом-ребенком в этой сирийской компиляции. В христианской апокрифической литературе существует большая группа произведений, которую можно объединить под заглавием Евангелия детства. В нее входят тексты, рассказывающие о рождении и жизни до периода отрочества Девы Марии и Иисуса Христа. Их происхождение датируется II в. Если повествованию о детстве Богородицы посвящено только одно сочинение — Протоевангелие Иакова, то детство Иисуса Христа с разной степенью занимательности и подробности описывается в нескольких произведениях этого жанра, сохранившихся на разных языках христианского мира.

Мы сопоставим 2 типа текста Истории Девы Марии — пространный и сокращенный, которые даются в издании Э. В. Бэджа (Budge E. A. W. *The History of the Blessed Virgin Mary, and The History of the Likeness of Christ which the Jews of Tiberias made to mock at*, Syr. texts ed. with tr. (Luzac's Semitic Text and Translation Series. 4) 1 vol. London 1899. P. 38–77) с тем, чтобы выявить, как различается в них раздел, повествующий о жизни Иисуса Христа от младенчества до отрочества.

Нами будет проверено предположение о том, что автором компиляции была использована сиро-арабская версия Евангелия детства, а также будут рассмотрены все дополнения и изменения отдельных сюжетов, представленных в этом разделе компиляции. Исследование будет основываться на синопсисах различных версий Евангелий детства: синопсисе из книги Дж. Эллиота (Elliot J. K. *A Synopsis of the Apocryphal Nativity and Infancy Narratives*. Leiden, Boston: Brill, 2006. P. 132–134), синопсисе сиро-арабских текстов Евангелий детства из издания М. Провера (Provera M. E. *Il Vangelo arabo dell'infanzia secondo il ms Laurenziano orientale* (n. 387). Gerusalemme: Franciscan printing Press. 1973. P. 37–39) и синопсисе сирийских версий Евангелия Фомы, восходящих к греческому оригиналу и представленному в книге Т. Бурке (Burke T. *The Syriac Tradition of the Infancy Gospel of Thomas. A Critical Edition and English Translation*. Gorgias Press. 2017. P. 245–289).

Нисба 'еврей' ('ibri/Εβραῖος): история с географией

Немировская Адель Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В Ветхом Завете употребление 'ibri (ок. 30 раз) сосредоточено в трех местах: 1) Пятикнижие; 2) исторические книги (1 Sam); 3) регламентация службы раба-еврея (Ex 21:2–11); тексты, опирающиеся на это законодательство (Dt 15:12; Jer 34:8–20). В Септуагинте (LXX) 'ibri передается по-разному, например, в египетских контекстах (Иосиф в Египте; Исход из Египта) — в виде собственно транскрипции Εβραῖος и т. п.

Считается, что 'ibri — это синоним (нечастый) самоназвания бэне Yiśra'el 'сыновья Израиля, израильтяне' [The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. 1994–1999. V. 2. P. 782–783; Anchor Bible Dictionary. V. 3. P. 95; Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. V. 8. P. 181], который обозначал израильтян либо в устах иноплеменников, либо в диалогах с иноплеменниками [Brown F., Driver S., Briggs Ch. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. 1999. P. 20].

Нисба (nisbe < араб. «отношение, связь») образуется от соответствующего топонима (в семитских яз. с помощью суф. -ij/-aj), указывая на происхождение человека (gentilic). Нисба 'ibri образована от евр. 'ebār «противоположный(-ая) берег реки, сторона», причем это конкретный регион.

Авра(а)м назван 'ibri (Gn 14:13 / LXX τῷ περάτῃ) не в качестве будто бы «первого» еврея, а по происхождению «из Еверовых (бэне 'ebār)» (Gn 10:21; 11), т. е. заречных/заевфратских арамеев (Dt 26:5). Его родина: 'āram nahārajim 'Арам Двуречья' (Gn 24:10 / LXX εἰς τὴν Μεσοποταμίαν), или 'ebār hannāhār / Πέραν τοῦ ποταμοῦ 'Заречье' (Jos 24:2-3). Последнее в качестве обозначения Сирии и других областей к западу от р. Евфрат задокументировано клинописными источниками VII–V вв. до н. э. (акк. eber nāri; араб. 'br nhrh, Ezr 7:21) [Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: социальные институты и идеология. СПб., 2009; The Assyrian Dictionary of the Univ. of Chicago, E. P. 8; Röllig W. Transeuphratene // Reallexikon der Assyriologie. Bd. 14, S. 112–113]. В клинописных архивах VI–V вв. до н. э. упоминается вавилонский '(город) Дома Авра(а)ма' (Bīt-Abī-rām) с компактно проживающим иудейским населением [Pearce L., Wunsch C. Documents of Judean Exiles and West Semites in Babylonia in the Collection of D. Sofer. CDL Press, 2014].

Термин 'ibri в качестве лингвонима впервые употребил в своих грамматических трудах, написанных по-арабски, глава еврейской общины Египта Саадия Гаон (882–942 гг.). Такое обозначение древнееврейского языка вошло в обиход в еврейской среде с появлением грамматических трактатов на средневековом (мишнаитском) еврейском, откуда заимствуется европейцами (Hebräisch и т. д.). В качестве этнонима 'еврей' проникает в российский обиход в XVIII в. [Словарь русс. яз. XVIII в. Вып. 7. С. 58], замещающая слав. 'жидь' и т. п. [Словарь русс. яз. XI–XVII вв. Вып. 5. С. 107–108], восходящее к евр. уəhūdi 'иудей' (

Разрешенные в пищу виды насекомых (Lv 11:21–22) в свете клинописных источников

Немировская Адель Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Лопатин Матвей Денисович,

магистрант 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

В кн. Левит (Lv 11:21–22) перечислены виды насекомых, разрешенных в пищу: *ʾarbā*, *sālʿām*, *ḥ argol*, *ḥāḡāb* и «подобное ему» (lə-mine-hu/-o). Список предваряет их описание: это должны быть «летающие насекомые, ходящие на четырех (конечностях), у которых две голени выше их лап, чтобы скакать ими по земле». Зооним *ʾarbā* употребителен в основном в качестве общего обозначения для саранчи; *sālʿām* и *ḥ argol* — *har. leg.*; лексема *ḥāḡāb* встречается четыре раза (также Num 13:33, Is 40:22, 2Chr 7:13). По всей видимости, речь идет о насекомых, схожих с саранчой по внешнему виду; однако точный круг значений данных зоонимов не ясен.

При анализе древнееврейских бионимов могут быть полезными данные клинописных источников. Прежде всего, это так наз. лексические списки, в том числе списки бионимов. Традиция их составления возникла в Месопотамии в III тыс. до н.э. и впоследствии распространилась по всему Ближнему Востоку. Списки слов и знаков были найдены и на территории совр. Израиля: в Хацоре, Ашкелоне и Афеке [Cohen Y. *Cuneiform Writing in Bronze Age Canaan // The Social Archaeology of the Levant: From Prehistory to Present*. Cambridge, 2019. P.245–264]. Копирование лексических списков повсеместно входило в программу обучения писцов. Составители стремились систематизировать знания об окружающей действительности через ее отражение в лексике. Помимо этого, богатый корпус клинописных источников позволяет понять значение конкретных животных в культуре и экономике древневосточных обществ.

В лексических списках, составлявшихся с нач. II тыс. до н.э., к «видам» саранчи относилась целая группа насекомых (сверчки, кузнечики, цикады, богомолы, подёнки и др.). В более поздних списках добавлялись синонимы. Упоминания саранчи как метафоры многочисленности и разрушения встречаются в ассирийских царских надписях I тыс. до н.э. (ср.: Nah 3:15, Is 33:4). В клинописных документах разных периодов упоминаются нашествия саранчи и последующий голод. В письмах из Мари (XIX–XVIII вв. до н.э.; совр. Тель-Харири) обсуждается отлов различных видов саранчи (сверчков, кузнечиков) для потребления в пищу; одни насекомые ценились больше других, и существовала необходимость их различать [Lion B., Michel C. *Criquets et autres insectes à Mari // Mari Annales de Recherches Interdisciplinaires*. 1997, №8. P.707–724; Radner K. *Fressen und gefressen werden: Heuschrecken als Katastrophe und Delikatesse im Alten Vorderen Orient // Die Welt des Orients*, B. 34. 2004. S. 8–22].

Авторы талмудического трактата Хуллин-Профанное (3:7) внесли дополнительное уточнение: кроме четырех лап, саранча (*ḥ gbjm*) должна иметь две голени и четыре крыла, полностью покрывающие тельце. Вероятным отголоском древней лексикографической традиции выглядит имеющееся при этом повторное уточнение названия этого насекомого (*ḥ gb*).

Образ пророка Моисея в русском летописании

Петровская Мария Сергеевна,

аспирант

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Доклад посвящен проблеме восприятия образа пророка Моисея в русских летописях и является частью исследования, посвященного изучению влияния различных типов библейской образности на русское летописание. Так как использование библейских образов в древнерусском летописании всегда носило избирательный характер, то анализ каждого библейского образа очень важен для расширения наших знаний о книжной культуре Древней Руси. В русских летописях образ пророка Моисея создается под влиянием распространенного в древнерусской книжности представления о Руси как о преемнице ветхозаветного Израиля, а о русских — как о новом богоизбранном народе. Это уподобление позволило уже в раннем русском летописании сопоставлять прошлое и настоящее Руси с исполнением обетований, данных Моисею Богом. Одна из первых параллелей такого типа встречается уже в летописном рассказе об избавлении полян от хазарской дани, размещенном в «Повести временных лет» под 852 г., которое соотносится с избавлением евреев от египетского рабства. Пример такого же рода можно видеть и в летописной статье 1100 г., в которой явление ангелов, помогающих русским против половцев, истолковывается как выполнение обещания данного Богом Моисею на пути в землю обетованную. Особую важность для поэтики русского летописания образ пророка Моисея обретает в эпоху монголо-татарского нашествия. В этот период летописцы чаще всего обращались к сюжету исхода евреев из египетского рабства, а также победы Моисея над Амаликом, с которой сравнивались военные победы Александра Невского и Дмитрия Донского, Ивана III. Воздетые к небу во время сражения с амаликитянами руки Моисея (оранта Моисея) в средневековой гимнографии воплощали прообраз креста. Таким образом, повторение этого жеста во время сражений в описании русских летописей символизировало их особое духовное значение. С другой стороны, именно действиями пророка Моисея по отношению к отступникам завета древнерусские летописцы обосновывали справедливость похода Ивана III на Новгород в 1471 г. Таким образом, освободительный характер борьбы пророка Моисея, сила его характера, смирение перед божественной волей стали основой для создания образа князя-воина, князя-защитника. В свою очередь заимствование мотивов избранничества, чудотворения и посредничества между Богом и людьми вело к переосмыслению природы княжеской власти, созданию вокруг нее особого сакрального ореола.

Мотивы Апокалипсиса и Страшного Суда в русской поэзии XIX–XX вв.*

Сергеева Елена Владимировна,

д. ф. н., профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Мотивы Апокалипсиса и Страшного Суда в русской поэзии XIX–XX вв. становятся актуальны в связи с трагическими событиями истории, с одной стороны, и с увеличением степени экспрессивности поэтического текста — с другой.

В стихотворении А. Фета «Аваддон», интерпретирующем содержание Откровения Иоанна Богослова в целом, это содержание связано с проблемами современности поэта. В центре поэтического повествования А. Фета — воплощение лишь одного драматического сюжета «Откровения...»: появление саранчи и связанные с этим появлением страдания всей земной твари. Выбран именно этот эпизод, с одной стороны, как наиболее яркий, драматичный и впечатляющий, а с другой — как позволяющий завершить произведение не гибелью мира, а показом тяжелых испытаний для человечества. Это определяет отбор употребленных в тексте А. Фета лексических единиц-библейзмов, которые вербализуют сюжетную линию и обеспечивают несомненную близость к содержанию выделенного фрагмента «Откровения...»: ангел, звезды, лев, телец, орел, престол, конь, саранча, зубы, жало, бездна, дым и др.

В лирике М. Волошина революционного периода лексема Апокалипсис употребляется не в значении «окончание истории человечества», а «самая страшная в истории мира катастрофа, предельная степень бедствия». Библейзм Страшный Суд однозначно соотносит поэтический текст с библейским повествованием.

Показательно для рассмотрения сформулированной темы то, что в конце XX в. в творчестве И. Бродского мотив Страшного Суда становится более значимым, чем мотив Апокалипсиса в целом.

Объем текста Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова в греческих источниках

Сизиков Александр Владимирович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема установления объема книги Сираха является одно из наиболее сложных текстологических задач, с которыми сталкивается исследователь этой книги. Наиболее остро вопрос объема текста встает при переводе книги на любой современный язык. В настоящем докладе мы попытаемся рассмотреть современное состояние изучения этого вопроса и предложить некоторые собственные наблюдения над пропусками и дополнениями в греческих источниках.

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова (далее Сирах) дошла до нас на древнееврейском языке не полностью (68% от объема греческого перевода). Сохранившиеся древнееврейские источники в некоторых чтениях имеют существенные различия, выстроить отношения между рукописями по причине их фрагментарности не представляется возможным, что затрудняет определение объема текста книги.

Согласно «Прологу внука» древнегреческий перевод был выполнен в конце II в. до н. э. (после 117 г.) и представлен в маюскульных кодексах А, В, С, S, однако в V и минускульной традиции (ср. кодекс 248) греческий текст имеет добавления, суммарно составляющие примерно 135 стихов. Условно эти стихи относят ко «второму» греческому переводу, однако ни одна рукопись не содержит всех 135 стихов. Некоторые из этих стихов имеют параллели в сохранившихся древнееврейских источниках, но далеко не все. При этом в древнееврейских источниках представлены чтения, которые

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44142.

не засвидетельствованы ни одной греческой рукописью. Такое распределение материала говорит о том, что и древнееврейские, и древнегреческие источники представляют собой различные редакции. Редакции греческого перевода Сираха достаточно надежно выявлены в издании Й. Циглера, в котором предложена эклектическая реконструкция текста, опирающаяся не только на свидетельства древнегреческого материала, но и на древнееврейский перевод, и на материал других древних переводов. Такая эклектическая картина подтолкнула исследователей считать, что дополнения есть результат «второго» перевода, при этом рассматриваются только дополнения целых стихов, а характерные для содержащих эти вставки рукописей пропуски и добавления для других стихов совершенно не учитываются. Это, на наш взгляд, создает несколько искаженную картину истории существования греческого текста Сираха.

Фисташковый нард или чистый нард возможные варианты интерпретации Ин 12.3

Фионин Максим Владимирович,
младший научный сотрудник
Институт восточных рукописей РАН

В докладе будет рассмотрено сложное для перевода сочетание слов λίτραν μύρου γάρδου πιστικῆς «литр мира нардового настоящего» из Ин 12. 3.

Б. Стритер одним из первых отметил, что прилагательное πιστικός «верный, подлинный» не встречается в античной литературе в сочетании с существительным ἡ γάρδος «нард, масло из усиков и корня нарда». Ввиду уникальности этого словосочетания исследователь сделал вывод о том, что автор евангелия от Иоанна мог быть знаком если и не с письменным источником Марка, то с устной традицией точно. См. Streeter B. H. *The Four Gospels. A Study of Origins the Manuscripts Tradition, Sources, Authorship, & Dates.* London: MacMillan and Co. Limited, 1951. P.397.

Сочетание слов μύρου γάρδου πιστικῆς вызвало у исследователей Нового Завета пристальный интерес. Дело в том, что употребление прилагательного πιστικός «верный, подлинный» в сочетании с существительным ἡ γάρδος «нард, масло из усиков и корня нарда», действительно, встречается только в Мк. 14:3 и Ин. 12:3 и более нигде в античной литературе, за исключением текстов, цитирующих или комментирующих эти стихи. Было предпринято ряд попыток объяснить это трудное место. Р. Браун утверждал, что для арамейского языка сочетание слов «нард» и qūṣṭā «верный, настоящий» является вполне обычным в отличие от древнегреческого, поэтому, возможно, здесь имеет место буквальный перевод с арамейского. См. Brown R. E. *The Gospel According to John (I-XII).* London: Yale University Press, 2008. P. 448. Р. Браун предложил еще одну возможную интерпретацию: прилагательное πιστικῆς в нашем отрывке — это искаженное τῆς στακτικῆς — stacte (лат.) — масло из кустарника стиракс. Ibid. P. 448.

Рассматриваемое нами чтение считалось трудным уже в III-IV веках, это подтверждают рукописи P66* и кодекс Безы (D), в которых лексема γάρδος опущена переписчиками. Оригинальное чтение P66: λαβουσα λιτραν μυρου πιστικης πολυτιμου. Позже другой писец или корректор добавил сверху гармонизируя текст γάρδου.

Помимо традиционного перевода этого фрагмента «литр чистого нардового мира» на основе раннего сирийского перевода V в., представленного в рукописи Syrs, можно предположить, что автор евангелия имел в виду «фисташковый нард», — благо-

вонную мазь, приготавливаемую из фисташкового ореха, известную в античности, как *myrobalanum*, тогда *πιστάκης* — транслитерация арамейского *ܦܢܫܬܩܐ* (*pistaqa*) «фисташковый орех», греческое написание предположительно выглядело бы так: *πιστάκῆς*. Аналогичный вариант лексемы на сирийском языке как раз и представлен в соответствующем месте Синайско-сирийской рукописи Syrs (V в.)

Некоторые особенности агиографической литературы IV–IX вв. как исторического источника

Шестакова Ольга,

преподаватель

Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н. И. Пирогова

Вводная часть доклада содержит общую информацию об агиографической литературе и понятии житийного канона. Дается определение понятия жития, житийной или агиографической литературы. Кроме того, в работе говорится и о времени возникновения житий, об эволюции житийной литературы и формировании житийного канона как определенного литературного жанра.

В данном докладе жития рассматриваются как исторический источник. В связи с этим вторая, основная, часть доклада посвящена описанию ряда особенностей агиографического канона, обуславливающих сложность изучения данного жанра с целью исторической реконструкции.

Поскольку главной целью произведений этого жанра является воспитание у христиан добродетели, а не развлечение читателя увлекательным сюжетом, в повествовании, как правило, преобладают образы святых, чьи жития и становятся для мирян образцом для подражания, воспитывая в них идеалы смирения, прощения, а также укрепляя их веру в Бога.

Еще одной характерной особенностью житийного жанра является явное преобладание вымысла над действительностью. В отличие от биографии, подразумевающей изображение основных событий жизни человека в их хронологической последовательности, в житии акцент ставится именно на духовном пути, который, согласно канону, зачастую тернист и извилист: на пути к Богу святой сталкивается с различными трудностями, которые ему помогает преодолеть непоколебимая вера. Таким образом, реальные биографические факты «вытесняются» рассказами о чудесах и удивительных деяниях святого, призванных подчеркнуть его богоизбранность. При этом стоит отметить, что индивидуальные черты «стираются», замещаясь набором определенных устойчивых характеристик (богобоязненность, добродетель и т. д.).

Кроме того, в докладе будут упомянуты некоторые особенности художественного стиля житий в рамках характеристики жанра. В третьей части доклада будут рассмотрены признаки житийной литературы, отличающие ее от других жанров.

В четвертой части доклада будут приведены некоторые классификации, выделяющие отдельные виды агиографических произведений.

В заключительной части приводятся выводы касательно уровня достоверности житий, созданных в более ранний период.

Некоторые прагмалингвистические особенности библейских аллюзий в художественной литературе (на материале романа Ч. Диккенса «Большие надежды»)

Шестопалов Александр Александрович,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Под аллюзией в настоящем докладе понимается текстовый элемент, позволяющий обеспечить связь между двумя или более произведениями. Внедрение аллюзивных отсылок наделяет текст определенными прагмалингвистическими характеристиками, такими, как, например, эмфаза. Аллюзии могут быть как явными, так и скрытыми; они позволяют устанавливать связь между несколькими источниками текста как посредством слов, так и за счет имитации стиля и формы. Читателю необходимо иметь определенное представление о соответствующих событиях, явлениях и персонажах, чтобы определить функцию аллюзий, в частности — библейских. В достаточном количестве они встречаются в романе Ч. Диккенса «Большие надежды»: а) «By the light of the torches, we saw the black Hulk lying out a little way from the mud of the shore, like a wicked Noah's ark». В указанном отрывке, в котором используется сравнение, упоминается Ноев ковчег. Это позволяет автору дать более точное описание размеров судна и ярче передать те впечатления, которые при его виде испытывает главный герой. Использование эпитета «wicked» в аллюзивном сравнении способствует формированию у читателя негативного представления о ситуации. Аллюзия может выполнять и эмфатическую функцию: б) «I felt impatient of him and out of temper with him; in which condition he heaped coals of fire on my head». В данном отрывке используется идиоматическое выражение, встречающееся, в частности, в послании к Римлянам, где речь идет о том, что, относясь к своему врагу с добротой и милосердием, можно заставить его устыдиться своего поведения. В схожей ситуации оказывается и главный герой романа, которого тяготит общество желающего ему лишь добра наставника. Аллюзия используется автором для описания эмоционального состояния протагониста и демонстрирует силу испытываемых им чувств. в) «There's one thing you may be sure of, Pip», said Joe, after some rumination, «namely, that lies is lies. Howsever they come, they didn't ought to come, and they come from a father of lies, and work around the same». г) «Cousin Raymond», observed another lady, «we are to love our neighbour». Отрывок в) отсылает нас к Евангелию от Иоанна, где Дьявол описывается как «отец всякой лжи». Фрагменты, в которых говорится о необходимости «любить ближнего своего, как самого себя», встречаются в Библии неоднократно; именно к ним нас отсылает цитата из отрывка г). В обоих случаях аллюзии используются в составе нравоучительных высказываний, но различный контекст употребления напрямую влияет на их значение. Первое высказывание принадлежит положительному персонажу, второе — отрицательному. Связь с Библией позволяет Диккенсу дать более точную характеристику обоих героев и эффективнее продемонстрировать, с какими именно ценностями соотносится образ каждого из них.

Спор Христа и Сатаны: перебранка в структуре древнеанглийского христианского эпоса

Яценко Мария Вадимовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Древнеанглийский христианский эпос будет рассмотрен в докладе на примере двух поэм Кодекса Юниуса (рукопись конца X в.) — «Бытие» и «Христос и Сатана». Оба эти произведения содержат яркие диалогические эпизоды, посвященные истории отпадения Сатаны («Бытие») и искушения Христа в пустыне («Христос и Сатана»).

Изучение речевых эпизодов в древнеанглийском, а также в древневерхненемецком эпосе на библейские темы не раз привлекало внимание ученых [1; 2], при этом целевая направленность данных компонентов эпического текста рассматривалась как неоднозначная. Речи персонажей в древнеанглийском эпосе («Беовульф» и ряд других поэм) рассматривались как церемониальные, замедляющие повествование [2]. Перелагая евангельские и апокрифические источники, древнеанглийский поэт заметно расширяет объем и целевую направленность речей героев.

В докладе будут рассмотрены возникающие в данных речевых эпизодах мотивы, характерные для ситуации перебранки — неотъемлемой части поведения воина перед боем.

Речи Сатаны в поэме «Бытие» по сути представляют собой начало «перебранки»: утверждение собственной значимости и превосходства. Однако они не получают словесного ответа со стороны Бога. Фактическим ответом является лишь его ниспровержение в ад.

В заключительной поэме Кодекса Юниуса «Христос и Сатана» — при всем обилии речевых эпизодов (диалоги и монологи падших ангелов и грешников в аду) — композиционно выделенными становятся именно диалоги между Христом и Сатаной во время искушения в пустыне. Завершает поэму и весь Кодекс речь Христа, обращенная к Сатане, которую можно расценивать как словесный ответ, «продолжение перебранки». В отличие от Евангелия от Матфея, в древнеанглийской поэме Христос не только отвергает предложения Сатаны, но и прямо рассказывает о Своей Божественной природе. Нарушение хронологической последовательности в композиции частей поэмы и помещение истории искушения в пустыне после рассказа о сошествии во ад дает возможность предполагать, что именно завершение «перебранки» и словесный ответ Христа, манифестирующий его превосходство, были важными смысловыми акцентами и итогом всей Священной истории в поэтическом изложении англосаксов.

Литература

1. Корышев М. В. Речевой эпизод и его прагматическая структура в древнегерманском библейском эпосе в сопоставительном аспекте (на материале древнесаксонской поэмы «Хелианд», древневерхненемецкого извода евангельской гармонии Татиана и Вульгаты). Автореферат дисс. ... канд. ф. н. СПб., 2005. 18 с.

2. Louviot E. Direct Speech in Beowulf and Other Old English Narrative Poems. Anglo-Saxon Studies. Cambridge: Brewer, 2016. 286 p.

Многоглавый ном и миф о его создании

Алмазова Нина Александровна,

к. иск. доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Аргосский миф о подвиге Персея, обезглавившего горгону Медузу, засвидетельствован уже начиная с VII в. до н. э., включая участие Афины, которая покровительствует герою. Культурный миф об Афине как первооткрывательнице авла встречается независимо от Пиндара (в частности, у Эпихарма, Ферекида Афинского, Коринны) и, по всей вероятности, существовал до него (хотя неизвестно, знал ли Пиндар версию, согласно которой богиня впоследствии отвергла свое изобретение). Но только у Пиндара и, примерно 900 лет спустя, у Нонна Панополитанского можно найти мифическую историю создания многоглавого нома — инструментального произведения для авла, вероятно, изображавшего музыкальными средствами победу Персея над Медузой. Согласно XII Пифийской оде и «Деяниям Диониса» (Nonn. XL, 227–233; XXIV, 36–38), Афина сложила его в подражание воплям горгон, на ее глазах потерявших сестру. Вероятно, эту этиологическую легенду создал сам Пиндар на основе уже существовавших мифов о Персее и об изобретении авла Афиной, чтобы угодить клиенту — авлету Мидасу, который, скорей всего, одержал победу, играя именно этот ном. Нонн же заимствовал ее у Пиндара. Между двумя авторами есть лишь одно расхождение: у Пиндара Афина использует для инструмента тростник с озера Копайды, и, таким образом, изобретение происходит в Беотии, тогда как Нонн называет звук авла ливийским. Но отсюда не следует, что оба поэта опирались на общий источник архаической эпохи, от которого Пиндар отклонился из патриотических соображений. Изобретение авла (а не многоглавого нома) могли относить к разным местам, и Нонн, скорее всего, сознательно или неосознанно прибег к нормализации версии Пиндара, так как локализация в Ливии лучше соответствует легендарным местам обитания горгон. Псевдо-Плутарх (De mus. 1133 D), данные которого восходят к источнику классической эпохи, сообщает, что многоглавый ном был создан фригийским авлетом Олимпом и посвящен Аполлону. То и другое означает, что в сюжете этого программного музыкального произведения не фигурировала Афина. Ничто в нем не указывало, вопреки распространенному мнению, на посвящение Афине, что и давало возможность теоретикам возводить многоглавый ном к Олимпу, ученику Марсия, который, как им было известно, получил авл из-за отвращения богини к своему изобретению. Неоднократно отмечалось сходство многоглавого нома с пифийским: в обоих изображалась победа над чудовищем и звукоподражательно воспроизводилось змеиное шипение. Персей — аргосский герой. Авлет Сакад, который одержал победу на первых Пифийских играх 586 г., исполняя пифийский ном, был из Аргоса. Возможно, сперва именно в Аргосе возник многоглавый ном о подвиге Персея, а затем для вновь учрежденного агона авлетов на Пифийских играх Сакад создал пифийский ном по его образцу.

Греческие стихи братьев Лихудов (к. XVII в.) против агарян

Ермолаева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Греческие духовные и светские стихи братьев Лихудов, Иоанникия (1633–1717) и Софония (1653–1730), просветителей, религиозных писателей и переводчиков, основателей Славяно-греко-латинской академии, сохранились в двух известных нам рукописях учебника «О поэтическом или метрическом искусстве», по которому Лихуды преподавали поэтику и искусство греческой версификации: рук. РГБ, Ф. 173 (МДА), № 331 лл. 84об.–85; 1687 г.; рук. Национальной библиотечки АН Украины, Ф. 306 (Киево-Печ. Лавра) №337 п./725 лл. 88об.–89; к. 17 в. (Петров), к. XVII — нач. XVIII вв. (Τσελίκας). Объясняя греческие стихотворные размеры, Лихуды иллюстрируют их примерами из поэзии античных авторов, а также собственными поэмами.

В докладе речь пойдет о греческих стихах Лихудов против «агарян» (турок-мусульман) и «скифов» (крымских татар), связанных с войной против турок Леопольда IV (1683), Крымским походом Василия Голицына (1689) и, возможно, Азовскими походами Петра Первого (1695–1696). Стихи написаны гексаметром, ямбическим триметром и сапфической строфой. Предлагается транскрипция и перевод текста, а также исторический и стилистический комментарий.

Античные комментаторы Вергилия о риторических приемах в речи Синона (Verg. Aen. 2, 69 sqq.)

Казанская Мария Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Речь Синона, в которой ему удается сперва завоевать доверие троянцев, а затем убедить их ввести оставленного греками коня в Трою (Verg. Aen. 2, 69 sqq.), представляет собой великолепный образчик риторической *insinuatio*. Впечатление, что Вергилий ориентировался на этот риторический жанр, подкрепляется не только обилием риторических приемов в самой речи, но и тем вниманием, которое поэт уделил описанию реакции слушающих Синона троянцев. У нас есть ряд свидетельств, что античные читатели Вергилия воспринимали речь Синона в первую очередь через призму риторики: помимо примеров использования цитат из речи для иллюстрации риторических приемов (ср. Quint. 9, 2, 9, где Aen. 2, 69–70 приводится в качестве примера использования риторических вопросов для *miseratio*), риторический аспект подчеркивается в античных комментариях к Вергилию. В докладе дается обзор того, как риторические приемы в речи Синона выделялись и описывались в комментариях Тиберия Клавдия Доната, Сервия и в расширенной версии Servius Danielis (SD). Особое внимание уделяется позиции Сервия, который единственный характеризует речь Синона транслитерированным греческим термином *diasyrtica* (Serv. ad Aen. 2, 80). В сравнении с расширенной вер-

сией SD, Сервий предельно сдержан в оценках и, как правило, ограничивается указанием на фигуру или прием, тогда как SD регулярно использует такие характеристики, как *bene* или *mire* (cf. Serv. и SD ad Aen. 2, 100). Показывается, что Сервий, в полной мере понимая действенность приемов, которые Синоп использовал, чтобы добиться правдоподобности, последовательно воздерживался от положительных оценок, учитывая педагогические задачи своего комментария, который писался в первую очередь для молодых людей, обучающихся правильному владению латинской речью: перед подобной аудиторией Сервий явно считал неправильным хвалить лжеца Синопа.

Спорные свидетельства арабской традиции о названии трактата Галена «Протрептик»

Корюк Ксения Ильинична,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

В науке давно ведутся споры об оригинальном названии сочинения Галена «Протрептик», поскольку установление точного названия могло бы пролить свет на содержание утраченной части трактата. С одной стороны, Гален мог озаглавить трактат «Побуждение к изучению медицины» (Προτρεπτικός ἐπ' ἰατρικῆν). С другой стороны, заглавие могло содержать отсылку к трудам врача-эмпирика Менодота: в этом случае более вероятным будет название «На сочинение Менодота Северу Побуждение к изучению медицины» (εἰς τὸ Μηνόδοτου Σεβήρω προτρεπτικός ἐπ' ἰατρικῆν). Второй вариант названия отстаивает издатель Галена В. Будон-Милло (Boudon 2007, 217, n. 13). Она аргументирует свой выбор двумя обстоятельствами: во-первых, Менодот в названии «Протрептика» упоминается в библиографическом трактате Галена «О собственных книгах» (De libr. propr. SM II 115, 13) как в арабском переводе, так и в двух греческих рукописях. Во-вторых, Менодот упоминается в рамках сирийско-арабской традиции. Следует заметить, что свидетельства, полученные из сирийско-арабской традиции, заслуживают более детального рассмотрения. В. Будон-Милло отмечает, что Хунаин ибн Исхак (IX в.), переводчик «Протрептика» на сирийский (а его племянник Хубаиш переводил на арабский), составил список работ Галена, переведенных на сирийский и арабский, и снабдил перечень краткими описаниями работ; в частности он указал, что «Протрептик» переписан у Менодота (Risala, n. 110). На основании этого свидетельства, а также арабского перевода «О собственных книгах» издатель делает вывод, что арабская традиция знала имя Менодота, следовательно, связь между Менодотом и трактатом Галена очевидна, хотя ее содержание остается неясным. Сохранение имени врача-эмпирика Менодота в названии на сегодняшний день является единственным способом объяснить включение «Протрептика» в группу сочинений против врачей-эмпириков. Однако анализ рукописей «Рисалы» показывает неоднозначную картину. Хунаин ибн Исхак сделал два перевода «Рисалы» на арабский, более ранний перевод не сохранился, а более поздний дошел в двух вариантах: рукопись В (более ранняя) и рукопись А (более поздняя). Фраза «переписано у Менодота» есть только в рукописи В, а в более поздней редакции Хунаин ибн Исхак не упоминает Менодота в этом контексте (Bergsträsser 1932, 22, 32). Поэтому следует с осторожностью пользоваться данным свидетельством, реконструируя оригинальное название трактата Галена.

Проповедь Климента Александрийского «Кто из богатых спасется» в контексте античной традиции о богатстве и бедности

Пантелеев Алексей Дмитриевич,

к. и. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Проповедь «Кто из богатых спасется» (Τίς ὁ σωζόμενος πλούσιος) написана выдающимся раннехристианским апологетом и богословом Климентом Александрийским в конце II века. Она адресована представителям состоятельной и образованной христианской молодежи Александрии, желающим сгладить противоречия между своей верой и экономическим и социальным положением. Одной из проблем для них являлся евангельский рассказ о богаче, которому Иисус сказал: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах» (Мк. 10:21; Лк. 18:22; Мф. 19:21), — слова, казалось бы, однозначно указывающие на невозможность богатым войти в Царство Божие. Климент в своей проповеди показывает, что все не так безнадежно и не следует понимать это указание буквально: «Спаситель ничему не учит Своих последователей так, как другие люди, но внушает... проникать в сокровенный смысл слов» (Quis divus, 5). Он разрушает стереотип о благочестивых бедняках и нечестивых богачах и указывает на важность личных усилий на пути к добродетели. Богатые и бедные дополняют друг друга, ведь первые раздают милостыню вторым, а те молятся за них, ключ к спасению — благотворительность. Кроме того, чтобы избегать ошибок, состоятельным людям стоит взять себе наставника. Таким образом, Климент прокладывает средний путь между стремлением к роскоши, которое встречалось у некоторых гностиков, и полного отречения от богатства, характерного для энкратитов. При рассмотрении этой проблемы Климент, как и в других случаях, опирался не только на Писание, но и на сочинения античных философов, особенно платоников и стоиков. Вопрос о соотношении богатства, бедности и добродетели решался представителями различных течений диаметрально противоположно, достаточно вспомнить хотя бы Диогена Синопского и Аристотеля. Климент трактует слова Христа в русле стоического учения о благах о том, что все материальные вещи нравственно индифферентны. Богатство не должно иметь большей власти над человеком, чем Бог, и он на самом деле не хозяин своим земле, деньгам и другому имуществу, а лишь его распорядитель. В том же духе Климент учит христианскую молодежь в «Педагоге», а позже эту мысль усвоит Ориген.

«Однако надеюсь, что не найдет во мне Дария»: об одном изречении Петра Великого

Позднев Михаил Михайлович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Автор «Дневника пребывания царя в Воронеже» (запись от 1.5.1709) передает сведения об очередной попытке Петра заключить мир с шведским королем: из завоеванных территорий царь просил только окрестности Петербурга до р. Сестры. Карл, как и ранее,

ответил отказом: «...Шведский король и таковых полезных предложений за благо не принял и сказал посланному, что помирится он с царем Петром в царствующем граде в Москве по принятии у него 30 миллионов ефимков, издержанных им, Карлом, во время сей войны. Великий Петр, слышав такой гордый ответ, изволил сказать: „Хочет Карл со мною поступать так, как поступал Александр с Дарием, однакож надеюсь, что не найдет во мне Дария“»

Авторство «Дневника» иногда связывают с именем П. Н. Крекшина, но слова об Александре и Дарии слишком своеобразны, чтобы приписать их Крекшину. Вместе с тем, они не похожи на обычный стиль Петра. В данном стилистическом оформлении фраза встречается в «Истории Карла XII» Вольтера, напечатанной в 1731 г. (кн. 4): «Mon frère Charles, dit-il, prétend faire toujours l'Alexandre; mais je me flatte qu'il ne trouvera pas en moi un Darius.» Работая над биографией шведского короля, Вольтер не мог пользоваться «Дневником»: архивные документы Академии Наук ему начали присылать из России двумя десятилетиями позднее, в период создания «Истории России при Петре Великом». Оборот «не найдет во мне кого-л.» типичен для французского, но не для русского, и не для немецкого или голландского языков, на которых Петр мог ответить Э.-Ю. Эренрозу, пленному шведскому офицеру («обер-аудитору»), которого, согласно «Дневнику», использовали для ведения переговоров. Вероятнее всего, сообщение «Дневника» позаимствовано у Вольтера; «хочет со мною поступать так, как поступал Александр» — парафраз «prétend faire l'Alexandre». Вольтер воспринимал Карла XII как «наполовину Александра, наполовину Дон Кихота». Должны ли мы после этого думать, что слова Петра — художественный вымысел? Подобные приемы в книге претендующей на историзм не характерны для Вольтера. Сведения для «Истории Карла XII» философу сообщали очевидцы событий, в их числе — приближенные Карла (Гёрц, Фабрис). Автор «Дневника пребывания» в качестве переговорщика упоминает «обер-аудитора», но в «Истории Карла» названа более известная фигура — «Бюзенваль», то есть Жан-Виктор де Безенваль, бывший до 1710 года послом Франции при дворе Карла XII. Участие Безенваля в переговорах более чем вероятно: Людовик IV старался привлечь Карла к войне за испанское наследство, уговаривая его отказаться от нападения на Россию. Безенваль — наиболее вероятный посредник. Переданные им или другими, слова Петра дошли до слуха Вольтера уже во французской огласовке; Вольтеру оставалось сделать эти слова крылатыми.

Hdt.2.164.1: была ли в Древнем Египте каста переводчиков?

Рубцов Роман Николаевич,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассказывая о царствовании египетского фараона Априя (Hdt. 161–171) Геродот делает небольшую вставку, посвященную социальному устройству Египта (Hdt.2.164–168), в которой перечисляет семь каст (γένεα): ἱρέες, μάχιμοι, βουκόλοι, σὺβῶται, κάπηλοι, ἔρμηνέες, κυβερνήται. Комментаторы считают этот список достаточно вольным — как его состав (А. Сейс, К. Шрейдер, Ф. Бевилаква, А. Ллойд), так и употребление слова γένος (К. Шрейдер, Е. Легран). Исследователи отмечают, что в список не попали такие очевидные касты как ремесленники, земледельцы, рыбаки, ловцы птиц и др. Своей задачей я ставлю прокомментировать касту ἔρμηνέες. Слово ἔρμηνεύς в греческой литературе

V в. до н.э. имеет широкий спектр значений: толкователь, переводчик, посредник, проводник и др. Лексикон Пауэлла к Геродоту определяет ἑρμηνεύς как *interpreter*, однако функционал ἑρμηνέες в Истории явно шире. Половина упоминаний ἑρμηνέες у Геродота приходится на служащих при персидском дворе (Hdt.1.86.4, 1.86.6, 3.38.3–4, 3.140.3), обязанности которых были ситуативны (П.Бриан). О ἑρμηνέες у скифов можно только гадать (Hdt.4.24.1). Во второй книге ἑρμηνεύς читает и объясняет Геродоту надпись на пирамиде, по-видимому являясь одним из его проводников (Hdt.2.125.6); в другом отрывке сообщается, что οἱ νῦν ἑρμηνέες ἐν Αἰγύπτῳ происходят от египтян, обученных эллинскому языку по приказу Псамметиха I (Hdt.2.154.2) — если эта мера и имела место, ее конечные цели явно не ограничивались воспитанием переводчиков (К.Шрейдер); и, наконец, ἑρμηνέες выделяются как одна из египетских каст (Hdt.2.164.1). Упомянутые места не позволяют вслед за некоторыми исследователями (Дж. Пауэлл, Б.Роше, Е.Легран) понимать ἑρμηνεύς исключительно как «переводчик» и интерпретировать ἑρμηνέες только как «переводчиков». Тех, кого Геродот мог иметь в виду под ἑρμηνέες, можно условно представить в виде трех групп: египтяне, которым профессия «ἑρμηνεύς» досталась по наследству от живших при Псамметихе I предков (1); египтяне и не-египтяне, упоминаемые как переводчики в египетских надписях (LAc) со времен Древнего царства (2); египтяне и не-египтяне, которые ситуативно могли быть переводчиками, посредниками и проводниками (3). Под кастой Геродот мог иметь в виду первую группу, упоминаемую ранее по тексту, однако едва ли такая каста действительно существовала. Кастой могла бы быть вторая группа, но Геродот, будучи не способным читать надписи самостоятельно и полагаясь на гидов, едва ли мог сформировать о ней внятное представление. Те ἑρμηνέες, с которыми он имел дело в действительности, вероятно принадлежали к третьей группе, важной социальной прослойке в Египте со времен появления первых греческих поселений. В докладе приводятся *pro et contra* для каждой из этих версий и предлагается собственное решение проблемы.

Macedonian glosses with /a/ for Greek /o/

Савич Данило,

младший научный сотрудник

Институт балканологии — Сербская академия наук и искусств

Recent studies of Ancient Macedonian solidify its status as a variant of Greek related to Doric and the Northwestern dialects. Surprisingly, in a number of Hesychian glosses explicitly labelled as Macedonian one finds /a/ where a Greek etymology would require /o/. A most peculiar example is that of ἀβροῦτες (emendable to ἀβροῦφες) 'eyebrows', cf. Gk. ὄφρυς 'id.' < *h₃bhruH-, displaying aC- < *h₃C-. Other instances of /a/ instead of /o/ include ἄδδαι 'chariot poles' (Gk. ὄχος 'branch' < *Hosd-o-), ἄξος 'wood' (Gk. ὄξυα 'beech' Mac. /a/, would be otherwise unattested in Greek dialects. Besides, it would not account for the cases of Mac. /o/ corresponding to Gk. /o/, such as Mac. γόλα 'intestines' to Gk. χολάδες 'id.' or Mac. γοτάν 'swine' to Gk. βοτόν 'cattle' < *g_u h₃-to-. One may therefore suggest that the mentioned examples of Mac. /a/ stem from an Indo-European language different from Greek, and apparently spoken alongside it at some point in Macedon. The glosses in question may be wrongly attributed to Macedonian, or seen as borrowings from another language. The identification of this language, however, is far from certain: *h₃C- > aC- in ἀβροῦτες, and perhaps in ἄλιζα, suffices to eliminate Thracian, Illyrian, and Phrygian as potential candidates;

the latter is also ruled out by *o > a. On the other hand, the vocalization of the laryngeal in *h3C- suggests a relatively close link with Greek and Phrygian. The scarce material prevents us from reaching a definite conclusion.

Клиника Антифонта: достоверность и датировка

Тахтаджян Сурен Арменович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

У нескольких античных авторов имеются сходные сообщения о психотерапевтической клинике Антифонта. Это Псевдо-Плутарх в «Жизнеописаниях десяти ораторов», анонимный автор биографии Антифонта и Фотий. Согласно Псевдо-Плутарху и Фотию, Антифонт придумал искусство жить, не зная горя (τέχνη ἀλυτίας). Он также объявил, что способен посредством слов исцелять страдающих душевной болью и стал заниматься словесной психотерапией (Псевдо-Плутарх, аноним и Фотий). А Флавий Филострат передает заявление Антифонта, что люди не смогут пожаловаться на такое горе, от которого он не освободил бы их душу. Некоторые ученые (Джон Моррисон, Джерард Пендрик) подвергали сомнению психотерапевтическую деятельность Антифонта. Другие (Соломон Лурье, Рудольф Кассель, Педро Лаин Энтральго, Уильям Гатри, Уильям Ферли) не видели оснований сомневаться в реальности клиники. Я показываю, что ранее приведенные доводы в пользу достоверности клиники не утратили силы и привожу новый довод в пользу этой точки зрения. Так, согласно Псевдо-Плутарху, анонимному автору биографии Антифонта и Фотию, Антифонт открыл свою клинику в Коринфе. Я полагаю, что это обстоятельство говорит в пользу историчности традиции о клинике. Дело в том, что это предприятие было, с одной стороны, в духе времени. С другой стороны, оно оказывается уникальным: других примеров такой практики нет для этой эпохи у нас нет. Выступить с таким необычным и смелым предприятием психологически легче было не дома, а на чужбине. Итак, традиция о психотерапевтической клинике является достоверной. Я полагаю, что психотерапевтическая практика Антифонта дала ему материал для трактата «О согласии». Этот трактат можно считать письменной фиксацией τέχνη ἀλυτίας. Между тем, по обоснованному, на мой взгляд, мнению ряда ученых, отклики на трактат «О согласии» имеются в трагедиях Еврипида, в том числе в поставленной в 438 году «Алкестиде». Это обстоятельство позволяет утверждать, что трактат появился не позднее 438 года. Значит, 438 год оказывается *terminus ante quem* и для клиники. Одно обстоятельство позволяет уточнить датировку клиники. Афинянин Антифонт мог открыть клинику в Коринфе только в период мира между этим городом и Афинами. Следовательно, клиника была открыта в Коринфе либо в период с 451 по 446, либо между 445 и 438 годами.

Four Hooves and a Horn: How (Not) To Poison Alexander the Great

Толич Исидора,

ассистент

Университет в Белграде, Филозофски факултет, Кафедра класических наук

Numerous authors write of treason to murder Alexander the Great by gifting him a chalice made of a hoof of a horse, a mule, or an ass, containing poison or poisonous water. According to Pausanias' report, the lethal drink originated from the river Styx, whose streams were believed to have a fatal effect on humans and animals. The odd choice of a hoof-made chalice is not accidental — many agreed that was the only type of vessel able to convey the harmful water of the river Styx. Porphyry of Tyre gives us a reason to believe that the mention of hoof-made vessels was a misinterpretation of horn-made chalices, or put otherwise, drinking horns. In *Styg.* 374F Porphyry of Tyre quotes Kallimachos, explaining that the only ἀγγεῖα immune to the water of Styx are κεράτινα. It is not hard to spot the cause of the horn-hoof confusion — members of the genus *Equus* do not grow horns, while they possess four hooves. That fact could have made authors with rationalistic tendencies misinterpret their sources. If we presume the vessel in question was a drinking horn, we are left with an unusual image — Alexander the Great perished after drinking the poisonous water of Styx from a horn of a hornless animal. There is, however, an instance connecting all three elements of this tale. Quoting Philo the Paradoxographer in *Styg.* 375E, Porphyry tells a story of Scythian horned asses. Their horns could transport the water of Styx, and one of them was given to Alexander the Great. Alexander later decided to dedicate the horn to Apollo in Delphi. It is obvious from Philo's account that the horn was considered a present befitting a great ruler, and that Alexander himself deemed it a suitable offering for Apollo. Having this in mind, we should remember the tales of Indian horned asses, told by Ctesias and Philostratus. Vessels made of those horns had several miraculous features, such as protecting the imbibers from poisoning, pain, or epilepsy. On account of these features, they were reserved exclusively for rulers. The mention of Scythians in Philo's account is an argument in favor of interpreting the story of Alexander's gift through Ctesias' and Philostratus' story — unicorns' water-cleansing abilities are a part of Indo-Iranian tradition, as seen in *Bdh.* 24. 10–21 and *AV* 3. 7. Therefore, we see that the horn from Philo's story represented a legendary present of Indian rulers, intended to save Alexander the Great from harm. Various layers of misapprehension transformed the legendary gift into a device contracted to harm its receiver. After the survey of relevant sources, the author of this paper hopes to prove that the story of Alexander's poisoning represents a transformed and misinterpreted legend of Alexander's grandest gift.

Формы с аспектуальной семантикой в латыни и древнегреческом на материале переводов Ветхого Завета (книги Иова)

Федотов Максим Леонидович,
младший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН

Филимонов Евгений Геннадьевич,
к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе будет представлено сопоставительное исследование глагольных форм с аспектуальной семантикой в латыни и древнегреческом на материале переводов книги Иова. Были использованы греческая Септуагинта и латинская Вульгата, для сравнения добавлены переводы на русский (Синодальный и современные переводы С. С. Аверинцева и РБО). Во-первых, рассматриваются случаи (ожидаемого) соответствия лат. Перфекта др.-гр. Аористу (и русск. СВ) для выражения перфективного аспектуального «ракурса» и лат. Имперфекта др.-гр. Имперфекту (и русск. НСВ) для выражения имперфективного аспектуального «ракурса». Во-вторых, рассматриваются случаи отступления от этого соответствия. Например, Инфинитив Аориста со значением цели *παραστήναι* соответствует латинскому придаточному цели с союзом *ut*, сказуемое которого должно (по *consecutio temporum*) стоять в форме Имперфекта *adsisterent*: Sept 1(6) *Καὶ ἐγένετο ὡς ἡ ἡμέρα αὕτη, καὶ ἶδού ἦλθον οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ παραστήναι (Aor. Inf.) ἐνώπιον τοῦ Κυρίου — Vulg 1(6) quadam autem die cum venissent filii Dei ut adsisterent (Imperfectum Coni.) coram Domino*. В латинских придаточных цели Перфект невозможен, поскольку он бы указывал на уже совершившийся факт. Поэтому глагол выражен в них формой Имперфекта конъюнктива (нейтрализация вида в форме Имперфекта), и ей в греческом соответствует Аорист. Когда же действие не относится к будущему, в латинских придаточных возможно использование формы Перфекта Конъюнктива, соответствующего древнегреческому Аористу, например, с союзом *ne timendi*: Sept 1(5) *ἔλεγε γὰρ Ἰώβ· μή ποτε οἱ υἱοὶ μου ἐν τῇ διανοίᾳ αὐτῶν κακὰ ἐνενόησαν (Aor.) πρὸς Θεόν — Vulg 1(5) dicebat enim ne forte peccaverint (Perfectum coni.) filii mei et benedixerint Deo in cordibus suis*. Обычным является отступление от стандартного соответствия в случае нефинитных форм (причастие, инфинитив), а также в императиве. В первую очередь это объясняется различиями в устройстве грамматических систем двух языков. Так, перевод древнегреческого Аористного Причастия *ἀλοκρίθεις* латинским Презентным Причастием *respondens* можно объяснить как отсутствием в латинском языке активного причастия прошедшего времени, так и попыткой переводчика максимально естественно передать смысл всего предложения (ср. также форму НСВ в русском переводе): *Vulg 1(7) cui dixit Dominus unde venis qui respondens (Participium Praes.) ait circuivi terram et perambulavi eam — RusSyn 1(7) И отвечал (НСВ) сатана Господу и сказал*. Seriously отличается друг от друга употребление императивных форм в древнегреческом и латинском. Латинский Императив не выражает видовых противопоставлений, поэтому древнегреческий Императив Аориста, как и Императив Презенса передается в латинском языке формами Презенса — Конъюнктивом Презенса или Императивом Презенса.

Категории рода, лица и числа у местоимений в латинских грамматических сочинениях*

Чернышева Влада Александровна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются категории рода (*genus*), лица (*persona*) и числа (*numerus*), которые выделялись римскими грамматиками в качестве свойств, присущим некоторым частям речи, в том числе местоимениям. Исследование проведено на материале латинских грамматических сочинений, датируемых III–VII вв. н.э., с привлечением электронных баз текстов *digilibLT* — *Digital Library of late antique Latin texts*, *Corpus Scriptorum* и других.

Помимо мужского, женского и среднего рода, а также единственного и множественного числа, в античной грамматической системе у местоимений выделялся общий род и общее число (Диомед, Донат, Досифей и другие). Так, *ego* ‘я’, *tu* ‘ты’ приводятся обычно в качестве местоимений, совмещающих в себе три рода (*commune trium generum*), поскольку имя существительное, которое заменяется местоимением, может быть также трех родов, в том числе среднего (*Basion*, *Glycerium*).

Возвратному местоимению *se* ‘себя’, по мнению грамматика Присциана, также присущи три рода — не только из-за отсылки к имени существительному, которое может быть любого рода, но и из-за придания сходства с названными выше личными местоимениями.

Общее же число служит для описания омоформ типа *qui*, *idem*, у которых род совпадает, и *haec*, которое может выступать в качестве формы как женского, так и среднего рода.

Категория лица будет рассмотрена в свете множественного числа личных местоимений: оно образуется путем сочетания различных лиц, так что, к примеру, местоимение *nos* ‘мы’ определяется как ‘я’ и ‘вы’, ‘я’ и ‘они’ или ‘я’, ‘вы’ и ‘они’, причем ‘они’ подразделяются на присутствующих и отсутствующих при речевом акте лиц.

Отдельного внимания заслуживает категория числа у притяжательных местоимений, которые считались производными (*derivativa*) от личных местоимений. Двойное число — *duplex numerus*, по выражению Присциана, — объединяет в себе как число обладателя (*possessoris*), так и число обладаемого (*possessi*), выраженные соответственно внутренней и внешней формой слова (*intrinsecus* и *extrinsecus*), и допускает четыре возможных комбинации, в отличие от древнегреческого языка, где за счет двойственного числа (*numerus dualis*) возникает девять таких комбинаций, как пишет Псевдо-Аспер. Отмечаемое римскими грамматиками число обладателя можно рассматривать в качестве скрытой категории числа.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00531).

КУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Теоретические аспекты гуманитарных исследований

О взаимодействии текста с читателем в классической научной фантастике (на примере прозы Айзека Азимова)

Баранов Дмитрий Кириллович,

к. ф. н., старший преподаватель

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого;

Санкт-Петербургский государственный университет

Научная фантастика редко воспринимается как высокая литература. Большая часть существующих исследований фантастики сосредотачивается либо на формальных чертах текстов, на уточнении жанрового канона, либо на изучении гуманистического посыла произведений, на методах изображения социальной реальности, соотносимой с внешней действительностью. Между тем, представляется, что в классической научной фантастике мы наблюдаем органичное единство формы и содержания, характерное для сложно организованной литературы: те или иные конкретные художественные особенности служат созданию особой коммуникации с читателем, при которой гуманистический посыл автора может быть воспринят наиболее полно. В докладе это демонстрируется на примере творчества А. Азимова. На первый взгляд, одним из самых частотных вопросов, поднимаемых в прозе автора, является вопрос о том, что есть человек (человек, а не робот/инопланетянин/примат и пр.). Однако внимательный взгляд позволяет обнаружить, что Азимов лишь отвлекает внимания читателя этой темой, а на самом деле сосредотачивается на вопросе о том, что есть человечность как качество, которым может обладать или не обладать как человек, так и любое другое существо в художественном мире. По Азимову, человечность предполагает наличие определенных нравственных установок, и эта позиция получает в рамках художественного произведения эстетическое обоснование благодаря следующим приемам: введение мотива рационального/инстинктивного (как вариант, человеческого/животного) поведения; создание эффекта остранения путем использования точки зрения «чужого» во взгляде на привычную читателю реальность; объяснение существования элементов внешней действительности изнутри логики художественного мира; обращение к сюжетным нормам новеллы (использование пуанта); явное расхождение между позициями повествователя и автора и т. д. Все эти приемы направлены на стимулирование воображения читателя, на побуждение того к размышлениям в заданном направлении. Представляется, что система взаимоотношения с читателем в прозе Азимова схожа с системой, выстраивающейся в детективах — только искания читателя направлены не внутрь художественного текста, не на поиск разгадки внутри произведения (например, поиск ответа на вопрос, кто оказался преступником), но наружу: читателю приходится задавать себе вопросы об устройстве собственной, внетекстовой реальности, и пытаться найти на них ответы.

Древнерусская псалтирная экзегеза как индикатор переходных эпох в истории культуры

Буланин Дмитрий Михайлович,

д. ф. н., главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Псалтирь считалась в Древней Руси не только главной из книг, но и образцом книги как таковой. Библия в виде свода не получила на Руси распространения, поэтому Псалтирь служила экспонентом всего библейского канона. Без нее немислимо было православное богослужение и домашняя молитва, по ней учились грамоте, ее знали наизусть, она сопровождала человека от рождения до смерти, по ней гадали и носили ее как оберег. В каждом псалтирном стихе и даже слове люди стремились отыскать множество сокрытых значений, которые прояснили бы им тайны мироздания и превратности человеческих судеб. Раскрытию этих значений помогали толкования, которые принимали разные формы, но неизменно извлекали из слов пророка Давида утешение в настоящем и намеки на будущее. Закономерно, что в эпохи, когда ломался привычный уклад и культура делала резкие повороты, когда пропагандировались новые идеи или менялись конфессиональные приоритеты, — во всех этих случаях средневековый человек обращался к Псалтири.

Факты таковы. Рубеж XIV и XV вв., эпоха православного возрождения, переориентировавшая русскую культуру на нормы монастырского устава, отмечен созданием знаменитой Киевской Псалтири 1397 г. Миниатюры на полях служат зрительным эквивалентом типологической экзегезы, проецируя текст Псалтири на новозаветную историю. Интенсивные псалтирные штудии ознаменовали конец XV — первую половину XVI в., когда развернулись кампании против еретиков, которых обвиняли в «превращении» псалмов, т. е. в том, что они подвергли сомнению прообразовательные указания ветхозаветной книги (интерлинейные Псалтири, Дмитрий Герасимов и Власий, Максим Грек, Вениамин, Нил Курлятев). Сами же антиеретические кампании входили в число мероприятий, обосновывавших сакральную миссию Московского царства. За учреждением Московской патриархии в 1589 г., ставшим кульминацией работ над новым образом России, последовал пропагандистский шаг — рассылка роскошных «Годуновских Псалтирей». В них, во вкладных записях, подчеркивалось, что Москва стала Третьим Римом. Наконец, в последние десятилетия XVII в., в преддверии Нового времени, к Псалтири вновь прикованы взоры (Авраамий Фирсов, Симеон Полоцкий, канты, в которых чтения Псалтири соотносились с новозаветными событиями). В перечисленных случаях, во все переходные эпохи, библейская книга, предугадавшая по воле Творца последующий ход истории, помогала людям увидеть глубокий смысл в переменах окружающего общества и его ценностей. Полезно, думается, сравнить средневековое восприятие Псалтири с отношением к ней в секуляризованной культуре XVIII в., на который пришелся расцвет русской псалмодической поэзии, утратившей теперь связь с религией (исследование проведено при поддержке РФФ проект 21-18-00527 «Литература «переходных эпох» как инструмент модернизации социальных связей» в ИРЛИ РАН).

Лакуны чеховедения: проблемы составления реального комментария и библиографии

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Степанов Андрей Дмитриевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Андоскина Валерия Андреевна,

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Полное собрание сочинений и писем Чехова (1974–1983) — одно из образцовых академических изданий советской эпохи. Однако со временем у ПССиП обнаружился существенный недостаток: отсутствие развернутого лингвистического, интертекстуального и реального комментария. Академическое издание, готовившееся в 1970-е годы, было рассчитано на весьма культурного, начитанного и образованного читателя. Господствовало мнение, что современный русский литературный язык в основном остался тем же, каким пользовалась интеллигенция чеховской эпохи, а язык самого писателя настолько прост, что не нуждается в пояснениях. Изучение чеховских подтекстов, глубочайших залежей цитат и реминисценций, в 1970-е годы еще только начиналось (его расцвет пришелся на 1990–2000-е гг.; см.: Васильева И. Э., Степанов А. Д. В зеркале «Чеховского вестника»: чеховедение за тридцать лет // Русская литература. 2021; № 2; в печати). В настоящее время многие слова и реалии чеховских текстов оказываются непонятны не только простому читателю, но и студентам русских отделений университетов. Непрофессиональный читатель и даже студент-филолог далеко не всегда видят в тексте требующие комментария слова, реалии и понятия, а самостоятельно найденная в неструктурированном сетевом пространстве информация далеко не всегда бывает точной. В докладе приводятся многочисленные примеры такого рода лакун. Вторая проблема современного чеховедения — это неполнота существующей на сегодняшний день чеховской библиографии. Библиографические справочники и антологии занимают значительное место в чеховиане, однако внимание составителей распределено между различными периодами неодинаково. Наиболее полно в чеховиане представлены прижизненная и дореволюционная библиографии, а также период с 1960 г. до наших дней. Наиболее явные лакуны — это отсутствие справочников по советскому чеховедению 1917–1959 гг., а также по чеховедению русского Зарубежья. Знакомство с забытыми первоисточниками способно подвести исследователей к новым тематическим рубежам: в частности, достойно изучения как отдельный самобытный феномен «газетное» и «журнальное» чеховедение (в том числе европейское и американское); любопытную область представляют стихотворные читательские послания к А. П. Чехову; сообщения и заметки о литературной и культурной жизни русского зарубежья, в которых освещаются события, связанные с Чеховым и ему посвященные — юбилеи, торжества, литературные чтения, вечера, кружки и т. д. Соавторы предлагают комплексную программу создания электронной научной системы, в которой эти пробелы будут устранены. Доклад подготовлен по результатам исследования, проведенного при поддержке РНФ (проект № 22-28-00978).

«Мышление формы» и проблема маркеров границ переходных периодов

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В работах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, А. В. Михайлова было продемонстрировано стремление рассмотреть феномен «переходных эпох» в контексте универсальной картины историко-литературного развития. Это значит, что внимание перемещалось с описания черт переходности на анализ изменений, затрагивающих «глубинные основания» литературы, «самый принцип осмысления слова в его отношении к действительности» [Михайлов 1997: 61–62]. «Эпоха безвременья» (80-е гг. XIX в.) представляет собой один из эталонных переходных периодов. По сложившейся за XX в. традиции, в основе этой характеристики лежит социологическое объяснение переходных процессов данного периода — общий курс на обновление жизни как результат реформ и политической конфронтации находит свое отражение и в литературе. Описанию конкретных черт переходности — модернизации различных сфер культурной жизни и процессов размывания границ между ними, перестройки всей системы литературы, смены писательского типа и модели адресата, расширения и новой конфигурации читательской аудитории — посвящено большое количество исследований. Как правило, масштаб происходящих в социально-экономическом поле перемен механически переносится на поле литературы, находя подтверждение в фиксации разнообразных изменений. Однако вопрос, имеет ли данный процесс характер культурного сдвига, затрагивающего «глубинные основания» литературы, или происходящие трансформации, несмотря на всю их динамику и даже декларируемый разрыв с традицией, укладываются в логику единого длящегося «цикла» (В. Н. Топоров), по существу все еще остается открытым. Как показано в докладе, анализ поэтического инструментария позднего Ф. М. Достоевского, классических авторов «эпохи безвременья» (В. М. Гаршина и А. П. Чехова) и социорецептивного резонанса творчества этих писателей позволяет выделить формируемые в эту эпоху различные варианты подхода к осмыслению слова в его отношении к действительности, что, в конечном итоге, дает возможность поставить вопрос о характере и масштабе происходящего в конце XIX в. культурного процесса. Доклад подготовлен по результатам исследования, проведенного при поддержке РФФИ (проект 21-18-00527 «Литература «переходных эпох» как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН.

Литература

Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Михайлов А. В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 43–111.

Русская проза, идиостилии, частые глаголы: специфика тематических групп

Двинятин Федор Никитич

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Анализируется классическая русская проза от Пушкина до Набокова и его современников; 15–25 (по разным критериям) крупнейших авторов, в центре внимания лексические компоненты прозаических идиостилей, в первую очередь самая частая лексика, как служебная, так и знаменательная, а из последней — слова со слабой тематической приуроченностью, характерные примерно в равной мере для всей классической фикциональной повествовательной прозы (все это важно в том числе при соотнесении с формальными методами, оперирующими частотностью лексики, прежде всего Delta). В докладе продолжается анализ распределения частых глаголов (приблизительно из первой сотни) у прозаиков XIX и XX вв. В частности, обнаруживается, что глаголы разных тематических групп едва ли могут рассматриваться по одному сценарию. Для глаголов речи характерно то, что все они образуют единый и гомогенный конкурентный блок (сказать, спросить, отвечать/ответить, говорить, проговорить, молвить, возразить и мн. др.; даже различия по виду приглушены). Глаголы чувственного восприятия образуют гораздо более дробную систему с не менее чем пятью дифференциальными признаками (зрительное — слуховое восприятие, активное — пассивное восприятие типа слушать — слышать, несовершенный — совершенный вид, формы типа видеть, слышать — видать, слышать, синонимия смотреть — глядеть и производные); следовательно, формализующая модель для глаголов восприятия требуется более дробная и сложная, чем для глаголов речи. В области глаголов движения и перемещения специфическим является доминирование глагола идти и приставочных производных от него (пойти, уйти, войти, выйти и др.), что опять-таки делает желательной особую модель учета различий. Четвертый заведомо значимый класс составляют глаголы знать, понимать-понять и под. В итоге, модель, тяготеющая к некоторой полноте, должна учитывать 30–50 различных частых глаголов не менее чем по 4 тематическим классам. Она должна обеспечить надежную дифференциацию идиостилей на лексическом уровне в рамках выбранного жанрового поля (повествовательная проза классической эпохи), при том, что различия текстов по предметной тематике, отражающиеся в профилях частотности многих других слов, при обращении к частым глаголам не должны оказывать возмущающего характера. Средством подсчета частоты может быть Национальный корпус русского языка, а в отдельных более сложных и специальных случаях — корпуса, составленные для целей данного исследования.

Окказионализмы Владимира Набокова в контексте количественных, корпусных и компьютерных методов и технологий

Каракуц-Бородина Любовь Анатольевна,

к. ф. н., научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

Окказиональные слова писателя-билингва, для которого характерна не просто готовность к нарушению языковой нормы, а установка на такое нарушение, могут являться реализацией нескольких языковых систем и дают не только материал для описания идиостиля, но и основания для предположений об устройстве языковой личности. Исследования авторских окказионализмов движутся в русле попыток составления словарей, исчисления предпочитаемых словообразовательных моделей, описания семантики и определения художественных функций. Количественные, корпусные и компьютерные методы и технологии исследования существенно упрощают реализацию этих задач.

Так, НКРЯ позволяет, во-первых, собственно обнаружить и подсчитать «бастардов» по любому писательскому подкорпусу (при условии ручной «чистки» этого словаря); во-вторых, понаблюдать за продуктивностью тех или иных словообразовательных моделей; в-третьих, проследить динамику количества окказиональных слов на определенном временном отрезке; в-четвертых, что особенно ценно в работе с произведениями Набокова как писателя-билингва, проанализировать способы трансляции окказионализмов в переводах на материале параллельного корпуса, в том числе с помощью функции поиска на двух языках. Мера TF-IDF, назначение которой — понизить рейтинг слов, частотных в любом тексте, и повысить рейтинг слов, которые редко встречаются в других текстах, кроме анализируемого, дает возможность оценить место окказионализмов в ряду иных редких для автора слов. Zeta, мера текстовой разницы, определяющая «маркерные» слова, которые один автор использует последовательно, а другой или другие используют гораздо реже или вообще не используют, может показать рейтинги окказиональных слов в системе характерной лексики автора и возможные их «авторские пары» в противопоставленном корпусе.

Наконец, важным исследовательским материалом оказываются окказиональные слова в текстах, сгенерированных нейросетями разных типов, обученными на корпусах текстов отдельных авторов: предположительно эти нейросетевые окказионализмы транслируют излюбленные модели авторских окказиональных (потенциальных) слов; сопоставление «нейроокказионализмов», созданных нейросетями разных архитектур, дает материал для анализа как художественного текста, так и возможностей нейросетей в отношении порождения условно художественных текстов.

Охотничий рассказ в раннем творчестве А. П. Чехова: особенности повествования, жанра и событийной структуры

Оверина Ксения Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Функционирование календарных жанров в ранней прозе Чехова представляет собой интересную теоретическую и историко-литературную проблему. Один из вариантов трансформации календарного жанра у Чехова наблюдается в его охотничьих рассказах. По-своему интерпретируя традиционные для этого жанра темы (единение человека и природы, равенство людей разного социального статуса в ситуации охоты), писатель активно задействует такое свойство охотничьих рассказов, как «камерность», «интимность», создание атмосферы «своего круга». Это помогает ему вовлечь реципиента в художественный мир произведения и вынести событие за границу изображаемого мира, сделав событийным само впечатление читателя от текста.

Примером такого произведения является рассказ «Он понял!» (1883). Несмотря на то, что в этом произведении контакт между персонажами достигнут, потерянной оказывается гораздо более важная связь — связь с природой. Или, возможно, ее никогда не существовало нигде, кроме клишированного жанра охотничьего рассказа, ведь именно на него направлена ирония Чехова. В этом смысле и коммуникация на уровне повествователя — читателя оказывается усложненной. Вопреки ожиданиям, между повествователем и реципиентом возникает дистанция. Нарратор здесь — не друг-охотник, пишущий «для своих», а субъект, рефлексирующий над формой и формулой текста. Как следствие, в поле его рефлексии и остранения попадает и образ читателя, что только усиливает их расподобление.

Еще один ранний рассказ Чехова той же тематики — «На охоте» (1884) — также затрагивает проблему понимания. Он повествует об отношениях племянника и дяди, причем понимание персонажами друг друга оказывается принципиально невозможным, как и контакт главного героя с природой. Фабула этого текста вполне могла быть реализована в серьезном охотничьем рассказе, однако Чехов создает анекдот. При редактуре он исключает фрагмент текста, показывающий переживания расстроенного дядюшки, полностью подчиняя повествование точке зрения рассказчика. Формула охотничьего рассказа окончательно опустошается — главным героем и носителем точки зрения становится человек, предельно далекий от охоты.

В конце XIX в. охота могла выполнять в календарном рассказе функцию фона, хотя формальные признаки жанра сохранялись. Примером может послужить ранний чеховский текст «Петров день» (1881).

Другими чеховскими произведениями, в которых автор трансформирует традиционные признаки охотничьих рассказов, могут послужить «Драма на охоте», рассказы «На волчьей садке», «Двадцать девятое июня».

Теория классики как проблема

Попова Ирина Львовна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы РАН

Хотя классика становится предметом теоретической рефлексии с XVI в., хотя размышления над тем, что такое классик, — проходят через всю историю новоевропейской поэтики, теория классики создается только в XX в. Теоретизации классики и ее роли в сохранении и продолжении западной традиции литературоведение в значительной степени обязано Э. Р. Курциусу и его книге «Европейская литература и латинское Средневековье» / «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter» (1948). Курциус предложил алгоритмы изучения классики, древней и новой, установил непосредственную связь классики и латинского образования и заново проблематизировал понятие 'классический писатель' ('классик'). Как поддерживается традиция европейской литературы, что обеспечивает ее непрерывность на протяжении двадцати шести веков, от Гомера до Гёте, — вот главный вопрос, который ставит Курциус и для решения которого вырабатывает новую технику исследования, центральными понятиями которой становятся 'литература', 'канон' и 'классика'. Объясняя механизмы преемственности на фоне радикальной смены тенденций от эпохи к эпохе, Курциус вводит понятие 'нормальной классики', т. е. правильного (= канонического) письма, которому можно подражать и которому можно научиться, и обозначает константой европейской литературы динамическое соседство классики и тенденций, противоположных классике. Идея исторической динамики классики, как нормы, и антиклассики, как осознанного отступления от нормы, стала базой для динамических и диахронических поэтик, описывающих литературную историю как эволюцию стилей и поэтических систем, оказавшихся продуктивными для русской теории 1970–1990-х гг. Актуальная теория рассматривает классику преимущественно в институциональном и в историческом аспектах: как институт, эмблематизирующий нацию, язык, традицию и культуру, и как ряд сменяющих друг друга моделей большой длительности в их генезисе, критической оценке, читательской рецепции и трансформации. Классика не только создает новые образовательные модели и стратегии литературной истории, но и выступает триггером новых эдиционных норм и исследовательских практик. Идеологии классики европейская традиция обязана появлением «полных собраний сочинений» и, как следствие, новым статусом личного архива писателя, превратившегося из частного семейного дела в культурный институт. Изучение рукописного наследия стимулировало создание практик генетического исследования текста и адаптации классической герменевтики к комментированию и интерпретации новых литератур.

Авторerefлексия реализма в литературе и живописи: начальный этап

Степанов Андрей Дмитриевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение истории термина «реализм» во Франции, Германии и России позволяет выдвинуть тезис об атеоретичности реализма: в отличие от предшествующего и последующего литературных направлений (романтизма и символизма), реализм не пытался отразить и предсказать свое развитие, художественная практика шла впереди рефлексии, осмысление приходило задним числом, когда высшие достижения реалистического искусства были уже позади, причем средствами самопознания оказывались не трактаты, а критические статьи о современной литературе, где понятие «реализм» служило средством журнальной полемики соперничающих литературных групп, у которых часто отсутствовала внятная программа. Те писатели, которых сегодня принято причислять к великим реалистам, не относили себя к этому направлению. «Реалистами» считались второстепенные антиромантически настроенные авторы-«разночинцы», изображавшие знакомые им подробности «низкой» действительности. Закрепившийся впоследствии основополагающий тезис о социальной детерминации характеров и художественной типизации как признаке реалистического искусства оставался периферийным для авторerefлексии реализма на первом этапе его развития. В 1840-е гг. суждения о реализме во Франции, как правило, содержали эксплицитные или имплицитные отсылки к полемике вокруг подобной школы в живописи, связанной с именем Гюстава Курбе, который прославился в 1855 году, представив 40 своих картин в качестве альтернативы официозу — художественной части Второй всемирной выставки; каталог персональной выставки содержал написанный самим автором краткий манифест «Реализм». Активная деятельность Курбе, сопровождавшаяся спорами и скандалами и поддержанная адептами реализма из числа художественных и литературных критиков, немало способствовала популяризации термина. В трудах Шанфлёр (ближайшего друга Курбе) осмысление новой литературы шло вслед за утверждением новаций в живописи: и там, и там буржуа и крестьяне впервые представляли «во весь рост». Таким образом, изображение повседневной жизни простых людей закрепляло право художника и писателя на изображение «реального» как «идеального», «низкого» как «высокого», «периферийного» как «центрального», «некрасивого» как «красивого». В докладе доказывается, что подобный подход был впервые применен в России в 1849 г. в статье «русского парижанина» П. В. Анненкова, напечатанной в некрасовском «Современнике». Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФ «Литература „переходных эпох“ как инструмент модернизации социальных связей», проект № 21–18–00527 в ИРЛИ РАН.

Литературное объединение Красной армии и флота как прообраз Союза советских писателей: на границе нового этапа взаимодействия литературы и власти

Сысоева Анастасия Владимировна,

к. ф. н., младший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Х. Пюнтер начало фазы применения соцреалистического канона относит к середине 1930-х гг. Знаковым для нового этапа традиционно считается Первый съезд Союза советских писателей (ССП) с утверждением в Уставе единого метода социалистического реализма. Идеологизация советской литературы происходила постепенно, созданию Союза предшествовало испытание механизмов воздействия на творчество. В круг государственных интересов входила литература военной тематики, и эксперименты по управлению литературным процессом развернулись в этой области еще в начале 1930-х гг. Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ) можно считать переходным явлением между РАПП и ССП. Руководящие посты в ЛОКАФ занимали рапповцы, организацию называли боевым отрядом пролетарской литературы, для критиков объединения важна была политическая выдержанность текстов. В то же время от предшественника ЛОКАФ отличало внимание к попутчикам, их стремились включить в сферу влияния организации. В основу объединения писателей лег тематический принцип, а не единая творческая платформа или социальное происхождение. Этот принцип понимался максимально широко, отражая экспансивную политику ЛОКАФ: по мнению теоретиков объединения, оборонной (т. е. военно-пропагандистской) должна была стать вся советская литература. ССП сняло тематическое ограничение, сохранив идеологическую составляющую. ЛОКАФ предвосхитил ССП идейно и организационно, о чем уже говорили исследователи (Е. А. Добренко, З. С. Закружная). Локафовцы заявляли и последовательно воплощали принцип утилитарности искусства, привлекая к оценке текстов политработников армии и флота. Организация использовала целый ряд инструментов влияния на творчество (обучение писателей на курсах, обсуждения текстов с устными и письменными откликами и др.). Однако процесс регламентации литературы не был завершен, критики еще играли определяющую и руководящую роль, что вылилось в разворачивание ряда дискуссий, в ходе которых складывались требования к писателю, нашедшие наиболее полное свое воплощение в соцреализме. Доклад подготовлен по результатам исследования, проведенного при поддержке РНФ (проект 21-18-00527 «Литература «переходных эпох» как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН.

Литературные двойники: применение элементарной теории графов

Чанышева Айсылу Ринатовна,

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Головачёва Ирина Владимировна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Журавлев Михаил Евгеньевич,

д. ф.-м. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В данном докладе рассматриваются количественные методы, использованные нами для исследования топоса двойничества в художественной литературе. Элементарный подход теории графов позволил рассмотреть специфику различных атрибутов двойничества с помощью матриц инцидентности и построенных с их помощью симплициальных комплексов. В качестве материала для анализа отобраны семь репрезентативных текстов: «Двойник» Э. Т. А. Гофмана, «Вильям Вильсон» Э. А. По, «Двойник» Ф. М. Достоевского, «Веселый уголок» Г. Джейса, «Тайный сообщник» Дж. Конрада, «Встреча» Анри де Ренье и «Отчаяние» В. В. Набокова. Описанные Отто Ранком «психологические» атрибуты двойника почти не затрагивают поэтику двойнических произведений. Поэтому ранковский перечень признаков данного архетипа был дополнен рядом свойств (атрибутов), которые опознаются и выявляются в отобранных текстах как характерные для литературного топоса «двойник». Результаты анализа построенных матриц инцидентности различных групп атрибутов топоса, во-первых, позволили оценить особенности поэтики двойничества в целом, а, во-вторых, провести объективистскую компаративистскую оценку сходства и различия данных произведений, дав основания для уточнения и даже пересмотра категории «типического» в литературоведении и указав на новеллу Э. По как еще один претекст романа Набокова, прежде не учтенный литературоведами. В предложенном докладе будет продемонстрирован аналитический потенциал использования таких характеристик симплициальных комплексов как «эксцентриситет» и «сложность». В частности, эксцентриситет показывает уровень уникальности или, напротив, распространенности (характерности) конкретного атрибута, а также на не/типичность взаимосвязи атрибутов. Так, например, несмотря на распространенность атрибута «реальность двойника», оказалось, что атрибут «реальное сходство двойников» не является столь же распространенным. Этот количественный результат обращает наше внимание на то, что двойники редко изображаются как объективно идентичные. Кроме того, данный метод указал на «протагонистический» характер литературного двойничества. Исходя из высоких показателей эксцентриситета атрибута «детство» и низких показателей атрибута «альтернативная жизнь», предполагающего наличие «параллельного» мира неиспользованных альтернативных возможностей, можно заключить, что типичный двойнический текст не столько строится на отсылках к инопространству, сколько проблематизирует уникальность и целостность сознания.

Стихovedение

Русский венок сонетов как стихovedческая проблема

Брусиловская Яна Вадимовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Заимствованная из европейской традиции твердая стихотворная форма венка сонетов в отечественной практике, несмотря на заметный всплеск научного интереса к данной теме во второй половине XX — начале XXI вв., на сегодняшний день по-прежнему крайне недостаточно изучена. Одной из главных стихovedческих проблем этой архитектурной формы является не только малочисленность исследований в данной области в целом, но и полное отсутствие комплексного описания моделей русского венка сонетов и их различных модификаций с учетом наиболее часто изменяющихся параметров: объема; строфического, ритмического и метрического строения; схем рифмовки; особенностей расположения и построения магистрала и т. д. Отсутствие подобного описания влечет за собой постановку еще одной, не менее серьезной проблемы — сложности выявления коррелятивных связей между вышеупомянутыми параметрами. Обнаружение наличия такого рода взаимосвязи или ее отсутствия, в свою очередь, необходимо для дальнейшей попытки систематизации этих параметров, выстраивания типологии моделей рассматриваемой формы и перспективы изучения таковых в исторической динамике (напр., степени распространения той или иной модели, установления репертуара формы в определенный исторический период). В 2021 г. в фонд Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ было передано уникальное собрание А. Ф. Баранова, С. А. Луговцева, Г. В. Мелентьева и В. П. Тюкина, насчитывающее более 2000 текстов русскоязычных венков сонетов. Данные материалы даже при первичном ознакомлении позволяют убедиться в большом разнообразии моделей венка сонетов и регулярно встречающихся «отклонениях» от его канонической формы. Таким образом, выборочно основываясь на произведениях из этого архива, представляется возможным не только наглядно продемонстрировать справедливость непосредственно самого утверждения о многообразии дериватов русского венка сонетов XX–XXI вв., но и доказать тем самым важность обозначенных проблем, а также предложить возможные пути их решения.

Строфика В. В. Набокова: мнимый консерватизм и скрытое экспериментаторство

Лалетина Ольга Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Строфические формы В. В. Набокова не раз становились предметом стихovedческих исследований; наиболее полно их специфика описана в работах Дж. Смита и О. И. Фе-

дотова, которые ставили перед собой задачу охарактеризовать стих Набокова как систему, выявить черты, определяющие ее уникальность в контексте русского стиха XIX–XX вв. (см.: Смит Дж. Русский стих Набокова // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 95–115; Федотов О. И. Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова). М., 2015). Показательно, что в общем выводе упомянутые работы совпадают друг с другом: Набоков предстает в интерпретации исследователей консервативным автором, который продолжает традиции классической поэзии XIX в. и отказывается от стиховых экспериментов, начатых на рубеже XIX–XX вв. символистами; на уровне строфики эта поэтическая установка проявляется в культивировании нейтральных 4-стиший рифмовки АВАВ — именно они составляют основной фон в строфическом репертуаре Набокова; на общем фоне выделяются немногочисленные экспериментальные формы — прежде всего, сонеты, терцины, элегический дистих, одическая и онегинская строфы и т. д.

В докладе вопрос о специфике строфического репертуара Набокова рассмотрен под новым углом зрения. Предпринятое описание является первым полным фронтальным описанием строфического репертуара Набокова и впервые охватывает все доступные на сегодняшний день произведения поэта (658 текстов, содержащих 18470 строк; учтены как самостоятельные стихотворные произведения, так и стихотворные фрагменты, включенные в состав «сводных форм»). Анализ строфики выполнен по максимально возможному числу параметров, ряд из которых ранее не использовался стиховедами для описания набоковской поэзии (учтен стиховой объем произведений; выполнено дифференцированное описание тождественных, нетождественных, одиночных строф; зафиксированы различные графические варианты оформления текстов; рассмотрены сочетания строфических форм со стихотворными размерами; определена частота встречаемости каждой метрико-строфической формы; и т. д.). Столь высокая степень подробности описания материала позволила выявить экспериментальные стиховые структуры, до сих пор не отмеченные и не прокомментированные исследователями творчества Набокова (регулярные нетождественные строфы, дериваты рондо и триолета, моностихи, строфы сквозной рифмовки и др.), высказать и обосновать предположение о редком даже для поэзии XX в. разнообразии строфических форм Набокова.

Рецепция традиционной китайской культуры в стихотворении Н. С. Гумилева «Китайская девушка»

Ню Янь,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецепция традиционной китайской культуры в стихотворении Н. С. Гумилева «Китайская девушка» Китайская тема в поэзии Н. С. Гумилева давно привлекает внимание исследователей поэта. Существенное место в гумилевских «китайских текстах» занимает сборник китайских стихов «Фарфоровый павильон» (1917). Однако, стихотворение «Китайская девушка» (1914), имеющее тесную интертекстуальную связь с «Фарфоровым павильоном», было изучено недостаточно. Цель работы — выявить своеобразие гумилевского образа «китайской девушки» и определить особенности рецепции традиционной китайской культуры в стихотворении Гумилева «Китайская девушка». В работе приме-

няются описательный, аналитический и сопоставительный методы исследования. Образ «китайской девушки» в творчестве Гумилева появился гораздо раньше одноименного стихотворения. Он присутствует в ряде стихотворений поэта и выступает в качестве составляющей построения «китайского рая». В стихотворении «Китайская девушка» эксплицируется многогранная рецепция традиционной китайской культуры, в том числе китайской поэзии эпохи Тан и социально-культурных реалий древнего Китая. В «Китайской девушке» наблюдается отчетливое сходство с китайской гуйюаньши (闺怨诗 «будуарная поэзия»). Более того, можно отметить интертекстуальную связь стихотворения Гумилева с произведениями Вэнь Тинъюня «И Цзяннань» и Ван Чанлина «Сетования девушки». Рецепция Гумилевым китайской поэзии эпохи Тан в стихотворении «Китайская девушка» отражается не только на уровне тем и образов, но и в стихотворной форме. Для своего «китайского» стихотворения Гумилев выбирает четверостишные строфы с перекрестной рифмовкой — едва ли не самый распространенный тип строфического строения как в русской лирике, так и в китайской поэзии эпохи Тан. 2-стопные анапестические стихи Гумилева, возможно, отсылают к ограниченному слоговому объему китайского семисложника. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, гумилевский образ «китайской девушки» в целом соответствует традиционному китайскому женскому образу. Во-вторых, стихотворение «Китайская девушка» Гумилева воспринимается как подражание китайской гуйюаньши, прецедентными текстами которого считаются стихотворения Вэнь Тинъюня «И Цзяннань» и Ван Чанлина «Сетования девушки». В-третьих, метрико-строфическое строение стихотворения демонстрирует стремление Гумилева репрезентировать специфическую китайскую поэтическую традицию в русской поэзии.

Переходные метрические формы в контексте метрического репертуара русского стиха XVIII—начала XXI вв.

Хворостьянова Елена Викторовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В современном стиховедении описания индивидуальных поэтических систем осуществляется с опорой на метрический репертуар эпохи. Так, например, творчество поэта, чья деятельность приходится на первую четверть XX в. — период активного освоения неклассических размеров, расцвета метрических экспериментов — характеризуется как сознательная установка на традицию классического русского стиха, если в его метрическом репертуаре неклассические размеры представлены крайне незначительной долей, а соотношение ямбических размеров отражает тенденции XIX в. (преобладание 4-стопного ямба над 5-стопным). И напротив, высокая доля неклассических размеров рассматривается как показатель современных тенденций эпохи.

Ни в одном из известных нам случаев интерпретация специфики поэтического идиостиля, описание метрического репертуара определенного этапа в развитии стиха или истории развития метрического репертуара русской поэзии не учитывает роль переходных метрических форм (ПМФ). Меду тем анализ ПМФ позволяет выявить как общие тенденции в эволюции русской метрики, так и более корректно интерпретировать отдельные поэтические системы.

Общая тенденция развития русского литературного стиха XVIII — начала XXI вв. в целом характеризуется преобладанием ПМФ от равностопных (равноиктных) или урегулированных разностопных (разноиктных) размеров к вольным. Однако доли ПМФ в разных метрах существенно меняются от эпохи к эпохе. Так, в XVIII в. ПМФ обнаруживаются лишь в рамках ямбических размеров (как правило, от 4-стопного или 6-стопного ямба к вольному). При этом если в стихе Ломоносова ПМФ составляют лишь 1,8% всего метрического репертуара, то в поэзии сентименталистов — в эпоху разрушения строгой жанровой системы классицизма и перестройки метрического репертуара — доли ПМФ резко возрастают (8,3% у Карамзина, 11,3% у Муравьева, 24,6% у Дмитриева). В пушкинскую эпоху ПМФ не превышают 2%, но в их состав впервые входят 3-сложники, доля которых у поэтов второй половины XIX в. — в так называемую «эпоху трехсложников» — повышается, не преобладая, впрочем, над ПМФ в ямбах. Начало XX в. демонстрирует резкий взлет ПМФ от классических размеров не только к вольным, но и к неклассическим; при этом и в рамках неклассических размеров возникают ПМФ от равноиктных или урегулированных разноиктных к вольным, но и к более свободным размерам (например, от 3-иктного дольника к 3-иктному тактовика или от 4-иктного дольника к вольному акцентному стиху). В последней трети XX — начале XXI вв. именно ПМФ начинают наиболее показательно характеризовать поэтический идиостиль, поскольку в этот период фактически отсутствует корреляция между ведущими метрами и ПМФ в общем метрическом репертуаре поэта.

Ритуал и фольклор в повседневных и художественных практиках

Визуализация русского эпоса

Адоньева Светлана Борисовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В России художественная культура Средневековья входит в поле зрения публики с изданиями сказок, былин и причитаний: сказки А. Н. Афанасьева — середина 1850-х гг., былины П. Н. Рыбникова — середина 1860-х гг., причитания в записи Е. Барсова — начало 1970-х гг. Зимой 1871–1872 гг. по приглашению отделения этнографии Русского географического общества в Петербурге выступал с публичным пением былин олонечкий крестьянин Трофим Рябинин. И. Е. Репин рисует портрет сказителя. Записанные от него напевы былин М. П. Мусоргский использует в опере «Борис Годунов» (1872), Н. А. Римский-Корсаков — при создании речитативов в опере «Садко» (1896). В 1870 г. Васнецов делает первый набросок богатыря. спутье»

Картина Васнецова «Богатыри», также как и «Ковер-самолет», «Три подземных царевны», также как и камин Н. Врубеля «Вольга и Микула», и «Снегурочка» Римского-Корсакова в частной опере Мамонтова, — программа модерна, одним из выдающихся продуктов которого в России становится создание «русского стиля» *art nouveau la russe*. Художники слышали настоящие народные былины и имели дело с традиционным искусством: Васнецов в числе прочих художников принимает активное участие в создании музея народных промыслов, возглавляемого в начале XX в. тем самым Н. Д. Бартрамом, о котором позже будет писать в «Московском дневнике» Вальтер Беньямин.

В советский национальный проект рекрутируется из этой эпохи лишь то, что могло, при помощи соответствующей риторики, послужить идеологии. Такова судьба «Богатырей» — для жителей России тиражируемое марками, открытками и гобеленами изображение стало нормативным образом «русского богатырства».

Со времени окончания советской эпохи, в которой русское богатырство было одним из идеологических конструктов, в общероссийском знании о былинах ничего не изменилось. Но и теперь, как можно судить по учебникам, не без идеологии. Необходимость соответствовать государственному заказу на национальную гордость привела создателей анимационного эпоса к тем типажам, которые мы можем видеть в мультфильмах, производство которых продолжается. Мы легко в них узнаем характеры, созданные советской фольклористикой сталинских времен.

Духовный стих «О разорении скитов» в современной народной старообрядческой картинке на Енисее

Быкова Екатерина Васильевна,

к. иск., доцент

Вятский государственный университет

В экспедициях в старообрядческие общины на Енисее в 2017–2021 гг. были зафиксированы и оцифрованы настенные листы и живописные картины, написанные на сюжет из истории часовенного согласия — разорение енисейских скитов на Дубчесе в 1951 г., об аресте и гибели о. Симеона, духовного учителя и руководителя скитских поселений.

Лубочная картинка с текстом духовного стихом «О разорении скитов» выполняет функцию сохранения и трансляции исторической памяти внутри староверческих общин часовенных. Эти настенные листы были созданы в 80-е гг. XX в. и сегодня помещаются в моленных как напоминание о трагических событиях в истории. Органичное соединение на одном листе иллюстрации и текста позволило удовлетворить не только эстетические потребности, но и познавательные, с элементами эмоционально-психологического воздействия. «А пустыня как вдовица стоняще плакала вдовства, или как юная девица о ружлучении отца». «Плачи пустыни» содержатся в покаянных и духовных стихах, сборники которых в изобилии представлены в рукописной традиции старообрядцев-беспоповцев на Енисее. Как и многим произведениям старообрядческой письменности, этим сочинениям присущ жанровый синкретизм. В тексте используется литературный прием, когда автор ведет повествование от лица одного из персонажей. В представленном стихотворении, в нижнем поле картинке, «плач пустыни» подобно древнерусским книжным плачам посвящается конкретному «земному» человеку о. Симеону, предметом скорби становится разоряемая пустынь и участь Церкви в «последние времена». Образ гонимой Церкви, пустыни как последнего ее приюта и как райского тоposa нашли воплощения в стихотворной форме через переживания о. Симеона: «Стоял, он долго тихо плакал, медленно спускался плот, и вот любезная пустыня скрылася за поворот. Он тужил, чтоб не остались, котеры близкие ему, и на пути не заплутали к Иерусалиму горнему...». В представленном стихе совмещается книжная и фольклорная традиция. Это порождает архетипический потенциал образной системы и обеспечивает «память жанра» и, как следствие, — продуцирование текстов, сохраняющие древнерусские традиции. Такая синкретичная форма соответствует явлению, которое М. Ю. Лотман охарактеризовал как «фольклор письменности и письменность фольклора» и «выполняет роль резервуара, в котором обе эти группы текстов обмениваются ценностями». Текст стихотворения существовал исключительно в письменной форме, и не имеет продолжения в устной и музыкальной традиции. Картинка как книжная иллюстрация выполнена в реалистической манере, визуальные образы соответствуют фотографиям из следственных дел по детализации изображения. Манера наивного художника близка детскому рисунку. Текст наполнен современной, профессиональной, древнерусской и диалектной лексикой, что делает понятным его содержание для единоверцев.

Цаконские праздники: живая и музейная жизнь традиции

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Кисилиер Максим Львович,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

В современном научном поле вопрос традиции рассматривается в нескольких проекциях. Во-первых, это фиксация, описание (нередко — реконструирующее, построенное на изучении сохранившихся источников) тех элементов устойчивых жизненных практик, представлений, ритуалов, которые мы можем наблюдать в том или ином конкретном сообществе. В таком описании попутно присутствует процесс музейфикации традиции, что, при всех своих очевидных плюсах, вырывает ее из контекста живой, становящейся действительности. Своего рода противовесом превращения традиции в объект изолированного наблюдения служит рассмотрение ее в диахронии. Тогда фокус внимания исследователя сосредоточен на различных трансформациях, которые переживает та или иная практика во временной перспективе. Это второе, широко представленное направление изучения традиции. Наконец, третий классический подход к вопросу традиции связан с интерпретацией составляющих ее тело устойчивых поведенческих и речевых моделей, он опирается на хорошо разработанную базу семиотических исследований в области культуры. В цаконском сообществе (Пелопоннес, Греция) фиксируемые элементы традиции на уровне фольклорных текстов и рудиментарных ритуальных практик демонстрируют общность с хорошо известными общегреческими примерами и не имеют ярко выраженной локальной специфики. Вместе с тем проведенные в течение последних 11 лет полевые исследования в этом регионе демонстрируют активно развивающийся процесс конструирования традиции. И вот как раз новые формы, возникающие в результате такого моделирования, несут на себе яркий отпечаток локальности. Не только они сами по себе заслуживают внимания и анализа, но и то, благодаря каким культурным механизмам и инструментам эти новые формы вписываются в современные жизненные практики членов сообщества. Наконец, самый главный вопрос, выполняют ли эти новые формы важнейшую для классической традиции функцию — функцию конструктивного элемента социального тела, который обеспечивает плотность связи внутри сообщества и, в конечном счете, его целостность, а значит, и выстраивания по отношению к нему собственной идентичности/ возможность идентификации с ним.

Сказка в кинематографе XX в.: фольклорный канон и авторское творчество

Добровольская Варвара Евгеньевна,

к. ф. н., доцент
Институт славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина

Проблема экранизации фольклора всегда привлекала исследователей. Прежде всего, ей интересовались киноведы (Н. М. Зоркая, Н. Ю. Спутницкая, В. И. Фомин и др.). Однако интересовались этой темой и фольклористы, достаточно назвать работы

Л. А. Астафьевой. В настоящее время эту тему активно разрабатывают сотрудники Марийского государственного университета. В большинстве исследований рассматривается именно строгое следование фольклорному канону, соответствие сказочной экранизации сюжетной схеме, создание характеров сказочных героев и т. д. В то время как в стороне от внимания исследователей остается вопрос о соотношении сказочного канона и авторского начала. Фольклорная сказка не знает ни портрета, ни пейзажа, ее не интересует психология героев, их внутренние переживания. Однако именно эти вещи чрезвычайно важны для кинематографа. Режиссеры, экранизируя сказку сталкиваются с проблемой визуализации пространства сказки, показа героев и создания их характеров и демонстрации чудесного мира. Мир сказки условен и кинематографисты 30-х гг. XX в., используя собственно фольклорные сюжеты для создания сказочного мира использовали прием стилизации.

Начиная с фильма А. Роу «По щучьему велению» сказочное пространство мир России XVII в. Даже те режиссеры, которые использовали в своих фильмах фольклорные сюжеты, чаще всего соединяли несколько сюжетных типов сказок. Так, тот же А. Роу в фильме «Василиса Прекрасная» соединил в единый сюжет такие сказочные типы как «Царевна-лягушка», «Смерть Кощея в яйце», «Победитель змея». И хотя подобные соединения допустимы и в фольклорных текстах, в кинофильме они существенно более развернуты. В ранних фильмах-сказках легко заметить аллюзии на современные фильму события. Так, в «Кашее Бессмертном» враги ассоциируются с фашистскими войсками. Герои ранних фильмов-сказок в значительной степени соответствуют сказочному канону, они олицетворение неких функций присущих фольклорному персонажу. Однако с течением времени ситуация меняется, у героев появляются характеры, мы наблюдаем их переживания, слышим их размышления о происходящем. В современных фильмах-сказках нету единого канонического сюжета. Сюжет в этом случае представляет собой соединение не только различных сказочных, но и былинных и мифологических сюжетов. Более того современный фильм-сказка это соединение волшебного и реального мира, герой одного мира вынужден действовать по законам другого мира. Этот прием создает целый ряд комических ситуаций, но в значительной степени разрушает чудесный мир сказки, так как и для героев фильма, и для его зрителей чудесным оказывается реальный мир. Современные фильмы-сказки далеки от фольклорного канона, но их авторы используют те же приемы, что и современные сказочники, уделяющие большое внимание психологии героев и контаминации сюжетов.

Виртуальная община и эволюция ритуалов материнства

Забелина Екатерина Николаевна,

научный сотрудник

АНО Центр развития кросскультурных связей «Большой Восток»

В контексте исследований культуры материнства мы неизбежно придем к исследованию ритуалов. Важнейшая функция ритуала — упорядочивание, закрепление существующего миропорядка. Беременность и роды для женщин представляют собой процесс непрерывных изменений, как физических, так и психологических. На это накладываается конфликт между транслируемыми социальными установками — осуждением дискриминации или выделения по возрастному или гендерному признаку,

и системой половозрастных статусов традиционного общества, которая закреплена в механизмах социального взаимодействия. Сочетание этих факторов приводит к возникновению потребности в том, что Элиаде описывает как «повторение действий, открытых другими». Здесь мы подходим к любопытному моменту — выбору «предпочитаемого другого». Можно говорить о том, что за последние 20 лет произошли некоторые изменения в формах социально одобряемого поведения молодой матери, выраженные, в том числе, посредством выбора ритуалов. Под ритуалом и ритуальными действиями мы понимаем процессы и действия, связанные с матерью и ребенком и имеющие не сколько практическую, сколько символическую ценность, не всегда рефлексивную. Большинство из этих практик широко известны. Например, ритуалы, связанные с выпиской матери и ребенка из родильного дома во многом являются отголоском архаичных представлений о постепенном включении ребенка в мир живых: представители «рубжа» — сотрудники родильного дома получают откуп за младенца, он одевается в одежду людей, а красиво одетая родильница, на которую смотрят все — отголосок европейских традиций, когда, по свидетельствам Дируфа и Плосса «выставляли родильниц напоказ», что мы можем увидеть, например, на флорентийских фресках XV–XVI вв. Как ранее, так и сейчас, выбор «предпочитаемого другого» продиктован общиной. В традиционных культурах это семья, соседская община, религиозная группа. Это сохраняется как на родине, так и за ее пределами — например, есть постоянный спрос на бешики и атрибутику для бешик-тоев среди мигрантов из Центральной Азии в России. Среди социальных групп, где влияние традиционной культуры слабее, взаимодействие во многом виртуализируется. Отметки и комментарии в социальных сетях воспринимаются как достаточное проявления внимания — не обязательно идти в гости с подарками. Эта община не имеет жестких территориальных границ и может включать в себя, помимо семьи, друзей, коллег, также лидеров мнений и людей со схожими интересами, происхождением, имущественным положением, проблемами. Такая община формирует свои представления о социально одобряемом поведении и, в том числе, предпочтительных ритуалах, в которых особенно важны комфорт для участников, легкость восприятия, возможность трансляции в виртуальное пространство и оперативного выражения реакции на происходящее дистанционно.

Особенности функционирования детско-материнского фольклора в современной России

Медведева Арина Алексеевна,

к. ф. н., директор
НОО «Центр традиций «Гамаюн»

В последние десятилетия отмечается высокая популярность русской народной культуры, в том числе и детско-материнского фольклора. Колыбельные песни, потешки, игры и прочие жанры преимущественно используются для решения традиционных задач: воспитание и развитие детей, передача им опыта старших поколений, помощь малышам в осмыслении действительности.

По данным наших опросов, родители особенно ценят в фольклоре то, насколько просто, гармонично он помогает показать детям важнейшие ценности, которые утра-

чивает современная культура (ценность семьи, уважения к старшим и пр.): Это — мамы сажень, / Это — папы сажень, / Это — бабушки сажень, / Это — дедушки сажень, / А это — нам пополам [2]. Еще одной важной функцией детско-материнского фольклора в современном мире стало сопровождение психологических практик для взрослых. Такие практики называют «добаюкиванием», «баюканьем», «пеленанием» и пр. Их главной задачей является обращение к памяти человека о материнском тепле, заботе или создание ситуации для получения такого опыта заботы.

Для решения поставленных задач ведущий практики исполняет колыбельные песни, в то время как участника (или участников) процесса пеленают и укачивают (в гамаке, на полу, на диване и пр.).

В некоторых случаях специалист также сопровождают «пробуждение» клиента исполнением припевок и детских потешек: Потягушечки, / Порастушечки, / Вдоль да поперек / Толстушечки! / Ручки — хватушечки, / Ножки — ходушечки, / В роток говорок, / А в головку разумок [3]!

Практики пеленания и «баюкания» взрослых известны не только в России. В 2017 году в Японии большую популярность обрела терапия «отонамаки», которая изначально разрабатывалась для улучшения физического состояния женщины после родов [1].

По утверждению специалистов, подобные практики в сочетании с фольклорной песней помогают достичь серьезных результатов в терапии межличностных отношений, а также снимают стресс, понижают уровень тревожности клиента, создают ощущение уверенности, спокойствия.

Таким образом, использование традиционного детско-материнского фольклора в современной России не является формальной данью моде, но по достоинству ценится и родителями, и специалистами помогающих профессий.

Литература

1. Пеленание как терапия для взрослых. — Электронный ресурс. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения 09.01.2022).
2. Традиционный фольклор Новгородской области: по записям 1963–2002 гг. / Под ред. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. — С.-Пб., 2006.
3. Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов. / Запись, составления, нотации и фотографии Г. М. Науменко. — М, 1998.

Повседневные и ритуальные функции декоративного растения *Cordyline fruticosa*

Станюкович Мария Владимировна,

к. и. н., ведущий научный сотрудник
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

Это декоративное растение, происходящее из Южных морей, имеет множество разновидностей. За пределами родины оно используется как комнатное и как садовое. Так, в Англии кордилину считают украшением местных «тропических садов» за красоту и зимостойкость: зеленые разновидности выдерживают кратковременные заморозки до -10 – -15 °С. В качестве комнатного растения чаще используются теплолюбивые разновидности с яркими листьями, сочетающими оттенки красного, алого,

рдяного, багрового и зеленого, иногда с белым. В тропиках эти разновидности широко используются в городском озеленении. Некоторые виды кордилины могут вырастать в мощные пальмообразные деревья, даже купы деревьев с множеством стволов, однако в городе чаще всего встречаются одиночные невысокие (меньше человеческого роста) растения с пышной огненно-красной листвой, их высаживают в садах и парках точно, как яркое цветочное пятно, не давая разрастаться. Такое декоративное использование кордилины — нововведение для стран австронезийского ареала. В Нусантаре, то есть в островной Юго-Восточной Азии (на Филиппинах, в Индонезии и Малайзии), а также в Океании это растение известно издревле и обладало высочайшим семиотическим статусом.

Алый цвет листьев делает растение очень заметным на фоне тропической зелени, что помогает использовать его как маркер. Определяющим для культурного кода является связь растения с символикой крови — мощного магического средства, символа жертвоприношения и охоты за головами. Считается, что дикорастущая *Cordyline fruticosa* вырастает там, где пролилась кровь. Кордилина отмечает границы — физические (напр., границу поля, подтверждая права собственности на землю) или ритуальные (напр., связанные побеги кордилины, перекрывающие тропу, запрещали вход в деревню на время изоляции, связанной с обрядами жизненного цикла человека и сельскохозяйственного цикла) и маркирует сакральные места. Регулярная жертвенная пирамида коренных народов Юго-Восточной Азии включает в себя базовый уровень бескровных жертв (компоненты бетельной жвачки, рисовая брага, домотканая одежда и украшения) и более высокий уровень кровных жертв с тремя ярусами: курица, свинья и водяной буйвол. У анимистов, коренных народов Нусантары, охапка веток кордилины отмечает алтарь, место жертвоприношения с пролитием крови. Анализ терминов, используемых для обозначения этого растения в австронезийских языках Юго-Восточной Азии и Океании, позволяет считать самые распространенные названия рефлексам протоавстронезийских форм (PAN) *siRi («кустарник красного цвета») и (PAN) *kilala, «сакральное знание» (знание, не добываемое научением, а получаемое свыше) (Robert Blust and Stephen Trussel *Austronesian Comparative Dictionary/Cognate Sets* https://www.trussel2.com/acd/acd-s_s1.htm si; https://www.trussel2.com/acd/acd-s_k.htm ki).

Cockle bread: ритуалы при выпекании хлеба английскими крестьянками XVII в.

Темкина Валерия Викторовна,

независимый исследователь, журналист

Про связь секса и «хлеба с куколем» мы узнаем из разных английских источников XVII в. В первую очередь историки опираются на книгу английского писателя и философа Джона Обри *Remains of Gentilisme and Judaisme*, (John Aubrey, 1686–1687 гг), в которой он собрал разные народные обычаи. В разделе «cocklebread» Обри пишет следующее: «У молодых девок есть распутная потеха, которую они называют „лепить (формовать) cockle bread“. Они садятся на столешницу, подбирают колени и одежки руками как можно выше и качают ягодицами туда-сюда, как будто замешивают тесто своими ягодицами». И произносят: *My dame is sick, and gone to bed. And I'll go mould my cocklebread!* Моя госпожа больна и спит в обед, И я иду лепить мой cocklebread! Обри

утверждает, что слово «cockle» может быть связано с нормандским словом *arse* — задница. Но с ним согласны не все лингвисты. Например, в этимологическом словаре 1968 года есть указание, что «cockle» может происходить от старого английского слова «*cockal*» — бедра. Интересно, что сегодня в словаре актуального сленга *UrbanDictionary* можно найти выражение *arse-cockle* — альтернативное обозначение геморроя. Далее автор добавляет, что некоторые оксфордские горничные, поставив себя в соответствующее положение, приговаривали: *My granny is sick, and now is dead, And we'll go mould some cockle bread. Up with my heels and down with my head, And this is the way to mould cockle-bread* Бабуля больна, умерла в обед И мы идем лепить *cocklebread* Ноги вверх задра, зад не одет, И это способ лепить *cocklebread* В конце Обри отмечает, что все это распутство может иметь отношение к более древним традициям «природной магии», когда девушки на самом деле замешивали тесто ягодицами, а потом дарили мужчине, от которого хотели любви. Самое раннее упоминание «*cocklebread*» можно найти в пьесе *The Old Wives' Tale* английского драматурга Джорджа Пили (George Peele, первая публикация — 1595 г.). В романтической сатире в одной из сцен из колодца появляется голова мужчины с сережками из кукурузных початков, и начинает заигрывать с девушкой: *Comb me smooth, and stroke my head, And thou shalt have some cockle-bread. Расчеши меня гладко и погладь в ответ, И получишь немного cockle bread.* Ритуальные, почти магические прибаутки про «*cockle bread*», которые увлекали молодых девушек переходят в детские песенки и игры. В книге Джона Брэнда *Observations on the Popular Antiquities of Great Britain* (John Brand, 1854) про обряды и традиции мы находим описание «старой» детской игры «*mounting cockledy bread*». Кроме того, в словарях рядом с «*cockle bread*» всегда можно найти фразу «*hot cockles*». В XVIII–XIX в. игра стала только популярней, и не только среди детей. Насколько она связана с изначальным значением, стоит исследовать в дальнейшем.

The Chukchi joke cycle outside Russia

Castañar Guillem,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Chukchi are a minority people from the Chukotka Peninsula, the easternmost tip of the Russian Federation. On the second half of the last century — likely in the early 1970s (Mijaylin 2016) — Chukchi became butts of a highly productive Russian-language joke cycle, whose origins are most likely to be found in widely spread audiovisual cultural products, such as films (Arkhipova 2003), songs (Graham 2003) and even textbooks (Draitser 1998). Chukchi soon were a favourite butt of Soviet ethnic humour, featuring mainly in jokes based on the script of stupidity. However, the popularity of these texts was not limited to the Russian territory. As it has been already observed (Laineste 2008, Krikmann 2009), Russian-language jokes (political as well as ethnic) spread throughout the Soviet Union, thus creating a sort of pan-Soviet joke tradition shared in the different republics. Chukchi jokes attained great popularity, particularly in the Soviet Republic of Estonia. In this country, Chukchi jokes were told primarily in Russian, but they were also frequently translated into the local language. On some occasions, even macaronic versions, combining Russian and Estonian, were created. After the collapse of the USSR, the Chukchi remained a favourite joke target in Estonia. However, the evolution of these characters over time and outside Russia has not been studied. Previous research works

show that the image of these targets did not change in Russia in post-soviet times in terms of scripts, language mask nor image (Castañar 2021). This article deals with the evolution of post-socialist ethnic jokes about Chukchi outside the Russian linguistic area, specifically in Estonia. Using a comparative approach applied to the study of humour and jokes (Davies 2002, 2008, 2001), two different sets of jokes, both including texts from different periods, are confronted: on the one hand, Russian- and Estonian-language Chukchi jokes from the archives of the Estonian Literary Museum; on the other hand, Chukchi jokes in Russian from Russian sources. It is detected that these jokes undergo a process of simplification—in terms of plots and contents—outside of Russia, which becomes significantly acute in texts that are translated from Russian into Estonian.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Рената Литвинова. Эстетизм как личный проект

Артюх Анжелика Александровна,

д. иск. профессор

Санкт-Петербургский государственный университет:

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Доклад рассматривает режиссерское творчество Ренаты Литвиновой как своего рода современное художественное выражение ностальгии по модернистской фигуре Дивы, которая в эпоху начала ХХI в. трактуется как *star persona*. 20-летняя работа Литвиновой не только в российском кинематографе, но и в модном бизнесе, равно как и на телевидении, делает ее мультизадачной и медиальной фигурой, которая для эпохи глобального феминистского позиционирования женщин в современном кино является отличительной чертой. Однако переосмысление Литвиновой эстетических принципов культуры модерна (таких как Красота, Смерть, Богиня, Сон, мистическое чувство) позволяют Литвиновой предлагать в кино свой монадический образ Дивы, в которой есть что-то травестийное и даже «чаплиновское», что делает этот образ по-своему удивительным, уходящим, последним из существовавших. Большое значение в докладе уделяется духовным культурным связям с предшественниками эпохи модерна — такими как представители русского Серебряного века, равно как и с творчеством Жана Кокто, которого можно назвать главным ориентиром для Литвиновой в кинорежиссуре. Так, в «Богине», представляющей собой, в том числе, и постмодернистскую вариацию на тему мифа об Орфее и Эвридике, Рената Литвинова виртуозно апроприировала многие любимые темы и символы фильмов Кокто (смерть, любовь, кино, сны, зеркала и, наконец, «*no man's land*» между жизнью и смертью), проявив интеллектуализм в выборе культурного контекста, питающий ее собственный нарождающийся уникальный миф. Литвинова — женщина-стиль, *star persona*. Появления Литвиновой смотрелись органично не только в рекламе разных брендов, включая Carrera у Carrera, L'Oreal Paris, Rado, Volvo, Abrau Durso, Zarina, но и в роли ведущей программ о моде, вроде «Стиль от Ренаты Литвиновой» или «Ночные показы с Ренатой Литвиновой», в экспертных советах музыкальных шоу. Однако режиссура дала Литвиновой дополнительное эстетическое измерение. В эпоху, охарактеризованную Франсуа Лиотаром как «состоянием постмодерна», построенном на тотальной языковой игре и необходимости изобретения способов легитимации знания (в том числе о том, что такое сегодня Дива), авторская режиссура позволила легитимировать знание о Диве как ключевой фигуре модерна, одновременно в ироническом ключе и парадоксально сфальсифицировав это знание в эпоху постмодернистской иронии и пастиша. Создание собственных авторских фильмов позволило Литвиновой не только скорректировать свой публичный образ *star persona*, но предъявить полностью авторскую концепцию своего эстетического проекта, тем самым, выстроив собственную биографию, которую саму

по себе можно считать большим нарративом, позволяющим задуматься о том, как происходила его легитимизация в уходящую постмодернистскую эпоху, сменяемую метамодернизмом.

Повторяемость событий в художественном пространстве смерти

Баранов Евгений Александрович,

соискатель

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

В данной работе я попытаюсь разобраться, почему современные авторы все чаще приходят к форме репрезентации современной реальности России через образы мертвого пространства, пространства смерти. У Звягинцева данный сюжет показан через пространство нелюбви, а главная мысль обозначается в первых минутах фильма «Нелюбовь»: «апокалипсис наступит тогда, когда в сердцах потухнет любовь». Прежде подобный контекст был выстроен в фильме «Левиафан», в котором ставятся под сомнение все современные институты: будь то семья, государство или церковь. В фильме Серебряникова «Петровы в гриппе» в первой сцене главный герой встречает друга, который перевозит гроб, компания его называется А.И.Д. Героя перевозят в пространство смерти, после чего и начинается центральный сюжет и как подтверждение данного тезиса — в финале перевозимый труп оживает, как бы символизируя, что финальная точка пути (ад) достигнута. Так же в этот ряд можно отнести фильм «Дурак» Быкова, где любые проблески милосердия и взаимопомощи тонут в обзленном и запуганном обществе. Во всех вышеперечисленных историях авторы показывают образование «мертвого пространства» через историю, проходящую через три поколения: поколение уходящее, нынешнее поколение и их детей. Авторы выстраивают ретроспекцию главных героев, которые были лишены любви родителей и соответственно не могут нести эту любовь дальше. В настоящей работе современное российское авторское кино рассматривается как пространство, трансформации мифологических сюжетов, прежде всего христианского апокалиптического: «Нелюбовь», «Петровы в гриппе», «Левиафан», «Страна Оз», «Казнь», «Дурак», «Черный-черный человек», «Бык», «Мысленный волк». Центральный вопрос данной темы: почему кинематографисты все чаще адресуются подобному контексту своего кино-пространства? Мераб Мамардашвили так интерпретировал Ад: «это забытое, из которого не извлечен опыт. Неизвлеченный опыт обрекает на повторение. Ничего не изменилось. Значит, событие не произошло, его нельзя считать прошедшим.» Соответственно, погружая главных героев своих фильмов в подобные сюжеты, авторы метафорически осмысливают современность, как пространство, где до сих пор не извлечены уроки, что приводит к постоянным повторам одних и тех же ситуаций, одних и тех же ошибок, которые передаются из поколения в поколения. Поэтому главные герои находятся в пространстве циклических повторений, будь то семья главных героев в фильме «Нелюбовь», семья главного героя в фильме «Дурак» или семья из Петровых в гриппе.

Аудиовизуальные эксперименты Стэна Брэкиджа

Барышникова Дарья Валентиновна,

к. филос. н. аспирант
независимый исследователь

В докладе рассматриваются киноэксперименты Стэна Брэкиджа, в чьих фильмах формируется новая поэтика киноповествования, в которой фрагментарная образность становится основой переосмысления репрезентации субъективного видения режиссера. Утверждается, что в работах Брэкиджа одно из воплощений получила мечта о чистой форме документального кино — в стремлении запечатлеть психологический акт видения, результатом которого должна стать проекция воспринимающего сознания на экран. В своих экспериментах Брэкидж стремился к предельно «авторскому» повествованию в том смысле, что все, что происходит на экране, является визуализацией ментальных и перцептивных процессов сознания создателя фильма. Он дополнил поиски новых художественных средств кинематографа попытками представить на экране различные внутренние переживания: сновидения, галлюцинации, образы, возникающие за закрытыми веками. В центре внимания доклада — новая форма кинематографического текста, сосредоточенного не на рассказываемой истории, а на способах ее рассказа, использующих преимущественно «подвижное визуальное мышление» персонажа или повествователя. Рассматриваются способы репрезентации индивидуального опыта на экране (телесного, эмоционального, культурного) и ставится вопрос о том, какие когнитивные и перцептивные процессы представлены на экране и как формально это сделано. При этом формы анализируются не в качестве фиксированной структуры, но как органический, темпоральный процесс. Опираясь на теоретические подходы когнитивных исследований кино и литературы, анализируются средства киноязыка, используемые Брэкиджем для создания «подвижного визуального мышления», — модификации процесса кино съемки (дрожащая ручная камера, нарушение фокусировки, монтаж, использование различных фильтров, рисование и процарапывание пленки). Особое внимание уделяется звукам и способам их вписывания в кинотекст (анализируются: ритм и временное развертывание формы в их отношениях к физиологическим процессам восприятия: кинестетическая, нейромускульная реакция). Утверждается, что формальные эксперименты Стэна Брэкиджа вносят существенный вклад в критическое переосмысление выразительных средств киноязыка.

Ложные пути поиска истины в современном европейском кино

Батова Мария Андреевна,

преподаватель
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина

В докладе рассматриваются псевдорелигиозные мотивы в контексте трансформации общечеловеческих ценностей на примере современных фильмов европейского производства. Персонажи исследуемых кинокартин становятся адептами различных частных религиозных организаций, сект, с целью приобщения к тайному знанию и поиска истины, которая оказывается иллюзорной утопией, дающей ложную надежду

и одновременно трансформирующей реальность в антиутопию. Псевдорелигиозные культы — секты — аксиологический маркер, подчеркивающий разложение традиционных ценностей персонажей современного европейского кино. Следует охарактеризовать дуальную природу исследуемого явления: с одной стороны, новые религиозные культы, скрывающиеся под маской возвышенных и давно забытых идеалов, отображают духовную инфляцию, вызванную дефицитом христианского догматизма в современной западной культуре; с другой — это попытка поиска путей к осознанию «нового» человека, личность которого сформирована в эпоху неолиберализма и массовой глобализации, уничтожающей ментальную принадлежность к конкретному этносу. Для углубленного изучения исследуемых мотивов обратимся к анализу таких фильмов в современном европейском кинематографе как «София — Антиполис» Виржилия Вернье и одноименной экранизации романа Мишеля Уэльбека «Возможность острова».

Принцип формирования псевдорелигиозной общины в фильмах сохраняет свои устоявшиеся особенности объединения участников вокруг фигуры лидера-гуру, образ которого представляет собой скорее идейного вдохновителя, нежели формального руководителя, в то время как основные идеи, транслируемые адептам, утопичны и вторичны по отношению к общеизвестным религиозным постулатам церкви. Одним из наиболее важных аспектов, идущим вразрез с духовной составляющей псевдорелигиозной общины, является ее коммерческая направленность, которая монетизирует идеологию, а утопические идеалы обращает в антиутопические. Подобная парадоксальность создает ироничный эффект, который намеренно акцентируется авторами и подтверждает общественную тенденцию к потребительскому капиталистическому мышлению.

Персонажи фильмов становятся участниками сектант по причине личной сепарации от общества и глубокой мизантропии, которая не позволяет им полноценно выстраивать связи с окружающими людьми.

Пустота души стремится заполниться новым догматизмом, иллюзией причастности к тайному знанию, которое по природе своей является лишь манипулятивной коммерческой стратегией основателей подобных организаций. Разобщенность «означающего» и «означаемого» еще больше усиливает иллюзорность восприятия будущего, порождая внутренний хаос и апокалиптическую интонацию в кинопроизведениях.

Фантазии, ретро-фантазии и Secret Cinema

Бугаева Любовь Дмитриевна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Киноэкран нередко воплощает мечты о новом обществе — как создаваемом здесь и сейчас, так и о мире будущего. Можно сказать, что кинематограф стал паноптикумом разного рода экспериментов по созданию на экране нового героя, нового зрителя и новой реальности. Одним из подобных экспериментов стала «кинореальность» в проектах Secret Cinema — созданной в 2007 г. лондонской компании, специализирующейся на иммерсивных кино- и телевизионных мероприятиях. Интерактивные представления Secret Cinema проводятся в скрываемых до последней минуты локациях Лондона в специально построенных для каждого проекта декорациях. Цель Secret

Cinema — смешав кино, театр и хепенинг, создать новый уникальный опыт переживания и проживания знакомой киноистории, где зритель не просто смотрит фильм или спектакль, но исследует миры, общаясь с персонажами фильмов и становясь частью истории: «In a secret location, we open up the doors to an evening of suspense and spectacle beyond any film-lover's imagination. Dressed as part of the cast, you can choose to blend right in with the crowd or take centre stage as your reality blurs with that of the story». Современный кинематограф зачастую стремится не только изобразить мир, увиденный глазами героя, но и показать, что происходит в его сознании, прорисовать его ментальный ландшафт, то есть перейти от образа как «иллюзии реальности» к образу как «реальности иллюзии» — мыслительному образу, вторгающемуся в «реальность». Что же происходит в том случае, когда кинофантазия выходит не только за пределы сознания героя, но и за пределы экрана, как в той реальности, которую в каждом новом проекте последовательно создает Secret Cinema? Где в таком случае разворачивается интрига фильма? Какую роль играет воображение зрителя и его готовность быть вовлеченным в игру «понарошку» («make-believe»)? Secret Cinema — это партисипаторное искусство, но это и иммерсивный проект, в котором чередуются пассивное и активное состояния участника. Мечты и фантазии далеко не всегда обращены к будущему, ретро-мода породила то, что можно определить как «ретро-фантазии». Secret Cinema выбирает хорошо известные и культовые киноленты и в этом смысле изначально апеллирует к зрительской памяти, хотя и не ограничивается ею: «With staggering ambition and a remarkable attention to detail, our evenings are ever-evolving but equally enchanting. We have travelled back to the future with Marty McFly, danced under acid rainstorms in a futuristic dystopian China Town, sung our hearts out along the cobbled streets of belle epoch Paris, joined the heroic Rebel Alliance, and had the time of our lives at Kellerman's Resort». В докладе речь пойдет о фантазиях и ретро-фантазиях в проектах Secret Cinema, а также о том, какую роль играет воображение в иммерсивных и интерактивных проектах.

Аффективные иллюзии, осязательная эстетика и память в поствизуальном кино

Венкова Алина Владимировна,

к. культ., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Современный кинообраз, как и любой другой визуальный или аудиовизуальный образ, перестает быть представлением или картиной. В искусстве и теоретической рефлексии наблюдается «мультисенсорный поворот», основанный на эффекте иммерсивности. Иммерсия, как практика телесно-тактильного, кинетического, мультимодального погружения в среду, вытесняет рационализированный субъект-объектный подход к построению образа, понимаемого как картина мира. Мир перестает быть картиной, он превращается сначала в сеть, а затем в ощущение. Мир как ощущение и аффект, сменяющий мир как волю и представление (А. Шопенгауэр) и мир как текст (Ж. Деррида) — наиболее емкая формула сегодняшнего дня. Поскольку визуальный образ был метафорой и наиболее ярким выражением мира как картины, то вместе с деградацией всей парадигмы репрезентации, он также претерпевает радикальные изменения. Если в 90-е гг. XX в. речь шла о «визуальном повороте», то сейчас можно

говорить о его «поствизуальной изнанке». Технологии построения визуального образа, основанного на представлении, сменяются практиками настройки реципиента на телесный, аффективный, осязательный инструментарий. Аффективные иллюзии, к построению которых стремится современное искусство и кинематограф, как его часть, формируют эмоции, чувства, а не представления или идеи. Отсюда — слабая вербализуемость современной кинообразности. Такой образ поддается артикуляции лишь косвенно, через указание на смежный чувственно-аффективный опыт. Лора Маркс, теоретик «осязательной эстетики», автор книг «Осязание: чувственная теория и мультисенсорные медиа» (2002) и «Кожа пленки: межкультурное кино, воплощение и чувства» (2000), работает с понятием «тактильной иллюзии», сокращающей расстояние между реципиентом и воспринимаемым образом. Субъект-объектная дистанция сокращается, а затем снимается, формируя иммерсивный опыт аффективного тела зрителя. Среди приемов, обеспечивающих подобный эффект, — работа с разного рода аффективными текстурами и осязательными иллюзиями, сенсорными атмосферами и фактурами. Эффекты низкого разрешения, глитча либо сверхдетализации, крупный план или размытость фокуса приближают визуальный образ к гаптике и тактильности. В этом контексте мечта, как часть предвосхищаемого будущего, оказывается одним из ведущих и важнейших регистров построения общности рецептивных реакций. Мечта — одна из форм аффективной иллюзии. Подобная иллюзия не имеет дистанции, воспринимаемый образ не конструируется, он проявляется в телесно-когнитивном опыте зрителя. На его основе возможны новые единства и сообщества. Репертуар мечтаний, показанный в современном кино, дает возможность приблизиться к будущему, но не через понимание или представление, а через ощущения или эмоции.

«Режимы сна» в советском и постсоветском кинематографе

Вьюгин Валерий Юрьевич,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Помимо того, что кинематограф сам по себе еще в момент его появления удостоился сравнения с «машиной снов» и ранние теории кино непосредственно отталкивались от тезиса о его подобии сновидению (Риччото Канудо, Жан Эпштейн), сны как тема и прием в свою очередь тоже интересовали фильммейкеров с первых шагов нового искусства (Edwin Porter's «The Cavalier's Dream» (1899), «The Artist's dream», 1899, режиссер не известен; Edwin S. Porter's «Dream of a Rarebit Fiend», 1906). Онирический кинонарратив давно стал визитной карточкой как целых направлений (сюрреализм, онирический нуар, хоррор...), так и маркером работы многих общепочитаемых режиссеров (Федерико Феллини, Ингмар Бергман, Стенли Кубрик, Альфред Хичкок...). Среди мастеров «кинопоэтики сна» в России часто называют таких представителей элитарной культуры, как Андрей Тарковский, Александр Сокуров, Сергей Параджанов... Специфика их «снотворчества» уже давно является предметом пристального интереса специалистов (Botz-Bornstein 2008 и др.). Предлагаемый же доклад посвящен снам в отечественном кинематографе иного рода — в массовом. Сны и фантазии, как известно, никогда не бывают свободными. Если же говорить об искусстве, они подчиняются целому спектру гласных и негласных законов и табу, обусловленных как

этическими и общеидеологическими установками, так и жанровыми. Советское кино в этом отношении не исключение. Более того, как часть открыто контролируемой государством сферы, оно накладывает особенно строгие рамки на героев сновидцев и фантазеров. Как известно, некоторым героям советской культуры сон вообще не свойственен (Сталин), некоторые получают возможность управлять сном, но при этом не видят сновидений (Штирлиц, «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, 1973). Другие персонажи, напротив, переживают очень характерные сны: героические (Корчагин, «Как закалялась сталь» Н. Мащенко, 1973), преступные (Козодоев, «Бриллиантовая рука» Л. Гайдая, 1968), приватные (фантазирующая на яву Настя, «Ох уж эта Настя!» Ю. Победоносцева, 1971), сны, «легализующие» фантастическое («Иван Васильевич меняет профессию», 1973) и т. п. Кому позволено видеть сны в советском кино? Что можно наблюдать и испытывать во сне и о чем разрешается фантазировать? Для чего с точки зрения поэтики видят сны персонажи советских фильмов? Как менялась ситуация в сфере киносновидений в постсоветской России? Таков круг вопросов, которые предполагается рассмотреть в докладе, подчинив обсуждение более общей проблеме: как эволюционировала «политика сна» в советском кинематографе и как менялись «режимы публичности» (И. Бентам), ограничивающие тематику фантазий и снов в СССР?

Литература

Botz-Bornstein, Thorsten. Films and Dreams: Tarkovsky, Bergman, Sokurov, Kubrick, and Wong Kar-Wai. Lanham, MD: Lexington Books, 2008.

Герой-мечтатель в «Белых ночах» Ф. М. Достоевского: адаптации образа в литературе и кино

Григорьева Надежда Яковлевна,

д. филос. н., преподаватель
независимый исследователь

В докладе рассматриваются киноадаптации образа героя-мечтателя из «Белых ночей» Ф. М. Достоевского. Герой-мечтатель в художественном тексте — это персонаж, порождающий вымышленные миры, а значит, в той или иной степени воплощающий собой фикциональность как таковую. В раннем творчестве Ф. М. Достоевского герой-мечтатель, переносящийся из реальности в виртуальное пространство фантазии, занимает одно из центральных мест. В «Петербургской летописи» писатель указывал на способность мечтателя преодолевать пространство и время: «целый мечтательный мир /.../ вдруг овладевает всем бытием мечтателя. Комната исчезает, пространство тоже, время останавливается или летит так быстро, что час идет за минуту». В этой характеристике «мечтательного мира» Достоевский словно предугадал возможности киномонтажа. Неслучайно повесть «Белые ночи» (1848), главный герой которой — мечтатель, неоднократно подвергалась киноадаптациям. По мотивам текста были сняты такие фильмы, как «Белые ночи» Лукино Висконти (1957), «Белые ночи» И. Пырьева (1959), «Четыре ночи мечтателя» Р. Брессона (1971) и др. В своих фильмах Висконти, Пырьев и Брессон дополняют краткий текст «Белых ночей» деталями, взятыми из других петербургских текстов Достоевского, однако темы мечты, мечтательства, мечтателя

остаются в центре этих киноповествований. Задача доклада состоит в том, чтобы сравнить киноадаптации героя-мечтателя из «Белых ночей» с интертекстуальной переработкой этого образа, предпринятой Владимиром Набоковым в романе «Дар». В «Даре» фигура писателя-мечтателя воплощает собой свободное движение фантазии, нестесненное рамками места, времени и медиума. В романе Набокова литературный медиум словно питается кинематографом: не только сюжетные линии отсылают к конкретным фильмам, но в самой композиции повествования используются кинематографические техники (монтажное сведение воедино разных пространств и разных времен, техника «наплыва» и т. д.). Набоковское метаповествование рефлектирует не только порождение литературного текста из «мечтательного мира» героя-писателя, но и то, как это порождение функционирует в общекультурном пространстве, включающем как историю литературы, так и историю кинематографа.

Утопия и производство знания в фильмах Павла Клушанцева

Давыдова Ольга,

к. культ., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

До наступления цифровой эпохи научно-популярные фильмы представляли собой совершенно особый вид кино, и прежде всего потому, что их создатели неизбежно сталкивались с необходимостью визуализировать нечто, не имевшее материального эквивалента в эмпирической действительности — например, абстрактные понятия или гипотезы о космосе, а то и вовсе визуально «невозможное» — космическое будущее.

Конечно, на помощь приходила анимация, но в случае космического научно-фантастического фильма такая смена модуса репрезентации неизбежно приводила к крену в сторону фантазии. Павел Клушанцев снял около десятка научно-популярных (и не только) фильмов о космосе еще до того, как в киноутопиях и кинодистопиях сформировалась стереотипная визуализация космического будущего. Проект Клушанцева можно расположить на стыке нескольких модусов репрезентации: документального кино, научного фильма и фантастической утопии. Это совмещение разных стратегий позволяет режиссеру не просто включиться в соответствующий эпохе дискурс о прогрессе и построении мира мечты в космосе, но и вскрыть потенциал кинообраза как машины производства научного знания.

Сопоставление кино и мышления — далеко не новая идея в кинотеории; достаточно вспомнить Ж. Делеза и идущих по его стопам теоретиков. Случай Клушанцева позволяет детализировать это сопоставление. Конструируемая им утопия преподносится как уже существующая, а кино и спецэффект (основной прием Клушанцева, отказывающегося от анимации в пользу технически сложных спецэффектов) становятся не средством производства иллюзии (как это происходит у Кубрика или в современной кинофантастике), но способом верификации пока что несуществующей, но выводимой из научных достижений (а значит, потенциально возможной) действительности. Мы имеем дело с рационализированной версией мечты, в которой кинематографу отводится функция легитимации и подтверждения. Если привычная фантастика, по словам Ф. Джеймисона, всегда указывает на нашу неспособность вообразить будущее и утопию, и к тому же остраивает наше настоящее, превращая его в «опреде-

ленное прошлое некоего грядущего», то документальные картины Клушанцева полностью размывают границу между временами, упраздняя идею прогресса и лишая утопию статуса воображаемого. В этих фильмах сам модус производства образа — то, как сделано кино, становится принципиально важным, потому что кино становится инструментом производства знания вместо производства утопии, и тем самым обнаруживает свою медиум-специфичность, раскрывает свои силы и потенциалы. Вместо «иллюзии реальности» мы имеем дело с «реальностью иллюзии» в до-цифровом кинематики, что позволяет пересмотреть тезисы П. Пистерса о силах ложного, виртуального и аффекта (к ним позже добавится сила речевого акта) и детализировать тезис о сопоставлении кино и мышления.

Документальное кино и виртуальная реальность: иллюзия присутствия

Евграфова Наталия Юрьевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Виртуальная реальность представляет собой инструмент, с помощью которого могут создаваться как игровые, так и неигровые фильмы различной сложности. Для того, чтобы отнести тот или иной фильм к игровому или неигровому, исследователи прибегают к комплексу подходов и характеристик, присущих тому или иному жанру, подчеркивая, что, во-первых, ни один подход или список характеристик не является исчерпывающим, во-вторых, отдельно взятая характеристика не может быть единственным основанием для того, чтобы считать кино игровым или неигровым. Когда речь заходит о фильмах в виртуальной реальности, те же критерии успешно применяются при учете их подвижности и допущении того, что неспецифическая характеристика может стать средством выразительности. Так, документальное кино, как правило, отличается наиболее тесной связью с действительностью, наличием реальных людей, событий и мест, оно не требует от зрителя погружения в воображаемый мир, оно рассказывает о существующем мире. Примером документального фильма с использованием технологии виртуальной реальности является фильм «Облака над Сидрой» (2015), виртуальная реальность в нем построена на основе документального материала, реального места, главная героиня представляет саму себя, речь идет об актуальной проблеме, но зритель должен принять правила игры и вообразить свое присутствие в лагере беженцев здесь и сейчас. Иллюзия присутствия становится ключом к погружению в документальный материал и его проблематику. В контексте виртуального пространства и времени особый интерес вызывает вопрос монтажа, поскольку при создании виртуального пространства используется материал с большого количества источников и главная задача, как в «Облаках над Сидрой», заключается в создании непрерывного пространства, позволяющего зрителю ощутить и наиболее полно вообразить свое присутствие в данном пространстве. А связь между блоками пространства и, соответственно, временная протяженность почти никак визуально не выстраивается, во времени разворачивается только рассказ героини и путешествие зрителя, смена точек происходит с помощью эффекта затемнения экрана, который символизирует движение. В результате этого возникает специфическое виртуальное время, которое тесно связано с временем реальным,

но позволяет делать «прыжки» в виртуальном пространстве. Монтаж в фильмах, подобных «Облакам над Сидрой», направлен не столько на создание временной протяженности, сколько на создание виртуального пространства, в которое человек может погрузиться и которое он может исследовать по заданному сюжету, подобно компьютерной игре; ключевой характеристикой здесь становится иллюзия присутствия, которая позволяет зрителю ощутить себя в ином, но относящемся к действительности, пространстве и времени.

Мечтательницы: публичные и личные мечты героинь отечественного кино

Еланская Светлана Николаевна,

к. филос. н., доцент

Тверской государственный университет

В кино идут за мечтой. Наиболее восприимчивыми являются зрительницы, поэтому киномечты визуализируются прежде всего для женской аудитории. В центре внимания — популярные советские ленты, где мечты наиболее ярко артикулированы устами их героинь, а также отдельные российские фестивальные хиты с актуальной феминистской повесткой. В качестве методологии выбраны социологические теории Э. Дюркгейма, М. Вебера, З. Баумана, П. Бергера и Т. Лукмана. В кинотекстах комедий и мелодрам рассматриваются механизмы встраивания личного в публичное. Героини музыкальных киноутопий 30-х доверяли свои мечты о счастье лирической песне, у которой появилась функция перекодирования любовной линии в социальную. По соцреалистическим канонам исполнение романтической мечты предполагалась как награда за трудовые подвиги.

Кинематограф оттепели заговорил о сокровенном. В утопии «Девчата» каждая из них отправляется на таежную стройку коммунизма и в надежде устроить личную жизнь. О счастье как понимании тайно или явно мечтают героини фильма «Доживем до понедельника», откровенничают ученицы в сочинении и вздыхают их учительницы. Отдельное место занимают ретро-фильмы «Завтра была война» и «Место встречи изменить нельзя», в которых девичьи мечты о будущем переносятся из прошлого, но трагически отрефлексируются как несбывшиеся. Советская массовая культура транслировала варианты «мифа успеха», и «мифа о Золушке» («Москва слезам не верит», «Карнавал»), подразумевающие и своих «принцев». Неизменно любимы «рождественские сказки» Э. Рязанова «Ирония судьбы» и «Служебный роман». «Принцы» в них чудаковатые, но и достоверные. Стихи и песни акцентируют мечты о счастье как обретение самого себя. Квинтэссенция женской мечты — мелодрама «Одиноким предоставляется общежитие». В полемике с Дюркгеймом о социальном счастье каждая работница мечтает о любви, о замужестве. Волшебством окрашена новогодняя музыкальная комедия «Чародеи», репрезентирующая и мечты почти каждой женщины побыть ведьмой.

Из современного российского кино внимание остановлено на драмах А. Меликян «Звезда» и «Трое», героини которых гонятся за мечтой об успехе, тоскуя по любви. Любопытна новейшая лента «Первый снег» Н. Кончаловской, удачно соединившая в себе и романтические мечты о таинственном «принце», и современные ориентации на карьеру. Мужчины же в мечтах все больше оттесняются на дальний план, следуя

общемировой тенденции, а достижение мечты трансформируется из ценностно-рационального действия в целерациональное (Вебер).

Таким образом, советские героини мечтают о любви как «лекарстве от одиночества», подтверждая гипотезу З. Баумана о «ретротопии», тогда как яркие и броские кино мечты современных российских дам размываются, что предстоит еще осмыслить социальным наукам.

Критика детектива в фильме А. Роб-Грийе «Трансъевропейский экспресс» и конспирологическом романе Ю. Кристевой «Смерть в Византии»

Ефименко Анна Онуфриевна,

аспирант

Беларусский государственный университет

Во второй половине XX в. в рамках французской литературной традиции детектив становится поиском новых способов развития письма и больше не ограничен движением читателя от интриги к развязке, а детективная фабула постепенно порывает с содержанием произведения. Теория структурных моделей К. Леви-Стросса позволяет препарировать детективную прозу на уровне формы, выделяя повторяющиеся жанровые особенности. Реабилитация детективной прозы из развлекательной в интеллектуальную дала возможность сохранить особенности детективных структур даже при их несоответствии содержанию. Происходит разделение на массовую детективную литературу, которая концентрируется на сюжетной составляющей, и на детектив как особый тип письма, разрушающий нарративные техники повествования (представлен А. Роб-Грийе и Ю. Кристевой). Вопросы, на которые реципиент должен ответить в процессе, движут сюжет: понимая, что нестандартное построение детективного текста не приведет к типичной развязке, читающий вынужден расшифровывать приемы авторской игры. Если расшифровка оказывается успешной, то результатом чтения интеллектуализированного конспирологического детектива становится не разоблачение героя, а понимание читателем авторского замысла и методов письма, как в развлекательном детективном романе становятся понятны замысел и действия преступника. Эксперименты с прозой в свою очередь приводят к созданию пародийных, часто находящихся на стыке искусств, метатекстов, для которых характерны интертекстуальность и саморефлексивность. Постмодернистский подход также позволяет конструировать текст, объединяющий разные виды литературы и кино, а также «высокие» и «низкие» жанры. Так, самопародийный фильм А. Роб-Грийе «Трансъевропейский экспресс» фокусируется на проблеме диалога автора с читателем и режиссера со зрителем, показывая процесс конструирования и разрушения интертекстуальных связей вместе с фабулой произведения. Ю. Кристева в псеводетективном романе «Смерть в Византии» создает постмодернистский метатекст-коллаж, основой сюжета которого становятся варианты интерпретации художественного текста и возможные интертекстуальные связи, возникающие в процессе чтения, а фрагменты романа приобретают особое семиотическое значение только в диалоге с читателем.

«Уникум» Виталия Мельникова: «фантастическое искусство» или мечты о неотелевидении?

Жукова Мария Владимировна,

к. ф. н., научный сотрудник
Университет г. Констанц

Ранняя немецкая киномысль (Гофмансталь) отождествляла фильм со сновидениями, а за Голливудом, как известно, еще в 1920-е гг. закрепилось название «фабрика грез». Идентичные слова, используемые в западно-германских языках для обозначения сна и мечты (ср. нем. Traum, англ. dream) свидетельствуют о близости этих состояний, что берет на вооружение и кино. Сон в кино нередко реализует некую мечту (сон Варвары о рождении сына в «Крестьянах», 1934 Эрмлера), в то время как мечта может обернуться лишь сном. Так, Шурик в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» (1973), занятый изобретением машины времени, попадает в эпоху Ивана Грозного, однако это путешествие во времени оказывается грезой героя, которая была спровоцирована телевизионной кинотрансляцией знаменитого фильма Сергея Эйзенштейна. Фильм Виталия Мельникова «Уникум» позволяет продемонстрировать различные аспекты взаимосвязи между сном, мечтой, кино и телевидением, которые окажутся в центре внимания доклада. Уникальная способность главного героя передавать коллегам по работе и домочадцам собственные сны, а также способность генерировать сны на заказ кладется в основу лечебных сеансов для художественной элиты. Однако спрос на искусственные сновидения растет, и сеансы в кулуарах превращаются в массовые эстрадные шоу, во время которых герой продуцирует однотипные коллективные грезы, в которых все «зрители» оказываются активными участниками происходящего.

В докладе будут рассмотрены подробнее следующие аспекты. Во-первых, внимание будет уделено изобразительной и жанрово-стилевой составляющей сновидений, выявлены литературные и художественные претексты (литература авангарда, живопись сюрреализма и т. д.), обнажающие «запретные» миры советского человека, его неосуществленные мечты. Во-вторых, в медиа-политическом контексте коллективные и приносящие удовольствие от просмотра сны выступают альтернативой советскому телевидению, с его пропагандистскими и воспитательно-образовательными задачами. Сугубо развлекательная функция коллективных снов, принцип активной партиципации зрителя, а также автономность телевизионного изображения, утрачивающего связь с внешней реальностью, позволяет увидеть в фильме предтечу так называемого неотелевидения (Эко 1985; Casetti/Odin 1990), приходящего на смену отживающему свой век палеотелевидению, предполагающему лишь дистрибуцию, но не коммуникацию. В-третьих, фильм обращается к теме конкуренции между кино и телевидением, которая с середины 1960х годов продолжает сохранять свою актуальность. Фильм утверждает свое превосходство над аудио-визуальным конкурентом, приравнивая коллективные сны к многократно повторяющимся показам популярной кинопропродукции.

Островок везения: роль песни в характеристике персонажей в кинокомедиях Леонида Гайдая

Журкова Дарья Александровна,

к. культ., старший научный
сотрудник Государственный институт искусствознания

Песни Александра Зацепина из кинокомедий Леонида Гайдая в своем большинстве оказались конгениальны фильмам, в которых они прозвучали, и на сегодняшний день имеют статус неувядающих хитов советской киномузыки. Немалая часть песен зажила «собственной жизнью», но в тоже время эти песни неотделимы от образов певших их героев. На протяжении последних десятилетий зарубежные исследователи активно рассуждают об отличительных функциях поп-песни в киноповествовании. В частности, они отмечают ее экстра-контекстуальную роль (принцип «сюжета в сюжете»), возможность выступать маркером времени, места и идентичности, а также подчеркивают «монтажную» способность поп-песни связывать несколько повествовательных линий в единый, согласованный нарратив. Зачастую музыкальные номера в кинокомедиях Гайдая подаются как момент переключения между последовательным нарративом и миром иллюзий, мечтаний, в которые переносятся герои в процессе исполнения песни. Такое переключения между различными состояниями порождает массу дополнительных смысловых нюансов в прочтении характеров героев и обстоятельств, в которых они оказались. В частности, особенно многозначными оказываются эпизоды, в которых формально отрицательные персонажи исполняют откровенно лирические песни. Например, в фильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» троица хулиган Балбес (Юрий Никулин) поет душещипательный полублатной романс «Не жди меня, мама», характер которого подспудно намекает на то, что герои не по доброй воле собираются на столь тщательно планируемое преступление. В «Бриллиантовой руке» аферист Геша (Евгений Миронов) артистично, в лицах исполняет шутивную песню о неудачливых дикарях, по сути, предсказывая свою собственную участь. Наконец, в картине «Иван Васильевич меняет профессию» Жорж Милославский (Леонид Куравлев) увлекает всю чинную, «древнерусскую» публику в вакхический пляс в припеве песни «Разговор со счастьем», но сама песня, несмотря на заливчатый характер, посвящена экзистенциальному поиску своего пути. В рамках доклада будут систематизированы особенности репрезентации песни в жанре кинокомедии (способы включения и соотношения с основным действием); будет кратко прослежена трансформация функций музыкального номера в структуре кинофильма (от музыкальных комедий сталинского периода к фильмам брежневского времени). Особое внимание будет уделено персонажам и песням из кинокомедий Леонида Гайдая. Какие функции играют песни в характеристике героев, как те или иные песни соотносятся с обликом исполняющих их персонажей. К каким музыкальным средствам прибегает композитор и как они «работают» на характеристику не только героя, но и его «судьбы» в рамках сюжета. Наконец, какие незапланированные авторами смыслы проявляются при современном взгляде и «вслушивании» в классику советской кинокомедии.

Ризоморфная структура как основа драматургии фильма

Касмынин Алексей Иванович,

соискатель Всероссийский институт кинематографии им. С. А. Герасимова

В докладе рассматривается связь внутреннего конфликта героя и структуры художественного пространства фильма. Показано, что движение персонажа в лабиринте позволяет реализовать сюжет, основанный на внутреннем конфликте персонажа. Движение в лабиринте — это всегда история внутреннего поиска. Что именно ищет герой и найдет ли? Зависит от конкретного сюжета. Разным путям движения героя к разрешению внутреннего конфликта соответствуют три известных типа лабиринта: первый — уникальнейший, античный лабиринт, который неизбежно приводит к центру, а оттуда — к выходу; второй — древовидный маньеристический лабиринт, в котором заканчиваются тупиком все ответвления, кроме одного, и есть пространство выбора, где поиск выхода ведется методом проб и ошибок; третий — бесконечная сеть-ризома, не имеющая ни центра, ни периферии, ни выхода. Ризома — корневище, переплетение линий, путей и смыслов, кажущееся на первый взгляд хаотичным, и, тем не менее, подразумевающее внеструктурный и нелинейный способ организации целостности. Ризома является радикальной альтернативой замкнутым и статичным линейным структурам, предполагающим жесткую осевую ориентацию. Получается, что бесконечный лабиринт-ризома не линейен, открыт, ориентирован на непредсказуемость через возможность развития его структуры в любом направлении. В докладе исследуется движение героя в ризоморфном лабиринте. Ризоморфная структура становится характерной для современной эпохи, где сетевые модели описания реальности становятся все более актуальными. Такой лабиринт может не предполагать наличие выхода или центра. Почему герой вынужден блуждать в сети? Почему герой не может найти выход и почему движение не завершается? Ответы на эти вопросы появляются посредством пространственного анализа следующих фильмов: «Малхолланд Драйв» — «Mulholland Dr.» (2001), реж. Дэвид Линч, «Внутренняя империя» — «Inland Empire» (2006), реж. Дэвид Линч, «Путешествие по букве Н» «A walk through H: the Reincarnation of an Ornithologist» (1979), реж. Питер Гринуэй, «Сладкая жизнь» — «La dolce vita» (1960), реж. Федерико Феллини, «Амаркорд» — «Amarcord» (1973), реж. Федерико Феллини, «Великая красота» — «La grande bellezza» (2013), реж. Паоло Соррентино, «Рука бога» — «È stata la mano di Dio» (2021), реж. Паоло Соррентино.

Движение к мечте: киномемуары Майкла Кейна и Мэттью Макконахи

Кащенко Елена Сергеевна,

к. иск., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Мемуары англичанина Майкла Кейна («Взорви эти чертовы двери») и американца Мэттью Макконахи («Зеленый свет») на первый взгляд сильно отличаются друг от друга. Кейн, родившийся в 1933 году, сегодня является живой легендой, актером, давно при-

обретшим мировую славу, сыгравшим десятки разноплановых ролей в фильмах таких режиссеров, как Отто Преминджер, Джон Хьюстон, Вуди Аллен, Паоло Соррентино. Его книга — это, по сути, сборник советов для молодых актеров: как правильно вести себя на съемках, чтобы получить хороший результат; как концентрироваться и расслабляться, чтобы сохранить форму; как находить общий язык с коллегами по площадке и, главное, с режиссером. Тезисы каждой главы Кейн основывает на собственном опыте, при этом текст не выглядит нравоучительным, поскольку автор рассказывает одинаково ярко как о своих победах, так и о поражениях. Даже в преклонном возрасте он остается темпераментным, интересным человеком, а выигрышный характер его воспоминаниям придает то обстоятельство, что они отнюдь не сконцентрированы на этапе становления актерской карьеры: Майкл Кейн пишет о том, что меняло его как профессионала на протяжении всего творческого пути. Мэттью Макконахи («Зеленый свет») решил написать мемуары на пороге своего пятидесятилетия. Уроженец штата Техас, сделавший блестящую карьеру в Голливуде, Макконахи никогда не боялся рисковать, то на время оставляя работу в кино, то резко меняя имидж, не теряя при этом популярности. Может показаться, что его книга носит несколько хаотичный характер, хотя воспоминания движутся четко по хронологии. Макконахи, закончивший факультет кинематографии в Техасском университете в Остине, свою карьеру предпочитал строить на практике, пропуская занятия в аудитории, о чем рассказывает абсолютно честно. Эта книга памяти: эмоциональной, физической, духовной. Следовать примеру автора получится у немногих, поскольку опыт Макконахи действительно уникален, тем интереснее, что у него получилось об этом написать. Можно назвать «Зеленый свет» тактикой и стратегией выживания в Голливуде, это ясно обозначено, например, в восьмой части книги «Жизнь как наследие». На наш взгляд, особенно ценно то, что актер не стремится показаться лучше и идеальнее, чем он есть на самом деле: он может быть / казаться неотесанным, неуклюжим, порывистым, но всегда следующим к своей цели, за своей мечтой. Собственно, именно это и объединяет Кейна и Макконахи, англичанина и американца, старшего и младшего: желание очутиться перед объективом кинокамеры и в очередной раз воплотить актерскую мечту — превратиться в другого человека.

Герой-мечтатель в тетралогии А. Н. Сокурова: «Молох», «Телец», «Солнце» и «Фауст»

Клименко Надежда Вячеславовна,

соискатель

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

Фильмы А. Н. Сокурова «Молох» (1999), «Телец» (2000) и «Солнце» (2005), вышедшие в самом начале XXI в., объединялись историками кино в так называемую «трилогию власти». Сгруппировать их было легко, так как главными героями являются реальные исторические личности: Гитлер, Ленин и Хирохито, соответственно. Властители, которые стали для своих стран и всего мира символами тяжелых, необратимых перемен XX в. Однако в 2011 году выходит фильм «Фауст». Сам режиссер объявляет эту картину завершающей частью «тетралогии» размышлений о природе власти и человека. Возникает закономерный вопрос: что может быть общего у трех реальных руководителей государств XX в. и вымышленного героя с многовековой

литературной и театральной традицией? Данное исследование ставит перед собой задачу попытаться ответить на этот вопрос. Понять, каким образом фильм, снятый по мотивам трагедии И. В. Гете, дает новый толчок для прочтения исторических личностей и всего цикла в целом. Какими кинематографическими способами режиссер создает образы главных героев. Проанализировать взаимосвязи исторического контекста и судьбы каждого героя, есть ли сходство между главными героями тетралогии на сюжетном уровне, какая часть их биографий интересует режиссера больше всего. Выявить сходства или различия в создании жизненного пространства, в которое Сокуров помещает своих героев, с их внутренним миром. И самое главное, попытаться найти ту невидимую нить, объединяющую всех героев тетралогии, их идеалы, желания и мечты. Можно высказать смелое предположение, что игровые фильмы «Молох», «Телец», «Солнце» и «Фауст» объединены режиссером в один цикл, так как посвящены страшным мечтателям, воплотившим свои мечты в жизнь. Разрушая существующие кинематографические каноны, А. Сокуров переосмысливает и по-новому воплощает визуальные и семантические образы героев, а также таинственной нечеловеческой силы, стоящей за ними. На экране вместо могучих властителей, воплотивших свои идеи в жизнь и наслаждающихся триумфом, предстают глубоко несчастные, отталкивающие существа. Герои живут в пространствах своих больших домов, но им тесно, им нечем дышать. Они задыхаются в замкнутых пространствах своих иллюзий и грез, перерождающихся в кошмары. История доктора Фауста дает ключ к пониманию того разрушительного мятущегося духа, заключенного в человеке, а судьбы народов, вверенных трем властителям, выносят ему неутешительный вердикт.

Мечты о цифровом теле: конец «аналоговой» истории героя или «Смерти.net»?

Козлова Светлана Сергеевна,

преподаватель

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

В докладе рассматривается проблема формирования образа героя цифровой реальности, в основе которой лежат попытки преодолеть «безОбразность» персонажа, обладающего цифровым телом. Идет поиск ответов на вопросы: можно ли выйти в поисках облика цифрового героя за пределы антропоморфности, какие сложности или, наоборот, неисчерпаемые возможности создает цифровая телесность для кинодраматургии? В настоящее время в кинематографе мечты о цифровом теле героя зашли в тупик или ходят по кругу в привычных границах антропоморфности: конструируя человека будущего, кинодраматургия продолжает работать с «аналоговым» телом, данным человеку природой по праву рождения. Герой может обладать экзотелом, которое представляет собой пустую форму, цифровую имитацию («Матрица: Воскрешение» (The Matrix Resurrections, 2021) или протеиновую «обманку» («Любовь, смерть и роботы» (Love, Death & Robots, 2019)). Но очертания человека пока словно бы сдерживают фантазию создателей киномиров. В свою очередь, цифровое тело без явленной формы пока воспринимается как безликая и враждебная материя, где обезличенность (тело не антропоморфной цифровой конфигурации) рождает антагонистическую враждебную среду, как в фильмах «Я, Робот» (I, Robot, 2004) и «ВаллИ» (WALL-E, 2008).

Современная литература делает попытки найти некий альтернативный вариант. В романе Т. Замировской «Смерти.net», который отчасти продолжает тему, заявленную в «Матрице», появляется персонаж-чат, проявляющий себя через мессенджер, создается новый социум, существующий в пределах социальной сети, но при этом готовый опрокинуть мир реальности. Однако при гипотетической реализации сюжета Т. Замировской в кинопроекте неизбежно встанет вопрос о зримом эквиваленте персонажей романа, за которыми мы сможем наблюдать на экране. Кинодраматургия в настоящий момент при создании героя будущего идет традиционным путем: сюжетосложение работает с субъективностью героя и его базовой ценностью — жизнью. Нам интересно наблюдать за героем или живым, или хотя бы имитирующим жизнь (вампиры, зомби). Именно уникальность жизни, ее конечность и неизбежность смерти, повышают ставки в любом сюжете: формируют мотивировки героя, повышают градус конфликта, остроту противостояния сил в кульминации. При конструировании цифрового персонажа необходимо отвечать на множество вопросов. Можно ли выйти за пределы оппозиций: «живое или мертвое», «субъект или объект»? Можно ли назвать героя с цифровым телом живым? Какие ценности у этого героя? Где та граница, за которой цифровой герой может утратить статус живого существа и существует ли она вообще? Литература отвечает на эти вопросы быстрее, чем кинематограф. Кинематограф же продолжает искать визуальный эквивалент цифрового тела героя, крайне осторожно выходя за пределы антропоморфного.

«Конструкт «нового советского человека»: от экранной мечты к реальности»

Колотаев Владимир Алексеевич,

д. ф. н., профессор

Российский государственный гуманитарный университет

В рамках революционного авангарда на стыке марксистского мировоззрения и религиозной доктрины имеславия возникает утопическая идея нового человека, рожденного пролетарской революцией. Средствами киновыразительности формируется культурно-историческая модель идентичности, носитель которой обладает способностью производить идеальную реальность, мечту, и рассматривать ее как цель, подчиняющую его активность. Главной чертой нового субъекта, носителя продуктивной идентичности, является его «отчужденная воля», замененная утопическим идеалом, созданным в среде воображаемого художниками революционного кино-авангарда. Появляется тип героя, у которого отсутствует важнейшая функциональная часть субъективности, он не способен принимать на себя ответственность за свои поступки, самостоятельно действовать, полагаясь на собственный выбор. Происходит вынужденное делегирование активного начала героя авторитетному Другому, проводнику чей-то воли, агенту власти, парторму, старому большевику, чекисту и др. актантам киноповествования, которые и являются настоящими субъектами действия, хотя чисто формально их позиция совпадает с функциями волшебного помощника, либо дарителя. Хрестоматийным примером такой модели становится фильм Г. Н. Васильева и С. Д. Васильева «Чапаев» (1934). Конструирование нового человека с ампутированной частью психической организации можно проследить на материале фильмов одного из самых ангажированных режиссеров советского кино Г. В. Александрова.

Создатель кинокомедий интуитивно отразил драматические процессы перехода от революционной к партийной исторической парадигме. Начало этого пути положил фильм «Веселые ребята» (1934), который еще полностью соответствует модели революционной концепции человека как проекта собственных усилий. В комедии «Волга, Волга» (1938) зрителю направляется посыл с двойственным содержанием: с одной стороны, Дуня всего добивается сама, с другой, — успех на музыкальном состязании и воссоединение с возлюбленным (сказочный финал, свадьба) достигается ценой как бы делегирования части себя народу, отказа от авторства, от субъектности. Но пока это еще амбивалентная, неявная, содержащая двойственное прочтение конструкция. Совершенно четкое послание появляется в следующем фильме «Светлый путь» (1940). Созданная в 1930-е гг. советским киноискусством модель личности с отторгнутой субъектностью начала активно осваиваться, усваиваться и распространяться не только в кино, но и в социальной действительности, становясь той идеальной формой, по которой строили себя не только киногерои, но и реальные люди. Любопытно проследить, как в дальнейшем развивалась данная модель в отечественном киноискусстве 1950–1980-х гг. Представляется, что рожденный кино 1930-х гг. образ остается доминирующим в культуре до конца 1980-х гг.

Искусственный интеллект в киномифе и не только

Конева Анна Владимировна,

д. культ., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

В докладе будет рассмотрена одна из самых, пожалуй, распространенных идей, будоражащих умы человечества — идея или мечта об искусственном интеллекте. Эта мечта — одна из самых плодотворных для культуры. Стремление не просто усовершенствовать тело, но создать разум, равный человеческому, одновременно и манит, и пугает. Зачем человеку создавать искусственный разум? Какие мечты вкладывают в это понятие люди? А в каких направлениях идут исследования в реальной науке? Эти вопросы будут поставлены в докладе. Фильмов, раскрывающих идею искусственного интеллекта, за всю историю кинематографа было поставлено немало. Помимо идеи «матрицы», которая становится больше человека и войны за «человеческое, слишком человеческое», в кино есть множество других прочтений идеи искусственного разума. Тема развивалась со временем и под влиянием реально апробированных наукой открытий и технических решений. Часть фильмов, например, «Матрица» братьев/сестер Вачовски, «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта, «Терминатор» Джеймса Кэмерона, стали не просто культовыми, но поворотными для кинематографа. Другие, такие как «Трон» Стивена Лисбергера, «Я, робот» Алекса Пройаса, «Апгрейд» Ли Уоннела, не оказали заметного влияния на кино. В чем суть «поворотного взгляда» на эту тему и только ли в компьютерной графике дело? Чего боится человек, когда им овладевает идея восстания машин? В кого он влюбляется, когда его очаровывает искусственный разум? Искусственный интеллект одновременно притягивает и пугает человека — как устроен этот баланс желания и страха? Кино создает воображаемый мир, в котором практически любая фантазия может быть воплощена. Но фантазии авторов кинотекста — это всегда один из дискурсов социального воображаемого. Поэтому весь корпус кинотекстов о силе, красоте или опасности искусственного интел-

лекта мы можем выстроить, опираясь на типологию воображаемого. Мы рассмотрим, как структурировано социальное воображаемое искусственной разумности и разумности вообще, исследуем, какое влияние оказывают фильмы на эту тему на публику, и проанализируем, есть ли взаимосвязь между исследованиями в области искусственного интеллекта и теми образами, которые создают кинематографисты. В докладе мы будем основываться на истории кинематографа и постараемся увидеть, как развивались представления об искусственном разуме и какими переживаниями в социокультурной реальности сопровождалась.

Роль иммерсивного звука в создании «реальности иллюзии» фантастического кино

Контрерас Кооб Алехандро,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Звуковое решение фильма в современном кино является отражением сложного взаимодействия новых технических возможностей и актуальных течений философского и эстетического характера, которое реализуется в концепции режиссера и сценария фильма. В жанровом кинематографе звуковое решение, наряду с изобразительным и драматургическим компонентами фильма, ориентировано прежде всего на непосредственное воздействие на зрителя, его эмоциональную сферу. Замыслу режиссера и сценариста, который обуславливает тематику, жанр и визуальную стилистику кинопроизведения, должно соответствовать звуковое решение, которое усиливает образно-содержательные ресурсы других средств киновыразительности. В современном киноведении очень сложно дифференцировать ту его сторону, которая «работает» на художественный образ фильма от той, которая связана с «прямым» генерированием эмоций во время просмотра кинопроизведения. В авторском кино создатели фильма стремятся сохранить связь звукового решения именно с художественным миром картины. Но в жанровом кинематографе, который рассчитан на массового зрителя, отчетливо видна тенденция к усилению непосредственного воздействия звукового решения на аудиторию. Примерами могут служить такие популярнейшие жанры для массового зрителя как фантастический фильм, триллер и хоррор. По отношению к этим жанрам можно говорить о том, что в наиболее удачных фильмах, их представляющих, возникает определенная концепция звукового сопровождения и она играет важнейшую роль при воздействии на зрительскую аудиторию. Кроме того, фильмы этих жанров предоставляют возможность поставить проблему стирания акустической дифференциации между музыкой и шумами. На примере фильмов «Звездные войны» (Star Wars) Джорджа Лукаса, «Гравитация» (Gravity) Альфонса Куарона, «Бегущий по лезвию 2049» (Blade Runner 2049) и «Дюна» (Dune) Дени Вильнева анализируется роль иммерсивной составляющей звука в создании «реальности иллюзии». При этом технология Dolby Atmos, локация дискретных шумов, движущихся объектов, создание объемного саундскейпа могут по-разному проявлять свои возможности. В некоторых случаях объемность звука используется только как эффект, в других случаях преобладает другая ее функция — выразить аффект.

Кинематограф эпохи пандемии: трансфер в ирреальное

Коршунов Всеволод Вячеславович,

к. иск., доцент

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

Пандемийные 2020 и 2021 гг. побудили многих из нас бежать от реальности в мир иллюзий, фантазий, грез. Кинематограф, будучи «электрическим сном наяву», как его называл Александр Блок, всегда справлялся с задачей перемещения реципиента в область ирреального едва ли не лучше других медиумов. Особенно это касается массового кино, ставшего в эти годы пространством теплых, утешительных воспоминаний. Новые «Форсаж», «Матрица», «Человек-паук», финальная часть серии фильмов о Джеймсе Бонде, реюнион «Гарри Поттера» и возвращение к большому голливудскому стилю в «Вестсайдской истории» ярко продемонстрировали эскапистский характер кинозрелищ в эпоху пандемии. С одной стороны, это продолжение «ностальгического тренда» последних лет: кинематограф отрабатывает желание аудитории вернуться в мифологизированное прошлое, которое воспринимается как уютное, беззаботное, комфортное. Это происходит вне зависимости от того, какие именно события происходили в прошлом и переживали ли их создатели и зрители. Наиболее характерным примером может служить фильм Квентина Тарантино «Однажды в ... Голливуде», во время действия которого (конец 1960-х) режиссер был ребенком, а большинство поклонников эту эпоху и вовсе не застали. С другой стороны, это свидетельствует о нарастании потребности в защите, связанной непосредственно с периодом пандемии и его проблемами: неуверенностью в завтрашнем дне, ощущении «турбулентности», нарастании тревоги и чувства беспомощности. Фильмы помогают зрителю включить защитные механизмы психики, в первую очередь, «примитивную изоляцию» — уход от напряжения в другое психическое состояние. Часто это происходит за счет аутистического фантазирования — «витания в облаках». В годы пандемии киноиндустрия окончательно превратилась в фабрику по производству этих спасительных «облаков». Авторский кинематограф тоже активно предлагает различные способы выхода за пределы реальности. Яркие картины 2020–2021 гг. — «Думаю, как все закончить» Чарли Кауфмана, «Прошлой ночью в Сохо» Эдгара Райта, «Остров Бергмана» Мии Хансен-Лёв — построены по схожему принципу. Во всех трех картинах границы между действительностью и иллюзией разомкнуты, реальное перетекает в ирреальное и наоборот. Однако в отличие от массового кино в этих фильмах ставятся неудобные вопросы: что значит для современного человека уход в мир фантазмов и насколько трудным будет возвращение к реальности?

Кинофестиваль: между мечтой и реальностью. О практике программирования.

Кочеляева Нина Александровна,

к. и. н., заведующий отделом

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

В докладе будет рассмотрен опыт формирования фестивальных программ разного уровня (международного и российского), в контексте которого будут определены под-

ходы к программированию, рассмотрен опыт взаимодействия с создателями фильмов из разных стран, а также представлена разница между ожиданиями и реальностью. Фестивальное движение — одно из важнейших направлений кинопроцесса. Первые кинофестивали возникли в периоды политических диктатур в 1930-е гг. Старейшие кинофестивали мира — Венецианский международный кинофестиваль, 1932, и Московский международный кинофестиваль, 1935. Но в активную и регулярную фазу развития кинофестивали вошли уже после окончания Второй мировой войны, когда были основаны крупнейшие киносмотры мира: Международный Каннский кинофестиваль, 1946 (хотя и был задуман в 1939 г.), Берлинале, 1951, Международный кинофестиваль Индии (IFFI), 1952 г. и другие. Классификация фестивалей включает в себя фестивали, аккредитованные Международной ассоциацией продюсеров (FIAPF), конкурсные (так называемые фестивали класса «А», 15 кинофестивалей), конкурсные специализированные (например, фестивали дебютных картин или региональной кинопродукции, 26 кинофестивалей), неконкурсные (2 кинофестиваля), фестивали документального и короткометражного кино (6 кинофестивалей). Есть также кинофестивали, которые не имеют аккредитации FIAPF. Их большинство, и среди них, например, престижнейший северо-американский смотр — международный кинофестиваль Сандэнс (Sundance Film Festival). Сегодня фестивальное движение является своеобразной точкой пересечения различных кинематографических школ и традиций, которая позволяет вычлнить, с одной стороны, наиболее художественно и эстетически яркие произведения, с другой, — выявить новейшие тенденции в современном кино, которые будут на протяжении следующих нескольких лет определять ключевые тренды его развития. Особая роль в фестивальном движении отводится кураторам программ, так как именно от фигуры куратора зависит успех программы кинофестиваля и дальнейшее «шествие» по планете каждого фильма, включенного в программу и тем более отмеченного наградами. В докладе будет представлен опыт куратора программ кинофестивалей разного уровня, российских и международных, который позволит рассмотреть специфику различных кинофестивалей, особенности их программирования, а также проследить пути сближения/расхождения между мечтой и реальностью в формировании программы отдельно взятого кинофестиваля.

Документальная анимация как мечта о свободе: без границ в форме и содержании

Логинова Марина Сергеевна,

соискатель

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

Документальная анимация — явление, к которому приковано много внимания как практиков, так и теоретиков/искусствоведов, так как в русле общего увлечения «документальностью» в современном искусстве, в том числе в литературе, театре, кинематографе. Доканимация своим существованием пытается разрушить все границы — во времени, в видах и жанрах кинематографа, в диалоге между автором и зрителем. Например, активное становление ее пришлось на 90-е гг. прошлого века, хотя получила должное внимание после успеха фильма «Вальс с Баширом», но при этом ведет свою историю от «Гибели Луизитании» 1918 г. При такой размытости временных границ Россия все равно присоединилась к волне анимадока относительно

недавно, так первая программа российской доканимации на Большом фестивале мультфильмов в 2018 г. Пока нет институционального подхода к подготовке в этом направлении — короткие документально-анимационные интенсивы в высшем образовании, например, во ВГИКе, лаборатории документальной анимации под руководством Дины Годер, Александра Родионова и Евгении Жирковой на Международном кинофестивале дебютного и документального кино «Рудник» в Свяжске, при этом скептическое отношение многих мастеров-документалистов к этому направлению, за исключением Марины Разбежкиной. Возможно, в этом есть своеобразный плюс, так как кинематографисты свободны в своем движении. Документальная анимация или анимационная документалистика? Соединение двух видов кинематографа, общим знаменателем которых является художественное осмысление действительности (как у любого вида искусств) и отсутствие актера. Где проходит граница достоверности? Доканимация стала новым способом репрезентации реальности, который все еще может в России взять табуированные или болезненные темы для общества: политические и социальные проблемы, насилие государственное и частное, вопросы гендерной идентичности и психологической нормы. Документальная сторона дает основу: это может быть непосредственно факт/история, интервью, место, даже просто звуки. Анимация дает возможность передать мысль и дать прочувствовать эмоции без лишней наслоений смыслов и отвлечений в сторону деталями. Один и тот же фильм может участвовать в фестивале анимации и быть номинированным как документальный фильм (так произошло с фильмом «Мальбек», номинантом премии Сезар 2022 г. как лучший короткометражный неигровой фильм). У отечественной анимации есть своя борьба, которая берет свое начало в 60-х гг. XX в., — доказать, что она не должна быть ограничена детской аудиторией. Документальная анимация стала еще одной формой творческой свободы, которая дает зазвучать непосредственному голосу автора, выражающему чувства поколения, либо тем, кто хочет быть услышанным, но боится быть увиденным.

Герой в пространстве смерти: проблема выбора в условиях предопределенности

Мариевская Наталья Евгеньевна,

д. иск., профессор

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

В сущности, человек обречен знать о неизбежном финале всех своих начинаний, трудов и волнений. Наделенный способностью делать выбор, он, тем не менее, не властен над смертью. Заключенный в этом трагизм человеческого существования хорошо исследован искусством. Вероятно конфликт между свободой роком является самым древним и глубоким конфликтом в драматургии. Современный кинематограф видит выбор в условиях предопределенности по-новому. Прежде всего, это новизна проявляется в структуре художественного пространства. В докладе рассмотрено столкновение между выбором героя и предопределенностью на примере фильмов «Легенда о Зеленом рыцаре» (2021) режиссера Дэвида Лоури, «Думаю, как все закончить» режиссера Чарли Кауфмана (2020), «Память» режиссера (2021) режиссера Апичапонга Вираситакула.

Во всех этих фильмах необходимость сделать выбор является для героя огромным испытанием, требует от него духовного усилия на грани его возможностей. В картине Кауфмана персонаж изначально сознает свою неспособность сделать выбор как духовный изъян, как гибель души. Герой «Легенды о Зеленом рыцаре» герой по сути приговорен к мытарству в ожидании неизбежного. Его выбор заключается как раз в принятии необходимости собственной гибели. Героиня «Памяти» живет в тягостном поле уже случившегося, того, что она не в силах поправить.

Понятно, что во всех этих случаях реализуется вполне определенная временная модель. Здесь нет места будущему, а значит, нет места ни мечте, ни надежде. Но эта временная форма сложная. Предопределенность выбора, реализуется через активные драматические ситуации, то есть через реализацию моделей динамического хаоса, через ситуацию нелинейности, а также через повторяемость заданных моментов.

Пространство в котором нет места случайности можно назвать «пространством смерти». Смерть здесь осознается как желанная необходимость.

Это пространство характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, в нем отсутствует линейная причинность физического мира. Напротив, драматургия фильма строится в соответствии с причинностью абсурда. Повторы и зеркальные отражения становятся значимыми в «пространстве смерти». Значимой становится метафора зеркала. В пространстве смерти снимается оппозиции живого и мертвого, временного и вечного. Пространство смерти обладает собой оптикой. Видимое становится обманчивым. Ухо способно уловить то, что недоступно зрению. Невидимое становится осязаемым. В докладе выделяется структурообразующий принцип построения «пространства смерти», исследуется присущая этому пространству темпоральность.

Визуализация мечты в литературном тексте и кинотексте

Мартьянова Ирина Анатольевна,

д. ф. н., профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Мечта конгениальна онтологической природе кино, вписывается в его концептуальный ряд: кино, сон, иллюзия. Кинотекст повлиял на изображение мечты в литературном тексте. В. Набоков, провозгласивший высшей мечтой автора превращение читателя в зрителя, визуализировал в «Других берегах» мечту о возвращении на Родину. Он использовал опыт кинематографа, который подарил литературе ранее не мыслимые ракурсы и композиционные приемы изображения (с постепенной наводкой на резкость, с включением и усилением звука, с очевидным сопряжением модальных планов реальности и ирреальности и др.). Экранизация обнаруживает специфику литературного и кинематографического изображения мечты. Если обратиться к гоголевскому дискурсу, то начало трансформации мечты его персонажей положил М. А. Булгаков в сценариях «Ревизора» и «Мертвых душ». Мечта или близкое к ней наваждение изображались в них про- и ретроспективно при помощи наплыва, нарушающего пространственно-временной континуум, создающего модальный сдвиг в плане реальности/ирреальности.

В минисериале Г. Константинопольского «Мертвые души» (2020) мечты гоголевских персонажей подверглись радикальной, но не субъективной трансформации.

В этом сериале «мечтателями» выступают не только Манилов и его супруга, но все помещики и чиновники города N. Чичиков знает цену их современным мечтаниям, продавая им места на кладбище рядом со знаменитостями, мертвыми и еще не отошедшими в мир иной.

Наряду с трансформацией мечты, существует стратегия экспликации ее имплицитного присутствия в литературном тексте-первоисточнике, которую избрали Г. Козинцев и Ю. Норштейн в своих экранизациях «Шинели». Они развивали лейтмотив образа Башмачкина, для которого шинель была большим, чем теплая верхняя одежда. Шинель является воплощением его мечты о подруге жизни, что позволяет увидеть в нем самом нечто большее, чем «маленького человека».

Л. Петрушевской удалось визуализировать эту мечту в сценарии незаконченного мультфильма Ю. Норштейна, а ему — в подготовительных материалах кинотекста. Если в первоисточнике мечта присутствует имплицитно, то в ее визуальной экспликации Петрушевская выступает единомышленником режиссера, ощущающего музыку гоголевской фразы.

Конфликт точек зрения в сценарном повествовании: «Обломок империи» Е. Н. Виноградской и Ф. Эрмлера

Огудов Сергей Александрович,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник
Госфильмофонд

Наш доклад посвящен рассмотрению эпизодов возвращения памяти в киносценарии и фильме «Обломок империи» (1929 г.). Подход к анализу видений главного героя основан на нарратологическом изучении точки зрения. Основываясь на концепциях М. Флудерник и М. Яна, исследовавших фокализацию исходя из принципов морфологической поэтики, мы проследим градации точки зрения и ее переход от нарратора к персонажу на примере различных версий сценария «Обломок империи», написанных Е. Н. Виноградской и Ф. Эрмлером. Изменение точки зрения соответствует превращению литературного сценария в режиссерский и задано как конфликт: в сценах возвращения памяти происходит переход персонажа от наивного «фольклорного» видения мира к безумию, позже нашедшему отражение в фильме. Последовательный анализ эпизодов возвращения памяти в киносценарии и фильме «Обломок империи» свидетельствует о следующем: 1. Точка зрения в сценарном повествовании приобретает основополагающее значение, потому что режиссер, которому адресован текст, не только должен вообразить будущий фильм, но и осуществить его постановку. Изучая различные версии сценария, можно проследить развитие замысла фильма. 2. По мере превращения литературного сценария «Обломок империи» в сценарий режиссерский происходит переход от наррации взгляда камеры (Ф. К. Штанцель), свойственной литературному сценарию, к точке зрения персонажа последнюю можно охарактеризовать в основном как «охватывающую» (М. Ян). 3. Сценарий довольно сильно изменяется, и в первую очередь эти изменения затрагивают эпизод возвращения памяти. Первоначально небольшой эпизод разрастается у Эрмлера до масштабов целой части, становясь доминантой всего сценария. 4. Эрмлер вводит интеллектуальный и ассоциативный монтаж, показывая таким способом травмированное войной сознание персо-

нажа. Происходит «интериоризация» интеллектуального монтажа, мотивировкой для которого становится больная психика героя. При переписывании режиссером литературного сценария наивное «фольклорное» видение мира, первоначально свойственное персонажу, переходит в безумие, которое посредством множественной точки зрения и переносится на экран.

Тайна «белой комнаты» в фильме «В прошлом году в Мариенбаде» А. Рене

Перельштейн Роман Максович,

д. иск., доцент

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

Картина «В прошлом году в Мариенбаде» ставит вопросы, на которые не существует однозначного ответа. Иллюзия, греза, мечта — реальны ли они настолько, чтобы целиком подменить собою действительность? Удалось ли режиссеру Алену Рене воплотить на экране замысел автора сценария Роба Грийе? Что привнес нового режиссер, сняв фильм? Изменив ракурс взгляда на события, повлиял ли режиссер на финал истории? Плодотворность сотрудничества между режиссером и сценаристом состоит в том, чтобы двигаться параллельными курсами или пересекающимися? Не оказался ли изощренный киноязык препятствием на пути к постижению смысла истории? Возможно ли подобную историю, которая выходит за границы психологической драмы, удержать в рамках евклидоваго разума или формальной логики? Можно ли причислить картину «В прошлом году в Мариенбаде» к такому художественному направлению как барокко? Какое отношение стиль барокко имеет к политическим воззрениям авторов фильма? Является ли картина Алена Рене политическим высказыванием? Можно ли называть эстетику фильма дегуманизирующей или, напротив — она привлекает наше внимание именно к феномену гуманизма, исследуя его новые формы и возможности? Относится ли картина Алена Рене к поэтическому кинематографу или она является примером поэтического мышления? Было бы справедливым утверждать, что авторы фильма прибегают к языку новой поэзии, возникшей после Второй мировой войны, как реакции на величайшую гуманитарную катастрофу? Или они принципиально отказываются от какой-либо поэтической идеализации реальности? Прочитывается ли замысел фильма через психоаналитический год, и если да, то целиком ли он исчерпывается психоанализом? Не определяет ли характер отношений между любовниками исключительно «вторая реальность», которую можно описать как реальность переживаний? Чьи свидетельства достовернее — мужчины или женщины, когда речь идет об отношениях интимного свойства, и возможна ли вообще подобная постановка вопроса? Граница между мужчиной и женщиной уничтожается, потому что их желание слиться в одно существо осуществилось, или, потому что близость между ними так и не состоялась? Не является ли одиночество вдвоем самой непереносимой формой отчуждения, неминуемо провоцирующей насилие? Если мы опишем идею кинокартины как «блеск и нищета наших грез», то обязательно ли в основе художественной философии фильма будет лежать игра? Не проецируется ли безысходный гендерный конфликт на глобальные неразрешимые социальные противоречия, от которых художник пытается одновременно и сбежать, и бросить им скандальный вызов?

Меркнет ли реальность переживаний интимного свойства, которую можно охарактеризовать как «страсть», на фоне «Безграничной Действительности», которая описана поэтами-мистиками, например, такими как Райнер Мария Рильке и Ибн аль-Араби?

Приемы ретроутопии в телеспектакле Ленинградского телевидения «Верный робот» (1965)

Пронин Александр Алексеевич,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Верный робот» — телевизионная пьеса польского писателя-фантаста и философа Станислава Лема в четырех картинах, написанная в 1963 г., была впервые экранизирована в СССР на Ленинградском телевидении в 1965 г. (на Всесоюзном радио в том же году была осуществлена радиопостановка; позднее пьеса была поставлена на телевидении Чехословакии в 1967 и в 1977 на телевидении ГДР).

Ленинградская постановка режиссера Ивана Рассомахина отличается ярко выраженными чертами ретроутопии: прежде всего, в оформлении сценического пространства, costume и гриме главного героя, робота Граумера (Сергей Юрский), а также в пластических решениях миметических эпизодов-интермедий с его участием, где отчетливо видна ориентация на эстетику немой кинофантастики 1920-х гг. («Аэлита» и др.). С первых же кадров телеспектакля Ленинградского телевидения, в которых конструктивистские формы декораций символизируют пространство (город) будущего, зримо проявляется ретроспективная установка на стилистику советского авангарда 1920-х годов. Это именно режиссерское решение, поскольку в тексте пьесы интермедии никак не прописаны, действие сразу происходит в «комнате примерно 2000 г., но без поражающих воображение вещей».

Собственно действие пьесы Станислава Лема обходится в телепостановке Ивана Рассомахина без существенных трансформаций, мизансцены и диалоги воспроизводятся в соответствии с авторской версией. Драматургия экранизации «Верного робота» основана на заявленной Лемом фарсовой актуализации конфликта господ и слуг (как архетипа общественных отношений), который проецируется на новую реальность — взаимодействие человека с «мыслящей машиной», искусственным интеллектом. При этом сатирическое изображение недалекого будущего буржуазного мира, в котором классовая борьба распространяется и на взаимоотношения с андроидами, осуществляется автором экранизации с помощью знаков и символов прошлого, придающих футуристическому сюжету ретроспективный акцент.

«Неживая жизнь» и «новый человек»

Рейфман Борис Викторович,

к. культ., доцент

Российский государственный гуманитарный университет

В главе «Что такое кино?», завершающей книгу «Язык новых медиа», Л. Манович говорит о характерной для цифрового кинематографа «своеобразной пластичности»

экранных изображений, дающей возможность создавать разного рода «неживую жизнь», т.е. такие «реалистические» симуляции, которые либо позволяют вообще отказаться от необходимости фиксировать «реальность», либо подразумевают синтез «реальности» зафиксированной и «реальности», сконструированной с помощью компьютерных технологий. «Если традиционный кинематограф оставлял кадры с натуральным движением нетронутыми, — пишет Манович, — то в цифровую эпоху они — «сырец», предполагающий дальнейшую обработку, например, анимацию или морфинг». Автор «Языка новых медиа» противопоставляет откровенный, не таящийся от зрителей дигитальный иллюзионизм этой «уникальной визуальной реалистичности» иллюзионизму пленочного «реалистического» кино, которое «старательно скрывает улики своей искусственности». Одним из ответов на заданный когда-то А.Базеном вопрос «Что такое кино?», в ту эпоху, когда этот вопрос повторяет Л.Манович, становится институционализация апологетических по отношению к новым медиа теорий «плохого кино». Та возвышаемая Л.Мановичем «неживая жизнь», которая существует как «реальность», созданная средствами компьютерной анимации, в фильмах, рассматриваемых теоретиками «плохого кино» в качестве объектов исследования, приобретает еще и нарративно-семантическое измерение, артикулирующее оксюморонную «нежизненную жизненность» персонажей слэшеров и зомби-хорроров. В то же время, и кинематографическая, как и посткинематографическая, тема «неживой жизни», связана с романтической литературной традицией «кукольности». Одним из глубоких немецких романтиков, развивавших эту традицию, как известно, был Э.Т.А.Гофман, в сатирических гротесках которого с наибольшей отчетливостью проявилось отрицание «разнужданного общества» позднепросвещенческой и постпросвещенческой Европы с его «грубыми и незаконными инстинктами» [А.Карельский], характерными для «нового человека» рождавшегося в начале XIX в. буржуазного мира. Однако зомби и маньяки «плохого кино» репрезентируют совсем иное, чем у Гофмана, не социально-критическое, а, по отношению к рецепиенту эпохи новых медиа, апологетическое видение «нового человека», приветствуя его «антиэстетическую» страсть к компьютерной «неживой жизни» и, в целом, любовь к «компенсаторным» цифровым технологиям, иронично называемую «плохим вкусом». Этот «новый человек» Мановича и адептов «плохого кино» радикально отличается как от «нового человека» Гофмана, так, например, и от Алекса из фильма «Заводной апельсин», т.е. «нового человека» С.Кубрика. Этому различию и будет посвящен планируемый доклад.

Сценарий как источник вдохновения

Ржешевская Анастасия,

аспирант
ОАО «Ленфильм»

Сегодня проблема текста в кино стоит не менее остро, чем сто лет назад, во времена немого кино. И дело не в отсутствии киносценариев, а в качестве этих текстов и их кинематографичности. Увлечшись американской системой кинопроизводства, молодые специалисты создают истории, построенные исключительно на диалогах.

В свое время попыткой решить аналогичную проблему была теория «эмоционального» сценария. Впервые идея была озвучена С.Эйзенштейном в статье «О форме сценария», где он утверждал, что сценарий должен ставить эмоциональные требования,

а визуальное решение даст режиссер. От слова, как штампа, к слову, как кинообразу. Текст должен был стать эмоциональным двигателем киноповествования. Большое внимание отдавалось передаче пластики состояний природы и человека. Для драматурга важна выразительность и образность каждого слова и аутентичное воспроизведение на экране. Удачное словесное оформление должно привести к выразительному зрительному материалу. На надписях лежала особая нагрузка: текст передавал эмоциональное состояние сцены и задавал ритм и динамику киноповествованию. Форма кадров, ракурсы, свет, характер и движение людей — все это без прямых указаний включено в словесное построение. Но идея, так кардинально изменить форму киносценария, в советском кинематографе успеха не имела. Мечта переносить живые яркие эмоции из текста сразу на экран оказалась трудно осуществимой. Необыкновенный стиль повествования сильно усложнял задачу режиссерам.

В европейской кинодраматургии проводились аналогичные опыты, в частности, в Германии. Немецкий экспрессионизм особенно близок был к идее «эмоционального» сценария. Экспрессионисты не воспроизводили реальность, а «перестраивали ее по своему усмотрению». Создавали свою реальность через наиболее яркие эмоциональные образы и состояния. Так, например, драматург Карл Майер использует «отрывистый экспрессионистский язык с характерным для него избытком восклицательных знаков и инверсий», который создает напряжение в сцене и позволяет почувствовать темп развития сюжета. При этом в словесное построение включены указания на ракурс и способ постановки света.

В настоящее время продолжают исследования в области кинодраматургии, в частности, продолжают попытки разработать концепцию построения эффективного сценария: Р. Макки, Дж. Труби, К. Воглер, С. Филд, А. Талал и др. Зачастую современные авторы берут за основу материал книги и на ее основе создают сценарий. Это дает режиссеру и сценаристу тот самый богатый дополнительный материал для кинообразов, который не может дать сценарий, построенный лишь на диалогах.

Концепт «бессознательной фантазии» и кинематограф

Савченкова Нина Михайловна,

д. филос. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В теории кино кинематограф размещается в координатах иллюзии и реальности. Концепция «бессознательной фантазии» появилась в психоанализе благодаря Сьюзен Айзекс — одной из последовательниц Мелани Кляйн и, соответственно, сторонницы теории объектных отношений. Новизна этой идеи по сравнению с классическим философским и психоаналитическим пониманием фантазии состоит в представлении о деятельности бессознательной фантазии как неотделимой от психической жизни вообще. Этот процесс, по Айзекс, начинается с момента рождения, тесно связан с переживанием собственного тела, ощущениями и восприятиями, лежит в основе мышления вообще. Бессознательная фантазия попадает в поле внимания исследователей лишь в случае радикальной смены оптики и перехода к своего рода «close reading» реальности, непрерывному феноменологическому наблюдению и вниманию к деталям. Функция бессознательной фантазии состоит в том, чтобы обеспечить переживание всех чувств и всех импульсов, «дать им психическую жизнь, показать их направлен-

ность и цель» [1]. Такое понимание фантазии разрушает привычное представление, противопоставляющее фантазию и реальность. С этим привычным противопоставлением связано трактовка кинематографа как «театра иллюзий». Парадоксальный статус кинематографической иллюзии отмечали неоднократно (Ж.-Л. Бодри, В. Бен-Ямин, К. Метц), однако в каждой из этих теорий момент «впечатления реальности», безоглядной веры в иллюзию, погружения в сновидение всегда присутствовал, чему всегда сопутствовало и противоположное движение. Весы кино качаются и с момента рождения первенство оспаривается люмьеровской и мельесовской стратегиями. С нашей точки зрения, концепт бессознательной фантазии позволяет преодолеть эту оппозицию. Поскольку БФ «сшивает» внутреннюю реальность и переживание реальности объективной, она создает зону «переходных феноменов», чей онтологический статус следовало бы охарактеризовать в связи со строгим понятием «чуда»: переходные объекты реально появляются там и тогда, где ребенок их сфантазировал. Первоначально за такое совпадение отвечает мать, но впоследствии именно развитая и дифференцированная бессознательная фантазия, часто именуемая реверси, обеспечивает согласованность внутреннего и внешнего. Кинематограф рубежа XX–XXI вв. как никогда озабочен проблемой реальности. Технические и человеческие решения, казалось бы, все больше раскалывают кино по линии реального/фантастического, но не будем забывать о том, что оппозиции лишь следствие гораздо более разнообразных процессов, в поле которых и возвращает нас бессознательная фантазия, предлагая совершенно другой язык описания происходящего.

Литература

1. Айзекс С. Природа и функция фантазии // В сб. Развитие в психоанализе. М., 2001. С. 141.

«Мечты — третий сорт», или пределы воображения

Степанов Михаил Александрович,

к. филос. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Доклад посвящен популярным фантастическим фильмам 1960-х годов, комически раскрывающим тему двойничества. Если романтический двойник воплощал бессознательные демонические силы, то двойник популярной фантастики означенного периода олицетворял пределы научного воображения и высшие ценности эпохи научно-технического прогресса. К 2000 г. мечты 1960-х гг. в попкультуре иронично рассматривались как «мечты — третий сорт». «Мечты третий сорт» — это название известного альбома 2000 г. петербургской группы «Нож для фрау Мюллер». Музыкальные композиции строятся на семплах из фильмов 1960–1970-х гг., таких как «Формула радуги» (1966), «Его звали Роберт» (1967) к/ф «Бриллиантовая рука» (1968) «Фантомас» (1964), «Фантомас против Скотланд-Ярда» (1966) и т. д. Музыканты отобрали наиболее странные музыкальные семплы и фразы из фильмов, создав тем самым невообразимый музыкальный коктейль, названный ими *post easy listening*. Музыканты иронично относятся к периоду непоколебимой веры в научно-технический прогресс, а потому обыгрывают сатирические фильмы эпохи, ведомой мечтой о изящной функциональности и элегантной технологичности. Авторы сборника «Веселые человечки: Культурные герои

советского детства» (НЛО, 2008) создали срез культурного сознания советского и постсоветского общества, когда масштабно проанализировали в качестве единого социокультурного явления персонажей книг, фильмов и телепередач советского детства. Однако, если взглянуть на выборку фантастического масскультового кино в музыкальном альбоме, или точнее через него, то обнаруживается навязчивая тема двойничества. Тема двойника раскрывается иначе, чем в романтической и символистской традиции. Новый романтический допельгангер обнажает пределы воображения: советские роботы (или перевоплощения Фантомаса) принадлежат комическому, а не мистическому измерению (демонические силы). Новые двойники служат оптимизации оборудования (человекозамещающих технологий), выявляют фундаментальные антропогенные неисправности и демонстрируют пределы технологической сингулярности. Человек в итоге побеждает робота или оказывается несоизмеримо ценнее искусственного человека. Интересна в данном случае сама мечта — быть человеком. Каковы же пределы этой мечты, пределы воображения?

Тело как вызов: Образ женского в фильмах учеников А. Н. Сокурова

Степанова Полина Михайловна,

к. иск., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Проблема новой телесности, пронизывающая все современные визуальные искусства, особенно ярко проявляется в кинематографе. Тело, зафиксированное на пленке, осуществляется в неуловимом пространстве между телесной природой актера и телом, сконструированным режиссерской мыслью: монтажными переходами, крупностями и мизансценическими решениями. С 2014 г. участниками и победителями мировых и отечественных кинофестивалей становятся выпускники режиссерской мастерской А. Н. Сокурова Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, в 2021 г. в программу 31 Международного кинофестиваля «Послание к человеку» вошел специальный показ работ студентов режиссерского курса Сокурова, обучающихся в данный момент в Санкт-Петербургском государственном институте кино и телевидения. Фильмы, представленные школой Сокурова, позволяют выявить и проанализировать изменение культурологических парадигм, которое затрагивает систему представлений о телесной и гендерной культуре, обозначает быструю трансформацию телесных техник жизни. Особый интерес в работах кинорежиссеров представляет образ женского, который вступает в острый конфликт с современными представлениями о репрезентации женской телесности. В фильмах учеников Сокурова женщина и женское оказываются в сфере внимания только в надындивидуальной общности. Сформулировать уникальность формирования нового языка кинематографа помогают базовые термины интерпретативной антропологии и методы антропологического театра. Режиссеры школы Сокурова сознательно прибегают к исторической дистанции, выстраивая образ мира и образ женского («Антигона» (2015) О. Хамоков, «Софичка» (2016) К. Коваленко, «Дылда» (2019) К. Балагова), используют тело фрагментированное, расчлененное рамкой кадра и структурированное крупностью, часто подражая ранним фильмам руководителя мастерских («Одинокий голос человека» (1978), «Дни затмения» (1988)). Экранизации дают возможность точнее определить

проблему изменения женского образа, благодаря столкновению литературного текста, ставшего основой сценария, и визуальных образов, используемых режиссерами для воплощения женского в кадре. Современные сюжеты в фильмах режиссеров школы Сокурова обретают глубину отстранения и обобщения, благодаря использованию телесных техник взросления в актерских партитурах и через сакрализацию визуальных образов. Сакрализованная женская телесность становится основой мизансценических решений фильмов: «Теснота» (2017) К. Балагова, «Разжимая кулаки» (2021) К. Коваленко, работы студентов СПбГИКиТ мастерской Сокурова.

Стакан воды и кодекс Хейса: мечта о высоких отношениях в фильме Э. Любича «Серенада трех сердец» и в «Третьей Мещанской» А. Роома

Торопыгина Марина Юрьевна,

к. иск., доцент

Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова

Доклад посвящен сравнительному анализу фильмов «Серенада трех сердец» Эрнста Любича и «Третья Мещанская» Абрама Роома. Общая тема этих фильмов: любовный треугольник, состоящий из двух мужчин и одной женщины, используется как основа для сравнения и позволяет выявить различия как в отношениях героев, так и в отношении режиссеров к новым гендерным ролям и новой морали. Фильм Абрама Роома «Третья Мещанская» по сценарию Виктора Шкловского вышел в 1927 г. и стал классикой отечественного кино. Проблема любовного треугольника рассматривалась в нем в контексте «новой морали», когда новые социальные отношения подразумевали и новое понимание гендерных ролей. Фильм предлагал новый взгляд на женщину и совсем иные, не патриархальные возможности отношений с мужчиной (или мужчинами, как в данном случае) в противовес старому, мещанскому или буржуазному браку. В истории героини Людмилы Семеновы и двух ее мужчин, Николая (Николай Баталов) и Владимира (Владимир Фогель), видели совпадения со знаменитыми любовными треугольниками в произведениях русской литературы, своеобразных утопиях, где мечты о новом общественном устройстве соединялись с грезами о свободной женщине («Что делать»), и с реальными треугольниками в жизненных обстоятельствах русских писателей и поэтов. Финал фильма был отчетливо феминистским: мужчины были оставлены героиней в подвале на Мещанской (то есть «мещанской») улице, а сама она выбирала самостоятельность и дальнюю дорогу. «Серенада трех сердец» Эрнста Любича вышла в 1933 г., успев появиться на экранах незадолго до вступления в силу знаменитого кодекса Хейса. Сюжет основан на пьесе Ноэла Коурда «План жизни», значительно переделанной сценаристом фильма. Как и в фильме Абрама Роома, героиня Мириам Хопкинс оказывается между двумя влюбленными в нее мужчинами, которых играют Фредерик Марч и Гэри Купер, и кажется, не в силах сделать выбор. Жанр комедии превращает эту историю в череду забавных событий, но и для американского зрителя того времени отношения героев выходили за рамки привычных понятий о морали и гендерных ролях. В то же время в фильме Любича раскрывается совсем иной смысл любовного треугольника и от-

крываются новые возможности гендерных отношений в эпоху, когда женщина начинает определять план жизни.

Советский кинообраз постсоветского будущего

Тульчинский Григорий Львович,

д. филос. н., профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Доклад посвящен содержанию образа нежелательного будущего, представленного в позднесоветских кинематографических антиутопиях. Образы желаемого и не желаемого (пугающего) будущего имеют множество возможностей репрезентации: от пророчеств и манифестов до прогнозов и проектных разработок. Однако художественные тексты обладают особыми возможностями смыслообразования, будучи связаны с не только с рационально выстроенным представлением содержания, но эмоционально выраженными переживаниями акторов повествования, активирующими соответствующие оценочно окрашенные переживания реципиентов.

Так, утопии, отталкиваясь от некоторых тенденций настоящего, представляют возможную картину будущего в широкой картине возможного социального и личного опыта. Все более привлекающей внимание разновидностью утопии является антиутопия (дистопия, какотопия) — как предупреждение о неоднозначных и опасных перспективах развития. Классические антиутопии прошлого века исходили из перспективы реализации научно и технологически обоснованных идеалов социальной справедливости в духе фабианского социализма. Описанные в них перспективы оказались довольно точными: КНР форсированно реализует замятинскую антиутопию, Западный мир антиутопию О.Хаксли, Россия — Д. Оруэлла. Не случайно эти и другие антиутопии вызвали повышенный интерес кинематографистов и были неоднократно экранизированы.

Однако особый интерес позднесоветский опыт антиутопий — «Письма мертвого человека» (1986) «Кин-дза-дза!» (1986) — не экранизации, а собственно кинематографических проектов. Оба кинофильма вышли в 1986 году, т. е. эти кинопроекты задуманы на самом излете советского общества и вышли в начале перестройки, уже после «Покаяния» Т. Абуладзе, т. е. в них находит выражение осмысление изводов советского эксперимента с обществом и человеком. Первый демонстрирует трагические последствия неконтролируемого ядерного взрыва накопленного ядерного арсенала, т. е. передает страхи того времени. Второй — в жанре трагифарса заглядывает намного дальше, давая чрезвычайно актуальную развернутую картину общества, в котором доминируют сугубо властные иерархические отношения.

Поэтическая видеоимпровизация как синтез литературы и кино

Филимонов Алексей Олегович,

Союз писателей России

Поэтическая видеоимпровизация — новый авторский жанр спонтанного сочинения стихотворения перед видеокамерой смартфона в режиме селфи или автопортрета с последующим размещением видеоролика в интернете (на Ютубе) и расшифровкой

сочиненного текста, который может являться самостоятельным литературным произведением. Желание сочинить приходит мгновенно, ручка и блокнот не лучшие помощники в пути. Стихотворение проговариваемое пишется быстрее, оно точнее отражает первоначальное настроение, которое может улетучиться при раздумье. Это пограничный жанр, его корни уходят к античной мелике, а его воплощение — более трех тысяч авторских видеоимпровизаций. Поэтическая импровизация парадоксальна, она объединяет видеоряд, где сочинитель является другим — персонажем и актером, захватывая происходящее глазком видеокамеры, с сочиняемым на лету рифмованным стихотворным произведением. Желание отразить окружающий мир и сделать его равноправным участником видеоселфи реализуется при съемке с элементами игрового и документального кино. Психологическое состояние сочиняющего, близкое к вдохновению, сопровождается необходимостью сочинить стихотворение из нескольких строк в ограниченное время, что избавляет пишущего от привычных табу на неточную рифму, анжамбеманы, чрезмерную герметичность либо наоборот упрощенность. Личность или двойник импровизатора — кто он? Как преодолеть то, что называется отвращением к своему бытию? Комплекс Нарцисса, который обычно называется самолюбованием, трансформируется в сложное отношение к своему двойнику, являющимся подлинным либо наоборот мнимым «я», подобным отражению Нарцисса в зеркале стихии. Пространство, попадающее в кадр или служащее отправной точкой, вызывает ряд ассоциаций, например, осенний клен в пламени листвы может стать «есенинским» не только в стихотворении, но играть подобную роль своим обликом. Также характерны ассоциации со всем корпусом русской поэзии, возникающие спонтанно. Происходит медитация, очищения, катарсис. Играющий арлекин — одна из масок сочинителя — так, стихи Владимира Набокова писались от имени персонажей, чтобы представить иную поэтику, нераскрытую автором под именем Сирина или Набоков. Видеоимпровизация может не отражать в словах предметы попавшего в кадр пространства, обращаясь к миру потустороннему, но, тем не менее, видеоряд имеет значение для целостного восприятия стихотворения. Герой — реалист и мечтатель, предвосхищающий золотой век поэзии, когда люди путем сознания будут обмениваться поэтическими произведениями. Некто с рождения нашего творит и записывает безостановочно нашу жизнь. Видеоимпровизация — попытка соавторства и диалога при помощи новейших электронных средств.

Иллюзии полиэкрана в «Отсчете утопленников» Питера Гринуэя

Эвальдье Виолетта Дмитриевна,

к. культ., старший научный сотрудник
Государственный институт искусствознания

Фильмы Питера Гринуэя характеризуются визуальной избыточностью кадров, словно режиссер пытается создавать мета-киноматерию, многослойную, сложносоставную, не стыдящуюся своей «деланности». Питер Гринуэй конструирует кадры подобно архитектору, на каркас концепций нанизывает визуальные пласты — с помощью полиэкрана или иллюзий его присутствия. В рамках доклада мы сосредоточимся на эффектах полиэкрана в фильме «Отсчет утопленников» (*Drowning by Numbers*, 1988). Композиция «традиционного» поликадра формируется различными техническими

способами, создает сегментированное изображение (с обозначенными или подразумеваемыми границами). Эти фрагменты потенциально отчуждаемы в последовательные кадры, то есть привлечение полиэкранного «аттракциона» напрямую зависит от волеизъявления режиссера. Эффекты и иллюзии полиэкрана возникают, когда сама внутриэкранная реальность подразумеваемо сегментирована, а «изъятие» какого-либо фрагмента или их композиционное слияние приведет к разрушению архитектоники кадра и утрате заложенной в нем концепции. В «Отсчете утопленников» полиэкранный кадр не появляется в своих узнаваемых формах, но обнаруживается тщательно сконструированная иллюзия его присутствия. Речь идет не о фактических перегородках, зонировании плоскости экрана — напротив, большая часть кадров, характеризующихся эффектами полиэкрана, демонстрируют нехарактерную для кинопоэтики режиссера аскетичность внутриэкранной материи. Фильм начинается с пролога, визуально соотносимого скорее с театральной эстетикой, нежели кинематографической. Декорацией-задником выступает стена дома с распластанной на ней тенью. На «сцене» — девочка, словно куколка, в платье с розочками, кудряшками, волшебной палочкой прыгает через скакалку, напевает считалочку. На переднем плане покачивается аккуратно подвешенное на струганной палке чучело огромной птицы с раскрытыми крыльями. Гринуэй создает такую своеобразную трехчастную композицию световыми эффектами, работой с точками съемки, монтажными склейками, пространственной глубиной выстраиваемой мизансцены. Создается эффект полиэкрана, но не на плоскости кадра, а вглубь кинореальности. Глубинная «полиэкранная» перспектива встречается на протяжении всего фильма, характеризуясь довольно четкими горизонтальными границами между плоскостями сегментов, параллельными архитектурному «фасаду» экрана. Невидимые контрфорсы поддерживают устойчивость архитектуры кадра, а каждый его сегмент плотно интегрирован в мизансцену подобно кирпичной кладке.

Освоение космоса как утверждение «глобальной деревни»: роль телевидения в кинофильме Павла Клушанцева «Дорога к звездам» (1957)

Якобидзе-Гитман Александр,

к. иск., научный сотрудник
Witten/Herdecke University (Германия)

В докладе анализируется кинофильм «Дорога к звездам» Павла Клушанцева (1957) и на его примере показывается, какую роль играло телевидение в массовых фантазиях о покорении космоса. На основе сопоставления с более ранним фильмом «Космический рейс» Василия Журавлева (1935) показывается, каким образом в представлении образов будущего на экране линейное повествование оказалось вытеснено открытой, разомкнутой структурой, характерной скорее для телепрограмм, чем для кино. Фильм Павла Клушанцева «Дорога к звездам» упоминается в исследовательской литературе как пример смелого смешения жанров научно-популярного кино и научной фантастики, а также в связи с высокими техническими достижениями (для своего времени). В кинофильме несколько раз возникает телевизор, функция которого (на поверхностный взгляд) состоит в демонстрации технического прогресса, с одной стороны, и контрасте маленького черно-белого экрана с большим цветным. В докладе выявля-

ются другие, прежде неисследованные аспекты присутствия телевидения в «Дороге к звездам»: сама повествовательная структура кинофильма несет на себе следы влияния телевизионных программ. Это особенно заметно при сравнении с более ранним полнометражным советским научно-фантастическим кинофильмом — «Космическим рейсом» Василия Журавлева (1935), где господствует линейное повествование. Другое важное отличие в том, что если в 1930-е гг. кинематографисты помещают космодром в центре столицы, то в фильме Клушанцева все события на Земле разворачиваются на лоне природы или в сельской местности, а визуальные образы наполнены ботанической и сельскохозяйственной метафорикой.

Согласно тезису доклада, «Дорога к звездам» за несколько лет до Маршалла Маклюэна показывает, как совпавшие по времени распространение телевидения и запуск искусственного спутника создают эффект имплозии — взрывного сжатия пространства и времени, резкого ослабления их линейного восприятия. Все показываемые в телевизоре явления начинают казаться одинаково близкими и непосредственно взаимосвязанными. Жители разных континентов начинают рассуждать и поступать таким образом, как если бы они жили бы в единой «глобальной деревне».

Сцена | Текст. Театр. Границы и условности

«Фирма Таганка» в социальных театральных сетях 1970-х гг.

Абелюк Евгения Семеновна,

к. ф. н., доцент

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Леенсон Елена Ильинична,

к. ф. н., главный эксперт

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Говоря о влиянии современного театра на жизнь общества, обычно имеют в виду пространство художественной жизни. Однако в оттепельное и постоттепельное время мы сталкиваемся с ситуацией, когда театр глубоко влияет и на иные сферы общественной жизни. Характерным для этого периода времени является возникновение разветвленных сетей, объединявших поклонников театра. В совокупности разные ветви таких сетей составляли сложно организованную иерархическую структуру, именуемую ее участниками «Системой»; в нее входили сотни людей. Вокруг каждого театра Москвы и Ленинграда из числа ведущих существовала своя ветвь сети — так называемая «фирма». «Фирма Таганка» была основополагающей — вокруг нее организовывались и другие ветви театральной сети. Представители разных «фирм» сотрудничали, в том числе обменивались билетами. Этот обмен мог быть натуральным, а мог происходить и с использованием специально изготавливаемых бумажных купюр или металлических жетонов — в большинстве фирм были свои «банковские группы», работавшие с общей тайной театральной биржей. Задача данного проекта — описание особенностей создания и функционирования «Системы». Это позволит сделать интервью, которые у организаторов и участников театральных сетей взяли и продолжают брать сотрудники Проектной лаборатории по изучению творчества Ю. П. Любимова и режиссерского театра XX–XXI вв. НИУ «Высшая школа экономики». Несмотря на то, что «Система» прекратила свое существование к середине 1980-х, участники разных ее ветвей и сейчас периодически собираются; на этих собраниях бывает до 40–50 человек. До сих пор неформальные сети поклонников театра не были объектом изучения, а участники «Системы» отказывались давать интервью. Собранный сотрудниками лаборатории материал (около 20 интервью) уникален — он позволяет описать многие особенности этого общественного феномена: возрастной и социальный состав участников, структуру, различные «роли» людей, находившихся на разных уровнях иерархически устроенного объединения, особенности функционирования объединений, отношения и формы сотрудничества с государственными учреждениями

(театром, милицией), принятые здесь этические правила, традиции, терминологию, взаимоотношения с иными неформальными сетями. Кроме того, собранные материалы показывают, какое влияние в эту эпоху театры оказывали на общество.

Театральные условности старинных жанров в зеркале мистерии П. Клоделя «Благая весть Марии»: проект 1929–1932 гг.

Азарова Валентина Владимировна,

д. иск., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблему исследования составляет обнаружение возвращенных на сцену великим французским поэтом и драматургом П. Клоделем (1868–1955) театральных условностей старинных жанров — латинской литургической драмы, миракля и мистерии. Предметом рассмотрения является «музыкальный» проект *opus magnum* Клоделя — мистерии «Благая весть Марии» (1912–1948), в редакции, предназначенной для парижского театра Пигаль в период 1929–1932 гг. В междисциплинарном, герменевтическом и искусствоведческом подходах к рассмотрению названной проблемы мы задаемся вопросами о целях предпринятой драматургом реконструкции границ старинных жанров; также мы стремимся приблизиться к разрешению простейшего, но вместе с тем и величайшего вопроса: в чем состоит смысл сохранения традиций (их «архивирования»)? Для анализа содержания, структуры и стилистических элементов мистерии нами привлечен корпус исследований, среди которых находится академический музыкально-исторический труд Ж. Комбарье (т. 1), а также статьи таких авторов, как Д. В. Токарев, А. Н. Горбунов, В. С. Сергеева, С. Исаев, Charles Mazouer, Pascal Lécroart, Alain Beretta, Annemaria Cascetta, Yehuda Moraly. В музыкально-театральный проект 1929–1932 гг. Клодель внес существенные изменения по сравнению с премьерой мистерии 1912 г. По совету режиссера Шарля Дюллена, был изменен текст IV действия произведения и разработана концепция сценической музыки, к созданию которой драматург пригласил известного французского композитора Дариуса Мийо. Основу замысла Клоделя составляла идея постепенного перехода от декламации к пению. Новая организация звукового пространства мистерии предполагала перенесение смысловых акцентов драматического действия на музыку, которая была призвана «создать впечатление о Рае». «Как было бы желательно, чтобы целая драма метрически и просодически могла бы быть исполнена певцами-актерами. Почему нет?», — размышлял Клодель. Возвращение на сцену театральных условностей других эпох — отличительный признак театра Клоделя, в котором проявились особые принципы организации звукового пространства. Находясь на дипломатической службе в Китае и в Японии (1921–1927), Клодель глубоко исследовал традиционные постановки театров Но, Кабуки, Бунраку. В архаическом японском театре французский драматург различал магию воздействия на зрителя. Философские основы дальневосточного театра, функциональный набор композиционных элементов с символическими атрибутами костюмов (маска, рукав, веер) Клодель творчески претворил в сценических постановках собственных пьес. Возврат в сценическое пространство храмовой сакральности, архаического единства жеста

и смысла укрепил современников Клоделя в понимании смысла христианской идеи синтеза времени и вечности.

Роман «Обещание на рассвете» Ромена Гари как способ совершенствования в себе эмоционального интеллекта (EQ)

Анастасьева Ирина Леонидовна,

к. культ., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В Московском драматическом театре имени А.С.Пушкина уже несколько лет успешно идет спектакль «Обещание на рассвете», поставленный молодым режиссером Алексеем Кузминым-Тарасовым по мотивам автобиографического романа французского писателя российско-польско-еврейского происхождения Ромена Гари — Романа Лейбовича Кацева. Отраднo, что постановка вызвала сочувствие у зрителей, давших восторженные отзывы как о самом о спектакле, так и об игре актеров — Александры Урсуляк и Андрея Заводюка. Исполнители главных ролей сумели точно передать общее настроение произведения — желание автора подчеркнуть безграничность любви матери к сыну. Как ни странно, точному попаданию в образ поспособствовало, помимо всего прочего, и то обстоятельство, что А.Заводюк, играющий роль сына, намного старше А.Урсуляк, исполнительницы роли матери. находка режиссера придала сюжету внеисторический, вневременной смысл, подчеркнув величие и беспредельность материнского чувства. Коррелируя в этом отношении друг с другом, далее роман и спектакль расходятся, и доказательство тому — зрительские отзывы, трактовка сюжета, данная ими. Основной акцент в театральной постановке был сделан на жертвенности матери, не пожелавшей устраивать собственную судьбу, думавшей исключительно о благе ребенка, его будущей карьере, о его наградах и успехе у женщин, о его подвигах и достижениях. Но ирония, пронизывающая монологи героя, все же не передает всецело идеи писателя: это разговор и об эгоистичности материнской любви, ибо она опутывает, сковывает героя (и самого автора), не позволяет свободно вздохнуть, не думать о ней хотя бы минуту в течение дня. Безусловно, подпитывающая творческие силы Ромена Гари всю его жизнь, эта любовь стала причиной самоубийства писателя, в чем он признался в предсмертной записке. И сама книга, и спектакль, поставленный по роману, могут помочь выработке когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий, используемых человеком в стрессовой ситуации, то есть обретению копинг-стратегий, объединяющих понятия когнитивных и эмоциональных функций, которые формируются психологами, восстанавливающими эмоциональный интеллект пациента. Люди могут и должны испытывать естественную зависимость от родителей, чувство привязанности к ним, благодарность членам семьи, при этом эмоции не должны иметь искаженно-гипертрофированных форм, только при этом условии можно говорить о здоровом взаимодействии человека с социумом. Когда же родитель демонстрирует постоянные колебания психологического состояния, то он — незаметно для себя — стремится избавиться от стресса за счет другого человека (чаще всего — ребенка), делая его психологически зависимым, о чем и пойдет речь в выступлении.

Функционирование литературного текста в пространстве современного танца

Байдина Дарья Владимировна,

аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Творчество и деятельность каждого балетмейстера немислимы без регулярного поиска новых идей и отбора тем (проблем) для постановки хореографического спектакля. Создание нового хореографического произведения, созвучного нашему времени, — это сложный и многоступенчатый творческий процесс, требующий определенных усилий и творческих исканий. Одним из звеньев в этой цепи художественных контактов, необходимых при создании хореографического спектакля, можно назвать контакт балетмейстера с художественным литературным произведением. Как известно, современная хореография представляет собой синтетическое искусство, объединяющее в себе во взаимосвязи другие виды искусств, и обнаруживает с ними общие свойства. Но в данном случае, рассматривая современный танец и балет, мы говорим о синтезе различных искусств, подчиненном художественному хореографическому образу. Во все времена в хореографическом искусстве активно использовались литературные сюжеты, образы и, что естественно, драматургия художественного литературного произведения. Образы, рожденные прозой, драматургией известных писателей, всегда привлекали внимание деятелей хореографии. Уже первые этапы развития балета как самостоятельного искусства были связаны с его опорой именно на литературу. Также и в настоящее время современный танец (балет) обращается к классическим произведениям литературы. Например, в репертуаре балета «Москва» имеется спектакль «Кафе Идиот». Пересказать многослойный, насыщенный событиями детективный роман с помощью только движений и образов — задача непростая, но балетмейстер справляется с ней и воссоздает на сцене узнаваемый сюжет, особую атмосферу, и, таким образом, роман Ф. М. Достоевского становится богатой фактурой для современного танцевального языка. Танцевальная драматургия является основой всего хореографического действия. Драматургия хореографического произведения содержит в себе черты, близкие как музыкальной драматургии, так и драматическому театру. Через драматургию современный танец может быть связан не только с драматическим театром, но и с литературой. Его сценарий — явление театрально-хореографическое, но также и литературное (поскольку он представляет собой словесно изложенный сюжет). И очень часто сценарий создается на основе литературных произведений, поэтому рассмотрение взаимосвязи современного танца с литературой в этом случае очевидно. Для современного танца в его взаимоотношениях с литературой также характерны такие понятия, как вольная фантазия, интерпретация. Танец может передать образный мир, идею, главный драматический конфликт литературного произведения. Балетмейстер стремится дать собственное его прочтение, выдвинуть свою концепцию. Но стоит отметить, что современному танцу не все литературные произведения доступны.

Живая картина и экфрасис: от слова к жесту и обратно

Васильева Жанна Владимировна,

к. культ., старший научный сотрудник

Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ

Жанр «живых картин» традиционно рассматривается историками культуры в рамках исследований театральной культуры. Методические пособия и рекомендации по постановке живых картин во множестве выпускались и в XIX в., и в первой четверти XX в. В докладе анализируются три издания 1870, 1902 и 1909 г. Цель работы: проанализировать структуру книг-объяснений живых картин и сравнить ее со структурой экфрасиса. Эти книги существуют в тесной связи с картиной или постановкой. Перед нами книги не для чтения, но для постановки и устной декламации. Они существуют в тесной связи с образом (представленной живой картиной), устной речью (декламацией) и живой коммуникацией участников и зрителей. Цель этой коммуникации не создание нового знания, но повторение знакомых формул, образов, символов. Речь идет о воспроизводстве культурных образцов, которые обеспечивают непрерывность культурной памяти. Воспроизводство культурной памяти, обеспечивающее повторение с вариациями, предполагает использование типовых форм и формул. Одной из таких речевых и поведенческих форм являлась живая картина. Ее воспроизводство обеспечивали практики развлечения, методические рекомендации постановки этих картин, готовые визуальные образы, знакомый алгоритм постановки с помощью подручных средств. Издания, сопровождающие «живые картины», имеют общие черты с дидактическим пособием, детской книгой и театральной программой к спектаклю. В обобщенном виде они включают (1) описание живой картины, (2) рассказ о персонажах, (3) программу, в которую она вписывается, (4) способ создания живой картины или ее подготовки, (5) время и место постановки, (6) повод для постановки, (7) рисунок или фотографию с изображением картины. Что общего в описаниях живых картин с экфрасисом? Прежде всего словесное описание визуального образа. Экфрасис — это «описательная речь, отчетливо являющаяся глазам то, что она поясняет» [Н. Брагинская]. Но если экфрасис — «это “перевод” с языка изобразительного на язык словесный», то описания живых картин преследовали прямо противоположную цель: они переводили с языка словесного (стиха, прозы, драмы) на визуальный язык, язык образа. При этом целый ряд выделенных Н. Брагинской структурных черт экфрасиса обнаруживает сходство с некоторыми структурными элементами описаний живых картин. Авторы книг берут на себя функции «экспликатора», поясняющего смысл изображения. Но вместо призыва «Погляди!» в детских изданиях появляется призыв «Сделай!». Описание получает перформативную функцию. Текст описания становится не только дидактическим, но и побудительным. Можно предположить, что дидактические функции экфрасиса нашли «зеркальное» отражение в создании живых картин. Перформативность речи служит «мостиком» к перформативности действия.

Театр в квартире: застолье как форма актерско-зрительской коммуникации

Гордиенко Елена Игоревна,

к. ф. н., доцент

Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ

Спектакли в частных пространствах в последние годы стали частым явлением. Можно вспомнить «В гостях. Европа» группы Rimini Protokoll, Safari Intime компании Opéra Pagaï, «Домашние танцы» Николь Сайлер, проект «Квартира. Разговоры» Бориса Павловича и, наконец, спектакли Квартеатра — группы московских артистов, снявших и отремонтировавших в центре Москвы квартиру и играющих спектакли в ней же. Любопытно, насколько разными могут быть причины и цели, исходя из которых театральные режиссеры выбирают именно камерные домашние пространства: для одних это вопрос социальной ответственности, театр приходит к людям, которые по-другому могли на спектакле и не оказаться; для других это вопрос документальной эстетики, когда пространство вместе с текстом интервью рассказывает о герое спектакля; для третьих это шаг к естественной партиципации — в пространстве квартиры становится почти невозможным не смешиваться актерам и зрителям, и эффект участия становится практически обязательным. Особенно пристально в докладе хочется рассмотреть проект Квартеатра. Возникший во время карантина, этот театр предлагает камерные спектакли и концерты, рассчитанные всего на пару десятков человек. Несколько постановок по задумке актрисы Ксении Орловой коллектив осуществил по дневниковым записям, собранным на портале «Прожито». Так, в три вечера играемый «Старый новый век» представляет собой коллаж новогодних записей от 1890-х к 1990-м гг. (1891 — год постройки дома, в котором находится квартира), в «Женском живом журнале» читаются женские дневники XIX–XX в., есть спектакли-чтения о восприятии первых полетов в космос и о войне. Все спектакли из этого цикла играют (и смотрятся!) за столом, к которому зрителей призывают принести и свои гостинцы — в «Старом новом веке» эта мизансцена особенно гармонично рифмуется с застольем. После спектаклей артисты просят зрителей не расходиться, чтобы была возможность обсудить вместе услышанное. Разговор после спектакля становится его своеобразным вторым актом, где от эффекта участия — во время чтения зрители могут просить добавки чая, брать сладости и высказывать какие-то единичные комментарии, но активного участия форма все же не предполагает — пришедшие переходят к непосредственной коммуникации на равных с артистами. Эту форму на данный момент нельзя назвать устоявшейся, периодически она соскальзывает в привычный формат обсуждения спектакля, и все-таки отсутствие фронтального расположения артистов по отношению к зрителям благоволит равностороннему разговору.

Особенности драматургии футуристических синтезов

Грушевская Евгения Геннадьевна,

старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Итальянские футуристы одними из первых предприняли трансформацию классического театра. В изобретенном ими жанре «синтезов» они использовали приемы театра

варьете с целью поставить под вопрос традиционную роль зрителя, реализм как художественное направление и традиционные формы драматургии. Синтезы итальянских футуристов отличаются большим многообразием, однако общим для них является условность изображаемых сцен, подчеркнутый алогизм, акцент на эффекте удивления, неожиданности, а также стремление вовлечь публику в представление. Программная краткость позволяла в рамках одного показа представить зрителям несколько различных синтезов, что создавало эффект коллажа. Теоретическое основание синтеза получили в манифесте «Театр варьете», написанном лидером футуристов Ф. Т. Маринетти в 1913 г. Представления театра варьете виделись им как наиболее адекватное отражение современности, «тигель, в котором кипят элементы подготавливающейся новой чувствительности». В манифесте «Футуристический синтетический театр» 1915 г. авторы провозглашали создание футуристического театра, воздействующего не на разум, а на чувства зрителей с помощью сочетания различных театральных средств. Наиболее важным для них является понятие автономности театра, отказ от фотографического воспроизведения реальности, а также ориентация на эмоциональное и чувственное воздействие на публику. Данными теоретическими установками определяется и новая драматургия, предложенная футуристами. Ряд синтезов воспроизводит традиционные темы буржуазной драмы, но в пародийном ключе (например, синтезы У. Боччони «Поднимающееся тело», «Гений и культура»).

Авторы отказываются от доминирующей роли актера на сцене, ограничивают сферу актерской игры только демонстрацией его конечностей (синтезы Ф. Т. Маринетти «Основания» и «Руки» в сотрудничестве с Б. Корра); вводят в качестве действующих персонажей неодушевленные предметы («Они приходят» Ф. Т. Маринетти). Поскольку синтезы обозначали максимальное сжатие драматургии, то иногда они состояли только из одной реплики или звука, которые и заключали в себе драматургический конфликт («Негативный акт» Б. Корра и Э. Сеттимелли, «Взрыв» и «Нет собаки» Ф. Канджулло). В ряде синтезов можно наблюдать стремление воздействовать на зрителей, вовлечь их в представление («Из окна» А. Коррадини и Э. Сеттимелли, «Сумасшествие» М. Десси, «Свет!» Ф. Канджулло). В центре данных постановок — изменение эмоционального состояния всех присутствующих. Наконец, ряд пьес построен на работе с языком, в них можно отметить стремление подвергнуть сомнению роль языка как конвенционального средства общения.

Дебют Теннесси Уильямса на советской сцене: «Орфей спускается в ад» в Театре имени Моссовета (1961)

Гудков Максим Михайлович,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Перу одного из крупнейших американских драматургов XX в. Теннесси Уильямса принадлежит несколько десятков пьес, создавать которые он начал еще в 1930-е гг. Однако советской сцены они достигли лишь в «эпоху оттепели» — в начале 1960-х гг. В центре доклада — самая первая постановка уильямсовской драматургии на советских подмостках, которая была осуществлена Театром имени Моссовета в 1961 г., — «Орфей

спускается в ад». Дается краткая сценическая история этой пьесы в американском театре (на Бродвее и за его пределами), а также в Европе. Рассматриваются особенности перевода уильямсовской драмы на русский язык, выполненного Юрием Александровичем Осносом и по которому была осуществлена постановка в Москве. Анализируются причины появления «Орфея» на отечественной сцене. Судьба произведения Теннесси Уильямса в театре СССР исследуется в рамках социально-политического и культурного советско-американского макроконтекста холодной войны. На основе редких материалов, находящихся в музее Государственного академического театра имени Моссовета и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), дается анализ сценического воплощения произведения американского писателя и его рецепции советской критикой и зрителем. К сценическому дебюту Теннесси Уильямса в СССР оказались причастны значительные фигуры театральной столицы — актеры Вера Петровна Марецкая, Серафима Германовна Бирман, Сергей Сергеевич Цейц и режиссеры Юрий Александрович Завадский, Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф. Театр, направляемый Реперткомом, прочитал уильямсовского «Орфея» как антиамериканскую по своей направленности пьесу. Постановка грешила крайним упрощением философской проблематики оригинала и сводилась к обличению «буржуазной» Америки, где главные герои выступали мятежниками политического строя США. Моссоветскому «Орфею» оказались свойственны односторонняя и прямолинейная трактовка образов, чрезмерно социальное, слишком «целомудренное» и оптимистичное режиссерское решение. Тем не менее, постановка знаменовала собой начало долгой и довольно успешной истории драматургии Теннесси Уильямса на отечественных подмостках. Данное исследование позволяет расширить представления о театральной судьбе пьес заокеанского автора в Советском Союзе.

Художественный мир Егора Летова в сценических интерпретациях

Доманский Юрий Викторович,

д. ф. н., профессор

Российский государственный гуманитарный университет

В первой части доклада рассматривается включение песен Егора Летова в спектакль на примере «Кому на Руси жить хорошо» столичного Гоголь-центра (преьера состоялась 15 сентября 2015 г., постановка Кирилла Серебренникова). Две песни Егора Летова (это «Родина» и «Пуля виноватого найдет») в актерском живом исполнении становятся кодой всей постановки. В спектакле обе песни звучат друг за другом и полностью; таким образом классическая основа вступает в диалог с двумя песнями рок-поэта в условиях театральной интерпретации. И тут важен сам выбор автора и важен сам выбор песен — важен для диалога, диалога классика и современника, а вернее, диалога классиков, живших, правда, в разные времена: Николая Некрасова и Егора Летова. Это диалог на тему, которая вынесена в заглавие поэмы и в название спектакля. В итоге получается, что словами и музыкой Летова театр (а вместе с ним и наше время) отвечает Некрасову. При этом каждая из двух песен касается вполне конкретной грани общей проблематики поэмы, той проблематики, что представлена в спектакле. Таким образом, можно сказать, что обращение Кирилла Серебренникова к наследию Егора Летова в спектакле, созданном на материале классической русской поэзии, позволяет

актуализировать те смыслы литературного источника, которые важны для постановщика, а заодно и приблизить современного зрителя к наиболее актуальным для дня сегодняшнего аспектам проблематики некрасовской поэмы. Вместе с тем, через диалог с некрасовским текстом-источником открываются и новые интерпретационные возможности, касающиеся песен Егора Летова: теперь они могут быть осмыслены в исторической проекции, а не только в проекции на современный нам мир. Во второй части доклада рассматриваются те спектакли, которые построены на сценическом осмыслении летовского наследия. Это спектакль Большого театра кукол (Санкт-Петербург) «Летов. Дурачок» (премьера состоялась 14 апреля 2019 г., режиссер Павел Григорьев, художественный руководитель Руслан Кудашов); спектакль «Сияние» (режиссёр Филипп Григорьян, премьера 2 октября 2014 г. в клубе Chateau de Fantomas, в главной роли Алиса Хазанова); постановка пьесы Константина Стешика «Летели качели» в Москве в театре «Практика» (премьера 4 апреля 2019 г., режиссер Марфа Горвиц). В итоге делается вывод о специфике обращения современного театра к художественному наследию Егора Летова как одной из самых знаковых и требующих особых сценических интерпретаций фигур русской культуры рубежа XX–XXI вв.: специфика заключается в возможности для постановщиков глубже раскрыть свой мир, а вместе с этим — и глубже раскрыть те или иные грани летовского художественного мира.

Бен Джонсон и Иниго Джонс: борьба между «содержанием» и «формой» в театральных постановках при дворе Якова I и Карла I Стюартов

Зонина Нина Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос взаимоотношения «формы» и «содержания» или «зрелища» и «текста» в театральных постановках Англии не был актуален до начала XVII в. Практики приглашать специальных постановщиков пьес не было — театральные труппы справлялись своими силами: в театре XVI в. главенствовал драматург и его текст. Единственные постановки, где к тексту предполагалось художественное оформление, были придворные «маски» — утонченные драматические произведения, в которых идеи автора раскрываются с помощью аллегорий и эмблематических образов. Бесспорным авторитетом в этой области был ведущий драматург того времени Бен Джонсон. В Елизаветинскую эпоху Бен Джонсон единолично справлялся как с текстом «маски», так и с формой ее постановки, отдавая предпочтение «содержанию». С началом эпохи правления Стюартов (1603–1642) размах постановок «масок» стал грандиозным и Бену Джонсону потребовался помощник, который появился в лице Иниго Джонса — архитектора и художника, получившего образование в Италии, главного придворного архитектора. Так в английском театре, пока лишь на придворной сцене, образовался первый тандем постановщиков спектаклей: драматурга и художника. Драматург отвечал за точную передачу содержания поэтического текста, художник — за зрелищную часть «маски», ее форму. Единственное, что их роднило — классическое образование обоих и профессионализм в их собственной сфере, но понятия о роли, задачах и идейном посыле,

закладываемом в спектакль, кардинально разнились. Результат их работы был впечатляющим, однако это сотрудничество вылилось в жаркий спор о миссии постановок, о гармонии и дисгармонии «текста» и «зрелища» в спектаклях, о балансе и дисбалансе идеи и развлекательности в представлении. Разрыв между этими двумя крупнейшими мастерами был неизбежен, и их принципиальный спор о театральных постановках продолжался до конца жизни Бена Джонсона и даже нашел сценическое отражение. Последнее слово, как считал драматург, осталось за ним, т. е. за «содержанием». В своей заключительной маске «Любовь приветствует в Больмсовере» он ввел сатирический персонаж по имени Иникво Витриус, мастера «зрелищ». Английская драма и ее постановки в I половине XVII в. еще мало исследована в отечественном литературоведении и театроведении. Однако новаторские идеи этих двух мастеров в этой области во многом определили развитие драматического искусства как на уровне «текста», так и «формы».

Традиции австрийского театра XVIII в. и новаторство Эмануэля Шиканедера в опере «Волшебная флейта»

Каминская Юлиана Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Орлова Татьяна Сергеевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Литературоведческое изучение музыкального наследия представляет большой интерес для науки, поскольку позволяет увидеть словесность в ее особенной ипостаси, во взаимодействии с совершенно иным, но близкородственным искусством. Вместе с тем очевидна недостаточность работ, посвященных, например, литературной стороне оперного искусства. Соответственно, оперы традиционно ассоциируются прежде всего с творчеством композиторов и считаются предметом, на который должны быть направлены преимущественно, а подчас и исключительно, усилия музыковедов. Таким образом воспринимаются даже те оперы, в которых, как в «Волшебной флейте» («Die Zauberflöte», 1791), композиторы вступали в сложное и многогранное сотворчество с либреттистами. Их наследие также заслуживает самого пристального внимания и может внести значительный вклад в изучение отдельных эпох. Доклад посвящен результатам исследования биографии и творчества Эмануэля Шиканедера (Emanuel Schikaneder, 1751–1812), что необходимо, поскольку творческая деятельность Шиканедера в контексте эпохи Просвещения, его новаторство обойдены целенаправленным исследовательским вниманием. Шиканедер указан в театральной программе к любимой по всему миру «Волшебной флейте» В. А. Моцарта (Mozart, 1756–1791) в качестве автора либретто. Вместе с тем достижения Шиканедера в этой последней опере великого композитора выходят далеко за рамки традиционной работы либреттиста. Можно с уверенностью утверждать, что Шиканедер, хотя о нем сохранилось мало сведений, был активным деятелем театрального искусства австрийского Просвещения. Так, например, Шиканедер успешно развивал демократическое направление австрийского театра в XVIII в. Именно специфически понимаемая «народность» стала тем

свойством, которое на рубеже XVIII–XIX вв. отличало культурное пространство Австрии от немецкого. Таким образом, Шиканедер не только способствовал сохранению культурного своеобразия Австрии, но и внес значительный вклад в сохранение многовековой народной традиции австрийского искусства. Это позволяет рассматривать деятельность Шиканедера в соотнесенности с трудами других видных представителей эпохи Просвещения. Кульминацией работы Шиканедера над национальными сказочными операми стала «Волшебная флейта», в которой при всей сказочности сюжета, глубина «Волшебной флейты» была порождена не только работой Шиканедера и Моцарта в русле демократической традиции венского театра, но и увлеченностью масонскими идеями. Шиканедер смог придать традиционным для венской касперлиады фигурам новый статус, и, таким образом, трансформировал комическую феерию в музыкальное сценическое произведение лирико-философского плана, которое обнаруживает теснейшую связь с гуманистическими идеалами эпохи.

Литературные вечера и поэтические чтения Оттепели в театральном-документальных проектах лаборатории по изучению творчества Ю. П. Любимова и режиссерского театра XX–XXI вв. НИУ ВШЭ

Левченко Татьяна Викторовна,

к. ф.-м. н.,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
лаборатория изучения творчества Ю. П. Любимова и режиссерского театра XX–XXI вв.

Возросший интерес разных слоев общества к поэтическому слову — был знаковым явлением Оттепели. Слово стало вновь восприниматься, особенно молодежью, как точка опоры, с помощью которой можно «перевернуть мир», вправить «вывихнутый век». Повторялось то, о чем говорил В. Шкловский, вспоминая 20-е гг. XX в.: «Человеческий голос стал орудием разговора, орудием соединения людей в группы, которые знают, куда они пойдут, для чего они идут». Живой голос поэта или чтеца объединял людей, которые собирались на поэтические вечера и чтения, часто не дожидаясь или вовсе не ожидая их организации, одобрения партийно-государственными органами, курирующими культуру. В 2019–2021 гг. в ряде проектов лаборатории по изучению творчества Ю. П. Любимова и режиссерского театра XX–XXI вв. (НИУ ВШЭ) исследование феномена поэтического бума Оттепели соединило в себе театральные практики и работу с архивными и мемуарными документами. Участники проектов (студенты различных факультетов) погружались в атмосферу тех лет, работая над подготовкой публичной читки пьесы «Маяковка» (авт. М. Щукина, И. Петрова, Г. Кузовкин), посвященной неофициальным поэтическим чтениям, проходившим на площади Маяковского с июля 1958 г. до запрета в апреле 1961 г. И участвуя в постановке документально-поэтической композиции «Маяки» (авт. Т. Левченко, реж. С. Григоруца), охватывающей историю чтений у памятника Маяковскому, начиная со стихийных поэтических чтений 11 сентября 1955 г., а также рассказывающей о ряде литературных вечеров 1960-х. В композицию вошли материалы художественных и документальных источников (в том числе, электронного корпуса дневников «Прожито», РГАЛИ, ЦГА Москвы, архива Ф. Левина), фрагменты пьесы «Маяковка» (ее текст создан на основе свидетельств

участников и очевидцев чтений, собранных Л.Поликовской в книге «Мы предчувствие, предтеча»), стихи московских и ленинградских поэтов, публиковавшихся «официально» (В.Рождественский, Б.Ахмадулина, Е.Евтушенко, А.Вознесенский, И.Волгин, Б.Слуцкий и др.) и в самиздатовских сборниках «Феникс», «Сирена», «Бу-меранг», «Синтаксис» (Ю.Галансков, Ап.Шухт, А.Орлов, А.Шукин, Г.Недгар, И.Бродский, Д.Бобышев и др.). Особое внимание было уделено поэтическим текстам тех, чьи имена были вычеркнуты из истории литературы, но во время Оттепели стали возвращаться к читателю (О.Мандельштам, М.Цветаева, Н.Гумилев и др.). В ходе работы над документальной историей композиции был собран корпус стихотворений О.Мандельштама, доступный обычному «среднестатистическому» читателю 1953–1965 гг. и найден участник вечера памяти Мандельштама, проходившего на механико-математическом факультете МГУ в мае 1965 г., журналист и актер А.Сиротин-Лахман (тогда студент театрального училища имени Щукина), чьи воспоминания позволили восстановить неизвестные детали вечера.

Эстетическая условность и достоверность театрального действия

Логинова Елена Георгиевна,

к. ф. н., доцент

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

В докладе предлагается рассматривать драматургическое произведение как результат вторичного моделирования («вторичная моделирующая система» [Лотман 2002]), а театральную постановку как процесс и результат последующего моделирования, которое предполагает взаимодействие разноуровневых систем театральных кодов, направленные на создание у зрителя чувства эстетического сопереживания и непосредственного эмоционального соучастия.

Включение театра в ряд моделирующих систем позволяет увидеть в нем характерные для моделей черты (условность, аппроксимация и пр.), а также выявить то, что отличает театр как многосторонний репрезентант опыта. Развивая подход Ю. М. Лотмана, обоснованно говорить о соединении практического опыта с условностью и кодовой системы с многозначностью ее интерпретации. В театре не условно только присутствие зрителя, на которого ложится когнитивная нагрузка, включающая интерпретацию происходящего на сцене и формирование смысла с учетом не только эксплицитно выраженного, но и имплицитно представленного опыта.

Условность театра в целом и театральной постановки в частности рассматривается нами в разных плоскостях: от потенциальной семиотической гетерогенности и апеллятивной природы пьесы к театральности и экспрессивности постановки, предполагающей метареферентивное представление. Исходя из этого, взаимоотношение условности и достоверности трактуется нами как проявление диалогичности, которая в театре приобретает свойство «приращения» смыслов, усиливающих коммуникативный эффект театрального перформанса.

Диалогичность не ограничивается ситуациями, когда происходит речевое взаимодействие между участниками сценического действия (персонажами, актерами), которое следует в той или степени принципам реального общения. Это еще и выражение

отношения к собственному высказыванию; диалог драматурга с читателем; режиссера со зрителем; пьесы со спектаклем; диалогичность между знаками в рамках одной кодовой системы и «диалог» разных систем театральных кодов. Кроме того, диалогические отношения в театре — это диалог текста с контекстом, где последний выступает в функции актуализатора связи между означающим и означаемым знака, что дает возможность зрителю понять коммуникативное намерение режиссера и соотнести свой опыт с опытом режиссера.

Филипп Меланхтон как практик и теоретик театра

Лурье Зинаида Андреевна,

к. и. н., ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Филипп Меланхтон, известный как педагог, богослов и реформатор, был также практиком и теоретиком театра. Известно, что еще мальчиком он участвовал в постановках, устраиваемых его родственником и учителем Иоганном Рейхлиным, одним из главных гуманистов второй половины XV в. После же прибытия в Виттенбергский университет, где он возглавил кафедру классических языков, молодой гуманист способствовал развитию студенческих постановок. Для этих целей Меланхтон подготовил несколько переизданий сочинений Теренция. В 1516 г. он написал общее предисловие к изданию сочинений римского комедиографа; в 1528 г. подготовил пересказы его произведений (*argumenta*), а тексты снабдил примечаниями (*scholia*), адаптируя их для использования в школах. Потом последовал двенадцатилетний перерыв, когда деятельность Меланхтона стояла на службе развернувшейся Реформации. Однако в 1540 г. он снова вернулся к Теренцию и дополнил прологи к «Кладу», «Формиону», «Братьям» и «Евнуху». Наконец, для издания сочинений Теренция 1545 г. гуманист написал теоретико-методологическое предисловие «О чтении комедий и трагедий». Кроме того, заметим, что Меланхтон знал Софокла, издание которого 1549 г. предварил рассуждениями о пользе трагедий; имеются и его комментарии к сочинениям Плавта, Еврипида и Сенеки, не говоря уже об упоминаниях театра и драмы в других сочинениях, прежде всего, размышлениях о пользе истории, трудах по риторике и пр. То есть источников для реконструкции представлений Меланхтона о театре вполне достаточно. Однако, как кажется, эта задача уже решена в историографии и не представляет большого исследовательского интереса. Мы видим сходство Меланхтона с нравственной парадигмой других гуманистов (в общих чертах развивающее идеи Доната), знаем о глубоком влиянии теории трагедии Аристотеля на него. Более значимой представляется задача проанализировать восприятие античных произведений не вообще, а в частности. В первую очередь для нас ценны схолии, подготовленные к изданию 1528 г., адаптирующие произведения для прочтения в христианских школах. Какие сюжеты, на самом деле, интересуют создателя метода общих мест теологии (*loci communes theologiarum*)? Какие фрагменты он считает наиболее ценными и полезными? Дает ли он также и художественную или лишь нравственную оценку? Анализ комментариев Меланхтона позволяет, как представляется, обогатить наши знания о прочтении Теренция и Плавта в профессиональной культуре эпохи Реформации, а также сделать наблюдения о содержании протестантской педагогической традиции и ее театральной компоненте.

Время в театре и перформансе: условность или реальность?

Матвиенко Кристина Николаевна,

к. иск., преподаватель

Российский институт театрального искусства — ГИТИС

Граница между театром и перформансом постоянно проблематизируется. Если говорить о драматическом спектакле как о фиктивном космосе, то в нем происходит некое повторение или удвоение, или отражение, копирование. Тогда как в перформансе наличествует реальное присутствие, неповторимость, уникальность момента. Нас интересует, как перформативное проникает в драматическое или актуализирует в нем специфические качества, как будто бы свойственные только «перформансу». Перформативное — это то качество, которое может возникнуть и на территории драматического, в том числе там, где располагается важнейшая категория театра как такового — время. Время в театре специальное, со своим течением и внутренним монтажом, это известный факт. В перформансе есть так называемые «временные рамки», внутри которых действие может осуществляться в свободном, непредсказуемом режиме. То есть перед нами — два принципиально разных отношения ко времени и способа использования его. Из этого вытекает и разница в качестве присутствия или опыта, пережитого зрителем на спектакле или перформансе. И опять — нас интересует, что происходит со временем, когда мы видим, что перформативное сознательно возгоняется или осуществляется на территории драматического. Как именно нас выбрасывает в реальное время присутствия и что мы при этом чувствуем. Перформанс, если верить Кети Чухров, принадлежит области современного искусства, для которого жест-концепт может быть выражен в сгущенном, хотя и реальном времени. Важно не время, а именно месседж перформанса, считает Чухров. Между тем как театр принадлежит области условных искусств, для которых существенно именно процессуальное время, а не концепт. Иначе говоря, схлопнуть спектакль до «месседжа» неправильно, непродуктивно. Спектакль идет, его смысл складывается и меняется в процессе, часто затрудняя понимание, но оставляя зону тайны или тупика. Когда же перформативное время встречается с временем театральным, мы имеем дело и со встречей «жеста» и драматического процессуального действия. Что мы получаем и какое оно?

«Музыкальный слух» Вл. И. Немировича-Данченко в литературе и на театре

Наумов Александр Владимирович,

к. иск., доцент

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского

Вопрос о взаимосвязи литературного творчества Владимира Ивановича Немировича-Данченко, предшествовавшего открытию Московского Художественного театра (МХТ), и его режиссерской деятельности, поднимался на протяжении последнего столетия неоднократно. Публицистика, беллетристика и драматургия составили единство, оказавшее серьезное влияние на педагогическую и постановочную практику мастера. Основные проблемы, связанные с этой темой, неоднократно рассма-

тривались исследователями театра и литературы, но до сих пор не попадали в поле зрения музыковедов. Между тем, методологически современное музыковедение к подобному дискурсу готово, подтверждением тому — многочисленные работы о «звуковых мирах» русских писателей, режиссеров, даже художников и архитекторов. Выявление музыкальных текстовых деталей в прозе, публицистике и драматургии с последующей их интерпретацией в контексте отдельных произведений и шире, на уровне наследия в целом, а также сопоставление с фактологией истории других видов искусства — путь, давно и прочно освоенный. В докладе будет сделана попытка обзора «излюбленного репертуара» Вл. И. Немировича-Данченко — писателя и человека (музыкальных сочинений, упоминаемых в его повестях, романах и пьесах, а также личной переписке и воспоминаниях), обозначены «проекции» подобных симпатий на оформление будущих спектаклей. Наиболее заметной точкой пересечения различных видов искусства выглядит оперный эксперимент над «Кармен», предпринятый режиссером в 1924 г., когда и литературная первооснова, и музыкальное решение, и театральная форма хорошо знакомого произведения подверглись решительному переосмыслению, многими не понятому и не принятому. Однако путь к «Кармен» был начат задолго до основания Музыкальной студии, задолго даже до самого открытия МХТ, и первой, во многом краеугольной вершины это движение достигло уже к 1901 г., когда готовилась премьера драмы «В мечтах» — последней законченной пьесы Вл. И. Немировича-Данченко, единственного его драматургического опуса, представленного в «своем» театре, и спектакля, во многом определившего музыкальную политику русской сцены на полтора последующих десятилетия.

«Почти серьезно...» Елены Польди и процессы циркизации в современном российском театре

Семенова Наталья Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В конце 2010-х — начале 2020-х гг. произошел всплеск интереса к пространству арены, законам представления и фигуре циркового артиста. Одним из следствий актуализации циркового искусства в современном культурном пространстве стала тенденция к циркизации театра (процесс, который ранее уже происходил в искусстве на рубеже 1910–1920-х гг.). Отличительными особенностями циркизации театра является включение в представление элементов эксцентрики и клоунады, пантомимы, акробатики, трюков и вставных цирковых номеров, реприз; «перформативный переворот» и движение в сторону постдраматического театра. Одним из представителей нового цирка на российской сцене является Елена Польди — создатель труппы «Антикварный цирк», художественный руководитель Мастерской экспериментального курса по специализации «Режиссер цирка» в ГИТИСе. В 2021 г. в Театральном центре им. Вс. Мейерхольда был поставлен ее театально-цирковой концерт «Почти серьезно...». Представление-трибьют было приурочено к 100-летию со дня рождения Юрия Никулина. Драматургом выступил Е. Зайцев, композитором и автором новых аранжировок стал А. Поляков. В спектакле принимали участие выпускники ГИТИСа. Спектакль базируется на мемуарах Ю. Никулина. Выбор текста «Почти серьезно» значим. Фигура Никулина, бывшего в 1982–1997 гг. директором Московского цирка на Цветном буль-

варе, связана с развитием цирка в позднесоветскую и постсоветскую эпохи. В одном из интервью Ю. Квятковский, руководящий уже упоминавшемся курсом в ГИТИСе и возглавлявший до недавнего времени Росгосцирк, признавал, что советский цирк был символом эпохи и российскому цирку непросто соответствовать тому эталону, а также отмечал тот факт, что это «структура, которая живет законами и принципами, которые возникли в советское время». Спектакль Елены Польди построен как диалог с советским искусством цирка, кино, эстрады, беллетристики. Мемуарный текст Никулина служит поводом для рефлексии, чтобы, оттолкнувшись от него, участники представления могли предложить свои номера и репризы. Из художественного произведения отбираются отрывки, которые затем визуализируются, либо в них упоминается какой-либо предмет, затем использующийся в качестве реквизита в концерте (чайник, кукла и др.). В ткань спектакля гармонично включаются документальные и художественные фрагменты, аранжировки песен о цирке и шлягеров из кинофильмов. В результате, возникает понимание того, что временного и поколенческого разрыва нет. Об этом свидетельствует и финал: на глазах зрителя создается фотоколлаж из различных фрагментов лиц, в итоге складывающихся в лицо Юрия Никулина. Тезисы подготовлены при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 («Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е гг.)»).

Книжно-архивное собрание ЦНБ СТД РФ в качестве сопродюсера новой театральной реальности

Сидоренко Людмила Юрьевна,

к. культ., директор

Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей РФ Москва

В докладе на примере Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ раскрывается интегративная роль комплекса музеев — архив — библиотека в сохранении культурной памяти, оседающей в объектах, срок жизни которых превышает «поколенческие» границы. Приводятся примеры актуальных практик превращения пространства библиотеки в площадку для интерактивных мероприятий, драматических, музыкальных и иммерсивных спектаклей, некоторые из которых воссозданы по материалам, хранящимся в фондах ЦНБ. Основное внимание сосредоточено на спектаклях: «Публичные чтения» драматурга Валерия Печейкина и режиссера Дениса Азарова, байопик Александра Галича «Право на отдых» драматурга и режиссера Сергея Карабана, сайт-специфик спектакль «Время, которое» драматурга Аси Волошиной и режиссера Семена Александровского. Речь идет о постановках, которые не будут играть на большой сцене, и в которых присутствует еще один персонаж — сама библиотека. Трансформация пространства библиотеки в сценическую площадку — это ответ вызовам современности, когда книжно-архивные, иконографические собрания выступают не только хранителями документов, но уже в качестве сопродюсера новой театральной реальности оказывают влияние на читателя / зрителя. Постоянный и разнообразный интерес к истории театра говорит об актуальности сохраненных документов, об их правильной, но иногда недостаточной репрезентации. Особенную актуальность культурным практикам театральной библиотеки придает пристальное внимание к «документальному» театру, который подразумевает непосредственную

вовлеченность в сценическое действие, меняет соотношение между сохраненным театральным документом, создателем сценического действия и зрителем. Отображение того или иного процесса при помощи театральных средств делает возможной выработку зрителем позиции к определенным событиям, особенно в том случае, когда документы (книжные, архивные, иллюстративные) доступны для изучения и играют важную роль в коммуникативной конструкции социальной и культурной реальности. Таким образом, читальный зал Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ является пространством, в котором заложена определенная драматургия, провоцирующая на театральный эксперимент. Спектакли, нашедшие сценическое воплощение в пространстве читального зала библиотеки, требуют специальной режиссуры и сценографии. Акцент в них делается на универсальности театра, пластичности декораций или их полного отсутствия.

Игра в реальность и вымысел: границы условности в спектаклях Филиппа Кена

Сылова Елена Андреевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Творчество французского режиссера Филиппа Кена известно театральному зрителю по ряду его спектаклей с коллективом Vivarium Studio, а запоминаются чаще всего огромные кроты и другие фантастические звери, существующие на сцене наравне с артистами. Филипп Кен (Philippe Quesne) создает новые миры, формирует стратосферы на сцене, мебелирует в стиле хюгге и прочих порожденные им экосистемы. Его миры легко сделать и легко нивелировать-разорить, как птичье гнездо на болоте (в спектакле «Swamp club» процесс деконструкции мира занимает минут 10, не больше). Составные части его мира в спектаклях чрезвычайно простые: лаконичные материалы, атмосферная музыка, вереница героев (как правило, у него нет главных и второстепенных, все равнозначны), односоставные или назывные предложения в репликах персонажей, иностранная речь (в спектакле могут говорить сразу на нескольких языках). Особо следует отметить царство живой и неживой природы в его мирах — муляжи-чучела животного мира Земли (в «Меланхолии драконов» (2008) отправной точкой стал искусственный снег, в «Swamp club» искусственная трава, кусты, чучела и муляжи животных средней полосы), при этом всегда есть место живым существам. Либо это живая собака на сцене, либо правдоподобный живой крот под 2 метра ростом. В докладе рассматриваются спектакли Филиппа Кена «Swamp club» («Болотный клуб», Vivarium Studio, Франция; премьера в России в рамках Восьмого международного фестиваля «Александринский», Новая сцена Александринского театра), «Парк Крушений. Жизнь одного острова» (театр Нантер-Амандье, Франция; премьера в России в рамках Театральной олимпиады 2019, Новая сцена Александринского театра), Farm fatale (Vivarium Studio, Франция, Kammerspiele, Германия; премьера в России в рамках фестиваля NET, театр Et cetera) и других как торжество условностей — сюжета, сценического пространства, актерской игры, и исследуется феномен реалистичности создаваемых им миров. Режиссер конструирует свои театральные вселенные, создавая на сцене настоящие экосистемы болота, леса, моря и т. д., населяя их животными, добавляя персонажей. Как удается

создавать атмосферу достоверности и иллюзию соучастия в царстве болот с муляжами цапель и огромными ростовыми куклами-кротами? Какой механизм идентификации запускает режиссер у зрителя, используя лишь театральные средства выразительности? Отдельно рассматривается вопрос зрительских реакций на основе отзывов в пространстве социальных сетей.

Тип сценической условности в спектакле Первой студии МХТ «Сверчок на печи» (1914) и особенности его взаимодействия с литературной первоосновой

Ткач Татьяна Сергеевна,

старший преподаватель

Российский государственный институт сценических искусств

При том, что спектакль Первой студии МХТ «Сверчок на печи», казалось бы, подробно описан и проанализирован историками театра, обнаружение новых исторических документов открывает неожиданные, прежде сокрытые от театроведов смыслы этой постановки, бросает новый свет на ее значимость как для становления Первой студии, так и для отечественного сценического искусства в целом. Ни в одной из работ, посвященных спектаклям этого коллектива, не сказано, почему этот спектакль называли его «Чайкой». Как стало очевидно лишь сейчас, именно «Сверчок на печи» заявил программные для Первой студии мировоззренческие категории, базирующиеся на представлении о неустрашимом дуализме мироздания, столкновении Добра и Зла, Иллюзии и Реальности, Художника и Власти, Личности и Общества. Во многом это определялось духом эпохи — популярностью масонских постулатов и тех духовных практик, которые оказались близкими студии, начавшей свой путь с поиска средств «выражения невыразимого» для решения задач, поставленных перед театром новой драмой рубежа XIX–XX вв. и символизмом. Именно обращение к святочному рассказу Ч. Диккенса позволило оформить метод Первой студии, получивший дальнейшее развитие в исканиях МХАТа Второго, который возник на студийной основе. Принцип контраста, противопоставления был использован в работе над драматургией спектакля. Мелодраматическая любовная история трансформировалась в притчу о столкновении Добра и Зла, Художника (мастера кукол Калеба) и Власти (Текльтона), Мира реального и Мира иллюзорного (слепая дочь Калеба) и т. д. В дальнейшем рода подход к литературной первооснове стал каноническим для Первой студии и МХАТа Второго. До сих пор распространен миф об абсолютной правде повседневной жизни, явленной на сцене в этом спектакле. Однако на сохранившихся фотографиях грим актеров и декорации поражают подчеркнутой условностью, утрированным выражением сущностных свойств персонажей и среды их обитания. Было бы вернее видеть в этой постановке стремление к фантастическому реализму, эксцентричности и даже гротеску, сочетавшееся с психологизмом и вырвавшееся из переосмысления рассказа Диккенса. Сегодня, спустя столетие, режиссеры пытаются идти тем же путем, не всегда достигая убедительности. Представляется полезным обратить их внимание на те открытия, которые были сделаны первопроходцами отечественной режиссуры при сочетании эксцентрической условности с точнейшей психологической правдой, на такие приемы работы с литера-

турным материалом, которые позволяют сохранять верность автору и вместе с тем выражать сущностные проблемы современности.

Особенности коммуникации со зрителем в современной российской драме для подростков

Тютелова Лариса Геннадьевна,

д. ф. н., профессор

Самарский национальный исследовательский университет

им. академика С. П. Королева (Самарский университет)

Благодаря «перформативному повороту в драме» в современной российской пьесе для подростков меняется статус произведения. На смену созерцанию действия приходит коммуникация. В силу особенностей психологии подростка ничто просто так не берется на веру. Поэтому путь к пониманию и принятию истины — путь ее совместно поиска. А для этого необходимы такие коммуникативные решения, которые должны вовлечь зрителя в коммуникацию. Как показывают пьесы из шорт-листа Маленькой ремарки 2020 г. со статусом 12+, авторы используют, по меньшей мере, две коммуникативные стратегии. О первой говорит пьеса Ульяны Гицаревой «Жизнь проходит прекрасно». В ней современные виды связи представлены как приметы быта героев, но нет попыток переформатировать эпизоды жизни персонажей в сторис или заменить обмен репликами обменом смсками, представить героя его видеозаписью в Инстаграм и прочее, что рассматривается сейчас как прямой путь вовлечения молодого зрителя эпохи диджитал в обсуждение проблем, заданных авторским текстом и театральным представлением. Но и в этой пьесе с самого начала креатор ориентируется на особенности современного восприятия мира подростком — многозадачность. Она возникает благодаря разбивке текста на сцены, перемежающиеся между собой. Они вводятся через драматический нарратив, передающий точку зрения ремарочного субъекта, способного быть носителем сразу нескольких позиций: временных, пространственных, идеологических. Это своеобразное поле, организующее взаимодействие позиций, показывающее, что итог коммуникации — результат взаимодействия, а не пассивное восприятие переданной информации, диалог, ведущий или к согласию, или к активному неприятию позиции «другого». Вторая коммуникативная стратегия лежит в основании диалога зрителя со сценой в пьесе Марии Малухиной «Море. Звезды. Олеандр». В ней диалог героя с собой организован так, что монолог превращен в диалог. Перед зрителем возникает образ героя не целостного, расщепленного на противоположные составляющие, сразу объединить которые нельзя. Но эта противоречивость и является условием возникновения ситуации, когда вопрос задан и нужно найти ответ. Собственный опыт переживаний — своеобразный ключ к пониманию «другого». И пониманию себя как «другого», что и для современной драмы для подростков является одной из важных коммуникативных задач, на решение которых и направлен выбор коммуникативной стратегии автором.

Ионеско и ловушка интерпретаций: драматург, режиссер и зритель как соавторы постановки

Усачева Анастасия Викторовна,

младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Речь в докладе пойдет о том, как авторская, режиссерская, зрительская интерпретации влияют на восприятие театрального текста. На примере постановок пьес Эжена Ионеско, с привлечением литературного и теоретического материала, будет показано, как размываются границы авторства, делая интерпретаторов соавторами произведения. Прочитав третий акт своей пьесы «Носорог» в 1958 г., Э. Ионеско сказал присутствующим: «Пьеса написана для того, чтобы быть поставленной на сцене, а не для чтения. Будь моя воля, я бы не пришел» (цит. по Эсслин М. «Театр абсурда»). Писатель не любил устраивать чтения своих новых пьес, считая, что драматургический текст — это всего лишь способ общения автора с режиссером, публика же должна была видеть только происходящее на сцене. Тот же подход выбирали практически все исследователи творчества Ионеско, рассматривая либо философскую (и — в советское время — идеологическую) составляющую его драматургии, либо потенциальное и реальное сценическое воплощение. Однако известно, что Ионеско активно комментировал свои произведения и постановки, как полемизируя с театральными критиками, так и для прояснения собственных идей, а также скрупулезно подходил к созданию экспозиций для точной передачи атмосферы — вплоть до того, что не оставлял режиссеру практически никакого пространства для собственного видения. Однако предлагая следовать за его интерпретациями, драматург заводит зрителя в ловушку — тот может начать воспринимать не происходящее на сцене, а некую идеальную постановку в вакууме, щедро сдобренную знанием, «что хотел сказать автор». Сюда наслаивается взгляд режиссера и то, что Ролан Барт назвал третьим смыслом. Данный доклад ставит своей целью проанализировать границы интерпретаций и посмотреть, что же происходит в зрительском опыте подготовленного наблюдателя в той точке, где сходятся три взгляда: писательский, режиссерский и его собственный. Подходящим материалом для исследования стали постановки Сергея Юрского, адаптировавшего «Лысую певицу» (2009) и «Стулья» (1994) для русскоязычной публики. В теоретическую основу легли культурологические работы С. Зонтаг «Против интерпретации» (1966), П. Рикера «Конфликт интерпретаций» (1969) и уже упомянутый «Третий смысл» Р. Барта (1970).

Достоевский со словами и без слов: о латвийских сценических версиях романа «Преступление и наказание» 2010-х гг.

Шрома Наталья Ивановна,

д. ф. н., профессор
Латвийский университет, Рига (Латвия)

Второе десятилетие XXI в. в латвийских театрах отмечено несколькими сценическими интерпретациями романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Это «Преступление / наказание» (2012), «драматическая версия по Достоевскому» М. Кимеле,

сыгранная в Новом Рижском театре на латышском языке; «Преступление и наказание» (2017) московского режиссера В. Михайловой и двух актеров Рижского русского театра М. Чехова — Ив. Клочко и И. Назаренко; «психодрама» «Преступление или наказание» (2018) режиссера Э. Никласона в Рижском русском театре М. Чехова. Словно отвечая на вопрошание ведущего театрального критика Латвии Сильвии Радзобе («Я не знаю, что должно произойти в современном театре, чтобы я поверила, что старуху действительно убили топором»), современные режиссеры обращаются к эстетическим возможностям постдраматического театра: размывают границу между театральной ситуацией и реальностью, что достигается отсутствием рампы и разделения сцены и зала в камерных спектаклях Михайловой и Никласона; делают размытой границу между театральным и реальным событием (в спектакле Кимеле актеры, отстраняясь от роли, напрямую обращаются к зрителю, призывая обсудить различные культурологические проблемы); используют различные повествовательные стратегии — в спектакле Кимеле актеры совершают постоянные переходы от роли к повествованию о персонаже; Михайлова выбирает стилистику театра повествования: ее Раскольников рассказывает зрителям личную историю, вплетенную в историю своей семьи; словесная избыточность сопрягается с тенденцией преодоления вербального — режиссеры делают акцент на визуальном: сценическая версия Никласона представляет собой театр жестов и пантомимы, прием музыкализации — в спектакле Михайловой идеологическое столкновение Раскольникова и Порфирия Петровича реализовано в том числе и как столкновение двух музыкальных традиций (джазовая импровизация vs классический романс); прием демультипликации в спектаклях Кимеле и Никласона — переодевание персонажей на сцене, игра в другого разрушает устойчивое и очевидное разделение мира на палача и жертву, проблематизирует эти установки в глазах зрителей; прием длящегося убийства, создающий эффект саспенса: жертвы остаются на сцене в течение всего спектакля у Кимеле; в спектаклях Михайловой и Никласона сцена убийства достаточно продолжительна по отношению к общей продолжительности камерных, коротких спектаклей. В театральных прочтениях Достоевского рижские режиссеры отказались от традиций психологического театра, от правды переживаний в пользу максимально активной позиции зрителей.

Что есть опера — музыкально-драматический жанр, разновидность театра или особый вид искусства?

Юрьев Андрей Алексеевич,

к. иск., профессор

Российский государственный институт сценических искусств

Предлагаемый доклад будет посвящен анализу ряда вопросов, связанных с локализацией оперы в обширном художественном пространстве Нового времени: в какой мере опера связана с театром, относится ли она к области жанровых категорий, каковы границы ее «синтетичности». В мире искусства есть явления, вроде бы всем хорошо известные, но постоянно вызывающие споры. Причем споры, касающиеся не частных, но самой их сущности. Среди них — опера. В самом деле — что это такое? Музыкально-драматический жанр? Особая разновидность театра? Некое синтетическое сценическое образование, *Gesamtkunstwerk*, соединяющий в себе все виды искусства? Эти вопросы непосредственно связаны с проблемами как взаимодействия оперы с дру-

гими искусствами, так и в целом ее существования в современном театре. Обращаясь к многочисленным энциклопедиям, словарям, учебным пособиям, получишь, скорее, не ответ на вопрос, а разноречивые определения, вызывающие, если хорошенько в них вдуматься, новые вопросы и недоумения. Едва ли есть достаточные основания, чтобы отнести оперу к области жанровых категорий. Хотя бы потому, что за всю историю ее существования появилось немало особых оперных жанров (опера-seria, опера-buffa, опера-semiseria, зингшпиль и т. д.). Так может быть, это разновидность театра? Может быть. Но очевидно, что для полноты постижения предмета необходимо, учитывая всю его историю, выделить в нем главное — то, без чего он обойтись не может. И отделить это главное от того, что можно отнести лишь к области дополнений. Бытование оперы не только в сценических формах, но и вне таковых (в концертном исполнении, в аудиозаписи), препятствует строгой локализации оперы в области театра. И всего лишь наличие театральной структуры «актер — персонаж — публика» еще не дает оснований для обязательной привязки явления к сценическому искусству (взять хотя бы игровое кино, в котором наличествует указанная структура, но этого явно недостаточно, чтобы размыть четкую грань между театром и кинематографом). Так не является ли опера особым видом искусства, в котором главенствует, безусловно, музыка, но музыка, вступающая с драматургией и поэтическим словом в особые, совершенно уникальные отношения? Предлагаемое выступление посвящено анализу этих вопросов, не предполагающих простых и бесспорных ответов.

Карантинные комнаты Анны Соколов: новая сборка спектакля

Юшкова Елена Владимировна,

к. иск., независимый исследователь

Хотя карантинная эпоха породила много Zoom-спектаклей, в том числе и танцевальных, но один из них вписался в новый формат как нельзя лучше — это «Комнаты» (Rooms) американского хореографа Анны Соколов (Anna Sokolow), поставленный в 1955 г. и возобновленный в 2020-м компанией Sokolow Theater / Dance Ensemble к 65-й годовщине создания. Всеобщая карантинная изоляция и одиночество стали именно тем контекстом, в котором он зазвучал по-новому, оказавшись подходящим и по теме, и по настроению прошедшему году. И хотя изначально спектакль планировали показать офлайн в марте 2020 г. в Нью-Йорке на симпозиуме, посвященном годовщине «Комнат», пандемия внесла свои коррективы, и мероприятие перенеслось в Zoom. Было показано сразу три версии спектакля. Видеосъемка для одного из них делалась каждым из восьми танцовщиков на свой телефон, затем режиссером Наслунд был смонтирован фильм, частично показанный онлайн. Вторую версию спектакля разучивали с несколькими десятками студентов танцевальных отделений американских колледжей, находящихся в самых разных частях страны, через Zoom и показали ее фрагмент сразу на множестве маленьких экранов, соединившихся в своего рода танцевальную мозаику. Третья версия получилась максимально офлайн-овой — студенты Williams College из штата Массачусетс, имевшие возможность дважды в неделю тестироваться на COVID, работали все вместе в студии в традиционном формате, закрывая лица масками, а режиссер Сара Пара снимала их танец движущейся камерой, как бы

показывая танец изнутри. На онлайн-симпозиуме в честь 65-летия «Комнат» виртуально собрались более 100 человек — танцовщиков, критиков, хореографов и многих других поклонников творчества Анны Соколов. Были среди участников и бывшие танцовщики, работавшие с самой Анной. Они рассказывали о том, какой требовательной она была и как добивалась максимальной концентрации энергии даже при выполнении простых движений. Литературы на русском языке, посвященной этой представительнице американского танца модерн, практически нет, кроме нескольких кратких упоминаний. Но в США наследие этого хореографа тщательно оберегается, передается молодым поколениям и продолжает ставиться. А о том, что спектакли Анны Соколов не утрачивают своей актуальности, свидетельствовал симпозиум 2020 года — мультижанровое онлайн-событие в Zoom, по степени эмоционального накала не уступающее офлайн-мероприятиям.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Грамматика и лексикон

Лексические хеджи в научно-популярном дискурсе

Абрамова Евгения Викторовна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

В современной дискурсологии непреходящий интерес к изучению функционирования хеджей в научно-популярном дискурсе (НПД) свидетельствует об актуальности данной темы.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной лингвистике можно найти немало работ, посвященных изучению хеджированию в различных корпусах научного дискурса на примере тематических полей научных текстов (И. С. Лебедева 2020, М. E. Gherdan 2019, Занина Е. Л. 2016, Salager-Meyer 2011) исследование НПД, а именно компенсационной стратегии хеджей в нем, остается недостаточно изученным и требует более детального рассмотрения. Вышесказанное обуславливает научную новизну работы.

Целью данного исследования является выявление, сравнение и анализ наиболее распространенных типов лексических хеджей, используемых в НПД: модальных глаголов *can, could, may, might, will, would*. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: описание и анализ функционирования хеджей как прагматического языкового средства, изучение специфики их употребления в научно-популярном дискурсе.

Реализация компенсаторной стратегии хеджирования рассматривается на материале статей, представленных в научно-популярном онлайн журнале «National Geographic» за 2021 г. Критериями отбора текстов в исследовательский корпус была их принадлежность к рубрике «Science» и открытый доступ к полнотекстовым статьям. Тематика текстов характеризуется широким диапазоном как отдельных научных сфер (*climate science, space, nature, environment, medicine (COVID-19, neuroscience, physiology, physics, archeology)*), так и междисциплинарных исследований (*physical chemistry, biogeochemistry*). В текстах статей предполагается достаточно высокая плотность лексических хеджей, обуславливаемая прагматическими функциями НПД: трансляция научных знаний в форме гипотез и вероятностных предположений с целью предотвращения негативной реакции и отзывов целевой аудитории к восприятию новых теорий и идей, репрезентируемых журналистами.

Одна из задач исследования — найти ответы на следующие вопросы: какие хеджи-заслонки представлены в текстах научно-популярных статей и чем обусловлена их частотность.

Для обработки данных применялись дескриптивный, сравнительный и количественный методы. Выявление лексических средств хеджирования проводилось с опорой на таксономию Хайлэнда К. (Hyland K. *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*, 2005).

В перспективе планируется сравнить особенности лексического хеджирования в НПД с научным дискурсом и изучить функционирование хеджей-заслонок и хеджей-аппроксиматоров в русскоязычном научном и научно-популярном медиа-ландшафте с целью выявления рекомендаций для исследователей и журналистов, пишущих на английском языке.

Взаимодействие локативных аффиксов с семантикой основы в адыгейском языке

Багирокова Ирина Гаруновна,

к. ф. н., доцент
Институт языкознания РАН

Рыжова Дарья Александровна,

к. ф. н., доцент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В адыгейском языке есть две серии локативных аффиксов: префиксы и суффиксы. Их сочетаемость с глагольными основами не всегда предсказуема, а кроме того, некоторые из них развивают не-пространственные значения (Берсиров 2001: 160–171). Дистрибуция этих аффиксов в грамматиках совсем не обсуждается, а набор дополнительных значений задается просто списком, без условий реализации каждого из них (см., например, Рогова, Керашева 1966, Smeets 1984). Мы предлагаем другой взгляд на семантику локативных показателей и исследуем их взаимодействие с лексической семантикой основ, к которым они присоединяются. Мы выбираем однородные лексические группы (семантические поля), изучаем особенности семантики входящих в эти группы слов, а затем, путем сплошного анализа корпусных данных, выясняем, с какими локативными аффиксами они сочетаются, и к каким новым значениям эти сочетания приводят. К настоящему моменту мы рассмотрели несколько семантических полей: глаголы позиции ('сидеть', 'стоять', 'лежать', 'висеть'), перемещения ('падать') и каузированного перемещения ('бросать', 'ронять'), а также несколько лексических классов, в семантику которых входят компоненты локализации и перемещения, но не являются для них основными ('искать', 'прятать', 'менять', 'мешать'). На этом материале видно, что есть несколько ступеней взаимодействия между семантикой локативных аффиксов и основ, к которым они присоединяются: · композициональность (tje-ze- LOC-бросать "бросать на поверхность чего-л.", šxə- "есть" => xe-šxə-č 'ə LOC-есть-EL "выгрызть"); · сдвиг значения у аффикса под воздействием семантики основы (webələ- "прятать" => xe-webələ-č 'ə- LOC-прятать-EL "припрятать, спрятать часть": показатель элатива — č 'ə — приобретает партитивное значение, ср. русск. уехать из города => взять одно из яблок); · разные степени лексикализации: за сочетанием аффикса и основы закрепляется лексическое значение (lə-χ^wə- LOC-становиться "искать", ze-ble-χ^wə- REC.IO-LOC-становиться "менять"), причем семантика основы на синхронном уровне может быть вообще не интерпретируема в отрыве от аффикса (?^wə-č 'e- LOC-? "встречать"). Кроме того, в некоторых случаях аффикс теряет свойства аппликатива и не индексирует никакого участника, см. (1).se-rjə s-jə-senehat s-je-g^wəpšəse-ze, s-e-lə-χ^we я-ADD 1SG.IO-POSS-профессия 1SG.ABS-DAT-думать-CNV 1SG.ABS-DYN-LOC-становиться 'Я тоже, когда думаю о своей профессии, ищу (выбираю).' (корпус) В докладе мы рассмотрим подробнее каждый из этих случаев.

Библиография

Берсиров Б. М. Структура и история глагольных основ в адыгских языках. Майкоп: ГУ-РИПП Адыгея, 2001.

Рogaва Г. В., Кeрашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книж. изд-во, 1966.

Smeets J. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.

Языковая репрезентация взаимоотношений пионера и пионерской организации в советской детской периодике 1970–1980 гг.

Видинева Наталья Юрьевна,

преподаватель

Пензенский государственный университет (Penza State University)

Цель исследования — выявить и описать характерные для советской детской периодики 1970–1980 гг. языковые способы актуализации отношений между ребенком-пионером и пионерской организацией, а также дискурсивные особенности этих отношений.

Эмпирической базой исследования стали журналы «Пионер» (5 номеров) и «Костер» (5 номеров), выпущенные в период с 1970 по 1988 гг.

Проведенное исследование позволило выяснить, что основными языковыми способами репрезентации отношений между пионерами и пионерской организацией являются лексические средства, а также средства синтаксиса:

1) Средства, репрезентирующие вертикальные отношения «пионерская организация — пионер». Сюда входят: лексические средства, номинирующие центры пионерской жизни; лексические средства, номинирующие коллективную деятельность пионеров, организованную сверху; лексические средства, репрезентирующие пионера как звено в вертикальной иерархии. Данная группа средств репрезентирует строгие вертикальные отношения внутри пионерской организации, в которой пионер является одним из звеньев. Над пионером всегда есть кто-то, наделенный большими полномочиями, организующий деятельность пионера.

2) Средства, репрезентирующие горизонтальные отношения «пионер-пионер». Сюда входят все лексические средства, номинирующие отношения внутри коллектива пионеров. Установление внутренней иерархии демонстрирует, что школьники уже воспринимаются государством как взрослые личности, способные к самоорганизации и ответственному труду. Ребенок подобным образом примеряет на себя взрослые ролевые модели.

3) Средства, репрезентирующие деятельность пионеров в рамках организации. Сюда входят глагольные предикаты, которые репрезентируют деятельность, конвенционально присущую коллективу взрослых, что позволяет школьникам примерить взрослые роли. Также эта группа средств включает побудительные предложения, адресованные пионерам. Государство в целом и пионерская организация в частности ждет от пионеров преданности и готовности включиться в государственные дела и процессы.

4) Средства, репрезентирующие атрибуты отношений между пионером и пионерской организацией. Реально существующие и номинированные в периодике

атрибуты призваны объединить между собой все звенья отношений, а также служат сигнальной системой «свой-чужой», в которой «свой» обладающий теми же атрибутами пионер.

В заключении отметим, что выявленные нами средства репрезентируют строго регламентированный порядок отношений между пионером и пионерской организацией. Эти средства призваны продемонстрировать, что пионеры воспринимались государством как, с одной стороны, члены вертикальной государственной иерархии, а с другой стороны — как полноправные члены общества, способные к действиям и решениям, присущим взрослым.

Актантная структура или семантика глагола? Яйцо или курица?

Григорьян Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент

Южный федеральный университет

В докладе данный вопрос рассматривается исключительно в синхроническом аспекте.

Предопределяет ли актантная структура выбор глагола или конкретный глагол задает актантную рамку? Путь к исследованию этой проблемы далеко не очевиден. Задача осложняется тем, что сама актантная структура определяется несколькими факторами, как семантическими, а именно — ролевой семантикой актантов, так и прагматическими, прежде всего актуальным членением, по крайней мере в аккумулятивных языках. Кроме того, семантические роли кодируются не напрямую однозначным образом, но соотносятся с падежными и предложными формами, которые предписывают (или подсказывают) определенное прочтение.

Возможны различные подходы к исследованию заявленной проблемы. Так, в качестве материала для исследования могут использоваться (а) данные экспериментов (проведенных разными исследователями в разное время применительно к конкретным языкам, в основном английскому), в которых испытуемые интерпретируют конструкции с вымышленными глаголами или же конструкции из существующих лексем, но с несоответствующей конкретному глаголу синтаксической моделью; (б) примеры использования в реальных текстах нестандартной, окказиональной синтаксической модели для конкретного глагола; (в) выбор различных актантных структур без замены глагольной лексемы.

При употреблении глаголов со стандартным (узуальным) оформлением актантов мы имеем дело с готовой формой, что не позволяет извлечь информацию о направлении обусловленности. Стандартная схема управления, если она является единственной для конкретного глагола, используется в готовом виде, т.е. говорящий не выбирает из вариантов в соответствии с содержанием высказывания и коммуникативными целями; в таких случаях можно наблюдать только частотность тех или иных моделей для определенных классов глаголов. Поэтому для исследования проблемы показательны именно те случаи, где возможны варианты выбора, особенно на примерах выбора менее употребительных (нестандартных, маркированных) вариантов.

Итак, можно констатировать, что наблюдаются корреляции между некоторыми типовыми актантными структурами и определенными типами ситуаций. В тех случаях,

когда глагол допускает варьирование актантной схемы, а также в примерах окказионального выбора структуры, прослеживаются общие закономерности, не привязанные ни к конкретной глагольной лексеме, ни к семантической группе глаголов.

Французские заимствования в английском и русском языках в дискурсе fashion-блогов

Орлова Александра Андреевна,

старший преподаватель
ГОУ ВО МО «ГСГУ»

В современном мире все быстрее происходит процесс взаимосвязи стран и народов, приводящий к постепенной унификации их культур. При этом глобализация затрагивает все сферы нашей жизни, в том числе и моду. Доказательством данного факта может служить то, что одним из основных способов пополнения лексики определенного языка является заимствование. Так, целью данного исследования является изучение и сравнение французских заимствований в английском и русском языках в сфере моды. На настоящий момент в лингвистике нет единого определения понятия «заимствование».

Рассматриваются формулировки данного термина, данные отечественными и зарубежными учеными, такими как Г.В. Степанов, В.С. Виноградов, Н.М. Фирсова, Н.Ф. Михеева, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова, Х.Г. Капус, В.Г. Йебра, Х.Г. Морено де Альба. Материалом исследования послужили современные fashion-блоги одних из самых известных русских, британских и американских блогеров, таких как Екатерина Мезенова, Елена Ленц, Карина Нигай, Катя Гершуни, Лина Дембикова, Camille Charrriere, Emma Miller, Lizzy Hadfield, Lucy Williams и многих других. Приведенные примеры заимствований распределены на следующие лексико-семантические поля: одежда, обувь, головные уборы, косметика и парфюм, аксессуары. Выявлено, какое лексико-семантическое поле обладает самым богатым набором французских заимствований.

Таким образом, важно отметить, что и сегодня мы пользуемся многими словами, родиной которых является прекрасная страна — Франция. В наши дни мода приобрела международный характер, мы повсеместно встречаемся с международными брендами, журналами моды, фэшн-блогерами.

Что X, что Y: проблемы синтаксиса и семантики

Тискин Даниил Борисович,

к. филос. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Конструкция что X, что Y ‘неважно, X или Y; верно и для X, и для Y’ в современном русском языке (1) встраивается в инвентарь повторяющихся коннекторов, ср. и... и, ...ли ...ли, то... то..., хоть... хоть. (1) Жесткие волосы что матери, что сына напоминали непролазный осенний бурьян. Из перечисленных коннекторов некоторые допускают анализ, объединяющий их с этимологически близкими аддитивными

или вопросительными частицами (Szabolcsi 2015; Mitrović, Sauerland 2016). В случае что... что мы не имеем дело с частицей и вряд ли имеем дело с вопросительным или неопределенным местоимением что, во всяком случае в синхронии, ср. возможность вставки и/а в случае местоимения что (досталось что мне, а что вам; предсказать, что случится и что не случится), отсутствующую в (1). Сравнение употреблений что X, что Y в различные периоды на материале НКРЯ показывает, что в наиболее ранних текстах конструкция как правило сопровождается словами с обобщающей семантикой типа все и/или с семей 'одинаковый' типа равный, один и т. д. (2). (2) Все один черт, что хрюю, что хрю. В позднейших текстах доля таких употреблений значительна, но они не преобладают. Это позволяет предположить, что конструкция обретает способность самостоятельно выражать соответствующие значения или же расширяет семантические условия своего употребления. Для решения вопроса о синтаксисе и семантике конструкции и о ее становлении в диахронии мы считаем релевантным следующее. В ряде примеров что X, что Y заполняет валентность (ср. Маракасова, Иомдин 2016) предиката, валентного на косвенный вопрос: ср. (3)–(4). (3) Им все равно что голубое, что красное. (4) Для меня все равно кому деньги платить. Это позволяет предположить, что в процессе интерпретации конструкции, как и в случае ли... ли, вводится в рассмотрение множество альтернатив (типа {голубое, красное} в случае (3); Yanovich 2005), которое годится в качестве основы для семантики косвенного вопроса, а потенциально и для современных употреблений с чисто сочинительной семантикой типа (1). Для обстоятельственных употреблений типа (5) мы предлагаем считать что X, что Y примером т. н. безусловной (unconditional; Rawlins 2013; Szabolcsi 2019) конструкции типа англ. whether q or r, p 'если q, то p; и если r, то p', которая, как и русский аналог, не требует условного союза. (5) Что так назовешь, что так — а понятие-то одно. Это позволяет использовать в семантической модели таких употреблений ту же идею о множестве альтернатив и объясняет невозможность описать с помощью что... что единственное событие (Санников 2008): безусловная конструкция пресуппонирует выполнение различных альтернативных antecedентов в разных ситуациях.

On the semantic and pragmatic features of particles in the Tajik imperative and their English counterparts

Abdulhamidov Tahmuras,

соискатель, independent researcher

The study of imperative utterances has become an increasingly important area from a cross-linguistic perspective. It is important to note that the semantics of the imperative is often objectified by means of different levels of language: morphological, syntactic and (lexical-) semantic. Accordingly, while expressing imperatives, auxiliary lexemes, e. g. imperative particles, are of considerable importance. These particles significantly affect the condition of successful communication among people in society. However, these words have the most obscure and ambiguous meaning and often have no direct counterparts in the target language, which usually engenders difficulties in translation and second language acquisition. This research aims to shed some light on the functional and semantic characteristics of Tajik imperatives, incorporating particles. Our research has been conducted based on im-

perative constructions, which are selected by random sampling from the National Corpus of the Tajik language. Based on the corpus data, we have outlined some patterns and regularities on how the following particles are used in Tajik imperatives: *kanī / ku* ('ну-ка'), *okhir* ('же | emphatic 'do'), *biyo(ed)* ('давай(-те) | 'let's'), *big(u)zor* ('пусть' | 'let') and postpositive particles *-chī* ('-ка'), *-dija* ('же' | emphatic 'do'). Furthermore, we have laid particular emphasis on the semantic effects of using particles (i. e. semantic augmentation) in the imperative utterances and social relations (e. g. familiarity, politeness, etc.) among the participants of the speech act (i.e. pragmatic features). Another important aspect of this research is to provide a contrastive analysis of Tajik imperative clauses, containing particles by identifying their English analogues.

История языкознания

«Британская синонимия» Э. Л. Трейл Пьюцци: женский след в британской лексикографии

Германова Наталия Николаевна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный лингвистический университет

Хотя «Британская синонимия» (1794) Э. Л. Трейл Пьюцци стала фактически первым оригинальным словарем синонимов английского языка (предшествующий словарь синонимов Дж. Траслера был слишком близок к словарю французских синонимов Г. Жирара), ее имя нередко отсутствует в работах по истории британской лексикографии. Причина лежит в неакадемическом характере словаря: не будучи лингвистом, автор не придерживалась четкого плана в организации словарных статей, редко приводила этимологические данные, часто заменяла дефиниции слов демонстрацией контекстов их употребления. Придерживаясь весьма широкого понимания синонимии, автор нередко составляла словарные статьи по идеографическому или «фреймовому» принципу, включая в них слова, которые, не будучи синонимами в прямом смысле слова, могут быть использованы для описания стереотипной ситуации или относятся к одной предметной сфере. Таким образом, автор, хотя и несколько непоследовательно, опробовала приемы, которые впоследствии были с успехом использованы в британской лексикографии (ср., составленный по идеографическому принципу «Тезаурус английских слов и фраз» П. М. Роже). Это было реализацией авторского замысла: свою задачу Пьюцци видела в том, чтобы помочь читателям овладеть «элегантным» стилем неформальной светской беседы. Не случайно полное название словаря звучало как «Британская синонимия, или попытка упорядочить выбор слов в обычной беседе»; из пояснений автора следует, что под «обычной» (*familiar*) беседой понимается неформальное общение в светском салоне. В соответствии с этой риторико-стилистической направленностью словарь содержит пространные тексты, иллюстрирующие употребление слов, или выражающие точку зрения автора на то или иное событие. Акцент на развитии разговорно-литературного стиля был обусловлен принадлежностью Э. Л. Трейл Пьюцци к обществу Синих Чулок, члены которого пытались облагородить маскулинное британское общество и изменить положение женщин, организовывая светские салоны, где дамы могли наравне с мужчинами принимать участие в интеллектуальной беседе. Таким образом, перед нами «очень женский» словарь, отражающий идеалы движения Синих Чулок с его акцентом на образовании, саморазвитии, в том числе за счет неформального обмена интеллектуальной информацией, и поддержкой литературного творчества. Словарь балансирует на грани дескриптивного и прескриптивного подходов: с одной стороны, он содержит четкие рекомендации относительно того, в каких контекстах следует употреблять то или иное слово; с другой стороны, все рекомендации опираются на речевой узор светского салона, что придает словарю особый интерес в глазах историка английского языка.

Реформы орфографии в России как признак политического кризиса

Знаешева Ирина Владимировна,

независимый исследователь

Носители литературного языка в России составляют, пожалуй, одну из самых многочисленных социальных групп. А орфография является одной из немногих сфер языка, где административное воздействие доступно, а принятые решения до некоторой степени обязательны к исполнению. Институализированные реформы орфографии в России (немногочисленные, впрочем) удивительным образом совпадали с политическими кризисами в стране. Заметим сразу, что тут встает первый дискуссионный вопрос: что, собственно, считать реформой, а что нет. Ибо разнятся даже оценки лингвистов на этот счет: кто-то говорит только о петровской реформе алфавита и письма, а далее реформе 1918 г., кто-то выделяет ряд «промежуточных», например, употребление апострофа наряду (или вместо) «ъ» в 1918 г. и дальнейшая его отмена в 1938, закрепление обязательного употребления буквы «ё» в 1942 и его отмена в 1956 (очевидно, что это было связано со спецификой военного времени), употребление дефиса в написании сложных букв и т.п. Мне же логичным представляется «узуальный» подход: помимо собственно проектов реформ, опираться на труды (и первым из них может быть назван Яков Грот «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донине» (1873)), ставшие авторитетными в этой области для пишущих и, что очень существенно, фиксирующие реальные сдвиги нормативности письменной речи.

Разумеется, было бы натяжкой говорить о том, что реформы сознательно проводились в острые для истории моменты, хотя такое искушение и присутствует: для государства это относительно незатратный способ демонстрации власти, а возникающие в процессе обсуждения и после проведения реформы дискуссии служат отводным клапаном для недовольства граждан. Однако механизм этого совпадения представляется гораздо более сложным. Вмешательство правителей в языковые вопросы является в России освященной веками традицией и осуществлялось в разное время как путем непосредственного вмешательства (к примеру, Петр I или И.В. Сталин), так и опосредованно, через научные институты (к примеру, введенная декретом реформа 1918 г., разработка которой велась специальной подкомиссией Императорской Академии наук, или «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденный в 1956 г. Академией наук СССР).

Фрагменты «Картины древности» (1793) как протолингвистика

Клубкова Татьяна Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Младограмматист В. Томсен полагал, что настоящее языкознание возникает только в XIX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ начал историю нового языкознания намного раньше, с Г. В. Лейбница. Итальянский неолингвист Дж. Бонфанте отодвигает начало науки еще

далее, до 1200 г., причем следует отметить, что для всех трех авторов важным представлялся один и тот же аспект ТИРЕ сравнение языков. Н. Хомский находит своих предшественников в грамматистах Пор-Рояля.

Определяя лингвистику как науку о языке, мы исходим из целого комплекса представлений, сформировавшихся в течение последних двух веков. И понятие науки, и понятие языка являются исторически обусловленными и далеко не всегда понимались так, как сегодня. Если обратиться к более отдаленному прошлому, легко заметить, что высказывания, которые в соответствии с нашими сегодняшними представлениями должны быть отнесены к лингвистике, не образуют цельной системы, не осмысливаются как единая наука. Лишь в XVIII в. языки начинают рассматриваться как самостоятельная ценность, как предметы, заслуживающие изучения независимо от ценности текстов, написанных на этих языках.

Сведения о языках рассыпаны в философских, богословских, логических, исторических, географических трактатах, в энциклопедических сочинениях Г. Штолле, И. Фабрициуса, Я. Ф. Рейммана. В первом томе «Всемирной истории» (1736) содержится обширное эссе о происхождении языка, А. Л. Шлёцер помещает в «Продолжение Всемирной истории» (1771) сведения о самоедском (ненецком) языке, извлечь сведения о языках можно из «Всемирной географии» (1810–1829) К. Мальте-Брюна.

К подобного рода трудам относится историческое сочинение Феофана Колоколова «Картина древности» (1793), в первой части «Картины» описываются языки и нравы народов, т. е. сведения, которые в будущем отошли бы к лингвистике, этнографии, экономической географии, это разделение наук начиналось именно в конце XVIII в.

Сочинение Феофана включает описание языков мира по географическому принципу (для европейских языков используется видоизмененная классификация Скалигера), автор останавливается на причинах изменений в языках, обсуждает фонетику, виды письма (звуковое письмо, иероглифика, стенография, криптография, возможность пазиграфии), ссылается на самые разнообразные источники, античные и современные, цитирует трактат «De Dignitate et augmentatis scientiarum» Фр. Бэкона, известный тогда в России лишь в сокращенном переводе В. К. Тредиаковского. «Картина древности» представляет интерес как контрольный срез общеизвестных знаний о языке, как образец популяризации знания.

Опыт применения корпусных методов к предметной области историографии лингвистики

Крылов Сергей Александрович,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН

Корпусные методы применимы не только к изучению русского языка (РЯ) неспециальных (художественных) текстов, но также и к изучению РЯ специальных (конкретнее, научных) текстов. Разновидностью последних являются тексты, принадлежащие предметной области лингвистики.

Для изучения этих текстов, взятых во всей их совокупности, целесообразно применить корпусный подход. В рамках этого подхода создается так называемый Металингвистический корпус РЯ (МЛКРЯ).

В настоящее время МЛКРЯ состоит из трех основных подкорпусов:

- (1) общелингвистический;
- (2) частнолингвистический,
- (2а) по лингвистической русистике;
- (2б) по лингвистическому описанию остальных языков мира.

В МЛКРЯ-1 входят тексты на РЯ, посвященные предметной области общей лингвистики; в МЛКРЯ-2а — тексты на РЯ по лингвистической русистике; в МЛКРЯ-2б — тексты на РЯ по описанию разных языков мира и их группировок (семей, групп).

Разумеется, границы между этими тремя подкорпусами не всегда легко провести с надлежащей четкостью; поэтому для ряда спорных промежуточных случаев приходится принимать до известной степени условные решения. С точки зрения метаязыковых истоков текст может быть оригинальным либо переводным; с точки зрения стилевой принадлежности — собственно научным либо научно-популярным.

Жанровые типы текстов включают:

- (I) учебные тексты;
- (Ia) собственно учебники и учебные пособия;
- (Iб) сборники задач и упражнений;
- (Iв) хрестоматии;
- (II) собственно научные тексты — как исследования, так и обзоры;
- (IIa) упорядоченные по тематическому принципу (то есть монографии и статьи);
- (IIб) упорядоченные по алфавитному принципу (то есть словари и энциклопедии);
- (III) библиографические справочники.

В историографическом и историологическом аспекте существенным является такой параметр классификации текстов, как «первичность» vs «вторичность».

«Вторичный» текст есть продукт информационной «переработки» некоторого «первичного» текста, предполагающий сохранение значительного содержательного (информационно существенного) инварианта до такой степени, что во многих коммуникативных ситуациях, реально складывающихся в научной жизни, вторичный текст может успешно (то есть фактически с большим или меньшим успехом) заменить собою первичный (оригинальный) текст. Ко «вторичным» текстам относятся переводы, рефераты, рецензии и обзоры, а также тексты по истории языка.

Если «первичные» тексты имеют прямую (простую) соотнесенность с тем годом, в котором опубликован данный текст, то «вторичные» тексты имеют более сложную (а именно, «двойную» или даже в ряде случаев «тройную») хронологическую «привязку». Помимо года выхода в свет данного вторичного текста, они, как правило, содержательно соотнесены также и с той эпохой, в которую создавался «первичный» текст, являющийся объектом описания в данном «вторичном» тексте.

Академик О. Н. фон Бётлингк: от Петербурга до Лейпцига

Лукин Олег Владимирович,

д. ф. н., профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Отто(н) Николаевич фон Бётлингк (нем. Otto von Böhtlingk; 11.06.1815–1.04.1904) — выдающийся российско-германский санскритолог, тюрколог, которого Б. Дельбрюк назвал «богоподобным героем науки». Ученый родился в Санкт-Петербурге в немецкой семье, его предки переселились в Российскую столицу при Петре Первом в 1713 г. С 1822 до 1829 учился в знаменитой Петришуле (Главном немецком училище Святого Петра), в 1833 г. поступил в Санкт-Петербургский университет, где изучал восточные языки. Его первым преподавателем санскрита стал Ф. Болензен, учитель немецкого языка в Гатчине, впоследствии профессор санскритского языка в Казанском университете. В 1839 г. О. Бётлингк отправился в Берлинский университет к основателю сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппу, однако вскоре переехал в Бонн к А. В. Шлегелю и его ученику К. Лассену, основателям критической и исторической школы санскритологии в Германии. По возвращении в 1842 г. в Санкт-Петербург стал адъюнктом, впоследствии экстраординарным, а затем и ординарным членом Императорской Академии наук, много лет заведовал типографией Академии. Заслуги российского академика были высоко оценены мировым научным сообществом: в 1852 г. он был избран иностранным членом Баварской Академии Наук, в 1861 г. — академиком Прусской Академии Наук. В 1868 г. переселился в Йену, а в 1885 г. — в Лейпциг. На протяжении многих лет О. Бётлингк издавал труды древнеиндийских авторов (в их числе — знаменитое «Восьмикнижие» Панини, грамматика Вопадевы), переводы и комментарии многочисленных текстов на санскрите, делая их доступными международному сообществу санскритологов и индоевропейцев. Его перу принадлежит также классическая грамматика якутского языка, одна из первых научных грамматик этого языка. Главным трудом ученого стал фундаментальный санскрито-немецкий словарь, составленный совместно со знаменитыми немецкими лингвистами Р. Ротом и А. Вебером, опубликованный в Санкт-Петербурге в семи томах. Научное творчество О. Н. фон Бётлингка свидетельствует о непреходящей ценности и плодотворности сотрудничества лингвистов России и Германии в середине XIX в. Работы ученого в области санскритологии и тюркологии, опубликованные на немецком языке (языке науки того времени), оказали исключительное влияние на развитие этих направлений языкознания во всем мире.

Н. И. Греч и власть дискурса

Маркасова Елена Валерьевна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Журналист, переводчик, преподаватель Н. И. Греч создал немало работ, посвященных грамматике, орфоэпии, орфографии, лексикографии. Кроме того, он рано начал педагогическую деятельность и на протяжении всей жизни составлял учебники и методические пособия, становившиеся то объектом безудержного восхваления, то поводом для

скандальных рецензий. Причины такого разнообразия оценок объясняются не только историей дидактики и историей лингвистических учений в России. Грамматики Греча продержались в системе образования довольно долго [1], а отказ от них был вполне закономерен, если учитывать, что он был связан, во-первых, с развитием сравнительно-исторического языкознания, во-вторых, с изменениями в восприятии возрастной психологии и, наконец, с изменениями литературных вкусов в 1850–1860 гг. Современному возрождению интереса к трудам ученого предшествует длительный период схематизации его деятельности, инспирированный демократической прессой XIX в. Общее негативное отношение к деятельности Греча-лингвиста было во многом обусловлено не лингвистическими идеями Греча, а его участием в политической жизни, а также националистическими и идеологическими высказываниями В. Г. Белинского, А. Д. Галахова, Н. А. Добролюбова. Материалы дискуссии между Галаховым и Гречем показывают, что ее причины лежат вне научной сферы. Этот вывод можно сделать на основе анализа критических замечаний Галахова в журнальных публикациях. Традиция описания взаимоотношений Буслаева и Греча в терминах борьбы и вражды может считаться данью революционному дискурсу. В XXI в. отношение к грамматическим трудам Н. И. Греча меняется: его называют одним из основателей отечественной ономазиологии [2], представителем функционального и полевого подходов к анализу частей речи [3].

Литература

1. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 1010–1013; Виноградов В. В. Из истории русского синтаксиса. М., 1958. С. 134–162; Дейкина А. Д., Янченко В. Д. История методики преподавания русского языка в биографических очерках. М., Изд-во МПГУ. 2017.
2. Даниленко В. П. Общее языкознание и история языкознания. М. Флинта: Наука. 2009. С. 247.
3. Соколова Т. И. Морфологические концепты и терминологическая система их воплощения в грамматических исследованиях Н. И. Греча Автореф. дисс. ... к. ф. н. Вологда. 2009; Соколова Т. И. Пространная русская грамматика» Н. И. Греча // Русская речь. 2008. С. 92–97.

Интерлингвистика в СССР: от тотальной науки (1920-е гг.) к вспомогательной (1950-е гг.)

Морэ Себастьян,

д. ф. н., доцент
Университет Лозанны (Швейцария)

В данном докладе предлагается обзор рассмотрения истории интерлингвистики в СССР, с 1920-х гг. до 1950-х гг. Сразу после октябрьской революции интерес к международному языку рос быстро в Советском Союзе. Это объясняется тем фактом, что интернациональные идеалы советского правительства оказались совместимы с идеей международного языка. По словам вождя советского движения эсперанто Дрезена, в 1920-х гг. в СССР появилось больше книг по интерлингвистике, чем по всему миру с момента рождения языка эсперанто. Все это длилось до конца 1930-х гг., когда политика СССР сместилась к патриотизму, отказавшись от всех прежних идей о всемирном единстве. С того момента стала ухудшаться ситуация в отношении эсперанто и вообще международного языка и интерлингвистики. Дрезен и другие эсперанти-

сты-интерлингвисты были арестованы, многие из них были расстреляны или умерли в тюрьмах или в лагерях. Союз Эсперантистов Советских Республик был распущен правительством. И в конце концов стало запрещено издавать книги на эсперанто. Последняя книга Дрезена была издана на русском языке в 1936 г., не по теме интерлингвистики, а по терминологии. В течение многих лет об интерлингвистике речь больше не шла. После смерти Сталина и освобождения страны от идеологической и научной догмы, советская наука, и в том числе языковедение, вновь открыла для себя академические споры и результаты исследований западных стран. Все это вело к дискуссиям на разные научные темы. Как я покажу, дискуссии об интерлингвистике так же были.

В докладе особое внимание будет уделено содержанию и роли интерлингвистики. В 1920-е гг. интерлингвистика будет рассматриваться как тотальная наука, которая в итоге заменит лингвистику. В 1950-е гг. новый интерес к интерлингвистике в СССР характеризовался многими ограничениями, как будто память о преследованиях эсперантистов и интерлингвистов в 1930-х гг. была еще живо. Возвращение интерлингвистики проходило довольно скромно: интерлингвистика рассматривалась прежде всего как вспомогательная наука языковедения.

Specimina linguarum (образцы языков) в лингвистических справочниках XVI в.: источники, формы и функции

Сергеев Михаил Львович,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники РАН

XVI в. был эпохой расцвета справочной литературы, рассчитанной на различную читательскую аудиторию. В частности, в это время появились печатные научные справочники, аккумулировавшие все доступные сведения по различным дисциплинам, собранные из литературы и полученные от информантов и опытным путем. Такая всеохватность в отношении источников позволяла этим изданиям отражать актуальное состояние знания по различным вопросам, а печатная форма и участие в их подготовке авторитетных ученых и издателей делали эти книги важным инструментом распространения знаний и способов организации информации.

Начиная с 1538 г., когда вышел «Алфавит 12 языков» Г. Постеля, появляется целый ряд справочников о языках мира. Каждый из них отражал специфические научные, профессиональные и национальные интересы авторов (педагогика, германские языки, формы письма, классификация языков, история Священного писания и т. д.), но вместе с тем — как это свойственно компилятивным сочинениям — они в значительной степени опирались на труды предшественников, что делает тем более удобным и полезным их сопоставление, необходимое для понимания их жанрового устройства и их роли в истории науки.

Важнейшей составляющей этих сочинений были языковые образцы (*specimina linguarum*), представлявшие собой примеры отдельных слов, выражений или текстов на различных языках, благодаря которым такие книги называли «полиглотами». Образцы в справочниках различались не только объемом информации (который зависел, в значительной степени, от изученности того или иного языка), но также визуально

и функционально: тексты могли приводиться в оригинальной графике (Г. Постель, А. Рокка), только или преимущественно в латинской транслитерации (К. Гесснер, И. Мегизер), располагаться разрозненно, в параллельных столбцах (Т. Библиандер) или в виде таблицы (К. Гесснер); слова могли даваться отдельными глоссами или списками, в том числе в сопоставлении с другими языками.

В докладе будет представлена формальная классификация «specimina», использованных авторами лингвистических справочников (от Г. Постеля до К. Вазера), будут рассмотрены их источники; особенное внимание будет уделено сведениям, полученным из сочинений классических авторов, их интерпретации и критике, а также их соотношению с новыми данными о языковой карте мира, взятыми из словарей и грамматик, предоставленными носителями языков и путешественниками. Кроме того, будет проанализирована двоякая функция «образцов» в компилятивных справочниках: с одной стороны, они (подобно цитатам в антологиях) представляли собой иллюстрации заранее данных тезисов; с другой стороны, можно предположить, что в ряде случаев они содержали материал, подвергавшийся эмпирическому рассмотрению и служивший основой для лингвистических гипотез.

Орфоэпия: научное наследие Людмилы Алексеевны Вербицкой

Система языка и языковая стихия

Клейнер Юрий Александрович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Светозарова Наталия Дмитриевна,

д. ф. н., профессор-консультант

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема освоения лексических заимствований, возникающая в период интенсивных языковых и культурных контактов, а в русском языке существующая, по крайней мере, с петровского времени, особенно остро проявилась в 90-е гг. XX в., в связи с очередным притоком заимствований и их распространением далеко за пределы специальной (терминологической) сферы. Идеальным представляется заимствование с полным совпадением плана содержания новых лексем в заимствующем языке и языке-источнике (компьютер, промокод). Заимствование оправдано и при неполном совпадении, выявляющем дополнительные коннотации в исходной лексеме: щи — не просто ‘cabbage soup’, loft — не ‘чердак’, но жилое помещение. План выражения при этом может оставаться близким к исходному, с изменениями в пределах фонологической и грамматической систем заимствующего языка. К допустимым искажениям относятся нарушения правил построения лексико-грамматических соответствий: ‘имя (= ‘название’) файла’ (file name), возникающие, как правило, вследствие недостаточной языковой компетенции заимствующей стороны. Разновидностью дефектной языковой компетенции является заимствование лексических единиц, отсутствующих в словаре части языкового сообщества. В отличие от заимствований, сопровождающих заполнение денотативных лакун, в данном случае создаются дополнительные синонимические ряды: паунд (при фунт), в эмигрантском словаре или трэнд, наряду с тенденция — в современном русском языке. Семантика слова в языке-источнике и в заимствующем языке может описываться в терминах признаков — дифференциальных (лексическое значение) и интегральных (коннотации). К последним относится «престижность», свойственная ситуации диглоссии, которая в России традиционно имеет экономические обоснования (евроремонт). В последнее время к этому добавились новые профессиональные области — «маркетинг», «паблик рилейшнз» — с собственной терминологией, переводной («продвижение товаров и услуг») или заимствованной напрямую (консалтинг). В обоих этих случаях имеет место своего рода «экономия усилий» у заимствующей стороны. В этой ситуации статус «престижности» (интегральный признак), практически, поднимается до уровня дифференциального признака. Сводить данное явление к «влиянию моды», значит менять местами причину и следствие, ибо

сама «мода» — результат действия определенных языковых процессов с их специфическими механизмами. Соответственно, борьба за чистоту языка («борьба с модой») также должна иметь четкие лингвистические обоснования, в том числе, и для разграничения «нормы» и «узуса» в том числе, в который автоматически попадают заимствования, впоследствии переходящие в норму или остающиеся в языке в качестве окказионализмов.

Альфа и Омега: норма произношения фразем из античности в немецком языке

Манёрова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы немецкого языка имеют несколько источников возникновения, среди которых античность и Библия являются древними, общеевропейскими источниками. Компонентами отдельных фразеологизмов, пришедших во фразеологический вокабуляр из названных источников, являются слова латинского и греческого происхождения, напр.: *von Pontius zu Pilatus laufen* (бегать по инстанциям, букв. от Понтия к Пилату), *zu Olims Zeiten* (в прежние времена, от лат. *olim* «когда-то»), *hohles Pathos* (пустой пафос), *Eulen nach Athen tragen* (совершать ненужные действия), *Koloß von Rhodos* (Колоосс Родосский), *nicht ein Jota!* (ни на йоту). Орфоэпические словари кодифицируют произношение заимствованных лексем, напр. *Iota* [i' o:ta] или [jo:ta], *Athen* [a' the:n], (W. Viëtor, *Deutsches Aussprachewörterbuch*, 1921). Орфоэпические словари немецкого языка не кодифицируют нормы для произношения фразеологизмов, в составе которых есть заимствованные компоненты. Исключение составляют учебники практической фонетики, где приводятся ряды фразеологизмов, пословиц, поговорок, парных словосочетаний, в которых встречается та или иная фонема (Heinz Fiukowski. *Sprecherzieherisches Elementarbuch*, 2010). Отметим, что произношение отдельных лексем — заимствованных компонентов в составе фразеологизма — может отличаться от произношения этой лексемы как отдельной. Примером такого дивергентного развития можно назвать фразеологизм библейского происхождения «das A und O» / «A und O» / «das A und das O» (Я — начало и конец), источником которого является Откровение Иоанна: „Ich bin das A und das O, spricht Gott der Herr, der da ist und der da war und der da kommt, der Allmächtige.“ Во фразеологизме содержатся две буквы греческого алфавита — альфа и омега, произношение первого компонента кодифицируется как произношение названия буквы, второго — как звука. Фразеологическая единица вошла в немецкий язык в древневерхненемецком периоде, в таком виде она кодифицируется в фразеологическом словаре средневерхненемецкого языка: *alpha: alpha et ô; alpha unde ô: antonyme, polar strukturierende Paarformel: «Alpha und Omega»; der Anfang und das Ende; alles. Antonomasie; Bezeichnung für Gott.* (Jesko F. *Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350*). В докладе будет рассмотрено развитие нормированного произношения названной фразеологической единицы.

Фонографемные особенности немецких текстов второй половины XVII в.

Филиппов Константин Анатольевич,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из характерных черт раннего немецкого Просвещения, затронувшего вторую половину XVII века, считается появление в печати ряда специальных текстов, в которых представлены конкретные рекомендации по организации тех или иных сфер человеческой деятельности, например, в области ремесленного производства, сельского хозяйства, военного дела и т. п. Эти тексты содержат чисто прикладные сведения и рекомендации в области практической деятельности человека. Для лингвиста эти документальные свидетельства интересны прежде всего тем, что их авторами выступали не известные теоретики в области кодификации произносительной нормы немецкого языка, а либо специалисты-практики, непосредственно занимающиеся какой-либо конкретной деятельностью, либо лица, знакомые с теми или иными областями практической жизни общества. Изучение документальных памятников этого периода позволяет обратить внимание на случаи вариативности графического облика слов и тем самым получить достоверные данные о фонетико-орфографических предпочтениях авторов специальных текстов.

В историческом плане исследование орфоэпической нормы языка, по мнению Л. А. Вербицкой, связано со сложностями фиксации произношения по сравнению с другими лингвистическими характеристиками речи: «Морфологические, синтаксические, словообразовательные нормы в большей степени фиксируются письменной формой языка, облегчая тем самым возможность их изучения в плане диахронии и синхронии» [Вербицкая 1996: 37]. При диахроническом анализе фонографемных особенностей речи необходимо учитывать также следующее общелингвистическое положение Л. А. Вербицкой: «Языковая система не может измениться, минуя вариантность, так как любому переходу от архетипа к неотипу обязательно предшествует период сосуществования архетипа с неотипом» [Вербицкая 2001: 41].

Материалом настоящего исследования послужили два немецких специальных текста, посвященные сельскохозяйственной и домостроительной тематике (см. [Gubertus 1688; Thieme 1694]).

Цель настоящего исследования состоит в выявлении, описании и классификации случаев вариативности графем и их сочетаний в немецких специальных текстах второй половины XVII в.

Литература

Вербицкая Л. А. Орфоэпия и культура речи // Прикладное языкознание: учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.; отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 34–53.

Вербицкая Л. А. Общелингвистические аспекты формирования произносительной нормы // 100 лет экспериментальной фонетики в России. Мат-лы межд. конф. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 40–43.

Gubertus S. Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student, Denen jungen, ungeübten Akkers-Leuten in Lieflland zum nöthigen Unterrichte. Riga, 1688.

Thieme J. Chr. Haus-Feld-Artzey-Koch-Kunst- und Wunder-Buch, in 20 Abtheilungen enthalten. Nürnberg, 1694.

Прикладная и математическая ЛИНГВИСТИКА

Распределение русских предложно-падежных конструкций по синтаксемам семантических рубрик

Азарова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Выполненное в течение 2017–2021 гг. исследование значений русских предложно-падежных конструкций на материале их корпусной статистики в современных текстах (грант РФФИ № 17-29-09159) позволило скорректировать список синтаксем современного русского языка, предложенный Г. А. Золотовой. Идея элементарного синтаксического оформления зависимой падежной или предложно-падежной формы существительного дает комплексное представление о синтаксических ресурсах выражения грамматических значений в современном русском языке. Включение предложных конструкций в состав грамматических способов оформления актантных или ролевых значений предикатов-пропозиций является довольно традиционным для исследования соотношения значений предлогов и семантико-семантических ролей управляемых имен в индоевропейских языках, в частности на примере английского языка. Однако применительно к структуре синтаксиса современного русского языка многозначность предлогов увеличивается за счет потенциальной комбинаторики с различающимися падежными формами. В итоге набор из нескольких десятков синтаксем, частично пересекающихся по значению, которые описаны в Синтаксическом словаре Г. А. Золотовой, представляется недостаточно структурированным и требует более систематического подхода с учетом корпусной статистики использования предложно-падежных конструкций в современных текстах.

Полученная структура включает три уровня обобщения грамматических значений. На самом высоком уровне набор синтаксически элементарных конструкций систематизирован относительно семи базовых семантических рубрик локализации, темпоратива, объектива, квантификатива, квалификатива, партитива и дериватива. В рамках каждой семантической рубрики выделяется от двух до семи синтаксем — предложно-падежных конструкций с первообразными и производными предлогами, упорядоченными по корпусной частоте. Каждая из синтаксем как инвариант реализуется при помощи набора вариантов — субсинтаксем, для которых частично пересекаются области определения семантических классов лексем, заполняющих позиции главных и зависимых компонентов предложно-падежных конструкций.

Литература

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 4-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2011.

Азарова И. В., Захаров В. П. Корпусное исследование значений русских предложно-падежных конструкций // Структурная и прикладная лингвистика: Межвузовский сборник, вып. 13. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 157–172.

Русское «не» в английском языке — способы передачи отрицания (на материале параллельного корпуса текстов)

Андреева Екатерина Георгиевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Категория отрицания — одна из универсальных лингвистических категорий, которая отражает несоответствие языкового высказывания/идеи/представления (о чем-то) тому, что есть в реальности, или, как пишет В. Н. Ярцева, «под отрицанием необходимо понимать элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует» (Ярцева 2000: 354). В этом смысле данная категория должна передаваться в языках более или менее единообразно, однако опыт любого человека, владеющего двумя языками, свидетельствует об ином.

Цель доклада — продемонстрировать расхождения между русским и английским языками в выражении одной из многочисленных сторон данной категории, а именно проанализировать способы передачи русского глагольного отрицания (частицы «не») в английском языке. Материал для анализа был почерпнут из параллельного подкорпуса Национального Корпуса русского Языка (НКРЯ), причем при отборе примеров мы отталкивались от русских предложений с частицей «не» (такое решение позволило максимально автоматизировать отбор пар предложений по двум языкам). Основное внимание уделяется тем примерам, в которых в английском языке частица «not» не используется, иначе говоря, рассматриваются те ситуации, когда категория отрицания передается иными способами. Случаи полного «параллелизма» (русское «не» — английское «not») не рассматривались как не представляющие интереса с точки зрения интерферирующего влияния одного языка на другой.

Анализ материала корпуса дает возможность составить своего рода классификацию английских соответствий русскому «не»: лексические способы и трансформации (наречия с семантикой недостаточности, отрицательные союзы, использование префиксальных и суффиксальных форм с семантикой отсутствия/отрицания качества, антонимический перевод, смещение отрицания к другому члену предложения и другие).

Материал, почерпнутый из корпуса, дает возможность статистически обработать полученные данные и выявить преобладающие тенденции при переходе от русского языка к английскому (и наоборот). Результаты проведенного анализа могут представлять интерес как с методической точки зрения, так и с лингвистической.

К вопросу о построении модели скрытых сообществ с помощью контекстуализированных тематических моделей

Мамаев Иван Дмитриевич,

преподаватель

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

Социальные сети — это зеркало современного общества, так как они позволяют оценить направления развития социума по различным признакам. На основании общности этих тенденций выделяют пользовательские сегменты — скрытые сообщества. Под ними принято понимать группировки пользователей, которые, несмотря на отсутствие социальных связей, обладают общими интересами.

Многочисленные способы построения моделей скрытых сообществ сводятся к применению двух базовых алгоритмов. Первая группа алгоритмов относится к кластерному анализу: *k*-means, DBSCAN и др. Вторая группа представлена графовыми методами, например мера Жаккара. Несмотря на их эффективность, они не учитывают лингвистические параметры, в том числе семантическую близость анализируемых текстовых коллекций. Эту лакуну может восполнить алгоритм, сочетающий методы лингвистического и количественного анализа данных. Целью исследования является выявление скрытых связей между пользовательскими постами социальных сетей, которые основаны на общих семантико-тематических параметрах. В настоящем исследовании на основе корпуса русскоязычных постов LiveJournal, опубликованных не ранее января 2020 г., проводятся эксперименты по выявлению скрытых сообществ методами тематического моделирования. Объем корпуса — более 12 500 постов (125 пользователей). Процедура построения модели скрытых сообществ может быть сведена к нескольким этапам. Первый этап заключается в обработке корпусных данных с помощью инструмента Stanza, который обеспечивает единый процесс токенизации и лемматизации текстов и удаление стоп-слов, отобранных вручную. Следующий этап — построение тематических моделей и разметка полученных тематических множеств. В области NLP стандартные процедуры тематического моделирования позволяют извлекать значимые тематические наборы слов как из структурированных, так и из неструктурированных текстов. В настоящее время предварительно обученные языковые модели (например, BERT) используются во многих областях автоматической обработки текстов. Тематическое моделирование не является исключением, поэтому в данном исследовании тематические модели создавались на основе библиотеки BERTopic. Последний этап заключается в построении семантической сети пользователей с помощью Easy Linavis и Gephi. Итоговая модель скрытых сообществ представлена в виде группы вершин, связанных ребрами. Результаты исследования позволяют получить новую информацию о возможных социальных группировках в русскоязычном сегменте социальных сетей. В полученных сообществах можно отслеживать тенденции пользователей и, как следствие, создавать для них соответствующий контент.

Нарратив и полилог в тематических моделях*

Митрофанова Ольга Александровна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Современные языковые модели опираются на разнообразные алгоритмы классического и глубинного машинного обучения, адаптируемые к условиям работы с корпусами текстов разных типов и жанрово-стилевой принадлежности. Данные алгоритмы применяются для широкого круга задач обработки данных — извлечение информации, генерация текстов, индексирование и суммаризация, перифразирование и т. д. Заметное место среди таких задач занимает определение тематики текстов в корпусе, которое осуществляется в результате применения алгоритмов классификации и/или кластеризации. Наряду с традиционными методиками используется тематическое моделирование, в частности, алгебраические (LSA, nmf и т. д.) и вероятностные модели (pLSA, LDA и т. д.). Эти модели, хотя и являются самодостаточными, сейчас интегрируются с нейросетевыми дистрибутивно-семантическими моделями: со статическими моделями Word2Vec (LDA2Vec, Top2Vec и т. д.) и контекстуализированными моделями ELMo и BERT (T-BERT, KITTY и т. д.). В задаче тематической классификации текстов такие гибридные модели, безусловно, представляют конкуренцию базовым нейросетевым архитектурам.

Одной из частных проблем тематического моделирования является учет структурных параметров текстов, входящих в состав корпуса. В частности, было подтверждено, что тематические модели чувствительны к жанрово-стилевой принадлежности корпусов и позволяют дифференцировать смежные по типу тексты (например, историческую прозу и документалистику) в тех ситуациях, когда различия данного рода не регистрируются на уровне статистики словаря. В докладе обсуждается возможность выявления диагностических признаков, свойственных нарративу и полилогу, на уровне тематических моделей. Нарративу характерна сюжетность, при этом темы явно маркируются знаменательной лексикой, тогда как полилоги, даже если они сосредоточены вокруг целостной ситуации, могут не содержать лексические маркеры обсуждаемых тем, поскольку в них тематические маркеры подавляются дискурсивно-прагматическими. Вместе с тем, дисбаланс словарного состава корпусов нарративов и полилогов не является препятствием для проведения процедур тематического моделирования, которое подтвердило возможность сопоставления тематики текстов двух типов. Эксперименты были проведены на материале корпуса художественной прозы (нарратив) и корпуса «Один речевой день» (полилог). В докладе представлены результаты тематического моделирования как классическими, так и гибридными методами.

---

* Исследование выполняется в рамках НИП СПбГУ № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» и гранта РФФ № 21-78-10148 «Моделирование значения слова в индивидуальном языковом сознании на основе дистрибутивной семантики».

Квантитативный анализ топонимических систем Северо-Запада России

Николаев Илья Сергеевич

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В 2020 и 2021 гг. в связи с ограничениями в проведении летних выездных учебных практик студентов топонимические экспедиции кафедры математической лингвистики СПбГУ проводилась дистанционно в формате сбора и анализа топонимических данных в открытых базах географических названий доступных в сети Интернет. В качестве материалов для практики были выбраны данные с сайта Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр, rosreestr.gov.ru).

Данные Росреестра охватывают все регионы России, они хорошо структурированы, их просто загружать с сайта, они соответствуют описанию топонимов в картотеке и базе данных кафедры математической лингвистики. Поскольку на кафедре математической лингвистики СПбГУ в ходе полевых экспедиций за последние 30 лет создается топонимическая картотека и база данных исторической области Ингерманландии и сопредельных районов, а на их основе создается словарь топонимии и микротопонимии, представляют особый интерес две дополнительные задачи: во-первых, выявить особенности топонимии Ленинградской области, особенно ее западной части, на фоне топонимических систем других регионов Северо-Запада России; во-вторых, проверить полноту топонимической картотеки и базы данных по сравнению в данными других независимых источников. Целью нашего доклада является изложение предварительных результатов анализа данных, полученных в ходе квантитативного исследования географических названий Росреестра, и данных топонимической картотеки кафедры математической лингвистики. Были изучены следующие количественные характеристики: распределение топонимов по типам объектов (деревни, реки, озера, дороги, поля и пр.), что отражает географические особенности регионов; соотношение однокомпонентных и многокомпонентных топонимов, в том числе и по типу объектов, к которым они относятся; самые частотные первые, вторые и главные компоненты топонимов; самые частотные топоосновы и топоформанты. Можно сделать вывод, что топонимическая система Ленинградской области, как и ожидалось, соответствует в общих чертах топонимическим системам других областей Северо-Запада России, но имеется некоторая региональная специфика, которая проявляется прежде всего в топоформантах. Что касается полноты материала в картотеке кафедры математической лингвистики и базе данных, то западные районы области исследованы достаточно полно и представлены большим количеством микротопонимии, не содержащейся в Росреестре. Восточные районы обследованы неполно и требуют дальнейшего изучения в ходе полевых экспедиций. Кроме того, топонимические материалы Росреестра не отражают вариативность русской топонимии и не содержат прибалтийско-финского топонимического материала, что делает картотеку и базу данных по топонимике кафедры математического лингвистики СПбГУ уникальными.

Лексико-понятийная структура терминологии трансплантологии

Патрикеева Надежда Сергеевна,

старший преподаватель

Кировский государственный медицинский университет

Медицинская терминосистема и профессиональный дискурс врачей по-прежнему являются объектом пристального изучения лингвистов и термиологов. Особенно актуальными представляются вопросы диахронии, типологии и упорядочивания отраслевых терминологий. В предлагаемом докладе речь пойдет о понятийной структуре терминологии трансплантологии и о проблеме лексикографии этой медицинской области. К концу XIX в. трансплантология оформилась как научно-экспериментальное направление, развивающееся в рамках пластической хирургии, и только затем, значительно позже, утвердилась в качестве самостоятельного раздела клинической медицины. Современная эпоха органных пересадок началась в середине XX в., когда были осуществлены первые пересадки почек и сердца, к тому же времени сформировалось и ядро терминологии. Возможность пересадок органов привела и к биоэтическим проблемам. Морально-этические, юридические, социальные, религиозные нормы привели к необходимости создания нормативных документов, регулирующих и обеспечивающих развитие трансплантологии во всем мире. Понятийная структура трансплантологии чрезвычайно сложна. Имея междисциплинарный характер, она объединяет целый ряд научных и клинических дисциплин, таких как иммунология, фармакология, физиология, психология, врачебная этика и медицинская деонтология, нефрология, гепатология, кардиология, гематология, абдоминальная, торакальная, сердечно-сосудистая хирургия, анестезиология и реаниматология, терапия, неврология. Она также связана с развитием инновационных технологий в области молекулярной биологии и биохимии, биомеханики и биоинженерии. Пересадка органов и/или тканей — это сложный процесс, каждому этапу которого, от выявления возможного донора до осуществления операции и дальнейшей иммуносупрессионной или иной терапии, соответствует протокол действий, в котором принимают участие разные специалисты, используется своя терминология. На наш взгляд именно хронология этапов и специфических действий всего процесса пересадки может быть основой для описания лексико-понятийной структуры терминологии трансплантологии. Своевременным и необходимым было бы создание отраслевого многоязычного словаря с орфоэпическими пометами, с указанием этимологии, синонимов, лексических параллелей, который был бы востребованным студентами медицинских вузов, клиническими ординаторами, аспирантами и врачами, изучающими вопросы трансплантологии, специалистами-трансплантологами, а также переводчиками в устной и письменной международной профессиональной коммуникации.

Отражение межтекстовых связей в севернорусских житиях XVI–XVII вв. в корпусе СКАТ

Рогозина Елена Андреевна,

старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Алексеева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Азарова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Сипунин Константин Владимирович,

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Общеизвестно, что житийные тексты строились по определенному канону и при их написании авторы ориентировались на существующие образцы: в уже накопленном агиографическом материале подбирались жизнеописание святого, близкого по характеру своей деятельности и чертам личности к святому, чье подвижничество предстояло описать, и автор нового жития свободно пользовался текстом предшественника, иногда только заменяя имена и топонимы, иногда адаптируя или сокращая текст (Панченко: 494–495). Например, в качестве источников для Жития Александра Свирского И. Яхонтов приводит Жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского (Яхонтов: 37–87), уже в наше время Н. В. Пак добавила к этому списку два переводных жития (Пак: 150). Можно по-разному относиться к такому использованию чужих сочинений. Яхонтов очень низко оценил труд Иродиона, автора Жития Александра Свирского, не признав за ним никакой исторической ценности (Яхонтов: 86), в то время как Л. А. Дмитриев посмотрел на него с другой точки зрения: «Полнота наших сведений об обстоятельствах написания И Жития Александра Свирского красноречиво свидетельствует о том, в чем прежде всего агиограф XVI в. видел задачу своего труда: рассказать о святом, имея в виду реальные факты его жизненного пути, во всяком случае хорошо зная эти факты, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, предшественниках этого нового святого» (Дмитриев: 441).

Севернорусские жития, входящие в корпус СКАТ (Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов, проект кафедры математической лингвистики СПбГУ), позволяют обнаружить многочисленные текстовые фрагменты житий, воспроизводимые разными авторами. Например, фрагмент из вступления Пахомия Логофета к Житию Сергия Радонежского использован также в житиях Дионисия Глушицкого, Александра Куштского и Иоасафа Каменского. В корпусе СКАТ к имеющимся двум видам содержательной разметки (разметка глав и разметка цитат) мы добавляем третий: разметка повторяющихся фрагментов. Эта разметка позволит постепенно накопить реестр таких фрагментов и сделает возможным их выделение и в других текстах житий.

Литература

Дмитриев Л. А. Иродион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая пол. XIV–XVI вв.). Ч. 1. Л., 1988. С. 440–442.

Пак Н. В. К проблеме источников Жития Александра Свирского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 145–151.

Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агнографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534.

Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.

Лингвостатистический анализ глаголов мышления на корпусе публицистических текстов о правах женщин в Афганистане

Уварова Полина Сергеевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящий момент в мире выходит большое количество статей, посвященных положению женщин в Афганистане и несоблюдению их прав и свобод. Эта тема широко освещается средствами массовой информации по всему миру, что позволяет обработать значительное количество текстовых данных и провести их анализ. Для исследования были отобраны тексты на английском и русском языках, в результате их обработки был составлен репрезентативный двуязычный корпус. Было принято решение не делать корпус параллельным для полноценного анализа особенностей использования глаголов мышления в каждом из языков, так как перевод не всегда отражает актуальную языковую ситуацию. Тексты данной тематики были выбраны не только в связи с актуальностью темы, а еще и из-за большого количества глаголов мышления, используемых при выражении мнения автора. Это позволяет оценить разнообразие глаголов мыслительной сферы в публицистических текстах. Отдельно хотелось бы выделить, что глаголы мыслительной деятельности в настоящей работе чаще всего имеют значение предиката мнения, а не знания, что и обуславливает важность эмоциональной окраски в выбранных текстах, так как это напрямую влияет на количество оценочных комментариев автора. Выбор списка глаголов для анализа не является очевидным. Глаголы были отобраны и классифицированы, в результате чего был составлен список тех, которые можно отнести к мыслительной сфере. Для осуществления этой задачи был проведен анализ семантического своеобразия языков (английского и русского) в рамках публицистических текстов и дальнейшая классификация глаголов согласно теории семантического поля, учитывая самые современные работы на эту тему. Для составления доклада был подготовлен двуязычный корпус текстов с использованием средств SketchEngine, дальнейшая работа осуществлялась средствами платформы Textométrie (ТХМ), имплементирующей основные методы текстометрии. В докладе приводится краткий разбор функционала данных инструментов и обосновывается их выбор в рамках работы с текстами данной тематики. Во время работы над докладом были проанализированы и обоснованы критерии выбора источников для составления двуязычного корпуса текстов, проведен обзор средств для составления корпуса и проведения морфосинтаксической разметки готового корпуса, обоснован выбор (SketchEngine, Universal Dependencies). Дальнейший анализ данных показал, что полученный список лексем в английском языке значительно меньше чем в русском.

Ошибки в русскоязычном Интернет-корпусе и их влияние на качество результатов

Хохлова Мария Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Лавинообразное развитие Интернета привело к тому, что качество веб-текстов неизменно ухудшается. Ошибки в них встречаются все чаще, что не может не сказываться на результатах поиска, особенно, если эти тексты используются в научных целях: например, для создания корпусов или при обучении языкам. Таким образом, наблюдается необходимость изучить существующие корпусы, основанные на веб-текстах, и наметить способы улучшения их качества, если они содержат ошибки. В нашем исследовании мы обратимся к анализу русскоязычного корпуса *Aranea Russicum Maximum* [Benko 2014]. Среди найденных ошибок были выделены следующие: ошибки кодирования, некорректное отображение шрифтов, орфографические ошибки, морфологические ошибки, иноязычные вкрапления и неверное распознавание символов. Все они приводят к искажению частот, а также к тому, что результаты запросов пользователей не будут корректно отображаться.

Нами проанализированы основные типы ошибок (графематические, ошибки кодирования и распознавания), была дана предварительная оценка их распространенности в корпусе и обозначены способы их устранения. Обратимся ниже к некоторым случаям графематических ошибок. Неверная раскладка, которая используется при наборе текста, приводит к тому, например, что русскоязычные слова написаны при помощи латинских символов. Несмотря на то, что автоматические системы перекладывают раскладку с кириллической на латинскую и наоборот, такие ошибки встречаются в текстах чатов или комментариев. Так, `ghbdt` используется вместо «привет», `rfr` — вместо «как» или `ltkf` вместо — «дела» (часть конструкции «Как дела?»). Указанные примеры аннотированы в корпусе при помощи тега `Z`, который используется для обозначения пунктуации. Комбинирование строчных и прописных букв также составляет проблему для последующей лемматизации и морфологической разметки. Верхний регистр может указывать на ударение (например, «БОльший»), особенности произнесения (например, «сердеШный») или аббревиатуры (например, «мАч»). В ряде случаев достаточно конвертировать написание к одному регистру (обычно к нижнему), чтобы слова были корректно распознаны и лемматизированы. Тексты, которые содержат проанализированные нами ошибки, характеризуются низким качеством в целом.

Согласно предварительным результатам, «грязные» тексты составляют немногим более 1,5% от общего объема корпуса. Тем не менее, очистка данных заслуживает дальнейшего внимания.

Литература

Benko, V. (2014). Aranea: Yet another family of (comparable) web corpora. In International Conference on Text, Speech, and Dialogue, Springer, 247–256.

Концептуальные метафоры и катафатическое богословие

Чебанов Сергей Викторович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Дж. Лакоффом и его коллегами по когнитивной семантике показано, что значительная часть лексики естественного языка обозначает не понятия логики (с дефинициями, выделенными существенными признаками, разными классами несущественных признаков, родовидовыми отношениями), а концепты с нечеткими свойствами (задаются толкованиями — иногда очень развернутыми, определяются не отдельными признаками, а их типовыми сочетаниями, характеризуются выделением центра и периферии, складывают идеализированные когнитивные модели, с разными типами организации). Концептами являются наиболее общие категории специализированных областей знания (так, «неопределяемое понятие» в аксиоматических системах — точка в геометрии Эвклида — концепт).

Концептуальные метафоры (КМ) — значительная часть концептов, используемые для описания реалий не с помощью специфических для них средств, а метафорически. При этом требуется сохранение «когнитивной топологии» — подобие отношений между задаваемыми КМ компонентами сферы-источника и сферы-мишени. При такой трактовке границы обычной и КМ размыты.

Среди КМ можно выделить радикально-концептуальные метафоры (РКМ), представляющие сферу-источник с неизвестными или непостижимыми свойствами. Таковы метафоры передающие происходящее со временем — оно идет, течет, бежит, тянется, длится, несется, летит...

Философы, физики, астрономы, геологи, психологи, биологи не могут сказать, что происходит со временем. Описания времени иногда подменяются метонимически с ним связанным описанием измеряющих его часов (так, выражение «время течет» связано с водяными часами). Подобным образом только РКМ описают то, что происходит с дождем или снегом.

РКМ необходимы для областей знания, в которых отсутствует самостоятельная (не опосредованная) эмпирическая база. Так, ароматы кварков (странность, очарование, прелесть и истинность) в квантовой физике — РКМ. Такой областью является и богословие. Апофатическое богословие строится на отрицании всех определений божественного, катафатическое исходит из того, что «то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает нам не естество Его, но то, что относится к естеству» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 1 гл. IV), поскольку «Мы видим [Бога] как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1Кор. 13: 12).

Это дает основания говорить о том, что катафатическое богословие построено на РКМ (ср. в §1 гл. 2 говорится о создании трактата «О небесной иерархии» для того, «чтобы мы не представляли грубо, подобно невеждам, небесных и Богоподобных умных сил, имеющими много ног и лиц, носящими скотский образ волов или звериный вид львов, с изогнутым клювом орлов, или с птичьими перьями»). Учитывать это нужно чтобы не порождать сентенций типа «Гагарин летал на небо и Бога не увидел», обнаруживающих необразованность атеистов.

Проблемы функциональной грамматики

Немецкий предложный девербатив как прототипическое средство актуализации таксисных значений

Архипова Ирина Викторовна,

к. ф. н., профессор

Новосибирский государственный педагогический университет

Целью исследования является рассмотрение немецких предложных девербативов в качестве прототипического средства актуализации таксисных значений одновременности и разновременности (предшествования, следования). Под термином «предложный девербатив» следует понимать отглагольное имя существительное различной словообразовательной семантики (на -en, -ung, -t, -e, -ø) в сочетании с предлогом темпоральной и обстоятельственной семантики, например: *bei der Abreise, vor dem Eintritt, nach dem Schlafen, bis zur Ankunft, seit der Scheidung, mit Schweigen, durch das Ziehen, wegen der Benutzung, infolge der Entwicklung, ungeachtet des Anschlags, trotz der Abreise* и др. Например: *Bis zur Ankunft des Busses sitzt er dann bei Pavlos in Kafeneon (Dwds). Ein Jahr vor ihrem Tod antwortete Ingeborg Bachmann darauf mit Schweigen (Dwds)*. Девербативы немецкого языка при условии их сочетания с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики выступают в качестве актуализаторов различных таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (примарно-таксисных и секундарно-таксисных). Монотаксисные и политаксисные предлоги немецкого языка выступают в роли маркеров примарно-таксисных или секундарно-таксисных категориальных ситуаций. Монотаксисный предлог маркирует одну разновидность таксисной категориальной ситуации, например, предлог темпоральной семантики *während* является маркером примарно-таксисной категориальной ситуации одновременности, а предлог обстоятельственной семантики *wegen* эксплицирует каузально-таксисную категориальную ситуацию одновременности. Политаксисные предлоги могут выступать в качестве маркеров нескольких разновидностей таксисных категориальных ситуаций, например, политаксисный предлог *mit* является маркером примарно-таксисной категориальной ситуации одновременности, а также различных секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (модально-таксисной, инструментально-таксисной, медиально-таксисной). Немецкие девербативы при их сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *während, vor, seit, nach, bis, bei, in, mit* актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. При сочетании немецких девербативов с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной

семантики *unter, durch, bei, mit, in, vor, wegen, aus, aufgrund, dank, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für, zwecks, mittels* в обследованных высказываниях актуализируется различные варианты секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (модально-таксисные, медиально-таксисные, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, concessивно-таксисные, консекутивно-таксисные, финально-таксисные).

Предельность и временная локализованность действия

Холод Светлана Ивановна,

к. ф. н., заведующий отделом

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)

Изучение аспектуальных значений и их взаимодействия в различных категориальных ситуациях является одной из наиболее актуальных лингвистических проблем. Рассмотрим кратко некоторые возможные соотношения таких важных семантических параметров внутри функционально-семантического поля аспектуальности, как предельность / непредельность (П / НП) и временная локализованность / нелокализованность действия.

Методологической основой нашего исследования является теория функциональной грамматики, разработанная членом-корреспондентом А. В. Бондарко и другими представителями Петербургской аспектологической школы. Исследование проводилось преимущественно на материале предложений с глаголами перемещения в качестве предикатов, частично привлекались контексты с глаголами других лексико-семантических групп.

В ходе проведенного исследования было установлено, что актуальные (локализованные на временной оси) ситуации могут быть охарактеризованы как предельные, как непредельные или как ситуации лимитативного нуля. Актуальные предельные ситуации представляют такое локализованное во времени действие или положение дел, в котором произошло, происходит или ожидается какое-либо изменение: Вчера мы пришли домой поздно. Актуальные непредельные ситуации представляют такое локализованное во времени положение дел, в котором не происходит никаких изменений: Вчера мы долго гуляли в парке. Актуальные ситуации лимитативного нуля называют локализованное во времени положение вещей безотносительно к пределу действия: К тебе вчера кто-то приходил? Неактуальные (не локализованные на временной оси) ситуации также могут как характеризоваться, так и не характеризоваться с точки зрения П / НП действия. Например, неактуальные непредельные ситуации связаны с употреблением глаголов несовершенного вида при обозначении постоянного отношения и представлены в предложениях типа: Земля вращается вокруг Солнца. Неактуальные предельные ситуации связаны с употреблением глаголов в общефактическом значении и представлены в таких предложениях, как: Мы ходили в библиотеку.

В общевопросительных и отрицательных предложениях, когда важен сам факт осуществления действия (Ты смотрел этот фильм?) либо его отсутствие (Я не смотрел этот фильм), глаголы выражают действия, не локализованные во времени,

и участвуют в создании ситуаций лимитативного нуля, характеризующихся невыраженностью признака П / НП. Неактуальные ситуации лимитативного нуля представлены также в предложениях с глаголами в потенциальном значении: Малыш уже ходит.

Таким образом, временная локализованность действия не оказывает существенного влияния на возможность / невозможность характеристики представленной в предложении ситуации с точки зрения П / НП. Как актуальные, так и неактуальные ситуации могут быть предельными, непредельными.

Манипуляция и когнитивные искажения в выступлениях латиноамериканских лидеров

Бочаров Евгений Владимирович,

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

В эпоху развитых информационных технологий и не прекращающихся информационных войн скрытая и явная манипуляция становится частью дискурсивных стратегий, оказывая влияние на международную политику, общественные процессы и массовое сознание. Изучение и описание случаев манипуляции и когнитивных искажений в политическом дискурсе является начальным этапом достижения глобальной цели по созданию таких дискурсивных стратегий, которые позволили бы распознавать в дискурсе манипуляцию и когнитивные искажения, избегать их и осознанно им противостоять. Дискурсивная сторона проблемы была разработана в работах Т. А. ван Дейка, Ф. де Соссюра, В. В. Красных, В. И. Карасика, а когнитивный аспект — в лингвистических исследованиях Ю. Д. Апресяна, Е. С. Кубряковой, И. А. Стернина, З. Д. Поповой. Исследование основано на теоретических выводах Е. Л. Доценко о манипуляции и теории когнитивных искажений Д. Канемана и А. Тверски. Цель исследования — доказать, что когнитивное искажение возникает в результате использования политиками приемов речевого воздействия. В ходе исследования было доказано, что выводы, к которым приходит тот или иной политический деятель (а вместе с ним и его слушатели), нельзя считать рациональными, а когнитивные искажения действительно способствуют формированию искаженной картины мира в коллективном сознании реципиентов информации. Была изучена роль когнитивных искажений как следствия манипуляции. Эмпирическая база исследования представлена анализом десяти выступлений латиноамериканских лидеров на предмет выявления речевого воздействия и когнитивных искажений. Используется перечень когнитивных искажений, сформированный в ходе изучения работ Д. Канемана, А. Куклы, Е. А. Антошкиной, Н. И. Логинова и А. С. Александровой. В результате проведенного исследования были выполнены две поставленные задачи: подтверждено наличие связи между когнитивными искажениями и манипуляцией, которая является условием возникновения когнитивных искажений. Представлена лингвистическая характеристика манипуляции, описаны случаи возникновения когнитивных искажений в дискурсе. Было подтверждено, что когнитивные искажения действительно обладают определенным манипулятивным потенциалом. Намечены перспективы исследования.

Ранняя детская грамматика в свете анализа Макартуровских опросников

Елисеева Марина Борисовна,

к. ф. н., заведующий отделом

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Вершинина Елена Андреевна,

старший научный сотрудник

Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН

Настоящее исследование — продолжение ряда работ, посвященных Макартуровскому опроснику (русской версии MacArthur CDI).

Первые двусловные высказывания — предложения «телеграфного стиля», состоящие из грамматически аморфных слов. Следующий этап развития синтаксиса связан с развитием морфологии: возникают грамматически оформленные фразы, внутри которых используются слова различных частей речи с изменением форм. Освоение синтаксиса и морфологии обычно происходит одновременно, и для большинства детей синтаксис легче, чем морфология. Важным в развитии фразы является ее удлинение — рост количества слов в предложении происходит, как правило, в рамках предложений с нормативной грамматикой, но не обязательно. Вариативность в развитии синтаксиса проявляется в том, что некоторые дети строят многословные предложения телеграфного стиля из неизменных слов. Именно эти пункты проанализированы в заполненных родителями опросниках.

Нормы синтаксического развития детей до трех лет были рассчитаны на основании базы данных, составившей 1037 записей (487 мальчиков и 550 девочек) как на основании средних значений, так и на основании медиан. Были также рассчитаны в каждом возрасте процентиля от 5 % до 99 %, которые служат основанием для принятия решения о соответствии конкретного ребенка его возрастной норме. Зависимости процентилей от возраста были аппроксимированы логистической кривой для получения сглаженных данных. Нормы рассчитывались и для обоих полов вместе, и отдельно для мальчиков/ девочек. При исследовании данных применяли следующие методы анализа данных: расчет доверительных интервалов для средних значений, регрессионный анализ — аппроксимация зависимостей значений процентилей от возраста логистической кривой, *t*-test и критерий МаннаУитни для сравнения значений средних и медиан между мальчиками и девочками в каждом разделе и для каждого возраста, ковариационный анализ для проверки влияния пола ребенка на оценки развития речи в каждом разделе при исключении влияния возраста, частотный анализ, в том числе, критерий χ^2 для сравнения процентов ответов родителей мальчиков и девочек на вопросы, как часто в речи детей используются двусловные предложения.

Основные результаты исследования: 1) двусловные высказывания активно развиваются с 19 мес. у девочек и с 20 у мальчиков до 27 мес. С опережением девочек — после этого все дети конструируют фразы хотя бы из двух слов; 2) «медианные» девочки в 26 мес., а «медианные» мальчики в 28 в половине случаев используют фразу с изменяемыми словами; 3) к трем годам в речи «медианных» девочек самые длинные высказывания — из 7 слов, в речи «медианных» мальчиков — из 6.

«Сам» и «самый» в детской речи: основные значения

Краснощечкова Софья Викторовна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Лексемы «сам» и «самый» в русском языке принято относить к разряду определительных местоимений. Некоторые случаи употребления иногда классифицируются как частицы, однако здесь мы рассматриваем все варианты как местоимения. Основным местоименным значением «сам» считают указание на выделенный статус референта, подчеркивание его важности/значимости (выделительное значение); также называют значение субъекта-деятеля, атрибутивное значение «воплощенный» в сочетаниях типа «само изящество» и наречное значение «лично, без посторонней помощи» (значение самостоятельности) [Шувалова 2007]. Для «самый» характерны значения местоименного уточнения («тот самый»), интенсификации («в самом конце»), формообразующее значение превосходной степени прилагательного [Сунь 2021].

Для анализа поведения рассматриваемых местоимений в детской речи были использованы корпуса записей речи 5 русскоязычных детей, средний возрастной охват — от 1,5 до 4 лет.

Первичным и самым распространенным (86 %) значением «сам» у детей является значение самостоятельности: изолированное «сам» с нулевым «я» либо в сочетании с личным именем ребенка («Витя сам») появляется еще до 2 лет, на этапе двухсловных высказываний: ребенок заявляет взрослому, что способен справиться с каким-либо действием без посторонней помощи. После нескольких месяцев активного употребления местоимения у некоторых детей следует перерыв, после которого «сам» возникает снова, уже в сочетании с местоимениями («я сам», «ты сама»). Значение самостоятельности остается ведущим на протяжении всего анализируемого периода, его подвариантом является значение ненамеренности: «Х само упало». Выделительное значение (14 %) появляется обычно не раньше, чем в 3 года, и, вероятно, формируется на основе значения самостоятельности («сам сделаю» — «сам не знаю»). Другие значения в материале не отмечаются.

«Самый» в материале отмечается в 6 раз реже, чем «сам», то есть является у детей низкочастотным. У большинства детей «самый» возникает после 3 лет и начинает активно использоваться ближе к 4 годам (у одного ребенка из пяти, однако, это происходит уже в 2,7). Главным значением является суперлативное (57 %), которое, однако, оказывается первым только у двух детей; у других первым возникают устойчивые сочетания с уточняющим значением («тот же самый») либо фразеологизированное «на самом деле». Значение интенсификации (18 %) характерно для детей старше 4 лет; «самый» в основном сочетается с существительными с семантикой предела: «в самом начале / в самом конце».

«Сам» в детской речи является строго местоименным и имеет отношение к местоименному дейксису и полю персональности, тогда как «самый», вероятно, имеет меньшую степень местоименности и используется для образования форм либо в составе полужамороженных сочетаний.

Интернет-комментарии как форма агрессивной полемики

Миронова Наталия Изяславовна,

д. ф. н., старший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Объектом нашего внимания стал 341 интернет-комментарий к публикации У. Королевой «Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров. Заявление депутата госдумы» (URA.RU), в которой приводится мнение М. Деягина по поводу неприемлемого сокращения финансирования здравоохранения, основанного на прогнозах уменьшения числа пенсионеров в 2022 г. на 400 тысяч, а в 2023 — на 326 тысяч.

Публикация вызвала крайне эмоциональную реакцию пенсионеров: отмечается высокий темп реагирования, поверхностный анализ текста и неверное толкование его смысла, отсутствие редактирования, ошибки и опечатки, большое количество восклицательных знаков, в том числе в одном высказывании (например, 35), и вопросительных знаков. В комментариях четко выражено базовое ценностное отношение «свой — чужой» (В. А. Луков); к категории чужих отнесены: Деягин (ошибочно), депутаты, президент, правительство, ПФР, Минфин, Дума, страна/государство. Комментарии носят агрессивный полемический характер; используются разнообразные агрессивные речевые жанры (Ю. В. Щербинина) (авторские орфография и пунктуация сохранены). Это речевые акты оскорбления (прыщ на неудобном месте); враждебного замечания (боже, какая циничность); злопожелания (дай Бог им не дожить до пенсии по 10 колено); угрозы (народ воспрянет ото сна и уничтожит таких, как ты — Деягин); обвинения (Позор!); протеста (не дождетесь!); насмешки (спасибо, господин президент за мою беспокойную старость); требования деструктивного типа (надо всех депутатов, которые проголосовали за такое бюджетное финансирование здравоохранения не финансировать!!!). Конструктивные встречные предложения (а что если взять на вооружение опыт Китая) единичны. Авторы часто используют полемические приемы: возвратный удар (кто желает нам, пенсионерам, смерти, тот сам скоро сдохнет), доведение тезиса оппонента до абсурда (а вы их дулом не пробовали?), переход на личности (Деягин, ты в своем уме?); смену темы (ковид, материнский капитал).

Речевая агрессия выражается с помощью разнообразных речевых средств: лексических (разговорная лексика (чтобы мы померли); просторечия (сам скоро сдохнет); жаргонизмы (харэ; красавчик), обценная лексика (ппц); прецедентные имена (Лаврентий Берия, Ленин); богатой фразеологической палитры (устойчивые выражения (далеко пойдет); крылатые выражения (народ воспрянет ото сна); пословицы (как аукнется, так и откликнется). На синтаксическом уровне отмечается множество восклицательных и вопросительных предложений. Дискурсивный уровень (Н. Е. Петрова) представлен примерами языковой игры (А. Мы пенсионеры отработанный материал; Б. Отработанный, хотя и обработанный тоже); иронии; антитезой и т. д. Предпочтение отдается имплицитным средствам речевой агрессии.

Эмотивная интонация и принцип замены

Пиотровская Лариса Александровна,

д. ф. н., профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Обсуждение «принципа замены», сформулированного А. М. Пешковским, свидетельствует о его неоднозначной оценке. На наш взгляд, причина этого — в недифференцированном отборе языкового материала для фонетических исследований эмотивной интонации. Считаем необходимым различать не только интонационное выражение эмоций говорящего и отражение его эмоционального состояния в просодических характеристиках речевого сигнала, но также восклицательных (эмоционально окрашенных) и эмотивных высказываний, в коммуникативной задаче которых доминирует намерение субъекта речи выразить свои эмоции. Кроме того, корректные выводы можно сделать только с учетом результатов экспериментального исследования восприятия интонации соответствующих высказываний вне контекста. Не менее важным является также исключение из анализа двух групп эмотивных высказываний: 1) эмотивных высказываний, омонимичных высказываниям других коммуникативных типов, поскольку в этом случае интонация является единственным средством дифференциации разных коммуникативных целей; 2) высказываний, построенных по семантически неспециализированным фразеологизированным синтаксическим моделям, так как интонация играет важную роль в разграничении разных эмоций. Таким образом, в качестве языкового материала для экспериментально-фонетического исследования были привлечены эмотивные высказывания русского языка двух других классов: высказывания с маркерами эмотивности и высказывания, построенные по семантически специализированным фразеологизированным синтаксическим моделям. Для получения объективных результатов обработка результатов инструментального и аудиторского анализа проводилась независимо друг от друга. В эксперименте по восприятию интонации эмотивных высказываний аудиторы должны были ответить на четыре вопроса: 1) является ли интонация естественной (отрицательный ответ исключал ответы на другие вопросы); 2) выражает ли данная интонация эмоции; 3) является ли выражение эмоций главным содержанием высказывания; 4) какие эмоции хотел выразить говорящий. Инструментальный анализ проводился по сложному комплексу параметров, принятых в фонетических исследованиях. Общий вывод, который можно сделать на основе проведенного нами исследования, состоит в том, что в области эмотивной интонации действует не «принцип замены», а противоположный — принцип «взаимного усиления» (термин Л. А. Киселевой), суть которого состоит во взаимодействии лексики, грамматики и интонации. Данный вывод стал возможен в том числе благодаря включению в эксперимент по восприятию отрицательного языкового материала, т. е. высказываний, в интонационном оформлении которых были представлены не все существенные просодические характеристики. Следовательно, употребление эмотивных высказываний в устной речи требует обязательного их оформления соответствующей интонацией.

«Мы теперь униженные и оскорбленные?» Концептуальные метафоры и COVID-19 в современном медиапространстве

Сорокина Станислава Олеговна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной лингвистике принято различать концептуальные (когнитивные) и лингвистические метафоры [1]. Когнитивные метафоры выражают некий определенный концепт с помощью другого концепта, т. е. состоят из двух концептуальных доменов: целевого и исходного, каждый из которых, в свою очередь, является упорядоченным представлением личного опыта. Лингвистические метафоры же обычно представляют собой некое языковое выражение концептуального домена, т. е. когда человек воспринимает лингвистическую метафору, в его сознании возникает определенный образ, который непосредственно влияет на ее эмоциональное и телесное восприятие. В то же время недавние нейролингвистические исследования установили, что при обработке концептуальных метафор благодаря системе зеркальных нейронов в человеческом организме существует некий физический ответ [2]. Исследование концептуальных метафор актуально, поскольку позволяет составить общую картину дискурса в той или иной исследуемой области, описать восприятие этого дискурса и его переработку сознанием индивидов и общества. В данном исследовании анализируются концептуальные метафоры, связанные с восприятием проблем, связанных с эпидемией COVID-19, в декабре 2021 — январе 2022 г., таких как вакцинация, введение ограничений и т. д., в русскоязычном сегменте интернета. Особое внимание уделяется комментариям читателей к новостным ресурсам, обсуждениям частных ситуаций и дискуссиям за/против прививок. К каждому используемому источнику информации дано краткое описание местного медиадискурса Covid-2019, а именно: примерный возрастной ценз читателей/комментаторов, анонимность источника, широта географического охвата, позитивное/нейтральное/негативное отношение к вакцинации. Концептуальные метафоры выделяются в соответствии с принципами MIP (Metaphor Identification Procedure) [1], их влияние анализируется с помощью концептуальной теории Фоконье и Тернера с построением блендов для наиболее частотных метафор [3]. К выводам данного исследования можно отнести: 1) общую негативную направленность концептуальных метафор независимо от позиции комментатора; 2) тесную взаимосвязь при восприятии текущей ситуации с национальными катастрофическими событиями в прошлом; 3) широкое использование отсылок к национальной культуре (как классической, так и медиа) для речевого воздействия на оппонента.

Литература

1. *Kovecses Z.* Metaphor: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2010.
2. *Cuccio V., Steen G.* Attention to Metaphor: From Neurons to Representations, Metaphor in Language, Cognition & Communication. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018.
3. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. № 22(2). С. 133–187.

О возможностях использовании экспериментальных методов для реконструкции процесса порождения текста (на материале «Ultima Thule» В. Набокова)

Тимофеев Валерий Германович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе будут рассмотрены варианты применения экспериментальных методов для реконструкции процесса порождения текста Владимира Набокова «Ultima Thule» в соответствии с принципами Генеративной нарратологии (Generative Narratology Framework — ГН) и системой приемов, используемых при реконструировании процесса порождения художественного текста, основанного на описании рецептивных процессов. Для того чтобы допустить хотя бы гипотетическую возможность отождествления рецептивных и порождающих моделей, необходимо опираться не только на общие положения теорий зеркальных нейронов, Theory of Mind и др., но и на результаты экспериментов, выходящих за пределы анализа самонаблюдений исследователя.

В рамках эксперимента, в котором принимали участие студенты Факультета свободных искусств и наук в возрасте от 17 до 21 года, носители русского языка с достаточно высоким уровнем читательского опыта, были рассмотрены три отрывка из текста В. Набокова, построенные на ассоциативных рядах. Методы ассоциативного эксперимента, примененные для реконструкции этих эпизодов, выявили ряд трудно преодолимых проблем.

Рассматриваемые отрывки текста характеризуются демонстративным нарушением ассоциативных норм, что очевидно затрудняет использование стандартных методик оценки ассоциаций, независимо от типа экспериментальной модели (выявление синтагматических, парадигматических ассоциаций или восстановление семантического состава стимула). Изменение вида ассоциаций (с контраста на сходство или подчинение) также не позволили получить другие результаты.

Определенным результатом проведенного исследования можно считать наблюдение о том, что мыслительные операции, обеспечивавшие построение ассоциативных рядов при создании автором текста «Ultima Thule», относятся к группе эксплицитных, то есть контролируемых, а не автоматических с точки зрения теории двойственных процессов (Dual process theory).

Поиск конструктивных факторов/принципов, обеспечивавших управление процессом, например, рекурсивность, возможно, позволит найти иные методики для нового экспериментального исследования. Работа выполнена при поддержке гранта РФФ 21-18-00429 «Когнитивные механизмы обработки мультимодальной информации: тип текста и тип реципиента».

Влияние индивидуальных различий в читательском опыте на различные аспекты восприятия письменной речи

Чернова Дарья Алексеевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный университет

Читательский опыт (англ. *exposure to print*) связан с тем, какое количество времени человек посвящает чтению. Читательский опыт является характеристикой, важной для целого ряда психолингвистических исследований, связанных с восприятием письменной речи. Экспериментально показано, что он оказывает значимое влияние на скорость распознавания изолированных слов (Andrews, Lo 2013; Burt, Jared 2016) и слов в составе фразы (Lowder, Gordon 2017), на скорость чтения (Mano, Guerin 2018), на качество понимания прочитанного текста (Martin-Chang & Gould, 2008; Mar, Rain 2015). Читательский опыт играет ключевую роль для всех исследований, связанных с описанием глазодвигательной активности при чтении, оказывая значимое влияние на целый ряд параметров: амплитуду саккад (Veldre, Andrews 2015; Choi et al. 2015; Slattery, Yates 2018), количество регрессивных саккад (Choi et al. 2015), вероятность пропуска фиксации на слове (Slattery, Yates 2018). Есть данные о влиянии индивидуальных различий в читательском опыте и на нейрофизиологическое обеспечение речевой деятельности (Goldman, Manis 2013; Johns et al. 2018). В целом ряде исследований отмечена взаимосвязь между такими компетенциями, как читательский опыт, словарный запас и орфографическая грамотность (Ocal, Ehri 2000; Burt, Fury 2000; Andrews, Bond 2009; Andrews et al. 2020). Устойчивость взаимосвязей между фонологической, графической и семантической репрезентациями слов называют лексическим качеством — *Lexical Quality* (Perfetti 1985; Perfetti 2007), и оно во многом зависит именно от читательского опыта. В свою очередь, качество лексических репрезентаций у носителя языка определяет его скорость чтения и качество понимания прочитанного (Taylor, Perfetti 2016; Andrews, Lo 2013). Валидная методика оценки читательского опыта является важным инструментом в экспериментальной лингвистике — она может быть использована для отбора участников с определенным уровнем сформированности читательских навыков в различных исследованиях, включая исследования глазодвигательной активности при чтении или нейрофизиологических коррелятов языковой обработки. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00064, <https://rscf.ru/project/21-78-00064/>

Тема-рематическая структура детского связного текста

Эйсмонт Полина Михайловна,

д. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Владение навыком организации тема-рематической структуры текста, в том числе путем построения тема-рематических прогрессий (ГРП) [Daneš 1974] разных типов, их комбинирования и организации в зависимости от коммуникативных установок

говорящего является важным показателем сформированности умения организовать цельность и связность текста. Единство ТРП определяется ее функционированием в рамках одного сверхфразового единства, а особенность ее эксплицитного выражения (посредством местоименных и лексических повторов, эллипсиса и субституции) отражает степень владения разнообразием средств связности для передачи референциальных связей между объектами повествования. Для анализа степени усвоения навыков построения связности текста были выбраны тексты, полученные при проведении серии экспериментов по методике извлеченного рассказа с русскоязычными детьми трех возрастных групп: старшие дошкольники (5–6 лет), учащиеся младших классов (8–9 лет) и средней школы (12–13 лет). Наиболее частотным типом ТРП вне зависимости от возраста детей, формы текста и типа стимула оказались прогрессии со сквозной темой, второй по частотности оказались линейные ТРП, что коррелирует с результатами, полученными при анализе тема-рематической структуры текста по методике Л. В. Сахарного [Эйсмонт 2008]. Для старшего дошкольного возраста статистически значимой оказалась разница в типах ТРП в текстах, полученных на материале вербального и невербального стимула.

Социолингвистика

Социолингвистические особенности нонстандартной лексики, называющей обработку камня

Борисова Елизавета Олеговна,

к. ф. н., научный сотрудник

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

Искусство обработки камня, известное на Урале в XVIII в., занимает важное место в культуре региона. При этом лексика обработки камня, как и другие тематические группы слов, связанных с культурным освоением и осмыслением драгоценных и поделочных камней, относится, по определению Е. Л. Березович, к так называемой «нонстандартной» лексике: она практически не включается в толковые словари и словари иностранных слов, малоизвестна носителям языка, чьи профессиональные интересы не связаны с данной сферой, не нормирована. Однако данные письменных источников (работы М. И. Пыляева, П. И. Ратушного, П. Н. Зверева и др.) и результаты полевого сбора материала (общение с мастерами-ювелирами и горщиками) свидетельствуют о том, что семантическое поле обработки драгоценных и поделочных камней насчитывает несколько десятков лексем, включает обозначения этапов и способов обработки, наименования частей обработанного камня и вариантов готовых форм и др. Лексика, которую наиболее очевидно можно было бы отнести к профессиональной в силу специфики темы, представляется, однако, неоднородной в социолингвистическом аспекте.

Так, например, выделяются термины обработки и названия огранок, которые воспринимаются носителями языка как правильные, «научные» и используются в ювелирных словарях и справочниках: кабошон ‘отполированный камень’, рундист ‘срединка ограненного камня’, павильон ‘нижняя часть ограненного камня’; импариант, радиант, ашер ‘виды огранок’ и мн. др.

Наряду с ними фиксируются варианты наименований огранок, которые можно считать разговорными: например, полученные путем стяжения словосочетания: португальская огранка → португалка, швейцарская огранка → швейцарка; словообразовательные варианты лексемы кабошон: кабошончик, каба́ш и др. В разговорной речи возникает также «упрощенные» наименования видов огранок, актуализирующие признак формы готового камня: капля, груша и др.

Ряд лексем нам представляется возможным отнести к просторечным: задница ‘нижняя часть ограненного камня’, зашарокатить ‘огранить в шар’.

Итак, лексика обработки камня, выраженно неоднородная по своему составу, не подвергалась социолингвистическому анализу, поскольку полностью находится за

пределами литературного языка. В докладе предпринята попытка охарактеризовать специфику функционирования лексики данного семантического поля в социуме.

Литература

Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 9–28.

Исследование региональных и контактных характеристик идиома с элементами языкового смешения: модели и подходы

Зурабова Лана Руслановна,

старший преподаватель

Московский городской педагогический университет

В докладе отражены результаты корпусного исследования функциональных и структурных характеристик переключения кодов (ПК) и возможных грамматических ограничений переключения кодов в субдиалекте акадейского французского шиака, ареалом распространения которого является юго-восток Нью-Брансуика в Канаде. Эмпирическую базу исследования составляют корпуса Chiac-Kasparian H99 и Kasparian-Léger H2004, предоставленные профессором С. Каспарьян, руководителем Лаборатории анализа текстовых данных (Laboratoire d'analyse de données textuelles), Университета г. Монктон, Нью-Брансуик. Анализу подверглись транскрибированные диалоги и полилоги студентов Монктонской агломерации. Методология исследования включает контент-анализ, частично морфосинтаксический и функциональный анализ. На первом этапе было осуществлено форматирование и ручное аннотирование текстовых корпусов на базе адаптированной модели морфологической разметки Национального корпуса русского языка. Вместе с тем модель была дополнена обозначениями для отражения типов ПК, структурных и функциональных характеристик ПК, а также диалектных лексических форм и глагольных флексий. На втором этапе был произведен контент-анализ и интерпретация полученных данных. Вопросы статусного определения шиака остаются предметом научной дискуссии.

Проведенный анализ сущностных различий в позициях авторов, а также результаты исследования позволяют гипотезировать, что шиак имеет дуалистичную природу. Имеет основание его отнесение к особому языковому коду с элементами смешения, развиваясь, вероятно, по пути динамической типологии от переключения кодов через языковое смешение к языковому слитию (по модели П. Ауэра) при фокусе исследования на характеристиках ПК, а также к субдиалекту акадейского диалекта французского языка с конвенциализированной практикой переключения кодов при фокусе исследования на диалектных характеристиках и вариативности шиака. Разработанная методология позволила обнаружить интрасентенциальные переключения на английский язык (в рамках одного слова, словосочетания, фразы), интерсентенциальные переключения (в рамках отдельных предложений) и этговые переключения, включающие сегменты с относительно свободной синтаксической позицией. Анализ показал преобладание первого типа ПК, а также соблюдение ограничения свободной морфемы и ограничения клитики. В результате интерес к изучению шиака объясня-

ется, в первую очередь, практикой переключения языковых кодов и взаимным уподоблением (аналогией) или заимствованием некоторых функциональных возможностей элементов английского языка; во-вторых, наличием смешанных конструкций и признаков упрощения грамматической системы шиака.

«Антисуржик» как современный пример лингвистического пуризма в украинско-русском языковом контакте

Икэдзава Такуми,

аспирант

Токийский университет (Япония)

Как известно, языковая ситуация на Украине характеризуется своей сложностью. Украинско-русское двуязычие в стране исторически сформировалось под влиянием многочисленных географических, экономических или политических факторов. Хотя Украина является монолингвистическим государством в строгом правовом смысле, нельзя отрицать тот факт, что русский язык еще широко распространен в ее обществе. Присутствие русского языка способствовало не только формированию билингвизма и диглоссии, но и появлению суржика — украинско-русской смешанной речи, постоянно употребляемой в различных социальных ситуациях. Само существование суржика еще больше осложняет языковое положение на Украине, поскольку он часто воспринимается как угроза для развития украинского литературного языка, будучи ответственным за низкий уровень владения им среди населения.

При таких обстоятельствах в интернете наблюдается пуристское движение под названием «Антисуржик». Оно в основном имеет форму веб-сайта, где перечислены неправильные выражения, т.е. русизмы или суржикизмы, вместе с правильными вариантами. Хотя первым примером такого рода учебного материала является книга, редактированная А. А. Сербенской в 1994 году, сегодня под этим названием существуют журналистские статьи, страницы в социальных сетях, видеоролики на онлайн-платформах или мобильные приложения, предназначенные для обучения правильной речи.

Доклад посвящен социолингвистическому анализу данного феномена, в центре внимания которого находятся его пуристические аргументы, акторы и роль в ситуации языкового контакта. Лингвистическое изучение предложенных неправильных и правильных выражений, с одной стороны, позволяет нам утверждать общепринятые языковые характеристики смешанной речи. С другой стороны, рассмотрение других материалов, таких как аннотации или комментарии на страницах «Антисуржика», газетные статьи или интернет-ресурсы, относящиеся к этому пуристическому движению, дает возможность определить его участников, их мотивы и отношение к нынешней языковой ситуации.

С этой точки зрения, мы попытаемся описать данное явление как современный пример лингвистического пуризма, направленный на предотвращение лингвистической неуверенности среди украинско-русских билингвов с помощью сегодняшних электронных платформ. Мы предполагаем, что «Антисуржик» представляет собой общественное движение, выступающее за четкое разграничение украинского и русского языков и, следовательно, за устранение смешанного варианта.

К вопросу о субстратном и адстратном влиянии на развитие контактного идиома (на примере эволюции идиома унсердойч)

Калинин Степан Сергеевич,

к. ф. н., директор

Международный Славянский институт, научно-образовательный центр
русского языка и славянской культуры

Рассматриваются особенности влияния субстрата и адстрата различной природы на формирование и развитие унсердойча — креольского языка на немецкой основе, который распространен на Новой Гвинее и в ряде мест Австралии. Установлено, что данное влияние проявляется комплексно: как на уровне лексической системы, так и грамматической системы унсердойча.

Так, в вокабуляре унсердойча отмечены следы адстратного контактного взаимодействия с региональными вариантами английского языка. Отмечено также влияние на унсердойч и литературного варианта английского языка: в частности, это проявляется в особенностях образования форм пассивного залога унсердойча с использованием предложного показателя *by*, маркирующего агенс (такие конструкции в унсердойче структурно и семантически подобны соответствующим конструкциям английского языка). Также, под данным влиянием в унсердойче сформировались континуативные видо-временные формы, семантика которых аналогична семантике таковых в английском языке. Влияние на унсердойч оказал и литературный вариант немецкого языка: это проявляется как на уровне словарного состава (что особенно характерно для акролектных форм унсердойча), так и на уровне грамматики. Среди прочего, это проявляется в способе образования форм причастий прошедшего времени, входящих в состав сложных временных форм, при котором форманты немецкого происхождения (префикс *ge-* или циркумфикс *ge-...-en*) присоединяются к основам, восходящим, в том числе, и к глагольной лексике английского языка.

Кроме того, в вокабуляре унсердойча отчетливо проявляется субстратное влияние ток-писина (один из англокреольских языков, который распространен на территории Новой Гвинии). Так, ряд элементов культурной лексики унсердойча восходит к соответствующим лексическим единицам ток-писина: среди таковых 'друг, приятель'; 'слуга'; некоторые междометия (междометия, выражающие согласие, приветственные междометия); некоторая лексика, обозначающая местные культурные реалии (например, наименование сладкого картофеля). Отмечено влияние ток-писина и на грамматику унсердойча. Так, под влиянием ток-писина в унсердойче развилось противопоставление инклюзивных и эксклюзивных форм местоимений множественного и двойственного числа.

Соответствующие местоимения множественного числа в унсердойче восходят к прямой и косвенной формам немецкого местоимения 1 л. мн. ч. — *uns/wir*. Влияние ток-писина проявляется и на уровне синтаксических структур унсердойча, в частности, в моделях, по которым строятся именные словосочетания и простые предложения унсердойча.

Таким образом, своеобразие унсердойча объясняется условиями его формирования, а именно, спецификой языкового окружения и спецификой языковой ситуации, в которой возник этот идиом.

Особенности жанра «рассказ» и «разговор по душам» (на материале голосовых сообщений)

Каминская Альбина Владимировна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Благодаря техническим возможностям и коммуникативным ценностям голосовые сообщения (далее — ГС) завоевали популярность среди молодежи и стали одной из форм коммуникации, покрывающей нужды общения на самые разнообразные темы и в различных коммуникативных ситуациях между людьми, которые находятся в очень близких отношениях. Это дает возможность изучить речевые жанры нашего повседневного общения — значимого аспекта социальной и культурной сферы сообщества [2]. Цель исследования — выделить лингвокоммуникативные особенности жанров в связи со спецификой межличностных отношений и стиля общения пользователей ГС.

В ходе анализа материала объемом 300 ГС людей разного возраста (18–60 лет), пола, рода деятельности было обнаружено, что самыми частотными жанрами ГС стали «рассказ» и «разговор по душам». Тематическая направленность этих жанров чаще всего затрагивает отрицательные события и неожиданные изменения на работе и дома, в отношениях с близкими людьми. Подобный личностно-ориентированный дискурс реализуется набором специфических коммуникативных тактик с высокой долей эмотивных единиц. Жанр «рассказ» часто реализуется с помощью коммуникативной тактики «информационный повод» (в примере — (1)), чтобы вовлечь слушателя и побудить к дальнейшему обсуждению через сообщение новой информации и «комментирование» содержания рассказа, чтобы выразить свое мнение и чувства по отношению к информации (реализация тактики выделена курсивом в примере). «Слушайте кул стори (1). Мы поели с Ирой в столовке. И что же случилось? (2) Потом я пошла на остановку... Мне все равно же пришлось пересаживаться. И я все равно вся промокла, вот так вот». Жанр «разговор по душам» реализуется через тактики выражения поддержки (1), выражения эмоционального состояния (2), признания (3), самокритики (4), призыва к откровенности (5). «Но я тебя в этом плане очень понимаю (1), потому что когда мне грустно (2), я тоже начинаю писать. Мой инструмент для выражения себя — это текст (3)... и это очень сильно помогает, вот. Получается здорово, надеюсь (4). Возможно, тебе это поможет (5)». Жанры «разговор по душам» или «разговор о главном» [1] и «рассказ» в ГС строятся на тактиках, направленных на создание благоприятного климата разговора и эмоционального присоединения, повышения статуса собеседника, что свидетельствует о высокой контактоустанавливающей ценности ГС и создания высокой степени близких отношений по сравнению с другими формами коммуникации.

Литература

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Седов К. Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М.: Языки славянской культуры, 2016. 440 с.

Арабский языка как один из механизмов исламизации современной Франции

Куралесина Екатерина Николаевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из основных проблем современной Франции является постоянный высокий уровень террористической угрозы, обусловленный распространением и усилением идей радикального исламизма на территории самой Франции. В ходе комплексного анализа данной проблемы в 2018 г. исследователи Колледжа Монтеня пришли к выводу, что при всей актуальности как для Франции, так и для Европы в целом всего того, что связано с исламизацией европейского пространства и мусульманским сообществом Европы, «этот вопрос остается парадоксально малоизученным». Учитывая регулярный характер террористических атак и количество жертв, очевидно, что французским властям не удастся эффективно противостоять перманентной террористической угрозе. Во Франции даже нет точных данных о численности мусульманского населения и количестве носителей арабского языка, что порождает мифы, усиливающие исламофобию, царящую во французском обществе. Популярность арабского языка растет, национальная образовательная система на всех этапах предусматривает возможность изучения арабского языка как иностранного. Однако изучение арабского языка вне системы национального образования, исключающее возможность контроля за содержанием образовательного процесса, является одним из ключевых механизмов распространения идей радикального исламизма в современной Франции. На основании данных ряда авторитетных источников в докладе будут сделаны предположения о численности арабоязычного сообщества Франции, рассмотрен его языковой состав, место арабского языка в национальной системе образования и новейшие планы французских властей по популяризации изучения арабского языка как метода борьбы с исламизацией, исторические предпосылки исламофобии во французском обществе. Кроме того, миграционный кризис 2015 г. вызывает логичный вопрос о влиянии потока беженцев на численность арабоязычного населения Франции. Социолингвистические исследования на данную тему ранее не проводились. В докладе на основе анализа данных, приведенных в исследовании 2020 г. французского социо-антрополога К. Гурдо о структуре миграционного потока до и после 2015 г., будут сделаны выводы о влиянии крупнейшего со времен Второй мировой войны миграционного кризиса на численность носителей арабского языка во Франции.

Английские заимствования в русском языке XXI в.: тенденции, перспективы и лексикографические ресурсы

Либерчук Линна Григорьевна,

д. ф. н.

Мы хотим получить наш лингвистический «торт» и наслаждаться им. Мы хотим выразить нашу идентичность с помощью языка, и мы хотим корректно общаться с помощью языка» (Дэвид Кристал). Процесс английских заимствований отражает лек-

сико-семантические изменения в русском языке, происходящие под влиянием комплекса политических (глобализация), экономических (консьюмеризм), технологических (диджитализация) и социальных факторов (имиджмейкинг). Новые принципы взаимоотношений государств и граждан различных национальностей и поколений (саммиты, теле-и видеоконференции, бумеры, зумеры), новые формы экономического развития (компьютеризация банков, рейтинги, ивент-индустрия), рыночные стратегии и формы международного бизнеса (телемаркетинг, аутсорсинг, фастфуд), технологические инновации (блокчейн) и электронные устройства (айфон, айпад, смартфон) стремительно вошли в нашу жизнь, обусловили перемены в письменном и непринужденном устном общении. Для процесса заимствования английских слов характерны такие тенденции, как: (1) расширение сфер употребления (блогерство, безопасность, онлайн платформы для преподавания), (2) графическая (фарш) и фонетико-орфографическая вариантность (сендвич-сэндвич, фудтрак-фуд-трак), (3) грамматическая продуктивность (хакер — хакнуть, пиар — пиарить, пиарщик), (4) новые стилистические функции («лайки», «дизлайки», ирония и юмор) и индивидуализированные группы экзотизмов (индэвэр, имплоймент).

В настоящее время заимствования-англицизмы включены в настольный Словарь иностранных слов (Л. П. Крысин, 2007), в электронные словари (www.gufo.me, www.biblioclub.ru), в орфографические словари русского языка, которые в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956) устанавливают написание заимствованных слов в словарном порядке. Попытка создать правила написания иностранных слов в 60-е гг. XX в. не была реализована, поскольку «любой вопрос орфографии — мучительный и болезненный» (Л. В. Щерба, 1957) и требует рассмотрения конкретных случаев написания и вариантности. В настоящее время три способа введения письменной формы заимствования в русский язык — трансплантация, транслитерация и практическая транскрипция создают условия для русификации заимствований. Подбор корректного обозначения букв и фонем из систем контактирующих английского и русского языков является сложным процессом. Стандартное написание многих англицизмов нельзя изобрести в одночасье без учета всех фактов письменной практики. Неологический бум в русском языке XXI в. отражает новые виртуальные формы человеческих контактов.

Лингвистическая составляющая информационно-психологической войны: идеологемы как инструмент семантического манипулирования

Михайловская Мария Валерьевна,

старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Геополитические события, происходящие в мире в течение последних десятилетий, сказались на глобальной политической обстановке и привели к обострению информационного противоборства между главными их участниками. Такого рода противостояние вышло на качественно новый уровень благодаря бурному развитию информационно-коммуникационных технологий, которые в настоящее время не только приобрели

глобальный характер и пронизывают все сферы деятельности, начиная с экономической, дипломатической и заканчивая военной, но и могут стать своеобразным детонатором развязывания отнюдь не виртуальных межгосударственных конфликтов. Таким образом, сложившаяся в мире обстановка не могла не заставить исследователей начать изучение природы и сущности информационной войны, которая представляет собой «самый интеллектуальный вариант военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом» [Почепцов 2015: 8].

В настоящее время принято выделять несколько типов информационной войны, среди которых следует упомянуть информационно-техническую войну, в ходе которой воздействие осуществляется на системы связи и управления, телекоммуникационные и информационно-технические системы, и войну информационно-психологическую, воплощающую в себе «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликтов интересов и осуществляется путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, Копнина 2016: 43].

Информационно-психологическая война «по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [Матвиенко 2008: 5].

Безусловно, лингвистический аспект теории и технологии информационно-психологической войны не мог не привлечь внимание исследователей. Так, группа ученых из Сибирского федерального университета предложила выделить лингвистику информационно-психологической войны (ЛИПВ), сформировавшуюся на стыке психолингвистики, нейролингвистики, прагмалингвистики, политической лингвистики, медиалингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвоконфликтологии как отдельное направление современного языкознания, «объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн, а предметом — речевые технологии (речевые стратегии, тактики, приемы и реализующие их языковые средства), мотивированные соответствующими целями» [Сковородников, Копнина 2016: 43].

Одной из задач ЛИПВ является изучение и анализ различных стратегий, тактик информационно-психологической войны.

Политический дискурс: активные речевые тактики

Мощева Светлана Васильевна,

д. ф. н., доцент

Ивановский государственный химико-технологический университет

Политический дискурс привлекает исследователей, работающих не только в области лингвистики, когнитологии, психологии, но и междисциплинарности, поскольку обладает следующими характерологическими особенностями: гибридность, синтетичность, диалогичность, ризомность мышления, т. е. нелинейность, ориентированность на множественность подходов, на свободный переход от одной темы к другой, способностью управлять процессом «смыслопорождения и смыслопотребления».

Этому способствуют и процессы формирования современного общества, которое базируется на развитии индустрии информационных и телекоммуникационных услуг, создании информационной среды, ориентированной на массового пользователя. При этом язык как особая знаковая система, с помощью которой осуществляется общение, в том числе процесс мышления, хранения и передачи информации, приобретает особую роль.

Отметим, что природа политических выступлений неоднозначна. Они объединяют в себе особенности политического дискурса в качестве коммуникативно-деятельностного феномена, связанного с комплексным воздействием на субъект традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения, а также рекламного дискурса, который характеризуется полиинтенциональной направленностью. Кроме того, текст политического выступления можно отождествить и с реализацией свэрхречевого акта, определяемый нами как единство, объединенное иллокутивной целью и запланированной перлокуцией, которые сформированы на основе прагматических установок продуцента и реципиента коммуникативного события.

Одной из главных функций политической коммуникации считается передача информации, которая сопровождается имплицитным или эксплицитным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждая аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию.

Можно выделить универсальные речевые тактики, например, нагнетание информации, коннотация истины, реконструкция диалога. Однако тактика саморекламы является ведущей в политической коммуникации и частотно актуализируется за счет использования экспрессивных речевых актов с иллокуцией комплимента и порицания.

Процесс манипулирования в первую очередь направлен на эмоциональную составляющую, затрагивая чувства неприязни, радости, страха, патриотизма и т. д. Правильный выбор языковых средств позволяет достигнуть определенных целей, таких как вызов гнева или, наоборот, усиление чувства симпатии в сознании слушателей. Испытанные реципиентом эмоции, в свою очередь, влияют на его действия и поведение.

Отнесение политического дискурса к остенсивно-инференциальному типу коммуникации задает определенные параметры исследования и позволяет его рассматривать как полиинтенциональную систему.

Романо-германское пограничье в Швейцарии на материале современных медиатекстов

Невежина Елизавета Андреевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Многоязычие Швейцарии — богатый материал для геополитических, регионоведческих, (социо)лингвистических изысканий. В частности, научный интерес вызывает феномен границы между ареалами французского и немецкого языков, называемый «рёштиграбен» (нем. Röstigraben), явление, недостаточно освещенное в отечественной и зарубежной литературе. За понятием «рёштиграбен» стоит языковое взаимодействие и даже конфликт, начало которого относят к III в., т. е. к первым вторжениям германцев, которые оттеснили к югу романизированное население. В течение длитель-

ного периода нет никаких свидетельств о конфликте, однако в XIX в. Во время присоединения франкоязычной территории к Швейцарии вскрылись некоторые культурные и языковые противоречия. Для определения места понятия «рештиграбен» во франкоязычной прессе Швейцарии были привлечены несколько газет формата онлайн (ведущими франкоязычными ежедневными газетами являются *Le Matin*, *Le Temps*, *24 heures*, *Tribune de Genève*), всего — 822 текста.

Исходя из проведенного исследования языка СМИ, новый виток популярности данного понятия связан с расширением терминологического значения на различные сферы и активным использованием «рештиграбен» в различных контекстах во франкоязычных СМИ Швейцарии. В процессе семантической деривации, а именно расширения значения, слова «рештиграбен» происходят следующие изменения: 1) сохраняется архисема «граница»; 2) появляется дополнительная сема «различие, разница» и 3) утрачиваются дополнительные семы «в языке и культуре». Проблема пограничья в Швейцарии не сводится только к языку и культуре, она охватывает социальные, экономические, политические и пр. противоречия, что позволяет применить к этим контекстам понятие «рештиграбен».

Имидж испанского языка в современном мире: опыт межгосударственного языкового планирования

Раевская Марина Михайловна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В последние десятилетия исследование межгосударственного языкового планирования является одним из активно разрабатываемых направлений социолингвистики. Целенаправленно формируемый имидж испанского языка как нематериальный атрибут социально-коммуникативной деятельности мирового испаноязычного сообщества играет значимую роль в достижении стратегических целей Иberoамериканского содружества, повышении привлекательности образовательных услуг на данном языке, укреплении доверия и благоприятного отношения широкой международной аудитории к странам испанской речи и их многоликим культурам. В настоящее время в условиях активных миграционных и интеграционных процессов тема успешного администрирования языковой сферой (языкового планирования, коммодификации языка) приобретает однозначную важность для многовекторного продвижения испанского языка в мире, в котором испаноязычные страны выступают единым ментальным фронтом, противостоящим глобальным вызовам времени. При этом имидж языка рассматривается как интегрированное понятие, которое на современном этапе складывается из различных составляющих (демографического веса, созданного на данном языке культурно-исторического наследия, выполняемых им общественных функций в современном государстве, учебно-педагогического профиля в мировой проекции, экономической ценности, академического и научного потенциала, представленности в Интернет-коммуникации, объема профессиональной деятельности и занятости, которую обеспечивает язык и др.). Основным инструментом верификации имиджа испанского языка в настоящее время является в первую очередь качество образовательных услуг, о чем свидетельствует не только популярность среди международной студенческой аудитории, но и количество действующих на данный

момент филиалов Института Сервантеса — 78. Главной ментальной скрепой современной испаноязычной реальности является постулат о силе и мощи испанского языка, который не имеет географических и политических границ и обладает способностью инкорпорировать огромное многообразие форм в рамках нового динамического единства, открытого постоянным изменениям. Изучение современных подходов к созданию успешного имиджа испанского языка имеет определенную историю в рамках паниспанской языковой политики. Тем не менее, вопрос о политических и экономических инструментах в управлении языковым благополучием испаноязычных социумов еще не получил достаточной системной разработанности. В докладе обосновывается уместность использования применительно к современной парадигме языковой и образовательной политики понятия имидж языка как одного из факторов стабильности многонациональных формаций, а также рычага управления языковым режимом в рамках глобальных сообществ.

Случаи поправки в инклюзивной мастерской

Руднева Екатерина Алексеевна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Термин поправка [1] используется в разговорном анализе для описания ситуаций, когда собеседник обращает внимание на возможную проблему в коммуникации, например, сомневается, правильно ли услышал или понял сказанное. Это один из способов достижения взаимопонимания, позволяющий устранить возникший или потенциальный сбой во взаимодействии. Как показали исследования, поправка системно организована (напр., Schegloff, Sacks, Jefferson 1977). В докладе рассматриваются фрагменты записей инклюзивной мастерской, где поправка инициируется другим собеседником. Проводится разговорный анализ последовательности, а также более подробный фонетический анализ слова, ставшего источником проблемы. При помощи программы Praat сравниваются акустические характеристики звуков в двух случаях: в первый раз, когда слово было понято неверно, и во второй, когда говорящий совершает поправку. Обсуждаются обстоятельства возникшего сбоя: языковые (особенности произнесения, степень сходства единиц), интеракционные (ход взаимодействия, переключение между разными видами деятельности), а также опыт и интересы участников, их роли. Уделяется внимание дальнейшему ходу разговора и деталям контекста, которые оказываются актуальными для участников. Неверное понимание слова в диалоге обусловлено как особенностями произнесения, так и другими факторами: в частности, ожиданиями и опытом собеседников, ходом взаимодействия. Кроме того, в контексте инклюзивной мастерской инструктор в меньшей степени ориентируется на реплику сотрудника, имея возможность посчитать свою версию более подходящей и не в полной мере учитывать поправку. Осуществление поправки и ее влияние на ход взаимодействия зависит от вклада всех участников и их установок. Цитируемая литература: Schegloff E., Jefferson G., Sacks, H. 1977. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation. *Language* 53:361–382. Корбут А. М. 2015. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ. Социологическое обозрение 14 (1):120–141. Подлеская В. И., Кибрик А. А. 2007. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной

речи статья. Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы, 2:2–23. [1] На русский язык repair переводится также как «починка» (Корбут 2015) и «исправление» (Подлеская, Кибрик 2007, Корбут 2015).

Литература

Schegloff E., Jefferson G., Sacks H. 1977. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation. *Language* 53: 361–382.

Корбут А. М. 2015. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ. *Социологическое обозрение* 14 (1): 120–141.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. 2007. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи статья. Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы, 2: 2–23.

К вопросу о системности в методологии анализа современной рекламной коммуникации

Солодовникова Татьяна Владимировна,

к. ф. н., доцент

Беларусский государственный университет

Тот факт, что общественная система претерпевает серьезные структурные изменения, вызванные глобальным кризисом гуманитарных ценностей, происходящим на фоне ускоряющейся цифровизации, привел к положению, когда границы между системами «размываются» и теряют жестко заданные очертания. В результате подобных процессов рекламная коммуникация как система может быть рассмотрена и как интегральная часть систем более высокого порядка — культура, государство, гражданское общество. И именно взаимодействие, определяемое как межсубъектное отношение, является первопричиной любых изменений в системе, позволяющее развиваться элементам этой системы.

Системный подход в исследовании рекламной коммуникации может быть определен несколькими важными, на наш взгляд, гносеологическими положениями. Во-первых, он позволяет установить структурно-функциональные связи между, казалось бы, различными по своей природе явлениями, независимо от того, в какой области знаний эти явления исследуются. А во-вторых, лишь системный подход оказывается основным методологическим инструментом, позволяющим анализировать новые социально-экономические явления, когда старая методология, основанная на теории отражения и философии авторитарно-механистического материализма, постепенно утрачивая свои позиции, теряет значение. Полагая, что рекламная коммуникация — это комплексное целое, состоящее из множества разнородных элементов, связанных различными отношениями, обладающее особыми свойствами, отличающими рекламную коммуникацию от иных коммуникационно-информационных форм, может быть осмыслена лишь как интегральная составляющая более широкого медийного информационно-коммуникационного пространства.

Рассмотрение рекламной коммуникации как системы может трактоваться в русле современной гносеологии, однако до настоящего момента существует целый ряд расхождений относительно того, что вкладывать в понятие «система» и каким смысловым содержанием наполнять ключевые характеристики системы такие, как «струк-

тура», «свойство», «целостность». Думается, что попытки рассмотрения коммуникации с точки зрения системного подхода были предприняты еще при построении многочисленных моделей коммуникации, исследование которых было начато в рамках теории связи К. Шеннона и У. Уивера. Однако говорить о применении системного подхода к исследованию феномена коммуникации в целом и рекламной коммуникации в частности, пожалуй, вряд ли возможно, поскольку в каждой из моделей, по сути, во главу угла ставился один элемент в качестве определяющего, в результате чего остальные элементы оказывались второстепенными или же их влияние в рамках модели не учитывалось (ср., напр., пассивная роль адресата или же игнорирование роли среды).

Социокультурное многообразие современного немецкого языка в Германии: актуальное состояние и перспективы сохранения

Фадеева Галина Михайловна,

к. ф. н., доцент

осковский государственный лингвистический университет

Размывание, вытеснение и даже полная утрата некоторых форм существования немецкого языка (прежде всего диалектов) в конце XX в. означает сокращение его социокультурного многообразия, что уже привело к изменению общей картины немецкого языка. Вместо диалектов распространение получает обиходно-разговорный язык. Даже там, где на диалектах все еще говорят, заметно их развитие в сторону региональных обиходных языков либо в направлении «стандартного» немецкого языка. В докладе разделяется точка зрения немецких исследователей, что обиходные языки являются региональными, а письменный немецкий язык — национальным литературным языком. Положительные ответы жителей в разных регионах Германии на вопрос, владеют ли они диалектом, свидетельствуют о желании опрошенных сохранить и подчеркнуть свою идентичность. Однако исследователи справедливо отмечают, что формулировка знание диалекта (Dialektkenntnis) не обязательно включает в себя применение диалекта в повседневном общении, не говоря уже о том, что именно опрошенные вкладывают в понятие диалект.

Географически и социально распределенные варианты немецкого языка часто тесно связаны между собой и в их трактовке необходимо учитывать оба аспекта. Неслучайно в художественных произведениях как классической, так и современной немецкой литературы, диалекты, социолекты и идеолекты играют важную роль в социальной и региональной характеристике персонажей. По мнению большинства исследователей, немецкие диалекты в традиционном понимании будут и далее утрачивать свою роль как средство общения, что связано с развитием современного общества. В региональных обиходно-разговорных языках сохранятся более или менее заметные оттенки (в первую очередь фонетические и фонологические особенности), что наблюдается и сейчас в стандартном немецком языке разных географических областей Германии. Эти признаки позволят в перспективе сохранить идентичность жителей тех или иных регионов. Возможно, именно в связи с желанием сохранить региональную идентичность и социокультурное многообразие немецкого языка в Германии диа-

лекты пользуются сегодня любовью и широко применяются, но в тех областях коммуникации, которые далеки от естественного употребления в повседневной жизни: в театральных постановках на диалекте, стихах и прозаических произведениях, в проповедях, рекламе и др.

Дискурсивная обусловленность жанровых форм (на примере писем конфликтующих соседей)

Banaszek-Szapowalowa Aneta,

к. ф. н., научный сотрудник
Силезский университет

Предпринимается попытка проанализировать использование эталонных жанровых форм в менее типичной для них дискурсивной практике. Отталкиваясь от теоретических положений, касающихся прикладных жанров как таковых, а также рассматриваемого жанра письма, автор подходит к заключению о том, что можно принять за жанровый эталон и как он преобразуется в ситуации конфликта.

Немаловажными видятся факторы, предопределяющие данное преобразование. Объектом анализа было избрано межсоседское взаимодействие в ситуации конфликта (потенциального в том числе), материалом — письма конфликтующих соседей, представляющие собой недостаточно пока что исследованное, однако весьма интересное, с точки зрения разнообразия способов языкового оформления мыслей их авторов, эпистолярное творчество. Материальную базу работы составляет 200 корреспонденций, 100 на польском и 100 на русском языке. Ставится вопрос о признаках жанра письма, а также о том, каким образом эти признаки проявляют себя в разбираемом дискурсе конфликта. Можно ли говорить тогда о дискурсивно обусловленных особенностях рассматриваемой жанровой формы? Если да, то возможно ли разрешить, какие из этих черт являются обязательными и насколько отличается письмо в ситуации конфликта от писем другого типа. Поиск обусловленных дискурсом конфликта показателей жанра предусматривает анализ в том числе внешних жанровых признаков (форма и способ передачи текста), вопроса об эпистолярном диалогизме и взаимоотношениях между отправителем и получателем, а также проблем композиции, конвенциональности и стилистических особенностей письма или функций подобного типа текста, и, наконец, предмета жанровой картины мира и воспроизводимых авторами ценностных ориентиров, касающихся повседневной жизни. Исследуются корреспонденции соседей на русском и польском языке, что дает возможность выявить в отношении поставленной проблемы дополнительные сведения сопоставительного лингвокультуроведческого характера. Перспективу дальнейших исследований определяет в том числе поиск признаков характерных как для дискурса конфликта, так и для других жанровых форм, на основе аналогичного проведенному здесь анализу различных жанров речи и их возможных реализаций в конкретных конфликтных ситуациях.

Понятие «социальный диалект» в советском языкознании 1920–1930-х гг. в трактовке ленинградской лингвистической школы

Floridi Federica,

аспирант

Sapienza University of Rome

Развивая учение Бодуэна де Куртенэ о вертикальном членении языка, Л.В.Щерба, Л.П.Якубинский, Е.Д.Поливанов, Б.А.Ларин, В.М.Жирмунский разрабатывали концепцию социальной дифференциации языка. В этом отношении понятие «социальный диалект» оказалось центральным. Во-первых, оно используется при объяснении эволюционных процессов в литературном языке, при описании его состава и формирования (Щерба 1931, 1939; Поливанов 1928, 1931). Выделяются пути изменения снизу, т.е. изменения, которые сначала вырабатываются в социальных диалектах, а потом входят в общелитературный язык. Преимущественную роль в этом плане играют социальные диалекты города (Ларин 1928а, 1928б). Во-вторых, осмысление социальных диалектов связывается с проводимой в те годы языковой политикой: «существование коллективов с разными языковыми системами в высокой мере способствует прояснению этих систем для говорящих и в связи с этим дает основания для их преобразования» (Якубинский 1929/1986: 79). На фоне языкового строительства уточняется значение социальных диалектов для установления стандартного языка и выбора его опорного диалекта (Поливанов 1931, 1933). В-третьих, выявление социальных диалектов способствует теоризации национального языка (Жирмунский 1936): социальные диалекты подчиненных общественных групп противостоят единому национальному языку, который выступает как социальная норма, господствующая над всеми другими диалектами. Актуальность доклада объясняется разнообразием определений данного понятия в современной социолингвистике. Представляется целесообразным описать концепцию ленинградских лингвистов, учитывая, что современная социолингвистика и ее понятийный аппарат в значительной мере отличаются от социальной лингвистики 1920–1930-х гг.

Литература

Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты, Художественная литература, Ленинград 1936.

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города, 1928а / История русского языка и общее языкознание, Просвещение, Москва 1977, С. 175–189.

Ларин Б.А. К лингвистической характеристике города (Несколько предпосылок), 1928б / Указ. соч., 189–199.

Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Угосиздат, Ташкент 1933.

Поливанов Е.Д. Задачи социальной диалектологии, Родной язык и литература в трудовой школе, 2, 1928, 39–49.

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание, Федерация, Москва 1931.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, 1931 / Языковая система и речевая деятельность, УРСС, Ленинград 1974, 24–39.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык, 1939 / Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, Москва 1957, 113–129.

Якубинский Л.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики, 1929/Избранные работы. Язык и его функционирование, Наука, Москва 1986, 71–82.

Сравнительная поэтика

Соотношение авторского и традиционного в описаниях роскошного образа жизни английского нобилитета XIV в.

Бабаина Елена Аркадьевна,

преподаватель

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский
университет им. акад. И. П. Павлова

Термин «Аллитерационное возрождение», как правило, применяется для обозначения литературного направления, возникшего в результате попытки возвращения к древнеанглийскому (а ранее общегерманскому) способу версификации в среднеанглийский период. Помимо размера, времени появления и диалекта, указывающего на ярко выраженный региональный характер явления в числе общих черт, характерных для поэм классического корпуса указывают на присутствие в них ряда тематических сходжений. В самом общем плане речь идет об акцентировании внимания на проблемах общественной морали с одной стороны и ностальгии об уходящем золотом веке английского рыцарства, связанного с правлением Эдуарда III с другой, что в конечном итоге способствует преобладанию одних, характерных для этого периода жанров и тем над другими. В этом плане содержательная общность поэм в значительной степени определяется принадлежностью к средневековой западноевропейской литературе на той стадии ее развития, когда авторская оригинальность еще не осознавалась как самостоятельная ценность, в отличие от полноты изложения, которая достигалась компиляцией материала из как можно большего количества авторитетных источников. Именно такими стихотворными переложениями английских, французских и латинских источников являются наиболее масштабные поэмы, жанр которых был определен Дж. П. Эукденом как «хроника в эпическом стиле» (до 14 тысяч строк). По другую сторону континуума, напротив, лежит около десятка максимально «авторских» поэм, где влияние других текстов ограничивается лишь несколькими строками. Анализ языка поэм обоих типов позволяет получить представление о механизмах, лежащих в основе порождения текста, а именно о наличии некоторого количества стереотипных моделей, сопоставимых с понятием формулы в концепции Пэрри-Лорда и представляющих собой вторичный вспомогательный инструментарий, потребность в котором возникает при наличии конфликта между ограничениями, накладываемыми метрикой и параметрами проецируемого на нее языкового материала. Выявление особенностей формульного стиля в пределах одного текста и сопоставление стилей разных авторов между собой должно помочь ответить на вопрос, являются ли структурные сходжения языка различных поэм результатом воссоздания элементов традиционной поэтики (либо, возможно, адаптации подобных элементов, восходящих к более ранней эпохе) либо же неизбежным следствием использования одного и того же метрического размера, принуждающего к выбору синтаксических единиц определенной размерности и структуры.

Предметно-аллегорическое толкование литургического обряда и композиция «Трактата о мессе» Бертольда Регенсбургского

Бондарко Николай Александрович,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН

Доклад посвящен анализу средневековой католической аллегорезы на примере средневерхненемецкого «Трактата о мессе», относящегося к наследию немецкого францисканского проповедника Бертольда Регенсбургского (ок. 1210–1272). Трактат представлен в нескольких редакциях и более 40 списков, содержащих как полный текст, так и переработанные фрагменты. Основные немецкие редакции А и В являются результатом творчества анонимных редакторов, переработавших две латинские проповеди Бертольда — № 21 из сборника «*Rusticanus de Dominicis*» и № 53 из сборника «*Rusticanus de Communi*».

В докладе рассматривается роль аллегорезы в содержательной и лексико-синтаксической структуре текста разных редакций трактата. Анализ когезии и когерентности текста, языковой стереотипии и специфической герменевтической формульности при исследовании методов редакторской обработки текста (таких, как перевод, компиляция, вставки и пропуски текста) позволяет определить влияние аллегорезы на «грамматику текста» на уровне внешней синтаксической связности в ее отношении ко внутренней логической целостности.

Лингвистический анализ немецких версий трактата указывает на наличие сильной зависимости редакторов от латинского текста, однако «успешность» (сохранность и распространенность в рукописной традиции) немецкого текста оказалась гарантированной благодаря его новой композиционной структуре и смысловой самодостаточности. В качестве важнейшего принципа формирования текста разных редакций «Трактата о мессе» выступает дискретность композиции, при которой многие элементы текста могут быть изъяты без нарушения общего смысла и нарушения смысловой законченности. Другой принцип композиционного развертывания текста связан с понятием «предметной аллегорезы» (*Dingallegorese*): это последовательное описание предметной сферы литургического обряда во всех его конкретных деталях, от элементов богослужения до всех компонентов священнического облачения. Литургическая символика сначала описывается в ее внешнем, материальном проявлении, затем излагается аллегорический смысл, а основное внимание уделяется моральному смыслу — а именно, практическим выводам для повседневного поведения христианина, следующим из заложенного в обрядности мессы символического смысла. Этим обстоятельством объясняется и возможность дополнительных вставок назидательного характера, которые являются факультативными и вносятся в текст по личному желанию средневековых редакторов.

Секвенция *Victimae Paschalis*: опыт сравнения переводов (английский, итальянский, русский)

Вишневская Елена Александровна,

соискатель

Институт мировой литературы РАН

Доклад посвящен сравнительному анализу переводов средневековой латинской секвенции *Victimae Paschalis* на английский, итальянский и русский языки. Секвенция принадлежит перу знаменитого германского поэта и историка Випона Бургундского (XI в) и посвящена Празднику Пасхе. *Victimae Paschalis* сразу стала образцом для многочисленных подражаний. Последующие секвенции использовали ее первую строку как начальную и были положены на ту же мелодию. В оригинале *Victimae Paschalis* исполнялась вплоть до времен Реформации. Ее неизменная популярность сохранялась на протяжении всего Средневековья и послужила причиной неоднократных переводов на народные языки. Переводы секвенции на обозначенные выше языки прошли разные исторические пути.

Наиболее ранним является перевод на английский язык. Это было обусловлено прежде всего политическими обстоятельствами, связанными с реформами Генриха VIII Тюдора (XVI в.) и возникновением англиканской церкви. Отделение от Рима потребовало перевода на народный язык всего корпуса богослужебных текстов. Можно предположить, что именно в этот период и появляется первый английский текст *Victimae Paschalis*.

Иначе складывалась судьба перевода секвенции на итальянский. Только в XIX веке (1887 г.), благодаря переводческим трудам Раффаэле Персоне, увидел свет «Римский бревиарий». С целью духовного просвещения паствы, для которой латинский богослужебный язык был к этому времени уже непонятен, этот сборник латинских гимнов был снабжен переводом на итальянский язык.

В России интерес к религиозным текстам западного европейского культурного пространства начинает наблюдаться только в XX в. Первый перевод *Victimae Paschalis* принадлежит Сергею Аверинцеву. В настоящее время в открытом доступе можно найти еще несколько переводов как профессиональных, так и любительских.

Интерес для исследования представляет сравнение переводов секвенции *Victimae Paschalis*, принадлежащих разным мировоззренческим системам и имеющих разные цели. Так, богослужебную функцию имеют только итальянский и английские переводы. Русские переводы имеют только эстетическую и научную ценность. Задача русского перевода — познакомить российскую аудиторию с латинской культурой. Для итальянского и английских переводов стоит задача сохранить текст для богослужебной практики.

Сопоставление проходит по принципам анализа лексики, синтаксиса, языкового регистра, стилистических средств и переводческих трансформаций.

Местная и иноземная традиция в Саге о епископе Торлаке

Гвоздецкая Наталья Юрьевна,

д. ф. н.,

Российский государственный гуманитарный университет

В докладе анализируется влияние местной и иноземной традиций на нарратив Саги о епископе Торлаке, одной из ранних епископских саг (начало XIII в.), посвященных первому национальному исландскому святому. Композиция рассказа о Торлаке в целом соответствует композиции нарратива родовых саг (время действия соотносено с правлением норвежских королей, представлены родители Торлака, его окружение, попытка женитьбы, путешествия за рубеж, мнение о нем окружающих), а «портретные» характеристики персонажей нередко отвечают светскому идеалу эпохи викингов: подчеркиваются такие качества, как приятная внешность, физическая сила, щедрость, способность участвовать в морских путешествиях, дружба с норвежскими конунгами. Действие разворачивается преимущественно на территории Исландии, упомянуты конкретные местности, элементы ландшафта, детали быта. Вместе с тем, в ряде эпизодов поведение Торлака лишь внешне напоминает героев родовой саги, а по сути оказывается прямо противоположным. Так, за рубежом он отправляется исключительно с целью получить духовное образование, а впоследствии — для посвящения в сан; при избрании в епископы оказывается человеком мало примечательным; к делам на альтинге относится скорее с опаской, и хотя завязывает «подобие» дружбы с норвежскими конунгами, однако мало дорожит ею. Гораздо большую роль играет в рассказе соотносительность биографии Торлака с правлением духовных лиц за пределами Исландии (пап и архиепископов), а также многочисленные библейские аллюзии и реминисценции, которые предопределяют «портрет» исландского епископа, создавая образ благочестивого и набожного христианина. Каждый этап в жизни Торлака — его детство и юность, взросление и учение, принятие священного сана и монашества, избрание в епископы, наконец, болезнь и кончина — все это сопровождается многочисленными ссылками на Ветхий и Новый Завет. Особенно часто упоминается имя апостола Павла. Создается впечатление, что все поступки и даже мысли Торлака укоренены в образцах Священной истории. Сага включает целый ряд житийных топосов, характерных для континентальной агиографической традиции. Тем не менее, житийные мотивы, иногда основанные на сравнении с континентальными святыми (особенно св. Мартином), а также сны и видения не заглушают реалистического тона в изображении Торлака. Распря как пружина повествования отсутствует, однако одна из редакций саги уделяет большое внимание конфликтам епископа с местной знатью — конфликтам, которые были вызваны бескомпромиссным желанием Торлака заставить хёвдингов следовать евангельским заповедям. Таким образом, одна из первых епископских саг, представляющая жизнеописание шестого епископа Скальхольта, оказывается своеобразным симбиозом местной саговой и иноземной агиографической традиций.

Ирландская сага: границы «жанра»

Михайлова Татьяна Андреевна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В докладе рассматривается узус употребления в отечественной и европейской (английской и французской) исследовательской традиции, сложившейся уже к концу XIX в., термина «сага», обозначающего квант древнеирландского эпического нарратива и нем. *Die Sage*. В ирландской традиции аналогичным названием «жанра» является лексема *scel(a)*, этимологически близкое сканд. *Saga* (то есть — рассказ, повесть, продукт речепроизводства). В то же время исконный термин, как показано в докладе, обладает гораздо более широким семантическим полем (вплоть до употреблений в современном ирландском). Анализируется также соотношение семантики русского термина *сага* с 1. английскими и французскими (*saga*) и немецкими (*die Sage*) научными текстами, описывающими те же денотаты 2. с исландским понятием *saga*, имеющим гораздо более широкое семантическое поле в исходной традиции (но не в медиэвистике) 3. с семантическим полем оригинального термина *scél*, имеющим в качестве одного из значений «повесть, рассказ», но также «новость, событие, достойное рассказа».. В докладе также демонстрируется рекурсивность семантического перехода «повесть, рассказ» → «событие, достойное рассказа, новость», проявляющегося и в семантике русского история. Направление семантического прехода в разных традициях представляются различными. Также в докладе делается попытка выделения формальных признаков, которые позволяют отнести тот или иной древнеирландский прозаический нарратив к «саге» (в отличие от исторических повестей и пр.). В качестве рабочего предположения автор предлагает выделять три аспекта: 1. наличие пространных дескрипций персонажа экфрастического характера; 2. наличие неоправданного введения презенса (так наз. — сценического или шире — исторического); 3. поэтические вкрапления маркируют эмоциональную речь героев, но не квалифицируются как собственно поэзия. 1-й и 2-й аспекты предполагают введение наблюдателя, которым может предстать и компилятор, и остающийся за рамками текста «рассказчик», и сам слушатель саги. Каждый аспект сопоставляется с исландским материалом (саги и пряди). В докладе качестве заключения делается вывод об относительности рамок термина «сага» как жанра средневековой словесности и необходимости апелляции к исследовательской интуиции.

Формула и формульность (на материале фарерских баллад)

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич,

к. ф. н., доцент

Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

Материалом для доклада послужили баллады, еще недавно бытовавшие в устной традиции на Фарерских островах, и записанные в XIX в. Баллады являются следующей по отношению к героическому эпосу ступенью развития устной поэзии. Признаками,

отличающими баллады от героического эпоса, являются наличие строфической организации и непоследовательность изложения. Баллады, записанные на фарерских островах, проявляют эти признаки в полной мере. В связи с появлением строфики соответственно изменяется и формульная техника. Формула по определению классиков устной теории сказительства М. Пэрри и А. Б. Лорда обладает в числе других существенных признаков метрической обусловленностью. С появлением строфической организации возможности такой метрической обусловленности существенно усложняются. Метрическая обусловленность приобретает еще одно дополнительное изменение, и такое усложнение влечет за собой как количественные, так и качественные изменения в инвентаре средств формульной техники. Если в героическом эпосе формулы, несмотря на разнообразие величины и типов, все-таки принадлежали к одному уровню единиц поэтического языка; то в балладе формульный характер тех или иных фрагментов текста может проявляться в большей или меньшей степени. Формула, как известно, состоит из постоянной и переменной части. Появление строфы приводит к тому, что соотношения между этими частями могут варьироваться в большей степени. Единицы стиха, причем весьма различные по размеру, могут быть более формульными или менее формульными. Минимальная, но не нулевая, степень формульности имеет место в том случае, когда одно и то же слово в разных строфах занимает одну и ту же позицию. В этом случае постоянная часть оказывается минимальной, а переменная — максимально возможной. Следующая степень формульности представлена формулами в их классическом понимании (как у М. Пэрри). Здесь постоянная и переменная части примерно соответствуют друг другу по размеру. Наконец самая высокая степень формульности обнаруживается в повторах. В этом случае постоянная часть превалирует над переменной. Между этими тремя основными степенями ожидаемо находятся переходные случаи. Так что оппозиция степеней формульности является градуальной.

Уралистика

Двуязычные сообщества носителей венгерского языка

Доловаи Дороття,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Одноязычие в мире является сравнительно редким явлением, есть немало сообществ, где параллельно используется несколько языков. Дети в таких сообществах осваивают несколько языков с самого раннего возраста. В России дву- и многоязычное население составляет примерно 15–20 %, в эту группу населения входит большинство носителей уральских языков. Языковая ситуация уральских народов в России широко изучаемая тема многих исследований. Для этих народов самая важная проблема в настоящее время — сохранение родного языка, однако отсутствие системы образования на национальном языке, низкий престиж языка и обязательность для местного населения изучения русского языка при переходе к стилю жизни современного общества повсюду изменяют ситуацию языковых обществ, носители национальных языков не хотят или не могут противостоять изменениям.

Венгерский язык является государственным языком Венгрии, по численности носителей он самый «большой» уральский язык. Однако на территориях соседних государств существуют сообщества носителей венгерского языка, которые составляют национальные меньшинства. В таких сообществах используются диалекты или варианты венгерского языка.

В докладе рассказывается о положении венгерского языка в разных странах: сообщества носителей венгерского языка находятся в семи соседних странах, однако положения двух диалектов может сильно отличаться в одной стране. Например в Румынии живет сообщество носителей языка «чанго» (который является самым архаичным диалектом венгерского языка), их языковая ситуация очень похожа на ситуации малочисленных народов в России: они постепенно потеряют родной язык, который в настоящее время употребляется лишь в качестве домашнего языка и передается следующим поколениям лишь в отдельных семьях. Но так же в Румынии живет другая группа венгров («секей»), которая по численности носителей языка намного больше, и, парадоксальным образом сохранению этого диалекта препятствует между прочим именно тот факт, что часть носителей плохо знают государственный (румынский) язык, поэтому они стараются отправить своих детей в Венгрию на учебу или на работу, где не требуется знание румынского языка.

В докладе рассматриваются такие вопросы, как каким диалектам или вариантам венгерского языка грозит опасность исчезновения языка, можно ли сохранить венгерский язык за рубежами Венгрии, и можно ли при этом пользоваться опытами процессов ревитализации, возрождении уральских языков в России.

Научно-практический потенциал открытой геоинформационной системы по топонимии Карелии

Захарова Екатерина Владимировна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

В докладе представлены цели, которые ставит перед собой научный коллектив проекта РНФ № 22-28-00362 «Создание открытой геоинформационной системы по топонимии Карелии на примере Арктической зоны республики». Среди основных задач выделяются следующие: разработка топонимической информационно-поисковой системы с открытым доступом для пользователей сети Интернет с возможностью поиска и отображения информации о необходимых географических объектах Карелии на карте; наполнение системы данными, собранными в ходе многолетних экспедиций и хранящимися в Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей, а также в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН; поиск, систематизация, расшифровка, ввод и анализ корпуса топонимических преданий, представляющих до сих пор не исследованный пласт нематериального культурного наследия региона.

Помимо целей проекта, в докладе обозначаются перспективы использования разрабатываемого ресурса научным сообществом, а также широким кругом пользователей. Так, введенные в базу данных топонимы будут классифицироваться по целому ряду признаков (административная привязка, структура, языковые истоки, семантика и др.), а также связываться с электронными картами OpenStreetMap. Это позволит исследователям производить необходимые выборки топонимов по заданным параметрам, выводить на карту значительный корпус не обозначенных на картах географических объектов, соотносить заложенную в названии географического объекта информацию с его реальными физико-географическими характеристиками, обеспечивая верификацию данных, с другой стороны — предоставит широкому кругу пользователей доступ к сведениям, хранящимся в картотеке топонимов и в фонограммархиве ИЯЛИ, об интересующих географических объектах. В свою очередь, расшифровка, перевод с карельского языка на русский и внесение текстов карельских топонимических преданий в геоинформационную систему позволит ввести в научный оборот ранее недоступный пласт материала карельской исторической прозы, на основе которого станет возможным издание научных сборников и проведение исследовательских работ. Изучение карельских преданий позволит заполнить лакуну, образовавшуюся в изучении исторической прозы финно-угорских народов.

К вопросу о транскрибировании долгих гласных финского языка в учебниках финского языка как иностранного

Новикова Ярослава Владимировна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Орфография финского языка является фонематической, что означает наличие почти у всех фонем финского языка своей графемы. Вследствие этого фонетическая транскрипция при обучении финскому языку не используется, так же как она не используется и в словарях финского языка.

При обучении финскому алфавиту транскрипция, однако, необходима для графического представления названий букв. Из 31 буквы финского алфавита в названиях 21 буквы имеется долгий гласный звук. В более старых учебниках финского языка как иностранного (2010) и монографиях по фонетике и фонологии финского языка (1992) названия букв представлены в виде фонетической транскрипции фонематически, т.е. долгий звук передается двумя одинаковыми графемами (или обозначениями УФА), что указывает на решение авторов-носителей финского языка представить долгий звук как линейную последовательность двух одинаковых фонем: напр., [aa] и [öö].

В более новых учебниках (2017) долгие гласные в названиях букв передаются с использованием обозначений фонем и долготы в соответствии с МФА, т.е., напр., [a:] и [ø:]. Также и в процессе преподавания фонетики и фонологии в университетах Финляндии при использовании примеров из финского языка лектор может обозначать долгий звук тремя разными способами: напр., maa [ma:] ~ [maa] ~ [mā]. Однако эта вариативность, при которой все же не все варианты эквивалентны между собой с морфонологической точки зрения, может как минимум усложнить восприятие обучающимися категории долготы гласных в финском языке, являющейся не только смыслоразличительной категорией, не зависящей от звукового окружения, в котором реализуется фонема, но и морфонологической категорией, т.к. долгий гласный, представленный и в орфографии, и в фонетической транскрипции двумя одинаковыми символами, наглядно демонстрирует сущность долгого гласного звука финского языка как количественно долгого — первый гласный, умноженный по своей долготе на 2. Такое восприятие сущности долгих гласных финского языка объясняет фонематический характер финской орфографии, несвойственный, напр., английскому языку, используемому и в лингводидактике, и в лексикографии фонетические транскрипции, и, как следствие, делает возможным понимание и преподавание морфологии финского языка именно как агглютинативного языка: напр., maa : maa- > maa- + -ssa : maa- + -i- + -ssa > maissa. Введение нефонематических транскрипций уже на начальном этапе обучения языку можно рассматривать как попытку облегчения знакомства с фонетикой финского языка обучающихся-носителей или обучающихся-пользователей по меньшей мере романских и германских языков. Однако при таком подходе искажается понятие долготы гласного звука в финском языке вследствие количественной неопределенности долготы, обозначаемой символом [:].

Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар): архитектура и его возможности

Родионова Александра Павловна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Корпус ВепКар обладает следующими характеристиками:

- является многоязычным корпусом: включает тексты на вепсском и карельском языках, вепские и карельские словари имеют толкования на русском и частично английском языках;
- включает тексты различной стилистической и жанровой принадлежности;
- является полнотекстовым корпусом: разметка текстов выполняется полностью и поиск осуществляется по всему массиву текстов;
- предоставляет пользователям доступ к полным текстам документов, то есть корпус ВепКар можно рассматривать как открытую электронную библиотеку.

Корпус (совокупность) текстов является центральным блоком ВепКара. На настоящий момент он содержит свыше 3000 текстов (более 1, 1 миллиона словоупотреблений). В перечень источников для пополнения корпуса входят: опубликованные образцы карельской и вепсской диалектной речи, фольклорные, художественные и переводные тексты, материалы газет и альманахов на карельском и вепсском языках и мн. др.

Процесс наполнения корпуса текстами является непрерывным.

Словарь является не менее важным блоком, обеспечивающим работу с корпусом текстов. Словарь корпуса содержит свыше 60 тысяч словарных статей и около 2,5 миллионов словоформ. Толкования слов в словаре приводятся на русском и отчасти на английском языке, хотя есть возможность давать толкования на вепсском, наречиях карельского и финском языках. Поиск лемм в рамках словаря возможен по языковой и диалектной принадлежности, по частям речи, грамматическим признакам, а также по лексико-семантическим категориям.

Представленные в корпусном менеджере специальные модули, связывающие корпус и словарь, призваны обеспечивать необходимым языковым материалом лингвистические исследования. Важнейшей составляющей корпуса ВепКар является наличие полуавтоматической лингвистической разметки (программа определяет варианты значения слова и его грамматических характеристик). Ее появление стало возможным в результате создания в 2019–2021 гг. генераторов словоформ для вепсского, ливвиковского и собственно карельского подкорпусов. Наличие данных генераторов позволило также разработать инструмент сложного лексико-грамматического поиска по текстам, что особенно важно в процессе решения проблемы преодоления морфологической омонимии в целях создания инструмента автоматической морфологической разметки и морфоанализатора. Инструменты, представленные в корпусе ВепКар сегодня, уже открывают уникальные возможности для решения целого ряда лингвистических задач в области исследования лексики и грамматики карельского и вепсского языков. Материалы корпуса используются в процессе разработки новых словарей и грамматик, а также в процессе редактирования правил и норм новописьменных вариантов исследуемых языков, а также в качестве базы в процессе обучения карельскому и вепсскому языкам.

Интерпретация Калевалы и Кантелетар в рок-поэзии Финляндии

Сойни Елена Григорьевна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Современная поэзия Финляндии тесно пересеклась с рок-музыкой. На взгляд составителя Калевалы Э. Леннрота, древняя слитность слова и напева распалась и литературная поэзия превратилась просто в текст. В финской рок-культуре возродилась древняя традиция, когда поэзия и музыка были неразделимы. И. Аланко и А. Юрьяня удачно возродили, казалось бы, забытую калевальскую метрику, но используют ее при написании стихотворений на злобу дня. Музыканты группы «Atoqphis» обратились к калевальской мифологии («Туонела», «Сампо», «Кантеле»). Но в переложении рун «Калевалы» не упоминаются имена героев. Истории словно приобретают универсальный характер и происходят в современности. В песне «Утонувшая дева» (Drowned Maid), Э. Холопайнен не упоминая имени Айно, называет ее курочкой 'a hen', как это принято у Леннрота и в собственно народных рунах в знакомом ему с детства устной традиции, как бы подтверждая мысль С. Ю. Неклюдова, что «любой носитель культурной традиции гораздо в большей степени, чем он сам это полагает, владеет «фольклорным» знанием». В классическом английском переводе «Калевалы» У. Ф. Кёрби переводчик называет Айно голубкой 'dove' возможно, считая по-джентельменски, что не прилично девушку назвать курицей 'hen'.

Этнические компоненты в мировоззрении финских авторов проявляются даже в англоязычных текстах.

В. Сорвали, автор песен для Moonsorrow, интерпретируя руны, пытается понять замысел создателей рун и считает, что эти тексты могут относиться любому человеку на свете. Я. Ямсен (Katla), шведоязычный финн, пишет песни для Finntroll на родном шведском языке, воплощая в тексты образы причудливых существ, подчеркивая их необычность вкраплениями народных саамских песнопений «йойк» (саамск. juoigan, норв. Joik).

Яркими чертами современной финской рок-поэзии являются мультиязычие, обращение к мифологическим сюжетам народной поэзии как финской, так и скандинавской. Неожиданным оказалось возрождение в рок-поэзии калевальской метрики и образов «Калевалы» и «Кантелетар». Финские поэты, даже пишущие по-английски, обращаясь к калевальским сюжетам, используют образную символику, понятную лишь носителям финского языка в то время, как английские переводчики «Калевалы» подобные образы опускают, что доказывает важность этнических компонентов в современной финской поэзии и в тех случаях, когда поэты используют английский язык. Рок-поэзия Финляндии многогранна. Для рок-групп создано много ярких стихотворений, в которых поставлены вопросы, волнующие каждого человека, но в то же время большое количество песен характеризуется усредненностью образов, набором случайных слов, междометий, примитивных звуков, над которыми не обязательно думать. И конечно, обращает на себя внимание возрождение в рок-лирике калевальских сюжетов, метрики и мифологем.

Особенности жанра городского фэнтези на примере романа Йоханны Синисало «До заката нельзя» (Ennen päivänlaskua ei voi) и романа Сергея и Марины Дяченко «Vita Nostra»

Сумароков Глеб Юрьевич,

аспирант

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Ученые-литературоведы всегда обращали внимание на различные литературные процессы не только в своей стране, но и за ее пределами. Последние достижения в области сравнительного литературоведения, перевода и рецепции легли в основу многих работ, посвященных данному вопросу. В то время как в сравнительном литературоведении Финляндии и России было проведено много фундаментальных исследований по рецепции, о взаимной рецепции жанра фэнтези между литературами соседних народов известно достаточно мало. В данной работе рассматривается взаимный литературный обмен и рецепция жанра фэнтези в двух культурах — финской и русской.

В докладе рассматривается именно городское фэнтези, поскольку данный жанр наиболее наглядно раскрывает связь между финской и русской фантастической литературой. Цель доклада — исследовать и выделить основные типологические особенности финской и русской городской фантастики на примере таких романов, как «До заката нельзя» («Ennen päivänlaskua ei voi») Йоханны Синисало и «Vita Nostra» Марины и Сергея Дяченко.

Отличительной особенностью городского фэнтези является город как место действия, представляющий собой городскую среду, в которой происходят фантастические события. Хронотоп городского фэнтези строится на принципе противопоставления двух миров: в привычной городской среде обнаруживается вход в потусторонний удивительный мир.

Оба романа противопоставляют природу как естественный образ жизни и город как неестественную для человека среду обитания. Город, как пространство, созданное искусственно, рассматривается как «убежище» от опасностей дикой природы. Делается вывод, что оба текста объединены одним жанром городского фэнтези. Оба города играют важную роль в развитии сюжета: в романе Синисало, город — это место проживания большинства людей, которое, тем не менее, представляет большую опасность и противопоставляется природе. В романе Дяченко же город служит кусочком нормальности для главной героини, выступая чем-то знакомым и привычным. Можно утверждать, что оба города играют роль персонажа, формируя свое отношение к главному герою. Также исследуется идея эскапизма, бегства из повседневного окружения в новый фэнтезийный мир. И финская, и русская культуры говорят о разных проблемах в своих произведениях, однако используют для этого один и тот же инструмент городского фэнтези. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ No 20-012-00171A «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX — начала XXI вв. в условиях приграничья».

Презентация аудиоверсии повести Майю Лассила «Манассе Яппинен» на русском языке в переводе Э. Г. Карху

Сумароков Глеб Юрьевич,

аспирант

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Раутио Карл Хейнович,

композитор, независимый исследователь

Презентация аудиоверсии повести Майю Лассила «Манассе Яппинен» на русском языке в переводе Э. Г. Карху. М. Лассила — классик финской литературы, драматург, писавший о контрастах социальной жизни в Финляндии начала XX в. Большую известность принесли писателю юмористические повести «За спичками», «Сверхумный», «Воскресший из мертвых» и др. Менее известен его автобиографический роман «Хархама», повествующий в частности о жизни главного героя в Петербурге. Лассила создавал произведения в разных жанрах и под разными псевдонимами. В 1918 г. он один из немногих писателей Финляндии встал на сторону восставшего народа, что привело его к трагической гибели. В повести «Манассе Яппинен» автор пародирует желание родителей любой ценой научить ребенка грамоте. Текст читает Глеб Сумароков. Моналоги Анны-Доротеи озвучила актриса Национального театра Республики Карелия Ольга Портретова. Композитор и звукорежиссер Карл Раутио (мл.) (Финляндия). Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины XX — начала XXI вв в условиях приграничья» № 20-012-00171. Руководитель проекта Е. Г. Соини.

Майю Лассила «Манассе Яппинен» https://disk.yandex.ru/d/TZs0Nm_Pf18wpg;
<https://www.youtube.com/watch?v=sSPrcs9twC4>

Фонетика. Памяти проф. Л. В. Бондарко в честь 90-летия со дня рождения

Звукоизобразительные обозначения грызения и чавканья (на материале русского языка)

Беседина Елена Ивановна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Ноланд Наталия Николаевна,

к. ф. н., преподаватель

Houston Community College

Настоящее исследование является продолжением совместной работы авторов по изучению роли отдельных фонотипов в обозначении понятий «кусать, грызть», «чавкать, чмокать» и «шумно всасывать» в английской диалектной лексике, проведенной с использованием методики построения фоносемантического поля с ядерной лексемой, которая была разработана в диссертационном исследовании Н. Н. Швецовы (Ноланд).

Анализ материала позволил авторам установить наиболее вероятные фонотипы и фонестемы, отражающие мотивотип, лежащий в основе номинации звукоизобразительных (ЗИ) лексем-обозначений «кусания, грызения, чавканья, чмокания» и т. д. Предметом данного исследования послужили обозначения «грызения, чавканья и жевания» русского диалектного языка, полученные методом сплошной выборки из 52 томов Словаря русских народных говоров, которые выпускаются словарным сектором Российской академии наук на протяжении последних 50 лет. Данный эмпирический материал ранее не исследовался в рамках теории звукоизобразительности. Итоговый корпус исследуемой лексико-семантической группы (ЛСГ) составил 60 единиц. Изыскание проводилось с применением принципов фоносемантического анализа, разработанного С. В. Ворониным и предоставляющего исследователю достаточно четкие и объективные критерии установления статуса ЗИ-слова. В ходе установления ЗИ-статуса лексем полученная выборка была верифицирована по этимологическому словарю русского языка крупнейшего этимолога-слависта М. Фасмера, являющегося по сей день одним из самых авторитетных этимологических словарей. В работе, помимо методики построения фоносемантического поля, применялся метод структурно-фонетического анализа, разработанного в диссертационном исследовании Е. И. Слоницкой (Бесединой). Авторы также предприняли попытку установить наличие/отсутствие определенных соответствий между диалектными лексемами русского и английского языков. Анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что диалектная лексика русского языка, как и английские диалектизмы, включает значительное количество единиц ЗИ-происхождения, которые, при схожести семантики или полном ее совпадении, отличаются друг от друга лишь одной или двумя фонемами (ср. 'чевкать',

‘чемкать’, ‘чавкать’, ‘чвакать’ и др.). Таким образом, представляется правомерным предположить, что в данном случае речь может идти не о двух (или более) разных лексемах, а о единицах, инвариантом которых может служить ЗИ-гиперлексема.

Порождение звукоизобразительного слова: механизм создания звукоизобразительной лексики вымышленных языков

Давыдова Варвара Алексеевна,

ассистент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Одной из задач фоносемантики является изучение процесса порождения звукоизобразительных слов в языке. Наиболее полно они раскрыты в работах основателя петербургской школы фоносемантики С. В. Воронина и его последователей [Воронин, Флакман]. Согласно их выводам, данный процесс можно представить как ряд ряд этапов, имеющих место на разных уровнях, от возникновения образа объекта до оформления языкового знака звуками конкретного языка. Настоящее сообщение посвящено описанию механизмов звукоизобразительного словообразования на новом, ранее не исследованном материале вымышленных априорных языков (клингон, на’ви), где все слова по замыслу авторов создаются «с нуля». Несмотря на намерение авторов языков создавать языки, не похожие ни на один из известных, и целенаправленное создание звуковых инвентарей с экзотическим набором звуков, процесс создания слов следует закономерностям, характерным для естественного языка и происходит на нескольких иерархических уровнях.

В сжатом виде процесс порождения звукоизобразительного слова можно представить следующим образом. Звукоизобразительный языковой знак возникает как отражение экстралингвистического объекта звуковыми средствами речи. На долингвистическом уровне характерный признак объекта становится мотивом номинации и имитируется в речи артикуляторным жестом — кинемой, которая становится основой словообразования. Первоначальный коммуникативный жест синкретичен и, в силу этого, обеспечивает веер возможных реализаций на уровне фоносемантической системы языка посредством ее основных единиц — фонотипов, каждый из которых представляет собой определенный тип звуков речи. Таким образом, фоносемантическая система языка порождает звукоизобразительный инвариант, который на уровне конкретного языка преобразуется в звукоизобразительное слово звуками, представленными в данном инвентаре. Вымышленные слова из исследуемого материала следуют описанным словопорождающим моделям. Для примера можно привести звукоизображения говорения, где кинемой является движение кончиком языка, которое на фоносемантическом уровне может быть реализовано с помощью нескольких фонотипов переднеязычных согласных с разным местом образования. На уровне экзотических инвентарей языков на’ви и клингона жест был реализован с помощью звуков /t, l, s, ʃ, dʒ/: ftɪ [ft’i] ‘tongue’, li’fya [’liʔ.fja] ‘language’, plltxe [p]l:t’ɛ] ‘speak’, jatlh [dʒat^hl] ‘say’, joS [dʒoʃ] ‘gossip’.

Как видно, иерархические уровни естественного словопорождения, прослеживаются и на материале искусственно сконструированной звукоизобразительной лексики.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.

Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2015.

Голосовая нагрузка преподавателей иностранного языка высшей школы при онлайн-преподавании в период пандемии COVID-19: проблемы и стратегии адаптации

Евграфова Карина Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Соколова Наталья Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Варнаева Мария Львовна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Начатое весной 2020 г. исследование посвящено изучению влияния онлайн-преподавания на степень голосовой нагрузки и качество голоса преподавателей высшей школы Санкт-Петербурга. В результате нам удалось выявить корреляцию между условиями работы преподавателей и их степенью голосового утомления. Утомляемость голоса, ее клинические симптомы и акустические проявления, уже многие десятилетия изучаются отечественными и зарубежными специалистами. Исследование является уникальным, так как оно совпало с неожиданными беспрецедентными изменениями в специфике и режиме работы преподавателей высшей школы Санкт-Петербурга. Большинство преподавателей иностранного языка не имели опыта дистанционного преподавания в таком объеме. Новая профессиональная реальность, как показывает наше исследование, оказала значительное влияние на степень голосовой нагрузки и качество голоса наших испытуемых. Работа проходила в несколько этапов: на первом этапе 10 участников эксперимента сделали записи фонетически представительного текста на диктофоны мобильных телефонов до и после голосовой нагрузки в день онлайн-преподавания. В эксперименте участвовали лекторы, преподаватели практического курса английского языка и преподаватели практической фонетики. Участники также заполняли анкеты, в которых описывали особенности своего психофизиологического состояния и настроения в день записи, условия работы, а также оставили комментарии о возникших голосовых проблемах. В результате были получены данные о качестве голоса преподавателей ВУЗов, работающих в онлайн-режиме. Были выявлены изменения в темпе речи, длительности безударных и ударных гласных, в частоте основного тона (на основе сравнения с данными по очному преподаванию). Отдельно были проанализированы анкеты участников исследования, в которых они отмечали высокую мускульную нагрузку и дискомфорт во время онлайн-преподавания, снижение качества голоса после голосовой нагрузки, сухость и першение в горле, а также кашель после 3–5 часов работы. Полученные данные, а также сравнение их с данными

доковидных исследований позволяют сделать вывод о корреляции между условиями работы (удаленный доступ, необходимость использования компьютерного оборудования, физически комфортными условиями работы) и качеством голоса преподавателей высшей школы. В докладе будут описаны основные стратегии адаптации голосовой нагрузки преподавателей к новым условиям работы. На данном этапе исследование продолжается, звуковой корпус пополняется новыми записями наших испытуемых с целью проследить динамику состояния голосо-речевого аппарата и общего самочувствия участников эксперимента.

Акустические корреляты иронии в речи (сравнительное исследование на материале мультимедийного корпуса иронических высказываний)

Евдокимова Вера Вячеславовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Кочеткова Ульяна Евгеньевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Качковская Татьяна Васильевна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Скрелин Павел Анатольевич,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Данное исследование, проведенное в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 20-012-00552 «Акустические характеристики иронии при реализации функциональных интонационных моделей», представляет собой сравнительный анализ акустических характеристик иронических и неиронических высказываний. Главной целью работы стало выявление перцептивно релевантных признаков иронии на фонетическом уровне, а также рассмотрение их взаимодействия с сопутствующими паралингвистическими явлениями при полимодальном восприятии. Для этого нами был составлен специальный мультимедийный корпус, состоящий из нескольких частей. В ходе работы над корпусом была создана коллекция высказываний с иронией и без иронии на материале открытых аудио- и видеисточников, а также составлен собственный мультимедийный корпус лабораторной речи на русском языке, включающий синхронизированные аудио- и видеозаписи. Кроме того, начато составление подобного корпуса и на французском языке, что позволило рассмотреть наличие специфических и универсальных характеристик иронии в этих двух языках. Для проверки полученного материала нами была разработана методика проведения перцептивных экспериментов, которая предполагала предъявление участникам эксперимента целевого фрагмента, лишённого какого-либо дополнительного указания на наличие или отсутствие иронии, кроме фонетических характеристик как таковых (либо паралинг-

вистических характеристик в случае с визуальными перцептивными экспериментами). Во избежание неверного толкования понятия «ирония» участниками эксперимента, аудиторам или зрителям предлагалось прослушать или просмотреть целевой фрагмент и соотнести его с одним из предложенных отрывков текста (с иронией или без), включающих данный целевой фрагмент. Таким образом испытуемый не знал о цели эксперимента и «подставлял» нужный фрагмент в контекст, которому соответствовало звучание либо видеоряд. В ходе акустического анализа, а также в ходе экспериментов с ресинтезированными высказываниями удалось выявить ряд признаков, которые по отдельности или в комплексе могут отвечать за выражение иронии в речи: увеличение длительности ударного гласного, которое оказалось универсалией для русского и французского языков; контраст по интенсивности (по сравнению с нейроничными высказываниями); изменение мелодических характеристик, в частности, увеличение (реже — уменьшение) мелодического диапазона во фразе либо в ударном слоге, а также изменение регистра в целом. В речи актеров лишь перепад F0 в ударном слоге оказался перцептивно релевантным признаком при слуховом восприятии; проведенные нами эксперименты свидетельствуют о том, что это связано с более важной ролью видеоряда и паралингвистических явлений в актерской речи. Полученные данные являются новыми и дополняют описание интонационной системы русского языка.

Ретроспективный взгляд на некоторые проблемы просодической фонетики

Зверев Михаил Эдуардович,

студент 2 курса

Ивановский государственный университет

Вишневская Галина Михайловна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник

Ивановский государственный университет

Как известно, просодические и интонационные акустические параметры звучащей речи — частота основного тона, длительность, амплитуда звукового давления — являются супraseгментными универсалиями фонетического модуля языкового кода. Просодическая сетка, взаимодействующая с сегментными единицами, модифицирующая и дополняющая их, всегда присутствует в речевой деятельности как нативного, так и ненативного носителя языка. С позиций истории фонетической науки можно выделить следующие звенья в становлении и развитии просодической фонетики, совпавшие по большей части с тенденциями исследований в фундаментальной, прикладной и экспериментальной лингвистике (Цеплитис, 1974; Торсуева, 1979; Гордина, 2006; Светозарова,

2018): 1) протопросодический¹ (ораторское искусство, начиная с античности) 2) протопросодический² (лингвистика, конец XIX — начало XX); 3) собственно просодический (начало XX — 40-е гг. XX, континуальность vs дискретность, поиск объекта, единиц, методов анализа и др.); 4) просодия синтаксических типов высказывания (20-е гг.); 5) просодия vs фонология (≈30-е гг.); 6) просодия vs синтаксис (≈40–50-е гг.); 7) формальные и функциональные исследования (≈конец 50-х — начало 60-х гг.);

8) «просодический бум» и «дискурсивный бум» (70–90-е гг.); 9) мультидисциплинарные, функциональные и когнитивные исследования, просодическая семантика, компьютерный анализ речи, речевые технологии, исследования в области ненативной речи и др. (конец XX — настоящее время). Остановимся на наиболее релевантных звеньях в истории российской просодической фонетики.

Хорошо известно, что собственно просодией и интонацией стали заниматься в начале XX в., однако некоторые тенденции уже прослеживались с конца XIX в. и ранее в теории публичной речи. Отметим, что на экспериментальное (инструментальное, аппаратно-программное) изучение не только супrasegmentных фактов языка и речи, но и segmentных повлияли классические работы Л. В. Щербы («Субъективный и объективный метод в фонетике», 1909; «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», 1931 и др.), а также его некоторые концепции в области синтаксической фонетики. В 70-90-е годы произошел так называемый «просодический бум», что привело к некоторой фрагментации (дезинтеграции) дисциплины. Приблизительно в то же самое время фокус исследователей переместился с фразового просодического уровня на дискурсивный («дискурсивный бум») (Дубовский, 1978; Кривнова, 2015).

Настоящий доклад в силу объективных причин не может дать исчерпывающий ответ на вопросы просодической науки, однако позволяет проследить основные этапы просодической историографии. Реконструкция и документирование фактов данной сферы, на наш взгляд, может внести весомый вклад не только в фундаментальную фонетическую науку, но и в прикладную.

Детские слова (nursery words) с точки зрения звукоизобразительности (на материале финно-угорских языков)

Иванов Владимир Андреевич,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Так называемые детские слова (nursery words) служат средством общения взрослых с маленькими детьми, ср.: рус. «бибика» — то же, что «машина», «баю-бай» — то же, что «спать», только в особом «детском» языке. «Детский язык» здесь следует понимать не как речь детей, а как особый регистр общения взрослых с детьми. Научное изучение детских слов началось с работ Н. И. Ашмарина и Э. Сепира. По финно-угорским языкам имеется лишь несколько специальных работ.

Цель данной работы — анализ детских слов как особого класса изобразительной лексики. Материалом служат полевые записи автора. Функции детских слов соотносятся с коммуникативными потребностями детей. На доречевой стадии дети используют движения и звуки для установления контакта или сигнала о своем состоянии (здесь и далее опираемся на работы Н. И. Лепской). Это находит отражение в «детских междометиях»: в речи взрослых они выражают неодобрение, предостережение, побуждение; в речи детей сигнализируют о желании, отношении к чему-либо. Ср. слова — предупреждения об опасности обжечься: мар.г. «пъж» (от подражания шипению жидкости на горячем), «ѳф», удм. «ып», мокш. «уф» (от подражания дуновению). При переходе от лепета к речи появляются подражательные звуковые комплексы, обознача-

ющие целую ситуацию. Ср. мар.г. «ням-ням» 'кушать', «львы-львы» 'мыться' и т. п. Такие слова часто употребляются с глаголом «бшташ» 'делать': «ням-ням бшташ» 'кушать'. Ср. также удм. «тяп-тяп» 'париться в бане', «буль-буль» 'мыться', «тпру» 'гулять' (с губно-губным вибрантом), «мам-мам» 'кушать', «нень-нень» 'сосать грудь', употребительные также с глаголом «карыны» 'делать'. По мере развития у детей возникает потребность давать имена предметам, людям, животным. Часто такие имена воспроизводят детские лепетные структуры с повторением слогов и в этом смысле являются подражаниями с артикуляторным компонентом. Детские названия животных часто происходят от подражаний звукам этих животных, ср. мар.г. «ио» 'лошадка', «мүкә» 'коровка', или от подзывов для животных, ср. «пыйца» 'овечка' (< подзыв овец «пыйца-пыйца»); мокш. «тпруганя» 'теленка' (подзыв теленка «тпруга», с губно-губным вибрантом). Детские слова представляют серьезный интерес с точки зрения теории звукоизобразительности — не только как фоносемантические маргиналии, но и как особый класс изобразительной лексики. Они не распределяются по частям речи, и даже на фоне прочих изобразительных слов демонстрируют полифункциональность: один и тот же звуковой комплекс и называет явление, и передает отношение к нему, и выражает призыв или запрет. Таким образом, детские слова сближаются с междометиями и с идеофонами. Одна из задач исследования — выяснение места детских слов в изобразительной системе языка. Сокращения названий языков: мар.г. — горномарийский; мокш. — мокшанский; удм. — удмуртский.

О фоносемантической типологии

Климова Светлана Владимировна,

к. ф. н. доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Установление фоносемантических универсалий способствует лучшему пониманию законов, по которым развивается звукоизобразительная лексика.

При проведении этимологического анализа чрезвычайно важно понимание тенденций семантического развития дескриптивной лексики, выявление регулярных семантических переходов, привлечение типологических данных [Климова 2014, 2018].

Рассмотрим ряд звукоизображений, относящихся к интракинесемизмам, под которыми вслед за С. В. Ворониным [Воронин 2006, 71] понимаем обозначения внутренних процессов в сфере сознания человека: *пiр* «сжимать; укусить; тяпнуть (о собаке); *пiб* «обгрызать; покусывать; клевать; колоть»; *пaг* «грызть, обгрызать; придирааться, изводить, раздражать, ворчать»; *snatch* «хватать зубами; хватать(ся) руками»; *snar* «кусать; хватать, ловить»; *gurgle* «полоскать горло; булькать, журчать (о воде)»; *guggle* (1) «бульканье; жарг. дыхательное горло»; *guggle* (2) «булькать; вытекать с бульканьем (о жидкости)»; *chamр* «чавкать, жевать; грызть удила; раздавливать, разминать»; *choke* «задышаться, задавить»; *buff* «говорить заикаясь; лопнуть; смягчать удар»; *falter* «спотыкаться, заикаясь»; *stut* «заикаясь, спотыкаться». Этот ряд можно было бы продолжить.

Все вышеперечисленные глаголы являются полисемантическими и обозначают как различные физиологические процессы, так и процессы, внешние по отношению к человеку. С целью установления направленности семантических связей был про-

веден этимологический анализ данных лексем, в ходе которого было установлено, что внутреннее подражание предшествует подражанию внешнему.

Представляется, что в случае полисемии первичность внутреннего подражания можно отнести к фоносемантическим универсалиям.

Литература

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
2. Климова С. В. Модели семантического развития английских звукоизобразительных глаголов // Англистика XXI века / Материалы VII Всероссийской межвузовской научно-методической конференции 21–23 января 2014 г. СПб: СПбГУ, 2014. С. 344–345.
3. Климова С. В. О семантическом развитии звукоизображений // Англистика XXI века / Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции 24–26 января 2018. СПб: Университетские Образовательные Округа, 2018. С. 415–418.

Всегда ли лохматый вахлак хорохорится?

Кузьмич Ирина Васильевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Одним из постулатов фоносемантической теории является «аномальность» формы и звуковой оболочки звукоизобразительного слова. Звукоизобразительные слова также характеризуются высокой степенью экспрессивности. В рамках исследования был проведен фоносемантический анализ синонимов экспрессивных слов с «аномальным» статусом — это устаревшие или малоупотребительные слова, находящиеся на периферии русского литературного языка. Первым этапом было выяснение звукоизобразительного статуса исходного слова. Если слово оказывалось звукоизобразительным, проводился фоносемантический анализ его синонимов. Проведенный анализ синонимов звукоизобразительных слов показал наличие значительного количества звукоизобразительных основ, соответствующих общей модели «признак/качество/форма — звуковой образ». Также прослеживается связь слов этой категории с диалектными словами, жаргонизмами и словами из родственных языков, напр. у ключевого звукоизобразительного слова «вахлак» — «шишка, желвак, опухоль» → «неуклюжий, грубый, неотесанный мужчина» есть звукоизобразительные синонимы «тютя», «мямля», «пентюх».

Сравнительный анализ распознавания по речи состояния и возраста детей человеком и машиной

Ляксо Елена Евгеньевна,

д. б. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Григорьев Алексей Сергеевич,

к. б. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Фролова Ольга Владимировна,

к. б. н., научный сотрудник
Санкт-Петербургский Государственный Университет

Матвеев Юрий Николаевич,

д. ф.-м. н., профессор
Национальный исследовательский университет ИТМО

Матвеев Антон Юрьевич,

аспирант
Национальный исследовательский университет ИТМО

Николаев Александр Сергеевич,

аспирант
Санкт-Петербургский Государственный Университет

Для изучения речевого онтогенеза и дизонтогенеза создана база данных «AD_CHILD.RU», содержащая речевой материал 392 детей в возрасте 4–16 лет с диагнозами: с расстройствами аутистического спектра (РАС), синдромом Дауна (СД), смешанными специфическими расстройствами психологического развития (ССР), интеллектуальными нарушениями — умственной отсталостью (УО), детским церебральным параличом, легкими неврологическими нарушениями и типично развивающихся (ТР) детей (контроль). Объем базы составляет 1,5 Тб. Проведены серии перцептивных экспериментов, осуществляемых взрослыми, и машинное распознавание психоневрологического и эмоционального состояния ТР детей, детей с РАС и СД, их возраста. Речевой материал детей отобран из базы «AD_CHILD.RU». В исследовании приняли участие 400 аудиторов — носителей русского языка. Для перцептивного исследования подготовлено 20 тестовых последовательностей. При определении психоневрологического статуса детей аудиторы определяют речевой материал ТР детей как принадлежащий детям с типичным развитием, детей с СД и РАС — как сигналы детей с нарушением развития, при более точном определении состояния детей с СД. Автоматическая классификация показала правильное отнесение речевого материала к РАС (полнота — 0,658; точность — 0,424), к СД — 60 (полнота — 0,5; точность — 0,619), к ТР (полнота — 0,733; точность — 0,885). Автоматически типичное развитие определяется с большей точностью, чем атипичное. Сравнение распознавания эмоционального состояния «комфорт — нейтральное — дискомфорт» детей 6–12 лет человеком и машиной показало сходную зависимость в отношении распознавания комфортного состояния: у ТР детей определяется хуже, чем детей с РАС и СД. В отношении состояния

дискомфорта — в перцептивном эксперименте лучшее распознавание было по речи детей с РАС и СД, в автоматическом — по речи ТР детей. В целом эмоциональное состояние детей с РАС распознается машиной с большей точностью и полнотой, по сравнению с эмоциональным состоянием ТР детей и детей с СД. Возраст детей (7–10 лет) аудиторы определяют плохо, указывая на более низкий, чем реальный, при лучшем определении возраста ТР детей и худшем — детей с СД. При автоматическом распознавании, младший возраст — 7–8 лет определяется лучше (точность — 0,792), чем возраст детей — 9–10 лет (точность — 0,799). В исследовании впервые на материале русского языка проведено автоматическое распознавание психоневрологического состояния детей с атипичным развитием, их эмоционального состояния и возраста по спонтанной речи. В дальнейшем используемый подход может быть положен в основу разработки обучающих систем для детей с атипичным развитием и использоваться в качестве дополнительного метода диагностики.

Особенности фонестемной группы «BR-» английского языка

Мальшева Валерия Николаевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Явление фонестемного звукового символизма остается дискуссионным вопросом фоносемантики. Уточнению этого понятия способствует появление все большего числа исследований на материале разных языков (Sadovsky, 2001; Smith, 2016; Abelin, 2015); тем не менее, даже исследования английских фонестемных групп не дают однозначной картины относительно происхождения фонестемных групп и семантической связи между их членами. В данной работе проводится диахронический анализ слов фонестемной группы BR- английского языка с целью определить их общие черты и уточнить критерии выделения фонестемных групп. Отбор материала производится методом сплошной выборки по словарям (Oxford English Dictionary, 1989; Флакман, 2016). Материал подвергается фоносемантическому и этимологическому анализу. В результате исследования нам удалось сделать следующие выводы: слова группы содержат в своей семантике значение неприятного ощущения: акустического, психологического или осязательного; разделение группы на семантические подгруппы (громкое / внезапное, резкое / острое, колючее) не обнаруживает фонетического соответствия; часть глаголов, являющихся членами фонестемной группы, содержат L-формант; исследование их семантики подтверждает использование форманта для передачи значения множественности действия (Бартко, 2002); Также этимологический анализ фонестемной группы BR- в английском языке позволяет предположить, что критерии отнесения слова к фонестемной группе должны включать акустические параметры слов в целом. Ряд слов исследованной группы, можно классифицировать как звукоподражания на основании учета их фоносемантических характеристик. Последнее сближает слова фонестемных групп с ономатопами (Воронин, 2004). Можно сделать предположение, что слова, содержащие фонестему и одновременно являющиеся ономатопами, представляют ядро фоносемантического поля исследованной группы. Таким образом, слова фонестемной группы BR- объединяет значение неприятного ощущения (громкое, резкое, острое).

Этимологический и фоносемантический анализ слов показали, что часть из них (исторически) являлись звукоподражаниями.

Литература

- Бартко Н. В.* Английские изобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ. СПб., 2002.
- Воронин В. А.* Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб., 2004.
- Флакман М. А.* Словарю английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб., 2016.
- Abelin Å.* Phonaesthemes and sound symbolism in Swedish brand names. 2015.
- Oxford English Dictionary.* Oxford, 1989.
- Sadowski P.* The sound as an echo to the sense. The iconicity of English gl- words. 2001.
- Smith C. A.* Tracking semantic change in fl- monomorphemes in the Oxford English Dictionary. 2016.

Интенсивность гласных как параметр реализации ритмической структуры слова в речи носителей русского языка, проживающих в Азербайджане

Некрылова Виктория Петровна,

соискатель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Язык русскоязычного сообщества в Азербайджане представлен в особых условиях существования (вне метрополии в разноязычном социуме) и, безусловно, подвержен интерференции по причине влияния азербайджанского языка. Выявление признаков интерференции проводилось при помощи анализа ритмической структуры слова (РСС). Настоящее исследование посвящено анализу соотношения относительной интенсивности гласных ударного и безударных слогов. Основным коррелятом ударности в азербайджанском языке является интенсивность, длительность характеризуется как сопутствующий параметр. В СРЛЯ интенсивность обычно не рассматривается как параметр для выделения ударного гласного. Для проведения исследования были использованы экспериментальные записи чтения контрольных слов 12 дикторами (10 женщин и 2 мужчин, от 18 до 66 лет на момент записи); 11 человек родились в Азербайджане, 1 человек — в азербайджаноязычной семье в России. Дикторы определяют в качестве родного/основного языка русский, постоянно находятся в азербайджаноязычном окружении. Для сопоставительного аудитивного анализа подготовлены аудиозаписи эталонных дикторов русского языка (5 дикторов, 2 мужчин и 3 женщины, возраст — от 25 до 59 лет). Для дикторов-эталонов было проанализировано 560 реализаций контрольных слов, для русскоязычных дикторов в Азербайджане — 1344 реализации. Для проведения эксперимента были подготовлены материалы для чтения, состоящие из фонетических слов в изолированном произнесении, в сильной и слабой фразовой позициях в предложениях и тексте. Сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок выявил статистически достоверные различия показателей относительной интенсивности по всем типам слогов ($p \leq 0,01$) в фонетических словах, произнесенных изолированно, данный тип оформления РСС характерен для азербайджанского языка (интенсивность гласного ударного слога, как

правило, преобладает над интенсивностью гласных безударных слогов). В сильной позиции в 1-м предударном слоге отмечается меньшее (чем в СРЛЯ) противопоставление гласных просодического ядра по интенсивности. В отличие от сильной позиции, в слабой фразовой позиции русскоязычные дикторы в Азербайджане используют интенсивность (наряду с длительностью) для выделения ударного гласного в фонетическом слове. Гипотеза относительно выделения ударного гласного при помощи интенсивности у русскоязычных дикторов в Азербайджане подтвердилась — определена устойчивая тенденция к нарушению соотношения значений интенсивности в слогах просодического ядра и к выделению ударного гласного при помощи интенсивности (для РСС контрольных слов при изолированном произнесении и в слабой фразовой позиции). Полученные в результате эксперимента данные указывают на признаки деформации РСС русского языка.

К пересмотру критериев ЩФШ при определении состава фонем языка

Попов Михаил Борисович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В классической версии ЩФШ (М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич и др.) синтагматическая и парадигматическая идентификация фонемы определяется ее потенциальной связью с морфемой: 1) членение звукового континуума на фонемы определяется морфемными границами: если внутри звукового отрезка проходит морфемная граница, то там же проходит и фонемная граница (соответственно морфемный шов не может проходить внутри фонемы); 2) два монофонемных звуковых сегмента являются аллофонами одной фонемы, если они могут чередоваться в одной морфеме, находясь в дополнительной дистрибуции. При установлении состава фонем ЩФШ наиболее последовательно (на фоне других) опирается на морфемный критерий, который выступает как подлинно функциональный и обладает большой объяснительной силой. Однако абсолютизация морфемного принципа сталкивается с трудностями теоретического характера, а его последовательное применение иногда приводит к результатам, противоречащим интуиции носителя языка, что плохо согласуется с духом ЩФШ. В докладе рассматривается ряд таких примеров (разногласия в установлении фонематического статуса [š:], проблема [с] и др.).

Эти проблемы преодолимы, если скорректировать критерии идентификации фонемы, исходя из того, что фонема — языковая единица, предназначенная для образования звуковых оболочек словоформ, а не морфем. Принцип опоры на смысл в исследовательских процедурах идентификации сохраняется, но акцент переносится с межморфемных границ на межсловные при синтагматической идентификации (стык слов, в отличие от морфемного шва, не может проходить внутри фонемы), а чередования в морфеме на чередование в словоформе при парадигматической (особую роль приобретают сандхиальные позиции). Избавление от излишнего «морфематизма» не только позволит привести конкретные фонологические решения ЩФШ в соответствие с речевым поведением и интуицией носителя языка, но и приближает концепцию ЩФШ к идеям Щербы в теоретическом отношении.

Перенос акцента на морфему как ближайшую к фонеме единицу (в ряду фонема — морфема — слово), с которой фонема прежде всего связана, на определенном этапе развития фонологии носил объективный характер. Фонология возникла прежде всего как фонология слова, поэтому было естественным на первом этапе фонологического исследования (сегментации на фонемы) опираться на границы внутри слова, т. е. морфемные. Однако фонология слова должна руководствоваться не межморфемными, а межсловными границами. Соответственно полем приложения фонологических процедур оказывается не словоформа, а синтагма. Для Щербы живой речевой единицей была именно синтагма, которую он понимал как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое представление в процессе речи-мысли», а слово выступало как предел свертывания синтагмы, т. е. «синтагма, включенная в систему языка».

Восприятие английской ономотопеи носителями русского и китайского языка в процессе экстенсивного чтения*

Седёлкина Юлия Георгиевна,

к. п. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Матинова Виктория Львовна,

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Звукоподражательная лексика (ономотопея) интерпретирует звуковой признак денотата. Несмотря на то, что фонетическая форма ономотопов зависит от языковой картины мира носителей того или иного языка, эта лексика обладает определенным сходством и носит универсальный характер, что свидетельствует о ее лингводидактическом потенциале. Ономотопы часто относят к так называемой «зоне языкового комфорта», что объясняет их эффективность в процессе овладения родным языком, а также в логопедической и коррекционной практике. Использование же ономотопеи в практике обучения иностранным языкам остается недостаточно изученным. Есть сведения о том, что опора на фоносемантические ассоциации способствует расширению словарного запаса при изучении немецкого, английского, а также русского языков как иностранных. Фокус данного исследования направлен на восприятие английских ономотопов носителями русского (N=9) и китайского (N=10) языков в процессе экстенсивного чтения романов Ч. Диккенса «Оливер Твист» и Н. Эванса «Заклинатель». Во время самостоятельного чтения учащимися больших объемов аутентичных художественных текстов (ок. 60 страниц печатного текста в неделю) происходит мысленное озвучивание читаемого, что выносит на поверхность фоносемантические явления. Благодаря этому учащиеся могут догадываться о значении незнакомых слов не только из контекста, но и благодаря их звучанию. Таким образом, смещение акцента на понимание приводит к произвольному усвоению иностранного языка. Отличительной

---

* Исследование проводится в рамках проекта «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка» (РФФИ, проект № 20-013-00575 А).

особенностью нашего исследования является учет стадий деиконизации звукоподражательной лексики от наиболее ярких, новых ономатопов, имеющих ряд внесистемных черт, на первой стадии (англ. tat-tat-tat, рус. тр-тр-тр), до утративших «первичную» семантику слов, на четвертой стадии (англ. bounce, рус. отскакивать). Основной задачей было выяснить, опираются ли учащиеся на ономатопою при семантизации незнакомых слов в процессе экстенсивного чтения на английском языке, и зависит ли этот процесс от степени деиконизации слова. Предварительные результаты показали, что ономатопою помогает учащимся устанавливать связи между формой и значением слова. Лексические списки учащихся на 10% состоят из ономатопов, большинство из которых находятся на второй стадии деиконизации, когда естественная связь между звучанием и значением слова очевидна (англ. fuzz «дребезжащий звук электрогитары», crack, рус. треск). Это частично согласуется с результатами нашего предыдущего исследования визуального восприятия звукоизобразительности.

Оценка иноязычной речи студентов-лингвистов преподавателями фонетики: аспект восприятия

Сухова Наталья Витальевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Современная образовательная среда влияет на изменения учебных планов и программ дисциплин. Набор и содержание программ лингвистических профилей уходит от баланса теоретических и практических языковых дисциплин в сторону предметов, нацеленных на формирование универсальных и профессиональных компетенций.

В кругу преподавателей традиционных лингвистических дисциплин появляются молодые кадры, которые воспитывались в духе компетентностного подхода.

Все чаще в перечне дисциплин в программе бакалавриата «Лингвистика» находим, что «Практическая фонетика английского языка» сводится к годовому курсу (108 академических часов в семестр), или вовсе отсутствует.

Однако если такой предмет есть, то преподаватели оказываются очень разнородными в своем образовании, опыте и восприятии.

Данная работа посвящена анализу критериев оценки студенческих аудиозаписей преподавателями-фонетистами и является продолжением уже завершенного проекта (Sukhova, 2021). Гипотеза исследования состоит в том, что речь студентов оценивается преподавателями-фонетистами вне зависимости от критериальных установок (их отсутствия vs строго заданной матрицы оценки по сегментному и супraseгментному уровням), что в результирующем анализе покажет, что речь оценивается также, как произведение живописи. Для проверки гипотезы была выбрана нейроэстетическая модель коллектива авторов (Pelowski, Markey, Forster et al., 2017) VIMAP — The Vienna Integrated Model of top-down and bottom-up processes in Art Perception.

Методика проведения данного исследования заключается в том, что преподаватели «Практической фонетики» оценивают одни и те же студенческие записи сначала в свободном режиме, без предписаний, а потом по заданному алгоритму. Полученные результаты должны доказать или опровергнуть гипотезу.

Философским основанием исследования являются идеи о том, что уменьшение фонетики как дисциплины лингвистических профилей приводит к непрофессионализму со стороны преподавателей, а с другой, — что фонетическая сторона речи воспринимается индивидуально, почти также, как произведения искусства, что не имеет прямого отношения к глубоким предметным знаниям.

Литература

Sukhova N. V. (2021). Phonetics as an Art: Real or Surreal Assessment Criteria? In: Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Y. A. (eds) *Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. Numanities — Arts and Humanities in Progress*, vol 20. Springer, Cham.

Pelowski M., Markey P. S., Forster M., Gerger G., Leder H. (2017). Move Me, Astonish Me... Delight My Eyes and Brain: The Vienna Integrated Model of Top-down and Bottom-up Processes in Art Perception (VIMAP) and Corresponding Affective, Evaluative, and Neuropsychological Correlates. *Physics of Life Reviews* 21: 80–125.

Структурные модели и фреймы: проблемы применения Универсальной классификации ономастопов

Флакман Мария Алексеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Универсальная классификация ономастопов (далее УКО) была разработана С. В. Ворониным в 1969 году и с тех пор неоднократно дополнялась и дорабатывалась автором. Наиболее полно и подробно она изложена в монографии «Английские ономастопы» (Воронин 1998).

Подход к классификации ономастопоэтической (звукоподражательной) лексики, использованный автором, являлся революционным. С. В. Воронин отошел от чисто семантического подхода, согласно которому, звукоподражания классифицировались исключительно как «звуки природы», «звуки животных» и т. п. Взамен он предложил подход фоно-семантический. Новая, фоносемантическая, классификация впервые включала учет (и классификацию) основных признаков (звукового) денотата звукоподражательных слов. Деление на классы и гипер-классы ономастопов в УКО основывалось на типологии иконических связей между формой слова (его звукового облика) и его значением (звуковым денотатом).

Классификация основывалась на идее, что звуки речи, используемые при имитации, обладают акустическими характеристиками, гомоморфными широко определяемым акустическим характеристикам природных звучаний (Воронин 2006). Акустические характеристики звуков речи кодируются в фонемах, и фонемы языка, входящие в состав звукоподражаний, таким образом, помимо основных функций (словообразующей и смысловоразличительной), имеют еще одну, дополнительную — функцию референции (к акустическим характеристикам природных звучаний). Регулярно повторяющиеся референтные паттерны и составляют объективную (т. е. не зависящую от интерпретации) основу УКО. Классификация позволила выделить конечное число структурных «моделей», описывающих весь звукоподражательный лексикон отдельно взятого языка.

УКО изначально разрабатывалась на материале английского (языка аналитического типа). Позднее она была успешно опробована на материале других, в том числе, неиндоевропейских языков (Канкия 1988; Вельди 1988).

Результаты последующих исследований, в целом, подтвердили состоятельность фоно-семантического подхода к классификации и ее универсальность УКО — выделение иконических паттернов при звуковой имитации оказалось возможным на материале языков, структурно отличающихся друг от друга.

Несмотря на это, двумя основными проблемами применения УКО до сих пор остаются (1) большое количество и несовпадение структурных моделей для разных языков и (2) изменение структурных моделей в диахронии (Флакман 2015; 2020).

Решением обеих проблем, предлагаемым в настоящем докладе, является замена структурных моделей на более широкие и «подвижные» структурные фреймы, основывающиеся на типах звукоподражательных функций фонем, входящих в состав ономаатопов.

Звукоподражательная валентность глаголов движения (на материале английского языка)

Шамина Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

С позиций теории мотивированности языкового знака и когнитивной лингвистики, исследующей принципы номинации, иконический характер глаголов движения может представляться двойственным. В самом деле, движения, осуществляемые в воздушной (или водной) среде, обычно сопровождаются звуком, акустические характеристики которого меняются в зависимости от типа движения. Это соображение подтверждается наблюдением английского поэта Р.Саути: *Sounds and motions for ever and ever are blending* («Движение и звук воедино сливая», перевод Т.Лешкевич, ср. (Шамина, 2019)). Таким образом, в основу иконической номинации движения могут быть положены как собственно кинетические, так и акустические его признаки, и, следовательно, звуковую форму глаголов движения можно рассматривать в качестве ономаатопозэтического отображения звуков внешнего мира (ср. (Воронин, 2004)). Настоящее исследование посвящено проверке данной гипотезы.

Глаголы движения в последнее время подвергаются пристальному изучению. Эта группа глаголов в английском языке рассматривалась с разных точек зрения: функционально-семантической (Абрамова, 2008; Ярема, 2008), фоносемантической (Беседина, 2019; Лихоманова, 1986), переводоведческой (Шамина, 2021). В целях данной работы из словарей современного английского языка были отобраны 729 глаголов конкретного физического движения [i].

В соответствии с данными фоносемантического словаря (Флакман, 2016), 17% из них имеют подтвержденный звукоподражательный статус.

Семантический анализ позволил выявить среди них 334 глагола передвижения субъекта, которые группируются в 7 подклассов в соответствии с типом обозначаемого движения. Изучение их звукоизобразительного потенциала анализ приводит к следующим заключениям:

- глаголы быстрого передвижения, в основном, имеют признаки фреквентативов: *barge, frisk*;
- для глаголов резкого передвижения типична фонетическая форма инстантов и инстантов-континуантов: *dodge, hop*;
- глаголы медленного передвижения чаще всего характеризуются как континуанты и инстанты-континуанты: *clump, hobble*;
- звуковая форма большинства глаголов вращательного движения может быть описана как фреквентатив: *roll, turn*;
- глаголы скользящего передвижения содержат шумные щелевые или /l/, т. е. демонстрируют форму континуантов: *glide, skid*.

Звуковая форма глаголов колебательного движения может быть описана всеми основными звукоподражательными моделями, а не поддаются оноματοпоэтической классификации менее 3% рассматриваемого материала. Полученные данные убедительно доказывают принципиально иконический характер фонетической формы современных английских глаголов движения, соответствующий когнитивным основаниям примарной мотивированности языкового знака.

Автор выражает искреннюю признательность Н. Хеймонен за помощь в сборе материала.

Фонема /a\ телеутского языка: аллофонное варьирование

Шестера Елена Александровна,

преподаватель

Новосибирский государственный технический университет

Излагаются результаты работы, полученные методом спектрографирования кратких гласных /a/ телеутского языка. Лингвистический материал был собран в полевых условиях от носителей телеутского языка.

Были выделены и описаны фонемы /a/ в следующих моносиллабах: мал 'лошадь', найм 'мой друг', таш 'камень', жай 'лето' и бисиллабах с однородной вокальной осью: пала 'ребенок', табак 'чашка', таңда 'завтра' жалбак 'широкий', ача 'брат'. Данные словоформы были записаны в произношении трех дикторов, носителей телеутского языка, проживающих в Кемеровской области РФ. Запись осуществлялась на диктофон в формате mp3, данные конвертировались в формат wav с помощью Freemake Audio Converter. При обработке звуковых файлов использовалась программа Audacity, при расшифровке и анализе материалов использовалась компьютерная программа Praat. В результате исследования были получены следующие результаты: твердорядные фонема /a/ имеет в общем центральнозаднерядные настройки аллофонов, различающиеся по сдвинуто-сти вперед или назад. Кроме того, твердорядная фонема /a/ может реализовываться в центральнорядных и переднерядных оттенках. Фонема а, реализуясь в твердорядных словоформах в речи разных дикторов, представлена в телеутском языке следующими аллофонами: [æ], [a] — после мягких согласных (жай 'лето', жалбак 'широкий', ача 'брат'), [a̠], [a̠], [v], [ɑ], [ɑ], [ɒ] — после твердых согласных (мал 'лошадь', найм 'мой друг', жалбак 'широкий', пала 'ребенок', раак 'далеко', таш 'камень',

табак 'чашка', танда 'завтра'). Частотной является дополнительная артикуляция — черпалонадгортанализация, встречается также скрипучая фонация и напряженность гласных.

Было выявлено, что один лишь спектральный анализ не является достаточно надежным методом для описания телеутской фонемы а. Так, для фонемы а был выявлен в числе прочих аллофонов аллофон [ъ], который по своим формантным и артикуляторным характеристикам относится скорее к фонеме ь.

Таким образом, для определения аллофонов телеутской фонемы а важно не только формантное распределение, но также характер реализации формант на протяжении всего гласного, их соотношение с другими параметрами, например, интенсивностью, напряженностью, и слуховой анализ.

Литература

Гаврилин Н. В. Рентгенограммы гласных в бачатско-телеутском языке // Фонетика сибирских языков. — Новосибирск, 1985. С. 59–68.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Селютин И. Я. Фонемы [a]´ и [a:] в языке кумандинцев // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 17–25.

Уртегешев Н. С. Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: дис. ... д.филол.наук. Новосибирск, 2021. Режим доступа: <https://www.philology.nsc.ru/dissove>

Лингвистический потенциал перцептивной базы иностранного языка: теоретические и методологические аспекты

Шпак Наталья Евгеньевна,

к. п. н., доцент

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Чугаева Татьяна Николаевна,

д. ф. н.,

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Восприятие звучащей речи остается в центре исследований многих научных направлений. Однако единства взглядов на закономерности перцептивных процессов не достигнуто; основы общей теории восприятия и прикладные аспекты нуждаются в дальнейшем изучении. В контексте дискуссии о механизмах восприятия речи, особую значимость имеет системное представление о перцептивной базе языка (ПБ) (Джапаридзе 1985) в его расширительной трактовке (Зиндер, Штерн, 1988; Штерн 1991), когда в набор перцептивных эталонов кроме единиц фонетического уровня, включаются слова и ядерные синтаксические конструкции.

С позиции воспринимающего ПБ понимается как вероятностная уровневая структура языковых единиц, пронизанных существенными лингвистическими признаками (СЛП) (Штерн 1991). Характеризуя форму языковых единиц, комплекс СЛП опосредует доступ к перцептивному эталону и его осмыслению на семантическом уровне. Частотное ядро ПБ представлено перцептивными прототипами слов и синтаксических конструкций (Чугаева 2009).

Петербургская лингвистическая школа традиционно признает теоретическое и прикладное значение ПБ; в трудах Л. Р. Зиндера и др. намечена перспектива решения и постановка новых актуальных исследовательских задач (Зиндер 1986: 42; 1997: 92).

Особо важно формирование ПБ при освоении нового языка для распознавания единиц в потоке речи, вычленения словоформ и определения границ высказывания.

Следуя щербовскому принципу единства исследования и преподавания, на основе данной теории разработана методика диагностики перцептивных умений и методическая система целенаправленного обучения восприятию англоязычной речи (Практикум по аудированию английской речи, Пермь, 2005). Апробация подхода доказала свою эффективность в многолетней практике. В типичной ситуации недосформированности перцептивных механизмов у обучающихся (подтвержденное многочисленными экспериментальными данными, см. Чугаева 1989, 2007, 2009; Байбурова 2002; Порческу 2013), когда требуется их кардинальная перестройка, особенно важным представляется системное формирование ПБ.

Предложенная модель ПБ базируется на «установлении связи между действительно системными явлениями языка и скрытой от непосредственного наблюдения системностью речевой деятельности» (Бондарко Л. В. 1998), что позволяет не только объяснить принципы хранения в сознании и применения языка, но и усовершенствовать методологию обучения языкам, поскольку лишь постижение закономерностей процесса его усвоения (Леонтьев 1988, Grosjean 2008) является единственным способом коренного улучшения преподавания.

Аффрикаты с продленной фрикацией в русском языке

Штудинер Михаил Абрамович,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Долгие аффрикаты, как и другие долгие согласные, в исконных русских словах появились в результате утраты сверхкратких гласных в слабой позиции.

Из сочетаний зубного смычного согласного с последующим зубным или переднеязычным фрикативным в результате ассимиляции по способу (в сочетаниях с переднеязычным фрикативным согласным) и по месту образования возникли аффрикаты с продленным фрикативным элементом. В современном русском языке этот тип долгих аффрикат выступает на стыке морфем в интервокальной позиции, например: о[z³]ыв (отзыв), по[цс]судимый (подсудимый), по[z'з']емный (подземный), о[ц'с']екать (отсекать), позабó[ц'с']я (позаботься), о[žж]ать отжать), по[чш]ивка (подшивка), млá[чш]ий (младший), о[ч'ш']епить (отщепить), а также внутри морфемы, например: [ч'ш']ательно (тщательно), [ч'ш']ётный (тщетный). В более отчетливой речи вместо аффрикат с продленным фрикативным элементом [zз] и [цс] могут произноситься более сложные звуковые комплексы: аффрикаты с долгим затвором и продленным фрикативным элементом [z:з] и [ц:с]

О правомерности выделения аффрикат с долгой фрикацией как целостных согласных звуков может свидетельствовать тот факт, что в тех славянских языках, в которых долгие согласные не сохраняются, сокращению подверглись и аффрикаты с продленным фрикативным элементом. Например, в чешских словах *podzemní*,

předseda, nadživotní, kratší, podšívka в соответствии с орфографическими сочетаниями dz, ds, dž, tš и dš произносятся аффрикаты нормальной длительности.

Представление о целостной, единой артикуляции фонетических сегментов, которым на письме соответствуют последовательности букв ts и tš, вполне согласуется с экспериментальными данными о взаимовлиянии согласных в сочетаниях «глухой смычный+фрикативный». Как указывают Л. А. Вербицкая и Л. Р. Зиндер, в данных фонетических сегментах «часто происходит смешение характерных признаков»: шум щелевого возникает одновременно со взрывом смычного. Опыты по восприятию показали, что если предъявлять аудиторам взрыв смычного длительностью в 15–20 мсек (шум фрикативного при этом уже слышен), то вероятность верного опознавания его будет выше, чем при предъявлении всего взрыва. В данном случае глухой смычный опознается в основном по переходу предшествующего гласного. Ухудшение восприятия при прибавлении шума взрыва авторы объясняют тем, что в спектре его имеются признаки шума следующего фрикативного, что и затрудняет восприятие. (Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. К вопросу о сочетаниях согласных в русской речи. — Филологические науки, 1969, № 3, с. 46).

Восприятие гласных среднего подъема в бразильском португальском в зависимости от языкового доминирования у поздних русско-португальских билингвов

Smirnova Henriques Anna,

к. б. н.
PUC-SP (Pontificia Universidade Católica de São Paulo),
Папский Католический Университет Сан-Паулу

Скрелин Павел Анатольевич,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Madureira Sandra,

PhD профессор
PUC-SP (Pontificia Universidade Católica de São Paulo),
Папский Католический Университет Сан-Паулу, Бразилия

Одной из основных трудностей в освоении звуков португальского языка для носителей большинства других языков является различие на слух и в произношении открытых и закрытых гласных среднего подъема. В португальском контрасты между гласными среднего подъема по признаку открытости/закрытости в парах /ε, e/ и /ɔ, o/ имеют фундаментальное значение и определяют разницу в смысловом значении слов. В наших предыдущих работах было установлено, что средний процент правильных ответов в онлайн-тесте из 30 заданий на распознавание на слух открытых и закрытых гласных среднего подъема бразильского португальского, проведенном на 103 русскоязычных участниках эксперимента, составил 68 %. Способность различения гласных не зависела ни от способа усвоения португальского языка, ни от времени проживания в Бразилии. При анализе произношения 15 русскоязычных иммигрантов, проживающих

в Сан-Паулу, различия внутри пар /ε, e/ и /ɔ, o/ не было обнаружено ни у одного из испытуемых. Целью данной работы является прояснить факторы, которые влияют на способность различения на слух открытых и закрытых гласных среднего подъема бразильского португальского поздними русско-португальскими билингвами, живущими в Бразилии. Для этого 103 участникам, ранее прошедшим тест на восприятие гласных среднего подъема бразильского португальского, было предложено ответить на онлайн-анкету для определения языкового доминирования у билингвов (Bilingual Language Profile), разработанную Birdsong и другими. Эта анкета включает 19 вопросов об опыте использования языков, процентном соотношении использования языков в разных областях повседневной жизни, языковой компетентности и отношении к языкам. Все ответы выражаются численно и используются для вычисления коэффициента языкового доминирования, который варьирует от -218 (доминантный русский язык) до 218 (доминантный португальский язык). Из 103 участников первого эксперимента онлайн-анкету заполнил 31 человек.

В среднем участники прожили в Бразилии 7,6 года (среднеквадратическое отклонение 3,9 года), средний процент их правильных ответов в тесте на распознавание на слух открытых и закрытых гласных среднего подъема бразильского португальского был 70%. Корреляция со временем проживания в Бразилии отсутствовала (коэффициент корреляции Спирмена 0,16612, $p = 0,37178$), в то же время была обнаружена положительная корреляция с коэффициентом языкового доминирования (коэффициент корреляции Спирмена 0,51128, $p = 0,00329$). На следующем этапе планируется проанализировать, какие факторы из используемых для вычисления коэффициента языкового доминирования у билингвов имеют наибольшее влияние на способность распознавания поздними русско-португальскими билингвами, проживающими в Бразилии, открытых и закрытых гласных среднего подъема португальского языка.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

Грамматика (романо-германистика)

Аспект как грамматическая и семантическая категория в испанских герундиальных перифразах

Алыпина Светлана Алексеевна,

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Глагольные перифразы с герундием существуют практически во всех романских языках, но особенно широко они представлены в языках иберо-романской подгруппы. Предметом данного исследования является анализ зависимости механизма грамматикализации герундиальных перифраз в испанском языке от аспектуального класса смыслового глагола. В основе разделения глаголов на аспектуальные классы лежит теория американского исследователя Зено Вендлера. Данная классификация подразумевает английскую терминологию, выделяются так называемые классы «states», «activities», «accomplishments» и «achievements» (в статьях Е. В. Падучевой звучат следующие варианты перевода: «стативы», «деятельности», «совершения» и «достижения»). Глаголы, относящиеся к классу «states» (стативы), представляют собой длительные состояния, не предполагающие существования некоего временного предела и в норме не сочетающиеся с обстоятельствами срока завершения. Глаголы, относящиеся к классу «activities» (деятельности) обозначают динамические события, обладающие определенной длительностью, но не обладающие предельностью, в чем и состоит их основное отличие от глаголов, относящихся к классу «accomplishments» (совершения), характеризующихся предельностью, динамичностью и длительностью. Глаголы, относящиеся к классу «achievements» (достижения), обладают динамичностью и временным пределом, но, в отличие от класса «accomplishments», не обладают длительностью.

Объектом данного исследования стали глагольные перифразы с четырьмя вспомогательными глаголами (*estar*, *ir*, *andar* и *venir*), встречающиеся в современном испанском языке с различной степенью частотности. Цель настоящей работы — описание возможностей сочетания глаголов четырех аспектуальных классов с рассматриваемыми герундиальными перифразами. Материалом исследования послужили контексты, заимствованные из корпуса современного испанского языка RAE CORPES XXI, где был рассмотрен только пиренейский национальный вариант. Подробно было проанализировано около 4500 контекстов.

Было обнаружено, что герундиальные перифразы, в целом, чаще всего сочетаются с аспектуальным классом «accomplishments», так как данный класс обладает необходимой для перифраз с герундием дуративностью и динамичностью, а также содержит лексемы, семантически «стремящиеся» к достижению предела, то есть способные придавать глагольной группе градуальность, поэтапность, эффект накопления результата.

Реже всего в сочетании с герундиальными перифразами вступают глаголы класса «states», так как они не обладают необходимой для данного грамматического сочетания

динамичностью. Также в них отсутствует телический компонент, наличие которого, как показало исследование, также важно для герундиальных перифраз.

Вариативность наклонений в эпистемических конструкциях с пропозициональным дополнением в испанском и итальянском языках

Ануфриев Александр Александрович,

к. ф. н., научный сотрудник
Институт языкознания РАН

С помощью так называемых глаголов внутреннего состояния (знать, полагать) говорящий описывает ментальные состояния субъекта (знание, мнение, сожаление). Глаголы и близкие по значению предикативы, описывающие оценку вероятности ситуации (эпистемическую оценку), могут употребляться в конструкции пропозиционального дополнения, выступая в роли модального оператора (знаю, кажется, что...). Как известно, семантика оценочного предиката во многом задается непосредственно контекстом употребления и зависит от множества прагматических факторов, что в целом характерно для предикатов внутреннего состояния как оценочных недескриптивных лексем.

Безличные пропозициональные конструкции типа *parece que, pare che* ('похоже, что') весьма частотны в романских языках. Как правило, они описывают эпистемическую гипотезу невысокой степени уверенности. Семантика глагола со значением 'казаться' в подобных контекстах значительно отличается от контекстов с личными местоимениями (*me/te parece que*). При этом оттенок значения глагола также задается множеством прагматических факторов. Нам представляется интересным сравнить типовые прагматические контексты употребления конструкции в испанском и итальянском языках. Используя корпусные данные, особое внимание при этом хотелось бы уделить особенностям употребления наклонения глагола в зависимой части конструкции. Притом, что нормативная грамматика предписывает испанскому языку употребление индикатива (*parece que vienen*), а итальянскому — конъюнктива (*pare che venga*), в узусе оппозиция индикатив-косвенное наклонение (*subjuntivo* или *congiuntivo*) является актуальной.

Таким образом, имеет место вариативность (*alternancia/alternanza*), и употребление того или иного наклонения может корректировать семантику оценочного глагола, выводя на первый план одни оттенки значения и ослабляя другие. Несмотря на различное соотношение употребления маркированного и немаркированного наклонения, налицо наличие схожих прагматических факторов, обуславливающих возможность употребления индикатива или косвенного наклонения в обоих языках.

Так, индикатив в обоих языках чаще употребляется в контекстах, где гипотеза подкрепляется доказательствами, а косвенное наклонение в контекстах, где эксплицируется иллюзорность, несостоятельность точки зрения.

Ряд употреблений ненормативного для каждого из двух языков наклонения с трудом поддается мотивировке, и, скорее всего, в таких случаях наблюдается нейтрализация оппозиции индикатива и субхунтива/конъюнктива, в принципе характерная для современного состояния романских языков и для оценочных пропозициональных конструкций в частности.

Наиболее яркие морфо-синтаксические черты italiano neo-standard в современном итальянском кино

Громыко Мария Дмитриевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен изучению феномена italiano neo-standard на материале сценариев современных итальянских фильмов: «La bellezza del somaro», реж. С. Каstellитто, 2010; «Smetto quando voglio», реж. С. Сибилла, 2014; «Mettila la nonna in freezer», реж. Дж. Фонтана, Дж. Стази, 2018; «Villetta con ospiti», реж. И. Де Маттео, 2019. Цель работы — проследить и проанализировать реализацию наиболее ярких черт italiano neo-standard в перечисленных кинокартинах.

Ввиду труднодоступности сценариев итальянский кинематограф редко становится предметом изучения российских итальянистов, но в Италии интерес к языку сквозь призму кино начиная с середины 50-х гг. вылился в формирование научной дисциплины *filmologia linguistica* («лингвистическая фильмология») в работах А. Менарини, а затем С. Раффаэлли и Ф. Росси. Кинодиалоги заслуживают пристального внимания социолингвистики в свете сложной природы этого типа текста, находящегося на стыке устной и письменной речи и призванного стать «зеркалом» итальянского общества. В числе других новых для XX века средств коммуникации кинематограф ускорил процесс языковой унификации населения Италии, а после эпохи неореализма, которая полномерно вывела на экраны языковую вариативность, в итальянских фильмах начал формироваться новый народный язык, не соответствующий официальной норме. Серьезные изменения в лингвистической составляющей кино и усиление научного интереса к ним происходили параллельно с появлением исследований о рестандартизации итальянского языка, основным понятием которых является феномен italiano neo-standard («новый стандарт итальянского языка»).

На основе известных списков черт новой нормы (Sabatini 1985, D'Achille 2010, Berruto 2012) в фильмах были выделены самые частотные морфо-синтаксические характеристики неостандарта. Полученные явления были разделены на четыре больших тематических блока: топиализация и сегментация предложений, многофункциональный коннектор *che*, глагольные формы, местоимения. Наиболее показательные примеры были проанализированы с точки зрения нормативной грамматики.

Исследование показало, что вышеперечисленные характеристики в большом количестве обнаруживаются в кинодиалогах популярных современных итальянских фильмов, что, очевидно, свидетельствует об их укоренении в языковом обиходе итальянцев. Кино, распространяя эти явления в доступной форме, соединяющей звуковые впечатления с визуальными, не только влияет на закрепление нового языкового стандарта среди носителей, но также посредством показа этих фильмов в оригинальной озвучке за границей внедряет эту норму в практику людей, изучающих итальянский как иностранный, а также в какой-то мере обновляет языковые знания у итальянцев-экспатив.

Макростратегия похвалы в текстах протестантских псалмов XVIII в.

Дмитриева Мария Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью доклада является анализ способов вербального проявления коммуникативной стратегии похвалы в текстовом материале нидерландских евангелических псалмов в стихотворной форме, изданных единым сборником в Амстердаме в 1806 г. Общую макростратегию текстов можно обозначить как прославление величия Бога во всех аспектах и разнообразных проявлениях по отношению к человеку. Особенности речевого акта хвалы / похвалы рассматривались с точки зрения теории речевых актов, лингвистики текста, прагматики и теории дискурса. В частности, в общей концепции семантической грамматики А. Вежбицкой с учетом культурологической специфики похвала определяется как «эмоционально заряженные оценочные речевые акты, такие как восторженное восхваление» [Вежбицкая 2011: 185]. Более частные лингвистические исследования, например, на материале английского языка, приводят следующее определение: «Разновидность оценочных высказываний, выступают вербальной формой актуализации ценностных отношений между оцениваемым объектом, представлением о нем и субъектом представления» [Мальцева, Попова 2014: 139]. Авторами предлагаются три типа хвалы: похвала, комплимент и лесть. В связи со спецификой обсуждаемого материала релевантным оказывается первый из приведенных типов. Типичный пример реализации речевого акта хвалы и прославления Бога можно описать на примере текста Псалма 1. Aan God 'K Boгу'. Текст псалма имеет традиционную форму: состоит из четырех блоков, каждый из которых включает шесть строк, последовательно зарифмованных a-a-b-c-c-b. Три первых шестистишия открывают торжественное восклицание «Аллилуия!», внутренняя семантика которого может быть описана как «Хвалите Бога!». Далее в каждом стихотворном блоке последовательно прославляется величие Бога Отца, Сына и Святого Духа. Четвертое шестистишие, заключительное, открывает восклицание (1) U, Vader, Zoon en Geest zij prijs! 'О слава Отцу, Сыну и Святому Духу!', содержащее междометие и повторную номинацию трех ипостасей Бога. Все блоки имеют одинаковую заключительную строку (2) Moet al het schepsel zingen 'Пусть же все поют [хвалу Богу]'. Анализ материала позволяет сделать вывод о разнообразных ритмических, стилистических, лексических, грамматических средствах для передачи коммуникативной интенции похвалы.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., Языки славянских культур. 2011.

Мальцева Н. Б., Попова И. В. Похвала как вербальный код характера персонажа // Язык как культурный код нации. СПб., СПбГУ, 2014. С. 135–158.

Источник иллюстративного материала

Evangelische Gezangen, om neves het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruik te worden. Johannes Allart, Amsterdam. 1806. 2013.

Английское наречие *just* как средство передачи трех типов знания, представленного в языке

Жулина Екатерина Борисовна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Актуальность исследования определяется новым, междисциплинарным подходом к языку как форме когнитивного поведения человека, направленной на эффективное приспособление к среде в момент речи. Научная новизна работы заключается, во-первых, в принятии знания, представленного в языке, как непосредственного или опосредованного опыта наблюдателя, или структурального знания говорящего. Во-вторых, пониманием того, что источником знания, представленного в языке, служит человек познающий. Практическая значимость исследования состоит в возможности применять результаты как в различных областях лингвистики и преподавания английского языка, так и театральной критике.

Материалами для изучения служат видеозаписи спортивных репортажей по плаванию, бобслею, кулинарных шоу и шоу по ремонту. В качестве основного метода исследования применяется когнитивный анализ, основанный на понимании того, что выбор человеком языковой формы зависит от особенностей его восприятия. Предметом работы выступают способы отражения в языке различных типов знания, которыми обладает человек в акте коммуникации. Объектом становятся высказывания на английском языке, содержащие наречие *just*. Гипотеза состоит в том, что наречие *just* в английском языке передает три типа знания — непосредственный и опосредованный опыт наблюдателя, и структуральное знание говорящего. В высказывании *Poleska in there ... there in lane 4 just stalking them ...just drifting into the turn* наблюдатель видит польскую пловчиху на четвертой дорожке, преследующую ожидаемую победительницу заплыва и чрезвычайно быстро совершающую поворот под водой. На наблюдателя указывают наречие места *there* и формы *Present Progressive stalking* и *drifting*, которые как *-ing* формы отражают непосредственный чувственный опыт наблюдателя.

Определенный артикль *the* также передает опыт наблюдателя, так как судить о чем-либо с определенностью можно только при условии непосредственного наблюдения.

Во фразе *Patton's just come quick enough for the bronze for the UK* наблюдатель видит британскую пловчиху, ускорившую темп так, чтобы занять третье место в коротком заплыве. Глагольная форма *has come* как форма *Present Perfect* отображает опосредованный опыт наблюдателя — результат, который присутствует в момент речи и влияет на него. Наблюдатель, произнося *But she's on the ease here ...just to gather bronze medal*, видит бобслеистку, уверенную в себе и подготовленную на столько, что она способна без труда завоевать третье место в заезде. Однако, поскольку соревнования к моменту речи еще не завершились, то он может лишь выдвинуть предположение о ее победе. Как следствие, он использует инфинитив *to gather*, передающий понятийное знание говорящего, а не опыт наблюдателя.

Наречие *just* отражает все три типа знания, представленного в языке с определенными особенностями.

Взаимодействие эмоциональных и рациональных оценок в экспертно-научном дискурсе (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий)*

Кондратенко Полина Игоревна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Эмоциональная оценка, наряду с рациональной оценкой, сопровождает освоение уже приобретенного научного знания и гарантирует приращение нового знания, обеспечивающего непрерывный научный прогресс. Несмотря на общепринятое представление о подчеркнуто объективном характере научных текстов, продиктованном нормами научной коммуникации, для жанра академических рецензий принято констатировать бóльшую открытость проявлениям авторской субъективности в сравнении с ядерными текстотипами научного дискурса. На одном из таких проявлений — эмоциональной оценке и ее взаимодействии с рациональной оценкой — фокусируется настоящий доклад. В докладе рассматриваются маркеры эмоциональности в процедурах оценивания, характерных для научных рецензий. При этом под маркерами эмоциональности предлагается понимать языковые единицы, которые указывают на внутреннее состояние рецензента и сопровождают сформулированную рациональную оценку рецензируемого труда в соответствии с коллективно-принятыми критериями научности знания. Эмпирическую базу исследования составили 50 рецензий из немецкоязычных и русскоязычных научных журналов лингвистической тематики («Zeitschrift für Rezensionen», «Zeitschrift für Angewandte Linguistik», «Zeitschrift für Sprachwissenschaft»; «Вопросы ономастики», «Russian Journal of Linguistics», «Вопросы языкознания», период публикации: 2016–2017 гг.). В результате сопоставительного контекстуально-семантического, коммуникативно-функционального и лингвоаксиологического анализа с привлечением статистических данных по двум корпусам рецензий выделены эмоционально-оценочные высказывания, определена полярность эмоциональных оценок, выявлены и классифицированы частотные маркеры эмоциональности. Проведенный анализ верифицирует исходную гипотезу о кластерном использовании эмоциональных и рациональных оценок в лингвистических рецензиях на немецком и русском языках. Частичное подтверждение получает предположение о различной плотности положительных и отрицательных эмоциональных оценок в двух корпусах. Гипотеза относительно большей тенденции русскоязычных научных рецензий к маркированию эмоциональности при формулировании рациональных оценок, напротив, опровергается материалом исследования. Кроме того, устанавливается функциональное сближение некоторых маркеров эмоциональных состояний (преимущественно, маркеров заинтересованности рецензента) со сферой дискурсивных маркеров, которые способствуют ориентации читателя в тексте рецензии и используются с целью акцентировать значимые для рецензента аспекты оцениваемого труда.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01024, <https://rscf.ru/project/22-28-01024/>.

Специфика языковой оценки в лингвистическом и социологическом дискурсах*

Нефёдов Сергей Трофимович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе фокусируется проблема лингвистической вариативности языка оценок в зависимости от принадлежности научно-исследовательских текстов к различным гуманитарным дисциплинам. Представленные результаты получены на материале анализа оценочных средств в немецкоязычных корпусах научных статей по лингвистике и социологии. Выбор эмпирического материала продиктован тем, что наряду с научной монографией журнальная статья принадлежит к центральным типам текста научного дискурса и, тем самым, воплощает прототипические характеристики научно-исследовательской коммуникативной практики, в том числе типичные для нее оценочно-квалифицирующие действия речевых субъектов.

При рассмотрении оценочных средств задействована комплексная методика, представляющая собой количественно-качественный контент-анализ корпусных данных. На первом этапе исследования проведены структурная сегментация текстов на предикации и количественные подсчеты относительной частотности оценочных предикаций и типов оценочных средств. На втором этапе осуществлен прагма-семантический анализ выявленных оценочных средств в соотнесенности с прагматической целью научно-исследовательской практики и ее ведущими параметрами.

В докладе верифицирована исходная гипотеза о том, что в сопоставительно-дисциплинарном плане язык оценок и стратегии оценивания обнаруживают как черты сходства, так и отличия. Общие характеристики оценочной деятельности акторов лингвистического и социологического дискурсов обусловлены единой глобальной целью научно-исследовательской практики, нацеленной на получение новых сведений об изучаемом объекте, предъявление этого нового результата в вербализованной форме научному лингвистическому / социологическому сообществу и обоснование его значимости для соответствующей дисциплины. Новый научный результат представляется для дискуссии как персонифицированное мнение конкретного исследователя на фоне и в сопоставлении со взглядами других исследователей.

В оценочном плане научно-исследовательский дискурс формируется в модусе эпистемических (познавательных) оценок с соответствующим набором типичных для него модально-эпистемических и модализирующих содержание высказывания средств. В свою очередь специфические характеристики оценивания и дисциплинарное своеобразие языка оценок в текстах исследуемых гуманитарных дискурсов являются результатом влияния целого ряда дополнительных факторов, таких как различия в денотативном наполнении текстов, обсуждающих, соответственно, объекты и закономерности разных реальностей — социально-общественной и языковой; несоответствие дисциплинарных норм выражения категоричности оценок достоверности; варьирование приемов научной аргументации и др.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01024, <https://rscf.ru/project/22-28-01024/>.

Парадигматика местоименного дейксиса в датском языке

Никуличева Дина Борисовна,

д. ф. н., главный научный сотрудник
ИЯз РАН, МГЛУ

Характерной особенностью современного датского языка является широкий диапазон грамматических средств, служащих для выражения антропоцентрированных смыслов. За счет использования разнообразных аналитических маркеров датское высказывание оказывается по множеству параметров ориентированным относительно говорящего и других участников коммуникации.

В предлагаемом докладе будет показано, каким образом в датском языке происходит грамматическое нюансирование смыслов, связанных с представлением субъективного пространства говорящего и слушающего на примере указательных местоимений.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что датские указательные местоимения образуют целостную парадигматическую систему, нюансирующую пространственный дейксис по двум параметрам: 1) расстояние до объекта: расположение в пределах досягаемости / расположение вне прямой досягаемости и 2) включенность / невключенность объекта в субъективное пространство говорящего. При этом происходит последовательное усиление пространственной ориентации относительно фигуры говорящего посредством формального утяжеления дейктического показателя: безударное односложное местоимения в артиклевой функции (*den*) → ударное односложное местоимение в функции дальнего дейксиса (*'den*) → ударное двусложное местоимение в функции ближнего дейксиса (*'denne*) → аналитический бином (местоименно-наречное сочетание, нюансирующее радиус присваиваемого (*'denne her / 'denne der*) или отчуждаемого (*den her / den der*) говорящим пространства). Указанная парадигма служит средством эндоцентрической пространственной ориентации.

Ориентация относительно слушающего (экзоцентрическая ориентация) отмечается в случае изменения точки отсчета, когда ситуация представляется говорящим с точки зрения адресата. Возможный в датском языке выбор дейксиса с точки зрения адресата (*se engang på denne tegning* 'посмотри-ка на этот рисунок', в случае объективной близости не к говорящему, а к адресату), служит для выражения «пространственной эмпатии» говорящего. Наоборот, замена ближнего дейксиса на дальний служит средством субъективного отстранения от объекта. Так, использование дистанцирующего дейксиса в эмотивных предложениях типа: *lad være med at sidde og vippes på den stol* 'прекрати качаться на (том) стуле' служит средством субъективного дистанцирования. Это явление можно назвать «пространственной антипатией», так как выбор дальнего дейксиса объясним именно стремлением говорящего ментально отстраниться от негативно оцениваемого им действия адресата. В русском языке также возможно использование указательного местоимения в эмотивной ситуации, например: *да не качайся ты на этом чертовом стуле!* — но использование местоимения этот, наоборот, приближает объект к говорящему, который фокусируется на раздражителе и тем самым как бы укупняет его.

Медиадискурс как сфера реализации диалога

Палехова Ольга Владимировна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Медиадискурс как сложное коммуникативное явление представляет собой совокупность тестов, функционирующих в массовой коммуникации. В качестве единицы медиадискурса рассматривается медиатекст, позволяющий «упорядочить и структурировать движение медиапотоков» [Добросклонская 2015:49].

В основе журналистского медиатекста лежит совокупность фактов, представляющая собой информацию о событии. Помимо событийной информации журналистский текст может содержать интерпретирующую информацию с элементами анализа и разъяснения. Как событийная, так и интерпретирующая информация обрабатывается особым образом для облегчения ее восприятия и, как следствие, большего воздействия на адресата.

Исследование механизмов речевого воздействия масс-медиа на потенциального адресата предполагает выявление особенностей восприятия адресатом медиатекста. Немаловажную роль при этом играют такие экстралингвистические факторы, как отправитель и получатель сообщения, контекст, культурно-идеологический фон, особенности производства, распространения и восприятия передаваемой информации.

Особую роль в средствах массовой информации играет диалогический дискурс. Он имеет свои характерные черты, выражающиеся в четкой «ориентированности на адресата как конкретной социально-детерминированной личности со своим статусом и ролями, с определенной системой ценностных координат» [Дзялошинский 2014: 52].

Преобладание диалогических жанров в современной публичной коммуникации обусловлено тем, что диалог как наиболее естественная форма коммуникации способен содействовать взаимопониманию и взаимодействию. В медиадискурсе диалог реализуется в форме журнального интервью, которое подразделяется на два ключевых жанра: аналитическое интервью и интервью-беседа. Целью аналитического интервью является не столько донести определенную информацию, сколько оказать воздействие на потенциального читателя. Оно содержит в себе анализ некоего факта и отвечает на вопросы «почему», «что это значит». Направление анализа задается интервьюером, побуждающим интервьюируемого к рассуждению по предложенной в начале интервью социально-значимой проблеме.

Отличительной чертой интервью-беседы является то, что все участники беседы являются равноправными участниками речевого действия, обменивающимися в процессе общения «равнозначными репликами, суждениями, размышлениями» [Пичугина 2005: 118]. Участники интервью осуществляют, с одной стороны, «совместную деятельность, имеющую общую цель, которой каждый из них связан», с другой стороны, в процессе общения «каждый стремится реализовать свою личную цель, выразить собственное мнение по определенному вопросу, применяя соответствующие стратегии речевого воздействия» [Щуцьева 2019: 13].

Коммуникативно-прагматический потенциал оценки (на материале немецко- и русскоязычных рецензий по социологии)*

Степанов Евгений Сергеевич,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Научная рецензия как особый тип текста занимает важное место в научных коммуникативных практиках и выступает в роли связующего звена в научном диалоге. Рецензия появляется в качестве реакции на первичный научный труд и, как правило, подразумевает ответную реплику от автора рецензируемой работы или научного сообщества. Цели данного типа текста весьма разнообразны и включают в себя как репрезентацию содержания исходного труда, так и его критический анализ и оценку. Рассмотрим функции научной рецензии подробнее на материале немецко- и русскоязычных рецензий на научные работы по социологии. Информированная функция основывается на представлении содержания исходного труда в реферативном виде, которое зачастую сопровождается эпистемической оценкой рецензента: «Это свойство, по мысли С. А. Кравченко, было ключевым для третьего поколения, выдвинувшего интегральную метапарадигму, основной целью которой был синтез знаний...»; «Zudem entstünden zwischen Lehrenden und Lernenden enorme Bindekräfte, die ... bis zu einem „symbolischen Vaternord“ (oder Muttermord?) eskalieren können (S. 4, 6–8)». Функция оценки в рассматриваемых текстах может проявляться двояко. С одной стороны, это нормоцентричная оценка, направленная на установление объективного соответствия нормам, универсальным критериям научности (новизна, актуальность, значимость и оригинальность произведения). Нормоцентричная оценка обычно выражается эксплицитно: «В этом состоит эпистемологическое значение работы В. И. Добренкова»; «Mit den Themen Soziale Bewegungen u. Kollektive Aktionen (Rucht/Neidhardt) ... beenden drei explizit in jüngster Vergangenheit relevante Themen der Soziologie diese Überblicksdarstellung». В современных исследованиях выделяется также диалогический способ выражения оценки, подразумевающий развертывание научной полемики и выражение личного мнения рецензента, который может быть согласен или не согласен с автором работы и использовать приемы рекомендации или возражения: «Воздавая должное высокому теоретическому уровню ... новой книги В. И. Добренкова, следует признать, что некоторые его суждения и выводы выглядят достаточно спорными»; «Ungeachtet der angeführten kritischen Einwände ist die Lektüre des Buchs kurzweilig und lehrreich». Наконец, в рецензии может реализовываться и персуазивно-прагматическая функция, служащая цели градуирования информации и обращающая внимание читателя на наиболее важные моменты: «В то же время в книге подчеркивается, что эти изменения осуществляются ... в результате бифуркаций»; «Aus dem folgenden Kapitel ... sei besonders der Exkurs zu „Kultur und Distinktion“ ab S. 138 für Sozial Arbeitende empfohlen».

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01024, <https://rscf.ru/project/22-28-01024/>.

Мультимодальность в научной коммуникации (на примере немецкоязычных онлайн-лекций)

Супоницкая Наталия Семеновна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Онлайн-технологии привели к выделению новой, но уже в значительной степени устоявшейся в практике формы научной коммуникации — научной онлайн-лекции. В отличие от традиционных лекций презентация и объяснение нового материала с программной поддержкой современных компьютерных технологий характеризуются совместным присутствием различных коммуникативных элементов: устной и письменной речи, жестов и мимики лектора, различных визуализаций, а также включение фрагментов видео- и аудиоматериалов в качестве иллюстративного материала. Благодаря соединению разных модусов и каналов онлайн-лекции можно назвать мультимодальными. Они содержат в себе информацию, которая выражена при помощи вербальной, невербальной и иллюстративной знаковых систем. Лектор при этом выступает в роли «академической языковой личности», задача которой транслировать свои профессиональные знания на большую аудиторию реципиентов. Хорошо подобранный, визуально привлекательный мультимодальный контент помогает оживить процесс обучения в дистанционном формате. Жесты и речь, а также текст и изображение взаимодействуют и вносят свой вклад в общее сообщение в рамках научной коммуникации между студентами и преподавателем. Если предположить, что речь и сопровождающие ее жесты первичны по сравнению с отношениями текст-изображение, то возникает вопрос, в какой степени отношения текст-изображение можно вывести из отношений речь-жесты, и какие сходства и различия можно выявить при конкретном проектировании мультимодальных интеграций. В рамках данного исследования речь идет о специфике мультимодальности и ее прагматическом потенциале в рамках научной коммуникации. За последние несколько лет из-за ковидных ограничений классическая университетская система образования сильно поменялась. На смену традиционным лекциям в аудитории приходят онлайн-лекции. В рамках этого жанра наблюдается сложный механизм взаимодействия разных каналов передачи информации на уровне содержания и прагматики. Поликодовость сегментов онлайн-лекции обуславливает наличие у них таких специфических свойств, как интерактивность, нелинейность подачи информации, мультимедийность и мультимодальность. В дидактических целях использование этих элементов способствует созданию эффективной виртуально-научной обучающей среды. В докладе раскрываются преимущества и ключевые свойства, которыми обладают онлайн-лекции. Произведенный анализ позволяет теоретически смоделировать функционирование данного мультимодального текста в научной интернет-коммуникации.

Фокусная функция артикля в нидерландском, немецком, английском и испанском языках

Терешко Екатерина Владимировна,

к. ф. н., младший научный сотрудник
Институт языкознания РАН

Доклад посвящен рассмотрению фокусной функции определенных артиклей в германских и романских языках. Автор высказывает гипотезу о том, что просодическое ударение является одним из признаков расширения функции определенного артикля, которая приближает его употребление в прагматическом смысле к фокусным частицам. *Net was de week van hét gesprek.* — ‘Это была неделя (той самой) беседы’, то есть на этой неделе должен был состояться (тот самый, решающий) разговор. В приведенном примере на нидерландском языке даже на письме отображено просодическое ударение, которое получает безударный в подавляющем большинстве случаев артикль. Такое употребление придает артиклю дополнительное значение, отличное от его привычной грамматической функции. Это дополнительное значение можно назвать прагматическим, так как оно зависит от ситуации, в которой используется высказывание, и «нацелено» воздействовать на адресата сообщения, высвечивая для него определенный отрезок высказывания. Нидерландский — не единственный язык, где определенный артикль может использоваться под ударением, акцентируя внимание слушающего на существительном, следующем за ним и придавая этому существительному дополнительный вес, который, в частности, не может не быть отражен при переводе. То же самое можно наблюдать в других германских языках — английском (*He looked at the road, winding up the hills towards the City. Yes, thé City.*) и немецком (*Es würde sicher schwer fallen, dás Boot auf dem Rückweg mit Nahrungsmitteln zu füllen.*). В испанском языке, помимо ударного определенного артикля (*Los poetas neogongorinos españoles, lá famosa generación de 1927 (Lorca, Alberti, Guillén, Salinas, Aleixandre, Diego) constituyeron un ejemplo de lirismo adrede, profesional, minoritario y barroco...*) встречается употребление неопределенного артикля, которое некоторые исследователи называют качественным показателем (*Tienes unos ojos azules!*). Интересно отметить, что подобное употребление отмечается и в немецком языке в средневеннонемецком периоде. Таким образом, можно говорить о системности употребления определенного артикля под ударением в европейских языках, а само это употребление можно рассматривать как дополнительную функцию артикля, а именно — фокусную функцию. В случае с определенным артиклем акцентируется фокус на существительном, в случае с неопределенным — на качественной характеристике объекта.

Грамматическое противопоставление английских предлогов *by* и *with* в конструкциях со значением эмоционального состояния

Хрисонопуло Екатерина Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

В исследовании ставится цель выявить закономерности дифференцированного употребления английских предлогов *by* и *with* в причастных конструкциях со значением эмоционального состояния (*be surprised by vs with the news*). Материалом для исследования послужили примеры конструкций из современной британской прозы, которые сходным выражают эмоциональное состояние лица, но при этом включают в свой состав различные предлоги. Основным методом исследования языкового материала послужил контекстуальный анализ на уровне диктемы или тематического единства текста. Проведенный анализ языковых данных свидетельствует в пользу того, что употребление конкретного предлога в составе словосочетаний с причастием прошедшего времени мотивируется, с одной стороны, осмыслением референта именной группы, которую вводит предлог, и с другой стороны, — характером дискурсивной операции, лежащей в основе обозначаемого предлогом отношения. В частности, предлог *by* регулярно указывает на именную группу, референт которой осмысляется как детерминант субъектно-предикатного отношения, т. е. как сущность, предопределяющая предизируемое лицу эмоциональное состояние. Лицо при этом осмысляется как подверженное изменению под воздействием детерминанта: *He was fascinated / attracted / tempted / alarmed / struck by smth.* Напротив, предлог *with* указывает на осмысление референта именной группы как субстанциональной основы состояния, т. е. как сущности, составляющей содержание эмоции: *He was pleased / satisfied / delighted / irritated / annoyed with something.* Будучи различными по характеру осмысления референта вводимой именной группы, предлоги *by* и *with* дифференцируются по природе отношения, которое они обозначают. В основе этого отношения лежит та или иная дискурсивная операция, которую можно определить как мыслительное действие, производимое при установлении отношения между признаком (эмоцией) и его основанием, обозначаемым именной группой. В то время как предлог *by* выражает операцию детерминации предизируемого лицу эмоционального состояния, предлог *with* выражает установление взаимосвязи между глагольным признаком и его содержательной основой. Использование различных предлогов с одним и тем же глаголом эмоционального состояния (как в случае *be impressed by / with smth.*) свидетельствует не о варьировании двух предлогов, а об их грамматическом противопоставлении в конкретном дискурсивном контексте. Более устойчивым фактором противопоставления из двух упомянутых является содержание дискурсивной операции, выражаемой предлогом. Не исключено, что это содержание лежит в основе инварианта грамматического значения предлогов, которое, соответственно, может актуализироваться в их других употреблениях, в частности, локативных, темпоральных, причинно-следственных и т. д.

Адвербиальные функции вариативной формы причастия 1 с конечным -s в шведском языке

Чекалина Елена Михайловна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Одной из давно отмеченных особенностей шведского глагола является вариативное употребление формы причастия 1 с конечным -s, зафиксированное уже в текстах XVI–XVII в. В результате языкового нормирования на была устранена из литературной письменной речи, но устойчиво сохраняется в устной [3, с. 65–80]. Шведские языковеды объясняют это аналогическим влиянием конечной морфемы -s у наречий с семантикой места и направления, образованных в результате лексикализации устойчивых именных словосочетаний с формами генитива, например, *avsidet* 'в стороне, в сторону', *utrikes* 'за границей, за рубежом, за границу'.

В письменной речи вариативная форма с конечным -s используется относительно редко; так в современной прессе она встречается по меньшей мере в 20 раз реже, чем принятая в норме [1, с. 68]. Наиболее употребительными, по мнению шведских исследователей, являются формы *gåendes* (от *gå* 'идти'), *sjungandes* (от *sjunga* 'петь'), *sittandes* (от *sitta* 'сидеть'). По данным Корпуса современного шведского языка [www.spraakbanken.gu.se], форма с конечным -s наиболее частотна в устойчивых словосочетаниях — *komma* 'прибывать' с причастием 1 от глаголов движения при обозначении способа прибытия одушевленного субъекта и *bli* 'становиться' с причастием 1 от глаголов положения в пространстве при выражении ограниченной длительности: *Hon kom cyklande(s) från Holmsund* 'Она приехала на велосипеде из Хольмсунда'; *Har man otur kan man bli sittande(s) en hel timme i väntrummet* 'Если не повезет, можно просидеть в приемной целый час'. Возможны и другие употребления в адвербиальной функции: *Domaren gick gråtande(s) från planen* 'Судья плача уходил с поля'.

В конце XX — начале XXI века частотность вариативной формы причастия 1 снижается не только в письменной, но и в устной речи более молодых шведов, что объясняется общей тенденцией к сближению устной и письменной речи, особенно заметной к концу XX в. [1, с. 70]. Кроме того, по мнению шведских языковедов, современными носителями шведского языка форма с морфемой -s может восприниматься как примета не устной, а книжно-письменной речи. Это объясняется возможной «реинтерпретацией» конечного согласного как показателя пассива на -s, употребление которого более характерно для этого регистра шведской речи.

Литература

Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2005.

Teleman U., Hellberg S., Andersson A. Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999.

Teleman U. Ära, rikedom & reda. Svensk språkvård och språkpolitik under äldre nyare tid. Köpenhamn: Norstedts Ordbok, 2003.

Дискурс и вариативность АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Evolution of the journal article in the 17th century England: From «essay of experience» by Robert Boyle to experimental account by Isaac Newton

Аленькина Татьяна Борисовна,

к. ф. н., доцент

Московский физико-технический институт

The journal article always reflects the contemporary state of science and the style of scientific exposition. The historical context of the conference report is the 17th century England, the time of the scientific revolution, the emerging natural philosophy, setting up of the Royal Society and the first scientific journal in English the Philosophical Transactions of the Royal Society (1665). In the time of vernacularization of science and the rise of the English identity, “we are in a kind of no-man’s land between ‘literature’ and ‘science’” (Montgomery, p.98). As soon as there were no standards of scientific discourse, Robert Boyle also wrote in various genres — histories and tracts, memoirs and notes, observations and essays. The purpose of the report is to address the “essay of experience” by R. Boyle and the emerging experimental account of I. Newton as two stages of the journal article evolution. In the context of multiple discourses, R. Boyle adapted the Baconian essay to the natural philosopher’s needs. In his work «A Proemial Essay» (1661) Boyle coined the term “essay of experience” with the author’s task to “inform readers, not to delight or persuade them”. Thus, all the rhetorical ornaments are excessive; yet such a «naked way of writing» allows a personal voice of the author be loud enough to be heard. All in all, Boyle contributed 36 papers to the PTRS. Unlike Boyle, Newton published the only letter in the journal called “A New Theory of Light and Colours” (1672). The only article caused a big discussion; the controversy that lasted four years made I. Newton reorganize his discipline. First, Newton reconceptualized the original experiment, making it reproducible. Second, he changed the sentence style using the second-person imperative mode, thus involving the reader in the process of experiment and discovery. Third, Newton actively used the language of mathematical and geometrical demonstration. Along with that, he gave a “roadmap” to the readers and guided them through the text with the help of rhetorical moves and citations. Globally, Newton changed the rhetorical pattern of argumentation as well as the experiment itself, which was a milestone in modern science and scientific writing.

References

Montgomery Scott L. The Scientific Voice. New York: Guilford Press, 1996.

Жесты, выражающие отношение противопоставления в англоязычном лекционном дискурсе

Алиева Медине Рустемовна,

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

Противопоставление как феномен с древних времен является неотъемлемой частью когниции человека, находя отражение в мифологическом сознании (К. Юнг, Дж. Фрэйзер, В. Я. Пропп). Далее рассматривается становление противопоставления как философской и логической категории. Воплощаясь в симметричном строении нашего тела, оно сопровождает развитие любого человека в его онтогенезе. Находит оно и свое воплощение в лингвистических теориях (оппозиции фонем, антонимия, антитеза). Жесты также передают отношение противопоставления и бинарность, так как связаны с явлением *embodiment* — познанием мира через аналогии с нашим физическим телом, в данном случае, наличие и противопоставленность двух рук у человека. В когнитивной лингвистике и полимодальных исследованиях жесты, речь и мышление изучаются как три различных, но неразрывно связанных процесса (Д. МакНил, А. Кендон). В связи с этим возникает необходимость изучения феномена противопоставления с помощью методов когнитивной лингвистики. Нами проводится анализ видеофайлов в программе для анализа коммуникативного кинетического поведения человека ELAN. Для анализа выбрано три видеофайла, находящихся в свободном доступе в Youtube. Все они представляют собой записи лекций профессоров американских университетов (Yale, Massachusetts Institute of Technology). Отбор видеоматериала производился по принципу хорошей видимости говорящего (полная видимость рук), руки у говорящих были свободны, более того, в ходе лекций они не сидели, а передвигались по аудитории, такой критерий позволяет устранить все помехи для движений и сделать жесты максимально выразительными. В ходе лекций на различные темы (экономика, политология и химия), преподаватели используют в речи противопоставления, сопровождаемые жестами. Противопоставление настолько универсальная категория, что встречается в нарративах на любую тему. Структура и характеристики данных жестов являются предметом анализа. Выражено ли противопоставление двумя парными жестами или воплощено в одном жесте; произведены ли жесты одной рукой или двумя (ручность жеста). В ходе исследования был выявлен 31 случай слово- и жестопотребления с целью выразить отношение противопоставления. На основании наблюдения за параметрами жестов делается вывод, что парные жесты производятся говорящими чаще, однако парный двуручный жест не является столь же выразительным, как поочередные жесты произведенные разными руками.

Дискурс пандемии

Ахренова Наталья Александровна,

д. ф. н., профессор

Государственный социально-гуманитарный университет

Сегодня мы столкнулись с первым после появления интернета и начала интернет-коммуникации масштабным образованием и вхождением в мировые языки неологизмов,

связанных с COVID-19, активным созданием нового этикета межличностного и делового общения, новой реальностью, созданной этим заболеванием, вхождением достаточно специфичной медицинской терминологии в бытовой язык и т. д. Несмотря на устоявшийся в лингвистике тезис Сепира Уорфа о том, что язык определяет сознание, в марте 2020 он был опровергнут, так как в один миг мир стал унифицированным глобальным сообществом, в языки которого одновременно вошли универсальные реалии, термины, образы, символы, лексемы, описывающие разразившуюся пандемию коронавируса. Таким образом, был опровергнут тезис Гумбольдта о различии в способе мировосприятия. Многие ученые сошлись во мнении, что с приходом глобальной медицинской проблемы у приверженцев идеи унифицированной картины мира появилось серьезное основание для подтверждения ее существования. Осмысливая новую реальность, социум продуцирует новые лексемы, появляются новые коллокации, концептуальные метафоры, развивается поговорка, меняется тональность текстов СМИ и т. д.

Проанализировав современные медиа и интернет-пространство мы можем утверждать, что сегодня можно говорить о дискурсе пандемии коронавируса. Мы убеждены, что говорить о понятии COVID-19, целесообразно, как о многогранном лингвопрагматическом феномене, который должен рассматриваться именно как дискурс, а не как жанр или стиль. Это связано с тем, что дискурс — понятие более широкое, связанное не только с лингвистическими характеристиками текстов, рожденных в СМИ, чатах, блогах и т. д., но, скорее, с целым спектром экстралингвистических параметров, которые участвуют в создании особой атмосферы пандемии коронавируса. Проводя описание дискурса пандемии, необходимо учитывать все его составляющие: новый этикет, символы эпохи пандемии, цветовое оформление, интертекстуальность, поговорку, и, конечно, лингвистические и стилистические средства, которые рисуют для нас этот уникальный мир. Наши предположения подтверждаются определением дискурса, данного в лингвистическом энциклопедическом словаре «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте..., речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь».

Специфика вербализации ситуации оценки произведения живописи в художественном и искусствоведческом тексте

Беляева Любовь Евгеньевна,

преподаватель

Ивановский государственный университет

Все больше исследований в современной лингвистике посвящаются такому понятию как оценка. Оценочная деятельность играет важную роль в процессе познания окружающего мира. Под оценкой в научной литературе понимают «отношение человека к отдельным объектам, их качествам, свойствам, действиям моделируемого в языке мира» [Ретунская, 1996, 14]. В лингвистическом аспекте феномен оценки рассматривался как прием, используемый автором художественного текста для создания чув-

ственного восприятия текста за счет описания произведения искусства [Петухова, 2007].

Вербализация оценки произведения изобразительного искусства в тексте представляет собой его развернутую рефлексивную вербальную интерпретацию [Елина, 2003]. При этом имеет место декодирование визуального ряда с помощью естественного языка, который, как известно, служит главным средством интерпретации различных семиотических систем. Восприятие произведения живописи зависит от различных факторов: от опыта, от знаний воспринимающего субъекта и т. п. Результаты и сам процесс оценивания находят отражение в языке. В ситуациях оценки картины рассматривается специфика вербализации трех важнейших элементов: субъекта, объекта и характера оценки. Материалом данного исследования служат 20000 страниц англоязычного художественного текста, а также 3000 страниц англоязычного искусствоведческого текста, собранных в сети Интернет методом сплошной выборки. Привлекаются категории валентности к анализу оценочного процесса, что помогает по-новому взглянуть на особенности его структуры, реализуя, таким образом, трехместный предикат. Каждая валентность отражает отдельный элемент оценки. Так, была выявлена специфика вербального отражения субъекта оценки, объекта оценки и характера оценки, как в художественном, так и в искусствоведческом тексте. Установлено, что в обоих дискурсах субъектом оценки может быть одно лицо или группа лиц, что вербализуется примерно одинаково. В процессе работы удалось выявить положительный, негативный, нейтральный и неоднозначный характер оценки. Показано, что способы вербализации объекта оценки, а также характера оценки обладают большим разнообразием в искусствоведческом дискурсе, нежели в художественном. Мы связываем данный факт с научной традицией, наличием стандарта критериев и научным статусом изложения материала искусствоведов в отличие от писателей.

Библиография

Елина Е. А. Этапы восприятия изображения в его вербальной интерпретации // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2003.

Петухова Т. И. Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи (на материале английского языка) // СПб: Изд-во СПбГУ, 2007.

Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика. Н. Новгород, 1996.

Контрастивное выявление комбинаторно-семантических характеристик лексико-фразеологических единиц в разных языках

Влавацкая Марина Витальевна,

д. ф. н., профессор

Новосибирский государственный технический университет

Актуальность исследования обусловлена тем, что в контрастивных исследованиях «выявляется национальная специфика семантики сопоставляемых лексических единиц двух языков, что прежде всего необходимо при изучении языка, переводе и межкультурной коммуникации» (И. А. Стернин).

Цель метода комбинаторно-семантического контрастивного анализа — установление универсального, идиоэтнического или индивидуально-авторского типа обу-

словленности значений лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ) в сопоставляемых языках. Под ЛФЕ понимаются: 1) коллокации — единицы, имеющие «лексико-фразеологическую обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии» (О. С. Ахманова): красная линия — red line, зеленых коридор — green corridor, желтые жилеты — yellow vests, серая мышь — grey mouse, черная дыра — black hole; 2) фразеологизмы — национально специфичные устойчивые сочетания слов, значения которых не соответствует отдельно взятым словам в их составе: red herring (букв. красная селедка) — обманный маневр, white night (букв. белая ночь) — ночь без сна, to blue money (букв. подсинить деньги) — транжирить деньги и т. д. Все анализируемые ЛФЕ содержат цветовой компонент.

Применение метода комбинаторно-семантического контрастивного анализа позволяет выявлять следующие типы обусловленности значений ЛФЕ. Рассмотрим их подробнее.

Такие ЛФЕ русского языка, как желтая пресса, желтые жилеты, красный гигант (о звезде), покраснеть от гнева имеют полностью структурно-семантически соответствующие эквиваленты в английском языке: yellow press, yellow vests, red giant, red with anger, следовательно, эти единицы характеризуются концептуальной, или универсальной обусловленностью значений.

Другие ЛФЕ русского языка смотреть на жизнь через розовые очки (гл. + предл. + сущ. + прил. + сущ.) и побагроветь, покраснеть (глагол) в сопоставлении с аналогичными английскими единицами to see life through rose-coloured glasses (гл. + сущ. + предл. + прил. + сущ.) и to become red in the face (глагол + прил. + предлог + сущ.) имеют идентичный план содержания, но отличаются планом выражения. Из этого можно заключить, что они характеризуются идиоэтнической, в данном случае — лингвистической, а точнее морфосинтаксической обусловленностью значений.

Еще одна группа ЛФЕ отличается окказиональностью и встречается в авторских текстах: изморозные обои (М. Цветаева), желтый взгляд (В. Грекова), в давнопрошедших позах (С. И. Кирсанов), Mock Turtle (Л. Кэрролл), Deathday party (Дж. Роулинг). Эти единицы характеризуются индивидуально-авторской (контекстуальной) обусловленностью значений.

Таким образом, комбинаторно-семантический контрастивный анализ позволяет выявить национальную специфику ЛФЕ в разных языках и демаркировать типы обусловленности их значений.

Полисемия Black Lives Matter: социальная проблема, движение, организация

Власова Ассоль Александровна,

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Фраза «black lives matter» появилась в виде хэштэга в Facebook как реакция на оправдание белого дружинника, застрелившего афроамериканского подростка Тревор Мартина. Эта фраза дала имя новому общественному движению. Кроме того, авторы хэштэга основали организацию Black Lives Matter Network, также часто обозначаемую как Black Lives Matter. В связи с широким общественным резонансом, Black Lives Matter получило отражение в англоязычных онлайн-словарях (MacMillan Dictionary, Merriam-

Webster Dictionary, Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary). Все указанные словари содержат один лексико-семантический вариант и дают определение Black Lives Matter как движению. Однако, словарные дефиниции по-разному характеризуют деятельность и цели движения, в результате чего его сущность остается неясной. Как показал анализ контекстов, в общественном сознании Black Lives Matter неразрывно связано с проблемой расовой несправедливости и неравенства, что совершенно игнорируется словарями. Нами было выделено три лексико-семантических варианта Black Lives Matter как лексической единицы: Black Lives Matter (common noun) — the issue of Black people being subjected to police brutality and the lack of equal treatment in the U.S. criminal justice system (Black Lives Matter is a social justice issue; the importance of Black lives, culture, and the need to address BLM organizationally; views on an issue like Black Lives Matter; to treat Black Lives Matter as a political issue; how to teach Black Lives Matter; companies were silent about systemic racism, police brutality, and Black Lives Matter, in general). Black Lives Matter (proper noun) — a grassroots social movement associated with promoting racial justice and equality, especially in the field of criminal justice (to fight for an equitable and just world; to call for racial justice and an end to police brutality; to assist in forwarding racial equality; brings social justice and race conversations; Black women and men unjustly killed by the police). Black Lives Matter or Black Lives Matter Global Network (proper noun) — an activist organization known for its left-wing political agenda that claims its mission is to eradicate white supremacy (Marxist, socialist, leftist agenda, radical, communism). Намеренное наложение лексико-семантических вариантов друг на друга дает возможность для идеологической манипуляции. Так, анализ статей из англоязычных медиа показал, что консервативные медиа склонны экстраполировать радикализм организации Black Lives Matter на движение в целом с целью представить его как угрозу общественному порядку. В то же время, более либерально настроенные источники используют оценочный потенциал проблематики Black Lives Matter для продвижения собственных идеологических позиций.

Языковая репрезентация референтной ситуации в персуазивном дискурсе

Гудкова Кира Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивный подход к изучению взаимосвязи формы и содержания в языке открывает новый ракурс рассмотрения данной проблемы. Язык представляет собой дискретное множество, в то время как внеязыковая действительность являет собой непрерывный континуум, и при отражении внеязыковой действительности средствами языка неизбежно остаются аспекты отражаемой ситуации, которые либо не получают вербализации, либо вербализуются не в полной мере. В силу указанной дискретной специфики языковой системы, встает проблема вербального выражения некой референтной ситуации в дискурсе, в частности, какие аспекты отражаемой ситуации нужно отразить, или в терминах когнитивной лингвистики, профилировать, а какие можно опустить или отразить схематично. Можно говорить об определенных правилах отражения внеязыковой ситуации в дискурсе, или другими словами, о правилах транспорта референта, которые должны соблюдаться при описании в дискурсе

внеязыковой ситуации. В частности, это правило стереоскопии, согласно которому референт представляется объемным, отражаются максимально его свойства и признаки, и правило изоморфизма, согласно которому референт и его вербальный эквивалент должны находиться в соответствии друг к другу. Но, как все правила, они могут нарушаться, и часто нарушаются, что приводит к вариативности отражения той или иной референтной ситуации в дискурсе. Довольно часто нарушение указанных правил можно наблюдать в дискурсе персуазивном, который направлен на убеждение реципиента в некоем положении. Помимо нарушения правил транспорта вариативность отражения референтной ситуации достигается за счет выбора языковых выражений для репрезентации референта. У автора персуазивного дискурса имеется арсенал языковых средств, из которого он выбирает нужное ему средство для языковой репрезентации референта. Причем, выбор языковых средств сразу соотносит референта с определенной категорией и приписывает ему соответствующие этой категории свойства и характеристики. Особенность языковой репрезентации заключается также в ее интерпретирующем характере, в том смысле, что в понимании и декодировании языковых выражений участвуют когнитивные репрезентации, которые представляют в сознании фрагменты прошлого опыта, и на которые мы опираемся при интерпретации действительности в настоящем. Интерпретация носит коллективно-индивидуальный характер, и языковые единицы являются своего рода триггерами, которые актуализируют эти фрагменты прошлого опыта, причем как уже говорилось выше, это может быть как коллективная, так и индивидуальная интерпретация. На этой интерпретирующей особенности языковых репрезентаций автор персуазивного дискурса может основывать свой выбор языковых средств для представления референта в нужном ему свете, иными словами, для вариативного отражения действительности.

Футуроориентированность советского плаката глазами зарубежных исследователей*

Емельянова Ольга Витальевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Советский политический плакат не раз становился объектом изучения англоязычных искусствоведов и культурологов, и этот «взгляд со стороны» позволяет расширить наши представления о проблеме, особенно когда речь идет о таких характерных чертах плакатного дискурса как футуроориентированность и тесно связанная с ней утопичность. Интересно проследить, как в работах В. Боннелл (*Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin 1997*) и Г. Кэлхун (*Saints Into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters 2014*) последовательно выстраивается целый ряд бинарных и тринарных семантических оппозиций.

Так, вопрос о прямой и обратной перспективах у Кэлхун выходит далеко за рамки чисто живописных техник и приемов. Противопоставление частного и общего, детали и целого, в конечном счете индивидуализма и коллективизма/соборности, присущих западноевропейскому и русскому православному обществу соответственно, приобре-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

тает принципиальное значение. Расхождение/несоответствие/разрыв между реальностью и идеалом — членами важнейшей в контексте обсуждаемой проблемы бинарной оппозиции (*radiant ideal vs sober reality, lived vs idealized Soviet life, lived vs idealized experience*) также получает разнообразную языковую репрезентацию (*inconsistencies, incongruities, contradictions, incompatibility*).

Сложные отношения существуют между членами тринарной временной оппозиции — прошлым — настоящим — будущим, причем главный акцент делается на теснейшей связи между вторым и третьим элементами, вплоть до их полной неразличимости. Авторы используют такие выражения как *the future in the guise of the present, an image of the present-future* в попытке объяснить то, что они называют *the future orientation of many soviet posters*. Драматический разрыв между реальным настоящим и идеальным будущим свидетельствует о том, что картина мира, создаваемая плакатами, воспроизводила далеко не реалистичную, а в значительной степени утопическую модель будущего, о чем говорят такие выражения как *utopia, illusion, imagined future, wishful thinking, utopian change, utopian visions, miraculous utopian transformation/transfiguration, utopianism and miracles*, и мн. др. Исследования Боннелл и Кэлхун подтверждают, что плакат — это фикция, мир-мечта, необходимый для того, чтобы генерировать миф об идеальном обществе и идеальном государстве. Авторы описывают, комментируют, интерпретируют миф о «светлом будущем», предлагая свое видение плакатного пространства, основанное на тщательном многоплановом анализе, одним из главных аспектов которого является футуроориентированность советских плакатов и утопичность воплощенных в них идей, представлений и образов.

Ценностный концепт VLM в англоязычном политическом дискурсе

Жемчужникова Анастасия Кирилловна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В рамках современной антропоориентированной научной парадигмы категория ценности играет значимую роль для многих гуманитарных дисциплин. Интерес к исследованию данного понятия возник еще в античности, и в дальнейшем ценности становились объектом анализа философов, психологов, социологов. Будучи тесно связанной с понятием культуры, категория ценности также является одной из доминант лингвокультурологии. Так, в частности ценности определяются как культурно значимые отношения человека к окружающему миру, которые выполняют роль ценностных ориентиров. Ряд исследователей рассматривает ценности как дискурсивные образования, которые определяются оценочным отношением участников разговора к предмету речи, другие определяют их как знаковые идеальные образования, представляющие собой важность реальных предметов или явлений для носителей определенной культуры. Роль расовой проблематики в современной американской системе ценностей не может не находить отражения в языке, поскольку расовая принадлежность рассматривается как особый ценностный концепт в англоязычной картине мира. В последние годы расовый вопрос требует все большего внимания со стороны американского общества, что подтверждается возникновением в 2013 г. и стремительным распростране-

нием в 2020 г. общественного движения Black Lives Matter. Рассматриваемый в докладе концепт Black Lives Matter (BLM) представляет собой разновидность ценностного концепта, связанного с национальной, расовой характеристикой. Анализ структуры ценностного концепта BLM с точки зрения своеобразия общественно-политического движения BLM, отраженного в его семантике, позволяет сделать вывод, что деятельность участников подразумевает определенные изменения в существующем социальном устройстве, направленные на защиту и продвижение ряда ценностей. Это позволяет, в свою очередь, выделить ряд входящих в состав концепта BLM ценностных субконцептов, языковая актуализация которых рассматривается в данном докладе. К ним относятся такие концепты как *life, justice, equality, nonviolence*, являющиеся наиболее частотными и формирующими ядро концепта BLM. Кроме того, в докладе рассматриваются антиценности, репрезентирующие в языке социальные проблемы, на борьбу с которыми направлено движение BLM — *death, inequality, injustice, violence*. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о сложной и многоуровневой структуре исследуемого концепта BLM как единицы, отражающей и формирующей ценностную картину мира американской лингвокультуры.

О некоторых регулярных процессах в формировании семантики английских идиом

Иванова Елизавета Васильевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада состоит в моделировании регулярных процессов формирования семантики идиом английского языка. Регулярность в целом не свойственна семантике фразеологических единиц, что в особенности касается идиом, занимающих центральное место во фразеологическом фонде и, как правило, не поддающихся формализации на основе инвариантной модели, регламентирующей закономерности соединения инварианта внутренней формы с инвариантом значения. Определенная регулярность формирования семантики может быть обнаружена при исследовании концептуальных метафор, объединяющих ряд идиом, или же при применении теории фреймов к анализу механизма образования идиомы. В последнем случае конструируемые фреймовые модели носят очень обобщенный характер.

Проведенное исследование свидетельствует, однако, о том, что концептуально-семантическая регулярность идиом характерна не только для реализации моделей концептуальных метафор или взаимодействия обобщенных фреймовых структур, но может быть обнаружена также и на более конкретном уровне вербального осмысления полученного опыта. Анализ показывает, что концептуальная структура, лежащая в основе идиомы и состоящая из фреймов значения и внутренней формы, может быть воспроизведена в других идиомах, что объясняется механизмом обработки информации, присущим сознанию.

Данное наблюдение затрагивает ограниченное количество идиом, но, тем не менее, представляет интерес и может рассматриваться как актуальное направление исследования, поскольку отражает тенденцию, противоположную присущему фразеологии свойству идиоматичности. Идиоматичность, как известно, предполагает невозможность точно прогнозировать значение по внутренней форме фразеологиче-

ской единицы, тогда как регулярность, напротив, способствует опознаванию значения незнакомого языкового знака.

В докладе представлены модели формирования семантики выделенных для анализа групп английских идиом и описаны параметры их варьирования. Установлено, что регулярность характерна в первую очередь для глагольных фразеологических единиц, что дает возможность предположить, что именно ситуативность, присущая в первую очередь именно глагольным фразеологизмам, является определяющим фактором для воспроизводства лежащей в основе фразеологического знака концептуальной структуры. В то же время обнаружено, что ряд идиом, имеющих инвариантную внутреннюю форму, не обладают инвариантом значения. Данное обстоятельство еще раз подтверждает сложность реализации моделирования в области фразеологии.

Об одном из морфологических способов выражения результата в древнеанглийском языке

Каменева Ольга Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В германских языках хорошо известна корреляция между непереходными глаголами с предлогом и переходными в универбации. В зависимости от лексико-грамматического разряда предиката (Бондарко 2005; Апресян 1993) допустимы различные направления семантического взаимодействия наречной и глагольной основ. Рассмотрим наиболее репрезентативные случаи, когда тмесис и универбация отмечены в одном и том же тексте, что позволяет в меньшей степени ожидать диалектных и хронологических различий. Сочетание с предлогом: *Ælce monað heo yrnð under an ðæra tacna* (*ÆTemp* B1.9.4) «Каждый месяц она проходит по одному из тех знаков». Универбация: *Ælc ðæra twelf tacna hylt his monað, & þonne seo sunne hi hæfð ealle underurnen, ðonne bið an gear agan.* «Каждый из тех двенадцати знаков имеет свой месяц, и когда солнце их всех обежит, тогда пройден один год». [...] *On ðam fyrste he underyrnð ealle ða twelf tacna, þeseo sunne undergæð twelf monað* (*ÆTemp* B1.9.4) «В назначенное время он обегает все двенадцать знаков, которые солнце обходит двенадцать месяцев». В универбации обращает внимание регулярное употребление маркера полного охвата объекта действием, ср. др.-англ. *eal*, др.-сакс. *al*, др.-в.-н. *all* < прагерм. **alla-* ‘весь’. Сопоставление приведенных контекстов дает дополнительное парадигматическое обоснование транзитивному употреблению (Сравнительная грамматика германских языков 1966; Гухман 1964; Ходьков 1979). Подтверждение этих выводов на более обширном материале, в том числе других западногерманских языков, позволит расширить знания о лексическо-морфологических способах выражения категории результативного перфекта. Именно «наличие синонимических способов [обеспечивает языку] примечательное отличительное качество — своеобразную двумерность...» (Вербицкая 2015).

Библиография

1. Корпус древнеанглийского языка Университета Торонто [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.doe.utoronto.ca/pages/pub/web-corpus.html> (Дата обращения 03.01.2022).
2. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
4. Вербицкая Л. А. Русский язык от Ломоносова до наших дней / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Т. 1. СПб., 2015.
5. Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. — М.: Наука, 1964.
6. Сравнительная грамматика германских языков: Т. 4. Морфология. — М., 1966.
7. Ходьков Э. Л. Валентные свойства глаголов *синап*, *ган*, *іпан* в языке древнеанглийского периода (VIII–XI вв.): а.к.д. — Л., 1979.

Способы манифестации субъекта в дискурсе сетевых пользовательских отзывов о кино

Кленова Екатерина Андреевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В настоящей статье предлагается анализ способов манифестации фигуры субъекта в дискурсе сетевых англоязычных отзывов о кино. Основными средствами актуализации субъекта в структуре оценочного дискурса признаются субъективная модальность, используемая в качестве инструмента манифестации фигур субъекта и адресата, а также субъектные номинации адресанта и реципиента (личные местоимения I, we, you). Нами было выявлено 281 контекста с эксплицитно и имплицитно выраженными модальными значениями, из которых ментальный модус (представленный модусами полагания, сомнения и допущения, истинностной оценки, знания, незнания и общей оценки) был реализован в 103 контекстах (37%), эмотивный — в 90 (32%), перцептивный — в 73 (26%), волитивный — в 13 (5%). Было установлено, что во всех категориях, за исключением модуса знания, преобладают контексты с имплицитно выраженными модусными значениями (данную группу составляют контексты с деперсонализированным модусом, эллиптические конструкции и конструкции с элиминированным субъектом, а также высказывания, в которых модусные значения реализованы не в структуре первичного глагольного предиката, а в структуре адъективных и субстантивных лексем или в структуре вторичных инфинитивных и герундиальных конструкций), наблюдается высокий процент ментальных и эмотивных модусных значений (предикатов модуса полагания и модуса истинностной оценки) и высокий процент личных местоимений, номинирующих субъект оценки (личное местоимение I), что позволяет сделать вывод об эгоцентрическом характере рассматриваемого типа отзыва и стремлении пользователей, не обладающих требуемым для осуществления экспертной оценки уровнем компетенции, апеллировать к массовому адресату посредством эмоционального типа аргументации, а также формировать оценочные суждения безапелляционного характера. Тенденция к использованию имплицитных модусных средств выражения субъективной оценки, свидетельствует, с одной стороны, о ориентации на использование разноплановых единиц выражения психоэмоциональной реакции, а также о желании завуалировать значения субъективных компонентов высказывания посредством элиминации личных местоимений, маркирующих фигуру субъекта. Отдельному анализу подлежали конструкции с указанием на адресата — реципиента отзыва, обозначаемого обобщенно-личным местоимением 2-го л. мн. ч. you. Редуци-

рование роли реципиента до обобщенно-личного, диффузного субъекта позволило авторам избежать конкретизации при обращении к потенциальной публике, предоставив возможность манипулировать зрительной перцепцией читателя, выступающего в роли экспериенцера или пассивного субъекта восприятия, что позволяет проецировать реакцию адресанта на фигуру реципиента вследствие отождествления автора и читателя и полной утраты последним автономности.

Фреймовое моделирование структуры концепта «Healthy Lifestyle»: корпусный подход.

Кульчицкая Елена Романовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье представлены результаты применения корпусного подхода к анализу фреймовой структуры концепта «healthy lifestyle». Применение концептуального анализа позволило описать вербальные репрезентации концепта путем построения словесной модели концепта. Фреймовый анализ дает возможность выявить конкретные концептуальные характеристики концепта «healthy lifestyle» (следование здоровому образу жизни, его продвижение, составляющие) и показать специфику концептуализации в семантике языковых единиц. Целью данного исследования является выделение фреймовой структуры ценностного концепта «healthy lifestyle» в английской лингвокультуре с помощью метода выделения коллокаций и статистического метода. Материалом для исследования послужили данные, полученные при анализе англоязычного контента сети интернет с помощью корпусной поисковой системы SketchEngine. Корпусный анализ позволяет выявить конкордансы, показывающие анализируемые слова в их ближайшем окружении, определить степень устойчивости и частотности выявленных коллокаций, их окказиональный или узуальный характер. Был проведен анализ коллокаций: «healthy lifestyle как модификатор имени существительного», «healthy lifestyle + глагол», «healthy lifestyle + прилагательное».

Семантика рассматриваемых коллокаций позволяет разделить их на несколько тематических групп, отражающих наличие в структуре фрейма HEALTHY LIFESTYLE соответствующих терминалов и слотов: Деятельность, связанная с принятием и проживанием здорового образа жизни (live, adopt, follow, develop, practice). Продвижение здорового образа жизни (promote, encourage, inspire, kick-start). Важность здорового образа жизни (important, key, crucial). Составляющие здорового образа жизни (diet, fitness, wellbeing). Анализ англоязычного контента сети интернет, выполненный с помощью SketchEngine, показал, что наиболее частотной коллокацией является «healthy lifestyle + important» (260 упоминаний), эксплицирующая важность здорового образа жизни. Далее в порядке убывания частотности употреблений располагаются следующие коллокации «healthy lifestyle + promote» (121 упоминание), «healthy lifestyle + diet» (90 упоминаний), «healthy lifestyle + lead» (77 упоминаний), «healthy lifestyle + exercise» (71 упоминание), «healthy lifestyle + live» (71 упоминание), «healthy lifestyle + easy» (53 упоминания). Результаты исследования представляют фреймовую структуру концепта «healthy lifestyle» в англоязычной языковой картине мира.

Анализ реакции оппонентов на прямую и косвенную речевую агрессию в контексте американских политических дебатов

Кусоцкая Елена Сергеевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данного доклада заключается в том, чтобы проанализировать реакцию оппонентов на прямую или косвенную речевую агрессию в контексте американских политических дебатов. Доклад основан на большом исследовании, фокус внимания которого направлен на прагмалингвистический и дискурс-анализ речевой агрессии в американском общественно-политическом дискурсе, а именно в политических дебатах. Речевая агрессия может быть прямой и косвенной. Зачастую она реализуется с помощью таких имплицитных прагмалингвистических средств, как дискредитирующая пресуппозиция и импликация, которые позволяют агрессору выгодно манипулировать подачей информации для широкой аудитории. В докладе особое внимание уделено реакциям политических оппонентов на прямую или косвенную дискредитацию. Примечательно, что реакция на агрессию может быть как примирительной, так и агрессивной в той же мере, что и инициирующие ее реплики оппонента. Материалом для исследования послужили дебаты кандидатов в президенты США от Демократической партии в 2019/2020 гг. Американские политические дебаты — пример конфликтного общественно-политического дискурса, позволяющего успешно исследовать культурно- и ситуативно-специфическую речевую агрессию. Кандидаты в президенты на уровне партии или на общенациональных выборах ведут борьбу за внимание и доверие аудитории, ведь именно от ее поддержки зависит успех предвыборной кампании. Безусловно, логика и рациональная аргументация своей позиции играют важную роль в американских политических дебатах. Однако политики сражаются не только оружием фактов. Выступления, обвинения и оправдания участников дебатов направлены не столько на оппонентов, сколько на широкую аудиторию, апеллируют к ее идеалам и ценностям. Важен сам образ политика и то, как его воспринимают окружающие. Поэтому положительная саморепрезентация, дискредитация оппонента, поляризации мира на «своих» и «чужих» и самоидентификация со «своими» — это те коммуникативные стратегии, которые доминируют в американских политических дебатах и в общественно-политическом дискурсе в целом. Важно отметить особую роль имплицитной речевой агрессии в американских политических дебатах, подспудно используемой для дискредитации оппонентов как ненадежных и «чужих» для избирателей. Для полноценного исследования прямой и косвенной речевой агрессии необходимо изучать не только начало конфликтного взаимодействия, но и реакцию атакуемой стороны, в том числе и на имплицитную дискредитацию.

Портрет утопии: Оценочные аспекты англоязычных рецензий о выставках советской фотографии*

Магнес Наталья Олеговна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Аксенова Надежда Владимировна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Денисова Наталья Викторовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен изучению оценки как индивидуально-субъективного способа структурирования эстетической информации в пространстве англоязычного искусствоведческого дискурса, посвященного советской фотографии. Обращаясь к публикациям о западных выставках работ советских фотографов, авторы доклада стремятся продемонстрировать, как оценка произведений искусствоведом позволяет преодолеть идейно-культурный разрыв между произведением искусства и аудиторией, содействуя адекватному декодированию фотографического знака. Интерпретационно-оценочные действия искусствоведов приобретают особую значимость при ознакомлении аудитории с контрафактивными фотографиями, передающими не вполне объективный или намеренно искаженный образ советской действительности. В ходе анализа оценочных смыслов при актуализации трех дискурсообразующих концептов ARTIST, WORK OF ART и STATE авторы доклада выявляют механизмы, задействованные в конструировании смыслов посредством фотоизображения и уточняют состав субъектов фотографического опыта, участвующих в создании фотолетописи нового советского государства. Исследование продемонстрировало, что в англоязычном искусствоведческом дискурсе советское государство способно выступать в функции референта фотоизображений, однако чаще фигурирует в ролях цензора, регулятора доступа аудитории к фотоматериалам и заказчика идеологической фотопродукции, а также в роли источника оценки этико-эстетического содержания фоторабот. Взаимоотношения между государством и художником репрезентируются как деструктивно-иерархические, подрывающие принцип эстетической самооценности искусства. Амбивалентный характер оценки деятельности советских фотохудожников связан с противопоставлением формы и содержания фотографических работ: *ideologically constrained but conceptually advanced; socialist in content and realist in form*. Однако, подчеркивая вынужденность следования жестким установкам государства-заказчика, авторы рецензий оправдывают фотохудожника-исполнителя, смещая аксиологический фокус с рациональной оценки собственно политической составляющей фоторабот в сторону эстетической оценки их художественного содержания: *unconventional, radical, innovative, original*. Выступая важной формой агитационного искусства и одним из средств создания политического мифа, советская фотография трактуется в терминах пропаганды и в ра-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

ботах арт-критиков. Однако, несмотря на политическую составляющую и возможную контрафактивность, советская фотография как направление изобразительного искусства в целом, а также художественная ценность снимков, используемые фотографами новаторские приемы и выразительные средства в частности становятся объектами мелиоративной оценки в искусствоведческой рецензии.

Особенности реализации персуазивных техник в дискурсе рекламных объявлений в Инстаграм

Милякова Виктория Владимировна,

аспирант

Московский государственный областной университет

За последние двадцать лет интернет стал для нас привычным средством коммуникации, вытеснив даже живую межличностную коммуникацию, сделав его не просто мессенджером, а активным участником современного рынка товаров и услуг, давшим начало такому явлению как цифровая экономика. Интернет по праву был признан мощнейшим средством манипулятивного и персуазивного воздействия на аудиторию. Необходимо отметить, что наибольший персуазивный эффект достигается путем размещения рекламных объявлений в социальных сетях и блогах так называемых инфлуэнсеров, трендсеттеров — персон (блогеров), которые являются кумирами современности, чье поведение и образ жизни привлекают внимание, а их страницы в социальных сетях и блоги посещают большое количество фоловеров, внимательно следящих за их образом жизни. На примере рекламы на страницах самых популярных интернет-блогеров и популярных среди современной молодежи брендов, представленных в социальной сети Инстаграм, в статье дается лингвопрагматическое описание персуазивных техник и лингвистических средств, используемых в их постах, что и является целью написания статьи. В процессе работы над статьей автором были использованы следующие методы: анализа и синтеза теоретического и практического материала, классификации примеров, избранных для анализа; описание полученных данных. Как известно, главной персуазивной целью всего рекламного дискурса является побуждение реципиента (аудитории) к принятию решения о покупке рекламируемого продукта. Именно поэтому при рассмотрении различных персуазивных стратегий особое внимание уделяется тем техникам, которые помогают осуществлению данной цели. Особенностью рекламного текста является такое описание продукта, при котором информирование о его качествах уходит на задний план, уступая место его абсолютно положительной оценке. Поэтому в качестве основной персуазивной стратегии рекламы выделяется стратегия оценочного информирования, или стратегия создания положительного имиджа рекламируемого продукта. Следует подчеркнуть, что в рамках рекламного интернет-дискурса коммуникативные стратегии персуазивности спокойно взаимодействуют и комбинируются между собой, так как они не привязаны к определенным компонентам текста. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что современные социальные сети имеют ряд преимуществ в распространении рекламных объявлений, а, соответственно, рекламный интернет-дискурс обладает наибольшим потенциалом для рекламно-персуазивного и манипулятивного воздействия на целевую аудиторию. Это происходит не

столько благодаря использованию традиционных техник персуазивного воздействия, а в большей степени благодаря умелому использованию гипертекста, поликодового текста, созданного блогером виртуального образа, которому доверяют подписчики.

Корпусное исследование когнитивной модели персонажа в литературной критике по роману Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники» в начале XX в.

Мозесон Александра Юрьевна,

ассистент

Московский городской педагогический университет

Исходным положением в данной работе является тезис о том, что персонаж можно представить как когнитивную модель, создающуюся в результате сложного взаимодействия входящей текстовой информации с одной стороны и уже имеющихся данных в сознании читателя [Culpeper 2002: 251]. Когнитивная модель персонажа может быть представлена в виде фрейма или его составляющей. Читатель может удерживать в сознании несколько более или менее различных образов одного и того же персонажа, дополнять и развивать их, заполняя определенные слоты в рамках фрейма [Weststeijn 2004: 65]. Целью данного исследования является установление особенностей языкового наполнения фреймовой структуры персонажа миссис Морел в литературной критике начала XX в. по роману Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники». Современные технические возможности и развитие цифровой среды создали условия, в которых представляется возможным объединить последние исследования в области когнитивной психологии, когнитивных исследований в литературе и лингвистические исследования текстов художественных произведений. Одним из направлений, получивших широкое применение в области изучения художественного дискурса, является корпусная стилистика (Corpus stylistics). В данной работе анализ текста произведения выполнен при помощи программы Wmatrix, которая была разработана Полом Рейсоном в Университете Ланкастера в 1998. Она позволяет производить грамматический и семантический анализ текстов, выделять ключевые слова, ключевые семантические области, части речи с наибольшей репрезентативностью и анализировать конкордансы, где исследуемые языковые единицы представлены в контексте [Rayson 2009]. В результате исследования были выделены и проанализированы наиболее релевантные семантические поля, относящиеся к описанию физических и не физических характеристик персонажа, а так же семантические области с меньшей репрезентативностью. Представлен подробный разбор языкового материала, основанный на анализе языковых единиц в контекстном окружении в конкордансах, полученных при помощи программы Wmatrix.

Литература

Culpeper J. A cognitive stylistic approach to characterisation // *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 251–277.

Rayson P. (2009) Wmatrix: a web-based corpus processing environment, Computing Department, Lancaster University. <http://ucrl.lancs.ac.uk/wmatrix/> Weststeijn W. Towards a Cognitive Theory of

Лингво-прагматические особенности глагольной номинации в заголовках военно-публицистических текстов

Пахолкова Лия Михайловна,

к. ф. н., доцент

Московское высшее общевойсковое командное училище

Информирование о событиях окружающего мира отражается в средствах массовой информации, в первую очередь, в их заголовках. Заголовок как обязательный элемент текста первым привлекает внимание читателя, выделяя текст из ряда других текстов, передавая содержание в сжатой форме. Номинация заголовка может быть представлена многоуровневыми языковыми единицами — лексическими, синтаксическими, невербальными средствами, поэтому авторы работ, посвященных исследованию этой темы, говорят о заголовочном комплексе, заголовочной системе. Основными функциями заголовка являются номинативная, информативная, коммуникативная, экспрессивно-оценочная. К лингвистическим особенностям заголовка относится употребление выразительных, стилистически окрашенных языковых средств для привлечения внимания аудитории. Одним из основных языковых средств номинации в заголовках военно-публицистических текстов являются глагольные номинации. Роль и место глагольной номинации в военно-публицистическом тексте трудно переоценить, поскольку глагольные единицы формируют акциональное пространство текста, включая в структуру значения субъект и объект действия. Номинативная функция заголовка заключается в том, что заголовок называет какое-то событие, ситуацию реального мира. Выступая как наименование целой ситуации, высказывание как предикативная единица является номинацией особого рода, весьма отличной от лексической номинации. Глагольные номинации в составе предложений — высказываний в заголовке являются семантически насыщенными единицами номинации. Заголовки в форме утвердительных, вопросительных, побудительных предложений, в состав которых входят полнзначные глаголы, наряду с информативной реализуют и экспрессивно-оценочную функцию заголовочного комплекса. Многообразие характеристик процессуально-событийной номинации, наличие отдельных наименований для разновидностей одного и того же действия осложняют категоризацию языковых средств глагольной номинации в военно-публицистических текстах. Важным аспектом исследования послужила модальность заголовочного комплекса. В современных исследованиях модальность определяется как функционально-семантическая и коммуникативно-прагматическая категория. Модальность заголовочного комплекса эксплицитно представлена формами глагольного наклонения, модальными глаголами, частицами, вводными словами. Основным средством выражения модальности в заголовочном комплексе служат модальные глаголы. Наиболее частотным модальным значением, реализуемым в заголовочных комплексах военно-публицистических текстов, выступает модальность возможности.

Роль когнитивного контекста в репрезентации концепта MATERNITY в англоязычном искусствоведческом дискурсе о соцреализме*

Петухова Татьяна Ивановна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В рамках современной когнитивной теории языка термин ‘когнитивный контекст’ выступает как родовое понятие для обозначения различных типов когнитивных структур (концептов, фреймов, концептуальных областей), лежащих в основе формирования значения слова, а также для обозначения всей системы знаний как основы коммуникации [Болдырев 2019].

Когнитивный контекст играет значимую роль в процессе языковой интерпретации произведения искусства, выступая основой для формирования оценочных смыслов. Особый интерес представляет также выявление закономерностей конструирования искусствоведческого дискурса в процессе межкультурного взаимодействия, когда произведения искусства, созданные представителями одной культуры, оцениваются экспертами, представителями другой культуры, знания которых в большой степени формировались под влиянием иных социо-политических и профессиональных стереотипов. Ценностные концепты, репрезентируемые в произведениях художников посредством живописных знаков, находят вербальную объективацию в искусствоведческом тексте. Одним из значимых концептов, которые актуализируются в англоязычном искусствоведческом дискурсе о изобразительном искусстве соцреализма, является концепт MATERNITY.

Важную роль при этом играет когнитивный контекст, который представляет собой совокупность знаний эксперта и служит основой для репрезентации данного концепта на вербальном уровне. Анализ искусствоведческих текстов, авторами которых являются зарубежные исследователи, позволил выявить ряд концептуально-тематических областей, таких как, например, *The New Soviet Person*, *Wartime*, *Hard Life* и др., которые выступают в качестве когнитивных контекстов и играют значимую роль в оценочной интерпретации изображения советской женщины — матери. В ряде случаев когнитивный контекст позволяет эксперту интерпретировать концепт MATERNITY как многоуровневый. Анализ показал также, что исследуемый концепт может актуализироваться одновременно на основе нескольких когнитивных контекстов. Языковая экспликация определенных концептуально-тематических областей как когнитивных концептов формирования оценочного смысла имеет большое значение в искусствоведческом тексте, так как способствует достижению прагма-коммуникативного резонанса в рамках диалога между художником — автором картины, самим произведением как объектом оценки, зарубежным искусствоведом, интерпретирующим изображение в контексте своих знаний, и реципиентом искусствоведческого текста.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Связность фейка

Солнцева Елена Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ фейковых новостей становится все более и более важным для современного, во многих отношениях медийного, общества. Под фейковыми новостями подразумевается специально созданный контент (текстовый, звуковой или визуальный), авторы которого пытаются запугать или обмануть читателей. В СМИ фейк маскируется под новость. И фейки, и факты выполняют схожие функции, когда они нацелены на развлечение, убеждение, рекламу или зарабатывание денег, но, с другой стороны, функции различаются тем, что фейковые новости пытаются ввести читателей в заблуждение, нанести им вред, в то время как реальные новости стремятся в первую очередь информировать. Это расхождение в функциях ведет к языковым и экстралингвистическим различиям, которые проявляются, в частности, в связности фейковых новостей.

Целью данного исследования является сравнение фейковых и реальных новостей как части медиадискурса с точки зрения их связности. Связность трактуется в целом как способность медиатекстов обнаруживать лексико-грамматическую локальную связь на уровне предложения, семантическую, тематическую глобальную связь на уровне текста, а также прагматическую связность в виде связи текста с автором и аудиторией и синтаксическую в виде гипертекстовых и мультимодальных ссылок на другие источники в медиадискурсе. Фейки и проверенные новости анализируются в данном исследовании как часть медиадискурса с использованием этого комплексного трехстороннего подхода. В результате делается вывод о том, что настоящие новости и фейки обладают разными характеристиками связности в семантическом, прагматическом и синтаксическом отношении.

Материалом работы послужили 100 статей на английском языке. В качестве источников фейков и фактчекинга были рассмотрены ресурсы Neonettle, Gateway Pundit и Snopes. Проверенными источниками стали The Times, The Guardian, The New York Times, USA Today и Reuters.

Для демонстрации сравниваются следующие истории: «California oil spill: Pipeline wasn't shut down for more than 3 hours after pressure failure alert, feds say» (USA TODAY), «Biden says he and China's Xi agree to abide by Taiwan agreement» (Reuters) и «Coronavirus: plans to end free rapid tests in England 'reckless'» (The Guardian), а также «Minneapolis Installs Sharia Hotline to Report Americans Who Criticize Islam» (NewsPunch.com), «The gunman suspected of killing at least seventeen people at a school in Florida in February 2018 was a registered Democrat» (Gateway Pundit) и «45,000 Dead From Covid-19 Vaccines Within 3 Days», Sparks Lawsuit Against Federal Government» (VAERS). Проведенное исследование способствует решению задач верификации информации и разработки программ автоматического анализа медиадискурса.

Роль онимов в англоязычном искусствоведческом тексте об истории развития соцреализма (на материале нарратива М. Бауна)

Стрельцова Анастасия Владимировна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящее исследование посвящено анализу онимов, функционирующих в сценариях, которые репрезентируются в предисловии к каталогу «Socialist Realisms. Soviet Painting 1920–1970». Данное предисловие, автором которого является британский искусствовед М. Баун, представляет собой нарратив, в котором дана краткая история развития изобразительного искусства соцреализма. Искусствовед предлагает читателю рассматривать влияние идеологической повестки («discourse around art») в контексте двух, принципиально отличающихся друг от друга сценариев, значимыми структурными элементами которых являются субъекты действия — акторы, представленные в тексте именами собственными. Акторами первого сценария выступают художники соцреалисты (примеры онимов: А. М. Герасимов, И. И. Бродский и др.), чьи художественные поиски были направлены на разработку художественного языка, который соответствовал бы требованиям языка политической мысли. Данный сценарий актуализируется в нарративе М. Бауна в рамках оппозиции «свой-иной», что свидетельствует о стремлении британского искусствоведа понять специфику становления и развития соцреализма как самостоятельного художественного направления. Акторами второго сценария выступают идеологи соцреализма, в том числе и некоторые художники, одновременно являвшиеся теоретиками данной идеологии (примеры онимов: А. В. Луначарский, И. Л. Маца, А. А. Богданов, художники ассоциации АХРР). М. Баун обнаруживает неоднородность, противоречивость официального дискурса, тем самым выявляя его несостоятельность. Так, второй сценарий, реализуется при помощи языковой объективации оппозиции «свой–чужой». Языковая реализация обоих сценариев осуществляется при помощи «иного/чужого» языка, цитат, которые встраиваются в определенный контекст, языковой объективации значимых событий и акторов, которые играли в них определяющую роль. В большинстве случаев негативная оценка самих идеологических принципов дается имплицитно. М. Баун обращается к разным периодам советской эпохи, связывая их согласно собственному пониманию развития советского искусства. Помимо анализа характерных черт соцреализма, искусствовед также выявляет ряд черт, которые объединяют советское и западноевропейское искусство. Представляется, что внимание к подобным чертам в значительной степени меняет устоявшийся ближе к концу XX века гетерообраз советской живописи для англоговорящей аудитории.

Существительное Bucket: иносказательный потенциал, не замеченный словарями

Толочин Игорь Владимирович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Словарные статьи существительного bucket в онлайн словарях Lexico, Merriam-Webster и Cambridge, а также в печатных словарях Shorter Oxford и Concise Oxford предлагают небольшие по объему словарные статьи, отмечая у bucket основное значение «container for holding liquids» и несколько производных, которые также обозначают либо физические объекты, либо содержимое таких контейнеров. Ни в одной из словарных статей не приводится традиционно выделяемая идиома kick the bucket и фраза bucket list как языковые образования, семантически обусловленные значением существительного bucket. При этом наблюдения над использованием bucket в различных конкретных высказываниях демонстрируют у bucket богатый иносказательно-выразительный потенциал, что позволяет этому слову обозначать не только предмет для содержания жидких или сыпучих материалов, но и четко продуманный и подготовленный для дальнейшего использования объем данных в памяти говорящего. При этом подчеркивается ценность систематизированного опыта, обозначаемого словом bucket. Данный вариант значения характерен для текстов, в которых обсуждается значимость принятия обдуманных и взвешенных решений: «An entrepreneur needs to be able to categorise and think in buckets»; «investors intuitively tend to think in buckets»; «It is good to think of fixed budgets and deadlines as “buckets”». Также встречаются контексты, в которых bucket обозначает накопленный положительный жизненный опыт: «Out of my bucket will pour the happy experiences I have spent my lifetime amassing». Анализ структуры значения bucket в подобных контекстах позволяет поставить вопрос о целесообразности выделения иносказательного варианта значения данного существительного. Иносказательная выразительность bucket в данных контекстах обусловлена тем, что во всех случаях употребления bucket используется как средство для сбора и содержания чего-то значимого в рамках данной ситуации: machine milking in the bucket. Механизм иносказательного расширения у основного значения bucket прозрачен в контекстах типа «Remember when things are going well, that's «Milk in the Bucket!». Данные, полученный при сборе контекстов позволяют не только уточнить природу полисемии существительного bucket, но и выявить семантическую мотивированность таких языковых образований как bucket list или kick the bucket неучтенным в толковых словарях вариантом значения этого существительного и обосновать отличие его значения от значения таких существительных как can и rail, с чем толковые словари не справляются: дефиниция существительного rail в словаре Lexico, например, просто отсылает к существительному bucket, что не соответствует ни характеру использования этих существительных в английском языке, ни приводимым в словарной статье примерам.

Провокативные высказывания в современном англоязычном коммуникативном пространстве

Третьякова Татьяна Петровна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель настоящего доклада рассмотреть направления создания провокативных высказываний в англоязычном политическом и научном дискурсе. Отобранные для анализа дискурсы демонстрируют некоторое сближение в формировании способов намеренного введения в заблуждение, связанного с коммуникативными установками адресанта.

Провокативные высказывания определяются как элементы дискурса, направленного на изменение интенционального состояния собеседника, которое связано либо изменением действий, либо изменением эмоционального отношения. Под провокацией понимается побуждение к совершению какого-либо неблагоприятного или выгодного для одного из участников коммуникации действия.

Первое направление связано с реализацией неориторических функций аргументации. Провокативные высказывания определяются ошибочным посылом или ошибочным выводом (fallacy). Политический дискурс основан на конфронтационной позиции участников диалога. Это особенно легко устанавливается в рамках интервью. Типы интервью как известных ученых, так и политиков демонстрируют определенные векторы регулятивного и аффективного характера. В американской политической культуре возникли так называемые entertainment interviews, построенные исключительно на провокационных высказываниях, направленных либо на поддержание имиджа политика, либо на его дискредитацию. Смыслы отражаются в динамических преобразованиях в постоянном взаимодействии, т. е. в имплицитных цепочках, отражающих интерактивную деятельность коммуникантов.

Смыслы многих построенных не являются контекстно-оправданными, если не учитывать интенциональные программы собеседников. К этому направлению примыкают также мисинформация.

Второе направление, которое в настоящее время активно используется в научном дискурсе — это интеллектуальные уловки, подделки и подтасовки. В англоязычном дискурсе данного рода понятия объединены словом hoax, которое постепенно в мире дезинформации становится термином. Примером провокации в научном дискурсе служат принятые для публикации в 2017 г. в рейтинговых американских журналах статьи с ложной информацией, созданные в провокационных целях. Из 20 статей отклонены только шесть, а остальные приняты к публикации либо без дополнительных доработки, либо с незначительными изменениями. <https://www.theatlantic.com/author/yascha-mounk/>

В заключении делается вывод о четырех типах провокативных высказываний: 1) мисинформация, как ненамеренное введение в заблуждение; 2) фейковая информация или дезинформация с целью продвижения идей и товаров в определенных типах социума; 3) высказывания с импульсом введение в заблуждение (fallacies) и 4) обман как уловка (hoax) — замена результатов подлинной деятельности фальсификацией.

Цукерберг, мы все уронили: осмысление роли социальных медиа в мемах как поликодовых текстах

Троценкова Екатерина Владимировна,

д.ф.н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Учитывая то, насколько плотно социальные сети вошли в жизнь, и какое место они заняли в человеческом общении, неудивительно, что как явление они привлекают внимание и специалистов разных областей, и широкой публики. Относительная новизна и недостаточная освоенность технологически-опосредованной коммуникации создают плодородную почву как для надежд, так и для опасений разного рода. В этом отношении с позиций когнитивного подхода интересно изучить то, как осмысляются трансформация медиа пространства и новые средства коммуникации «изнутри», посредством тех инструментов, которые концентрируют в самих себе существенные черты новых медиа. Интернет мемы, получившие огромную популярность в последние годы, по сути, и есть яркое воплощение новых медиа с их принципиальной мультимодальностью, принципами коллаборативности в порождении контента и вирусного распространения информации за счет активации большого числа горизонтальных связей между рядовыми пользователями в Интернет-пространстве. Поэтому ситуация, когда поликодовые тексты такого типа служат осмыслению роли цифровых медиа и тех общественных и культурных трансформаций, которые влечет за собой их появление, — это ситуация метакогнитивная: продукт новых медиа становится инструментом описания и зачастую критики этих медиа. В докладе анализируются англоязычные мемы, возникшие в связи с двумя значимыми событиями, касающимися соцсетей и произошедшими осенью 2021 года: сбоем в работе соцсети Facebook и дочерних приложений и переименованием корпорации Facebook в Meta. Материал рассматривается с точки зрения содержательного взаимодействия отдельных текстов, создаваемых разными авторами. Мемы как поликодовые тексты анализируются как в части вербальной, так и иконической составляющей с позиций коммуникативной координации пользователей, реализуемой посредством таких сообщений. Изучается то, как при помощи аллюзивных отсылок к другим мемам и иным продуктам англоязычной культуры создается единое пространство осмысления роли социальных медиа и IT-компаний в жизни общества и отдельного человека, как возникают координационные паттерны, позволяющие заново иронически осваивать уже сложившиеся стереотипные представления и справляться с негативными эмоциональными реакциями тревожности и фрустрации.

Лингвокультурологические особенности образа Петербурга в романе М. Брэдбери «To the Hermitage»

Урусова Надежда Александровна,

преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В докладе рассматриваются лингвокультурологические характеристики образа Петербурга в англоязычном романе-биофигии М. Брэдбери «To the Hermitage». Роман

построен по принципу контраста: между историческими периодами — эпохой Просвещения (конец XVIII в.) и эпохой Перестройки (1993) и между пространствами — территорией Европы и России. Биофикция, которая стала одной из популярных литературных форм в период постмодернизма, понимается как гибридная жанровая форма, базирующаяся на биографии реального исторического персонажа и сочетающая в своей семантике реальность и вымысел. Представляется актуальным изучение лингвистических средств, которые применяют авторы биофикций для воссоздания исторической эпохи и места действия при обращении к «внешней» (русской) культуре. Для художественного пространства Петербурга в данном повествовании очень важно наличие границы, которое имплицитно задается самим названием, построенном на основе образ-схемы TO-image schema. Граница разделяет «свое» европейское пространство протагонистов и «чужое» русскокультурное пространство Петербурга, которое концептуализируется как темное (pure state-of-the-art Nordic gloom) и небезопасное (a state of crisis, bullet-pocked, part-shattered). Маркером перехода в другой мир является холод, который вербализируется в тексте разными лексическими единицами (north, winter, chill, frozen, colder than the very deepest hell). Нельзя не отметить широкое использование М. Брэдбери «локально»-петербургского словаря, актуализирующего петербургский дискурс такими компонентами Петербургского текста, как снег и ветер (snow, wind), наводнения (flood, floody), болото (a wind-blown marsh), цветовая гамма (shining yellow, pink, blue, gold and glittering), вода (water, in swirling water), камень (fresh stone, half-trimmed stones, granite, marble), миражность (illusions, strange flaring lamp-posts, mirage), простор (prospekts that run miles in straight lines to some distant nowhere), крайнее положение (on the edge of the swamps), характер застройки (grand unfinished squares, wide new prospekts, huge palaces, embankments), город-преисподняя (the very deepest hell), нищенство и бродяжничество (paupers and beggars), проституция (decorated vermilion-cheeked tarts, a whore's frozen finger). Моделируя образ Петербурга начала XVIII в., Брэдбери использует разнообразные ксенонимы-русизмы, актуализирующих русский исторический дискурс (tzar, tsarina, roubles, versts, boyars, Don cossacks), а при создании образа современного Петербурга 90-х гг. прошлого века текст наполняется лексическими маркерами революционного (the Bolshevik Revolution, Communism, proletarian realism, commissars) и постсоветского дискурсов (nomenklatura, oligarch, valuta, shampanski, «the coloured dolls, the matrioshki»).

Своеобразие репрезентации концепта EVENT в искусствоведческом дискурсе*

Хомякова Елизавета Георгиевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Концепт EVENT относится к числу внеязыковых категорий, которые находят отражение в насыщенной событиями картине мира индивида и социума, актуализируясь в языковом пространстве. Традиционно процедура языковой репрезентации концепта осуществляется в ходе речевой деятельности, когда наблюдается тесное взаимодей-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

ствие процессов номинации и коммуникации, вне зависимости от того идет речь о диалогических или монологических построениях. Описывая воспринимаемое событие на уровне предложения и текста говорящий помещает его в контекст своих эмоционально-оценочных реакций и ценностных характеристик, которые возникают в результате восприятия и оценки увиденного на основе имеющихся у него знаний и опыта, что отражается в научной литературе триадой Перцепция — Рефлексия — Язык.

Особая, на наш взгляд, значимость объективации концепта EVENT проявляется в текстах, представляющих собой определенную разновидность дискурса, которую можно было бы обозначить как «критический дискурс». В таком дискурсе реализуется наиболее широкое толкование концепта EVENT, поскольку говорящий в своей оценке события исходит не из того, каким образом он сам непосредственно воспринимает и оценивает окружающий его мир и происходящие в нем события, а основывается на том, как он может оценить то, что уже было создано в результате креативной деятельности его предшественников в области культуры, науки и искусства.

Таким образом, в проведенном исследовании речь идет о сложном опосредованном многоуровневом процессе отражения в текстах «критического дискурса» оценки того, как автор произведения передает в своей работе собственное восприятие и понимание действительности. Данный вид «опосредованной критической оценки», который можно было бы охарактеризовать как «оценка оценки» наиболее эксплицитно представлен в искусствоведческих текстах, в которых эксперты оценивают насколько, по их мнению, создатель произведения искусства достоверно и правдиво передает картину окружающего его мира.

Именно искусствоведческий дискурс, таким образом, предоставляет лингвисту наибольшие основания для изучения своеобразия репрезентации и функционирования в языке репрезентации концепта EVENT с учетом «опосредованной оценки» и особенностей социо-культурологической принадлежности эксперта, выступающего ее субъектом.

Лингвокультурологический анализ языка искусствоведческих текстов в процессе проведенного исследования проводился на материале англоязычных искусствоведческих текстов, посвященных работам советских художников, созданных в период Оттепели.

Особенности функционирования уникальных терминов, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании

Цверкун Юлия Борисовна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный институт международных отношений

Функционирование института образования является одним из важнейших факторов успешного развития общества на современном этапе. Высшее образование приобретает важнейшее значение в процессе подготовки высококвалифицированных кадров. Современное образование, в том числе и высшее, характеризуется двумя тенденциями: интеграцией и сохранением социокультурного и исторического своеобразия образовательных систем.

Англоязычная терминология области высшего образования представлена «совокупностью лексических единиц, которые не только соотнесены со специальными понятиями, но и в ряде случаев отражают локальное культурное своеобразие образовательной системы» [Цверкун, 2019]. Под терминами с культурным компонентом значения подразумеваются «единицы, в значение языкового субстрата которых входит информация об историко-территориальных ценностях, представлениях, особенностях и реалиях культуры определенного историко-территориального сообщества» [Иконникова, 2014: 11]. В используемых в данном исследовании лексикографических источниках (словари современного английского языка, этимологический словарь английского языка, англоязычные словари терминов образования) англоязычные термины высшего образования с культурным компонентом значения, как правило, маркированы в территориальном плане: *British, mainly in Scotland, in England and Wales, at Oxford and Cambridge, Oxford, at some British universities* и т. д. Терминологические единицы высшего образования Великобритании функционируют на четырех уровнях: 1) общеанглийская терминосистема образования; 2) терминосистема образования Великобритании; 3) терминосистема одной административно-территориальной единицы или нескольких административно-территориальных единиц; 4) терминосистема определенного университета. К единицам, используемым на первом уровне, относятся общеанглийские и унифицированные термины. Такие явления, как территориальная вариантность и уникальность терминов, реализуются на втором, третьем и четвертом уровнях [Цверкун, 2019: 9-10]. В терминосистемах высшего образования Великобритании лексико-семантическая вариантность и уникальность терминов проявляется особенно ярко в силу особенностей становления системы образования в Англии и Шотландии. Сохранение и активное употребление уникальных терминов главным образом характеризуют старейшие британские университеты.

Литература

1. Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии, США) / В. А. Иконникова. — М.: МПГУ, 2014. 496 с.

2. Цверкун Ю. Б. Особенности англоязычных терминов системы образования (лингвокультурологический аспект): автореферат дис. ... к. ф. н. М., 2019. 22 с.

Метафорическая модель осознание → вкус

Чалей Ольга Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Эмпирические прилагательные, обозначающие осязательные ощущения, развивают дополнительные интермодальные значения в сочетании с номинацией вкуса. Так, например, в сочетании *velvety taste* / бархотно-нежный вкус четко прослеживается сущность метафорического переноса: происходит сдвиг значения *velvety* — *resembling velvety in texture* / бархатный — напоминающий по текстуре бархатистость ткани на основе смены каналов восприятия: осязательный признак → вкус. Прилагательное *velvety* / бархатный, приятный на ощупь, такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает приятное ощущение (мягкий, нежный),

«присваивает» осязательный признак *resembling velvety in taste* / напоминающий по вкусу бархатистость, развивает дополнительное значение в сочетании с номинацией вкуса: приятный на вкус, нежный, мягкий. Осязательный признак *velvety* / бархатный характеризует, как правило, ткани, текстуру материала: *Velvety fabrics were soft with age* / Бархатные ткани становились с возрастом еще мягче. Процесс синестетического употребления слов заключается в том, что один объект *taste* / вкус «присваивает» осязательный признак (*velvety* / бархатный), свойственный другому объекту (*fabrics* / ткани), в чем, собственно, и состоит основное качество метафоры. Однако помимо данного процесса в этой синестетической конструкции осуществляется еще один механизм — актуализация семы положительной оценки. Лексическая единица *velvety*, содержащая в своей семантической структуре интенциональную сему *pleasant* / приятный, сохраняет ее и при сдвиге модального значения.

Благодаря синестетической метафоре сема приятный еще ярче реализуется в составе словосочетания, и в результате *velvety taste* получает эксплицитно выраженное коннотативное значение — положительную оценку: бархатный, т. е. мягкий, приятный на ощупь, при прикосновении и под воздействием синестезирующего элемента *taste* / вкус приобретает значение бархатный вкус, т. е. приятный на вкус, нежный, мягкое, ласково улаждающее нёбо.

Явление метафоры в данном случае предлагается рассматривать как уподобление признаков некоего объекта (бархатистость, мягкость на ощупь) в рамках одного домена (тактильного восприятия) признакам другого объекта (нежность) в рамках другого домена (вкусового восприятия).

Результаты нашего исследования подтверждают принцип С. Ульманна о «иерархической дистрибуции», по крайней мере, для английского языка. В соответствии с данной концепцией синестетические переносы осуществляются по направлению от «низших» к «высшим» сенсорным модальностям осязание → вкус. Прилагательные, обозначающие признак вкуса, крайне редко преобразуют семантическую структуру своего значения и используются для номинирования осязательных ощущений.

Образная репрезентация движения по вертикальной оси (на материале английских фразеологических единиц с глаголами движения)

Шидловская Диана Юрьевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящем докладе предлагаются наблюдения над семантикой фразеологических единиц (далее ФЕ), в основе которых лежат образы движения вверх и вниз. Способность ФЕ накапливать чувственно-интеллектуальный и многолетний культурно-исторический опыт делает их значимым источником пополнения знаний о человеке, что в свете антропоцентрической парадигмы представляется актуальным. Цель исследования заключается в выявлении особенностей языковой концептуализации перемещения по вертикали и определении роли архетипической пространственной оппозиции «вверх—вниз» в формировании наивной картины мира. Материалом для исследования послужили кинестетические ФЕ, компоненты которых актуализируют

семантику верха (fly, rise, raise, climb, move/go up и т. д.) и низа (fall, sink, go down и т. д.).

Анализ фразеологической репрезентации движения по вертикали показывает расширение семантики концептов ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ/MOTION UP и ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ/MOTIONDOWN от религиозно-мистических до социальных, нравственных и эмоционально-духовных переживаний. В ходе исследования было выявлено, что рассматриваемые ФЕ обозначают различные аспекты жизни человека, наиболее репрезентативными из которых являются трудовая деятельность, межличностные отношения, эмоциональные состояния, поведенческие паттерны и особенности физиологии. Кроме этого, кинестетические ФЕ способны описывать свойства предметов и явлений, давать характеристику различным жизненным ситуациям. В аксиологическом отношении наблюдается разрушение абсолютной ценностной значимости пространства верха и низа, которые в архаичном сознании наделялись исключительно положительной и отрицательной оценкой соответственно. Несмотря на то, что в семантике некоторых ФЕ (come up in the world; climb a social ladder; lift someone's spirits; raise a smile; sink so low; someone's heart sinks и др.) за верхом и низом сохраняются архаичные оценочные стереотипы, данные категории также способны изменять аксиологический вектор с положительного на отрицательный и наоборот (см. например, climb/get on one's high horse; come down/ off one's high horse; raise someone's hopes; go down a bomb и т. д.). Это объясняется тем, что ценностная значимость верха и низа определяется оценочной характеристикой тех стереотипных ситуаций, телесных ощущений, элементов ситуации движения и т. д., в конструировании которых рассматриваемые пространственные оппозиции принимают непосредственное участие. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что концепты движения по вертикали представляют собой сложные, многомерные образования, структура которых усложняется по мере развития человеческой культуры и приобретения вертикальной осью черт полисмыслового пространства.

Языковая репрезентация оценки изобразительного искусства России XX в. в энциклопедии «Британника»

Шутёмова Наталья Валерьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассматриваемая проблематика восходит к изучению аксиопространств разных национальных культур и связана с изучением «преломления» художественных ценностей одной национальной культуры при восприятии, интерпретации и оценке в другой, что в целом обуславливает актуальность исследования. В качестве предмета изучения выступают способы языковой репрезентации категории оценки в англоязычном энциклопедическом дискурсе, посвященном изобразительному искусству России XX в. Материалом исследования послужили соответствующие данной тематике статьи в энциклопедии «Британника», являющейся одним из авторитетных изданий, которые предоставляют информацию о наиболее значимых персоналиях и событиях, выражают их оценку и формируют мнение о них как в англоязычных странах, так в более глобальном международном масштабе. В результате исследования выявлено, что в качестве субъекта оценки выступает редакционная коллегия издания, которая является

обобщенным лицом и может быть представлена без указания искусствоведа-автора энциклопедической статьи либо с его идентификацией. Диапазон объектов оценки в энциклопедических статьях охватывает ключевые этапы развития изобразительного искусства России в XX в., соответствующие художественные течения, персоналии, произведения и их свойства. Прослеживается динамика их оценки в зависимости от хронологии освещаемых этапов и степень ее репрезентированности от более развернутой и детализированной в отношении первой половины XX в. до более лаконичной и обобщенной характеристики искусства второй половины века. Основными критериями оценки в энциклопедическом дискурсе являются значимость, уникальность и эстетические характеристики объектов. Анализ «преломления» свойств произведений искусства опирается на понятие художественности [1], которая трактуется с философских позиций как сущность произведения искусства. На основе дискурсивного анализа выявляется представленность в энциклопедическом дискурсе «однополярной» и «биполярной» оценки [2] в зависимости от вида ее субъекта и объекта. Доминантным средством ее объективации является лексика, выражающая рациональную и эмоциональную оценку. Кроме того, используются синтаксические средства, актуализирующие семантику оценочной лексики. Также сообщению оценки способствует мультимодальность энциклопедической статьи и ее интертекстуальность.

Литература

1. Роднянская И. Б. Художественность // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 489–490.
2. Хомякова Е. Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020, № 4. С. 3–7.

Теория знака и ее значение в рамках современной лингвистической парадигмы (на материале англоязычной художественной литературы)

Щербак Нина Феликсовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Под теорией знака в данном исследовании подразумевается рассмотрение теории референции (ее предыдущие и последующие модификации, включая треугольник Фреге) с точки зрения возможных современных взглядов на данную проблематику. Используется структурно-семантический анализ, рассматривается герменевтическая составляющая. Важным принципиальным моментом становится неоспоримая «игровая природа» языкового знака (поздние работы Л. Витгенштейна), которая предполагает способность знака к «повторению» (difference), и отходит от традиционной идеи репрезентации знака (идеи, неоднократно постулируемые в учениях постструктурализма, работах Ж. Деррида и Ж. Делеза).

Данная идея соотносится и в некоторой степени противопоставлена идеям иконичности знака, то есть его способности к «передаче» понятия не опосредованным путем, и имея с ним определенные сходства. В данном случае интересным результатом

становится анализ новейших исследований фоно-семантики, в которых иконичность прослеживается на уровне корня слова или суффикса. Принципы иконической близости или насыщенности (Ч. Пирс) позволяют рассматривать данную проблематику на уровне всего текста. Важным результатом исследования стал выявленный результат способности современного художественного текста реализовывать концепты «сжатия», «осцилляции», «мерцания», которые одновременно демонстрируют иконическую природу знака и показывают его возможность к повторению и заложенной в нем неоднозначной трактовки.

Интересной сферой исследования стало положение о традиционно нерасщепляемой природе знака (де Соссюр), который, по мнению проф. Архипова, тем не менее, обладает таким свойством.

Разделение плана выражения и плана содержания позволяет говорить о том, что собеседнику при общении «передается» лишь «план выражения», а «план содержания» достраивается слушающим самостоятельно. При такой интерпретации знак имеет возможность принимать фактически любое значение, которое ему приписывает слушающий. Данное положение сходно с идеями, которые выдвигает Павел Флоренской в отношении процесса взаимодействия с иконой («иконным» знаком). Исследуемые положения согласуются с современными работами по изучению музыкальной речи и других семиотических систем, которые нашли отражение и применены в процессе проведения данного исследования.

История языка (романо-германистика)

Структурно-синтаксические преобразования при внутриязыковом переводе (на примере среднеанглийской поэмы «Сэр Орфео» и ее перевода на современный английский язык)

Абдульманова Аделя Хамитовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Внутриязыковой перевод — это интерпретация вербальных знаков языка ушедшей эпохи с помощью знаков современного варианта того же языка.

При переводе поэмы «Сэр Орфео» на современный английский язык изменяется порядок слов в предложении:

- 1) положение обстоятельства времени: *We redeth oft and findeth y-write... (1) — We often read and written find... (1)*
- 2) положение дополнения: *Ichil the telle al hou it is... (132) — I will tell thee how this woe was wrought... (132)*
- 3) положение сказуемого: *And seyde thus the King to:// 'Allas, mi lord, Sir Orfeo!' (119) — ... and thus unto the king she spake // 'Alas! my lord, my heart will break' (119),*
- 4) структура «прилагательное + существительное»: *Hir riche robe hye al to-rett... (81) — Her raiment rich in pieces rent... (81),* и наблюдается перестройка синтаксической структуры, включающая:
- 5) замену полинегативной структуры монологической (часто, с дополнительным использованием лексических средств отрицания вместо грамматических): *As noither to other a word no speke... (324) — ... but no word spake; no word said he. (323)* 6) замену членов предложения, в том числе:
  - а) аналитическое расщепление сказуемого: *He kneled adoun and thonked him swithe. (472) — He thanked him well, on knees did bend... (470)*
  - б) замену страдательной формы глагола действительной: *Now of this aventours that weren y-falle... (21) — Of adventures that did once befall... (21)*
  - в) обратные случаи замены действительной формы глагола страдательной: *The king hadde a croun on hed... (146) — The king was crowned with crown of light... (146)*
  - г) добавление модального глагола: *And praid him, yif his wille were... (224) — ... and prayed, if so his will might be... (223)*
- 6) изменение типов и способов выражения других членов предложения, в частности:

- а) замену подлежащего дополнением: *Layes that ben in harping...* (3) — ... that lays that now the harpers sing... (3) и
- б) замену дополнения подлежащим: *The king hadde a quen of priis...* (51) — *There dwelt his queen in fairest bliss...* (51).
- в) замену беспредложного дополнения предложным: *Thatow woldest give me...* (454) — ... that this thing thou wouldst give to me... (453)

Итак, самая частотная структурно-синтаксическая трансформация — изменение порядка слов в предложении, а самая редкая — замена полинегативной структуры мононегативной. Преобразования связаны с изменением системы языка в ходе его развития и со стремлением сохранить жанровые и организационные особенности стихотворного текста.

Источники материала:

Sir Orfeo. Translated by J. R. R. Tolkien. Allpoetry // Электронный ресурс. URL: <https://allpoetry.com/Sir-Orfeo> (дата обращения: 05.01.2022).

Laskaya A., Salisbury E., eds., *Sir Orfeo // The Middle English Breton Lays*. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995, P. 15–59.

К вопросу о категории рода в испанском языке

Андреанова Ирина Александровна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В классической латыни не было однозначного соответствия между окончанием и родом существительных. В латыни позднего периода происходят изменения в категории грамматического рода у существительных, устанавливается оппозиция мужского и женского рода по окончанию *-us / -a*, что приводит к изменению формы по роду у одушевленных существительных и рода по форме у неодушевленных. Конечное *-a* сохраняется в культизмах (*poeta, eremita*).

В старых текстах формальный элемент был выражен сильнее, было распространено употребление в женском роде (*las patriarcas, la centinela, la guarda de a caballo, David, la profeta*). Например, *El estado de los cardenales, es el estado de las patriarcas. Et esto que vos digo que es...* [1327–1332 Juan Manuel Libro de los estados. Publ.: José Manuel Blecua Gredos (M), 1981]

В народной латыни также идет процесс исчезновения среднего рода как самостоятельной морфологической категории. Существительные среднего рода перераспределяются по мужскому и женскому роду.

Большой интерес с точки зрения рода представляют прилагательные, заканчивающиеся на *-na -or*. Изначально они были неизменяемы. С XIV в. они начинают приобретать окончание *-a*, которое постепенно становится литературной нормой. Этот процесс не затронул степени сравнения. Последние получали окончание *-a* только при субстантивации (*la superiora*). Особого внимания заслуживает употребление *la sennor, senhor* (от лат. *senior*) как клишированного обращения к даме в галисийско-португальских *cantigas de amor*.

В староиспанских текстах также распространено употребление без окончания *-a* (*la señor mía*) в отличие от современной нормы.

Прилагательные, заканчивающиеся на -ón обычно не имели окончания -a в женском роде (*gentes españolas* (Fernán González) vs современное *ladrona, juguetona*).

Прилагательные на -ensis обычно не имели флексии -a (*provincia cartaginés, leonés*). Однако уже в XII в. в «Песне о Сиде» встречается пример *burgueses y burguesas*. В современном испанском языке окончание -a для этнохоронимов в форме женского рода обязательно.

Бывшие латинские *participium praesentis activi*, заканчивающиеся на -ente могут образовывать вторичную родовую флексию -a (*parienta, dolienta*).

В разговорном языке и в диалектах, например, арагонском, также можно наблюдать явление вторичной морфологизации (*cuala, simpla*).

Явление вторичной морфологизации интересно не только с точки зрения диакронии, но и с точки зрения гендерного аспекта. С одной стороны, идет тенденция восполнения отсутствующих форм женского рода, с другой стороны, наблюдается и параллельная тенденция использовать форму мужского рода для придания веса, значимости в обществе (*la concejala, la director general*).

Формульность речи в коммуникативном поведении (на основе первых двуязычных разговорников)

Баева Галина Андреевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Первые двуязычные разговорники создавались для осуществления делового и бытового коммуникативного взаимодействия представителей разных языков и культур и служат письменными образцами межкультурной коммуникации, отражая национально-специфические отношения (личностные, деловые и межгосударственные) отдаленной эпохи.

Жанр разговорника предполагает набор коммуникативных ситуаций, которые многократно повторяясь, закрепляются в некотором наборе речевых, относительно устойчивых формул и/или фраз, реализующие установку на взаимопонимание в типичных ситуациях общения.

Языковые единицы, выступающие в качестве формул определенного речевого стандарта двуязычных разговорниках, можно классифицировать и описывать под различным углом зрения: по расположению в коммуникативной ситуации (например, установление контакта, поддержание контакта, прерывания контакта); по интенции говорящего (обращение к адресату речи, номинация адресата, титулы, номинация адресанта, просьба, выражение благодарности, пожелание, приветствие, прощание, уверение и т.п.); по учету отношений между коммуникантами (социального положения, межличностных отношений); по сфере функционирования в устной (бытовой и деловой) или письменной речи (в ранних двуязычных разговорниках приводятся примеры письменных текстов (например, письмо, челобитная, официальная грамота); по структурно-грамматической характеристике (слово, словосочетание, предложение).

Степень стандартизации той или иной формулы определяется частотностью в употреблении при сравнении двух языков.

Многие формулы могут использоваться не в одной, а в нескольких речевых ситуациях, особенно формулы с лексемой «Бог» (Gott). Для анализа используется (средне) нижненемецко-русский разговорник ганзейского купца Тонни Фенне, созданный в Пскове в 1607 г., — рукописное пособие по осуществлению коммуникативного взаимодействия между русскими и немецкими торговцами и одновременно представляющее материал по изучению русского языка немецкими купцами.

Galante Frauenzimmer-Moral 1731 г. как тип текста Ratgeber

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Руководство 1731 г. «Galante Frauenzimmer-Moral, Oder: Die Kluge Conduite Des Honnetten Frauenzimmers, in einer Entrevue zwischen Drey Demoiselles, über auserlesene und recht schöne Frantzösische Maximen» представляет собой образец появившихся в XVI в. и получивших особенно широкое распространение в XVIII в. сводов правил поведения в обществе. Особенностью данного издания является то, что его целевой группой была женская аудитория. Адресный характер книги заявлен уже в ее заголовке: «Frauenzimmer-Moral», а также подчеркивается в посвящении: «Allen Honnetten und Jugendliebenden Demoisellen». Вместо предисловия автор предлагает Сонет к читательницам («Sonnet an die nach Standes=Gebühr geehrte und geneigte Leserinnen»): «Ihr Schönen, die ihr nach der wahren Jugend strebt...». Композиционное решение книги своеобразно и отличается от большинства других сводов правил, в которых автор непосредственно обращается к адресату. Эта книга построена как диалог трех дам (Sophronie, Chloris, Rosalie), отправившихся на отдых загород. В их руки попадает книга, содержащая ряд максим, чтение которых дамы сопровождают своими комментариями. И, поскольку в самом начале автор дает достаточно подробную положительную характеристику этих дам, то оценки и суждения, вложенные в их уста, нами воспринимаются как суждения, с которыми согласен автор. Это особая тактика аргументации, которая используется наряду с иными тактиками, имевшими место в других образцах сводов правил поведения XVIII в. (тактика контрастивного анализа различных моделей поведения, тактика указания на перспективу положительного или отрицательного развития событий, тактика обоснованных оценок, тактика иллюстрирования). Наиболее распространенная в сводах правил поведения ситуативная модель построения вплетена здесь в рамку заданной ситуации чтения книги — каждая максима посвящена определенной теме или ситуации, например, «die IV. Maxime: Sobald eine Jungfer in Compagnie, da Personen ungleicher Conduite, muß sie entweder sich mit Manier ihr gleich entziehen, oder...». Каждая из 12 глав посвящена определенной максиме, которая зачитывается, а потом обсуждается дамами. Важная роль отводится их оценкам, эмоциональным и рациональным, положительным и отрицательным. При этом достаточно частотны средства образности — метафоры и сравнения, например: «Wenn die Gottesfurcht gleichsam die Mutter ist aller übrigen Tugenden, so kann wohl an einem Frauenzimmer nichts schöneres gefunden werden, als wahre Pietät». Таким образом, руководство «Galante Frauenzimmer-Moral» имеет ряд сходств с другими сводами правил поведения XVIII в., но и отличается своеобразием, прежде всего композиционным.

Комментарий к отрывку из Беовульфа

Бондарь Владимир Анатольевич,

к. ф. н., докторант

Санкт-Петербургский государственный университет

В одном из эпизодов, когда Беовульф предстает перед конунгом Хродгаром, приветствует его и рассказывает о себе, в его речи используется конструкция *habban+PP* в контексте весьма несвойственном как для древнеанглийского, так и для современного английского, а именно с наречием точного прошедшего времени: *hæbbe ic mærgða fela ongunnen on geogofe* — свершил я много подвигов в юности. Данный отрывок ставит ряд вопросов: Каким образом переводить слово *onginnan*, которое в древнеанглийском означало начинать? Каким образом рассматривать предложную группу *on geogofe* — предлог *on* как указание на точное время (в, во время) или начало отсчета действия (с, с момента)? И самое главное, какова семантика конструкции *habban+PP* — результативная, перфектная (антериорная и в каком значении: результативном, экспериенциальном) или претеритальная, как в современном немецком перфекте? На основании анализа примеров использования конструкции *habban+PP* в корпусах поэтических и прозаических текстов, а также примеров из Англо-саксонского словаря Босуорта-Толлера утверждается, что данную конструкцию едва ли можно назвать результативным или экспериенциальным перфектом. Также неправомерно полагать, что семантика *habban+PP* в данном отрывке из Беовульфа приближается к претеритальной семантике. На обширном древнеанглийском материале демонстрируются сложности в интерпретации лексических элементов, употребляющиеся с данной конструкцией, если принять, что семантика конструкции антериорная или претеритальная. Чтобы преодолеть данные трудности предлагается рассматривать данный пример как случай употребления посессивного глагола с полноценной лексической семантикой и приложения с нефлектированным причастием, функционирующего в качестве зависимой адъективной клаузы, описывающей характеристики совершенных Беовульфом подвигов, с адвербиальным уточнением (*I have many glorious deeds begun in youth*). При такой трактовке у нас нет необходимости вносить изменения и приписывать лексемам те значения, которые не подтверждаются на широком материале корпусных данных и словарных вхождений. Также в таком случае нам не надо предполагать, что перед нами современный английский перфект в экспериенциальном значении с отграничением времени начала действия (*I have performed glorious deeds since/from youth*), и уж тем более едва ли мы имеем право утверждать, что перед нами немецкий перфект с его возможностью сочетаться с темпоральными наречиями точного прошедшего времени, что никак не подтверждается данными корпусов.

Институт церкви в Галисии как участник процесса нормализации галисийского языка: историческая ретроспектива

Григина Елена Анатольевна,

к.ф.н. доцент

Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Институт церкви, по сути, создал свою империю на территории Западной Европы и осуществлял управление через церковные приходы и монастыри, которые превратились в центры образования и сохранения знаний, накопленных человечеством на тот момент: в монастырских библиотеках хранились древние рукописи, копировались различного рода труды. Галисия была надежным оплотом католической церкви. После обнаружения мощей святого Иакова происходит не только возвышение Сантьяго де Компостела, но и восстановление епископских владений в других галисийских городах. Рост дальнейшего авторитета Галисии — это заслуга епископа Крескония, который на Синодах в Сантьяго де Компостела (1060 и 1063 гг.) предложил программу реформ церкви, а главное, приказал аббатствам открыть школы для обучения монахов.

Благодаря деятельности Крескония и его последователей стало возможным создание при Соборе Сантьяго де Компостела в 1140 г. *schola grammaticorum*, престижного образовательного центра, в котором преподавали лучшие учителя Европы. Эта и другие меры способствовали не только развитию письменности на латинском языке, но и росту лингвистического сознания в целом. И хотя языком церкви традиционно была латынь, ряд документов XIII — начала XIV вв. был составлен на галисийском языке, в том числе документы о работе собора в Сантьяго де Компостела в 1290 г. Сохранилось также много свидетельств того, что официальные письма священники составляли на кастильском, а обращения к пастве — на галисийском. В более поздний период (XVII–XVIII в.) именно деятели церкви наиболее активно выступают в защиту галисийского языка. Например, Падре Фейхоо в самой известной своей публикации «*Teatro crítico universal*» утверждает, что галисийский — это не диалект и не испорченный кастильский, а язык равный кастильскому и португальскому. Одной из ключевых фигур среди испанских просветителей, безусловно, является монах бенедиктинского ордена падре Мартин Сармьенто, которого современные галисийские филологи называют предтечей галисийского возрождения (Антон Сантамарина) и предвестником восстановления галисийского языка в новое время (Энрике Монтеаудо). Именно поэтому падре Сармьенто настаивает не только на необходимости преподавания галисийского языка в школах Галисии, но и ратует за его использование на службах в церкви. В его филологических работах звучит настойчивый призыв рассматривать галисийский язык как отдельный объект для изучения, наряду с другими романскими языками.

Цель доклада — показать, какой вклад институт церкви в Галисии внес в процесс нормализации галисийского языка, начиная с раннего средневековья и заканчивая эпохой Просвещения.

Функциональные особенности употребления модальных глаголов и сослагательного наклонения в текстах «Монастырских проповедей» Бертольда Регенсбургского

Диттрих Артем Геннадьевич,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Бертольд Регенсбургский (ок. 1210–1272) — немецкий народный проповедник из ордена францисканцев, его проповеди считались лучшими образцами средневековой гомилетики. Многие исследователи отмечают, что проповеди Бертольда Регенсбургского отличаются свойственные народному языку яркие образы, пословицы, юмор. Анализируемые в рамках доклада «Монастырские проповеди» представляют собой проповеднические тексты, предназначенные не для широких масс, а для священнослужителей. Основной акцент в проведенном исследовании делается на категории модальности. Согласно многим исследователям, выделяется объективная модальность (модальность реальности и нереальности, показывающие отношение высказывания к действительности как к реальной или нереальной, выдуманной, и выражаемые посредством категории наклонения (противопоставление изъявительного и сослагательного наклонений) и категории времени) и субъективная модальность, заключающаяся в выражении отношения автора высказывания к сообщаемому, реализуемая посредством порядка слов, лексических повторов, модальных слов (в том числе, модальных глаголов) и частиц, междометий, вводных слов и конструкций. Таким образом, в данном исследовании рассматриваются как элементы выражения объективной модальности (сослагательное наклонение), так и субъективной (модальные глаголы). При анализе были определены модальные глаголы (*wëllen, sullen, müegen* (включая сослагательную форму *möhte*), *müez(z)en, können*) и смысловые глаголы в сослагательном наклонении (в частности, глаголы *sîn, hân, tûn*), выполняющие различные прагматические функции, как, например, функцию эмоционального воздействия или функцию сообщения божественной воли. У некоторых модальных глаголов также были выявлены и проанализированы не свойственные им смысловые значения. Было установлено, что модальные глаголы выполняют в первую очередь функцию сообщения информации и функцию воздействия, а формы сослагательного наклонения служат прежде всего для выражения отношения говорящего к сказанному как к реальному или нереальному, при этом формы *Konjunktiv I* выражают по большей части отношение к сказанному как к потенциально возможному (т.е. приближенного к реальности), а формы *Konjunktiv II* как к мнимому, нереальному. Основным выводом исследования является факт того, что реализуемые посредством модальных глаголов и смысловых глаголов в сослагательном наклонении прагматические функции тесно связаны с основными задачами проповеди — сообщить знание о вере, разъяснить его и тем самым, оказать воздействие на мировоззрение адресата.

О духовной жизни языком придворной культуры: Катерина Вигри и ее «Семь духовных орудий»

Дроздова Полина Борисовна,

аспирант

СПбГУ, Филологический факультет,

кафедра романской филологии

Сочинение «Семь духовных орудий», написанное на итальянском вольгаре монахиней-клариссой Катериной Вигри в 1438 году как духовное наставление сестрам, представляет интерес для лингвистических исследований сразу с нескольких точек зрения. Прежде всего, оно записано Катериной собственноручно (автограф текста хранится в монастыре Тела Господня в Болонье) и знаменует, таким образом, революционный поворот в итальянской женской мистической литературе: на протяжении двух предшествующих столетий мистические видения итальянок фиксируются мужской рукой (рукой духовника, секретаря и т. д.), что не может не породить в дальнейшем у исследователей вопросов, касающихся как непосредственно авторства, так и степени влияния «писца» на содержание записываемого текста. На смену характерной для мистических сочинений XIII и XIV вв. связки «женщина-мистик (голос) и мужчина-писец (слово)» приходит женская самостоятельность и независимость в создании авторских текстов. Другой важной характеристикой текста является его язык: это итальянская вульгарная латынь (вольгаре), в отличие от других предшествующих сочинений итальянской женской мистики, которые, даже будучи продиктованными на вольгаре, сразу же переводились писцом и записывались уже на латыни. Использование Катериной Вигри для своего сочинения вульгарной латыни объясняется, прежде всего, следованием общему духу францисканского движения, стремившегося говорить на одном языке с народом, но, вместе с тем, оно отражает высокий культурный уровень Катерины: первый вариант «Семи духовных орудий» написан в 1438 г. на феррарском диалекте вольгаре — языке, усвоенном Катериной при дворе феррарского герцога д'Эсте, где она выросла и получила образование. Выбор языка свидетельствует о процессе постепенной «итальянизации» («вульгаризации») религиозной литературы, создаваемой и читаемой монахинями-клариссами в XV в. — веке обновления ордена, когда особое внимание уделяется культуре и филологическим исследованиям, а в скрипториях при монастырях кларисс переводятся на вольгаре самые значительные тексты христианской и античной культуры, переписываются для монастырских библиотек произведения Данте и Доменико Кавалька. Вульгарные диалекты авторов и переписчиков в различных областях Италии отличаются как между собой, так и от «образцовой» вульгарной латыни Данте, а растущее взаимодействие между монастырями, включающее и обмен книгами, приводит к пониманию необходимости стандартизации вольгаре. В период между 1450 и 1456 гг. Катерина Вигри создает новый вариант «Семи духовных орудий», избавляясь от феррарских диалектизмов и приближая язык к литературному тосканскому диалекту.

Особенности топонимики в «Песни о Нибелунгах»

Жилюк Сергей Александрович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Песнь о нибелунгах» является одним из самых известных и, следовательно, одним из наиболее исследованных текстов, написанных на средневерхненемецком языке. Традиция изучения этого произведения насчитывает более двух столетий, наибольший вклад в изучение «Песни» внесли российские, американские и немецкие ученые; к последним мы также относим исследователей из Австрии и Швейцарии, в первую очередь, А. Хойслера, убедительно реконструировавшего историю сложения «Песни».

Вместе с тем нельзя не отметить, что именно этот вопрос — сложение «Песни» и ее историческая и мифологическая основы — по-прежнему представляется многим авторам не до конца разрешенным (см. Naumes 1985, Ritter-Schaumburg 2003, Schulze 2008), так же как неясным остается и авторство: было ли произведение сочинено определенным автором, или «автор» только записал слышанные им песни-авентюры? Общим местом в рассуждениях об авторстве является хорошее знание автором географии той области, что расположена на современной границе Германии и Австрии.

Это позволило ряду исследователей высказать предположение, что автором текста мог являться уроженец города Пассау, расположенного в месте слияния рек Инн и Ильц с Дунаем [Хойслер 1960, Heinzle 1999].

В то же время текст «Песни» не свидетельствует о наличии у автора глубоких знаний о географии областей вдоль Рейна, в частности, о Вормсе и Ксантене, где разворачивается действие т.н. первой части «Песни». Предположительно, при описании этих земель автор опирался на более ранние тексты, возможно, устного характера.

Косвенно об этом свидетельствуют особенности номинации столицы бургундского королевства, при упоминании которой практически всегда указывается ее локация: Wormez bi dem Rine, Wormz vber Rin; Wormez an den Rin («Вормс на Рейне»), причем в единичных случаях используется необычная форма имени: Wornitz bi dem Rine — с иным согласным в середине слова. Даже если изначально текст носил устный характер, при котором согласные /m/ и /n/ можно перепутать на слух, остается вопрос, почему автор, более или менее последовательный, не унифицировал написание. Кроме того, для чего необходимо постоянное упоминание Рейна как реки, на которой расположен Вормс?

Это только два вопроса из множества, которые предлагается рассмотреть в рамках доклада, целью которого является уточнение географии «Песни о нибелунгах» на основе анализа топонимов, упоминаемых автором.

Описание внешности как элемент комплексной аксиологической характеристики средневекового рыцаря в среднеанглийских поэтических текстах

Мячинская Эльвира Ивановна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Гемуева Танзиля Руслановна,

студент 4 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Предлагаемая работа — часть более обширного исследования, нацеленного на выявление лингвистических средств актуализации ценностной структуры рыцарского общества. Материалом послужили поэтические тексты XIV в. «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Рассказ рыцаря» из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. В результате разноуровневого сравнительного анализа двух текстов был выявлен аксиологический комплекс, характеризующий обобщенный образ средневекового Рыцаря. В настоящей работе рассматривается внешний вид как элемент этого комплекса.

В первом произведении описывается внешность ключевых фигур поэмы — самого Гавейна и «антагониста», Зеленого Рыцаря (ЗР). Описание внешности ЗР дается сразу при появлении этого героя и сопровождается эпитетами (напр. *aghlich, thik, grete, longe*), и гиперболами (напр. *Half etayn in erde I hope that he were/Bot mon most I algate mynn hum to bene*), указывая на величину ЗР и передавая читателю ощущение ужаса, который герой произвел на рассказчика и персонажей. Акцент на огромных размерах ЗР служит выражением его физической мощи — качества, необходимого рыцарю-воину. В то же время, с этим контрастирует описание его облачения — он «элегантен» и богато одет, представлены эпитеты *bryght, guche, blythe, clene, athel*, *gay* и др. Рассказчик говорит, что такого наездника и такого коня «не видал белый свет». По аналогичной модели построено описание Гавейна: физические качества (*His thik thrawn thyghez*) предшествуют подробному и эмоционально насыщенному восхвалению одеяния. Описание богатства и блеска его одеяния направлено на то, чтобы произвести впечатление на героев поэмы, рассказчика, и на читателя, тогда как физическая мощь является составляющей чертой других рыцарских ценностей, проявляемых в битвах.

Чосер, другой стороны, следует иной тактике включения внешности в ценностный комплекс, а именно, антонимической характеристике. Акцент прежде всего делается на военных заслугах рыцаря, и их перечислению в структуре текста отдается большое место. Описание же внешности встраивается в текст в краткой, отнюдь не хвалебной форме: *His horse was good; but he was not gay/Of fustian he weared a giproun/All besmotered with his habergeon*. Из последующих строк следует, что он возвращается из похода и сразу же отправляется в паломничество, т. е. отрицательное описание одежды служит цели дать положительную характеристику героя на фоне и в рамках других ценностей — например, религиозности и военных заслуг. Таким образом инкорпорация внешности в систему ценностей более высокого уровня повышает значимость этой характеристики.

К вопросу взаимодействия изображения и текста в Раннем новом времени: форма и функции подписей к гравюрам Йоста Аммана

Нифонтова Дарья Евгеньевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Согласно Р.Барту, прочтение изображения варьируется в зависимости от объема знаний, национальной принадлежности, культурного и эстетического уровня реципиента, а «словесный текст позволяет более или менее полно ответить на вопрос «что это такое?»».

Анализируемый материал, «Описание всех сословий и ремесел на земле» («Eugentliche Beschreibung Aller Stände auff Erden»), представляет собой сборник гравюр знаменитого швейцарского художника XVI в. Йоста Аммана со стихотворными комментариями, выполненными известным немецким поэтом-мейстерзингером Гансом Саксом. Как следует из заглавия книги, основная задача ее авторов — максимально полно представить информацию о социуме того времени, используя возможности набирающего силу книгопечатания. Сочетание вербального и иконического компонентов позволяет отнести данный текст к креолизованным текстам, прагматический потенциал которого обуславливается взаимодействием его гетерогенных частей. С точки зрения степени связи изображения и комментария к нему исследуемые тексты занимают промежуточное положение между текстами с частичной креолизацией и полной, так как, с одной стороны, представляют собой относительно автономные произведения, с другой стороны, целостное восприятие обоих компонентов невозможно по отдельности. При этом стихотворный комментарий не является параллельным изображению, т. е. не столько описывает гравюру, сколько дополняет и поясняет ее содержание, выполняя сразу несколько функций: назывную, дескриптивную, информативную и поэтическую. Заглавие к гравюре «Епископ», «Повар», «Еврей» предварительно ориентирует читателя, а стихотворный комментарий (2 четверостишия) позволяет в привычной форме (к 1568 г. творчество Ганса Сакса широко известно публике) получить информацию о специфике изображаемого объекта за счет описания типичного для него окружения и деталей работы и быта. В результате детального знакомства содержанием книги перед реципиентом восстает картина общества того времени с массой характерных деталей. К языковым чертам комментариев относится обилие назывных конструкций, перечислений с различными частями речи, конструкций с модальным глаголом können, предложений в императиве (призывов воспользоваться результатом труда представителя той или иной профессии).

Эксклазивные конструкции и их роль в формировании образной специфики рыцарского романа

Новикова Анна Сергеевна,

сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

Данный доклад посвящен проблеме изучения эксклазивов в средневерхненемецком языке. Следует отметить, что под эксклазивами мы понимаем языковые конструкции, которые отличаются яркой эмоциональной окрашенностью и используются для передачи внутреннего состояния говорящего и его/ее отношения к описываемому положению дел. Эксклазивность как риторический прием является важной частью образного мира художественного произведения.

Материалом исследования послужили романы «Тристан» Готфрида Страсбургского, «Эрек» и «Ивейн» Гартмана фон Ауэ и «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Восклицательные конструкции в указанных произведениях используются для оценочного описания героев и происходящих с ними событий. В таких эксклазивах преобладает семантика восхищения. Эксклазивы в описаниях героев подчеркивают их внешнюю красоту, благородство и мужественность, создавая при этом образ идеального рыцаря. Прекрасный облик одновременно сочетается с внутренними достоинствами героев, подтверждая идею единства тела и духа. Рыцарь обладает красотой, благородством, верностью, решительностью, и эти качества описываются в превосходной степени.

Этикет играет важную роль в формировании художественного мира средневековых произведений. Герои являются частью придворной жизни, они должны обладать выдающимися качествами. Употребление эксклазивов в описании героев позволяет сформировать образ рыцаря, который выделяется среди окружающих. Не случайно Тристан одерживает победу во всех своих начинаниях, будь то игра в шахматы, искусство охоты, битва и т. д., Ивейн сокрушает могучего рыцаря, Парцифаль спасает от страданий короля Анфортаса, а Эрек множеством подвигов возвращает славное имя рыцаря.

Отклонение от этикетных норм становится причиной внутреннего конфликта. В романе «Парцифаль» главный герой проходит сложный путь от наивного юноши до рыцаря Граала. В романе «Ивейн» рыцарь нарушает клятву, данную своей супруге, только совершив множество подвигов он получает возможность искупить вину. Эрек забывает о своем рыцарском предназначении в объятиях прекрасной Эниты. Подобные примеры можно найти в различных текстах. Герой средневекового романа должен соблюдать этикет и оставаться частью мира куртуазной культуры.

Куртуазный церемониал также соответствует требованиям определенной словесной этики, что проявляется в эмоционально насыщенных описаниях событий, которые происходят с главными героями. Эксклазивы в этом случае подчеркивают пышность и богатство придворной жизни. Битвы, охота, церемонии описываются с использованием различных риторических средств. Восклицания не только маркируют эмоциональную насыщенность текстовых отрывков, но и помогают создать идеализированный образ куртуазного мира, возвышающегося над привычной повседневностью.

Диалектизмы в современной медиакоммуникации (на материале южнонемецких диалектов)

Пономарёва Анастасия,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

На современном этапе развития лингвистики отчетливо прослеживается возрастающий интерес к междисциплинарному изучению вариативности немецкого языка: вслед за функциональным подходом в исследовании немецких диалектов (У. Аммон, П. Визингер, А. И. Домашнев, В. Б. Меркурьева и др.), в последнее время все большее внимание уделяется лингвопрагматическим и социокультурным аспектам изучения вариативности (К. Маттайер, Х. Леффлер, В. А. Чукшис и др.) с целью анализа функций диалекта в различных типах дискурса. Достаточно перспективным направлением для исследования функционирования диалекта является медиакоммуникация — в особенности социальная реклама, роль которой возросла на фоне пандемии COVID-19, оказавшей значительное влияние на социально-экономические и политические процессы. В новых реалиях эффективная коммуникация с целевой аудиторией, помимо целого пласта «коронавирусной» лексики, обеспечивается в том числе с помощью диалекта как средства лингвистической манипуляции. В рамках немецкого языка данная тенденция достаточно ярко прослеживается в южнонемецких регионах — особенно в Старой Баварии (нем. *Altbayern*), где использование диалекта исторически обусловлено традиционным регионализмом и на современном этапе поддерживается различными общественными инициативами.

Для того чтобы понять, какое место занимает диалект в социокультурной парадигме во времена пандемии, было проанализировано более 20-ти публицистических и рекламных текстов с диалектными вкраплениями, так или иначе затрагивающих тему коронавируса в сфере здравоохранения, общественных инициатив и т. п. Контексты были отобраны на базе общих и частных особенностей баварских, швабских и алеманских диалектов методом систематической выборки из материалов региональных СМИ (*Bayerischer Rundfunk, Südwest Presse* и др.) и интернет-порталов (*muenchen.de, stmgr.bayern.de* и др.). Выявленные примеры, проанализированные с учетом функционального и социокультурного статуса диалектов южной Германии, демонстрируют их роль в качестве средства моделирования доверительной атмосферы, привлечения внимания, речевого воздействия и т. п.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на глобализацию и утрату своих былых позиций, диалект показывает себя как довольно эффективное средство лингвистической манипуляции и продолжает активно осваиваться СМИ, чему косвенно способствуют такие кризисные ситуации как пандемия COVID-19.

Категория оценки в диахроническом аспекте (на материале разговорников XVIII–XX вв.)

Соколюк Мария Александровна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Разговорник как тип текста нацелен, прежде всего, на обеспечение успешной коммуникации с помощью предоставления языкового минимума для заранее очерченных коммуникативных ситуаций. Категория же оценки связана, как правило, с приписыванием какому-либо объекту субъективных ценностей, которые, во-первых, не известны составителям заранее, лишь предполагаются как подходящие к данной ситуации, во-вторых, могут привести к коммуникативным проблемам при несовпадении оценочных суждений партнеров по коммуникации. Если составители разговорника сочли необходимым включить в издание фразы, содержащие оценку, то можно говорить о намеренном расставлении ценностных акцентов (иными словами — о пропаганде) или же о закреплении в сознании носителей языка культурных кодах. Исследование категории оценки на материале разговорников, таким образом, обладает рядом особенностей, вытекающих из целей и характерных черт разговорника как типа текста.

Исследование сконцентрировано на диахроническом анализе объектов оценки как основного компонента, выражающем ценностные ориентиры языкового коллектива. При этом особый интерес представляет форма выражения оценки — эксплицитная или имплицитная, а также положительный или отрицательный характер оценочного высказывания. В качестве материала исследования послужили русско-немецкие и немецко-русские разговорники XVIII–XX вв. К исследованию привлекались также русско-немецко-французские разговорники XIX в.

Анализ разговорников в диахронии показал, что оценочные суждения свойственны коммуникативному поведению представителей как русской, так и немецкой культуры. При этом, в русских разговорниках значительно преобладает отрицательная оценка, в немецких — положительная. Примечательно, что отрицательная оценка в русских разговорниках в большинстве случаев не относится к конкретному предмету, а выражает недовольство говорящего, чего не наблюдается в немецких изданиях.

Кроме того, исследование показало, что с течением времени разговорники стремятся к некой лексической нейтральности. Наибольшее количество оценочных суждений было выявлено в изданиях XVIII и XIX в. В разговорниках XX в. отсутствуют реплики, которые в процессе коммуникации с иностранцами могут быть восприняты как грубые и нарушающие этические нормы, как, например, оценка человека, будь то третье лицо или непосредственный партнер по коммуникации. Уменьшается не только общее количество оценочных высказываний, но и количество средств выражения отрицательной оценки. В разговорниках второй половины XX в. оценка либо представлена в положительной форме, либо отсутствует вовсе. Исследование разговорников в диахронии, таким образом, иллюстрирует изменение норм и стратегий коммуникативного поведения представителей немецкой и русской культуры.

О роли иллюстраций в книге К. Фишера «Fleißiges Herren-Auge, Oder Wohl- Ab- und Angeführter Haus-Halter» (Нюрнберг, 1690 г.)

Сулова Екатерина Геннадьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Немецкое издание книги иезуита Кристофа Фишера „Fleißiges Herren-Auge, Oder Wohl- Ab- und Angeführter Haus-Halter» вышло в 1690 г. До этого книга была издана на латинском языке с латинско-чешско-немецким глоссарием сельскохозяйственных терминов. По своему содержанию, структуре и оформлению книга К. Фишера относится к руководствам по ведению сельского хозяйства, адресованным землевладельцам и получившим название «Hausväterliteratur». Следуя античной традиции и трактуя экономику как учение о доме, науку о ведении домашнего хозяйства, автор рассматривает всю совокупность отношений и занятий живущих в поместье людей, объединяя наставления по совместному проживанию (этический аспект) и рекомендации по ведению сельского хозяйства (производственный аспект).

Особенностью руководств является наличие иллюстраций, выделяющих их среди учебных экономических изданий. Иллюстрации в экономических учебных текстах XVII–XVIII вв. практически отсутствуют.

Руководство К. Фишера состоит из трех книг. Немецкое издание второй книги содержит гравированный титульный лист и иллюстрации в тексте (изображения двенадцати месяцев в начале глав, изображение бюро, виньетки в конце глав). Между иллюстрациями и текстом существует тесная взаимосвязь. Значение изображений подробно описывается автором. В рисунках на титульной гравюре представлено содержание книги, а также выгравированы основные этические рекомендации.

Иллюстрации играют роль дидактического средства и сопоставимы с многочисленными рифмованными правилами в главах (ср. «Richtet ein recht Gericht nach Billichkeit und Plicht» в тексте с «Waisen Pflug und Gericht» «Rechte Maß und Gewicht» на титульной иллюстрации).

Иллюстрации можно разделить на два вида: первый — изображения сцен повседневной жизни, получившие второе символическое значение, второй — аллегории, конструируемые специально с целью наглядно представить ту или иную мысль. Выгравированные подписи под аллегориями вербализуют визуальное высказывание, в результате появляется эмблема, автономная и понятная без прочтения книги. В то время как в тексте книги рассказывается как о правильном, так и неправильном поведении хозяина дома, иллюстрации демонстрируют образцы этики и правильного хозяйствования и оказываются противопоставлены тексту. Значение многокомпонентных иллюстраций разъясняется автором неполностью. Намеренная недосказанность должна была вызвать у читателя любопытство и побудить его к внимательному прочтению книги. На гравюрах с изображением месяцев показаны виды работ, ход которых затем подробно описывается в главе. Мужские и женские фигуры месяцев сочетаются с изображением повседневных сцен, на первый план выходит производственный аспект. Часть иллюстраций книги была перенесена в переиздание руководства в XVIII в.

Helt, degen, ritter: наименования воина в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»

Тихонова Елена Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

«Старшая Ливонская Рифмованная хроника» — анонимный стихотворный памятник конца XIII в., описывающий крестоносную деятельность Немецкого ордена в Прибалтике — стилистически оформлена как подражание придворному эпосу. Как следствие, она содержит многочисленные устойчивые словосочетания, среди которых можно выделить в том числе лексемы, обозначающие воина — *helt* «герой», *degen* «витязь» и *ritter* «рыцарь» — регулярно употребляемые вместе с такими украшающими эпитетами, как *vrom* «благочестивый», *balt* «храбрый», *unverzaget* «бесстрашный», *uz erlesen / uz erkorn / uz erwelt* «избранный», *rasch* «быстрый» и др. В общей сложности в «Хронике» можно выделить 53 примера подобных сочетаний существительных с постоянными эпитетами, наиболее употребительными из которых являются *vrom* «благочестивый» и *balt* «храбрый». В статье анализируется частотность употребления в тексте «Хроники» существительных — обозначений воина *helt*, *degen* и *ritter*. С значительным отрывом лидирует существительное *helt* «герой» (47 примеров), при котором эпитеты также обладают наибольшей степенью вариативности. Данная особенность интерпретировалась некоторыми исследователями как подтверждение того факта, что анонимный автор «Хроники» подражал рыцарскому эпосу (В. Браунс, А. Мюррей), либо как его опровержение (М. Нееке). С вопросом о самостоятельности стиля «Хроники» тесно связан вопрос о поэтическом таланте ее автора, который также по-разному оценивался различными исследователями. Также рассматривается сочетаемость отдельных эпитетов с каждой из перечисленных лексем — наименований воина, их регулярность либо формализованность употребления, а также контекстное окружение обсуждаемых украшающих эпитетов. Особое внимание уделяется употреблению устойчивого сочетания *degen balt* «отважный витязь», являющегося наследием рыцарского эпоса. Кроме того, анализируется употребление лексем *helt*, *degen* и *ritter* в сочетании с местоимением *manich* «некоторый, несколько», обозначающим неопределенное множество характеризуемых лиц. Делается вывод о значительной зависимости употребления рассматриваемых устойчивых сочетаний существительных с украшающими эпитетами от рифмы и стихотворного размера, но также и о значительной вариативности внутри данных словосочетаний. В целом, сочетание данных двух тенденций является характерной чертой стиля «Хроники».

Лингвокультурологические и прагматические составляющие героического дискурса в тексте «Англо-саксонской хроники»

Цвинариа Марина Евгеньевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Данное исследование выполнено в русле актуального историко-прагматического подхода к изучению литературных памятников, подразумевающего наряду с описанием

их лингвистических составляющих выявление переданных в них менталитета, ценностей, идеологии и культуры языкового сообщества, в среде которого они были созданы. В этой связи, значительное число лексико-синтаксических и стилистических средств, используемых в целом историческом по своему замыслу и назначению тексте «Англо-саксонской хроники», рассматриваются как придающие ему в определенной мере черты героического дискурса, отголоски которого еще в значительной степени сохранялись и поддерживались в англо-саксонском обществе. Под героическим дискурсом понимаются используемые в повествовании о реальных исторических событиях языковые средства, характерные для древнегерманского эпико-героического жанра, а также воплощенные в них социально-культурные и нравственно-этические установки героического мировоззрения, сохранявшего еще достаточно прочные позиции в сознании летописцев и их современников, несмотря на уже укоренившуюся в их умах христианскую идеологию.

Материалом исследования послужили погодные записи рукописи А, входящей в общий летописный текст «Англо-саксонской хроники» (всего 9 рукописей), фиксирующей события в истории Британии от римского завоевания до 1070 г., при этом с середины IX в., основным и наиболее актуальным ее содержанием стало отражение в ней войн с викингами, преподносимых в двух основных идеологических аспектах: борьбы англосаксов за свою землю и священной война христиан с язычниками. Прагмалингвистический анализ текста «Англо-саксонской хроники» показал, что к лингвистическим и культурологическим элементам его героизации относятся 1) фонетические приемы (аллитерация, рифма, созвучия); 2) лексико-синтаксические средства, описывающие реальные исторические события и действующих в них лиц, а также дающие им оценку с позиций героической этики; 3) стилистические средства (формулы, зачины, повторы, вариации); 4) поэтические средства (стихотворные погодные записи). В то же время, в отличие от существовавшей традиции использования подобных приемов и средств в эпических произведениях о вымышленном прошлом героический компонент текста «Англо-саксонской хроники» органично вплетен в современную для англосаксов историю о защите ими христианского мира от языческого нашествия, наполняясь при этом новым, актуальным для времени идеологическим содержанием.

Деривационная вариативность и когнитивная матрица древнеанглийских префиксов

Чупрына Ольга Геннадьевна,

д. ф. н., профессор

Московский городской педагогический университет

В древнеанглийском языке существовала развитая система префиксов, которые рассматриваются как деривационные морфемы, появление которых стало результатом функционального изменения наречий и предлогов. Сложность определения морфологического статуса древнеанглийских префиксов обусловлена тем, что только незначительное число препозитивных частиц не имели коррелятов в виде предлогов или наречий, а основная их часть соотносилась либо с предлогами, либо с наречиями, либо с предлогами и наречиями одновременно.

На общегерманском фоне древнеанглийские префиксы, их варианты и значения описаны менее подробно по сравнению, например, с готским языком и потому их исследование не утрачивает своей актуальности. Исследовательский интерес к древнеанглийским препозитивным частицам поддерживается поисками объяснения утраты ими высокой продуктивности и обеднения семантики в средний период.

Вариативность древнеанглийских префиксов не в последнюю очередь является производной от вариативности общегерманских корней. Так, к индоевропейскому корню **per-* < **pr̥* — «вперед, впереди, перед» относятся древнегерманские варианты *fer-ro, **fur-(i)*, *fur-mo, ставшие основой образования наречий, предлогов и префиксов в древнеанглийском языке. С вариантом др.-герм. **fur-* соотносятся древнеанглийские наречия и их корреляты *for* «до, перед», *foran* и *fore* «впереди, прежде, вперед», *forð* «вперед, дальше, прочь».

Несмотря на то, что префиксы не являются полнозначными единицами языка, они инкорпорируют в себе знания, формат которых может быть представлен в виде когнитивной матрицы, ядром которой является сама препозитивная частица, а периферию создают определенные когнитивные контексты. Периферийную область префикса *and* /*and* формируют контексты «положение в пространстве» (*andweard*), «знание» (*andgit*), «противоположность» (*andbearma*), «враждебность» (*andspeornan*).

Семантика языковых единиц, образованных с помощью префиксов и репрезентирующих соответствующие когнитивные контексты, нередко складывается в результате метафорического переосмысления. Наиболее наглядными являются проявлениями метафорической концептуализации являются производные со значением времени, в которых присутствует префикс, коррелирующий с когнитивным контекстом «положение в пространстве», например, *andweardnysse* «настоящее (время)», (*þe*) *foregange* «прошлое» «следовать». Древнеанглийские префиксы, выступая формальными структурными единицами, имеющими словообразовательный характер, представляли особый формат знания, репрезентация которого осуществлялась за счет вариативности семантического наполнения самих препозитивных единиц.

Лексикология и фразеология (романо-германистика)

О новом политкорректном языке

Арсентьева Мария Валентиновна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Новая идеология и культура, получившая определение «woke» (от англ. to wake), а затем и название «wokisme» (l'éveil à toute forme de discrimination) отражает позицию тех, кто выступает против всех видов дискриминации, а именно против расизма, сексизма, этнических меньшинств, ЛГБТ и других. Это явление, распространившееся во всем мире, нашло отражение и во французском языке. Его можно поставить в один ряд с такими явлениями как прециозный стиль (XVII в.) и политически корректный язык (XX в.).

Прециозный язык возник, когда под влиянием дам, стремившихся облагородить грубые нравы и формы общения, царившие при дворе, были поставлены под запрет все просторечные, фамильярные, архаичные выражения, а грубые, с их точки зрения, слова были заменены замысловатыми метафорами. В результате родился зашифрованный язык знати, «социальный» жаргон аристократии, впоследствии высмеянный Мольером в комедии «Смешные жеманницы».

В этом же ряду стоит и политкорректный язык, получивший распространение в 70–90-е гг. XX в., выразившийся в речевой толерантности, в эвфемизации и соблюдении принципа вежливости по отношению к дискриминируемым по разным социально значимым признакам (пол, возраст, расовая и национальная принадлежность, сексуальная ориентация) гражданам. Чрезмерное увлечение политкорректным языком привело к созданию множества пародий на этот язык.

В XXI в. развитие философии, достижения в биологии, психологии и медицине, внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни привели к появлению новых концептов. Новые концепты вербализуются с помощью новых слов. В первую очередь речь идет о заимствованиях из английского, например, woke («пробудившийся», в переносном значении «осознавший»), cancel culture (culture de l'annulation qui viserait à ostraciser de l'espace public toute personnalité dont un propos, ou une action, est considéré comme 'offensant' à l'égard des minorités), whitewashing.

Помимо заимствований, появляются новообразование типа местоимения iel, называющего третье лицо без указания на его род, существительные, называющие абстрактные понятия, такие как intersectionnalité (notion qui désigne la situation de personne subissant simultanément plusieurs formes de discrimination — de classe, de sexe et de race) и adelphité (lien de parenté qui unit les enfants nés des mêmes parents). Последнее слово выступает как гипероним к словам fraternité и sororité. Актуальность проблем, связанных с осознанием несправедливости по отношению к разнообразным

меньшинствам, определяет активизацию укоренения новых слов. Изменения и сдвиги в словарном запасе французского языка становятся столь очевидными, что в газете «Le Figaro» появилась статья, озаглавленная «Parlez-vous le woke»? Однако и в этом языке появились слова с пейоративной коннотацией.

Истоки испанской фольклористической традиции

Баканова Анна Валентиновна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История испанской фольклористической традиции насчитывает немало веков, но ее истоки до сих пор не до конца исследованы, что преимущественно связано с особенностями развития устного народного творчества в Испании и с малой автономностью фольклорных текстов в рамках письменной литературной и грамматической традиций.

Научный интерес к истории испанской фольклористики зарождается в XIX в., исследования, выполненные ранее этого периода, принято считать ненаучными, а собранные фольклорные тексты — недостаточно достоверными. Большинство из них были подвержены авторской обработке или использованы в функции вставных элементов.

Начиная с XIX в. в испанской фольклористике традиционно выделяют 3 основных этапа: костюмбристский, позитивистский и филологический, при этом истинно научный подход к исследованию истории фольклора появился в Испании не ранее начала XX в. и был связан, в первую очередь, с изданием испанских народных сказок А. М. Эспиносой.

В средние века фольклорные тексты как вставные элементы или вкрапления встречались в сборниках наставлений для членов королевских семей и знати, в хрониках, преданиях, биографиях, сборниках басенных текстов, религиозных и литературных произведениях. В этот период Испания сыграла важную роль посредника между западной и восточной фольклорными традициями: благодаря деятельности Толедской школы переводчиков в Европу попали образцы восточных фольклорных жанровых форм.

Кроме того, с конца XV в. примеры из фольклорных текстов можно встретить как иллюстрацию правильного языкового узуса в работах испанских грамматистов. Отсутствие на тот момент развитой литературной традиции заставляет авторов грамматических сочинений апеллировать к фольклорному наследию как образцу кастильского языкового узуса.

Авторы первых испанских грамматических трудов убеждены, что знания одной лишь грамматики недостаточно для овладения языком, необходимо чтение хороших книг, знакомство с фольклорной традицией и правильным узусом. Одним из основополагающим принципов ренессансных авторов становится призыв к избавлению от затрудняющей понимание латинизации. На первый план выходит стремление к ясности выражения, естественности речи и внимание к выбору языковых средств.

Подобные теоретические убеждения XV–XVI вв., уверенность в естественной природе языка и традиционного употребления, находят практическую опору в испанском народном творчестве и фольклорных традициях. Так, например, автор первой

грамматики кастильского языка (1492 г.) Антонио де Небриха, говоря о достойных для подражания текстах, среди авторитетных литераторов упоминает малые жанры фольклора, а именно коплы, романсы и пословицы; в «Диалоге о языке» Хуана де Вальдеса (1535–1536 гг.). Большинство примеров для иллюстрации теоретических положений автора также приводятся в виде пословиц.

Женские имена собственные в испанских фразеологизмах и поговорках

Богданова Елена Владимировна,

к. ф. н., доцент

Московский педагогический государственный университет

Различные виды имен собственных являются неотъемлемой частью паремиологического и фразеологического фонда любого языка. Пословицы, поговорки и фразеологизмы с компонентом-топонимом, зоонимом, фитонимом, мифонимом, агиоантропонимом и прочими элементами ономастического пространства являются безусловно информативным материалом, вобравшим в себя различные элементы национально-культурного наследия. Анализ ономастической составляющей дает возможность понять особенности мировоззрения и этнического самосознания, поскольку имена собственные зачастую обретают в языке уникальную коннотацию, обусловленную историей народа, его традициями, историческим опытом, культурой. В докладе представлены результаты рассмотрения испанских устойчивых выражений, имеющих в своем составе женское имя собственное. В общей сложности анализу подверглись более 50 устойчивых выражений, отобранных методом сплошной выборки из испанских лексикографических источников. Антропонимический компонент испанских фразеологизмов и поговорок разнообразен и включает в себя имена собственные реальных исторических личностей (*ser una mesalina*), литературных героинь (*los polvos de la madre Celestina*), библейских персонажей (*llorar como una Magdalena*) и пр. Отдельную категорию составляют выражения с женскими антропонимами, репрезентирующими определенные архетипы и ставшими, по сути, именами-символами, воплощением добродетелей или пороков (*marisabida*, *marisabidilla*, *marifranca*). Примечательно, что многие женские имена собственные подверглись процессу деантропонимизации и на основе метонимического переноса перешли в разряд нарицательных (*anabolena*, *celestina* и пр.) Подобные имена собственные обладают устойчивой семантикой, позволяющей им существовать вне устойчивого выражения. Следует особо отметить, что реальное существование многих героинь фразеологизмов и поговорок подтвердить достоверно не представляется возможным (*¿De cuándo acá Marica con guantes?*). Предположительно реальные исторические личности перешли в разряд полумифических. Исчезновение некоторых имен из национального антропонимикона и фразеологизация имени собственного привели к восприятию таких персонажей как исключительно «пословичных». Изучение семантических характеристик антропонима и выявление мотивирующего признака значения каждого из выражений позволяют дополнить уже сложившееся представление о ключевых особенностях репрезентации образа женщины в испанской лингвокультуре. Кроме того, корпус отобранных примеров позволяет классифицировать и выявить наиболее частотные виды женских

антропонимов, к коим отнесены, среди прочих, фольклорные имена, имена литературных персонажей, мифонимы и пр.

Лингвокультурологическая характеристика киноперсонажа (на материале испаноязычных фильмов)

Вяльяк Криста Энновна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

В современных научных исследованиях все больше внимания уделяется изучению различных аспектов кинотекста, который, в отличие от литературного текста, изначально существует в устной форме, что позволяет передать с его помощью различные нюансы речевой характеристики киногероя. В кинотексте характеристика киноперсонажа дается опосредованно — с помощью визуальных средств и речевых особенностей. Речь идет не только об особенностях произношения, языковых единицах, но и экстралингвистических элементах коммуникации. Некоторые аспекты социокультурной принадлежности персонажа особенно ярко отражаются в его речи.

Кинематографисты создают кинообразы, ретранслируя через свое произведение устойчивые стереотипы. В этой связи можно утверждать, что не только литература, по мнению нидерландского ученого Й. Леерссена, являющаяся средством распространения стереотипов, но и кинопроизведение создает иллюзию достоверности, с которой зритель не спешит расставаться.

В работах отечественных исследователей, например В. И. Карасика, О. А. Дмитриевой, используется термин «речевой портрет» персонажа, под ним понимают систематическое описание особенностей коммуникативного поведения обобщенного представителя какой-либо лингвокультуры, что, собственно, является основой создания типичного образа киноперсонажа. В фокусе внимания данного исследования — персонаж-мигрант, оказавшийся в новом социуме и столкнувшийся с проблемой изучения языка принимающего этноса, а также адаптации к новой автохтонной культуре и ее ценностям. В этой связи целью настоящего исследования является рассмотрение особенностей речевого поведения персонажа-мигранта, а материалом исследования — испанские кинофильмы, в которых главные герои иммигрируют в Испанию, надеясь преуспеть на новом месте жительства. Через речь персонажей раскрывается их социальное положение, черты характера и ценности, она является своеобразным проводником в национальную систему восприятия мира, что проявляется наиболее ярко в момент его общения с представителями других этносов.

Актуальность исследования заключается в том, что данный тип кинофильмов и, соответственно, речевой портрет мигрантов в условиях приспособления к новым реалиям жизни рассматривались исследователями фрагментарно. Персонажи-мигранты используют несколько языков для общения с представителями принимающей страны, а прием многоязычия, по мнению М. Моцаж-Клейндиест, стал популярным в современном кинематографе.

Кинематографисты не могут не реагировать на изменения, обусловленные международной миграцией населения. Они обращаются к новым темам, например, проблеме сохранения родного языка и культуры среди потомков мигрантов, поиску собственной идентичности, что и определяет направление дальнейших исследований.

Отношение к родному языку в Бразилии в XIX в. — феномены и термины

Гуревич Дмитрий Львович,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Статус португальского языка в Бразилии не был постоянным на протяжении колониальной и постколониальной истории страны. На ранних этапах (XVI — середина XVIII вв.) преобладал так называемый *língua geral*, койне на основе индейских языков, позже — собственно португальский язык, который в устах образованных современников не воспринимался как отличавшийся от пиренейского варианта, хотя и обладал рядом особенностей. Начиная с первой половины XIX в. образованная часть бразильского языкового сообщества начинает осознавать факт лингвистических отличий между пиренейским и бразильским вариантами как бразильский феномен, а не как просторечные черты, свойственные недостаточно образованным носителям языка. Это касается, прежде всего, лексики и фонетики («бразильские» лексемы, заимствованные из субстратных или адстратных языков, типа *capim*, *batuque*, или «бразильские значения» общепортугальских слов, типа *сароейра*, *шасота*). Постепенно бразильская национально-культурная специфика получает преломление в филологической сфере и проявляется в том числе в поиске термина для адекватного наименования «своей» разновидности португальского языка. На протяжении XIX в. параллельно с событиями внешней истории и соответствующими изменениями в идеологической модели (обретение независимости, зарождение национальной идеи, осознание национальной идентичности, падение монархии — романтизм, пуризм; академизм) меняется отношение к родному языку. Общим является новое для Бразилии понимание неидентичности «своего» португальского языка и языка бывшей метрополии, однако статус португальского языка Бразилии (в современных терминах, *língua portuguesa do Brasil*; *português brasileiro*) и лежащий в основании этого статуса филологический феномен не сразу получают устойчивое, стабильное наименование. Между собой конкурировали, среди многих других, такие термины как «язык Бразилии», «наш диалект», «бразильский диалект», «новый язык», «американский португальский язык», «бразильский язык», «бразильская речь». Каждый из этих терминов опирался на соответствующее представление о языковом феномене и о его статусе как в масштабе нового постколониального государства, так и в масштабе устоявшейся парадигмы традиционных европейских языков.

Речевой акт совета в датском языке

Гурова Елена Александровна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование посвящено анализу языковых моделей, употребляемых для выражения речевого акта совета в датском языке. Совет является директивным речевым актом, иллокутивная цель которого заключается в побуждении к действию адресата в его собственных интересах. Сама коммуникативная ситуация, в которой реализуется данный

речевой акт, предполагает статусные различия: говорящий, дающий совет, автоматически приобретает статус вышестоящего, а слушающий — нижестоящего. В целях уменьшения категоричности высказывания и нивелирования статусных различий датскоязычный говорящий, как правило, использует такие языковые средства как различные модальные частицы, нюансирующие разнообразные прагматические смыслы, а также косвенные высказывания, смягчающие побуждение и снижающие обязательность его выполнения. Однако анализ отобранного материала показал, что для выражения совета нередко используются императивные высказывания, включая формы изолированного императива, императивные комплексы с модальными частицами, а также двойной императив. Примечательно, что подобные сочетания, как правило, употребляются без каких-либо маркеров вежливости. Среди императивных высказываний в отдельную группу выделяется модель *prøv at gøre noget* «попробуй что-то сделать», которая аналогично модальным частицам смягчает побуждение, представляя его как субъективное мнение говорящего. Если выбор языковых средств выражения совета обусловлен конкретной коммуникативной ситуацией и действием целого ряда экстралингвистических факторов, то степень допустимости непрошеного и прошеного совета связана с особенностями датской коммуникативной культуры в целом. По сравнению с английской культурой, в которой обязательным условием успешной коммуникации является активное использование многочисленных знаков внимания в адрес собеседника и подчеркнутое уважение к его личной автономии, в датской культуре прежде всего ценится естественность, прямолинейность и равенство. На языковом уровне это проявляется в неформальности общения, в общении на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, учителями, начальниками и людьми старшими по возрасту и допустимости использования императива и императивных комплексов в директивах.

Элементы лингвокреативности при создании неологизмов с компонентом Lockdown в современном немецком языке

Дойникова Марина Игоревна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный институт международных отношений

Аккуратова Ирина Борисовна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный лингвистический университет

Процесс образования неологизмов, в основе которого, несомненно, лежит творческое осмысление фрагментов действительности и применение определенных языковых способов и средств, не мыслится сегодня без рассмотрения реальности, культуры, языковой личности. С одной стороны, в актах номинации наблюдается взаимодействие когнитивного и эмоционального стимулов, с другой стороны, подчеркивается универсальность словообразовательных процессов. В нашем докладе будут представлены некоторые случаи проявления творчества языковой личности при создании неологизмов с англицизмом *lockdown*. Локдаун за короткое время стал ключевым поня-

тием, отражающим новую реальность, новые правила жизни, связанные с множеством ограничений для человеческой деятельности и даже запретов, а также ключевым элементом социокультурного пространства.

Так, лингвокреативность при создании неологизмов с англицизмом *lockdown* проявляется в метафоризации одного из компонентов сложного слова (*Jo-Jo-Lockdown*, *Lockdownwinterschlaf*, *Lockdownsünder*), что продиктовано лингво-прагматическими потребностями языковой личности, направленными на создание эмоционально-оценочной (новой) лексики.

Создание синонимичных рядов композитов с компонентом *Lockdown* объясняется желанием дифференцировать новые слова в семантическом и стилистическом плане: *das Lockdownkilo*, *der Lockdownspeck*. Компоненты-синонимы новых лексем часто этимологически восходят к разным языкам-источникам: *die Lockdownphase*, *die Lockdownsaison*, *die Lockdownzeit*. Отношения синонимии достигаются посредством использования разных лексико-грамматических средств: при помощи аффиксации (*Lockdownchen*, *Minilockdown*), на основе словосложения (*Teillockdown*), при помощи создания новых англицизмов в немецком языке (*Lockdown light*), при использовании синтаксических конструкций (*partieller Lockdown*) и устойчивых словосочетаний (*weicher Lockdown*).

Креативный подход к процессам номинации основан также на выделении признаков гендерных различий: *die Lockdownfrisur*, *die Lockdownfrise*, *die Lockdownmatte*.

Частотное употребление лексемы *Lockdown* способствовало высвобождению морфемы *-down*, которая продуктивно используется в образовании новых слов-окказионализмов по аналогии: *Rockdown*, *Hockdown*, *Lachdown*, *Jeckdown*, *Flockdown*.

Лингвокреативность проявляется в создании таких прилагательных, как: *lockdowngeplagt*, *lockdownbedingt*, *lockdownähnlich*, а также глаголов — *lockdownen* и *downlocken*.

Результатом креативной деятельности является композитное поле неологизмов, в котором определяются тематические группы слов: виды локдауна в зависимости от введенных ограничительных мер, разное отношение людей к локдауну, последствия локдауна и др.

Лексико-семантические особенности предвыборного партийного дискурса Германии (на примере немецких партий ХДС/ХСС и СвДП)

Езан Ирина Евгеньевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В исследовании освещаются лингвистические и междисциплинарные подходы к изучению предвыборного политического дискурса Германии. Интерес к данной проблематике обусловлен состоявшимися в сентябре 2021 г. выборами в немецкий парламент. Депутаты бундестага избрали нового федерального канцлера и сформировали коалиционное правительство, в связи с чем прошедший год был назван в Германии годом «супервыборов» (*Superwahljahr*). Основу теоретической части составляет обзор основных направлений исследований отечественных и зарубежных лингвистов в об-

ласти изучения языка политики (Klein 2014, Kuck 2018, Niehr 2021, Езан 2020, Тичер 2017, Чернявская 2021). Предвыборный дискурс рассматривается в работе как важная составляющая современного общественно-политического дискурса Германии. Анализ проводится с учетом актуальных общественных и политических дебатов в современной Германии. Материалом исследования послужили полные и сокращенные тексты партийных программ блока консервативных партий ХДС/ХСС (CDU/CSU), определявших политику Германии на протяжении последних десятилетий и либеральной партии СвДП (FDP), а также данные немецкоязычного ресурса DWDS. Для анализа общего контекста предвыборной кампании особое значения приобретают понятия «театральности» и «медийного инсценирования» (Holly 2017). Предвыборная кампания блока CDU/CSU прошла с максимальным учетом возможностей использования интернета и ресурсов социальных сетей. СвДП сделала ставку на конфронтационную риторику, которая прослеживалась уже в предвыборной кампании 2017 г. Тексты партийных программ представлены как в традиционной форме, так и в новых форматах (напр.: sharepics), направленных на мультимодальную презентацию основных положений программ в интернете. В исследовании особое внимание уделяется лексическому аспекту анализируемого материала. Ключевые слова, лексика, специфическая для политической сферы коммуникации, метафоры — это не только важные маркеры политического дискурса, но и значимые элементы речевых стратегий в период предвыборной кампании: *Wir haben für diese Aufgabe die richtigen Werte und Prinzipien: Vernunft statt Ideologie, Innovationen statt Verbote, Soziale Marktwirtschaft statt sozialistischer Umverteilung, Chancen statt Ängste, Respekt statt Bevormundung für Familien, christliches Menschenbild und gesellschaftliche Vielfalt statt vorgefertigter Lebensentwürfe für jeden Einzelnen* (Regierungsprogramm, CDU/CSU, S. 5). В работе используются методы лингвистического описания, контекстного и корпусного анализа ключевых слов политического дискурса, изучается частотность, а также контекстная и ситуативная обусловленность их употребления в текстах предвыборного дискурса. Применяется многоуровневая модель лингводискурсивного анализа DIMEAN.

Шведские неологизмы 2021 г.: тематические группы, происхождение, особенности словообразования

Жильцова Елена Леонидовна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

На формирование новой лексики существенное влияние оказывают экстралингвистические факторы, поскольку новые слова появляются в языке, главным образом, для обозначения новых явлений и понятий в разных областях жизни человека и общества в целом. Не являются исключением и шведские неологизмы, зафиксированные в 2021 г. Большинство из них входит в тематические группы, имеющие отношение к самым актуальным сферам жизни современного общества. Наибольшее количество новых слов (около 40 %) связано с пандемией коронавируса и тем влиянием, которое она оказывает на социальное положение человека, его физическое, моральное и психологическое состояние. По-прежнему довольно многочисленны неологизмы, относящиеся к области интернета и информационных технологий, а также к охране природы

и окружающей среды. Отдельную группу составляют слова, используемые для обозначения новых явлений и тенденций в социальной жизни шведского общества.

Происхождение неологизмов двояко: они могут быть образованы с помощью языковых средств шведского языка или быть заимствованы. Прямые заимствования, практически все из английского языка, не очень многочисленны. Значительно больше распространено калькирование, главным образом, с английского языка. Имеются, однако, кальки и с других языков, например с персидского: *snällvägg* (букв. «добрая стена», место, куда приносят одежду и другие предметы первой необходимости для нуждающихся).

Способы образования новых слов 2021 г. с помощью средств шведского языка весьма разнообразны, но самым распространенным остается основослоложение. Комpositы могут быть нецельнозначными, их значение складывается из значений составляющих компонентов: *vaccinpass* «паспорт вакцинированного». Однако большинство новых сложных слов являются цельнозначными, их семантика не сводится к сумме значений компонентов, и они часто метафоричны: *djuränkling* (букв. «животное-вдовец», животное, чей хозяин умер). Часто неологизмы образуются также путем стяжения, когда в сложном слове опускается отрезок внутри основы: *jobbönär* (от *jobb* «работа» и *pensionär* «пенсионер» — человек, продолжающий работать по достижении пенсионного возраста). Довольно редко при образовании новых слов 2021 года использовалась деривация. Чаще всего таким способом образовывались, от шведских или от английских основ, глаголы посредством суффикса *-a*: *svinna* — выбрасывать еду, одежду и т. п., которые еще можно использовать; *gaslighta* — манипулировать человеком, отрицая очевидные факты, с целью заставить его усомниться в своем душевном здоровье. К неологизмам относят также некоторые ранее использовавшиеся исключительно как узко специальные медицинские термины слова, которые в 2021 г. в связи с пандемией коронавируса стали употребляться в общелитературном языке: *anosmi* «аносмия, полная потеря обоняния».

Лексическая репрезентация итальянской национально-культурной идентичности в трактате Дж. Б. Рамузио «Плавания и путешествия»

Жолудева Любовь Ивановна,

д. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Употребление слова *italiano* и однокоренных ему лексем в текстах XVI в. наглядно демонстрирует, как на протяжении относительно небольшого промежутка времени складывается представление о специфике Италии не только в историко-географическом, но и в национально-культурном отношении. В географическом трактате Дж. Б. Рамузио «Плавания и путешествия», включающем многочисленные описания путешествий итальянских купцов, мореплавателей и дипломатов, достаточно широко употребляются слова с корнем «*italian(o)*», и контексты их употребления можно объединить в несколько групп. Во-первых, *italiano* часто используется как лингвоним (*parlar italiano, alcuni vocabuli italiani; molte parole italiane; la lingua italiana, nella lingua degli Italiani, la nostra natia [lingua] italiana* — наряду с *la lingua nostra volgare*); владение итальянским языком выступает как объединяющий фактор, сближающий выходцев

из разных итальянских земель, особенно когда они оказываются вдали от родины. Во-вторых, в описаниях путешествий встречаются единицы измерения и денежные единицы, в названии которых используется уточняющий эпитет «italiano (-a)» (sei miglia italiane; cento libbre italiane; pesano due terzi di più dei ducati italiani; l'oncia è come la italiana,). В-третьих, в трактате Рамузио уроженцы итальянских земель за пределами Италии чаще всего называются «итальянцами» (i generosi popoli italiani; un Bartolomeo, di nazione italiano; non fu moro ma Italiano; da Italiani furono molti anni signoreggiati; da questo luogo lo compriamo noi Italiani e cristiani da' Mori), и только при более детальном описании упоминается их региональная идентичность, что не вполне характерно для текстов XVI в. в целом.

Эпитет «итальянский» часто встречается в сочетании с существительными ЛСП «ремесло, род занятий»; формируется представление об особых «итальянских» профессиях, востребованных в том числе за пределами Западной Европы (un medico italiano; mercadanti genovesi, italiani e greci; Alemanni, Francesi e Italiani mercatanti; Batista Ciegola italiano, dottor di legge; gettatori dell'artiglierie, uomini germani e italiani). Использование слов с корнем «italian(o)» в трактате Рамузио также иллюстрирует то, как постепенно складывается представление об общих для Италии обычаях, ремеслах (fabricate all'usanza d'Italia da uomini italiani), облике (uno in abito Italiano e l'altro alla moscovita vestito; quali in abito ungharesco, quali in italiano) и традициях (в том числе кулинарных: vino italiano e laodiceo e arabesco; pesce chiamato in Italia lasche). В особую группу можно выделить примеры употребления эпитета italiano в контекстах, связанных с архитектурой и устройством городов (bellissime case all'usanza della Italia, le strade ordinate e diritte come nella Italia; mura nove, a similitudine degli italiani).

Лингвокультурологические особенности галисийской сказки в контексте перевода

Зернова Елена Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Фольклорные тексты на любом языке обладают высоким лингвокультурологическим потенциалом, поскольку они в наиболее концентрированном виде отражают специфику культуры и картины мира того или иного народа. Но именно эта особенность данных текстов нередко создает особые сложности для переводчика.

Галисийские сказки, будучи неотъемлемой частью европейского повествовательного фольклора, вместе с тем, демонстрируют определенное своеобразие как в поэтике сюжетов и выборе персонажей, так и в регистре лингвокультурных маркеров фольклорного дискурса. Особенности традиционного галисийского менталитета, отраженные в многочисленных волшебных, бытовых и новеллистических сказках, суеверных рассказах, быличках и бивальщинах, в ряде случаев вызывают заметные проблемы при переводе.

Сопоставительный анализ текстов галисийских сказок и их переводов на русский язык, опубликованных Центром галисийских исследований СПбГУ, позволил выделить наиболее характерные трудности, с которыми сталкивается переводчик галисийского повествовательного фольклора.

Прежде всего это воспроизведение стержневых концептов традиционной галисийской культуры, не имеющих аналогов в русской традиции и требующих либо комментария (что в сказочном тексте будет выглядеть неорганично), либо лексической замены. Ярким примером может служить мифологема *Santa Compaña* — процессия мертвых, шествующая в полночь по приходу с зажженными погребальными свечами. Понятный любому галисийцу смысл легенды о шествии мертвецов, уходящей корнями в кельтскую мифологию, требует декодирования для русского реципиента.

Существенные проблемы представляют собой имена собственные, которые в сказке часто несут особую функциональную нагрузку за счет приращения коннотативных значений, а также фразеологизмы, которыми, как правило, насыщен сказочный дискурс.

Определенные расхождения были выявлены и в использовании традиционных сказочных формул, играющих важнейшую роль в организации пространственно-временной и образной специфики сказочного текста. Поскольку в галисийских сказках арсенал этих формул оказался более скудным в сравнении с русским сказочным дискурсом, переводчикам в ряде случаев в целях поддержания привычного для русского читателя стилистического наполнения приходилось использовать прием лексического расширения текста с добавлением, в частности, формул пространства.

Тема одиночества на перекрестке латиноамериканского магического реализма и творчества группы «Битлз»

Иванова Анна Викторовна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе осуществлена попытка выявления гипотетических точек соприкосновения и общих мотивов на фоне самобытных черт в отражении темы одиночества при сопоставлении текста одного из ярчайших образцов латиноамериканского магического реализма (романа Г. Маркеса «Сто лет одиночества») и песен зрелого этапа творчества легендарной группы «Битлз» (на примере альбомов «Revolver», «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» и «The White album»).

Исключая вероятность прямого взаимовлияния, а также учитывая практически параллельное время написания сопоставляемых текстов, феноменология проявления общих мотивов, образов, прецедентных имен в пространстве казалось бы непересекающихся миров латиноамериканского магического реализма и британской рок-поэзии представляется заслуживающей внимательного рассмотрения в семиотическом ракурсе.

Попытки провести параллели между творчеством латиноамериканских писателей второй половины XX века и музыкальным наследием ливерпульской четверки имели место и ранее (см. *Latin American Literary Review*, 2020, Vol. 47 / Num. 94, pp. 2–8), вплоть до оригинальной антономазии «Los Beatles de la literatura», подразумевающей четырех выдающихся представителей литературного бума 60–70 гг. — Хулио Кортасара, Гарсиа Маркеса, Карлоса Фуэнтеса и Варгаса Льосу (*El Domingo*, № 26, 2012). Битловские реминисценции пронизывают художественное пространство произведений многих латиноамериканских авторов. Так, тема одиночества, являющаяся

лейтмотивом песни «Eleanor Rigby» (1966), проходит красной нитью в романе пуэрториканского писателя Абреу Адорно с красноречивым названием «Элегия для Элеанор Ригби» (исп. «Elegía para Eleanor Rigby» (1979)), также зовут мать главного героя романа мексиканского писателя Парменидеса Гарсиа Сальданы «Зеленая трава» (исп. «Pasto verde» (1968)), песни Битлз служат музыкальным фоном событий, описываемых в романе Карлоса Фуэнтеса «Смена кожи» (исп. «Cambio de piel» (1967)). Последний никогда не отрицал, что музыка ливерпульской четверки благотворно влияла на его творческий процесс (Perspectivas mexicanas desde París. Un diálogo con Carlos Fuentes (1973), con James R. Fortson). В одном из своих публицистических эссе, написанном спустя неделю после трагического убийства Джона Леннона, Гарсиа Маркес вспоминает Фуэнтеса за работой «в облаке табачного дыма под музыку Битлз на всю катушку» («Sí: la nostalgia sigue siendo igual que antes» // El País. 16 diciembre de 1980). В этом же эссе великий Габо признается: «Сегодня днем, глядя в хмурое окно на падающий снег, я размышлял о том, что у меня за плечами более пятидесяти лет, а я так толком и не знаю, кто я такой, какого черта я здесь делаю, и мне подумалось, что с момента моего рождения мир не менялся до тех пор, пока не появились Битлз».

Оппозиция начальных /f/ и /h/ как отражение языковой дивергенции пиренейских романсе

Карпова Юлия Анатольевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Для того чтобы новый язык «появился на свет», должны сложиться определенные условия и предпосылки, его становление сопровождается развитием общества носителей данной языковой разновидности, формирование языкового самосознания, фиксация языка через развитие письменности и литературной нормы, его кодификация.

В испанской лингвистической традиции принято говорить о «расщеплении» латыни на пиренейские романсе — *escisión latín-romance*. Кроме того, Распад Римской империи и разобщенность ее бывших провинций запустили так называемую субстратную реакцию, т. е. влияние языков коренного населения, которое до определенного момента находилось в латентном состоянии.

При этом изменения, которые происходят по ходу эволюции языка, не всегда симметричны и могут носить несистемный характер. Существует ряд формальных критериев, которые помогают провести своеобразный водораздел между латинским языком в его поздних территориальных разновидностях средневековыми романсе. Базовые отличия кастильского романсе от других разновидностей романской речи на полуострове лежат в области фонетики. Считается, что большинство из них обусловлено вышеупомянутой реакцией субстратов. Среди этих особенностей выделяют переход начального латинского /f/ в аспирированный /h/, а затем и полное замолкание звука (*fumo* > *humo*, *fagea* > *haya*). Рафаэль Лапеса считает, что этот процесс завершается к XII в. на севере Бургоса, в Кантабрии и Риохе. Интересно, что в Гаскони происходит то же самое (*filiu* > *hilh*), что подтверждает теорию влияния баскского субстрата в регионах, ближайших к зоне распространения баскского языка. Похоже, что древний баскский также не знал начального звука [f]: например, в латинских заимствованиях его опускали или заменяли на [b] или [p] (*filum* > *iru*, *ficus* > *iko*).

Переход латинского /f/ в аспирированный /h/ и дальнейшее его замолкание или отсутствие данного явления становится одним из наиболее важных маркеров языковой дивергенции на Пиренейском полуострове в Средние века. Так, в конце XV в. в ходу была эпиграмма, которая подчеркивала разницу между кастильским языком и арагонским диалектом и обыгрывала различное произношение лексем *hinojo* и *finojo*, соотнося этот языковой факт с именами Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского: «*Llámalo Castilla hinojo, que su nombre es de Isabel, llámalo Aragón finojo, que su nombre es de Fernando*».

Прагматический потенциал терминов в немецкоязычном массмедийном дискурсе

Ковтунова Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Под массмедийным дискурсом мы понимаем совокупность медиатекстов, обращенных к широкой аудитории. Дискурс средств массовой информации представляет собой особое пространство для функционирования терминов и других типов специальной лексики по причине его неомогенности: термины могут использоваться как в специальных посреднических медиатекстах с интенцией популяризации знания, так и в публикациях с ярко выраженной общественно-политической направленностью.

Дигитализация и доступность современных СМИ обусловили быстрое распространение специального знания, а также увеличение объемов терминологической лексики в массовых медиа. К тому же именно в массмедийном дискурсе можно проследить контекстуально обусловленные семантические и прагматические трансформации терминов, которые часто приводят к ослаблению терминологичности и способствуют проникновению терминов в общеязыковой лексикон.

Прагматический потенциал терминов (способность производить коммуникативный эффект, осуществлять прагматическое воздействие на адресата) обнаруживается в прагматически насыщенных медиатекстах, посвященных не просто научным, профессиональным, но и социально значимым темам, особенно если специальное знание транслируется параллельно с размышлениями о рисках и страхах относительно того или иного изобретения, открытия и т. п. Так, в определенный период времени термины *Ozonloch*, *Gentechnologie*, *Nanotechnologie* приобрели прагматические созначения как раз в условиях их дискурсивной реализации в СМИ.

При изучении актуального массмедийного дискурса Германии, сфокусированного на проблеме борьбы с коронавирусной инфекцией, становятся очевидными некоторые тенденции в функционировании терминологической лексики. Они тесно связаны с коммуникативно-прагматическими особенностями публикаций, в которых используются, в частности, с их основной интенцией. Актуальные материалы вокруг темы пандемии, информационным центром которых являются термины, безусловно, создаются не для того, чтобы (опираясь на концепцию В.-А. Либерта — Liebert 2002) «расширить кругозор» или «развлечь» адресата, «удовлетворить его любопытство», а, прежде всего, чтобы «принести пользу адресату», помочь ему «распознать опасность и защититься от нее», «придать легитимность действиям» власти, а также с целью осуществления «контроля» и «принятия политических решений». Так,

узкоспециальный медицинский (эпидемиологический) термин *Inzidenz* ‘индекс, коэффициент распространения инфекции’ претерпел специализацию значения, а также значительное приращение прагматического компонента и употребляется в медиатекстах последних двух лет почти исключительно в значении ‘показатель заболеваемости коронавирусом’. Таким образом, в массмедийном дискурсе могут создаваться условия для прагматического переосмысления терминов.

Прием олицетворения как средство создания комического эффекта в испанских паремиях

Кондратьева Александра Михайловна,

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

При исследовании средств создания комического эффекта, как правило, особая роль отводится анализу таких языковых средств, как эпитеты, метафоры, гиперболы, сравнения. При этом достаточно редко лингвистами упоминается столь важный прием, как олицетворение, играющий важную роль в создании комического эффекта. Данный доклад посвящен исследованию приема олицетворения как средства создания комического эффекта на материале испанской разговорной речи. Предметом исследования являются испанские диалогизмы и веллеризмы, представляющие собой двухчастные или трехчастные структуры, несущие комический эффект и развлекательную функцию. Термин «веллеризм» получил свое название от фамилии одного из героев романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», Самуэля Уэллера, так как он без конца произносил сходные по структуре шуточные сентенции. В данных паремиях очень ясно прослеживается мироощущение испанского народа, где предметы повседневного быта и зоонимические персонажи наделены человеческими свойствами. Мы рассматриваем олицетворение как художественный прием, состоящий в перенесении свойств, присущих человеку, на предметы, животных и явления природы. Прием олицетворения в испанских паремиях является свидетельством карнавального мироощущения испанцев, некоего игрового духа в повседневной жизни. Исследование показало, что в испанских веллеризмах и диалогизмах при описании действий предметов быта и представителей животного мира практически всегда употребляется антропоморфный глагол «decir» — (говорить, сказать), таким образом кастрюли, ковши, расчески, животные вступают в диалог и являются его полноправными действующими лицами: *Las uvas están verdes, dijo la zorra, cuando no las pudo alcanzar.* — (Виноград зелен еще, сказала лиса, когда не смогла его достать); *Dijo el asno al mulo: anda para allá/area acá, orejudo.* — (Сказал осел мулу: А ну уходи отсюда, ушастый.) К антропоморфным глаголам относятся глаголы, имеющую полную парадигму спряжения, которые могут сочетаться только с одушевленными субъектами. Данный прием употребления антропоморфного глагола с неодушевленными существительными, а также с существительными, обозначающими представителей животного мира, позволяет создать глагольную образность. Олицетворение, являясь отклонением от нормы и от привычного восприятия неживого и живого мира, играет одну из основных ролей в создании комического эффекта в данной группе испанских паремий.

Место лексической проблематики в грамматическом описании (сопоставление португальского и русского сочинений XVII–XVIII вв.)

Косарик Марина Афанасьевна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Начало лексикологии кладут лингвистические сочинения разных жанров (трактаты, грамматики), и создание словарей — результат длительного процесса, охватывающего Античность, Средневековье, Ренессанс, вплоть до эпохи Просвещения, когда работа над словарями обретает особую важность, определившую становление лексикологии как самостоятельной дисциплины.

На заре Просвещения (что начало не совпадает во многих странах — романских, германских, в России — в силу разных социокультурных условий), создаются и грамматики нового типа, универсальные. Среди них есть сочинения, авторы которых, уделяют особое внимание слову, связи грамматической и лексической семантики, словообразованию. Эта общая черта характеризует две учебные грамматики, различные по месту и времени создания, по описываемым языкам, но близкие по общему подходу к вопросам языка, по задачам и целевой аудитории. Это сочинения португальского и русского авторов: Amaro de Roboredo, *Methodo grammatical para todas as línguas* 1619 г.; Курганов Н. Г., *Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку* 1769 г. (более позднее издание — *Писмовникъ, Содержащий въ себѣ науку россійскаго языка* 1793 г.).

Португальско-латинский «Грамматический метод для всех языков» Робореду — часть комплекса учебных сочинений, включавшего изданные в разные годы грамматику, словарь и орфографию. Курганов, напротив, создает единое сочинение, охватывающее ту же тематику. Подчеркнем, что сочинение Робореду, на 40 лет опередившее грамматику Пор-Рояля, — первая универсальная грамматика, провозглашенная как таковая, и что труд Курганова, безусловно, создается в том же русле.

Оба автора отходят (хотя и по-разному) от канона, осознанно включая в свои грамматики обширный лексический, текстовый материал, весьма различный, отметим, по характеру и предназначенный для разных целей. У Робореду это 1200 предложений на латыни, связанных с европейской средневековой схоластической традицией, которые он включает в особый раздел внутри самого грамматического описания, *Soria de palavras* (Богатство слов), чтобы при помощи их перевода учениками на португальский и синтаксического анализа выявить различия в структуре португальского и латинского предложений. Курбанов же дополняет грамматическое описание целым рядом приложений («присовокуплений»), содержащих различные по жанрам назидательные, общеобразовательные и более специальные тексты, в большинстве своем явно не предназначенные для грамматического анализа. Круг текстов существенно расширен в двухтомном издании 1793 г., в это издание включен также толковый словарь (отчасти он и этимологический), с большим количеством латинизмов и романизмов.

Фактор говорящего и фактор адресата в композитной номинации датского языка

Краснова Елена Всеволодовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной лингвистике представлен широкий спектр исследований в русле антропоцентрической парадигмы. И хотя термин «антропоцентризм» у разных авторов получает различное толкование, очевидно, что краеугольным камнем при таком подходе является представление о ведущей роли человека, обладающего определенной речевой компетенцией и психологическими характеристиками. Исследование сложного слова в антропоцентрическом аспекте, несомненно, предполагает комплексное рассмотрение композита — узувального, потенциального и окказионального. Словообразование, будучи ведущим словообразовательным методом в датском языке, эксплицирует связь предметов, явлений и процессов в окружающем мире, а чрезвычайная сложность и многообразие существующих и возможных типов связей приводит к возникновению семантических структур различного содержания. В каждом языке имеется нечто специфическое, отражающее характерную для данного народа и данной культуры реальность, и это специфическое находит отражение в процессе словообразования, где собственные языку модели композитов коррелируются с данной языковой системой. Наиболее ярко специфическое в датском языке проявляется при создании окказиональных сложных слов, где на первый план выходит фактор говорящего. Создание нового сложного слова, которое, в сущности, представляет собой высказывание, с одной стороны, происходит по принятым в языке моделям, с другой стороны, демонстрирует высвобождение человека из-под власти языка. Окказиональное сложное слово не может рассматриваться в отрыве от фактора адресата, поскольку при создании сложного слова говорящий ориентируется на свои представления о способности слушающего, на его умение «декодировать» сложное слово. Проведенное исследование датских окказиональных сложных слов на материале корпуса датского языка, СМИ и интернет-источников позволяет выделить наиболее распространенные в настоящее время модели и определить некоторые из особенностей словообразования на современном этапе с учетом фактора говорящего и фактора адресата. Неограниченность в выборе речевых средств в процессе интернет-коммуникации позволяет говорящему создавать образования различной структуры с учетом фактора адресата. Для датского языка рассмотрение окказиональных композитов с учетом фактора говорящего и фактора адресата представляет особый интерес, в частности и потому, что они наглядно демонстрируют механизмы «связывания» компонентов в одно слово.

Некоторые аспекты языковой картины мира (на примере итальянской, немецкой и русской фразеологии, связанной с частями тела)

Кузнецова Оксана Владимировна,

преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Явление, называемое «картиной мира», является столь же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека во времени совпадает с процессом антропогенеза. Целостный образ мира на разных этапах человеческого развития пытались создать мифология, религия, философия. Сам же термин «картина мира» возник в связи с развитием естественных наук. Впервые его употребил немецкий физик Генрих Рудольф Герц на рубеже XIX–XX вв., описывая многообразие, сложившееся в процессе изучения различными исследователями объектов внешнего мира. Затем термин был заимствован гуманитарными науками, где он получил дальнейшее развитие.

Если говорить о «языковой картине мира», истоки этого понятия следует искать в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Под внутренней формой языка немецкий философ и филолог понимал мировоззрение, заключенное в языке. Он отмечал, что «всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, держа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней». Само же понятие «языковая картина мира» в научную терминологическую систему ввел Лео Вайсгербер. Каждый из языков отображает окружающий мир, но делает это с определенной позиции, а именно точки зрения народа, создавшего данный язык. Получается, что в любом языке представлен как универсально-объективный аспект, связанный с отражением объективной реальности, так и субъективно-национальный, который передает видение мира носителями данного языка. В качестве примера можно привести восприятие руки и ноги носителями разных языков. Мы видим, что русский язык вербализирует как руку, так и ногу целиком, в то время как романо-германские языки делят их на части (возьмем итальянские *la mano — il braccio* или немецкие *die Hand — der Arm* для нашей руки, а также итальянские *il piede — la gamba* или немецкие *der Fuß — das Bein*, чтобы обозначить ногу. На этом примере можно проследить отличие русского языка как от итальянского (романского), так и от немецкого (германского), которые в данном случае ведут себя похожим образом. Если же анализировать фразеологические обороты трех языков, то можно обнаружить и вовсе крайне интересные соответствия. В частности, немецкая идиома «*Hals über Kopf laufen*» может быть переведена на русский язык как «бежать сломя голову», а на итальянский как «*scappare a gambe levate*». Можно констатировать, что в русском и немецком языках упоминается слово «голова — *Kopf*», а в итальянском «*gambe*», что означает «ноги». Таким образом, на примере итальянских, немецких и русских идиоматических выражений мы можем заметить как определенные сходства, так и явные различия в языковой картине мира этих трех народов.

Об эталонных характеристиках антропонима Patriarch в сравнительных конструкциях

Куликова Валерия Александровна,

преподаватель

Московский государственный лингвистический университет

Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики и посвящено рассмотрению потенциала широкозначного антропонима Patriarch в сравнительных конструкциях на материале современных немецкоязычных средств массовой информации. Понимание антропонима как «языкового средства выражения понятийной сферы, связанной с характеристикой и деятельностью человека» [Гулыга, Шендельс 1969, с.135] позволяет семантически отнести к этой категории все языковые единицы, соотносимые с понятием «человек» [Семина 2016]. С позиций современной когнитивной лингвистики, антропоним служит особым знанием, в котором на основе внутренних связей объединяются различные домены и характеристики, служащие источниками содержания языковой единицы. Сравнение как базовая категория языка и мышления, а значит «определенная форма осмысления мира в языке» [Болдырев 2006, с. 5], выступает основой многих процессов, в том числе процессов вторичной номинации. Рассмотрение функционирования широкозначного антропонима Patriarch, относящегося первоначально к домену Религия, в сравнении позволит получить ответ, каким образом происходит выделение эталонных характеристик антропонима и, как следствие, каким метафтонимическим процессам может подвергаться этот антропоним в сравнении. Результаты анализа эталонных характеристик антропонима Patriarch показывают, что этот антропоним выступает в роли своеобразного мерила некоего выделенного качества, на основе которого сравниваются те или иные личности. Необходимо заметить, что при этом наблюдается переход из изначального домена Религия в другие, например, Спорт (Patriarch des FC Bayern) или Искусство (Patriarch der Musik). Таким образом, комплексный характер этой языковой единицы обуславливает саму возможность функционирования лингвокогнитивного механизма сравнения; а непосредственное семантическое развитие свидетельствует о его потенциале к категоризации действительности, что позволяет ему выступать элементом ряда лингвокогнитивных сравнительных моделей, в том числе в «междоменном» сравнении.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., «Просвещение», 1969. 184 с.

Семина И. А. Общая специфика семантики широкозначных антропонимов современного французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 129–139.

Испанская фразеология в контексте языкового варьирования

Кутькова Анастасия Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Сравнительное изучение лингвистических особенностей испанского языка стран Латинской Америки и Испании представляет собой одну из актуальных задач испанистики в первую очередь потому, что подобные исследования дают возможность подойти к решению важных общетеоретических и практических задач современной лингвистики, а также раскрыть условия и причины возникновения и закрепления национальных языковых вариантов. В предлагаемом докладе мы намерены проанализировать некоторые черты национально-культурной специфики фразеологии современного испанского языка, обусловленные его территориальным варьированием. Мы исходим из того, что территориальное варьирование современного испанского языка обусловливает его идиоматическую насыщенность, а также культурную референцию испанских фразеологических единиц. Современные исследования показали, что основу фразеологического состава испанского языка составляют фразеологические единицы общеиспанского лексического фонда, происходящие из таких основных источников, как обиходно-разговорная и письменная речь. Наряду с этим, самобытность языковой картины мира носителей национальных вариантов испанского языка, свойственные им лингвистические способы постижения и описания действительности, а также своеобразие их коллективного языкового опыта нашли отражение в уникальных фразеологических единицах, присущих отдельным национальным вариантам испанского языка. Фразеологические единицы различных национальных вариантов испанского языка вступают между собой в разнообразные межвариантные парадигматические и синтагматические отношения. Так, к примеру, дефиниция «льстить» («тешить самолюбие»), образует следующий межвариантный синонимический ряд: *hacer la pelota* (вариант — *hacer la rosca*) в пиренейском варианте, *hacer la barba* — в мексиканском и гватемальском национальных вариантах, *hacer la pata* (вариант *hacer la patería*) — в чилийском, в панамском — *chupar las medias*. Предлагаемое исследование проведено на базе данных академического Словаря американизмов (*Diccionario de americanismos*) и проекта по изучению лексической вариативности испанского языка *VARILEX (Variación léxica del español en el Mundo)*. Цель предлагаемого исследования заключается в том, чтобы проанализировать территориальную дистрибуцию синонимичных единиц, а также выявить среди них универсальные и специфические модели и концепты.

Стратегии интернет-коммуникации (на примере комментариев к постам партии «АдГ» в социальной сети Твиттер)

Кучина Дарья Дмитриевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Интернет-текст — это особый тип медиатекста, который отличается от других типов медиатекстов гипертекстуальностью, мультимодальностью, интерактивностью, нелинейностью и неполнотой. Особенности интернет-коммуникации влияют на систему жанров СМИ, трансформируя ее в соответствии со своими правилами или расширяя ее за счет формирования новых жанров: форумы, блоги, комментарии, чаты и т. д. Актуальность выбранной темы обусловлена потребностью проведения исследований интернет-коммуникации в дискурсивном аспекте для понимания особенностей речевого поведения коммуникантов в условиях анонимности на просторах интернет-сети. Отметим вслед за А. В. Николаевой, что для интернет-языка характерна не только и не столько диалогичность, которую можно встретить на многочисленных форумах, в чатах и т. п., сколько разговорная письменная речь, обладающая большей эмоциональностью, экспрессивностью и агрессивностью, нежели коммуникация, которая осуществляется в реальных условиях без применения веб-технологий 2.0. Комментарии являются интересным материалом для исследования, так как они могут предоставить доступ к личному восприятию, мнению, оценке людей, никоим образом не связанных с политикой. Одним из способов анализа комментариев является определение тактик и стратегий интернет-коммуникации. Комментируя, человек пытается повлиять на образ мышления читателей постов, оперируя знаниями адресата, его ценностными установками, эмоциями и волей. На сегодняшний день отсутствует единообразная классификация тактик и стратегий коммуникантов в интернет-дискурсе, поэтому была предпринята попытка анализа и систематизации существующих постулатов, которым следуют лингвисты при проведении исследований. Реализация данных стратегий демонстрируется на основе проанализированных комментариев пользователей социальной сети «Twitter» к постам немецкой партии «Альтернатива для Германии». Тематической доминантой является событие, заслуживающее если не международный резонанс, то определенный отклик со стороны общественности в Германии — выборы в Бундестаг 2021 года. Методика анализа: Применение трехкомпонентной методики анализа комментария по Б. Г. Вульфовичу, многоуровневая модель лингводискурсивного анализа DIMЕAN, методы лингвистического описания и контекстного анализа. На основе проанализированного материала были определены наиболее часто встречающиеся стратегии, используемые пользователями платформы «Твиттер». Так, одной из ключевых стратегий является «стратегия на понижение», что свидетельствует о неоднозначном восприятии комментируемыми некоторых положений в программе партии. Помимо этого, было выявлено, что некоторые пользователи прибегают к разнородным тактикам и стратегиям, так что они могут быть положены в основу речевого портретирования.

Источники лексики в поэме норвежца Эйвинда Римберейда «Солярис откорректированный»

Ливанова Александра Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В относительно короткой (30 страниц) поэме «Солярис откорректированный» (*Solaris korrigert*), опубликованной известным норвежским поэтом Эйвиндом Римберейдом (*Øyvind Rimbereid*) в 2004 г., действие происходит в 2480 г. в Северном море, недалеко от одного из крупнейших городов Норвегии Ставангера — города нефтяников и газодобытчиков.

Сюжетно поэма отталкивается от фантастического романа Станислава Лема, вышедшего в 1961 г., где описаны взаимоотношения между людьми будущего и разумным океаном планеты Солярис. Перевод романа на норвежский язык (через посредство немецкого) вышел в 1974 г.

Однако будущее человечества, представленное Римберейдом на примере жителей западного побережья Норвегии, значительно «откорректировано» автором как с учетом экологических реалий современной действительности, так и с учетом ускоряющегося процесса глобализации.

Повествование в поэме ведется от безымянного первого лица, руководящего группой роботов, обеспечивающих системы проложенных на морском дне трубопроводов. Наглядность произошедших в стране изменений подчеркнута тем, что вся поэма написана на сочиненном Римберейдом норвежском языке будущего. Этот язык разительно отличается от обеих современных официальных форм норвежского языка (букмола и нюнорска), но при этом остается понятным норвежскому читателю.

Лексика норвежского языка будущего состоит из целого ряда пластов: архаичной норвежской лексики; лексики диалектов западной Норвегии; многочисленных заимствований из собственно английского языка и англо-шотландского диалекта скотс; слов и корней немецкого и нидерландского языков, а также производных от латинских и греческих корней и технической терминологии. В целом это те же пласты, что составляют и норвежский язык нашего времени, однако представленные иными лексическими единицами.

Этимологическая пестрота авторского текста не мешает, однако, его пониманию, а лишь замедляет чтение, заставляя вдумываться вначале в значение слов, а затем и в глубинный смысл состоящего из этих слов текста.

Мастерство Римберейда проявляется в продуманном отборе как самих лексических единиц, так и узнаваемых словообразовательных элементов, а также в том, как умело автор пользуется такими приемами как усечение основ, редукция окончаний и иными фонетическими преобразованиями, характерными для норвежской диалектной речи, пользующейся в Норвегии престижем, раздающейся с трибун, широко используемой в СМИ и потому привычной для норвежского уха.

При всей сложности рассматриваемого произведения оно уже было успешно переведено на немецкий и шведский языки, а частично также на английский и французский.

Литература

Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
Rimbereid Ø. *Solaris korrigert.* Oslo: Gyldendal

Немецкие устойчивые сравнения с антропонимами в системе эталонизированных представлений

Манерова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Устойчивые сравнения определяют как особый тип фразеологизмов, встречающийся во многих европейских языках и представляющий прототипическую языковую универсалию. Степень идиоматичности сравнений невысока, они образуются по устойчивым морфосинтаксическим моделям (конструкция [X] Prädikat wie/als [Y]), их образность помогает понять их значение: jmd. haust wie die Schweden (букв. вести себя как шведы, т. е. вести себя бесцеремонно, грубо). Устойчивые сравнения в немецком языке непосредственно связаны образами-эталоном, например *sich bessern wie der deutsche Michel* 'быть безнадежным, неисправимым'. Эталонизированные представления в устойчивых сравнениях «как бы «задают» образцы поведенческих норм, красоты, глупости, работоспособности и т. д. Инвариантная модель сравнения в немецком языке включает в себя три компонента логической формулы сравнения: то, что сравнивается или объект сравнения, основание сравнения, и то, с чем сравнивается или эталон сравнения. Объект сравнивается с другим посредством когнитивной операции ассоциативного уподобления через основание сравнения, с включением коннекторов *wie, als*. Из трех компонентов сравнения этнокультурную специфику выявляют как эталон сравнения (*Vergleichsspender*), так и основание сравнения (*tertium comparationis*). Эталон сравнения в немецком языке имеет разнообразную идеографическую соотнесенность, в частности, ономастическую, напр., антропонимическую. Антропонимы могут быть квалифицированы как идентификационные маркеры личности или же ее известности. Антропонимы получают в составе фразеологических единиц другое значение, так как подвергаются десемантизации и деонимизации. Антропонимы, широко известные представителям языкового или лингвокультурного сообщества благодаря воспроизводимости, способны также транслировать и определенные признаки, характеристики, свойства в качестве семантико-деривационных компонентов устойчивых сравнений. Антропонимы в немецких устойчивых сравнениях — частотный объект экспрессивного сравнения, напр. *wie ein Phönix aus der Asche erheben* «возродиться как Феникс из пепла». В составе сравнения основание сравнения и объект сравнения воспроизводимы, отмечены идиоматичностью, их семантика лингвокультурологически обусловлена напр.: *jemand ist wie ein getreuer Eckart* «как верный Экарт» (верный Экарт — персонаж сказаний о Дитрихе Бернском и «Песни о Нибелунгах»). Фразеологическое значение антропонимов формируется под влиянием как общеевропейской культуры, так и исконной германской, что открывает перспективу для контрастивного сравнения немецких фразеологизмов с единицами других германских языков. Материал — данные словарей и электронных лексикографических корпусов.

Научно-техническая информация как источник формирования семантических дериватов, фразеологизмов и паремий испанского языка

Мёд Наталия Григорьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен отражению научно-технических знаний в семантических дериватах, фразеологизмах и паремиях испанского языка, а также феномену антропологизации, которая состоит в приобретении дополнительных смыслов в научной и технической лексике, характеризуя человека, его действия и состояния с позиции категории оценки. В ходе исследования были выделены следующие источники формирования метафор и фразеологизмов: 1. Медицина (*muermo, tabardillo, ser más malo que la peste (bubónica), ser peor que la peste*). 2. Математика (*la prueba del nueve, ser un cero a la izquierda*). 3. Геометрия (*dar un giro de ciento ochenta grados*). 4. Техника (*ser de piñón fijo, fundirse a alguien los fusibles*). 5. Информатика (*cambiar el chip, estar formateado*). Семантические дериваты и фразеологизмы данных семантических классов научно-технической лексики формируют общую оценку и разные виды частных оценок. Также в докладе рассматриваются способы создания комического в компаративных фразеологизмах испанского языка посредством использования научно-технической лексики (*ser más inútil que un teclado sin Enter*). Анализируются лексические замены в паремиях, связанные с информатикой и создающие комический эффект (*Al programa pirateado no le mires las fuentes; No postees mañana lo que puedas publicar hoy*). Также рассматриваются лексические трансформации в паремиях, отражающие нынешнюю ситуацию пандемии коронавирусной инфекции, с ключевыми словами, относящимися как к области медицинской терминологии, так и к средствам защиты от коронавируса и санитарным ограничениям (*Dos es compañía, tres es multitud: pandemia; Entre col y col, virus; Más vale ser asintomático que enfermo; Allá donde fueres, multa te lleves; Hasta el 40 de mayo, no visites al yayo*). Рассматриваются шуточные компьютерные комплименты, с помощью которых выражается симпатия или восхищение (*Eres el enter de mi vida; Ojalá fuera blog para que me visitaras todos los días*). Исследование показало, что испанские семантические дериваты, фразеологизмы и паремии семантического поля «Наука и техника», будучи информационными носителями ментальной базы культуры, содержат в своих значениях отражение знаний прошлого и современности, одновременно характеризуя человека, его внутренние качества, состояния и действия.

Лексические и фонетические особенности мексиканских загадок о животных

Медведева Екатерина Сергеевна,

аспирант

Российский университет дружбы народов

Современная лингвистическая наука во многом сконцентрирована на человеке, его быте, окружении, восприятии им мира и всех созданных его руками объектах.

Не поддается никакому сомнению тот факт, что культура и фольклор каждой отдельно взятой страны уникальны и неповторимы. Они по своей сути являются единственным связующим звеном для человечества в самом широком смысле слова — посредником между нажитым коллективным опытом предков, современностью и будущими трансформациями социума.

Возросший интерес к фольклору различных стран нашел отражение в ряде современных исследовательских работ, которые подчеркивают значимость анализа национального фольклора для понимания общей картины этноса. В частности, внимание этому уделяли А. Т. Хроленко, Ю. А. Эмер, О. С. Чеснокова, М. В. Пименова, Б. Хульве, Т. Ибарра и др.

Загадки привлекают особое внимание не только своей сутью, но и формой подачи, а также средствами выразительности, задействованными в них.

Объектом изучения работы стали мексиканские загадки о животных — рифмованные, не рифмованные, а также загадки в форме наводящих вопросов.

Предметом анализа являются средства языковой выразительности в обозначенных загадках и их формы. Игра слов стала самым распространенным приемом в рассматриваемой выборке. Достаточно популярны загадки, использующие метафоры, эпитеты и олицетворения в качестве основного способа передачи информации о загаданном предмете. Интересным приемом, используемым в мексиканских загадках, является применение омонимичных слов в качестве подсказки, направляющей слушателя к правильному ответу, а также созвучия нескольких отдельных слов, вместе составляющих искомое понятие. Частым приемом также является намеренная подмена признаков двух схожих понятий с целью дезориентации слушателя и проверки его логических способностей и лингвистических навыков.

Не менее важным способом коммуникации между сторонами диалога является «закольцовывание» загадки, когда задающий вопрос постоянно возвращает слушателя к самому ее началу, давая возможность заново попробовать свои силы.

Наконец, несмотря на то что ряд загадок является заимствованным, есть и те, которые опираются исключительно на особенности мексиканской культуры. Структура мексиканских загадок, лексические и фонетические средства выразительности, задействованные в них, позволяют изучить более глубоко культурные и исторические особенности данного этноса.

Традиционное и новое в функционировании компонента *ego* в словообразовании (на материале немецкого и английского языков)

Мельгунова Анна Владиславовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Латинское местоимение *ego* ‘я’ давно используется в разных языках в субстантивированном виде и словообразовательных конструкциях: *das Ego, alter ego, der Egozentrismus* и др.

Традиционно слова с ним носят терминологический характер, и в первую очередь речь идет о психологической или философской терминологии: *die Ego-Identität* —

‘эго-идентичность’, ego-state ‘эго-состояние’, das Super-Ego ‘Супер-Эго’, das Ego-Ideal ‘Я-идеал’. Однако некоторые слова, как der Egoist, ранее также относившиеся к лексике научной речи, стали общеупотребительными.

Наряду с этим можно отметить в современном языке некоторые новые тенденции, связанные с функционированием данного местоименного компонента в словообразовании, что обуславливает актуальность данной темы. Во-первых, расширяется список наук, где термины с данным компонентом становятся употребительными. Например, Ego-Dokumente ‘эго-документы’ в исторической науке. Во-вторых, появляются жаргонные слова с этим компонентом, как английское слово ego-trip и соответствующее немецкое das Egotrip ‘самолюбование, бахвальство’, заимствованное из английского в конце XX в.

Другим новым аспектом данной темы является появление неологизмов, связанных с новыми технологиями: например, немецкое слово der Ego-Shooter ‘компьютерная игра-стрелялка’. Интересно, однако, что в английском, из которого заимствован один из компонентов, игра такого типа носит другое название — first person shooter, которое образовано без местоименного компонента. Популярные неологизмы ego surfing, das Ego-Googlen обозначают поиск информации о самом себе в интернете. Данные неологизмы, в свою очередь, участвуют в дальнейшем словосложении: например, композит Ego-Googlen-Erkenntnisse, обозначающий опыт такого поиска во всемирной сети, образован с участием упомянутого немецкого слова. Существуют различные варианты графического представления такой лексики. Например, если в английском языке возможно раздельное оформление компонентов некоторых сложных слов, то в немецком всегда имеет место написание либо слитно, либо через дефис.

В докладе будут рассмотрены примеры традиционной терминологии и неологизмов с компонентом ego из немецкого и английского языков, охарактеризованы области их употребления, структура и семантика. Будет также затронут вопрос синонимии между рассматриваемыми лексическими единицами и словами, образованными с другими местоименными компонентами.

Анекдот в прозе С. Довлатова: языковые средства передачи юмора (на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский и португальский языки)

Микаэлян Юлия Игоревна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный институт

(университет) международных отношений МИД России

Писатель С. Д. Довлатов (1941–1990) известен в первую очередь как один из ярчайших представителей юмористической прозы второй половины XX в. Еще при жизни юмор Довлатова был оценен и зарубежными читателями: его тексты начали переводиться на иностранные языки в 80-е гг. прошлого века, когда писатель жил в США, и где он получил небывалую для автора-эмигранта известность (за 12 лет в эмиграции почти все его произведения были переведены и опубликованы на английском языке, а рассказы Довлатова неоднократно публиковались в The New Yorker, одном из самых престижных американских журналов). Процесс перевода его книг не прекращается и в наши дни:

так, переводы повести «Заповедник» и романа «Ремесло» почти одновременно вышли в Бразилии (Parque cultural, 2016, O ofício, 2017), Аргентине (La Reserva Nacional Pushkin, 2016, El ofício, 2016) и Испании (Retiro, 2017, Ofício, 2017). Одним из жанрообразующих элементов в произведениях Довлатова становится анекдот, вокруг которого часто строится повествование. Как отмечает И. Н. Сухих, один из крупнейших исследователей творчества писателя в России, «Довлатов-литератор начинается с анекдота». Говоря о структуре довлатовской прозы, Сухих представляет ее в виде медленно вращающегося колеса «большого» центрального сюжета, на котором «бесперывно и весело позвякивают бубенчики анекдотов». Анекдот как фольклорный жанр присутствует во всех культурах и характеризуется универсальностью тематики, а его композиция обычно строится на резком сюжетном повороте с неожиданной концовкой. Подобный эффект неожиданности, нарушающий инерцию повествования, и создает комический эффект. Несмотря на универсальный характер, перевод анекдота нередко может вызвать определенные трудности. Дело в том, что юмор всегда тесно связан с культурой, в которой он был произведен, отражает ее специфику и содержит имплицитную информацию, доступную носителю данной культуры, которая, однако, необязательно будет понятна иностранцу. В силу имплицитного, коннотативного характера юмора восприятие и понимание смешного зависит не от его лингвистического выражения, а от получателя перевода, который воспринимает шутку в соответствующей культуре. Цель данного доклада — проанализировать переводческие стратегии для передачи юмора в произведениях писателя и рассмотреть, к каким языковым средствам и стилистическим приемам прибегают переводчики для сохранения комического. Для этого будут рассмотрены фрагменты переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский (пиренейский и аргентинский национальные варианты) и бразильский вариант португальского языка.

К вопросу об инклюзивном написании во французском языке

Миретина Мария Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Инклюзивное написание заключается в изменении французской орфографии с целью отображения на письме слов-наименований женщин. Согласно правилам грамматики французского языка для выражения совокупности людей во множественном числе используется форма мужского рода, например, les candidats. По рекомендациям инклюзивного написания, в каждой форме должен быть выражен женский род на письме: les candidates. Инклюзивное написание встречается в статьях, в блогах, в электронных письмах, в сообщениях в социальных сетях, что свидетельствует о его использовании во Франции, несмотря на сопротивление Французской академии и министра национального просвещения Франции Жана-Мишеля Бланке. Инклюзивное написание направлено на устранение гендерного неравенства несколькими способами: измененная орфография существительных (например, professeureuse); выбор терминов, не имеющих морфологических различий по роду (termes épicènes), например, droits humains «права человека» вместо droits de l'Homme; феминизация названий профессий, имеющих форму только мужского рода («женщина-автор» снова становится, как в эпоху

Возрождения, «autrice» или трансформируется в «auteure»); новая типографика (для удобства отделения частей слова друг от друга предлагается использовать специальную точку, расположенную на уровне середины буквы (point médian): certain-e-s, скобки: certains(es), типе : certain-e-s или слэш : certains/es). В официальном бюллетене № 18 от 6 мая 2021 г. министерство образования Франции запретило школьникам и учителям использовать в письменной речи гендерно-инклюзивные слова, пытаясь не допустить «доминирование английского языка в мире». Власти считают, что такая лексика «вредит процессу обучения», сбивает детей с толку. Профсоюз учителей Франции SUD не поддержал решение министерства и призвал школьных педагогов игнорировать указание правительства. Инклюзивное письмо сегодня вызывает много споров. К числу противников относятся: министр национального просвещения Жан-Мишель Бланке, подписавший циркуляр от 6 мая 2021 г., который запрещает инклюзивное написание в административных актах, а также в школе; ассоциация SOS образование, запустившая петицию против инклюзивного написания, которую подписали более чем 52 000 человек; К числу сторонников относятся: мэрия Парижа во главе с Анной Идальго, принявшая инклюзивное написание (adjoint-e-s à la maire; conseiller-ère-s de Paris); издательство Hatier, выпустившее учебник с инклюзивным написанием. В помощь людям, у которых вызывает трудности инклюзивное написание, создан сайт eninclusif.fr, где предлагаются различные варианты инклюзивного написания слов, в том числе и формы для небинарных гендерных идентичностей (например, chef-fe-x, где X — соответствующее небинарное окончание).

Ключевые аспекты становления современной социолингвистической ситуации в Боливии

Невокшанова Анастасия Андреевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Боливия представляет собой любопытный и крайне разнообразный объект для исследований; особое значение в филологической науке придается богатейшему индейскому языковому субстрату. Исторически на территории Боливии сосуществовали три индейских цивилизации, двум из них на момент открытия Америки было около 2500 тысяч лет. Представлялось, в связи с уникальным лексическим своеобразием боливийского национального варианта, что такая среда исключительно благоприятна для лексикографических, лингвистических и социолингвистических исследований, однако такое предположение оказалось не вполне верным: так, например, первые словари локализмов появляются в Боливии достаточно поздно, а деятельность по их созданию трудно назвать активной, сравнивая лексикографию разных латиноамериканских регионов. При этом, отдельные аспекты формирования боливийского национального варианта испанского языка и языковой ситуации в стране достаточно подробно рассмотрены в работах историков, филологов и социологов, на которые опирается автор доклада. Следует отметить, что Боливия никогда не была совершенно отдельной с административной точки зрения территорией, всегда входила в состав большей административной единицы. «Самостоятельность» ее была скорее географической, нежели осознанно социальной или политической. Первоначально составлявшая часть Верхнего Перу, позднее территория современной Боливии войдет

в состав вице-королевства Рио-де-ла-Плата (с 1776 г.). Этот фактор, наряду с особенностями колонизации разных регионов, безусловно, повлиял на формирование национального самосознания и на острое восприятие региональных языковых и культурных отличий внутри страны. Таким образом, рассматривая формирование языковой ситуации, следует остановиться на таких ключевых аспектах, как достаточно сложная национальная и собственно языковая политика, билингвизм и диглоссия, академическая деятельность и система образования, особенности работы средств массовой информации и основные тенденции в создании художественного текста. Также очень значимыми для изучения боливийского национального варианта испанского языка оказываются диалектологические исследования и анализ происходящих на территории страны языковых контактов.

Двойная актуализация, силлепс(ис), зевгма: вопросы терминологии и переводимости

Никитина Екатерина Яковлевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Речь пойдет о ряде стилистических приемов, основанных на использовании одного слова в двух значениях. Терминологию в этой области нельзя назвать устоявшейся. В литературе можно встретить множество терминов, не всегда одинаково понимаемых разными учеными. Положение дел осложняется тем, что между приемами не всегда есть четкая грань. Мы попытаемся внести ясность в эту запутанную картину, а также предположить, какие из этих приемов будут сложнее всего для перевода. Интересно, что лежащие в их основе механизмы в европейских языках идентичны.

Силлеписом или зевгмой называют стилистический прием, при котором ядерное слово имеет несколько зависимых слов, согласованных с ним в разном смысле. Вслед за рядом исследователей мы считаем важным разделять два вида зевгмы: в первом случае в ядерном слове действительно совмещается несколько значений (*Après avoir sauté sa belle-soeur et son repas de midi, le Petit Prince reprit enfin ses esprits et une banane*), во втором же ядерное слово может реализовывать лишь одно значение, а стилистический эффект создается за счет несовместимости — как семантической, так и грамматической — зависимых слов (*Il fut blessé à Verdun, à la fesse droite et à l'improviste*). Очевидно, что второй тип представляет гораздо меньше сложностей для перевода: в первом случае переводчику нужно подобрать слово, также совмещающее в себе два значения, одно из которых часто бывает фразеологически связанным; совпадение значений в разных языках — редкая удача.

Во французском языке *syllèpse* обозначает другой стилистический прием, который в отечественной литературе чаще называют двойной актуализацией (но некоторые ученые используют слово «силлепс» в противоположность зевгме). Его суть — в реализации одним словом или целым выражением одновременно двух значений, при этом речь не идет об однородных членах, как в зевгме. Иногда оба значения поддерживаются контекстом, однако часто второй смысл при двойной актуализации не очевиден сразу, а иногда и вовсе оказывается не понят человеком, не знакомым со вторым значением выражения (иностранец, ребенок, человек другого поколения). Подобная языковая игра часто лежит в основе названий телепередач, подкастов, телеграм-

каналов и т. д. (Tu parles, Grand bien vous fasse, Одно расстройство, Желтые сливы и т. д.) Подобная двуплановость обычно сложна для перевода: переводчику приходится придумывать свою игру слов, чтобы заменить ею оригинальную.

Итак, основное различие между зевгмой и двойной актуализацией — в том, что зевгма привлекает внимание читателя, выпячивает разные значения слова, тогда как двойная актуализация — прием для «посвященных». В то же время в реальности оба приема гораздо многообразнее.

Политические дебаты как конфликтный жанр бразильской политической коммуникации

Николаева Елена Станиславовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Политические телевизионные дебаты традиционно выделяются как самостоятельный жанр политического медиадискурса и представляют собой самый напряженный жанр политического дискурса: опровержение политического соперника и непримиримая борьба с целью завоевания аудитории — вот векторы, по которым движется риторическая модальность теледебатов. Являясь жанром живого общения, построенного на высказывании полярных точек зрения, теледебаты обладают соответствующими стилистическими особенностями. К ним относят использование неречевых, наряду с речевыми, форм общения. Одним из обязательных признаков теледебатов, является наличие экспрессивных элементов в речи участников. Это лексические, и фонетические единицы, различные коннотации, эмфатические конструкции. Теледебаты стали крайне распространенным жанром политического дискурса в современной Бразилии. Связано это, прежде всего, с остротой политического момента и наличием сложных и жизненно важных для развития страны проблем, с делением общества на группы, разделяющие противоположные точки зрения на происходящее в стране и на перспективы ее развития. В подобной ситуации манипулирование аудиторией в ситуации высокой конфликтности находит выражение в широком арсенале языковых средств, в первую очередь, средств речевой агрессии. Агрессивное языковое поведение предполагает сознательный выбор языковых стратегий и речевых средств и осуществляется как на аксиологическом уровне, так и на когнитивном. Мы рассматриваем две группы языковых средств: лексические средства португальского языка, выражающие негативную оценку, с помощью которых, как правило, выражается активная речевая агрессия, и дискурсивные средства, формирующиеся в тексте-дискурсе и используемые для скрытой речевой агрессии. Особое внимание уделяется использованию риторических приемов, являющихся прагматически мотивированным синтаксическим средством с высоким воздействующим потенциалом. Анализ языкового материала показывает, что агрессия и отрицательные эмоции стали основным признаком современных дебатов, что свидетельствует о пребывании современного общества в фазе крайней радикализации, в том числе и в политике. Отношение к ключевым вопросам современности, выбор будущего пути развития разделили мир на две непримиримые части, из которых ни одна не готова принять то, что ей кажется абсолютно чуждой.

Категория *pluralia tantum* в русском и итальянском языках

Николаева Юлия Вадимовна,

к. ф. н., доцент

университет Сапиенца, г. Рим

В докладе исследуется категория *pluralia tantum* в русском и итальянском языках. Предлагается обзор современных нормативных грамматик двух языков по этой теме, а также критически рассматриваются традиционные, семантические и когнитивные теории, интерпретирующие это явление. Краткий экскурс в историю двух языков позволяет объяснить некоторые особенности формирования данной категории благодаря утрате в диахронии двойственного числа в русском и вытеснению среднего рода при переходе от латыни к итальянскому языку. В диахронии же следует искать причины отсутствия единственного числа у многих книжных слов, таких как *idi* (иды), *calende* (календы), *ferie* (праздники), *infern* (загробный мир), *poster* (потомки), *penati* (пенаты) и др., унаследованных из латыни.

Прослеживаются типологические сходства данной категории в русском и итальянском языках, в которых к ней принадлежат имена существительные, обозначающие составные, в том числе парные предметы, вещества, отрезки времени, а также сложные действия и некоторые топонимы. Многие имена существительные из указанных тематических групп в обоих языках симметрично кодифицируются только во множественном числе.

Однако на фоне явных типологических сходств соотнесение слов с категорией *pluralia tantum* в изучаемых языках отличается своеобразием даже в рамках одной и той же тематической группы. Например, полная числовая парадигма в итальянском может противостоять только множественному числу в русском: *slitta/slitte* — сани, *orologio/orologi* — часы, *portantina/portantine* — носилки, *barella/barelle* — медицинские носилки, *pallottoliere/pallottolieri* — счеты, *rastrello/rastrelli* — грабли и др. Отдельный интерес представляют дефектные числовые парадигмы, диаметрально различающиеся в русском и итальянском: только единственное число в одном языке коррелирует с только множественным в другом, например, *carta da parati* — обои, *spinaci* — шпинат, *stoviglie* — посуда и т. д.

Межъязыковые различия объясняются не только системными расхождениями, но и различными тенденциями развития языков в диахронии. В работе иллюстрируются динамические процессы, затронувшие данную категорию в русском и итальянском языке в последние десятилетия, и выявляются многочисленные случаи межъязыковых несоответствий, ранее не изученные в контрастивных исследованиях. Например, возникшая недавно в разговорном итальянском языке вариативность множественного и единственного числа у слов, входивших прежде в категорию *pluralia tantum*: *pantaloni/pantalone* (брюки), *occhiali/occhiale* (очки), *mutande/mutanda* (трусы), *forbici/forbice* (ножницы) и т. д.

Исследование проводится на широком языковом материале, используются традиционные описательные методы и методы корпусного анализа.

К вопросу о креативности рекламы (на материале французского языка)

Остапчук Радмила Георгиевна,

студент 4 курса

Белорусский государственный университет

Солодовникова Татьяна Владимировна,

к. ф. н., доцент

Белорусский государственный университет

В докладе приводятся элементы анализа французского исследователя М. Мерканти-Герен, рассматривавшей понятие креативности в рекламе с учетом ее восприятия потребителями. Актуальность темы обусловлена отсутствием научного консенсуса в определении креативности применительно к рекламе. Несмотря на размытые границы, понятие креативности сохраняет ключевые позиции в рекламной практике и является динамичным. Тенденции, определяющие специфику креативности в современной рекламе, обусловлены значимыми социальными изменениями: усугубляющейся фрагментацией западного общества; ростом осведомленности потребителей в вопросах рекламы и медиа; трудностями в создании инновационного продукта; избытком рекламных сообщений. Поиск креативных рекламных решений, однако, сопряжен со сложностями теоретического и практического характера, среди которых: сложность моделирования и воспроизводства креативности; значительный риск в части влияния на бренд в целом и на продажи конкретного продукта; сложность измерения влияния креативности на прибыль. Креативность рассматривается М. Мерканти-Герен как «особая форма новизны, поскольку она добавляет к многообразию общественную пользу и возможность генерировать новые идеи» и участвует в сборе информации, понимании сути проблемы, поиске решений и принятии идеи заинтересованными лицами. Ключевыми элементами креативности выступают новизна, полезность, комплексность и эстетичность. Понимание новаторского характера как существенной черты креативности зачастую не подвергается критике. Новизну можно трактовать как отступление от некой нормы, нечто единичное. Использование нетипичных рекламных стимулов позволяет отличить продукт от других, придать ему уникальность. В то же время значение рекламного сообщения должно оставаться ясным потребителю, а потому новизна находится в неразрывной связи с полезностью как способностью привнести в продукт добавленную стоимость способом, имеющим смысл для потребителя. Комплексность определяется разнообразием содержащихся в рекламе стимулов, количеством элементов в каждом из стимулов или их группе, степенью их различия и соединения. Сложность рекламы может определяться техническим оформлением, используемой лексикой, визуальной составляющей. Эстетичность, стилистические характеристики продукта являются первым проявлением креативности в ее восприятии потребителем. В данном случае эстетика не сводится к понятию красоты, а подразумевает специфическое художественное оформление; комбинация новых эстетически оформленных стимулов побуждает покупателя задуматься над смыслом рекламного сообщения. Таким образом, понимание креативности рекламного сообщения с точки зрения потребителя — в четырех ее аспектах — позволяет сформировать комплексное понимание механизмов и результатов воздействия рекламных продуктов на потребителя.

«Свобода» и «обязанность» в период пандемии: анализ семантики немецких композитов с компонентами -pflicht, -freiheit

Парина Ирина Сергеевна,

к. ф. н., доцент
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова

В докладе рассматривается семантика сложных имен существительных с компонентами -pflicht («обязанность»), -freiheit («свобода»), появившихся в немецком языке с началом пандемии коронавируса. Материалом послужил выделенный в составе корпуса DeReKo Института немецкого языка в г. Мангейм пользовательский подкорпус объемом 304.257.924 словоформ, в который вошли тиражи немецкоязычных газет с января 2020 г. по декабрь 2020 г.

Проведенный анализ показал, что композиты с компонентом -pflicht служат для компактного наименования ограничений, вводимых органами власти немецкоязычных стран (Maskenpflicht «обязанность носить маску», Corona-Mitteilungspflicht «обязанность сообщать о заболевании коронавирусом», Corona-Test-Pflicht «обязанность проходить тестирование на коронавирус», Corona-Impflicht «обязанность вакцинироваться от коронавируса», Zwei-Meter-Abstands-Pflicht «обязанность соблюдать дистанцию в два метра», Händedesinfektionspflicht («обязанность обрабатывать руки дезинфицирующим раствором», Covid-App-Pflicht «обязанность устанавливать приложение для отслеживания контактов с заболевшими коронавирусом»).

Написание некоторых композитов-неологизмов не является устоявшимся (Mund-Nasenschutzpflicht, Mund-Nasen-Schutzpflicht, Mund-Nasen-Schutz-Pflicht).

Также наблюдается избыточная полная синонимия (так, например, для обязанности носить маску используются следующие обозначения: Maskenpflicht, Mundschutzpflicht, Maskentragpflicht, Maskenschutzpflicht, Schutzmaskenpflicht, Corona-Maskenpflicht, Gesichtsmaskenpflicht, Atemschutzmaskenpflicht).

В композитах с компонентом -freiheit этот компонент выступает в нескольких значениях:

- отсутствие чего-либо в результате избавления от чего-либо (Virenfreiheit «отсутствие вируса», Symptomfreiheit «отсутствие симптомов»),
- возможность осуществления действия без ограничений (Kontaktfreiheit «возможность свободно общаться», Spazierfreiheit «свобода прогулок»),
- отсутствие обязательного требования делать что-либо (Impffreiheit «отсутствие обязательства делать прививку»),
- отсутствие предмета, закрывающего определенную часть тела (Mund-Nasen-Freiheit «неприкрытые рот и нос»).

Некоторые композиты с компонентом -freiheit обладают оценочностью. Так, Maskenfreiheit (букв. «свобода от масок») используется для обозначения как отсутствия обязательного требования носить маску, так и отказа от ношения маски вопреки требованию и в ущерб окружающим.

В целом анализ немецких композитов, по своей семантике связанных с пандемией, свидетельствует о наличии двух противоположных тенденций — к языковой продуктивности и к языковой экономии.

Верность традиции и жажда эксперимента: «универсальный» язык современной французской прозы

Петрова Анастасия Дмитриевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Современная французская литература, элитарная, а не массовая, очень выделяется на фоне мировой литературы в целом. В последние годы перед российскими издателями регулярно возникают проблемы, связанные с тем, что современную французскую литературу, классифицируемую как интеллектуальную, практически не покупают в России. Думается, это напрямую связано с тем, как сложно устроен язык современной французской прозы. Будучи верными традиции экспериментаторства, имея за плечами Аполлинера, сюрреалистов, Новый роман, УЛИПО, современные авторы продолжают выстраивать свои художественные миры с помощью языка. При этом в одном тексте (возьмем к примеру роман Маилис де Керангаль «Мост» или роман Лиди Сальвер «Мы здесь не для того, чтобы исчезнуть») могут сочетаться чуть ли не все приемы, разработанные французскими авторами прошлого, разом: методы ограничительного письма, поэтизация языка, фокус на специальные термины и редкие слова, смешение языковых регистров. Например, Керангаль использует крайне эклектичную лексику: архаизм, арго, разговорные слова низкого регистра, англицизмы (open space, Excel и название Go Your Own Way), терминологию. И все это умещается на пространствах относительно небольшого текста. Встречаются в романе Керангаль и слова высокого штиля, и старинные французские выражения, все сочетается со всем примерно как в «Исчезании» у Перека. Ради поддержания, хоть и прерывистого, но все-таки дыхания, Керангаль жонглирует всевозможными грамматическими формами: тягучий имперфект, passé simple, активные (projetant) и пассивные (éteints) причастия и даже просто инфинитивы. Во избежание ненужных пауз Керангаль порой, как и Перека, отказывается (правда уже не вынужденно, а по собственной воле) от артиклей. А иногда отказываться приходится от членов предложения, например, от сказуемого: «hop tout le monde pieds nus dans la bagnole et en route pour la Californie». Континуальность достигается и с помощью обыгрывания однокоренных слов. Маилис де Керангаль, сохраняя женский синтаксический поток сознания, в котором один за другим следуют даже не однородные члены, а целые самостоятельные предложения и обороты, подхватывает срывающееся дыхание, но изобретает максимум отвлекающих маневров. Текст Керангаль пестрит понятиями сплошь невнятные для многих читателей, мало того, в самом контексте текста автор бесконечно играет в загадки. Знаки, расшифрованные лишь впоследствии, преподносятся как известные при первом же упоминании. Такая универсализация языка во многом усложняет чтение для не совсем продвинутой аудитории. Интересно рассмотреть на примере нескольких фрагментов современной французской прозы, как авторы, оставаясь верными традиции эксперимента, с помощью языковой игры завоевывают читательское внимание и почему теряют его.

Роль этнокультурной лексики в описании ибероамериканских религиозных практик (на примере бразильского романа «Вихрь»)

Проклов Руслан Игоревич,

старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад посвящен исследованию этнокультурной лексики, используемой для описания и представления специфики социокультурных, в том числе религиозных практик, распространенных в ибероамериканском пространстве. В центре внимания авторов находятся лексические средства, обозначающие практики и предметы различных видов религиозных культов. Начиная с XX в. в Бразилии получили широкое распространения различные неконвенциональные религиозные практики, включающие как христианские, так и языческие элементы. Наиболее полное описание данные практики получили в бразильской художественной литературе начала XX в. По этой причине в качестве эмпирического материала нами привлекается текст романа известного бразильского писателя Энрике Коэлью Нету (1864–1934) «Вихрь». Общий объем корпуса составляет свыше 70 000 слов или 400 000 знаков с пробелами. В данном художественном произведении затрагиваются социокультурные вопросы, связанные с бурным ростом различных религиозных практик в Рио-де-Жанейро в начале XX в. В докладе кратко описывается специфика бразильского художественного дискурса начала XX в., некоторые особенности лексикологической системы бразильского варианта португальского языка, приводится литературоведческая характеристика романа «Вихрь», а также подробно рассматривается этнокультурная лексика, номинирующая религиозные практики ибероамериканского пространства. В рамках нашего анализа этнокультурной лексики нами разработана номенклатура лексических средств, используемых Энрике Коэлью Нету в тексте произведения для обозначения различных религиозных практик и связанных с ними предметов. Приводится их подробное описание, статические и качественные характеристики. На основании проведенного анализа этнокультурной лексики делается вывод о том, что религиозные практики, пронизывающие гетерогенное бразильское общество, представлены в художественном дискурсе начала XX в. разными наборами языковых средств. Специфика употребления этнокультурной лексики позволяет выделить культурные коды, маркирующие этническую принадлежность народов и народностей, проживающих в Бразилии, в соответствии с их социолингвистическими параметрами, а также определить особенности бразильского социума в целом.

Открывая пиренейский мир: путевые записки русских путешественников

Романова Галина Семеновна,

к. ф. н., профессор
Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Гринина Елена Анатольевна,

к. ф. н. доцент
Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Цель нашего сообщения — познакомить коллег с первыми личными контактами наших соотечественников с миром Пиренеев, остававшимся вплоть до рубежа XIX и XX вв. пространством *terra incognita*, разделявшим надвое довольно хорошо изученный нами мир Западной Европы. Из свидетельств первых российских путешественников, отважившихся свернуть с проторенных трасс и углубиться в неизведанное высокогорье, мы выбрали записки двух очень разных авторов. Это малоизвестная, более чем столетней давности, реликвия, хранящаяся в библиотеке Академии Наук в Санкт-Петербурге, — путевые заметки Николая Поггенполя, — дипломата, журналиста и альпиниста, члена Русского географического общества. Журнал «Русский Вестник» опубликовал их в 1895 г. под названиями «В Пиренеях» и «Маладета». В них мы находим достаточно подробное описание не только пейзажей, характерных для Аранской долины (*Vall d'Aran*), но и быта ее жителей. Замечаний о языковых особенностях обитателей этих мест содержится немного, но достаточно для того, чтобы дать читателю понять, что их язык отличается как от французского, так и испанского языков. Второй автор путевых заметок — известный поэт Максимилиан Волошин, дважды побывавший в Пиренеях в 1901–1902 гг., но этот краткий, но важный эпизод его жизни оставался малоизвестным читателям вплоть до 2016 г., когда его творчество начали переводить на каталанский язык. Отметим, что первоначально наше внимание к этим текстам было привлечено «пиренейской» стороной: в первом случае, библиофилом из Аранской Долины по имени Клаудио Авентин-Бойя (*Claudio Aventín-Boya*), и во втором, переводчиками на каталанский язык Жозепом Дальересом Кодиной (*Josep Dallerès Codina*) и Лайей Мартинес Лопес (*Laià Martínez i López*). Дневниковые записи Поггенполя четко фиксируют дорожные впечатления дипломата и альпиниста на пути от французской части Гаскони до границы с Испанией, в то время как поэт Волошин создает романтические образы горных перевалов, описывает своеобразие жителей этих «трусщоб Пиренеев», их независимые характеры, своеобразный жизненный уклад, обращая внимание на их языковые особенности и порой экзотическую внешность. Перипетии этого сложного пешего перехода отражены в письмах, которые вошли в сборник «Андорра и поэт» («*Andorra i el poeta*»), выпущенный на двух языках в 2016, а поэтические впечатления — в двух стихотворениях поэта «В вагоне» и «Тангейзер». Полагаем, что анализ этих текстов будет интересен отечественным романистам.

Соблюдение гендерной корректности в новой редакции онлайн-словаря «Дуден» с точки зрения критики языка

Слинина Людмила Ярославна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В начале 2021 года редакцией толкового онлайн-словаря «Дуден» было принято решение об изменениях в дефинициях наименований лиц, например, обозначений профессий, национальной и социальной принадлежности. В результате имена лиц женского рода приобрели собственные словарные дефиниции, а определения лиц мужского рода были изменены, так что они стали относиться исключительно к лицам мужского рода, обобщающее значение мужского рода было исключено из словарных статей. Например, слово *Mieterin* значит «лицо женского пола, снимающее квартиру», а слово *Mieter* «лицо мужского пола, снимающее квартиру». Эти изменения, отражающие стремление соблюсти в языковых формах гендерную корректность, встретили как негативную, так и позитивную критику среди лингвистов и журналистов. В докладе представлены результаты исследования высказываний противников и сторонников новой редакции электронного словаря «Дуден», опубликованных в электронных немецких СМИ. Критики обвиняют новую редакцию в несоответствии реальному употреблению, в нарушении лексико-грамматической нормы, несоответствии лексической информации в словаре и приведенными примерами, дискредитации общественной роли словаря и провоцировании к вольному обращению с языком. Сторонники изменений в словаре указывают на учет объективных данных научного анализа обширного корпуса текстов «Дуден», на необходимость учитывать желания пользователей, а также на морально-этический аспект гендерно-корректного употребления. Исследование выявило отдельные аспекты проблемы, в отношении которых сторонники и противники изменений в словаре выражают противоположные взгляды. В частности это представление о сущности языка — способен ли язык только отражать действительность или он может и изменить ее, понимание общественной роли словаря — имеет ли словарь нормативную функцию или его задача заключается в фиксации наблюдаемых языковых фактов. Спорным моментом оказывается понимание значения грамматической категории рода существительных: если сторонники изменений в словаре опираются на факт преимущественного совпадения грамматического рода и половой принадлежности обозначаемых лиц, то их оппоненты указывают на особенности грамматической системы и учитывают абстрактное значение категории рода. Современный онлайн-словарь «Дуден» не рекомендует употребление наименований лиц мужского рода в обобщающем значении в связи с изменениями в языке, обусловленными гендерно-корректным словоупотреблением, критики этой позиции напротив видят возможность употребления мужского рода в гендерно-нейтральном значении.

Лексические средства создания образа города Сантьяго-де-Компостела в двух галисийских романах

Снеткова Марина Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Столица Галисии Сантьяго-де-Компостела — это город, сыгравший исключительную роль в истории Испании. После обретения мощей Святого Иакова в IX в., давшего начало городу, Сантьяго стал одной из ключевых католических святынь. Паломнический Путь Святого Иакова способствовал культурному обмену между европейскими странами в эпоху Средневековья и по сей день привлекает большое число верующих и туристов со всего мира. В рамках лингвокультурологического подхода интересно рассмотреть, как на лексическом уровне создается образ Сантьяго-де-Компостела в художественном тексте.

В качестве материала исследования были взяты два романа несхожих жанров, написанные на галисийском языке в разные годы и непосредственно связанные с этим городом. «Об ангелах и мертвецах» А. А. Рея Бальестероса (Anxo A. Rei Ballesteros, *Dos anxos e dos mortos*, 1977) — социально-психологический роман, описывающий жизнь группы молодых людей в начале 70-х гг. XX в., в поворотный момент испанской истории.

«Когда часы пробили 13» С. де Торо (Suso de Toro, *13 badaladas*, 2002, удостоенный Национальной литературной премии Испании 2003 г.) — мистический триллер, основанный на городской легенде. В качестве дополнительного источника примеров используется одноименный фильм, снятый на испанском языке (*13 campanadas*, Xavier Villaverde, 2002) и представляющий собой интересный случай не собственно экранизации романа, а кинематографической адаптации его первоначального замысла.

Очевидно, что жанр, стилистические предпочтения авторов и конкретные художественные задачи, поставленные в текстах, способствуют созданию в каждом случае в чем-то особенного видения Сантьяго-де-Компостела.

Но нельзя не отметить и ряд существенных совпадений в двух образах города. Важными их компонентами становятся изображение материального мира (локации, цвет и свет, погода и осадки); отсылки к региональной и мировой культуре и истории, религиозная составляющая, связанная не только с паломническим путем, но и с народными суевериями. Учитывая, что город вырос вокруг предполагаемого места захоронения Святого Иакова, в обоих романах активно задействовано лексико-семантическое поле «смерть», а также образ камня, наводящий на мысли о связи живого и неживого. Сложная нарративная структура текстов с переключением рассказчиков и точек зрения и использованием элементов несобственно-прямой речи придают обоим образам дополнительную эмоциональность.

«Contro tutto e contro tutti»: прагматика протеста в манифестах итальянского футуризма

Соколова Ольга Викторовна,

д. ф. н., старший научный сотрудник
Институт языкознания РАН

В докладе будут рассмотрены особенности речевого акта возражения (экзерситива), который выражает протест. Функционирование экзерситивов варьируется в зависимости от типа дискурса. Исторически, протест как жанр восходит к традиции античного ораторского искусства и судебного права, однако в XX в. он также становится одной из основных форм выражения новой эстетической программы, которую формирует поэтический (художественный) авангард. Выражение протеста и критическое отношение к доминирующему дискурсу становятся одним из оснований взаимодействия авангардного поэтического и политического дискурсов.

В настоящем докладе мы обратимся к анализу манифестов итальянских футуристов 1910–1920-х гг., для которых протест — языковой, эстетический и политический — являлся одной из доминант эстетической концепции. Выбор материала обусловлен тем, что именно эстетические манифесты становятся концептуальной площадкой, на которой происходит сочетание эстетико-теоретической рефлексии и языкового эксперимента. В дальнейшем идея противостояния языковым и культурным нормам была развита в манифестах других европейских авангардных движений, а также итальянского неоавангарда 1960–1970-х гг. («Linguaggio e opposizione» (1961) Н. Балестрини, «Ideologia e linguaggio» (1965) Э. Сангвинети и др.). Среди маркеров выражения противительной семантики можно выделить следующие грамматические и лексико-грамматические средства: но, да в значении но, однако, впрочем, анти-, против, напротив, вопреки, наперекор; ma, anti-, contro, abbasso, via и др. Мы рассмотрим грамматические и прагма-семантические особенности употребления единицы contro как одного из наиболее частотных маркеров противительности в манифестах итальянского футуризма.

Семантика противительности включает идею оппозиции, субъективного противопоставления «Я» — «не-Я», которая дополняется экспрессивно-оценочными компонентами отрицания, протеста, возмущения или несогласия. Двухкомпонентная структура противительной конструкции строится по принципу контраста, когда противительная единица участвует в выражении противостояния субъекта по отношению к объекту. В докладе будут выявлены различные способы отклонения от стандартного употребления, направленные на повышение иллокутивного эффекта и перформативного потенциала сообщения, например, графическое выделение, повтор, асимметрия противительной конструкции, которая создается за счет расширения количества объектов противопоставления или, напротив, форм «бессубъектного» и «безобъектного протеста».

О некоторых особенностях средневекового комизма (на материале французской литературы XII–XV вв.)

Соловьева Мария Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Иванова Екатерина Павловна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен комического в средневековой литературе — одно из самых сложных социолингвистических явлений. Смех историчен, то есть зависит от картины мира, господствующей в ту или иную эпоху.

Средневековье — эпоха «закрытая», удаленная от современности, характеризующаяся своим особым культурным кодом. Поэтому анализ комического невозможен без использования культурологической информации, описывающей особенности средневековой картины мира.

С точки зрения лингвистического механизма создания комического эффекта, возникновение смеха обусловлено нарушением соответствия плана выражения плану содержания различных знаков: от асимметрии лингвистического знака до уровня целого текста. Иначе говоря, комическое обусловлено нарушением сочетаемости на каком-нибудь уровне, при этом под последним понимается совокупность относительно однородных единиц, не создающих иерархию. Данная интерпретация механизма порождения комического вполне применима к анализу текстов старофранцузской литературы XII–XIII вв. Как известно, литература этого периода отличалась каноничностью и, в зависимости от жанра, в большей или меньшей степени, формульностью стиля. Поэтому применительно к художественному языку этого периода под нарушением сочетаемости следует понимать нарушение закономерностей формульного стиля или несоответствие семантики тем, мотивов, формул, терминов, символов контекстам их употребления.

Зачастую подобное несоответствие связано с пародийными мотивами. Пародия в средневековой литературе обладает специфическими чертами: 1) она может существовать в виде «инородных включений» в канонический текст, то есть не создавать отдельного произведения; 2) осмеяние оригинала не будет в обязательном порядке сопровождаться его низвержением или уничтожением; 3) во многих случаях пародия создает атмосферу карнавального веселья: «серьезные» персонажи на время преобразуются, ведут себя не свойственным им, неэтикетным образом, как будто бы прячась под масками.

Структура средневековой пародии, как и любой другой, многослойна: она отсылает к гипотексту (или пародируемому оригиналу), в роли которого выступает не только некое произведение, но и свойственное средневековой литературе понятие «этикетности» (в терминах А. Д. Михайлова). Иными словами, гипотекстом могут выступать жанровые особенности средневековых произведений: устойчивый образ персонажа (положительного героя, врага, прекрасной дамы, влюбленного рыцаря), мотив или формула. Пародийный фрагмент при этом играет роль гипертекста (или пародирующего текста), связь которого с гипотекстом легко обнаруживается.

О некоторых обиходных наименованиях реалий в немецком утилитарном тексте XVII в.

Филиппов Андрей Константинович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Составленное С. Губертом руководство по земледелию и домоводству «Stratagema Oeconomicum, oder Akker-Student» примечательно использованием большого количества обиходных названий сельских реалий. В их числе балтийские заимствования, приводимые как синонимы к немецким наименованиям и вводимые в текст при помощи конструкции «die Bauern nennen es...». Вопрос об установлении денотатов таких наименований не всегда очевиден. Так, автор немецкого руководства дважды упоминает используемое прибалтийскими крестьянами название Szuring (от латыш. Sūrene 'горец' [Polanska 2002: 170]), в качестве синонимов, используя немецкие обозначения Flöhe-Kraut Persikaria [Gubertus 1688: 94–95] и Schmertz kern Persikariam [там же: 146]. Данные словосочетания и их варианты фиксируются в ряде немецких словарей и справочников XVIII–XIX вв., однако они могут указывать на целый ряд растений родов Polygonum и Persicaria семейства Гречишные (Polygonaceae).

Обращение к широкому контексту позволяет сделать вывод (на основании описания из словаря Цедлера [Grosses vollständiges Universallexicon 1735: 689–690]), что речь, вероятнее всего, идет о «водяном перце» (Polygonum Hydropiper L., нем. Wasserpfeffer) — растению, применяемому в медицине, а также для борьбы с блохами в помещении. Следует также отметить, что в русском переводе руководства Губерта — «Лифляндской экономии» за подписью М. В. Ломоносова — вышеуказанным номинациям соответствуют эквиваленты «трава ковыль» [Ломоносов 1983: 100] и «ковыль персикария» [там же: 121], не соответствующие им по семантике. В целом, анализ немецких фрагментов, содержащих обиходные наименования, с привлечением данных исторических и современных справочников показывает, что многие из них вызвали затруднения у русского переводчика. Результаты проведенного исследования позволяют внести отдельные коррективы в комментарии к русскому изданию «Лифляндской экономии» в АПСС Ломоносова.

Литература

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1983. 424 с.

Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste / 68 B. Band 9: F. Halle, Leipzig: Johann Heinrich Zedler, 1735.

Gubertus S. Stratagema Oeconomicum, Oder Akker-Student, Denen jungen, ungeübten Akkers-Leuten in Lieflland, zum nöthigen Unterrichte, vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellt. Riga: Georg Mattias Nöller, 1688. 224 S.

Polanska I. Zum Einfluss des Lettischen auf das Deutsche im Baltikum / Inaugural-Dissertation in der Fakultät Sprach- und Literaturwissenschaften der Otto-Friedrich-Universität Bamberg. Bamberg, 2002. 354 S.

Особенности лексической семантики и актантной структуры некоторых «мигрирующих» прилагательных в составе адъективного словосочетания (на материале современного французского языка)

Хуторецкая Ольга Александровна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Кириченко Мария Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Французские прилагательные, допускающие переходное употребление внутри адъективной конструкции «N1 + прилагательное + предлог + N2» (где N1 — имя, определяемое прилагательным, N2 — зависимое от него имя в функции дополнения), можно разделить на 10 лексико-семантических групп. Им соответствуют десять обобщенных типов описываемой ситуации отношения. Как правило, управляющее прилагательное входит только в одну лексико-семантическую группу и может устанавливать только один из десяти семантических типов отношения. Но в некоторых случаях взаимодействие с семантикой N1 и N2 приводит к изменению значения прилагательного, вследствие чего оно может организовывать разные типы семантических отношений и попадать в разные лексико-семантические группы. Такие прилагательные мы назвали «мигрирующими» и проанализировали их функционирование в конструкциях рассматриваемого типа, чтобы выявить специфику семантических взаимодействий между компонентами словосочетаний, позволяющую прилагательным мигрировать, и проследить связанные с подобными миграциями изменения в актантных наборах адъективных предикатов.

Рассмотрим, например, словосочетания, организованные прилагательным *digne* (достойный).

Управляя событийным именем N2, прилагательное *digne* приобретает дополнительное значение диспозиционального предиката, предрасположенности N1 к воздействию или отношению, отраженному в N2: *Modesta était digne d'admiration*. В таком случае вся конструкция передает отношения способности/неспособности N1 быть объектом воздействия, обозначенного N2.

Семантические роли актантов: N1 — субъект диспозиционального признака и пациент воздействия, заключенного в семантике N2, N2 — объект диспозиционального признака.

Если N1 и N2 сопоставимы по содержанию имени одной категориальной принадлежности, прилагательное *digne* приобретает дополнительное значение подобия, а адъективная конструкция передает сравнительные отношения: *les femmes sans coiffe et les hommes dignes d'elles* → *les hommes pareils aux femmes*. В этом случае оба актанта адъективного предиката являются субъектами-носителями предикативного признака.

Анализ мигрирующих прилагательных позволил сделать следующие выводы: 1) мигрировать могут только полисемантические управляющие прилагательные; 2) категориальная принадлежность определяемого имени N1 и/или управляемого имени N2, а также в ряде случаев способ оформления зависимого предложно-именного компонента (с предлогом *à* или *de*) предопределяют реализуемое лексическое значение

управляющего прилагательного и его участие в оформлении соответствующего типа семантических отношений; 3) скрытые грамматические категории имен N1 и N2 выполняют функции разграничения лексических значений прилагательного предикатива и семантических ролей его эксплицитно выраженных актантов.

Загадки о природе в колумбийской лингвокультуре

Чеснокова Ольга Станиславовна,

д. ф. н., профессор
Российский университет дружбы народов

Усманов Тимур Фазлитдинович,

аспирант
Российский университет дружбы народов

Загадка относится к древнейшему жанру словесного творчества. Сюжет о загадке и аллюзии загадки находим, например, в «Царе Эдипе» Софокла. Определение загадки Аристотелем как хорошо составленной метафоры определило изучение этого малого жанра фольклора в различных языках и культурах. Первые аналоги современных загадок на испанском языке начали появляться в виде вопросов и ответов в XIII в. После популяризации загадкового жанра в Европе и Испании, испанские загадки распространились в Новом Свете. Особый интерес вызывает изучение загадкового жанра Колумбии как второй, после Мексики, по численности населения, испаноязычной страны, превышающей по населению Испанию. Лингвокультура Колумбии — самобытный синтез европейских, автохтонных индейских и африканских компонентов, а современные колумбийцы — носители уникального колумбийского национального варианта испанского языка, унаследовавшего черты традиционных форм европейской, испанской, в первую очередь, культуры, индейских и негритянских черт. Для данной работы мы исследовали 90 колумбийских загадочных текстов из изданий по колумбийскому фольклору и интернет-источников о восьми явлениях природы, которые выступают их отгадками: *el sol* (солнце), *la luna* (луна), *el día* (день), *la noche* (ночь), *las estrellas* (звезды), *la sombra* (тьма), *el viento* (ветер), *la lluvia/el aguacero* (дождь/ливень). Колумбийская лингвокультура унаследовала иберийское восприятие солнца, а также привнесла собственные автохтонные черты в его культ. К примеру, знаменитый сосуд-попоро в форме ягуара в Музее золота в Боготе олицетворяет именно культ солнца древнейших индейских обитателей Колумбии. Солнце в колумбийских загадках сравнивается с золотом или золотой монетой, а луна — с серебряной (*la plata*). В испанском языке Колумбии и Латинской Америки в целом лексема *plata* может обозначать как серебро, так и монету или деньги. Таким образом, на уровне метафор прослеживается главенствующая роль солнца по отношению к луне. Звезды в загадках чаще всего сравниваются с фундуком (исп. *avellana*). Однако встречаются и редкие метафоры для обозначения звезд. Так, нами обнаружено сравнение с традиционным для американского континента блюдом «моте» (исп. *mote*), которое представляет собой вареную кукурузу, пшеницу или бобы. Практически всегда ингредиенты получаются белого цвета и сохраняют свою форму. Исследованные явления природы в колумбийских загадочных текстах приобретают витальный (биоморфный) код. В загадках про день и ночь наблюдаем зоометафоры «черная корова» (исп. *vaca negra*) и «черная/белая курица» (исп. *gallina negra/blanca*). Неоценимо изучение загадок как проявления лингвокреативности этноса, что для полинационального

испанского языка особенно значимо, и как составляющей лингвокультурологической компетенции студентов при изучении испанского языка.

«Не продавай, а помоги купить»: дайджест наиболее эффективных инструментов манипуляции потребителем сознанием в испаноязычной маркетинговой коммуникации

Якушкина Ксения Валерьевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Повышенный интерес к изучению рекламных текстов в современной лингвистике обусловлен рядом факторов. Среди них можно упомянуть и важность исследования языка как инструмента успешной коммуникативной интеракции и эффективного манипулятивного воздействия («таргетированная» коммуникация), и необходимость привлечения междисциплинарного подхода с опорой на данные смежных наук (психология, политология, социология, антропология, теория коммуникации, теория маркетинга, имиджелогия, прагматика и пр.), и специфику интегративного использования лингвистических и (мульти)медийно-коммерческих приемов, в частности, таких как дискурсивная театрализация и креолизация.

Все эти особенности способствуют комплексному осмыслению различных комбинаций вербальных и невербальных, лингвистических и экстралингвистических, структурно-семантических и когнитивно-прагматических ресурсов, применяемых как с целью фабрикации информационного имиджа товара (фактический или денотативный облик продукта), так и для внедрения в сознание потенциального покупателя релевантных аксиологических коннотаций, подстегивающих потребительский ажиотаж (товарный «фактоид»). Кроме того, тщательный анализ контекстуальных условий отбора и актуализации тех или иных средств позволяет выявить нюансы их действующего потенциала не только на уровне рационального (персуазия), но и сублиминального восприятия (суггестия).

В силу вышеизложенного представляется целесообразным рассмотреть содержание и жанрового аспектов (рекламные рубрики; коммерческие, культурно-документальные и социально-политические «месседжи»), стилистической палитры (экспрессивно-сенсационная и нейтрально-информационная реклама, факторы нейминга и политкорректности), разноуровневых элементов (компрессивные и перифрастические структуры; вариативность фонетических, лексических и морфо-синтаксических категорий): *nuevo sabor; 100 % ibérico; Sí; para todos y todas; Con paz haremos más; Este verano se llevan los portasuños; Elimónate; ¡Únete a nosotros! ¿Qué esperas? etc.*

Особо следует выделить тенденцию к поликодированию рекламных сообщений, позволяющую акцентировать внимание на перцептивном сопровождении (каналы передачи): визуальном (графические, цветовые, фото и видео решения), аудитивном (музыкальный фон, тональность, тембр), а также вкусовом, тактильном и обонятельном (дегустационные продукты, пробники, выставочные образцы). Грамотный отбор и сочетание вербальных и невербальных компонентов способствует построению наиболее эффективной маркетинговой коммуникации, стимулируя к покупательской активности.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Актуальные вопросы изучения грамматики (русский и другие славянские языки)

Прагматический потенциал релятивных конструкций со значением сравнительного уподобления

Артеменко Мария Владимировна,

старший преподаватель

Дальневосточный федеральный университет

Теория речевого поведения коммуникантов (Говорящего и Слушающего) изучается в рамках лингвистической прагматики с конца XX в. Под речевым поведением, вслед за Т.Г.Винокур, понимается «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемых закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой — социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур 1993: 12].

Целью настоящего доклада является анализ семантики, синтаксических особенностей, а также прагматического потенциала релятивных конструкций, в состав которых входят переходные единицы, находящиеся на пути к предлогу. Это единицы синонимического ряда со значением сравнительного уподобления ПО ТИПУ, ПО ОБРАЗЦУ, ПО ПРИНЦИПУ и др. Согласно концепции М.В. Ляпон [1986], такие единицы можно отнести к метатекстовым элементам, а значит определить их коммуникативно-прагматическую природу в структуре пропозиции. Так, например, при употреблении единицы ПО ТИПУ говорящий указывает на конкретный образец, которому уподобляется объект речи. Ср.: поселки по типу городов-садов; кварталы по типу Черемушек; государство по типу земельной вотчины. С помощью релятива ПО ТИПУ говорящий характеризует суть какого-либо действия или процесса, а также предмета, указывая на осознанный выбор образца — ранее известного объекта, предмета материальной или духовной деятельности человека. Говорящий называет конкретный объект, с которым сравнивает другой объект сопоставления или в соответствии с которым происходит какой-либо процесс или действие.

Проанализировав сферу действия и частотные контексты с релятивом ПО ОБРАЗЦУ, мы пришли к выводу, что говорящий употребляет данную единицу, указывая на предмет, с которым сравнивает какой-либо объект окружающей действительности. Эти объекты объединяются говорящим на основании сходства признаков. Либо уподобляется действие конкретному действию, процессу, который является образцом для подражания. Например: Российская реформа задумывалась как быстрая и радикальная, по образцу Польши, однако в нашей стране, как и в Болгарии, этот сценарий довести до конца не удалось [Новые книги (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15]; Ведь если бы П. Н. Милюков действовал иначе в 17 г., как политик, быть

может, и сейчас, в качестве историка, не пришлось бы ему становиться на сверх- или предисторическую точку в изображении революции по образцу древнегреческой судьбы мойры! [М. В. Вишняк. Два Пути (Февраль и Октябрь) (1931)].

Современный поликодовый художественный текст: структура и семантика (на материале современного короткого рассказа)

Вяткина Светлана Вадимовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Поликодовый (креолизованный) текст, т.е. вербальное синтаксическое образование с визуальным сопровождением, является объектом исследования психолингвистики [Креолизованный текст: Смысловое восприятие 2020] и журналистики [журнал «Медиалингвистика»]. Материал таких исследований — малоформатные рекламные тексты на различных языках, карикатуры, визуализация информации определяется как тенденция развития современного текста. В данном случае рассматривается малоформатный поликодовый художественный текст.

Потенциал различных невербальных средств (метаграфемки) в формировании «плоскостной синтагматики текста» характеризуется на материале публицистических текстов, поэзии и художественной прозы [Шубина, Антошинцева 2005]. Прагматика метаграфемных средств (шрифтовое варьирование) — акцентуация определенных смыслов текста. На адекватное восприятие читателем содержания текста ориентированы как пунктуационные знаки (двойные скобки, кавычки, тире), выполняющие информативную функцию, так и участвующие в текстообразовании абзацирование, вертикальный и горизонтальный пробелы, отточие, различные графические приемы размещения компонентов текста на странице. Такое невербальное средство, как рисунок, сопровождающий текст, активизируется в связи с изменившимися каналами коммуникации и стремлением включить активность адресата текста при знакомстве с ним. Создание современного поликодового художественного текста — во многом вопрос будущего, хотя современные книги для маленьких детей в настоящее время демонстрируют сочетание вербального компонента с визуальным и аудиальным.

Примером поликодового художественного текста является рассказ П. И. Филимонова «Искусство и жизнь» [Октябрь, 9 2015], вписанный в рисунок ладони художницей К. Кангро, который можно рассматривать как попытку усиления смысла художественного текста художником-соавтором. Минимальная по объему (19 синтаксических построений со знаками конца предложения) вербальная структура представляет собой пунктуационно оформленный диалог бытового характера (отражение жизни) с минимально распространенными и неполными предложениями, с парцелляцией. Прием остранения отражен сменой Я в комментарии ответной реплики на ОН. Автор пишет о муках творчества и эксплицирует их описанием жизненной ситуации, завершая текст фразой: «Так и не писал». Примитивная, на первый взгляд, организация текста интерпретируется художником на уровне глубинного смысла: морщинистая ладонь левой руки завершается пальцем-карандашом. Рисунок, в который вписан текст, отражающий восприятие смысла рассказа художником, задает и жанровое определение

публикации — «рассказ с ладонь». Благодаря визуализации читатель воспринимает малоформатный текст как художественный и глубоко философский, поскольку подобный поликодовый текст становится сложным знаком.

Лексико-грамматические маркеры точек зрения в дискурсивном тексте (на материале текстов пьес С. Носова)

Зорина Екатерина Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Изучение текстов современной художественной прозы сегодня предполагает комплексный подход с привлечением междисциплинарных исследований и целого ряда наук: филологии, психологии, социологии, истории и т. д. При этом анализ текста не предполагает смены научной парадигмы, установившей в XX в. господство коммуникативного подхода и провозгласившей важность говорящей личности и внимание к автору по всех его ипостасях. Междисциплинарный подход реализуется привлечением понятия дискурс, которое определяется как «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, с. 136]. «Событийность» здесь предполагает реализацию в ряде институциональных дискурсов, актуальных для описываемого текста: историческом, политическом, социальном, философском и т. д. Признавая главенствующую роль автора, такой подход открывает возможность рассмотреть и описать текст в поле другой науки.

Социокультурный и исторический дискурс играет особую роль в произведениях С. Носова: важные, значимые события и явления в жизни страны и общества конца XX — начала XXI в. служат поводом для дискурсивизации текста. Лингвистический анализ маркеров институциональных дискурсов позволяет интерпретировать текст в аспекте замысла автора. Особый интерес здесь представляет диалоговая форма текстов пьес, так как такая структура, позволяет автору организовать 4D повествование, где вектор времени не является неподвижным.

Рюрик: Ты помнишь Ручевского? Вел семинар по Чехову ...Я тут вспоминал... Забыл имя-отчество! Никак не вспомнить...

Володя: Антон Павлович. Рюрик: Ручевского!

Володя: Ручевский Виталий Никитич. Рюрик: Как ты думаешь, к чему это?

Володя: К смерти.

Рюрик: Перестань. Не надо пугать. (с. 120)

Нахождение героев в разных дискурсивных «пространствах» реализуется на всех уровнях: графическом и грамматическом (разрыв синтагматической цепочки в репликах); лексическом (неожиданный ответ на характерный для живой разговорной речи вопрос «К чему это?»); модальном (комический эффект недопонимания героев реализуется как трагедия поколений в рамках исторического дискурса). Исторический и социокультурный дискурс в пьесе «Берендей» представлен перспективой от Берендея до Рюрика (имена героев), и далее через события эпохи перестройки к постперестроичному периоду. Позиция автора оказывается явленной в представлении дискурсивного пространства многомерным.

Литература

Носов С. Морковку нож не берет: [пьесы]. — М.: ИД «Городец-Флюид», 2020. — 432 с.
Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; под. ред. В. И. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136.

Выражение модальных значений в конструкциях позиционно-лексического повтора в романе Д. Глуховского «Текст»

Казаков Владимир Павлович,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Роман Д. Глуховского «Текст» воздействует на читателя не только проблематикой и сюжетом, но и целым комплексом изобразительно-выразительных средств. Рассмотрение этих средств способствует решению актуальной задачи изучения особенностей современной прозы. К числу языковых средств выразительности относится позиционно-лексический повтор, при котором в синтаксической конструкции повторяется слово или сочетание слов в одной и той же синтаксической позиции. В романе Д. Глуховского «Текст» позиционно-лексический повтор выполняет различные функции, в том числе акцентирует модальные значения возможности, необходимости, достоверности, желательности, утверждения / отрицания. Для выражения указанных значений в конструкциях позиционно-лексического повтора используются лексические, морфологические и синтаксические средства: глагольные формы повелительного наклонения (необходимость), сослагательного наклонения (желательность, достоверность), модальные глаголы (возможность, желательность), безличные предложения, включающие в свой состав слова категории состояния с модальным значением в сочетании с инфинитивом (возможность, необходимость), модальные слова (достоверность), безличные предложения, грамматическая основа которых представлена словом «нет» (отрицание), и др. Например: «Надо было помочь ей поверить Илье, подыграть ей. Надо было узнать, что с Ниной» (Д. Глуховский).

В приведенных безличных предложениях, в грамматическую основу которых входят слова категории состояния со связкой и инфинитивы, выражается необходимость, обусловленная внутренней потребностью субъекта.

Значение конструкций позиционно-лексического повтора может в значительной степени зависеть от контекста, влияние которого проявляется в следующем. Во-первых, конструкция с маркером модальности может передавать эмоциональное состояние персонажа. Ср.: «Этого было не переделать. Ничего было не переделать» (Д. Глуховский).

Инфинитивные предложения выражают модальное значение невозможности и вместе с тем передают ощущение безысходности, которое испытывает персонаж. Во-вторых, в контексте модальное значение конструкции может существенно отличаться от значения маркеров модальности. Так, в следующем примере лексически подчеркнуто утверждение: «Она будет несчастна. Она была несчастна» (Д. Глуховский). Контекст показывает, однако, что оно встраивается в поток взаимоисключающих мыслей, пронсящихся в сознании главного героя, и оказывается отражением сомнений, которые завершаются принятием решения.

Особенности синтаксической структуры и семантики риторических вопросов в поэзии М. В. Ломоносова

Лебедев Александр Александрович,

к. ф. н., старший преподаватель
Петрозаводский государственный университет

Специфика использования в поэзии риторических приемов разных типов требует специального филологического рассмотрения в контексте поэтического синтаксиса. В рамках доклада планируется установить связь между собственно риторической и синтаксической составляющей поэтических текстов М. В. Ломоносова на примере такого средства речевой выразительности, как риторический вопрос (одной из наиболее частотных фигур речи в творчестве поэта), и корреляции риторических вопросов с другими грамматическими и лингвостилистическими составляющими поэзии М. В. Ломоносова.

Работа выполнена с опорой на материалы, полученные при подготовке «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII в.: Том 2: Ломоносов» на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета; в исследовании задействованы 118 произведений из стихотворного наследия М. В. Ломоносова, в которых обнаружено более двухсот репрезентаций риторических вопросов. Также для анализа привлечены дополнительные лексикографические данные (такие, как наличие переносов из строки в строку, полнота/неполнота предложения и т. п.), связанные с системой риторических приемов М. В. Ломоносова, которые были проанализированы в аспекте грамматики.

В докладе определены связи между частотой использования риторического вопроса и типом предложения (в частности, отмечено, что для построения риторических вопросов поэтом преимущественно используются неосложненные простые двусоставные предложения, в то время как для многокомпонентных сложных предложений такой риторический прием — большая редкость), а также установлена связь между риторическими вопросами в поэзии М. В. Ломоносова и расширителями (однородными рядами) и осложнителями структуры предложения. Помимо этого, в ряде случаев отмечена последовательная взаимосвязь риторических вопросов с другими средствами речевой выразительности, встречающимися в поэзии М. В. Ломоносова (такими, как инверсия, метафора и риторическое обращение). Полученная в ходе исследования информация позволит сформировать дополнительное представление об индивидуально-авторском стиле М. В. Ломоносова и о специфике поэтического синтаксиса его стихотворных произведений.

Корпусное исследование составных композитов

Минеева Зоя Ивановна,

д. ф. н., профессор
Петрозаводский государственный университет

Исследование сложных слов, в том числе составных существительных, обозначающих человека, актуально в силу высокой продуктивности сложения (композиции) как осо-

бого способа словообразования и значительного количества новообразований данного структурного типа в современном литературном языке.

Цель исследования, использующего словообразовательный, структурно-семантический и корпусный методы, состоит в ретроспективном анализе композитов в Национальном корпусе русского языка и выявлении структурных типов составных номинаций человека. Материал исследования включает данные основного и газетного корпусов 2016–2020 гг.

Анализ показал, что при образовании составных композитов, обозначающих человека, используются шесть типов соединения компонентов. Выявлены составные композиты гомограмматической и гетерограмматической структуры, сочетающие компоненты мужского, женского и общего рода. Различаются семь типов деривационных моделей. Тип 1: оба компонента — агенты мужского рода (студент-программист, заказчик-координатор). Тип 2: оба компонента — агенты женского рода, феминитивы (учительница-воспитательница, женщина-писательница). Тип 3: оба компонента общего рода (бука-злюка). Тип 4: первый компонент — феминитив, второй — агент мужского рода (женщина-режиссер, женщина-подросток, мама-генера, девушка-диджейл). Тип 5: первый компонент общего рода, второй агент мужского рода (коллега-эксперт, коллега-профессионал). Тип 6: первый компонент — феминитив, второй компонент общего рода (мать-одиночка, девочка-самоубийца). Тип 7: первый компонент агент мужского рода, второй общего рода (врач-убийца, историк убийца). Отсутствуют в нашей выборке композиты типа мужчина-модель с первым компонентом — агентом мужского рода, вторым — женского рода.

Наиболее частотны подчинительные гиперо-гипонимические отношения между компонентами (ученый-географ), атрибутивные (исследователь-энтзиаст), более редки сочинительные отношения (лектор-преподаватель).

Широкое использование составных композитов, обозначающих человека и обладающих комплексной семантикой, позволяет существенно ускорить передачу информации, заменяя собой объемные предикативные конструкции.

О стратификации морфологических единиц в русском языке

Панова Галина Ивановна,

д. ф. н., профессор

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Важнейшим положением морфологической теории А. В. Бондарко является, на наш взгляд, положение о трех уровнях «существования и описания грамматических категорий»: 1) уровень абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в высказывании. Дифференциация этих уровней позволяет более четко представить внутреннее устройство морфологического строя русского языка и стратификацию его единиц.

На уровне абстрактной грамматической системы существует морфологическая форма — главная единица флективной русской морфологии. Морфологическая

форма — это единство: а) морфологического средства (аффикса или служебного слова) и б) обобщенной основы слов данной части речи: (осн. глаг.) + -у; самый + (осн. прилаг.) + -ый.

На уровне слова морфологическая форма репрезентируется в словоформе как единице языка. Словоформа — это лексико-морфологическая единица, представляющая собой единство морфологической формы и лексемы: рассказ-у; самый добр-ый.

На уровне высказывания морфологическая форма репрезентируется в словоформе как единице речи, или в словоформе-синтаксеме. Словоформа-синтаксема — это словоформа как компонент высказывания в том ее морфологическом значении (категориальном или некатегориальном), которое проявляется в результате взаимодействия с контекстом и входит в содержательную структуру высказывания. На уровне абстрактной морфологической системы, кроме морфологической формы, существуют словоизменяемые морфологические категории, их парадигмы, в тех формальных вариантах, которые связаны с наличием равнозначных морфологических средств, и парадигмы частей речи.

На уровне слова, кроме словоформы, представлены парадигмы слов, которые могут быть полными и неполными, лексико-грамматические разряды, формальные классы (типы склонения и спряжения), классификационные морфологические категории и части речи.

На уровне высказывания есть только одна единица, имеющая отношение к морфологии, — словоформа-синтаксема.

Базовой единицей флективного морфологического строя является морфологическая форма: с нею сопряжены практически все другие единицы морфологии.

Они либо конституируются морфологической формой (словоизменяемые морфологические категории, парадигмы, словоизменяемые классы, а также словоформы), либо выделяются по отношению к морфологической форме — это лексико-грамматические разряды; что же касается частей речи, то морфологические формы являются способом существования в языке изменяемых частей речи.

Автономную позицию занимают классификационные морфологические категории (вид глагола и род существительных): они не связаны с морфологическими формами.

Синтаксис Антиоха Кантемира в типологическом и риторическом аспектах

Патронева Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор

Петрозаводский государственный университет

В докладе анализируются типологические особенности «синтаксического портрета» Антиоха Кантемира, в том числе в аспекте связи грамматики его идиостиля с проблемой тропо- и фигуροобразования, особенностями версификации и жанровой дифференциацией стихотворных произведений. Выявление грамматических доминант стиля Кантемира проливает свет на сущность лингвистических идей А. Д. Кантемира, способствует реконструкции языковой программы реформатора русского литературного языка. Силлабика демонстрирует особую сложность построения: в среднем 80 % предложений являются полипредикативными. Большая длина строки силлабического

13-сложника требует наполнения стиха разнообразными распространителями и осложнителями предложения, среди которых особенно активны деепричастные обороты. Слог сатир тяготеет к использованию определенно-, обобщенно- и неопределенно-личных односоставных предложений, императивных и вопросительных высказываний. Кантемир вводит в структуру стиха конструкции, обязанные своим происхождением живой устной речи: именительный и инфинитив темы, вставку, вводно-модальные и присоединительные синтагмы.

С ориентацией на античные и французские классицистические образцы, требования риторик Кантемир часто использует такие фигуры речи, как риторический вопрос, период, инверсию, повтор, амплификацию. Броская цветистость и хлесткость эпитетов, стремление к облеченным в образы контрастам, антиномиям, «повышенная» эмоциональность риторических вопросов, обращений и восклицаний, повторы, создающие иногда не столько «ясность», сколько «темноту», неблагозвучность изрекаемого поэтом, нарочитая «затрудненность» фразы в результате необычной расстановки слов — приметы кантемировской поэтики, гораздо более характерные для стиля барокко, чем классицистической строгости и великолепия формы, рациональности и (согласно ломоносовскому уже требованию) «чистоты штиля». В произведениях литературы и искусства барокко, как и у Кантемира, причудливо, «странновато» соединялись «высокое» и «низкое», христианские и античные мифологические образы, иногда проявлялся и почерпнутый, вероятно, у итальянцев концептизм, основанный на противоречиях, сложных метафорах и оксюморонах, игре слов и созвучий.

Синтаксис Кантемира формировался на пересечении многих литературных традиций — церковнославянской, древнегреческой, латинской словесности, западноевропейской силлабики, европейского барокко — и является по своим истокам синтетическим и очень сложно организованным в соответствии с главной художественной задачей создателя новой русской лиры — воплотить движение обличающей пороки просветительской мысли в условиях нарождавшейся и остававшейся элитарной секулярной литературы. Логически сложный ход авторского размышления закономерно отражает столь же логически «трудный» синтаксис.

Грамматические показатели психотипа языковой личности

Романова Татьяна Владимировна,

д.ф.н. профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В докладе будут представлены результаты исследования, направленного на установление речевых классификаторов психических свойств коммуниканта. Опираясь на список параметров, разные значения которых соответствуют различным психотипам, мы предприняли попытку разработки компьютерной программы-классификатора для определения по речи респондента его психотипа. Ключевым методом стал частотный анализ — определение относительной частоты каждого языкового классификатора в каждом тексте.

Анализу подвергался главным образом морфологический уровень: известно, что на этом уровне проявляется гораздо меньше индивидуальных особенностей речи, в сравнении с лексико-семантическим и синтаксическим уровнями. Использование

утилиты *mystem* позволило максимально задействовать уровень морфологии. Для автоматической обработки актуальны следующие языковые квалификаторы. Морфологические квалификаторы: соотношение самостоятельных и служебных частей речи; соотношение именных и глагольных частей речи; глагольные формы, грамматические разряды (формы сослагательного наклонения, переходность/непереходность, совершенный/несовершенный вид, формы причастий); лексико-грамматические разряды существительных (одушевленность/неодушевленность); неопределенные местоимения; прилагательные в форме превосходной и сравнительной степени; служебные части речи (междометия, частицы, сочинительные/подчинительные союзы); функционально-стилистические параметры морфем (суффиксы научного стиля, уменьшительно-ласкательные суффиксы). Морфолого-семантические квалификаторы: рациональные, эмоциональные, императивные предикаты: наречия с семантикой категоричности, эмоционально-экспрессивные наречия; вводные компоненты со значением уверенности/неуверенности. Синтаксические и пунктуационные квалификаторы: длина предложений, соотношение вопросительных и побудительных предложений, восклицательных и невосклицательных предложений, частотность каждого знака препинания. Графические квалификаторы: смайлы, шрифт верхнего регистра, членение речи на подпункты.

Статистический (программный) и интерпретационный(качественный) анализ показал, что по частотности употребляемых языковых средств можно также установить такую характеристику психотипа респондента, как интроверт/экстраверт. Так, например, сенсорики-интроверты используют в переносном значении лексические единицы, описывающую физиологические процессы; частотно употребляют качественные наречия; а сенсорики-экстраверты частотно употребляют указательные местоимения без уточнений/пояснений, глаголы с дополнением, возвратные глаголы, глаголы совершенного вида в значении настоящего синтаксического времени, метафоры физического воздействия.

Более детально материал и результаты исследования будут представлены в докладе.

Функционально-коммуникативная грамматика Г. А. Золотовой как сетевая модель

Сидорова Марина Юрьевна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

В последней четверти XX в. проф. Г. А. Золотова предложила коммуникативно-функциональную концепцию описания языка, которая, если смотреть на нее с позиций актуальных научных идей сегодняшнего дня, предвосхитила популярные сейчас в науках о человеке сетевые подходы. Понятие коммуникативного регистра в грамматике Золотовой фактически моделирует работу нейросети: в «систему» (говорящий) закладывается определенный набор параметров (свойства референтной ситуации, коммуникативной рамки, коммуникативной ситуации, тип текста, коммуникативная цель), исходя из которых порождается текст — монорегистровый или полирегистровый — и отбираются модели предложения и языковые средства предикативного и допредикативного уровня. Взаимодействие — согласованное или конкурентное — этих пара-

метров, определяющих тактику и стратегию построения текста, выбор и сочетание языковых средств, происходит как бы «в черном ящике»: нет однозначного соответствия между отдельным фактором X, влияющим на построение текста, и выбором элемента Y (этот выбор может быть обусловлен действием разных факторов). В докладе принцип работы коммуникативно-функциональной «сетевой» модели будет продемонстрирован на конструкциях с локативным компонентом типа «В соборе под потолком на балках спали голуби», «У нее у сына в школе собирают деньги на выпускной», «Какие у него в саду яблони!» и т.п.; а также на текстах со сложной коммуникативной рамкой и референтной ситуацией (монолог режиссера на репетиции, описание картин или исторических достопримечательностей экскурсоводом). Общей для этих языковых выражений (единств) является их устроенность по «принципу матрешки». Рассмотрение этих примеров позволяет поставить вопрос о когнитивной и коммуникативной роли «принципа матрешки» в синтаксисе по отношению к принципу бинарного членения (субъект — предикат, подлежащее — сказуемое, главные — второстепенные члены, главное — зависимое слово, тема — рема и т.п.).

Эпистемические эгоцентрики как функциональная общность

Уржа Анастасия Викторовна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Обращаясь к разнородному репертуару русских эгоцентриков — «слов, грамматических категорий, синтаксических конструкций, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» (по Е. В. Падучевой), исследователи традиционно фокусируют внимание на смысловой близости некоторых из них и выделяют подгруппы дейктиков, показателей эвиденциальности, элементов со значением оценки и т. д. Однако перспективным представляется и другой подход, позволяющий усмотреть функциональное родство между эгоцентрическими элементами с различной семантикой, создающими в повествовании сходный эффект и нередко образующими в нем своеобразные «функциональные связки». Обширную группу средств, обладающих общностью такого рода, составляют эгоцентрики, использование которых сопряжено с отсылкой к знанию или не-знанию информации, а также к переходу от незнания к знанию.

Указывая на ограничение точки зрения модусного субъекта текста, такие средства усиливают интригу повествования, формируют саспенс. Выделенная группа получает название эпистемических эгоцентриков и включает показатели персуазивности и авторизации, средства выражения неопределенности и неожиданности, конструкции, постулирующие сходство и подобие, а также идентификацию. Общий прагматический эффект использования средств этой группы заключается в приобщении адресата (читателя) к ограниченной точке зрения фокального субъекта. В повествовании эпистемические эгоцентрики могут функционировать как аукториальные или персонажные. Первые открывают для читателя доступ к позиции повествователя — его знанию, сомнениям, гипотезам. Нередко именно таким образом в тексте создается образ нарратора как живого собеседника, которому не чужда ограниченность знания (порой иронически подчеркнутая или использованная в игровых целях). Эгоцентрики второго

типа (персонажные) в перволичном повествовании конструируют образ говорящего, а в третьеличном — приобретают иную функцию: они способствуют субъективизации нарратива, то есть приближению позиции повествователя к точке зрения того или иного персонажа, распространению внутренней фокализации. В подобных контекстах аккумуляция и взаимодействие эпистемических эгоцентриков несут особую художественную нагрузку. Анализ русскоязычных нарративов позволяет увидеть функциональные связи разных типов эпистемических эгоцентриков, активно участвующих в конструировании перспективы текста.

История русского языка и письменности

Новые дополнения к словарю русского языка XI–XVII вв.: структура и семантика

Новак Мария Олеговна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В сообщении обсуждаются структурные и семантические особенности лексических единиц — дополнений к Словарю русского языка XI–XVII вв. (литера В). Обращение к поисковой системе историко-лингвистического интернет-портала «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/>) позволило автору этих строк обнаружить в общеизвестных источниках лексемы, отсутствующие не только во втором (1975) и третьем (1976) выпусках Словаря, но и в их переработанной расширенной версии, подготовленной в 2000-х гг. коллективом специалистов под руководством М.И. Чернышевой как второе издание обоих выпусков, но до сих пор не опубликованной. 1. Лексические единицы можно разделить на несколько групп. Слова с параллелями на у-, в свою очередь, делятся на те, что представляют фонетическое диалектное варьирование (например, вкусити 'укусить', врина 'урина' из лечебника XVII в., переведенного с польского языка и несущего отпечаток сильного юго-западного влияния), и те, в которых налицо словообразовательная конкуренция приставок у- и въ- (въдолити / удолити, въдержати / удержати, въдатель / удатель). Еще одна группа — лексемы с начальным въ-, для которых не выявлены параллели на у-. 2. С точки зрения структуры привлекают внимание кальки, как строгие (въдатель в списке Паренесиса Ефрема Сирина (РГАДА, Тип. 38, XIII–XIV вв.): рачителя своя, въдателя — греч. ἐραστὰς αὐτῆς ἐκδότους), так и нестрогие (въдробити в Словах Григория Богослова XI в.: въдроби альчьньимъ пищу — греч. διαθρύπτει πεινῶσι τροφήν). 2.1. Существительное въгласение (Толстовский Апостол XIV в.) также представляет собой кальку с греч. кат-ήχησις, однако его производящее, глагол въгласити, может и не зависеть структурно от греческой параллели (въгласи — φωνῆσαι). Еще одно производное из того же словообразовательного гнезда, въгласитель, — результат ошибочного перевода греч. φθονεροί 'завистливые' вследствие неразличения основ φθον- и φθογγ- (ср. φθόγγος 'голос, звук'): видѣниемъ независтиви, образъмъ въгласителе — греч. τῷ σχήματι ἄφθονοι καὶ τῷ τρόπῳ φθονεροί (Паренесис, РГАДА, Тип. 38, XIII–XIV вв.). 3. С точки зрения семантики интересны глаголы въгласити (реализует разные значения в контекстах с различными греческими параллелями: 'позвать, призвать', 'изложить, рассказать', 'наставить') и въдрягнути 'утвердиться, водрузиться' (для интерпретации последнего привлекаются данные этимологии — ср. Этимологический словарь славянских языков, вып. 5, с. 112).

Начинательные глаголы и их семантико-сочетаемостные свойства в истории русского языка

Пенькова Яна Андреевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Доклад посвящен анализу семантических различий между начинательными глаголами начатися, початися, стати, наступити, возникнути в истории русского языка. В фокусе внимания находится среднерусский период как переходный в эволюции системы начинательных глаголов от древнего состояния к современному. Материалом для сопоставления служат данные Национального корпуса русского языка, Словаря русского языка XI–XVII вв. и его картотеки. Параметром для сопоставления является таксономический класс основного участника ситуации, представленного в употреблениях начинательных глаголов.

В современном русском языке типичным субъектом глагола «начатися» является имя существительное, обозначающее процесс (начался дождь, ветер, кашель) или деятельность (чтение, танцы, беседа, строительство), т. е. ситуации, которые имеют протяженность и развитие, делятся на фазы. Глагол «наступити» сочетается с названиями отрезков времени (ср. наступила зима, ночь, тишина), которые не подразумевают развития и расположены в определенной последовательности (ср. наступил понедельник). Напротив, неожиданно и целиком возникающие ситуации, не протекающие во времени (ср. мысль, идея, вопрос), в современном русском языке употребляются с глаголом «возникнуть» [Падучева 2004, 191].

По данным НКРЯ и картотеки, в среднерусский период «начатися» мог употребляться шире, чем в современном: ему было свойственно обозначать совершаемые интенсивно и длительно процессы и деятельности, а также узальные события, которые предполагают некоторую подготовительную фазу, предпосылки для своего осуществления. Глагол «початися», с одной стороны, употреблялся аналогично «начатися», с другой стороны — сочетался с названиями сущностей, не протяженных во времени (мѣсто, Астрахань, мысль), и даже с одушевленными именами (рострига, уѣздные люди), т. е. вел себя подобно глаголам «появиться» и «возникнуть» в современном русском литературном языке.

Глагол «стати» употреблялся в функции современных глаголов «возникнуть» (с названиями сущностей: церковь, заводъ, Москва) и «наступити» (с названиями временных интервалов: весна, зима и т. п.), а также мог также сочетаться с именами, называющими процессы (буря, споръ, шумъ), если подразумевается не только возникновение ситуации, но и ее завершение (стал спор и шум ‘возник и прекратился; произошел’). Глагол «возникнути» употребляется в среднерусской письменности редко и только с одушевленными субъектами. Глагол «наступити» развивает начинательное значение очень поздно, только с XVII в. В дальнейшем «стать» был вытеснен глаголами «возникнуть» и «наступити» и остался начинательным только в сочетании с инфинитивом. Глагол «начатися» за счет развития новых начинательных глаголов сузил свою сочетаемость, ограничив ее именами процессов и деятельностей.

Азбуки в средневековой славянской эпиграфике

Рождественская Татьяна Всеволодовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Славянские азбуки (кириллические и глаголические) или их фрагменты составляют особую группу среди многочисленных надписей на стенах средневековых храмов, начиная с X в. (глаголическая азбука от а до п первой половины X в. На стене крещальни Круглой церкви в болгарском Преславе). В Древней Руси фрагменты глаголических азбук конца XI в. обнаружены в Софии Новгородской, в новгородской церкви Благовещения на Городище в результате археологическо-архитектурного исследования храма в 2014–2020 гг. Наиболее ранняя кириллическая азбука из 27 букв середины XI в. обнаружена в Софии Киевской, серединой XII–XIII вв. датируется азбука из 29 букв. Фрагменты кириллических азбук разного времени (XI–XV вв.) известны также в Софии Новгородской, в новгородских храмах ц. Спаса на Нередице, Феодора Стратилата на Ручью, св. Николы на Липне, ц. Успения на Волотове, в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря, многочисленны азбучные граффити XIII–XIV/XV вв. ц. Спаса Преображения в Полоцке. Самостоятельную группу составляют берестяные азбуки XI–XIV вв. Характерной чертой полных азбук-граффити, азбук на бересте, а также азбук, использованных в текстах новгородской церы первой трети XI в. является вариативность их состава, преимущественно в конце алфавита. Наличие азбук, воспроизводимых прихожанами и клиром на стенах церквей, яркое свидетельство того, что возникновение книжной культуры как следствия Крещения послужило импульсом для распространения письма не только в церковной сфере, но также в административно-хозяйственной деятельности, в быту, поскольку, учитывая языковую близость книжного и бытового языка, препятствия для освоения грамоты были минимальны. Новые находки последних лет глаголических азбук-граффити (Гиппиус, Михеев) в совокупности с материалами рукописей ставится вопрос о роли и месте глаголического и кириллического алфавита на Руси в XI–XII вв. и их функциях в древнерусской письменной культуре в ее разных стратах.

Пунктуационное оформление синтаксических конструкций с местоимением ЧТО в деловом тексте 2-й пол. XVIII в. (на материале тюменской деловой письменности)

Трофимова Ольга Викторовна,

д. ф. н., профессор

Тюменский государственный университет

Проводимое нами исследование пунктуации в тюменских скорописных документах 82 жанров (видов) 2-й пол. XVIII в. приводит к выводам, во-первых, о формулярном принципе постановки знаков препинания (ЗП) как ведущем в региональной деловой письменности екатерининской эпохи; во-вторых, о существовании некоторой корреляции использования ЗП от жанра документа; в-третьих, о нарастании количества ЗП

в документах в целом, в том числе в структуре реквизита «Текст», начиная с 1770-х гг.; в-четвертых, о смене «главенствующего» ЗП: частотное в начале изучаемой эпохи двоеточие вытесняется запятой; в-пятых, о полифункциональности используемых знаков.

Анализ употребления ЗП в реквизите «Текст», представляющем наибольший интерес для лингвиста в связи с возможностью исследования в его структуре собственно синтаксических оснований для пунктуационного оформления связного текста, показал, в частности, достаточно частотное использование ЗП (запятой, точки с запятой или двоеточия) при введении в предложение посредством присловной связи придаточных изъяснительных с союзом что (11,05 %) — конструкций, вводящих чужую речь.

В структуре местоименно-соотносительных конструкций (со скрепами в том что; с тем что; то что; затем что; для того что) союзу что предшествует запятая в трех случаях из 67. Выделяется на этом фоне оформление придаточных образа действия с оттенком следствия (скрепы так (такой), что) — из девяти примеров четыре сопровождаются запятой, а также придаточных причины (скрепа потому что) — из 15 примеров в пяти есть ЗП (запятая или двоеточие).

Пунктуационное оформление полипредикативных конструкций с союзным словом что (при введении придаточных присоединительных) коррелирует с формулярным принципом: придаточным, вводимым словоформой о чем (которые находятся в конце прагматического блока реквизита «Текст»), запятая предшествует в 33 % примеров, в то время как в казусном блоке того же реквизита, содержащем изложение инцидентных фактов и пересказ первичных документов, придаточным присоединительным, вводимым словоформой на что или за что, запятая предшествует в двух примерах из 25.

Вероятно, определенную роль в выявленной пунктуационной ситуации может играть тот факт, что местоименно-соотносительные конструкции со скрепой, включающей в себя местоимение что, в казусной части реквизита «Текст» связаны с определенным «возвращением» к речи (комментарию) основного (или предыдущего по тексту) субъекта речи, и для осознания этой границы субъекту письма в XVIII в. достаточно грамматической структуры, без пунктуационного оформления фрагментов информации, принадлежащей разным субъектам.

Коллоквиалистика.

Изучение русской устной речи

Лингвистические триггеры: к вопросу об успешной онлайн-коммуникации

Баева Екатерина Михайловна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Интернет-коммуникация — постоянно развиваясь, расширяя способы и области взаимодействия участников коммуникативного акта, существуя в письменной и устной форме, — представляет собой одну из самых перспективных областей изучения для современного лингвиста. Особенно интересным и важным представляется изучение общения в социальных сетях, например, Facebook, Instagram, Вконтакте и др., которые во многом сейчас служат суррогатами реальной, живой коммуникации, особенно для молодого поколения.

Каждый человек, участвующий в онлайн-коммуникации в социальных сетях, может быть активным или пассивным участником процесса. Под активным участием подразумевается написание постов или комментариев, участие в дискуссиях, просмотр и комментирование устных прямых эфиров, под пассивным — чтение и просмотр постов, комментариев и видео, то есть потребление информации без обратной связи, которую реципиент дает инициатору коммуникации, в данном случае автору блога или комментария. Пользователь социальных сетей подписывается на профили интересующих его людей и сообществ; первые подписки, как правило, это семья, друзья, коллеги, затем идут известные люди и тематические сообщества. Часто пассивный участник коммуникации, имеющий целью лишь потребление контента (часто без конкретной информативной или прикладной цели, так как наиболее распространенная цель интернет-коммуникации — это развлечение), сталкивается с содержанием, которое технические алгоритмы современных социальных сетей выдают ему как «похожее» на интересующий его контент, исходя из тематики и авторов сообщения. И вот здесь может произойти важный коммуникативный сбой.

В своем отношении к лингвистическому материалу ученый должен быть беспристрастен, в то время как наивный носитель языка чаще всего оценивает высказывание не только на уровне смысла (содержания), но и формы, т. е. на лингвистическом уровне. В основном это относится к лексическому уровню языка: нелингвисты имеют свои «нелюбимые» слова и выражения, которые вызывают у них отрицательную, часто очень эмоциональную реакцию, что влияет на успешность коммуникации.

Целью исследования было выявить особенности современного русского словоупотребления, вызывающие негативную реакцию у реципиентов. Для этого был произведен опрос русскоязычных пользователей аккаунтов в социальной сети Instagram (участвовало 673 респондента). По результатам опроса была создана классификация

лингвистических триггеров, способных отрицательно повлиять на коммуникацию. Упомянутые особенности лежат, как правило, на уровне лексики и грамматики. На лексическом уровне классификация включает в себя канцеляризмы, клише, архаизмы, феминитивы, а также несколько неожиданные тематические блоки, например, посвященные приему пищи, именам собственным, обращениям и ментальному здоровью.

Всегда ли *кстати* действительно кстати? (наблюдения над функционированием слова в русской повседневной речи)

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Прокопенко Анастасия Андреевна,

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Слово *кстати* в русском языке — не только наречие (в словарных значениях ‘вовремя, к месту’ и ‘заодно с чем-л., вместе с тем’) (ядро лексико-семантической характеристики), но и вводное слово (ВС) (периферийная зона словарной статьи). В любом употреблении при этом есть семантика связи сказанного с моментом, действием или другим высказыванием. В сочетании с деепричастием *говоря* данное выражение встраивается в длинный ряд вводных конструкций типа *грубо/иначе/строго/честно говоря* и под. Особо выделяется группа единиц *кстати/короче/собственно/вообще/точнее говоря*, которые сохраняют статус ВС и без деепричастия, что открывает им возможность подвергнуться новым модификациям — ре- и десемантизации, а также прагматикализации. Большая часть этих единиц «заканчивает» рождением прагматических маркеров (ПМ) *короче, собственно и вообще*, но *кстати* не доходит до этой точки на шкале динамических изменений, что и вынуждает присмотреться к употреблению этой формы в нашей речи.

Пилотный анализ первых ста контекстов со словом *кстати* в УП НКРЯ, показал, что чаще всего (91%) *кстати* употребляется в качестве вводного: 80% *кстати*, 9% *кстати говоря*, 2% *кстати сказать*. В ядерных значениях наречия *кстати* встретилось только 1 раз с семантикой ‘вовремя, к месту’ и ни разу — с семантикой ‘вместе с тем’. Зато уже на этом ограниченном материале обнаружили контексты с «несловарными» значениями — 8% употреблений, 4 разных типа: (1) избыточное употребление (*И надо понимать / что достижения последних десяти лет / а о них стоит сказать / это и системное повышение / кстати / МРОТ / мы вот щас его подняли более чем на двадцать процентов*); (2) начало мысли, не связанной с предыдущей репликой ([Денис] *Нам и здесь неплохо. — [Артем] К чаю / кстати / ничего нет. Хотя есть. Есть заварка*); (3) объявление микротемы (*А вообще слово «Рунет» интересно. Когда я первый раз в Интернет ходил / я искал / а где это такой Рунет? Нет такого/ Рунета/ есть русскоязычные сайты. Кстати / та же Украина. Два немаленьких сайта с анекдотами / это www.anekdotov.net и www.sporov.net / делают украинские товарищи / но это чисто русскоязычные сайты*); (4) возвращение к предыдущей теме

(С этой позицией я соглашусь. Кстати / поскольку уже тема была «Перспектива правых в регионах» / давайте вернемся в регионы). Наименее «новым» является значение (4), которое можно рассматривать как оттенок словарного: 'в дополнение к только что сказанному'. Наиболее интересно избыточное употребление, что может привести *кстати* к созданию такого же ПМ, как вышеупомянутые *короче, собственно и вообще*. Интересно также столь подавляющее преобладание в нашей речи употреблений *кстати* как ВС, что позволяет расценивать ядерные значения этого слова как книжные. Расширение материала позволит уточнить полученные наблюдения и, может быть, сделать новые.

Дискурсивные формулы как разновидность форм-идиом русской повседневной речи

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Формы-идиомы (ФИД) как тип фразеологизмов интересны для исследования с разных сторон. Так, их можно рассматривать как результат процессов грамматикализации, прагматикализации и идиоматизации, когда каждая единица заслуживает отдельного описания, в том числе с применением методики шкалирования (*в смысле этого слова — в смысле использования — сетка // в смысле каркас такая; по идее автора — по идее / конечно / это не наша задача — ну там по идее сказали что...*). Любопытно также дифференцировать ФИД по способности выступать в качестве дискурсивной формулы (ДФ) — реплики диалога, которая в своем функционировании непосредственно связана с типом предшествующего речевого акта (РА).

Пилотный анализ материала корпуса ОРД показал, что большая часть ФИД (90,5%) не может быть причислена к ДФ: они функционируют в дискурсе как вводные слова (13,2%) (*по идее / можно набрать семена; нам спешно или мы подождем ? # в принципе не спешно*) или обычные компоненты синтаксической структуры предложения (66,0%), чаще сказуемое (*ну «На дне»\$ / *П это без проблем // *П известные фильмы можно достать; у нас времени до фига; я это обработал немножко С* // уж не без этого*) или обстоятельство (*я хочу найти возможность / пойти туда(:) () ну как бы на халяву; пожевать взять / да ? может / *Н // # хотя бы на *Н // # без фанатизма наверно ?*).

ФИД в роли ДФ (9,4%), грамматически относятся к разряду нечленимых предложений: (1) *давай человек шесть @ да без проблем*; (2) *я сегодня / буду здесь ночевать / *Н @ угу // не проблема*; (3) *пойдемте ! *П покурим немного ! *П *Н / да не вопрос*; (4) *он так близко не видит *П @ *С в смысле ?* (5) *о / собака лает // ни фига!* По примерам видно, что ФИД-ДФ чаще всего являются ответной репликой (знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих, знак @ — наложение их речи) и интерпретируются как РА согласия (1)-(3) или уточнения (4), хотя возможен и вариант реакции говорящего на некое внешнее событие (5) (РА констатив). Возможны, впрочем, и ФИД как нечленимые предложения, не претендующие на статус ДФ (11,3%): (6) *была б моя / я б тебе дал / без базара*; (7) *можем по е-мэйлу / если человеку / (...) удобно / *П не вопрос*; (8) *если(:) / таких наберется много(:) / будем / закупать специально для них / спортивную обувь // не вопрос*.

В таких контекстах трудно говорить о единственном варианте грамматической интерпретации ФИД: так, в (6) можно видеть еще и обособленное обстоятельство,

в (7)–(8) — сказуемое при эллипсисе подлежащего (**это не вопрос*). Это связано как с общей диффузностью устного дискурса, обилием в нем переходных единиц, чей статус полностью зависит от контекста, так и с трудностью установления границ предложения, в рамках которого функционируют эти единицы. Все это делает ФИД весьма заманчивым объектом лингвистического исследования.

Возможности использования сервиса Google Trends при изучении донецкого региолекта

Бурляй Анна Сергеевна,

ассистент

Донецкий национальный университет

Использование интернет-ресурсов в лексикографических и региолектных исследованиях дает возможность уточнить данные, полученные традиционными методами, приобрести дополнительную фактическую информацию. Однако возможности применения различных онлайн-сервисов, напрямую не связанных с лингвистическими исследованиями, но располагающих богатым лексическим материалом, еще недостаточно изучены и описаны в научной литературе. В том числе не до конца раскрыт потенциал специального сервиса Google Trends. Описанию применения его инструментария в процессе изучения донецкого региолекта и составления словаря региолексем посвящена статья, что позволяет считать представленное научное исследование актуальным.

Целью работы является определение возможностей онлайн-сервиса Google Trends в изучении донецкого региолекта. Предпринята попытка проанализировать ряд лексем словника донецкого региолекта, предложена классификация данных языковых единиц в соответствии с региональной востребованностью. Для научного рассмотрения был выбран максимальный временной промежуток (с 2004 г. по 2021 г.), который предлагает Google Trends. Новизна научной статьи не вызывает сомнения и состоит в доказательстве серьезных возможностей онлайн-сервиса Google Trends в изучении лексики вообще и донецкого региолекта в частности, что ранее не предпринималось исследователями.

Различные статистические данные, полученные при работе с Google Trends, позволили авторам предположить, какие возможности открываются специалистам-лексикографам и исследователям региолектов, а также определить, какие проблемы данного онлайн-сервиса ограничивают возможности его применения, а также влияют на объективность полученных результатов (невозможность охватить морфологические, семантические, акцентные и фонетические особенности региолекта, омонимическое пересечение регионализмов с именами собственными, что влияет на статистику их региональной востребованности и т.д.). Возможности: упорядочение регионализмов на основе их региональной востребованности, диахронное и синхронное изучение динамики изменения ареала распространения словаря региолекта, рассмотрение специфики региолектных говоров и социолектов городов региона. Каждая из представленных возможностей подтверждается аспектами функционала Google Trends.

Дискурсивы в устных спонтанных монологах: социальное и индивидуальное

Ерофеева Елена Валентиновна,

д. ф. н. профессор

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Предметом изучения в данном докладе является использование дискурсивных слов и выражений (дискурсивов) в устных спонтанных монологах носителей русского языка. Дискурсивы — это «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Кибрик: электронный ресурс], их функции «находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» [Кибрик: электронный ресурс], поэтому они являются крайне важными элементами устной речи и организации устного текста.

Материалом исследования послужили полуструктурированные интервью. Выборка информантов (24 чел.) сбалансирована по следующим параметрам: пол, возраст, образование, специальность. Общий объем рассмотренного материала составил 7 ч. 35,5 мин. звучащей речи (около 46 тыс. словоупотреблений).

Анализ речи показал, что общее количество дискурсивов не зависит от социальных параметров: частоты дискурсивной лексики практически равны у информантов с разными социальными параметрами, однако фактор специальности оказывает на эту лексику чуть большее влияние, чем другие рассмотренные факторы (в речи негуманитариев процент дискурсивов несколько выше, чем в речи гуманитариев).

Тем не менее, если анализировать отдельные дискурсивы, то можно заметить, что они «привязаны» к речи конкретных социальных групп. Например, дискурсивы ТАМ, КАК БЫ, ТО ЕСТЬ — используют преимущественно мужчины, а сложные составные формы с ВОТ (ВОТ ЭТО ВОТ, ВОТ ТАК ВОТ) используются только женщинами. Интересные закономерности наблюдаются по фактору «специальность»: КАК БЫ и ТО ЕСТЬ чаще используют негуманитарии, а ДА и ЭТО — гуманитарии, СОБСТВЕННО ГОВОРЯ встречается только у гуманитариев.

Можно также выделить ряд дискурсивов, которые в пределах данной выборки являются индивидуальными.

Семантическая близость реплик собеседников в устном и клавиатурно-опосредованном письменном диалоге: пилотное исследование

Заварзина Виктория Александровна,

аспирант

Воронежский государственный университет

Литвинова Татьяна Александровна,

к. ф. н. ведущий научный сотрудник

Воронежский государственный педагогический университет

Динамика признаков речи собеседников в диалоге является предметом исследований лингвистов, психологов, социологов, в последние годы также специалистов по ком-

пьютерной лингвистике в силу высокой практической значимости задачи моделирования диалогической коммуникации и выявления условий успешной коммуникации. Существуют несколько теорий диалогической коммуникации, однако все они исходят из положения о том, что в диалоге происходит подстройка (аккомодация) признаков речи собеседников. Названное явление в целом получило подтверждение в ходе многочисленных экспериментальных исследований (хотя в ряде из них и были получены противоречивые результаты), однако преимущественно изучался лексический, акустический (для устных диалогов), реже — синтаксический уровень. Кроме того, большинство подобных исследований выполнены на материале английского языка. Аккомодация на семантическом уровне диалогической коммуникации мало исследована. Кроме того, насколько нам известно, ранее не ставился вопрос о сравнении особенностей диалогической коммуникации в идиолекте одного носителя языка в разных формах речи — устной и клавиатурно-опосредованной письменной. В докладе приводятся результаты пилотного исследования, направленного на сравнительную оценку семантической близости реплик собеседников в разных формах речи (устной и письменной) с использованием методов дистрибутивной семантики. Каждая реплика (слова собеседника, ограниченные словами другого собеседника; может состоять из одного предложения или нескольких) представлялась в виде вектора с использованием модели Glove путем суммирования векторов всех слов реплики и нормирования на ее длину. Семантическое расстояние между высказываниями вычислялось как косинусовое расстояние векторов, их репрезентирующих. Вычислялась как локальная близость реплик собеседника, так и глобальная, при этом полученные данные сопоставлялись с временными характеристиками отдельных реплик и диалога в целом. Приводятся основные результаты пилотного исследования, показавшего необходимость учитывать индивидуальные особенности собеседников при моделировании диалогической коммуникации, и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 21-78-10148 «Моделирование значения слова в индивидуальном языковом сознании на основе дистрибутивной семантики» в Воронежском государственном педагогическом университете.

Английские переводные аналоги русских дискурсивных формул в Прагматиконе

Козюк Евгения Юрьевна,

аспирант

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

В докладе речь пойдет о базе русских дискурсивных формул и задаче поиска их переводных аналогов в английском языке. Изучению дискурсивных формул посвящен исследовательский проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ, работа над которым ведется с 2017 г. Результатом данной работы стала электронная лингвистическая база Прагматикон. Идея создания лингвистического ресурса Прагматикон возникла в процессе работы над онлайн базой конструкций русского языка Russian Constructicon (см. Endresen et al. 2020), в которой представлено более 2000 русских конструкций. При описании конструкций, входящих в базу, были выявлены нестандартные единицы, которые впоследствии сформировали класс под названием Дискурсивные формулы.

Эти конструкции являются законченным высказыванием, не имеют слотов и употребляются автономно в диалоговой речи. (ср. Может, мне не стоит публиковать книгу? — Еще чего! Все уже решено). В данный момент в базе Прагматикон представлено более 600 дискурсивных формул. Словарная статья для каждой формулы состоит из семантического описания, правил употребления, иллюстраций из НКРЯ, информации о жестах, которыми сопровождается формула, и английских переводных аналогов. Определенная трудность состоит в переводе формул на другие языки в силу их идиоматичности. Формулы, согласно нашему определению, являются некомпозиционными, то есть, значение формулы не выводится напрямую из значения составляющих ее единиц (ср. Ты ничего в этом не понимаешь. — Поговори мне еще!). Таким образом, дословный перевод формулы не представляется возможным (ср. формула и не говори и ее аналог в английском I know, right?). Непрозрачность значения формул, а также сложность классификации контекстов обуславливают особый подход к описанию формул и методологию сбора их аналогов в других языках. Центральными темами обсуждения в докладе будут являться методология выделения дискурсивных формул в английском, а также поиск ближайших семантических коррелятов между английскими и русскими формулами. Будут подробно рассмотрены этапы процесса выделения аналогов в английском, которые включают работу с корпусами, в том числе параллельными, опрос информантов-носителей и работу с фразеологическими словарями. Также будут представлены случаи нетривиальных соответствий, не зафиксированных в словарях.

Единицы и стратегии порождения устной и клавиатурно-опосредованной письменной речи в идиолекте: к постановке проблемы

Литвинова Татьяна Александровна,

к. ф. н. ведущий научный сотрудник

Воронежский государственный педагогический университет

Стремительное развитие технических средств коммуникации привело к тому, что основной формой реализации идиолектов большинства носителей современного русского языка является, наряду с устной диалогической, клавиатурно-опосредованная письменная диалогическая речь. Однако сопоставительных исследований особенностей названных форм речи в идиолекте одного человека до сих пор не проводилось, как и процессов речепорождения. В частности, вопрос о сущности минимальной единицы порождения клавиатурно-опосредованного текста на русском языке ранее не ставился, в то время как имеются в наличии программные средства, которые позволяют исследовать процесс порождения клавиатурного текста в режиме онлайн (Загоровская, Литвинова 2021). Проблема минимальной единицы порождения устного текста на русском языке, хотя и активно исследуется учеными, далека от того, чтобы считаться решенной (Богданова 2007). В докладе впервые ставится проблема сопоставительного изучения указанных форм реализации идиолекта носителя современного русского языка в аспекте выделения единиц и стратегий речепорождения на основе специально созданного корпуса текстов Multifactor_Controlled, входящего в базу данных RusIdiolect (Litvinova 2021). Названный корпус содержит образцы устных

и письменных (клавиатурно-опосредованных) диалогических и монологических текстов 22 респондентов (не менее 11 текстов каждого автора), а также видеозаписи процесса порождения текста. Устные тексты были затранскрибированы, и выделены элементарные дискурсивные единицы. Видеозаписи процесса порождения клавиатурно-опосредованных текстов были размечены, и получены данные о длительности тех или иных событий текстопорождения (длительность набора слов, знаков препинания, межсловных и внутрисловных пауз, коррекций и т.д.). Подобная разметка, а также наличие в корпусе образцов разных форм речи одного автора позволят рассмотреть проблему порождения текста в новом — идиолектном — аспекте, выделить, классифицировать и сопоставить единицы и стратегии порождения текста в разных формах — устной и письменной, установить универсальное, формо- и идиолектно-специфичное. Корпус создан при поддержке гранта РФФ № 18-78-10081 в Воронежском государственном педагогическом университете.

Литература

Богданова Н. В. Метапонятия языка и речи (к вопросу о поиске единиц описания живой речи) // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Пловдив, 2007.

Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Клавиатурно-речевое поведение носителя русского языка как объект экспериментальной идиолектной психолингвистики: к становлению нового научного направления // Методология современного языкознания — 3: сб. ст. М., 2021. С. 72–81.

Litvinova T. RusIdiolect: A New Resource for Authorship Studies // Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Vol. 186. P. 14–23.

Функции смеха в разговорах о телесном (по материалам Томского диалектного корпуса)*

Попова Дарья Павловна,

младший научный сотрудник
Томский государственный университет

В настоящий момент коммуникативный аспект русской речи представляется недостаточно изученным, в частности, мало исследованы невербальные средства коммуникации, включая смех. В зарубежной науке популярна интерпретация смеха с точки зрения теории несовместимости. Отечественная лингвистика не имеет преобладающей трактовки смеха. Далее смех будет пониматься как экстралингвистическое средство, которое используется участниками коммуникации в ситуации обнаружившегося несоответствия для достижения кооперативной или разобщающей цели.

Актуальность исследования определяется тем, что вводит в научный оборот материалы устной речи сельских жителей. Цель исследования — выявление функций смеха в разговорах диалектоносителей (как с односельчанами, так и с собирателями), связанных с телесностью, болезнями.

Материалом послужили тексты из Томского диалектного корпуса (>2 млн словоупотреблений). В корпусе наряду с автоматической грамматической разметкой реализована ручная разметка по коммуникативным параметрам (тема, тип, жанр текста).

---

* Исследование выполнено за счет гранта РФФ, проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья».

В рамках представленного исследования при поиске в теме «Человек физический» были выбраны 57 контекстов, которые содержат примечания «смех», «смеяться».

Выбранные записи сделаны в период с начала 2000-х гг. по 2019 г. на территории Томской обл. и хранятся в аудиоформате, что делает выполнимым отслеживание временных и фонетических характеристик смеха.

Гипотеза исследования: в рамках темы «Человек физический» смех преимущественно будет реализовывать функцию социального несоответствия, которая предполагает устранение смущения говорящего и предотвращение критической оценки со стороны собеседника. При постановке гипотезы мы опираемся на классификацию, включающую 4 типовые функции смеха: сообщение о приятном несоответствии, социальное несоответствие, выражение прагматического несоответствия в речи и выражение одобрения. Имеющиеся материалы показали, что смех, как правило, нацелен на кооперацию. Насмешливый смех встречается редко.

В ситуации общения с сельскими жителями реализуются почти все функции смеха. 44 % контекстов включают смех, свидетельствующий о социальном несоответствии. 29 % — о приятном несоответствии. 10 % — смех как выражение принадлежности (одобрения). Реже всего — в 5 % — реализуется функция выражения прагматического несоответствия. Таким образом, гипотеза в целом подтвердилась, в найденных контекстах было выявлено преобладание функций социального несоответствия и приятного несоответствия. При этом социальная функция смеха была реализована менее, чем в половине всех ситуаций. Это отчасти связано с тем, что функции смеха оказались более разнообразными, чем предполагалось.

Данная работа является апробацией темы. Планируется продолжить исследование смеха в устной речи сельских жителей с учетом жанровых и тематических параметров.

Прагматический маркер это самое в мультимедийном корпусе: квазиспонтанная речь vs спонтанная речь

Сунь Сяоли,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Слово самый в русском устном дискурсе часто попадает под действие процесса прагматизации и в результате практически утрачивает свое словарное значение, «превращаясь» в прагматический маркер (ПМ) это самое (ЭС), функционирующий в речи в различных своих грамматических формах. Цель настоящей работы заключается в сопоставлении употреблений этого маркера в квазиспонтанной и спонтанной речи.

Источником материала для исследования послужили 213 контекстов из мультимедийного подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка, содержащих 225 употреблений ПМ ЭС. Объем МУРКО сейчас превышает 5,4 млн словоупотреблений. Основные тексты в его составе делятся на 6 типов: речь кино, устная публичная речь, художественное чтение, театральная речь, устная непубличная речь и авторское чтение. Все записи речи кино, театральной и устной публичной речи относятся к так называемой квазиспонтанной речи, которая характеризуется, с одной стороны, определенной долей подготовленности, с другой — и некоторой степенью спонтанности. Минимально спонтанной разновидностью речи является также чтение (художественное).

жественное и авторское). На долю этих пяти типов (5413454 слова) приходится более 99% словоупотреблений МУРКО. Доля максимально спонтанной речи (47927 слов), относящейся к устной непубличной сфере, составляет в МУРКО только 0,9%. Однако маркер это самое встречается во всех разновидностях устной речи, кроме чтения.

Анализ показал, что все употребления маркера ЭС в рассматриваемых текстах (как спонтанных, так и квазиспонтанных) оказались четырех типов: (1) хезитатив (и вот это самое/ взяла [нрзб] и пошла на него), (2) разграничитель (чаще стартовый: Это самое/ думаешь ты/ не дай бог/ где-то чуть-чуть рухнешь), (3) ксенопоказатель (Вот он приходит/ и это самое/ «Доченька/ а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки/ сразу полторы/ [смеются] выходи на работу»; Мария прибежала/ «быстренько это самое/ чё/ это самое/ чё/ нормально?») и (4) маркер самокоррекции (Ну/ следующий кто будет защищать свое... это самое... свои...) (данное употребление ЭС полифункционально: самокоррекции здесь явно сопутствует хезитация; для ПМ такая ситуация является вполне типичной). Разновидности ПМ в данном перечне расположены в порядке убывания их частотности в материале исследования; наиболее распространены в устной речи любого типа ЭС-хезитативы.

Частота употребления единиц в корпусе традиционно считается в ipm (сокр. от instances per million words). Проведенный анализ выявил 166 маркеров исследуемого типа (ipm = 63,2) в квазиспонтанной речи и 59 употреблений (ipm = 2462) — в спонтанной, что в 39 раз больше. Думается, что частоту употребления ПМ можно считать одним из показателей степени естественности и спонтанности устного дискурса.

Синтаксические функции форм-идиом в русской повседневной речи

У Нань,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Идиома — весьма актуальный объект лингвистических исследований. Одной из их разновидностей являются неоднословные, чаще предложно-падежные, словоформы, выступающие в речи как устойчивые единицы: по барабану, не горит и под. В настоящем исследовании, вслед за П. А. Лекантом, мы называем их формами-идиомами (ФИд). Основу материала для анализа составили ФИд из корпуса русской повседневной речи «Один речевой день»: более 30 единиц в контекстах. Из возможных аспектов описания — семантический (перенос значения исходной формы), прагматический (роль в формировании речевого акта), грамматический (синтаксическая функция в предложении), дискурсивный (особенности функционирования) — внимание в работе сосредоточено на грамматике ФИд. Пилотный анализ материала выявил следующие варианты синтаксических функций ФИд в устном дискурсе (во всех случаях в скобках указано слово-идентификатор, наличие которого лишь подтверждает идиоматический характер единицы). 1. Сказуемое (39,6%): мне совершенно без разницы (=все равно); технологий этих до дури (=очень много); не в кайф это мне по понятиям (=не нравится); сейчас как бы / не в *Н масть / дачу-то продавать (=не время, неподходящий момент); давайте резекцию сначала сделаем / посмотрим все @ то есть пока да / значит пока это не горит (=не требует срочного вмешательства). 2. Обстоятельство (22,9%): Янковский\$ с Купченко\$ сыграли в десятку в общем ! очень хорошо! (=хорошо, точно;

так, как надо); пацаны собираются с девчонками / пойти в музей / так что можете за компанию тоже сходить (= вместе с кем-то); такой идет им(?) посыл сексуальности! вообще ни от одной женщины вообще / я вот по жизни не испытывал! (= никогда в жизни). 3. Нечленимое предложение (18,8%): девять человек наших @ ну(:) много / да / давай человек шесть // @ да без проблем (= ладно, хорошо, пожалуйста); можем по e-мейлу / если человеку / (...) удобно / *П не вопрос (= пожалуйста). 4. Вводное слово (14,6%): нам спешно или мы подождем? # в принципе не спешно (= вообще-то); в прошлой записке там по идее должны быть *Н все вопросы *Н (= вообще-то). 5. Определение (4,2%) / вводное слово: внутри в натуре катарсис чувствуешь (= настоящий, натуральный / действительно); и ры-ры-ры-рынок разнести в щепки @ реально // за чинару # да / в натуре / рынок? (= настоящий, натуральный / действительно). Уже по примерам с ФИД-определением видна грамматическая полифункциональность этих форм, широко представленная и в других случаях, ср.: и пачку // # была б моя / я б тебе дал / без базара (обособленное обстоятельство (= непременно, обязательно) / сказуемое (= *это правда) / нечленимое предложение (= пожалуйста). Описание синтаксических функций ФИД в устном дискурсе может внести вклад в создание грамматики речи, что важно и в теоретическом, и в прикладных аспектах.

Особенности построения монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев)

Чжао Цзэли,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Монолог — одна из основных форм устной речи, по его особенностям можно судить об уровне владения человеком речью. В отличие от диалога, монолог имеет такие важнейшие текстовые категории, как цельность и связность, которые проявляются и на содержательном, и на формальном уровнях организации структуры текста. Монолог имеет более сложную структуру, чем диалог, и способ его построения также отличается от диалога, основанного на обмене репликами. Способ языкового выражения, выбранный для построения монолога, зависит от характеристик языковой личности. Особый интерес представляют в этом отношении монологи на не родном для говорящего языке. Китайский язык, как известно, существенно и во многих отношениях отличается от русского, поэтому выбор монологов китайцев на русском языке в качестве основного объекта анализа, может привести к интересным результатам. Материалом для настоящего исследования послужили монологи-рассказы на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из речевого корпуса САТ, записанных от носителей китайского языка: 20 на русском языке и 9 на китайском (последнее — только для сравнения). Уже пилотный анализ структуры русских текстов показал, например, что, содержание монологов имеет три временны@х плана: 1) о настоящем 2) о будущем 3) о прошлом. Наиболее часто (70%) встречается монолог о настоящем. Зачин в этих монологах можно разделить на три типа: 1) повтор вопроса: как я провожу каникулы; 2) изменение вопроса в соответствии с пониманием сути каникул: как я провожу свободное время; 3) представление себя: меня зовут... Некоторые монологи вообще не

имеют зачина, говорящий сразу переходит к основному содержанию: я обычно дома; когда я свободен я-я н обычно; на каникулах / эм [я обычно-о... Более распространенным оказался первый тип (45%), он чаще встретился в речи мужчин, чем женщин (60 vs 30%). Второй тип зачинов более интересен: с одной стороны, частота его использования в речи женщин почти такая же, как и первого типа (40 vs 30%). С другой стороны, в китайских монологах он почти не встретился, а в монологах на русском языке — в основном в речи информантов с уровнем ТРКИ-II (более низким). Интересно также, что в русских монологах для перехода от темы к теме китайцы часто используют коннектор кроме того, которого (另外 или 此外) совсем нет в их китайских монологах. Почти половина проанализированных монологов (45%) не имеет формальной концовки, но мужчины произносят какие-то заключительные слова (от так; и я ы-н вот так [провожу мое [свободное время / спасибо) в два раза чаще, чем женщины (и мп наверное всё ; всё).

Полученные наблюдения, подтверждают предположение, что китайцы по-разному строят монологи на родном и неродном языках, а выбор используемых ими способов языкового выражения связан с характеристиками говорящего.

Когнитивная лингвистика (памяти В. В. Колесова)

Трудности перевода обращения «брат» (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Бурменкова Юлия Александровна,

соискатель

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Доклад посвящен трудностям перевода русского культурно-специфического обращения «брат» на английский и чешский языки на материале переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Рассматриваются способы перевода обращения, оценивается их адекватность и возможная степень прагматического воздействия на читателей. Делается вывод о том, что предложенные варианты перевода не способны передать этноспецифические когнитивные признаки русского концепта «брат». «Брат» — один из древнейших славянских терминов родства. Использование терминов родства в качестве обращения — это особенность русского общения, несвойственная западной коммуникации. Основная сложность адекватного перевода русского обращения «брат» по отношению к людям, не связанным кровными узами, на другие языки связана с тем, что в романе Ф. М. Достоевского использование термина «брат» в качестве обращения к незнакомым людям всегда обусловлено коммуникативной ситуацией, целью общения, отношениями между говорящими, их полом, возрастом и другими факторами. Анализ английского перевода романа Достоевского показывает, что для передачи обращения «брат» переводчик использует прием буквального перевода — *brother*, отталкиваясь от одного из языковых значений русской лексемы «брат», реже — форму *my boy*, лишенную «родственных» коннотаций. Такие формы обращения в переводе позволяют внести в английский текст определенный национально-культурный колорит, но не способны передать этноспецифические когнитивные признаки русского концепта «брат».

Английский переводчик выбирает языковые соответствия чаще всего без учета коммуникативной ситуации и состава ее участников. Для чешского перевода романа «Преступление и наказание» характерно большее разнообразие форм обращения (*člověče, kamaráde* и др.), но была отмечена непоследовательность и необоснованность в выборе переводчиком той или иной формы. Английский и чешский варианты перевода русского обращения «брат» к незнакомым людям не способны оказать такого же прагматического воздействия на читателей, как оригинал романа, в силу национально-культурной специфичности русского вокатива.

Концептуальная структура заключительного выступления президента

Гаврилова Марина Владимировна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Выступление уходящего с должности президента на инаугурации избранного президента России является новым жанром русского политического дискурса. Цель исследования — выявление концептуальной структуры выступления на лексическом и композиционно-тематическом уровнях текста. Материалом исследования является речь Б. Н. Ельцина, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2000 г., речь В. В. Путина, произнесенная на инаугурации Д. А. Медведева в 2008 г., и речь Д. А. Медведева, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2012 г.

В результате статистического анализа мы выяснили, что в прощальной речи Б. Н. Ельцина ключевыми словами являются: Россия (8 словоупотреблений), мы (7), я (6), страна (5), новый (5), вы (5), они (5), россияне (4). Наиболее часто повторяющиеся имена образуют концептуальную модель: Россия, страна — россияне — новый — мы, я, они, вы.

Мы определили наиболее значимые слова выступления В. В. Путина, позволяющие установить систему политических идей и взглядов языковой личности: весь (9 словоупотреблений), мы (7), я (6), свой (6), Россия (5), граждане (4), президент (4), власть (4), страна (4), государство (4), дорогие (3), друзья (3), сила (3), себя (3), вместе (3), человек (3), народ (3), сегодня (3), единство (3), цель (3), поддержка (3), благодарить (3), развитие (3). Частотные местоимения и имена существительные отражают и фрагменты мира, важные с точки зрения политика, и ценностные предпочтения аудитории, образуя концептуальную модель: Россия (Россия, страна, государство) — народ (граждане, друзья, человек, народ) — глава государства (я, президент) — отношения между президентом и народом (власть, поддержка) — перспективы на будущее (сила, цель, развитие) — единство (мы, все, единство, вместе, свой).

Д. А. Медведев наиболее часто использует в заключительном обращении следующие слова: мы (11 словоупотреблений), весь (9), я (8), Россия (7), наш (7), человек (6), гражданин (5), президент (5), государство (5), быть (4), работа (4), страна (4). Политик подчеркивает важность единства (чувства общности) как политической ценности, актуализирует в сознании аудитории ключевой концепт политического дискурса «Россия», формирует положительное общественное мнение о себе / о должности президента, работающего в интересах людей.

Сопоставляя тематическую макроструктуру речей президентов, отметим, что при всей ее вариативности можно выделить устойчивые элементы: 1) успехи страны и перспективы ее развития, политические ценности президента, 3) благодарность народу, 4) роль и функции президента. Слова мы — я — Россия — страна, входя в состав ключевых слов всех анализируемых текстов, образуют смысловой каркас заключительного обращения президента. Концептуальная структура речи состоит из трех элементов: Россия, народ, глава государства.

Термины с корнем *concept-* в трудах профессора В. В. Колесова

Донина Людмила Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

С лат. *concept-* связано название науки концептология и основные ее термины: концепция, концепт, концептум. В докладе рассмотрено их понимание в трудах проф. В. В. Колесова. Как производные одного корня, они имеют смысловое сходство, характеризуя уровни проявления ментального концепта в языковом знаке, что обостряет проблему их границ (могут не различаться концепт и понятие; термины концепция и концепт — общенаучные, чем обусловлено множество их дефиниций). Первые сто страниц монографии «Концептуальное поле русского сознания» (СПб., 2021) Колесов посвящает толкованию конструктивных концептов (концепция есть экспликация концептума через концепт. С. 14–15).

Все определения формулируются им как семантические константы. Основой служат извлекаемые из метатекста предикатные признаки, редуцируемые до денотатов и распределяемые по группам как основания, условия, причины, цели. Составы каузального ряда соотносятся с содержательными формами концепта (основания соответствуют концептуму, условия — образу, причины связаны с понятием, цели — с символом) и с десигнатными признаками: типичными, интенсивными, глубинными. Так, объединение констант из денотатов 300 определений концепта, предложенных десятью ведущими когнитологами, позволило найти инвариант: Концепт есть сущностный смысл словесного знака, данный как знание (с. 24, 26). Тем же методом мы выявляем понимание Колесовым термина концептум, введенного им в 90-х гг. как имя сущности смысла — цели концептологического исследования: Что есть сущее? Сущее — концепт, сутью которого является концептум. Анализ совокупности текстов В. В. Колесова выявил несколько типов определений помимо семантической константы: логическое (Концептум — неизменная и постоянная единица сознания, лишенная формы, назначение которой состоит в том, что она приводит в движение содержательные формы концепта, которые постоянно от концептума отталкиваются); этимологическое; синонимическое; определение на фоне философии и естественных наук; метафорическое (зерно перво смысла и зерно первообраза, пчелиная «матка», включаемое и в основания констант: Концептум — это простой «зародыш» концепта в синкретизме смыслов как конечная структура формы форм — принципиальное значение, инвариант всех возможных значений. С. 67, 86). Рассмотрены примененные схематические и графические средства, а также каскадные комбинации нескольких типов толкования. Но и через 20 лет напряженного и непрерывного исследования ученый говорит о приближении «к осознанию понятия “концептум”, не достигая, впрочем, его окончательных пределов» (с. 66–67, 86–87): Концептум — это сущность перво смысла — скрытой категории на глубинном уровне сознания, то есть искомый Абсолют, раскрываемый понятийно в целях понимания реальной сущности сознания в подсознательном — основы обыденного сознания.

Гипотеза В. В. Колесова о смене типа ментальности как «белое пятно» диахронической лингвоперсонологии

Загуменнов Александр Владимирович,

к. ф. н., старший преподаватель
Вологодская духовная семинария

I. В учебном пособии «Историческая грамматика русского языка» В. В. Колесов отмечает, что «сегодня в центре внимания ученых сохраняются все прежние достижения исторической науки, но основная задача заключается в том, чтобы ... прозреть носителя ... языка, его создателя — русского человека с присущими ему духовными и ментальными особенностями» [Колесов 2009: 6]. Фактически, это не противоречит основным интенциям исследователей в области теории языковой личности («лингвоперсонологии») — направления, анализирующего человека «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 2009: 5]. К сожалению, до сих пор в этом русле отсутствует рецепция ряда ключевых идей В. В. Колесова.

II. Одной из важных гипотез, на наш взгляд, не учтенных лингвоперсонологией, является мысль о смене типа ментальности. Под последней понимается «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке» [Колесов 2007: 13]. Ключевая проблема исторической (или же диахронической) лингвоперсонологии заключается в том, что ученые, моделируя языковую личность отдаленной эпохи, не соотносят свои построения с этнической ментальностью в конкретном столетии. Полученный ими результат реконструкции схематичен и содержательно больше соответствует «концептуализму науки», хотя должен был бы, пускай и на бумаге, но воспроизводить следы другого типа мировоззрения.

III. Возможны минимум две причины продолжающегося разрыва между диахронической лингвоперсонологией и идеями В. В. Колесова. Первая из них — специалисты в области теории языковой личности обременены изначально неверной установкой при реконструкции «картины мира» пишущего (иное понимание «концептов» и абсолютизация этого понимания). Вторая причина — (пред/по)-ложенный (оставим пока данное написание) В. В. Колесовым ментальный (или когнитивный) метод не разрабатывался и не был обновлен для лингвоперсонологического исследования. Нивелировать значимость этих причин удастся при пересмотре самих основ моделирования языковой личности, где в качестве ключевых единиц картины мира будет не *conceptus*, а *ноэма*, тяготеющая к *conceptum'у*. В этом случае образуется корреспонденция (на уровне теории) идей В. В. Колесова и Тверской герменевтической школы. В обозначенном «синтезе» концепций (и в обозримом будущем) можно достигнуть методологического сдвига в области диахронической лингвоперсонологии, когда *ноэмо-ноэтические* структуры носителя языка («языковой личности» в широком смысле) воспринимаются как «подошва» и ключевой элемент в изменении типа ментальности.

Отражение процесса познания в семантико-синтаксических структурах языка

Ильченко Ольга Сергеевна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Разные языки — это разные видения; путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; язык становится посредником между миром и человеком. (Humboldt). Семантико-синтаксические конструкции разноструктурных языков мира концептуализируют исторический опыт непосредственного общения человека с изначально противостоящим ему окружающим миром. Стадиальная концепция языка (Мещанинов, Кацнельсон) и возникшая на ее основе синтаксическая типология языков (Климов, Степанов) раскрывают нам историю БЫТИЯ человека в этом мире. Слитность и неразличимость своего и иного — основная характеристика мифа. Человеческое познание начинается с отчуждения объекта, т. е. возникновения субъект-объектных отношений. Когнитивная деятельность как результат акта взаимодействия с миром протекает, в сущности, как процесс «присвоения».

Чтобы присвоить отчужденный (чуждый) мир себе («прियाсть его образ в свое сознание»), животная природа человека использует все пять органов чувств. Смена синтаксической перспективы с обратной (т. е. от объекта к субъекту) на прямую (т. е. от субъекта к объекту) отражается в противопоставлении синтаксически разновекторных глаголов. Таковы пары более древних глаголов чувственного восприятия и более поздних глаголов намеренного действия в разных языках: русск. «видеть» — «смотреть», «слышать» — «слушать» (ср. англ. «see» — «look», «hear» — «listen»). Более глубокое осмысление действительности кодирует язык христианской религии — это познание не только с помощью примитивных чувственных ощущений, но и с помощью высших эмоций и разума. Таковы синтетические смыслы слов «взираю» (смотрю и вижу), «внимаю» (слушаю и слышу), «вкушаю» (пробую и ощущаю вкус, наслаждаясь им).

Мы познаем предметы только через их КАЧЕСТВА. Эта фаза познания («Каково это?») еще не отражает динамику мира, фиксируя только его статичный аспект («Это ЕСТЬ»). Динамический аспект мира представлен СО-БЫТИЕМ. Наблюдая движение внешнее (перемещение в пространстве) и движение внутреннее (изменение во времени), человек доискивается причин («Что происходит?», «Почему это происходит?», «Кто автор происходящего?»). Убедительно показана возможная схема зарождения категорического каузального силлогизма в номинативных структурах (Кацнельсон). Развитие человеческого сознания исторически отражено в космогонических мифах, теистических гипотезах творения. Высшая фаза познания — осмысление уже «присвоенного» окружающего мира и себя, т. е. человека. Когда личность осознается как активная сила, язык создает структурную модель для обозначения созидательных процессов. Ветхозаветному пониманию природы человека (Бог сотворил человека → человек ЕСТЬ) противопоставляется новозаветное понимание природы человека (Бог сотворил человека → человек ДЕЛАЕТ).

Русский язык в когнитивных метафорах В. В. Колесова

Купчик Елена Викторовна,

д. ф. н., профессор
Тюменский государственный университет

Метафора, понимаемая в когнитивной лингвистике как способ познания и описания мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. В. Пименова, А. П. Чудинов и др.), является важным источником информации о тех или иных фрагментах картины мира, представленной как в языке нации, так и в языке/речи конкретной личности. Обращение к тексту книги В. В. Колесова «Как слово наше отзовется...» (СПб, 2001, 347 с.) с целью выявления и рассмотрения использованных автором концептуальных метафор, воплощенных в метафорических моделях со сферой цели «русский язык», позволяет сделать вывод о значимости для характеристики языка метафор разного вида — антропоморфных, зооморфных, флористических, ориентационных, социоморфных, артефактных и иных. Язык и его составляющие предстают как живые существа, имеющие плоть и кровь, дух, обладающие чувствами, эмоциями (любовь, ярость), активно проявляемой волей, совершающие разнообразные действия: речевые, физические, социальные. Язык и его элементы перемещаются в пространстве и времени, участвуют в борьбе, тратят силы, распределяют роли и т. д. Водные метафоры отражают представление о языке как водном объекте, находящемся в активном движении. Представление о вещественности языка и его элементов передается метафорами нити, оружия, сосуда, металла. Метафорическое пространство языка отличается значительным объемом, включающим землю, небо, воду, природные явления, мир живых существ, растений, предметов. Неоднократно используются индивидуально-авторские метафоры, например: «заношенные речью приставки», «лексика простегнута этим оттенком значения», «безликие и безродные порождения вихляющего мещанского сознания», «цветик-семицветик», в центре которого находится человек (о семи признаках правильного построения речи) и др. В создании метафорического образа русского языка В. В. Колесов проявляет себя как большой мастер слова.

«...И явись как яркий день!»

Лингвокогнитивные особенности суперконцепта
явленность в лирике А. С. Пушкина

Лабынцева Елена Вячеславовна,

профессор
Международная Славянская Академия

В. В. Колесов полагает, что концепт — это своеобразный «зародыш» слова; «Концепт — это то, что не подлежит изменениям в языке, это то, что направляет мысль индивида, его выбор» [Колесов 1999]. Важным компонентом концепта является «когнитивная память слова», которая включает в себя все характеристики языкового знака, связанные с его первым значением и системой основных ценностей носителей языка. Кроме ценностей составляющих элементов, в структуру концепта входят образные и понятийные компоненты.

Выделение сложных концептов (суперконцептов), к которым относится суперконцепт ЯВЛЕННОСТЬ, обусловлено высокой степенью абстрагирования и множественной транслированностью вариантов проекции на языковую сферу, что затрудняет их описание. Однако обращение к концептосфере авторской поэтики с точки зрения соотношений концепта и концептума, выделяемых в исследованиях В. В. Колесова, дает возможность определения их лингвокогнитивной основы и многоуровневой структуры.

В лирике А. С. Пушкина трансляция суперконцепта ЯВЛЕННОСТЬ осуществляется практически во всех произведениях. Особая природа поэтического познания поэта, основанная на духовных и философских компонентах нравственных идеалов, позволила выделить и описать уровни и типы трансляции данного суперконцепта. Понимая ЯВЛЕННОСТЬ как эксплицированность всех следствий первоначала, можем выделить 1-й уровень концептуальной системы как наличие выявленности скрытого — осуществления, а 2-й как вариативности проявленного — существования. Явленность бытия сознанию соотносится как с физической реальностью, так и с духовной. Это и позволяет обозначить конструкцию данной системы концептов как многофункциональную, структурно заданную всеми элементами поэтической концептосферы.

В докладе рассмотрены следующие концепты: обращение, явление, преобразование, творчество, воплощение, открытие, невыразимое. Концептуальные структуры, описывающие данную систему, характеризуются компонентами концепта, являющимися «когнитивной памятью слова», которые включают в себя все характеристики языкового знака, связанные с его первым значением и системой основных ценностей носителей языка, которые актуализируют образные и понятийные элементы, входящие в структуру данного концепта. Поэт в авторской творческой лаборатории соединяет в себе не только коммуникативно значимую информацию, но и представляет прагматическую информацию языкового знака, связанную с его экспрессивной функцией.

Структура явленной А. С. Пушкиным лингвокогнитивной поэтической организации полученного творческого опыта предстает как целостная система, построенная на видении, понимании, отношении и оценке поэта, постигающего ЯВЛЕННОСТЬ как основу изначального единства человека и мироздания.

Концептуализации речевого действия в поэтическом языке Г. Лысенко

Ли Синьюй,

аспирант

Дальневосточный федеральный университет

Описание языка поэзии — одно из ведущих направлений современной антропологической лингвистики. Поэтический мир, система образов, условия их формирования — область проблем, которая может быть описана в парадигме когнитивного подхода через структурирование полей базовых концептов. Цель исследования: рассмотреть, как речевые действия молчания и звучания концептуализируются в лирике дальневосточного поэта Геннадия Лысенко, чтобы получить представление о ценностных составляющих мира поэта. Геннадий Лысенко — крупнейший представитель приморской поэзии, творчество которого сравнивают с творчеством Сергея Есенина, Павла Васильева,

Николая Рубцова. Таким образом, в научный оборот вводятся поэтические материалы самобытного дальневосточного автора, впервые исследуется его художественный мир. Концепт — это ментальная единица, содержанием которой является результат осмысления человеком элемента действительности на основе этнического, социального и индивидуального опыта. Концепт репрезентируется совокупностью языковых и речевых средств, основными из которых являются лексические, фразеологические и паремиологические единицы. В структуре концепта можно выделить ядро, приядерную зону, ближайшую периферию и дальнейшую периферию. Исследование концептов в художественной литературе заключается в контекстуальном анализе, включающем отбор ключевых слов. Молчание рассматривается как речевое действие, как акт коммуникации, если оно имеет коммуникативное воздействие и за ним следует реакция. Звучание как речевое действие является основным в поэтическом тексте, так как первоначально появляется звуковой мотив, а потом слова. Структура концептосферы молчание в русской языковой картине мира представлена ядром концепта — речевое действие, отсутствие слов; приядерной зоной: родственные слова; синонимы, антонимы; ближайшей периферией (пословицы и фразеологизмы) и дальней периферией — репрезентации концепта молчание в русской художественной литературе. Структура концептосферы молчание в стихотворениях Г. Лысенко включает ядро концепта — субъект молчания, чаще всего я (лирический герой). Источник (причина) молчания — любовь, смертельная болезнь. Атрибутивная характеристика молчания (примеры/объяснения) — твои недомолвки. Приядерная зона: слова, родственные слову молчание: молчу, молча, умолчание; синонимичные: недомолвки. Ближайшая периферия: Не мог связать в ответ им пары слов. Дальняя периферия демонстрирует концептуализацию речевого действия молчание/звучание через соположение с основными концептами картина мира Г. Лысенко: «жизнь», «любовь», «смерть», «одиночество», «тоска», «времена года». В результате концептуальная картина мира Г. Лысенко представлена следующим образом: молчание — это смерть, любовь, тоска, одиночество, время года (зима); звучание — это жизнь, лето, зима.

Тексты с семантикой мобильности и укорененности в самовосприятии сообщества и внешних импульсах в России в XIX–XX вв.

Михайлов Алексей Валерианович,

к. ф. н. доцент

Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М. Ф. Решетнева

Достойным объектом изучения филолога могут быть внешние и внутренние факторы, обуславливающие пребывание на месте или мобильность сообществ в России. Лонгитюдные исследования, охватывающие начала и концы, причины и телеологию демографических процессов, могут и должны быть социологическими, историческими, психологическими, экономическими, политическими, конфессиональными и иными.

Для филолога показательны автосвидетельства индивидуальных и коллективных участников процессов стабильности / мобильности — тексты воспоминаний, дневников, публикации СМИ, литература-фикшн.

Интересны внешние для сообществ побудительные тексты и идеологемы для перемещения людских сообществ. Эти тексты представлены больше документами от властей, текстами СМИ и иной продукцией.

Ситуация восприятия относительно стабильными и оседлыми сообществами внешних импульсов разной степени категоричности и обязательности также может быть интересным объектом филологического интереса.

Еще более познавательной глубиной и обещающей становится перцепция внешних импульсов к мобильности (значительно реже — воздержанию от перемещения, оставлению на месте пребывания) и трансформация («метаболизация») их в вид приемлемых, действенных внутренних стимулов, а далее — результирующие «добровольные» перемещения.

В этом ряду — и «вербовка», и «трудоармии», и целинная эпопея, и военные перемещения, и превентивные специальные движения (например, заселение Пруссии после Великой Отечественной войны немцами, создание Еврейской автономной области на Дальнем Востоке).

Отдельное место в истории текстов российской мобильности занимает ГУЛаг, его создание и наполнение человеческими ресурсами.

В соотношениях оседлости и мобильности примечательны функциональные замены идеологически нагруженных объектов (Соловки как святая православная группа островов vs символ советской «перековки» антисоветских сообществ).

Особенными текстопорождающими явлениями в истории России могут быть и перемещения в связи с большими строительными проектами (в XX в. — БАМ, гидроэлектростанции в Европейской части страны, в Средней Азии и Сибири). Это не только тексты типа поэмы «Братская ГЭС» Е. А. Евтушенко, повести «Прощание с Матерой» В. Г. Распутина.

Важно обозначение субъекта побудительного импульса (к пребыванию на месте / мобильности): «велеие времени», воля лидера, «народное чаяние» или иное.

Пребывание на месте в русской традиции положительно (но «под лежащий камень вода не течет»), ср. народное отношение к слову «эвакуированные» — «выковырянные», т. е. «лишившиеся места». Как при этом «движение» (мобильность) приобретает позитивность, как именно это изменение аргументируется в тексте, — тоже важный объект изучения.

Оптатив и императив в выражении представлений о власти в публицистическом тексте начала XVII в.

Михайлова Татьяна Витальевна,

к. ф. н. доцент

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева

Изучение представлений о власти в русском обществе начала XVII в. на основе анализа релевантных для этого текстов публицистики — текстов Смутного Времени, актуально, на взгляд автора настоящей статьи, еще и в контексте сегодняшних реалий.

Описываются функции оптативов и императивов в текстах, которые отражают искания в области русской доктрины власти.

Анализируются контексты из повестей Смутного Времени. Их авторы были современниками событий, их оценки построены на различных точках зрения, некоторые книжники оправдывают свое (то или иное) поведение в эпизодах Смуты. Достаточно часто в императивных и оптативных конструкциях субъектом становятся демократические народные сообщества.

Взаимодействие императивов и модальной семантики обусловлено включением описаний каузации, способов контроля ситуаций. Оптатив же отличен по формам каузации, не предполагает контроль со стороны Говорящего.

Цель сообщения — рассмотрение оптативной, императивной и оценочной семантики да-конструкций, например: «...на волю их, да поставят на государство Московское Бориса». Уже в начале XVII в. такие конструкции воспринимаются как архаизированные формы.

Нами выделяется оптативный императив (В.Б.Касевич в нем видит делегированное побуждение). Да-конструкция = оптативный императив используется, к примеру, в описании избрания царем Бориса Годунова. Поскольку тексты появились (и далее редактировались) после 1613 г., это происходит на фоне невыгодного сравнения вышеназванного избрания с венчанием на царство Михаила Романова.

В «Ином сказании»: «И таковым лукавством на милость ея обратиша, яко чающе истинное всенародная множества радение к нему ...дает им на волю их, да поставят на государство Московское Бориса».

Отмечается способ воздействия на настроение толпы — организованные Борисом Годуновым крики: «Народи же излиха вопяху страшным гремением: овии от препростого ума своего, овии же научени быша, другии же страха ради, да вси единогласно вопиють, дабы хоругви царства удержал».

В текстах об избрании Шуйского: «Государь великий боярин князь Василей Иванович, не мы тебя избираем, но Бог тебя избрал нам за твое к Богу великое страдание и терпение».

Императивные и оптативные смыслы переплетаются. В рассмотренных контекстах делегированная каузация позволяет передать тонкие смыслы косвенного побуждения.

Интересен фактитивный императив, выражающий благословения или проклятия (Н.Р.Добрушина рассмотрела его на материале кавказских языков с их формами для пожелания добра и зла). Можно сравнить с древнерусскими конструкциями: «Аще кто благоверен и благочестив хочет быти, да с радостию придут слова слушать Божия».

Итак, да-конструкции при всем разнообразии материала целенаправленно используются книжниками, когда необходимо скрыть прямую каузацию.

Развитие когнитивно-коммуникативных навыков и их связь с использованием линейных структур языка

Новикова Ульяна Викторовна,

к. ф. н., доцент

Кубанский государственный технологический университет

В последние десятилетия прослеживается тенденция ухода от использования линейных языковых структур к мультимедийным семантическим конструкциям. Текст выглядит уже не как ряд последовательно сменяющих друг друга элементов: слов,

предложений, сложных синтаксических целых. Система языка выполняет скорее метаязыковую функцию: выступает своеобразным мостиком между видеофрагментами, схемами, таблицами, пиктограммами, рисунками. Меняется скорость продуцирования и восприятия информации, способы ее хранения, передачи и воспроизведения. Активно формируются новые когнитивные модели, основной единицей речи иногда признается текст или даже макротекст. Усиленно развиваются методы технически опосредованного общения и обучения. Смысл языкового знака меркнет перед яркостью слайдов презентаций. Удивительным и странным в эпоху мультимедиа кажется обнаружение такого эффекта, как вторичная, или функциональная, неграмотность. Казалось бы, это необъяснимо, но на самом деле напрямую соотносится с уменьшением использования линейных языковых структур. Иначе говоря, с утратой способности носителя языка продуцировать собственный текст и адекватно воспринимать чужой. В ходе лингвистических экспериментов, анкетирования и опросов удалось установить некоторые особенности восприятия и продуцирования линейных языковых конструкций студентами технического вуза.

1. У 3 % студентов сохраняется послоговое чтение.
2. 87 % студентов не способны точно воспроизвести смысл предложения, если в нем больше 10 слов.
3. 40 % испытывают трудности при чтении литературных произведений.
4. 77 % имеют трудности с восприятием идиоматических выражений.
5. 76 % студентов после восприятия мультимедийной информации чувствуют опустошение, раздражение, безразличие, указывают на отсутствие каких-либо эмоций.
6. 47 % студентов с трудом создают собственный текст на заданную тему без подготовки.
7. 21 % студентов затрудняется в написании собственного текста даже после дополнительной подготовки.
8. 19 % студентов чувствуют интерес к чтению.
9. 22 % студентов уверены, что знание русского языка поможет им стать более успешными в жизни.
10. 2 % студентов способны понимать сложные тексты, анализировать, переосмысливать информацию. Бедность речи, отсутствие навыков работы с текстом, неумение выполнить комплексный анализ художественного текста, разделить главную и дополнительную информацию, грамотно выразить собственные мысли и правильно понять чужие — вот результат уменьшения работы с линейными структурами языка.

Метафорическое поле терминов ментальность и концепт в идиостиле В. В. Колесова

Халикова Н. В.

Научный руководитель: д. ф. н., проф.

Петрова Екатерина Вадимовна,

магистрант 1 курса

Московский государственный областной университет

Халикова Наталья Владимировна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный областной университет

Рассмотрены понятия ментальность и концепт в идиостиле В. В. Колесова. Концептуальным полем терминов являются когнитивные метафоры языка науки, особым образом трансформированные в сознании ученого. Понятия ментальность и концепт являются ключевыми в работах В. В. Колесова, посвященных русскому самосознанию и мировосприятию. Концептуальное поле ментальности и концепта включает множество когнитивных метафор, разворачивающихся в образные единицы идиостиля. Стертые и реализованные метафоры разных образных парадигм, находясь в одном контексте, создают палитру смысловых оттенков, образуют стилистические этюды научной прозы: «Научное направление родилось в многонациональной среде Петрограда, заканчивая путь классического русского реализма; став философской силой, оно стусилось из православного мирозерцания, подпитанного идеями...» («Русская ментальность в языке и тексте», 2007). Развитие концептологии осмысливается им при помощи когнитивных метафор образных парадигм «живое», «путь», «вещество», «растение (почва)». Тема путешествия и метаморфоз научного знания о ментальности и концепте, таким образом, получает метафорический план выражения. Среди когнитивных метафор, раскрывающих понятие ментальность, частотными являются полисемантические структурные единицы идиостиля «ментальность — корень» («Мы говорим о русской ментальности как о глубинном корне русской жизни» (Там же)), в контекстах реализующие значения «исконный», «скрытый», «базовый». С понятием ментальность и концепт у Колесова связаны геометрические образы (метафоры) круга, кольца, квадрата и др. Данные когнитивные метафоры представляют научное явление как целостное, замкнутое само на себе, не требующее вмешательства извне, не содержащее изъянов: «Всемирный разум, генетически закольцованный в умственной доминанте и представленный в мистической «монаде» концепта...» («Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма», 2010) «Менталитет... внутренне замыкается на себе самом» (2007). Ментальность как объект исследования также образует «круг»: «Трудно выйти из круга, в который вовлекает желание понять...» (2007).

Концептуальное поле русского сознания в трудах В. В. Колесова

Пименова Марина Васильевна,

д. ф. н., профессор

Владимирский государственный университет

Трудно переоценить вклад В. В. Колесова не только в отечественную, но и в мировую лингвистику. Начиная Владимир Викторович свои научные исследования как историк-фонолог и акцентолог. Параллельно с фонологией Владимир Викторович обращается к исследованию семантики (смысла) фактически всех уровней языковой системы в динамике их функционирования и развития. Его интересовали историческая грамматика и стилистика, лексикология и лексикография, риторика и культура речи (прагматика), лингвистическая герменевтика, история языкознания и т. д. Глобально подводя к каждой проблеме, В. В. Колесов при изучении и представлении языковых фактов наглядно реализовал научные принципы современной лингвистики (антропоцентризм, экспансионизм, эскапланаторность, неофункционализм, текстоцентризм), причем сделал это на уровне сути, а не терминологии. В последние десятилетия Владимир Викторович обратился к обобщению и осмыслению всего им собранного и накопленного — к когнитивной лингвистике и философии языка. Одной из основных тем исследования для него стала русская ментальность и ее отражение в языке. Предложенное В. В. Колесовым определение ментальности стало классическим: оно цитируется большинством современных лингвистов, обращающихся к рассмотрению данного феномена: ментальность — «...миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999: 268]. Основной единицей ментальности в когнитивистике, как известно, признается концепт, однако многочисленные дефиниции данной лингвистической единицы, как правило, отождествляют ее с тем или иным существующим термином (понятием, представлением, значением, смыслом, этимоном, словом, символом, образом), что не позволяет определить место данного феномена в языковой системе. Дает возможность отойти от подобного прямолинейного отождествления синтезирующий подход В. В. Колесова, полагающего, что «концепт есть сущность, явлением которой выступает понятие...» [Колесов 2002: 404]. В своей последней монографии «Концептуальное поле русского сознания» В. В. Колесов синтезирует представления и понятия об основных концептах русского сознания, «какие были присущи русским (преимущественно) людям в основном в XX в.» [Колесов 2021: 5]. В этом обобщающем труде В. В. Колесов воссоздает ментальные парадигмы (концепции), раскрывающие смысл концептов как носителей первосмысла-концептума.

Пространственно-временной аспект семантики оппозиции жизнь/смерть в текстах воспоминаний конца XIX — начала XX вв.

Путилина Татьяна Геннадьевна,

аспирант

Новосибирский государственный педагогический университет

Лексемы жизнь и смерть семантически связаны с характеристиками оппозиции пространство/время, что зафиксировано в толковых и специализированных словарях. Эта связь подтверждается исследователями фольклора (В.Я. Пропп), философами (Э. Гуссерль), когнитивистами (В.Б. Касевич). Так, установлено, что смерть принимает формы пространственного перемещения, а концепт жизнь раскрывается как время в его линейности.

Цель нашего исследования — выявление и описание особенностей репрезентации пространственно-временного аспекта семантики оппозиции жизнь/смерть в текстах воспоминаний конца XIX — начала XX вв. Выбраны тексты в жанре воспоминаний, период написания которых близок к важнейшим событиям российской истории (сочинения А. Блока, Я. Д. Минченкова, Ю. В. Готье, Д. С. Мережковского и др.).

В проанализированных текстах лексема умирать сочетается со словами, обозначающими время, культурный пласт (умирающее столетие). В слове человек актуализируется сема часть эпохи, культуры, страны. Поэтому «умирание» человека не зависит от его возраста, а связано с переломным временем. Лексемы с семантикой смерти прошлого сочетаются с высказываниями об обновлении, обозначенном лексемой жизнь с определениями новая, высшая. Этот факт отражает восприятие времени как ритма. Лексемы время, жизнь и действительность оказываются близкими по семантике, актуализируется философский вариант значения «культурно-исторический период человечества».

В плане проксимального пространства, то есть, по терминологии В.Б. Касевича, «приближенного к человеку», смерть — это замкнутость, запертость, неподвижность. Дистальное (отдаленное, заполненное другими объектами) пространство смерти — нечто непостижимо огромное, соотносимое с космосом, в котором все стремительно движется. При его описании используются лексемы пустыня, море, бездна, пропасть. Эмотивная составляющая данного пространства чаще всего однозначно отрицательная, но может отличаться в зависимости от позиции автора (негативное «стремглав - никуда» у Д. С. Мережковского, позитивное «в бездну звездную» у А. Белого). Позитивная семантика связана у некоторых авторов с мыслью о невозможности изменения без жертв и иллюстрируется мифологическими сюжетами (об Эмпедокле, Геракле). При этом происходит смешение реального времени с мифологическим. Тогда огромное пространство и движение в нем противопоставлены замкнутому пространству по семантическому множителю застревание в старом/движение к новому.

Зоонимические экспрессивы при назывании человека и концепт человека как животного в речи Пирота

Раткович Драгана Миланова,

д. ф. н., старший советник

Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств

Предметом статьи являются существительные экспрессивной (положительной и отрицательной) тональности в частности, которыми в сербском диалекте города Пирота в первую очередь называют реалии из мира животных и, во вторую очередь, людей. В анализ также включены производные от единиц, принадлежащих семантическому полю «зооним», и словосочетания с существительными, в которых прилагательные имеют зоонимическое значение. Корпус состоит из двух словарей сербского диалекта Пирота: Новица Живкович [Живковић 1987] и Драголюб Златкович [Златковић 2014; 2017]. Языковые единицы проанализированы в лингвокультурологическом аспекте, с целью ответить на следующие вопросы: (1) какие человеческие характеристики, поведение и действия в речи Пирота инициируют наименование человека уничижительным и похвальным зоонимом; (2) как такие наименования раскрывают параметры оценки; (3) какова связь между уничижением и похвалой на материале ботанической лексики и терминологии при именовании человека на сербском диалекте города Пирота; 4) в каком отношении находятся зоонимические экспрессивы человека в диалекте Пирота с такими же названиями в современном сербском языке. Такая методологическая процедура позволяет (1) реконструировать концептуализацию человека как животного, очерченного уничижительными и похвальными зоонимами в лингвистической картине мира и в традиционной культуре региона Пирот, а также (2) рассмотреть отношения и определить сходство с теми же лексико-семантическими средствами, созданными образом мира в современном сербском языке.

Лингвоаксиология памяти в сообщениях пользователей социальной сети «ВКонтакте» о Победе в Великой Отечественной войне

Саркисова Анна Юрьевна,

к. ф. н., младший научный сотрудник

Томский государственный университет

Цель работы — выявить и описать ценностные смыслы и установки, связанные в языковом сознании пользователей социальной сети «ВКонтакте» с концептом «память о Победе».

Материалом исследования послужили опубликованные сообщения (посты) пользователей «ВКонтакте» о Победе в Великой Отечественной войне за период с 01.01.2019 по 17.08.2020. При подготовке материала использовались инструменты для автоматического сбора и обработки текстового контента (программная библиотека методов по выгрузке и анализу данных Vkap8; аналитическая платформа PolyAnalyst). Из выявленных в сети 567 623 сообщений, тематически связанных с Победой, были

отфильтрованы все посты, включающие слово «память» независимо от словоформы. Результатом выполнения узла стали 109 637 сообщений.

Методы исследования сочетают методы аксиологической и когнитивной лингвистики с методами обработки и аналитики крупных массивов текстовых данных.

Основные результаты исследования:

1. В сообщениях, посвященных памяти о Победе, безусловно доминирующей остается положительная тональность. Среди сообщений с положительной тональностью наблюдается большое количество похожих сообщений («Нормативные ситуации однотипны» (Н.Д. Арутюнова)). Сообщения с отрицательной тональностью 1) обусловлены темой войны и скорби; 2) связаны с осуждением неуважения к памяти.
2. Коллективный характер памяти как факта национального сознания получает ценностный статус. Его экспликация проявляется в эмоциональной тональности текстов, особенностях коммуникативного поведения пользователей, семантической специфике наиболее частотных и значимых слов, лексической сочетаемости, экспрессивном синтаксисе.
3. В лексическом окружении слова «память» оказывается большое количество слов-символов. Сформировано единое знаковое пространство, связанное с событием Победы и памятью о ней.
4. Высокая степень ритуальности речи подтверждается большим количеством клише, стереотипов, устойчивых речевых формул.
5. В рассматриваемой выборке сообщений память сама выступает как объект оценки (сочетаемость с оценочными прилагательными, привлечение признакового дейксиса для выражения оценки).
6. Слово «память» очень часто включается в наименования различных практик отмечаемого Дня Победы.
7. Слово «память» (нейтральное на лексикографическом уровне) в искомом контексте регулярно осмысливается этически.
8. Для большого процента пользователей память — это память о конкретных людях, Победа — очеловеченный подвиг, а история — история в лицах. Высокая степень персонализации, конкретности проявляется на разных уровнях текста.
9. Обилие топонимов и дат свидетельствует о стремлении к точности, устойчивой потребности в сохранении исторических деталей, стремлении утвердить память о малой родине или о вовлеченности в ценностную ситуацию всех уголков страны.

Структурно-когнитивная объективация тавтологических и плеонастических образований на материале публицистических и художественных дискурсов

Сирота Елена Владимировна,

к. ф. н., преподаватель
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Парахонько Людмила Вячеславовна

ассистент
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Рассматривается когнитивно-прагматический потенциал образований тавтологической и плеонастической природы; изучается синтаксический аспект видов семантической погрешности, которая традиционно трактуется как языковая или речевая аномалия. Цель исследования — изучить структурный (синтаксический) аспект тавтологических и плеонастических образований, построить структурные концепты и тем самым показать их смысловую значимость, а также информативную интерпретацию. Объект анализа — тавтологические и плеонастические выражения, их прагматические функции в публицистическом и художественном дискурсах. Предмет анализа — сравнение транзакции (передачи) интенции автора и «коммуникативной замкнутости» содержательных лексических единиц — тавтологии и плеоназма. Результатом проведенного исследования является построение структурного концепта на базе синтаксического анализа тавтологии и плеоназма. Так, опираясь на понятия о ядре («к ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы») и периферии («более абстрактные признаки концепта») [Попова, Стернин 2002: 60], выстраиваем структурный концепт, с точки зрения моделей реализации тавтологии, при этом к ядерной части будут относиться наиболее частотные репрезентации избыточных дублетов, к ближней периферии — менее частотные «опредмечивания», а к дальней периферии — наиболее редкие их воплощения.

В результате использования компаративного метода исследования нами было обнаружено, что структурная стратификация тавтологических оборотов, по сравнению с плеоназмом, представляет собой хорошо развитое разветвление различных моделей, которые объединены синтаксическими отношениями (объектными, атрибутивными, субъектными, циркумстантивными) и синтаксическими связями (согласованием, управлением, примыканием, координацией). Из этого следует, что рассматриваемые явления прочно вошли в научный и «домашний» обиход и характеризуются высокой степенью употребления, тем самым показывая направление, по которому русский язык уже сегодня развивается ментально, обогащая наше подсознание [Колесов 2006: 13].

Также значимым является следующее обстоятельство: по количественному превосходству нормированности употребления тавтологии данная «содержательная избыточность высказывания» характеризуется большей интенциональностью. Плеоназм, в свою очередь, воспринимается как явление речи, т.е. свидетельствует о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего. Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что данные виды семантической избыточности

могут рассматриваться как импликатура, явление когнитивной лингвистики — концепт. Именно данным обстоятельством мотивирована актуальность нашего исследования.

Репрезентация лингвокультурного концепта «охотничья собака» (на материале устных текстов русских старожилов Северного Приангарья)

Смирнов Евгений Сергеевич,

к. ф. н., доцент

Сибирский федеральный университет

Традиционная лингвокультура Северного Приангарья является одним из актуальных объектов исследований в работах сибирских лингвистов. Ее рассматривают в рамках лексикографического, лингвоэмотиологического, нарративного и других подходов. Настоящее исследование выполнено в рамках психолингвокультурологического подхода, основным объектом которого является лингвокультура, в том числе традиционная региональная лингвокультура. Ключевая макроединица традиционной лингвокультуры — культуруносный устный текст. В качестве эмпирического материала работы были выбраны рассказы русских старожилов Северного Приангарья об охотничьих собаках. Целью работы является психолингвокультурологическое исследование лингвокультурного концепта «охотничья собака» на материале устных текстов коренных жителей Северного Приангарья. Предмет — структура и содержание исследуемого концепта. Нами был использован алгоритм концептуального анализа, согласно которому последовательно рассматриваются понятийный, образный и ценностный слои концепта. Анализ устных текстов об охотничьих собаках показал, что в понятийном слое исследуемого концепта содержится такой основной концептуальный признак, как домашнее животное из семейства псовых, которое используется для охоты («на соболя ходил, там идешь по следу, собака идет, как-то так ходили»).

Основной концептуальный признак подразделяется на несколько частных, которые связаны с разными типами охоты: домашнее животное из семейства псовых, которое используется для охоты на медведя; домашнее животное из семейства псовых, которое используется для охоты на белку. Образный слой представлен менее ярко: всего 7 % текстов. В настоящем исследовании было проанализировано 60 устных текстов (100 %). Информанты, описывая внешний вид собаки, используют колоративные («кобель сам весь был черный») и тактильные прилагательные («одна-то собака такая шершавая»). Ценностный слой исследуемого концепта эксплицирован различными оценочными предикатами, преимущественно оценочными прилагательными. Во-первых, выделим нарративы, в которых эксплицируется общая положительная оценка («у нас собака была такая хорошая»); во-вторых, отметим примеры с интеллектуальной оценкой («собака была такой умной»); в-третьих, в рассматриваемых рассказах эксплицируются этическая и нормативная оценки. В редких случаях информанты выражают отрицательную оценку («собаки-то у нас, у него не лаят, не на медведей, боится. Вот трусливая собака!»). Таким образом, были проанализированы структура и содержание лингвокультурного концепта «охотничья собака», который является одним из ключевых в концептосфере региональной лингвокультуры Северного Приангарья.

Концепт «ополченец» в языковом сознании донецкой молодежи

Стебунова Алла Николаевна,

к. ф. н., доцент

Донецкий национальный университет

Концепт ополченец в языковом сознании молодежи Донбасса рассмотрен в сопоставлении результатов психолингвистического ассоциативного эксперимента с данными толковых словарей русского языка.

Понятийная составляющая современного концепта ополченец формируется его базовыми значениями, зафиксированными словарными дефинициями.

На основе анализа современных словарей Д. Н. Ушакова и Т. Ф. Ефремовой мы выделили 2 базовых значения концепта ополченец: 1) человек, вступивший в ополчение; 2) военнослужащий ополчения или военнообязанный, зачисленный в ополчение. Это слово зафиксировано и в «Толковом словаре» В. И. Даля со следующим лексическим значением: Ополченец, ратник, временный воин земского войска, поступающий по миновании в нем надобности, в первобытное состояние свое. Обратим внимание на то, что в словаре В. И. Даля данный концепт имеет народный характер, в то время как в современном значении слова данная характеристика отсутствует.

Чтобы выяснить, какой из представленных компонентов значения исследуемого концепта актуализируется в сознании носителей языка в первую очередь и, следовательно, составляет его ядро, мы и провели свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняло участие 150 студентов Донецкого национального университета (филологического, исторического, юридического, экономического факультетов) в возрасте от 17 до 25 лет.

Несмотря на отсутствие установки на связь с нынешними политическими событиями, подавляющее большинство ответов демонстрируют имеющуюся в сознании испытуемых связь между словом и событиями в ДНР и ЛНР.

Анализируя полученные данные, мы сгруппировали ассоциации по когнитивным признакам.

Следует отметить, что анализируемый стимул воспринимается значительной частью участников эксперимента с положительной коннотацией, а его психологическое значение активно используется средствами массовой информации для формирования общественного мнения.

Автор и Писатель в различных типах сознания

Халикова Наталья Владимировна,

д. ф. н., профессор

Московский государственный областной университет

Изучение семантических оппозиций с помощью концептуального анализа по методу В. В. Колесова (2012, 2019, 2021 и др.) позволяет увидеть в синонимическом ряду дискурсивно обусловленную привативную оппозицию Автор — Писатель / Художник. В русской книжной культуре она входит в ментальную парадигму художник, сочинитель, литератор, творец. Изданная в 2021 г. небольшим тиражом книга В. В. Коле-

сова «Концептуальное поле русского сознания», содержащая типологию концептов (конструктивные, ментальные, содержательные), позволяет нам относить Автор / Художник / Писатель к содержательному типу. Помимо обыденной, существуют разновидности художественно-критической и научной (филологической) рефлексии, как сознательной — в виде сентенций, так и подсознательной — в синтагматике. В поэтике Автор и «образ автора» — научные концепты с образно-метафорическим пространством. Концепт понимается как «схватывание» природы вещи «в ее проявлениях путем связывания высказываний в одну точку (зрения) при определяющей роли разума» [Колесов 2019: 428].

При концептуальном поэтапном анализе создавался «текст» из смыслов высказываний «в их подсознательном выражении» (Колесов); вначале из словарей и русских писательских дневников были выделены соответствующие предикаты для понятий Автор / Писатель / Художник и затем распределены по основаниям (что?), условиям (как?), логическим причинам (почему?) и конечным причинам (зачем?). Затем такие же операции были проделаны на материале научной прозы тех ученых, кто занимался соответствующей темой. Сопоставлялись писательская рефлексия и строгая семиотическая система науки. В структуре ядра концепта обнаружены семы, не зависящие от дискурса. По соотношению с действительностью Художник 'показывает' ее в невольном акте творчества, он смотрит; Писатель сознательно, в силу своего служения 'угадывает ее, сообщает', делает понятными «части бытия», Автор 'оценивает' и 'мыслит' — отдает, будучи «углом сердца», «расширением души». Автор всегда — условие («принцип интеллигентности» Чехова, «безмерности» Цветаевой, «интенсивности» — Тютчева). Писатель — цель.

Привативная оппозиция Автор — Писатель реализована в научной картине мира несколько иначе, чем в обыденной: внутренняя индивидуальная языковая сущность Автора и внешняя (социальная) роль Писателя, его «духовная собственность»; свобода мысли Автора, его знание о чем-либо, выраженные в знаках языка, форме — и возможная свобода или зависимость Писателя, качественная ценность несомой им идеи, культуры, содержания. В зависимости от типа сознания выстраиваются противопоставления Автор — Читатель, Автор — Герой, Автор — Язык (Речь, Мысль).

Литература

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Слово-символ «ветер» в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Якушевич Ирина Викторовна,

д. ф. н., профессор

Московский городской педагогический университет

Символизация слова и, как результат, реконструкция древнеславянского мифологического мышления, а также наложение его на авторский замысел в художественном тексте — одно из приоритетных направлений лингвокультурологии и лингвопоэтики. Цель исследования — реконструкция символического значения слова ветер в тексте романа на основании трех источников: 1) этимологического значения, б) контексту-

ального, в) прецедентного (русский фольклор, статья А.Блока «Поэзия заговоров и заклинаний»). Слово становится символом, если денотат слова — подчеркнуто перцептивный образ, представление о движущемся воздушном потоке, возможно, со снегом и дождем, материализует некую непознанную человеком реальность — ‘дух, душу, бессмертие’.

Это символическое значение есть результат древнего аниматического подобия человека и воздушной стихии природы. Оно обусловлено внутренней формой слова ветер: от и.-е. **ǵ ē(i)*- ‘дуть, веять’ и обозначало персонифицированный ветер-дух. В свою очередь древнерусское слово духъ обозначало не только ‘дуновение, ветер’, но бесплотное сверхъестественное начало — ‘душа’. Всего в романе слово ветер употреблено 65 раз. I. Ветер → ‘душа живого человека и дух мертвого’: 1. Лара: легкий ветер появляется из открытого окна эвакуационного госпиталя в тот момент, когда входит Лара и знакомится с выздоравливающим Живаго. Кроме того, Лара появляется в виде «водяного знака» во время грозы в Мелюзееве. 3. Приемный Вася Брыкин: его появление в романе предвосхитил ветер, ворвавшийся в избу. 3. Дух Юрия Живаго, обращающийся к возлюбленной в стихотворении «Ветер» (я кончился, а ты жива). II. Ветер → ‘рождение и смерть (болезнь) человека’: 1. Смерть матери Живаго. Б. Пастернак расставляет в градационном порядке имена существительные (ветер — вьюга — буря), глаголы: налетел (ветер) — бушевала, свистела и завывала (буря). 2. Рождение сына Саши сопровождалось порывами осеннего ветра. 3. Болезнь Саши: ветер ворвался в комнату и развеял дым от чадающей печки — удалось спасти ребенка от ложного крупа. 4. Смерть Антипова: ветер качал на ветру сухую полынь в тот момент, когда на глазах у Галиллуина якобы подорвался Антипов. 5. Смерть Ю. Живаго сопровождалась порывами пыльного ветра. III. Ветер → ‘весть, слово’ (А. Блок): 1. Весть о рождении дочери Маши и отъезде Тони с детьми в Париж. Ее прощание в письме с мужем навсегда сопровождает кружащийся снег как продолжение письма. 2. С шелестящим ветром автор сравнивает прощальные слова Лары у гроба Юрия Живаго: Итог: древнее этимологическое значение ‘дух–душа’ трансформируется в романе в некую космическую духовную субстанцию, находящуюся над жизнью и смертью, сублимацию бессмертия. А герои романа суть ее материализация в двух ипостасях — 1) как душа живого человека или весть о ней; 2) дух мертвого.

Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл)

Лексикографическое описание дешифровальных стимулов аббревиатур

Бровец Андрей Игоревич,

ассистент

Донецкий национальный университет

Аббревиатура армкомитет находится в эквивалентных отношениях со словосочетаниями армейский комитет и комитет армии, формирующими гнездо эквивалентности и включающими дешифровальные стимулы армейский и армии. Среди дешифровальных стимулов нами выделяются презентативные, представленные адъективными формами (альпбаза — альпинистская база), интерпретативные релятивы, представленные субстантивными предложно-падежными формами (бардгруппа — группа бардов), и интерпретативные модификативы, включающие дополнительное слово, отсутствующее в структуре аббревиатуры (веломагазин — магазин велоделателей).

Дешифровальные стимулы, с одной стороны, являются формой представления аббревиатур в словосочетании, а с другой стороны, служат источником толкования аббревиатуры — более непосредственным, чем само словосочетание, поскольку именно дешифровальные стимулы определяют семантическую разницу между всеми единицами гнезда эквивалентности.

Одним из наиболее регулярных и поэтому легко прогнозируемых дешифровальных стимулов является презентативный. При этом атрибутивное словосочетание часто оказывается неинформативным и не всегда может быть использовано для этимологизации аббревиатуры. Например, аббревиатура велобагажник может означать как багажник, который крепится на велосипед, так и багажник, помещаемый на автомобиль для перевозки велосипеда. В этом случае презентативный дешифровальный стимул велосипедный ничего не сообщает нам о том, куда должен крепиться багажник, в то время релятивные дешифровальные стимулы на велосипед и под велосипед, реально отмечаемые в эквивалентных текстах, реализуют семантическую спецификацию аббревиатуры в тексте.

Именно дешифровальный стимул признается одним из главных средств семантизации аббревиатуры. Несмотря на регулярность и стереотипность дешифровальных стимулов, специфика их использования в качестве имплицитных знаний при трактовке обуславливает их неоднородность, что создает необходимость описания всех эмпирически отмечаемых дешифровальных стимулов для каждой аббревиатуры. Такое описание может быть организовано по списочному принципу и осуществляться отдельно от «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка», который специализируется, кроме прочего, на описании лексического значения каждой аббревиатуры.

Принцип организации словарной статьи может включать четыре уровня: уровень аббревиатурной группы (авто), уровень леммы (словарная форма: автомобиль), уровень токена (эмпирическая форма: автомобилей; автомобиль; автомобиля; в автомобиле; в автомобилях; в автомобиль; для автомобилей; для автомобиля; из автомобилей; из автомобиля; к автомобилю; к автомобилям; на автомобиле; на автомобилях; на автомобилях; на автомобиль; об автомобилях; про автомобили) и пример словосочетания, в котором токен в данной форме фиксируется.

Нарушение ономастических конвенций как метаязыковой прием детской литературы

Брыкова Александра Андреевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Ономастикон детской реалистической литературы принято рассматривать с позиции ее просветительской функции, отмечая традиционность антропонимов и зоонимов, которые позволяют сделать художественное пространство произведения более привычным для читателя-ребенка, познакомить его с основными правилами речевого этикета и социальной иерархии. Не оспаривая этот в целом правильный тезис, в представленном докладе мы хотим особо рассмотреть случаи осознанного нарушения ономастических конвенций, которые довольно часто встречаются в произведениях авторов 20–30-х гг. XX в. — Е. Шварца, Д. Хармса, Н. Олейникова, А. Введенского и др. — периода активных сюжетных и стилистических экспериментов.

Нарушение ономастических конвенций встречается в первую очередь в сфере зоономов (и отчасти хрематонимов), которые в детской литературе характеризуются более высокой частотой встречаемости и более высокой сюжетной значимостью, чем в произведениях литературы «взрослой». Зоонимы и хрематонимы используются как в номинативной, так и в апеллятивной функции, маркируя второстепенных и основных персонажей, что повышает частотность употребление конкретного онима в рамках текста произведения и, как следствие, значимость и осознаваемость приема. Среди приемов встречаются именованья референтов одной группы онимами, характерными для представителей другой группы, объединенных в рамках одного гиперонима (например, гусь Барбос в одной из повестей Е. Шварца — именование гуся кличкой, традиционно закрепленной за собакой).

Не менее интересны случаи нарушения социальных конвенций, к которым можно отнести примеры из повести А. Введенского, в котором куклу главной героини зовут Елизавета Ивановна: использование официального, «взрослого» имени в качестве хрематонима выступает не только как запоминающаяся сюжетная деталь, но и как способ демонстрации зыбкости социальных границ и подвижности, конвенциональности, самого онима.

Эти и подобные примеры позволяют относить случаи нарушения ономастических конвенций к разряду метаязыковых приемов, чья цель, помимо очевидной сюжетной задачи привлечения внимания, представляется в имплицитной демонстрации основных языковых конвенций и способов взаимодействия с языком.

Лексикография в современной конвергентной научной парадигме

Ваулина Екатерина Юрьевна,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Понятие «научная парадигма» введено Т. Куном для объяснения того факта, что система научных знаний не только постепенно развивается, прогрессирует, но и подвергается периодически фундаментальным реорганизациям и преобразованиям. Когда речь заходит об общенаучной парадигме, ее обычно связывают с естественными науками (донаучная античная Аристотелевская, классическая Ньютоновско-Картезианская, неоклассическая Эйнштейновская и позднейшая пост-Эйнштейновская). В 2002 г. М. Роко и У. Бейнбриджем был введен термин «NBIC»-конвергенция (нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивистика), позже расширенный до NBICS-конвергенции, что отразило органичное включение социально-гуманитарных технологий в общий конвергентный контекст впервые в истории научного знания. Конвергентная парадигма определяется следующими особенностями: аналитический подход к познанию структуры объекта заменяется синтетическим; доминирует междисциплинарное исследование с интегративными функциями; интеграция наук является трансдисциплинарной; дифференциация наук становится частью доминирующего интеграционного процесса; подчеркивается, что основой прогресса должно быть сближение знаний и технологий на благо общества.

В число ключевых составляющих научной парадигмы входит научная картина мира. Ее формирование и распространение осуществляется с помощью знаков естественного или искусственного языка — как части языковой картины мира, предполагающей ментальное упорядоченное объединение всех представлений, существующих в человеческом сознании. Создание же модели языковой картины мира признается задачей толковой лексикографии.

До включения учеными социально-гуманитарных наук в общий процесс конвергенции лексикография не рассматривалась в связи с развитием общенаучных парадигм. В настоящее время очевидно, что современная лексикография вписывается в концепцию NBICS-конвергенции, так как: семантически основана на междисциплинарной теории когнитивной лингвистики; невозможна без использования компьютерных технологий на всех этапах; характеризуется синтетическим подходом к слову, используя междисциплинарные исследования и в рамках лингвистики, и за ее пределами, с привлечением актуальной информации из всех областей знаний; широко представляет терминологию как активный компонент языковой системы; фиксирует и распространяет эти знания в обществе.

Таким образом, толковый словарь полного типа не следует рассматривать как находящийся вне тенденций парадигмального развития науки на современном этапе. Это повышает ответственность лексикографов, но также привлекает наше внимание к проблеме создания многофункциональных электронных версий и других сетевых технологий доступа к современным словарным данным.

Диалог времен: устаревшая лексика русского языка в современном употреблении

Генералова Елена Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается место устаревшей лексики в русском языке XXI в. и ее представление в словарях современного русского языка. При изучении роли устаревших лингвистических единиц в современном узусе следует иметь в виду неоднородность этого пласта лексики. Конкретные функции разных разрядов слов минувших эпох зависят от использования в разных стилях и жанровых средах. Историзмы традиционно употребляются для описания соответствующих эпох; при этом в научном и научно-популярном стиле функционируют как термины, в художественной литературе чаще всего передают колорит соответствующего времени, в политическом дискурсе преследуют прагматические и манипулятивные цели, в медиатексте просвещают читателя и отсылают к современной ситуации, и т.п. Ряд историзмов развивает переносную семантику, которая возникает в результате переосмысления стереотипных черт предмета, явления, обозначенного историзмом, и является уже фактом современного языка (см. офисная барщина, аракчеевщина в науке, батраки из ближнего зарубежья). Актуализация историзмов не так активна для современного этапа развития языка, как в 1990-е гг. Архаизмы являются мощным стилистическим ресурсом современного языка, очень востребованным на настоящем этапе развития языком СМИ. Продуманное лексикографическое представление лексики, вышедшей из употребления, — важное условие ее использования в современном узусе. В докладе демонстрируются разные принципы и приемы представления лексики минувших эпох в создаваемых в настоящее время словарях редких и устаревших слов и в толковых словарях современного русского языка. Если словари редких и устаревших слов — это обычно словари лингво-энциклопедического плана, которые не только семантизируют устаревшую лексику, но и являются серьезными культурологическими справочниками, то толковый словарь дает наиболее полную информацию и о семантике слов ушедших эпох, и о функционировании такой лексики в современном языке. Подробная лексикографическая интерпретация устаревшей лексики, т.е. предоставление читателю информации о причинах выхода этих слов и устойчивых выражений из активного состава языка, о степени устаревания лексической единицы, а главное — о ее стилистическом потенциале, возможностях и особенностях использования, является важным условием диалога разных эпох в языке.

Словарь индивидуально-авторских устойчивых выражений романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: микро- и макроструктура

Еськова Анна Дмитриевна,

к. ф. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

В общезыковых устойчивых оборотах фиксируются смыслы, существенные для народа, говорящего на данном языке. А в индивидуально-авторских оборотах находят свое выражение смыслы, важные для конкретного автора. Подобного рода обороты — фразеологизмы, поговорки, паремии — яркая черта идиостиля М. Горького. Словарь таких единиц — составная часть создающегося ныне Идеологического словаря романа «Жизнь Клима Самгина». В докладе рассматривается структура Словаря индивидуально-авторских оборотов (прежде всего входящие в него части — Алфавитная и Персонажная), доказывается необходимость включения в словарь таких частей. Предлагаются принципы гнездования толкуемых единиц: в Алфавитной части обороты группируются вокруг стержневого слова, в Персонажной — вокруг героя произведения. Особо отмечаются обороты, характерные для определенных персонажей: Варавки, Козлова, Кутузова, Лютова и др. Кроме того, в докладе обосновывается возможность включения в словарь некоторых однократно употребленных выражений. Микроструктура Словаря демонстрируется через описание отдельной словарной статьи и ее частей. Рассматривается место в статье заголовочного сочетания, данных о числе употреблений, толкования, иллюстраций, комментария. Специальное внимание уделяется условным сокращениям, шрифтовым выделениям, графическим знакам. К примеру, заголовочная единица — паремия «Классовое государство ремонтирует старый дом гнилым деревом», сохраняет в Словаре кавычки, оформляющие цитату, потому что эта фраза — вспомнившиеся Климу слова Степана Кутузова. Фактическое употребление оборота двумя разными персонажами уже позволяет считать его устойчивым. Отдельно в докладе характеризуется система ссылок, связывающих разные словарные статьи между собой. Далее речь идет о составляющих Словаря в целом. В Предисловии объясняются цели и задачи словаря, принципы отбора и описания единиц, соотношение Алфавитной и Персонажной частей друг с другом. Отдельно рассматривается использование при подготовке Словаря Национального корпуса русского языка, ведь с помощью НКРЯ выявляются именно горьковские обороты. Помимо этого, рассматривается место Словаря индивидуально-авторских оборотов среди других запланированных выпусков Идеологического словаря романа. К ним, в частности, относятся: Словарь библеизмов, Словарь общественно-политической лексики, Словарь финансовой лексики, Словарь лексики еды и питья, Словарь юридической лексики. Предлагается и взгляд на место создаваемого сочинения в системе словарей языка М. Горького — как отдельных произведений писателя, так и циклов. Таким образом описывается макроструктура лексикографической работы с выходом на мегаструктуру.

Лингвокреативный потенциал интердискурсивных вставок в кинопроизведениях

Зыкова Ирина Владимировна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт языкознания РАН

В настоящее время изучение интердискурсивности ведется в самых разных направлениях современной лингвистики. К одному из перспективных и новых ракурсов исследования данной категории относится, с нашей точки зрения, исследование интердискурсивности как «триггера» («спускового крючка») лингвокреативных процессов. Целью нашей работы является создание понятийно-методологического инструментария, позволяющего изучать интердискурсивность как средство «измерения» лингвокреативности в разных типах дискурса. Мы исходим из утверждения об универсальности и имманентности категории интердискурсивности, свойственной, на наш взгляд, в определенной мере всем типам дискурса. При этом особый интерес для осмысления природы интердискурсивности представляют кинопроизведения, создание которых основано на синтезе разного рода модальностей, кодовых систем и дискурсов.

С появлением кинематографа как нового медиа, нового информационного канала разворачивается, как указывает И. П. Смирнов (2009), борьба разных дискурсов за власть над ним. Одним из ярких и множественных примеров служит фильм «Кабирия» (Джованни Пастроне, 1914 г.), в котором исторический дискурс взаимодействует с дискурсом идеологической пропаганды. Материалом нашего исследования являются фильмы известных советских и российских кинорежиссеров (например, Э. Рязанова, Р. Быкова, Э. Климова, А. Тарковского и др.). В докладе будет представлен разрабатываемый метод параметрического анализа интердискурсивности как универсального фактора, влияющего на проявление креативного потенциала языка в кинодискурсе, а также результаты анализа интердискурсивных вставок в кинопроизведениях, относящихся к разным направлениям и жанрам кино.

Подробно мы остановимся на обсуждении данных, полученных в ходе анализа (в аспекте заявленного метода) интердискурсивности в фильмах Андрея А. Тарковского. Особое внимание будет уделяться выявленным типам интердискурсивных вставок и полимодальным формам их репрезентации в фильмах, определяющим специфику лингвокреативности рассматриваемых кинопроизведений, оригинальность и новизну (или уникальность) их вербальной системы.

Игровая функция окказионализмов в современной русской поэзии для детей

Кабанова Надежда Валерьевна,

преподаватель
Московский физико-технический институт

Корнеева Елена Геннадьевна,

канд. филол. наук
Московский физико-технический институт

В данной работе отражены основные результаты исследования окказиональных лексических единиц, выявленных в современной русской поэзии для детей и выступающих в людической функции. Актуальность выбранной темы обусловлена в первую очередь недостаточной изученностью феномена языковой игры в русской детской поэзии XXI века, отсутствием фундаментальных исследований в данной области, глубинного изучения состава окказиональной лексики в современной детской литературе. Целью данной статьи является выявление, анализ и классификация окказионализмов, реализующих игровую функцию языка, в современной поэзии для детей. Перед авторами данной статьи стояли следующие задачи: проанализировать существующие классификации окказиональной лексики и выбрать наиболее подходящую для описания поэзии для детей; выявить примеры окказиональной лексики в стихотворениях для детей, написанных русскими поэтами XXI в.; изучить состав окказиональной лексики в современной поэзии для детей. В качестве материала исследования были отобраны поэтические произведения русских авторов XXI в., среди которых Юлия Симбирская, Дина Бурачевская, Анастасия Орлова, Маша Рупасова, Андрей Слоников, Лев Яковлев. В ходе исследования было выявлено свыше 100 окказиональных единиц, отобранных при помощи метода сплошной выборки из 200 электронных и печатных текстов. Теоретическую базу при изучении окказионализмов в поэзии составляют работы В.З. Санникова, Т.А. Гридиной, Л.Г. Бабенко, К.Н. Булатбаевой, Г.К. Сарсикеевой, К.Б. Айтжанова, Г.Р. Добровой. В рамках изучения языковой игры и лингвокреативности были рассмотрены работы Л. Витгенштейна, Т.А. Гридиной, Ю.В. Каховской, С.М. Лойтер, Е.Е. Лукьяновой, В.З. Санникова, Д. Кристала, группы авторов Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.И. Розанова. За основу была принята классификация окказионализмов, предложенная Л.Г. Бабенко, согласно которой окказиональная лексика подразделяется на фонетические, лексические, грамматические, семантические окказионализмы, окказиональное сочетание слов и окказионализмы, образованные на основе фразеологизмов. Проведенный анализ поэтических произведений русских авторов XXI в. показал, что языковая игра на основе окказионализмов имеет широкое распространение в современной поэзии для детей. Данный стилистический прием помогает писателю-взрослому говорить с читателем-ребенком на одном языке. В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто встречаются лексические, грамматические и фонетические окказионализмы, реже употребляются семантические. Окказиональные сочетания слов и окказионализмы, образованные на основе фразеологических оборотов, не были обнаружены. Данное явление объясняется тем, что вышеупомянутый вид неузальной лексики представляется сложным для детского восприятия.

Фиксация омонимов в толковых словарях русского языка: вошедшее и невошедшее

Крылова Ирина Алексеевна,

к. ф. н., научный сотрудник

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Из всех видов парадигматических связей лексики, представленных в словаре, омонимы являются наиболее явно эксплицированными (по сравнению с синонимами, антонимами и паронимами). Вопрос о количестве омонимических рядов в словаре неразрывно связан с решением других важных вопросов и существенно зависит от глубины разработки слова, от объема словника, от социальной стратификации включенной в словник лексики.

Так, слова «качалка», «камера», «монашенка» в толковых словарях омонимов не имеют (в ТСУ, МАС, СОШ). В Словаре русского языка XXI в. (разрабатываемого в РГПУ им. А. И. Герцена под редакцией Г. Н. Складневской) эти слова представлены в виде омонимических пар/рядов.

Какая лексика обычно не попадает в толковые словари и не представлена в виде омонимов:

1. Неологизмы. Это слова, которые уже включены в словари новых слов, но не соотношены в плане наличия омонимического статуса с разработками толковых словарей общего типа. В этом случае возможны ситуации, при которых в толковом словаре разработан один омоним, а в словаре новых слов другой, или в толковом словаре нет слова вообще, а в разных словарях новых слов разработаны разные омонимы. С одной стороны, в лексикографическом пространстве представлен весь спектр возможных смыслов слова, с другой — иерархия этих смыслов относительно друг друга не определена, их взаимосвязь или ее отсутствие не установлены.
2. Слова, не являющиеся частью литературного языка, а именно жаргонизмы и узкоспециальная лексика (терминология). Словарь русского языка XXI века благодаря обширному словнику включает много терминов, разговорные и жаргонные слова, и показывает омонимию очень широко.

Дискуссионными остаются вопросы, касающиеся функциональных омонимов и вторичных заимствований: включать ли их в словарь в виде разных слов или сохранить в виде единой структуры, не разрывая историческую связь.

Отдельно отметим те случаи, когда словари подходят к делению слова на омонимы осторожно и не представляют его в виде омонимов несмотря на то, что его значения уже достаточно далеки друг от друга семантически. К тому же традиционное деление на омонимы определенных групп лексики не всегда последовательно выдерживается в толковых словарях.

В результате складывается довольно пестрая и неоднородная картина омонимов как вошедших, так и не вошедших в толковые словари общего типа.

Метаязык лингвистики

Лесников Сергей Владимирович,

к. ф. н., доцент

Институт лингвистических исследований РАН

Проблемное поле исследования метаязыка лингвистики имеет свою специфику применительно к компьютерной лингвистике. С другой стороны, оно тесно связано с вопросами цифровой лексикографии, а также с моделированием особого языка науки в целом в формате гипертекстового тезауруса. [1].

Объектом описания в гизаурусе является терминосистема, включающая собственно термины и номинативные единицы (слова и словосочетания) терминологического характера, составляющие метаязык лингвистики. [2]. В гизаурусе предпринята попытка осуществить аналитический обзор русских словарей лингвистической терминологии, который бы выявил (1) способ организации словарных материалов [3], (2) охват специальной лексики [4], (3) степень информативности словарной статьи [5], а также (4) хронологические сдвиги в осмыслении и обозначениях соответствующих языковых явлений и в составе словаря лингвистической терминологии в целом. Кроме того, учтены терминологические словоупотребления в публикациях, появившихся в одном из ведущих и авторитетных академических изданий (в том числе из «Вопросы языкознания» за период с 1952 по 2021 гг.). При этом словари лингвистических терминов рассматриваются как база для формирования гизауруса метаязыка лингвистики. Описанные 2000 источников гизауруса оцифрованы и загружены в локальную лексикографическую базу данных терминосистемы лингвистики. [6]. Гизаурус представляет репрезентативную выборку лингвистических терминов из грамматик, словарей, справочников и энциклопедий с 1755 по 2021 гг. [7].

Лексикон метаязыка лингвистики включает лингвистические термины и терминологизмы, представленные в гипертекстовом информационно-поисковом тезаурусе метаязыка лингвистики (гизаурус). Практически все термины, которые использованы в монографии «Метаязык лингвистики. Том 1. Проблемы систематизации терминосистемы», объяснены в соответствующих словарных статьях данного (второго) тома «Лексикон терминосистемы». Гизаурус создан при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований /РФФИ/ по инициативному исследовательскому проекту (грант) N11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика)» (научный руководитель С. В. Лесников) и издательскому проекту РФФИ N20-112-00215 «Метаязык лингвистики» и РФФИ N19-012-00494 «Лексико-семантическая неология в РЯ начала XXI века», а также при финансовой поддержке в рамках проекта Российского научного фонда N18-18-0019 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (Лесников С. В. — исполнитель и модератор портала metdict.ru) [ЛСВ. РФ, ГИЗАУРУС. РФ, МФРЯ. РФ].

Специфика «Нового российско-французско-немецкого словаря» (1799–1802 гг.) И. А. Гейма в отечественной лексикографии конца XVIII — начала XIX вв.

Лукьянова Людмила Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет им. С. М. Кирова

Грандиозные преобразования в общественно-политической, экономической и культурной жизни России XVIII в. оказали влияние на различные сферы жизни, в том числе и на книгопечатание. Среди книг, которые сыграли важную роль в овладении культурой западноевропейского мира, в распространении образования и просвещения, несомненно, были и разного рода словари (переводные, специальные, толковые, словари иностранных и непонятных слов). К концу XVIII в. количественный состав словарей существенно расширился, изменились требования и запросы потребителей; и одним из ответов на вызовы времени стала словарная деятельность профессора И. А. Гейма.

Несмотря на общее признание заслуг И. А. Гейма, ученого-эрудита, лингвиста, географа, историка и экономиста на благо Московского университета и Российской империи, роль ученого в области переводной лексикографии нуждается в большем внимании.

Исследование посвящено одному из переводных словарей конца XVIII в., высоко оцененному современниками, неоднократно переиздававшемуся, но не получившему достойного внимания в теоретической лексикографии. Рассматриваемый словарь Гейма — один из первых переводных (трехъязычных) словарей, основанных на академической традиции и представляющих ценный опыт включения русского языка в европейское языковое пространство.

В центре внимания автора доклада основные аспекты макро- и микроструктурной характеристики трехтомного словаря, среди которых состав и композиция основных частей, своеобразие принципов организации и презентации языкового материала, построение словарной статьи и различная информация о лексическом материале словаря.

Словарь И. А. Гейма отражает не только живые языковые процессы, но и затрагивает вопросы нормативной фиксации ряда лексем, имеющих вариативное написание и употребление. В Предисловии к словарю, «сочиненному по Словарю Академии Российской», автор, в частности, подчеркивает «отступления» (специфику) в определении значений, стилистической окраски и правописания отдельных слов.

Настоящие изыскания и наблюдения автора доклада следует рассматривать как повод к системному изучению наследия Гейма в области отечественной переводной лексикографии и процессу становления норм литературного русского языка XVIII в.

Интертекстовые связи произведений Н. С. Лескова

Ляпидовская Марина Евгеньевна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный гидрометеорологический университет

Изучение интертекстовых связей в творчестве Н. С. Лескова показывает, насколько значимыми для писателя были произведения русской словесной культуры. Дословный или нет подхват языковых выражений (цитат) создает взаимопересечение текстов Лескова с предшествующими текстами. Подобные интертекстовые связи реализуются посредством интертекстовых единиц, исходных выражений из других текстов, включенных полностью или частично (иногда в трансформированном виде) в содержательную структуру нового текста, где происходит их семантическое, структурное и структурно-семантическое варьирование. С точки зрения лингвистики текста, интересен способ включения интертекстовой единицы в смысловую структуру цитирующего текста, механизм активации «памяти» читателя и запаса его знаний, функции интертекстовых единиц в цитирующем тексте, а также роль интертекстовых единиц в формировании идиостиля Лескова. У Лескова довольно часто встречается свободное цитирование, когда исходный фрагмент текста трансформируется, входя во вторичный текст с изменениями и нарушениями.

Существуют различные мотивы интертекстовых включений. Чаще всего включение интертекстовой единицы актуализировано необходимостью выразить оценочно-ироническое отношение к описываемому персонажу, либо создать комический эффект в тексте.

Реальная или вымышленная ситуация также может стать толчком (мотивирующей базой) для перехода цитаты из претекста в новый текст, где она трансформируется в интертекстовую единицу. Под мотивирующей базой понимается любая ситуация, сюжет, мотив, исторический контекст, послужившие толчком для перехода цитаты из претекста в новый текст. Так, цитата из басни А. И. Крылова «Демьянова уха», которая посвящена неумеренности в чем-либо, появляется у Лескова в сюжете о том, как немец объедается блинами и умирает. Интертекстовое включение может быть актуализировано историческим контекстом, который становится мотивирующей базой для перехода претекста в цитирующий текст, где возможна дальнейшая трансформация цитаты. Например, цитата из басни И. А. Крылова «Крестьянин и Змея» появляется в рассказе «Дух госпожи Жанлис»: «лучшая Змея, / по мне, ни к черту не годится». Басня Крылова «Крестьянин и Змея» имеет историческую почву: она связана с последствиями Отечественной войны 1812 г. А. И. Крылов выступал против приглашения иностранных преподавателей в дворянские семьи. Эти же взгляды разделяет рассказчик Лескова, когда говорит о воспитании молодой княжны, увлеченной французской литературой.

Таким образом, осмысление и анализ «внедрения» «чужих слов» в тексты Н. С. Лескова позволяет выйти за смысловые рамки анализируемого текста, а также глубже осмыслить концептуальное содержание произведений.

Семантика глаголов говорения в контексте сетевой коммуникации

Маринова Елена Вячеславовна,

д. ф. н., профессор

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

1. В XXI в. в художественной прозе все чаще предметом изображения становится сетевой диалог героев, общающихся между собой, подобно современным людям, с помощью различных мессенджеров, соцсетей, по электронной почте и пр.

2. Сетевой диалог персонажей может строиться традиционным способом, т. е. так же, как изображается в литературном произведении устное общение. В предложениях с прямой речью при этом писатели используют разнообразные глаголы говорения, которые, однако, системой языка предназначены для передачи устной, звучащей речи (сказать, спросить, прокричать, прошептать и т. п.).

3. На материале романа Д. Глуховского «Текст» (2017) мы покажем, какие семантические изменения происходят у глаголов говорения, используемых для изображения общения героев с помощью гаджетов. Всего выявлено более 20 глагольных лексем, в семантике которых сема, связанная с собственно говорением, заменяется на сему 'записать сообщение путем набора букв и др. знаков на электронном носителе'. Среди них: выговорить (в ответ), взмолиться, возмутиться, откликнуться, докладывать, перебивать, передразнить, огрызнуться, кричать, вопить, реветь 'кричать', возразить, (безголосо) прошипеть, цыкнуть и др. Напр.: — Пффф, — по-кошачьи фыркнула Нина и пририсовала скобочку: чуть-чуть улыбнулась (фыркнула = набрала на клавиатуре пффф); — А если он воспримет все всерьез и влюбится? — с полуулыбкой спросил Илья (= поставил в сообщении знак вопроса) и т. п.

4. На основе исследования делаются выводы о регулярной трансформации семантики глаголов определенных тематических групп (глаголы говорения, глаголы слухового восприятия речи и др.) в контексте сетевой (письменной) коммуникации.

5. В целом можно сказать, что в языке на современном этапе его развития все поставлено на службу обозначения различных аспектов новой деятельности человека — деятельности в Сети (создание текста, поиск информации, восприятие информации, коммуникация и др.) и отображения этой деятельности в художественной литературе.

Материалы к «Словарю лингвокультурем в поэзии метареализма»

Панчехина Мария Николаевна,

к. ф. н., доцент

Донецкий национальный университет

«Словарь лингвокультурем в поэзии метареализма» представляет собой авторское объяснительное лексикографическое издание. Материалом для него послужили стихотворения поэтов-метареалистов: А. Парщикова, И. Жданова, А. Ерёменко, в творчестве которых представлен широкий спектр комплексных межуровневых единиц — лингвокультурем. Структура словаря включает следующие компоненты: прамбула,

основной корпус, заключающий текст. В преамбуле характеризуется метареализм как направление в искусстве и литературе, описываются этапы его формирования. В основном корпусе содержатся словарные статьи, размещаемые в алфавитном порядке. Например: Жужелка, Лес, Нефть, Степь, Уголь, Холм и др. Заключающий текст включает библиографию и приложения — часто цитируемые тексты. Словарные статьи строятся по следующей схеме. В начале приводится заголовочная единица, или вокабула. Далее дается этимологическая справка, после следует расшифровка лингвокультурологического смысла. Статью завершает иллюстративный материал и дополнительные сведения. Например: УГОЛЬ. Общеслав. Старое *ogľь* < *ongľь* дало уголь после изменения носового *o* в *u* и вокализации *gl' > gol'*, в результате падения конечного редуцированного *ь*. Некоторые ученые считают, что слово родственно *огонь*. В таком случае уголь — суф. производное (суф. *-j-*) от основы *og-* с инфиксальным *n* (*ong-*) и значит — «оставшееся после огня». Твердое горючее вещество органического происхождения, образовано из остатков растений. Обычно глянцевого черного цвета. На территориях, где находятся залежи угля, к данному полезному ископаемому сформировалось особое отношение: уголек, уголечек, черное золото, золото, черный хлеб, хлебушек. Уголь как метафизическое вещество описывается в стихотворениях А. Парщикова. Ср. в «Угольной элегии»: Под этим небом, над этим углем циклон выдувает с сахарным гулом яблоню, тыкву, крыжовник, улей... Программным стихотворением А. Парщикова, посвященным осмыслению образа угля, является текст «Жужелка». Слово, ставшее названием, не было понятно современникам, и автор снабдил его сноской: жужелка — фрагмент шлака. А. Парщиков, окончивший в Донецке среднюю школу, выбирает стилистически маркированную лексему: жужелка — региолектное слово, характеризующее речь жителей Донбасса и малопонятное за его пределами: И сняли свет с нее, как персты, и убедились: парит жужелка между шести направлений, молитв... Лексема жужелка обнаруживает этимологическое родство слов уголь и огонь, отмеченных выше, так как жужелка — это и есть буквально сгоревший уголь, отдавший тепло для растопки печи. Итак, «Словарь» позволит решить сразу несколько задач: он даст представление об особенностях языка метареализма; выделит базовые единицы поэтического высказывания; обозначит культурологическую значимость направления.

Особенности употребления глагола стараться в Уставе военного флота 1797 г.*

Пушкарева Наталия Викторовна,

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«Устав военного флота», разработанный по приказу Павла I вице-президентом Адмиралтейств-коллегии адмиралом Г. Г. Кушелевым, заменил петровский «Устав морской» 1720 г. Текст устава отражает процесс отбора языковых средств для нового жанра регламентирующих документов. В формулировках приказаний интересны глаголы, служащие модальными операторами в императивных конструкциях, в частности,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338].

единица стараться. Этот глагол выделяется оттенками передаваемой семантики обязывания, свидетельствующими о предоставлении адресатам устава определенной свободы действий, хотя и ограниченной некоторыми условиями.

Инфинитив стараться передает в тексте императивную семантику, однако интенсивность выражаемого приказа не так сильна, как при использовании прилагательного должен или глагола надлежит. Выраженное таким образом приказание частично ограждает адресата от обвинений в неподчинении: ... стараться, буде есть такое на рейде место под ветром, что корабль может стать на мель без большого повреждения, управлять корабль и поставить его на оное (С. 260). Отсутствие жесткого требования результатов прослеживается, когда речь идет о действии с не зависящим от усилий моряков исходом: ... во все время стояния Флота у берегов, стараться довольствоваться служителей свежую пищей (С. 254).

Инфинитивы, с которыми сочетается глагол стараться, относятся к разным тематическим группам, многочисленными ожидаемо оказываются группы мореходных и военных терминов, однако объемна и группа слов, связанных с обучением моряков. Глагол стараться встречается в тексте не только в конструкции с инфинитивом, но и входит в сочетания с модальными операторами должен и надлежит, снижая интенсивность выражаемой этими единицами императивности: предводитель десанта должен стараться захватывать языков (С. 145); надлежит стараться доставать с берега свежее мясо (С. 253).

Использование в уставе 1797 г. глагола стараться свидетельствует, с одной стороны, о новом подходе Российского государства к роли морского персонала, с другой стороны, о доверии к уровню профессиональной подготовки флота, ставшего к концу XVIII в. значимым компонентом государственной машины. Кроме того, это косвенно отражает тенденцию к смягчению нравов, выразившуюся в сокращении списка наказаний в новом уставе.

Литература

УСТАВ ВОЕННОГО ФЛОТА по высочайшему повелению государя императора ПАВЛА ПЕРВОГО изданный в 1797 году. Печатан при Типографии Морского Шляхетного Кадетского Корпуса, того же года. 361 с.

Семантика и функционирование модального слова «повинен» в формулах долженствования (на материале военных уставов XVIII в.)*

Садова Татьяна Семеновна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Среди многочисленных средств выражения семантики долженствования в текстах воинских уставов XVIII в. отдельное внимание привлекает устойчивая конструкция «повинен + инфинитив», поскольку, во-первых, она относительно редка, во-вторых, — включает в себя краткую форму страдательного причастия «повинный», имеющего во

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ [проект 20-012-00338].

всех славянских языках (прежде всего, благодаря семантике корня -вин-) глубокий содержательный образ, безусловно повлиявший на историческую судьбу этого сочетания и в русском деловом тексте. К началу XVIII в. в процессе последовательного исторического развития деловой письменности предшествующих эпох русский язык обладал достаточным арсеналом языковых средств для выражения (в широком смысле) деонтической модальности. Поэтому ряд заимствованных (или калькированных) формул с той же коммуникативной функцией не выдерживали конкуренции и уступали место исконно русским, а другие — напротив — активно распространились, внося порой существенные уточнения в директивные формулировки, исходно не обладавшие требуемой «дробной» семантикой, но обусловленные конкретным жанром и конкретной деловой ситуацией.

Иными словами, происходила естественная в таких случаях «специализация» одних средств относительно других в оформлении той или иной семантической стороны широкого функционально-семантического поля долженствования. В докладе рассматриваются особенности функционирования конструкции долженствования «повинен + инфинитив» на примерах ее употребления в воинских уставах времен Петра I и Павла I. По мнению большинства лингвистов, в функции выражения значения долженствования конструкция «повинен + инфинитив» была заимствована из польского языка в начале XVIII в. Однако существуют мнение об исконно русском происхождении этой формулы, имеющей несомненные причины появления в русском деловом тексте для обозначения особой «обязательности», воспринимаемой субъектом в качестве 'нравственной ответственности'. Несмотря на редкую употребительность, обусловленную высокой конкуренцией с другими деонтическими конструкциями, она устойчиво используется в текстах директивной семантики, выполняя определенные прагматические задачи. Исключительно редкое использование формулы «повинен + инфинитив» объясняется несколькими причинами, одна из которых — значительное влияние исходной семантики 'личной ответственности' слова «повинен», которая не вполне совпадает со строго прагматическим значением 'обязан, должен', столь актуальным для XVIII в.

В итоге уже к началу XIX в. формула «повинен + инфинитив» вытесняется из употребления другими модальными структурами того же значения.

Параметрические имена «число» и «количество» как главные средства обозначения безразмерной величины

Семенова Софья Юльевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН, РГГУ

Начиная с 1970-х гг. параметрическая лексика разных частей речи служит объектом теоретических исследований — семантико-синтаксических, логических, когнитивных. Актуален прикладной аспект: учет свойств такой лексики, ее контекстного окружения важен для задач компьютерной лингвистики, прежде всего для извлечения информации.

В классе параметрических существительных выделяется ряд тематических подклассов — величины пространственные (высота, объем), энергетические (темпера-

тура, мощность) и др. Значение подобных величин обычно выражается при помощи числа и названия единицы измерения. Наличие конкретного физического смысла (и часто «своей» единицы измерения) в существенной мере влияет на понимание величины именно как параметра (т. е. частного признака, аспекта) некоторого объекта, характеризуемого по этому признаку (например, объектом является референт слова мачта в выражении высота мачты 10 метров). Таким пониманием роли, выполняемой величиной, мотивируется сам терминологический элемент «параметрический», ставший традиционным в отечественной лексической семантике.

К именам параметров относят также наименования безразмерных, «общеколичественных» величин, среди которых доминантными являются слова число и количество; именно они будут рассматриваться в работе. Цель работы — сопоставительный анализ имен число и количество, с опорой на материалы НКРЯ, отражающие современный дискурс.

Принадлежность имен величин (конкретных и общеколичественных) к классу параметров подтверждается синтаксическим критерием, предложенным Е. В. Падушевой — эти имена способны употребляться в позиции прямого дополнения при ряде глаголов получения / передачи информации — определить, вычислить, указать и нек. др.: определить высоту мачты, указать количество студентов и т. п. На семантическом уровне у имен число и количество отмечается периферийное отношение между их референтами и объектом: строго говоря, референты не являются параметрами, т. е. частными признаками своих объектов: количество студентов в группе не является «параметром студента», в отличие от высоты, которая является параметром мачты; объектом для слова количество здесь выступает множество, на которое указывает грамматическое число. В контекстах типа количество зерна количество концептуализируется, скорее, как квантор, а не параметр.

Доминирование имен число и количество среди общеколичественных слов подтверждается статистически; их частотность по словарю О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова составляет, соответственно, 393.5 и 206.7 ipm (против 58.6 ipm у ближайшего «конкурента» — слова величина).

Исконное слово число является более продуктивным (по полисемии, словообразовательным связям, фразеологии), чем заимствованное из старославянского обозначение количества. Для обоих слов можно предложить некоторое перераспределение лексем.

К вопросу о грамматическом статусе конструкций с местоименным наречием как

Синелева Анастасия Васильевна,

д. ф. н., профессор

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

В современной публицистической речи очень активно функционируют конструкции с местоименным наречием как: как указывалось (указывается), как говорятся (говорят), как известно, как оказалось (оказывается), как считается (считают), как принято и др., которые в большинстве случаев относят к осложнениям простого предложения — вводным предложениям, однако анализ подобных построений на материале неучебных текстов в вузовской практике изучения синтаксиса вызывает определенные трудности.

В Грамматике русского языка 1954 г. (М., 1954) отмечается двойственное положение подобных конструкций: их относят как к присоединительным, так и к вводным предложениям, однако подробно они анализируются в аспекте осложнения простого предложения. В Грамматике русского языка 1980 г. (М., 1980) отдельно не выделяются придаточные присоединительные, а построения со словом как отнесены к вводным предложениям, указывающим источник сообщения или автора речи. В. В. Бабайцева, рассматривая присоединительные придаточные, говорит о наиболее употребительных видах, сближающихся с фразеологическими оборотами: с чем вас и поздравляю, как и следовало ожидать и др., не рассматривая отдельно построения с союзным словом как (В. В. Бабайцева «Синтаксис русского языка», М., 2015).

Очевидно, что конструкции с местоименным наречием как сближает с вводными предложениями то, что они могут быть легко изъяты из предложения без нарушения структурных связей, хотя при этом, конечно, изменяется модальная характеристика предложения. Если говорить о семантике, то теряется такая информация — дополнительная, как источник сообщения. С другой стороны, у вводных предложений отсутствуют формальные средства связи с предложением, в которое они включены, тогда как местоименное наречие как, которое выступает в качестве средства связи и в большинстве случаев может быть заменено другим наречием, позволяет рассматривать данные конструкции как придаточные присоединительные.

Вероятно, полностью убрать синкретизм в подобных конструкциях не получится: разная степень акцента, падающего на местоименное наречие как, трудность разграничения союза как и союзного слова как, не абсолютная возможность замены союзного слова как другим наречием без структурных изменений, в частности, восстановления неполноты предложения, и др. Однако если говорить о структурно-семантической классификации сложных предложений, то, при наличии определенных критериев, конструкции, обладающие самостоятельной предикативностью и структурной оформленностью, выражающейся, в первую очередь, в заполненности необходимых синтаксических позиций с учетом степени лексической полнозначности глагола-сказуемого, представляется более логичным относить подобные построения к присоединительным придаточным предложениям.

«Словарь редкой лексики по произведениям школьной программы»: концепция и реализация

Степихов Антон Анатольевич,

к.ф.н. старший научный сотрудник

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Генералова Елена Владимировна,

к. ф. н. научный сотрудник

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В ситуации системного кризиса читательской культуры, особенно остро ощущаемого в школьном образовании, актуальной задачей является развитие культуры чтения художественного текста. Большинство произведений школьной программы по литературе создавалось более 100 лет назад, что затрудняет их понимание современными читателями. Даже тексты 2-й половины XX в. даются учащимся с трудом. Облегчить

задачу понимания художественного текста и повысить эффективность обучения призван «Словарь редкой лексики по произведениям школьной программы» (далее — Словарь), создаваемый нами на основе принципов учебной лексикографии. Базой для Словаря стал корпус текстов, формирующий основной перечень произведений школьной программы по литературе (по ФГОС). На первом этапе работы над Словарем осуществляется составление толкований низкочастотных существительных (> 3100), относящихся к разным лексико-семантическим группам. Словарь знакомит учащихся с широким пластом редкой лексики, поэтому включает в себя разнообразные низкочастотные лексемы разной частеречной принадлежности. Кроме того, наряду с нарицательными именами существительными описываются и малочастотные онимы (имена мифологических персонажей, топонимы и другие имена собственные); подробно толкуются в Словаре и авторские окказионализмы.

Такой подход способствует освоению широкого пласта малоизвестных лексических единиц и развитию культуры чтения художественного текста. При создании Словаря используется инструментарий корпусной лингвистики, что позволяет и маркировать в статье специальным знаком именно то значение лексемы, которое присуще ей в произведениях русской классики, и охарактеризовать семантику лексемы в целом в системе языка. Словарная статья сочетает в себе лингвистическую и энциклопедическую информацию. Во-первых, каждое слово семантизируется, приводится его фонетическая, грамматическая, стилистическая характеристики, а также краткая этимология. Во-вторых, целью лексикографической интерпретации является создание образа описываемой реалии в воображении читателя: для этого используются развернутые толкования, различные пояснения, в том числе лингвокультурологического характера. При необходимости статья снабжается кратким историческим или литературоведческим комментарием, позволяющим лучше понять содержание определенного фрагмента текста или авторскую интенцию. В дальнейшем планируется снабдить Словарь изображениями, иллюстрирующими содержание словарных статей. В статью включаются пословицы и поговорки, фразеологические и терминологические сочетания, содержащие толкуемое слово. Представляется, что Словарь будет способствовать повышению мотивации к чтению у учащихся, усилению межпредметных связей в школьном образовании, углублению знаний об отечественной и мировой истории и расширению читательского кругозора.

Семантика сложносокращенного слова и особенности ее лексикографирования

Теркулов Вячеслав Исаевич,

д. ф. н., профессор

Донецкий национальный университет

В исследовании рассматриваются особенности семантики сложносокращенных апеллятивов, то есть нарицательных слов, включающих в свой состав неинициальный абброконструкт — как в динамическом, так и в статическом состоянии. Рассматривается также лексикографический аспект проблемы, т. е. принципы описания семантики сложносокращенных апеллятивов в словарях, причем как современных, так и исторических. Главным условием для универбализации словосочетания в слово признается идиоматизированность значения этого словосочетания, то есть невыводимость

его значения из значений входящих в него лексем, а также наличие в языке абброконструкта, способного заменить компонент /компоненты этого словосочетания при трансформации его в слово. Например, словосочетание «детский дом» обозначает не просто «дом детей» или «дом для детей», а имеет идиоматизированное значение «воспитательное учреждение для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения». В языке есть устоявшийся абброконструкт дет-, который регулярно используется для замены слова «детский» при универбализации (детский комбинат — деткомбинат, детская площадка — детплощадка и т. п.). Этот языковой факт в конечном итоге позволяет трансформировать словосочетание «детский дом» в слово «детдом». Идиоматизированность значения словосочетания закрепляется в значении аббревиатуры, что требует при лексикографировании не просто приведения ее дискретного эквивалента, но полноценного описания его идиоматизированного значения. Кроме того, в языке обнаруживается явление псевдоунивербализации, то есть параллельного развертывания слова во вторичные словосочетания, которые осуществляют параллельную эквивалентностную интерпретацию значения аббревиатуры. Например, слово «автотовары» помимо эквивалента «автомобильные товары» имеет вторичные эквиваленты, уточняющие значение аббревиатуры: товары для автомобиля (те, которые используются в автомобиле), товары для автолюбителей (те, которые предназначены для автолюбителей) и т. п. В словарных статьях «Словаря сложносокращенных слов» должны быть приведены все регулярные эквиваленты сложносокращенного слова, отмечаемые на актуальном срезе языка.

Семантическое поле как единица лексической системы и структурные слова

Ткачева Ирина Олеговна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Семантическое поле — это одна из нескольких тем научного проекта, целью которого является описание современного русского языка в его основных лексических категориях и функциональных разновидностях на материале «Словаря русского языка XXI в.», работа над которым ведется в РГПУ им. А. И. Герцена под руководством д. ф. н., проф. Г. Н. Скляревской.

Словарь отличается от других лексикографических изданий по целому ряду характеристик и поэтому может использоваться в качестве полноценной эмпирической базы для разностороннего исследования современного русского языка. Задача описания категории семантического поля на материале толкового словаря общего типа уже на начальном этапе работы требует решения ряда проблем: каким образом проводить такое исследование и по какому принципу отбирать из словаря материал, если мы хотим выйти за рамки построения одного произвольно выбранного семантического поля. Очевидно, что рассмотреть весь корпус словаря по объективным причинам невозможно (на данный момент словарь включает более 90 тысяч уже разработанных словарных статей), поэтому, вероятно, придется взять за основу определенный минимальный словник, при этом важно определить состав этого словника, в первую оче-

редь частеречный. Если предположить, что весь массив словаря можно распределить по семантическим полям, возникает вопрос, какое место в этой системе семантических полей занимают так называемые структурные слова (в терминологии В. В. Морковкина) — предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения и числительные. Ответ на этот вопрос совершенно не очевиден, поскольку идея членности лексической системы языка на множество семантических полей на практике пока не подтверждена, а представленность разных частей речи в семантических полях в большинстве научных работ (за редкими исключениями) ограничивается существительными, прилагательными, глаголами и наречиями; могут ли другие части речи входить в состав семантических полей, при этом не оговаривается. В некоторых работах можно найти примеры включения временных союзов в семантическое поле «Время» или звукоподражательных междометий в семантическое поле «Звук», но эти разрозненные материалы не дают целостного представления о месте всех структурных слов в системе семантических полей. Таким образом, заявленная проблема требует прицельного рассмотрения. Поскольку одним из главных признаков семантического поля является наличие общего семантического компонента у всех единиц поля, решение вопроса о вхождении структурных слов в те или иные семантические поля зависит от того, признаем ли мы наличие семантики у таких лексем.

---

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00122.

Двойственность сложных слов: словообразовательная и морфемная трактовки

Тяньжуй Ян,

аспирант

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Наличие вариантов мотивирующих словосочетаний для сложных слов сказывается на возможности различной интерпретации их происхождения. Например, значение сложного слова зерносклад может быть выражено несколькими словосочетаниями: 1) зерновой склад; 2) склад зерна; 3) складывать зерно. Если мы считаем, что зерносклад произведено от словосочетания зерновой склад, то оно образовано с помощью аббревиации, если произведено от словосочетания склад зерна или складывать зерно, оно должно быть образовано с помощью сложения.

Сложные слова, которые могут трактоваться и как аббревиатурный конструкт, и как композитный конструкт, называют гибридными (мутантными) конструктами [Теркулов; Рязанова и др.].

Общая характеристика двойственности трактовки сложных слов состоит в дешифровке сложных слов по разным типовым моделям. Для определения исходного (мотивирующего) словосочетания существует несколько способов. Назовем их:

1. Использование текстовых эквивалентов. Сложные слова в одном тексте могут замещаться словосочетаниями в другом тексте. Например, для конструкта «экосистема» найдено 73 текстовых примера экологическая система [1]. При этом примеры словосочетания система экологии отсутствуют. Следовательно, конструкт экосистема является аббревиатурным конструктом.

2. Использование хронологической методики. В этом случае слово должно соответствовать более чем одному словосочетанию. В таком случае можно подтвердить последовательность появления словосочетания по данным Google Books Ngram Viewer. Например, словосочетание спортивные товары появилось в 1921 г., а товары для спорта было зафиксировано в 1960 г.

3. Использование семантической методики. Этим способом проверяется тождественность словосочетания значениям его компонентов. Например, конструкт зерносклад не предполагает исходного словосочетания *зерно склада (нет примеров). Вместо этого имеется словосочетание зерновой склад (4 документа, 4 вхождения). Словосочетание зерно склада означает 'содержимое склада', а словосочетание зерновой склад — 'продуктовый склад'.

4. Использование частотности употребления. Этим способом определяется частотность словосочетания. Например, для слова биочасы: словосочетание биологические часы найдено 50 документов, 105 вхождений, а часы биологии или часы, используемые в биологии — нет примеров.

Литература

Поиск и атрибуция материалов исследования осуществляются на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Тематическая подгруппа терминов «Бионанотехнология» в терминосистеме биомедицинской инженерии: лингвистические особенности в русском языке на фоне китайского и английского

Чжао Цихан,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологическая лексикография является одним из важных направлений современной лексикографии. Учебные терминологические словари чаще представлены двуязычными (иностранно-родными), они в настоящее время становятся предметом серьезного исследования во всем мире, ибо они помогают развитию науки, международному обмену научно-технической информацией, обучению иностранным языкам и переводу. Наше исследование посвящено описанию системных отношений в тематической подгруппе терминов «Бионанотехнология» как фрагменте терминосистемы биомедицинской инженерии; выявлению лингвистических особенностей данных терминов; кроме того, нашей целью является составление фрагмента русско-англо-китайского словаря терминов биомедицинской инженерии. В основу исследования положены 19 терминов, входящих в тематическую подгруппу «Бионанотехнология», они разделены нами на четыре лексико-семантические группы: 1) термины, обозначающие научные направления: нанотехнология, бионанотехнология, биочиповая технология, наномедицина, материаловедение; 2) термины, обозначающие устройства/приборы/детали приборов: наносенсор, наноробот, бионаноэлектрод, биочип, зондовый микроскоп (последний термин, в свою очередь, дифференцирован: сканирующий туннельный микроскоп и атомно-силовой микроскоп); 3) термины, обозначающие способы постановки диагноза/лечения: молекулярная диагностика, генотерапия, нанолечение; 4) термины, обозначающие виды материала: биоматериал, пьезоэлектрический материал и пьезокерамический материал. Лингвистической особенностью данной группы является то, что 11 из однословных терминов (57,9%) включают в свой состав части био- или нано-. Однокомпонентные термины являются наиболее частотными в этой тематической группе (63,1%), затем следуют двухкомпонентные наименования (42,1%), отмечен 1 трехкомпонентный термин (5,3%). Обнаруживается вариативность в 5 терминах (26,3%). Все элементы данной группы имеют свои аналоги в китайском и в английском языке. При сопоставлении с китайской терминологией все термины структурно не совпадают при полном семантическом совпадении, а при сопоставлении с английской терминологией 18 из 19 (94,7%) терминов полностью совпадают друг с другом и структурно, и семантически, лишь один термин (материаловедение англ.: material science) характеризуется структурным несовпадением при полном совпадении семантическом. Результатом анализа стала разработка структуры словарной статьи, в которой содержатся такие компоненты, как собственно термин в трех языках, толкование (перевод) его составляющих элементов, его синтагматическая сочетаемость, значение в трех языках, примеры употребления и некоторые другие характеристики при необходимости, такие, как грамматические пометы. Написаны пробные статьи для трехязычного терминологического словаря.

Русская диалектология

Мир детства в традиционной культуре и народной речи (новый библиографический указатель)*

Большакова Наталья Валентиновна,

к. ф. н., доцент

Псковский государственный университет

Историография изучаемой проблемы — необходимая часть научного исследования. Данная работа посвящена обобщению, систематизации и анализу этнографических, фольклорных, лингвистических, краеведческих материалов XIX–XXI вв. по теме детства в традиционной восточнославянской культуре. Формой представления данных является библиографический указатель опубликованных монографий, диссертаций, статей, словарей. Поскольку издание осуществляется в рамках совместного российско-белорусского научного проекта по субкультуре детства, то новый библиографический указатель ограничен объемом материалов, опубликованных на русском и белорусском языках.

Общий корпус библиографии (с учетом новейших публикаций и Интернет-ресурсов) содержит более 800 наименований. По своей структуре указатель относится к разряду систематических, т. е. весь корпус литературы организован в нем по тематическому принципу. В указателе, кроме раздела «Общие вопросы», представлены рубрики: «Народная педагогика и традиции воспитания», «Дети в обрядовой жизни», «Дети в системе народной медицины», «Быт детей и система жизнеобеспечения; социализация детей», «Детский фольклор; игры и забавы», а также «Языковая репрезентация образа ребенка и концептов, отражающих картину мира детства». В отдельную рубрику выделены специальные словари и энциклопедии по детству. Тематический подход к группировке публикаций в указателе позволил выявить главные смысловые фокусы темы детства. Несмотря на относительно автономный характер субкультуры детства, она не замкнута в самой себе, а глубоко интегрирована в различные области социальной жизни. Дети с самого рождения вовлечены в обрядовую жизнь традиционного социума. В непосредственной связи с темой детства находятся вопросы воспитания, формирования у человека культурных норм и стереотипов, нравственных ценностей. Мир детей и мир взрослых образуют дихотомию дистантных и одновременно взаимопроникающих сущностей, связанных в первую очередь с идеей выживания и самосохранения общества.

Лексика детства, благодаря ее открытому характеру, отражает связи с различными фрагментами лексико-семантической системы диалекта. На когнитивном

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX — начала XXI века».

уровне тема детства получает интерпретацию образа ребенка в сознании носителя традиционной культуры. Концепты ребенка, детства в целом раскрывают полноту общей картины мира человека традиционной культуры.

Таким образом, тематический диапазон и количественный состав исследований отражают феноменальность и научную актуальность самого понятия детства, а степень заполненности того или иного раздела указывает на различный уровень проработанности аспектов общей темы и, соответственно, на перспективы дальнейшего изучения.

Общерусское и диалектное в региональном словаре полного типа

Васильева Ольга Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Работа по составлению Псковского областного словаря постоянно доказывает, что общерусское в говорах регулярно обрастает диалектными особенностями. Это проявляется как в семантике отдельных лексем, так и на уровне словообразования. В 27 и 28 выпусках ПОС представлено более тысячи слов с префиксом под-, из которых рассмотрим глаголы. БАС-3 дает 8 его значений, и все они есть в псковских говорах: 1 значение направленности действия вверх — в глаголах подбрасывать, подвысить, 2 направленности действия в сторону нижней части подвязать, подгибывать, 3. приближения чему-л. подбегать, подволочь, 4 добавления чего-л. подбалтывать совершения действия полную силу подбаливать, 6 совершения дополнительного действия — подваривать, 7 совершения действия тайком — подбрасывать, 8 совершения действия как подлаивать. Вместе с тем есть глаголы, в которых приставка подбивать обладает другими значениями (ударами делать более плотным), (размешивая, взбивать), 9 (наносить повреждения, стирать кожу на чем-н.); глагол подбежать имеет не только значение приблизиться бегом, но и двинуться бегом, а также понизиться уровнем (о воде); подбиться (испытать недостаток чем-н.), (справиться чем-н.), подплыть имеет не только значение плывя, приблизиться, но и оказаться затопленным, а также пропитаться водой; подреячиться — придать себе вид более молодого человека и т. д. Приставка под- может выражать значение начала действия (подганить — начать громко петь, подкурить — начать курить) и результата (подглодать — обгрызть, подгулять — жениться, подлакать — вылакать). Префикс под- может быть синонимичен отдельным общерусским значениям приставок: при- (пододеться), на- (подоврать), пере- (подзимовать), раз- (подвеселиться), по- (подгуливать), у- (подвидеть), пре- (подзирать), от- (подкашлять), из- (подловчиться), с- (поднюхаться), про- (подсэять). Иногда, вследствие того, что приставка под- может выражать противоположные значения, глаголы с ней обладают энантиосемией: подлезть 2 спуститься куда-н. и 3 забраться наверх; подобрать 6 взять с собой и 12 выжить откуда-н. В некоторых глаголах установить значение префикса под- затруднительно (подблюдать — экономно расходовать), в других приставка асемантична (подвернуться 5 — вернуться, подвыспаться — выспаться, подвыстоять — отстоять, подкупить — купить, подобуть — обуть). Приставка под- может сочетаться в псковских глаголах с другими префиксами (подвыбить, поддобраться, подзабавиться, подзлеститься,

поднаб́рать, подобв́язать, подотойт́и, подпойт́и, подпривы́кнуть, подразвал́иться, подскоп́ить, подупа́сть), что характерно в целом для диалектного словообразования.

К вопросу о выделении в структуре значения эмотива компонента 'уместность проявления эмоции вовне' (на примере эмотивной лексики говоров Тюменской области)

Ветошкина Мария Александровна,

аспирант

Тюменский государственный университет

Лексика говоров Западной Сибири исследуется на протяжении более чем шестидесяти лет, однако системное описание эмотивной лексики не проводилось. В настоящее время мы предпринимаем попытку реконструировать и представить лексико-семантическое поле «Эмотивный лексикон» носителя говоров юга Тюменской области. В процессе анализа контекстов употребления лексических единиц мы пришли к выводу о необходимости вычленения в структуре эмотива семы 'уместность проявления эмоции вовне'. Человек как существо не только биологическое, но и социальное, стремится контролировать процесс проявления эмоций, руководствуясь нормами, существующими в обществе. Даже позитивные эмоции могут оцениваться негативно с точки зрения уместности и силы их проявления. На примере глагола *базанить* — громко кричать, петь, тревожа окружающих (Вон сосед базанит, како-то веселье у их) (Н.-Тавд.) — можно проследить, как компонент значения 'неуместность проявления эмоции вовне' становится определяющим в структуре эмотива, нивелируя позитивную оценку, актуализируемую семой 'положительные эмоции' и меняя оценочность на отрицательную.

В случае, когда в языке способ проявления эмоций становится характеристикой личности, данный компонент значения также выходит на первый план и становится основным, что ярко проявляется в семантике лексики «бахало» — невыдержанный человек: «Бахало и езь бахало, я сижу с соседкой разговариваю, а он: «Хватид болтать», мне-ка неудобно за ево стало» (Н.-Тавд.). Наконец, неуместность проявления эмоций в народном сознании выражается не только в том, что они демонстрируются неподобающим способом, но и в том, что сами по себе переживания и чувства, если их не контролировать, приводят к нежелательным последствиям и мешают общему делу. Существует специальное обозначение для такого эмоционального человека — *брындюха, брындастой* от глагола *брындить* — отказываться от запланированного дела под влиянием эмоций, без причины (Мужыг брындюха оказался, утром рыбачить собиралса, а я ево только што видела — з бутылкой идет; Не брынди, не бросай игру-ту) (Н.-Тавд.); *Бросит упеть карты и не доиграет. Брындастой дак* (Скл, Упор.)).

Таким образом, мы пришли к выводу, что при анализе семантики диалектного эмотива следует выделять сему 'уместность проявления эмоции вовне' и классифицировать лексические единицы с учетом данного компонента.

Концепт «Документ» в говорах Среднего Приобья*

Земичева Светлана Сергеевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Томский государственный университет

В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы диалектологии исследуется проблема трансформации диалектного дискурса на примере одного из новых концептов. Основным источником исследования — диалектный корпус одного региона, включающий материалы, собранные с 1947 по 2019 гг. Проанализировано 128 текстовых фрагментов общим объемом более 20 000 слов, относящихся к теме «Документы». Установлено, что доля текстов корпуса, включающих данный тематический фрагмент, возрастает с каждым десятилетием и связана также с уровнем образования информантов. На основе анализа текстов показана специфика понятия «Документ» в речи представителей народно-речевой культуры.

В качестве методологической основы настоящей работы взята теория «слоистой» структуры концепта В. И. Карасика, согласно которой сначала анализируется понятийный слой концепта, затем — образно-ассоциативный и ценностный [Карасик 2002: 107]. В понятийном слое концепта выделяются признаки 'нечто новое', 'нечто непонятное', 'атрибут грамотных людей', 'средство обмана', 'нечто, требующее хлопот', 'проявление уважения', 'служит подтверждением слов'; такие смыслы, как 'фиксирует истину', 'закрепляет права' упоминаются реже, хотя в словарном и энциклопедическом представлении концепта именно они занимают центральное положение.

Образно-ассоциативный слой концепта «Документ» в диалектной коммуникации практически не актуализируется, что может быть обусловлено его новизной.

Проведенный анализ позволяет уточнить выводы, сделанные в работе М. В. Слаутиной [Слаутина]. Подтверждается наблюдение об амбивалентности концепта. При этом в диалектной речи негативная оценка более дифференцирована: она связана с понятиями бюрократии (хлопотать), восприятия документа как чего-то несерьезного (бумажка), возможностью манипуляции и обмана со стороны более грамотных людей (нахимичить), а также государства (облигация). Положительные коннотации связаны с представлением о документе как проявлении уважения к конкретному человеку со стороны руководства, государства и общества (благодарность, грамота, похвальный лист).

Литература

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Слаутина М. В. Лексическая категория «Документ» в когнитивном аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 1. С. 82–86.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

Образы волка и змеи в донских диалектных фитонимах

Карпун Мария Александровна,

старший преподаватель

Южный федеральный университет

Фитонимы, образованные от названий животных, занимают особое место среди донского диалектного гербария. К рассмотрению названий растений, мотивированных зоонимами, в разных языках исследователи обращаются регулярно. На славянском материале наиболее полным является исследование В.Б. Колосовой. Однако на собственном донском материале эта тема разработана недостаточно, этим обусловлена новизна темы.

Актуальность рассмотрения отражения образов волка и змеи в названиях растений связана с выявлением культуроспецифических особенностей восприятия этих существ в донской традиции. Так, например, волк в русской культуре воспринимается как хищник, т.е. оценивается негативно, выступает в качестве образа, с помощью которого характеризуются вредоносные, опасные сущности, предметы, явления. В донских говорах фитонимы, отражающие этот образ, актуализируют такое значение, например, в наименованиях опасных или вредных для человека растений: волчок 'растение-паразит Заразиха Мутеля' *Orobanche brassicae*, ~ бирючья ягода 'волчегодник'. Волчьи ягоды — собирательное народное название ряда растений, плоды которых окрашены в черный или красный цвет и имеют токсические или раздражающие свойства. Как видно из приведенных примеров, в качестве обозначения хищника используются и литературные лексемы, и собственно диалектные обозначения. Однако семантика образа волка в донских диалектных фитонимах этим не исчерпывается. Часть названий растений, мотивированных лексемой волк, актуализирует сходство некоторых черт внешнего вида, игнорируя сему 'вредоносный'. Например, диалектное наименование крушины, не являющейся вредоносным растением, наоборот, используется в лечебных целях, 'Ligustrum vulgare' бирючина базируется на сопоставлении цвета коры кустарника и серой шерсти животного.

Образ змеи в донских диалектных фитонимах представлен как литературными лексемами, например, ~змеиная трава 'трясунка средняя', так и собственно диалектными, например, ~сапйные (сапичьи) цветы 'степное растение с белыми цветами' (сапа — донское диалектное название змеи). Змея воспринимается как вредоносное, опасное существо, что отразилось в создании фитонимов, называющих ядовитые грибы: ~змеиный гриб 'несъедобный, поганка', ~сапйный (сапин) гриб 'гриб-поганка'.

С другой стороны, фитонимы ~змеиный цветок, ~гадючье молоко 'одуванчик', ~сапйный (сапичий) лук 'растение гусиный лук полевой, гусятник' не имеют отрицательных коннотаций, эти растения не приносят столь сильного вреда, как упомянутые выше, мотивация в данном случае основана на обозначении бесполезных в домашнем хозяйстве растений, т.е. обыгрывается принадлежность змеи к диким, не одомашненным животным, а не ее вредоносность.

Семантико-когнитивный подход к исследованию понятия быстроты в диалектной речи

Мартынова Надежда Алексеевна,

младший научный сотрудник
Псковский государственный университет

Быстрота как важный ориентир в языковой картине мира образует семантическое пространство, которое объединяет номинации, базирующиеся на принципе антропоцентричности, что обусловлено прежде всего значимостью отражения внеязыковой действительности субъектом познания. Особенностью репрезентации понятия быстроты является его атрибутивный характер. С этой точки зрения в работе на диалектном материале исследуются качественное прилагательное *быстрый* и оппозитивное ему слово *медленный*, являющиеся целостным элементом адъективного ряда. Применение семантико-когнитивного подхода позволяет отразить избирательность человека к номинациям языка и, следовательно, к происходящим событиям в окружающем мире, его предметам, действиям, атрибутам.

Областями актуализации множества признаков с семантикой *‘быстрый’* и *‘медленный’* в результате анализа языкового материала как отражения воспринимаемой действительности является сам человек с его характеристиками, а также предметный мир человека, мир живой природы. Доминирующий в культуре и языке признак с семантикой *‘быстрый’*, характеризующий человека, отражает быстроту его действий, движений, физическую сноровку, активную мыслительную деятельность и др. Анализ показал, что осуществление какой-либо деятельности с высокой скоростью предусматривает меньшую протяженность во времени, чем обеспечивается своевременность ее выполнения, что важно в аспекте народного календаря — своеобразного ориентира в жизнедеятельности человека.

Корреляция быстроты и времени обеспечивает своевременность и последовательную смену видов деятельности, обусловленную не только народным календарем, но и ежедневными бытовыми потребностями, важными для носителя языка. Окружающий мир, характеризующийся различными формами движения, также оценивается человеком с прагматической стороны: благодаря накопленному жизненному опыту человек имеет представление о том, как применять быстроту в своих целях или, наоборот, ограничивать себя от чрезмерной степени ее проявления. Признак с семантикой *‘быстрый’* чаще всего получает положительную оценку в традиционном укладе сельских жителей, если совершение действий с высокой скоростью не имеет негативного результата и не влияет на качество итога целенаправленной деятельности человека.

Лексика мордовского происхождения в русских говорах Симбирского Заволжья

Мызникова Янина Валерьевна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование базируется на материалах, собранных в ходе диалектологических экспедиций в левобережные районы Ульяновской области. Вторичный характер русских го-

воров некоренной для них территории Симбирского Заволжья обусловил ряд особенностей лексической сферы этих говоров. В первую очередь, это наличие неисконных лексических элементов. Симбирское Заволжье является регионом длительных контактов разных по языку, культуре и религии народов: финно-угров, тюрков и славян. Исследователи пишут о многовековых взаимосвязях, которые привели к формированию у этих народов общего регионального слоя культуры, охватившего хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. Наибольшей унификации подверглась хозяйственно-бытовая сфера живущих бок о бок этнических групп населения, так как именно эта сфера связана с природно-географическими условиями существования этноса.

Выгонный характер содержания животных в теплое время года обусловил разнообразие соответствующей лексики. Зафиксированы различные наименования отгороженного места, где скот отдыхал во время выгона, где был водопой, где доили коров. Лексема *калда* (и вариант *карда*) является весьма употребительной в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках. Вопрос о ее этимологии поднимался неоднократно и однозначного решения не имеет. Вариативность фонетического оформления и оттенков значения в русских говорах подтверждает ее заимствованный характер. Пастбища, а особенно летние загоны, старались устраивать рядом с водоемом. У мордвы есть особое наименование для такого водоема — *ловсэ-эрьке* ‘небольшой естественный или искусственный водоем, к которому пригоняли коров на дойку’. Многие традиции этих мест, в частности «молочные озера», давно не являются национальными, стали общими для всех.

Заимствования из мордовских языков в русских говорах Симбирского Заволжья встречаются в хозяйственной сфере (лексема *ка́лки* ‘костра, кострика’, ср. морд. *калга* ‘костра — отбросы льна, конопля после трепания и чесания’), в составе лексики ландшафта (мар ‘холм, курган’, ср. морд. мар ‘холм, отдельная вершина, курган’). Лексема *курмыш* зафиксирована в значениях ‘ряд изб, одна сторона улицы, один конец села’, может быть сопоставлена с данными мордовского мокша языка: *кура* — диал. ‘часть улицы, улочка’; *курмыш* ‘отдельно стоящая группа домов’. Лексема *кулы́снутья* ‘упасть’, а также фразеологизм *кулы́с кувьрки*, обозначающий внезапную смерть, можно сопоставить с морд. *эрзя куломс* ‘умереть’, *кулозь* ‘мертвый’, *кулы* ‘мертвый’.

В русских говорах Симбирского Заволжья этнокультурное взаимодействие в наибольшей степени проявляется в лексической сфере, где отмечается значительное число заимствований, преимущественно в тематической группе скотоводства.

Обряды и суеверия, связанные с детьми, в говорах Среднего Приобья*

Угрюмова Мария Михайловна,

к. ф. н., доцент

Томский государственный университет

Исследование диалектной языковой картины мира, изучение наивного языкового сознания невозможно без обращения к лексике обрядов и суеверий. Суеверные пред-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья» (проект № 19-78-10015).

ставления сопровождали человека на протяжении всей его жизни, регламентировали разные ее стороны — быт, трудовую деятельность, семейные взаимоотношения. Объектом исследования является языковая репрезентация представлений об обрядах и суевериях, связанных с детьми, в говорах Среднего Приобья.

Материалом исследования послужили тексты, извлеченные из Томского диалектного корпуса, а также материалы томских диалектных словарей.

Значительный массив исследуемой лексики связан с обрядом крещения, который вводит младенца в мир крестьянской общины: воспринять / воспринимать 'принимать во время обряда крещения, становясь крестной матерью или крестным отцом', хрестный / хрестная, купеля, купелья, купельня, купальня, купелька 'сосуд, в котором крестят ребенка; купель', лёля, лёлька 'крестная мать, крестный отец', хресьбины, хресьбины 'обряд крещения' и др. Диалектный архив содержит значительное количество текстов, подробно описывающих процедуру крещения. Была там купель железная, окурну'т три раза с головкой в воду, а батюшка чита'т да чита'т (Шег. М.-Баб.).

С крестильным обрядом связан и ряд суеверных представлений, выходящих за рамки православного канона и воплощающих народную магию: С це'ркви приедут, шубу вверх ше'рсту поло'жат и приговаривают: «Мой хре'стник как был под крестом, так чтоб стал под венцом. И как эта шуба косма'та, так был бы мой хре'стник богатый» (Шег. Карг.).

Другая группа лексики называет детские болезни и недуги, вызванные злым духом или сглазом: грыжа, испуг / спуг, крик / крикса 'детская болезнь, вызванная злым духом и сопровождающаяся раздражительностью и плаксивостью', младенец / младенский / младенчик / молоденчески, дергач 'эпилепсия', родимец / родимчик, урок 'сглаз, порча'. К этой же группе относятся единицы, называющие процесс наведения порчи: изурочить, сурочить, урочивать, сглаживать. Суеверные представления о детях реализуются и в жанре народной приметы (например, в предсказаниях пола будущего ребенка): А еще есь примета. Садятся, на пол садят. Ну, садись на пол. Сел на пол. — Теперь вставай. Встаешь, если, значит, на, с правой стороны, то будет девочка, если с левой стороны, то мальчик (Пар. Пар.). «Детские» обряды и суеверия в исследуемом материале репрезентируются различными способами (в жанре народной приметы, заговора, бытового рассказа, в словах разных лексико-семантических групп), являясь важным фрагментом традиционной народной культуры.

Стилистика

От Нерона до диктатора земли: структура драматического описания тоталитарного устройства государства (трагедия Брюсова «Диктатор» и пьеса Кузмина «Смерть Нерона»)

Гик Анна Владимировна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Пьесы «Диктатор», 1921, Брюсова и «Смерть Нерона», 1928, написанные по горячим следам актуальной политической жизни России, поднимают важные философские и психологические вопросы соотношения личной жизни и общественных действий. Как организовать счастье на земле? Можно ли быть счастливым, когда большинство страдает, умирает от голода? Можно ли насильно облагодетельствовать человечество? Как связана судьба одного человека и жизнь всей страны? Что такое любовь и верность? Время действия трагедии Брюсова — сцены из будущих времен — это антиутопия. Временные ориентиры пьесы Кузмина — настоящее и историческое прошлое (времена правления Нерона). Эти два произведения не были опубликованы при жизни авторов. Анализ структуры текстов позволяет сказать, что художественное освоение действительности имеет сходные сюжетные ходы в настоящем, прошлом и будущем. Диктат — насилие — ведут к смерти человеческой души. Невозможно и спасение по указке. Главный герой драмы Брюсова погибает от руки бывшей возлюбленной. Возлюбленная героя пьесы Кузмина кончает жизнь самоубийством. Нерон, диктатор — это может быть в любом человеке. Герой Кузмина — Павел — излечивается от болезни диктатора и остается в живых.

В докладе предполагается сравнить сюжетные и структурные ходы произведений, посвященных тоталитарному сознанию человека. Композиционные находки авторов дополняют друг друга. Можно утверждать, что независимо друг от друга были написаны произведения так прозорливо (Брюсов) и беспощадно (Кузмин) разбирающих механизм создания, функционирования и смерти тоталитарных взглядов. Произведения говорят о нежизнеспособности такого способа организации государства, которое убивает частную жизнь, попирает человеческие отношения, разрушает семейные и дружеские связи. Не случайно считается, что художественный текст может стать пророческим.

Это и произошло с текстами двух авторов начала XX в. Отдельно мы остановимся на кинематографичности пьес. Пьеса Кузмина во многом определила перебивку временных и сюжетных ходов в Бугаковском романе «Мастер и Маргарита».

Графические инструменты дейксиса в современной поэзии

Захаркив Екатерина,

аспирант

Институт языкознания РАН

В докладе, применяя описательный, лингвопрагматический и компонентный анализ, мы проследим специфику «поэтического» дейксиса как одного из способов актуализации поэтического высказывания, формирования коммуникативной ситуации, субъекта и адресата. Мы рассмотрим особые формы реализации и функционирования разных видов дейксиса в новейшей поэзии на материале поэтических текстов двух современных авторов Н. Скандиаки и Р. Дю Плесси. В их поэзии дейктические маркеры не только частотно употребляются, но и выделяются специальными графическими средствами, такими как курсив, кавычки, скобки, полужирный шрифт, транслитерация и др. Это позволяет осуществить «двойной жест» указания: автореференциальный (на собственный план выражения) и непосредственно координирующий (в поэтическом пространстве, времени, коммуникативной ситуации и т. д.): 1) what / speaks? «me» — / her memoirs? 2) multiples that cannot (ever) attach the points there are; 3) {na jetom meste}/ luzhi; 4) тАк всеми \весами/атакован. При этом графические инструменты, обладая отдельными функционально-семантическими свойствами, вступают в особые отношения с прагматическими средствами языка: дублируя их иллокутивную силу, модифицируя их семантическое значение и даже в некоторых случаях нивелируя их дейктическую функцию. Наш основной тезис состоит в том, что активная разработка дейктических средств поэтического высказывания в современной поэзии связана с влиянием Интернета как новой сферы реализации поэтического высказывания в рамках компьютерного интерфейса, транслирующего интенсивный информационный поток, что в свою очередь требует дополнительных средств активизации читательского внимания. В ходе исследования будут проанализированы различные прагмасемантические модификации, как реализуемые за счет особой авторской графики, так и обусловленные спецификой современного поэтического дискурса в целом.

Архаические элементы в поэзии Марии Степановой

Зубова Людмила Владимировна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Содержательная доминанта поэзии Марии Степановой — преодоление небытия образами перевоплощений и взаимных отражений, собственно языковая доминанта — деформация слов и грамматических форм по отношению к норме современного литературного языка.

Такая деформация часто отражает прошлые состояния языковых единиц, в чем проявляется возвращение к бытию утраченных элементов и свойств языка. Например, на лексическом уровне история языка представлена не столько лексическими архаизмами типа ошю, зане, сколько семантическими реконструкциями: во рту огорченном ('ставшим горьким от лекарства'), тебя увидеть и унизить ('увидеть с бал-

кона уменьшенным'); актуализацией этимологической общности слов: в шкаф платяной — плотяной; Смотря обратно, словно воротник. Фонетические аномалии воспроизводят нестяженные формы прилагательных: в ветхом жилище; малым лицом; войне прощальной, в ночи китайской; воплощают альтернативные возможности бывших редуцированных гласных: птенц, младенц, жарк, смысл, из недер, реставрируют нередуцированные суффиксы инфинитива: починити, прополоти, вспоминати. В грамматике наиболее активны краткие прилагательные в атрибутивной функции: тряпку счастливу, сигаретны автоматы, альтернативны виды, страдательные причастия с суффиксом -м-, не характерные для современного языка: белье сушимое, лыжня неспешная бегома; Небо светимо в своей же фольге, архаические варианты деепричастий; сомкня, вспучась, прополоща, реша, встречается архаическая неодоушевленность существительных: Лишь подветренный лес поднимает свои соловьи; Я истукан как девочку несу. Деепричастия иногда употребляются как бывшие причастия, которые совмещали атрибутивность с предикативностью: Кротко нырнула-вынырнула — впусую, / Мокрая, белозубая и блестя. Встречаются архаические конструкции с творительным падежом: пустая нами ниша; Тоскуя тем, что не был он поплоче, модификация союза иже: Промежуток, в нем же яиты / Можем набивать живой малиной / Мета-физические рты. В большинстве случаев архаические явления представлены не в стилизованных, а в стилистически контрастных контекстах — как проникновение языкового прошлого в современный язык.

Газетизмы в современных российских СМИ: принципы их классификации

Кристиано Никола Отелло,

аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Газета — один из важнейших источников информации, вне зависимости от формы: электронного формата или печатного. Она имеет долгую историю развития, с течением времени усложнялась структура издания, ее цели, задачи и выполняемые функции. Также менялись внешний вид газеты, ее язык. Проблема исследования языка газеты является актуальной задачей, так как в нем отражена вся система национального литературного языка. Он тесно связан со всеми функциональными стилями, в нем ярко отражаются языковые изменения, особенно на лексическом уровне, а также изменения в жизни общества. Также стоит отметить, что в настоящее время количество работ, посвященных языку газеты, и словарей языка публицистики относительно небольшое.

Язык газеты имеет следующие значимые характеристики: многостильность, социальная оценочность, чередование экспрессии и стандарта, стремление к разговорности, неофициальности, использование клишированных фраз и выражений и др., которые отражены в газетизмах.

Газетизмы в нашей работе рассматриваются конкретно как слова или выражения, используемые преимущественно в газетно-публицистической речи, обладающие определенной частотностью, имеющие эмоционально-экспрессивную оценку.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время универсальная классификация газетизмов не существует, и это является интересной темой для исследования.

Газетизмы можно классифицировать по тем же принципам, что и всю лексику русского языка: по принадлежности к тематическим группам (общественно-политические, экономические, спортивные, термины искусства, военного дела и т. д.), по происхождению (исконно русские и заимствованные), по сфере употребления (общепотребительные и ограниченного употребления), по стилистической характеристике и оценочности (нейтральные, книжные и разговорные; негативно окрашенные и позитивно окрашенные), по степени употребительности (активного и пассивного словарного запаса), по грамматическим признакам.

В нашей работе мы сосредоточились на семантических характеристиках газетизмов и распределили их на 16 лексико-тематических групп (Политика, Общество, Люди/Отношения, Характеристика/Оценка, Коммуникация, Экономика, Власть/Управление, Здоровье, Технологии, Идеология, Творчество/Искусство, Время, География, Объекты/Инфраструктура, Вещество, Спорт). Критериями распределения слов в указанные группы послужили категориально-видовые отношения предметов и явлений действительности, которые обозначают газетизмы.

Виртуальная реальность интернет-коммуникации vs подлинная реальность художественной литературы

Митрофанова Арина Анатольевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Массовая коммуникация, осуществляемая в цифровую эпоху мультимедийными технологиями, способствует все большему развитию визуального восприятия человеком знания о окружающем мире. При этом создаваемая массмедиа в эпоху информационных войн медийная картина мира трансформирует реальность, вплоть до полного ее искажения. Более того, стремительное развитие цифровых технологий предоставило возможность формировать реальность, получившую наименование виртуальной (Н. Е. Покровский). Виртуальная реальность, наделяемая характеристиками, соответствующими запросу пользователя, своими категориями времени и пространства, имеет выраженную тенденцию подменять собой реальность окружающей действительности. Процесс создания виртуальной реальности охватывает все большие сферы интернет-коммуникации, трансформирует сознание носителей языка, формирует новую культуру (Ю. П. Зинченко).

В то же время в литературно-художественном дискурсе наблюдаются набирающие силу процессы, направленные на реабилитацию подлинной реальности. Начиная с 1990-х формируется самостоятельное направление — региональная геопоэтика, объектом изучения которой является эстетическое освоение земных географических пространств. Тенденция, направленная на выявление, описание, реконструкцию региональных текстов русской литературы благодаря фундаментальной исследовательской школе (В. Н. Топоров, Н. М. Теребихин, Е. Ш. Галимова, В. В. Абашев, К. В. Анисимов, В. Т. Захарова, Н. Е. Меднис) подверстывает все большее количество текстов: Северный, Сибирский, Пермский, Нижегородский текст русской литературы.

Пришедшаяся именно на цифровую эпоху «чувствительность к географии» (И. Кочергин) проявляется в расцвете региональных литератур, которому спо-

собствуют авторы, заявившие о себе в нулевые годы (М. Тарковский, В. Авченко, Р. Сенчин и др.).

Основой сюжета эпических произведений выступает освоение конкретного географического пространства; маршруты перемещений героев, по авторскому замыслу, читателю рекомендуется отслеживать по карте. Стиль романа Д. Новикова «Голомяное пламя» (2017) конституируется разработкой локальной топографии; словесная изобразительность выступает как доминирующий прием; поэтизируется чувственное восприятие героями объектов природы, бытовых сторон повседневной жизни (трапезы). Самоценность развернутых предметных описаний, изобразительного повествования, рассчитанных на полнообъемное чувственное восприятие читателем, указывает на опредмеченная реальность как художественную задачу. Названное заставляет предположить тенденцию, направленную на реабилитации подлинной реальности, которая в медийной картине мира не столько искажается, сколько все в большей степени уводит от реальности в виртуальный мир.

Лингвоэкология как необходимый элемент современной журналистской этики

Николенко Галина Владимировна,

старший преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Анализ тенденций современной журналистики показывает склонность к общему снижению лексико-семантического уровня текста, к речевой девиации. Во многом это происходит в результате роста популярности блогов, влогов и прочих новых медиа, приравненных к СМИ. Мы можем наблюдать такие явления, как дисфемизация, обсценизация, включение жаргонизмов и просторечий в профессиональные журналистские тексты. На наш взгляд, проблема приобретает настолько угрожающий масштаб, что необходимо задуматься о внедрении лингвоэкологических норм в кодекс современного журналиста. Мы считаем целесообразным рассматривать как интралингвальный, так и транслингвальный аспекты эколлингвистики в связи с тем, что речь идет не только о девиации русского языка, но и о засилье часто не оправданных заимствований. Лингвоэкология занимается как изучением факторов, которые негативно влияют на развитие и использование языка, так и путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения. Это направление лингвистической теоретической науки и ее прикладных областей является составной частью экологии культуры. Журналистика же, как полифункциональная система, имеет среди прочих культурно-образовательную и идеологическую (или социально-ориентирующую) функции, которые обязывают представителей СМИ тщательно следить за общим уровнем текста (письменного или устного), предлагаемого потребителю. Однако в последнее время общий уровень журналистских текстов значительно снизился, как и культура журналиста в целом. На наш взгляд, лингвоэкологический аспект должен быть неразрывно связан с деятельностью профессионального журналиста.

Образно-компаративное гнездо «дерево» в художественном тексте (на материале Национального корпуса русского языка)

Огольцова Екатерина Васильевна,

д. ф. н., доцент

Московский педагогический государственный университет

В лингвистических исследованиях последних трех десятилетий заметен явно возросший интерес к феномену языкового образа и неразрывно связанных с ним понятий: «образное значение», «образная картина мира», «метафора», «сравнение», «компаративная модель» и др. Существенную роль в системе образной деривации играют наименования растений, в исследовании которых много лакун. К примеру, их участие в словообразовательном процессе, формирование образных значений у производных слов под влиянием метафорической семантики производящего или в самом словообразовательном акте, связь образной деривации с системой устойчивых сравнений. В ряду наименований растений особое место занимает гипероним «дерево»: он обладает некоей «лингвокультурной амбивалентностью», принадлежа одновременно к растительному и вещественному кодам русской лингвокультуры. Анализ словарей устойчивых сравнений и материалов Национального корпуса русского языка показал, что компаративные фразеологизмы выступают прежде всего как характеристики физических качеств частей тела человека, реже — предметов. Рассмотрение семантической структуры дериватов с вершиной «дерево» (прилагательного *деревянный*, глагола *деревенеть* и их производных) позволяет утверждать, что значение, безобразное по своему характеру, как правило, является той семантической базой, на которой формируются другие, образно-метафорические значения. При этом в художественных текстах гораздо более употребительными являются именно образные значения этих слов; в толковых словарях они часто квалифицируются как оттеночные и переносные.

Нами составлен реестр ближайших ассоциаций, связанных с состоянием «одеревенелости» (или «одеревенения»): ощущение физической тяжести (о теле, частях тела); отвердение, жесткость; неподвижность, утрата способности двигаться; неуклюжесть, скованность, несвобода, топорность движений; негибкость, неэластичность; слабость, немощность, расслабленность; сонливость, заторможенность реакций; застылость, замерзание, холод, ооченение; молчаливость или косноязычие; омертвление, безжизненность; смерть, умирание; потеря физической чувствительности, бесчувственность; смущение, стеснительность, эмоциональная скованность; автоматизм, машинальность, «механистичность» поведения; заученность, отсутствие творческого начала, схоластичность; косность, негибкость суждений и др.

Все эти ассоциативные связи, выявленные нами посредством контекстуального анализа, представляют собой совокупность тех тонких смысловых нюансов, которые могут проявляться у производных слов рассматриваемого нами образного гнезда в различных речевых ситуациях. Разноуровневые языковые средства с семантикой образного сравнения на равных участвуют в осуществлении языком его образно-экспрессивной функции.

Об одном типе совмещения значений слова в поэтическом тексте: цветковые прилагательные и глаголы

Петрова Зоя Юрьевна,

к. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В докладе рассматриваются цветковые прилагательные и глаголы, в одном из значений / оттенков значений характеризующие цвет кожи человека, обусловленный определенными физическими / эмоциональными процессами. Показано совмещение в тропических конструкциях поэтического текста прямого значения этих слов, обращенного к предмету сравнения, и образного значения, связанного с олицетворением и обращенного к образу сравнения. Делается вывод о том, что в подобных словах в художественном тексте устанавливается совпадение прямого и переносного планов высказывания.

Доклад посвящен исследованию однотипного совмещения значений у слов одного семантического класса — цветковых прилагательных (красный, багровый, розовый, синий) и образованных от них глаголов, в одном из значений / оттенков значений характеризующих цвет кожи человека, обусловленный определенными физическими / эмоциональными процессами. Показано совмещение в тропических конструкциях поэтического текста прямого значения этих слов, обращенного к предмету сравнения, и образного значения, связанного с олицетворением и обращенного к образу сравнения. Рассматривается аналогичное совмещение значений цветковых прилагательных и глаголов в контекстах, где они характеризуют антропоморфные метафоры-соматизмы, приписывающие различным реалиям части тела человека (лик солнца). Отмечается, что цветковые прилагательные и их производные, употребляемые в компаративных тропах, могут совмещать в своей семантике основное цветковое значение, характеризующее предмет сравнения, не только с указанным оттенком значения, характеризующим цвет кожи человека, но и с разными другими группами смыслов, которые определяются сочетаниями этих прилагательных с соответствующими семантическими классами образов сравнения (эти смыслы остаются в пределах основного словарного значения). Делается вывод о том, что в подобных словах в художественном тексте устанавливается совпадение прямого и переносного планов высказывания.

Семантико-стилистическая роль межъязыковых омонимов в структуре поэтического текста

Пинежанинова Наталья Павловна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Межъязыковые омонимы в структуре поэтического текста представляют собой многоплановое семантико-стилистическое явление двуязычия, расширяющего изобразительно-выразительные возможности художественной речи и моделирующего в тексте особое межъязыковое пространство, которое позволяет решать разнообразные твор-

ческие задачи от создания юмористического эффекта в языковой игре до формирования синкретичного смыслового знака с концептуально интегрированными ассоциативными связями.

Включение межъязыкового омонима в структуру поэтического текста направлено на преодоление формальных границ, возникающих между планом выражения разноязычных лексических единиц при сопоставлении их языкового статуса и семантического объема, в результате чего возникают дополнительные ассоциации, выстраиваются новые смысловые связи и эстетические ракурсы поэтического текста. В структуре поэтического текста межъязыковой омоним может занимать позиции заглавия или внутритекстового компонента, что в соответствии с авторской интенцией указывает на функциональную роль межъязыкового омонима в художественной системе текста.

В семантических связях с текстом межъязыковые омонимы становятся ключевыми элементами в концептуальной интеграции разноплановых значений, при этом сопоставление не сопоставимого в области означаемых и звуковое сходство означающих приводит к языковой игре или актуализирует потенциальные свойства языкового знака. В поэтическом тексте разноплановые значения межъязыкового омонима могут получать новую семантическую мотивацию в контекстуальной антонимии, семантической интерференции и эвфемизации.

В межъязыковую омонимию могут вовлекаться вписанные в русское слово и своеобразно оформленные графически иноязычные слова, при этом способом контекстуальной интеграции становятся отношения семантической производности и ассоциативной многозначности. ИмPLICITным конструктивно-семантическим способом создания межъязыковой омонимии можно считать использование не равных слову речевых фрагментов, когда звуковой состав русского слова или фрагмента речи опознается на стыке иноязычных слов.

Поэтический текст, включающий в себя межъязыковые омонимы, репрезентирует, с одной стороны, тенденцию к расширению границ контекстуальной семантики русских слов при помощи межъязыкового взаимодействия, а с другой стороны, дает возможность переключением языковых регистров менять ракурсы референции.

Поэтическое начало в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака

Фатеева Наталья Александровна,

д. ф. н., главный научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В статье Р. Якобсона «Заметки о прозе поэта Пастернака» (1935) отмечается, что «проза поэта» обнаруживает ряд типологических черт, отражающих особенности поэтического мышления ее автора и «внутреннюю конфигурацию» его языка. Доклад как раз посвящен характерным особенностям языка поэта, которые находят свое отражение в прозаическом тексте романа «Доктор Живаго».

Сам Пастернак в эссе «Несколько положений» (1918, 1922) писал о парадоксальности взаимоотношений между прозой и поэзией: в его представлении это «неотделимые друг от друга» полюса и начала, которые «не существуют отдельно».

Что такое поэтическое начало в прозе — можно понимать по-разному. Одни исследователи связывают «поэтическое начала» с определенными стиховыми приемами (метризацией, особой звуковой организацией, структурными параллелизмами), которые вносятся в структуру прозаического повествования, или с насыщенностью прозаического текста разными стихотворными вставками (Ю. Б. Орлицкий); другие — ищут основу «поэтичности» в семантической области — т. е. в области смещения референции, когда приостанавливается процесс соотнесения единиц текста с реальной действительностью и происходит адресация к воображаемому — т. е. «к глубоко укорененным возможностям реальности в той мере, в которой они отлучены от подлинных обстоятельств, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни» (П. Рикер). Второе понимание «поэтичности» напрямую связано с образной структурой произведения, с целостной системой переносных значений, смещающей «действительность» (В. Шмид). Однако данное смещение возникает не само по себе, оно связано с понятием «лиричности» прозаического текста и особой «субъективизацией» повествования, благодаря которой в романе порождаются параллельные изобразительные планы, становятся возможны сближения различных сущностей (например, любви и смерти), а простые «вещи», предметы окружающей обстановки (гардероб, лестница) и «природные явления» (дождь, гроза, метель) приобретают символическое значение.

Особенностью прозы Пастернака является как раз то, что в ней и эти два понимания «поэтического начала» существуют нераздельно, что вводит в прозу нелинейное начало. А именно, денотативная функция внешней речи уходит на второй план как раз за счет того, что сам отбор языковых элементов, сам принцип их соединения в синтаксические конструкции и более крупные текстовые единства, само расположение взаимосвязанных элементов в целостном пространстве текста оказывается во многом продиктованным их звуковыми и ритмическими характеристиками, обусловленными памятью поэтического слова.

Гендерный аспект выражения вежливости (на материале брифингов официальных представителей МИД России)

Чжао Цзэхун,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена особенностям выражения вежливости в брифингах официальных представителей МИД России и гендерным различиям в выражении вежливости. Ученые считают, что помимо биологического пола у людей есть еще и социокультурный гендер. Гендерный статус и гендерные обусловленные модели поведения конструируются обществом, включая социальные нормы, гендерные стереотипы, ожидания от гендерной роли и т. д. В гендерном аспекте исследования вежливости существует теория, согласно которой женщины лингвистически более вежливы, чем мужчины, что объясняется неравномерным распределением власти в обществе [D. Zimmerman, C. West 1991: 13–38], иначе говоря, подчиненным социальным статусом женщин. Однако индустриализация и изменения в социальных правилах постепенно сокращают разрыв в гендерном статусе, поэтому разница в использовании

языковых средств мужчинами и женщинами также начала меняться. Наблюдение за этой динамикой в брифингах составляет цель данного исследования. Брифинги официальных представителей МИД России впервые используются в качестве материала для исследования вежливости и гендерной проблематики. По мнению Е. И. Шейгал, в силу «прозрачности границ дискурса нередко происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте» [Шейгал 2000: 35], при этом брифинг находится на пересечении политического и дипломатического дискурсов. Поэтому представляется актуальным изучить гендерный аспект выражения вежливости в контексте совмещения в тексте официально-публицистического стиля политического дискурса с официально-деловым стилем дипломатического дискурса. Материалы исследования взяты с сайта МИД РФ, где представлены 409 текстов, из которых методом систематической выборки отобраны 10 мужских и 10 женских текстов. Они сравниваются между собой по использованию различных средств выражения вежливости, а также по распределению вежливых выражений в разных речевых жанрах (благодарность, приветствие, прощание и др.).

Литература

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... доктора филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. 431 с.
2. West C., Zimmerman D. Doing Gender / C. West, D. Zimmerman // The Social Construction of Gender / Eds. J. Lorber, S. Farrell. London, 1991. P. 16–21.

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА ЕГО
ПРЕПОДАВАНИЯ

Система языка: лингводидактическое описание в аспекте РКИ. Соизучение языка и культуры

Акцентное выделение и его роль в актуальном членении высказывания

Бачурина Александра Александровна,

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Актуальное членение, в первую очередь, зависит от семантического и синтаксического плана высказывания и их соотносительности; средствами выражения актуального членения традиционно считаются порядок слов и интонация. Однако синтаксический порядок слов не всегда может служить точкой отсчета для анализа актуального членения: в русском языке рема обычно располагается в конце высказывания, но она может находиться и в начале или середине. В ситуациях, когда рема располагается в «нетипичном» месте, гораздо более важным показателем становится просодическая выделенность. Это позволяет говорить о неразрывной связи ремы и ударения. Как правило, с ремой связывают феномен логического ударения, функция которого заключается в выделении коммуникативного центра высказывания. Кроме того, наряду с логическим ударением в современной лингвистической литературе употребляется термин акцентное выделение (АВ), под которым понимается просодическая выделенность слова во фразе, сопровождающаяся созданием вокруг него особого коммуникативного ореола. Так, при сравнении высказывания с нейтральным произнесением С самого раннего утра небо ясно и высказывания с АВ С самого раннего утра небо ясно (утренняя заря не пылает пожаром) очевидно, что и в том, и в другом случае ремой является слово ясно. Однако во втором высказывании благодаря АВ создается противопоставление (ясно, а не...). При этом важно разграничить термины логическое ударение и АВ: ведущей функцией логического ударения является выделение логического предиката, ремы; АВ может выделять не только рему, но и тему. Другими словами, если логическое ударение тесно связано с оппозицией тема/рема, то АВ может маркировать оппозицию данное/новое. В случаях, когда в высказывании присутствует АВ, а рема совпадает с новым, совпадает и место логического ударения и АВ. Если же рема представляет собой данное, а тема — новое, логическое ударение выделяет рему или ее компонент, а АВ — тему, т. е. то, что в данном контексте осмысливается как новое. Таким образом, сложное взаимодействие понятий тема/рема и данное/новое влияет на синтаксические и, как следствие, на интонационные особенности оформления высказываний. Акустические отличия АВ и логического ударения заключаются в том, что для АВ характерны большие изменения ЧОТ и длительности ударного гласного, что свидетельствует о большей просодической выделенности.

Специфика образной составляющей новых культурно-гуманитарных праздников России

Бузальская Елена Валериановна

д. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящее время в связи с глобализацией и культурным обменом в России появилось много международных праздников, которые, не являясь выходными днями, отмечаются частью населения. Между тем в учебные пособия по русскому языку для иностранных учащихся новые праздники включаются редко. Чтобы понять, почему так происходит, правильно ли это, о каких из них нужно говорить на уроках по русскому языку и культуре, был проведен эксперимент, состоящий из трех этапов. Целью первых первого этапа было определение числа известных носителей языка праздников из числа отмечаемых в календарях. Оценивались три показателя: «слышал, что есть такой праздник», «отмечаю», «знаю и могу объяснить смысл». Первый показатель был критерием выбора события для дальнейшего исследования. Порог в 5% процентов прошли лишь 20 праздников. На втором этапе в соцсетях Facebook и Vkontakte были размещены сообщения с просьбой написать о том, как отмечаются дни. Порог прошли 12 праздников, для которых оказалось возможным выявить характерные повторяющиеся действия и типичные объекты. Третьим этапом стал дистрибутивный анализ текстов СМИ за последние 3 года (2019–2021, газеты «Петербургский дневник», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Метро», «Российская газета»), проведенный с целью формирования денотатно-референтных карт выбранных праздников. Согласно данным проведенного анализа, их можно разделить на три группы. 1. Оторванные от породивших их традиций и при перенесении на русскую почву утратившие ритуальную функцию, но сохранившие символы и предметы события. Код этих праздников содержит в себе оценочно-мотивационные, коммуникативные, творческие аспекты. 2. Праздники, создающие психологический баланс. В этой группе праздников проявляют себя познавательные (информационные), оценочно-мотивационные, коммуникативные аспекты. 3. Коммерциализованные праздники. Основными аспектами этой группы можно назвать коммуникативный, потребительский и оценочно-мотивационный. Таким образом, семиотические аспекты праздника, проявляющиеся в выборе и семантике единиц их описания, позволяют говорить о том, что в них наблюдается преобладание индивидуального аспекта над социальным, отсутствие ритуальной составляющей в связи с отсутствием нарратива в основании события; отсутствие системы статусов; отсутствие иного пространства; праздники не являются средством этнокультурной идентификации. В результате исследования автор доказательно приходит к выводу о том, что данные праздники не прошли полностью процесс институционализации и, как следствие, с прагматической точки зрения, материал о новых праздниках современного календаря целесообразно давать лишь при прохождении тем, связанных с досугом, личными или семейными традициями, молодежными мероприятиями и фестивалями.

Русский глагол лицемерить (на фоне вьетнамского языка): лингвокультурологический аспект

Ву Нгок Иен Кхань,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной лингвистике одним из ведущих направлений является исследование языковых явлений в связи с культурой данного этноса. В этом плане язык рассматривается как средство познания национальной ментальности, а также хранитель народной культуры. В центре внимания лингвокультурологии находятся культурные концепты, например, БОГ, ДОБРО-ЗЛО, ЛЮБОВЬ, СКРОМНОСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ и др. Говоря о предмете лингвокультурологии, В. Н. Телия справедливо отмечает, что предметом современной лингвокультурологии является изучение и описание семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их живом, синхронно действующем употреблении, которое формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры, так как каждый субъект одновременно является и субъектом культуры (Телия, 1999: 14, 15). В докладе предпринята попытка описать русский глагол «лицемерить» в лингвокультурологическом аспекте на фоне его аналога во вьетнамской лингвокультуре, в результате чего выявляются как общие для двух языков семантические и дискурсивные особенности, так и национально-культурные характеристики русского глагола (использование в одном контексте с глаголами, раскрывающими его семантику: обманывать, лукавить, предавать, пресмыкаться; хитрить, выгадывать; притворяться; ситуации саморефлексии: «быть недостойным себя самого», сочетаемость с наречиями «чуть-чуть», «постоянно», возможность использования по отношению к первому лицу и др.). Материалом для исследования служат данные толковых словарей русского и вьетнамского языков, а также контексты употребления глагола «лицемерить», представленные на сайте «Национальный корпус русского языка» и в интернет-пространстве. Лингвокультурологический анализ русского глагола «лицемерить» на фоне его переводческого аналога во вьетнамском языке позволяет представить конкретные лингвометодические рекомендации для оптимизации работы с данной лексемой во вьетнамской аудитории. Литература Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф. 12–14 мая 1999 г.: в 3 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. III. С. 14–15.

Лингвистический портрет нервного человека в современном русском языке (по материалам корпусного исследования)

Вэй И,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В соответствии с пятифакторной моделью личности, представленной в исследованиях по психологии, прилагательное нервный относится к номинациям тех свойств личности, которые определяют, насколько человек эмоционально стабилен или нестабилен. Толковые словари русского языка определяют значение прилагательного следующим образом: «обладающий повышенной чувствительностью; легко возбудимый, болезненно раздражительный». Обширный языковой материал «Национального корпуса русского языка» позволяет конкретизировать «портрет» нервного человека по разным параметрам. Нервным человек может быть от природы, тогда это постоянное свойство личности, но человек может характеризоваться как нервный в какой-то определенный момент или промежуток времени, можно «стать» нервным. Обычно временно присущее человеку свойство или приобретенное в процессе жизни имеет конкретные причины, например, забота о зарботке, усталость, беременность и уход за маленьким ребенком для женщины и т. п. Выделяются определенные социальные группы людей, которым в большей степени присуще это свойство личности — пенсионеры, поэты, учителя. Гендерный фактор не играет роли — нервными могут быть, как лица мужского пола, так и женского. Нервными могут являться лица любого возраста, любого рода занятий. Отличительная особенность внешности нервного человека — худоба. Чаще всего в контекстах «Национального корпуса русского языка» прилагательное выступает в одном контексте с такими словами, как истеричный, раздражительный, болезненно реагирующий на все, что характеризует типичное поведение нервных людей. Анализируемое свойство личности может проявляться в разной степени: очень, крайне, не в меру, слишком, немного, слегка нервный. Оценка нервного человека в русской лингвокультуре амбивалентна: она может быть отрицательной и положительной. Отрицательная оценка возникает из-за коммуникативного неудобства при совместной работе, времяпрепровождении, общении с нервным человеком. Положительная объясняется «эмоциональным потенциалом» такого человека, его способностью увлечь, «эмоционально заразить». Выявленные параметры характеристики нервного человека по материалам корпусного исследования в сочетании с анализом опроса носителей русского языка могут служить для определения стереотипного представления об этом свойстве личности в русской лингвокультуре.

Реализация стратегии «вежливость» студентами из Ирана в условиях дистанционного обучения на русском языке: общие и специфические нарушения

Гончар Мария Сергеевна,

к. ф. н. старший преподаватель
Первый Московский государственный
медицинский университет им. И. М. Сеченова

Вежливость представляет собой категорию универсальную для всех культур, однако на ее речевое проявление влияют традиции, социокультурные представления народа, опыт изучения других иностранных языков, уровень общего воспитания личности. Особого внимания заслуживает ситуация межкультурного общения, во время которого собеседникам требуется знание правил речевого поведения, принятого в конкретном этносоциуме. С недавнего времени дистанционное обучение занимает особое место в системе образования, новая цифровая образовательная среда предполагает не только поиск новых методов и подходов при обучении неродному языку, но и установление определенных общепринятых правил общения. Речевой этикет в условиях онлайн обучения требует отдельного изучения. Восточная вежливость обладает уникальной национально-культурной спецификой. Избыточная, по сравнению с русской, арабская вежливость может проявляться в ряде нарушений. Анализ письменной и устной речи студентов из Ирана, обучающихся дистанционно в Первом Московском государственном медицинском университете им. И. М. Сеченова, позволил определить ряд особо часто встречающихся нарушений, которые были представлены двумя основными группами: нарушения, вызванные лингвокультурологической интерференцией и нарушения, возникающие при осуществлении тактик, не отвечающих экстралингвистическим параметрам ситуации общения (например, официальность/неофициальность). Для арабской вежливости характерно не прямое, а косвенное обращение, думается, это является причиной обращения к преподавателю не по имени и отчеству, как принято в русской культуре, а по должности. Кроме этого, часто при обращении к русскому преподавателю иранские студенты применяют кальку с английского языка «профессор». Повышенная вежливость к людям с более высоким социальным статусом, характерная для восточной культуры, может быть оценена негативно русскими, поскольку соотносится в нашем сознании с понятием лести. Примерами данного нарушения могут служить речевые тактики похвалы: вы очень хорошо объясняете материал / вы самый лучший преподаватель и подобные. Лексические нарушения также связаны с выбором неверной формы речевого этикета: пока (преподавателю). Отдельно стоит выделить нарушения, возникающие в письменной речи учащихся. Данные нарушения относятся к сфере делового письма и представляют собой результат общения посредством систем мгновенных сообщений и социальных сетей: использование картинок и символов, передающих эмоции говорящего.

Современная структура поля идеологемы «русская идея»

Гуань Цзюньбо,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Национальная идея, связанная с национальным самосознанием и местом нации в мировой истории, представляет собой одну из наиболее дискуссионных и остро обсуждаемых проблем, степень интереса к которой с каждым днем возрастает. Каждый этнос имеет свою уникальную национальную идею, и Россия не является исключением. Таким образом, в сознании людей и речевом обиходе появилась идеологема — «русская идея». При этом комплексный анализ содержания и структуры данной идеологемы ранее не проводился. В настоящем докладе анализируются различия между двумя типами идеологем — первичными и вторичными, на основе чего рассматриваются структура и содержание первичной идеологемы «русская идея» на материале философских и идеологических текстов, а также данных социологических опросов, проведенных СМИ за последние 10 лет. В результате исследования уточнены различия первичных и вторичных идеологем по трем параметрам: генезис, сфера происхождения, способ репрезентации (первичные идеологемы характеризуются ментальной природой, отнесенности к идеологической картине мира и разнообразием репрезентации; и наоборот, вторичные идеологемы характеризуются языковой природой, отнесенности к наивной картины мира и единственным способом репрезентации) и построена полевая модель первичной идеологемы «русская идея» в русской лингвокультуре. В ядро данной идеологемы входят три когнитивные группы — религиозно-христианская миссия России, политико-исторический смысл существования России и культурная самобытность России; в периферию — единство русского народа, моральные ценности, патриотизм и объединение мира.

Исконные и заимствованные прилагательные, характеризующие личные качества человека, в русской лингвокультуре

Зиновьева Елена Иннокентьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Класс прилагательных, обозначающих личные качества человека, представляет собой объемное и неоднородное словарное объединение в русском языке. В него входят лексико-семантические группы (ЛСГ), характеризующие черты характера, поведения, темперамента, умственного склада. Во всех ЛСГ можно выделить положительно оцениваемые и отрицательно оцениваемые единицы. Данные прилагательные в последнее время стали особенно востребованы в деловых документах — резюме, составляемых соискателем для получения рабочей вакансии.

Анализ рекомендаций и примеров резюме для разных вакансий в интернет-пространстве позволяет констатировать, что наряду с исконно русскими по происхо-

ждению используются заимствованные лексемы, представляющие собой как достаточно давние заимствования, так и вошедшие в язык недавно и активизировавшиеся в последнее десятилетие.

Между исконными и заимствованными прилагательными устанавливаются отношения синонимии, например: позитивный — жизнерадостный, стрессоустойчивый — уравновешенный, креативный — творческий, коммуникабельный — общительный, компетентный — знающий.

Проведенный семантический и дискурсивно-прагматический анализ показывает, что подобные синонимы различаются: 1) сферой использования — заимствования характерны для официально-деловой сферы, ситуации характеристики человека в его отношениях с коллегами по работе, осуществляемой рабочей деятельностью, тогда как собственно русские прилагательные свойственны обиходно-бытовой сфере употребления; 2) в ряде случаев заимствование в отличие от русского слова предполагает приложение усилий для достижения того или иного личного качества (например, позитивный в отличие от жизнерадостного); 3) прилагательные в исследуемых парах могут отличаться объемом значения (компетентный — не только 'знающий и сведущий', но еще и 'авторитетный'). Заимствованное прилагательное может не иметь русского синонима (токсичный человек не то же, что ядовитый — 'язвительный').

Таким образом, в русской лингвокультуре произошло размежевание исконных и заимствованных единиц, прежде всего, соответственно области их использования. Перемещение заимствований в деловую сферу обусловлено «модными» направлениями психологии, заимствованием некоторых установок западной ментальности для создания образа идеального работника, оптимально взаимодействующего в команде, вносящего максимальный вклад в работу. Некоторые прилагательные «прижились» только в сочетании с названием отдельных профессий — эффективный менеджер, но уже употребляются иронически и с отрицательной коннотацией.

Местоимения типа некого в аспекте РКИ

Иванов Сергей Юрьевич,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Местоименные слова типа некого трудны для усвоения иностранными учащимися. По сравнению с местоимениями типа никто, свободно употребляемыми в разных моделях предложения, местоимения типа некого употребляются только в модели (Д. п.)-не...-инф., где Д. п. — факультативный субъектный детерминант, не-... — местоимение с ударной приставкой-частицей не-, инф. — инфинитив; напр. Нам некого винить. Для успешного усвоения местоимений типа некого требуется адекватное описание модели предложения, в которой они употребляются, ибо семантически они не отличаются от местоимений типа никто. Данная модель производна от спрягаемо-глагольной модели И. п.-глагол-х, где И. п. — агентивный субъект, глагол — любой глагол с агентивной валентностью, х — дополнение или обстоятельство; напр. Мы виним себя. При образовании модели с местоимением типа некого И. п. исходной модели становится Д. п. в производной, спрягаемый глагол исходной модели становится инфинитивом в производной, а дополнение или обстоятельство, зависящее от глагола в исходной модели, становится местоименным словом с не-, занимая центральное место в производной

модели. Если переход обязательного агентивного И.п. в факультативный Д.п., как и переход спрягаемого глагола в инфинитив, наблюдаются при деривации различных синтаксических моделей, как с модальным предикатом, так и без него, ср. Нам надо выходить; Нам выходить, то переход дополнения или обстоятельства в позицию, по функции близкую к модальной части составного сказуемого, специфичен лишь для обсуждаемой модели. Эту модель обслуживает морфологическая группа местоимений типа некого, семантически соседствующая с местоимениями типа никто, а синтаксически — с модальными предикатами типа нельзя. Специфична синтаксическая связь между местоимением с не- и инфинитивом. С одной стороны, это предикативная связь, образующая предложение, причем предикативным центром выступает отрицательное местоимение, от которого зависит инфинитив. С другой стороны, это местоимение формально зависит от глагола, выступающего в форме инфинитива, и принимает падежную форму, требуемую глаголом: винить кого? — некого. Отчасти эта связь сходна с координацией подлежащего и сказуемого, которые взаимозависимы, но ни одно из них однозначно не признается главным или зависимым. В отношении данной модели к исходной специфично также стирание синтаксических различий между обязательными, необязательными дополнениями и обстоятельствами. Ср., Что он делает? О чем они беседуют? Где он спит? В производной модели все названные компоненты становятся обязательными, так как образуют предикативный центр модели: Ему нечего делать; Им не о чем беседовать; Ему негде спать. Данная модель также позволяет синкретически выразить предикат и агентивный субъект, ср. Некому работать.

Критерии отбора устойчивых сочетаний для словника, адресованного иностранным обучающимся, владеющим русским языком в объеме В1-С1: лингводидактический и культурно-прагматический аспекты

Никифорова Анна Валентиновна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются вопросы, с которыми сталкиваются авторы современных учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному, а также авторы, создающие учебные пособия по фразеологии русского языка для иностранных обучающихся, при отборе устойчивых единиц.

Проведен анализ современных и актуальных учебников и учебных пособий по развитию речи, учебных пособий по фразеологии русского языка для иностранных учащихся, а также лексических минимумов по русскому языку как иностранному с целью выявления устойчивых сочетаний, которые, по мнению авторов данных изданий, необходимо знать иностранным обучающимся для дальнейшего использования в речи. В качестве материала исследования привлекаются современные и актуальные печатные и / или электронные средства обучения, вышедшие в период с 2010 года.

Обращение к данной теме обусловлено тем, что в проанализированных учебниках и учебных пособиях включение устойчивых сочетаний, на наш взгляд, не является последовательным и оправданным. Напротив, по нашим наблюдениям, оно носит субъективный характер и, скорее всего, отражает личные предпочтения автора

или авторов учебных изданий. Безусловно, включенные устойчивые сочетания являются употребительными, узнаваемыми и достаточно частотными как в разговорной речи носителей русского языка, так и в текстах публицистического и художественного стилей речи. Однако представляется, что личный опыт и интуиция авторов, участвующих в создании учебников и учебных пособий по русскому языку для иностранцев, не должны являться главным критерием отбора фразеологизмов.

Изучая данный вопрос, мы пришли к выводу, что, прежде чем приступить к отбору необходимых устойчивых сочетаний, нужно обратиться к «Программе по русскому языку как иностранному. Уровни А1-С2. Основной курс. Фонетика. Лексика, Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо» (Глазунова, Колесова, Попова 2017), поскольку в данной «Программе...» представлены тематические разделы для каждого уровня обучения. Таким образом, в основе лежит тематический принцип отбора устойчивых сочетаний. Далее мы предлагаем проанализировать существующие фразеологические словари, адресованные школьникам или иностранным обучающимся, отобрав оттуда устойчивые сочетания по конкретным темам. На заключительном этапе следует провести опрос носителей русского языка с целью выявления понимания отобранных фразеологизмов, а также проанализировать частотность употребления конкретных устойчивых сочетаний на сайте «Национального корпуса русского языка» и в интернет-источниках. Таким образом, те устойчивые сочетания, которые будут частотны в разговорной речи, художественных и публицистических текстах, могут быть включены в предполагаемый словник устойчивых сочетаний для подробного их изучения в иностранной аудитории.

Русские базовые прилагательные цвета в контексте взаимодействия языка и культуры (из практики преподавания РКИ в иностранной аудитории в КалмГУ)

Омакаева Эллага Уляевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

1. Особое место в системе семантических кодов фольклорного текста занимает цветовой код как визуальный способ восприятия и обработки информации.

2. Феномен цвета тесно связан с философским и эстетическим осмыслением мира. Кластер «цвет» в языке представлен как система взаимосвязанных субкластеров, составляющих целостный фрагмент языковой картины мира.

3. Какова же специфика модели цвета, зафиксированная в русском языке? Какое место в лексиконе занимает лексико-семантическая группа цветowych прилагательных? Для языковой экспликации цветовой модели первостепенное значение имеют ключевые лексемы.

4. Принято различать основные (главные, базовые) и неосновные (второстепенные, производные) цветообозначения (далее ЦО). Показателем принадлежности к основному ЦО считается моноксемность (в отличие от билексемности).

5. Представляется перспективным использовать метод сравнения номинационных решеток ЦО, характеризующих тот или иной предмет в русском и родном языках. Обучающимся предлагается не только сравнить номинационные решетки для одних и тех же предметов в этих языках, но и проанализировать, каков статус в рамках

русского языка одного и того же ЦО в номинационных решетках для разных предметов. Имеющиеся словари отражают несовпадение семантического объема русских и монгольских колоративов.

6. Интересно провести сопоставление русского языка, различающего семь цветов радуги, и монгольского языка, различающего три цвета радуги — красный, желтый, синий (ввиду синкретичности лексемы хөх, традиционно обозначающей различные оттенки синего, голубого, зеленого и серого тонов, впоследствии получивших самостоятельные наименования как отдельных цветов).

7. В докладе выявлены тонкости лексической вербализации цвета в русском языке. В русском языке слова, традиционно называемые ЦО, являются полисемантами. Собственно цветное (первичное) значение в таких словах имеет только первый лексико-семантический вариант (ЛСВ1). Производное (вторичное) номинативное значение слова (ЛСВ2) может быть связано с выражением семантики света, светлости: ср. рус. белый хлеб, белый день и т. д. Метафорические ЛСВ имеют нецветовое значение. Основные ЦО имеют и фразеологически связанные значения.

8. ЦО в силу их антропоцентричности, этноцентричности и аксиологичности можно рассматривать как своеобразный ключ к пониманию фольклорного текста. Анализ колористического кода русской сказки раскрывает новые грани в характере персонажей, описании хронотопа (пространства-времени). Цвет не только вербализуется словом, но и интерпретируется как символ.

9. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании РКИ, словарном деле и практике перевода с учетом степени эквивалентности адъективных ЦО в рассматриваемых языках.

Стереотипное представление об одиноком человеке в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры (на материале национальных языковых корпусов)

Синь Лумин,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В лингвокультуре выделяются фрагменты разной структуры и разного объема, репрезентирующие доминанты языкового сознания носителей языка, наиболее важные стереотипные представления, систему ценностей. Одним из таких фрагментов является вербализованное представление об одиноком человеке. Анализ иллюстративных контекстов «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса китайского языка» позволил выявить актуализацию основных значений прилагательного одинокий, зафиксированных в толковых словарях; конкретизацию и интерпретацию дефиниций лексико-семантических вариантов прилагательного, представленных в лексикографических источниках, за счет экспликации прагматических компонентов описываемых ситуаций.

В ходе анализа были выявлены как различные аспекты переживания своего эмоционального состояния самим субъектом, так и представления о положительном, ней-

тральном и отрицательном восприятии одинокого человека другими людьми, а также каузация подобного восприятия. Исследование показало гендерные различия при описании одинокого мужчины и одинокой женщины. Стереотипное представление об одиноком человеке, выявленное на базе корпусных исследований, включает эмоциональную характеристику, социологическую, культурную и философскую. Анализ на фоне китайского языка позволил выявить как сходства, так и различия в исследуемом стереотипном представлении. Сходства касаются ядерных семантических доминант исследуемой когнитивной структуры знаний, таких, как «находящийся в изоляции», «не имеющий семьи, друзей, единомышленников». Различия касаются деталей лингвистического «портрета» одинокого человека в двух языках, эмоционально-экспрессивной оценки носителей языка. Так, например, константной характеристикой одинокого человека в китайском языке является «необщительный, замкнутый», что зафиксировано и в лексикографических источниках. Полученные результаты могут быть использованы при составлении лингвокультурологических словарей, чтении лекционных курсов по лингвокультурологии и дискурсивному анализу.

«Культурный шок» в современной русской языковой картине мира

Сретенская Лариса Викторовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Культурный шок — один из универсальных общекультурных феноменов. Понятие «культурный шок», на первый взгляд, достаточно прозрачно и не требует специального комментария. Оно акцентирует внимание на том, что понимание какого-либо культурного смысла, противопоставленного по линии «свой — чужой», не идентично в разных культурах и связано с потрясением от болезненного вхождения в чужую культуру, от осознания огромного различия между своим и чужим образом жизни, ценностных ориентаций, культуры и т. п. Таким образом понятие «культурный шок» соотносится с национальной картиной мира.

В лексическом аспекте это понятие связывают с лингвистическим шоком, когда в иноязычной речи находят языковые элементы, звучащие на родном языке странно, смешно или даже неприлично, что вызывает удивление, смех или смущение. Наблюдение показало, что сегодня, когда мобильность стала обычным явлением в России, происходит изменение семантики понятия «культурный шок». Анализируя контексты его употребления, видим, что в современной русской лингвокультуре семантика этого понятия расширяется и употребляется, помимо изначального, еще в двух значениях: несоответствие восприятия каких-то явлений или фактов уже существующим у человека представлениям о них и гиперболизация, намеренное преувеличение чувства удивления, потрясения от чего-то.

Проведенный опрос показал, что менее всего респонденты связывают «культурный шок» с традиционным историческим значением этого понятия, когда столкновение с другой культурой вызывает культурный шок. Чаще это связано с несоответствием каких-то явлений тому представлению, которое существует у человека, последнее значение — гиперболизация — является сегодня преобладающим.

Гиперболизация — один из способов создания особой выразительности, эмоциональности, экспрессивности изображаемого; способ художественного обобщения, при котором художественная образность достигается путем намеренного преувеличения какого-либо свойства, качества, особенностей предмета, явления или процесса. В случае культурного шока можно говорить о преувеличенной эмоциональной реакции на то, что сильно удивило, вызвало экспрессивный отклик и даже неприятие. Следует сказать, что в этом значении культурный шок можно испытать не только при столкновении с чужой, незнакомой культурой и жизнью, но и со своей.

Анализ этого понятия с лингвокультурологической точки зрения актуален при преподавании РКИ, т. к. дает представление о ценностях носителей русского языка. Наряду с этим оно служит средством создания иронии в художественных (например, Н. Толстая «Культурный шок») и даже публицистических текстах, реализуя художественные задачи автора.

Роль зооморфизмов как компонента РЯКМ в преподавании РКИ в арабской аудитории

Хефни Халфалла А. Х.,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Зооморфизм представляет собой явный источник знания национально-специфических и культурных ценностей носителей языков, которые в значительной степени влияют на мышление и восприятие человека [Корнилов, 2003, с. 62]. Соответственно, зооморфизм — значимый компонент русской языковой картины мира (далее РЯКМ) и важный элемент для полноценного освоения того или иного языка.

В процессе преподавания русского как иностранного на разных уровнях обучения, как на подготовительном курсе, так и на продвинутом уровне, зооморфизмы играют важную роль. В докладе рассматриваются разные аспекты использования зооморфизмов в преподавании РКИ в арабской аудитории, в том числе обсуждается вопрос представления социально-культурного и лексикографического компонента значения фразеологической единицы.

Зооморфизм как компонент РЯКМ служит идеальным средством для формирования социокультурной компетенции арабских учащихся. Зооморфные единицы дают обучающимся русскому языку возможность понимать ментальный смысл лексических единиц изучаемого языка и позволяет им предпринимать сопоставительный анализ, что способствует освоению русского языка (например, различные и похожие представления зооморфных единиц свинья, баран, корова и т.п.), и в перспективе способствует возникновению эффективного диалога между представителями разных культур на международном уровне [Игнатьева, 2009, с. 304].

Особое внимание в докладе уделяется использованию фразеологизмов с компонентами зоонимами в процессе преподавания РКИ, что помогает арабским обучающимся осваивать пословицы и поговорки, в целом относиться к зооморфным единицам легко. Сложным явлением для иностранцев является понимание семантического значения фразеологизмов, в то время как при изучении зооморфных единиц сложность постепенно уменьшается, потому что изучение зооморфных единицы

часто сопровождается историко-культурным комментарием, раскрывающим происхождение и значение русского фразеологизма.

Изучение зооморфизма в процессе преподавания русского языка приводит к усвоению фразеологизма, зоонима и ассоциативных слов к нему. В данном контексте ассоциативные словари (например, Русский ассоциативный словарь Ю. Н. Караулова) [РАС, 1994] обеспечивают богатый запас лексических единиц, который могут приобрести студенты.

Литература

Игнатъева О. П. Роль коммуникативной компетенции в переосмыслении теории ошибки // Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка: матер. междунар. науч.-практ. конф. Тула, 2009.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003, 349 с.

Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. — М., 1994.

Концепт «лень» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок)

Чжан Личэн,

к. ф. н., доцент

Юго-восточный университет

В данной работе представлен сравнительный анализ русских и китайских пословиц и поговорок о лени. Предметом данного исследования является концепт «лень» в русской и китайской языковых картинах мира. Объект исследования — пословицы и поговорки о лени в русском и китайском языках. Целью работы является исследование концепта «лень» в русской и китайской языковых картинах мира и выявление уникальных составляющих, характеризующих концепт «лень» для каждой из исследуемых языковых картин мира. Материал исследования извлечен методом сплошной выборки из русских и китайских словарей пословиц и поговорок, а также из работ, посвященных анализу концепта «лень» и его репрезентации. В процессе работы было выявлено 100 языковых фактов: 50 в русском языке и 50 в китайском. Основными методами обработки собранного материала послужили описательный метод, сравнительный метод, а также метод компонентного анализа. Материалы данного исследования могут использоваться в практике преподавания русского языка как иностранного, при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии и фразеологии. Анализ собранного материала показал, что, несмотря на то что лень свойственна каждому человеку, независимо от его национальной принадлежности, и русские и китайцы смотрят на лень по-разному. ОБЩЕЕ: 1. Россия и Китай являются аграрными странами, поэтому их пословицы и поговорки рождались в деревнях, и в них много слов связанных с землей, работой на земле, жизнью в деревне. Например, глаголы: пахать, ткать; названия животных: свинья, лошадь (кляча); такие существительные, как хлеб, хлебные злаки, рис. 2. И китайские и русские поговорки и пословицы созданы народом, поэтому в них отражается быт, жизненный уклад. 3. И в русских и в китайских пословицах и поговорках слово «лень» всегда связано с бездельем, праздностью, бедностью,

болезнями, сонливостью, и обжорством. 4. И русские и китайские поговорки допускают варьирование своего состава и не всегда выражают законченное суждение (Ни шьет, ни порет; 吃饭像条龙, 干活像条虫: Ест, как дракон, работает, как червь). РАЗЛИЧИЯ: 1. Значения «лень» в русском и китайском языке похожи, но имеют различия. Основные значения слова «лень» в русском и китайском языках совпадают: лень — это нежелание работать, делать что-либо. В китайском языке у слова «лень» есть дополнительное значение — слабость; усталость; нет сил. 2. В отличие от русского языка в китайском языке слова «томный», «усталый» являются синонимами слова «ленивый». 3. В русском и китайском языках ленивого человека часто сравнивают с больной, старой лошадью — клячей, а также с птицей, которая поздно встает. Но в китайском языке также можно встретить сравнение ленивого человека со свиньей (懒人嘴多, 懒猪屎多: Ленивый человек много ест, а ленивая свинья много гадит).

Добрый человек в русской пословичной картине мира (лингвокультурологический аспект)

Чжан Хуэй,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Прилагательное *добрый* частотно в русских поговорках. В русских пословицах, употребляясь применительно к человеку, оно подвергается субстантивации. Пословицы вербализуют следующие установки культуры: если человек родился добрым, он не может стать злым (Родится добр, не может быть зол, а родился зол — не может быть добр); невозможно быть добрым ко всем без исключения (Всяк добр, да не до всякого), человек, пытающийся быть добрым ко всем, причиняет зло себе (Каждому добрый — себе злой); нужно уважительно относиться к добрым людям и избегать общения со злыми людьми (Доброго чти, а злого не жалей; Доброго держись, а от худого удались; С добрыми дружись, а лукавых берегись), добрый человек положительно влияет на других (С добрым поведешься — добро переймешь, с худым поведешься — худое переймешь). Доброму человеку не всегда хорошо живется: И добрый временами плачет, а худой скачет. Добрый довольствуется малым, радуется жизни: Доброму человеку — что день, то и праздник; Доброму и сухарь на здоровье, а злomu и мясное не впрок. Добрый человек умеет сопереживать: Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Прилагательное *вступает* в пословицах в следующие оппозиции: добрый — злой, добрый — худой, добрый — лукавый. Интересны пословицы компаративной структуры, в которых добрый человек сравнивается с каменным мостом, с засеком хлеба, с сердитым человеком: Добрый человек лучше (надежнее) каменного моста, Добрый сосед — как хлеба засек; Добрый человек скорее дело сделает, чем сердитый. Эталоном доброты служит образ матери: Тепло, да не лето, добра, да не как мать. Встречаются ироничные пословицы: Добрый вор без молитвы не украдет; Добр Мартын, коли есть алтын. Обращают на себя внимание сочетания «добрые люди» и «добрый молодец» в составе пословиц, в которых прилагательное сохраняет значения, свойственные ранним периодам существования русского языка. Добрые люди — это хорошие во всех отношениях люди, значение прилагательного здесь отличается семантическим синкретизмом: За (На) кого бог, за (на) того и добрые люди; Богу хвала, а вам (а добрым людям) честь и слава. Добрый молодец — физически здоровый, молодой человек: Добрые молодцы

не женятся, красны девицы замуж нейдут. Пословицы о добром человеке составляют большой по объему фрагмент русской паремиологической картины мира, нуждающийся в детальном лингвокультурологическом изучении.

Лингвокультурный потенциал русских паремий со сравнительными оборотами (на материале пословиц о лукавстве и прямоте)

Чжао Сыминь,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Среди пословиц концептуального поля «Прямота-Лукавство» выделяется группа единиц, содержащая в своем составе сравнительные обороты, что в целом характерно для паремий русского языка. Данная группа неоднородна с точки зрения своей структуры, можно выделить разные типы таких единиц. Так, 1) выделяются пословицы, включающие один сравнительный оборот: Крутит, как пес хвостом, Человек лукавый — что карман дырявый и др. 2) Пословицы, включающие 2 сравнительных оборота, обычно содержат противопоставление: Прост, как свинья, а лукав, как змея. Противопоставляться могут как основания (простой и лукавый) и объекты сравнения (свинья и змея), так и субъекты сравнения (речи и дела: Речи, что снег (что мед), а дела, что сажа (что полынь). При этом основания сравнения часто опускаются, т. к. они по умолчанию понятны носителю языка. 3) Особый разряд составляют пословицы, левая часть которых содержит сравнение, а правая часть является пояснением сравнения: Кривду что дугу, в воду не спрячешь: концы в воду, а середка — снаружи; Прямой что слепой: ломит зря. В свою очередь, объекты сравнения в пословицах могут быть классифицированы на однокомпонентные и многокомпонентные. К однокомпонентным относим единицы с объектом сравнения, выраженным одним словом или атрибутивным сочетанием: говорит, что клеит, всюду вхож — как медный грош. Многокомпонентные объекты сравнения состоят из нескольких слов и представляют собой целые ситуации. В нашем материале это, как правило, действия, производимые животными или над животными: Играет, как кот с мышкой; Вильнет умом, как пес (как лиса, как сорока) хвостом. Для адекватной интерпретации русских пословиц со сравнительными оборотами необходимо раскрыть образную систему эталонов сравнения, представить ценности и антиценности, вербализованные в пословицах, предложить лингвострановедческий комментарий таких компонентов пословиц, как медный грош, гривна, бахарь и др. Выводы исследования могут иметь значение для практики перевода и межкультурной коммуникации, а также при составлении лингвокультурологических словарей пословиц.

Проблема типов текста и участие языковых средств в их организации: лингвистический и методический аспекты

Итальянские включения как средство создания образа Италии в современном травелоге

Василенкова Лариса Борисовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Путешествие, древнейшая форма изучения мира и человечества, в настоящий момент становится привычным опытом, пережить который могут многие. В связи со своей повседневностью оно постепенно утрачивает свое познавательное и эстетическое значение. В то же время жанр травелога и его основания дают представление об искусстве видеть жизнь, размышлять о ней. Когнитивная модель жанра, о которой говорят исследователи, предполагает наличие рассказчика-путешественника, который представляет единственный фокус изображения. Кроме того, характеризуют травелог как самостоятельный жанр и отличают его от романно-новеллистических форм и от публицистического отчета о путешествии такие особенности, как осознанный отказ от последовательного изложения фактов, отсутствие детализации, возможность игры с реалиями, понятиями и языком описываемой культуры. Композиция травелога, как правило, имеет рамки, заданные началом и концом поездки. Травелог — это особый тип эго-текста, в котором наблюдается интегративность автора и рассказчика, которые ведут диалог с читателем, являя собой единое целое. Травелогической смысловой доминантой выступает открытие, совершаемое как рассказчиком, так и читателем, который всюду следует за повествователем, наблюдая, чувствуя и осязая то же, что и он. Текстом, отвечающим жанровым характеристикам травелога, становится книга Д. М. Бавильского «Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и тридцати пяти городах», современного писателя, литературоведа и блогера. Италия в сознании русского читателя традиционно является столицей мирового культурного наследия, обладающей многовековой историей, полной драматических событий, а народ, живущий в итальянском мире, как правило, видится жизнерадостным и гостеприимным. Данному представлению способствовали тексты многих русских писателей и поэтов — К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Д. С. Мережковского, М. Горького и др., составляющие так называемый «итальянский текст» русской литературы, понятие, возникшее по аналогии с «петербургским текстом». Сформировать и представить образ Италии помогает итальянский язык, мелодичность и нежность которого отмечал еще М. В. Ломоносов. В связи с этим разно-

образные итальянские включения, являясь иконическими знаками, привлекаемыми в текст травелога в качестве изобразительных средств, претендуют на возможность их особого восприятия и играют важную роль в создании образа Италии. Включаясь в нарратив, итальянизмы обретают определенную функцию, которая варьируется в зависимости от функционально-смыслового типа речи (ФСТР), в котором используется единица другого языка. Именно функциям итальянских включений в разных ФСТР, представленных в травелоге Д. В. Бавильского, посвящен данный доклад.

Тексты-эссе о личности ученого: содержание комментария в аспекте РКИ

Вознесенская Ирина Михайловна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-семантические и языковые особенности учебных и научных текстов, рассказывающих о деятельности ученых, получили достаточное отражение как в учебной литературе для иностранных учащихся, так и в лингвометодическом описании. Однако тексты в жанре эссе, посвященные личности какого-либо ученого, представляют собой более сложное речевое явление, что определяется их вариативной композицией, дополнительными смыслами, отражающими видение и интерпретацию личности ученого с позиции пишущего. Понимание такого текста учащимися-иностранцами может быть затруднено или искажено и требует включения в учебную работу соответствующего комментария.

Комментарий как вторичное текстовое образование «выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте» (В. И. Карасик. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. С. 237). Традиционно объектом комментария, сопровождающего текст, в обучении РКИ являются лексические и лексико-грамматические явления, потенциально незнакомые учащимся, что позволяет снять трудности в понимании содержания. Также принятый при работе с текстом лингвокультурный комментарий восполняет возможные лакуны в фоновых знаниях и помогает более точному восприятию сообщения. Однако в случае текста-эссе необходим также комментарий, направляющий «смыслообразующее понимание» (В. И. Карасик). В фокусе такого вида комментария должны быть композиционные, ассоциативно-художественные, субъективно-оценочные средства, которые выражают авторское постижение личности какого-либо ученого (героя эссе). Важное место в содержании такого комментария занимают, в частности, интерпретационные глаголы и глагольные выражения, которые, по определению Ю. Д. Апресяна, «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» (https://rjano.ruslang.ru/sites/default/files/articles/2004/1/2004-1_5-22.pdf).

В качестве материала для наблюдений используются эссе из сборника Е. Г. Водолазкина «Дом и остров или Инструмент языка. О людях и словах» (М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 384 с.) и публикации из книги Марии Бурас «Лингвисты, пришедшие с холода» (М.: Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.).

Лукавство как черта речевого поведения в спортивном медийном дискурсе

Голокова Марина Степановна,

к. ф. н., доцент

Национальный государственный университет

физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

Речевое поведение участников спортивного медийного дискурса обладает определенной спецификой. Коммуникативное пространство спорта наполнено смыслами движения, развития, соперничества, борьбы, оппозиции, сопротивления, конфликта, войны. Это, в свою очередь, порождает в медиа соответствующие речевые действия: обвинение, осуждение, критику, похвалу, поощрение, — и способствует реализации конкретных коммуникативных стратегий.

Современный спорт тесно связан с политикой, и эта связь обнаруживается на уровне лингвостилистического анализа как отдельных медиатекстов, так и спортивного дискурса в целом. В рамках отношений «политика — спорт» можно рассматривать различные черты речевого поведения в спортивном медийном дискурсе, одной из которых является лукавство. Оно подразумевает определенный умысел со стороны говорящего и способствует достижению конкретных коммуникативных целей. Наибольший эффект проявление лукавства может иметь в речи влиятельных политиков, регулирующих сферу мирового спорта: как правило, они пользуются высокой степенью доверия со стороны массовой аудитории.

Трансформация фразеологизма «Быстрее, выше, сильнее» (*Citius, altius, fortius*), инициатором которой в 2021 году, перед летними Олимпийскими играми, выступил президент Международного олимпийского комитета (МОК) Томас Бах, показывает возможности речевого воздействия на массовое сознание. В основе известного олимпийского девиза лежит семантика развития и соперничества, которая достигается благодаря простой форме сравнительной степени: «Быстрее, выше, сильнее». Данная грамматическая категория показывает различия в степени проявления того или иного качества и тем самым подчеркивает состязательный характер Олимпиады.

По решению МОК девиз теперь звучит иначе: «Быстрее, выше, сильнее — вместе» (*Citius, altius, fortius — communis*). Устойчивое выражение впервые претерпело трансформацию в связи с общественно-политическими событиями в мире.

Наречие «вместе» в трансформированном выражении выступает в качестве обобщающего слова и с точки зрения семантики приводит к нарушению формальной логики: первая часть высказывания предусматривает значение борьбы, вторая его нивелирует. Такое изменение фразеологизма придает ему двойственный смысл, что подтверждает проявление лукавства со стороны политиков. Новый девиз противоречит, например, таким событиям, как отстранение России от Олимпийских игр или отказ государств от подписания резолюции о перемирии на время Олимпиады. Девиз в новом звучании позволяет отвлечь внимание массовой аудитории от кризиса в мировом спорте, вызванного геополитическими конфликтами.

Устный публицистический текст: лингвометодическая интерпретация (в аспекте РКИ)

Гончар Ирина Александровна,

к. п. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Устные публицистические тексты с полным правом привлекаются в учебных целях при обучении иностранных учащихся русскому языку. В Государственном образовательном стандарте по русскому языку как иностранному для Третьего уровня общего владения предъявляются требования осуществлять речевое общение в устной форме в рамках ряда тем, которые особенно ярко представлены в различных популярных ток-шоу при обсуждении актуальных для жизни России событий. Используя на уроке такие тексты, преподаватель преследует цель не только совершенствования аудитивных умений, но и сообщения важной страноведческой информации.

Успешной методической интерпретации таких текстов предшествует их рассмотрение как лингвистических феноменов.

Такие тексты, как правило, внешне похожие на монологи, на самом деле представляют собой развернутые реплики диалога, инкорпорированные в большой общий диалог/полилог. Это тот случай, когда «реплики превращаются в логически развернутые рассуждения, полемически заостряются, разрастаются в адресованные собеседнику монологи, а весь диалог становится системой диалогически соотнесенных и сопоставленных монологов» (Еремина Л. И. Диалогизация как способ построения публицистического текста//Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987).

Важную роль при этом играет личность говорящего. В целом ряде случаев высказывания принадлежат уважаемым, известным, патриотически настроенным людям. К ним, без сомнения, относится признанный кинорежиссер Карен Шахназаров. Его выступления особенно интересны тем, что это всегда смелый и нестандартный взгляд Артиста.

Несмотря на очевидную спонтанность и эмоциональность высказывания и вытекающие из нее некоторые незначительные речевые сбои (на Третьем уровне они не должны мешать восприятию и пониманию звучащего текста учащимися), автор речи всегда точно ведет линию своей основной идеи. Продуцируемый текст становится дважды идеологическим: как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выбора формы изложения (рассуждение).

Из трех важнейших функций рассуждения: информирования, побуждения и аргументирования — именно макро-интенция побуждения оппонентов к принятию определенной точки зрения становится текстообразующей. Значительное количество ярких эмоциональных оценок, с точки зрения автора текста, оказывается недостаточным, что приводит к необходимости использования повествовательных вставок-примеров из личной жизни. Именно они функционируют в тексте как убедительные аргументы, но требуют расшифровки, которая должна стать отдельной задачей для слушателей-инофонов.

Подчеркнутая перволичность в построении высказывания Мне очень понравилось; Я должен сказать; Я вспоминаю; Я бы хотел сказать и т. д. становится скрепой всего текста.

Репрезентация адресанта в лирике М. Ю. Лермонтова

Зырянова Елена Васильевна,

к. ф. н., доцент

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Данная работа посвящена анализу коммуникативной структуры лирического произведения, а именно рассмотрению проблемы репрезентации адресанта в лирике М. Ю. Лермонтова.

В большинстве лирических произведений адресант чаще всего эксплицирован в тексте формами личных местоимений. Он прямо заявляет о себе, своих желаниях, выражает свои эмоции, оценки, мнения и может быть отождествлен с реальным автором. Именно такого адресанта мы встречаем в стихотворениях «Родина», «Когда волнуется желтеющая нива...» и др.

Нередко жанр стихотворения указывает на способы экспликации адресанта. Например, в стихотворениях-молитвах, стихотворениях-посланиях чаще всего «Я» говорящего явно выражено.

В лирике М. Ю. Лермонтова можно встретить стихотворения, в которых адресант для выражения своего «Я» использует личное местоимение *мы*.

Иногда *мы* используется с целью интимизации (такое *мы* характерно для любовной лирики поэта), иногда под «*мы*» понимается общество, в котором присутствует автор (такое «*мы*» есть в стихотворениях «Чаша жизни», «Дума» и др). В таких текстах лирический герой говорит о своем поколении, о некоем состоянии пустоты, пресыщенности жизни. В лирике М. Ю. Лермонтова адресант может быть выражен местоимением *мы* в обобщенном значении: *мы* — это не некая группа людей, общество, к которому относит себя лирический герой, а человечество вообще.

Например, такое *мы* встречается в стихотворениях «Одиночество», «Земля и небо» и др. Обобщенность заключается в том, что это *мы* несет в себе общезначимость, так как оно включает в себя и «*я*», и «*ты*», и «*они*».

Не всегда представляется возможным четко провести грань между «*я*» собственным (когда адресант говорит *мы* о некой группе людей, к которой он принадлежит) и «*Я*» обобщенным. Зачастую непонятно, подразумевается ли под *мы* «*мы с тобою*» (а это выражение собственного *Я*) или «*мы, люди*» (т. е. выражение обобщенного *Я*). В лирике часто встречаются примеры, когда адресант явно не выражен в тексте. В нарративе для таких текстов характерна аукториальная повествовательная ситуация с имплицитным непersonифицированным повествователем.

Подобного имплицитно представленного адресанта можно найти в стихотворении «Парус», в котором главный художественный образ — парус — сопоставляется с лирическим субъектом. Отметим, что отсутствие эксплицитного «*Я*» характерно в основном для пейзажной и философской лирики поэта. Имплицитно представленный адресант в таких случаях является наблюдателем, мыслителем.

Трудности построения монолога-пересказа на неродном языке: лексический аспект

Капустина Татьяна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В фокусе настоящего исследования находится пересказ как специфический жанр устной спонтанной речи. При пересказе говорящий строит самостоятельное монологическое высказывание, при этом он вынужден отталкиваться от первичного текста, оценивая набор языковых средств и выражаемую ими информацию с точки зрения их значимости для передачи содержания текста. При пересказе текста на неродном языке на естественные трудности построения монолога-репродуктива накладывается еще один фактор — адекватное понимание первичного текста, знание его лексики и использованных грамматических структур. В настоящем исследовании рассматриваются те лексические трудности, с которыми сталкиваются говорящие при пересказе сюжетных и несюжетных текстов, и то, как они преодолевают эти трудности. Материалом для анализа стали пересказы текстов на русском языке, записанные от информантов-китайцев, источник материала — звуковой корпус русского языка «Сбалансированная аннотированная текстовая». Всего проанализировано 10 текстов-пересказов сюжетного рассказа М. Зощенко «Рубашка фантази» и 10 — несюжетного отрывка из повести В. Г. Короленко «Слепой музыкант». Информантами были 10 студентов-филологов петербургских вузов, с уровнем владения русским языком В2 и С1, что вполне достаточно для понимания первичных текстов. Лексические единицы, выявленные в пересказах, были разделены на несколько групп.

В первую группу вошли эндоединицы, т. е. слова или словосочетания, перенесенные без изменений из первичного текста. Их можно считать ключевыми словами, например, номинация героев (прачка, слепой), лексемы, относящиеся к теме (рубашка, вечеринка, чистоплотный). В пересказах несюжетного текста это еще и номинация деталей пейзажа (солнце, река, облачка, льдины, лес). Во вторую группу вошли единицы, появившиеся в пересказах в результате синонимических замен. Так, глагол *заскочил* (отсутствующий в лексическом минимуме для С1) трансформируется в *пошел*, *побежал*, *сходил*, *заходил*, глагол *предстояла* заменяется на *будет*, а разговорное *напялил* — на литературное *надел*. Третья группа объединяет единицы, появившиеся в результате ассоциативных замен. Можно предположить, что такие замены возникают из-за незнания инофоном конкретной лексики. Так, устаревшее слово *прачка* трансформируется в *бабушку* или *служашего* *магазина*, а *клубы* *фимиама* превращаются в *мистику*. Отдельную группу составили единицы первичных текстов, вообще не нашедшие отражения в пересказах: устаревшие (*давеча*, *двугривенный*), просторечные (*морда*, *голубушка*, *мать честная*) или малоупотребительные (*манжетки*, *фантази*). Анализ лексических единиц пересказов на неродном языке позволяет выявить механизмы трансформации первичного текста во вторичный и проследить особенности работы говорящих с текстами разных типов.

Чему учит притча, или что в учебном тексте достойно комментария

Колесова Дарья Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Как правило, работа над текстом в иностранной аудитории подразумевает два уровня: текст является инструментом для обучения языку (подробнее Дмитриева, 2019), текст обретает самоценность и становится основой для приобщения инофонов к русской литературе (Миксюк, 2019).

Цель комментария к тексту, который мы предполагаем использовать на уроке — обеспечить его понимание на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровне (Потемкина, 2015: 95). Принято выделять библиографический, историко-литературный, реальный и лингвистический комментарий, при этом единицами лингвистического комментария, как указывает Е. В. Потемкина после серьезного обзора научной литературы, являются архаизмы, диалектизмы, авторские окказионализмы, трудные для понимания слова, трудные для перевода слова, словарь местных слов, словарь иностранных слов и список сокращений (Потемкина, 2015: 104–105).

Представляется, что для реализации поставленных целей необходимо расширить перечень единиц лингвистического комментария. Перечисленные выше единицы дают представление о лексико-семантическом уровне языка и текста, кроме этого важны грамматико-синтаксический уровень и собственно текстовый уровень языка и текста.

Анализируя современную притчу как текст-аргументацию, мы представим пример возможного лингвистического комментария к учебному тексту. В качестве материала используется фрагмент авторской программы Б. Гребенщикова «Аэростат» на Радио России (<https://www.radiorus.ru/brand/57083/episodes>).

Дмитриева Д. Д. Учебный текст как средство обучения всем видам речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 1(26). Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-tekst-kak-sredstvo-obucheniya-vsem-vidam-rechevoy-deyatelnosti-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения 08.01.2022)

Миксюк Р. В. Художественный текст на уроках русского языка как иностранного // Высшее техническое образование. 2019. Том 3, № 1. Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения 08.01.2022)

Потемкина Е. В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. Диссертация к. пед. н. М., 2015. Код доступа: https://www.philol.msu.ru/~ref/2015/2015_PotiomkinaEV_diss_13.00.02_79.pdf (дата обращения 08.01.2022)

Типы языковых значений как базовая категория при анализе речевой композиции текста

Коньков Владимир Иванович,

д. ф. н., сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

Анализируя речевую композицию каждого конкретного текста, представляющую собой последовательность речевых форм, мы в качестве составляющих ее элементов выделяем не просто описание, повествование или рассуждение, а совершенно конкретные их разновидности. Специфика таких речевых форм определяется прежде всего типом языковых значений, которые формируют содержание речевой формы, ее смысл. Мир, окружающий автора, предстает в тексте в нескольких семантических ипостасях (мы имеем в виду здесь работы по семантике Н. Д. Арутюновой).

Прежде всего автору дан чувственно воспринимаемый мир, мир видимый, слышимый, обоняемый, осязаемый. В тексте этот мир представлен на основе значений идентифицирующего типа, носителем которого является идентифицирующая лексика. Мы говорим в этом случае о изображении мира, которое создается описательными и повествовательными речевыми формами. Рассуждение при изображении этого мира использовано быть не может, поскольку существование предметов как материальных образований, как вещей, определяется пространственно-временными координатами, но не логическими отношениями.

Вторая семантическая ипостась представленного в тексте мира мир событий, то, что так или иначе мыслится вписанным в нашу жизнь. Семантика событийного типа представлена предложениями с выраженным авторским личностным началом. На основе событийной семантики формируются отдельные разновидности как описания и повествования, так и рассуждения (практическое рассуждение). Чувственно воспринимаемый мир и мир событий публицистического текста привязаны к конкретным координатам социального пространства-времени, в виртуальном мире художественного произведения они определены в аспекте категории хронотопа.

Третья семантическая ипостась представленного в тексте мира мир фактов, мир информации. Семантика факта наиболее явно представлена простыми предложениями, максимально лишенными средств выражения личностного начала. Мир информации упорядочен на основе различного рода отношений между его компонентами (отношения детализации, уточнения, перечислительные, обусловленности и др.). Хотя мир информации, фактов сообщает нам сведения о мире событий, сами его элементы не упорядочиваются на основе пространственно-временных отношений. Именно поэтому М. П. Брандес вводит в научный оборот такую речевую форму, как информационное сообщение. Об описании и повествовании здесь можно говорить лишь с большой долей условности.

Мир абстрактного, отвлеченного знания в научном тексте формируется на основе законов формальной логики и существует вне пространственно-временных отношений. Описание в таком тексте не является описанием в том смысле, в каком оно является описанием в художественной речи.

Специфические функции в художественном тексте изъяснительных конструкций разного типа при контактном расположении

Левина Ирина Николаевна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В докладе рассматриваются особенности использования в художественном тексте изъяснительности, связанной со способами речевого представления информации об интеллектуальной и психической жизни личности: речи, мысли, восприятия, эмоциях, волеизъявлении, оценки, бытия.

Изъяснительные конструкции понимаются широко, как смысловые модус-диктумные структуры, реализующаяся в речи синтаксическими образованиями различной природы: сложноподчиненными изъяснительными, бессоюзно-изъяснительными предложениями, предложениями с вводно-модальным компонентом, некоторыми местоименно-соотносительными, прежде всего вмещающими, предложениями, простыми предложениями, содержащими пропозициональные словосочетания; свободными синтаксемами-делиберативами.

Выбор средств при неоднократной экспликации изъяснительности в поэтическом тексте существенно зависит от расположения конструкций относительно друг друга в пространстве текста, прежде всего: а) контактного, б) дистантного.

При дистантном расположении повтор одной и той же модели подчиняется общим закономерностям текстообразования, чаще всего будет восприниматься нейтрально.

В случае контактного расположения на выбор и последовательность представления моделей-синтаксических синонимов оказывает влияние а) текстовая позиция (употребление в сильной позиции текста: заголовок, абсолютное начало и конец текста, текстового фрагмента, ССЦ, в поэтическом тексте — строфы); б) характерность / нехарактерность изъяснительной структуры для данной позиции.

Наибольший интерес представляет такое сопряжение нескольких изъяснительных структур, которое связано с выдвиганием синтаксической семантики, свойственной той или другой структуре: коммуникативно обусловленное выделение в структуре текста, наряду с экспрессивной, может быть основой реализации таких текстовых функций, как 1) композиционная, 2) метатекстовая, 3) текстообразующая.

Проза поэта: лингвистический аспект (на материале И. Бродский «Набережная Неисцелимых»)

Малинина Наталия Владимировна,

преподаватель

Государственный Университет Кассино и Южного Лациума (Италия)

Проза поэта как особое явление в рамках художественного текста давно привлекает к себе внимание. Р.О. Якобсон посвятил специальное исследование прозы Б. Пастернака. Наблюдение за прозаическими текстами поэта привели автора к выводу об особой роли метонимии, к которой прибегает Пастернак в качестве основного изо-

бразительного средства, что характерно и для его поэтических произведений. Свои подходы искали и другие исследователи, наблюдая за разными средствами языкового представления в поэзии и прозе близкой по смыслу информации. Сам Бродский посвятил этой теме статью «Поэт и проза», в которой рассматривает прозу М. И. Цветаевой и приходит к выводу, что «едва ли поэзия на самом деле потеряла: если она утратила в форме, то осталась верной себе в смысле энергии и сути, т. е. сохранила свое вещество» (Бродский 1979). Мы сделали попытку провести анализ одного из самых известных художественных очерков И Бродского «Набережная Неисцелимых», посвященного Венеции, занимавшей в его творчестве особое место. Свой анализ мы начинаем с интродукции, начальной части текста и обнаруживаем тип композиции, характерный, в соответствии с указанием Б. В. Томашевского, для поэтических текстов, основу которого составляет «одновременность или иная сменность внутренней причинной связанности излагаемого» (Томашевский 1999). И так, Венеция, январь, запах мерзлых водорослей, ассоциации с чем-то очень близким и прекрасная женщина. И каждое из составляющих активно включает самого рассказчика: «стоило оглянуться, как можно было увидеть буквы: VENEZIA»; «в ноздри ударил запах мерзлых водорослей»; «тут я увидел единственное человеческое существо, которое знал в этом городе»... И если поэзия, по словам Пастернака, это выражение своих чувств, мыслей и т. п. в стихах, то поэтический характер проанализируемого отрывка не вызывает сомнений. Однако рассмотренный отрывок не лишен и композиционного качества, характерного для повествования — черт нарративной структуры, которая обычно служит ключом к пониманию дискурса (Плунгян 2008): приезд рассказчика в Венецию, ожидание встречи с человеком, который отвезет его в отель и т. д. Есть основания утверждать, что перед нами контаминация двух типов повествования: идет рассказ/нарратив о приезде в любимый город, на каждом шагу сопровождаемый присутствием рассказчика с его мыслями, чувствами, воспоминаниями. Если продолжить последующее рассмотрение текста, то станет очевидной реализация общих принципов отмеченной композиции. Она, однако, дополняется введением поэтико-символических осложнений, подчеркивающих созерцательный характер изложения как основу размышлений. На уровне композиции текста и организации ее компонентов осуществляется интеграция обоих принципов построения текста/дискурса, отражая особый тип коммуникации, протекающий в диалоге двух форм словесности.

Категория временной локализованности как модельное свойство функционально-смыслового типа речи «повествование»

Омельченко Лилия Николаевна,

к. ф. н., доцент

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Актуальность проблемы типологии текстов связана со сменой научных парадигм: понимание языка «как текста» становится одной из ключевых проблем, «которые определяют дальнейшее развитие лингвистики» [1: 9].

Предметом исследования стала специфика категории временной локализованности в условиях функционально-смыслового типа речи повествование. Повество-

вание опирается на мыслительные процессы, отражающие диахронную связь между явлениями объективного мира [2: 23]. Наблюдения над речевым материалом показали, что повествовательные тексты строятся на основе структурно-семантической модели, обладающей определенными регулярно воспроизводимыми свойствами.

Категория временной локализованности, передающая соотношенность содержания высказывания с действительностью, трактуется как «единство противопоставленных друг другу значений: 1) конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в однонаправленном течении времени...; 2) неконкретности, то есть неограниченной повторяемости, обычности (узуальности) или временной обобщенности („вневременности“, „всевременности“») [3: 210]. Таким образом, противопоставляются три значения: конкретности, узуальности, вневременности.

Результатами исследования стали следующие положения: временная локализованность определяется как модельное свойство повествования, реализующееся в двух его разновидностях.

Визуальное повествование сообщает о конкретных диахронных действиях, каждое из которых точно локализовано на временной оси, что предполагает возможность их наблюдения. В художественном тексте визуальное повествование актуализирует расчлененные действия, движущие сюжетную линию произведения, для этого используются глаголы сов. вида с аористическим значением, темпоральные обстоятельства (потом, затем).

Узуальное повествование сообщает о диахронных действиях, периодически повторяющихся с определенной эпизодичностью в пределах обозначенного автором периода времени. Используются глагольные формы несов. вида; темпоральные обстоятельства, обозначающие продолжительный период жизни, исключая непосредственное наблюдение (в детстве, в студенческие годы); степень регулярности действий может быть не эксплицирована.

Третье значение анализируемой семантической категории — временная обобщенность («вневременность») — не типично для повествования; напротив, оно является модельным свойством описания-характеристики.

Литература

1. Плузган В. А. Лингвистика в XX веке: проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1.
2. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ, 1974.
3. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Жанровая рамка как основа интерпретации текста рассказа (на примере антиутопического рассказа)

Попова Татьяна Игоревна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Интерпретация текста (в том числе художественного) в иностранной аудитории не может не опираться на жанровую рамку. Жанровая рамка, т. е. информация «о самом коммуникативном акте, в результате которого сообщение родилось на свет, в первую

очередь о социальной роли, принятой адресантом, и о роли, отводимой им адресату, о статусе адресанта, а также о прочих параметрах ситуативной рамки, не известных или недостаточно известных адресату» (Долинин 2010: 75), помогает интерпретировать смысл текста.

Рассмотрим данное условие интерпретации текста на примере антиутопического рассказа Алисы Ганиевой «Министерство благополучия» из коллективного сборника «Время вышло. Современная русская антиутопия» (М., 2022).

В предтекстовых комментариях необходимо дать информацию о жанре утопии и антиутопии, которые невозможно рассматривать в отдельности. Цель антиутопического рассказа — спор с утопией, изображение общества, претендующего на совершенство, с ценностно-негативной стороны (Шевель, 2011). О. В. Хорохордина дает следующее определение жанра антиутопии: это «сатирический жанр художественной литературы, где некий признаваемый героями произведения идеальным миропорядок (...) изображается с позиций негативной авторской оценки, в чем воплощается авторский замысел заставить читателя задуматься о том, как следует действовать уже сегодня, чтобы избежать изображенного в антиутопии результата развития современного общества» (Хорохордина 2016: 75).

С учетом цели антиутопического рассказа необходимо вычленив из текста содержательно-фактуальную информацию об «идеальном» миропорядке. В рассказе Ганиевой он полностью регулируется Министерством счастья и благополучия (Минблагом) через социальные сети, где полагается ежедневно выходить в обязательные госрегулируемые домашние стримы, выполнять пуш-ап-указания от Минблага — выкладывать в сториз тематические фотографии и посты. Наблюдение над развитием второй темы — состоянием и настроением героя, которые входят вразрез с установкой Минблага презентовать миру хорошее настроение и довольство жизнью — позволяет усомниться в идеальности изображаемого миропорядка и выводит на авторское отношение к такому миру. Доведении до абсурда ситуации самовыражения, принятого сегодня в социальных сетях у пользователей, помогает читателям осознать опасность современных тенденций развития социума.

Литература

Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. 304 с.

Хорохордина О. В. Дискурсивные приемы импликации инструктивных компонентов в жанре антиутопии // Филологический класс, 4(46)/2016. С. 74–79.

Шевель Е. А. Утопия и антиутопия в литературном процессе XX в.: когнитивный потенциал // Гуманитарные исследования, № 4, 2011. С. 267–273.

Жанр аннотации в аспекте межкультурной научной коммуникации

Реброва Ирина Витальевна,

к. ф. н., доцент

Зальцбургский университет им. Париса Лодрона

Признание мировым ученым сообществом английского языка в качестве *lingua franca* ведет к интернационализации письменного и устного научного общения, которое приобретает в межкультурной коммуникации особый статус и базируется на общих

профессиональных знаниях и представлениях, не связанных с национальным языком и культурой.

Тем самым этот вид коммуникации не должен приводить к профессиональному непониманию. В то же время в мировом научном общении несмотря на тенденцию к интернационализации порождаются тексты (часто неосознанно), типологически построенные по законам жанра, принятого в конкретной национальной речевой культуре. Этот факт свидетельствует как о том, что рано говорить о полной интернационализации научной коммуникации, так и о том, что не следует забывать о положениях контрастивной риторики, касающихся процессов текстопорождения и текстовосприятия с позиций именно национальной традиции и национального обучения и высказанных еще в 60–80-е гг. XX в. такими исследователями, как R. Kaplan и M. Clype. В отечественной стилистике и культуре речи типология научного текста детально описана и проработана. Ядерными научными жанрами считаются: научная статья, монография, диссертация (Купина, Матвеева 2013: 144). Жанр аннотации, хотя и не является ядерным, неоднократно описан с точки зрения содержания и структуры. В то же время процесс интернационализации научного общения позволяет рассматривать типологические характеристики этого жанра в сопоставлении с *lingua franca*. На языке *lingua franca* текст, предвещающий научную статью в научном журнале и композиционно включенный в научную статью, служит инструментом успеха данной публикации и носит название *abstract*. Как показывает сопоставление, классическое определение аннотации в российской стилистике отличается от жанра *abstract*, который неотделим от публикации в научном журнале и содержит пять структурных компонентов, связанных с различными речевыми действиями (*moves*) (по Hyland (2000, 67): Introduction, Purpose, Method, Product und Conclusion. Количество компонентов может быть меньше (об этом подробнее в докладе). Таким образом, параллельное существование жанра в рамках своей и международной научной традиции требует особого методологического подхода. Само название жанра аннотации должно быть либо более строго дифференцировано, либо отделено от такого жанра как *abstract*. Это позволит по-новому подойти к обучению научной коммуникации, к интерпретации жанра в иностранной аудитории с учетом данных этнометодики и типологии текста.

Литература

Hyland K. (2000). *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. London: Longman

Купина Н. А. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. М.: Издательство Юрайт, 2013.

Тема прошлого в современной литературе: лингвистический аспект

Рогова Кира Анатольевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В произведениях современной литературы, обращенных к настоящему, к повседневной жизни человека, не теряют своего значения события прошлого, их след в его сознании. В романе А. Дмитриева «Другой берег» (2020) эта тема, присутствует как

одна из ведущих в формировании художественного повествования. В русском языке обращение в сознании человека к прошлому представлено двумя глагольными конструкциями: вспоминать прошлое — возобновить в памяти прошлое (МАС, Т. 1, с. 234) и размышлять о прошлом — предаваться мыслям о прошлом (МАС, Т. 3, с. 618). Будучи близкими по значению, они различаются характером ментального действия, вторая конструкция очевидно указывает на углубленное его протекание. Эти значения четко выявляются и в романе А. Дмитриева «Другой берег».

Роман начинается и кончается воспоминаниями героя-повествователя о событиях, как изменивших его жизнь, так и оставивших в ней глубокий след. В интродуктивном компоненте герой, в прошлом школьный учитель, занятый выполнением малярных работ, случайно встречается с успешным предпринимателем — недавним профессором. Знакомство начинается и продолжается многодневным разговором: На разговор с ним я не напрашивался, но Абель... заговорил со мной сам, о пустом, не помню... Я отвечал ему неважным чем-то, но разговор наш был продолжен и на следующий день, и на другой, и длился все пять дней... В языковом отношении разговор наполнен метавключением, позволяющими читателю представить характер людей и почувствовать интерес к событиям их жизни. Конец романа снова повествует о прошлом героя, о его любви, которую он пронес через всю жизнь: Я не люблю, когда со мною говорят о любви. Потому что в ней все дело. Я это понял, когда понял, что вторая моя жизнь заканчивается, а еще я понял: не бывает первой-второй жизни. Жизнь у меня была одна, и я ее проиграл. Если воспоминания в начале романа, как бы тяжелы они ни были, могут быть смягчены дружеским участием, то память о совершенной ошибке такой разрядки не получает. Она теряет временной характер. Стилистически этот компонент текста становится гимном любви с использованием повтора, пронизывающего весь текст: Моя любовь. Это о ней я помнил втайне от себя, когда роптал на Бога, сидя в траве за колокольней Единственная моя любовь. Что приводит к поиску объяснения разрыва: Это был страх огромной, небывалой в моей жизни перемены участи.

Итак, роман о жизни человека сегодня оказывается представляющим важные экзистенциальные проблемы, связанные с размышлениями о прошлом, которое пока не покидает человека.

Литература

Дмитриев А. В. «Другой берег» / Знамя, 2020, № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2020/11> (дата обращения 03.01.2022).

Изучение драматургической речи на занятиях по русскому языку как иностранному

Соломкина Татьяна Алексеевна,

к. иск., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из главных задач при изучении русского языка как иностранного является нахождение студентами так называемой разговорной свободы, речевой раскрепощенности. Это состояние высокой коммуникативной готовности, которое предполагает спонтанный подбор слов, жестов и мимических проявлений, точную передачу смысла

высказывания с помощью невербального выражения, корректное включение образного компонента в речь.

Эффективным способом нахождения речевой свободы является театрализация. Это понятие традиционно рассматривается в двух аспектах: придание чему-то черт театрального искусства и представление чего-то в утрированных тонах. Важным представляется первое определение, так как оно выводит нас в область особой коммуникации, активизирующей речевые навыки.

Драматургический текст (пьеса) существует исключительно для устного воплощения (спектакль на сцене). Этим обусловлены определенные качества, присущие драматургическому произведению, а именно диалоговый характер, активное включение в диалог персонажей авторских указаний на невербальную составляющую и в целом удобство произнесения текста. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что свой вклад в формирование смысла произносимой фразы вносит актер, ее произносящий, и, хотя и косвенно, на смысл фразы оказывает влияние режиссер.

При подборе драматургического материала для освоения РКИ наиболее подходящими представляются произведения А. П. Чехова. Пьесы «Вишневый сад», «Чайка», «Три сестры», «Дядя Ваня» отличаются лексико-грамматической «простотой», монологическим характером диалогов, спонтанной сменой темы высказывания, частыми обрывами фраз, обилием пауз обдумывания. Это создает имитацию бытовой разговорной речи и требует от исполнителя нефорсированного, естественного звучания с обязательным осмысленным подключением невербального компонента. Активные занятия по развитию речевых навыков могут сопровождаться анализом сценической речи исполнителя.

Подобно актерам, студенты в процессе освоения русской речи пробуют произносить одни и те же слова в пьесе с разной интонационной окраской, варьируя паузами, по-разному заполняя их междометиями или произносимыми про себя словами, фразами. Это возможно только при глубоком осознании смысла текста, а также при понимании ситуации, в которой герои пьесы произносят эти слова. При заполнении пауз студенты самостоятельно выстраивают «немой» вербальный ряд, обращенный как правило к себе, наподобие апартаментных реплик, только произносимых не вслух, а про себя. При мысленном спонтанном говорении студенты могут совершать речевые ошибки, но в данном случае целью является отработка навыков свободного рождения русского слова, а также приучение студентов думать на русском языке.

Особенности реализации нарратива и рефлексива в рассказе В. Г. Распутина «Видение»

Хорохордина Ольга Витальевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Рассказ В. Г. Распутина «Видение», выдающийся образец русской лирико-философской прозы конца XX в., уже заголовком указывает одновременно на свое содержательное и жанровое своеобразие.

Экспозиционный компонент рассказа сообщает о тревожащем по ночам повествователя-писателя звуке, загадочность которого вызывает мысли о завершении земного существования («Что это? — или меня уже зовут?»), подталкивающие к самоо-

ценке в преддверии грядущих изменений («глаза мои все чаще обращаются вовнутрь, чтобы различить прощальный пейзаж») и к попытке представить свое бытие по окончании земной жизни («что дальше?»). Направляемое этими вопросами, писательское сознание повествователя вместо прямых ответов порождает видения, в которые он сам включен как перемещающийся между мирами персонаж, их созерцатель и интерпретатор.

Содержание рассказа определяет его речевую организацию, которая строится по индуктивной модели объяснения (И. М. Вознесенская) в сопряжении двух типов речевых компонентов: нарратива, включающего преимущественно описания являющихся повествователю в видениях пейзажей и интерьеров, и рефлексива, отражающего его попытки их интерпретации, поскольку видения образны и символичны. Так, в видениях интерьер некоей комнаты и пейзаж за ее окном полны реалий, обозначающих границы миров и переходы между ними: дверь, окно, дорога, мост, река, — что способствует формированию образа междумирия; а, например, описание увядания осеннего леса становится метафорической интерпретацией старости человека и воплощением представления о его смерти как растворении в природе. Приведенные примеры показывают, что в рассказе в результате сопряжения общеязыковых значений слов и бытующих в русской культуре мифологических представлений об обозначаемых ими реалиях формируется контекстуальная, приспособленная для выражения авторского миропонимания семантика лексических единиц.

Не менее важную роль в выражении авторских смыслов играет и грамматическая семантика. Так, преобладание в рассказе глаголов настоящего времени обусловлено изображаемой ситуацией: «Это не комната воспоминаний; да и я словно бы лишен возможности оглядываться назад». При этом разные значения настоящего времени глагола позволяют передать повторяемость изображаемых ситуаций и одновременно включить читателя в их непосредственное наблюдение в репродуктивных высказываниях или приобщить его к выводным умозаключениям повествователя в генеритивных высказываниях («в эту пору, когда сезонное отмирает, рождается что-то вечное, властное, судное»).

Значимость типов предложения в формировании художественных смыслов проявляется, например, в том, что вопросительные предложения в тексте направляют мысль автора, а, завершая рассказ, указывают на невозможность найти окончательные ответы на вопросы о бытии за пределами земной жизни.

Лексические средства передачи эмоции страх в пьесе «Ревизор» Н. В. Гоголя и их китайские аналоги

Чжан Яньцю,

к. ф. н., старший преподаватель
Пекинский педагогический университет

Лингвистика последних десятилетий активно разрабатывает вопросы актуализации эмоционального фактора в языке и речи. Во всех языковых системах существуют средства для передачи эмоций, и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, о причинах, ее вызывающих, ее месте в ряду других эмоций и т. д. Поэтому нам представляется интересным проанализировать, с помощью каких лексических средств передается эмоция страх гоголевских героев

в переводе «Ревизор» на китайский язык. Это связано с тем, что на основе анализа собранных нами материалов обнаружилось, что в группу страх входит большое количество единиц. Мы посчитали возможным разделить варианты перевода русских лексических средств передачи страха на китайский язык на три подгруппы: случаи эквивалентного перевода, частично-эквивалентного и абсолютное отсутствие совпадения, т. е. неэквивалентный перевод. Стоит отметить, что для передачи эмоции страх в пьесе «Ревизор» Н. В. Гоголь использует и языковые средства непосредственного выражения данной эмоции, что отличается от особенностей языковых средств передачи этой эмоции в его повестях. В ходе анализа языковых единиц передачи эмоции страх в данной пьесе было установлено, что в большинстве случаев при переводе языковых средств передачи страха переводчик использует эквивалентные средства. Среди них выделяются дословные переводы, а изменение порядка слов связано с определенными требованиями синтаксиса китайского языка. Детальное рассмотрение эмоции страх на фоне перевода на китайский язык позволяет говорить о том, что по сравнению с русским текстом в китайском переводе степень проявления и выражения данной эмоции заметно интенсивнее, что отражается в использовании китайских лексем, подчеркивающих неконтролируемость эмоции (например, при переводе «И руки дрожат, и все помутилось» китайский переводчик использует 手不由自主地就抖索起来, 一切都乱套了, буквально- И руки невольно начали дрожать, и все полная Неэквивалентные переводы, на наш взгляд, явно связаны с китайскими постулатами и принципами традиционного поведения китайцев. Например, «Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою» — 像热锅上的蚂蚁 (словно муравьи, попавшие на горячую сковороду Пословица 热锅上的蚂蚁 значит муравьи, попавшие на горячую сковороду, с его помощью переводчи выражает свою иронию и отрицательную оценку поведения героя. В китайском древнем произведении написано: «Надо мириться с чрезвычайными событиями, как с обычным делом» [Юэянь].

Литература

1. Чжан Хун. Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке в сопоставлении с китайским: функционально-семантический аспект (на фоне китайского языка). СПб.: Филологический аспект СПбГУ, 2007. 171 с.
2. 《越谚·附论·论堕贫》(简体字本), 清 范寅, («Юэянь», Династия Цин)
3. 果戈里《死魂灵, 钦差大臣》译:

Обучение русскому языку как иностранному: теория и практика

Построение эффективной модели обучения РКИ тюркоязычных студентов

Бадалова Елена Назимовна,

к. ф. н., доцент

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Для создания эффективной модели обучения необходимо, во-первых, учитывать ряд факторов: текущий этап подготовки, индивидуальные особенности личности студента, национальный контингент группы обучающихся, особенности родного языка; во-вторых, выбирать методы и подходы в зависимости от желаемого результата; в-третьих, составить комбинацию методов для достижения цели и получения студентами языковых умений и навыков. В современной методической теории существует большое разнообразие методов и приемов, составляющих психолого-педагогическую основу организации учебного процесса. Преподаватель в процессе оптимального выбора наиболее подходящих из них руководствуется рядом критериев. Дисциплина «Русский язык как иностранный» в высшей школе включает разные виды деятельности на занятиях, а также большой объем упражнений, выполнение которых направлено на глубокое освоение материала как грамматического, так и текстового. Самое важное, что необходимо отметить, это ключевая роль выбора методов и подходов, ориентированных на конкретную группу обучающихся. Не менее важна и этническая составляющая. В процессе обучения туркменских студентов в нашем вузе мы учитываем особенности родного языка. Туркменский язык относится к тюркской языковой семье, соответственно является агглютинативным, в котором «структура слова прозрачна, так как границы морфем отчетливы; на стыках морфем, как правило, не возникает значительных звуковых изменений, а возникающие связаны с явлением так называемого стяжения и носят единичный характер» [Успенский Б. А., «Структурная типология языков»]. Не менее важна и типичная для тюркских языков фонетическая система со свойственным ей противопоставлением переднеязычных согласных заднеязычным, а также особая типология слогов, обуславливающую относительную простоту дистрибутивных отношений фонем. Это необходимо учитывать на всех этапах занятий: начальном (сразу по завершении вводно-фонетического курса), основном и продвинутом. В процессе восприятия и продуцирования речи грамматика играет важнейшую роль — она организует речь. Принцип поэтапно-концентрической организации занятий. В данной системе занятий выделяются несколько относительно самостоятельных, но тесно между собой связанных этапов усвоения материала от целого (восприятия предложения, текста) к частному (его отдельных компонентов) и опять к целому, т. е. синтез — анализ — синтез. Чтобы перейти от знаний к речевым навыкам

и формированию на их основе речевым умениям необходимо использовать коммуникативный метод. Главная задача коммуникативного метода — научить студентов участвовать в речевой деятельности. Таким образом, в современных мультикультурных условиях образовательные программы предъявляют приоритетное требование к знаниям и умениям выпускника университета — умение работать с текстом.

Начальный курс устного последовательного перевода как часть курса практического русского языка как иностранного (обучение говорению)

Гананольская Елена Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Одной проблем при обучении русскому языку китайских учащихся является проблема интенсификации обучения. Частично ее можно решить, организовав программу обучения так, чтобы входящие в нее курсы взаимно дополняли друг друга.

В последние годы в ряде вузов КНР для студентов-русистов непереводческих специальностей бакалавриата (3-й год обучения) с этой целью вводится курс устного последовательного перевода. Задача курса — улучшение качества практических навыков владения русским языком.

При организации занятий по этой дисциплине возникает ряд проблем и задач, которые во многом схожи с проблемами и задачами основного курса практического русского языка.

Особенностью обучения устному переводу китайских бакалавров-русистов 3-го года обучения является то, что оно начинается сразу после формирования навыков и умений речевой деятельности на базовом уровне, что отличает данный курс от аналогичного курса для студентов переводческих специальностей, у которых обучение устному переводу начинается после того, как студенты овладеют русским языком на продвинутом уровне. А это значит, что рассматриваемая дисциплина становится частью общего курса практического русского языка и встает в один ряд с другими дополнительными курсами.

Для овладения навыками устного перевода на начальном этапе прежде всего необходимо развитие навыков аудирования и говорения, которые у китайских студентов-русистов после двух лет обучения сформированы хуже всего.

Недостаточная их сформированность во многом определяется системой тестирования по русскому языку, принятой в китайских вузах. В конце 2-го года обучения студенты-русисты вузов КНР сдают единый экзамен (тест) по русскому языку четвертого уровня (ТРЯ-4), большая часть которого проводится в письменной форме, поэтому обучение языку во многом ориентировано на подготовку к этому экзамену. «Ввиду этого основные усилия преподавателей концентрируются на изучении лексики и грамматики, при этом не уделяется должного внимания формированию навыков и умений устной речи и организации активной речевой практики» (Гао Фэнлань, 2016, № 12: 44).

При обучении говорению китайских студентов-русистов общие задачи курса устного перевода и основного курса практического русского языка — это формирование устойчивого активного словарного запаса, развитие оперативной памяти, перевод

сформированных ранее грамматических навыков и умений на уровень собственно речевой коммуникации, развитие умения передавать один и тот же смысл различными языковыми средствами и т. п. В докладе на материале учебника «Начальный практический курс устного последовательного перевода» (Е. В. Ганапольская, Гу Хонфэй, Сюй Ци) показано, какие типы упражнений, применяемые в курсе устного перевода, могут быть использованы для обучения говорению в основном курсе практического русского языка,

Фонетический аспект работы с текстом на занятиях по русскому языку как иностранному (основной и продвинутой этапы обучения)

Дерябина Светлана Александровна,

к. п. н., доцент

Российский университет дружбы народов

На основном и продвинутом этапах обучения студент должен пройти путь от достаточно четкого произношения, в котором может ощущаться иностранный акцент (B1–B2) к овладению естественным произношением с незначительным акцентом (C1), научиться использовать весь спектр фонологических функций с высоким уровнем контроля ритмической организации речи (C2) [4]. Достижение описанных результатов требует организации работы по совершенствованию фонетических навыков, сформированность которых связана с пониманием, запоминанием и программированием высказывания на иностранном языке. Фонетическая система русского языка имеет сложную для усвоения иностранцами организацию, обусловленную особенностями артикуляционной базы русского языка на уровне произношения отдельных звуков и их сочетаний, ритмики русского слова и мелодики звучащей речи. Работа с текстом занимает центральное место при обучении иностранному языку, он является «исходной и конечной единицей обучения» [1]. Традиционно работа с текстом на занятиях по иностранному языку включает три этапа: предтекстовый, притекстовый и послетекстовый. С точки зрения заданий по совершенствованию фонетических навыков для основного и продвинутого этапов обучения можно выделить такие виды работы в современном образовательном пространстве, как: прослушивание аудиозаписи отдельных слов, словосочетаний и предложений текста, определение места ударения в прослушанных словах (предтекстовая работа); прочтение текста с опорой на его фонетическую разметку, прослушивание аудиозаписи текста при прочтении (притекстовая работа); выполнение фонетической разметки текста, подготовка выразительного чтения фрагмента текста с опорой на его фонетическую разметку (послетекстовая работа). Задания на прослушивание и определение ударного слога могут сопровождаться QR кодами, отсылающими к аудиозаписям. Представление текста в электронном формате может быть дополнено фонетической разметкой, позволяющей «зафиксировать внимание на фонемах и их модификациях, акцентуации или транскрибировании интонационного контура» [3]. Обращение внимание на корректность фонетической стороны речи в процессе обучения иностранному языку в методике преподавания русского языка получило название «фонетизация» [2]. Организация такой работы на основном и продвинутом этапах может дополнять работу

с текстом, определяется особенностями отдельной группы, требует от преподавателя фонетической грамотности.

Литература

1. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. М.: 2009.
2. Галеева М. М. Фонетический аспект в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе обучения: тексты лекций. М.: 1984.
3. Любимова Н. А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков: постановка и коррекция. М.: 2019. 4. www.coe.int/lang-cefr.

Ошибки инофонов при освоении прямого дополнения

Кашлева Ксения Константиновна,

к. ф. н., доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Краснощекова Софья Викторовна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

В этом исследовании изучались ошибки, допущенные иностранцами при освоении прямого дополнения. Помимо существительных и местоимений в винительном падеже, в роли прямого дополнения также могут выступать генитивные и предложные группы, синтаксические актанты и наречия. В ходе эксперимента информантам (уровни от А1 до С1) было предложено 3 вида заданий с переходными глаголами: закончить предложение, заполнить пропуски, исправить ошибку при ее наличии. От информантов было получено 1912 ответов, из них 391 ошибочных (20%). Количественное распределение ошибок по уровням было следующим: А1 — 20% ошибок (от всех ответов этого уровня), А2 — 31% ошибок, В1 — 25% ошибок, В2 — 15% ошибок, С1 — 6%. Таким образом, качественный скачок происходит после уровня В1. Чаще всего учащиеся ошибались в согласовании (15% всех ошибок), употреблении падежей (13%), семантике (26%), пропускали обязательные актанты (14%) или не исправляли ошибочное предложение (21%). Ошибки в согласовании встречались на уровнях А1-В2 и обычно в задании «заполните пропуски». Например, трое информантов разных уровней сделали одинаковую ошибку в примере (1), вставив предлог «на»: (1) В детском саду воспитатель смотрит, на дети. Студенты не распознали, что запятая сигнализирует о придаточном предложении (что является довольно сложным навыком), однако они также не обратили внимания на падеж слова «дети». Ошибки в употреблении падежей характерны для студентов А1-В2 во всех видах заданий. (2) Приходите в гости и приводите свои дети. (3) Каждый из опрошенных назвал коллеги, которые работали лучше других. В примерах (2) и (3) ошибки обусловлены тем, что студенты не смогли вспомнить, что винительный падеж одушевленных существительных совпадает с родительным. Семантические ошибки (4) и пропуски обязательных актантов (5) были характерны для задания «заполните пропуски». (4) Он отличный специалист и знает по своей теме точно. (5) Он подошел к нам и сказал каждому человеку. Кроме того, студенты часто не распознавали ошибочное предложение и оставляли его без исправ-

ления: (6) Я не продолжал задачу. Результаты показали, что в случае жестко заданных рамок (задание «заполни пропуски») студенты допускают больше ошибок, тогда как в более свободном порождении они могут использовать стратегию избегания, чтобы переформулировать предложение так, чтобы быть уверенными в его правильности. Ошибки, полученные в эксперименте, похожи на ошибки в спонтанной речи, поэтому такой формат эксперимента оправдан для симуляции спонтанной речи, если необходимо получить сразу много данных об устройстве системы второго языка. Кроме того, систематизация ошибок позволяет выявить слабые места в употреблении учащимися транзитивных глаголов и создать больше упражнений на дополнительную отработку этого материала.

Начальный курс русского языка: новое в структурировании материала учебника

Ласкарева Елена Ромуальдовна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Систематизированная лингвистическая информация должна служить базой для практики преподавания и составления учебников. Отработка практических навыков при овладении языком должна идти вкуче с координацией теоретических знаний. Предлагаемый нами новый подход к структурированию учебного материала в том, что теоретические знания суммированы для учащихся как в комплексе упражнений, так и в приложениях к учебнику.

Материал представлен в упражнениях в десяти уроках — с активным тренингом грамматики и лексики и с выходом в коммуникацию и ситуации общения.

Графическое разделение каждой страницы на две части помогает выделить приоритеты изучаемых явлений и в то же время показать перспективу, и это характерно для всех аспектов работы. Например, в правой части страницы напечатаны все личные местоимения, однако графически особо выделены лишь три, изучаемые на данном уроке. Определены и графически выделены в правом столбце также правила чтения и грамматические модели — обязательно с речевыми образцами, выделенными курсивом. Место, оставшееся свободным в правой части страницы, дает учащимся возможность делать персональные записи и комментарии.

Приложения содержат теоретический и практический материал и снабжены соответствующими пометами. Так, лексический материал для активного овладения, разделенный в учебнике на сегменты по урокам, в приложениях 1 и 2 дан цельными списками, что позволяет студентам выделить активно изученные варианты и в то же время видеть персональную перспективу. В приложениях 3, 4, 5 и 6 суммированы азы теории для начального курса с выходом в типизированные речевые образцы: русская фонетика, мелодика и правила чтения; лексика в системе (антонимы, синонимы, гиперонимы); словообразование и морфемный анализ; практическая грамматика для начального этапа. Это материал для ознакомления, активного тренинга и выбора — на перспективу. В приложениях 7–10 представлены тексты — для выхода в стилистику и работы по видам речевой деятельности. Диалоги и тексты для аудирования записаны на CD. Предложенная система направлена на интенсификацию обучения и оправдала себя в практике работы.

К вопросу о классификации фонетических ошибок на неродном языке

Любимова Нина Александровна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Переушина Ирина Сергеевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Произносительные ошибки по степени их значимости для понимания речи на родном языке дифференцировал еще Л. В. Щерба, называя одни ошибками выговора, а другие — звуко-смысловыми (1963). М. И. Матусевич, разделяя мнение Л. В. Щербы, называла их фонетическими и фонематическими соответственно (1957).

Классификация Л. В. Щербы и М. И. Матусевич долгое время применялась и при описании ошибок в речи на неродном языке. Авторы существующих классификаций именуют группы ошибок по-разному, но в сущности имеют ввиду фонетические и фонематические ошибки, свидетельствующие о нарушении произносительной нормы и фонетической системы. С развитием преподавания русского языка как иностранного в 50-е гг. XX в. Появились новые интерпретации характера фонетических нарушений, что связано с пониманием разной природы ошибок в речи на родном и на иностранном языке. Так, Е. А. Брызгунова (1977) предложила различать три типа ошибок: фонологические, артикуляционные и смешанные. Последние отражают трудности противоположения фонем и их артикуляции ([ɫ -l']). Под влиянием работ Л. А. Вербицкой (1976), при анализе интерферентных ошибок в речи иноязычных на русском языке стали использовать ее термины орфоэпические (нарушение противоположений фонем) и орфофонические (нарушение аллофонического варьирования) (Интерференция звуковых систем 1987). После работ У. Вайнрайха (1953, 1957) лингвисты и методисты при анализе интерферентных ошибок сегментного уровня стали использовать термины: фонемная недодифференциация, сверхдифференциация, реинтерпретация, субституция звуков речи, а также плюс-сегментация и минус-сегментация.

Ошибки в речи инофонов являются результатом взаимодействия в сознании индивида двух или более языковых систем, т. е. интерференции — внутреннего психофизиологического механизма, действие которого определяется спецификой не только первичной, но и вторичной системы. Ошибки возникают и на уровне системы, и на уровне нормы изучаемого языка. При этом следует учитывать, как объективную данность реализации звуковых единиц в речи инофонов, так и восприятие интерферентных ошибок носителем языка, который интерпретирует ошибку с позиций своего языка в результате действия внутриязыковой интерференции. В этом случае можно выделить три группы проявления отрицательной фонетической интерференции, действие которой отражается на «переосмыслении» иноязычных дифференциальных и интегральных признаков фонем изучаемого языка и интерпретацией их реализации носителем языка. Все существующие классификации созданы для описания ошибок в речи носителей фонемных языков при обучении фонемному языку. В случае же обучения представителей слоговых языков фонемным языкам проблема усложняется, поскольку минимальной единицей звукового строя таких языков выступает не звук (фонема), а слог (слогофонема).

Средства реализации коммуникативной установки в русском и китайском языках

Мао Юйпэн,

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям, они типологически различны. В изолирующем китайском языке порядок слов фиксированный. Коммуникативное задание говорящего в китайском языке выражается в основном интонацией и синтаксическими конструкциями. Ср.:(а) 教授来了 (букв. перевод: Профессор пришел). (б) 来的是教授 *jiàoshou* (букв. перевод: Пришел профессор). Коммуникативная установка обоих высказываний состоит в сообщении о том, кто является носителем известного предикативного признака. Они построены в соответствии с латентным вопросом: 谁来了? ?> (букв. перевод: Кто пришел?). Однако, как мы видим, позиция подлежащего в высказываниях неодинакова. Для высказывания (а) характерен прямой порядок компонентов предложения (подлежащее — сказуемое) и субъективный порядок компонентов актуального членения (рема — тема), при этом подлежащее-рема профессор выделяется фразовым ударением. В высказывании (б) при наличии конструкции «...的是 *deshi*...», где 的 *de* является показателем номинализации, т. е. существительным-модификатором, связка 是 *shi* — актуализатор ремы, подлежащее-рема профессор помещается в конец высказывания. Соответственно, для него характерен объективный порядок компонентов актуального членения (тема — рема). Ему в русском соответствует: Тот, кто пришел, это профессор. В русском языке ответ на вопрос Кто пришел? строится тремя способами: 1) предложение с объективным порядком слов, с препозицией сказуемого к подлежащему, выполняющему коммуникативную роль ремы: Пришел профессор. Фокус темы пришел отмечается небольшим повышением тона, а фокус ремы профессор — главным фразовым ударением; 2) предложение с эмфатической препозицией ремы, в котором подлежащее-рема предшествует сказуемому и отмечено главным фразовым ударением (ИК-2): Профессор пришел; 3) предложение с нулевой темой, отмеченной ИК-1: Профессор. Как видно из приведенных выше примеров, в русском языке в данном случае тема может быть опущена. Повтор глагола в русском языке выглядит скорее избыточным. Однако в китайском языке при ответах на вопросы принято сохранять определенные компоненты предложения, особенно когда фразовое ударение делается на объекте, необходимо оставлять глагол, например: — 你买了什么? ?> (букв. перевод: Ты купил что?) — 买了面包 > (букв. перевод: Купил хлеб), сказать: *面包 > (Хлеб). Это объясняется особенностью китайского языка: большинство слов короткие, состоят из одного или двух слогов. Именно поэтому, на общие вопросы совершенно нормально ответить повтором глагола, особенно при ответах на вопросы об объекте. Кроме того, если в данном диалоге в ответе оставить только словоформу хлеб, может создаться впечатление, что говорящий резок и даже недостаточно вежлив.

Психолингвистический портрет китайского студента

Митрофанова Ирина Игоревна,

к. с. н., доцент

Российский университет дружбы народов

В последние годы научно-методическая мысль исследователей нацелена на выявление и определение этнотипа китайского учащегося. Это является методически оправданным, учет национальных особенностей учащихся позволяет повысить эффективность процесса обучения языку. Исследователи относят китайских студентов к людям с сильным доминированием правого полушария головного мозга, что объясняет специфику когнитивного стиля: у них индуктивное мышление; установление связей происходит не от слова к слову, а от образа к слову, главную роль при этом играет наглядность. При обучении китайских студентов русскому языку формируется билингвальная языковая личность, которая способна функционировать, коммуницировать в русском социальном и культурном окружении. Вот почему для педагога русского языка как иностранного особенно важно изучить китайскую языковую личность как носителя национальных ценностей, этики и культуры. Отличительной и важной чертой поведения в китайском обществе является старательность в плане «сохранения лица», т. е. репутации, поэтому китайского учащегося лучше не критиковать в присутствии других учащихся. Язык — самый важный источник понимания специфики мышления и мировоззрения китайских студентов. Иероглифика положила фундамент конкретно-символическому мышлению китайцев. Китайский иероглиф — слово-графема, обозначающая только смысл, это представитель особого мышления, мышления образами и ситуациями, поэтому при обучении слушатель воспринимает не форму, а семантику, образ слова. Китайские студенты не умеют отвечать на элементарные вопросы преподавателя, так как не приучены к анализу поданного материала, к пересказам, они способны только выучить тексты наизусть, но не приучены к рассуждениям, обсуждениям, импровизации, не умеют строить логические цепочки и ассоциации. На этапе «вхождения» в русское культурно-языковое пространство следует использовать китайский когнитивный стиль усвоения учебного материала и учитывать национально-ориентированную систему обучения. Важно отметить, что в процессе обучения китайцев нужно обращать внимание на некомуникативный тип их поведения. Для китайских слушателей предпочтительнее чтение и письмо всем остальным видам речевой деятельности. Коммуникативная практика становится эффективной только после многочисленных тренировочных упражнений. Прохождение учебной темы должно сопровождаться визуализацией. Китайские студенты предпочитают в учебном процессе спокойное занятие, что позволяет им обдумывать новую информацию. Обязательным условием является регулярная проверка преподавателем домашнего задания. Итак, перед тем, как входить в китайскую аудиторию, нужно знать национальные особенности слушателей.

Роль эмпатии в межкультурной коммуникации в обучении РКИ

Му Дань,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимосвязь между обучением культуре и обучением РКИ. Цель обучения русскому языку как иностранному — помочь студентам развить коммуникативные навыки, как лингвистические знания, так и когнитивные. Культурное познание в коммуникации означает знание конкретных правил коммуникации и применение целевого языка. Культура это сложный социальный феномен, язык и культура неотделимы друг от друга, «культура это общение, общение — это культура». (Эдвард Холл, 1976) Когда люди изучают язык, они одновременно изучают и культуру. В обучении языку культура играет важную роль, а использование языка обусловлено его культурой. Поэтому при обучении иностранным языкам нужно не только обучать базовым языковым навыкам, но и укреплять подготовку и культивирование межкультурной осведомленности и межкультурной компетентности студентов. Важность межкультурной компетентности в обучении РКИ. Сегодня обучение РКИ и межкультурная коммуникация тесно связаны и взаимозависимы. Межкультурная коммуникация в изучении иностранных языков отличается от других областей современного образования. Разница в том, что необходимые знания и навыки в основном приобретаются посредством прямого культурного контакта. В этом случае иностранный язык необходим как средство общения с людьми в других странах. Поэтому основная задача обучения РКИ — обучать языку как практическому и зрелому средству общения. Основная цель изучения РКИ — достижение межкультурного общения. Поэтому одним из главных приоритетов стало активное внедрение языковых и культурных знаний в преподавание русского языка как иностранного и развитие у студентов навыков межкультурной коммуникации. Механизм и функция эмпатии в межкультурной коммуникации в обучении РКИ. Эмпатия — это своего рода межкультурная коммуникация, основанная как на родной культуре, так и за ее пределами, направленная на создание механизма двустороннего регулирования, двусторонней обратной связи и двустороннего конструирования между двумя зарубежными культурами. Одним словом, для того, чтобы реализовать это в своей культуре необходимо «обдумывать вопрос с противоположной точки зрения». В межкультурной коммуникации реализация эмпатии должна проходить через следующие шесть этапов: (1) признать, что существование большого количества различий между людьми и культурами является универсальным явлением, мир в глазах разных людей разнообразен; (2) полностью понять себя, осознать свою собственную культуру и местное сознание; (3) приостановить себя, устранить состояние разделения между собой и окружающей средой; (4) представить себя в положении других, проникнуть в сердца других; (5) подготовиться к эмпатии с помощью своего опыта, испытать; (6) восстановить себя, то есть почувствовать страсть и радость из-за опыта других.

Адъективное склонение в норвежской аудитории

Никольская Зоя Александровна,

д. ф. н., преподаватель

Språkskolen russisk.no & METODIUS

При изучении слов адъективного склонения (полных прилагательных, порядковых числительных, количественных 1, 2, 3, 4, всех местоимений за исключением личных 1-го и 2-го лица) возникают трудности как формального, так и узуального характера. Нам представляется, что в большой степени их можно преодолеть, разделив сложное на составные элементы, т. е. обучая различению типов основ, к которым присоединяются окончания, разделив эти последние на собственно окончания и соединительные гласные, с помощью которых они присоединяют окончания к основам. Деление окончаний на собственно окончания и соединительные гласные логично и дает практические бонусы. Полные прилагательные образовались от кратких присоединением к последним указательного местоимения «и/е/я/». Это местоимение в самостоятельном виде в современном языке не представлено, но продолжает жить в качестве форм косвенных падежей личных местоимений 3-го лица. При этом в ед. ч. ж. р. произошли преобразования, сократившие количество косвенных форм до трех — род.-вин. и все остальные. Именительный падеж личных местоимений 3 лица представлен другим указательным местоимением — он/оно/она/они. Именительный падеж того указательного местоимения, которое представлено формами косвенных падежей, мы находим в окончании им. п. адъективного склонения — й (м. р.), я (ж. р.), е (с. р.), е (мн. ч. всех родов). В формах местоимений 3-го лица мы выделяем основу, соединительный гласный и окончания. Например, в формах м. р. «его» и «ему» основой является й, а окончаниями соответственно -го и -му. Выделив окончания, мы видим, что они начинаются с согласного, а значит, при присоединении к основам адъективов, когда те оканчиваются на согласный, понадобится соединительный гласный. Соединительные гласные — падежные окончания кратких прилагательных. При этом гласный выбирается в зависимости от типа основы. Так, присоединяя -го к основе красн, каковая является твердой, выбираем соединительный гласный о (а не е) и получаем красного. Присоединяя то же окончание к основе чьй, выбираем соединительный гласный -е: чьего. Выделив соединительные гласные, мы получаем несколько бонусов. В частности, при объяснении ударения полных форм. Говоря, что ударение падает на соединительную гласную, мы не сеем сомнений: соединительная гласная одна: больш-ó-му, как-ó-му и под. Второй бонус: окончания всех адъективов идентичны, отличаются только соединительные гласные. Знакома норвежскую аудиторию с тем, что окончания полных прилагательных суть указательные местоимения, мы получаем возможность провести параллель между этими окончаниями и определенным артиклем существительных в норвежском языке. Речь не идет об идентичности значения норвежского артикля и русских окончаний, но только о сходности происхождения, что облегчает понимание разницы и общего в употреблении.

Развитие умений языковой догадки при обучении фразеологии в РКИ

Полонникова Екатерина Геннадьевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Компенсаторная (стратегическая) субкомпетенция коммуникативной компетенции языковой личности включает рецептивные умения языковой догадки, которые базируются на учебном опыте учащихся, их общекультурных знаниях, языковом чутье и применяются для семантизации изучаемых фразеологизмов с помощью контекста, ряда опор и стратегий. Развитие умений языковой догадки на материале фразеологии как предпосылка для владения русским языком на уровне носителя — актуальная задача в методике преподавания русского языка как иностранного, поскольку, обладая идиоматичностью, эмоциональной и стилистической окраской, контекстной и национально-культурной обусловленностью, фразеологизмы создают множество трудностей для своего усвоения у иностранных учащихся. Для решения данной задачи предлагается учитывать такие условия эффективного развития умений языковой догадки, как тип внутренней формы (прозрачная), наличие контекста, отсутствие необходимости историко-культурного комментария для толкования фразеологизма, определение стиля речи и оценочности, возможность применения наглядности, опору на предыдущий языковой опыт учащихся, их кругозор, а также систематическую работу с фразеологизмами на занятиях по рки, использование обратной связи и эвристических приемов преподавателем (наводящих вопросов, предъявления правильного ответа в конце семантизации и т. п.). Методические приемы выявления и интерпретации внутренней формы фразеологизма, анализа контекста, применения языкового и общекультурного опыта учащегося и толкования фразеологизма на основе полученных данных были апробированы в ходе методического эксперимента, их эффективность доказана экспериментальным путем.

Обучение осложненному предложению в курсе РКИ

Старовойтова Ирина Александровна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Целью обучения синтаксису в практическом курсе РКИ являются усвоение знаний о синтаксической системе и умение употреблять нужные синтаксические структуры в речевой деятельности. В синтаксисе рассматриваются вопросы об активном владении речью, как выражается то или иное значение, смысл. Поэтому часть синтаксической информации должна быть описана с помощью функционального подхода. Что касается путей введения учебного материала, то наряду с заучиванием готовых моделей и стандартов, необходимым считается осознание и понимание структуры и смысла предложения.

Изучение простого и сложного предложения в аспекте РКИ достаточно хорошо представлено в методической литературе, что нельзя сказать про осложненное предложение, к которому относится предложение с вводными и вставными конструк-

циями. В методическом плане вводным конструкциям уделялось внимание, можно вспомнить некоторых авторов, занимавшихся этой темой. Вводные конструкции, подобно вставкам, не являются членами предложения и позволяют говорящему воздействовать на адресата. На их использование влияет авторское видение. Поэтому чтобы разработать методику обучения скобочному синтаксису, целесообразно изучить методику преподавания вводных конструкций, как описанный в методике пример осложненного предложения. В «Книге о грамматике» представлена классификация вводных конструкций по признакам: семантические, морфологические, синтаксические, коммуникативные и стилистические. Семантическая классификация имеет особое значение для обучения русскому языку нерусских, так как она помогает учащимся осознанно использовать их в речи. Поэтому так важно обратить внимание учащихся на коммуникативные роли вводных конструкций в речи.

Теоретический материал академической грамматики, опыт коллег, занимавшихся изучением осложненного предложения, учет общедидактических и частнометодических принципов обучения, например, принцип активности, принцип наглядности, принцип системности, принцип коммуникативности, принцип синтаксической основы, принцип мотивации позволил предложить комплекс упражнений для обучения вставным конструкциям: упражнения на наблюдение, анализ и осмысление вставных конструкций, условно-речевые упражнения и речевые упражнения. В докладе будут представлены примеры, иллюстрирующие вышеуказанные упражнения.

О методике преподавания русского языка взрослым эритажным носителям

Тананаева Анастасия Викторовна,

преподаватель
Языковой центр Exlinguo

Вопрос о методике преподавания русского языка взрослым эритажным носителям становится все актуальнее для образовательных учреждений в России. Так, например, в наших языковых школах Exlinguo в Петербурге и Новосибирске мы видим увеличение количества запросов на курсы русского языка от таких студентов. Под взрослыми «эритажными носителями» мы понимаем студентов старше 18 лет, выросших в русскоязычных семьях, но в иноязычной среде. Основную часть таких студентов в нашей школе составляют дети русских эмигрантов, уехавших из России в 90-е годы. Русский для них — язык общения только внутри семьи, а родители в большинстве случаев специально не занимались поддержанием языка. Такие студенты имеют различный уровень владения русским языком: от практически нулевого до продвинутого и свободного на уровне разговора. Некоторые даже не знакомы с кириллическим алфавитом, не умеют читать и писать, либо пишут «на слух». В результате им становится интересно вернуть связь с корнями, выучить или улучшить русский язык как язык их семейного наследия. Интерес к сохранению унаследованного языка, бесспорно, является очень важным, однако он несет и новые вызовы для преподавателей. Такие студенты, занимаясь в группе по стандартной методике РКИ, сильно выделяются на фоне студентов, изучающих русский как второй иностранный язык. Можно было бы предположить, что для эритажников подойдет методика школьного обучения русского как родного, однако такие учебные пособия написаны для детей школьного возраста,

а следовательно, и сам материал, и уровень его подачи будут облегченными и «детскими». Кроме того, русский все-таки не является для них естественным языком общения во всех ситуациях их жизни. В поисках материала для работы с эритажниками, мы провели обзор доступных пособий по русскому языку в России, выпущенных для билингвов и студентов с унаследованным языком: основной объем таких пособий предназначен для детей дошкольного и среднего школьного возраста (от 2–3 лет до 12–13 лет). Также нам встретились небольшое количество пособий для старшего школьного возраста — 16–18 лет. Но проблема всех этих пособий в контексте преподавания взрослым с унаследованным языком заключается в том, что подход и материалы учебников слишком простые и, возможно, даже скучные для взрослых, и не учитывают специфику работы со взрослыми людьми. Конечно, в обучении эритажных студентов можно использовать книги для изучения алфавита, пособия для практики навыков письма, неадаптированную литературу и различные сборники грамматических упражнений. Однако, на наш взгляд, следует констатировать лагуну в отечественной методике РКИ по обучению эритажников, что выражается в том числе и в отсутствии пособий для работы с этой категорией обучающихся.

К вопросу формирования мотивации иностранных учащихся на занятиях по русской звучащей речи

Фокина Мария Владимировна,

к. п. н., преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Очевидно, что без развития слухо-произносительных навыков невозможно формирование иноязычной коммуникативной компетенции. При этом на уроках по русской практической фонетике преподаватели нередко сталкиваются со сниженной мотивацией учащихся. Это вызвано рядом причин. С одной стороны, к ним можно отнести определенные ожидания учащихся от занятий, обусловленные как опытом изучения первого иностранного языка, которым часто оказывается английский язык, так и общей образовательной парадигмой, требующей ориентации исключительно на развитие речевых навыков. Работа над произношением при таком подходе нередко рассматривается как вторичная, механическая. С другой стороны, сама специфика постановки иноязычного произношения предполагает большое количество тренировочных упражнений, не способствующих, с точки зрения учащихся, обучению коммуникации. Фонетический материал (особенно в рамках корректировочных курсов) нередко носит обособленный характер, не «увязан» с основным курсом по развитию речи. Ситуация осложняется тем, что ряд особенностей русской фонетической системы, отличающих ее от фонетических систем английского языка и в большинстве случаев — родного языка учащихся, определяет необходимость тщательной осознанной работы над отдельными фонетическими явлениями, так «нелюбимой» иностранными учащимися. Исходя из сказанного преподавателю необходимо найти баланс между ожиданиями учащихся и формами работы, которые необходимы для успешного овладения русским произношением. Возможными решениями данной задачи являются: «вывод в речь» любого обрабатываемого фонетического явления, использование на занятиях игровых

форм работы, избегание обилия неактуальной для учащихся лексики, механического заучивания текстов без обращения к их содержанию, широкое применение средств наглядности на занятиях. Все это, по нашему мнению, значительно облегчает процесс постановки русского произношения в иностранной аудитории и способствует повышению мотивации учащихся.

Лингвокогнитивный аспект обучения китайских студентов-филологов русским фразеологизмам

Цзан Лэ,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается проблема обучения китайских учащихся-филологов русской идиоматике. Обосновывается необходимость применения лингвокогнитивного подхода в практике преподавания русского языка как иностранного, поскольку этот подход позволяет в максимальной степени учитывать познавательную роль языка. Использование теории когнитивной лингвистики в методике обучения иностранному языку способствует осознанию тесной взаимосвязи языка и мышления. Когнитивное направление в современных исследованиях связано с представлением о том, что язык – когнитивный механизм формирования знаний об окружающем мире. Обучение русским фразеологизмам на занятиях с китайскими студентами является одной из сложных проблем, что объясняется особенностью идиоматических единиц и интерференцией. Для успешного преодоления «ментального заграждения» требуется формирование у китайских обучающихся понимания русского языка как системы, связанной с окружающим миром и обусловленной ментальной деятельностью индивида. Кроме семантизации фразеологизмов, эффективным способом представляется организация языковой единицы по тематическим категориям, выделяемых в рамках прототипической концепции. Сущность прототипа заключается в выявлении типичных образцов категорий носителей языка с учетом существенных признаков, актуальных для данной категории [Дзюба, 2018, с. 80]. Такой способ помогает создать каркас для упорядочивания соответствующих лексических единиц, получить систематизированные знания, основанные на наглядном объяснении изучаемых феноменов. В процессе обучения русские фразеологизмы должны быть включены в экстралингвистический контекст. На продвинутом этапе обучения иностранных студентов-филологов необходимо, чтобы обучающиеся получали фоновые знания, благодаря которым формируются представления о миропонимании, традициях, истории, культуре, нравственных ценностях русского народа [Кондратьева и др., 2015, с. 90].

Литература

1. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2018. 280 с.
2. Кондратьева И. А., Рогачева Т. Д., Антибас И. А. Когнитивный подход к изучению русских фразеологизмов в иностранной аудитории // Сб науч. тр. междунар. научно-практ. конф. «Развитие науки и образования в современном мире». 2015. С. 90–91.

Вызовы для преподавателя при подготовке студентов к ТРКИ

Цривар Сунчица,

преподаватель

Центр иностранных языков г. Белград, Сербия

ТРКИ — международный экзамен, определяющий уровень владения русским языком. Подготовку необходимо тщательно спланировать заранее, чтобы обеспечить адекватный охват различных экзаменационных заданий и достаточную практику экзаменационных техник, а также время. Это важно как для проверки и закрепления знаний грамматики и словарного запаса, так и для развития умений чтения, письма, аудирования и разговорной речи. Следовательно, этот процесс подразумевает создание строгого плана обучения и хорошие навыки тайм-менеджмента. Успешный преподаватель не только хорошо знает формат и понимает требования, но и поддерживает мотивацию учащихся и поощряет их автономию в обучении [1]. Одна из важнейших составляющих подготовки — это поддержание мотивации. Мотивация высока в начале, но если студенты ее потеряют, даже лучший план потерпит неудачу. Поэтому в первую очередь нужно разработать увлекательные тестовые задания. Например, дать учащимся короткие тексты и предложить им самостоятельно придумать возможные тестовые вопросы. Студенты могут создать вопросы с несколькими вариантами ответов друг для друга. Также важно не отказываться от техник, которые мы используем на уроках практического русского языка, чтобы вызвать и поддержать мотивацию. Так, необходимо использовать тексты, которые основаны на интересных для учащихся темах. Нельзя забывать, что текст по чтению, который мы разрабатываем для проверки умения чтения — это, прежде всего, текст со своим содержанием и идейным смыслом. Поэтому на его основе можно реализовать различные методы и приемы обучения: мозговой штурм, выбор ключевой лексики, дискуссия, личный прогноз и т. п. Здесь важно то, что возможен подход к тексту «сверху вниз» и обучение чтению именно на этой основе, что является действенной стратегией выполнения заданий на экзамене. Важную роль при подготовке играет автономия учащихся. Следует отметить, что потребность в самостоятельной работе общепризнана: на «рынке тренировочных тестов» наличествует множество практических тестов для самообучения с ключами. Для достижения максимального результата учащимся нужно: — посвящать достаточно времени самостоятельной работы и домашним заданиям; — использовать любую возможность вне уроков для получения дополнительных знаний; — применять на практике метакогнитивные стратегии, размышления об обучении и успеваемости [2]. Подводя итоги, отметим, что дополнительные знания о том, как поддержать мотивацию и автономию учащихся, помогают преподавателю правильно разрабатывать систему подготовки к сдаче тестов по РКИ, и это является преимуществом, выделяющим такого педагога на рынке образовательных услуг.

Литература

1. Burgess S. & Head K. *How to Teach for Exams* / Harlow: Pearson Education. 2005. 160 p.
2. Smith R. *Learner Autonomy* // *ELT Journal*. № 62 (4). 2008. P. 395–397.

Поликодовый текст на занятии по русскому языку как иностранному

Щукина Кира Александровна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Новак Наталья Владимировна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

По мере развития цифровой среды как качественно нового типа информационного взаимодействия особое внимание исследователей все больше привлекают такие типы текстов, как мультимодальные/поликодовые/креолизованные. В современной коммуникации и, в частности, цифровой коммуникации визуальный ряд играет огромную роль: широкое распространение различных визуальных явлений это подчеркивает: эмодзи, гифки, стикеры, интернет-мемы, демотиваторы и т. д. Современная цифровая среда предполагает, что любой текст должен сопровождаться картинкой «для привлечения внимания» — собственно текст уже не вызывает интереса у рядового читателя, поэтому современный стиль мышления часто проявляется в различных поликодовых комбинациях. С появлением фокуса мультимодальности изменился способ восприятия мира. Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации слово заменяется образом, что выражается и в приоритете визуального ряда над вербальным. Даже письменный дискурс «воспринимается визуально и, кроме вербального компонента, включает целый набор графических параметров, таких как шрифт, цвет, формат и т. д. Современное понятие мультимодальности включает все это многообразие» (Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134–152.)

Поликодовый текст является единой содержательно-смысловой, функциональной и формальной структурой, при этом целостность этой структуры не существует сама по себе, а задается коммуникативно-когнитивной установкой адресанта, единой темой, раскрываемой вербальными, иконическими и другими паралингвистическими средствами, причем роль вербальных и иконических средств в реализации замысла автора/авторов может быть различной.

Представляется, что поликодовые тексты обладают большим лингводидактическим потенциалом. Так, тексты, в которых текстовая и иконическая часть (по Б. Карвалирису) соотносятся следующим образом: 1) доминирующая иллюстрация, конституирующая текст; 2) равноценная иллюстрация, используемая в текстах, где определенная часть информации передается преимущественно иконическими средствами, — могут послужить основой для различного рода заданий и упражнений, нацеленных на создание собственно текстовой части поликодового текста, где визуальная часть служит «спусковым крючком», запускающим творческие способности студента, что в целом способствует развитию различных речевых умений и навыков на занятиях по РКИ.

Особенности учебного поведения китайских учащихся на занятиях в иностранных вузах

Ян Вэньхуэй,

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

По данным Министерства Науки и Высшего Образования Российской Федерации, к концу 2019 г. количество китайских студентов в России выросло до 48 тысяч человек. При этом в отличие от студентов из Европы, США, стран бывшего СССР и других стран, китайские студенты пришли из совершенно другой культурной среды. Вследствие этого китайские студенты имеют свои национально-психологические особенности как в бытовой жизни, так и в учебе. Если рассматривать китайских учащихся как одну общую группу, отличающуюся от студентов из других стран, то выявление их учебно-коммуникативных особенностей и индивидуально-психологического характера способствуют разработке специализированной учебной программы и методики обучения для них. Выше перечисленные послужили актуальностью данной работы. В работе мы использовали такие методы, как метод анкетирования, метод сопоставления, метод наблюдения и методы синтеза и обобщения данных. Целью исследования являются выявление индивидуально-психологических особенностей китайских учащихся и поиск факторов, оказывающих влияние на их учебное поведение, например: у китайских студентов сильная способность к самостоятельному обучению, слушанию преподавателей, выполнению домашних заданий. Китайские студенты пассивно принимают участие в учебных мероприятиях на занятиях по сравнению со студентами из других стран.

Указанная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих задач: 1) Первой задачей работы стало анкетирование китайских учащихся и интервью с российскими педагогами, работающими с ними. 2) Вторая задача — с точки зрения современной социологии и традиционной культуры проанализировали причины, составляющие последствия поведения китайских учащихся в аудитории. По своему происхождению эти факторы, оказывающие влияние на учебное поведение китайских студентов можно разделить на объективные и субъективные. Субъективные факторы являются отражением общества и истории. Они связаны с тысячелетними традициями и ритуалами, присущими как педагогическому процессу, так и культурным особенностям в целом. К ним относятся следующие: 1) слабая мотивация обучения, 2) расслабление после поступления университета, 3) психологическая изоляция, 4) культурно-национальный характер, 5) культурно-индивидуальное подсознание. В объективные факторы входят: 1) дисбаланс учебной системы, 2) устаревшие приемы обучения, 3) различие в системе обучения в иностранных вузах, 4) ограничение языковой среды обучения, 5) материал обучения. Выявление факторов, оказывающих влияние на учебное поведение китайских учащихся, позволяет найти причины возникновения барьеров в обучении. Результаты данной работы предоставляют возможность для обоснованной корректировки учебных программ и методики обучения для данной категории студентов.

Лингводидактический потенциал интерактивной книги в обучении РКИ

Rudolf Swetlana,

к. ф. н., преподаватель
Йенский университет им. Фридриха Шиллера

Волкова Лариса Борисовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Новые информационные технологии и современные реалии онлайн-образования требуют от преподавателей поиска более эффективных форм организации как учебного материала, так и непосредственно самого учебного процесса. Достаточно новой и еще полностью не освоенной является модель интерактивной книги — инструмента ресурса H5p.org, позволяющего создавать электронные пособия для обучения иностранным языкам и, в частности, русскому языку как иностранному. Пособия могут включать разнообразный контент (тексты, видеоматериалы, учебные задания, контрольные упражнения, языковые тренажеры и т. п.), напоминая, с одной стороны, традиционный учебник, с другой стороны — используя все преимущества новых интернет-технологий: мультимедийность, интерактивность, информационную насыщенность. Интерактивная книга может быть ориентирована на формирование и развитие компетенций учащихся в определенном виде речевой деятельности или комплексное, взаимосвязанное развитие навыков и умений учащихся в рецептивных и продуктивных видах.

В докладе предполагается рассмотреть лингводидактический потенциал интерактивной книги на примере книги «Проблемы будущего», созданной на платформе H5p.org.

Основу учебного материала составляют актуальные научно-популярные тексты и видеоматериалы, размещенные на сайте «Постнаука» (1) «Как остановить глобальное потепление»; 2) «Когда искусственный интеллект станет умнее человека?»; 3) «Как изменится потребление в будущем?»).

Книга включает три модуля, каждый из которых содержит текст и интерактивное видео, а также систему заданий для работы с языковым материалом и тесты.

Цель книги — развитие аудиовизуальных навыков, навыков чтения, расширение словарного запаса, как пассивного, так и активного. Для развития навыков говорения и письма предлагаются задания, которые не входят в интерактивную книгу, но для выполнения необходим лексико-грамматический материал, представленный в книге.

Работа над книгой позволяет, на наш взгляд, значительно расширить словарный запас учащегося и усвоить типовые модели, необходимые для выражения собственного мнения по данным проблемам. Интерактивная книга может быть использована в качестве пособия для самостоятельной работы студента и для аудиторной работы под руководством преподавателя.

СЛАВИСТИКА

Андреевские чтения (славянские литературы и литературные взаимосвязи)

Чешская межвоенная (анти)утопия в теоретическом аспекте

Амелина Анна Вячеславовна,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

В докладе делается попытка, во-первых, представить модель исследования (анти)утопии в целом. Эта необходимость возникла в рамках разработки темы утопии и антиутопии в чешской межвоенной литературе. В этот период наблюдается, как и во многих других литературах, «волна утопичности» — было создано более трех десятков утопических и антиутопических произведений, причем эти жанры были широко представлены творчеством как признанных писателей, так и авторов массовой продукции, но если положительная утопия (в «чистом» виде) выглядит относительно предсказуемо, то реализация жанра антиутопии у них очень отличается, поскольку его канон, по сути, только начал формироваться. В связи с этой проблемой предлагается использовать философскую основу исследования утопии, созданную в работах, прежде всего, Е. Л. Чертковой, разделяющей утопию и утопизм; это членение мы накладываем на теорию исторического развития жанров от мифа к литературе Е. М. Мелетинского и на литературоведческие работы, касающиеся теоретического описания литературных канонов утопии и антиутопии. Подключение философской основы к литературоведческому исследованию позволяет взглянуть на литературную (анти)утопию гораздо шире, сравнить между собой очень разные тексты, которые порой едва ли осознаются как (анти)утопические, неся в себе лишь некоторые выраженные жанровые элементы, и в целом понять природу трансформации утопии в антиутопию. Эта природа заключается в том, что вместо статичного идеала, возможного лишь в мире идей в платоновском духе, возникает проект практической реализации этого идеала, которая, в свою очередь, ведет к появлению антиидеала, поскольку реальность в изначальный идеал вписать невозможно — в антиутопии демонстрируется претворенная в жизнь чья-то утопия, поэтому наиболее «удобным» для нее жанром становится роман, самая динамичная и близкая в реальной жизни литературная форма. Таким образом, оппозиция «статика — динамизм» лежит в основе различия утопии и антиутопии в принципе, предопределяет разницу их жанровых констант и одновременно отделяет роман Нового времени от жанров предшествующих эпох. Затем жанровые особенности и метаморфозы утопии и антиутопии демонстрируются на примере произведений признанного классика чешской литературы М. Майеровой («Плотина», «Площадь респу-

блики», «День после революции»), сатирика И. Гауссмана («Фабричное производство добродетели», рассказы и поэзия) и фантаста Я. Вайсса («Дом в тысячу этажей», «Спящий в Зодиаке»).

Кристина Милобендзкая — алхимик поэтического слова

Гусева Ольга Валерьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной польской литературе особое место принадлежит Кристине Милобендзкой (р. 1932). Ее первый сборник — «Анаглифы» — появился в 1960 г., последняя книга стихов вышла в 2020 г. До 1990 г. Милобендзкая издала четыре поэтических тома, но они остались в тени более известных современников; подлинное открытие ее творчества произошло только в новом столетии. Без поэтических сборников Милобендзкой, изданных в XXI в., картина авангардного направления в современной польской поэзии будет неполной. Для молодых польских поэтов Милобендзкая стала лидером модернистского лингвизма.

Милобендзкая дебютировала в то время, когда в польском искусстве заявило о себе поколение, получившее название «Поколение „Современности“» по названию одноименной литературной группы и издаваемого ею журнала. В конце 1950-х и в 60-е гг. «Поколение „Современности“» заявило о себе не только в литературе, но и в театре, кинематографе (Анджей Вайда), изобразительном искусстве и музыке. К этому поколению относятся яркие писатели и поэты: Анджей Бурса, Станислав Гроховяк, Мирон Бялошевский, Ежи Харасымович,

Марек Хласко, Халина Посвятовская, Эдвард Стахура. При этом на протяжении своего творческого пути Милобендзкая не входила ни в одно литературное объединение, она всегда шла собственным путем в поэзии. Проследившая ее творческий путь, можно, однако, заметить, что поэтесса все время последовательно экспериментирует со словом и поэтической формой. Это сближает творчество Милобендзкой с авангардистскими течениями XX в., прежде всего с традициями польской «лингвистической» поэзии. Уже для первых сборников Милобендзкой характерно повышенное внимание к поэтическому слову при отказе от традиционных поэтических средств. Ее поэзия лаконична, но в ее основе лежит словесная игра: Милобендзкая экспериментирует со звуками, грамматикой, создает многочисленные неологизмы, играет с многозначностью слов, использует прием десемантизации слова («разлитературивания»). В томе «Всестихи» («Wszystkowiersze», 2000) использован прием визуализации стиха, приводящий к сращению стиха с графикой, например «Стих роза» графически напоминает розу, а «Стих мост» расположен на развороте страницы и по нему «можно перейти / с этой / на ту сторону» ('przechodzi się / z tej / na tamtą stronę'). Лингвистические эксперименты Милобендзкой призваны усилить языковую впечатлительность читателя, чтобы ухватить мимолетность мгновения, глубже раскрыть мельчайшие детали повседневной жизни и окружающей нас действительности.

В 2022 г. Милобендзкой исполняется 90 лет, она по праву считается патриархом польской литературы, ее имя входит в число крупнейших польских поэтов. Она ла-

уреат многих литературных премий, последняя из них — Познанская литературная премия 2020 г. — была присуждена поэтессе за достижения в области поэзии.

Музыка как средство эмоционального обогащения драматического слова в пьесах Марина Држича

Дробышева Марина Николаевна,

к. иск., доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Доклад посвящен проблемам связи литературы с музыкальными видами искусства на примере творчества дубровницкого драматурга Марина Држича (1508–1567).

За время учебы М. Држич получил музыкальное образование, являвшееся важной составляющей формирования личности в эпоху Возрождения. «Музыка (*modulationis usus*) имеет большое значение для спокойствия души и обуздания страстей, поэтому познание этой дисциплины достойно свободного ума», — так характеризовал ее в своем трактате «О благородных нравах и свободных началах» Пьер-Паоло Верджеро (1402).

Музыка была важной составляющей городской жизни Дубровника. Ренессансный город привлекал музыкантов со всего света: как германских и итальянских, так и французских, и фламандских, а также из Испании, Греции, Албании, из хорватских городов, таких как Сень, Загреб, Меткович, Корчула. И, конечно, на улицах, как и сегодня, в XXI в., можно было встретить танцующих и музицирующих дубровчан.

М. Држич свободно играл на лютне, флейте, виоле, контрабасе, кларнете и клавикордах. О том, что драматург владел разными музыкальными инструментами, Мавро Ветранович упоминает и перечисляет их в своем стихотворении — «*Na priminutje Marina Držića Dubrovčanina, tužba*» («Истек срок Марина Држича, дубровчанина, жалоба»): «*Svirao na svim vrstima glazbala*» («Играл на всех видах инструментов»). В своих пасторальных драмах и комедиях Марин Држич не мог обойти музыку стороной. Музыка занимала важное место в произведениях драматурга, которые были скомпонованы по музыкальному принципу. В его пасторальных встречаются танцевально-музыкальные элементы, например танец вил под орешником в «Тирене», а в других пьесах мы находим вокально-песенные номера (например, в «Дундо Марое» — итальянские канцоны, а в «Венере и Адонисе» — как вокальные, так и песенные). Первый пролог пасторальной пьесы «Грижула, или Плакир» произносит Небесная Слава — символ природных устремлений ренессансного человека, который олицетворяет триумф интеллекта над глупостью, способного человека-*virtu* над людьми дурными — людьми «нахвао». Этот монолог напоминает традиционное начало приказаний (славянских мистерий), в которых ангел обращался к прихожанам, сообщая основные события произведения. Далее в тексте пьесы следует ремарка: «За наслаждением звучит музыка» («*Za ovjeziem se muzika kanta*»), в которой употреблен итальянский глагол *cantare*. Будучи органистом, М. Држич, создавая этот монолог Небесной славы, пытался показать торжественность момента, включив в действие пьесы музыкальный номер, звучание которого было подобно органу. Драматург в своем творчестве стремился передать специфику самобытной народной культуры, поэтому включил в него богатырское боевое танцевально-драматическое действо — морешку (пасторальная драма «Тирена»).

Интерпретация сюжета о Ромео и Джульетте в чешской литературе

Дудкина Анастасия Игоревна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

История о двух влюбленных из Вероны прошла сквозь века и до сих пор остается предметом исследований ученых. Мы сделаем небольшой экскурс в историю возникновения мигрирующего сюжета, проследим, какие преобразования он претерпел и подробнее остановимся на том, какие чешские писатели XX века вдохновились им при создании своих произведений. Можно робко предположить, что легенда берет свое начало не в Италии, а в Древнем Китае, где во времена эпохи Тан возникает необыкновенная история любви двух молодых людей. Эта история получила название «Влюбленные бабочки». В XIII–XIV вв., когда Китай начинают посещать первые европейцы, вполне возможно, известный сюжет мигрировал на итальянскую землю, что объясняет создание первых произведений на эту тематику на итальянском языке Томаззо Мазуччо Гуардати, Луиджи да Порто и Маттео Банделло. Принято считать, что М. Банделло и является автором исходного текста о Ромео и Джульетте и более того, является тем автором, у которого У. Шекспир заимствовал многие сюжеты для своих пьес. Новеллу перевел на французский язык Пьер Боаисту, по мотивам которого создал в свою очередь стихотворное произведение «Трагическая история Ромеуса и Джульетты» (1562) Артур Брук, английский поэт, и уже на материале Брука основывался У. Шекспир, создавая свой мировой шедевр (1594–1595). Именно шекспировская пьеса упрочилась в мировой литературе, став определенным культурным кодом, который сразу рождает цепочку ассоциаций и знакомая всем. До начала XX в. мы наблюдаем практически калькирование сюжета (одной из самых известных переработок является новелла швейцарского писателя XIX в. Готфрида Келлера «Сельские Ромео и Джульетта» (1856). В XX и тем более XXI вв. происходит процесс, который скорее характеризуется эффектом обманутого ожидания. Под ширмой известных героев авторы реализуют самые разные идеи, и во главе угла может стоять совсем не история любви, но политические, острые социальные и психологические проблемы современности. В начале XX в. вектор меняется, и мы видим использование уже не сюжета как такового, а образов-символов героев для реализации важной концепции реализма, я бы сказала критического реализма. Здесь как раз и хочется остановиться на известных чешских прозаиках: Кареле Чапеке («Книга апокрифов») и Яне Отченашке («Ромео, Джульетта и тьма»). «Ромео и Джульетта», попав в новый контекст и став его частью, участвует в развитии воспринимающей литературы, наравне с произведениями, созданными внутри нее. Так заведено, что вечные темы известных книг и литературные персонажи в какой-то момент отделяются от первоисточника и начинают жить своей самостоятельной жизнью. Герои становятся символами определенного поведения и миропонимания, сохраняя при этом свою неповторимость.

Поэтические образы чешского декаданта

Колянов Алексей Юрьевич,

доцент

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Чешский декаданс как литературное направление и идеологическое течение развивался в 1890-е гг. Апологеты эстетики упадка входили в круг авторов журнала «Moderní Revue», издававшегося Арноштом Прохазкой и Иржи Карасеком. Последний, наиболее творчески плодотворный из всех декадентов, стал неформальным лидером движения, хотя главным поэтом чешского декаданта признают Карела Главачека.

В отечественной богемистике декаданс изучен мало. Интерес к нему возникает в связи с исследованием топосов (напр., «пражский текст») или отдельных жанров (напр., готический роман). Однако при всем неоднозначном отношении к чешскому декадансу как на родине, так и за рубежом представляется, что направление обогатило национальную литературную традицию. Английский богемист Роберт Пинсент замечает, что в отличие от Франции и Англии, где декаданс произошел от культурного пресыщения, чешский декаданс возник от культурного голода, но все же был тесно связан с национальной, социальной и культурной ситуацией в Чехии рубежа веков. Литературовед Радко Пытлик отмечал, что декаданс развил в национальной литературе чувства символического, поэтической абстракции и художественного обобщения, а также привлек внимание к цветам, оттенкам и деталям известных поэтических образов. Даже после угасания интереса к эстетике упадка элементы декадентской поэтики продолжают встречаться в чешской литературе.

Ярким примером является творчество Иржи Карасека из Львовиц, в прозе которого проявились символы, образы, мотивы из сборников поэзии декадентов. Характерными чертами декаданта проникнуты сборники Карасека «Zazděná okna» (1894), «Sodoma» (1895), Арношта Прохазки «Protibolo Duše» (1898), Карела Главачека «Mstivá kantiléna» (1898). В главном декадентском романе Иржи Карасека «Gotická Duše» (1900) вновь возникают образы его стихотворений: заколоченные окна и туберозы (сборник «Zazděná okna»), сумерки, одиночество и безысходность (сборник «Sodoma»). Благодаря языку декаданта возникает образ декадентской Праги — «города в сгущающихся сумерках».

Карел Главачек в стихах сборника «Mstivá kantiléna» обращается к Манон Леско, героине французского романа Антуана Франсуа Прево, ставшей для декадентов символом подавленной страсти. Образ Манон Леско потом появится в творчестве Витезслава Невзвала, а поэзия Прохазки и Карасека, наполненная символами нравственного и морального упадка, станет прологом к чешскому экспрессионизму и поэтике Ладислава Климы.

Старославянское проложное житие святой Людмилы Чешской: историко-культурная интерпретация

Ланцева Анна Михайловна,

к. культ., доцент

Институт славяноведения РАН

Среди памятников старославянского наследия средневековой Чехии следует выделить сохранившееся в русских списках Проложное житие святой Людмилы (Пролог).

Проложное житие святой Людмилы и его немногочисленные редакции является единственным памятником агиографического жанра на старославянском языке, который знакомит читателя с жизнью и мученической смертью первой славянской святой. Как отмечает В. Халопецкий и русский ученый-эмигрант Роман Якобсон, раннее житие святой, вероятно, было написано малоизвестным пресвитером Восточной Церкви Павлом Каихом, приехавшим на территорию Великой Моравии вместе с солунскими братьями — святыми Кириллом и Мефодием. Именно этот ранний памятник мог повлиять на латинские и старославянские памятники, связанные с почитанием святой Людмилы и ее внука Вацлава (русск. вариант — Вячеслав). Старославянское житие святой Людмилы является образцом проявления чешско-русских культурных связей, осуществляемых благодаря плодотворной деятельности чешского Сазавского монастыря, где служили на славянском языке и переписывали славянские книги, и Киево-Печерской обители в Древней Руси.

Проложное житие святой Людмилы знакомит нас с благочестивой жизнью и мученическим подвигом первой славянской святой. Сохранив отдельные историографические доминанты, житие святой детализирует сюжеты, связанные с христианским благочестием, святостью жизни и мученическим подвигом, уделяя особое внимание смирению, милосердию, послушанию воле Божией. Особое внимание следует уделить описанию немногочисленных чудес, связанных с феноменом света и являющихся проявлением «святости» и народного почитания Людмилы в качестве «блаженной» практически сразу после ее смерти. Статус сакрального локуса приобретает город Прага, который как бы вмещает невместимое — мощи святой покровительницы народа чешского, которую набожные чехи назовут впоследствии «праматерью чешского народа».

Данный памятник находится на стыке агиографии и гимнографии, так как он изначально был предназначен для чтения во время службы (ср. бревиарные чтения на Западе), что предусматривал Студийский богослужебный устав вплоть до XIV в. Необходимо отметить, что данная практика сохранилась у старообрядцев, поэтому житие святой Людмилы получило свое дальнейшее функционирование в рамках богослужений именно у приверженцев старого обряда.

Раннее проложное житие святой на старославянском языке стало оригинальным письменным памятником для последующих русских анонимных списков-редакций, находящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, впоследствии войдя в «Четьи-Минеи» митрополита Макария и Димитрия Ростовского, наконец, в сборник житий святых, принадлежащий авторству митрополита Филарета (Гумилевского).

«Неизвестные» сказочники: русская рецепция текстов Карела и Йозефа Чапек для детей

Рубцова Наталья Сергеевна,

PhD, независимый исследователь; внештатный консультант Чешского центра ННГУ им. Н. И. Лобачевского

В чешском культурном пространстве братья Чапеки являются ключевыми фигурами в детской литературе; творчество обоих братьев коренным образом повлияло на развитие литературной сказки. В русском же пространстве имя Йозефа Чапека известно лишь узкому кругу читателей. Восприятие фигуры Карела Чапека, в свою очередь, свя-

зано с формированием его «канонического» образа для советского читателя (Чапек — автор-антифашист).

В связи с этим особого внимания заслуживает изучение современной русской рецепции текстов Чапеков для детей. В рамках доклада предпринята попытка проанализировать и сравнить восприятие некоторых из этих текстов («Рассказы о песике и кошечке» Й. Чапека, «Разбойничьи» сказки обоих братьев) в русской и чешской среде.

Неоднозначность рецепции анализируемых текстов тесно связана и с проблемой определения их жанровой принадлежности. Исследователи относят их к так называемым «антисказкам» (М. Генчиова, Д. Н. Медриш), к сказочной прозе (Г. Шмагелова); в некоторых работах ставится вопрос о принадлежности этих текстов не к жанру сказки, а к жанру рассказа (В. Варжейкова). Справедливой и методологически перспективной представляется классификация Я. Провазника, согласно которой и цикл «Девять сказок», и «Рассказы о песике и кошечке» относятся к особому типу «сказок с акцентом на акте повествования, рассказывания». Думается, что этот ракурс способствует наиболее точному пониманию специфики данных произведений и адекватной рецепции их современными читателями.

Как можно заметить, пересказ Г. Лукиновой «Приключения Песика и Кошечки» не отражает специфики, описанной Провазником, и сближает текст Й. Чапека с классической сказкой о животных, меняя вектор восприятия этого произведения. Похожая тенденция наблюдается и в переводе «Сказки об учтивом разбойнике» К. Чапека (перевод Д. Горбова).

Далее, современная рецепция рассматриваемых текстов в существующих переводах осложняется трансформацией из-за цензурных ограничений советского времени. Эти переводы требуют не только освобождения от какой-либо «идеологичности», но и переоценки с учетом изменений современной ситуации (языковых, культурных и пр.).

Комплекс вышеназванных причин приводит к тому, что тексты Чапеков-«сказочников» не получают достаточного читательского внимания, несмотря на то что они с легкостью могут быть вписаны в контекст современной детской литературы в России.

Тем не менее, процесс «узнавания» творчества Чапеков для детей не прекращается. В 2015 г. вышел полный перевод «Рассказов про песика и кошечку» (переводчик К. Тименчик).

В настоящий момент готовятся к изданию «Первая разбойничья сказка» Й. Чапека и «Вторая разбойничья сказка» К. Чапека (переводчик Н. Рубцова, автор данного доклада).

«Дон Жуан» Байрона в переводе П. А. Кулиша

Тоичкина Александра Витальевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Переводы произведений Байрона занимают в творчестве П. А. Кулиша (1819–1897) особое место. В рамках данной темы необходимо обозначить и проблему историко-культурного значения романтизма для личности и творчества украинского писателя, и вопрос о рецепции представителем национальной культуры значимых для эпохи эстетических образцов и «вечных тем» литературы. В XIX в. произведения Бай-

рона активно переводили на языки национальных, в частности, славянских литератур. Кулишу, судя по всему, Байрон был лично близок и своей активной гражданской позицией, и пониманием литературной деятельности как общественного и этического служения своему народу. Известные нам переводы Кулиша из Байрона можно разделить на три части: девять стихотворений, вошедших в сборник «Позичена кобза»; «Дон Жуан» (перепев), первая песнь; «Чайльд Гарольдова мандрівка».

Насколько нам известно, Кулиш первым предпринял попытку перевода на украинский язык последней, незавершенной поэмы Байрона. Он выбрал не «ученый» тип перевода, а «перепев», который позволял более свободно экспериментировать в области лексики и ритмики. Первое издание было журнальным, второе вышло отдельным оттиском в 1891 г. Второе издание предварялось вступлением Кулиша в духе Байрона, в котором он вспоминал события собственной жизни и объяснял смысл своего обращения к великой поэме. Кулиш видел свою задачу в том, чтобы дать перевод поэмы Байрона «Дон Жуан» в помощь молодому поколению украинцев как своего рода учебник жизни, как средство уберечься от духовных страстей, ворота которым открывает человеческий эгоизм. Кроме того, перевод поэмы был важен для Кулиша в плане разработки лирической повествовательной манеры, которую он применил в последней своей поэме «Куліш у пеклі». В самом тексте перевода первой песни поэмы «Дон Жуан» некоторые строфы Кулиш в переводе пропустил. Есть своя логика в опущенных строфах: Кулиш пропускает общие рассуждения Байрона на разные темы. Он стремится перевести текст, связанный с основным действием — началом биографии и первым любовным эпизодом из жизни Дон Жуана. Перевод в соответствии с оригиналом сделан октавою. Байрон, используя октаву, отказался от строгого языка, плавной интонации и формул поэтического «этикета»; он выработал свою манеру повествования и в поэме прибегает к доверительному тону, обращаясь к непосредственному опыту читателя. Перевод Кулиша на украинский язык столь сложного и богатого с точки зрения словаря, интонации, рифмы произведения стал достаточно непростым экспериментом. Этот перевод важен для исследования творчества Кулиша и процессов формирования украинского литературного языка и украинской поэзии.

Державинские чтения.

Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики

О главных тенденциях в живописи Болгарии XX в.

Аникин Михаил Александрович,

к. иск., старший научный сотрудник
Государственный Эрмитаж

Живопись Болгарии XX в. в целом развивалась в рамках общеевропейского курса с рядом характерных особенностей, которые придавали ей неповторимый национальный колорит, позволяющий говорить о глубокой самобытности болгарской школы. В данном сообщении особое внимание мы сосредоточили на двух главных тенденциях, во многом определивших развитие изобразительного искусства в указанное время. Одна из них — живопись символистического характера, вторая была более связана с импрессионизмом и как следствие — с самой природой Болгарии. По существу именно эти два направления или тенденции стали главными и определяющими не только в XX в., но и сегодня они формируют дальнейшее развитие искусства в этой стране. Наиболее ярким представителем символистической тенденции был, с нашей точки зрения, Светлин Русев (1933–2018), классическим представителем второй (импрессионистической) являлся Владимир Димитров-Майстора (1882–1960).

В предыдущих сообщениях на тему нами уже давались некоторые характеристики творчества того и другого мастера, но сегодня представляется важным сделать еще несколько важных дополнений и уточнений для создания более ясной картины в понимании творчества названных мастеров, своего рода столпов живописной школы Болгарии XX в., какими, например, во Франции были Пикассо и Матисс.

Все это, разумеется, не значит, что все другие мастера не вносили чего-то нового по сравнению с названными, но именно на примере этих художников наиболее четко предстает история развития живописи Болгарии указанного периода.

В качестве конкретного объекта исследования были взяты автопортреты, в которых, как представляется, наиболее характерно выразились особенности творческого метода того и другого мастера. Каждый из них оставил в своих произведениях некое послание человечеству, их портреты производят сильное впечатление не только на тех, кто лично знал художников, но и на совершенно незнакомых с ними людей разного возраста и социального положения. Если в автопортретах Димитрова-Майсторы явно просматривается влияние народного искусства, национального колорита, то в работах Русева акцент делается на исторический контекст, вся драматическая история этой страны ощущается в том, как он подходит к решению поставленной непростой задачи: изображению не столько внешнего облика, сколько внутреннего мира художника.

Студенческая конференция как стимул развития научно-исследовательской компетенции учащихся

Гливинская Вера Николаевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Профессиональная компетентность выпускника ВУЗа, как известно, не складывается сама по себе из полученных и накопленных в процессе обучения знаний и умений. Современный подход к обучению в высшей школе предполагает целенаправленное формирование компетенций, составляющих профессиональную компетентность. В подготовке специалиста в любой области знаний важное место занимает научно-исследовательская составляющая. Доклад информирует об эксперименте автора по развитию именно этой компетенции у студентов-болгаристов исторического факультета. В рамках спецкурса «Межъязыковая асимметрия и перевод» студентам были предложены темы для самостоятельного сопоставительного исследования по текстам болгарского оригинала и его перевода на русский язык. Специфика задания заключалась в том, что темы не были связаны с их работой над курсовыми, а базой исследования становился не исторический текст их специальности, а художественный.

Работа над избранными темами побудила исследователей к поиску и изучению необходимых переводоведческих материалов, научила вдумчивому вчитыванию и проникновению в скрытые смыслы текста. Результаты исследований были апробированы на межвузовской студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык» в рамках Дней славянской письменности и культуры в Институте славяноведения РАН и опубликованы.

Подготовка к выступлению на конференции стимулировала участников к созданию первичного научного текста: текста доклада и презентации к нему. Выступая перед широкой аудиторией своих коллег-славистов из разных вузов Москвы, докладчики обрели бесценный опыт публичного выступления, участия в дискуссиях и отстаивания своих позиций.

Публикация материалов конференции мотивировала студентов к написанию статей по темам своих докладов, что явилось прекрасным стимулом к обучению «азам» редактирования собственного сочинения. Процесс крайне трудоемкий, но весьма благодарный.

В целом, подводя итоги эксперимента, можно констатировать: 1. Студенты-историки с интересом относятся к смежным дисциплинам, проявляют готовность к исследовательским опытам на «чужой» территории. 2. Работа преподавателя по подготовке студентов к участию в конференциях позволяет лучше узнать своих студентов, осуществить лично-ориентированный подход к их обучению. 3. Участие студентов в научно-практических конференциях является мощным стимулом для развития их научно-исследовательской компетенции, помогает им раскрыть свои индивидуальные творческие способности, развить общую иноязычную компетенцию и повысить уровень коммуникативных умений.

Образ правителя Видинского санджака Османа Пазвантоглу в румынских фольклорных текстах из северо-западной Болгарии, восточной Сербии и южной Румынии

Голант Наталия Геннадьевна,

к. и. н., научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Ряд румынских фольклорных текстов, в которых упоминается имя Османа Пазвантоглу (1758–1807), зафиксирован в северо-западной Болгарии (в Видинской области), восточной Сербии (в общинах Неготин и Кладово Борского округа, т. е. в исторических областях Краина и Ключ) и южной Румынии (в округе Телеорман). Одной из самых ранних публикаций такого текста является героическая песня «Стоян Бюлюкбаши», опубликованная в работе французского филолога и дипломата Эмиля Пико «Народные песни румын Сербии» [Picot 1889]. Варианты этой песни Пико приводит со ссылкой на письменное сообщение Джордже Димитриеви́ча — жителя Неготина, выходца из румынской семьи. В этой песне упоминается «Позванджия» (в первом и третьем из приведенных вариантов, причем Пико отмечает, что речь идет именно об Османе Пазвантоглу), или «Осман Паша» (во втором варианте) [Picot 1889: 392–424]. Песня «Пазванджия из Видина» (рум. «Pazvangia de la Dii», записанная от жителя села Гомотарци общины и области Видин в Болгарии, была опубликована румынским фольклористом Кристей Санду Тимоком, уроженцем влашского села Александровац (Злокуче), ныне входящего в состав общины Неготин Борского округа Сербии, которое на момент его рождения относилось к общине Кула Видинской области Болгарии [Sandu Timoc 1967: 234–242]. Упоминание об «Омере Посманджии» (рум. Omer Posmangia) из Видина содержится в песне «Бег с (острова) Ада-Кале», записанной в с. Вэюга общины Кладово Борского округа Сербии и опубликованной в том же сборнике К. Санду Тимока [Sandu Timoc 1967: 228–234]. Возможно, здесь имеется в виду отец Османа — Омер (Йомер) Пазвантоглу. Песня под названием «Стоян Булибаша», в которой упоминается «Пасманджиу Ага» (рум. Pasmangiu Aga), была записана в коммуне Бэняса округа Телеорман в Румынии и опубликована румынским фольклористом Григоре Точилеску [Tocilescu 1900: 60–62]. Большинство упомянутых фольклорных текстов является героическими песнями, где Пазвантоглу является одним из антагонистов главного героя (Стояна Бюлюкбаши). Интересно, что песня, записанная в Телеормане, повествует не о набегах Пазвантоглу на Валахию, а о событиях в Краине, как и ее аналог, записанные в восточной Сербии.

Литература

Picot É. Chants populaires des roumains de Serbie // Publications de III sé rie — volume VI. Recueil de textes et de traductions publié par les professeurs de l'École des langues orientales vivantes à l'occasion du VIIIe congrès international des orientalistes tenu à Stockholm en 1889. Tome second. Paris: Imprimerie National, 1889. P. 365–436.

Sandu Timoc C. Cântece bătrânești și doine. București, 1967.

Tocilescu Gr. G. Materialuri folcloristice culese și publicate sub auspiciile Ministerului cultelor și învățământului public. Vol. I. Poezia populară. București, 1900.

Русско-болгарские аналоги: сопоставление, лексикографирование

Делева Надежда Петкова,

к. ф. н., доцент

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

Сопоставление лексики близкородственных языков связано с определенными трудностями, поскольку лексическое сходство сопряжено с имеющимися существенными различиями. Это определяет специфику контрастивного изучения русской и болгарской лексики. Для близкородственных языков (в частности, для русского и болгарского) характерны сходные слова, не одинаковые с точки зрения их формальных и семантических свойств. В докладе будет представлен подход к лексикографированию сходных слов, реализованный в книге: Н. Делева «Русско-болгарские аналоги (лексикографический аспект)». София, Парадигма, 2020. 226 с.

Конкретный материал для попарного сравнения — русско-болгарские (РБ) аналоги — состоит из русско-болгарских лексических единиц, принадлежащих общеславянскому пласту, или лексике, заимствованной из одного и того же источника, или являющихся результатом заимствования из одного из сопоставляемых языков в другой. Между РБ аналогами, кроме формального, налицо и семантическое соответствие. Слова-аналоги различаются оформлением в соответствии с грамматическими системами русского и болгарского языков.

Определяющей для соотношения Р и Б является исходная (словарная) форма. Список исходных русских слов (прилагательных и существительных) содержит более 3000 единиц.

Лексикографическое представление результатов сопоставления русских и болгарских аналогов реализуется в соответствии с требованиями активной лексикографии, имеющей опору в русской лингвистической традиции и детально разработанной в трудах Ю. Д. Апресяна. Особое внимание уделяется сочетаемости лексических единиц, которая рассматривается как следствие принципа активности. Наиболее приемлемым для активного двуязычного словаря аналогов нам представляется способ, предусматривающий характеристику сочетаемости заголовочной единицы в каждом из ее значений с включением упорядоченного перечня свободных и несвободных словосочетаний, элементом которых является описываемая единица и ее лексико-семантические варианты.

Основная информация о семантической структуре русско-болгарских аналогов извлекается из толковых и двуязычных словарей и из корпусов русского и болгарского языков.

Результаты анализа русско-болгарских слов-аналогов зафиксированы в виде словарных статей.

Их главной особенностью является расширение объема информации, организованной в соответствующие зоны. По сравнению с существующими русско-болгарскими и болгарско-русскими словарями расширяется объем сочетаемостной, культурологической и прагматической информации.

Настоящее исследование является первой попыткой создания русско-болгарского словаря с учетом требований активной лексикографии для целей двуязычной лексикографии.

Причастные формы как предикативные определения: проблемы болгарско-русского перевода*

Иванова Елена Юрьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Конструкции с депиктивами (предикативными определениями) характеризуются как предложения, содержащие два предиката: один — основной, другой — второстепенный, обозначающий фоновую ситуацию, происходящую внутри временных рамок действия основной ситуации. Типичным для депиктива является значение временного (актуального) состояния субъекта.

Причастия, обозначающие временный признак, наиболее удобны в этой функции. Такая морфологическая форма депиктивов широко распространена в болгарском языке в связи с утратой деепричастий совершенного вида и суженной сферой употребления деепричастий несовершенного вида. В их отсутствие именно причастия (в том числе причастные формы, функционирующие как прилагательные) стали основным морфологическим типом предикативного определения.

В докладе на материале болгарско-русского и русско-болгарского параллельного корпусов (<https://ruscorp.ru/new/search-para-bg.html>) предполагается выявить набор средств, используемых русскими переводчиками для передачи специфики этих болгарских конструкций. Показано, что выбор аналогичной русской причастной депиктивной конструкции — редко используемое переводческое решение, см. пример (1).

Основными функциональными эквивалентами болгарских причастных депиктивов являются адвербиалы со значением состояния: наречия и предложно-падежные формы, см. примеры (2)–(3), а также деепричастия (4):

- 1) Когато тя си отиде, той лежа дълго като зашеметен. — Когда она ушла, он долго лежал ошеломленный.
- 2) Жена му го гледаше прехласната. — Жена растерянно смотрела на него.
- 3) Огнянов ги изгледа смяян. — Огнянов посмотрел на них с удивлением.
- 4) Пита за тебе — отговори бабата усмихната. О тебе спрашивала, — ответила старуха, улыбаясь.

Будут проанализированы условия, влияющие на выбор того или иного средства переводчиком. Описываются синтаксические трансформации при переводе, позволяющие сохранить семантику актуального состояния производителя действия.

Асимметрия, которая выявляется при сопоставлении активности депиктивных причастий в болгарском и русском языках, отражает и разный статус конструкций с предикативными определениями (в том числе с иными морфологическими типами депиктивов) в системе этих языков.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-512-18005.

Референциальный потенциал именных групп с неопределенным местоимением и именем собственным в болгарском языке

Лазарева Виктория Александровна,

к. ф. н., доцент

Университет г. Салерно, Италия

В докладе на материале болгарского языка будет показан референциальный потенциал именных групп, представленных сочетанием неопределенных местоимений *някой* /*някакъв* (*си*) и имени собственного-антропонима. Рассматриваемый языковой материал, собранный на корпусной основе, проецируется на классификационную сетку денотативных статусов именных групп, разработанную Е. В. Падучевой (1985). Семантика и функционирование болгарских неопределенных местоимений, в частности в референциальном аспекте, неоднократно обсуждались в научной литературе (Ницолова 2008; Осенова 1999; Станков 1995 и др.). О сочетании неопределенных местоимений с именами собственными имеются отдельные наблюдения, которые могут быть дополнены и переосмыслены в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. Нас интересует способность неопределенных местоимений комбинироваться с разными компонентами значения имени, высвечивая их.

За исходное принимается положение о том, что одинаково оформленные именные группы в разных вхождениях могут иметь разные денотативные статусы, т. е. по-разному соотносятся с внеязыковой действительностью (Е. В. Падучева 1985): *Но пак свята. И тая пепел я изкарват на продан за дълг. Цял свят от сладки образи и спомени се съдържа в това пепелище, което някой си Шамуров ще продаде за безценък на друг някой Шамуров, за да си съгради там кръчма, или пък да си хвърля сметът. — Богохулство! — извика пак Стремски* (И. Вазов, БНК).

В докладе будет показано, что: 1. Референциальная многозначность рассматриваемых именных групп обусловлена сложным взаимодействием семантики неопределенных местоимений и имени собственного, в ходе которого по-разному проявляется предметная и признаковая составляющая имени. 2. Рассматриваемые именные группы покрывают широкий спектр вариативности, обнаруживая предрасположенность как к референтным (*Между четниците в Карагьол бил и някой Иван от Искровете* (Н. Хайтов, БНК)) и нереферентным (*Ами ако би се появил някой Отело?* (Е. Манов, БНК)), так и к предикатным употреблениям (*Аз съм някакъв своеобразен Робинзон на някакъв несъществуващ остров* (Р. Стефанов, БНК)). Именные группы, включающие имена собственные с общеизвестными коннотациями, традиционно описываемые как переносные употребления, также показывают референциальную подвижность.

Будут проанализированы способы осмысления и разрешения омонимии разных типов референциальных употреблений.

Национально ориентированный подход к преподаванию русского языка как иностранного в болгарской среде

Лесневская Димитрина Спасова,

к. ф. н., доцент

Университет национального и мирового хозяйства, София (Болгария)

Национально ориентированный подход (НОП) представляет собой базисную методическую категорию, которая определяет стратегию обучения языку и метод обучения. В докладе дается характеристика НОП к иноязычному обучению в условиях иноязычной среды, в частности болгарской, на современном этапе развития методики преподавания иностранных языков. НОП интегрирует коммуникативный, социокультурный и сознательно-сопоставительный подход при учете лингводидактических факторов межкультурного образования в условиях иноязычной среды с целью формирования лингвокультуроведческой компетенции. В болгарской среде преподается русский язык как инославянский на базе фонда общей лексики и единого пласта славянских культур. На уроках русского языка применяется модель «язык через культуру и культура через язык», причем в качестве иллюстративного материала используются аутентичные тексты, согласно концепции межславянского взаимопонимания. В докладе рассматриваются особенности преподавания русского языка как международного и глобального в сфере дипломатии и туризма в болгарской среде.

Перевод частицы и союза «ведь» на болгарский язык (на материале художественной литературы)

Мосинец Анастасия Геннадьевна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Дегенхарт Жасмин,

аспирант

Софийский университет им. Св. Климента Охридского

В докладе рассматриваются переводческие соответствия частице и союзу *ведь* в болгарском языке в зависимости от семантико-синтаксической функции *ведь* в предложении и от контекстов его употребления. В качестве материала доклада были использованы художественные произведения российских писателей (Н. Абгарян, С. Минаев, Т. Полякова, Б. Акунин), созданные в XXI в., и их профессиональные переводы на болгарский язык. Переводческим эквивалентом *ведь*, как правило, считается болгарская частица *нали*. В словаре [Влахов 2007] предложены следующие варианты перевода *ведь*: (*та*) *нали*; *че*, *ами че*, *ама*; (*та*) *ако*. В словаре [Чобанова 2007] представлены варианты (*та*) *нали*, а также *ами*, *наистина*. Наш материал показывает, что частица *нали* действительно является одним из наиболее частотных соответствий частице *ведь* в болгарских переводах. Это основной эквивалент частицы *ведь* при «запросе на подтверждение» [Бонно, Кодзасов 1998]. Однако, например,

в ситуациях «прозрения» выбирается другой вариант перевода: Я как-то и не задумывался об этом. Ха! А ведь ты прав (С. Минаев). Просто не бях се замислял за това. Ха! Ама ти си прав (пер. И. Николовой). Несмотря на то, что употребление частицы *нали* как средства связи в сложных предложениях с придаточным причины отмечается в болгарских грамматиках [Грамматика на съвременния български книжовен език 1983: 373; Недев 1992: 284; Брезински 1995: 288], наш материал показывает, что один из наиболее частотных вариантов перевода *ведь* в функции причинного союза — основной болгарский причинный союз *защото*: Они щебечут, как старые друзья, и я испытываю что-то вроде ревности к нему — ведь это я познакомил их с Мишкой (С. Минаев). — Двамата си бърбеха като стари приятели и аз изпитах нещо като ревност към него, защото аз бях този, който го запозна с Миша (пер. И. Николовой). Зафиксированы и примеры передачи *ведь* с помощью союзов причины *понеже* и *тъй като*.

Литература

Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.

Брезински С. Кратък български синтаксис. София, 1995.

Влахов С. Нов руско-български речник / Под ред. А. Липовска. София, 2007.

Грамматика на съвременния български книжовен език / Гл. ред. С. Стоянов. В 3-х т. Т. 3: Синтаксис. София, 1983.

Недев И. Синтаксис на съвременния български книжовен език. София, 1992.

Чобанова Р. Руско-български, българско-руски речник. София, 2007.

Метонимическая оптика в рассказе Ивана Станкова «Отец Бухареста»

Няголова Наталия,

PhD доцент

Великотърновский университет — МГУ им. М. В. Ломоносова

В докладе рассматривается метонимизм как особенность поэтики современной болгарской прозы. Наблюдения осуществляются на материале рассказа Ивана Станкова «Отец Бухареста», являющегося частью беллетристической книги писателя «Имена под снегом» («Имена под снега», 2019).

«Румынский текст» болгарской литературы ведет свое начало со второй половины XIX в. и обычно проявляется в инициационных сюжетах этноцентрического романтизма (Л. Каравелов, Хр. Ботев, И. Вазов, З. Стоянов и др.).

В связи со Второй Балканской войной и захватом Северной Добруджи Румынией происходит новая актуализация «румынского текста», но она имеет довольно спорадический характер (Й. Йовков). Рассказ И. Станкова нарушает эту традицию. В произведении писателя Бухарест сохраняет свои национальные характеристики лишь в топографическом плане через названия разных частей города, которые перечисляются в тексте со скрупулезной точностью. Но одновременно Бухарест Станкова приобретает характеристики любого большого города мира, в котором царит отчуждение, а эмпатия возникает как редкий, неожиданный импульс.

Метонимическая оптика анализируется на нескольких уровнях:

- как принцип изображения городского пространства: Бухарест представлен как ризоматическое поле, которое реализовано на двух уровнях — наземном (сеть знаковых мест города) и подземном (метро как невидимый лабиринт, существующий по своим, особым законам);
- как стилистический прием смежения неоднородных образов: структура рассказа основана на двух семантических рядах телесности и текстуальности, которые лишены природной связи между собой, но сопрягаются благодаря актуализации чувственного опыта;
- как механизм интертекстуальных вкраплений: культурный контекст строится из элементов, не имеющих эстетических сходств, но их соседство создает новые сцепления художественного смысла;
- как парадоксальная ось мышления и экзистенции современного человека, которая создается трансляцией неотобранной информации, динамикой и социальной иллюзорностью глобалистского мира.

За метонимической оптикой рассказа И. Станкова выявляется генетическая связь с модернистскими текстами болгарских авторов 1960-х гг., а также особая атмосфера «переходной эпохи» начала XXI в., отличающаяся в болгарской литературе мемуарным началом и языком кризиса.

Оформление подчиненных предложений при болгарских глаголах *виждам* — *видя* и их русских эквивалентах*

Овсянникова Мария Александровна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Кукова Христина Николова,

специалист

Институт за български език «Проф. Л. Андрейчин» — Българска академия на науките

В докладе рассматриваются употребления болгарских глаголов *виждам* — *видя* и русских глаголов *видеть* — *увидеть*, в которых воспринимаемым объектом является ситуация, выраженная подчиненным предложением (сентенциальным дополнением). В болгарском языке такое подчиненное предложение оформляется союзами *че*, *да* и *как*, а в русском языке — союзами *что*, *чтобы* и *как*. Материалом исследования послужили прежде всего тексты параллельного болгарско-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка. Цель исследования — установить соответствия между болгарскими и русскими конструкциями, выявить систематические отклонения от этих соответствий и установить их причины. Было обнаружено, что существенную роль в употреблении союзов при этих глаголах, а также в выборе глаголов в параллельных контекстах оказывают их аспектуальные свойства. Во-первых, в болгарском

---

* Исследование выполняется при поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-512-18005.

и русском языках по-разному устроены аспектуальные отношения между глаголами в парах. В частности, для передачи общефактического значения и значения временного состояния в прошлом в русском языке используется глагол НСВ *видеть*, а СВ *увидеть* может обозначать только начало восприятия или восприятие моментальной ситуации. В болгарском языке в общефактических контекстах и в значении временного состояния в прошлом используется глагол СВ *видя*. В силу этого различия болгарскому глаголу *видя* часто соответствует русский глагол *видеть*. Во-вторых, в русском языке при глаголе *видеть* подчиненное предложение гораздо чаще оформляется союзом *как*, чем при глаголе *увидеть*.

В болгарском языке такой асимметрии между глаголами не было обнаружено. Это различие проявляется в том, что в контекстах, где в болгарском языке используется глагол *видя* с союзом *как*, в русском языке чаще используется глагол *видеть*, а контекстам с глаголом *видя* и союзом *че* чаще соответствует глагол *увидеть*. В параллельных контекстах болгарским союзам *че* и *как* почти всегда соответствуют русские союзы *что* и *как*. Отношение между союзами *да* и *чтобы* более сложное. Союз *чтобы* в русском языке используется преимущественно при отрицательной форме глагола *видеть* и ирреальном статусе подчиненной предикации. Таким употреблением всегда соответствуют болгарские конструкции с союзом *да*. Обратное неверно: союз *да* используется и в утвердительных контекстах с глаголами *виждам* и *видя* при реальном статусе подчиненного предложения. Значительная часть таких употреблений в наших данных приходится на переводы с русского на болгарский, где в русском языке использованы причастные конструкции с глаголами положения и перемещения (видел их сидящими). Нередки и случаи передачи фактивных употреблений союза *да* с болгарскими глаголами при помощи русских конструкций с союзами *что* и *как*.

Пассивные конструкции в прессе, учебниках и учебных пособиях

Сергунина Марина Николаевна,

преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Целью данного исследования является сопоставление употребления пассивных конструкций с парадигмой пассивного залога, представленной в современных учебниках и учебных пособиях по болгарскому языку для иностранцев. Материалом исследования послужили публикации в СМИ.

Выбор языка прессы связан с тем, что, во-первых, пассивные конструкции широко используются в публицистике, во-вторых, в публицистическом стиле представлены все стили речи. Материал был собран методом сплошной выборки, поэтому газетные жанры представлены достаточно полно: интервью, аналитические и проблемные статьи, комментарии, репортажи, хроники, новости, небольшие заметки, информационные сообщения. Тематика также разнообразна — пассивные конструкции можно встретить в публикациях, охватывающих все темы, которые освещаются в печати, и не только непосредственно в газетных текстах, но и в заголовках, подзаголовках, подписях к иллюстративному материалу. В результате анализа видо-временных форм страдательных (пассивных) конструкций в текстах газетных публикаций наш материал показал, что в языке болгарских газет наиболее часто употребляются формы

имперфекта, аориста, перфекта, плюсквамперфекта и будущего времени. При этом широко распространен и возвратный, и причастный пассив, но последний преобладает. Причастный пассив образуется преимущественно от глаголов совершенного вида, а возвратный — от несовершенного. Эти формы не всегда взаимозаменяемы, чаще находятся в отношениях частичной дистрибуции.

Что касается учебников и учебных пособий по болгарскому языку, мы рассмотрим, как в них разработана категория «залог».

Естественно, в первую очередь нас будут интересовать те учебники и учебные пособия (как болгарские, так и русские), в которых представлен основной курс грамматики (средне-продвинутый этап обучения, или уровень В2 по европейской системе), и где изучаются вышеупомянутые формы. Также будут рассмотрены учебники и учебные пособия уровня С1-2 на предмет наличия в них редко встречаемых и особых форм пассивных конструкций.

После рассмотрения наиболее полных учебников и учебных пособий, содержащих основной курс грамматики, а также и некоторых С1-2, можно констатировать, что данная тема в учебниках и учебных пособиях разработана недостаточно и представлена неполно.

Во многих учебниках и учебных пособиях болгарских авторов практически нет парадигмы всех времен болгарского глагола, не говоря уже о редко встречаемых и особых формах, а в некоторых учебниках и учебных пособиях присутствуют даже ошибки.

Болгарские и российские интернет-мемы о Covid-19 в сопоставительном аспекте

Степанова Мария Михайловна,

к. п. н., доцент

Московский государственный институт

международных отношений МИД России (Одинцовский филиал)

Терзиева Татьяна Васильевна,

к. ф. н., ассистент

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

Юмор во все времена помогал людям пережить тяжелые испытания, преодолеть страх и беспокойство, поддержать друг друга в непростых ситуациях. Пандемия нового коронавируса Covid-19 закономерно привела к возникновению во всех странах нового пласта юмора, посвященного этому заболеванию и сопутствующим ему явлениям — обязательному ношению защитных масок, локдаунам, запретам на передвижение и общение, штрафам, вакцинации и т. п. Сегодня одной из наиболее популярных форм юмористических произведений являются интернет-мемы — сочетания фото, рисунка или видео с коротким текстом, в комплексе обладающие комическим эффектом и отличающиеся быстрой, «вирусной» распространяемостью в интернет-пространстве.

Данное исследование посвящено сопоставительному изучению интернет-мемов о Covid-19 на болгарском и русском языках. Материалом исследования послужили интернет-мемы, опубликованные в болгарских и российских тематических группах в социальной сети Facebook в 2020–2021 гг. На материале 100 единиц наиболее попу-

лярных мемов выявлены сходства и различия болгарских и русских мемов на уровне содержания, механизмов создания юмористического эффекта, а также выбора лексических единиц и грамматических конструкций. В соответствии с этими параметрами построена классификация исследованных мемов.

Сделан вывод о том, что сходства в содержании русскоязычных и болгароязычных интернет-мемов обусловлены их функционированием в общем интернет-пространстве, в силу чего многие мемы являются переводом с одного языка на другой и часто имеют общий англоязычный источник. Различия в содержании мемов обусловлены культурными, политическими и экономическими особенностями каждой из стран и спецификой принимаемых в каждом государстве ограничительных мер. Кроме того, болгарские мемы характеризуются большей «откровенностью» в затрагивании физиологических тем, являются несколько «грубоватыми» по сравнению с русскими.

Исследована также потенциальная переводимость культурно-специфических болгарских и российских мемов с одного языка на другой. Показано, что мемы, содержащие современные реалии, вызывают сложность при переводе, т. к. буквальный перевод не может обеспечить необходимый комический эффект в культуре принимающего языка. Традиционные приемы передачи реалий, такие, как, в частности, использование приближенного аналога или приема генерализации (напр., «ракия» — «водка», «луканка» — «колбаса»), могут быть успешно применены в ряде случаев. Однако, например, болгарские мемы про генерала Мутафчийского оказываются абсолютно непереводаемыми для российской аудитории, не знакомой с этой фигурой.

Виды заимствований в болгарской и русской экономической терминологии

Стоянова Радостина Стоянова,

к. ф. н.

Институт болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина БАН

В исследовании применяется предложенная М. Поповой (2012) классификация заимствованных терминов, построенная на базе отношений между значением, ономаσιологической структурой (т. е. внутренней формой) и внешней формой соотносительных заимствованных единиц. Согласно данной классификации выделяются следующие виды заимствований в экономической терминологии:

I. Термины и терминологические элементы — материальные заимствования.

1.1. Термины и терминологические элементы с формой лексических заимствований: болг. дъмпинг — рус. демпинг < англ. dumping и др.

1.2. Термины и терминологические элементы с формой словообразовательных материальных заимствований: болг. экс- (рус. экс-): болг. Экспроприатор рус. экс-проприатор; болг. анти- (рус. анти-): болг. антидъмпинг — рус. антидемпинг; болг. ре- (рус. ре-): болг. реструктуризация — рус. реструктуризация; болг. -аж (рус. -аж): болг. куртаж — рус. куртаж; болг. -анс (рус. -анс): болг. баланс — рус. баланс и др.

1.3. Термины с формой фразеологических материальных заимствований: болг. галопираца инфлация — рус. галопирующая инфляция < англ. galloping inflation; болг. кредитен рейтинг — рус. кредитный рейтинг < англ. credit rating и др.

II. Переводные заимствования (кальки).

2.1. Термины и терминологические элементы с формой структурных переводных заимствований (структурные кальки).

2.1.1. Термины и терминологические элементы с формой словообразовательных переводных заимствований (словообразовательные кальки): болг. паричен поток — рус. денежный поток < англ. cash flow и др.

2.1.2. Термины с формой фразеологических переводных заимствований (фразеологические кальки): болг. Горещи пари — рус. горячие деньги < англ. hot money и др.

2.2. Термины и терминологические элементы, являющиеся смысловыми переводными заимствованиями (смысловые кальки), при которых переводится внутренняя форма: болг. „орли“; болг. „сови“; болг. „пауни“; рус. медведи; рус. быки и др.

III. Заимствования смешанного типа. К данному типу относятся заимствования, при которых один из компонентов является материальным заимствованием, а другой компонент — переводным заимствованием: болг. бизнес среща — рус. бизнес встреча < англ. Business meeting и др.

IV. Полузаимствования. К ним относятся языковые единицы, при которых один из компонентов является интернационализмом, а другой — чаще всего домашней лексемой: болг. бизнесбратство; болг. олигарщина — рус. олигарщина.

Большое количество заимствованных терминологических единиц в болгарской и русской экономической терминосистеме свидетельствует о действии активного процесса терминотворчества и способствует интернационализации терминологии в целом.

Литература

Попова М. Теория на терминологията. Велико Търново: ИК «Знак '94», 2012. 1168 с.

Особенности поэтического языка болгарского поэта Н. Вапцарова и рецепция его творчества в Сербии (на примере переводов стихотворения «Предсмертное» на сербский язык)

Устинова Ирина Александровна,

преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Никола Вапцаров (1909–1942) — один из самых ярких, незаурядных и любимых болгарских поэтов XX в., он никогда не исчезал из болгарского сознания, интерес к его творчеству не ослабевает и в наши дни. 23 июля 2022 г. исполняется 80 лет со дня гибели Н. Вапцарова. Стихотворение «Предсмертное» («Предсмъртно»), написанное поэтом за несколько часов до казни, является знаковым для поэзии Н. Вапцарова, передает основные темы его творчества: патриотизм, горячие призывы к свободе, справедливости, равенству.

Принято считать, что оно было написано 23 июля 1942 г., после прочтения смертного приговора, когда поэт знал, что через несколько часов его не станет [Вапцарова

1982: 354]. Следовательно, стихотворение «Предсмертное» представляет собой последнее послание поэта людям, рассуждение о жизни и прощание с ней. Как отмечает критик Н. Георгиев, «в восьми кратких строках этого произведения суммируется весь идейный, художественный и житейский путь поэта» [Георгиев 1970: 30].

Доклад посвящен рецепции произведений Н. Вапцарова в Сербии. Сербский и болгарский народы, помимо географической близости, всегда объединяла историческая и культурная общность. В докладе представлен сопоставительный анализ трех переводов стихотворения Н. Вапцарова «Предсмертное» («Предсмъртно») на сербский язык, выполненные в период с 1962 по 1990 г. Примечательно, что в Югославии переводы выполнялись с учетом специфики диалектов сербохорватского языка: это произведение болгарской литературы переведено на екавский, икавский и иекавский диалекты [Бугарска поезија XX века / приредио и предговор написао Милан Ђурчинов; превели Десанка Максимовић и Влада Урошевић. Београд, 1969].

Стихотворение «Предсмертное» демонстрирует смешение различных приемов, что является характерным для творчества Н. Вапцарова: плеоназм, контраст, нарочитое употребление клишированных выражений. Поэт часто обращается к использованию этих приемов для создания и подчеркивания разговорности, злободневности и непосредственности. Таким образом поэт соединяет возвышенность книжного языка и непосредственную беседу с читателем.

Цель доклада — показать, как болгарский поэт Н. Вапцаров представлен в Сербии, дать сопоставительный анализ стихотворения Н. Вапцарова и его переводов на диалекты сербохорватского языка.

Взаимодействие лексических и грамматических эвиденциальных маркеров в болгарском языке XIX в. (на примере конструкций с референциальными глаголами в частной переписке)

Храпко-Магала Мария Валерьевна,

преподаватель

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Болгарский язык входит в так называемый большой эвиденциальный пояс, который объединяет языки с грамматическим выражением эвиденциальности в глаголе. При этом в нем, как и в других славянских языках, указание на источник получения информации может быть выражен и лексическими маркерами. Взаимодействие маркеров двух типов является предметом нашего исследования, материалом для которого послужила частная корреспонденция второй половины XIX в. Н. Герова и его адресатов — всего 18 авторов. Выборка составила 128 случаев, в которых референциальные глаголы вводят конструкции с л-формами со связкой в третьем лице и без нее. Существуют разные точки зрения на присутствие/отсутствие вспомогательного глагола в третьем лице у л-форм: одни ученые, учитывая данный фактор, разделяют парадигмы, другие, напротив, не считают это достаточным основанием, так как существуют случаи колебания в употреблении связки. Хотя мы не исключаем ситуаций подобного колебания, мы исходим из положения, что грамматическая форма глагола отражает когнитивную классификацию передаваемой информации — дистанци-

рованность (при использовании л-формы без глагола-связки) или, напротив, включенность в сферу общих или собственных опосредованных знаний говорящего (при использовании л-формы с глаголом-связкой). В отсутствии лексического показателя основная нагрузка в интерпретации информации ложится на грамматическую форму (контекст порой может отсутствовать или быть недостаточным) и позиция автора высказывания представляется в большей степени очевидной (он дистанцируется от информации или обозначает, что она входит в сферу его опосредованных знаний). Мы же рассмотрели ситуации взаимодействия лексического и грамматического показателей эвиденциальности. Лексические маркеры — референциальные глаголы — выдвигают на первый план семантику пересказа: при их появлении над высказыванием уже довлеет статус «чужой информации», так как эвиденциальный маркер характеризует информацию как «не свою». Какова же частотность использования л-форм со связкой и без? На выборку из 128 случаев пришлось 107 примеров использования л-форм с глаголом-связкой и 21 пример без нее. Таким образом, хорошо видно преобладание форм без вспомогательного глагола. Из этого можно сделать вывод, что такой способ ввода информации в конструкциях [Г сказал (написал) С, что р] является более нейтральным для данной переписки. При этом появление форм л-причастий со связкой в третьем лице, обладающих значением личной опосредованной информации, заметно усложняет семантику предложения и требует при их анализе учета экстралингвистических факторов. Так, 11 из 22 случаев использования л-форм со связкой приходятся на корреспонденцию Н. Герова и могут быть во многих случаях объяснены через более глубокий анализ контекста.

Славяне в контексте мировой культуры: компаративистика, имагология, переводоведение

«Австрийский Восток»: образ Боснии в травелогах Марии Кмет и Зофки Кведер

Бодрова Анна Геннадьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В центре исследования — боснийские травелоги словенских писательниц М. Кмет (1891–1974) и З. Кведер (1878–1926). Кведер, побывав в Боснии в 1904 г., написала об этой стране два текста: «В Сараево» («V Sarajevem», 1904/1905) и «Женщины-мусульманки в Боснии и Герцеговине» («Žene mohamedanke v Bosni in Hercegovini», 1907). Кмет, посетив Боснию до начала Первой мировой войны, по результатам путешествия опубликовала травелог «Из Боснии» («Iz Bosne», 1914) и позже краткую лирическую зарисовку «Босния» («Bosna», 1920), тему Боснии она затрагивает и автобиографии «Мои пути-дороги» («Moja pota», 1933). Обе писательницы перемещаются в рамках одного государства — Австро-Венгерской империи, в состав которой помимо многих других славянских земель (в том числе и словенских) вошли также Босния и Герцеговина, с 1878 г. оккупированные, а с 1908 — аннексированные Австро-Венгрией. Кведер и Кмет большое внимание в своих текстах уделяют городу Сараево, представляя его мультинациональным и многоконфессиональным пространством, где присутствуют мусульмане, католики, православные и иудеи. В травелогах обеих писательниц очевидно стремление представить Боснию как экзотическую страну. Под «восточную» традицию рассказывания сказок Кведер стилизует и свое собственное повествование. Однако ее интересует не только экзотика, большое внимание Кведер уделяет женскому вопросу. Так, описывая быт гаремов, она опровергает стереотип о многоженстве. Кведер разрушает образ «волшебного Востока», обращаясь к экономическим и юридическим аспектам: у всех боснийских женщин мало прав, они полностью находятся во власти своих мужей. Обе писательницы затрагивают проблемы здоровья боснийцев: замкнутый образ жизни в четырех стенах пагубно сказывается на их физическом состоянии. Сами Кведер и Кмет имеют другой опыт, они более мобильны, поэтому негативно оценивают малоподвижный образ жизни сараевских мусульманок. Общение с соотечественниками, живущими в Боснии, можно назвать мотивом, объединяющим травелоги обеих писательниц. Чувство отчужденности усугубляется отношением к словенцам местных жителей — для них они не славяне, а «швабы», т. е. немцы. Обе

писательницы представили в своих боснийских текстах камерную экзотику в пределах одного государства — Австро-Венгерской империи. В XIX в. и в начале XX в. среди словенцев были весьма популярны идеи панславизма, австрославизма и югославизма. Поэтому неслучайно и словенские писательницы с большим интересом относились к другим славянским народам, заселявшим Австро-Венгерскую империю. Однако при личном знакомстве боснийцы — другой славянский народ, который мог бы стать Своим, оказывается Чужим, что, как явствует из травелогов, обусловлено разностью культур и вероисповеданий — в соседней Боснии проходит цивилизационная граница.

Имя собственное в восточнославянских пословицах на фоне английского языка*

Боева Наталия Евгеньевна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Собственные имена являются важным объектом анализа при сравнении пословиц на материале разных языков и культур. Объектом данного исследования являются современные восточнославянские пословицы с компонентом-именем собственным. Имя собственное находится в центре внимания исследователей языка и культуры. В лексикологии, фразеологии и паремиологии имя собственное исследуется, главным образом, в историко-этимологическом, структурно-семантическом и сопоставительном аспектах. Вопросу имен собственных в составе белорусских, украинских, русских и английских паремий и их роли в процессе формирования стереотипов были посвящены некоторые исследования, но данная работа рассматривает этот вопрос в новом аспекте.

Целью исследования является сопоставление имен собственных в современных русских, белорусских и украинских пословицах на фоне английского языка с учетом описания современных русских, белорусских и украинских пословиц с именем собственным в Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц.

Материалом для рассмотрения послужили русские пословицы, в составе которых есть имя собственное. Например, рус. По Сеньке и шапка; белорус. ср. Па Саўку (Хомку, Юрку) шапка; укр. По Савці свитка; англ. A little bird is content with a little nest. Это единицы, зафиксированные в существующих словарях и в личной картотеке автора. Особое внимание уделяется русско-белорусским пословичным параллелям, отраженным в авторской работе Тетради паремиографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума. В исследовании использованы следующие методы: метод сопоставительного (межъязыкового) паремиологического анализа; метод лингвокультурологического анализа. Имя собственное в пословице является значимым компонентом, который проясняет смысл пословицы, обобщает и типизирует социальные типы и характеры людей. Имена собственные в паремиях являются носителями культурных смыслов, выраженных вербальным способом. Анализ русских, белорусских и украинских паремий с именем собственным показывает, что белорусские и украинские пословицы демонстрируют близость к рус-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00105).

скому языку, которая проявляется в использовании одних и тех же имен собственных. Тем не менее, не все русские пословицы с именами собственными отражаются в активном паремиологическом запасе белорусов и украинцев.

Понятия как инструмент идентификации: словарные проекты Ольги Токарчук и Чеслава Милоша

Бразговская Елена Евгеньевна,

д. ф. н., профессор

Русская христианская гуманитарная академия

В работе рассматриваются авторские системы понятий как способы представления концептуального пейзажа эпохи и отдельной личности. Исследование выполнено на материале лингвосоциального проекта О. Токарчук *Ex-centrum*, ее книги *Czuły narrator* (2019) и словаря-автобиографии Ч. Милоша *Abecadło* (2010). В анализе материала интересно сопоставление лингво-когнитивных стратегий расширения концептуального словаря современности.

Научные пресуппозиции работы связаны с исторической семантикой, поэтикой интеллектуального дискурса, семиотикой культуры, лингвопроективными работами М. Эпштейна.

Методология исследования опирается на когнитивно-семиотический анализ, в рамках которого каждая лексическая единица рассматривается как атом мышления. Выявляются: механизмы словотворчества (ранее не использованные этимологические ресурсы польского языка); стилистические техники визуализации семантического пространства лексем и их функций; заложенные в семантику лексем когнитивные схемы (телесность, пространство и время); авторские методики представления систем понятий в виде семантической сети; предполагаемое суггестивное воздействие единиц нового словаря на читателей.

О. Токарчук исходит из необходимости создания библиотеки новых слов для еще не наступившего времени (*brakuje nam języka, brakuje punktów widzenia, metafor, mitów*). Точка отсчета ее понятийной системы — *ognozja* как ультрасинтетический способ познания мира. Это понятие интерпретируется через *sezamiczność* (открытая бесконечность, не имеющая карты), *metaksy* (постоянное пребывание «между») и др.

Сетевой принцип словаря будущего предполагает *excentryczność* (поиск нетипичных решений) и *koniekturę* как заполнение лакун культуры. В словаре Ч. Милоша иная лингвокультурологическая и когнитивная техника: создавая единицы интеллектуального дискурса, он расширяет / переосмысляет семантическое пространство существующих лексем (*ciekawość, znikanie, autentyczność, biografie* и др.).

В качестве выводов рассматривается лингвофилософский вопрос о «вмешательстве» человека в язык: насколько мы властны над языком, почему на сломе эпох возникает необходимость расширять и переосмыслить его словарь? Подчеркивается, что лингвокультурологическая работа обоих авторов направлена не столько на «создание» будущего, сколько на необходимость воспитания нового мышления, адекватного наступающей эпохе. У обоих авторов новые понятия функционируют как межъязыковые номады (одна из лексем О. Токарчук) — единицы интеллектуального словаря, в котором исчезают границы между словарями национальных языков. И это также знак мышления, формирующего новую реальность.

Об украинских и английских пословичных параллелях русских пословиц тематической группы «ЗАНЯТИЯ. РАБОТА. — ОТДЫХ. БЕЗДЕЛЬЕ»*

Гусева Ольга Валерьевна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Мущинская Виктория Владиславовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Раина Ольга Викторовна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящее исследование посвящено выявлению лакун среди украинских и английских параллелей русских пословиц, вошедших в «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (далее — ЭССАВП) и в «Тетради паремиографа. Выпуск Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц)». ЭССАВП и Тетради паремиографа демонстрируют активно употребляющиеся украинские и английские пословичные параллели русского паремиологического минимума. Следуя мнению И. А. Стернина, Г. В. Быковой, Т. И. Жарковой, Г. В. Сорковых, О. М. Смирновой, межъязыковая лакуна — это отсутствие в том или ином языке эквивалента для единицы какого-либо другого языка.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: 1. Согласно данным социолингвистического эксперимента были выявлены пословичные параллели русских пословиц в украинском и английском языках. 89% украинских пословичных параллелей и 65% английских пословичных параллелей представлено во всех шестнадцати разделах I тематической главы «Занятия. Работа. Дело. Ученье. — Отдых. Безделье. Лень. Невежество». 2. Было выявлено 11% лакун в украинском паремиологическом фонде, которые были классифицированы по следующим тематическим разделам: 1) Начало — конец; 2) Условие — следствие; 4) Цель — средства; 6) Большое — малое; 12) Труд — отдых — баловство; 13) Уменьше — неуменьше; 16) Ученье, знания — невежество, невнимательность. 3. Было выявлено 34% лакун в английском паремиологическом фонде, которые были классифицированы по следующим тематическим разделам: 1) Начало — конец; 2) Условие — следствие; 3) Причина — следствие; 6) Большое — малое; 7) Поиск — находка; 8) Успех — неудача; 9) Серьезность — беззаботность; 10) Слова (обещания) — дела; 12) Труд — отдых — баловство; 13) Уменьше — неуменьше; 14) Трудолюбие — лень; 15) Старательность; 16) Ученье, знания — невежество, невнимательность. 4. Сопоставление 16 разделов I тематической главы русских пословиц ЭССАВП обнаруживает лакуны в украинском и английском материале, что демонстрирует особенности национальной паремиологической картины мира. Специфика проявляется как на уровне образности, так и сочетается в таких паремиях с уни-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00105/21.

версальным ценностным смыслом. Паремиологическая лакуна не всегда означает отсутствие соответствующего концепта в концептосфере украинцев или англичан, так как паремии могут не иметь общеязыкового выражения в силу целого ряда причин, например, отсутствие коммуникативной потребности в выражении данного концепта, яркая внутренняя структура паремии (наличие в ней реалий, ритма или рифмы).

Сербская народная поэзия в переводах Джона Боуринга

Дракулич-Прийма Драгана,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Библиотека Российской Академии наук

Сборник сербской народной поэзии — «Serbian Popular Poetry» (London, 1827), опубликованный известным английским государственным деятелем, писателем и переводчиком Джоном Боурингом (1792–1872), до сих пор не привлекал должного внимания исследователей. Обычно этот труд перечисляется в ряду прочих подобных изданий в обзорных или библиографических работах, посвященных восприятию, изучению и переводам сербской народной поэзии в западноевропейских странах. Интерес к сербской культуре в XIX в. в Европе возник, как известно, после выпущенных Вуком Стефановичем Караджичем (1787–1864) первых сборников сербской народной поэзии: «Мала простонародна славено-сербска пјеснарица» (Вена, 1814), «Народна сербска песнарица» (Вена, 1815), а также последующих изданий, вышедших в Лейпциге в 1823 и 1824 г. Сборник Дж. Боуринга «Serbian Popular Poetry», подготовленный на материале вышеперечисленных известных песенных сборников В. С. Караджича, привлекается к анализу впервые, чем объясняется актуальность настоящего исследования.

Анализируемый сборник Дж. Боуринга состоит из двух основных частей — эпических и лирических сербских песен. Среди эпических песен особо выделяются некоторые тематические циклы: цикл песен о Косовском сражении (1389 г.), цикл песен о Королевиче Марко и др. Наряду с художественной, эпические переводы Дж. Боуринга имеют важную историческую ценность — они позволили обратить внимание англичан на славные страницы сербской истории, на борьбу сербов за освобождение от турецкого ига. Среди лирических, или так называемых женских, песен самую значимую часть в сборнике Дж. Боуринга составляют свадебные песни. В работе предполагается показать, в какой степени известные переводчики сербского эпоса, такие как И. В. Гете, Я. Гримм, Т. Тальви и др., оказали влияние на выбор Дж. Боурингом конкретных песен для его сборника. В настоящем исследовании проанализированы некоторые успешные и менее успешные переводческие решения, предложенные Дж. Боурингом при трактовке сербских реалий, пословиц, поговорок и фразеологизмов. Особого внимания заслуживают исторические и лингвокультурологические комментарии, составленные автором при переводе названий исторических событий, сербских топонимов, этнонимов, имен собственных, наименований животных и растений и др., а также интересные отсылки переводчика к сербской и славянской мифологии. Проведенный анализ позволяет оценить значимость переводов Дж. Боуринга для популяризации сербской народной поэзии и творчества В. С. Караджича в английской лингвокультуре.

Структурно-синтаксические типы болгарских и английских пословичных параллелей паремиологического минимума

Ершова Надежда Борисовна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В своей лингвистической классификации Г. Л. Пермяков различал пословицы по степени и характеру грамматической сложности. Пословицы могут выступать в виде простых и сложных предложений. В пословицах паремиологического минимума представлены разные синтаксические модели предложений и, в первую очередь, «наиболее ходовые, наиболее употребительные синтаксические конструкции данного языка» (Г. Л. Пермяков, 1997).

Синтаксически базовым структурным типом пословиц традиционно является простое предложение, которое «декларативно, стилистически не маркировано» (Mac Coinnigh, 2015).

Стилистическая немаркированность или не явная маркированность наиболее распространена в русских, венгерских и ирландских пословицах (Tóthné Litovkina, 1990), та же тенденция наблюдается, по мнению В. Мидера, и в современных англо-американских пословицах (2012). Текущее исследование является продолжением ранее начатого сравнительно-сопоставительного изучения грамматических аспектов паремиологического минимума Г. Л. Пермякова с целью выявления наиболее активных структурно-синтаксических типов болгарских и английских пословичных параллелей.

Исследование основано на результатах работы паремиологической группы Санкт-Петербургского государственного университета под руководством профессора М. Ю. Котовой, нашедших свое отражение в серии выпусков «Тетрадей паремиографа» — «Выпуск 1. Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума» (2013) и «Выпуск 4. Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: (на фоне болгарских, словацких и чешских пословиц)» (2018).

В докладе рассматриваются болгарские пословицы, представленные простыми предложениями. Выявляются их структурные типы и частотность. Сопоставляются структурно-синтаксические типы болгарских и английских пословичных параллелей. Прослеживается тенденция совпадения структурных типов болгарских и английских пословиц в тех случаях, когда они проявляют универсальность, т. е. являются библеизмами и «глобализмами», например, болг. Гладна мечка хоро не играе и англ. Fair words fill not the belly (ср. рус. Соловья баснями не кормят).

Пословицы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста

Ильминская Виктория Игоревна,

аспирант

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Абакумова Ольга Борисовна,

д. ф. н., профессор

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

В художественном дискурсе пословицы выполняют очень важные функции, они могут использоваться для характеристики персонажей, оценки событий и ситуаций, а самое главное, для передачи послания автора читателю, и входят таким образом в семантическую макроструктуру художественного текста. Наш анализ переводов произведений А. П. Чехова «Моя жизнь» с применением нашей когнитивно-дискурсивной модели (далее — КДМ) показал следующие функции пословиц как косвенных речевых актов смешанного типа.

В группе пословиц, где при реализации доминирует экспрессивная составляющая, преобладает оценочная функция: Что посеешь, то пожнешь (ср. англ. *As you sow, so shall you reap, As you make your bed, so you must lie on it*).

В речевых пословичных актах с ведущей констативной составляющей выделяются: 1) информирование о событиях и положении дел (информативная, моделирующая); 2) квалификация свойств объектов (характеризующая); 3) указание на отношения между объектами (реляционная); 4) подведение итогов (обобщающая): Лжа, что ржа: тлит и ее модификация в тексте Тля ест траву, ржа железо, а ложь — душу (*Worm eats grass, rust eats iron, and lying eats the soul*).

Пословицы регулятивного типа выполняют следующие функции: 1) призыв; 2) поддержка, 3) одобрение; 4) побуждение к действию; 5) упрек; 6) совет, рекомендация; 7) предупреждение; 8) косвенное оскорбление; 9) соглашение; 10) отказ от сотрудничества; 11) угроза и др.: Деньги счет любят (*Money loves counting*); Копейка рубль бережет (*Penny saves shilling, A kopek saves a rouble*). Эти функции реализуются в бытовых диалогах, которые имитируются в художественных текстах и входят в его микроструктуру.

Роль пословиц в семантической макроструктуре художественного текста связана с декодированием главного послания автора читателю, поскольку через пословицы и другие фразеологизмы, содержащиеся в них метафоры и устойчивые образы данной культуры передается созданная автором система художественных образов данного произведения, что способствует передаче главной идеи созданного им текста.

Предложенная модель КДМ актуализации смысла пословицы в дискурсе позволила выделить следующие типы собственно коммуникативной стратегии говорящего: 1) интересубъектную стратегию (между двумя участниками с факультативным третьим, участвующим или подслушивающим), 2) интрасубъектную стратегию (разговор персонажа с самим собой), 3) коммуникацию с неодушевленным объектом (прежде всего в поэтическом тексте).

Собственно коммуникативное действие реализуется в текстах, которые являются истинными произведениями искусства, в противном случае, если автор использует социально-ориентированную стратегию (по Ю. Хабермасу) по отношению к своим читателям, текст представляет собой коммерческий продукт.

Переводчики современной словацкой литературы на английский язык

Князькова Виктория Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Словацкий переводовед А. Попович рассматривал перевод как способ межкультурной коммуникации. В его коммуникативной теории текст — это точка пересечения двух линий: коммуникативной и художественной. В тексте перевода, таким образом, отражаются все элементы коммуникативной цепочки: не только автор, текст оригинала, читатель оригинала, но и автор перевода, так же, как и читатель перевода. В докладе подчеркивается важность личности переводчика как участника межкультурной коммуникации и рассказывается о современных переводчиках словацкой художественной литературы на английский язык. Кроме того, перечисляются и классифицируются цели создания англоязычных версий словацких произведений, так как в большинстве случаев такие переводы не рассчитаны на массового читателя. Переводчики словацкой литературы на английский язык всегда имеют личную заинтересованность в создании переводов словацких произведений, что отражается и в тексте самих переводных книг. В большинстве случаев это эмигранты из Словакии или Чехословакии (например, Петер Петро, Юлия Шервуд, Эвалд Озерс) или потомки эмигрантов (Чарльз Сабатос, Марк Ленчо), многие переводчики, наоборот, — это иностранцы, живущие в Словакии (Хизер Требатицка, Джон Минахейн, Джеймс Сазерланд-Смит, Джанет Ливингстоун), в редких случаях это преподаватели словацкого языка в англоговорящих странах (Дэвид Л. Купер). Есть случаи перевода произведений словацкими авторами, но они единичны, таким образом, можно утверждать, что большинство переводчиков словацкой литературы на английский язык — это билингвы, обладающие двойной идентичностью. Выбор текстов для перевода чаще всего обусловлен субъективными целями переводчиков. Так, сказки П. Добшинского или антологии словацкой литературы выходят в переводе для ознакомления американских словаков с литературой страны их происхождения. Современные словацкие авторы во многих случаях сами являются инициаторами перевода своих произведений на английский язык для того, чтобы иметь своего рода визитную карточку в международной литературной области. Переводчики, живущие в Словакии, стремятся познакомить международную общественность с современной словацкой литературой. Так появляются переводы произведений наиболее выдающихся словацких писателей XXI в.: В. Баллы, Я. Боднаровой, П. Виликовского, Д. Капитанёвой, У. Ковалик, М. Компаниковой, П. Криштуфека, П. Ранкова, Я. Юранёвой и др.

Восточнославянско-английские пословичные параллели тематической группы «СОБСТВЕННОСТЬ. ХОЗЯИН. ГОСТЬ. БОГАТСТВО» (на материале «Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц»)*

Котова Марина Юрьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель доклада заключается в выявлении специфики пословичных картин мира восточнославянских языков на фоне английского языка в рамках одной тематической группы «Собственность. Хозяин. Гость. Богатство» (всего 61 русская пословица).

Исследование проведено на материале «Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц» (далее — ЭССАВП), который создается на основе опубликованного автором «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» (далее — РССПАС). Методики социолингвистического паремиологического эксперимента и тематического паремиографирования нацелены на поиск современных употребительных пословичных параллелей, а также на фиксацию лакун.

В первой части доклада дается характеристика указанной тематической группы пословиц и особенности ее репрезентации в РССПАС: в шести тематических подгруппах («Дом, собственность», «Хозяин — гость», «Пища — угощение», «Хозяйственность — бесхозяйственность», «Бережливость — расточительность», «Богатство — бедность») пословицы, как знаки ситуации, расположены, в основном, по дихотомическому принципу, причем в силу своей полисемантической некоторые из них фигурируют в нескольких тематических подгруппах. В ЭССАВП эта тематическая группа предстала в обновленном, по сравнению с РССПАС, виде. Редактирование состава тематической группы проводится на основе обработки результатов социолингвистического паремиологического эксперимента, начатого коллективом проекта в 2021 г. и направленного на корректировку паремиологического минимума, выявленного Г.Л.Пермяковым в 70-х гг. XX в. Так, дополнили тематическую группу русские пословицы, отмеченные подавляющим большинством наших респондентов: Кто рано встает, тому Бог дает (ср. англ. *The early bird catches the worm*) и др.

Во второй части доклада представлены два основных типа белорусских и украинских пословичных параллелей, сопровождаемых контекстами употребления: полные параллели (например, Хлеб всему голова — белорус. Хлеб усяму галава, укр. Хліб усьому голова) и параллели с иной внутренней формой (например, И Москва не сразу строилась — белорус. Не за дзень Вільня будавалася, укр. Київ не відразу будувався). Особое внимание уделяется фиксации отсутствия активных пословичных параллелей (то есть лакун в белорусском, украинском или английском языках), например к таким русским пословицам, как В чужой монастырь со своим уставом не ходи!, Милости прошу к нашему шалашу и др.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00105).

Выводы демонстрируют совпадение пословичной картины мира данного сегмента в трех восточнославянских языках (количество лакун единично) и различия в английском языке (к 19 % русских пословиц активные английские пословичные параллели не выявлены).

«Калейдоскопные» романы Йосипа Ости в аспекте транскulturности

Красовец Александра Николаевна,

к. ф. н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Словенско-боснийский поэт, писатель, эссеист, литературный критик, переводчик и редактор Йосип Ости (1945–2021) родился в Сараево, с 1990 г. жил и работал в Словении. Являясь признанным поэтом у себя на родине, пишущим по-хорватски, одним из крупнейших переводчиков словенской литературы на сербохорватский язык, с 1997 г. он начинает писать по-словенски, тут же удостоиваясь наиболее престижных наград в Словении, в частности, за свою так называемую «вторую дебютную книгу стихов» «Нарцисс с Краса» («Kraški narcis», 1999). Транскulturные аспекты литературных произведений Йосипа Ости, как поэтических сборников, так и романов, представляют собой поистине уникальное явление. В нашем докладе мы обратимся к романам Йосипа Ости, а именно к его трилогии — «Призраки дома Генриха Бёлля» («Duhovi hiše Heinricha Bölla», 2016), «Перед зеркалом» («Pred zrcalom», 2017) и «Жизнь — чудовищная сказка» («Življenje je srhljiva pravljica», 2019). Все три произведения располагают сильной (авто)биографической составляющей и образуют особую романную форму, которую автор называет «калейдоскопно-мозаичным» романом.

Последний имеет фрагментарную структуру и состоит из рассказов, историй из жизни, анекдотов, городских легенд, эссеистических заметок, литературно-критических отступлений, лирических отрывков, стихотворений в прозе, дневниковых записей и пр. В романах Ости мы также находим связь с традицией краткой прозы в боснийской литературе, в частности, с произведениями 1990–2000-х гг. таких авторов, как М. Ергович, Д. Карахасан, Н. Величкович, К. Заимович и др., которым в свою очередь присущи дестабилизированная жанровая форма, гибридный, мозаичный нарратив, личные и документальные свидетельства. Такого рода структурная особенность прозаических текстов Ости помогает ему отразить свойственный для его интимного и художественного мира транскulturный взгляд, охватить сложное наложение разнородных элементов. Романы написаны по-словенски, однако самая значительная их часть посвящена пространству родного Сараево, уникальной мультикulturной атмосфере этого города, а также развернувшейся в нем чудовищной трагедии; тем самым писатель дополняет то, что мы можем назвать «сараевским текстом», но уже в поле словенской литературы, художественно осмысляя уникальную взаимосвязанность Боснии и Словении.

Активные русско-сербские пословичные параллели тематической группы «СУДЬБА» (на фоне китайского языка)

Ли Синь Юнь,

магистрант 1 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Котова Марина Юрьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Пословицы как часть языка и культуры — это квинтэссенция мудрости и опыта предков, они передавались из поколения в поколение, тесно связаны с жизнью и социальной культурой нации, сохраняют ее богатство. Изучая пословицы, можно глубже узнать социальную культуру и языковые характеристики нации. В данном исследовании собраны пословицы тематической группы «Судьба». Судьба — понятие, существующее с древних времен: раньше люди, верили, что жизнью человека управляет непреодолимая сила и все, что происходит в его жизни, уже предначертано судьбой. В настоящей работе мы, через анализ пословиц названной тематической группы, попытались сравнить отношение к судьбе в различных традициях (русской, сербской и китайской) и таким образом проследить сходства и различия картин мира, воплощенных в языковом сознании трех наций. Актуальность исследования заключается в том, что паремии существуют в любой национальной традиции, они выражают народную мудрость, которая передается из поколения в поколение посредством языка. При наличии универсальных черт пословицы обладают и национально-культурным своеобразием в каждом языке. Цель настоящей работы — продемонстрировать общие черты пословиц о судьбе в трех языках и выявить их различия. В связи с этим перед нами встает задача проследить историю изучения пословиц в русской, сербской и китайской паремиологии, провести классификацию пословиц о судьбе, а также на основе анализа языкового материала сравнить русскую, сербскую и китайскую картины мира. В задачи работы также входит: выделение пословиц тематической группы «Судьба» из «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой и отбор соответствующих китайских паремий из словарей и сборников пословиц китайского языка; сравнение пословиц о судьбе в трехязычных параллелях; выявление содержания такого понятия, как «судьба» и соотношение этого содержания в трех языках; анализ основных черт национальной ментальности через пословицы в лингвокультурологической перспективе. Сравнительный анализ пословиц в трех языках позволяет говорить о различии образной системы, которая стоит за значениями выражений: метафоры, положенные в основу пословиц, совершенно разные. Это говорит о различии национально обусловленных картин мира, однако совпадение значений, толкований анализируемых пословиц подтверждает общность человеческой природы.

Литературный феномен Али Рахмановой, русской писательницы, чьи произведения живут лишь в переводах

Пескова Анна Юрьевна,

к. ф. н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Творчество писательницы Али Рахмановой (наст. имя — Галина Дюрягина-Хойер, 1898–1991) — уникальный пример русской эмигрантской прозы межвоенного и послевоенного периодов. Феномен Рахмановой интересен, в первую очередь, тем, что все ее произведения, написанные на русском языке, были адресованы непосредственно западным читателям и уже изначально публиковались в немецких переводах ее супруга Арнульфа Хойера, в то время как русские оригинальные тексты так никогда и не были изданы и считаются утраченными.

Эмигрировав из Советского Союза в Австрию, Галина и ее муж решили опубликовать ее дневники 1916–1925 гг., в которых подробно описывалась жизнь в России периода революции, гражданской войны и первых лет советской власти. А. Хойер самостоятельно переводит тексты жены на немецкий язык, находит издателя и публикует их под псевдонимом Александра (позже — Аля) Рахманова. Небывалый успех этих произведений на Западе (они были переведены на более чем 20 языков и издавались сотысячными тиражами) можно объяснить огромным интересом тогдашних европейцев к непосредственному изложению трагических событий, происходивших в России в то время, а также желанием понять культурный код, менталитет, национальный характер русских, массово эмигрировавших тогда в Европу. Любопытны и последующие книги Рахмановой: автобиографический роман «Молочница в Оттакринге» (1933), в котором отразился опыт интеграции писательницы в австрийскую среду, ее поиск социокультурной идентичности, и роман «Фабрика новых людей» (1935), получивший первую премию католической церкви как «Лучший антибольшевистский роман».

Спустя почти сто лет, в 2010-х гг., к творчеству Али Рахмановой неожиданно вновь обращаются в Словакии, где один за другим выходят переводы ее романов, а в 2019 г. на сцене крупнейшего театра страны — Словацкого национального театра в Братиславе — была осуществлена постановка «Русских дневников» Рахмановой по ее ранней дневниковой прозе. В этой инсценировке особый акцент сделан на атмосфере безумия и жестокости, сопровождавшей революционные события и последующие годы красного террора, которые до основания потрясли все русское общество и в корне изменили его. По утверждению авторов и критиков спектакля, тексты Рахмановой оказываются чрезвычайно актуальны в наше время, когда просто необходимо вновь напоминать людям о той страшной диктатуре, к которой привели идеалистические мечтания социалистов, слепая вера и умелая политическая пропаганда. К сожалению, в России имя Али Рахмановой, европейской литературной звезды 1930-х гг., чьи произведения до сих пор не были опубликованы по-русски, по-прежнему остается практически неизвестным.

Тематическая группа «ЧЕЛОВЕК» в русской и украинской пословичной картине мира на фоне английского языка (на материале «Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц»)*

Сергиенко Олеся Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В настоящем докладе мы проанализируем одну из тематических групп, представленных в новом «Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц» (далее — ЭССАВП) — тематическую группу №2 «Человек». Она содержит 59 пословиц, объединенных в 7 подгрупп: «Внешний вид», «Достоинства — пороки», «Пьяный — трезвый», «Ум — глупость», «Ум — возраст», «Хитрец — простак», «Язык, речь — молчание». Цель исследования — сравнить, как эти концепты отражены в пословичной картине мира русского и украинского языков на фоне английского языка, проанализировать типы пословичных параллелей и выявить возможные лакуны. Исследование проводилось методом сопоставительного (межъязыкового) паремиологического анализа тематических групп пословиц и методом компонентного анализа пословичных параллелей русских пословиц в украинском и английском языках.

Так, для русской пословицы «На брюхе шелк, а в брюхе щелк» не было выявлено пословичной параллели в украинском языке, в таком случае в словаре приводится ее буквальный перевод на украинский, снабженный соответствующей пометой «букв.» На череві шовк, а в череві клац. В английском языке мы находим аналог данной пословицы, основанный на другой образности, и лишь отчасти совпадающий с исходной русской пословицей в объеме своего значения — *Great boast, small roast*.

Тематический индекс, представленный в ЭССАВП, наглядно демонстрирует такое явление, как паремиологическая полисемия. Среди пословиц тематической группы «Человек», преобладают полисемичные пословицы, их 54% (32 из 59 пословиц). Например, пословица Нет розы без шипов относится сразу к трем тематическим группам — №2 «Человек» (подгруппа «Достоинства — пороки»), №3 «Характер. Психика. Нравственность. Эмоции» (подгруппа «Целеустремленность — осторожность») и №12 «Судьба. Бог» (подгруппа «Двойственность явлений»). В ЭССАВП данная пословица получает два определения, первое из которых отражает ее отношение сразу к двум группам №2 и №12, а второе — только к группе №3: 1) Не существует настолько гармоничного человека, чтобы у него не было недостатков. 2) Красота должна себя защищать. В украинском и английском языках существуют полные эквиваленты данной пословицы *Нема троянди без колючок*; *There is no rose without a thorn*, а их активное функционирование в современном языке подтверждается контекстными иллюстрациями из сети интернет. Представлены выводы о степени совпадения русской, украинской и английской пословичных картин мира, о характере пословичных параллелей данной группы. Наличие же паремиологических лакун подчеркивает уникальные особенности русского паремиологического фонда и способствует выявлению уникальных национальных стереотипов.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00105).

Польский след на северо-востоке Эстонии

Синдецкая Наталия Борисовна,

к. ф. н., преподаватель
Таллинский Университет

Данное сообщение является частью более обширного исследования польского присутствия в Эстонии и в основном концентрируется на истории и современности Нарвы — самого большого города приграничного Ида-Вирусского уезда. Польское наследие в этом уголке страны не является таким явным, как на южных рубежах Эстонии, но все же можно говорить о самобытных польских следах, память о которых жива на северо-востоке до сих пор.

Первый польский очаг в Ида-Вирумаа связан с промышленным гигантом своего времени: Кренгольской мануфактурой в Нарве. Основы развития легкой промышленности в Нарве были заложены в 1857 г. На хлопкопрядильном производстве трудились представители многих национальностей тогдашней Российской империи, в том числе поляки, которые по численности работников мануфактуры занимали довольно весомое место. Главным образом с мыслью о духовной жизни польских текстильщиков в 1907 г. был построен католический костел, который известен как польская церковь, что расширяет звено «*roola*» в эстонском списке топонимов.

Примечательно также, что авторами ряда пригородных архитектурных объектов являлись поляки, что повлияло на местную терминологию. В этом плане особое место занимает курортная Усть-Нарва. К сожалению, не все архитектурные замыслы польских инженеров сохранились до сегодняшнего дня, но сей факт не умаляет их значения в развитии эстонско-польских отношений, которые на современном этапе венчает ставший международным конкурс молодых исполнителей им. Ф. Шопена и недавно высаженный польский дуб в Роще народов Эстонии.

Второй польский центр на северо-востоке находился в Кививили, где в 1930-х гг. началась активная разработка сланцевых залежей и обнаружилась острая нехватка квалифицированных горнорабочих. Эстонское правительство официально обратилось к Польше за помощью. Так в Ида-Вирумаа появились польские шахтеры с южных воеводств, за которыми вскоре потянулись сельскохозяйственные работники.

Специально для новоприбывших эстонская сторона в срочном порядке переводила документацию на польский язык и составляла польско-эстонские разговорники. В 1937 г. местные поляки учредили филиал общереспубликанского польского культурного общества «*Polonia*», головной офис которого находился в Таллине. Укоренению польского элемента в Ида-Вирумаа помешало начало Второй мировой войны. Увы, проследить дальнейшую судьбу всех польских рабочих в Эстонии не представляется возможным, большая часть из них смогла вернуться на родину только после 1945 г.

Hungarian parallels to the Russian paremiological minimum: thematic category «LIFE. DEATH. ADVICE»

Zimonyi-Kalinyina Irina,

independent researcher

This study is a next step in a project which we can determine as discovering Russian paremiological vision of the world through the thematic groups of proverbs. The base of this research is Russian-Slavic Dictionary of Proverbs with English Correspondences [Kotova, 2000], more precisely The Thematic index of Russian proverbs as its part. Previously we already examined Category III. CHARACTER. PSYCHE. MORAL. EMOTIONS, subcategory Courage and Fear, Category V. PROPERTY. HOST. GUEST. WEALTH, subcategory Food and Hospitality, Category VI. TIME. PATIENCE. of the Thematic index. The present research is devoted to Category XI. LIFE. DEATH. ADVICE of the Thematic index of Russian proverbs. The Category is divided into four subcategories: Life — Death; Clever — Fool; Difference — Similarity; Advice and Means of Precaution. Altogether this category contains 33 Russian proverbs, two of them are represented twice in different subcategories due to their multilevel meaning. Our goal was to identify Hungarian parallels or lacunae to the above Russian proverbs. Consulting the Big Dictionary of the Hungarian proverbs [Litovkina, 2010] we tracked 69 corresponding Hungarian proverbs. We also dared to add to the selection 3 more Russian proverbs (*Кому суждено быть повешенным тот не утонет* /lit. Who is destined to be hanged will not drown/, *О мертвых либо хорошо, либо ничего, [кроме правды]* / lit. About the dead are either good or nothing [but the truth]/, *Два сапога пара* /lit. Two boots — one pair/). These Russian proverbs represent clear parallels to the Hungarian ones, making either full pairs or pair with different imagery. Two of them do not make part of the Paremiological minimum, and one is not included in the Category XI, although it could be included. To ensure clarity the collected material is presented according to the following categorization: 1) full pairs 2) pairs with different images 3) antonym 4) lacunae. Unlike in our previous studies where the pairs with different images were dominating, in this Category the lacunae represent the biggest percentage, i.e., 42 % of Hungarian proverbs and 23 % of Russian proverbs cannot be linked as a pair. Full pairs make 20 %, pairs with different images 14 %, and we have a single antonym. The outcome of this research demonstrates particularities of the linguistic palette both in Russian and in Hungarian proverbial lore.

Славянская фразеология. Славянская паремиология и паремиография петровского времени: взаимодействие «своего» и «чужого»

Аксиологическая характеристика ума и его отсутствия
на материале восточнославянских пословиц

Андреанова Дарья Витальевна,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Ум как одна из несомненных культурных доминант современного человека сохраняет при этом отчетливую аксиологическую неоднозначность: с одной стороны, ум представляется как обязательная «положительная» характеристика человека, противоположность глупости; вместе с тем ум в философском осмыслении часто предстает как выхолощенная рациональность, противоположность эмпатии и самой жизни. Глупость, в свою очередь, также аксиологически неоднозначна в современной культуре, поскольку помимо очевидного отрицательного заряда, заложенного в этом понятии, отчетливо ощущается иная ипостась этого феномена, связанная, например, с фольклорной или христианской характеристикой дурака как человека, отличного от большинства, живущего иначе, чем все. Пословичный взгляд на многие аспекты действительности отличается значительным своеобразием, демонстрирует аксиологическую парадигму консервативного общества, жизнь которого коренным образом отличалась от привычной нам. В частности, для пословичной картины мира характерна ценностная установка на практичность, полезность для дела, определенная «приземленность». Так, в собрании пословиц из «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий», собранных П. К. Симони, из 24 пословиц, посвященных уму и глупости, 3 прямо связывают ум или его отсутствие с умением преумножить и сохранить материальное благосостояние: За скудость разума палат лишаются. Сим., 105; Умом наживают, а безумием и старое теряют. Сим., 146; С дураком не убить бобра (рус). Сим., 107; СОРЯ XVI–XVII вв. 1, 199. < Убить бобра — получить выгоду, приобрести что-л. ценное. СОРЯ XVI–XVII вв. 1, 199. В восточнославянских пословицах параллель ума и «толка», получения выгоды также прослеживается на многих примерах: 3 дурнем каші не звариш: або пшоно не вкипить, або вогонь не горить (укр); 3 дурнем варыць — або не ўварыцца, або пераварыцца (бел); С дурнем каши (пива) не сварись (рус); 3 дурнем каші не звариш (укр); С дураком пива не сварись (рус); 3 дурнем пива не звариш (укр); С дураком пива не сварись; а и сварись, так не

разопьешь (рус) и др. Вместе с этим пословицы отражают систему конвенциональных, не устаревающих общечеловеческих ценностей, а также максимум, характеризующих человеческую природу вообще. Например, На всякого (На каждого) мудреца довольно простоты (рус); Во всяком мудреце довольно простоты (рус); Ва ўсякім мудрацы давольна прастаты (бел); На кожного маладца даволі прастаты (бел); Кожного мудрого простота хватає, бо він мудрий розум має (укр); Умный не без глупости, а дурак не без разума (рус). Характерно, что подобные максимумы, как видно, в частности, из приведенной выше пословицы, не всегда содержат выраженную оценочную характеристику, а лишь служат напоминанием о существующем порядке вещей.

Русские пословицы в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) (в сопоставлении с пословицами Петровского времени)

Birix (Bierich) Александр (Alexander),

д. ф. н., профессор
Трирский университет

Пословицы и поговорки широко представлены в художественных произведениях XVIII в. Особенно часто они встречаются в комедии и комической опере, ср., напр.: иногда и свинья рыло поднимает; суженой конем не объедешь, с сильным не борись, а с богатым не тяжись; дело не медведь, в лес не уйдет; свои собаки грызутся, а чужая не приставай и т. п. Неудивительно поэтому, что и «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) (далее САР) не мог пройти мимо этого богатства и включил значительное число пословиц и поговорок в состав словаря. Из-за обилия материала составителям пришлось ввести ограничение: «Пословицы те токмо должны иметь в Словаре место, коих знаменованию можно дать ясную и довольную причину, те же, коим довольной причины привести не можно, предоставить особливому пословиц собранию» (Сухомлинов, М. И. История Российской Академии). В связи с этим ограничением в САР отсутствуют отдельные пословицы, отмеченные уже пословичными собраниями Петровской эпохи (сборник пословиц В. Н. Татищева, сборник пословиц и присловиц российских А. И. Богданова и др.).

Пословицы и поговорки в Словаре сопровождаются, как правило, пометами вещание (или образ вещания), речение, выражение, пословица, поговорка и т. п. Их разграничение не всегда оказывается достаточно четким. Так, например, поговорка Согнуть кого в бараний рог 'Притеснить кого до крайности' (I, 98) характеризуется как пословица; пословица Барыш с накладом на одних санях ездят (I, 107) имеет помету присловица; такую же помету имеет и пословица На смиренного бог нанесет, а резвой сам набежит (I, 421). Неясны также отличия присловиц от поговорок, ср., например, их определения в САР: «Поговорка. Так называется известный образ вещания, заключающего в себе острый и нравоучительный смысл, напр. Дай бог память! как бы сказать не солгать» (II, 153); «Присловица. Поговорка в кратких словах заключающаяся, напр. Ни дать ни взять» (V, 543).

Сопоставление пословичного материала, выбранного из САР, с пословичными собраниями Петровской эпохи показало, что значительное число пословиц в словаре и собраниях совпадает по компонентному составу: богу молись, а сам не плошись; глаз

видит, да зуб неймет; грех да беда на кого не живет и др. В то же время наблюдаются и варианты различия: а) морфологические: болезнь входит пудами, а выходит золотниками (САР) — болезнь входит пудом, а выходит золотниками (Сб. Богд.); б) количественные: глазами пива не выпьешь (САР) — глазами чужого пива не выпьешь (Сб. Богд.); в) лексические: не измеря броду сунуться в воду (САР) — не спрося броду, не суйся в воду (Сб. Богд.); своя рубашка ближе к телу (САР) — рубашка к телу ближе кавтана (Сб. Богд.) и т. д. В докладе дается подробная классификация всех типов различий, а также приводятся пословицы из САР, отсутствующие в собраниях Петровской эпохи.

Типология изменений паремий XVII–XVIII вв. в сопоставлении с современностью

Вильк Габриела,

к. ф. н., ассистент
Силезский университет

Паремиологический фонд является ценным хранилищем национально-культурного наследия каждого этноса. В отношении русской паремиологии можно заметить, что ряд единиц ее прежнего состояния, в частности XVII–XVIII вв., продолжает существовать в ней без изменений и активно использоваться. Другие с течением времени приобретают новую форму, подвергаясь более или менее значительным модификациям. Доклад представляет попытку сопоставления материала разных паремиографических источников, а также текстов современных СМИ с целью проследить динамику и характер семантических и структурных изменений некоторых пословиц и поговорок. В центре исследовательского интереса находятся паремии, зафиксированные в «Старинных сборниках русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П. К. Симони и в словаре «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирева, т. е. на начальном этапе их систематизации. Собрание Симони относится к числу старейших источников паремий и дает ценную информацию о языке и культуре Петровской эпохи. Материалом для подготовки словаря Снегирева также послужили древние тексты — летописи, песни, сказки и рукописные сборники XVII–XVIII вв. С опорой на современные словари (напр. В. П. Жукова, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, а также В. И. Зимина) можно заметить различного рода изменения компонентного состава ранее зарегистрированных пословиц и поговорок, его сокращение либо расширение, перестановку, замену того или иного компонента и пр. К примеру, в сборнике Снегирева находим единицу Бочка меду, да ложка дегтю, которая в настоящее время имеет форму Ложка дегтя в бочке меда. Носители современного русского языка не используют пословицу в виде На вкус, на любовь, на цвет спора нет, а На вкус, на цвет товарищей нет. В свою очередь, пословица Как (сколько) волка ни корми, он [все] в лес глядит (смотрит) в XVIII в. была зафиксирована в варианте Как волка ни корми, а он все к лесу глядит. И подобных примеров немало. Кроме описания типологии изменений некоторых паремий, в докладе подчеркивается важность изучения этих единиц в диахроническом аспекте. Благодаря сопоставлению разновременных версий той или иной паремии можно получить истинную картину ее существования в языке.

Образ ребенка в псковских устойчивых сравнениях

Воробьева Лина Бронисловна,

к. ф. н., доцент

Псковский государственный университет

Исследование посвящено анализу устойчивых сравнений псковских говоров, характеризующих ребенка: его внешность, поведение, особенности характера. Оценку образа ребенка в устойчивых выражениях отражают номинации, которые могут показывать разнообразное отношение: одобрительное, ласковое, ироничное, реже — неодобрительное: (здоровый, здоровенький) как гвоздок, (красивый, хороший) как куколка, нарядиться как куклёнок, ходить как куклёночек, (хороший) что куклёнушек, свернуться барашком, как ментусок, как барчук, как поросенок и др. Очевидно, что нередко в роли эталона сравнения выступают диминутивы: они поддерживают эмоционально-экспрессивную окраску единиц.

С другой стороны, в псковских говорах встречаются сравнения, в которых в качестве эталона сравнения используются существительные с общим значением «ребенок»: детёнок (принимать как родного детёнка), дети (прыгать как маленькие дети), дитька (носиться как с дитькой), дитя (заплакать как дитя), ребенок (глумной как ребенок, делать что как ребенок, растить как ребенка), дочка (как дочка родная), сын (жалеть как своего сына), девочка (худенькая как девочка, одеваться как девочка), девушка (что девушка хорошая). Признаки, на основании которых осуществляется сравнение кого-либо с ребенком, очень разные: наивность, неумелость, бестолковость, чрезмерное внимание, забота, бережное и ласковое обращение. При этом чаще всего данными единицами характеризуются взрослые люди, что отражается либо в толковании, либо в контекстах.

Подобное явление, когда, с одной стороны, с помощью сравнений характеризуется сам ребенок (т. е. он является объектом сравнения), а с другой, ребенок является эталоном сравнения для характеристики взрослого человека, отмечается и в компаративных единицах литературного языка, однако система образов там шире.

Системный анализ таких устойчивых сравнений дает целостное представление о наиболее типичных характеристиках детей и о тех коннотациях, которые связаны с образом ребенка в сознании человека.

Взаимодействие своего и чужого в русской морской фразеологии петровского времени

Гулякова Ирина Геннадьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, русский морской флот был создан Петром Первым. Поскольку своих специалистов в этой области в России не было, из-за границы приглашались искусные в строительстве кораблей англичане и прославленные мореплаватели голландцы. Соответственно, вместе с ними в русский язык хлынул поток заимствований из английского и голландского языков. В русском языке уже существовала речная судостроительная терминология, так как речное судоходство было вполне развито, поэтому

некоторые из терминов перекочевали в терминологию морского дела. Это были в основном термины исконно русского происхождения, возникшие большей частью метафорическим путем и обозначающие отдельные части корабля, например, нос, ребро, палуба, корма и др. Однако, поскольку иностранные мастера называли их по-своему, возникли синонимичные наименования, например, шангоут (ребро), дек (палуба) и др. Для новых же понятий, предметов и действий, связанных с мореплаванием, использовались преимущественно заимствованные слова и выражения. Так, СВОЕ столкнулось с ЧУЖИМ и вступило с ним в взаимодействие. Оно происходило разными путями. Во-первых, как уже упоминалось, возникали синонимичные наименования. Во-вторых, образовывались составные термины, созданные на основе сочетания русских и заимствованных слов, как правило, представлявшие собой кальки с иностранного языка, например: держать вахту, стоять на вахте, отдать швартовы и др. В-третьих, вследствие так называемой ложной этимологии появились словосочетания, на первый взгляд бессмысленные, но имеющие вполне четкое объяснение, как, например, знаменитое рынду бить — «звонить в судовой колокол, отмечая время на корабле». Историю возникновения этого выражения изложил Л. В. Успенский. Первоначально оно существовало в форме императива — рынду бей — и образовалось из английского *ring the bell*. Русские моряки свели воедино в своем сознании с непонятным им выражением сопровождающее его действие (звонить в колокол) и созвучные ему русские слова рында (оруженосец, телохранитель московский царей) и бей (глагол бить в императиве). Компоненты словосочетания семантически поменялись местами: словом рында (сочетание англ. *ring* звонить с артиклем *the*) стали обозначать малый судовой колокол, а английский колокол (*bell*) превратился в глагол бей. Так взаимодействие элементов своего и чужого породило богатую и насыщенную терминологическую систему морского дела в русском языке.

По Сеньке и шапка, по фляжке ярлык: варьирование на примере одной идиомы

Дронов Павел Сергеевич,

к. ф. н., научный сотрудник
Институт языкознания РАН

В докладе, являющемся продолжением работ автора по теме варьирования идиом, поговорок и фразеосхем [Дронов 2021а, 2021б], рассматривается варьирование речевой формулы по Сеньке и шапка. Согласно П. К. Симони [Симони 1899], данная речевая формула употребляется, как минимум, с Петровской эпохи. Исследуется употребление полной формы, зафиксированной П. К. Симони и В. И. Далем [Даль 1879] (по Сеньке и шапка, по Еремке коллак; По Сеньке и шапка, по бабе и шлык), в том числе с возможным варьированием имен собственных — ср. исследования антропонимического кода культуры в [Ковшова 2019]. Отмечается появление различных трансформаций (не по Сеньке шапка) и модификаций (а, б). а. — Ну, на свой-то тебе нечего жаловаться: по Сеньке и шапка, по фляжке — ярлык. [В. П. Авенариус. Гоголь-гимназист (1897); НКРЯ]. б. — По Сеньке шапка, по седоку извозчик. Все эти насмешки на меня не подействовали: я сторговался с ванькой за полтинник. [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850); НКРЯ]. Рассматриваются выражения, построенные по той же структурной модели по XDat YNom (в том числе синонимичные или имеющие не-

которое семантическое сходство, ср. по мощам и елей), с той же или близкой просодией и метрикой. На примере по Сеньке и шапка анализируются проблемы тождества и различия, тождества и подобия фразеологизма в рамках нескольких классов фразеологических единиц: идиом, фразеосхем, пословиц.

Литература

Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. М.: В университетской типографии, 1879.

Дронов П. С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 4, 2021 (а). С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.

Дронов П. С. Наше дело маленькое, твое дело телячье: о нескольких близких моделях фразеосхем в русском языке // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Ковалева: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021 (б). С. 124–128.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М., 2019.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru>.

Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. Собрал и приготовил к печати Павел Павел Симони. Выпуск первый с приложением XIII-ти таблиц снимков с рукописей. СПб., 1899 (Издание Отделения рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук). 214 с.

Образы родства в русских загадках и «наивная» культурно-языковая картина мира

Ковшова Мария Львовна,

д. ф. н., ведущий научный сотрудник
Институт языкознания РАН

Понятие «наивной» культурно-языковой картины мира, которое разрабатывается в аспекте изучения особенностей народного миропонимания, запечатленного в знаках языка, может быть исследовано с помощью такого пласта паремиологии, как загадки. На материале русских традиционных загадок, в составе которых употребляются термины родства («отец», «мать», «дети», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «дед», «бабушка», «внуки», «кум», «кума», «крестный», «жена», «муж», «зять», «невестка», «тетя», «тесть», «свекор», «свекровь», «шурин», «золовка» и др.), представляется возможным реконструировать этническую логику, характерную для традиционной культуры и ее основного фрагмента — родственных отношений. Проводимый в комплексе языковой, когнитивный и лингвокультурологический анализ реконструирует культурно окрашенные когнитивные основания образной семантики загадок, в которой отражаются практически все аспекты родственных отношений, сформированных в русской народной культуре. Анализ концептуализации в загадках учитывает два направления. Первое направление: «цель — источник»; типологизация метафорических моделей в этом направлении во многом определяется тем, какие идеи культуры находят свое выражение в тех или иных образах, какие смыслы культуры лежат в основе концептуализации категории родства. Ср., например, загадки: «Две матери, две дочери да бабушка с внучкой, а их всего трое (мать, дочь и внучка)»; «Шуринов племянник

как зятю родня?» Второе направление: «источник — цель», и в его рамках выявляется то, как имена концепта «родственные отношения», будучи словами-компонентами в загадках, сами служат источниками метафоризации различных понятийных сфер. Образы родства отвечают антропоморфному символизму загадок; в них акцентируются многие смыслы родственных отношений в русской народной культуре, принятые за образцы для описания окружающего мира. Ср., например, загадки: «Мать толста, / Дочь красна, / Сын кудреват, / По поднебесью летат (печь, огонь и дым)»; «Батюшка — шатер, Матушка — ладья, Сынки — хватки, Детушки — подлизушки (овин, ток, цепи, метла)». В то же время на первый план выходят онтологически обусловленные отношения и связи между предметами и явлениями. Есть примеры того, как роль образов родства в описании тех или иных объектов уступает другим приемам кодирования или служит подсказкой, например, в силу фонетического сходства с именем загаданного денотата; ср.: «Стоит сноха, ноги развела: мир кормит, сама не ест (соха)». Данное исследование сосредоточивается на втором направлении: «источник — цель». Предложенный подход позволяет реконструировать ментальную модель мира (фрагмент «родственные отношения») с культурными элементами этой модели, которые внедряются в образную семантику загадок и, тем самым, отражаются в «наивной» культурно-языковой картине мира.

Свое и Чужое в славянской паремиологии Петровского времени*

Мокиенко Валерий Михайлович,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Вальтер Харри,

д. филос. н., профессор
Университет Грайфсвальда

Петровская эпоха — значимый период в истории русского литературного языка, открывшего лексическое и паремиологическое «окно в Европу». Пословицы и поговорки этого периода, с одной стороны, демонстрируют органическую связь с предыдущим языковым состоянием — языком Московской Руси, а с другой стороны, отражают активные процессы языка и общества этой эпохи. Изучение пословиц и поговорок Петровского времени отражает динамическое взаимодействие «Своего» и «Чужого» в паремиологическом составе русского литературного языка, процесс его обогащения как за счет ресурсов собственной народной речи, так и путем интенсивного заимствования из европейских языков (голландского, немецкого, французского и др.). В отличие от лексики, заимствование паремий шло в основном путем калькирования. При этом прозрачность внутренней формы иноязычных пословиц и поговорок, яркая и понятная образность и особая экспрессия сразу же делала их популярными и «своими». Органической адаптации в русском языке способ-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

ствовал и народно-просторечный характер большинства паремий, заимствованных из разных европейских языков.

Собранный по паремиологическим сборникам Петровского времени (П. Симони, А. И. Богданов, А. Кантемир и др.) языковой материал в докладе будет подвергнут комплексному филологическому анализу, позволяющему разграничить исконно русские (resp. восточнославянские) пословицы и поговорки от иноязычных паремий-калек. Особое внимание будет уделено тематическим доминантам компонентам паремий, квалифицирующим национальную специфику источника.

Сопоставление анализируемых пословиц и поговорок с аналогичными паремиями других славянских и неславянских языков обеспечит их диагностику на оси «Универсальное — Национальное» (resp. «Типологическое — Национально специфическое»). Методика структурно-семантического моделирования при этом позволит определить интенсивность варьирования паремий как косвенного показателя их исконности-неисконности в русском языке. Лингвокультурологические комментарии, раскрывающие специфику внутренней формы пословиц и поговорок Петровского времени, станут экстралингвистическими квалификаторами их исконности или заимствованного происхождения. Предлагаемый анализ позволит продемонстрировать как общие закономерности паремиологического заимствования, так и специфику их актуализации в русском языке Петровской эпохи.

Польские пословицы конца XVII–XVIII вв. о преступниках и преступлениях

Невзорова-Кмеч Елена,

к. ф. н., доцент

Лодзинский университет

Преступники и преступления были во все времена, и XVIII в. не является исключением. По документам частично восстановлены описания жизни людей вне закона, быта и нравов преступного элемента, или, как их называли — *ludzi gościńca*. Основной целью старого польского уголовного права была охрана порядка и системы ценностей того времени. Нарушение этого порядка с нанесением значительного вреда в результате X-деяния рассматривалось как преступление (хотя таковым не называлось). В городском праве было деление на преступления: публичные, напр., оскорбление высокопоставленного лица, измена родине, фальшивомонетничество, святотатство, публичная брань, растрата государственных денег, и против частных лиц, напр., оскорбление личности, убийство, воровство (кража), поджог, взлом дома шляхтича, разбой (ограбление) на дороге, изнасилование женщины, побег кметов. Преступником можно назвать каждого, кто совершил какую-либо провинность. В Польше того времени часто на судебной скамье оказывались бедные горожане, бродяги (пол. *włóczędzy, wałęsi*), свободные люди (*luźne ludzie*), беглые крестьяне, простые люди (пол. *ludzie „prostej kondycji*) и под., и именно они получали самые суровые наказания. Наказание в паремиях рисуется как справедливая необходимость, которая имеет воспитательное значение (*Karanie jednego uskromi dziesiątego. Jednak karać, kto jednak broi*). Польские пословицы выбирались из словарей по принципу наличия в них компонента, называющего преступника (напр., *złodziej*), вид преступления (*kradzież* (*grabież, złodziejstwo*

в пословицах нами не отмечены), преступное действие (напр., *kraść*), а также паремии, выводящиеся из реалий «свободного мира».

В целом картина представляется амбивалентной: с одной стороны, если крадешь, то живешь в достатке, а если крупно воруюешь, то и наказания избежать можешь, а с другой — воровство резко осуждается, люди запугиваются еще более тяжкими грехами, которые влечет за собой выбор преступного пути. Подобная картина выстраивается и в русском языке, но набор пословиц иной. Полностью совпадают те, у которых имеется латинский прототип: *Kto raz kradnie, tego zawsze za złodzieja mają* — русск. Один раз украл, навек вором стал — лат. *Qui semel furatur, semper fur habetur*.

В пословицах не отражается «бурная» деятельность воровского мира, их умений, не находят места описания специализаций воров, их инструментов, быта. Это является дальнейшей целью исследований, т. е. поиск и изучение также жаргонных пословиц.

Русские пословицы в иностранных источниках (XVI–XVIII вв.)

Николаев Сергей Иванович,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет;

академик

РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

П. А. Вяземский однажды заметил, что одной из причин, по которой европейцы не могут понять России, является полная темнота для них русских поговорок. Возможно, именно поэтому иностранцы обращали пристальное внимание на употребление русскими пословиц, записывали их и пытались интерпретировать или переводить на свои языки. Русские пословицы встречаются в «Записках о Московии» С. Герберштейна (XVI в.), в «Описании путешествия польского посольства в Москву в 1678 году» Б. Таннера и в других записках иностранцев, посещавших Россию. Большой интерес представляют записи пословиц и фразеологических оборотов на русском языке, сделанные лингвистом, шведским дипломатом И. Г. Спарвенфельдом в Москве в 1680-е гг. Разумеется, использовать подобные записи, особенно в латинской транскрипции или в переводе на иностранные языки, в современной лексикографии нужно с большой осторожностью, но они дают ценный материал для изучения лексического состава пословиц и примерной датировки появления фразеологических единиц. Например, пословица «Собака мохната — ей тепло, а мужик богат — ему добро» впервые зафиксирована в собрании А. И. Богданова в 1741 г., но она встречается в польском печатном сборнике анекдотов «*Co nowego, abo Dwór mający w sobie osoby i mozgi rozmaite*» 1650 г. в форме «*Sobaka kosmaty, jemuż ciepło; mužyk bogaty, jemuż dobro*», с указанием на происхождение: «*powiedział z ruska*». Пословица «Сытый голодного не разумеет» в разных вариантах фиксируется в русских сборниках только с XIX в., а Мария Кантемир в письме 1743 г. на итальянском языке к своему брату А. Д. Кантемиру вставляет пословицу на русском: «сито голодному не понимает». Особое значение имеют восточнославянские пословицы, встречающиеся в польских памятниках XVII–XVIII вв., как авторских (популярное учебное пособие «*Orator extemporaneus*» теоретика красноречия Михала Радау, «*Vorago rerum, Torba śmiechu, groch z kapustą*» Кароля Жеры), так и анонимных юмористических сборниках. В материалах языкового пограничья не всегда удается

выделить собственно русские пословицы из общего массива восточнославянских (русских, белорусских и украинских) фразеологизмов. В докладе будут приведены и проанализированы примеры употребления русских пословиц зарубежными авторами XVII-XVIII вв., а также описан круг иностранных источников, в которых могут быть обнаружены русские пословицы. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

Двуязычная польско-русская фразеография XVIII в.*

Николаева Елена Каировна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный гидрометеорологический университет

В XVIII в. (особенно в первой половине) основные силы отечественных филологов-лексикографов были сосредоточены на составлении двуязычных и многоязычных словарей, что объяснялось расширяющимися связями России с другими странами, развитием переводческого дела в Петровскую эпоху и началом преподавания иностранных языков в учебных заведениях, среди которых был и польский.

Первый печатный церковнославяно-польский словарь «Лексикон сиречь словесник славенский имеющ в себе, словеса перее славенския, азбучныя, посемже полския» вышел в свет 1722 г. в типографии Супрасльского монастыря. Среди 4000 единиц в нем встречается лишь 10 словосочетаний, из которых фразеологизмами можно назвать (с некоторой долей условности) лишь 5.

Иная картина наблюдается в польско-русском словаре К. А. Кондратовича, изданном в Санкт-Петербурге в 1775 г. Фразеология (в широком понимании этого термина) здесь представлена гораздо шире, что дает возможность выявить некоторые приемы передачи фразеологизмов средствами другого языка, используемые лексикографами XVIII в.

Важным источником по истории двуязычной фразеографии XVIII в., где зачастую содержится богатый фразеологический материал, являются учебники (грамматики и буквари) польского языка. В одном из них, в «Букваре для обучения юношества чтению по российску и по польску», изданном в Бердичеве в 1796 г., опубликована любопытная подборка из 23 польских и 23 русских пословиц, которую можно рассматривать как первый печатный польско-русский или русско-польский словарик пословиц. Подборка на русском языке названа «Приповести», на польском — «Przyrpowieści», и обе, хотя и напечатаны на разных страницах, представляют собой параллельные тексты на русском и польском языках. Видимо, перевод осуществлялся с русского на польский, хотя этому противоречит, на первый взгляд, название подборки, где использован уже вышедший к концу XVIII в. из употребления в России термин «приповести», являющийся полонизмом в русском языке. В докладе предполагается не только проследить способы передачи паремий средствами другого языка, но и определить источник

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

русских пословиц этой подборки, каковым является, вероятно, «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана 1731 г. Этот словарь оказал значительное влияние на развитие лексикографии XVIII в. и явился непосредственным источником создания целого ряда рукописных словарей.

Наследие Петровской эпохи в «Мудрословии» Ф. Л. Челаковского

Селиверстова Елена Ивановна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

XVIII–XIX вв. стали периодом небывалого подъема славянского духа и популярности обращения к фольклорному богатству соседей-славян и его освоения. Случаи «славяно-русского перевода» выразительного народного слова отнюдь не редки в этот период, о чем свидетельствуют, в частности, тексты, включенные в собрание П. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» (1899): они приводятся параллельно с данными польских источников — это свидетельство редкого везения автора-составителя, обретшего возможность подобного сопоставления (ср. рус. Никогда не удовлетворишь гостя бесстыдного, мужика лакомого, мешка дырявого, с. 42, и польск. *Nigdy nie nasyćicz chłopá łakomego, woru diuráwego, gościá bezwstydnego*, с. 43).

С одной стороны, пробуждение национального самосознания западных и южных славян ярко проявляется в их стремлении доказать самобытность своей культуры, в интересе к народному характеру — таковы тенденции XVIII–XIX в.; с другой стороны, исследователи обращаются к поискам аргументов в пользу славянской близости, восхищаются красотой и выразительностью меткого народного слова славян (здесь нельзя не вспомнить имена Й. Добровского, знакомого с русским языком и считавшего его знание «обязательной составной частью славистического образования», известного ученого и публициста Йозефа Юнгмана — с его идеей всеславянского языка).

Весьма интересен в этом смысле опыт Ф. Л. Челаковского — поэта, переводчика, паремиографа. В стремлении почувствовать мироощущение другого народа он обращается к пословицам и поговоркам, способным дать представление о взглядах этноса на окружающий мир, отношения людей, познакомиться с нормами поведения человека и его оценками. Задуманное им «Мудрословие», охватывающее выражения польского, русского, сербского, хорватского, чешского и др. языков — включало представления о морали, философии, ментальности; важным было и теоретическое изложение взглядов Челаковского на содержательную сторону славянских пословиц, обнаруживающих как существенные различия, так и сходство.

В «Мудрословие» вошли многие из паремий, которые мы находим в собраниях Петровской эпохи — с переводом на чешский язык, например: Больному и золотая кровать не поможет (Петр. галер., 24) — чеш. *Zlaté lůže nemocnému nepomůže*. В докладе будут рассмотрены пословицы из источников XVIII в., отобранные для освоения «знатоком славянского духа» — Ф. Л. Челаковским.

Грамматические фразеологизмы в первых резьянских письменных текстах XVIII в. и в современном языке

Федорова Людмила Львовна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный гуманитарный университет

Резьянский славянский микроязык, сохранившийся до наших дней язык населения резьянской общины, основанной в VII в. в Альпах, засвидетельствован в письменных текстах с конца XVIII в. Это «Резьянский катехизис» (*Libri od luzi nebesche*) и «Христианское учение» (*Christjãnske Uzhilo*). Уже в этих текстах обнаруживаются особенности идиоматического выражения предложных значений на основе двучленных конструкций из местоименно-наречной частицы и локативного предлога, напр.: *tu-v, ta-nà* ('туда-в', 'там-на'). Бодуэн де Куртенэ, изучавший этот язык с 70-х гг. XIX в., реконструирует здесь формы наречий (*(j)itãn, (j)itú > ta, tu*. (БдеК 1895). Примеры из текстов: *tuv treh persunah* 'в трех лицах', *tanà christu* 'на кресте', *tuv svotè*, 'в животе'; *tuv Paravishu, tanà simgnè anu tuv uvsachin meste* 'в раю, на земле и во всяком месте'. Эти конструкции сохраняются и в современном резьянском языке.

В резьянском языке представлен также более широкий класс составных локативных предлогов, чем в русском, где широко употребляются предлоги *из-за* и *из-под* (и реже *по-над*, *по-за*).

Особенностью составных резьянских предлогов может быть особый порядок компонентов и возможное частичное сокращение при объединении форм: *nutãr-w > nu-w* 'внутри, вниз', *ta-nutrè-w > ta-nu-w* 'внутри; внизу', *ghorè-na* 'наверх', *to-ghorè-na* 'наверху' (Clemente 2020). В русских предлогах-сращениях мы видим иной порядок компонентов, с первичным предлогом на первом месте.

В трактовке грамматических фразеологизмов мы придерживаемся взглядов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, которые относят к ним сочетания служебных слов, в том числе предлогов, или полнозначного и служебного для выражения грамматических значений в широком понимании (Баранов, Добровольский 2008: 73–78).

Примерами второго типа можно считать ограниченное число сочетаний глагола 'идти' с предлогом *по* в значении цели (ср. рус. *Идти по воде, по грибы, по ягоды*): *tet ro kroh, ro vir, ro wõdo, ro seno* (букв. 'идти по хлеб', 'по вир (омут, колодец)', 'по воду', 'по сено').

В докладе предполагается остановиться более подробно на резьянских примерах составных предлогов и некоторых связанных с ними лексических фразеологизмах.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

БдеК 1895 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. 1. — 1895. Научное наследие (e-heritage.ru) Clemente Nadia. Introduzione alla lingua resiana. Udine, 2020.

Пословицы XVIII в. в современном дискурсе: пословицы русского языка с компонентом-денежной единицей

Шестакова-Стукун Алёна Сергеевна,

старший преподаватель

Российский государственный гидрометеорологический университет

Паремии петровского времени, зафиксированные в справочной литературе, несомненно, отражают языковую картину мира исторической эпохи государственных изменений. Тем самым они вызывают интерес новых исследований, которые обращаются к функциональной значимости паремиологической единицы.

В частности, в центре внимания находятся модификации пословиц. Суть в том, что с точки зрения современности язык петровских источников может выглядеть архаичным. С тех пор в нем произошли значительные изменения, не только внутренние (собственно языковые — грамматические, лексические, орфографические), но и внешние (языковые реформы Петра I). За прошедшие 300 лет, несомненно, последовали преобразования на всех языковых уровнях, и фразеологический и паремиологический фонды не явились исключением.

Обращение к языковой организации паремий петровского времени демонстрирует, что частотными выступают конкретные тенденции. Разграничиваются, в частности, редукция (Деньги любят счет вместо первоначальной Деньги любят счет, а хлеб — меру), замена (Не было ни гроша, да вдруг алтын вместо Не было ни деньги, да вдруг алтын), добавление, перестановка компонента (компонентов), семантико-грамматическая трансформация.

В результате подобных модификаций употребительными могут стать более актуальные и современные варианты пословиц, которые знакомы современным носителям языка. При этом не стоит забывать о том, что большое количество паремий не только уходит на периферию языка, но и утрачивается совсем, оставаясь исключительно в письменных источниках.

Цель настоящего доклада — актуализация аксиологической картины мира русского языка (в частности, ее материально-денежный аспект) в современном дискурсе. Исследование проводится на материале словарей, фиксирующих пословицы XVIII в. («Словарь русского языка XVIII в.», «Немецко-латинский и русский лексикон» В. Эренрейха), и современных источников: произведений художественной литературы, публицистических текстов, письменно-разговорных текстов, например интернет-форумов, блогов. Актуальными в данном случае становятся изменения, произошедшие в аксиологической картине мира русского языка, зафиксированной в пословицах. Вместе с тем предполагается рассмотрение функционирования единиц петровского времени в современных источниках.

Реминисценции пословицы Петровского времени «Снявъ голову, да над волосами плачоть» в русском, украинском и польском языках

Щербачук Лидия Федоровна,

к. ф. н., доцент

Кафедра русского, славянского и общего языкознания
Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского»

Исследование лингвокультурной мотивации интеркультурных фразеологизмов предполагает исследование пословиц, поговорок, фразеологизмов, эпитимов и т. п. на основании источников их происхождения. Проблемам мотивации подобных языковых единиц в славянском языкознании, исследованию глубинных связей между языком и культурой, языком и ментальностью посвящены работы В. М. Мокиенко, О. В. Ломакиной, М. А. Бредиса, В. Н. Телии, М. Л. Ковшовой, Е. А. Селивановой, В. Д. Ужченко, Е. Бартминского, А. Вежбицкой, В. Хлебды и др. Безусловно, сложность решения проблемы этнокультурной маркированности паремий обуславливается двойственностью их когнитивно-семиологической природы: с одной стороны, наличием сходства пословиц и поговорок в славянских языках, а с другой — утверждением, что паремиология отражает национальную специфику того или иного языка. По мнению В. М. Мокиенко и др. исследователей фразеологии в широком понимании термина, познание действительности интернационально и в нем нет каких-либо национальных ограничений. В свое время М. Бахтин в аспекте теории интертекстуальности подчеркивал важную роль «чужого слова», а также диалогизм текстов и культур.

Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени (конца XVII — начала XVIII столетия) П. Симони фиксирует пословицу «Снявъ голову, да над волосами плачоть».

С. В. Максимов в книге «Крылатые слова» (1899 г.) разъясняет: «Снявши голову, по волосам не плачут в смысле, что если стряслась большая беда и посетило крупное горе, то уже излишне тосковать о мелочных неприятностях. Впервые будто бы применил это народное изречение, в свое утешение, Петр Великий, убедившись, фактом измены Мазепы, в невинности казненного им доносчика на гетмана полтавского полковника Искры...».

Паремия кодифицирована во многих фразеологических словарях русского, украинского и польского языков, напр., а) в рус.: снявши голову, по волосам не плачут; б) в укр.: стявши голову, за волоссям не плачуть; в) в польск.: nie czas żałować róż, gdy płoną lasy (J. Słowacki).

Кроме того, в анализируемых славянских языках зафиксированы также синонимичные данной пословице выражения и модифицированные, развернутые относительно контекста высказывания, которые в некоторых случаях выполняют роль заголовка текста: после драки кулаками не машут; спустя лето в лес по малину; снявши штаны, по голове не глядят; кожу сняли, так не по шерсти тужить; про ноги не думают, коли голова в петлі; чуб дарма, як голови нема; пропав кінь, і узду кинь; «Втративши голову, за волоссям не плачуть, — опозиціонер про імідж Росії» (2015 г.); «Nie czas żałować róży, kiedy płoną lasy — / Nie czas lasów żałować, kiedy płonie świat, (...) / Jednak żałuję róży i płaczę nad sobą» (cytat z wiersza «Róża, lasy i świat» M. Pawlikowska-Jasnorzewska (1893–1945)) и т. п.

Славянское языкознание

Характеристика русских и польских глаголов, мотивированных названиями напитков

Гаш Агнешка,

д. ф. н., ассистент
Силезский университет

Объектом анализа в настоящем докладе являются русские и польские глаголы, мотивированные названиями напитков. Сопоставительный анализ проводится на материале, отобранном методом сплошной выборки из толковых словарей, словарей синонимов, а также словарей ненормативной и жаргонной лексики. Примеры употребления рассматриваемых лексем подтверждались также данными национальных корпусов, Интернета и текстами художественной литературы.

Глаголы, мотивированные названиями напитков, относятся к семантическому полю глаголов питья, поскольку в их значении имеется общий семантический компонент [пить]. Лексемы, уточняющие сорт принимаемого напитка, в рамках глаголов, обозначающих прием напитков, образуют таким образом своеобразную группу (микрополе). Учитывая словарные дефиниции базовых лексем поля (соответственно: пить / pić), можно предполагать, что в пределах описываемого микрополя выделяются как лексемы, обозначающие прием безалкогольных напитков, так и лексемы, обозначающие распитие спиртных напитков (разного вида). В лингвистической литературе явно преобладают работы, посвященные анализу лексики и фразеологии, связанной с распитием алкоголя. Как показывает предварительное исследование собранного лексического материала, есть основания для проведения сопоставительной русско-польской характеристики данной группы глаголов. Цель анализа состоит в определении главных способов формальной и семантической мотивации глаголов, обозначающих прием разного типа напитков с учетом наиболее существенных межъязыковых сходств и различий. Результаты проведенного исследования могут быть полезны в процессе преподавания русского и польского языков.

Когнитивно-семиотический механизм создания пространственных образов (на материале текста Ольги Токарчук «Бегуны»)

Иванова Светлана Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Отличительной особенностью идиостиля польской писательницы Ольги Токарчук (род. 1962) является «картографичность», то есть особенный интерес к осмыслению пространственных средин различных типов.

В докладе представлен анализ индивидуально-авторских лингвосемиотических особенностей создания, вербализации / визуализации пространственных представлений. Ключевым понятием работы является понятие когнитивного картирования. Термин «ментальная карта» введен Эдвардом Толменом в 1948 г. На данный момент параллельно используются понятия: ментальные карты, когнитивные, интеллектуальные. Везде речь идет о знаковом способе хранения и структурирования информации, имеющей географическую (пространственную) «привязку», о реконструкции и конструировании пространства в сознании говорящего субъекта.

В докладе ставится акцент на конструировании пространственных образов. То есть объектом являются вербальные и визуальные карты как пространственные конструкты индивидуального сознания, а одним из практических результатов — карта как инструмент интерпретации текстов. Вот почему мы останавливаемся на понятии «когнитивное картирование», которое подразумевает изучение индивидуальных когнитивных особенностей вербализации / визуализации пространственных представлений.

По существу, когнитивная карта — не сам пространственный образ, но его формализованная схема.

В текстах Ольги Токарчук репрезентируется не только физическое пространство, но и ментальное, духовное пространство, пространство различных языков, культур. Так, в романе «Бегуны» (2007) представлены различные типы локусов:

- 5) ландшафты (природные, социальные: статические пространственные образы, перемещения объектов, смена пространственных координат субъектом речи): *Tam zaczyna się mała, zaniedbana stara winnica, a w niej widzą dom z kamienia, podobny do kiosku, przykryty zardzewiałą blachą falistą.*
- 6) тексты культуры (*I wiele rzeczy, barów, sklepów, łodzi nazywa się «Posejdon». Albo «Neptun»*),
- 7) ментальные пространства (память, воображение нарратора и читателя). Помимо вербальных «карт», в текст романа включены и визуальные. Эти карты позволяют соотносить вербальные номинации локусов (индексы в вербальном тексте) с обозначениями на визуальных картах. При этом число визуальных карт может быть увеличено за счет создания этих карт в процессе интерпретации текста читателем.

С когнитивно-семиотической точки зрения, результатом репрезентации пространственных сред в тексте романа становится система карт как сложных индексально-иконических знаков. Языковой / текстовый механизм репрезентации включает номинацию локуса (индексальный знак) и развернутое описание как иконический компонент.

О факторах эволюции искусственного языка апостериорного типа: случай межславянского языка

Калинин Степан Сергеевич,

к. ф. н., директор
Международный Славянский институт, научно-образовательный центр
русского языка и славянской культуры

Архипова Евгения Валерьевна,

к. ф. н., доцент
Кемеровский государственный университет

Рассматривается общая стратегия эволюции межславянского языка как искусственного языка апостериорного типа, созданного на основе славянских языков. На основе диахронно-типологического анализа постулируется, что межславянский язык можно в некоторой степени рассматривать как альтернативную ветвь развития старославянского языка. Показано, что формирование и дальнейшее развитие межславянского как апостериорного натуралистического языка протекало под влиянием конвергенции с реально существующими языковыми традициями. Среди них следует назвать, прежде всего, церковнославянскую лингвокультурную традицию. Ее влияние обусловлено как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в частности, тем, что, по замыслу его создателей, межславянский должен репрезентировать особую языковую «метафизику» и особое мировидение как язык, эволюционно восходящий к литургическому языку. На основании этого ставится вопрос о правомерности рассмотрения межславянского как языка-консерванта, поскольку, несмотря на «искусственность», он сохраняет преемственность с соответствующими живыми лингвокультурными традициями, что проявляется как на уровне семантики соответствующих лексических единиц межславянского языка, так и в принципах формирования его грамматической системы. В связи с последним приводятся параллели из некоторых других славянских языков, сохраняющих больше архаических черт в сравнении с прочими членами данной языковой группы. Кроме того, при анализе эволюции современного межславянского языка следует учитывать влияние восточнославянской и западнославянской языковых традиций, что проявляется, в частности, в особенностях формирования словарного состава межславянского языка. В частности, приводятся правила отбора вокабуляра и примеры лексических единиц, восходящих к восточно- и западнославянским языковым традициям. В связи с этим рассматривается развитие словарного состава межславянского языка и проводится количественный анализ его вокабуляра. Показано, что значительная часть словарного состава межславянского языка либо может быть возведена непосредственно к соответствующим старославянским лексическим единицам, либо же ее можно этимологизировать, возведя к соответствующим основам праславянского языка. Во втором случае приводятся лексические параллели из соответствующих «естественных» славянских языков. Нельзя недоучитывать также и конвергенцию межславянского с другими апостериорными языками и лингвопроектами, созданными на основе славянских языков. В частности, в связи с данной проблемой обсуждается объединение в 2011 г. трех ранее независимых лингвопроектов в единый межславянский языковой проект. Показано, каким образом данный процесс повлиял на развитие межславянского и формирование его литературной нормы.

Язык глаголической проповеди 1781 г. на второе воскресенье Адвента (РНБ, Берчич 13)

Козак Вячеслав Викторович,

к. ф. н., научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН

Среди памятников Российской национальной библиотеки, входящих в собрание И. Берчича, особое место занимают проповеди — около сорока небольших глаголических рукописей второй половины XVIII в., представляющих несомненный интерес для изучения истории хорватского письменного языка.

Период XVIII в. в глаголической книжности отмечен, с одной стороны, постепенным отходом от чакавской литературной традиции, с другой стороны, активным распространением штокавских диалектных черт. При этом ввиду отсутствия общей языковой нормы памятники существенно различаются по своим орфографическим, фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям. Закономерности распределения этих особенностей на сегодняшний день остаются неизвестными и могут быть установлены в результате лингвистического описания отдельных текстов.

В настоящем докладе рассматривается язык проповеди на второе воскресенье Адвента (РНБ, Берчич 13, 8 л., 1781 г.). Орфография рукописи не унифицирована. Например, по-разному обозначается [j] (doiti, koè, koja, koù, nepriatela); не различаются на письме звуки [tɛ̃] и [dʒ̃] (bosoću, osućen), [l] и [ʎ] (krala, polubili); непоследовательно упрощаются группы согласных (bogastva, uboštva, uzdignu, но sladkoga). В области фонетики обращают на себя внимание региональные далматинские особенности. К ним относятся, например, икавский рефлекс *ě (nevirnoga, pripovidaù), прояснение слабого *ə (s manon), адриатический переход [m] в [n] (odlučijo san, sedan, slipin) и специфическое развитие корневого гласного в словах типа greb, resti. Среди характерных грамматических явлений — сохранение архаичных падежных окончаний множественного числа (rukami, učeníkom), активное употребление форм аориста и имперфекта (biahu, imahu, rekoħ, rekosmo), конструкции с предлогами od (blago od slave, govoriti od uboštva), po (po svetom matiù), za (za učiniti sebe bogata) и т. д.

В целом результаты анализа согласуются с основной тенденцией развития хорватского письменного языка XVIII в. в Далмации, указывая на распространение штокавской литературной нормы при сохранении отдельных региональных архаизмов. Исследование позволяет обогатить имеющиеся представления о собрании Берчича и может послужить отправной точкой для более точной датировки рукописей, их локализации и выделения локальных разновидностей книжного языка.

Семантические особенности обозначения времени в родопских говорах болгарского языка

Кондратенко Михаил Михайлович,

к. ф. н., доцент

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Для исследования выбраны родопские наименования единиц счета времени, которые являются манифестируемой языком системой значений и их интерпретаций, содер-

жащих аксиологические, прагматические и иные параметры. Эту лексику можно разделить на несколько групп по следующим критериям: в говорах выделяются интервалы и периоды времени, которые а) характеризуются наличием только одной из границ, или точки отсчета, временной последовательности при отсутствии другой границы, или предела (сюда относятся обозначения таких понятий, как 'прежде', 'некогда', с одной стороны, и 'после', 'потом' — с другой, например първанка — 'раньше'); б) обладают цикличностью, повторяемостью, а также в той или иной степени четкими границами как начала, так и окончания (месяцы года, даты и периоды народного календаря, дни недели и т. д.). В лексике родопских говоров наблюдается характерная для номинации времени многозначность, которая возникает вследствие некоторых семантических сдвигов, повторяющихся в различных славянских говорах. Эта полисемия — важнейший фактор для интерпретации понятия «время», поскольку раскрывает ассоциативное поле и ассоциативные связи носителей языка/диалекта. В рамках многозначности можно наблюдать определенные семантические модели, представляющие собой типы наблюдаемых сдвигов значения. Одной из наиболее распространенных подобных семантических моделей является наименование одной лексемой как времени, так и состояния атмосферы, погоды: в частности, в болгарских говорах време — 'время' и 'погода', а в словенских терских: ura — 'астрономический час' и slaba ura 'плохая погода, гроза'. Семантические модели в темпоральной лексике могут реализовываться в виде складывающихся в систему оппозиций, среди которых можно выделить следующие типы восприятия времени: оно может быть мужским/женским, подходящим/неподходящим, рабочим/нерабочим, прошлым/будущим, сакральным/профанным и др. Особую группу анализируемой лексики составляют заимствования. Их дистрибуция (с точки зрения репрезентируемых ими семем) обладает определенными закономерностями: они используются в основном для обозначения родового понятия времени и астрономического часа (в болгарских родопских говорах ава 'время', в болгарских говорах в Румынии ора 'час', словен. sajt 'время' и ura 'время', 'час'); кроме того, отрезков времени, соответствующих хозяйственным циклам; а также частей суток, особенно периодов утром и после полудня.

Русский язык в сопоставлении с другими славянскими языками с точки зрения фонетико-грамматических «трудностей» для освоения

Хмелевский Михаил Сергеевич,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Кузнецова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доцент
Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Иностранные студенты, изучающие русский, нередко задаются вопросом: «А правда ли, что русский язык — самый сложный»? Подобный же стереотип сложился и у многих его носителей. Ответ на этот несколько наивный вопрос лежит на поверхности: простых и легких для изучения языков не бывает и данный оценочный критерий не применим к характеристике какого бы то ни было языка. Однако мы попытаемся ответить

на него исходя из сравнительно-сопоставительного анализа, провести параллели со всеми славянскими языками и обоснованно, на конкретных примерах, показать, что русский язык по степени своей сложности не будет занимать «лидирующие позиции».

Так, к примеру, с точки зрения фонетики, если в русском насчитывается 6 ударных фонем, то, скажем, в словенском языке их 13, различающихся по качеству и количеству, причем ситуацию осложняет словенское разноместное ударение, которое может быть как тоническим, так и динамическим, меняться в зависимости от словоформы и выполнять при этом смысловозначительную функцию.

Если говорить о системе вокализма славянских языков, то русский язык также не будет в этом смысле самым сложным по сравнению, например, с чешским, словацким, сербским или словенским, в которых гласные различаются по долготе и краткости. Особняком в славянском мире стоит словацкий язык по причине наличия в нем дифтонгов, что дополнительно осложняется их чередованием в зависимости от словоформы.

С точки зрения морфологии, одной из самых больших сложностей в изучении русского и других славянских языков является их флективность, однако западнославянские по праву считаются самыми флективными среди всех славянских. В данном аспекте, сопоставляя русский язык с другими славянскими, можно выделить следующие моменты: количество типов склонений в чешском языке достигает 14, которые, в свою очередь, делятся на твердые и мягкие варианты, так как чешский сохранил праславянскую систему мягкого и твердого типов. В связи с этим нельзя не упомянуть о наличии двойственного числа у имен и глаголов, сохранившегося в словенском и лужицких языках.

Спряжение русских глаголов в ходе исторического развития значительно упростилось, в то время как чешское (5 классов, 14 типов) и польское — не без основания считаются самыми сложными среди славянских языков в виду своей вариативности выражения одного и того же грамматического значения. При этом русская глагольная временно-видовая система окажется не такой сложной, если ее сравнить с южнославянскими языками.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ. ТЕСТОЛОГИЯ

Обучение иностранным языкам в сфере профессионального общения

Case Study: Virtual English Specialist Program by RELO: Legal English Webinar Series for Russian Lawyers, Law Students, and Legal English Teachers, 2022

Баринаова Софья Олеговна,

к. ф. н., преподаватель

Центр юридического английского языка Legal English Centre

Jennifer Uhler,

Regional English Language Officer

Legal English has always been a very specific kind of language. Legal professionals try to express the facts and certain concepts as precisely as possible, trying to leave no doubts regarding the interpretation thereof. Such an aim forces legal professional to apply language which is very difficult to comprehend by laypersons: numerous complex and archaic phrases deriving from Latin and Legal French; doublets and triplets; so called 'terms of art' and technical legal terms; collocations and specific phrasal verbs; certain grammatical structures; and rather strict formats and rules used for the design of legal documents. Even well-educated native speakers often find it hard to understand the language used in courts and legal documents due to the above mentioned features of Legal English. Moreover, it is much more challenging for non-native speakers to study and apply Legal English. And, of course, non-native teachers of the language of the law are faced with a difficult task: on the one hand, they should be equipped with the knowledge of legal terms and specifics of Legal English in full; on the other hand, they should be aware of teaching techniques, methodology, lesson planning, curriculum design. Due to the pandemic new formats of teaching foreign languages started to develop. We would like to introduce a program we created for the Legal community in Russia. This case study will look at the collaboration between the Legal English Centre and the Regional English Language Office on a webinar series and teacher training project focused on Legal English. From February until April 2022 English Language Specialist Daniel Sloan, an American expert in legal English, worked with a consortium of universities and associations for law in Russia in providing a series of six open webinars on legal English to communities of practicing lawyers and law students in Russia. In addition, the English Language Specialist provided two closed workshops for approximately 20 teachers of legal English in Russia. The presenters will explain in detail the motivation for the project, its implementation, and outcomes. The Virtual English Language Fellow and Specialists Program connects Russian institutions, teachers, and learners with English language teaching professionals in the United States. Virtual Specialists participate in keynote presentations, workshops, materials development, curriculum design, or assessment. Virtual Fellows teach short-term or semester-long courses for a specified audience with a hosting institution. Projects are designed to meet institutional goals and teaching needs.

Методический прием «сторителлинг» как комплексный подход в обучении ИЯ в вузе

Вострикова Ирина Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Воронежский государственный университет

Как использовать прием «сторителлинг» на занятиях ИЯ? Мы рассматриваем применение этого методического приема при работе со студентами-бакалаврами 1 курса факультета компьютерных наук. Студенты с уровнем владения языком В1, в соответствии с рабочей программой, изучают тему 'Story'. Преподаватель предлагает ряд различных упражнений на знакомство обучающихся с приемом «сторителлинг». Задания вводят основные композиционные принципы создания истории, знакомят с методами логичного изложения мыслей, способами активации воображения и критического мышления, помогают осваивать структуры языка и имитируют стиль. Это первый этап, на котором происходит постановка коммуникативной задачи, возможна эмоциональная установка, стимулирующая развитие интереса при помощи как вербальных, так и невербальных средств.

Обсуждение предлагаемого материала на данном этапе вовлекает всех студентов, поскольку формирование смыслового содержания при чтении является неотъемлемой частью когнитивного познания, и даже менее активный контингент студентов способен выразить мысль на ИЯ при обсуждении понятного контента. Говорение может включать диалоги, групповую дискуссию с аргументацией, монологические высказывания в виде описания картинки, обложки, и т. д. Далее на последующем занятии в классе студенты обмениваются рассказами и читают рассказы друг друга. Каждый из них пишет краткое изложение прочитанного в 2–3 предложениях и определяет жанр прочитанной истории. Изложения сдаются преподавателю и оцениваются. Для интеграции навыков презентации материала, навыков построения логической структуры повествования, для отработки методов визуального сопровождения подачи информации с использованием информационных технологий студентам предлагается следующее домашнее задание:

- презентация обложки книги для публикации своей истории;
- реклама своей книги в 10–15 предложениях.

На аудиторном занятии преподаватель оценивает выполнение домашнего задания по следующим критериям: содержание, логичность, языковое оформление, графическое оформление. Финальное занятие цикла посвящено закреплению пройденного материала с помощью следующих видов деятельности:

- индивидуальной работы преподаватель — студент;
- обсуждения ошибок;
- оценивания языкового оформления. В целом, описываемый методический прием способствует формированию всех коммуникативных умений, развивает способность реализовать лингвистическую компетенцию в монологическом и диалогическом общении, способствует качественному усвоению информации и мотивирует на творчество.

Проблемы обучения академическому письму студентов факультета иностранных языков

Гудкова Кира Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели при обучении студентов написанию эссе и проблемы, с которыми сталкиваются студенты при написании эссе на английском языке. Написание эссе входит в финальное тестирование по английскому языку на уровень владения языком B2, обязательное для всех студентов университета. В силу указанного обстоятельства преподаватели включают в свои курсы подготовку к сдаче письменной части теста. Новая программа по английскому языку, принятая на факультете иностранных языков, включает обучение академическому письму как отдельный модуль. Умения изложить логично и правильно мысли на английском языке проверяются на каждом этапе обучения. Программа построена таким образом, что для того, чтобы получить семестровый зачет, помимо посещения занятий и выполнения текущих требований преподавателя, студент должен собрать портфолио, в котором обязательным условием является наличие письменных работ на английском языке. Анализ работ студентов позволил выявить основные ошибки и проблемы, с которыми сталкиваются русскоговорящие студенты, пишущие на английском языке. Основа этих ошибок и неточностей в основном связана с различными логическими стилями изложения мыслей на русском и английском языках. В силу этого студенты переносят привычный для них русский стиль изложения на английский язык, что приводит к такому феномену как *jumpiness*. В докладе на примерах студенческих работ демонстрируются основные проблемы, связанные с различием английского и русского стилей изложения, и предлагаются рекомендации, как учить студентов избегать *jump* стиля.

Совершенствование и контроль навыков аудирования в обучении испанскому языку студентов факультета международных отношений

Иванова Марина Кирилловна,

старший преподаватель

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Известно, что аудирование является самым трудным видом речевой деятельности, поскольку понимание речи на слух представляет собой сложный процесс речемыслительной деятельности, для успешного осуществления которого требуется хорошее развитие таких механизмов восприятия речи, как речевой слух, внимание, память и вероятностное прогнозирование. Кроме того, существует ряд трудностей аудирования лингвистического и экстралингвистического характера.

Обучение аудированию как виду речевой деятельности на занятиях по испанскому языку как второму иностранному на факультете международных отношений является актуальным, так как владение вторым иностранным языком на высоком

уровне необходимо для профессиональной деятельности будущих международных. Учебные пособия по испанскому языку, используемые на занятиях в СЗИУ РАНХиГС, не содержат заданий на развитие навыков аудирования, поэтому аудированию как виду речевой деятельности не уделяется достаточного внимания.

Практика обучения иностранному языку показывает, что аудированию нужно учить специально. Для обучения аудированию как виду речевой деятельности необходимо использовать аудиотексты с четко продуманным комплексом упражнений, направленным на совершенствование и контроль аудитивных навыков. Аудиотексты должны быть связаны с темами, изучаемыми в курсе иностранного языка. Таким образом, необходимо разработать учебное пособие для совершенствования навыков аудирования для студентов, изучающих испанский язык уровня А1-В2, поскольку развитие аудитивных навыков целесообразно начинать с первых занятий по испанскому языку и совершенствовать на протяжении всего курса обучения.

Разработанное нами учебное пособие направлено на развитие аудитивных навыков с полным пониманием содержания текста, поскольку данный вид восприятия речи на слух является самым сложным. Он требует от студентов большой концентрации внимания, хорошо развитых механизмов аудирования, а также умения запоминать не только главную информацию, но и второстепенные детали. Тексты не должны содержать незнакомых слов.

Пособие включает 14 тем, состоящих из смоделированных авторских монологических и диалогических аудиотекстов разного уровня сложности, в соответствии с уровнем владения языком и с программой обучения испанскому языку. Аудиотексты являются информативными, доступными по содержанию и языковому наполнению, а также соответствуют виду аудирования. Все тексты озвучены носителями литературной нормы латиноамериканского варианта испанского языка. Представленные в пособии скрипты аудиотекстов снабжены упражнениями, разработанными с учетом этапа работы с аудиотекстом: до прослушивания, во время прослушивания, после прослушивания.

Английский язык в профессиональной сфере: с чего начинаются инновации

Иванова Татьяна Николаевна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Аббревиатура ESP широко известна в России. В отечественной методике есть ряд терминов, которые используются как аналоги. Английский для специальных целей, английский для будущей профессии, английский в профессиональной сфере. Серьезная полемика и ряд дискуссионных вопросов, которые возникают в данной сфере часто объясняются сложностью учебного контекста — малым количеством часов, разнородностью исходной подготовки, невозможностью организовать стримминг и т. д. Однако, есть еще ряд факторов, которые, на самом деле, даже важнее, а именно фокус обучения, баланс между потребностями учащихся и требованиями преподавателя, и, более всего — человеческий фактор, под которым понимается взаимодействие преподавателя и студента, основа и принципы их коммуникации. Гуманитарный и технический склад ума у одних и у других может приводить к когнитивному диссонансу

и разочарованию с обеих сторон, которое неминуемо влечет за собой уничтожение аффективного фильтра (affective filter), который помогает в усвоении языка и идея которого принадлежит Стивену Крашену, но истоки которой можно найти еще у педагогов и философов прошлого, например Яна Амоса Коменского.

Цифровые технологии и дистантное обучение — это не просто изменение внешней среды, это кардинально иные способы выполнения заданий. Нет смысла делать переводы научной литературы в таком объеме как раньше, потому что во многих случаях Google переводчик сделает это не хуже. К сожалению, за те годы, что он присутствует в нашей жизни он развился и усовершенствовался значительно больше, нежели среднестатистический уровень лингвистических умений студента. Главное теперь не столько традиционная работа с языковыми явлениями, сколько умение более глубоко проникнуть в текст, осознать его плюсы и минусы, возможность его использования и применения в научной работе.

Выходом из ситуации представляются педагогические технологии, основанные на критическом мышлении, которые способствуют развитию коммуникативных умений, а именно улучшению навыка изучающего чтения, навыков презентации, письма и т. д. В этой области стоит подробнее изучать технологии рефлексивного и критического мышления вслед за Дж. Дьюи, Эд. Глейзером, Ричардом Полом и другими.

Наряду с использованием критического мышления в качестве основного принципа, следует уделять внимание формированию и развитию передаваемых навыков, которые в последнее время получили название «навыки для жизни». Навыки общения в научной среде, презентационные, аналитические умения, умение аргументировать точку зрения, сравнивать другие точки зрения, интегрировать их. Это кропотливый и долгий путь перестройки внутреннего отношения преподавателя к материалу и своей деятельности. Это иная реальность. Постепенно изменимся мы, изменятся пособия и учебники, изменится и эффективность преподавания.

On-demand training: мобильное обучение в международных it-компаниях

Копыловская Мария Юрьевна,

к. п. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Если подход «английский язык как средство обучения» (English as a Medium of Instruction) далеко не всегда вписывается в классическую модель образования, то он прекрасно работает в корпоративном обучении сотрудников международных компаний как правило IT-компаний.

Международные IT-компании охотно набирают гуманитариев, в совершенстве владеющих английским языком, так как знают, что все недостающие «скилы» или профессиональные знания, навыки и умения, они легко смогут приобрести при использовании мобильной модели обучения, осуществляемого именно на английском языке. Таким образом, свободное владение английским языком представляет собой неотъемлемое условие трудоустройства в международную IT-компанию. Иными словами — некую универсальную компетенцию, к которой прилагаются профессионально-значимые знания.

Под мобильной моделью обучения понимается модель «обучения по запросу» (on-demand training), которое может быть инициировано как сотрудником самостоятельно, так и на основании решения представителей компании различного уровня.

Модель подобного мобильного обучения прочно закрепилась в IT компаниях, где любые профессиональные знания сотрудники могут добирать в процессе выполнения профессиональных обязанностей, так как уже будучи принятыми на испытательный срок получают доступ к обучающим материалам и параллельно образовательную среду, в которой вновь приобретенные навыки можно отработать и закрепить.

Такая практика особенно актуальна для специалистов в области технической поддержки, которые, владея специальной информацией об IT-продукте, помогают клиентам устранить проблемы, которые у них возникают. При этом клиенты либо устраняют проблему самостоятельно, либо при помощи специалиста попадающего на Рабочий стол клиента при помощи таких программ как GoToMeeting, Any Desk или TeamViewer.

В контексте трудоустройства и эффективности сотрудника в будущем владение английским языком приобретает особую роль — роль кода доступа к профессионально-значимой информации.

Рассматривая проблему с точки зрения концепции универсальных компетенций, и в рамках изучения английского языка для специальных целей, становится понятным, что обучение английскому языку студента высшего образовательного учреждения включает такие общепринятые навыки и умения как беглость речи, навыки восприятия на слух (при чем желательно понимание различных вариаций произношения английского языка), умение задавать вопросы и формулировать краткие «необходимо-достаточные» ответы. Многие учебные навыки и умения учиться также оказываются востребованными при обучении, как правило, осуществляемом на основе видеоматериала на английском языке.

В обучении языкам для специальных целей новой задачей становится формирование навыков междотраслевой коммуникации.

Коммуникативные виды деятельности как компонент содержания профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога

Корнев Алексей Александрович,

к. п. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад посвящен новой парадигме рассмотрения профессионально-коммуникативной компетенции учителя и преподавателя иностранного языка в контексте изменяющегося подхода к описанию содержания языкового образования, который нашел свое отражение в современных документах Совета Европы, в частности последних дополнениях к «Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком» (CEFR) 2018 и 2020 гг. В данных документах обозначился переход от рассмотрения традиционных для отечественной методики обучения иностранному языку модели видов речевой деятельности (аудирования, чтения, говорения и письменной речи) к коммуникативным видам деятельности (рецепции, продукции, интеракции и медиации).

Причины и содержание данных изменений будут описаны во вступительной части доклада. Далее будут обобщены основные современные подходы к изучению профессионально-коммуникативной компетенции языковых педагогов (учителей и преподавателей иностранного языка), а также дано уточненное определение профессионально-коммуникативной компетенции. Затем будут приведены русскоязычные определения всех коммуникативных видов деятельности, рассмотрено их содержание и необходимые в рамках них стратегии.

При рассмотрении каждого коммуникативного вида деятельности будут описаны его проявление в контексте профессионально-коммуникативной компетенции педагога в рамках коммуникативных задач, которые приходится решать учителям и преподавателям иностранных языков. В заключение будет приведена функциональная модель коммуникативных видов деятельности в рамках профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога.

Наполнение учебника английского языка для магистрантов-дизайнеров на основе анализа ситуаций профессионального общения

Марницына Екатерина Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Идея преподавания иностранного языка для специальных целей в вузах развивается с 1960-х гг., и основным здесь стало обращение к дискурсу через изучение грамматики, лексики, стилей и жанров, в настоящее время сюда стали добавлять надпрофессиональные и академические навыки. При этом нет единого понимания, а следовательно и системы преподавания языка для специальных целей будущим специалистам в различных областях. Во многих вузах и среди многих специалистов до сих пор бытует мнение о том, что преподавание ESP можно полностью строить на изучении специальной лексики и чтении текстов по специальности. Более того, уже четверть века назад некоторые исследователи обратили внимание на то, что преподаватель ESP должен выполнять сразу несколько ролей: (1) собственно преподаватель, (2) соавтор, (3) исследователь, (4) дизайнер программ и разработчик учебного материала и (5) специалист по оценке [Dudley-Evans et al., 1998, p.13]. Все эти роли становится особенно сложно совмещать в начале XXI в., когда наука и ее развитие резко изменились и ушли вперед. Поэтому неудивительно, что многие практикующие исследователи считают анализ нужд студентов в целом, а так же анализ и прогноз будущих ситуаций профессионального общения ключевым фактором при разработке учебных программ и их содержательного наполнения.

В данном докладе мы проанализируем анкеты студентов-магистрантов, изучающих дизайн, и преподавателей дизайнерских дисциплин, в которых они называют ситуации профессионального общения, где им чаще всего нужен иностранный язык. Названные ситуации с точки зрения преподавателя иностранных языков можно разделить на следующие группы: устное общение с непрофессионалами; устное общение с профессионалами; английский язык для академических целей; навыки работы с литературой по специальности; навыки письменного общения для записей в соци-

альных сетях и продвижения личного бренда. Несмотря на то, что результаты опроса кажутся довольно очевидными, составление программ и учебных пособий на основе конкретных указанных специалистами ситуаций (например: объяснение технических рисунков при производстве за рубежом), поможет не просто создать востребованный учебник по ESP в сфере дизайна, которого на сегодняшний день нет, но и разделить ситуации на две категории: собственно ESP и занятия на основе методов CLIL. Первую группу смогут вести преподаватели иностранного языка, а вторая группа должна разрабатываться и внедряться в учебный процесс в непосредственном сотрудничестве с профессионалами в сфере дизайна. Только такой подход позволит создать современный учебник, отвечающий всем нуждам отрасли и ее участников.

Литература

Dudley-Evans T., Maggie-Jo St. J. Developments in English for specific purposes: a multi-disciplinary approach. Cambridge: CUP, 1998. 301 с.

Suggestions for analyzing the choice of materials for teaching economists

Маслова Людмила Сергеевна,

к. п. н., преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Успешность подготовки будущих экономистов к профессиональной деятельности зависит от учебно-методического обеспечения их общепрофессиональной подготовки, которое определяется как процесс и результат разработки и реализации специальных педагогических условий. Создание данных условий предполагает ориентацию процесса обучения на общепрофессиональные компетенции экономистов. Анализ динамики развития ФГОС и работ зарубежных исследователей позволяет выделить общепрофессиональные компетенции экономистов. Центральной работой в данном аспекте можно считать исследование С. Оллгуда и А. Байер, представляющих 5 основных компетенций, применимых для всех экономистов на различных уровнях обучения в соответствии с проектом Совета по социологическим исследованиям с участием экономистов (SSRC). Компетенции, сформулированные в общем виде, могут быть экстраполированы на различные домены, такие как экономическая теория, менеджмент, финансы и др. на всех уровнях обучения. Мы предлагаем рассмотрение их для профессионально-ориентированного иностранного языка. Изучение и анализ данных компетенций преподавателями и студентами позволит выбрать наиболее актуальные темы для занятий по иностранному языку и работать в этом направлении, с учетом происходящих изменений в экономике и для развития у экономистов быстроты и гибкости реагирования на мировые процессы. С нашей точки зрения в качестве рекомендации по использованию соответствующих материалов рассматриваются: ознакомление с документами финансовой отчетности предприятий для развития способности анализировать на микро и макроуровне; изучение специальной научной литературы на иностранном языке.

Потенциал аутентичного художественного фильма в обучении ESP

Ниязова Галина Юрьевна,

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Освоение любой магистерской программы обучающимся предполагает, что он обладает определенным багажом знаний, полученным во время обучения в бакалавриате, который необходимо развивать с учетом новых компетенций, включенных в учебный план подготовки магистранта. Это позволит в дальнейшем обучающимся устанавливать эффективные связи в выбранной профессиональной сфере со своими потенциальными работодателями и партнерами.

При этом преподавателю приходится учитывать два фактора: с одной стороны, различный уровень владения иностранным языком магистрантами, с другой, различный уровень знаний в профессиональной сфере, в нашем случае речь идет о сфере международных отношений. Именно по этой причине ESP оказывается базовым междисциплинарным предметом магистерской программы, что требует от преподавателя тщательного подбора профессионально-ориентированных учебных материалов.

Исходя из сказанного, мы рассмотрим особенности преподавания курса «Английский язык в профессиональной сфере» магистрантам-филологам, поступившим на магистерскую программу «Английский язык в сфере международных отношений», при этом мы принимаем во внимание, что и филология, и международные отношения представляют круг взаимосвязанных и взаимозависимых гуманитарных дисциплин. Это в свою очередь позволяет преподавателю использовать при освоении курса англоязычный кинематограф.

Сам по себе кинематограф, как вид искусства, отражающий реальность, часто обращался к историческим и политическим сюжетам, создавая определенные образы в сознании зрителя или предлагая зрителю самому определить свое отношение к тому или иному событию или персонажу. Приобщение к кинематографу рассматривается исследователями как средство обретения социальной идентичности. Обращение к художественным фильмам на иностранном языке дает возможность приобщения к общечеловеческим ценностям культуры и истории и способствует развитию образно-эстетического мышления обучающихся.

В рамках курса «Английский язык в профессиональной сфере» мы предлагаем просмотр и обсуждение следующих кинолент: «Чай с Муссолини» (Великобритания-Италия, 1999, режиссер Франко Дзеффирелли) в контексте обсуждения тем *National and political identity, Political leadership, Culture gaps*, «Эквилибриум» (США, 2002, режиссер Курт Уиммер) в ходе изучения темы *Big Brother* и «Плутовство, или Хвост виляет собакой» (США, 1997, режиссер Барри Левинсон) в процессе разбора темы *Political psychology*.

Кинематограф, как учебный материал, становится как источником культурологической информации, так и объектом лингвистического исследования.

Отбор художественных фильмов зависит от языковой компетенции обучающихся, от их потребностей и интересов. Изучаются как фрагменты кинокартин, обладающие смысловой и композиционной завершенностью, так и целые киноленты.

Язык международного права (проблемы терминологии)

Орлова Инна Анатольевна,

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Особенность международного права предопределяет лингвистические трудности при создании международно-правовых норм. В отличие от норм внутреннего права, нормы международного права регулируют отношения между различными государствами и иными субъектами международного общения. Специфика создания международно-правовой нормы состоит в том, что она является продуктом согласования воли различных государств, использующих свои национальные языки. Процесс создания международно-правовой нормы включает два этапа — согласование самого правила поведения и придания ему юридической силы.

Норма международного права должна одинаково пониматься и толковаться всеми акторами международных отношений. Однако государства не могут прийти к однозначному пониманию содержания даже основных принципов международного права.

В средние века, будучи продуктом европейских государств, международное право строилось на латыни, многие термины и правовые конструкции заимствуя из римского права. В XIX в. языком международного общения стал французский. В XX в. появились новые субъекты международного права — международные организации, которые отличались большим разнообразием как по сфере деятельности, так и по членству. Международные межправительственные организации имеют свои рабочие языки. В самой большой и значимой международной межправительственной организации — Организации Объединенных Наций (ООН) — шесть официальных языков и столько же рабочих. В то время органы ООН могут иметь меньшее число рабочих языков (рабочими языками Международного суда ООН являются английский и французский).

Английский язык все больше находит применение как универсальный язык международного общения.

Формирование региональных систем сотрудничества также сопряжено с определением какого-либо регионального языка. В СССР русский язык формировался как язык межрегионального общения с государствами социалистического лагеря. После распада СССР русский язык продолжает оставаться региональным языком и используется государствами-членами СНГ, ОДКБ и других организаций.

Имплементация норм международного права во внутреннюю правовую систему государств также имеет свои сложности.

Заимствование иностранных терминов и введение их в правовую материю государства не всегда бывает удачным. В качестве примера можно привести термин «арбитраж», который был введен в судебную систему Российской Федерации.

Применение иностранных терминов, особенно при конструировании правовых определений, нередко приводит к логическим противоречиям и неопределенностям.

Лингвистические проблемы могут возникнуть и в процессе деятельности международных правоприменительных органов, а также при необходимости признания и исполнения решений международных судов и арбитражей.

Мультиязычные веб-сайты в системе мультилингвального обучения студентов технических вузов

Сергеева Ольга Владимировна,

старший преподаватель

Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина

Ямкина Ирина Александровна,

старший преподаватель

Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина

В современной зарубежной и отечественной методике обоснована актуальность мульти-/поли-/плюрилингвального подхода в обучении иностранным языкам. Необходимость формирования многоязычной личности, способной анализировать, сравнивать, обобщать приобретаемый культурный и лингвистический опыт определяется в качестве приоритетной цели средней и высшей школы. Особое внимание в настоящее время уделяется проблемам формирования мультилингвальной коммуникативной компетенции у выпускников российских технических вузов, поскольку к данной категории специалистов предъявляются новые, диктуемые временем требования, включающие высокую профессиональную и лингвистическую подготовку.

Студенты технических направлений имеют широкие возможности, связанные с трудоустройством на международные предприятия, в меж-, транс- и многонациональные компании. В этой связи обучение наряду с английским еще одному или двум иностранным языкам, востребованным в инженерной отрасли и необходимым для будущей профессиональной деятельности, является важной составляющей лингвистического обучения в техническом вузе. Возникает необходимость обучения языковой и культурной медиации как способу коммуникативной деятельности, направленной на создание адекватного понимания, психологического комфорта, предотвращения двусмысленности в ходе профессионального общения с разноязычными представителями иносоциумов.

В условиях ограниченного количества часов, выделяемых на дисциплину иностранный язык в техническом вузе, а также учитывая особое увлечение студентов — будущих инженеров всеми видами технологий, связанных с использованием компьютеров и портативных электронных устройств, представляется целесообразным активное применение последних в обучении иностранным языкам. В логике мультилингвального подхода возможно использование мультиязычных профессионально-ориентированных веб-сайтов, которые являются ценными источниками информации как для преподавателей, так и для студентов различных технических профилей обучения.

Для успешной интеграции выпускников технических вузов в мировой мультилингвальный континуум, удовлетворить запрос профессионального сообщества на инженеров, владеющих несколькими иностранными языками и новыми разноязычными цифровыми технологиями, необходима модернизация процесса обучения иностранным языкам данной категории обучающихся. Авторы предлагают методику обучения будущих инженеров, основанную на использовании актуальных многоязычных профессионально-ориентированных веб-сайтов и тех возможностей, которыми они

обладают. Уточняется содержание понятия «профессионально-ориентированный мультязычный веб-сайт», описываются специфика и порядок осуществления мультилингвальной деятельности в процессе обучения нескольким иностранным языкам, предлагается алгоритм работы с мультязычными веб-сайтами.

Латинский язык в преподавании английского в техническом вузе

Скребнева Тамара Григорьевна,

к. ф. н. доцент
Нижегородский государственный технический
университет им. Р. Е. Алексеева

В преподавании английского языка в техническом вузе латинский язык играет особую роль. Во-первых, огромное количество научных терминов пришло во многие европейские языки из древнегреческого через латинский. Или же они возникли непосредственно в латыни в различные периоды ее истории, претерпев все необходимые адаптивные изменения языка их принимающего. Сходство корней слова значительно облегчает понимание иноязычного текста научной тематики для начинающего изучение профессионального языкового материала на начальном этапе.

Действительно, вряд ли могут вызвать затруднения в постижении смысла такие языковые единицы, как *mechanical, electrical, magnet, mathematician, astronomer, kinetic*, предлагаемые в типовом учебнике по английскому профессиональному языку в упражнениях для перевода с английского на русский без использования словаря. Обычно сама установка вызывает у обучаемых улыбку и даже воспринимается как шутка, поскольку приведенные слова однозначно понятны.

Однако понимание не гарантирует стопроцентно корректное употребление языковых единиц в составе образования более высокого уровня — предложения или текста. Это обуславливает необходимость обучения распознаванию компонентов языковой единицы (суффиксов, префиксов), которые четко определяют функцию иноязычного слова на синтаксическом уровне.

В этом плане, сопоставлению слов на основе корней и различии аффиксов может способствовать то обстоятельство, что среди немалого числа служебных морфем можно найти параллели в английском и русском языке, например, английские — *tion, sion, ion* проявляются в русском как —ция, сия; это подсказывает, что в подобном материале целесообразно проводить типологические сравнения для формирования у студентов более четкого представления о синтаксических функциях слова.

Иноязычные слова, форманты которых не обнаруживают морфологического сходства с единицами родного языка, требуют особого внимания и специальной тренировки для формирования у учащихся навыков употребления языковых единиц латинской этимологии. В подобной ситуации преподавателю следует продумать систему упражнений, предназначенных для освоения указанной категории слов.

Экскурсионный метод в преподавании ESP и практической отработке навыков устного последовательного перевода

Газетдинова Юлия Вячеславовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Основная образовательная программа магистратуры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация в сфере туризма и экскурсионной деятельности», реализуемая в Санкт-Петербургском государственном университете с 2020 года, направлена на подготовку устных переводчиков в сфере культуры и искусств, гидов-переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации в сфере туризма.

В целях эффективной реализации рабочих программ основных учебных дисциплин, таких как «Английский язык в сфере туризма», «Объекты культурного наследия Санкт-Петербурга и пригородов», «История искусств», «Устный последовательный перевод в контексте работы гида-переводчика» активно используются различные формы интерактивной работы с обучающимися, среди которых особое место в образовательном процессе занимает экскурсионный метод, включающий элементы педагогической технологии «перевернутый класс» и модели PPP (presentation, practice, production).

Обучение организовано в соответствии с тематическим планом, освоение которого состоит из двух этапов: аудиторного и экскурсионного. В рамках аудиторной работы магистранты самостоятельно изучают теоретический материал, предоставленный за 10–12 дней до даты проведения семинара, готовят презентационные материалы, читают дополнительную литературу, смотрят видеозаписи, а в день проведения семинара участвуют в дискуссии и выступают с докладами на более узкие темы. Во время аудиторных занятий происходит актуализация изученной информации под руководством преподавателя, ее лексическая проработка и обсуждение. Процесс обсуждения проходит в формате групповой и парной работы.

Экскурсионный этап полностью интегрирован в образовательный процесс и строится по модели PPP с элементами педагогической технологии «перевернутый класс». Каждая тема подразумевает три экскурсии: методическую, учебную и экзаменационную. Преподаватель проводит первую методическую экскурсию, цель которой заключается в демонстрации образца и структуры подачи информации с учетом ключевого экскурсионного принципа «показ/рассказ». В процессе подготовки к учебной экскурсии магистранты выполняют лексические задания на проработку наиболее частотных словосочетаний, а также упражнения на аудирование и устный перевод. Во время учебной экскурсии магистранты получают возможность сразу же применить полученные знания на практике и отработать навыки последовательного перевода в условиях, которые имитируют реальную профессиональную среду (работа в музее или на выставке «под перевод»). После проведения учебных экскурсий магистранты заполняют электронные анкеты, в которых им предложено оценить работу своих коллег и предложить свои идеи по доработке способов подачи материала. Экзаменационная экскурсия предполагает промежуточную аттестацию по теме.

Данная методика обладает высоким методическим потенциалом, поскольку позволяет актуализировать приобретаемые знания и навыки в условиях, максимально приближенных к реальному профессиональному контексту.

Возможности технологии «перевернутый класс» в обучении иностранному языку профессии

Твердохлебова Ирина Петровна,

к. п. н., доцент

Российский государственный геологоразведочный университет

им. Серго Орджоникидзе (МГРИ)

В докладе рассматриваются возможности использования технологии смешанного обучения «Flipped Classroom» для преподавания английского языка специальности в современном лингвистическом вузе. Автор останавливается на описании истории появления и использования технологии «перевернутого класса» в зарубежной и отечественной лингводидактике, анализирует влияние современных условий пандемии, затронувших характер обучения в высшей школе, а также необходимость вынужденного перехода на онлайн обучение, и, как следствие, более активное использование новых технологий в сфере образования. Федеральный государственный образовательный стандарт позволяет определять актуальные формы, содержание, цели, задачи и результаты образования, которые соответствуют текущей стадии развития общества, уточняя компетенции подготовки будущих квалифицированных и востребованных специалистов для различных сфер профессиональной деятельности. Компьютерные и информационно-коммуникационные технологии сегодня не только во многом определяют жизнь современного общества, но и являются популярными средствами общения, образования для людей различных социальных классов, страт, возрастов и полов. Одной из ключевых целей использования данных современных технологий является доступ к Интернет, которая в настоящий момент в сфере образования может выполнять функцию обеспечения доступа к знаниям и информации. При этом наиболее активными и многочисленными пользователями сети Интернет являются молодые люди в возрасте 16–29 лет. Возраст студенчества попадает под непосредственное влияние «всемирной паутины», которая меняет традиционные способы получения знаний, обработки информации и взаимодействия людей между собой. ФГОС в его последней редакции ориентирует вектор направленности обучения иностранным языкам в вузе на достижение студентами-бакалаврами целого ряда компетенций, среди которых коммуникативной компетенции отводится первостепенная роль. Автор обосновывает необходимость использования технологии «перевернутого класса» для более динамичного и эффективного формирования необходимых иноязычных компетенций у обучающихся и повышения их общей мотивации к изучению иностранного языка при овладении профилем специализации «Науки о земле», описывает возможные модели и их модульное сочетание в зависимости от конкретных решаемых задач обучения, описывает этапы обучения английскому языку специальности на основе разработанной технологии.

Machine Translation of Professional Texts in LSP Teaching

Mikulec Rogić Maja,

старший преподаватель
University of Applied Sciences Karlovac

Cibulka Mirjana,

преподаватель
University of Applied Sciences Karlovac

This paper analyses professional texts which have been translated using Google Translate (GT) from English and German into Croatian and vice versa. The need to conduct such an analysis lies in the fact that GT, as a free and easily accessible translation tool for the masses, is used on a daily basis in various areas of human activities as well as by students who study languages for specific purposes (LSP). This tool uses a neural machine translation model (NMT) which, according to research, provides better translations in relation to earlier machine translations, and it is developing quite rapidly. Despite the obvious progress, errors still occur due to certain limiting factors of an individual language, style, type of text and professional terminology. This especially concerns translations from the Croatian language since it is a minority European language. The results of this research can be used in LSP teaching to raise the students' awareness of limitations imposed on machine translating of professional texts from Croatian. Thoughtful attention should be given to analysing GT as well as other translation tools in LSP teaching since students will most likely use some of them in their future jobs, therefore, it is useful to acquire a certain level of knowledge on the way they work or think. Efficient and correct usage of translation tools will benefit them in their working environment and it will be regarded as additional value in the eyes of their employers.

Обучение иностранным языкам в полилингвальной среде

Роли преподавателя в обучении английскому языку современных китайских студентов

Белова Марина Олеговна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Журавлева Ольга Алексеевна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Карапетян Алиса Рубеновна,

старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Одним из основных составляющих успешного учебного процесса является педагог, преподаватель, который вынужден выполнять сразу несколько ролей. Его задача — не только передать студентам профессионально важные знания, умения и навыки, но и помочь им научиться самостоятельно приобретать и применять необходимые знания, генерировать новые идеи, творчески и критически мыслить, брать ответственность за свои поступки, адаптироваться к быстро меняющемуся миру. Для этого преподавателям необходимо выполнять еще одну роль — исследователя, принимающего во внимание особенности студентов и ищущего более эффективные способы содействия их обучению. В случае работы с китайскими студентами преподаватель должен учитывать не только специфику китайского менталитета, образовательных и поведенческих традиций, но и общие особенности поколения, к которому относятся сегодняшние студенты младших курсов. Так, для представителей «цифрового» поколения, преподаватель не является лидером и авторитетом, большую часть информации они находят в Интернете, что делает их практически независимыми от взрослых в получении интересующих их знаний. С другой стороны, на китайских студентов, как представителей китайской нации, по-прежнему оказывает влияние социально-политическая концепция древнего Китая, исключавшая жизнь индивида «для себя». Китайцы ощущают себя частью единой социальной цепи и имеют социальное «лицо», регламентирующее в том числе и нормы поведения студентов, которые практически не стремятся к самовыражению и ожидают от преподавателя твердого направляющего руководства. Поэтому преподавателю, работающему с данным контингентом учащихся, важно грамотно балансировать между этими противоположными потребностями студентов. Разнообразие ролей позволяет преподавателям найти подход к студентам в целом и к каждому индивидуально, вызвать их интерес к изучению языка и сделать учебно-воспитательный процесс более эффективным. Для выявления значимости

той или иной роли преподавателя и определения критериев его успешности в учебно-воспитательном процессе авторами статьи будет использовано анкетирование. Как один из механизмов мониторинга, анкетирование помогает составить не только общую картину функционирования педагогической системы в целом, но и получить детальные данные протекания процесса обучения отдельно взятого учебного предмета. Анкетирование представляет собой действенный способ выявления трудностей и проблем с целью их дальнейшего решения, а значит, способствует оптимизации учебного процесса.

Современные технологии в обучении студентов-иностранцев на занятиях по английскому языку

Божик Святослава Любомировна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

За последние двадцать лет наметилась тенденция к объединению знаний из разных дисциплин, стираются границы между отдельными науками, на рынке труда растет спрос на специалистов, способных гибко адаптироваться к меняющимся условиям и обладающих дополнительными знаниями, что в значительной степени приобрело свою актуальность в сложившихся условиях пандемии COVID-19, которая послужила толчком к масштабному развитию интернет — коммуникаций, поставила вопрос организации обучения с использованием дистанционных образовательных технологий, что диктует свои условия, оказывает влияние на процесс обучения и образования в целом. Данные технологии представляют собой совокупность современных информационных методов и форм развития, которые обеспечивают проведение учебного процесса на расстоянии. В этом случае, дистанция больше не препятствует живому общению, интерактиву и получению практического опыта. Дистанционное обучение является «спасительным» инструментом в условиях изоляции, карантина, отсутствия возможности у студентов прибыть в страну обучения, и, главное, создает единое образовательное пространство.

С другой стороны, тотальный переход на онлайн ресурсы предоставил возможность более детально ознакомиться с их недостатками, одними, из которых являются: невозможность контроля работы студентов на занятиях, имитация присутствия, молчание, принятие студентами «пассивной» позиции слушающих.

Безусловно, в зависимости от предмета и формы, дистанционное обучение воспринимается по-разному, но достаточно остро его минусы проявляются на практических занятиях, в особенности с иностранными студентами, где необходимо взаимодействие, ответ, совместная работа преподавателя и студентов. Возникает вопрос мотивации, эффективности обучения, заинтересованности в процессе самого преподавателя и студентов.

Данные требования ставят определенные задачи перед преподавателями высшей школы, нацеливают на создание проблемно-ориентированной образовательной среды, поиск и овладение современными методами и технологиями обучения, источником которых могут служить дистанционные образовательные технологии: онлайн платформы, приложения. С образовательной точки зрения электронная форма обучения

дает выбор и имеет свои дополнительные возможности: в режиме реального времени участвовать в вебинарах, писать в чат, задавать вопросы лектору или просматривать записанный и подготовленный материал в свободное время, активное использование изображений, текста, звука и видеоряда в учебном материале существенно повышает качество усвоения новой информации.

Доклад содержит обзор и пример использования дистанционных технологий на занятиях по английскому языку.

Мультилингвальная и цифровая компетенции — новый образовательный симбиоз

Васильева Мария Артуровна,

аспирант

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Прохорова Анна Александровна,

д. п. н., профессор

Ивановский государственный университет

Опираясь на теоретический и практический опыт отечественного и зарубежного мультилингвизма, авторы определяют истоки, сущность и прослеживают эволюцию дидактики многоязычия, а также путь развития языковой личности от моно- и билингвальной к мультилингвальной. Описывается специфика мультилингвального подхода к обучению нескольким иностранным языкам в эпоху цифровизации, в логике которого обучение должно осуществляться не каждому отдельному языку, а должно быть нацелено на формирование мультилингвальной коммуникативной компетенции. Овладение последней позволяет обучающимся не только войти в мировое профессиональное и академическое пространство, но и достойно конкурировать в нем с выпускниками зарубежных вузов одноименной отрасли народного хозяйства. Авторы утверждают, что применение данного подхода необходимо осуществлять с использованием цифровых иноязычных ресурсов, доступных обучающимся. В этой связи они выделяют и дают характеристику новому направлению — «цифровой мультилингводидактике», которую трактуют как совокупность теоретических и практических вопросов преподавания нескольких иностранных языков с использованием современных разноязычных информационно-коммуникационных ресурсов и активным вовлечением многоязычных источников Интернет в образовательный процесс. Определяется проблема цифрового мультилингвального образования, связанная с нехваткой преподавательского состава, способного готовить многоязычный кадровый потенциал для российской цифровой экономики, осуществлять обучение нескольким иностранным языкам в рамках единого мультилингвального занятия, в ходе которого активизируются и взаимодействуют все осваиваемые студентами в вузе языки (иностранные и родной) и культуры («чужие» и «своя»), а также применяется широкий спектр многоязычных цифровых ресурсов. Авторы полагают, что будущие преподаватели-мультилингвы — это качественно новые специалисты, которые должны обладать двумя контрастными, но значимыми для будущей педагогической деятельности компетенциями — мультилингвальной и цифровой, классифицируемыми по трем уровням (основополагающий, средний и уровень мастера) и степеням овладения (низкая, средняя,

высокая). Вопрос о подготовке таких кадров требует внимания и должен стать перво-степенной задачей и целью образовательной системы третьего тысячелетия. Описывается специфика мультилингвального подхода к обучению нескольким иностранным языкам студентов высшей школы в эпоху цифровизации, в логике которого обучение должно осуществляться не каждому отдельному языку, а должно быть нацелено на формирование мультилингвальной коммуникативной компетенции. Поднимается проблема нехватки преподавательского состава, способного готовить многоязычный кадровый потенциал для российской цифровой экономики.

Психофизиологическое и лингвистическое тестирование студентов-носителей китайского языка, изучающих английский язык

Вишаренко Светлана Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Светлана Владимировна Вишаренко, кандидат филологических наук, бакалавр искусств Гордеева Ирина Александровна, кандидат биологических наук Актуальность предлагаемого исследования определяется возрастающим количеством студентов-носителей китайского языка, желающих изучать английский язык. Современные технические возможности позволяют изучать иностранный язык дистанционно, однако особенности этих технологий налагают особую ответственность на преподавателя, поскольку ряд современных устройств при длительном их использовании может оказывать негативное влияние на системы органов дыхания и слуха, вызывать проходящие, а в дальнейшем и стойкие нарушения. Так, например, отмечалось, что длительное использование различных аудиоустройств может вызывать функциональную тугоухость, обусловленную тем, что не прошедшие проверку устройства, приобретаемые студентами в торговой сети, могут издавать высокочастотный шум, травмирующий слуховой анализатор. Аналогичные недостатки могут быть выявлены у других устройств, используемых студентами. В качестве установочного теста авторами был проведен тест КоС, предложенный В. В. Синявским и Б. А. Федоришиным. Действительно, было выявлено, что культурные установки китайских студентов весьма сильно отличаются от таковых у русскоговорящих студентов. Однако преподавателю необходимо наладить взаимопонимание в коллективе и, более того, подготовить студентов к существованию в англоязычной среде. В тестировании участвовали добровольцы: 20 русскоговорящих и 20 китайскоговорящих студентов СПбГУ и НГПУ в возрасте от 19 до 28 лет. В целом русскоговорящие студенты демонстрируют более высокие результаты по шкале «коммуникативные склонности», китайскоговорящие же студенты демонстрируют более высокие результаты по шкале «организационные склонности». Новые технологии предъявляют большие требования к слуховому анализатору. Разумеется, можно воспользоваться лингафонными кабинетами, однако в жизни студенты неизбежно столкнутся с ситуацией, когда звук поступает по открытому каналу. В связи с этим можно говорить об известном в психоакустике эффекте — «эффекте коктейльной партии». Именно в связи с этим авторы тестировали такие свойства внимания, как переключаемость и распределяемость. Было также отмечено, что китай-

скоговорящие студенты обладают несколько сокращенной экспирацией по сравнению с русскоговорящими и испытывают трудности в воспроизведении характерного для английского языка интонационного контура.

Полилингвальное образование дошкольников на примере французского детского сада в Барселоне

Доброва Татьяна Евгеньевна,

к. ф. н., доцент Санкт-Петербургский государственный университет

Полилингвизм определяется как способность общаться на трех и более языках. Общение включает активные и пассивные формы. К активным относятся способность порождать устные и письменные тексты, а также умение использовать невербальные средства общения. Пассивные формы включают понимание речи и текста, умение распознавать невербальные знаки определенных культур. В данной статье в центре внимания языковая среда Барселоны. Это город, в котором находятся филиалы всех европейских и российских компаний, которые работают с Америкой, а также филиалы американских компаний, которые сотрудничают с европейскими компаниями. Не удивительно, что в городе проживает большое количество представителей самых различных языковых сообществ. Они как правило молоды и имеют маленьких детей. Родной язык коренных жителей Барселоны каталонский, и именно на нем ведется преподавание в государственных дошкольных учреждениях и школах. Многие иностранцы предпочитают частные детские сады и школы, чтобы не нагружать своих детей и так говорящих на двух и более языках еще и каталонским, который нужен только в Каталонии, да и то не очень, так как все говорят по-испански. В статье приводится анализ полилингвизма детей из французского детского сада в Барселоне в возрасте от трех до пяти лет, у которых как минимум один родитель является носителем французского языка.

Применение ASR технологии для отработки произносительных навыков при обучении иностранному языку

Коздринь Петр Романович,

к. ф. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

В настоящее время использование автоматизированных систем распознавания и воспроизведения речи стало реальностью повседневной жизни. Голосовыми помощниками Google, Siri, Алисой и Alexa на персональном гаджете пользуется около 30% населения на ежедневной основе.

В основе работы подобных «собеседников» лежат ASR (Automatic speech recognition) и TTS (Text-to-Speech) технологии. ASR — это преобразование речевого аудио-потока в письменный текст и его дальнейший анализ через имеющиеся программные алгоритмы и языковой дата-корпус.

Использование ASR технологии при обучении иностранным языкам, в частности для постановки и отработки произносительных навыков, имеет значительный педаго-

гический потенциал. В условиях ограниченного ресурса и нехватки аудиторного времени на работу с фонетикой (особенно в неязыковом ВУЗе), система автоматического распознавания речи может стать незаменимым помощником преподавателя в организации внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся над произношением. Результаты многих исследований, посвященных этой теме, говорят о положительном влиянии использования ASR технологии на улучшение фонетических навыков обучающихся [3, 5].

Для отработки произносительных навыков можно использовать как специализированные программы, которые предлагают подробный разбор допущенных ошибок и советы по их устранению («Tell me more», чат-бот «Andy» и др.), так и более доступные, бесплатные системы голосового поиска (Google, Alexa и т. д.). При работе с последними, обучающийся проверяет свое произношение, диктуя текст через ASR сервис, и затем, сравнивая предполагаемое сообщение и его распознанный текстовый вариант. Таким образом, система помогает обучающемуся организовать самостоятельную работу над произношением и определить «проблемные» звуки. К преимуществам данного метода по сравнению с традиционной отработкой фонетического материала в аудитории можно отнести: психологический комфорт, индивидуальность, мобильность.

Несомненно, грамотное использование данной технологии в образовательной сфере поможет решить ряд сложных педагогических задач. Особенно эффективным и востребованным применение данной технологии видится в обучении иностранным языкам, где она может использоваться как дополнительный инструмент организации самостоятельной внеаудиторной работы студентов для формирования и совершенствования произносительных навыков и коммуникации в целом.

Лингводидактический анализ степени гендерной сбалансированности УМК по английскому языку

Колушкина Анна Игоревна,

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Доклад посвящен лингводидактическому исследованию англоязычной учебной литературы на предмет степени ее гендерной сбалансированности. В докладе раскрывается содержание понятия «гендерная сбалансированность» и его компонентный состав, а также приводится обоснование для введения данного термина. В докладе также представлены результаты анализа учебно-методических комплексов по английскому языку, составленных российскими авторами или российскими авторами и их зарубежными коллегами. Актуальность данного исследования обуславливается возросшим интересом к явлению политической корректности и гендерной нейтральности как одной из его составляющих [Маринина, 2012; Афанасьева, Баранова, 2020]. Несмотря на существование рекомендаций международных организаций в области гендерно нейтрального использования английского языка, в ходе пилотного анализа учебной литературы на английском языке было выявлено наличие определенного противоречия между вышеупомянутыми рекомендациями зарубежного научно-методического сообщества и их практической реализацией в используемых в России

учебниках по английскому языку. В связи с этим в данном докладе предпринимается попытка проведения более комплексного исследования англоязычных УМК для того, чтобы определить повысился ли уровень осведомленности о гендерной нейтральности в английском языке среди российских авторов-составителей учебной литературы на английском языке. В качестве основных критериев анализа учебно-методических комплексов по английскому языку предлагаются следующие аспекты: использование авторами гендерно нейтральных лексико-грамматических средств, равная репрезентация мужских и женских персонажей, персоналий и прецедентных имен, а также отсутствие негативной гендерной стереотипизации. На основе результатов анализа можно будет сделать вывод о степени гендерной сбалансированности англоязычной учебной литературы, а также предположить, что в ситуации отсутствия отечественных рекомендаций по созданию гендерно сбалансированной англоязычной среды в УМК, представляется возможной и перспективной разработка специальных рекомендаций, которые соответствовали бы принципу культуросообразности в российском образовательном пространстве и позволяли бы проектировать более гендерно сбалансированные учебно-методические комплексы.

Усвоение финали английского слога носителями китайского языка

Лавицкая Юлия Валерьевна,

к. ф. н., ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен комплексному изучению произношения финали английского слога носителями китайского языка. Анализ предыдущего опыта исследований показал, что правильность произношения зависит от нескольких факторов, таких как длина финали (Hansen, 2001), влияние родного языка (Broselow, 1987), языковое окружение ('linguistic environment') (Anderson, 1987). Для носителей китайского языка, самой распространенной модификацией произношения финали слога с одним согласным оказалось изменение его дифференциальных признаков, например, оглушение звонкого согласного, изменение места артикуляции (/п/ вместо /п/).

Для сочетаний из двух согласных была характерна вставка гласного звука, например, произношение /dɔ.gəz/ вместо /dɔgz/ 'dogs'. Таким образом, происходит изменение структуры слога с СГС на СГ. СГС (С — согласный, Г — гласный). В финали, состоящей из трех согласных, чаще всего испытываемые опускали один согласный звук (Hansen, 2001). Для объяснения данных результатов исследователи нередко прибегают к понятиям маркированности (Eckman and Everson, 1993) и сонорности (Hansen, 2001). Так, открытый слог СГ считается наименее маркированным и универсально более предпочтительным. Финали, состоящие из нескольких согласных, являются более маркированными и, соответственно, более сложными для усвоения. Понятие сонорности или звучности тесно взаимосвязано с понятием маркированности: наименее сонорные согласные (смычные, фрикативы) считаются более сложными для усвоения, чем звуки высокой степени сонорности (плавные, назальные, т.д.). Так называемое языковое окружение звука также оказывает влияние на произношение финали, например, звук /r/ чаще всего опускался после гласной, в то время как /t/ и /d/ опускались в конечной позиции в консонантных кластерах. Цель данного доклада является

двойкой: во-первых, опираясь на данные исследований, изучить, как вышеперечисленные факторы взаимодействуют между собой при усвоении фонологии английского языка как иностранного, в частности, при усвоении произношения согласных в конце английского слога китайскими учащимися; во-вторых, представить методические приемы для обучения произношению таких сочетаний согласных, учитывая причины возникновения произносительных ошибок.

Итало-английская фонетическая интерференция: Использование ладоинтонационных связей в обучении иноязычной речи

Монти-Дымша Агнесса Стефановна,

преподаватель
The International Academy BUSTO ARSIZIO, Italy

Павловская Ирина Юрьевна,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

В Италии английский язык стал обязательным в программе начальной школы в 2003, благодаря реформе Летиции Морати (министр образования с 2001–2006). Это произошло после реформ 1985 и 1991 гг., обязавших изучение иностранного языка в начальной школе, но при этом оставивших право педагогическому составу выбрать иностранный язык и определить с какого именно класса начать изучение (с 2-го или с 3-го). Согласно данным EF Education, опубликованным в 2020 в издании «Индекс владения английским языком» Италия находится на 30 месте, т. е. на предпоследнем в Европе (на последнем находится Испания). Особую проблему представляет собой фонетическая интерференция. Совокупность фонетических ошибок, обусловленных интерференцией, принято называть акцентом. Для носителя итальянского языка акцент проявляется как на уровне фонем, так и на уровне просодии (ритм, ударение, интонация). Различия в количестве и качестве фонем означает необходимость постановки артикуляции как одной из основных задач при обучении языку. При естественном (автоматическом) навыке артикуляции на родном языке носитель языка основное внимание уделяет содержанию текста, а не тому, как он его произносит.

Этим объясняется причина интерференции в момент речевого продуцирования на ином языке: когда коммуникант концентрируется на содержании произносимого текста, артикуляционный аппарат перестраивается на привычное звукоизвлечение, присущее родному языку. Согласно теории когнитивной усвоения языка ребенок теряет способность естественного речевого звуко-продуцирования по завершению периода усвоения доминантного языка, т. е. в возрасте с 6 месяцев до 6 лет, когда речевые моторные паттерны уже сложились.

Значимой для итальянского носителя является и проблема интонационного оформления высказывания. В итальянском языке каждое слово получает свое ударение и наблюдается падение тона на последнем слове.

Практика работы в языковых школах в Италии показывает, что интонация является слабым местом в устной речи обучающихся: нарушение английских интонационных рисунков и ритма.

Обучение креативному письму на занятиях по иностранному языку в полилингвальной среде

Осипова Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Формирование творческого мышления студентов является приоритетной задачей для многих российских ВУЗов. Работа в полилингвальной среде требует изучения вопроса креативности студентов-иностранцев.

Среди основных параметров креативности выделяются оригинальность, образная адаптивная гибкость, семантическая гибкость, семантическая спонтанная гибкость, вариативность, симультанность в отношении подходов к проблеме или к использованию материалов, высокий энергетический уровень продуктивности, интерес к множеству разных вещей, способность усовершенствовать объект, добавляя детали, способность решать проблемы, способность к анализу и синтезу, способность к реструктурированию образов.

Под креативным письмом мы понимаем творческий процесс, способствующий формулировке и осознанию мыслей на иностранном языке.

Через креативное письмо студенты имеют возможность не только показать умение использовать их грамматические, лексические, стилистические умения и навыки, но и проявить свою индивидуальность и осознать межкультурные различия.

Обучение креативному письму основывается на ряде психологических концепций: (а) гештальтпсихология — погружение в фантастический мир, созданный каким-либо образом, предметом, музыкой, (б) метод кластера, основанный на исследованиях связи между правым и левым полушариями — извлечение ассоциаций к определенному слову, предложению, (в) подсознательная психология — техники свободного письма.

Учет вышеназванных психологических концепций необходим для разработки комплекса упражнений с целью формирования умений и навыков креативного письма интернациональных студентов.

Приведем некоторые примеры упражнений.

Упражнение

1. Close your eyes for a moment and think of the room or place around you. Think of the details that you would include in any description and make a mental note of them. Open your eyes and, without looking around, write down what you thought of.

Упражнение

2. Make three clusters based on what interests you most in your clusters. Spend no more than 3 minutes on each cluster. Choose your nucleus words from these lists:

Family, friendship, love,
fame, rivalry, getting older, independence.

Afraid, angry, sad, hopeful,
forgiving, suspicious, jealous, homesick.

Упражнение

3. Choose three or four of the following beginnings and freewrite for 5 minutes about each one.

The truth is...

I wish I had said...

I need proof...

I went outside and...

Прогнозирование и анализ ошибок русскоязычных обучающихся в итальянском произношении

Петрусевиц Виктория Игоревна,

аспирант

Державинский институт

Проблема обучения произношению становится особенно актуальной в контексте изучения итальянского языка вне вуза, когда работе над произношением часто не уделяется должного внимания. В работе, освещенной в настоящем докладе, анализируются и классифицируются типичные ошибки русскоязычных обучающихся при освоении произношения итальянского языка. Подобный анализ может помочь своевременно определить, на какие особенности стоит обратить внимание в ходе обучения, а также подсказать возможный вектор обучения итальянскому произношению. На основе контрастивного анализа между фонологическими системами итальянского и русского языков можно предположить, какие произносительные ошибки возникнут при освоении русскоязычными обучающимися итальянского произношения. Таким образом, при прогнозировании возможных произносительных ошибок можно упомянуть, например, качественную и количественную редукцию безударных гласных, дифтонгизацию ударной гласной /o/, палатализацию согласных перед /e/, /i/, отсутствие удвоения согласных и т. д. Анализ ошибок русскоязычных обучающихся был проведен на основе двенадцати видеофайлов, самостоятельно записанных обучающимися с различным опытом изучения итальянского языка и загруженных в общий доступ на платформу «YouTube». Неточности произношения были проанализированы на основе фонетической транскрипции, записанной на слух (в совместной работе с носителями языка) для каждого видеофайла. На последующем этапе работы все ошибки были посчитаны и классифицированы в таблице согласно их частотности, а также учитывая их «серьезность»: ошибки были поделены на фонетические и фонологические. Большинство ошибок, выявленных в видеофайлах, оказались теми же, которые были выведены на основе контрастивного анализа. Например, наиболее частотной оказалась особенность произношения, связанная с палатализацией согласных. Заметим, что эта ошибка в произношении является фонетической и не меняет значения слова. На втором месте располагается качественная редукция /o/ в безударном положении. Эта ошибка является более «серьезной», фонологической, так как способна изменить значение произносимого слова. Таким образом, выведенная таблица может использоваться в качестве методического руководства при обучении итальянскому произношению на курсах дополнительного образования в России. Она позволит преподавателю понять, на какие

особенности итальянского произношения стоит обратить внимание взрослых обучающихся, чтобы их речь была понятной носителям и наоборот, а также чтобы избежать фоссилизации произносительных ошибок на дальнейших стадиях изучения итальянского языка.

Полилингвизм как основной вектор в поликультурной образовательной среде

Проницына Ольга Сергеевна,

ассистент

Тверской государственной медицинской университет

С учетом особенностей организации учебного процесса в мультикультурной и мультиязыковой (полилингвальной) образовательной среде принципы гуманизации образования, личностно ориентированные технологии современной педагогики являются стимулом для использования полного спектра психолого-педагогических возможностей субъект-субъектного обучения. Безусловно, отечественные и зарубежные исследователи активно изучают современные тенденции в образовании, разрабатываются новые подходы, предлагаются педагогические методы и средства, способствующие формированию профессиональных компетенций и развитию познавательной творческой активности с учетом специфики культурологических, индивидуальных и психолого-педагогических особенностей обучения. Полилингвальное обучение в современном международном ВУЗе — это целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда изучаемые языки выступают в качестве способа постижения специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов. Актуальность данного доклада определяется необходимостью изучения особенностей образовательного процесса в полилингвальной образовательной среде, обоснование педагогического обеспечения этого процесса, разработки конкретного содержания и способов его реализации в структуре педагогического обеспечения с учетом поликультурных и полилингвальных реалий современного вуза (на примере Тверского государственного медицинского университета). Педагогическое обеспечение предполагает многоуровневый процесс, выраженный в активизации и развитии совокупности его компонентов. Изучив работы, посвященные понятиям «образовательная среда» и «образовательный процесс» с позиций психолого-педагогических особенностей иностранных студентов и вопросов, связанных с организацией учебного процесса в полилингвальной образовательной среде, мы рассматриваем формирование гибкой и вариативной системы педагогического обеспечения данных процессов, возможностей устранения имеющихся противоречий между востребованностью процесса обучения студентов в полилингвальной образовательной среде и наличии пробелов в разработке соответствующего педагогического обеспечения. Актуализации процесса обучения студентов в полилингвальной образовательной среде вуза позволяет достичь положительных результатов: преодоление барьера непонимания и отторжения другой культуры, мировосприятия и религии, становление социокультурной идентификации обучающихся, представителей разных культур, готовность студентов к ассертивному поведению и умению вести диалог в мультикультурном профессиональном пространстве глобализованного общества.

Звукоизобразительные средства во фразеологических единицах английского и вьетнамского языков

Тимофеева Елена Константиновна,

к. п. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Нгуен Фьонг Ань,

студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

В условиях полилингвального обучения возникает необходимость поиска инновационных методов изучения иностранного языка, одним из которых является использование фоносемантических, звукоизобразительных средств в процессе обучения.

Современная лингводидактика, психолингвистика и методика преподавания языков все больше фокусирует внимание на полилингвальной личности, которая характеризуется многокомпонентным составом иноязычных способностей и готовности к речевой деятельности различной степени сложности. Одним из компонентов речевой способности является вокабуляр, отражающий семантическую память как способ хранения знаний. Изучение языка дает широкие возможности для анализа языковой деятельности полилингвальной личности в индивидуальной речевой структуре когнитивных, тексто-контекстных лексических форм.

Структурно-языковой, вербально-семантический или лингво-когнитивный уровень показывает степень владения словом и отражается в языковой картине мира мультилингвальной личности. Языковую картину мира формируют различные языковые средства, среди которых лексические занимают важное место. В докладе рассматривается фоносемантический компонент во фразеологических единицах английского и вьетнамского языков в качестве одного из средств повышения эффективности обучения восточных студентов иноязычной лексике. Фразеология отражает культурно-исторический опыт носителей определенного языка и особенности исторических законов его развития. Фразеологические единицы несут в себе образность и символичность. Именно в них наглядно проявляются явления звукового символизма и звукоизобразительности, заложенные в системе языкового знака, фоностилистические явления и синестемический перенос значения как средство идиоматизации понятия. При обучении англоязычной лексике эти явления, как по отдельности, так и в совокупности, усиливая, подчеркивая друг друга, рассматриваются как элементы речевой коммуникации. Проведенные исследования подтверждают универсальный характер связи некоторых акустико-артикуляционных и смысловых единиц и доказывают, что звуко-символизм носит интернациональный характер.

Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков

Quality of technology effect on language education and economic

Аль Манаи Ширин Абдулла,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

In this article, we will discuss the role of quality in improving technology in the language learning sector and the economic sector. In fact, there are so many exciting alternatives for utilizing technology to solve linguistic problems and projects that it may be daunting for language instructors today. Because one of language instructors' main responsibilities is to assist students understand how linguistic and cultural norms work, it's critical that they examine how language is utilized in both old and new ways across various mediums and technology [1]. Thus, given the rapid evolution of technology and the social interaction and learning opportunities it provides, teachers are becoming more and more required to understand how to handle it effectively and enjoy experimenting with new technology, with a wide range of resources, tools, and Web sites best suited to a given lesson or activity [2]. So, good quality is achieved when the language learning process meets the needs and expectations of the teachers. One of the most important responsibilities of any educational institution is to provide high-quality education, which may be improved by enhancing decision-making procedures in various processes. Data mining from an educational institution is one technique to improve the quality of procedures. This can provide new knowledge in the decision-making process and in identifying more enhanced policies for educational practices [10]. In addition, we can show the role of quality in all aspects of life. For example, in the economic sector, there is an empirical study that tested several theories about the relationship between software quality (measured in defect density) and cost drivers (cost factors). The study looks at three cost drivers: labor, project size (measured in functional points), and the average number of tasks allocated to one team member. The study used the ISBSG data repository [3]. The results show that project size and labor have a significant negative impact on defect density. These results suggest that these quality factors should be considered when allocating project resources to reduce defects and, as a result, product maintenance costs [5] [8]. On the other hand, an empirical study was conducted to investigate the relationship between software project size and defects. The results show a weak correlation between size and defects. However, for development projects, the correlation is stronger. Moreover, in mature projects, the correlation becomes very weak [4] [9]. The most important methods or techniques for solving optimization problems that contribute to production planning and optimum decision-making, such as maximizing profits, reducing costs, or increasing production capacity, are dynamic programming and a compromise set [6] [7].

К вопросу о подготовке школьников к олимпиадам по английскому языку в рамках дополнительного образования и внеурочной деятельности. Теоретический и терминологический аспекты.

Бесядовская Надежда Александровна,

преподаватель
Гимназия № 56

Подготовка школьников к олимпиаде по английскому языку может осуществляться в рамках дополнительного образования и внеурочной деятельности. Данные варианты имеют свои преимущества и сложности. Несмотря на подробное описание и особенностей дополнительного образования, и внеурочной деятельности, возникает ряд теоретических и терминологических вопросов, один из которых обусловлен необходимостью обозначить одним термином внеурочную деятельность и дополнительное образование. Актуальность введения данного термина обусловлена как сходством содержательного наполнения рассматриваемых понятий, так и современными тенденциями развития образования, когда интеграция основного и дополнительного образования является ведущим приоритетом. Подготовка школьников в рамках внеурочной деятельности и дополнительного образования имеет ряд особенностей. С одной стороны, внеурочная деятельность направлена на повышение уровня сформированности компетенций в области изучаемых предметов, обеспечение вариативности и индивидуализации образовательного маршрута. С другой стороны, цели и задачи внеурочной деятельности совпадают с целями и задачами обучения на уроках, не предполагают специальной подготовки к интеллектуальным состязаниям. В свою очередь, перед дополнительным образованием стоят цели, принципиально отличные от обучения в рамках общего образования. Однако с точки зрения содержания, подготовка школьников к олимпиадам по английскому языку не может осуществляться вне формирования компетенций, которые входят в сферу ответственности основного образования. Рассматриваемая проблема также затрагивает вопрос составления программ. Процесс подготовки к олимпиаде с точки зрения содержания незначительно отличается в рамках дополнительного образования и внеурочной деятельности. Однако принципы составления программ внеурочной деятельности и дополнительного образования отличаются, особенно данные отличия заметны в тех областях, которые пересекаются с предметами, входящими в школьную программу. В нашем докладе мы рассматриваем области пересечения и отличия дополнительного образования и внеурочной деятельности применительно к подготовке школьников к олимпиаде по английскому языку, представляем сильные и слабые стороны обоих вариантов, описываем условия, при которых процесс подготовки будет наиболее эффективным.

Особенности и перспективы применения чат-ботов для изучения иностранных языков

Голубев Вадим Юрьевич,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Ибрагимов Ильдар Ильбекович,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Рубцова Светлана Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Системы на основе искусственного интеллекта (ИИ-системы), машинное обучение, нейронные сети и анализ больших данных в последние годы стремительно развиваются и находят свое применение в различных областях. Перечисленные технологии все шире используются и в сфере образования, в частности, в изучении иностранных языков. В этой связи особенно интересно остановиться на чат-ботах, с которыми нам все чаще приходится сталкиваться в различных жизненных ситуациях (достаточно упомянуть вошедших в широкий обиход голосовых помощников Google, Siri или Алиса). Являясь ИИ-системами, чат-боты представляют собой разговорные интерфейсы, призванные обрабатывать естественный язык, т. е., в нашем случае, — сам объект изучения. Однако вместо ожидаемого разнообразия образовательных платформ с применением чат-ботов, их использование в интересующей нас сфере на сегодняшний день достаточно ограничено. Людям, не имеющим опыта общения с чат-ботами, причина такого пробела может быть не очевидна. При взаимодействии с одним из вышеперечисленных голосовых помощников их способность помочь в решении простых задач может поначалу удивлять, однако при попытке расширить границы диалога редко удается выйти за пределы нескольких обменов репликами. Также серьезным недостатком чат-ботов, работающих с письменным текстом, является их чувствительность к орфографии. Кроме того, база знаний у чат-ботов весьма ограничена. Наконец, чат-боты неспособны обрабатывать и давать ответ сразу на несколько предложений, что нормально для человеческого общения. Все это обусловлено тем, что, достижения в области науки о данных и обработки естественного языка все еще недостаточны для появления полноценных чат-ботов для изучения языков. Некоторые исследователи считают, что крупных прорывов в коммуникативных навыках чат-ботов в ближайшее время вообще не предвидится (Р. Дейл). Вместе с тем, эффективность чат-ботов можно существенно повысить даже при имеющемся уровне развития ИИ-систем. Р. Майер и Л. Фрайер предлагают предпринять следующие шаги: (1) максимально «очеловечить» чат-бота: приблизить звучание его голоса к человеческому (что фактически осуществлено в проекте Яндекса Yandex SpeechKit), наделить мимикой и жестикуляцией (компания Hour One уже реализует подобные продукты на коммерческой основе); (2) применять нескольких чат-ботов для поддержки диалога с одним и тем же человеком для преодоления «остановок» чат-бота на каком-то этапе беседы; (3) сузить аудиторию конкретного чат-бота: например, для детей линейная последовательность вопросов и ответов может оказаться

более полезной и менее скучной, чем для взрослых. Наиболее успешные платформы обучения иностранным языкам (такие как Duolingo и Mondly) уже применяют эти идеи.

Технология «перевернутого урока» как современный вектор развития смешанного урока в эпоху пандемии

Дружинина Алина Алексеевна,

ассистент

Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»

С момента начала пандемии в марте 2020 г. образование как система сделало, и продолжает делать, множество шагов в сторону цифровизации. По причинам нестабильной обстановки в мире за один учебный семестр преподаватель высшего учебного заведения успевает поработать очно, онлайн, а также в гибридном формате, когда часть студентов находится в аудитории, а часть — подключается онлайн. Наблюдение за последними тенденциями в образовании позволяет предполагать, что обучение студентов и дальше будет двигаться в сторону увеличения использования ИКТ, в том числе посредством продвижения смешанных форм обучения. Одной из таких форм является технология «перевернутого обучения» (flipped classroom). Суть технологии состоит в том, что теоретический материал изучается студентами самостоятельно в качестве домашнего задания, а само занятие посвящено практике. Существует множество форматов, с помощью которых преподаватель может обеспечить студентов материалом для изучения: подкаст, водкаст, текстовый файл, презентация, интерактивная презентация, ссылки на сторонние ресурсы, и т. д.

Данный подход обладает многочисленными плюсами: — неоднократно доказывалась эффективность метода в сравнении с более традиционными формами обучения, выраженная в процентном соотношении успеваемости двух экспериментальных групп; — метод позволяет преподавателю создавать авторскую персонифицированную программу под потребности студентов; — снижается время разговора учителя на уроке и увеличивается время активной работы студентов; — студенты получают возможность работать в своем ритме, многократно просматривать и изучать теоретическую информацию, возвращаясь к ней на протяжении всего курса, в том числе в случае пропуска занятия; — повышается внутренняя мотивация учащихся, а также их автономность. Нельзя не отметить, что у технологии «перевернутого урока» есть недостатки, такие как: — отсутствие единого стандарта, которым могли бы пользоваться все преподаватели; — длительное время подготовки к каждому уроку на момент начала использования технологии в своей педагогической практике; — сложности с реализацией заготовленного плана урока из-за того, что часть студентов выполнила домашнюю работу, а часть — нет. Таким образом, несмотря на то, что техника «перевернутого урока» обладает доказанной эффективностью в преподавании грамматики, лексики, а также при обучении продуктивным навыкам, этот подход нуждается в качественной комплексной доработке и систематизации.

Ротационная модель «Перевернутый класс» на уроках английского языка в старшей школе

Исакович Анастасия Петровна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Ротационная модель смешанного обучения «Перевернутый класс» представляет собой своеобразную «мастерскую», где обучающиеся заранее изучают теоретическую информацию, аудиторное время сосредоточено на получении необходимого опыта интерактивного взаимодействия. Целью данного исследования является описание внедрения модели «Перевернутый класс» на уроках английского языка с целью совершенствования умений говорения. Образование XXI в. — образование, которое основано на конструировании учеником собственного содержания образования в диалоге с культурно-историческим аналогом. Такие вызовы современного мира, как смещение вектора образовательной деятельности в сторону самостоятельной работы, переход от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь», свобода в выборе места обучения и мобильность, стремительное развитие технологий, позволяют использовать преимущества системы смешанного обучения при реализации лично-ориентированного подхода, адаптируя традиционный учебный процесс к индивидуальным особенностям личности.

Целью данного исследования является описание внедрения ротационной модели смешанного обучения «Перевернутый класс» на уроках английского языка для совершенствования умений говорения обучающихся в ходе подготовки к обязательному выпускному экзамену по учебному предмету «Английский язык». В исследовании принимали участие 36 учеников 11 класса средней общеобразовательной школы Республики Беларусь. В ходе реализации модели «Перевернутый класс» было выделено пять основных этапов:

- 1) Организация учебного процесса.
- 2) Групповая коммуникация.
- 3) Самостоятельное задание.
- 4) Общее задание для группы.
- 5) Самостоятельный научный проект.

Каждый из пяти этапов имел свою цель, которая была успешно достигнута обучающимися. Пятый этап являлся завершающим, систематизирующим знания и умения обучающихся, полученные на предыдущих четырех этапах: было предложено выполнение научно-исследовательской работы, и защита данной работы перед аудиторией в рамках конференции. Данное задание позволило совершенствовать умения говорения обучающегося в индивидуальном порядке, с учетом личных интересов, уровня и знаний.

Результаты исследования показали, что использование системы смешанного обучения в обучении английскому языку в старшей школе педагогически целесообразно. Ротационная модель смешанного обучения «Перевернутый класс» является эффективной для совершенствования умений говорения за счет организации самостоятельной и групповой деятельности обучающихся, индивидуальной поддержки каждого участника, рационального использования урочного времени и самостоя-

тельной работы, интерактивности обучения, возможности неограниченного доступа к учебной информации в любое время.

Интеграция обучения просодии спонтанной речи в курс английского языка

Лаврентьева Наталья Геннадьевна,

к. ф. н., доцент
Ивановский государственный университет

Орлова Евгения Валерьевна,

к. ф. н., доцент
Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина

Традиционно обучение иноязычной спонтанной речи связывают с развитием лексических и грамматических навыков оформления высказывания, а также с овладением логикой построения мысли. Новым решением в обучении спонтанной речи является интеграция просодии в курс английского языка, что приведет к минимизации «ненативности» устной речи студентов. Методика формирования навыка устной речи с учетом ее просодических характеристик на сегодняшний день является недостаточно разработанной и определяет новизну исследования. Основная цель работы – скорректировать методику обучения навыкам устной речи на английском языке, разработать методические рекомендации для преподавателя, основываясь на результатах экспериментально-фонетического исследования. В ходе исследования использовался комплексный подход, при котором лингвистические методы, традиционные для экспериментально-фонетического исследования, сочетались с системным и субъектно-деятельностным подходами, которые легли в основу разработанных методических рекомендаций. Материалом экспериментально-фонетического послужили 97 монологов обучающихся общей продолжительностью 190 минут.

Исследование показало, что потенциально ошибочными областями просодического оформления псевдо-спонтанной речи являются: сегментация, неверное выделение коммуникативного центра высказывания (акцентуализация), организация речевого потока (ритмика), интонационная разорванность, нарушение мелодического контура высказывания, вкрапления русской речи. Неадекватность, или «ненативность», т. е. неестественность просодического оформления устной речи русскоязычными студентами, проявлялась в ошибочном смысловом членении речевого потока, его небрежной сегментации, слишком дробном и немотивированном членении фраз.

Предлагаемая методика работы над фонетической стороной речи в учебном монологе включает в себя следующие этапы: восприятие речи на слух, повторение речевой модели, неподготовленное чтение и непосредственно производство речи. На каждом из этапов предлагается использовать определенные виды упражнений, к которым относятся такие упражнения как *scooping phrases*, целью которого является выстраивание сочинительных и/или подчинительных связей между словами и объединение их тем самым в смысловые блоки; *speak target vocabulary*, суть которого заключается в составлении монолога по заданной модели, используя, например, опоры в виде списка слов/групп слов и другие.

Творческий проект как одна из образовательных технологий при формировании профессиональной речи будущих юристов

Лукашова Александра Владимировна,

преподаватель

Тираспольский техникум информатики и права

В соответствии с требованиями ГОС СПО реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения учебных занятий. С целью формирования и развития профессиональных навыков студентов мы используем образовательные технологии (технология в сфере образования) как совокупность научно и практически обоснованных методов и инструментов для достижения запланированных результатов в области образования. Применение конкретных образовательных технологий в учебном процессе определяется спецификой учебной деятельности, ее информационно-ресурсной основы и видов учебной работы.

Образовательные технологии — это совокупность организационных форм, педагогических методов, средств, а также социально психологических, материально-технических ресурсов образовательного процесса, создающих комфортную и адекватную целям воспитания и обучения образовательную среду, содействующую формированию ключевых компетенций у студентов, что необходимо для запланированных результатов образования [2, с.124] Существует несколько видов образовательных технологий: технология сотрудничества, метод проектов, информационно-коммуникативные технологии, здоровьесберегающие технологии, игровые технологии, технологии личностно-ориентированного взаимодействия. Остановимся более подробно на технологии проектного обучения, а конкретно — на технологии творческого проекта. Данная технология предусматривает организацию образовательного процесса в соответствии с алгоритмом поэтапного решения проблемной задачи или выполнения учебного задания. Проект предполагает совместную учебно-познавательную деятельность группы студентов, направленную на выработку концепции, установление целей и задач, формулировку ожидаемых результатов, определение принципов и методик решения поставленных задач, планирование хода работы, поиск доступных и оптимальных ресурсов, поэтапную реализацию плана работы, презентацию результатов работы, их осмысление и рефлексия. Ставя перед собой задачу формирования профессиональной компетентности будущих юристов, в условиях освоения новых Государственных образовательных стандартов СПО, мы понимаем, что современный подход к преподаванию заключается в построении его на технологической основе. Исходя из видов педагогических технологий, можно отметить, что практически каждая из них используется в педагогической деятельности.

Следует подробнее остановиться на использовании личностно-ориентированной технологии в обучении студентов, будущих юристов, проходящих обучение по специальности «Право и организация социального обеспечения».

Традиционные и инновационные подходы в преподавании иностранных языков. Электронный учебный курс

Мясников Алексей Анатольевич,

к. п. н., доцент

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
средняя школа № 544 г. Санкт-Петербурга

Предметом рассмотрения в представляемом докладе является учебное пособие «Традиционные и инновационные подходы в преподавании иностранных языков» (электронный ресурс), опубликованное нами в марте 2021 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Рассмотрению подлежат вопросы направленности, практического использования, структуры и содержания данного курса.

Данное пособие создано для студентов, обучающихся по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование». Оно адресовано будущим учителям иностранного языка и содержит учебный материал, необходимый для понимания общественных и социально-исторического предпосылок, обуславливающих те или иные события, связанные с возникновением и развитием теории и методики преподавания иностранных языков и ее последующей эволюцией, а также для получения наглядного представления о преемственности в лингводидактике.

Работа включает введение, две главы, заключение и список литературы. Во введении формулируется цель пособия — повышение уровня теоретической подготовки и кругозора студентов по направлению подготовки «Педагогическое образование». Первая главы посвящена рассмотрению западноевропейского опыта обучению иностранным языкам — от Древнего мира до наших дней. Во второй главе рассматриваются отечественные педагогические традиции обучения иностранным языкам. В заключении подводятся итоги рассмотрения учебного материала, иллюстрирующие положения о том, что преемственность и последующая эволюция педагогических отношений регулируются педагогическими традициями, а современная парадигма обучения иностранным языкам включает как все многообразие современных методов преподавания, так и педагогический опыт, накопленный за всю историю существования педагогики и лингводидактики.

Пособие направлено на расширение профессионального кругозора студентов и способствует осознанию ими значимости изучения дисциплины «Теория преподавания иностранных языков» в современном образовательном пространстве.

Освоение курса способствует формированию у студентов способностей проектировать траектории своего профессионального роста и личностного развития и готовности использовать систематизированные знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования.

Российская фонетическая школа и творческое наследие Людмилы Алексеевны Вербицкой

Павловская Ирина Юрьевна,

д. ф. н., профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

За последние два-три десятка лет фонетистам неоднократно приходилось сетовать на то, что Золотой век фонетики как царицы всех языковедческих наук прошел, что в западном и, тем более, восточном методическом пространстве никто серьезно не занимается развитием методов обучения фонетическим навыкам. Этому есть свои методические и технологические причины. Стирание границ между языковыми территориями открыло доступ к естественной лингвистической среде, средства массовой информации предоставляют многочисленные образцы аутентичной речи на любых языках в удаленных условиях, поэтому нет необходимости создавать специальные методы и приемы фонетического тренинга, как артикуляторного, так и перцептивного. В коммуникативном подходе все заменяет общение, в котором произношение уходит в аспект устной речи, а перцепция — в аспект аудирования. Ушли в прошлое медиатеки с коллекциями аудиозаписей иноязычной речи и настенные карты с сагиттальным разрезом головы для изучения органов речи. Все можно увидеть в интернете и услышать, если не живьем, то в он-лайн трансляции. Однако, имитация произношения не освобождает от необходимости разъяснения сходств и различий фонетических систем различных языков и сознательного тренинга артикуляции и фонетической перцепции. Российская методическая школа с самого начала прочно опиралась на достижения выдающихся лингвистов-фонетиков — Н. С. Трубецкого, И. А. Бодуена де Куртене, В. А. Богородицкого, А. И. Томсона, Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, М. В. Панова, А. А. Реформатского, Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко. Особое место в становлении Российской фонетической школы занимает творчество Л. А. Вербицкой, выдающегося фонетиста и методиста. В нем в лучших традициях отразилась связь между экспериментальной фонетикой («Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи», 1979) и методикой преподавания произношения русского языка как иностранного («Учебник РЯ для студентов 1 курса». — Дорум, США, 1991). В настоящее время такой подход получил новый импульс в связи с изменением функций языка в цифровом пространстве и со сменой парадигмы в обучении языкам.

Элективный он-лайн курс «Преподавание истории и культуры России на английском языке» как компонент учебного плана магистерской программы «Теория обучения иностранным языкам и межкультурная коммуникация»

Плехова Ольга Геннадьевна,

к. п. н., преподаватель
СОШ ФГБОУ «МДЦ «Артек»

Тарнаева Лариса Петровна,

д. п. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Шаврова Анна Владимировна,

ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из стратегических целей образования в России, обозначенных в Постановлении Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. «Национальная доктрина образования в Российской Федерации с 2000 до 2025 года», является обеспечение «исторической преемственности поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России...» [1]. В настоящее время Россия вынуждена отстаивать свои национальные интересы на мировой арене в условиях политических и идеологических противоречий в мире, нередко сталкиваясь с искажением исторических фактов, приуменьшением, а порой и полным игнорированием роли России в значимых исторических событиях. В связи с этим важно, чтобы молодые люди, участвуя в межкультурном общении на иностранном языке, умели аргументировано, логично отстаивать свой взгляд на роль родной страны в мировой истории, умели говорить об истории и культуре России с позиций патриотического отношения к своей Родине, с позиций личности, осознающей свои корни, свою национально-культурную принадлежность. Одним из путей решения этих важных задач является внедрение в процесс школьного обучения интегрированного учебного курса «История и культура России на английском языке», нацеленного на развитие интереса учащихся к изучению истории и культуры родной страны, формирование их гражданской позиции, воспитание патриотического отношения к родной стране, к ее традициям, к системе ее духовно-нравственных ценностей и этических норм. Однако, на сегодняшний день не существует программ ни бакалаврского, ни магистерского уровня, в рамках которых осуществлялась бы подготовка учителя, способного преподавать элективный учебный курс «История и культура России на английском языке» в старших классах средней общеобразовательной школы. В процессе реализации предлагаемого он-лайн курса «Преподавание истории и культуры России на английском языке» у магистрантов должны быть сформированы профессиональные умения в разработке учебно-методических и контрольно-измерительных материалов элективной дисциплины «История и культура России на английском языке» для школьников старших классов средней общеобразовательной школы с учетом особенностей содержания данного учебного

предмета и организации учебной деятельности учащихся. Данный он-лайн курс планируется апробировать в ходе опытного обучения на базе ФГБОУ «МДЦ «Артек», где предусмотрено внедрение элективного учебного предмета «История и культура России на английском языке» как компонента образовательного учреждения в Базисный учебный план для среднего (полного) общего образования.

Литература

1. Национальная доктрина образования // RG.RU [Электронный ресурс] — URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 10.01.2022).

Коллективность как средство оптимизации преподавания иностранного языка

Чаленко Елена Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Воронежский государственный университет

Вызовом в современном процессе преподавания второго иностранного языка в вузе является высокий уровень компетенций, заложенных в государственных стандартах, осваивать которые предполагается в течение ограниченного рамками рабочей программы количества аудиторных часов. В связи с этим остро встает вопрос о методах оптимизации процесса обучения. Опыт преподавания немецкого языка как второго иностранного после английского позволяет нам предположить, что одним из методов может быть развитие коллективности в языковой группе. Учитывая различие между непосредственной коллективностью, основанной на прямых контактах, и коллективностью опосредованной, основанной на использовании различных средств коммуникации, мы отдаем безусловное предпочтение первой. Поскольку группы учащихся являются гетерогенными по многим признакам (единственное общее — выбор немецкого как второго иностранного языка, интерес к немецкоязычным странам), то коллективность играет кроме образовательной, еще и воспитательную роль, способствуя развитию личности и подготавливая к успешной работе в профессиональном коллективе. Знание речевых образцов и грамматики не является залогом успешного говорения, нужно еще желание говорить. Поскольку учащиеся не находятся в полноценной языковой среде, стимулы для коммуникации на иностранном языке ограничены ролевыми играми. Успешная коммуникация возможна на основе эмоциональной и ментальной общности, на опыте жизни языковой группы. Цель, к которой мы стремимся, поиск видов деятельности, когда бы учащийся мог применять усвоенные на любом уровне знания, не дожидаясь накопления «критической массы». Играет роль и фактор времени. Первый иностранный язык (английский) изучался ими 6–12 лет, на изучение второго иностранного отводится на нашем факультете 4 года и значительно меньшее количество контактных часов.

Учебные пособия немецких дидактиков, которые мы используем на занятиях, включают задания на партнерскую работу (около 50% от общего количества) и тоже развивают чувство коллективности. Индивидуальное и коллективное — это две взаимосвязанные характеристики социальности, функционирования и развития общества. Учет их диалектического взаимодействия полезен в любой образовательной сфере, и в частности, в преподавании иностранного языка.

Употребление глагольной приставки *meg-* в венгерском языке как лингводидактическая проблема

Шимо Нилла Анита,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема обучения употреблению глагольной приставки *meg-* и приставочных глаголов с *meg-* в венгерском языке, является весьма актуальной. Актуальность данной темы, в первую очередь, обусловлена тем, что в методике обучения венгерскому как иностранному до сих пор нет единогласных методических рекомендаций для обучения употреблению глагольной приставки *meg-*, которые могли бы удовлетворить потребности как преподавателей венгерского как иностранного, так и иноязычных учащихся. В литературе обсуждаются некоторые функциональные и лексические свойства данной приставки, и выводы, сделанные на их основе, местами отражаются в материалах учебных пособий. Однако подача таких материалов часто произвольна или не последовательна. Единственным ориентиром для учащихся становятся часто упоминаемые функции рассматриваемой приставки, в частности, те, которые показывают, что она может указывать на завершенность действия (*megcsinál* 'сделать') или на ожидаемую или привычную перемену обстоятельств в противопоставлении с тем же глаголом с приставкой *el-* (*megsóz* 'посоливать', но *elsóz* 'пересолить'). Также встречаются примеры словообразовательного потенциала приставки. Тем не менее, в теории обучения венгерскому языку эта информация не систематизирована. Отсутствуют упражнения для овладения правильным употреблением данной приставки. При этом упомянутые правила часто приводят к гиперкоррекции учащегося. Основная причина проблемы заключается в том, что изучение глагольных приставок до сих пор вызывает множество вопросов не только при овладении венгерским как иностранным, но и в языкознании вообще. Равным образом, границы категории глагольной приставки в венгерском языке так же довольно размыты. Проблема усложняется тем, что в процессе изменений, происходящих в каждой языковой системе, активную роль играют глагольные приставки, в том числе приставка *meg-* в венгерском языке. Кроме того, проблемы при изучении языка могут быть специфическими в зависимости от родного языка учащихся, например, в русском довольно развита грамматическая категория вида глаголов является постоянным источником интерференции при изучении данной темы, и учебные пособия не предлагают путей ее преодоления. Проблема требует лингвистического и дидактического подходов, т.е. глубокого сопоставительного анализа и, построенного на основе этого анализа, последовательного обучения функциям глагольных приставок в целом. В докладе проанализированы основные аспекты проблемы, возникающие при изучении данной темы у русскоязычной аудитории, и представлены лингводидактические подходы к решению выявленных проблем. Рассматриваются самые употребляемые функции и лексические значения глагольной приставки *meg-*, и приводится обобщение сопоставительного изучения приставки *meg-* с ее возможными соответствиями в русском языке.

Эмоциональная грамотность и способы ее формирования при обучении английскому языку учащихся с ограниченными возможностями здоровья

Ялышева Алевтина Викторовна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Основной задачей инклюзивного образования является социализация учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Инклюзивное образование реализуется в отношении всех учебных дисциплин, в том числе в отношении иностранного языка. Иностранный язык, безусловно, является одним из самых сложных предметов для усвоения обучающихся с ОВЗ. С одной стороны изучение иностранного языка предоставляет широкие возможности для решения задач инклюзивного образования, с другой, существуют и значительные ограничения в освоении иностранного языка. Данные трудности связаны, во-первых, со спецификой самого предмета, предполагающего возникновение коммуникативных и психологических барьеров. Во вторых, сложности возникают в виду особенностей обучающихся с ОВЗ, принадлежащих к той или иной нозологической группе.

Каждая нозологическая группа обладает своими психолого-педагогическими характеристиками, однако можно выделить специфические черты, являющиеся общими для всех категорий обучающихся с ОВЗ. К таким общим чертам можно отнести расстройство эмоционально-волевой сферы, отсутствие собственной речевой инициативы, нарушение вербальной коммуникации.

Рассматривая эмоциональную грамотность в виде сложного психологического конструкта, можно определить ее как способность к пониманию своих и чужих эмоций, а также управлению ими в условиях коммуникации. Развитие эмоциональной грамотности на занятиях иностранным языком в средней школе способствует усвоению всего комплекса универсальных учебных действий, являющегося основой для формирования компетенций необходимых современному человеку.

Предложенная методика развития эмоциональной грамотности направлена на нивелирование психологических и коммуникативных барьеров в процессе усвоения иностранного языка обучающимися с ОВЗ. Отбор и организации методических приемов в данной методике происходит с учетом как типологических, так и личностных особенностей обучающихся с ОВЗ.

Методика развития эмоциональной грамотности является попыткой реализации главной цели инклюзивного образования — социализации обучающихся с ОВЗ посредством их интеграции в иной лингвокультурный контекст коммуникации.

Таким образом, вопрос развития эмоциональной грамотности у учащихся с ОВЗ на занятиях по иностранному языку в средней школе является актуальным и, поэтому представляет значительный интерес для лингводидактики.

Тестология

Развитие фонетических навыков у взрослых обучаемых с использованием цифровых технологий в рамках дистанционного обучения

Белоусова Владислава Олеговна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

С развитием цифровых технологий появилось большое количество компьютерных программ и приложений, которые способны помочь реализовать учебный процесс на высшем уровне, предусматривая развитие и формирование всех необходимых языковых компетенций у учащихся. В частности, сделать процесс развития фонетических навыков взрослых обучаемых уровня В2-С1 с использованием цифровых технологий более эффективным.

Использование цифровых технологий, в нашем случае программы iSpring Suite, в рамках дистанционного обучения при развитии фонетических навыков у взрослых обучаемых имеет свои преимущества: 1) доступный и понятный интерфейс; 2) возможность прослушивания аудиозаписи при выполнении задания; 3) разнообразие методов при выполнении заданий: множественный выбор (multiple choice), заполнение пропусков в связном тексте (cloze procedure), вопрос-ответ (question-answer) и распознавание (identifying); 4) возможность просмотра правильных и неправильных ответов; 5) автоматический подсчет баллов и анализ проделанной работы. Применение методики обучения с использованием разработанного комплекса упражнений на развитие фонетических навыков, интегрированного в платформу для корпоративного обучения iSpring Suite для дистанционного курса по английской фонетике для взрослых уровня В2-С1, способствует развитию как фонетических и аудитивных навыков, так и совершенствованию механизмов речи.

Комплекс упражнений, разработанный на основе семи типов заданий, направленных на развитие фонетических навыков у взрослых обучаемых уровня В2-С1, оправдал себя в итоговом экспериментальном тестировании, включая в себя задания на: 1) четкую реализацию и восприятие фонологических противопоставлений гласных и согласных; 2) корректное ударение на уровне слова и фразы; 3) фонетическую когезию; 4) редукцию гласных в потоке речи; 5) использование и понимание фонетической транскрипции; 6) противопоставление напряженных и ненапряженных гласных; 7) произнесение числительных. Проведенное итоговое экспериментальное тестирование показывает, что овладение фонетическими навыками, которые основаны на функционировании механизмов восприятия речи, способствует успешному пониманию особенностей звукопроизнесения, определению словарного и фразового ударений, слабых и сильных форм гласных, применению фонетической транскрипции, а также распознаванию сложных составных числительных на английском языке.

Результаты проведенного экспериментального тестирования свидетельствуют об эффективности составленной и применяемой методики обучения фонетической стороне речи взрослых обучаемых уровня В2-С1 с использованием цифровых технологий, поскольку прирост баллов в процентном соотношении за отработанные фонетические навыки вырос в 1,7.

Иносказания в обучении говорению при подготовке к ТРКИ-2 и ТРКИ-3

Всемирнов Михаил Иванович,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Одной из особенностей преподавания РКИ в ковидную/постковидную эпоху стала неоднородность состава обучающихся, с которыми ведутся занятия. Дистанционное общение со студентами — преобладающий в последние два учебных года формат учебной работы — существенно сгладили разницу между обучением русскому как иностранному в языковой среде и вне языковой среды. Среди наших студентов все чаще встречаются те, кто не смог из-за пандемии приехать в Россию, но одновременно все чаще приходится встречаться с теми, кому формат дистанционного общения с русскоговорящими собеседниками не кажется непривычным, кто активно коммуницирует со своими интернет-друзьями из России в различных чатах и имеет богатый опыт общения на русском языке с его носителями. Это существенно меняет положение дел по сравнению с тем, на что ориентируются наши привычные методологические разработки, где разговорные навыки отрабатывались в стандартных ситуациях общения. В новых условиях эти ситуации теряют статус стандартности. Наши новые студенты, с которыми мы общаемся в дистанте, возможно, никогда не бывали в магазинах в России и никогда не сталкивались с практикой поселения в общежитиях или общения с представителями сферы услуг (а именно такого рода типовые ситуации общения в большинстве своем и присутствуют в тестах по говорению ТРКИ-2 и ниже). Но несмотря на это отсутствие живого опыта проживания и социального взаимодействия в России, наши новые обучающиеся легко осваивают присутствующие в тестовых материалах диалоги и заинтересованы выполнять более сложные коммуникативные задания, относимые обычно к уровням ТРКИ-3 — например, осваивать стратегии и тактики так называемой «непрямой коммуникации», среди прочего — иносказания. С этой коллизией связаны, как нам представляется, возможные проблемы методического плана — обучающие материалы, которые позволяют реализовывать эти более сложные задачи, существенно уступают по количеству и качеству нашему привычному арсеналу методических разработок. Как справедливо отмечают наши московские коллеги, «методисты научились создавать учебные ситуации общения, в которых действовала прямая логика развития речевого общения, где на вопрос следовал ответ, где диалогические единства заполняли практически все коммуникативное пространство» [1, С. 10]. Решит ли проблему перехода к более сложным коммуникативным заданиям использование учебников, предназначенным для подготовки к ТРКИ-3, нам представляется предметом дискуссии.

В представляемом докладе предлагается оценить накопленный в последние годы опыт подготовки студентов к субтесту «Говорение» и предложить возможные сценарии методического обеспечения такого рода подготовки.

Литература

1. Шляхов В. И., Саакян Л. Н., Толстова Н. Н. Иносказания в русском речевом взаимодействии. М., Русский язык. Курсы. 2014.

К вопросу о критериях оценивания письменного задания ЕГЭ по французскому языку

Глухова Юлия Николаевна,

к. ф. н., доцент

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Как известно, в 2022 г. элементы содержания, проверяемые заданиями экзаменационной работы по иностранному языку, претерпели некоторые изменения. Так, в частности, задание повышенного уровня (B2), направленное на проверку навыков письменной речи, предполагает с этого года, написание высказывания с элементами рассуждения на основе таблицы или диаграммы. В данном задании, согласно кодификатору, проверяется умение составлять письменные материалы, необходимые для презентации проектной деятельности. Следует отметить, что задание также снабжено планом построения письменного высказывания, которым должен руководствоваться экзаменуемый. Структура предложенного высказывания включает пять пунктов, вступающих одновременно и критериями оценивания. Таким образом, при проверке эксперт ориентируется на указанную шкалу дополнительной оценки, что, как нам представляется, с одной стороны, формализует полученный результат, а с другой — создает большую вероятность расхождения во мнении об одной и той же работе. Если обратиться к описанию умений, необходимых для письменного высказывания уровня B2, представленных в Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком, то они более детализированы и, тем самым, позволяют точнее оценить работу. Так, например, есть критерий, описывающий уровень сложности письменной речи, который предполагает каким образом она должна быть организована. Тогда как в шкале оценивания письменного высказывания ЕГЭ грамматика и лексика выделены в отдельные подразделы, а кодификатор содержит список тем, включенных в программу обучения. Таким образом, нам представляется, что критерии оценивания обновленного письменного задания повышенной сложности ЕГЭ по французскому языку требуют определенной доработки в целях повышения качества проверки, а также возможного снижения количества апелляций.

Проблемы и перспективы оценивания сформированности стратегий хеджирования

Горина Ольга Григорьевна,

к. п. н., доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сеничкина Ольга Авенировна,

к. п. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Достижение результативного обучения возможно только при непрерывном обновлении содержания обучения и наличии объективных методов контроля усвоения учебного материала. Обновление контента обучения должно происходить в соответствии с передовыми исследованиями в смежных с методикой обучения иностранному языку областях. С новым доминантам исследований относится изучение коммуникативных стратегий говорящего, в частности стратегии хеджирования.

В прагматической парадигме хеджинг определяется как стратегия, позволяющая снизить безапелляционность, напористость и прямоту высказываний как в устном, так и в письменном дискурсе. Смягчение утверждения или высказывания; снижение его категоричности и авторитарности; приемлемый уровень вежливости, в том числе с позиции сохранения позитивного лица коммуникантов; уход от ответственности за недостоверность пропозиции и выстраивание линии защиты на случай возможной критики в научном дискурсе — это тот набор прагматических функций, или стратегий, которые подпадают под понятие хеджирование в английском языке.

Именно это многообразие, при наличии общего взгляда на хеджирование как на коммуникативную стратегию снижения категоричности, привносит высокую описательность в процесс систематизации явления, приводит к определенной фрагментарности описания многочисленных манифестаций элементов хеджинга. Кроме того, социолингвистическая направленность трактовок хеджирования, т. е. выход в смежные области знания, также затрудняет четкую таксономию этого феномена.

В этих условиях задача включения хеджинга в круг формируемых компетенций обучаемых становится настоящим вызовом, а способы объективного оценивания и контроля сформированности умений хеджирования сложной тестологической задачей. В докладе представлена попытка систематизации средств хеджирования в зависимости от типа продуктивной речи (устной или письменной) при обучении ESP и предложены методические подходы интеграции хеджирования в программу обучения, в том числе с использованием материалов корпусных грамматик английского языка. Предложенные критерии оценивания (необходимость, уместность, правильность/адекватность и разнообразие) устных ответов (монологических высказываний и взаимодействие коммуникантов во время диалога или полилога) и письменных работ (например, research proposal) позволяют определить уровень сформированности данной компетенции.

Анализ модифицированных тестовых заданий ЕГЭ по английскому языку

Гудкова Кира Владимировна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Единый Государственный Экзамен по английскому языку в наступившем г. претерпел существенные изменения как в устной, так и в письменной части. В докладе проводится анализ нововведений, рассматриваются положительные и отрицательные стороны тестовых заданий. Анализ тестовых заданий позволяет выявить основные проблемы, с которыми могут столкнуться выпускники школ и помогает разработчикам тестов наметить основные направления, по которым можно проводить модификацию тестов. Тестирование по английскому языку проводится в Санкт-Петербургском университете для всех студентов университета на основе тестовых заданий, разрабатываемых центром языкового тестирования. Причем, следует отметить, что на протяжении довольно длительного периода времени, задания по устной и письменной части не менялись. Это особенно касается устной части теста, которая состоит из двух заданий: монологического и диалогического высказываний. Такая форма теста была разработана на основе самых первых вариантов тестовых заданий единого государственного экзамена по английскому языку, который претерпел уже несколько модификаций в соответствии с вызовами времени. Тестовые же задания, разрабатываемые в университете, сохраняют свою старую первоначальную форму, которая представляется довольно устаревшей и не отвечающей современным требованиям. Представляется, что анализ модификаций позволит разработчикам тестов внести определенные изменения в будущие задания.

Тестирование понимания русской речи на слух польских студентов-филологов

Домбровский Тадеуш Станиславович,

старший преподаватель

Лодзинский университет

В обучении иностранцев русскому языку одним из важнейших видов речевой деятельности является смысловое восприятие и понимание на слух звучащей речи, т. е. аудирование.

В Институте русистики ЛУ согласно учебному плану из занятий по практике русской речи на 4-5 курсах магистратуры аудирование и говорение выделены отдельными предметами.

Для выработки и совершенствования навыков аудирования мы на занятиях используем аутентичный аудиоряд (радиопередачи, подкасты, веб-сайты) и, отчасти, видеоматериал (телепередачи, очерки, репортажи, видеоролики, интервью, фильмы).

В процессе работы с иностранной аудиторией мы используем разработанные нами 11 типов заданий по аудированию, совершенствующих навыки восприятия и понимания русской речи, а также способствующих расширению и обогащению лексического запаса учащихся.

Аутентичный звучащий материал благодаря различным явлениям, часто встречающимся в речи русскоязычных участников передач, таким как просторечия, диалектная лексика, акцент, интонация, сленг и пр., представляет собой дополнительную филологическую ценность.

Автор, базируясь на своем опыте, предпринимает попытку объяснить возможные проблемы студентов с правильным пониманием звучащего материала, следовательно, зачетом теста по аудированию.

Опыт дистанционного тестирования по русскому языку как иностранному на примере тестовых сессий в Бразилии

Дубинина Надежда Александровна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Михеева Юлия,

директор

Языковая школа «Yu Cursos de Idiomas», Бразилиа

Smirnova Henriques Anna,

к. б. н.,

PUC-SP (Pontifícia Universidade Católica de São Paulo),

Папский Католический Университет Сан-Паулу

Yermalayeva Franco Volha,

преподаватель

Language school «Clube Eslavo», São Paulo, Brazil

В настоящее время в связи с пандемией COVID-19, одной из актуальных проблем является организация дистанционного обучения и оценки знаний учащихся. Наиболее уязвимой в данной ситуации оказалась сфера международного образования, в частности международных сертификационных экзаменов, подтверждающих уровень владения иностранным языком. Тестирующие организации столкнулись с необходимостью поиска технических и методических решений, которые бы сделали процедуру тестирования доступной и удобной. Важным также представляется вопрос восприятия дистанционного формата кандидатами, так как исследования, проведенные в период ограничительных мероприятий, показали, что для многих учащихся формат онлайн стал фактором снижения продуктивности во время учебы и источником стресса.

С наступлением ограничений в связи с пандемией, в 2020 г. Центром языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета (ЦЯТ СПбГУ) была запущена платформа для дистанционного проведения Теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ). Целью данной работы является описание восприятия данного формата тестирования участниками тестовых сессий на примере кандидатов из Бразилии.

В Бразилии ТРКИ проводится Центром языкового тестирования СПбГУ с 2018 г. До начала пандемии COVID-19 были проведены три тестовые сессии, в которых участвовало 103 кандидата, девять из них — дважды. Большая часть кандидатов прожи-

вает в городах Сан-Паулу, Бразилиа и Рио-де-Жанейро. По результатам опроса 58 кандидатов, в качестве мотивации к изучению русского языка у большинства указан интерес к русскому языку и литературе либо интерес к изучению языков в целом, а целью сдачи ТРКИ — желание узнать свой уровень владения русским языком, не связанное с работой или обучением в России. Большинство студентов изучает русский язык на курсах или с частным преподавателем. До наступления пандемии дистанционно обучалось 28 % студентов. В 2021 г. в Бразилии состоялось две сессии дистанционного тестирования, в которых участвовало 59 кандидатов. На данный момент 32 человека приняло участие

Система контроля профессионально-ориентированной иноязычной компетенции студентов медицинских специальностей

Коваленко Вероника Яновна,

магистрант 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Павловская Ирина Юрьевна,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен проблеме разработки системы промежуточного и итогового тестирования в обучении студентов-медиков английскому языку в медицинском вузе.

Актуальность доклада обусловлена повышенным вниманием к иноязычной компетенции медицинских работников в постпандемический период, а также недостаточным вниманием к разработке контрольно-измерительных материалов в обучении студентов медицинских вузов английскому языку.

Целью работы является разработка системы контрольно-измерительных материалов для обучения профессионально-ориентированному языку в медицинском вузе, а также в перспективе проведение тестов в аудитории и в цифровом формате, статистический анализ полученных результатов тестирования.

Для подготовки тестов был проведен анализ специализированной научной и учебной литературы для преподавания профессионально-ориентированного языка, а также международных валидизированных тестов, оценивающих иноязычную компетенцию кандидатов в сфере медицины.

Проведенный анализ методической литературы показал, что при обучении языку для специальных целей фокус должен быть смещен на последние достижения научных достижений в сферах, охватывающих профессиональные интересы обучающихся. Особое внимание должно быть уделено сферам коммуникативной деятельности, темам и ситуациям, учитывающим профессиональную направленность.

Отметив особенности учебной литературы по обучению профессионально-ориентированному языку, мы пришли к выводу, что авторы большинства учебников не уделили достаточного внимания разработке системы контроля знаний учащихся. В русскоязычных пособиях подавляющее число упражнений было представлено зада-

ниями на перевод, а в англоязычных — заданиями с множественным/единственным выбором ответа.

Ознакомление с заданиями международных валидизированных тестов по медицинскому английскому способствовало окончательному определению с выбором типов заданий и иноязычных компетенций, которые необходимо развить у студентов-медиков при обучении английскому языку.

При разработке тестов нами была создана спецификация для каждого теста, были описаны цели, особенности фокусной группы, элементы содержания теста, тестируемые навыки, содержательно-деятельностная матрица, общее время выполнения заданий, вид контроля, рекомендаций по оценке результатов тестирования.

Особое внимание было уделено содержательным элементам теста. Удалось, оставаясь в рамках пройденного за единицу времени учебного материала, внедрить некоторые необходимые в настоящий момент термины, затрагивающие пандемию COVID-19.

Разработанная система аттестации в перспективе будет представлена для выполнения студентам ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова по направлению «Стоматология», а также будет проведен дальнейший статистический анализ для определения параметров валидности и надежности разработанных тестов.

Использование ИКТ для создания тестовых заданий в курсе общего английского языка и профессионального английского языка для студентов экономических специальностей

Креер Михаил Яковлевич,

к. п. н., доцент

Финансовый Университет при правительстве России
(Санкт-петербургский филиал)

Информационно-коммуникационные технологии традиционно используются для организации процесса дистанционного обучения. Однако в последнее время педагоги прибегают к использованию ИКТ для преподавания различных предметов во всех возможных формах и форматах. В докладе автор демонстрирует, как ИКТ могут быть использованы для организации системы адаптивного обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей (на примере студентов специальности «ИКТ» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации). Так как для студентов неязыковых специальностей не существует вступительных требований к уровню владения иностранным языком, то языковые уровни первокурсников сильно различаются, также как и их профессиональные и образовательные потребности. В целях соответствия требованиям Государственных образовательных стандартов, а также учета потребностей и интересов учащихся, эффективной организации учебного процесса применяется система адаптивного обучения. С помощью ИКТ учащимся предоставляются учебные материалы, соответствующие их языковому уровню и их учебным и будущим профессиональным потребностям, своевременно предоставляется конструктивная обратная связь, обеспечивается гарантия качества процесса преподавания и проводятся процедуры оценки. В докладе рассма-

тривается идея о необходимости разработки определенных критериев и комбинированных форм оценивания с помощью ИКТ, чтобы не допустить списывания. В докладе также показано, что с помощью ИКТ такие методы обучения и контроля как проектная работа могут быть применены в процессе дистанционного обучения для повышения его эффективности, а также можно развивать и такие мягкие навыки (soft skills), как навыки сотрудничества и общения, у студентов благодаря использованию ИКТ.

Тестирование педагогических компетенций: принципы, требования и структура

Нестерова Татьяна Евгеньевна,

главный научный сотрудник
РГПУ им. А. И. Герцена

Потребность в объективной оценке профессиональных компетенций преподавателей РКИ ощущается уже давно. Удобным и качественным инструментом для этого может быть специально разработанный тест. За рубежом уже применяются тесты для преподавателей английского языка Teaching Knowledge Test (TKT) и преподавателей итальянского языка Certificazione in Didattica dell'Italiano Lingua Straniera (DILS-PG).

Тест педагогических компетенций (ТПК) для преподавателей русского языка как иностранного, который впервые был разработан авторским коллективом РГПУ им. А. И. Герцена в рамках проекта «Класс!», реализуемого на территории Республики Узбекистан и направленного на повышение качества преподавания русского языка как иностранного и общеобразовательных предметов на русском языке в 2020–2021 гг. Данный тест прошел расширенную апробацию на большом количестве учителей русского языка Узбекистана в течение 2020–2021 гг.

Тест был создан с учетом общепринятых в современной международной практике принципов проведения языковых экзаменов Cambridge Assessment English и на основе отечественной методической школы обучения русскому как иностранному.

Тест педагогических компетенций состоит из пяти модулей.

Модуль 1: Система языка, основы методики его изучения и преподавания. Задания направлены на проверку знания терминологии и понятий, применяемых в обучении русскому языку как иностранному. Основное внимание в содержании модуля уделяется особенностям лингводидактического описания языка.

Модуль 2: Методика преподавания русского как иностранного. Задания направлены на проверку умений ориентироваться в современных методах и приемах обучения русскому языку как иностранному и особенностям обучения видам речевой деятельности.

Модуль 3: Ход и ведение урока. Задания направлены на проверку умений вести урок, определять тип урока в зависимости от потребностей учащихся.

Модуль 4: Интегрированное предметно-языковое обучение. Задания направлены на проверку знаний об интегрированном подходе к обучению языку. Проверяются умения планировать урок и использовать ресурсы, необходимые для интегрированного обучения.

Модуль 5: Особенности обучения в начальной школе. Задания направлены на проверку знаний об особенностях развития и обучения детей младшего школьного

возраста и умений применять стратегии, необходимые для обучения данного контингента учащихся.

Особое внимание при создании теста уделялось оценке уровня профессиональной компетенции в зависимости от результатов тестирования, полученных по каждому модулю. Кандидату присваивается уровень в зависимости от степени сформированности его профессиональных компетенций в каждом модуле.

Уровень 4 свидетельствует о том, что кандидат демонстрирует всесторонние и точные знания во всех областях учебной программы ТПК по данному модулю.

Тестирование по русскому языку как иностранному и Сертификационный экзамен по чешскому языку для иностранцев: уровень B1

Пономарева Мария Андреевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, языковое тестирование является частью международного образовательного процесса: это и способ образовательного контроля, и возможность определения уровня владения. В последнее время все более актуальным становится сопоставительный анализ языковых экзаменов. Данный доклад посвящен двум системам тестирования: ТРКИ (Тестирование по русскому языку как иностранному) и ССЕ (Certifikovaná zkouška z češtiny pro cizince [Сертификационный экзамен по чешскому языку для иностранцев]). Выбор данных экзаменов обусловлен популярностью русского языка в мире и общностью языковой группы русского языка и чешского. В качестве материала исследования выбраны демонстрационные варианты уровня B1 (ТРКИ-I/ССЕ-B1) СПбГУ и Карлова университета в Чехии. В ходе исследования описаны общие особенности системы ССЕ, а также проанализирована структура теста уровня B1 в ТРКИ и ССЕ. В результате исследования сделаны следующие выводы. В систему ССЕ входит только пять уровней, соответствующих международной шкале CEFR. Количество субтестов в ССЕ может варьироваться на разных уровнях. На уровне B1 в ССЕ представлены задания всех видов речевой деятельности, но отсутствует лексико-грамматический блок. Задания субтестов «Чтение» и «Аудирование» в ССЕ представляются более разнообразными и включают следующие типы: задания множественного выбора, задания на альтернативный выбор, задания на соотнесение. В системе ТРКИ представлены только задания множественного выбора. В письменной части обеих систем одно из заданий — написание личного письма. Однако в ССЕ-B1 кандидат может выбрать одну из двух представленных ситуаций. В субтесте «Говорение» обеих систем на уровне B1 представлены следующие типы заданий: ответы на вопросы, монолог на заданную тему (в ССЕ кандидат может выбрать одну из двух тем). Также в ССЕ-B1 кандидатам предлагается принять участие в ролевой игре и разыграть диалог между собой. В системе ТРКИ кандидату, помимо вопросов и монолога, предлагается начать диалог в различных бытовых ситуациях. В ССЕ подобное задание есть только на низких уровнях. Существенным отличием системы ТРКИ является задание, где проверяется навык медиации. В тесте ССЕ-B1 подобные задания отсутствуют.

Принципы и методы выявления одаренных детей (в области иностранных языков)

Сказочкина Татьяна Валерьевна,

к. п. н., преподаватель

Академическая гимназия СПбГУ

Оценка ребенка как одаренного не должна являться самоцелью. Выявление одаренных детей в области иностранных языков необходимо связывать с задачами их обучения и воспитания, а также с оказанием им психологической помощи и поддержки. Таким образом, система диагностики является не только инструментом контроля и оценки, но и мотивации и обучения. В данной статье мы опираемся на одно из положений модели человеческого потенциала, а именно, что одаренный ребенок — это не констатация факта, а характеристика перспективы развития. Одаренность — это динамическая характеристика, потенциал личности ребенка. Ответственность педагога заключается в том, чтобы выявить и поддержать этот потенциал.

Проблема выявления одаренных детей и подростков может быть переформулирована как проблема создания условий для интеллектуального и личностного роста детей в общеобразовательных школах и учреждениях дополнительного образования с тем, чтобы выявить как можно больше детей с признаками одаренности и обеспечить им благоприятные условия для совершенствования присущих им видов одаренности. Система контроля по своей сути может быть реализована в образовательном процессе как инструмент обучения, мотивации и диагностики. Мотивация предполагает, что учебный процесс основан на использовании внутренних резервов обучающихся, что позволяет повысить эффективность обучения. Имея определенный опыт, знания, интересы, учащиеся лучше запоминают, осмысливают, усваивают и применяют свои знания в определенных смоделированных ситуациях. Задача преподавателя заключается в том, чтобы создать благоприятные условия для актуализации познавательных потребностей и интеллектуальных возможностей. Новая концепция образования заключается в том, что программы обучения предусматривают привитие учащимся практических умений и навыков. Эта задача может быть решена при условии интенсификации всего учебного процесса, которая включает усиление коммуникативной направленности урока (на любом уроке) как развитие интеллектуально-творческого навыка, а также комплексную реализацию задач обучения. Мы также рассматриваем «Рабочую концепцию одаренности», которая является официальным документом в системе российского образования и разработана как федеральная целевая программа «Одаренные дети». В этом документе говорится о том, что с одной стороны, анализ одаренности обучаемых осуществляется со стороны педагогов.

С другой стороны, само педагогическое мастерство оценивается по шкале одаренности, принимая во внимания критерии выявления, методы обучения и принципы и подходы при составлении программ и тестов.

Концепция полимодального обучения чтению с помощью аудиокниги: результаты тестирования

Таликина Елизавета Дмитриевна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью обучения чтению являются извлечение и осмысление содержащейся в тексте информации. Методики обучения чтению направлены на повышение эффективности этих процессов. Мы полагаем, что представление текста в аудитивной и визуальной модальностях одновременно позволит воспринимать информацию параллельно и улучшит уровень ее понимания.

Учащиеся современной средней школы в основном пренебрегают экстенсивным чтением художественной литературы на изучаемом языке. В аудиторное время читаются небольшие по объему текстовые фрагменты из учебных пособий. Эти факторы приводят к низкому уровню широких умений чтения.

Так, по результатам входного тестирования с помощью диагностического онлайн-теста по английскому языку eSELT 3 было определено, что учащиеся среднего звена, имеют низкий уровень сформированности умений чтения.

Однако, использование полимодальных средств в цифровой среде может повысить мотивацию учащихся к чтению, а также сделать его более эффективным. Одним из наиболее перспективных цифровых инструментов представляется аудиокнига. Она обладает следующими преимуществами: 1) позволяет реализовывать взаимосвязанное обучение, так как одновременно развивает умения чтения и аудирования; 2) в комплекте с произведением в текстовом формате представляет собой полимодальный текст, который активизирует аудиальный и визуальный каналы восприятия учащихся; 3) с произведениями художественной литературы представляют собой ценный социокультурный и лингвистический материал и является образцом аутентичной звучащей речи.

В представляемом педагогическом эксперименте используются аудиокниги из серий Oxford Bookworms и Dominoes британского издательства Oxford University Press.

В ходе обучения учащимся предложен выбор из набора книг соответствующего им уровня (Stage 1 / Stage 2 в серии Oxford Bookworms и Level 1 / Level 2 в серии Dominoes).

Во внеаудиторное время учащиеся самостоятельно читают и прослушивают выбранную книгу в мобильном приложении Oxford Books или на сайте (www.oxfordlearnersbookshelf.com).

Текущий контроль чтения осуществляется с помощью выполнения заданий, представленных после каждой главы произведения, а также с помощью выполнения письменных заданий по прочитанному тексту. В конце экспериментального обучения ученики представляют презентацию книги, включающую информацию о названии, авторе и жанре выбранной книги; основной проблеме произведения и ее актуальности; героях произведения и рекомендации другим читателям.

Кроме того, обучение завершается итоговым тестированием, необходимым для определения эффективности разработанной методики. В случае если умения чтения учащихся будут значительно развиты, полимодальный подход докажет свою эффективность.

Индикаторы достижения компетенций, результаты обучения и оценочные средства: в поисках гармонии

Тимофеева Алена Борисовна,

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

Обязательным элементом рабочей программы дисциплины являются индикаторы достижения компетенций, в формировании которых участвует эта дисциплина в соответствии с учебным планом образовательной программы. Индикаторы достижения компетенции переводят компетенцию на уровень конкретных действий (знаний, умений, навыков и т. д.), которые должен показать обучающийся, для того, чтобы подтвердить, что он освоил компетенцию. Формулировки индикаторов должны быть такими, чтобы помочь оценить фактический результат обучения — степень (уровень) сформированности компетенции. Использование таксономии педагогических целей Бенджамина Блума, которой успешно пользуются методисты всего мира с 1956 г., позволяет ранжировать индикаторы по степени их сформированности в соответствии с уровнем от 1 до 6 — от уровня «Знания» до уровня «Оценка».

Как эффективно использовать индикаторы для оценки фактического результата обучения при создании проекта РПД, какие оценочные средства выбрать для качественной проверки сформированности навыков обучающихся — те вопросы, на которые мы попытаемся ответить, основываясь на опыте создания проекта рабочей программы дисциплины «Английский язык для международной образовательной среды (на английском языке)» для образовательной программы 5045* «Свободные искусства и науки».

При создании проекта РПД учитывается, что дисциплина участвует в формировании компетенций обучающихся по образовательной программе в соответствии с учебным планом образовательной программы. В нашем случае это следующие компетенции — ОПК-4 (Способен принимать участие в образовательном процессе, используя разработанные методические материалы, различные системы и методы преподавания) и ПКП-2 (Способен ориентироваться в профессиональной сфере с опорой на междисциплинарный понятийный аппарат). В докладе будет описан процесс работы над сопоставлением целей и задач обучения в рамках дисциплины с индикаторами компетенций, а также механизм выбора соответствующих оценочных средств для проверки сформированности обещанных на выходе навыков обучающихся.

Разработка и результаты опытно-экспериментального обучения письменному переводу с английского языка на русский на начальном уровне владения профессиональными компетенциями

Шумейко Екатерина Игоревна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Переход на компетентностный подход, основная цель которого усилить практическую ориентацию образования, предусматривает широкое использование интерактивных методов обучения. Согласно федеральному государственному образова-

тельному стандарту, 20% аудиторных занятий должны проводиться в интерактивных формах. Чтобы процесс обучения письменному переводу был более эффективен, необходимо, чтобы к обучающимся в процессе обучения применялись интерактивные методики, такие как: дискуссия, работа в малых группах, решение творческих задач, мозговой штурм и тому подобное. Кроме того, необходимо, чтобы преподаватель не рассматривался обучающимися как единственный непререкаемый авторитет, а был для них наставником, консультантом. В задачах у такого педагога создать для обучающихся такую образовательную среду, в которой каждый может высказать свою позицию и аргументированно ее обосновать. В подобной среде повышается мотивация обучающегося к самообразованию и рефлексии. На данный момент в переводоведении не существует общего описания уровней владения профессиональными компетенциями, однако подобное описание необходимо по ряду причин: для составления учебных пособий, к примеру. На данный момент подобное описание какими компетенциями необходимо обладать на каждом уровне подготовки разрабатывается группой исследователей РАСТЕ из Испании. Таким образом, после обнародования результатов, данную исследовательскую работу можно продолжить. На основе исследованных источников и апробировании разработанного тренинга по письменному переводу для обучающихся на начальном этапе владения профессиональными компетенциями, мы пришли к выводу, что уже на начальном этапе формирования профессиональных компетенций, обучающихся необходимо погружать в профессиональную среду. Помимо развития профессиональных компетенций, необходимо формировать вторичную языковую личность, не забывая при этом о совершенствовании родного языка. Несмотря на то, что данный тренинг заявлен как тренинг по подготовке письменных переводчиков, мы полагаем, что целесообразно давать упражнения и на развитие навыков устного перевода, так как на данный момент стране необходимы переводчики широкого профиля. Обучение письменному переводу на начальном этапе должно быть теоретико — практическим, на котором обучающиеся выявляют переводческие ошибки, определяют их типы, знакомятся с профессией «переводчик», определяют, как данная профессия развивалась на протяжении веков, с какими сложностями сталкивались переводчики, какие существуют подходы к переводу и как их можно применять на практике.

Медиационная и межкультурная компетенции учителей и учеников средней школы

Щербатых Анастасия Александровна,

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Понятие медиации как вида речевой деятельности было введено в методическую литературу по обучению иностранным языкам относительно недавно, поэтому существует необходимость ознакомить с его содержанием преподавателей.

Целью исследования является анализ результатов анкетирования учителей на предмет их представлений о необходимости формирования медиационных и связанных с ними межкультурных умений, определения уровня их сформированности и оценки, а также анализ анкет школьников на определение уровня сформиро-

рованности межкультурных и медиационных умений. В исследовании принимали участие ученики шестых — восьмых классов и учителя английского языка средней школы.

Результаты исследования свидетельствуют о невысоком уровне сформированности медиационной и межкультурной компетенции у школьников шестого и седьмого класса, и высоком уровне у учащихся восьмого класса. Что касается результатов анкетирования учителей английского языка, выяснилось, что педагоги на своих занятиях по факту пытаются развивать медиационные и межкультурные умения у своих учеников, однако при этом в школьной программе эти умения не получают особого внимания. В результате анализа анкет и полученных выводов предложены рекомендации для учителей по повышению уровня медиационной и межкультурной компетенций, которые педагоги могут использовать на практике.

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Актуальные проблемы переводоведения

Научный перевод как путь познания

Алексеева Ирина Сергеевна,

к. ф. н., профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Перевод — инструмент человеческого познания. Особенно это заметно в переломные эпохи, как это было в России в XVIII в., когда новое знание хлынуло в Россию, и на первом месте было безусловно знание научное: в сфере военного дела, инженерных, точных и естественных наук. Это была пора, когда перевод в России сделался делом государственным. На поприще научного перевода ярче других, пожалуй, сияют два имени: Антиох Кантемир и Михаил Ломоносов. На этом фоне возникает вопрос: как выглядит картина познания у самого переводчика. Чем она полнится, как развивается, и как структурирует новое человек, переводящий научные тексты?

Диапазон изучения деятельности переводчика включает: герменевтику перевода (понимание текста на разных этапах); эвристику перевода (принятие решения); технологии процесса перевода; стратегии перевода; социальные аспекты. Но мы не знаем, какой путь познания прошел сам переводчик. Вопрос о том, что прибрел он с точки зрения гносеологии и эпистемологии в ходе выполненного перевода, никогда не ставился. А ведь это — не совсем обычный и далеко не тривиальный путь познания.

В качестве материала рассмотрим работу над двумя книгами: перевод фундаментального историко-филологического труда «Европа изобретает цыган» (Клаус-Михаэль Богдал) и перевод филолого-философского труда «Самоуничжение Христа» крупного современного филолога и литературоведа Дирка Уффельмана.

Основа стратегии перевода такого текста — знакомство с упомянутыми в ней и цитируемыми текстами. Таким образом, текстовое пространство расширяется для переводчика, и оно состоит из разнородного материала (Богдал: общий объем расширения — 137 текстов).

В книге — «Самоуничжение Христа», где, как во всяком современном научном гуманитарном труде, исследование ведется на стыке многих наук и использует их терминосистемы: 12 научных направлений; около 1800 цитируемых текстов. Среди них около $\frac{3}{4}$ (1450 наименований — это богословие и святоотеческая литература). Примерно на 900 страниц основного текста приходится в среднем по две книги на одну страницу.

Какова в целом стратегия освоения такой книги, и что это дает переводчику на его личном пути познания? Первый шаг — это информационная обработка подлинника; второй шаг — составление вспомогательных глоссариев; третий шаг — дифференциация синонимов в терминосистеме.

Таким образом, в ходе перевода переводчик не просто расширяет пассивные горизонты своего знания мира, т.е. есть осваивает дополнительную литературу, но и ведет

прикладную научную работу, составляя тезаурусы, словари синонимов и структурирует познание в этой сфере, перекидывая мостик от автора к читателю. Следовательно, научный перевод — это деятельный и творческий путь познания, путь научного сотрудничества.

Проблема передачи текстуальных и синкретических интертекстуальных единиц в аудиовизуальном переводе (на материале м/с «Маша и Медведь»)

Альгина Ольга Владимировна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Лаврентьева Екатерина Петровна,

студент 4 курса
Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, фильм в общем виде представляет собой сложную семиотическую систему, в которую помимо чисто вербального компонента (диалога или монолога) могут входить и знаковые невербальные элементы (в виде визуального или музыкального сопровождения), содержащие в себе интертекстуальные маркеры, которые по задумке авторов вызывают определенные ассоциации у адресата и нацелены на создание заданного коммуникативного эффекта. Интертекстуальность как лингвистическое и семиотическое явление представляет сложность при переводе, поскольку для адекватной передачи ассоциативного и знакового компонентов смысла необходимо распознать интертекстуальное включение, которое в фильмах нередко выражается в тесной связи текстового и не текстового материала (например, при цитировании известных песен и мелодий). Так, рассматриваемый м/с «Маша и Медведь», который адресован не только детской, но и взрослой аудитории, изобилует различными видами интертекстуальных вкраплений, создавая комический эффект. Распознав интертекстуальную единицу, переводчик сталкивается с нелегкой задачей: адаптировать (или локализовать) интертекстуальный материал, в том числе невербальный, для принимающей культуры, воссоздав заложенный в оригинальный фильм комический эффект, но утратив культурный колорит произведения, или же не локализовать его, сохранив культурное своеобразие подлинника, но не донести часть информации до адресата перевода. Среди вербальных интертекстуальных элементов, использованных в мультсериале, выступают цитаты из известных фильмов, цитаты песен, аллюзии на художественные произведения. Среди синкретических интертекстуальных единиц, которые тоже могут выступать в качестве объекта переводческой деятельности в рамках локализации мультимедийного контента мультфильма можно выделить следующие: музыкальные аллюзии и цитаты, цитирование известных песен визуальные аллюзии. Среди переводческих стратегий, используемых при переводе мультсериала, можно назвать следующие: полная адаптация интертекстуального вкрапления (использование интертекстуального аналога) (песня «В лесу родилась елочка» заменяется на Jingle bells), локализация только текстового материала (цитата песни «Трава у дома» передается фразой Houston, we have

а problem), использование интертекстуального эквивалента, отсутствие передачи интертекстуального включения. Синкретические интертекстуальные единицы, как правило, не подвергаются локализации. Итак, фильмы представляют собой набор различных знаков, которые, взаимодействуя друг с другом, оказывают определенное воздействие на адресата, вызывая у него те или иные ассоциации. Фильмы как сложная семиотическая система подвергается комплексному переводческому анализу и при необходимости локализуются с целью воссоздания адекватного коммуникативного воздействия на адресата ПЯ.

Types of prepositional groups with emotive semantics in Chekhov's plays and English translations

Анфиногенова Анна Ивановна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

This paper examines the syntactic types of English and Russian prepositional groups (preposition+noun; hereafter, PG) identified in the works of Anton Chekhov and several English translations of his plays. Particular attention is paid to the cases in which such groups are present in the original texts but absent in the texts of translations, and vice versa — when such groups are absent in the original texts but appear in the texts of translations. The first case (PGs are present in the original texts but absent in the texts of translations) is mainly represented by Russian PGs used in the remarks, for example: (с досадой /s dosadoy/ / l.t. with annoyance) — [irritably]; [angrily]; Обе смеются от радости /Obe smeiutsa ot radosti/ l.t. Both laugh with joy — [they both laugh delightedly]; [both laugh happily]; (в восторге /v vostorge/ l.t. overjoyed) — [enthusiastically]; [ecstatically]; Varia/Варя (v gorkom razdume /в горьком раздумье/ l.t. in bitter reflection) — [(reflecting) bitterly]; [(brooding) unhappily]; The second case (the PG is absent in the original text, but appears in the translation) is also mainly represented by the English PG used in the remarks. The main group of examples of this type are Russian adverbs corresponding to English PGs, e. g: (Иванов Шабельскому /Ivanov to Shabelskiy) razdrazhenno /раздраженно/ l.t.angrily) — [with irritation]; Elena Andreevna/Вера Андреевна (нервно /nervno/ l.t. nervously) — [in great agitation]; /Pishchik/ Пищик (Радостно /radostno/ l.t. cheerfully.) — [with an expression of joy]; [with joy]; Нина /Nina (восторженно/ vostorzhenno/ l.t. enthusiastically) — [with enthusiasm]. The identification of such syntactic types of Russian-English translation correspondences and their in-depth analysis in the contrastive-translation aspect will undoubtedly be of both theoretical and practical importance for the work with undergraduate students of the Faculty of Philology.

Х. Ортега и Гассет: каждый перевод — это новое дерево в лесу национальной культуры

Войку Ольга Константиновна,

к. п. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Хосе Ортега и Гассет (1883–1955), выдающийся испанский философ и литератор-эссеист. Много внимания уделял теме родной Испании, ее места в мире. Свои языковые теории неизменно привязывает к идее национального самоопределения и самобытности народа. Ведь если переводчик-творец создает самостоятельное произведение, то оно становится достоянием той культуры, к которой он принадлежит, того языка, на котором он мыслит. Если воспользоваться метафорой самого Х. Ортега и Гассета, каждый перевод — это новое дерево в лесу национальной культуры. Наиболее ярко философия перевода отражена им в работе «Нищета и блеск перевода» — «*Miseria y esplendor de la traducción*», в которой он развивает идеи В. фон Гумбольдта о непереводаемости. По мнению Х. Ортега и Гассета, именно трудности придают работе переводчика особое благородство и смысл. Более или менее близко к оригиналу можно передать научные сочинения, так как они написаны на «псевдоязыке» единой терминологии. При художественном же переводе переводчик должен быть писателем в подлинном смысле слова. Каждый автор обладает собственным лингвистическим стилем. В. фон Гумбольдт говорил о «внутренней форме»: два слова в разных языках в словаре тождественны по значению, но на деле не соответствуют в точности одним и тем же предметам. Х. Ортега и Гассет отмечает, что лес в немецком и испанском языках означает понятия настолько разные, что эти слова вызывают совершенно разные эмоциональные и духовные отзвуки у немца и испанца. Перевод всегда есть некое «флю» — расплывчатое и размытое изображение, как два фото друг на друге, автор оригинала всегда предстает в неясном виде и кажется несколько глуповатым. Блеск: именно трудности придают работе переводчика особое благородство и смысл. Перевод — не само оригинальное произведение, а только путь к нему, каждый текст допускает несколько переводов, зависит от того, какие особенности его надо подчеркнуть. Надо возродить престиж этого занятия — умственный труд первого порядка. Эпоха, народ — суть дела не меняют. Главное, при переводе выйти за пределы своего языка и приблизиться к другому языку, а не наоборот, как это обычно делается. Перевод может иметь определенную эстетическую ценность. Оригинальная концепция Х. Ортега и Гассета — важный шаг в понимании сущности перевода, как с теоретической, так и с практической точек зрения.

К вопросу о переводе образных повествований (на примере переводов с русского на хинди и английский языки)

Газиева Индира Адильевна,

доцент

Российский государственный гуманитарный университет

Статья посвящена анализу переводов образных повествований на английский и хинди языки рассказа «Снежный бык» русского писателя И. А. Бунина. Известно, что Бунин

сам был переводчиком и придерживался принципа близости к подлиннику. В связи с этим, любая интерпретация текста подлинника считалась для него недопустимой. Объектом исследования является рассказ И. А. Бунина «Снежный бык» (1911 г.). Предмет исследования: сравнительный анализ переводов образных повествований с русского языка на хинди и английский языки. Цель статьи заключается в сравнительном анализе вариантов переводов образных повествований с русского языка на хинди и английский языки рассказа Ивана Бунина «Снежный бык». В связи с этим формулируются следующие задачи: а) рассмотреть эквивалентность перевода образных повествований, встречающихся в оригинале текста в текстах перевода; б) выяснить, использовались ли какие-либо переводческие вольности? Теоретическая значимость работы основывается на исследованиях В. Н. Комиссарова, М. Л. Гаспарова, А. В. Федорова, К. И. Чуковского, Е. В. Бреус. Творчество Ивана Бунина хорошо представлено в переводах на английский язык, но переводов на язык хинди сравнительно мало. Рассказ И. А. Бунина «Снежный бык» был написан в 1911 г. и входит в цикл его ранних рассказов. В рассказе Бунин поднимает следующие темы: 1) тему внутреннего мира ребенка, как дети воспринимают этот мир, стадии познания мира и детские страхи; 2) тему Человека, оберегающую роль взрослого человека в жизни ребенка. В рассказе используются много образных повествований, ощущается ритмичность прозы. Лейтмотивом рассказа является описание «белого чудища» или «снегура», которого дети слепили во дворе. Вот как описывается он Буниным: «Днем Коля боязливо радуется на него, -- это человекоподобный обрубок с бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками, — ночью, чувствуя сквозь сон его страшное присутствие, вдруг, даже не проснувшись, заливается горькими слезами». Выражение в оригинале текста «белое чудище» на английский язык переводится как «white monster» (досл. «белый монстр»), где «monster» означает — «урод; монстр; изверг; что-л. громадное; выродок; изувер». В переводе на хинди используется описательный перевод, при котором «белое чудище» описывается как «safed ajiib-si chiz jise bachchon ne barf se banaya tha» (досл. «белый странный предмет, которого дети построили из снега»). Здесь переводчик хинди понимает «белое чудище» как снеговик, поскольку хорошо владеет русским языком, но для индийского читателя использует переводческий комментарий. Анализ двух переводов показал, что переводы были выполнены с точностью и с единичными случаями смысловых потерь — окказионализмы, а именно устаревших слов.

Размышления об истории перевода — 2022 г.

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Если посмотреть на календарь памятных дат 2022 г., то обнаружится, что в нем отмечено 13 юбилеев наших соотечественников, связанных с историей перевода. Все, представленные в этом списке, имеют отношение к литературному переводу, среди них хочется выделить отмечаемые 31 марта 140 лет со дня рождения К. И. Чуковского, поскольку он имеет непосредственное отношение к отечественному переводоведению, являясь по сути ее родоначальником. Поэтому представляется целесообразным остановиться на его наследии и выделить в нем то, что актуально для сегодняшнего времени, особенно то, что связано с подготовкой молодых переводчиков. В своей книге

«Высокое искусство. Принципы художественного перевода», которая приобрела свой окончательный вид в 1964 г., Чуковский выделяет следующие моменты, которые можно проиллюстрировать, прибегнув к цитатам из нее. Во-первых, размышления Чуковского о роли переводчика: «Я понял, что хороший переводчик заслуживает почета в нашей литературной среде, потому что он не ремесленник, не копиист, но художник. Он не фотографирует подлинник, как обычно считалось тогда, но воссоздает его творчески. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и часто вдохновенного творчества». Во-вторых, автор указывает на врожденную предрасположенность к данной профессии: «Тот, кто не чувствителен к стилю, не имеет права заниматься переводом: это глухой, пытающийся воспроизвести перед вами ту оперу, которую он видел, но не слышал». В-третьих, наличие богатого словарного запаса, связанного с общей культурой того, кто хочет заниматься переводом профессионально: «Плохие переводчики страдают своеобразным малокровием мозга, которое делает их текст худосочным. У таких переводчиков нищенски убогий словарь: каждое иностранное слово имеет для них одно-единственное значение. Лошадь у них всегда только лошадь. Почему не конь, не жеребец, не рысак, не вороной, не скакун? Почему многие переводчики пишут о человеке — худой, а не сухопарый, не худощавый, не щуплый, не тощий? Почему не стужа, а холод? Не лачуга, не хибарка, а хижина?» В-четвертых, умение избегать калькирования и сделать из оригинала то, что будет уместно звучать в культуре принимающего языка: «Внешнее сходство перевода с подлинником вовсе не служит свидетельством, что это перевод доброкачественный. Очень верно говорит о таких якобы точных переводах армянский писатель Левон Мкртчян: «Читая подобного рода переводы из Исаакяна, сравнивая их с подлинником, невольно вспоминаешь то место из «Войны и мира», где Толстой характеризует наружность Элен и ее брата Ипполита: «Ипполит, — пишет Толстой, — поражал своим сходством с сестрою красавицею и еще более тем, что, несмотря на сходство, он был поразительно дурен собой».

Сноски в тексте оригинала и тексте перевода: содержание и роль пояснений

Епимахова Александра Сергеевна,

к. ф. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет

При переводе художественных текстов использование пояснений, помещенных в постраничные или затекстовые сноски, вызывает немало споров. С одной стороны, пояснения позволяют ввести информацию, необходимую иноязычному читателю для понимания произведения. С другой стороны, они могут отвлекать от нити повествования, тем самым нарушая целостность восприятия. Если принимается решение использовать сноски, переводчику приходится каждый раз просчитывать количество вводимой информации, чтобы комментарий не был избыточным, не увел читателя в сторону. Однако сноски-пояснения могут присутствовать и в тексте, являющимся оригинальным произведением; в таком случае возникает вопрос: что делать с ними при переводе? В докладе представлен анализ произведений северного писателя Ф. А. Абрамова и их переводов на французский язык. Как показывает исследование, ни одна из сносок, присутствующих в оригинале, не воспроизводится при переводе. Все эти сноски введены в авторский текст для пояснения диалектизм, местных на-

званий либо толкования реалий, связанных с жизнью на Севере. В то же время, при переводе появляются новые сноски, в которых поясняются этнографические реалии, относящиеся к русской культуре в целом, в том числе реалии отражающие особенности культурной жизни деревни и исконного крестьянского быта («сарафан», «пятитенок», «русская печь», «баня», «березовый веник»), а также советизмы (названия учреждений различного уровня, лексика, связанная с устройством колхозов и жизнью колхозника, системой школьного образования, историческими событиями). Для иностранного читателя понимание данных единиц играет важнейшую роль для восприятия всего произведения. В сносках также «расшифровываются» отсылки к событиям, которые могут быть незнакомы иностранцу или не вспомниться ему. Как показывает сопоставительный анализ, поясняемые элементы в тексте оригинала и тексте перевода имеют совершенно разную природу. В тексте оригинала сноски добавляются к диалектным словам или реалиям, связанным с жизнью на русском Севере. В тексте перевода их воспроизведение не имеет смысла. Во-первых, пояснение диалектных слов представляет собой метаязыковую информацию, нерелевантную для тех, кто не владеет рассматриваемым языком, а перевод предназначен изначально именно для такой аудитории. Во-вторых, пояснение местных реалий может быть интересно для общероссийской аудитории, которая понимает их специфичность; иностранный же читатель, не владеющий или слабо владеющий страноведческой информацией, вряд ли сможет понять такие отличия. Для него, вероятно, больший интерес представляет политическое, социальное, эмоциональное наполнение произведений на фоне и так уже экзотичной для него советской действительности.

Актуальные проблемы преподавания киноперевода студентам-филологам

Морилова Екатерина Сергеевна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен актуальным вопросам преподавания аудиовизуального перевода, в частности киноперевода, в рамках освоения программы «Теория и практика межкультурной коммуникации» в СПбГУ и способам применения различных современных методик, позволяющих сделать процесс обучения кинопереводу более продуктивным и увлекательным. В качестве примера успешного воплощения проектной деятельности в преподавании будет рассмотрен опыт сотрудничества с одним из крупнейших фестивалей документального и экспериментального кино в России — Международным кинофестивалем «Послание к человеку»: в сентябре 2021 года студенты IV курса бакалавриата филологического факультета, проходившие учебную переводческую практику по основам киноперевода под руководством Мориловой Е. С., получили возможность переводить короткометражные фильмы современных зарубежных режиссеров с английского на русский язык для конкурсной программы экспериментальной секции фестиваля InSilico. Субтитры на русском языке, созданные в результате групповой работы студентов, были использованы XXX Международным кинофестивалем «Послание к человеку» для онлайн-трансляции пяти фильмов конкурсной программы в период с 29 октября по 4 ноября 2021 г. Особое внимание в докладе будет уделено актуальным проблемам преподавания стилистических аспектов перевода

в целом и киноперевода в частности; будут рассмотрены различные трудности, с которыми столкнулись студенты при переводе конкурсных экспериментальных фильмов, и проанализированы найденные ими в процессе совместной деятельности способы решения проблем. Основной вывод, который можно сделать в результате проведенной учебной практики, заключается в следующем: использование современного практического материала для перевода, который объективно необходим в сфере искусств, служит мощным мотивирующим фактором для студентов, способствует поиску ими оригинальных переводческих решений и является важным шагом к освоению обучающимися требуемых компетенций.

Переводная множественность и повторный перевод «сильного» художественного текста

Разумовская Вероника Адольфовна,

к. ф. н., профессор

Сибирский федеральный университет

Формирование центра переводной аттракции рассматривается в работе через понятия неисчерпаемости оригинала и переводной множественности. Отношения оригинала и его вторичных версий могут быть также описаны через понятие повторного перевода, представленное преимущественно в зарубежном переводоведении. Концепция французского переводоведа А. Бермана, нашедшая отклик в работах западных исследователей перевода, известна как «гипотеза повторного перевода / retranslation hypothesis». Концепция имеет важное значение для понимания «судьбы» «сильных» художественных текстов, поскольку в ней отстаивается следующая идея: каждый последующий перевод является более удачным и в большей степени соответствует тексту оригинала по сравнению с первыми выполненными переводами. Отдельного внимания заслуживает тезис Бермана о том, что первые переводы никогда не будут великими переводами. Используя понятие «силы» художественного текста (как первичного, так и вторичного), можно предположить, что существуют не только «сильные» оригиналы, но и «сильные» переводы, которые в границах центра переводной аттракции будут локализоваться в непосредственной близости от ядра-оригинала. Необходимо добавить, что при рассмотрении явлений повторного перевода Э. Пим использует понятия «активных» и «пассивных» повторных версий и определяет существующие между ними различия следующим образом: активные повторные переводы обнаруживают общие временные и территориальные характеристики, тогда как у пассивных переводов такие свойства отсутствуют. Сопоставление понятий переводной множественности и повторного перевода позволяет сделать вывод о том, что они обнаруживают между собой причинно-следственную связь: повторный перевод имеет своим следствием появление у «сильного» оригинала переводной множественности. Оба понятия способствуют пониманию процессов, ведущих к формированию центров переводной аттракции, и используются в исследованиях российских и зарубежных переводоведов. Повторный перевод свидетельствует о живом присутствии «сильного» текста в культуре и является результатом его эстетической «силы», а также соревнования переводческих талантов.

О вариативности крылатых библейских изречений и их употреблении в современном английском языке

Рубцова Светлана Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматриваются случаи вариативного употребления прецедентных единиц с библейскими аллюзиями в современном английском языке. Прецедентные единицы библейского происхождения являются частью культурного багажа носителей языка и обязательно должны входить в копилку профессионального переводчика. Перевод библеизмов зачастую затрудняется в случае употребления вариативных или модифицированных форм. рассматриваются примеры различного рода трансформаций библейских крылатых выражений. Одним из факторов успешной межкультурной коммуникации в личном общении, в профессиональной и переводческой деятельности является наличие глубоких культурологических фоновых знаний, связанных, в частности, с библейскими преданиями. Цитаты персонажей Библии, крылатые выражения, имеющие отношение к определенным библейским сюжетам, имена библейских персонажей, ставшие нарицательными (Иуда, Далила, Каин, Самсон), широко используются не только в художественной литературе, в языке средств массовой информации и в выступлениях политических и государственных деятелей, а также в повседневной речи. Подобные языковые единицы, закрепившиеся в культурном тезаурусе языка, принято называть прецедентными единицами и феноменами [1, 2]. Прецедентные тексты являются частью общей культурной и речевой компетенции современного носителя языка. Зачастую непосредственное цитирование производится не на основе оригинального текста, а опосредовано из «культурного багажа» носителя языка, в который прецедентные единицы могут попадать различными путями — через цитирование другими людьми, через названия книг и фильмов, в качестве закрепившейся в языке крылатой фразы (при этом употребляющий ее необязательно знаком с происхождением таковой), иногда с искажениями, случайными или намеренными для создания, например, каламбура. Одним из богатейших источников прецедентных феноменов являются тексты Ветхого и Нового Завета, религиозные псалмы. Часть библейских аллюзий закрепляется в языке повторно, получая второе рождение — через средства массовой информации, кинематограф и телевидение, в частности, в названиях художественных произведений, фильмов, в текстах песен и в компьютерных играх. Библия постоянно используется как источник названий книг, фильмов, а в публицистике — заголовков статей, благодаря образности и эмоциональной выразительности языка. Особый интерес и в некоторых случаях трудность для перевода представляют модифицированные библеизмы, зачастую использующиеся в языке для большей выразительности, в том числе в политическом дискурсе.

Перевод метафор-неологизмов как фиксирование невидимых социальных явлений

Терешина Наталья Михайловна,

доцент

Московский гуманитарный университет

В работе обсуждается появление новых слов, новых реалий в английской и русской культурах и часто являющихся примерами парадоксального восприятия какого-то событий или ситуации человеком и, поэтому, представляющих трудности для перевода. Энергетика парадокса мышления при этом будет стремиться трансформироваться в новое качественное состояние, подчеркивая появление новых тенденций социума, новых приоритетов. Подобные слова — метафоры-неологизмы — в обоих языках представлены преимущественно именами существительными, отражающими наиболее полно номинацию новых понятий. Фиксирование таких «невидимых» социальных явлений является очень интересным ракурсом исследования появлений слов, позволяющих выразительней высветить оценку события, качество отношений и т. д. но представляющим трудность для перевода из-за культурной специфичности явлений. Социум всматривается в себя, отчитываясь таким образом, проявляя приоритеты подсознания» Это намеренно-экспрессивная группа слов за счет определенных стилистических эффектов: sandwich generation — люди среднего возраста, те, у кого уже есть дети и родители sheconomy — лидирующее положение женщин в семье и обществе; sarruccino есоному -неравномерное развитие экономики, как кофе капучино: отличный результат — мало пены на поверхности, и наоборот, много пены — большое количество неквалифицированных специалистов (негативный фактор); rancake people — в основном о современном поколении активных интернет-юзеров, которые знают вроде очень много, но все по верхам (широко растекаются, как блины, но очень плоско, поверхностно); seagull management — стиль управления, при котором менеджер, внезапно налетев на объект, поднимает много шума, все громит, а затем так же внезапно улетает, оставив после себя полный беспорядок. Такой самоотчет о внешнем поведении или самоинтерпретация — как я выгляжу в глазах других (внутреннее видение мира) не характерен для русского языка. Поэтому перевод лакун подобного рода является в, основном, описательным. Хотя, конечно, это может быть и транскрипция и транслитерация безэквивалентной лексики. как, например, - cancel culture. downshifting и т. д. Неологизмы — это не просто словообразовательная модель, это образ мышления, пульс современной жизни. Поэтому перевод мышления может представлять здесь особенную трудность, когда язык является, по существу, одним из инструментов отчета. Появление таких новых слов — особое видение, отражение человеком гибкой и меняющейся картины мира, окружающей его действительности, а также динамичный способ освоения социального и вербального пространств, проявляющий направление мыслительного вектора, характерное для социума на определенном историческом этапе его развития и, несомненно, влияющий на особенности мышления.

Использование CAI инструментов в обучении устному переводу

Тонкопеева Марина Дмитриевна,

University of Wolverhampton and University of Malaga

Вьюнова Екатерина Кирилловна,

к. ф. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В течение последних десятилетий развитие технологий оказывает все более большее влияние на работу устных переводчиков. Это находит отражение и в процессе преподавания устного перевода и подготовки конференц-переводчиков. Включение технологий для автоматизации процесса устного перевода (Computer-Assisted Interpreting, CAI) преследует цель обеспечить студентов, обучающихся на программах подготовки конференц-переводчиков, знаниями и навыками для дальнейшего применения CAI технологий в работе. Таким образом, изучение практики использования CAI инструментов в обучении устному переводу представляется продуктивной областью исследований, которые могут способствовать дальнейшему развитию методологической и теоретической базы в сфере преподавания устного перевода.

Мы видим, что последние несколько лет исследования и технологии в области синхронного перевода развиваются экспоненциально. Глобальная пандемия способствовала переходу на мероприятия и устный синхронный перевод в режиме онлайн. Большинству переводчиков пришлось работать на дому и осваивать новые технические навыки, необходимые для работы в удаленных условиях, — компетенции и инструменты, которые их коллеги, письменные переводчики, приобрели уже давно (Mitkov, 2021).

Усилия по развитию технологий в сфере устного перевода привели к появлению множества CAI инструментов. В их число входят системы для работы с терминологией: Interpretbank, Interpreters' Help; приложения для преобразования речи в текст (speech-to-text applications) (Interpretbank), приложения и инструменты для ведения записей: Smartpen, Notion, платформы для удаленного синхронного перевода (RSI) KUDO, Interprefy, ZOOM, Voiceboxer, Interactio и пр. Corpas Pastor и Gaber (2020) также отмечают, что зачастую профессиональные переводчики используют не предусмотренные для удаленного синхронного перевода программы и приложения: Skype, Google Hangouts, Cisco Jabber, Wechat, Byvox, Teams, Jitsi Meet and TeamViewer.

Однако существующие в настоящее время концептуальные и методологические пробелы препятствуют продвижению исследований в области преподавания технологий синхронного перевода (CAIT). Настоящее исследование фокусируется на текущем состоянии и истории внедрения технологий в процесс подготовки устных переводчиков и педагогики конференц-перевода, а также призван помочь в повышении осведомленности синхронных переводчиков о современных разработках в предметной области.

Источники

1. *Mitkov R.* (2021). Translation Memory. In S. Deane-Cox and A. Spiessens (Eds), *The Routledge Handbook of Translation and Memory*. Basingstoke: Routledge.

2. *Pastor, G. C., & Gaber, M.* (2020). Remote interpreting in public service settings: technology, perceptions and practice.

Проблемы перевода дефектных текстов

Троицкий Дмитрий Игоревич,

к. т. н.,

Technical Translation&Software

В последние годы существенной проблемой для всей отрасли письменного перевода стала работа с так называемыми «дефектными текстами» (defective texts), возникающими из-за экономии на подготовке документации, привлечения не носителей языка к написанию текстов, отсутствия должного контроля и некомпетентности авторов. В результате именно переводчик становится последним барьером, который не должен пропустить ошибки исходного текста в перевод. К сожалению, в большинстве случаев в ходе подготовки будущих переводчиков вопросы перевода дефектных текстов не рассматриваются. В настоящем исследовании решается задача повышения качества письменных переводов путем применения алгоритма проверки исходного текста и текста перевода на соответствие предлагаемой иерархии правил. Переводчик ни в коем случае не может быть «прозрачным стеклом» и оставаться «невидимым», буквально переводя то, что написано, даже если написанное очевидно противоречит законам природы, логике, здравому смыслу и пр. Реальный заказчик ставит задачу не просто перевода текста, а получения на выходе документа, при практическом использовании которого не возникнет проблем.

Смысл таких текстов и переводов не должен противоречить определенной иерархии правил.

Предлагается многоуровневая схема проверки исходного текста и текста перевода на соответствие: 1) законам природы; 2) законам логики; 3) принципам работы описываемого в тексте объекта; 4) требованию внутренней непротиворечивости (text cohesion); 4) установленным фактам.

Предлагаемая пятиуровневая иерархическая система правил проверки должна применяться при переводе как минимум дважды: к исходному тексту и к тексту перевода. Проверка по пирамиде выполняется в направлении «снизу-вверх», начиная с самого важного правила (бессмысленно бороться с внутренней противоречивостью текста, смысл которого не соответствует законам природы). Основным критерием выбора той или иной стратегии поведения переводчика при выявлении ошибок в исходном тексте является компетентность представителя заказчика. Представляется целесообразным обучать будущих переводчиков проверке текстов по данному алгоритму, чтобы сформировать у них критическое отношение как к предлагаемому на перевод тексту, так и к своему переводу, что будет способствовать выполнению перевода на более высоком уровне качества.

Буква vs цифра: перевод в эпоху цифровизации

Шубин Вадим Владимирович,

к. ф. н., профессор

Российский государственный гуманитарный университет

Современные информационные технологии значительно изменили облик переводческой профессии. Так, например, в арсенале письменного переводчика к настоящему времени прочно утвердились системы переводческой памяти, а использование электронных словарей и вовсе стало обыденностью. Однако бурное развитие технологий в области искусственного интеллекта выводит начавшийся в XX в. спор о том, может ли машина заменить живого переводчика, на новый виток. Возможности нейросетей и глубинного обучения поднимают системы автоматического перевода на принципиально новый уровень качества. При этом активному «обмашиниванию» подвергается не только письменный, но и устный перевод. Переводческая практика, где машина играет все большую роль, заставляет пересмотреть и вопросы профессионального обучения будущих переводчиков. Особое внимание в процессе обучения студентов следует уделять овладению навыками использования новейших информационных технологий при осуществлении не только письменного (где эти технологии уже давно применяются), но и устного перевода (где эти технологии еще не получили широкого использования). Использование информационных технологий может использоваться также в процессе развития навыков постредактирования машинного перевода. Неожиданным «побочным эффектом» COVID-19, а точнее говоря, дистанционного обучения в условиях пандемии стал приход новых технологий и в сам образовательный процесс. Обучение студентов переводческих отделений в удаленном онлайн-формате поставило перед дидактикой перевода целый ряд вопросов. Среди них такие, например, как «Какие образовательные технологии могут использоваться для обучения переводу?» и «Как организовать контроль знаний?» Вхождение искусственного интеллекта в область перевода заставляет под неожиданным углом взглянуть и на переводческую этику. Ведь в тех ситуациях, где переводчик-человек, движимый своими морально-этическими установками, может отказаться от выполнения перевода, переводчик-машина без тени сомнения выполнит порученную работу.

Литературный перевод

Экспозиция поэтического антропоморфизма в литературном переводе

Губочкина Любовь Юрьевна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный областной университет

Поэтический антропоморфизм существует в литературном переводе в форме художественных образов. Неодушевленные предметы и явления подвергаются метафорическому олицетворению в художественном пространстве текста. Антропоморфизм является воплощением мировоззренческой концепции народа, отражением мифологического сознания нации. Экспозиция поэтического антропоморфного образа определяет развитие сюжетной линии в художественном произведении и влияет на дальнейшее перевоплощение образа в тексте перевода. Изложение образа поэтического антропоморфизма в произведении, введение образа в литературный текст и его видоизменение в переводе основываются на смыслодержательной структуре художественного произведения. Переводчик экспозиционирует поэтический антропоморфизм в литературном переводе, тем самым передавая образ первоисточника в новой форме, создавая иную художественную канву для литературного произведения. Экспозиция поэтического антропоморфизма (термин наш — Губочкина Л. Ю.) в переводном произведении имеет свою закономерность и логическое завершение. Образы антропоморфизма подлинника подвергаются модификациям со стороны автора перевода. Воссоздание антропоморфных персонажей в ином облике определяет формулу художественной экспозиции образов в переводе.

Иллюстративными примерами являются антропоморфные образы Ласточки (в англ. яз. — м. р.) и Тростника (в англ. яз. — ж. р.). При переводе с английского на русский язык происходит смена ролей образов: Ласточка приобретает женскую форму и качества, Тростник мужские черты и свойства. Экспозиция антропоморфизма и описание образов в литературном переводе происходит в соответствии с закономерностями языка перевода и лингвокультуры реципиента. В произведении О. Уайлда «Счастливый Принц» Ласточка, влюбленная в Тростник, меняет свою поведенческую модель и свое художественное предназначение.

Происходит смена ролей главных героев: мужская роль становится женской, женская мужской. Взаимодействие героев художественного произведения выходит за рамки привычного образа действий. Меняется тональность произведения и гендерное звено антропоморфных образов перестраивается в соответствии с представлениями иноязычного читателя.

Идентичная экспозиция образов происходит при переводе сказки «Соловей и Роза». Соловей наделен женскими качествами в тексте первоисточника. Соловей любит человека и приносит себя ему в жертву. На алтарь Любви положено сердце Со-

ловья. В художественном переводе на русский язык происходит «растворение» женских качеств образа, и образ превращается в Соловья с мужскими характеристиками.

Перевыражение поэтического антропоморфизма, изложение характеристик образов, описание черт и свойств образов происходит в контексте переводоведческой и лингвокультурологической мысли и подчиняется законам языкового пространства.

Способы перевода «волшебной» лексики на русский язык (на материале книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере)

Рыженкова Анна Александровна,

к. ф. н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются способы перевода «волшебной» лексики на русский язык. Волшебная лексика (далее ВЛ) — это совокупность слов и словосочетаний, которые описывают фантастическую реальность (предметы, их свойства, явления, существа, действия), а также слова и словосочетания, называющие и описывающие реально существующие предметы, но наделенные волшебными свойствами, не присущими этому предмету в объективной реальности. При передаче данного лексического пласта существуют лингвистические (словотворчество, игра слов, преобразование автором фразеологических единиц, фонетические приемы) и лингвокультурологические трудности (ВЛ, называющая мифологических существ, которые принадлежат к различным мифологическим традициям, 2) ВЛ, вызывающая различные ассоциации у представителей разных культур, 3) лакунарность, т. е. отсутствие эквивалентов, называющих волшебные существа, действия, предметы, свойства и пр.). Стратегии перевода состоят в преодолении этих трудностей и нахождении наиболее близких эквивалентов ВЛ исходного текста. Актуальность данной тематики высока, поскольку популярность жанра фэнтези, для которого характерна «волшебная» лексика, растет. Кроме того, ВЛ составляет значительный пласт культуры (сказки, мифы, произведения, в основе которых лежит волшебный сюжет), а в современном мире межкультурная коммуникация невозможна без фоновых культурных знаний. Цель доклада — определить закономерности передачи волшебной лексики на основе разработанной классификации ВЛ и предложить способы перевода ВЛ на русский язык. Важной частью доклада является анализ переводов, выполненных в издательстве «РОСМЕН», и перевода Марии Спивак, а также выбор конкретных переводческих приемов, которые помогут решить возникшие трудности в процессе перевода (калькирование, транскрипция, транслитерация, нахождение аналога, традиционное соответствие, компенсация, описательный перевод и др). В докладе рассматриваются закономерности использования того или иного переводческого приема в зависимости от группы ВЛ. Например, традиционное соответствие чаще всего используется для передачи ВЛ, заимствованной из греческого и латинского языков: *chimaeras* — химеры, *centaurs* — кентавры, *unicorns* — единороги. Транскрипция используется для передачи 1) заклинаний: *Expecto Patronum!* — Экспекто Патронум; *Accio!* — Ацио!; *Expelliarmus!* — Экспеллиармус!; 2) названий волшебных игр и видов спорта, игроков, а также инвентаря для игр: *Quidditch* — Квиддич, *Bludgers* — бладжеры, *Quaffle* — квквофл, *Snitch* — Снитч, 3) названий вол-

шебных денег: Sickles — сикли, Galleons — галлеоны и пр. Транскрипция применяется для передачи некоторых волшебных растений: Mandragora — мандрагора. Два и более способов перевода одного слова встречаются при сложностях передачи ВЛ. Анализ сложностей представлен в докладе.

К вопросу о передаче этнокультурной идентичности в художественном переводе

Силинская Наталия Павловна,

к. ф. н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

Взаимодействие перевода и культуры становится одним из самых обсуждаемых и дискуссионных вопросов в современном переводоведении. Это проявляется в многообразии терминов, номинирующих культурный компонент в переводе: отечественные и зарубежные исследователи выделяют реалии (Д. Робинсон, С. Влахов и С. Флорин, Л. С. Бархударов, Г. Д. Томахин и др.), culture words (П. Ньюмарк), культуронимы (В. В. Кабакчи), слова с культурным компонентом (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров), culture-specific references (И. Гамбье, П. Шлезингер, К. Штольц), culture-specific items (Дэвис, Х. Ф. Айксела), cultureme (К. Норд); иные исследователи как единицу перевода рассматривают саму культуру (С. Басснет, А. Лефевр); культура становится фактором, который определяет выбор переводческих стратегий (Л. Шлейермахер, Л. Ветути, В. Н. Разумовская и др.).

Целью настоящего исследования является определение особенностей перевода культурно-маркированных единиц в романе Абрахама Вергезе «Расщепление Стоуна». Выбор материала обусловлен тем особым значением, которое проблематика этнической, национальной и культурной идентичности приобретает в постколониальной литературе. Автор романа, писатель и врач индийского происхождения, родившийся и проживший часть жизни в Эфиопии, эмигрировавший в Америку и публикующий свои романы на английском языке, принадлежит к тем писателям-иммигрантам, которые одновременно и являются частью западной литературы, и находятся под влиянием культурной и литературной традиции своей родной страны, в то же время по-настоящему не принадлежа ни к одной из них. Проблема культурной и этнической идентичности стоит в них особенно остро. Особый взгляд иммигранта, противоборствующие стремления сохранить свою родную культуру и влиться в культуру страны, в которую они прибыли, конфликт ценностей и культурных кодов, поиск своего места в мире и ощущение чуждости и неприкаянности накладывают особый отпечаток и на роман А. Вергезе: на его тематику, мотивы и символы, композиционные ходы, стилистику и повествовательную манеру. Средства выражения этнической и культурной идентичности в романе чрезвычайно разнообразны: текст насыщен многочисленными литературными, историческими и культурными аллюзиями, цитатами (от католических молитв до рекламных слоганов), реалиями и иноязычной лексикой, называющей предметы материальной и духовной культуры, графонами, отражающими особенности произношения. Соответственно, переводчик вынужден обращать особое внимание на адекватную передачу культурной информации и выстраивать внутренне непротиворечивую переводческую стратегию, определяющую приемы перевода единиц, отражающих этнокультурную идентичность персонажей.

Выбор глаголов, вводящих речь, в русском художественном переводе: проблемы и тенденции

Филатова Ганна Алексеевна,

специалист

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Уржа Анастасия Викторовна,

к. ф. н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Интерпретация глаголов, вводящих речь, в русском художественном переводе, сопряжена с рядом семантических и стилистических затруднений. И несмотря на то что причины этих затруднений известны, предлагаемые способы их преодоления продолжают вызывать в кругах критиков и ученых острую полемику. Во многих русских переводах произведений как для взрослых читателей, так и для детей обнаруживается большое разнообразие лексических средств, замещающих английский глагол *say*, который в оригинальных текстах обычно выступает в качестве базового элемента диалогической рамки. С собственно речевыми глаголами («Как красиво!» — сказала она) в этом случае конкурируют глаголы и словосочетания, обозначающие эмоции («Как красиво!» — обрадовалась она), а также обороты, называющие эмоциональные жесты и мимические движения («Как красиво!» — всплеснула руками она). Если же переводчик стремится сохранить монотонность оригинальной диалогической рамки, он рискует нарушить устоявшиеся повествовательные и стилистические нормы. Варьирование средств введения прямой речи в русских переводных версиях известных произведений нередко вызывает критику зарубежных переводоведов. Контекстом для обсуждения данной проблематики в нашем докладе становятся представления о системе эмотивных средств русского языка и описанного В. Г. Гаком закона «экспрессивно-стилистического согласования», а ориентиром — представления о форенизации и доместикации как о двух «полюсах» прагматической ориентированности переводов. Установление соотношения повествовательной нормы, авторской манеры и специфики языка конкретного произведения требует не только внимательного предпереводческого анализа текстов, но и обращения к корпусным данным. Материал исследования составили варианты русского перевода приключенческих, фантастических и социально-психологических англоязычных нарративов, созданные в XX–XXI вв.

Предложения к разработке алгоритма переводческих процедур при переводе иконической лексики

Шамина Елена Анатольевна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Беседина Елена Ивановна,

к. ф. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Ворошнина Марина Владиславовна,

аспирант
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Сопоставительный анализ образцов перевода англоязычной литературы на русский язык, предпринятый авторами (Ворошнина, 2020), показывает, что во многих случаях допускается утрата иконического характера компонентов текста, в то время как подобное обеднение экспрессивных стилистических средств литературного произведения не отвечает требованиям полноты и адекватности перевода (Федоров, 1983). Современный подход к литературному переводу считает обязательным сохранение коммуникативного эффекта текста, при котором реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствует реакции получателя сообщения на исходном языке (Бреус, 2001). Подобные требования с необходимостью должны приводить к повышенному вниманию к передаче на принимающий язык особенностей звуковой ткани оригинального литературного произведения, которая может быть насыщена элементами звукоизобразительности и оттого отличаться особенной экспрессивностью (Беседина, 2019). В связи с этим предлагается дополнить известные переводческие процедуры последовательным выполнением следующих шагов, составляющих единый алгоритм, направленный на сохранение иконической содержательности переводного литературного произведения: (1) выявление иконических составляющих текста, подлежащего переводу, включающих фоносемантические аллитерации и ассонансы, звукоподражание и звуковой символизм (Воронин, 1982); (2) поиск фонетически мотивированных лексических аналогов по словарям экспрессивной лексики (сленг, разговорная речь, диалекты). При этом непременно должна проводиться оценка их стилистической адекватности переводимому тексту, так как у русскоязычной иконической лексики отмечается сниженно-разговорная стилистическая отнесенность; (3) применение традиционных переводческих трансформаций, позволяющих ввести в текст перевода иконическую лексику отличных от оригинала лексико-семантических групп, но с сохранением типа фоносемантики (например, глагольную группу со звукоподражательным существительным вместо единичного звукоподражательного глагола); (4) использование приема «звуковой симуляции» (Шамина, 2021), способствующего воссозданию в переводе звукоизобразительного содержания оригинала не на уровне слова, а на уровне ближайшего контекста, при помощи повышения в нем частотности звуков, употребленных в оригинале в составе иконического слова с тем или иным ассоциативным фонетическим значением. Осуществление предлагаемого алгоритма возможно лишь при условии знакомства переводчиков с общими положениями теории знаков (Peirce, 1994) и теории фоносемантики.